О. Іегера.
ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРІЯ

ТОМЪ
IV.

Всеобщая Исторія

О. Іегера

Изд. А. Ф. Маркса С.П.Б.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

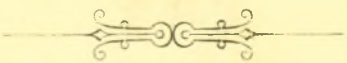
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ.

ПЕРЕВОДЪ и ДОПОЛНЕНІЯ

подъ редакціею

П. Н. Полевого.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Съ **258** гравюрами въ текстѣ, съ **22** приложеніями, отпечатанными черною краскою, **8** картами въ текстѣ и **1**, печатанной красками, въ особомъ приложеніи.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. Полевого.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
w Kielcach
89237
II-0

Дозволено цензурою, СПБ., 28 декабря 1894 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ.

стр.

КНИГА ПЕРВАЯ. Революція во Франціи (1789—1799).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вступленіе въ управленіе Людовика XVI.—Прежнее управленіе (ancien régime).—Созваніе государственныхъ сословій . . . 3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Революція до праздника федераціи, 14 іюля 1790 г. . . 17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Революція до осужденія короля. 33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Продолженіе войны 1793—1794 г.—Терроръ.—9 термидоръ и его послѣдствія. 63
ГЛАВА ПЯТАЯ. Конецъ коалиціи 1794 и 1795 г. — События на Востокѣ.—Второй и третій раздѣлы Польши.—Миръ въ Базелѣ.—Послѣдніе дни конвента. 92
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Правленіе директоріи. — Походъ 1796 г. въ Германію и Италію.—Миръ въ Кампо-Форміо.—Раштадтскій конгрессъ и экспедиція въ Египетъ.—Вторая коалиціонная война и возвращеніе Бонапарта.—18 брюмера. 107

КНИГА ВТОРАЯ. Консульство и Имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Консульство.—Маренго и Гогенлинденъ.—Миръ при Люневилѣ.—Закрытіе собранія депутатовъ.—Общій миръ и новая война.—Имперія 139
ГЛАВА ВТОРАЯ. Третья коалиція. — Ульмъ и Трафальгаръ.—Аустерлицъ и Пресбургскій миръ.—Королевство Неаполитанское 155
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Послѣдствія мира.—Конецъ Римскаго государства и Рейнскій союзъ.—Пруссія съ 1805 г.—Іена, Эйлау, Фридландъ.—Миръ въ Тильзитѣ. 170
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Континентальное запрещеніе; Англичане передъ Копенгагеномъ. — Наполеонъ и Бурбоны въ Испаніи: война за Испанію и Португалію.—Германія послѣ мира въ Тильзитѣ.—Конгрессъ въ Эрфуртѣ.—Война въ Испаніи 188
ГЛАВА ПЯТАЯ. Новыя присоединенія. — Наполеоновская Имперія 1809—1812.—Система.—Отношенія къ Россіи. 215

КНИГА ТРЕТЬЯ. Война за освобожденіе Европы отъ Наполеоновскаго ига (1812—1815).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Походъ въ Россію. 225
ГЛАВА ВТОРАЯ. Таурогенская конвенція. — Пруссія поднимается противъ Наполеона.—Война съ Наполеономъ до перемирія 253
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Перемиріе.—Австрія присоединяется къ коалиціи.—Битвы при Гроссберенѣ и на Кацбахѣ; Дрезденъ; Кульмъ.—Битва при Денневицѣ. — Война съ начала сентября до половины октября.—Битва народовъ подъ Лейпцигомъ 271

стр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Военныя дѣйствія во Франціи. — Первый Парижскій миръ.—Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и сто дней.—Ватерлоо. Островъ Св. Елены.—Второй Парижскій миръ 302

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Реставрація и іюльское королевство (1815—1848).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вѣнскій конгрессъ и его опредѣленія. Священный союзъ.—Германскія государства, Скандинавія, Англія, Германія отъ 1815—1830. 323
ГЛАВА ВТОРАЯ. Революціи на Югѣ: въ Испаніи, Португаліи, Италіи.—Конгрессы въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ.—Франція при Людовикѣ XVIII.—Вторженіе въ Испанію и возстановленіе абсолютизма . . 344
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Восточный вопросъ: Возстаніе въ Греціи 1821—1830. Русско-турецкая война 1828 г. и миръ въ Адріанополѣ 1829 г. 357
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Іюльская революція 370
ГЛАВА ПЯТАЯ. Послѣдствія іюльской революціи: Бельгія, Голландія, Швейцарія.—Германія отъ 1830—1840 г.—Россія и польское возстаніе. . 386
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Великобританія при Вильгельмѣ IV и при королевѣ Викторіи.—Войны въ Испаніи и въ Португаліи.—Первое десятилѣтіе царствованія Луи-Филиппа 400
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. 1840—1848.—Германія и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.—Событія въ Швейцаріи и Италіи; Пій IX 416
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Россія, Англія и Франція, отъ 1840 до 1848 г.—Восточный вопросъ.—Февральская революція въ Парижѣ 429

КНИГА ПЯТАЯ. Отъ февральской революціи до Франкфуртскаго мира (1848—1871).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Февральская революція и Европа. — Великій европейскій кризисъ 1848—1852 г.—Германія и Австрія; Франція; Италія . . . 445
ГЛАВА ВТОРАЯ. Европейскія государства съ 1852 по 1859 г. — Крымская война и Парижскій миръ (1856).—Реакція въ Пруссіи; регентство . 481
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Итальянская война и Виллафранкскій миръ 1859 г.—Итальянское королевство. — Европейскія государства 1859—1863 г. 511
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Германско-датская война. — Европейскія государства съ 1863 по 1866 г.—Великая германская война 1866 г. 543
ГЛАВА ПЯТАЯ. Германія и Франція послѣ 1866 г. — Сѣверо-американская междоусобная война и Мексиканское царство. — Непогрѣшимость папы. — Италія, Германія и Франція съ 1866 по 1870 г. 564
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Франко-Прусская война и возвышеніе Германской имперіи. 1870—1871. 583

КНИГА ШЕСТАЯ. Отъ Франкфуртскаго мира до настоящаго времени.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Европейскія государства послѣ Франкфуртскаго мира. . . 614
ГЛАВА ВТОРАЯ. Восточный вопросъ, Русско-турецкая война и Берлинскій конгрессъ 636
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Обзоръ событій отъ Берлинскаго мира и до 1889 года . . 647

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

отдѣльныхъ приложеній, помѣщенныхъ въ четырехъ томахъ „Всеобщей Исторіи".

Александра Ѳеодоровна, Императрица, Супруга Николая II, Императора Всероссійскаго, т. IV, стр. 670—671.
Александръ Великій, т. I, стр. 242—243.
Александръ I, Императоръ Всероссійскій, т. IV, стр. 256—257.
Александръ II, Императоръ Всероссійскій, т. IV, стр. 640—641.
Александръ III, Императоръ Всероссійскій, т. IV, стр. 668—669.
Альбертъ, принцъ-супругъ королевы Англійской, т. IV, стр. 432—433.
Аристотелево „Государство Аѳинянъ", т. I, стр. 92—93.
Аѳинскій Акрополь, общій видъ, т. I, стр. 148—149.
Аѳинскій Акрополь, развалины, т. I, стр. 160—161.
Берлинскій конгрессъ 1878 г., т. IV, стр. 646—647.
Битва Александра Великаго, т. I, стр. 232—233.
Викторія, королева Англійская, т. IV, стр. 432—433.
Вильгельмъ I, императоръ Германскій, король Прусскій, т. IV, стр. 614—615.
Вильгельмъ II, императоръ Германскій, король Прусскій, т. IV, стр. 656—657.
Вѣнецъ Государевъ „большого наряда", т. II, стр. 536—537.
Вѣнскій конгрессъ, т. IV, стр. 314—315.
„Gemma Augustea", т. I, стр. 482—483.
Генрихъ IV, императоръ, и маркграфиня Матильда, т. II, стр. 184—185.
Генрихъ VIII, т. III, стр. 180—181.
Гера, т. I, стр. 76—77.
Германскій императорскій вѣнецъ, т. II, стр. 322—323.
Гоголь, см. Пушкинъ.
Гродно, см. Подлинное изображеніе г. Гродна.
Густавъ-Адольфъ, король Шведскій, т. III, стр. 296—297.
Древне - христіанское изображеніе Страстей Господнихъ, т. I, стр. 576—577.
Древнее „яблоко великодержавное" или „держава Россійскаго царства", т. III, стр. 240—241.
Дурисова ваза, т. I, стр. 142—143.
Екатерина Великая, т. III, стр. 608—609.
Елисавета, королева Англійская, т. III, стр. 192—193.
Елисавета Петровна, императрица Всероссійская, т. III, стр. 554—555.
Завѣщаніе Карла Великаго, т. II, стр. 88—89.
Зевсъ Отриколійскій, т. I, стр. 1.
Карлъ V, императоръ, т. III, стр. 74—75.
Карта Германіи въ XVI вѣкѣ (1547 г.), т. III, стр. 112—113.
Карта Греціи,—въ концѣ I т.
Карта Древняго міра,—въ концѣ I т.
Карта Европы во времена Наполеона I (около 1812 г.), т. IV, стр. 224—225.
Карта Италіи,—въ концѣ I т.
Карта Римской имперіи,—въ концѣ I т.
Карта разселенія славянскихъ племенъ на Руси въ IX вѣкѣ, т. II, стр. 214—215.
Карта Руси отъ конца IX до конца XII вѣка, т. II, стр. 224—225.
Карта Руси отъ половины XIII до половины XIV вѣка, т. II, стр. 480—481.
Карта Руси съ половины XV до начала XVII вѣка, т. II, стр. 544—545.

Карта Средней Европы во времена Каролинговъ, т. II, стр. 96—97.
Карта Средней Европы въ XII и XIII вѣкѣ, т. II, стр. 256—257.
Клятва въ помѣщеніи Же-де-Пóма, т. IV, стр. 20—21.
Лаокоонъ, т. I, стр. 284—285.
Левъ III и Карлъ Великій, мозаическое изображеніе, т. II, стр. 80—81.
Лермонтовъ, см. Пушкинъ.
Максиміліанъ и его невѣста Марія Бургундская, т. II, стр. 552—553.
Манифестъ Императора Александра I, т. IV, стр. 244—245.
Марія Терезія, т. III, стр. 544—545.
Марія Ѳеодоровна, Императрица, Супруга Александра III, императора Всероссійскаго, т. IV, стр. 668—669.
Мартинъ Лютеръ, т. III, стр. 96—97.
Мартина Лютера письмо, см. Собственноручное письмо.
Медаль съ изображеніемъ Мухамеда II, т. II, стр. 516—517.
Надгробіе Аристіона, т. I, стр. 112—113.
Наполеонъ I и его Дворъ, т. IV, стр. 176—177.
Наполеонъ I, т. IV, стр. 232—233.
Наполеона побѣда надъ Турками при Абукирѣ, т. IV, стр. 120—121.
Народы Римской имперіи, преклоняющіеся передъ императоромъ, т. II, стр. 144—145.
Николай I, Императоръ Всероссійскій, т. IV, стр. 428—429.
Николай II, Императоръ Всероссійскій, т. IV, стр. 670—671.
Никопольская ваза, т. I, стр. 48—49.
„Новая Вѣдомость“ о Карлѣ V и его походѣ противъ Алжира, т. III, стр. 92—93.
Оливеръ Кромвель, т. III, стр. 352—353.
Осада Магдебурга въ 1631 г., т. III, стр. 292—293.
Павелъ I, Императоръ, т. IV, стр. 128—129.
Памфеева ваза, т. I, стр. 88—89.
Переговоры о капитуляціи въ Дошери, т. IV, стр. 600—601.
Переселеніе Евреевъ въ Египетъ, т. I, стр. 28—29.
Петръ Великій, т. III, стр. 498—499.
„Подлинное изображеніе города Гродна въ Литвѣ“, т. III, стр. 242—243.
Полтавская баталія, т. III, стр. 496—497.
Посольство выборныхъ отъ всѣхъ сословій извѣщаетъ Михаила Ѳеодоровича Романова объ избраніи его на царство, т. III, стр. 458—459.
Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, т. IV, стр. 662—663.
„Пѣснь о Нибелунгахъ“, древнѣйшая рукопись, т. II, стр. 370—371.
Римскій легіонеръ, т. I, стр. 384—385.
Русскій бояринъ и боярыня въ выходномъ платьѣ, т. II, стр. 542—543.
Рыцарская схватка изъ временъ битвы при Мюльдорфѣ, т. II, стр. 416—417.
„Серебряный кодексъ“ (Codex argenteus), т. II, стр. 16—17.
Сигфридъ фонъ-Эпштейнъ, архіепископъ Майнцскій, т. II, стр. 336—337.
Собственноручное письмо Лютера къ его хозяйкѣ Катеринѣ, т. III, стр. 60—61.
Театръ Діониса въ Аѳинахъ, т. I, стр. 156—157.
Указъ Лангобардскаго короля Ротари, т. II, стр. 40—41.
Фердинандъ I, какъ императоръ Римскій, т. III, стр. 88—89.
Форумъ Римскій, возстановленный, т. I, стр. 518—519.
Франциск I, король Французскій, т. III, стр. 64—65.
Францъ-Іосифъ, императоръ Австрійскій, т. IV, стр. 648—649.
Фридрихъ Барбаросса въ одеждѣ крестоносца, т. II, стр. 294—295.
Фридрихъ Великій, т. III, стр. 536—537.
Фридрихъ - Вильгельмъ, кронпринцъ Германской имперіи и Пруссіи, т. IV, стр. 656—657.
Фридрихъ - Вильгельмъ, курфюрстъ Бранденбургскій, т. III, стр. 448—449.
Фридрихъ Мудрый, курфюрстъ Саксонскій, т. III, стр. 32—33.
Характеристика Оттона Великаго, т. II, стр. 112—113.
Царица въ большомъ выходномъ нарядѣ, т. III, стр. 232—233.
Царь Московскій въ большомъ царскомъ нарядѣ, т. III, стр. 232—233.

Исторія новѣйшаго времени.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Революція во Франціи.

1789—1799.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе въ управленіе Людовика XVI. — Прежнее управленіе (ancien régime). — Созваніе государственныхъ сословій (États généraux).

Правленіе Людовика XVI отъ 1774 г.

Мы упоминали, что 10 мая 1774 г., недостойному сластолюбцу, Людовику XV, наслѣдовалъ его двадцатилѣтній внукъ, *Людовикъ* XVI, и мы прослѣдили первые шаги юнаго короля, въ которыхъ выказалась безграничная добрая воля и столько ума, сколько можно было, по справедливости, ожидать отъ столь юнаго правителя и при такой обстановкѣ, какъ та, въ которой онъ выросъ. Ходъ событій, со времени Людовика XIV, облекъ короля такимъ могуществомъ, сдѣлалъ его настолько важнымъ и главнымъ центромъ государства, что нужна была необыкновенная даровитость и прозорливость для вѣрнаго употребленія такой безграничной власти: между тѣмъ, монархическое направленіе и стремленіе умовъ того времени окружило и запутало короля такимъ обременительнымъ, рабскимъ, восточнымъ этикетомъ, что тѣмъ самымъ дѣлало ему недостижимымъ все, что для правителя, казалось-бы, должно быть наиболѣе необходимымъ — возможность видѣть свой народъ и государство въ томъ видѣ, въ какомъ они есть въ дѣйствительности. Людовикъ XVI былъ человѣкъ обыденныхъ дарованій и главное — безъ силы воли; очень характерны его любимыя занятія, охота и слесарня, которую онъ приказалъ себѣ устроить и куда удалялся, чтобы усердно поработать: при томъ и другомъ занятіи не остаешься празднымъ и немного думаешь. По уму, его жена, Марія-Антуанета, дочь Маріи-Терезіи, была несравненно выше его. Но она достигла своего высокаго положенія семнадцати лѣтъ, была окружена со всѣхъ сторонъ самой изысканной лестью, и весь строй высшаго общества, во главѣ котораго она стояла, вихрь удовольствій, правило «всегда быть веселой» (être toujours gaie), дѣлавшее жизнь избраннаго общества похожей на постоянный балъ-маскарадъ, пустота салонной жизни и свѣтской представительности — не допускали ее въ первые годы царствованія до серьезныхъ занятій; она не находила ни вре-



Людовикъ XVI.
По картинѣ Дюплесси.

мени, ни терпѣнія прочитать хотя бы одну серьезную книгу. Спрашивается, могла-ли втрое сильнѣйшая сила воли и даже гораздо болѣе ясный умъ предотвратить то бѣдствіе, которое уже давно надвигалось и выказалось въ несомнѣнномъ признакѣ своемъ—въ разстройствѣ финансовъ.

Положеніе Франціи. Финансы.

Вычислено, что тогдашняя Франція, при вступленіи въ управленіе Людовика XVI, выплачивала податей въ размѣрѣ 880 милліоновъ, хотя она была въ ремеслахъ и промыслахъ вчетверо, въ земледѣліи втрое, въ торговлѣ вдвое бѣднѣе тогда, чѣмъ въ половинѣ нашего столѣтія; или указываютъ на то, что въ то время издавна привыкли расходы текущаго года покрывать доходами наступающаго. Печальною стороною, въ этомъ случаѣ, было то, что плохое состояніе финансовъ составляло не единичное зло: оно было отраженіемъ и слѣдствіемъ вполнѣ, до корня, нездороваго состоянія государства и общества.

Дворянство.

Положеніе дворянства было самое роковое. Преимущества, которыми оно пользовалось, свобода отъ податей, отъ рекрутчины, безчисленныя права и притязанія на преимущества или пользованія— все, что разумѣютъ подъ феодальнымъ правомъ, бывшимъ нѣкогда платой и вознагражденіемъ за дѣйствительно трудныя или съ опасностью для жизни соединенныя услуги, за служенія ленныхъ дворянъ согражданамъ или вассаламъ, которыхъ они охраняли отъ разбойниковъ и хищныхъ звѣрей, отъ нападенія враговъ и всякихъ иныхъ насилій. Но эти времена прошли. Со времени Людовика XIV дворянство теряло все болѣе и болѣе свою самостоятельность въ отношеніи къ королю; оно тѣснилось при Дворѣ и утрачивало свое вліяніе на низшіе классы общества, отступая отъ своихъ обязанностей, сдѣлавшихся излишними при новомъ монархическомъ правленіи. Преимущества свои оно сохранило, но это породило понятное неудовольствіе и ненависть къ нему другихъ сословій.



Marie Antoinette

Марія-Антуанета.
По современной гравюрѣ.

Духовенство.

Дворянство было не единственное привилегированное сословіе: оно раздѣляло привилегированное положеніе съ духовенствомъ, и привилегію на ненависть къ себѣ другихъ сословій общества, ихъ отношенія къ общей Церкви и ея видимому главѣ, папѣ, и все, что придавалъ имъ священническій санъ, дѣлало ихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, самымъ привилегированнымъ сословіемъ во всемъ французскомъ государствѣ. Но и это сословіе дѣлало для народа гораздо меньше, чѣмъ встарину. Высшее духовенство,—архіепископы, епископы, высшіе аббаты,—вышедши почти исключительно изъ кружковъ дворянства, раздѣляли воззрѣнія, увеселенія, также и пороки ихъ, охотно вели праздную, свѣтскую жизнь большого свѣта; труды же, сопряженные съ духовнымъ званіемъ, всякаго рода лишенія, евангельскую нищету — предоставляли нести низшему духовенству, которое, дурно оплачиваемое, бѣдное, было какъ бы безправно сравнительно съ главами іерархіи.

Всѣ тѣ, кто не принадлежали къ привилегированнымъ лицамъ изъ духовной или свѣтской аристократіи, назывались *третьимъ сословіемъ:* и это третье сословіе было чрезвычайно разнородно по составу.

Третье сословіе.

Настоящее гражданское сословіе сильно разбогатѣло въ послѣднее пятидесятилѣтіе: но политическаго значенія и дѣятельности оно могло достичь лишь на королевской службѣ, и оно дѣйствительно достигало его этимъ путемъ. Очень распространена была поэтому погоня за такими должностями, которыя пріобрѣтались нерѣдко куплею. Правительство содѣйствовало этому болѣзненному стремленію гражданъ тѣмъ, что, создавая все новыя платныя должности, обезпечивало ихъ освобожденіемъ отъ податей, тѣмъ или другимъ преимуществомъ. Это было дальнѣйшее и возрастающее зло; оно создало еще одинъ классъ привилегированныхъ—noblesse de robe, отнимало у мѣщанства значительное число именитыхъ семействъ и этимъ *посредственно* подрывало вліяніе правительства: эти чиновники, наполняя городское управленіе, суды, податныя палаты, прежде всего считали себя собственниками этихъ должностей, а не повѣренными короля или страны. Сверхъ того, граждане страдали главнымъ образомъ отъ *издавняго* ограниченія свободы торговли: торговля и промышленность были вездѣ стѣснены строжайшими цеховыми правилами; даже продавщицы фруктовъ и цвѣточницы составляли цехъ, строго опредѣленный уставомъ; они были стѣснены тягостными монополіями, безсмысленными таможенными границами между провинціями, тяжкими и несправедливо-распредѣленными налогами. Тѣмъ не менѣе, благосостояніе росло въ этихъ слояхъ довольно быстро. Тѣмъ сильнѣе должны были они чувствовать, съ тѣмъ большей горечью воспринимали они общественное униженіе и пренебреженіе, съ которымъ аристократія относилась къ нимъ, такъ какъ высокомѣріе ея росло по мѣрѣ того, какъ она дѣлалась безполезной для общественнаго благосостоянія.

Народъ.

Дѣйствительно, печально и постепенно ужасно становилось положеніе массы народа, крестьянъ и тѣхъ, кто жилъ трудами рукъ своихъ. Подати и сборы (taille), отъ которыхъ были свободны дворянство и духовенство, ложились подавляющей тяжестью на эти слои, не имѣвшіе уже естественныхъ защитниковъ и заступниковъ; по точнымъ вычисленіямъ

извѣстно, что простолюдинъ платилъ впятеро или въ восемь разъ болѣе того, что онъ долженъ платить въ настоящее время; притомъ ему надо было безпрестанно опасаться возвышенія оцѣнки земли, какъ скоро онъ принимался за усовершенствованіе своего владѣнія. Его положеніе было отчаянное въ неурожайные годы; бунты отъ безхлѣбицы, съ короткими промежутками и въ различныхъ мѣстностяхъ, продолжаются во все столѣтіе. Отъ бѣдствій, которыя потомъ изъ этого проистекали, отъ язвы нищенства и бродяжничества, воровства и грабежа, отъ грубости сборщиковъ податей и экзекуторовъ, и жандармеріи — простолюдинъ опять-таки страдалъ прежде всѣхъ; равно тяготила его и военная служба, отъ которой уклонялись люди побогаче, даже и не принадлежавшіе къ изъятымъ отъ нея сословіямъ. Присоединилось еще одно обстоятельство, которое, можетъ-быть, болѣе всего привело старофранцузское общество къ разложенію, то-есть къ революціи. Въ большинствѣ провинцій крестьяне сдѣлались сами землевладѣльцами. Тяжелой работой, медленно, при величайшихъ лишеніяхъ, въ тысячи мѣстностяхъ, французскій крестьянинъ достигъ своего завѣтнаго сердечнаго желанія: дворяне, разорявшіеся на жизнь при дворѣ и отъ измѣнившагося образа жизни, должны были продавать, то тутъ, то тамъ, частичку своихъ помѣстій, и между тѣмъ какъ теперь землевладѣніе дѣлится на почти равныя трети, на 183 тыс. крупныхъ, 700 тыс. среднихъ и 4 милліона мелкихъ имѣній, положеніе Франціи до 1789 г. было таково, что одна треть землевладѣнія, раздробленная до безконечности, находилась въ рукахъ мелкихъ владѣльцевъ, двѣ трети собственности въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ или обществъ изъ дворянъ, духовенства, чиновничества и денежной аристократіи. Эти послѣдніе собственники обыкновенно не сами управляли своими имѣніями, они не были уже естественными главами крестьянства; узы уваженія, которыя связывали въ прежніе дни крестьянина и сеньора, были порваны и во многихъ мѣстностяхъ замѣнились совершенно иными чувствами. Сеньоръ былъ еще самымъ знатнымъ человѣкомъ въ селѣ, но его рѣдко или никогда не видѣли, потому что дворянство все болѣе и болѣе отказывалось отъ жизни въ деревнѣ; крестьянинъ же долженъ былъ отбывать барщину за землю, часть которой принадлежала теперь ему, крестьянину. На каждомъ шагу, на всѣхъ путяхъ, видѣлъ онъ себя связаннымъ правами и привилегіями этихъ господъ: они и покровительствуемые ими—были свободны отъ всѣхъ тягостей и податей, пригнетавшихъ крестьянина до земли. Почему? За что? И отъ ненавистнѣйшей службы военной, для которой крестьянинъ долженъ былъ выставлять своихъ лучшихъ работниковъ, своихъ сыновей, которые послѣ долголѣтней службы, съ жалованьемъ въ шесть су въ день, при дурномъ содержаніи и немного лучшемъ обращеніи, не могли выслужить болѣе какъ унтеръ-офицерскій чинъ, между тѣмъ какъ семплѣтній сынъ господина, если онъ обладалъ громкимъ именемъ или большими связями, былъ записываемъ на службу полковникомъ съ соотвѣтствующими правами.

Сила правительства.

Если же гражданство и дворянство не имѣло политической силы и дѣятельности, то кто же управлялъ тогдашней Франціей? Мнѣніе, будто бы то, что видимъ въ нынѣшней Франціи и что называется централизаціею,— всемогущество центральнаго управленія, несамостоятельность и зависи-

мость всѣхъ отдѣльныхъ общинъ отъ этого центральнаго управленія,—есть созданіе революціи и Наполеоновской имперіи,—не вѣрно. Централизація эта существовала уже во времена старой монархіи. Король и совѣтъ министровъ, conseil du roi, были всемогущи: до нихъ восходили всякія, иногда очень мелкія, мѣропріятія и дѣла: во имя короля распоряжались тогда въ провинціи королевскіе интенданты и ихъ уполномоченные, какъ нынѣ префекты и помощники префектовъ въ департаментахъ. Дворянскіе gouverneur de province не имѣли уже при нихъ настоящей власти, но только одно почетное званіе: въ мельчайшія подробности вмѣшивались они, и такъ какъ королевское всемогущество ихъ покрывало, то всякая другая инстанція преклонялась передъ ними: даже старѣйшее учрежденіе, городское общественное устройство, должно было примириться съ нарушеніемъ своихъ правъ, ибо они завладѣли большей долей управленія судебнаго. Кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда власть находилась въ рукахъ проницательныхъ и благонамѣренныхъ управителей, intendant, и была благодѣтельна, вообще это было большимъ зломъ, потому что починъ отдѣльныхъ частей, сила, искусство и даже стремленіе къ самопомощи, были обезсилены; привыкли всего ожидать отъ правительства, короля, и дѣлать его отвѣтственнымъ за все, а при переполненіи такими мелочами, настоящее дѣло поздно или вовсе не дѣлалось.

Парламенты.

Большое преимущество государствъ съ народнымъ представительствомъ состоитъ въ томъ, что гласное и правильное обсужденіе государственныхъ потребностей выясняетъ имѣющіяся неустройства и этимъ уже вынуждаетъ подумать о помощи: тѣмъ, что причины разыскиваются, тѣмъ, что противоположныя мнѣнія высказываются—онѣ уже на пути къ исправленію. Такого народнаго представительства не было еще въ тогдашней Франціи. Король былъ единственнымъ представителемъ всего народа, и *государственные чины*, сохранившіеся въ нѣсколькихъ провинціяхъ, не имѣли значенія и очень односторонне отстаивали выгоды своего округа, но не всей Франціи. Мы уже видѣли, что высшій судъ и парламенты представляли изъ себя нѣчто въ родѣ народнаго представительства и свое право или свою обязанность вносить, enregistrer, королевскіе законы въ свои списки старались расширить въ какое-то veto или право отвергать: и парижское представительное собраніе въ дѣйствительности было первое стройное,—сильное общество, съ пятью палатами; въ одной первой считалось 10 предсѣдателей, 25 свѣтскихъ, 12 духовныхъ судей, съ сотнями королевскихъ и другихъ адвокатовъ и безчисленныхъ низшихъ чиновниковъ. Но имъ не доставало жизненнаго нерва, связи съ народомъ, популярности: должности были продажныя, и здѣсь, по правдѣ, были опять-таки привилегированные, которые отстаивали свои собственныя права и только случайно, кстати, права и нужды народа. Мы упоминали, что Людовикъ XVI сдѣлалъ роковую ошибку, возстановивъ эти собранія.

Литература. Монтескьё.

Между тѣмъ, какъ этому государственному собранію недоставало органа, который бы, какъ англійскій парламентъ или нынѣшнія народныя представительства, находился бы въ непрерывныхъ отношеніяхъ съ настоящей жизнью и, постоянно работая, направлялъ бы дѣла политическія,—

направляя и раздѣляя заботы съ правительствомъ—такимъ своеобразнымъ органомъ (которому недоставало практическаго знанія государственныхъ дѣлъ, но который пріобрѣталъ несоразмѣрное и роковое значеніе)—была литература. Издавна извѣстны имена трехъ лицъ, имѣвшихъ важное вліяніе на умы Французовъ, въ отрицательномъ, враждебномъ существующему порядку духѣ; но, понятно, ихъ окружало множество единомышленниковъ и послѣдователей: Монтескьё, Вольтеръ и Ж.-Ж. Руссо. Мы уже знаемъ ихъ: между ними былъ совѣтникъ парламента Монтескьё (1689—1755), который много путешествовалъ и черпалъ свои политическіе идеалы изъ Англіи, самый умѣренный, самый практичный, но потому именно его сочиненія не такъ глубоко проникали въ народъ: его главное сочиненіе, тонкая сатира «Персидскихъ писемъ» (1721), разсужденіе о причинахъ возвышенія и паденія Римлянъ (1734), «Духъ законовъ», Esprit des lois (1749), вліяли непосредственно только на высшіе слои общества, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ.

Вольтеръ.

Истиннымъ руководителемъ умовъ современной Франціи сдѣлался парижанинъ Вольтеръ. Человѣкъ необыкновенно даровитый, который легко усвоивалъ себѣ все, что появлялось въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ живой, научной дѣятельности, онъ обладалъ своеобразной способностью все передавать ясно, умно, съ неумолимой остротой и ѣдкостью. Это былъ умъ критическій, отрицательный; эгоистъ, искавшій денегъ, удобствъ жизни и славы. Не чистая любовь къ правдѣ, а искренняя ненависть къ лживости, притѣсненію, неблагоразумію, къ жестокости существующей власти, и эти-то искреннія чувства дѣлали его убѣдительнымъ, точили стрѣлы его и напитывали тонкимъ ядомъ неподражаемой французской остроты.

Ж.-Ж. Руссо.

Но настоящимъ пророкомъ и апостоломъ новаго духа, котораго мы смѣемъ уже назвать революціонеромъ, былъ женевецъ Жанъ-Жакъ Руссо, сынъ ремесленника, плебей, протестантъ, не смотрѣвшій на жизнь съ легкостью француза, нездоровая, ни къ труду, ни къ дѣятельности неприготовленная натура. Онъ передалъ свой мечтательный идеализмъ народу, постоянно чувствовавшему безвыходность своего положенія. Настоящихъ руководителей не было, народъ и послѣдовалъ за этимъ радикаломъ и фантазеромъ—противъ желанія. Въ тѣсной рамкѣ своей онъ училъ и доказывалъ строго-послѣдовательными доводами. Мы уже упоминали, какъ поставленный Дижонской академіей на премію вопросъ, улучшились-ли нравы съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, навелъ его на обманчивый образъ человѣка, въ первобытномъ или природномъ состояніи котораго онъ, съ мнимой убѣдительностью, противупоставилъ изуродованному образованіемъ человѣчеству. Онъ восхвалялъ природу и порицалъ существующее искусственное государственное и общественное устройство. Самая дѣйствительная и опасная идея этого отшельника была его государственная теорія, Contrat social или государственное условіе (1762), книга, въ которой онъ, съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ истинной исторіи, создалъ государство разума, гдѣ права, законъ, собственность, власть—подчинены прямому произволу соединенной или всенародной воли; второе, столь же невѣроятное предположеніе,— что эта соединенная воля всегда вѣрна и честна. Послѣдователей этимъ идеямъ нашлось много;

удивительная ясность и чистота французскаго языка дала большое развитіе этимъ идеямъ въ разныхъ кругахъ; свѣтскія и духовныя власти допускали совершенно свободно разсужденія; иногда, больше для виду, чѣмъ по убѣжденію, слишкомъ смѣлая книга сжигалась палачомъ по приговору духовнаго суда, или слишкомъ задорный литераторъ исчезалъ на нѣкоторое время въ тюрьмѣ по произволу королевскаго приказа объ арестованіи, lettres de cachet. Вредъ литературы былъ въ ея крайне-опасномъ, философски-отвлеченномъ и вполнѣ антирелигіозномъ характерѣ. Эти незрѣлые умы, вдали отъ всякой политической жизни, не умѣли сдерживать свои мечты и взвѣшивать возможность ихъ исполненія, обсуждая основныя правила и вопросы государственные. Ихъ сочиненія полны радикальныхъ идей; они даже опередили намного безумныя и ложныя теоріи соціалистовъ девятнадцатаго столѣтія. Такъ какъ они отвергали всю исторію и находились подъ вліяніемъ Вольтера, то ихъ нападки устремились прежде всего на религію и христіанство, и неуваженіе къ религіи сдѣлалось господствующей и общею страстью. Они превзошли въ этомъ отношеніи самого Вольтера, который проповѣдывалъ нѣчто въ родѣ естественной религіи, но онъ останавливался по крайней мѣрѣ передъ понятіемъ о божествѣ; его точка зрѣнія о деизмѣ восторжествовала въ этомъ просвѣщенномъ обществѣ и быть или казаться атеистомъ сдѣлалось господствующей модой. Этой модѣ слѣдовала не оппозиція низшихъ слоевъ общества противъ привилегированныхъ, но, къ несчастію, сами привилегированные:—высшее духовенство, высшее дворянство, придворные, всѣ играли скептицизмомъ, атеизмомъ и подобными громкими идеями и словами радикальной литературы, какъ свобода, справедливость, человѣческое достоинство, человѣческія права. Однимъ изъ предметовъ разговора высшаго общества была такая именно философія; даже при лакеяхъ своихъ они, не стѣсняясь, говорили о равноправности всѣхъ людей, и тѣ изъ устъ своихъ господъ узнавали, что христіанская или каѳолическая Церковь есть одно суевѣріе.

Свѣтлыя стороны.

Въ привилегированномъ сословіи преобладало легкомысліе, вѣтреность, пагубная расточительность и полная безнравственность; дворянство и духовенство не исполняло того, къ чему высокое общественное положеніе обязывало ихъ въ прежнее время; они перестали быть вожаками, охранителями, умственными руководителями народа, хотя еще очень многія отдѣльныя личности сознавали свои обязанности и въ каждомъ общественномъ дѣлѣ, въ благотворительныхъ и другихъ добровольныхъ обязанностяхъ, при общественныхъ бѣдствіяхъ, они шли впереди своихъ согражданъ. По мѣрѣ того, какъ выяснялась необходимость коренныхъ реформъ государственнаго и общественнаго устройства, именно въ кругу привилегированныхъ лицъ нашлось большое число искреннихъ, умныхъ и самоотверженныхъ друзей преобразованія.

1774—1789. Тюрго. Некеръ. 1776.

Мы видѣли, что король, самый привилегированный изъ всѣхъ, готовъ былъ на всякія жертвы; на постъ генералъ-контролера финансовъ, очень важный, онъ назначилъ самаго прозорливаго и геніальнаго человѣка изъ всѣхъ сочувствовавшихъ реформамъ. Люди дальновидные сочли паденіе Тюрго несчастіемъ; но, когда въ 1777 г. банкиръ Яковъ Некеръ, гражда-

нинъ города Женевы, протестантъ, сдѣланъ былъ министромъ финансовъ, «генералъ-директоромъ финансовъ», то явилась новая надежда. Это былъ очень хорошій дѣловой человѣкъ, но не придворный и, къ несчастью, не государственный человѣкъ, не находчивая голова, какъ Тюрго, успѣвшій отыскать чрезвычайные источники страны. Пользуясь довѣріемъ, онъ заключилъ займы—отъ 1776—1780 годъ около 500 милліоновъ—на выгодныхъ, сравнительно, условіяхъ. Въ его правленіе заключенъ былъ въ высшей степени популярный союзъ съ Америкой, совершенно въ духѣ модныхъ идей: за демократическую республику вели войну съ Англіей, врагомъ часто опаснымъ и всегда ненавистнымъ. Въ Версалѣ увидали Веніамина Франклина, 1776—1778 г., истиннаго республиканца; высшая знать обнажила шпаги за пріобрѣтеніе знаменитой скрижали человѣческихъ правъ. Долги значительно увеличились, но въ бюджетѣ Двора предположены были значительныя сокращенія; крѣпостные королевскихъ имѣній освобождены. Въ 1781 году сдѣланъ былъ важный шагъ: опубликованіе compte-rendu, финансоваго отчета; хотя сопоставленіемъ цифръ онъ искусно прикрывалъ настоящее положеніе дѣлъ, но, проливая нѣкоторый свѣтъ на государственное хозяйство и его нужды, призывалъ на помощь новую силу—гласность. Отчетъ навлекъ на себя тотчасъ страшнѣйшія нападки, какъ нововведеніе, противорѣчившее всѣмъ преданіямъ о самостоятельности короля, который считался безусловнымъ собственникомъ государства и общественнаго имущества. Желая быть на высотѣ своихъ противниковъ, Некеръ требовалъ утвержденія своего въ званіи министра, мѣста въ совѣтѣ, права дѣлать доклады королю съ-глаза-на-глазъ; все это было неслыханно и невѣроятно, чтобы разночинецъ, гугенотъ, могъ предъявлять столько требованій! Король сробѣлъ, и Некера уволили (1781). Его отставку приписывали вліянію королевы; несомнѣнно то, что возможностью дѣйствовать черезъ нее стали злоупотреблять, такъ какъ король былъ добродушенъ и рѣдко умѣлъ сказать «нѣтъ». Марія-Антуанета была живѣе, умнѣе короля и, наслѣдуй она серьезный, терпѣливый умъ матери своей, она могла бы дѣйствовать и быть полезной; но она занималась всѣмъ поверхностно и только случайно вмѣшивалась въ дѣла и политику. Нѣсколько лѣтъ прошло въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Въ октябрѣ 1783 года бывшій intendant города Лилля, Карлъ-Александръ Калоннъ, былъ призванъ къ управленію и привелъ дѣла къ окончательному перелому.

Финансовая политика его поставлена была на широкую ногу. «Если мы выдаемъ много, то должны получить еще больше», «надо казаться богатымъ, чтобы занять», «если желаніе вашего величества возможно», говорилъ онъ королевѣ, просившей для себя и для другихъ разныхъ драгоцѣнностей, «то оно уже исполнено; если желаніе невозможно, то его постараются исполнить». Это остроуміе обрисовываетъ его дѣйствія; его хвалили за то, что «теперь не прежняя ограниченная, бережливая система Некера». Флотъ—гордость Франціи со времени Американской войны—былъ усиленъ, дорогія государственныя постройки возведены, увеселительные королевскіе замки куплены и 28 милліоновъ пошли на уплату долговъ братьевъ короля, графа Людовика Прованскаго и графа Карла д'Артуа. Первый изви- Калоннъ. 1783.

нялъ себя слѣдующимъ образомъ: «всѣ брали, потому и я протянулъ свою шляпу». При возраставшей нуждѣ въ народѣ, дѣятельно распространялись злорѣчивые разсказы; оскорбительные вымыслы всегда бываютъ изобрѣтеніемъ недовольныхъ; ядъ ихъ распространяется далеко, и извѣстный разсказъ объ ожерельѣ всегда считался примѣромъ этого положенія дѣлъ, которое было предисловіемъ революціи и характеристикою развращенности высшихъ круговъ. Одинъ изъ знатныхъ членовъ духовенства, котораго король называлъ mon cousin, по его высокому положенію, коадъюторъ Страсбурга, кардиналъ принцъ де-Роганъ, впалъ въ немилость у королевы. Стараясь возвратить себѣ ея расположеніе, онъ сдѣлался жертвою пустой, сумасбродной Ламоттъ, графини Ламоттъ-Валуа, какъ она себя называла. Съ помощью извѣстнаго плута Бальзамо, такъ-называемаго графа Каліостро, одного изъ тѣхъ шарлатановъ, которые умѣютъ занять по временамъ скучающее высшее общество или пользоваться глупостью толпы, Ламоттъ за деньги успѣла опутать этого знатнаго безумца. Она узнала, что ювелиры Бёмеръ и Басенжъ предложили королевѣ купить драгоцѣнное ожерелье за 1.100,000 ливровъ, и извлекла изъ этого пользу для себя. Она убѣдила кардинала купить это ожерелье для королевы, желавшей имѣть его, и воспользоваться этимъ случаемъ заслужить ея расположеніе; деньги же королева будетъ выплачивать изъ своей шкатулки по частямъ. Обманомъ заставили кардинала подписать обязательство въ уплатѣ денегъ, и торгъ былъ совершенъ; ожерелье осталось въ рукахъ Ламоттъ, которая обратила въ деньги лучшіе камни. Кардинала она обманула. Она устроила ему свиданіе съ королевой въ Версальскомъ паркѣ; роль королевы исполнила нѣкая особа, и во-время прерванное свиданіе, подстроенное ловко, не дало возможности этому знатному человѣку замѣтить наглый обманъ. Вскорѣ продавцы ожерелья стали являться во дворецъ и заявлять свои требованья; обстоятельства дѣла выяснились, и королева, въ благородномъ негодованіи, желая примѣрнаго наказанія кардиналу, велѣла его неожиданно задержать во дворцѣ и посадить въ Бастилію. Этимъ раздражили могущественную семью, къ которой онъ принадлежалъ; пришлось отказаться отъ сдѣланнаго шага, и тогда-то исторія, не единственная, сдѣлавшись гласной, стала распространяться всѣми и всюду, пересыпанная ложью, клеветою и другими ядовитыми сплетнями.

Собраніе нотабліи. 1787.

До 1786 года продолжали систему займа и уплаты долговъ новыми займами. Займы въ 100 милліоновъ, 125 милліоновъ охотно вносились парламентомъ въ роспись, капиталисты охотно выдавали деньги; игра на биржѣ, на повышеніе и пониженіе цѣнностей, играла тогда большую роль. Однако третій заемъ парламенту пришлось устроить обычнымъ образомъ и, какъ увидимъ дальше, эта система имѣла очень важныя послѣдствія. Денежные люди были преимущественно изъ третьяго сословія и, сдѣлавшись кредиторами государства, интересовались способомъ употребленія ихъ денегъ и тѣмъ, какъ ихъ государство управляется. Все это усилило могущество оппозиціи, стремившейся ниспровергнуть старое государственное устройство, и прежде всего требовавшей надзора за финансами, для чего и предлагала представителей изъ народа. Калоннъ прекратилъ свою систему кредита и призналъ необходимость рѣшительныхъ реформъ, ста-

раясь идти путемъ Тюрго. Но такъ какъ созваніе всѣхъ сословій государства не согласовалось ни съ его воззрѣніями, ни съ преданіями послѣдняго столѣтія, то избрали среднее — созваніе нотаблей, знати. Въ декабрѣ 1786 г. разосланы были приглашенія дворянамъ, принцамъ, герцогамъ, пэрамъ, статсъ-секретарямъ, архіепископамъ, магистратамъ—всего ста-сорока-четыремъ человѣкамъ. 22 февраля 1787 года Калоннъ, въ блестящей рѣчи, достойной государственнаго человѣка, представилъ собранію свой проэктъ реформъ: о распредѣленіи сословій въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ оно не было сдѣлано, о поземельной подати, о свободѣ торговли хлѣбомъ, объ уменьшеніи таможенныхъ (taille) сборовъ и налога на соль. Но это собраніе привилегированныхъ и его легкомысленный придворный министръ не въ состояніи были провести и обсудить серьезно какой-нибудь планъ. Между ними произошелъ раздоръ и министръ былъ принесенъ въ жертву знатнымъ.

Необходимость коренныхъ и быстрыхъ преобразованій дѣлалась все настойчивѣе, и новый руководящій министръ, изъ высшаго духовенства, много разъ стоявшій у кормила правленія, архіепископъ Тулузскій, Ломени *де-Бріенъ* вмѣстѣ съ парламентомъ, старались провести эти реформы. Въ іюнѣ 1787 г. обнародованы были три либеральныхъ повелѣнія короля; хлѣбная торговли была освобождена отъ стѣсненій и особыя права даны были провинціальнымъ сословіямъ, при чемъ опредѣлено двойное число представителей третьяго сословія для этихъ собраній и введено поголовное голосованіе. Парламентъ охотно принялъ всѣ предложенія, но воспротивился новому налогу на землю, доказывая, что право наложенія налоговъ, impôt perpétuels, принадлежитъ государственнымъ чинамъ. Они выставили себя большими либералами, и правительство вовлечено было въ борьбу съ такой сильной корпораціей. Парламентъ былъ высланъ въ Труа, потомъ опять возвращенъ; дано было обѣщаніе созывать государственныя сословія каждыя пять лѣтъ; когда понадобился новый заемъ въ 420 милліоновъ и парламентъ отказался внести его въ роспись, то и lit de justice, и аресты не помогли, и министру пришла несчастная мысль замѣнить парламентъ новой корпораціей, составленной изъ аристократовъ, cour plénière. Государственная тайна была плохо сохранена и парламентъ съумѣлъ заслужить себѣ дешевую, но непреходящую славу. Онъ составилъ, по англійскому образцу, предложеніе о правахъ или собраніе мнимыхъ правъ французскаго народа: собраніе государственныхъ сословій даетъ разрѣшеніе на сборъ податей о правѣ подданнаго быть отданнымъ подъ судъ своему, закономъ опредѣленному судьѣ; недопущеніе арестованія только для отправленія правосудія; о несмѣняемости судей; установленіе не деспотической, а законной монархіи,—и т. п. громкія слова. Когда же дѣло касалось распространенія и уравненія земельныхъ налоговъ на привилегированные классы, то они не выражали ни малѣйшаго расположенія къ самопожертвованію.

Бріенъ. 1787 г.

Мысль о созваніи государственныхъ сословій, новая, широко-задуманная, раскрыла дѣйствительно-обширный горизонтъ и воспламенила всѣхъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ окраинахъ. Возстаніе, питаясь разными источниками, приняло понемногу бурный характеръ. Привилегированные воспользовались самимъ возстаніемъ для введенія государственной забавы, cour

plénière. Всякая оппозиція пріобрѣтала необузданный характеръ; множество личностей, одаренныхъ умѣньемъ выдвигаться, только и жили этой дешевой, но страстной оппозиціей, подавить же ее правительство не имѣло силы. На всѣхъ дорогахъ встрѣчались толпы бродячихъ людей, направлявшихся въ Парижъ; плохой урожай 1788 года довелъ нужду народа до ужасающей степени, усилилъ и обострилъ возстаніе; возбужденное настроеніе подорвало довѣріе, жизненный элементъ всякаго работающаго человѣка, и усилило финансовое затрудненіе государства. Правительство убѣждалось все болѣе, что съ недовольными и мятежниками иначе справиться нельзя, какъ давши имъ законнымъ образомъ право голоса и тѣмъ самымъ—путь къ отступленію.

Некеръ. Рѣшительнымъ къ тому шагомъ былъ королевскій указъ о созваніи въ Версаль государственныхъ сословій на 1 мая 1789 г. Архіепископъ Тулузскій удалился, и Некеръ былъ опять призванъ въ министерство (августъ 1788 г.). Его имя было для общественнаго мнѣнія символомъ либеральной политики; его призваніе принято было съ радостью и произвело повышеніе ренты на 30 процентовъ. Поведеніе и настроеніе умовъ французскаго народа внушало мало довѣрія и революція должна была неизбѣжно принять свой угрожающій характеръ въ виду страшныхъ злоупотребленій стараго режима. Чернь буйствовала всюду, выражая этимъ свою радость; для усмиренія ея то тамъ, то тутъ вызывались войска, которыя не были вполнѣ благонадежны: они тоже были проникнуты духомъ равенства привилегированныхъ и безправныхъ. Парламентъ не одобрилъ подобное вмѣшательство, что можетъ служить примѣромъ, какъ непослѣдовательны были его убѣжденія; между тѣмъ самъ онъ потерялъ свою популярность, выказавъ свой реакціонный характеръ, соглашаясь внести въ реестръ королевскій указъ съ тѣмъ условіемъ, что формы государственныхъ штатовъ останутся старыя, 1614 года. Правительство, имѣя руководителемъ Некера, не имѣвшаго понятія о неизмѣримой опасности, въ которой находилось государство, опрометчиво поддавалось всѣмъ



Жакъ Некеръ, министръ финансовъ при Людовикѣ XVI.
По картинѣ Дюплесси.

вліяніямъ. Спѣшно составленное предписаніе о созваніи государственныхъ сословій на 1 января было неисполнимо, по краткости срока; потомъ собрали, совершенно напрасно, еще разъ нотаблей для рѣшенія нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ, подготовляемыхъ для предстоящаго собранія; главнымъ былъ вопросъ о томъ, какъ считать голоса—посословно или поголовно. Только одна изъ шести группъ стояла за поголовное голосованіе; между тѣмъ какъ весьма бурное въ подобныя времена общественное мнѣніе давно рѣшило этотъ вопросъ въ противномъ смыслѣ.

Государственные штаты. Избирательное волненіе.

Въ поднявшемся избирательномъ волненіи изустныя рѣчи не преобладали, какъ теперь, а главную роль играла литература, особенно брошюрная. Къ концу 1788 г. насчитывалось свыше 2,500 брошюръ; несомнѣнно, ихъ можно бы насчитать и гораздо болѣе. Изъ этого числа выдается одна, необыкновенно-ясно образовавшая суть волненія умовъ и задававшая вопросъ: что такое третье сословіе? (Qu'est-ce que le tiers état?). Авторомъ ея былъ аббатъ Сіэйсъ, ученый, ясный умъ, когда дѣло шло о вопросахъ логическаго мышленія. Онъ раздѣлялъ взгляды низшаго духовенства, но не жилъ его жизнью, полной лишеній. Изъ вычисленій его видно, что духовенства насчитывалось 80,000, дворянства 120,000 человѣкъ, а третьяго сословія 25 милліоновъ! «Что такое третье сословіе, какое у него значеніе?» — Все. «Чѣмъ оно было до сихъ поръ?» — Ничѣмъ. «Чего добивается оно въ будущемъ?» — Признанія себя за нѣчто. Права этихъ 100,000 дворянъ относятся ко временамъ завоеваній; они потомки одѣтыхъ въ броню Франковъ, завладѣвшихъ страною. «Нельзя-ли воротить ихъ въ лѣса, изъ которыхъ они когда-то вышли? Нельзя-ли нашимъ бѣднымъ согражданамъ открыть правду, что ихъ происхожденіе отъ Галловъ и Римлянъ равносильно происхожденію дворянъ отъ Сигамбровъ, Велховъ и другихъ дикарей, пришедшихъ нѣкогда изъ лѣсовъ и болотъ Германіи?» — Мы



Аббатъ Сіэйсъ.
По современному портрету Ж. Герэна.

видимъ, что ядовитыя стрѣлы были уже направлены противъ аристократіи, но еще не противъ престола. Въ этомъ духѣ были составлены cahiers de doléance третьяго сословія, въ которыя, по старому обычаю, вкратцѣ записывались жалобы и требованія ихъ для свѣдѣнія депутатовъ. Если бы монархъ стоялъ за эту идею, то могла бы выйти монархическая революція, какъ въ Даніи, въ XVII столѣтіи, или только что въ XVIII столѣтіи бывшая въ Швеціи. Самая оживленная борьба происходила въ Провансѣ, гдѣ особенный интересъ выборамъ придалъ *Мирабо* своимъ краснорѣчіемъ и оригинальностью; младшій, но самый способный изъ потомковъ древняго рода, извѣстнаго своими, совершенно не похожими на другихъ людей, свойствами. Графъ, Габріель Онорэ Рикетти, родился въ 1749 г. Необузданная природа довела страстнаго молодого человѣка до безумныхъ увлеченій и подвергла его неумолимому тиранству отца. По преданіямъ, изъ ихъ семьи выходили или необыкновенные таланты, или необычайные чудаки. Послѣ цѣлаго ряда бурныхъ выходокъ, грѣхопаденій, бѣгствъ, изгнаній, тюремныхъ заключеній — дозрѣла въ немъ могучая сила и человѣкъ проявился геніальный. Брошюра его, написанная краснорѣчиво и полная новыхъ идей, обратила на себя вниманіе. Кто хоть разъ видѣлъ этого человѣка геркулесовскаго сложенія, съ рябинками на некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ, тотъ никогда не забывалъ его! Онъ принадлежалъ къ тѣмъ замѣчательнымъ людямъ, особенно рѣдкимъ въ грозное время, которые ясно видятъ причину волненія:—чего хочетъ населеніе, въ чемъ оно нуждается, и почему произноситъ свои рѣчи, возмущается и неистовствуетъ. Обладая громовымъ голосомъ и страстностью прирожденнаго оратора, онъ умѣлъ поразить словами, что всегда очаровываетъ толпу и слѣпо ведетъ ее то вѣрнымъ путемъ, то путемъ заблужденій. Его изреченіе «привилегіи не вѣчны, а народъ вѣченъ» передавалось изъ устъ въ уста. Сынъ дворянскаго рода, считавшаго за собою тысячу лѣтъ, онъ хлопоталъ о полномочіи третьяго сословія; въ Эксѣ (Aix) и Марселѣ онъ былъ выбранъ и принялъ на себя депутатство отъ города Экса.



Графъ Мирабо.

По портрету Ж. Герэна, гравировалъ Физингеръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Революція до праздника федераціи. 14 іюля 1790 г.

Созваніе генеральныхъ штатовъ.

Наступила роковая весна. Нѣсколько сотенъ депутатовъ, всего 1,118, изъ нихъ дворянъ 270, духовныхъ 291, третьяго сословія 557, собрались въ Версаль. 3-го числа представлялись королю, 4-го происходило церковное торжество; настоящее открытіе послѣдовало 5 мая. Анекдотомъ кажется теперь разсказъ о кощунственной молитвѣ на духовномъ торжествѣ: «Пріими, о Боже, молитвы духовенства, обѣты (voeux) дворянства и смиренныя моленія (les très humbles supplications) третьяго сословія». При самомъ открытіи уже ясно выказалась разница положенія. Депутаты третьяго сословія (messieurs du tiers état) вошли въ залу торжества въ полуотворенную боковую дверь, а привилегированныя сословія въ широко-открытую двустворчатую дверь. Король, окруженный всѣмъ блескомъ старой монархіи, сказалъ рѣчь, покрытую громкимъ одобреніемъ; за нимъ говорилъ хранитель печати Барантэнъ, наконецъ Некеръ, вступившій въ новую эру, со всей близорукостью спеціалиста самодовольнаго и въ эту минуту популярнаго, прочелъ длинный, сухой отчетъ о положеніи королевства:— множество цифръ лишь утомило слушателей, не разъяснивъ имъ ничего. Узнали одно, что есть дефицитъ въ 56 милліоновъ, что не соотвѣтствовало правдѣ, такъ какъ истраченъ былъ впередъ приходъ цѣлаго года.

Поведеніе правительства.

На слѣдующій день, 6 мая, каждое сословіе отправилось въ назначенное ему помѣщеніе, третье сословіе въ большой средній залъ, достаточно просторный, чтобы помѣстить все соединенное собраніе. Тотчасъ выказалось неудовлетворительное состояніе дѣлъ; правительство сдѣлало самую роковую ошибку, какую только можно придумать: оно выступило не съ готовымъ законодательнымъ и конституціоннымъ планомъ, на что оно имѣло полное право, въ чемъ состояла прямая обязанность его, и что дало-бы ему первенство и возможность руководить собраніемъ. Мало того, не состоялось рѣшенія въ самомъ спѣшномъ и главномъ вопросѣ: какъ производить голосованіе, посословно или поголовно? Три собранія или одно?

Разработка конституціоннаго плана была для правительства дѣломъ возможнымъ. Мысли и желанія третьяго сословія, то-есть большинства народа, не были тайной: онѣ изложены были въ (cahiers) тетрадяхъ, данныхъ избирателями своимъ депутатамъ, и о которыхъ докладывали обыкновенно въ собраніи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Въ тетрадяхъ многихъ привилегированныхъ можно было найти основныя мысли и предначертанія, изъ которыхъ можно было составить проектъ конституціи, или основного устава коренныхъ законовъ государства. Дѣлая обзоръ идей, волновавшихъ во всѣ времена политику Европы, нельзя не признать, что относительно идей и ихъ разработки, французскій народъ правъ, говоря, что онъ идетъ

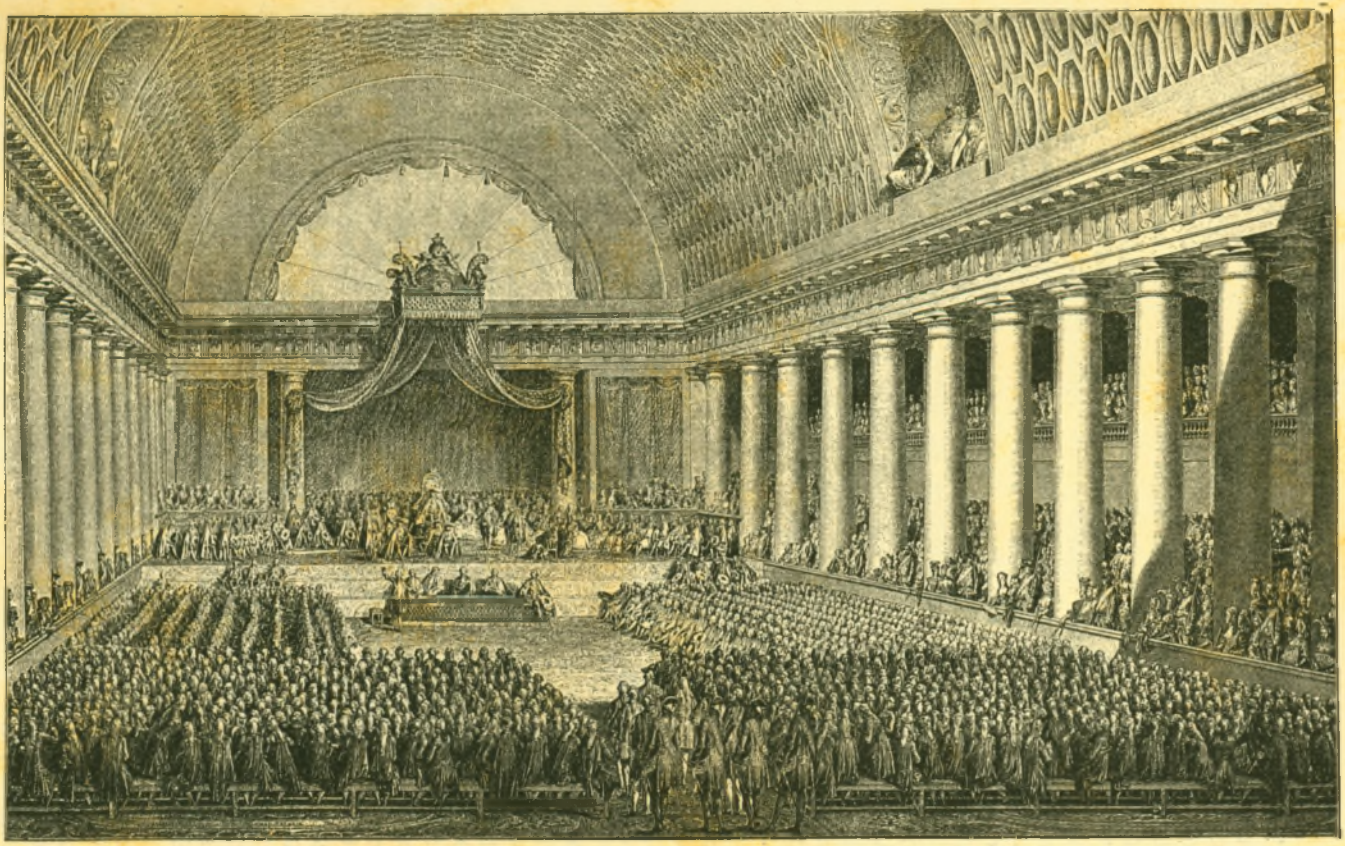
во главѣ образованія; именно въ то время являлась возможность создать нѣчто прекрасное, умиротворяющее, если бы людямъ дана была способность достиженія великихъ политическихъ цѣлей безъ особенно тяжелой борьбы. Тетради (cahiers) почти единогласно признаютъ Французское государство наслѣдственной монархіей, въ которой королю принадлежитъ вся исполнительная власть, но «агенты власти» отвѣтственны. Народъ предписываетъ законы съ согласія короля, безъ котораго законъ не имѣетъ силы; съ другой стороны необходимо и согласіе народа для узаконенія налоговъ и для заключенія займовъ. Подати могли утверждаться только на время, отъ одного народнаго собранія до другого; государственная и частная собственность признавались неприкосновенными. Разногласія, сказавшіяся въ основныхъ мнѣніяхъ, касались такихъ пунктовъ, по которымъ правительство съ ясной и твердой волей легко могло было бы придти къ соглашенію съ народомъ. Имѣетъ-ли король право издавать временные законы, когда штаты не въ сборѣ? Кому принадлежитъ право распускать и собирать штаты, королю или собранію? Будетъ-ли законодательное собраніе возобновлять и закрывать свои сессіи періодически, не ожидая созванія, или оно должно быть постояннымъ? Если они закрываются періодически, то не слѣдуетъ-ли выдѣлять сословную комиссію; будутъ-ли двѣ палаты, какъ въ Англіи, и возможно-ли это при сліяніи сословій? Не лучше-ли изъ двухъ первыхъ сословій образовать верхнюю палату? Уничтожить или преобразовать тайныя повелѣнія объ арестованіи (lettres de cachet)? Признать-ли ограниченную или полную свободу печати? Слѣдуетъ-ли избирать, или назначать королевскихъ чиновниковъ?

Третье сословіе.

Какъ нѣкогда, во дни соборовъ, когда задались слишкомъ высокой цѣлью преобразованія всего строя Церкви, такъ и теперь мечтали о перерожденіи государства (regénération du royaume), и требовали установленія новой конституціи, то-есть писанныхъ, основныхъ законовъ и государственныхъ правъ. Какъ во времена реформаціи въ XV столѣтіи первымъ вопросомъ было голосованіе, поголовное или понародное, такъ и теперь задавали себѣ вопросъ: поголовно или посословно; составить-ли одно соединенное собраніе, или три раздѣльныхъ по сословіямъ; съ кѣмъ будетъ выдающееся большинство третьяго сословія, съ меньшинствомъ-ли двухъ другихъ сословій; или большинство дворянства и духовенства будетъ противъ меньшинства своего сословія; или противъ третьяго сословія. Это былъ рѣшающій пунктъ; не нужно было 272 адвокатовъ, которыхъ насчитывали среди третьяго сословія чтобы понять, что оцѣнка и мѣрило силы сосредоточены въ этомъ пунктѣ; что съ этого надо было начать и въ этомъ проявить свое могущество. Между тѣмъ правительство сдѣлало невозможнымъ правильное рѣшеніе этого вопроса; не высказываясь явно, оно разрѣшило третьему сословію двойное число депутатовъ; оно предоставило фактамъ рѣшить вопросъ, что равносильно было побужденію передовой партіи къ революціонному движенію.

Національное собраніе.

Первымъ дѣломъ собранія была провѣрка полномочій; каждый округъ, признавши себя за законное цѣлое, потомъ, противно логикѣ, долженъ былъ провѣрять, законны-ли единичные члены, изъ которыхъ онъ состоитъ. Дворяне и духовенство предлагали провѣрку по сословіямъ.



Открытіе засѣданія государственныхъ сословій въ Версалѣ, 5 мая 1789 г,
По современной гравюрѣ Ж. М. Моро.

Третье сословіе, собравшись въ большомъ среднемъ залѣ, рѣшило, что провѣрка полномочій должна быть общая. Депутаты третьяго сословія выказали при этомъ ясный политическій взглядъ: если они будутъ побѣждены, то все остальное безцѣльно; напротивъ, при побѣдѣ, они дѣлались распорядителями и хозяевами всего. Они стали выжидать; проходилъ день за днемъ, слышались предложенія посредничества, дѣлались попытки къ тому; собирались на совѣщанія, гдѣ дворянство выказывало мало уступчивости и всѣ старанія правительства привести къ соглашенію остались безъ успѣха. Это дало поводъ или предлогъ третьему сословію дѣйствовать энергично, по своему собственному разумѣнію; рѣшили не тянуть долѣе выполненіе своей задачи, такъ какъ прошло около шести недѣль въ безплодныхъ колебаніяхъ. Сдѣлавши еще одно послѣднее предложеніе двумъ первымъ сословіямъ соединиться съ ними, они составили собраніе, и 17 іюня, по предложенію Сіэйса, приняли знаменательное и многозначительное названіе: assemblée nationale, національнаго собранія. Тщетно предлагалъ Мирабо болѣе вѣрное, болѣе опредѣленное и правдивое, а потому и не столь опасное названіе: «представители французскаго народа»; онъ прекрасно выразился при этомъ, что избѣгаетъ деспотизма во всемъ, даже въ лицѣ 600 аристократовъ. На что Сіэйсъ возражалъ съ обычной своей отвлеченной логикой, надѣлавшей впослѣдствіи много бѣдъ, что «между тропомъ и собраніемъ не должно быть veto, не должно существовать отрицательной силы». Вскорѣ собраніе приняло второе рѣшеніе для успокоенія и привлеченія къ себѣ кредиторовъ государства. Рѣшили, что хотя налоги и возвышены безъ согласія народа, но должны быть утверждены, и государственный долгъ находится подъ покровительствомъ французской лойяльности. Эта смѣлая выходка имѣла слѣдующее послѣдствіе: въ то время какъ духовенство, при провѣркѣ полномочій 19 числа, имѣло 149 противъ 115 голосовъ, Дворъ и дворянство соединились и убѣждали короля личнымъ вступленіемъ въ séance royale овладѣть руководительствомъ страны. Королева и принцы умоляли его поступить такъ; даже Некеръ почти соглашался. По королевскому указу, засѣданія собранія были въ этихъ видахъ отсрочены до 22-го, и король поѣхалъ на охоту; при Дворѣ радовались тому, что вскорѣ заткнутъ ротъ болтунамъ и демагогамъ.

Королевское засѣданіе 23 іюня.

Сопротивленія ожидали, что тогда дѣлать? Президентъ Бальи былъ спокойный, ученый астрономъ, увлеченный современнымъ движеніемъ, гибельнымъ для него, какъ и для столь многихъ людей того времени. Когда онъ пришелъ въ засѣданіе, дверь зала оказалась запертою. Пока онъ составлялъ о томъ протестъ, собрались другіе депутаты; оказалось ихъ порядочное число, шумѣли, обсуждали разные вопросы и рѣшили идти въ ближайшую залу Жё-де-Пома—и тамъ устроить свое засѣданіе. Подъ предводительствомъ Бальи, собраніе принесло присягу не разлучаться, собираться вездѣ, гдѣ только позволятъ обстоятельства, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ составлена конституція для Франціи. Въ слѣдующій разъ, 22-го, оказалось, что залъ jeu-de-pomme занятъ для принцевъ и засѣданіе перенесено было въ церковь Св. Людовика. 23-го состоялось, наконецъ, засѣданіе короля.

Онъ отмѣнилъ, какъ незаконныя, рѣшенія третьяго сословія, обѣщалъ



Клятва въ помѣщеніи Же-де-Пома.

(Байльи читаетъ вслухъ формулу присяги, по которой присутствующіе клянутся—не разойтись, прежде завершенія конституціи).
По современной картинѣ *Л. Давида.*

согласиться на отреченіе двухъ первыхъ сословій отъ ихъ привилегій, надавалъ рядъ либеральныхъ обѣщаній и подалъ надежду, что, при умѣренности первыхъ двухъ сословій, возможны будутъ общія засѣданія по вопросамъ, затрогивающимъ общіе интересы. «Если при выполненіи этихъ плодотворныхъ начинаній, я встрѣчу новыя затрудненія, то я одинъ стану трудиться на благо народа моего и буду себя считать единственнымъ его представителемъ». Это были сильныя слова, произнесенныя робко человѣкомъ, игравшимъ только роль, и то довольно плохо, не обладавшимъ ни твердой рѣшимостью, ни самостоятельностью убѣжденій. «Повелѣваю вамъ теперь разойтись, а завтра продолжать занятія каждой группѣ отдѣльно, въ назначенномъ для нея помѣщеніи». Дворянство и часть духовенства повиновались. Депутаты третьяго сословія не расходились. Къ нимъ подошелъ оберъ-церемоніймейстеръ маркизъ де-Брезѐ: «Господа, вы слышали приказаніе короля?» Президентъ Бальи отвѣтилъ коротко, что узнаетъ мнѣніе собранія. Тогда поднялся графъ Мирабо, котораго, невольно, собраніе признавало уже своимъ главой. «Вы не имѣете здѣсь ни мѣста, ни права голоса!» крикнулъ онъ своимъ громовымъ голосомъ испуганному царедворцу.—«Впрочемъ, передайте пославшему васъ, что мы здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно вытѣснить только вооруженной силой».

Другой человѣкъ побоялся бы говорить объ этой силѣ; онъ самъ послѣ говорилъ, что рота гренадеръ положила бы конецъ всему, но это не пришло никому въ голову; присланы были рабочіе убрать скамьи. Королева принимала ничего не стоившія пожеланія двора и поздравленія знатныхъ дворянъ по случаю удавшагося lit de justice; король, слушая докладъ оберъ-церемоніймейстера о происшедшемъ, отвѣчалъ съ безпечностью, столь роковой для него и для государства:—«Eh bien, если messieurs du tiers-état не желаютъ уходить, то можно ихъ и оставить». Побѣда партіи преобразованій.

Такимъ образомъ, совершился переворотъ. 24-го къ собранію присоединилось большинство духовныхъ, на слѣдующій день меньшинство дворянъ; остальная часть обоихъ сословій примкнула черезъ нѣсколько дней, и Бальи предсѣдательствовалъ въ соединенномъ національномъ собраніи. Можно было приступить къ составленію конституціи для Франціи, но прежде всего избрали комитетъ для подготовительныхъ работъ.

Нужно было сильное правительство, чтобы спокойно окончить работу національнаго собранія; образовать его можно было только изъ выдающихся членовъ самого собранія; такое руководство было бы возможно, оно даже требовалось тутъ болѣе, чѣмъ въ всякомъ иномъ парламентскомъ собраніи. Если Мирабо не могъ выступить руководителемъ вслѣдствіе того, что онъ называлъ позоромъ своей юности, то слѣдовало заручиться, по крайней мѣрѣ, его поддержкой. Онъ былъ настоящій государственный человѣкъ, смертельный врагъ прежняго порядка вещей и современнаго безначалія; онъ постарался сблизиться съ Некеромъ и предлагалъ ему свою поддержку. Но, гордый своею добродѣтелью, тщеславный буржуа отклонилъ предложеніе Мирабо, и собраніе было предоставлено самому себѣ. Оно состояло изъ новичковъ-политиковъ, совершенно незнакомыхъ съ порядкомъ веденія преній; слишкомъ многочисленное для спокойныхъ об- Парижъ.

сужденій, не успѣвшее образовать партій или выдвинуть руководителей; драгоцѣнное время тратилось на пустяки, скучный ораторъ произносилъ заученную рѣчь, или, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, сотни людей разомъ требовали голоса, и дни проходили среди шума, волненій, театральныхъ сценъ во французскомъ вкусѣ. Гораздо хуже было то обстоятельство, что громадное большинство членовъ было проникнуто тѣми же сильными, но безотчетными чувствами, какъ и весь народъ, той же ненавистью ко всему старому, той же надеждой на новый, идеальный государственный строй; тотъ же смутный страхъ противодѣйствія со стороны властей стараго режима и болѣе всего рабское подчиненіе громкимъ эффектнымъ фразамъ и отвлеченнымъ понятіямъ,—свобода, общественное благо, національное достоинство, гражданская доблесть, человѣческія права, народная воля и народовластіе. Этотъ власть имѣющій народъ—изобрѣтеніе Ж.-Ж. Руссо, скоро далъ почувствовать свою силу. Рядомъ съ собраніемъ и королевствомъ существовала еще власть; вблизи отъ палаты засѣданій, Версаля, жило населеніе государственной столицы, Парижа, разросшееся до 600,000 человѣкъ, превысившее всѣ округи Франціи и гордое своимъ руководящимъ положеніемъ. Естественно, что его населеніе принимало горячее, и по природѣ французовъ—страстное участіе во всемъ происходившемъ около него; для этого имъ не нужно было возмутительной матеріальной нужды народа, ни денегъ герцога Орлеанскаго, подкупавшаго руководителей этой массы. Безслѣдно не прошло ничего. Герцогъ былъ пустой, ничтожный, низкій человѣкъ, но былъ принцъ крови, былъ въ родствѣ со Дворомъ. Его Palais-royal, самъ по себѣ цѣлый городокъ съ кафе, игорными домами, ресторанами, публичными домами, очень доходное владѣніе, сдѣлался главнымъ мѣстопребываніемъ возбужденной толпы, ораторовъ, подстрекателей, которые въ послѣднее, необыкновенно благопріятное время, собрались и спозлись сюда изъ всѣхъ угловъ. Полиція уже не имѣла тамъ силы. Власть перешла къ депутатамъ округовъ и къ шумнымъ собраніямъ Palais royal'я; въ ихъ рукахъ была возможность нарушить, во всякое время, мирное согласіе собранія и короля и, при слабости исполнительной власти, вынуждали ее, бросая свое прямое дѣло, вмѣшиваться въ дѣла правленія и управленія, въ свою очередь, подпадать подъ вліяніе и владычество этой бушующей толпы. Такой случай представился по ничтожному сравнительно поводу: неповиновенія и арестованія нѣсколькихъ солдатъ французской гвардіи, грубо нарушившихъ дисциплину. Толпа, или то, что называли народомъ, освободила ихъ, а собраніе, дѣйствуя, въ сущности, согласно волѣ народа, дѣлало видъ, что ходатайствуетъ у короля о помилованіи ихъ. Король милостиво простилъ, но для порядка ихъ воротили прежде въ тюрьму. Скоро должно было выясниться еще очевиднѣе, кто былъ хозяиномъ государственнаго зданія, связи котораго, очевидно, расползались съ каждымъ днемъ.

Дворъ въ Версалѣ. Планы.

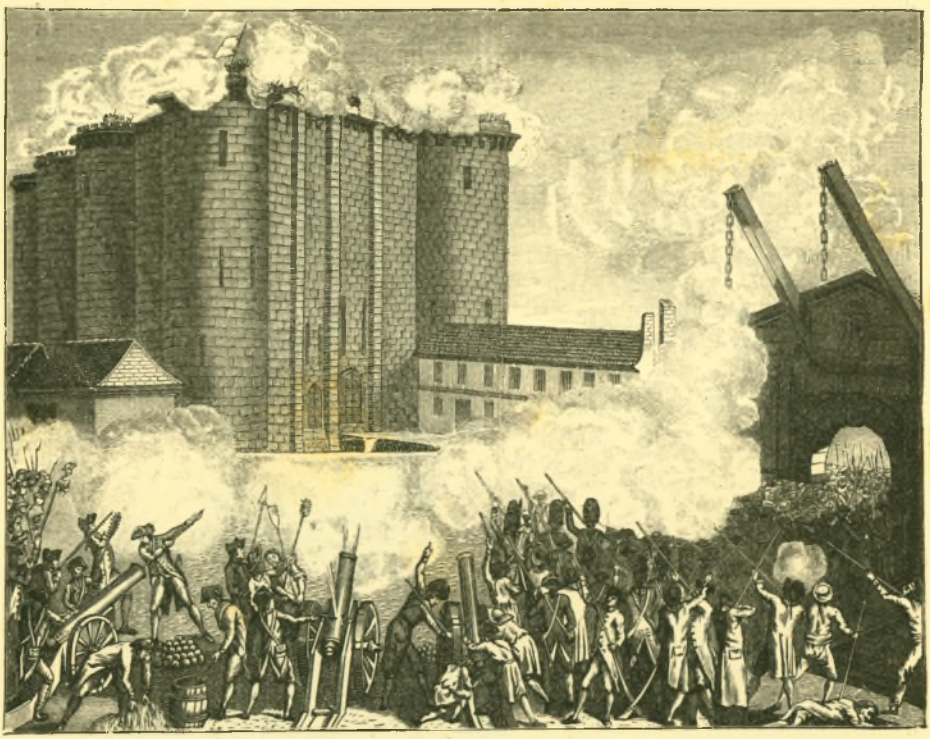
Въ высшихъ кругахъ нашли причину неудачи королевскаго засѣданія въ томъ, что подъ рукою не было войска. Въ половинѣ іюля, въ людяхъ, близко стоявшихъ ко Двору, замѣтили перемѣну: какую-то кичливость, увѣренность въ побѣдѣ. Опасеніе жителей Парижа возбуждали стягивавшіяся отовсюду къ городу войска, все иностранныя: нѣмецкіе и швей-

царскіе наемники. На запросъ депутаціи собранія объ этомъ, король далъ уклончивый отвѣтъ, а 12-го, въ воскресенье, распространилась въ Парижѣ вѣсть объ отставкѣ Некера и о составленіи новаго министерства. Замѣстителями прежнихъ министровъ называли цѣлый рядъ людей, считавшихся противниками революціи: барона де-Брейтель, маршала Брольи—грубаго солдата, котораго мы знаемъ по Семилѣтней войнѣ, интенданта Фулона, которому стоустая молва приписывала совершенно несправедливо всякія безсердечныя выраженія относительно народныхъ бѣдствій, тогда какъ онъ личными жертвами старался въ кругу своемъ облегчить эти бѣдствія. Тогда обычные посѣтители Пале-Рояля и толпа, за ними слѣдовавшая, собрались; молодой ораторъ Камиллъ Дюмулэнъ, пламенный, а, быть-можетъ, и разсчитывавшій на увлеченіе толпы, встаетъ на столъ и начинаетъ говорить рѣчь; изъ листьевъ онъ дѣлаетъ кокарду; всѣ слѣдуютъ его примѣру; образуется шествіе; впереди несутъ бюсты Некера и герцога Орлеанскаго; встрѣчаются съ вооруженными солдатами, нѣкоторою частью полка Royal Allemand; происходитъ стычка. Въ подобныхъ столкновеніяхъ бываетъ обыкновенно виновна необузданная и необдуманная толпа, а не привыкшая къ порядку и дисциплинированная сила. Толпа направляется по дорогѣ къ Palais Royal, черезъ улицу St.-Honoré къ Тюльерійскому саду, и вѣсть объ этомъ распространяется вмѣстѣ съ другой вѣстью, что войска собираются на Марсовомъ полѣ и на площади Людовика XV. Изъ всѣхъ скрытыхъ притоновъ стремятся на улицу всѣ подонки, весь сбродъ людской, и внезапно весь громадный городъ оказывается на военномъ положеніи. Посреди этой сумятицы, многочисленные избиратели собираются въ городской ратушѣ. Находя минуту удобной, они приводятъ въ исполненіе планъ организаціи милиціи. При явно возрастающей ненадежности войскъ и видимо грозящей анархіи, это казалось своевременнымъ (что предлагалъ національному собранію и Мирабо), и утромъ 13-го, въ понедѣльникъ, планъ былъ готовъ. Съ ранняго утра тѣснилась вокругъ ратуши шумная толпа; кое-гдѣ взламывали лавки съ оружіемъ, а избиратели между тѣмъ образовали постоянный комитетъ, на обязанности котораго лежала забота о доставленіи оружія гражданамъ, двумстамъ человѣкъ на каждый изъ 48 округовъ Парижа.



Камиллъ Дюмулэнъ.

По гравюрѣ Жиру.



Штурмъ Бастиліи, 14 іюля 1789 г.
Современная гравюра Г. Годэна.

Передача Бастиліи.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ достигло Версаля. Своевременно и собраніе посылало къ королю не одну депутацію, но все безуспѣшно. Ходили самые противурѣчивые слухи, 12-го и 13-го числа, о столкновеніяхъ съ войсками, о планахъ Двора; 14-го, въ 5 часовъ утра, возобновились засѣданія. Въ то время какъ обсуждали предполагаемыя приказанія войскамъ, изготовленіе бумажныхъ денегъ, сборъ запасовъ, слышались по временамъ вдали выстрѣлы, и день прошелъ среди волненій; только въ сумерки узнали достовѣрно, что дрались, что нападали на Бастилію, что лилась кровь. Дѣйствительно, съ 5 часовъ пополудни Бастилія была въ рукахъ народа. Съ ранняго утра толпы направлялись къ этой государственной тюрьмѣ Франціи. Въ ораторскихъ рѣчахъ Пале-Рояля давно говорилось объ этой крѣпости, куда, въ силу королевскаго повелѣнія объ арестованіи, сажались—на время—и слишкомъ громко говорившій писатель, и неосторожный издатель, и тому подобный неугомонный людъ. Гарнизонъ крѣпости, состоявшій изъ 32 швейцарцевъ и 92 инвалидовъ, встрѣтилъ мятежные приступы, въ которыхъ вѣроятно участвовали и нѣкоторые возмутившіеся полки гвардіи, съ величайшей умѣренностью и пощадой, по

гуманнымъ понятіямъ того времени. Къ 5 часамъ комендантъ де-Лонэ сдалъ крѣпость, послѣ того какъ со стороны «народа» дано было обѣщаніе никому не дѣлать зла. Жертвы деспотизма, которыхъ тамъ искали, не нашлись; зато вскорѣ принесены были первыя кровавыя жертвы новому деспотизму, водворившемуся на долгое время. Первой жертвой былъ начальникъ Бастиліи де-Лонэ, котораго нѣсколько солдатъ французской гвардіи тщетно старались защитить отъ совершенно обезумѣвшей, яростной толпы. Когда толпа отхлынула отъ мѣста своей легкой побѣды къ ратушѣ, гдѣ избиратели были въ сборѣ, она показала ужасные, позорные трофеи своей побѣды — пряжку отъ галстука беззащитнаго, котораго они дорогой убили. Еще ужаснѣе было то, что злодѣи эти носили на пикахъ головы нѣсколькихъ убитыхъ; но звѣрство толпы еще не было насыщено. Помощникъ торговца Флесселя обѣщалъ утромъ доставить оружіе, но явилось сильное подозрѣніе, что онъ обманываетъ народъ. Малодушіе, кажется, побудило его употребить самую опасную военную хитрость: направить народъ къ мѣсту, гдѣ не было оружія; новому властелину улицы это не понравилось; при всеобщихъ крикахъ Флесселя потащили судить въ Пале-Рояль. Народъ брался и за судъ: нѣсколько выстрѣловъ положили его на дорогѣ.

Сцены примиренія. Анархія.

Въ полночь дошли эти вѣсти до собранія; депутація, отправленная къ королю, встрѣтила его на дорогѣ. Одинъ изъ многочисленныхъ дворянъ-либераловъ, личный другъ короля, герцогъ Ліанкуръ, уговорилъ его отправиться въ собраніе безъ охраны. Его встрѣтили восторженными рукоплесканіями: послѣдовала сцена примиренія въ духѣ страны. О реакціонномъ министерствѣ не было рѣчи; нѣсколько популярныхъ депутатовъ поспѣшили въ Парижъ съ доброй вѣстью, и тамъ, подъ вліяніемъ радости, президента Бальи назначили бургомистромъ Парижа, вмѣсто убитаго Флесселя, а начальникомъ національной гвардіи избрали Лафайэта, героя сѣверо-американской войны за освобожденіе. Отслужили благодарственное молебствіе, и король далъ себя уговорить пріѣхать въ Парижъ. Новый мэръ Бальи, въ изысканной привѣтственной рѣчи, сказалъ слова, оказавшіяся, къ несчастію, пророческими: «Генрихъ IV нѣкогда покорилъ этотъ народъ; сегодня же населеніе Парижа покорило короля своего». Воротившись въ Версаль, Людовикъ призвалъ опять Некера, а собраніе избрало президентомъ, на мѣсто Бальи, герцога Ліанкура.

Взятіе Бастиліи, которая въ сущности была не взята приступомъ, а скорѣе передана народу, считалось и до сихъ поръ считается французскимъ народомъ за начало новаго времени, эрой свободы, и въ кругахъ свободомыслящихъ всего свѣта глядятъ на это съ восторгомъ. Прежде всего это было тяжелымъ пораженіемъ государственной власти, сигналомъ къ первой дикой вспышкѣ анархіи, неистовствовавшей впослѣдствіи во всей странѣ. Однимъ изъ многихъ случаевъ было убійство кратковременнаго министра Фулона, котораго толпа. подхватила въ Фонтенбло, стащила въ Парижъ, повѣсила на фонарномъ столбѣ и отрубленную его голову носила какъ трофей. Такъ же повѣшенъ зять семидесятичетырехлѣтняго Бертье, хотя оба не заслужили никакого вѣскаго упрека; старый порядокъ вещей уничтожался среди ужасовъ всякаго рода. Въ то время

какъ народъ, подъ впечатлѣніемъ созыва государственныхъ сословій и волновавшихъ его честолюбцевъ-демагоговъ, полонъ былъ самыхъ преувеличенныхъ надеждъ въ будущемъ, нужда достигла страшныхъ, угрожающихъ размѣровъ, вслѣдствіе плохихъ урожаевъ 1788 года и холодныхъ зимъ 1788 и 1789 годовъ. Всюду возбуждали народъ противъ аристократіи ораторскими рѣчами объ его неприкосновенныхъ верховныхъ правахъ и искони терпимыхъ несправедливостяхъ; слѣдствіемъ были всюду анархія и преступленія. Грабили замки, безнаказанно убивали, расхищали лѣса, нарушали права охоты. Прежнія обязанности нигдѣ не исполнялись и хорошо еще, когда землевладѣльцу или монастырю удавалось откупиться отъ дальнѣйшихъ звѣрствъ, подписавъ бумагу объ отреченіи отъ своихъ правъ. Государственная машина переставала работать; солдаты были ненадежны, бунтовали; королевскіе интенданты нигдѣ не показывались и все сродное прежнему порядку вещей попряталось. Отъ сумасбродства этой новой жакеріи не ограждали ни благородная дѣятельность благодѣтеля бѣдныхъ, ни безупречная жизнь. Подобные случаи составляютъ отличительную черту смутныхъ временъ, что доказывается примѣромъ Германіи, гдѣ это повторилось въ 1848 году, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ. Отъ конца въ конецъ Франціи разнеслась пустая молва о вооруженныхъ разбойничьихъ шайкахъ, будто бы повсюду сбиравшихся. Взбудораженный народъ трепеталъ своей собственной тѣни, и въ нѣсколько дней вся Франція вооружилась противъ разбойниковъ, которые не являлись, да и не существовали. Вновь созданная національная гвардія была сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ она подпала общему несчастію этого смутнаго времени, когда всѣ хотѣли повелѣвать и никто не хотѣлъ повиноваться. Положеніе ухудшалось съ каждой недѣлей, такъ какъ, при увеличивающейся ненадежности положенія, производительная дѣятельность ослабла, работъ не было, затруднялось обращеніе денегъ и останавливалось правильное кровообращеніе въ народномъ организмѣ. Обстоятельства усложнились еще однимъ новымъ явленіемъ, вполнѣ естественнымъ—эмиграціей аристократовъ, которые теперь нигдѣ не были ограждены отъ грубаго насилія. Первыми эмигрантами въ страшные іюльскіе дни были: графъ д'Артуа, братъ короля, и семейство Полиньякъ, особенно близко стоявшее къ королевѣ.

Ночь 4-го августа.

Собраніе приступило къ работамъ 1-го августа. Единственная хорошая сторона послѣднихъ событій, возвращеніе Некера, не имѣла особеннаго значенія. Болѣе чѣмъ когда-либо требовалось сильное правительство, а создать его Некеру было не подъ силу. Это было невозможно въ виду настроенія собранія и волненія въ народѣ. По предложенію мечтателя Лафайэта постановили, по теоріи доктринеровъ, начать конституціонную хартію декларацією правъ человѣка и гражданина. Совѣщанія эти были прерваны доходившими отовсюду извѣстіями объ увеличивающейся анархіи въ провинціи. Собраніе, съ одной стороны опасаясь оказаться недостаточно человѣколюбиво, съ другой—подъ страхомъ вооруженныхъ шаекъ, подкупленныхъ демагогами, находившимися на трибунахъ, принялось тушить огонь масломъ. Случилось это въ знаменитую ночь 4-го августа, о которой французы до сихъ поръ говорятъ съ гордостью. На очереди стоялъ вопросъ о смутахъ въ провинціи. Настроеніе собранія было воз-

вышенное, и два знатныхъ представителя, виконтъ де-Ноаль и герцогъ де-Эгильонъ, краснорѣчиво выразились, что этимъ безпорядкамъ можетъ помочь только радикальное средство—немедленное уничтоженіе феодальныхъ тягостей. Это было собраніе французовъ, одинъ ораторъ за другимъ говорилъ противъ феодальныхъ правъ, горячились все болѣе и болѣе; привилегированные тѣснились, спѣша складывать права свои «на престолъ отечества», какъ они говорили. Одинъ изъ депутатовъ, не потерявшій еще головы, положилъ передъ предсѣдателемъ записочку: «никто не владѣетъ собою, закройте засѣданіе». Никто не обратилъ на это вниманія и съ новымъ восторгомъ встрѣчали всякое новое рѣшеніе или предложеніе; при царившемъ въ этомъ засѣданіи безпорядкѣ, трудно было разобрать, что предлагаютъ, и что утверждаютъ. Королю присудили титулъ restaurateur de la liberté Française, и такъ, при ликованіяхъ собранія, въ теченіе шести часовъ, въ ночь на 4-е августа, пало тысячелѣтнее старое зданіе государственнаго и общественнаго устройства. Уничтожены были родовыя и владѣльческія права, всѣ привилегіи городовъ и провинцій, права охоты, голубятень, загоновъ для кроликовъ, крѣпостныя права, покупка должностей, десятина, судейскія взятки, избавленіе отъ налога. Начиная съ 6-го августа, началась редакція постановленій. При этомъ скоро выказались величайшія трудности, и ежели бы собраніе и весь народъ не были бы охвачены самообольщеніемъ и идеологическими увлеченіями, то увидали бы всю ребяческую поспѣшность сдѣланнаго, замѣнявшаго порядокъ, хотя и плохой, но все-таки порядокъ—хаосомъ. Такъ именно случилось со статьями, касавшимися уничтоженія или, вѣрнѣе, освобожденія отъ платежа $^1/_{10}$, какъ это было рѣшено. Тутъ выказалось враждебное настроеніе къ церковнымъ дѣламъ. Аббатъ Сіэйсъ, не сочувствовавшій увлеченіямъ той бурной ночи, высказалъ передъ собраніемъ слѣдующія строгія слова: «Вы хотите быть свободными, а не умѣете быть справедливыми». 11-го окончили редактированіе постановленій, а 13-го представили ихъ королю, принявшему предложенный ему собраніемъ титулъ возстановителя свободы французовъ.

Конституціонные вопросы. Права человѣка.

Первымъ послѣдствіемъ постановленій было то, что тотчасъ и всюду, больше прежняго, всѣ стали отказываться отъ выполненія всякихъ обязательствъ. Недоимки въ государственномъ казначействѣ дошли до невѣроятнаго, путаница понятій увеличивалась. «Гдѣ бы мы были», взывалъ одинъ депутатъ, и никого не поражало его преступное безуміе,—«гдѣ бы мы были, Великій Боже, не будь у французской гвардіи довольно разума, довольно философіи, чтобы предпочесть священныя права человѣка и гражданина мертвящимъ, безжизненнымъ законамъ военнаго кодекса?» Грубое безначаліе и дезертирство массами доказывали, что послѣдователи этой философіи, признавая вообще «обязанности» гражданина или человѣка, все болѣе и болѣе освобождали себя отъ честнаго исполненія прямыхъ обязанностей каждаго по должности, по званію и относительно семьи. Когда, 7 августа, Некеръ потребовалъ новаго займа, тогда указали на имѣнія духовныхъ, какъ ближайшій способъ выйти изъ финансоваго затрудненія. Работы собранія подвигались медленно и при постоянныхъ препятствіяхъ. Помѣхою было честолюбіе многихъ членовъ, желавшихъ послушать себя

и, при непривычкѣ къ общественнымъ рѣчамъ, большинство прочитывало сочиненія, читанныя уже въ салонахъ, и на которыя они глядѣли, преимущественно, какъ на изящное или сценическое произведеніе. Мѣшало и то, что рядомъ съ буйной, хотя еще и небольшой, радикальной партіей, члены правой стороны вмѣсто того, чтобы спасать, что можно, вели себя недостойно, неприлично, слѣдуя грустной политикѣ, — теоріи пессимизма «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Но все это было неважно сравнительно съ полнымъ бездѣйствіемъ правительства, нимало не вліявшаго на собраніе. Наконецъ, дошли до «человѣческихъ и гражданскихъ правъ», о которыхъ разсуждали цѣлыя недѣли. Это вызывало всегда строгую критику практическихъ государственныхъ людей, какъ Мирабо, а также практическаго народа, англичанъ, хотя на ихъ конституцію идеологи эти, въ свою очередь, глядѣли съ презрѣніемъ. Это были правила, опредѣленія, принципы лучшаго міра, при чемъ ясно выступало глубокое вліяніе на всѣ умы отвлеченно-доктринерскаго характера литературной оппозиціи. «Каждый человѣкъ имѣетъ природное право заботиться о своемъ сохраненіи», гласитъ первый параграфъ. Существенный смыслъ его можно выразить такъ: «всѣ люди свободны и равны, и только благосостояніе ихъ можетъ быть различно; всѣ люди имѣютъ право противиться притѣсненіямъ; верховная власть исходитъ отъ народа, и тѣ, кому она ввѣрена народомъ, суть единственные законные властители». Все это были постановленія, совершенно ненужныя для государства, пережившаго тысячелѣтія; слова непонятныя или, еще хуже—полупонятныя, потому въ высшей степени сбивчивыя и опасныя для большинства народа, изъ 26 милліоновъ котораго грамотныхъ насчитывалось едва милліонъ. То же доктринерство господствовало въ отдѣльныхъ постановленіяхъ. Въ угоду отвлеченной теоріи отвергли систему двухъ палатъ, какъ дознано теперь, всегда самую благоразумную и необходимую, въ данномъ случаѣ особенно нужную, чтобы облегчить, сгладить, сдѣлать сколько-нибудь возможнымъ переходъ отъ стараго порядка въ новому. Вопросъ о королевскомъ veto, болѣе всѣхъ другихъ, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе революціонной агитаціи, и тутъ-то выказалась вся ошибочность отвлеченныхъ понятій и незнакомства съ исторіей. Дѣло шло о существованіи королевства. Для дѣйствительности закона признали необходимымъ одобреніе короля; что ежели король откажется одобрить какой-нибудь законъ? Допустить силу veto безусловную, неограниченную, какъ въ англійской и большинствѣ новѣйшихъ конституцій, или ограничить его, допуская только отсрочку рѣшенія, такъ, чтобы законъ вступалъ въ силу безъ воли короля, подтвержденный только нѣсколькими сессіями собранія. Словомъ, будетъ-ли veto неограниченное (absolu), или пріостанавливающее (suspensif). Опытъ и изученіе живыхъ народныхъ и государственныхъ организмовъ, какими показываетъ ихъ намъ исторія, отвѣчаетъ, что первое (т. е. безусловное veto), немыслимо тамъ, гдѣ государство не призрачное, а дѣйствительное. На дѣтское возраженіе, что такимъ образомъ одинъ человѣкъ можетъ навѣки задержать законодательство великой націи, возражаютъ, что тотъ, кто не можетъ выдержать противорѣчія, не можетъ быть и поддержкой; чему можно случайно повредить, то не можетъ быть полезно. Можно со-

слаться на примѣръ Англіи, гдѣ конституціей установлено безусловное veto, но имъ не пользуются уже около 200 лѣтъ. Напротивъ, только «пріостанавливающее veto» дѣлаетъ народныхъ представителей всемогущими,—какъ было во Франціи временъ національнаго собранія, когда всемогущей стала одна палата, придавая всему остальному характеръ нерѣшительный, непостоянный, незаконченный и настежь отворивъ ворота худшей изъ тираній,—тираніи большинства законодательнаго собранія. Мечтатели эти ничего не предвидѣли; напрасно раздавались мѣткія и глубокомысленныя слова Мирабо: «свободѣ народа необходимъ король!» Въ новой конституціи прежде всего искали принциповъ contrat social. До столкновенія не дошло при слабости короля, который, повидимому, вовсе не заботился объ этихъ подробностяхъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, онъ утвердилъ постановленіе 4-го августа, вмѣстѣ съ предложеніемъ Некера. Для покрытія страшнаго недочета въ финансахъ, Некеръ предлагалъ взимать четвертую часть всѣхъ доходовъ, въ видѣ чрезвычайнаго налога; собраніе утвердило это подъ впечатлѣніемъ патріотической рѣчи Мирабо: «банкротство стоитъ передъ вами, банкротство во всемъ ужасѣ,—оно грозитъ вамъ, грозитъ поглотить вашу честь, ваше достояніе,—а вы совѣщаетесь!»

Общее положеніе дѣлъ не улучшалось; оно вращалось въ заколдованномъ кругу; нужда вызывала волненія, смуты, останавливая торговлю и обмѣнъ произведеній, приводила къ нуждѣ; одна бѣда загоралась и усиливалась отъ другой. Безначаліе развивалось все болѣе и болѣе, и демагогія Парижа преподала анархіи въ провинціи еще новые завѣты и указало новыя жертвы. Измѣнниками народу считались всѣ, кто стоялъ за двѣ палаты, за непрерывность засѣданій, за veto. Понять значеніе veto предоставлено было невѣжественной толпѣ, все болѣе дичавшей, доведенной ложью, клеветой и нелѣпыми разсказами до лихорадочнаго бреда. Недорогого стоила и національная гвардія; она сама избирала себѣ офицеровъ и имъ только повиновалась; это расшатывало и ослабляло дисциплину въ арміи; но всѣ находили, что избраніе себѣ офицеровъ согласовалось съ правами человѣка и гражданина. Такая зараза разносилась дикой и низкой прессой, среди которой особеннымъ вліяніемъ пользовался «Ami du peuple»; издатель его, Поль Маратъ, былъ прежде плохимъ лѣкаремъ, потомъ занималъ мѣсто ветеринара въ конюшнѣ графа д'Артуа. Наконецъ, дошло до отвратительныхъ сценъ 5 и 6 октября. Среди голодающаго народа, ежедневно толпившагося передъ ратушей, булочными и овощными рынками,—для охраны ихъ требовалась національная гвардія,—распространилась мысль, что нужда прекратится, ежели въ Парижѣ будетъ жить король, котораго аристократы хотятъ увезти въ Мецъ. Приготовились къ большой демонстраціи, и 5 октября огромное шествіе женщинъ, между ними были, говорятъ, переодѣтые мужчины, двинулось къ Версалю. Прибывъ туда въ три часа, они расположились вокругъ дворца и потребовали отъ собранія, черезъ своихъ депутатовъ, испросить у короля простое согласіе на рѣшенныя, къ этому времени, конституціонныя постановленія. Поневолѣ и осажденный, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, онъ согласился къ 10 часамъ. Въ Парижѣ среди черни и національной гвардіи, куда втерлись разные негодяи изъ арміи, возгорѣлось желаніе

5 и 6 октября.

слѣдовать за шествіемъ, и командиръ ея, Лафайэтъ, сначала противившійся этому, призналъ за лучшее согласиться и стать во главѣ. Онъ былъ ихъ вождь и потому онъ долженъ идти съ ними. Дорогой онъ заставилъ ихъ присягнуть королю и національному собранію. Какъ будто это могло имѣть значеніе! Въ полночь они дошли. Считая спокойствіе обезпеченнымъ, онъ къ утру прилегъ; между тѣмъ толпа черни проникла во дворецъ съ намѣреніемъ убить «австріячку». Она едва успѣла, полуодѣтая, спастись у короля, а два тѣлохранителя, стоявшіе на стражѣ, были убиты, исполняя долгъ свой. Лафайэтъ во-время поспѣлъ и отвратилъ худшее; утромъ 6-го происходило новое примиреніе. Король, королева и Лафайэтъ вышли на балконъ. Въ привѣтственныхъ крикахъ стоявшей внизу толпы слышались приглашенія въ народномъ духѣ, по вѣжливому выраженію исторіи, переѣхать въ Парижъ, на что Людовикъ выразилъ согласіе. Въ шествіи, сопровождавшемъ его въ добрый городъ Парижъ, было нѣсколько храбрецовъ, которые несли на пикахъ головы убитыхъ тѣлохранителей. Поздно вечеромъ 6-го прибылъ онъ въ Тюльери, а въ половинѣ октября перебралось туда и національное собраніе.

Король и собраніе въ Парижѣ.

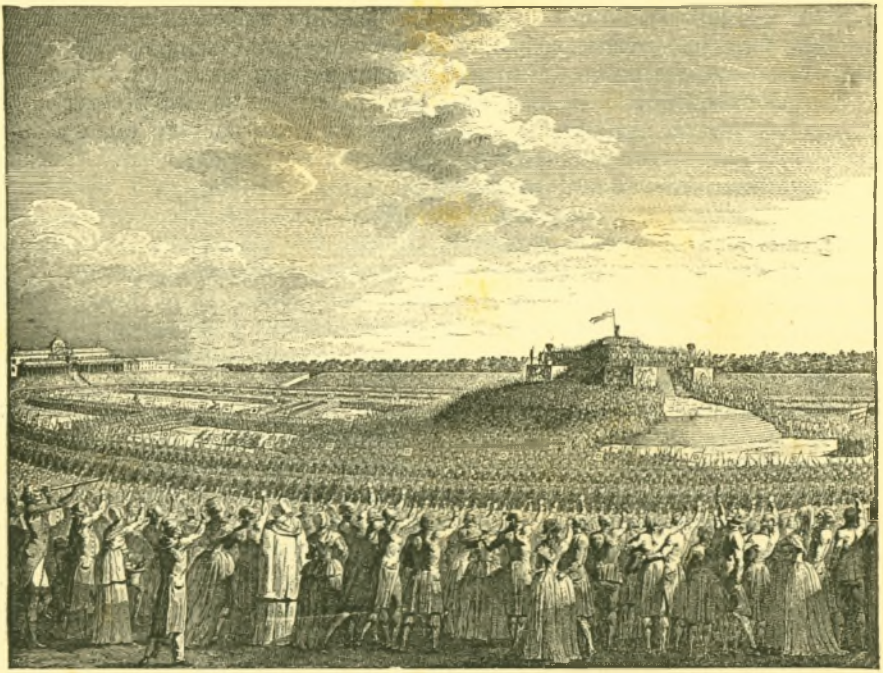
Наступила слабая реакція, въ смыслѣ порядка, такъ что остальная часть года и первая половина слѣдующаго прошли относительно спокойно. Національное собраніе издало военный законъ; герцога Орлеанскаго удалили въ Англію, и явилась надежда на улучшеніе положенія въ виду назначенія въ концѣ 1789 г. Мирабо, секретно, совѣтникомъ короля. Его мысль была образовать сильное и въ то же время либеральное правительство. Либеральнаго, современнаго, народнаго начала онъ не находилъ ни въ рѣшеніяхъ и правилахъ, ни въ направленіи правительства. Мечтою его было освобожденіе народной и государственной жизни отъ стѣсненій привилегіями и монополіями; свободы совѣсти—отъ повелѣній господствующей и нетерпимой Церкви; освобожденіе рабочихъ отъ зависимости землевладѣльца, капитала отъ монополіи биржи и столицы; избавленіе правосудія отъ страннаго положенія, въ силу котораго оно составляло какъ бы частную собственность землевладѣльца и сочленовъ судебнаго парламента; финансовъ—отъ непомѣрной и непозволительной расточительности жадныхъ царедворцевъ; управленія—отъ взятокъ и продажности должностей; наконецъ, единства народнаго—отъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и привилегій провинціальныхъ. Все это было устранено въ принципѣ, и главную задачу руководителя Мирабо видѣлъ въ проведеніи и поддержкѣ этихъ великихъ принциповъ. Страшная опасность была не тамъ, гдѣ легкомысленная толпа и лицемѣрные честолюбцы видѣли ее: не въ упорствѣ или козняхъ правительства слѣдовало искать ее, но въ отсутствіи всякаго правительства. Для возстановленія правительства онъ думалъ прежде всего удалить короля изъ этого кипящаго водоворота въ самую либеральную провинцію, Нормандію, хотя бы въ Руанъ, и оттуда, просматривая рѣшенія національнаго собранія, утверждать и проводить новую свободу. Надо было начать дѣйствовать рѣшительно и выказать эту рѣшимость тѣмъ, что, побѣдивши разныя мелкія соображенія, поставить во главѣ правленія самого геніальнаго совѣтника, дѣйствовать заодно съ нимъ или черезъ него, или предоставить дѣло ему. Но, именно послѣ

Библіотека Словка

ужасныхъ событій, только что пережитыхъ, слабый король не могъ рѣшиться ни на что. Мирабо постарался подойти къ своей цѣли другимъ путемъ. Онъ предложилъ собранію дать министрамъ мѣсто и совѣщательный голосъ въ преніяхъ—дѣло понятное и обычное въ наше время. Посредственность тотчасъ поняла, куда онъ мѣтитъ, и повела противъ этого плана встрѣчную интригу. На слѣдующій же день внесено было однимъ депутатомъ предложеніе, чтобы ни одинъ членъ національнаго собранія не могъ быть министромъ во время этой сессіи. Какъ будто невозможно и не въ высшей степени желательно, чтобы министръ одновременно пользовался довѣріемъ короля и народа. Вполнѣ неосновательное рѣшеніе это было проведено партіей или котеріей второстепенныхъ талантовъ, Барнавъ и Ламеттъ. Собраніе продолжало затѣмъ работу надъ конституціей и довело ее почти до конца. Передъ наступленіемъ ужаснѣйшихъ годовъ ея исторіи, 14 іюля 1790 г. Франція еще отпраздновала день введенія конституціи, праздникъ федераціи.

Праздникъ союза 14 іюля 1790 г.

Возвышенное настроеніе, еще раньше 1789 г. охватившее народъ, почерпало силу свою въ гуманныхъ понятіяхъ вѣка и навсегда останется чѣмъ-то прекраснымъ и величавымъ. Лучшіе люди того времени проникнуты были этими гуманными убѣжденіями и старались, согласно съ ними, передѣлать дѣйствительность. Это было благодатью для позднѣйшихъ поколѣній, и никто не дерзетъ отрицать, что возведеніе этихъ новыхъ идеаловъ составляетъ непреходящую заслугу Франціи передъ человѣчествомъ. Такое настроеніе умовъ, въ теченіе этого великаго года, породило множество союзовъ, братствъ, обществъ на основѣ новыхъ понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало и много празднествъ, самое величественное изъ которыхъ готовилось теперь въ Парижѣ. По постановленію муниципалитета и національнаго собранія, для увѣнчанія союза или федераціи въ одно соединеніе всѣхъ французовъ, на Марсовомъ полѣ построили, усердіемъ цѣлаго населенія, громадный амфитеатръ на 400,000 мѣстъ. Въ новой Франціи, признавшей человѣческія права, всѣ—братья и сестры, и мы видимъ работающихъ рядомъ монаха съ солдатомъ, даму въ шелку рядомъ съ работницей въ шерстяномъ платьѣ. Подходятъ депутаціи со всѣхъ концовъ Франціи, отъ національной гвардіи, отъ арміи, моряковъ, союзовъ (федерацій), рядомъ съ безчисленными, единичными, восторженными и любопытными. Утромъ 14 іюля отправились на мѣсто торжества король и семейство его, весь Дворъ, національное собраніе, общинный совѣтъ Парижа, федераціи изъ провинцій, депутаціи съ ихъ знаменами. Дождь лилъ, но живой нравъ, которымъ одаренъ этотъ народъ, восторжествовалъ надъ плохой погодой, длинными переходами и плохими дорогами. Среди громаднаго мѣста торжества стоялъ алтарь отечества: тамъ епископъ Отёнскій Талейранъ отслужилъ обѣдню съ триста шестьюдесятью священнослужителями, одѣтыми въ бѣлое, опоясанными трехцвѣтными шарфами, бѣлымъ, краснымъ, синимъ, сдѣлавшимися во время одной изъ примирительныхъ сценъ символомъ новаго порядка вещей. Военная музыка сопровождала это странное религіозное торжество. Епископъ освятилъ сначала старое знамя Франціи королевской, хоругвь, затѣмъ знамена 83 департаментовъ, на которые, по рѣшенію собранія, раздѣлена была страна, вмѣсто



Праздникъ федераціи, 14 іюля 1790 г.
Современное изображеніе.

прежняго дѣленія на провинціи. Послѣ этого принесъ гражданскую присягу Лафайэтъ, какъ первый гражданинъ, за моремъ обнажившій свой мечъ на служеніе свободѣ и человѣческихъ правъ. «Мы клянемся въ вѣрности закону, націи, королю». Залпъ артиллеріи, съ криками «vive la nation, vive le roi» раздался при бряцаніи оружія и тушѣ всѣхъ инструментовъ. Затѣмъ принесъ присягу президентъ національнаго собранія, потомъ король: «Національнымъ собраніемъ установленную и мною принятую конституцію честно соблюдать». Въ эту самую минуту солнечный лучъ прорвался сквозь облако, королева подняла дофина вверхъ, и восторгъ народа достигъ высшей степени. Все слилось въ одно чувство: не было различія вѣроисповѣданій, сословій, провинцій, солдатъ или духовныхъ, знатныхъ или третьяго сословія,—все это были члены одной, новой, переродившейся Франціи. Торжество продолжалось еще нѣсколько дней. Бастилія была срыта и на томъ самомъ мѣстѣ устроены танцы. Всѣ желали представиться королю, уходили отъ него въ восторгѣ отъ пріема его и празднествъ. Одушевленіе распространялось во всѣхъ провинціяхъ и праздники, устроенные разными обществами, продолжались еще нѣкоторое время.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Революція до осужденія короля.

Послѣ праздничныхъ увлеченій слѣдовали рабочіе дни, когда противорѣчія съ неумолимой дѣйствительностью снова предстали во всей силѣ. Съ октября предводители умѣренныхъ, Мунье, Лалли-Толендаль и др., выбыли изъ національнаго собранія; многіе члены, опасаясь угрозъ или напуганные чернью, не являлись уже на засѣданія. Эмиграція принимала все бо́льшіе размѣры и была для многихъ, особенно для офицеровъ, истинной и горькой необходимостью; ни величайшее терпѣніе, ни сдержанность не охраняли отъ грубости шатавшейся толпы и вооруженныхъ плутовъ-предводителей и, при слабости и безсиліи начальства, не находили защиты ни въ деревнѣ, ни въ городѣ. Съ другой стороны праздникъ 14 іюля былъ бѣльмомъ на глазу радикальной партіи, для которой примиреніе не было цѣлью. Они начали очень зло: отъ ихъ вниманія не ускользнуло, что большая часть союзниковъ горячо преданы королю, и это настроеніе еще окрѣпло послѣ праздника. Тонъ ихъ газетъ и брошюръ сдѣлался, если то возможно, еще ядовитѣе. «Приготовьте восемьсотъ висѣлицъ въ Тюльерійскомъ саду и повѣсьте всѣхъ предателей отечества, и гнуснаго Рикетти во главѣ всѣхъ»; въ искусствѣ поражать словами, лгать бездоказательно, подозрѣвать и въ подобныхъ средствахъ демагогіи они достигли высокаго совершенства; гораздо важнѣе была окрѣпшая организація радикальной партіи, пустившей корни въ самыхъ маленькихъ кружкахъ и охватившей въ короткое время всю Францію, въ то время какъ государственный порядокъ и правильная организація власти разлагались и распадались всюду. То былъ *клубъ якобинцевъ*, получившій названіе отъ своего перваго помѣщенія въ Парижѣ. Онъ опередилъ всѣ безчисленныя свободомыслящія общества и въ немъ было 1,200 членовъ къ началу 1791 г. и 229 филіальныхъ клубовъ въ департаментахъ, безпрестанно разраставшихся, къ чему давно уже привыкли, и получавшихъ свои лозунги изъ Парижа. Здѣсь первенствовали таланты, которымъ національное собраніе казалось слишкомъ утонченнымъ, и не мало умѣренныхъ скорѣе попятилось за спину радикаловъ; здѣсь въ первый разъ старое французское обращеніе monsieur было откинуто, какъ аристократическое, и замѣнено словомъ citoyen (гражданинъ) по новой модѣ; здѣсь-то сочинялись прошенія, адресы, демонстраціи, которыми толкали впередъ національное собраніе. При безчисленныхъ мятежахъ въ провинціи, возмущеніяхъ военныхъ въ Нанси, въ августѣ 1790 г., кровавыхъ волненіяхъ католиковъ и протестантовъ на югѣ, не было недостатка въ матеріалѣ для ораторовъ и демонстрацій. Одно изъ многихъ зрѣлищъ, представленныхъ собранію, осталось безсмертнымъ по особенному безобразію: 19 іюня, безумный баронъ, господинъ

Партія якобинцевъ.

фонъ-Клотцъ, родомъ изъ Клэва, измѣнившій свое нѣмецкое имя въ Анахарсисъ Клоотсъ, во главѣ депутаціи «рода человѣческаго», состоявшей изъ шестидесяти нанятыхъ бродягъ, переодѣтыхъ Испанцами, Турками, Халдеями, Монголами, Неграми и т. п., явился передъ лицомъ собранія, и нельзя было не оказать этимъ шутамъ должнаго почета въ засѣданіи. Въ другой разъ, подъ давленіемъ тѣхъ же страстей, было принято рѣшеніе объ уничтоженіи нѣкоторыхъ титуловъ; такимъ образомъ, графъ Мирабо съ тѣхъ поръ назывался только Рикетти, и т. д.; гораздо болѣе опасеній внушали отношенія собранія къ церковнымъ вопросамъ и ко всему, что съ ними связывалось; они-то и послужили элементомъ для дальнѣйшаго броженія и раскола.

Революція и католическая Церковь.

Съ октября 1789 г. до середины слѣдующаго тянулся вопросъ о церковныхъ имуществахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о положеніи духовенства въ вновь созидаемомъ государствѣ. При разсмотрѣніи нуждъ казначейства, указывали на это богатое имущество, 3 милліарда по оцѣнкѣ, и въ теоріи преобладающей партіи было положено, что эти имущества принадлежатъ народу: «они отдаются въ распоряженіе народа», было рѣшено по представленію Мирабо, и слѣдующее опредѣленіе отъ 9 декабря 1789 г. «продать имущества на 400 милліоновъ»—объяснило это возраженіе. Государство приняло на себя обязательство выдавать за это духовенству жалованье; опредѣлено было очень выгодное для низшаго духовенства постановленіе, что не должно быть прихода менѣе 1,200 франковъ, при квартирѣ и съ садомъ. Гораздо рѣшительнѣе поступала новая «конституція для духовенства» 29 мая 1790 г., утвержденная 12 іюля, по которой постановлено, чтобы въ будущемъ избиратели каждаго округа выбирали себѣ приходскаго священника; департаментскіе избиратели—епископа. Гражданская присяга потребовалась и отъ священства, какъ включеннаго въ гражданскую конституцію. Страшное столкновеніе послѣдовало по этому поводу. Священники были не только граждане и не это было ихъ первою обязанностью. Громадное большинство ихъ было глубоко проникнуто тѣмъ, что они принадлежатъ другому обществу, основаніе которому положено въ такія времена, когда о французской націи и понятія не имѣли. Общинѣ, освященной силой и вѣрой тысячелѣтій, которая распространялась далеко за предѣлы этой страны и эпохи, и въ обширномъ значеніи слова называющей себя всемірной, каѳолической. Современные взгляды, просвѣтительныя идеи проникли и въ римское духовенство и, какъ водится, многіе духовные дѣлались крайними радикалами. Аббатъ Грегуаръ, одинъ изъ этихъ пламенныхъ, первый присягнулъ по-новому. Талейранъ изъ Отена былъ первый епископъ, избранный по новому уставу; но большинство духовенства не слѣдовало этому примѣру, и вскорѣ возникъ вопросъ: о священникахъ, отвергающихъ присягу, prêtres refractaires, составившій важную и тяжелую задачу въ искусствѣ управлять тогдашней Франціей. Собраніе, признавая съ логической вѣрностью, что всякая власть истекаетъ изъ верховной воли народа, признало и духовенство слугами и повѣренными этой верховной воли и предоставило имъ (26 января 1791 г.) выборъ между присягой или потерей мѣстъ. Не присягавшихъ было большинство; изъ 131 епископа, принесли присягу только 3, и эта невоору-

женная корпорація оказала совершенно иное противодѣйствіе, чѣмъ другія безчисленныя общества, которыя такъ легко разбивали на части. Большинство народонаселенія сочувствовало неприсягавшимъ священникамъ. Присягнувшіе, поддержанные народной демагогической силой, въ ту минуту властвовавшей, могли занять церкви и священническіе дома, но сердца вѣрующихъ, т. е. большинство собственно народа, не было съ ними; наиболѣе опаснымъ для хода дѣлъ было то обстоятельство, что въ этомъ случаѣ король выказалъ нѣкоторое упорство, какого обыкновенно не выказывалъ. Мучимый совѣстью, онъ обратился къ папѣ и получилъ оттуда отвѣтъ: не рисковать спасеніемъ души своей и народа своего, нарушая обязанности относительно Церкви, что было и его собственнымъ искреннимъ убѣжденіемъ. Скорбя сердцемъ, утвердилъ онъ эти рѣшенія, когда его къ тому принудили; но послѣднее слово не было сказано, и вопросъ этотъ долженъ былъ найти себѣ точку исхода.

Смерть Мирабо. 1791.

2 апрѣля 1791 г. Людовикъ былъ лишенъ послѣдней возможности спасти свое королевское достоинство отъ поднимавшагося революціоннаго прилива: Мирабо скончался. Съ начала года онъ получалъ правильные платежи изъ королевской шкатулки, необходимые ему при разстроенныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Совѣты его были драгоцѣнны; прошедшее Мирабо въ нѣкоторомъ смыслѣ и настоящее его отвращало отъ него короля, но понемногу онъ привыкъ къ мысли о союзѣ съ нимъ, надѣясь, что вмѣшательство такой силы, въ крайнемъ случаѣ, дастъ благопріятный оборотъ дѣламъ, а желаніе многихъ—покончить съ революціей, пришло бы ему наконецъ на помощь. Мирабо обладалъ свойствомъ государственнаго человѣка: истинное одушевленіе и идеалы, возвышавшіе его надъ болотомъ пороковъ, вѣрный взглядъ на исполнимое, практическое, необходимое, непреодолимое мужество (въ такія времена драгоцѣннѣйшее свойство), горячее краснорѣчіе и величіе рѣчи страстно чувствующаго человѣка,—все, что требовалъ духъ его народа. Одного ему недоставало—общественное мнѣніе старалось не замѣтить этого въ государственномъ человѣкѣ—силы, которую даетъ сознаніе нравственной чистоты. Неизвѣстно, повредило-ли бы ему въ глазахъ народа то, что, готовясь стать во главѣ правленія, онъ принималъ отъ Двора деньги; онъ не продавалъ своихъ убѣжденій и не выдавалъ народное дѣло; извѣстно, что въ послѣднее время его мучило одно, что съ огорченіемъ онъ называлъ «безнравственностью своей молодости, позоромъ юности», и горечь предчувствія близкой своей кончины усиливалась для него при мысли, что ему не удалось искупить свои грѣхи и заблужденія большой заслугой отечеству: онъ умеръ 42 лѣтъ. Съ томительнымъ напряженіемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ прослѣдили друзья, враги и нація ходъ болѣзни и предсмертную борьбу могучаго тѣломъ и духомъ человѣка, всегда занимавшаго всѣ умы: тѣло его было положено въ церкви св. Женевьевы, переименованной въ Пантеонъ.

Бѣгство короля.

Король, окруженный теперь ничтожными людьми, пошелъ обычнымъ, безхарактернымъ путемъ своимъ:—даже Некеръ, опошленное имя, удалился въ сентябрѣ 1790 г. Сношеніями заграничными, черезъ получившихъ нѣкоторое значеніе эмигрантовъ, одновременно подбадриваемый и запугиваемый,

безсильный въ отношеніи къ возрастающей анархіи, огорченный отношеніями революціи къ римской Церкви, которой онъ преданъ былъ по глубокому чувству и горячей вѣрѣ, оскорбленный въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ, склонялся онъ къ мысли о бѣгствѣ, но не въ Мецъ, Ліонъ или Нормандію, какъ нѣкогда задумывалъ Мирабо. Хотя мысль, пришедшая ему въ голову при изученіи исторіи Карла I, что отъѣздомъ своимъ онъ подаетъ поводъ къ междоусобной войнѣ, мучила его; но его смущалъ вопросъ о требованіи присяги священниковъ и обида, испытанная имъ при поѣздкѣ въ Сенъ-Клу 18 апрѣля, когда національная гвардія и столпившійся народъ остановили его, а національное собраніе, на его жалобы, отвѣтило только вѣжливыми словами. Это все заглушило его сомнѣнія.

Неудача.

20 іюня 1791 г., въ часъ ночи, Людовикъ и Марія-Антуанета, переодѣтые, покинули дворецъ и на бульварѣ сѣли въ экипажи съ паспортомъ на имя баронессы Корфъ, со свитой, и поѣхали по направленію къ Шалону и Монмеди, по соглашенію съ маршаломъ Вулье, обѣщавшимъ обезопасить бѣгство войсками. Отъѣздъ былъ устроенъ такъ непредусмотрительно, какъ только возможно; пустые вопросы этикета, несчастіе этого двора, примѣшались сюда и произвели задержку на 24 часа, перепутавшіе всѣ прочія приготовленія; но карета съ эмигрантами счастливо достигла Сенъ-Мену. Такъ какъ лицо короля, и безъ того замѣтное, было достаточно извѣстно по монетамъ и ассигнаціямъ, то почтмейстеръ Друэ узналъ короля, не желавшаго принимать никакихъ мѣръ предосторожности. Друэ былъ якобинецъ по духу и раздѣлялъ убѣжденіе, что это бѣгство могло служить сигналомъ междоусобной войны и самаго страшнаго бѣдствія—возвращенія эмигрантовъ: проселкомъ обогналъ онъ королевскую карету по дорогѣ въ Вареннъ. Карета была остановлена. Чернь собралась, забили тревогу, улица и мостъ чрезъ Эну были заграждены. Драгуны Булье, не особенно ревностные, не оказались на мѣстѣ; когда маршалъ подъѣхалъ къ баррикадамъ Варенна, то оказалось, что карета королевской семьи уже полтора часа какъ ѣдетъ обратно по направленію къ Парижу, и по всей странѣ били въ набатъ. Доказательствомъ дурной организаціи служитъ то, что въ Парижѣ бѣгство было открыто и обнаружено въ то же утро послѣ отъѣзда, и Лафайэтъ, особенно отвѣтственный за побѣгъ, дѣйствовалъ теперь энергично. Они потребовали къ суду министровъ, отрядили комиссаровъ къ войскамъ, дабы привести ихъ къ присягѣ національному собранію, разсылали приказы задерживать всякаго, кто покидаетъ королевство, приводя въ извиненіе почтительную выдумку, будто бы общественные враги увезли короля силой. Конечно, узнали, что въ Тюльери нашли протестъ, въ которомъ король оправдывалъ свой отъѣздъ горькими упреками, а вечеромъ 22-го стало извѣстно, что карета остановлена. Напротивъ, monsieur, графъ Прованскій, поѣхавшій въ обыкновенной каретѣ и въ другомъ направленіи, благополучно достигъ границы.

Партія Ламеттъ.

Послѣ того, какъ собраніе рѣшило, именно, что его декреты не требовали въ настоящее время согласія короля, посланы были три депутата сопровождать поѣздъ короля и занять мѣсто въ дорожной каретѣ его. Можно себѣ вообразить пріятности этого путешествія. Въ Парижѣ, куда король прибылъ 25-го, послѣ четырехъ ужасныхъ дней, онъ былъ при-

нять молчаніемъ громаднаго стеченія народа, привлеченнаго небывалымъ зрѣлищемъ, и караулъ такъ строго охранялъ его, что онъ дѣйствительно могъ считать себя узникомъ. Между тѣмъ, радикальная партія, добивавшаяся регентства, не устояла, и къ престолу приблизилась, въ противовѣсъ ей, «партія Ламеттъ», желавшая сохраненія королевскаго достоинства. Настала минута, когда изъ демагоговъ нетрудно было попасть въ министры. Барнавъ, одинъ изъ главныхъ комиссаровъ, сопровождавшихъ королевскую карету, остроумный и оживленный молодой человѣкъ, вошелъ въ соглашеніе съ королевой, которой понравился. Совѣтуясь съ нимъ, король давалъ разумные отвѣты комиссіи, которая его выслушивала и допрашивала, слѣдствіемъ чего было возвращеніе королю его власти, съ условіемъ, что онъ будетъ признанъ отрекшимся отъ престола и преступившимъ присягу конституціи, если съ войскомъ пойдетъ противъ народа или допуститъ, чтобы другіе дѣйствовали его именемъ; въ такомъ случаѣ онъ будетъ отвѣтственъ, какъ простой гражданинъ.

Утвержденіе конституціи.

Большинство въ собраніи были монархисты, какъ и громадное большинство народа, и выказывали въ отношеніяхъ своихъ что-то похожее на энергію. Противъ клуба якобинцевъ они выставили общество *Фельанъ*, по имени монастыря, гдѣ они собирались. Для подписи одного республиканскаго прошенія, на Марсовомъ полѣ, 17-го іюля, употреблена была военная сила. Лафайэтъ велѣлъ, наконецъ, стрѣлять въ чернь, не вѣрившую въ возможность такого приказанія, и дѣйствіе нѣсколькихъ выстрѣловъ, названныхъ въ одной изъ газетъ «кровавая баня» радикализма, ясно показало, какъ неопасенъ былъ бы народъ для энергическаго правительства. Большинство не вполнѣ потеряло сознаніе, что слѣдуетъ подумать объ усиленіи королевской власти, послѣ того какъ ее такъ унизили. Въ этомъ умѣренномъ духѣ былъ предпринятъ пересмотръ и второе чтеніе конституціи. Движеніе въ пользу монархіи или авторитета не шло далеко: съ одной стороны пессимистическія отношенія остатковъ изъ королевской партіи, съ другой стороны зависимость большинства отъ догматовъ партіи и ихъ прошлаго и страхъ передъ трибуной, вредили тому. Конституція была рѣшена и вручена королю 60-ю депутатами. Онъ ее принялъ 13-го сентября, далъ знать о томъ собранію, 14-го явился въ залу при оживленныхъ кликахъ и принесъ присягу. Его рѣчь признали похожей на рѣчь Генриха IV и еще разъ встрѣтили его съ одушевленіемъ. По представленію Лафайэта, была обнародована амнистія, строгій законъ противъ эмигрантовъ взятъ назадъ, и 30 сентября 1791 г. послѣдній президентъ Турэ объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Конституція 1791 г.

Клятва въ залѣ Жё-де-Пома (jeu de paume) была такимъ образомъ исполнена. Собраніе дало Франціи конституцію. Съ революціей все кончено, и на одно мгновеніе во всѣхъ отдаленныхъ кругахъ возрадовались тому, что цѣль достигнута, что наступилъ вѣкъ свободы и общаго счастья. Эта первая конституція была эпохой въ современныхъ дѣлахъ и стоитъ на ней остановиться. Начинается она объясненіемъ правъ человѣческихъ и гражданскихъ торжественными словами: «Въ присутствіи и подъ покровительствомъ высшаго существа». 1) «Люди рождены свободными и остаются свободными...» Потомъ идетъ рѣчь объ устройство государства: «нѣтъ ни дворянства,

ни пэровъ, ни наслѣдственныхъ различій, ни сословнаго, ни феодальнаго управленія»; церковные обѣты не признаются государствомъ; затѣмъ въ семи §§ изложены законы государства. Земля государственная раздѣляется на 83 департамента; гражданская присяга требуетъ вѣрности закону, націи и королю; бракъ понимается въ государствѣ какъ contrat civil, что было для христіанскаго и религіознаго понятій важнымъ и спорнымъ закономъ. Правленіе государствомъ представительное. Представителями народа служатъ: законодательное національное собраніе (corps législatif) и король. Законодательное національное собраніе избирается всякій разъ на два года. Первое собраніе гражданъ назначаетъ избирателей, а они депутатовъ. Избирательное право и право быть избраннымъ *соединено* съ ничтожнымъ цензомъ. Стоившее многихъ споровъ рѣшеніе о томъ, что депутаты не могутъ быть вновь избраны тотчасъ, а лишь по прошествіи одного законодательнаго періода, и преобладаніе идеализма и краснобайства выказывалось, между прочимъ, въ § 3, сессія 5, артикулъ 6, гдѣ сказано: «вначалѣ, собраніе и *всѣ депутаты вмѣстѣ* присягаютъ именемъ французскаго народа: жить или умереть свободными». Министры и чиновники, получающіе отъ короля жалованье, не могутъ быть сочленами національнаго собранія. Только собраніе имѣетъ право разрѣшать расходъ государственныхъ денегъ, равно и предлагать и утверждать законы. Король можетъ только предложить собранію разсмотрѣть какой-нибудь вопросъ. Въ самую залу собранія его могутъ сопровождать только наслѣдникъ престола и министры. У него только исполнительная власть: право объявлять войну и заключать миръ раздѣляетъ онъ съ законодательнымъ собраніемъ, которое онъ не можетъ ни распускать, ни отсрочивать. Его гвардія не должна превышать 1,200 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы. Собраніемъ рѣшенныя дѣла получаютъ силу съ согласія короля, онъ можетъ остановить его, выставивъ причину: король разсмотритъ (le roi examinera). Veto становится безсильнымъ, если онъ употребилъ тотъ же пріемъ въ двухъ засѣданіяхъ подъ-рядъ. Если и третье собраніе признаетъ законъ, то онъ входитъ въ силу и безъ его согласія. Король фактически отказывается отъ престола, если онъ не принесетъ конституціонной присяги или откажется отъ нея: если, выѣхавъ изъ страны, не воротится въ срокъ, назначенный ему законодательнымъ собраніемъ, если станетъ во главѣ вооруженной силы противъ націи или не воспротивится такому дѣянію. Народу даны очень широкія выборныя права: онъ самъ выбираетъ депутатовъ, приходскихъ настоятелей, духовенство, судей на шесть лѣтъ изъ числа образованныхъ или испытанныхъ. На каждомъ судбищѣ долженъ присутствовать королевскій комиссаръ для охраненія государственныхъ интересовъ, государственнаго же прокурора выбираютъ граждане. Въ § 4 говорится объ общественной силѣ, т. е. о войскѣ и національной гвардіи; она по существу должна быть послушною (essentiellement obéissante); никакой вооруженный отрядъ не долженъ разсуждать. Одинъ параграфъ объясняетъ отношенія націи къ иностраннымъ державамъ: «французская нація отказывается предпринимать войны съ завоевательными цѣлями и никогда не будетъ употреблять свои дѣйствующія войска противъ свободы какого-либо народа».

Революція и Европа.

Одна часть составителей конституціи считала ее построенной непосредственно на природѣ человѣческой; напротивъ, она противорѣчила вполнѣ природѣ людей и не могла быть долговѣчною, какъ прежнее государство, составившееся согласно историческимъ условіямъ страны. Государство было перевернуто вверхъ дномъ, и никогда слова «революція», *переворотъ*—не примѣнялись такъ вѣрно. Остроумныя слова императрицы Всероссійской Екатерины II прекрасно характеризовали положеніе: «во Франціи теперь 1,200 законодателей, которымъ никто не повинуется, кромѣ короля». Дѣйствительно, всякая государственная власть была низвергнута въ минуту, когда всемогущество государства—всемогущество общественнаго блага—провозглашалось душою конституціи. Верховная власть принадлежала 40,000 округовъ Франціи; когда же верховный народъ не выказывалъ расположенія повиноваться одному изъ этихъ округовъ, то принудить его къ этому никто не могъ. Французы выработали мнѣніе, которое талантливые историки ихъ съумѣли распространить, будто бы благодѣтельныя преобразованія, начатыя во имя свободы, вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ разстроились, обострились, приняли ядовитый, дикій характеръ, который привелъ его къ новому деспотизму и тѣмъ надолго унизилъ его въ глазахъ всего міра. Ихъ же болѣе глубокомысленные люди давно опровергли это воззрѣніе, и мы увидимъ, какъ безумнымъ государственнымъ правленіемъ, или безумнымъ политическимъ диллетантизмомъ произведенъ былъ переходъ отъ отвлеченнаго идеализма къ ужасному реализму; движеніе, шедшее изнутри государства, какъ и рѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ, попало въ руки людей малоспособныхъ или совершенно неподготовленныхъ. Интересъ эмигрантовъ, во главѣ которыхъ стояли два брата короля, требовалъ того, чтобы вызвать за границей и у вліятельныхъ дворовъ убѣжденіе, что происшедшее въ ихъ отечествѣ было дѣломъ всѣхъ королей. Древніе писатели съ насмѣшкой называли «надеждами бѣглецовъ» то, чего добивались теперешніе предводители. Монархическимъ вмѣшательствомъ вооруженной коалиціи половины или трехъ четвертей или всей Европы предстояло спасти короля и возвратить себѣ прежнія права. Вначалѣ эмигрантамъ удалось найти сочувствіе только при второстепенныхъ дворахъ, напримѣръ, въ Туринѣ, главномъ городѣ Сардиніи, гдѣ былъ королемъ Викторъ-Амедей, тесть графа Артуа; въ Мадридѣ, гдѣ бурбонская родня сидѣла на престолѣ, и въ Стокгольмѣ — гдѣ Густавъ III, въ рыцарскихъ мечтахъ своей романтической фантазіи, особенно трогательно представлялъ себѣ личность Маріи-Антуанеты. Шведское посольство содѣйствовало неудавшейся въ іюнѣ попыткѣ къ бѣгству. На все это мало обращали вниманія: надо было узнать, какъ отнесутся великія державы—Англія, Россія и оба нѣмецкихъ государства—къ надеждамъ эмигрантовъ и къ происшествіямъ со времени 1789 г.

Въ *Англіи* личное мнѣніе короля не много значило, такъ какъ извѣстно, третій король изъ Ганноверскаго дома, Георгъ III, съ 1788 г. былъ помѣшанный. Хотя этотъ припадокъ сравнительно скоро прошелъ, но по дальнѣйшимъ послѣдствіямъ уменьшалъ его монархическое вліяніе. Военные раздѣлились на двѣ партіи, и для одной изъ нихъ, для виговъ, первыя событія французской революціи были сочувственны; подъ вліяніемъ про-

исшествій въ Америкѣ составилась маленькая демократическая партія подъ руководствомъ доктора Прейса, желавшая идеямъ Франціи открыть доступъ и вліяніе на англійскія сословія. Этому движенію французскаго духа, по крайней мѣрѣ въ первое время, симпатизировалъ извѣстный государственный человѣкъ и ораторъ, Карлъ Фоксъ. Напротивъ того, торіи чувствовали отвращеніе къ этому движенію. Англійское государственное правленіе было прежде всего аристократическое, а французское движеніе направлялось съ самаго начала противъ аристократіи; эти антипатіи нашли себѣ краснорѣчиваго, все болѣе и болѣе безгранично-горячаго защитника въ Эдмондѣ Буркъ; вышедшія въ свѣтъ въ 1790 г. его «Размышленія о французской революціи» были и остались оракуломъ реакціонныхъ убѣжденій до новѣйшихъ временъ. Большинство народа не раздѣляло ни то, ни другое воззрѣніе; хотя дальнѣйшее развитіе революціи показало очень ясно ту глубокую пропасть, которая лежитъ между отвлеченнымъ идеаломъ французской свободы и конкретной, сдѣлавшейся исторической, медленно созрѣвшей свободой Англіи. Но отъ возраставшей антипатіи, вызванной этимъ сознаніемъ, было далеко до войны въ пользу стараго порядка вещей Франціи; война была далека отъ желанія націи и духа ея руководителя, холоднаго и обдуманно все взвѣшивающаго государственнаго человѣка, Вильяма Питта младшаго; не было забыто отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній, состоявшееся съ согласія старой королевской Франціи и при ея дѣятельномъ содѣйствіи.

Не такъ просты были отношенія къ такъ-называемымъ сѣвернымъ державамъ, *Россіи*, *Австріи* и *Пруссіи*. Вниманіе императрицы Екатерины II было обращено на двѣ трудныя задачи—борьбу съ Турціей и Польшей—и самое благопріятное для нея было бы впутать Австрію и Пруссію въ войну съ Франціей и тѣмъ обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ ея завоевательныхъ планахъ. Она выказывала себя очень ревностной защитницей монархическаго начала, и при нѣмецкихъ дворахъ вліяніе ея было сильно. Мнѣніе населенія не принималось въ расчетъ. Вниманіе нѣмецкаго народа, т. е. его руководящаго круга, было или казалось занятымъ внутреннимъ развитіемъ и расцвѣтомъ литературы: вспомнимъ, что въ 1785 г. «Донъ-Карлосъ» Шиллера, 1787 г. «Ифигенія» Гёте, 1788 г. «Эгмонтъ», 1789 г. «Духовидецъ» Шиллера, 1790 г. «Тассо» Гёте и отрывки изъ «Фауста» вышли тогда въ свѣтъ. Конечно, и тутъ было броженіе и, въ извѣстномъ смыслѣ, революціонное настроеніе въ умахъ несомнѣнное. О современномъ литературномъ развитіи говорятъ, какъ о періодѣ движенія и увлеченія нѣмецкой литературы; кто не чувствовалъ большую революціонную силу въ первомъ произведеніи Шиллера «Разбойники» (1781 г.) и еще болѣе въ «Коварство и любовь» (1784 г.)—сочиненіи, въ которомъ, не отвлеченнымъ, а очень конкретнымъ образомъ осуждается грѣховное и постыдно-деспотическое поведеніе мелкихъ князей. Самъ Фридрихъ Великій и еще больше Іосифъ II дали сильный толчокъ понятіямъ о свободѣ, развитіи человѣческаго достоинства, достигшимъ во Франціи громаднаго успѣха. Первыя дѣйствія революціи, напримѣръ, приступъ къ Бастиліи, былъ съ торжествомъ привѣтствованъ самыми талантливыми умами: Кантомъ, Фихте, Виландомъ, Клопштокомъ; послѣдній опла-

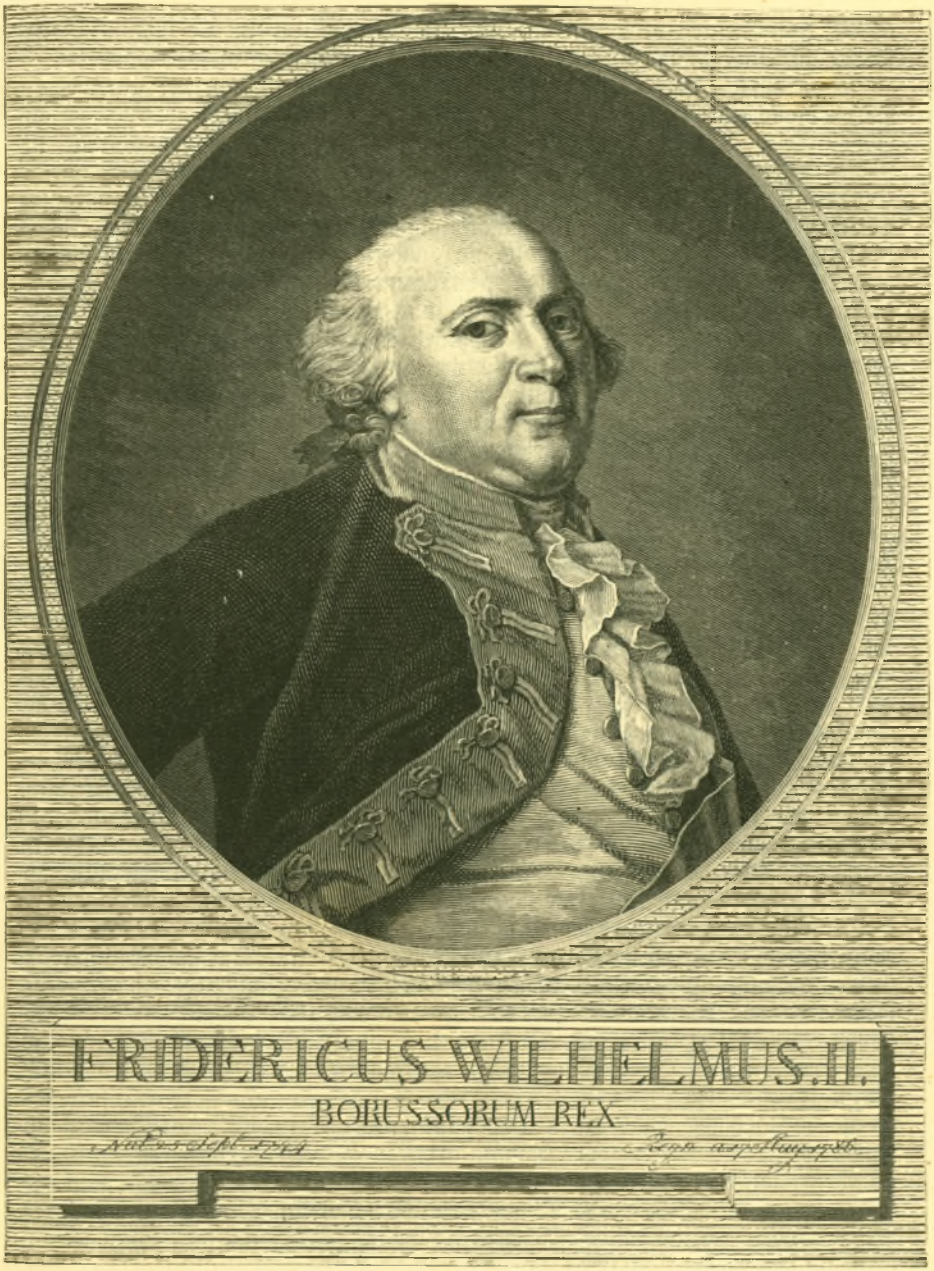
кивалъ въ высокопарной одѣ, что его народъ, первый давшій толчокъ свободѣ религіи, лишенъ славы быть первымъ основателемъ политической свободы. То были одни разсужденія, впечатлѣнія, теоріи; способности же къ политическому мышленію, не говоря уже о политическихъ дѣлахъ, были мало развиты, или ихъ совсѣмъ не было. Іосифъ II, отказавшись отъ нѣмецкихъ завоеваній своихъ, вступилъ въ союзъ съ Екатериной II для войны съ Турками; конечной цѣлью союза была несомнѣнно надежда на выгодныя пріобрѣтенія, выдѣленныя изъ общаго состава владѣній султана. Этотъ союзъ однакоже достался Австрійцамъ не даромъ: не дешево имъ обошлась попытка воевать съ Турками *по-Суворовски*, такъ какъ самъ Суворовъ начальствовалъ русскою арміею, дѣйствовавшею въ Турціи—небольшою по числу, но превосходною по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ. Онъ заставилъ Австрійцевъ дѣлать невѣроятные по быстротѣ переходы, проводить ночи безъ сна, довольствоваться скудною пищею и научалъ ихъ вырывать изъ рукъ непріятеля такія побѣды, которыя для всякаго иного полководца окончились-бы пораженіями. Отуманивъ Турокъ и изумивъ Австрійцевъ своими оглушительными ударами при *Фокшанахъ* и *Рымникѣ*, онъ закончилъ кампанію безпримѣрнымъ по смѣлости штурмомъ *Измаила*—дѣяніями, которыя служили только провозвѣстіемъ его будущихъ подвиговъ въ Италіи и Альпахъ. Въ сущности, однако-же, результатъ отъ участія Австрійцевъ въ войнѣ съ Турціей не оправдалъ ожиданій: Турція не пала еще такъ низко, чтобы ее можно было раздѣлить, и прусскій руководящій министръ, Герцбергъ, ясно сознавалъ опасность русскихъ замысловъ. Около этого времени Іосифъ II скончался, въ февралѣ 1790 г. Его братъ Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, былъ человѣкъ другого направленія. Онъ управлялъ герцогствомъ въ либеральномъ духѣ, и хорошо правилъ имъ. Хотя онъ былъ большимъ политикомъ, но не понялъ того, что нельзя было продолжать, бывши королемъ Венгерскимъ, Богемскимъ, императоромъ Римскимъ, герцогомъ Бургундскимъ и т. д.,—того, что пригодно было для маленькой, вполнѣ однородной страны. Онъ тотчасъ пріостановилъ политику Іосифа и съ итальянской проницательностью отнесся къ происшествіямъ во Франціи. Они касались его политики по отношенію къ Бельгіи, возмутившейся противъ его брата лично, по отношеніямъ къ сестрѣ, имѣвшей несчастіе быть королевой Франціи. Въ дѣлахъ Бельгіи, достигшей своего значенія установленіемъ «Бельгійскаго союзнаго акта», онъ понялъ очень вѣрно, что изъ двухъ элементовъ, клерикальнаго и демократическаго (монаховъ и демократическихъ адвокатовъ), дѣйствовавшихъ при возмущеніи единодушно, первые были несравненно опаснѣе. Ему не трудно было дружить съ духовенствомъ, бывшимъ всегда до смерти Іосифа II другомъ Габсбурговъ. Въ возстаніи противъ своего епископа, Австрія оказала помощь главѣ Церкви; онъ усмирилъ жителей Люттиха, гордившихся своими историческими правами, такими же средствами, какъ въ наше время, австрійскія и баварскія войска успокоили подданныхъ послѣдняго Гессенскаго курфюрста. Въ отношеніяхъ къ сестрѣ онъ былъ далекъ отъ экзальтированныхъ взглядовъ братскаго или рыцарскаго заступничества; онъ совѣтовалъ ей подчиниться на время, сдаться, пере-

ждать; онъ не сочувствовалъ планамъ эмигрантовъ; ихъ дѣйствія не могли пріобрѣсти друзей между разсудительными политиками.

Эмигранты. Эмигрантовъ нельзя судить слишкомъ строго. Очень многіе выѣхали изъ Франціи, какъ нѣкогда гугеноты, не имѣя иныхъ средствъ къ спасенію своей жизни. Но въ изгнаніи злоба изъ возросла, и тѣ изъ нихъ, которые, какъ France extérieure, находились во владѣніяхъ курфюрста Трирскаго, въ Кобленцѣ, представляли очень двусмысленное общество; порядочные и разсудительные люди тутъ только поняли, что такое французская революція. Всѣ шалости и пороки до-революціоннаго общества разнуздались тутъ; безнравственность ихъ доставляла много непріятностей ихъ нѣмецкимъ хозяевамъ, и въ то же время они соблюдали различіе сословій, смѣшное и иногда очень грубое, выставлявшее старые порядки на посмѣшище. Въ то время, какъ придумывали всякіе дикіе планы реставраціи, строго соблюдалось, чтобы при дворѣ, въ Кобленцѣ, графъ д'Артуа былъ главою и главнымъ украшеніемъ этого общества; что драгоцѣнное право носить красный камзолъ имѣютъ рожденные дворяне, а разночинцы, и простые граждане должны довольствоваться желтымъ. Они учредили полки, въ которыхъ не было солдатъ, продавали офицерскія мѣста дворянамъ, и по возможности тѣмъ, кто могъ указать на 16 поколѣній предковъ.

Революція и государство. Не это общество, а самыя событія вынудили Леопольда двинуться далѣе. Опредѣленіемъ 4 августа наносился убытокъ нѣкоторымъ князьямъ нѣмецкаго государства, какъ поземельнымъ владѣльцамъ Эльзаса и Лотарингіи. Владѣтельные епископы Трирскій, Майнцскій и Кёльнскій тоже были затронуты этимъ новымъ закономъ. Національное собраніе признало необходимость вознаградить всѣхъ. Чѣмъ болѣе радикальная доктрина получала власти во Франціи, тѣмъ сомнительнѣе было вознагражденіе; нельзя было ручаться даже за личную безопасность короля и его семьи. Мысль Леопольда состояла въ томъ, чтобы нравственнымъ давленіемъ союза европейскихъ державъ подѣйствовать умиротворительно на революцію во Франціи.

Леопольдъ II. Откинувъ традиціи своихъ предшественниковъ, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, даже съ Пруссіей; на конгрессѣ въ Рейхенбахѣ (въ Силезіи, 27 іюля 1790 года) пришли къ соглашенію относительно дѣлъ Турціи. Фридрихъ-Вильгельмъ II, занимавшій съ 1786 года прусскій престолъ, былъ склоненъ къ великодушной политикѣ въ пользу притѣсненной французской четы, въ союзѣ съ Австріей, насколько это согласовалось съ прусскими интересами. Министръ его, графъ Герцбергъ, понимавшій опасность такой политики, былъ вскорѣ уволенъ. Изъ Падуи, Леопольдъ II, въ видѣ циркуляра къ европейскимъ государямъ, разослалъ заявленіе довольно угрожающаго характера. Заключивъ миръ съ Османами въ Систовѣ, въ началѣ августа, онъ освободился для дѣйствій на Западѣ; въ концѣ того же мѣсяца съѣхались они съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и курфюрстомъ Фридрихомъ-Августомъ въ Пильницѣ, въ Саксоніи. Здѣсь находились непрошенные гости: графъ д'Артуа и прежній министръ Калоннъ; состоялось объясненіе, въ духѣ монархическихъ правилъ; можно упрекнуть двухъ государей въ слишкомъ маломъ вліяніи на безтактное поведеніе эмигрантовъ, но до войны было еще далеко, особенно Леопольдъ



Фридрихъ-Вильгельмъ II.

Портретъ писанъ Г. Шредеромъ, гравированъ Ж. Ф. Клемапомъ, 1793.

былъ далекъ отъ этой мысли. Революціонная партія во Франціи, или часть партіи, руководившая въ ту минуту, довела дѣло до войны.

Законодательное собраніе партій.

1 октября 1791 года собралось первое, по новой конституціи избранное, законодательное собраніе; 745 депутатовъ, изъ нихъ не менѣе 300 адвокатовъ, 70 литераторовъ и около 136, значитъ меньшинство, извѣстныхъ членовъ якобинскаго клуба. Выборы прошли при сильномъ и общемъ напряженіи. Новая конституція такъ нелѣпо устроила выборы, что лучшая, т. е. работающая, часть народа, имѣющая серьезную задачу и трудящаяся въ потѣ лица, но не доросшая до новыхъ гражданскихъ обязанностей своихъ, уступала дѣятельность худшей части населенія, всегда свободной. Кромѣ того, глупое или преступное рѣшеніе національнаго собранія, по предложенію адвоката Максимиліана Робеспьера, признало, что члены перваго собранія не могутъ быть избраны во второмъ. Они предоставили залу собранія новой толпѣ парламентскихъ новичковъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться опытностью, достигнутой прежними двумя годами. Старая королевская партія перваго собранія не нашла себѣ ни мѣста, ни единомышленниковъ. Лѣвая конституціонной монархіи—ихъ звали именемъ ихъ клуба, *фёльянами*—составляла тутъ правую; лѣвая состояла изъ сильно-республиканскаго меньшинства; между обѣими находилась, къ несчастію, зависимая, нерѣшительная толпа, бросавшаяся туда и сюда, не принадлежавшая ни къ какой партіи. Собраніе носило отпечатокъ посредственности; замѣчательнаго таланта не выступало ни съ той, ни съ другой стороны. Въ собраніи посредственностей играютъ большую роль слова и тѣ, кто ими владѣетъ: такими руководителями были депутаты изъ Южной Франціи, адвокаты изъ Бордо, или люди изъ подобныхъ же кружковъ, какъ Верньо, Гуаде, Бриссо, Инаръ, Барбару и другіе. По округу, въ которомъ они были выбраны, ихъ называли *жирондистами*. Къ нимъ присоединились люди не принадлежавшіе собранію, какъ Петіонъ, одинъ изъ трехъ комиссаровъ, посланныхъ національнымъ собраніемъ въ Вареннъ: посредственность и человѣкъ простой, грубо наступающій тамъ, гдѣ нѣтъ опасности, для безсмысленной толпы принимающій личину добродѣтели, между тѣмъ какъ пружинами его дѣйствій были жадность и простой эгоизмъ. Жирондисты вообще были скорѣе идеалисты, вѣрили въ свое краснорѣчіе, которое считали глубокомысліемъ. Ихъ характеризуетъ пустое стараніе превзойти вольнодумствомъ первое національное собраніе, выказать свое расположеніе къ народу постояннымъ недовѣріемъ къ распорядительной власти. Одно изъ первыхъ ихъ постановленій было то, что, при обращеніи къ королю, слѣдуетъ выпускать титулъ «всемилостивѣйшій государь» и «ваше величество, Sire»; низость, которая ими на другой же день была уничтожена. Сначала это собраніе имѣло меньше правъ, чѣмъ національное собраніе. Рядомъ съ ними былъ клубъ якобинцевъ, гораздо болѣе могущественный, чѣмъ официальные представители французскаго народа. Здѣсь была не только вся обстановка парламентскаго собранія—трибуна для оратора, кресло для предсѣдателя, пренія, одобренія, скандалы—и честолюбіе всѣхъ, кто не былъ членомъ законодательнаго собранія, находили себѣ здѣсь поприще. Здѣсь были могущественные предводители, нѣчто въ родѣ опыта и практики парламента, организованная сила, пустившая

вѣтви по всей Франціи. Независимѣе на взглядъ, но одушевленный тѣмъ же духомъ, былъ клубъ *кордельеровъ*, болѣе грубый по формѣ. Самымъ замѣчательнымъ предводителемъ клуба якобинцевъ былъ *Максимиліанъ Робеспьеръ*, а у кордельеровъ—*Дантонъ*. Оба они начали свою карьеру адвокатами третьяго разряда. Первый обратилъ на себя мимолетное вниманіе и въ концѣ сессіи злоупотреблялъ все чаще вниманіемъ слушателей. Вся его жизнь есть рѣдкій примѣръ неразборчивости общества, когда дѣло идетъ о выборѣ кумира во время революціи. Способности его были среднія, рѣчь совсѣмъ не увлекающая, но онъ былъ фанатикъ; фанатикъ не убѣжденій, а скучныхъ фразъ о свободѣ, добродѣтели, ненависти къ тираніи: онѣ постоянно были у него на устахъ и замѣняли ему истинное убѣжденіе. Онъ и другіе возвратились къ Руссо, и его contrat social сдѣлался ихъ евангеліемъ. Мирабо, взглядомъ государственнаго человѣка, указалъ его опасное свойство: «я боюсь этого человѣка, онъ вѣритъ въ то, что говоритъ». Съ тѣхъ поръ убѣждались многократно, какую силу имѣетъ на незрѣлую толпу, въ смутное время, постоянное повтореніе извѣстныхъ фразъ; особенно если присоединяется, какъ тутъ, съ одной стороны дьявольская подозрительность, а съ другой—слава незапятнанной добродѣтели и безкорыстія. Такими качествами онъ обладалъ и слылъ добродѣтельнымъ, если подъ этимъ названіемъ признавать свободу отъ чувственныхъ страстей. Новый деспотъ, котораго называютъ le peuple (народъ), особенно охотно принималъ лесть отъ такого, по внѣшности ректнаго человѣка; его мастерство льстить народу сдѣлало его первымъ придворнымъ новаго образца, созданнымъ революціей, и вліяніе его возрастало благодаря этому. Ему противоположностью былъ грубый Дантонъ, человѣкъ чувственный, подкупной, распутный, способный къ громаднымъ усиліямъ, обладавшій громкимъ голосомъ и геркулесовскимъ тѣлосложеніемъ, какъ Мирабо, не лишенный человѣческихъ чувствъ, не мстительный (тогда какъ Робеспьеръ никогда не прощалъ обиды) и настолько же необдуманно-смѣлый, насколько тотъ былъ трусливъ. Робеспьеръ управлялъ толпой лестью, а Дантонъ презиралъ ее и не боялся. На сторонѣ этихъ людей былъ цѣлый штабъ подчиненныхъ, вліятельныхъ и талантливыхъ людей, но какъ всякая фанатическая партія, они умѣли употреблять въ дѣло и ничтожества. Притомъ въ ихъ распоряженіи была пресса, грубая, кровожадная, злословная: Гебертова газета «Перъ Дюшенъ» и Маратова «Ami du peuple» и многія другія постоянно вліяли на народъ. Этимъ народомъ, подку-



Робеспьеръ.
Писанъ Герэномъ, гравированъ Фиссингеромъ.

ленной сволочью, наполнялись трибуны, гдѣ шумѣли и неистовствовали, нарушали пренія и только съ большимъ трудомъ можно было сохранить нѣчто похожее на парламентскій порядокъ.

Паденіе короля. Министерство жирондистовъ.

Самымъ большимъ несчастіемъ была полнѣйшая ничтожность и, нельзя этого скрыть, жалкій недостатокъ мужества у короля. Его политика, строго держаться буквы конституціи, не заслуживала порицанія, если бы исполнялась съ твердостью; но ее трудно было провести при бунтующемъ народѣ, съ одной стороны, потерявшемъ сознаніе словъ: законъ и обязанность, а съ другой стороны — очень идеалистической, вмѣстѣ съ тѣмъ эгоистической партіи жиронды. Два вопроса дѣлали положеніе короля очень тягостнымъ: непринесеніе присяги священниками и эмиграція. Первые вліяли на волненія въ департаментахъ Кальвадосѣ, Геводанѣ и Вандеѣ. Декреты противъ нихъ были усилены и вызывали бунты; король, не рѣшавшійся даже слушать обѣдню у присягнувшихъ священниковъ, наложилъ свое конституціонное veto, по которому собраніе обязано было согласиться съ нимъ. Вопросъ объ эмигрантахъ былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о войнѣ. Якобинцы не были единодушны въ этомъ случаѣ съ жирондистами. Робеспьеръ ненавидѣлъ войну по политическимъ и личнымъ причи-



Жоржъ-Жакъ Дантонъ.
Рисовалъ Бонневиль, гравировалъ Санцо.

намъ, а у жирондистовъ было убѣжденіе, что войной сглаживаются внутреннія несогласія; ихъ логика находила себѣ исходъ въ той мысли, что опасностями войны пріобрѣтаются друзья въ лицѣ народа, освобожденнаго отъ тирановъ. Бриссо, безпокойный литераторъ, которому мятежи были потребностью и кружили голову, ораторствовалъ за войну; это необходимая война, которую надо провести; «короли ваши враги, а вы—народъ; они деспоты, а вы свободные; нѣтъ чистосердечнаго примиренія между тираніею и свободою». 30 октября 1791 года было объявлено, что графъ Прованскій потеряетъ свои права на регентство, если онъ не возвратится въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Всѣмъ эмигрантамъ грозили отнятіемъ имущества и смертною казнью, если они будутъ устраивать сборища послѣ 1 января 1792 г. Три арміи были выставлены подъ начальствомъ Лафайэта, Рошамбо и Люкнера. 7 февраля 1792 года заключенъ былъ оборонительный союзъ между Австріей и Пруссіей. 17-го король издалъ объясненія, въ которыхъ онъ выставлялъ свою умѣренность и слухи о войнѣ называлъ выдумкой якобинцевъ. Это дало ораторамъ за войну поводъ къ нападкамъ на правительство, и министерство не выдержало; Людовикъ составилъ, хотя слишкомъ поздно, министерство изъ большинства собранія, т. е. изъ жирондистовъ, по англійскому образцу. Министерство внутреннее занялъ адвокатъ Роланъ, посредственность, труженикъ, изъ низшихъ сферъ, честный, нравственный человѣкъ. Благодаря умной, высокоталантливой женѣ своей, онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе; съ женскимъ тщеславіемъ бросилась она въ политику, и гостиная ея обратилась въ сборное мѣсто партій. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ талантливый *Дюмурье*. Ученикъ стараго режима, несговорчивый, страстный, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, хорошій солдатъ, опытный интриганъ, честолюбивый, понимавшій практическую сторону дѣлъ; ораторамъ жиронды онъ не сочувствовалъ, возмущался безстыдствомъ центральнаго управленія демагоговъ, не скрывалъ своего сочувствія къ несчастному королю и его супругѣ и высказывалъ, что король, собственно, лучшій человѣкъ. На второстепенныхъ членахъ не стоитъ останавливаться. Министерство 10 марта довело дѣло до близкой войны, а 1 марта 1792 г. скончался миролюбивый императоръ Леопольдъ II.



Госпожа Роланъ.
Современный портретъ.

Его 24-лѣтній сынъ, Францъ II, проникнутый родовымъ духомъ Габсбурговъ, въ духѣ ничтожныхъ представителей его, какъ Фридрихъ III, раздѣлялъ ненависть своего совѣтника, стараго Кауница, къ якобинцамъ

Смерть Леопольда. Францъ II. 1792 г.

и ко всѣмъ, кого онъ, въ своемъ ограниченномъ умѣ, за таковыхъ принималъ; онъ не хотѣлъ круто отступать отъ политики Леопольда II. Его послѣдняя нота, по смыслу своему, требовала возвращенія французской конституціи къ положенію королевской сессіи 22 іюня 1789 г. Этимъ не объявлялась война, но была причина для войны въ глазахъ партіи, находившейся у кормила Франціи. Неохотно рѣшился императоръ объявить войну. Будетъ-ли война ведена счастливо, или несчастливо, во всякомъ случаѣ онъ терялъ. При счастливомъ исходѣ побѣда была на сторонѣ революціонной, при несчастливомъ—недовѣріе и клевета приписывали бы неудачу ему, или тому, что они называли «Австрійскимъ Комитетомъ»; если побѣдятъ иностранцы и эмигранты, то мало пользы отъ такой побѣды. Обмѣнялись нѣсколькими нотами; съ французской стороны требовали разоруженія и разрыва съ Пруссіей; съ австрійской стороны отвѣчали, что все будетъ сдѣлано, какъ скоро Франція вознаградитъ нарушенныя права владѣтельныхъ князей въ Эльзасѣ и папу. Декретомъ національнаго собранія отъ 14 сентября 1791 года, Авиньонъ и Венессенъ были присоединены къ Франціи. 20 апрѣля Людовикъ, со всѣми своими министрами, явился въ собраніе, предлагая, согласно конституціи, войну противъ императора Венгріи и Богеміи; онъ былъ взволнованъ, для него это былъ смертный приговоръ; собраніе съ громкимъ и восторженнымъ ликованіемъ приняло это извѣстіе. Возбужденное настроеніе не допускало совѣщаній; извѣстіе это, не менѣе чѣмъ въ ночь на 4 августа, отуманило всѣхъ. Одобреніе было редактировано и принято такъ легко, какъ обыкновенный декретъ управленія, только семь голосовъ протестовали противъ поспѣшности. Декретъ былъ врученъ королю, и завязалась война, длившаяся почти два десятилѣтія безъ перерыва и измѣнившая всю внѣшность Европы.

Франція объявляетъ войну.

Объявленіе войны было равносильно паденію королевскаго дома. Жирондисты вызвали войну, боясь, что якобинцы осилятъ ихъ или монархическая реакція поднимется противъ нихъ внутри государства. Они и все, что принадлежало къ новой Франціи, не скрывали, что начинается война на жизнь и смерть. Предводители революціонной партіи говорили громко, что война за границей не можетъ быть побѣдоносной, пока врагъ внутренній не побѣжденъ; они подразумѣвали въ этихъ словахъ короля и возможно ясно, въ грубыхъ словахъ, пресса высказывала это ежедневно. Они и сами позаботились о томъ, чтобы увѣреніе ихъ было справедливо. Въ Людовикѣ надо бы предполагать сверхъестественнаго человѣка, если бы онъ не искалъ въ это время спасенія во что бы то ни стало, даже при посредствѣ иностранныхъ штыковъ. Буря забросила его съ семьею на одинокую скалу, откуда приливъ могъ поглотить его каждую минуту; вдали показывался корабль, сулившій ему спасеніе; онъ не спрашивалъ, подъ какимъ флагомъ онъ идетъ, такъ какъ отъ него ожидалъ спасенія.

Паденіе министерства жирондистовъ.

Война должна была начаться вторженіемъ въ Бельгію. Первыя событія нисколько не соотвѣтствовали воодушевленію, высказанному декретомъ собранію. 29 апрѣля, при Турнэ и Монсѣ, войска, наткнувшись на первыхъ австрійцевъ, бѣжали безъ выстрѣла при крикахъ: «измѣна!»

Этотъ кликъ, во всѣ времена, мы это знаемъ, служитъ для разстроенныхъ войскъ удобнымъ оправданіемъ ихъ неудачъ или неподготовленности. Все это было возможно при недостаткѣ дисциплины, послѣ эмиграціи старыхъ офицеровъ, и главнымъ виновникомъ была столичная демагогія. Когда говорили о распущенности, они возражали на языкѣ говоруновъ-жирондистовъ такимъ образомъ: «солдаты свободы, мучимые негодяями-аристократами съ двойными эполетами». Такъ было и теперь. Старались увѣрить себя, что деморализація войска исходила отъ Двора, и два рѣшенія собранія положили конецъ добрымъ или сноснымъ отношеніямъ между королемъ и его министрами-жирондистами. По одному изъ нихъ, надо было бы устроить вблизи Парижа лагерь изъ 20,000 мѣстныхъ федеративныхъ войскъ; другое было направлено противъ священниковъ, противящихся присягѣ: они должны быть судимы и изгоняемы, если 20 жителей одного кантона потребуютъ этого. Такъ какъ ясно было, что эти 20 тысячъ войска были выставляемы не противъ иностранцевъ, то, во-первыхъ, рѣшили небольшой гвардіи, предоставленной королю и втайнѣ усиленной противъ дозволеннаго числа, противопоставить сборную гвардію противъ якобинцевъ, чѣмъ вполнѣ передали короля въ ихъ руки. Другое постановленіе было совершенно противъ его совѣсти и дѣйствительно такое жестокое и безумное, что сопротивленіе короля дѣлало ему великую честь. Наконецъ, дошло до разрыва съ министерствомъ. Министръ Роланъ написалъ королю длинное и по выраженіямъ крайне дерзкое письмо: «Боже Праведный, или ты ослѣпилъ владыкъ земныхъ!» и т. д., въ которомъ онъ требовалъ утвержденія декретовъ и имѣлъ наглость прочитать это еще разъ въ государственномъ совѣтѣ, въ присутствіи короля, которому содержаніе было уже извѣстно. Тогда терпѣніе короля лопнуло, и 12 іюня 1792 года Роланъ и его сослуживцы: Серванъ, военный министръ и Клавьеръ, министръ финансовъ, были уволены. Король обратился тогда къ Дюмурье, который былъ самымъ способнымъ отвратить ужасы положенія. Никогда еще ни одинъ министръ не выступалъ въ собраніи такъ хладнокровно противъ героевъ краснорѣчія. Онъ обѣщалъ королю свои услуги въ томъ случаѣ, если будутъ утверждены декреты; только тогда могъ онъ имѣть необходимую популярность и выполнить свою задачу. Его мнѣніе было вѣрно и умно. Онъ обратилъ вниманіе короля на невозможность охранить духовенство, отвергавшее присягу, и отнесся къ Лафайэту; но тотъ отказался дѣйствовать съ нимъ заодно. Онъ былъ уволенъ въ тотъ самый день, 20 іюня, когда король убѣдился по опыту, что онъ и королева беззащитно принесены въ жертву черни и тѣмъ, кто ею распоряжается. То были не настоящіе предводители и начальники, но нетерпѣливые вожаки второго и третьяго разряда. Эти второстепенные люди вѣрили, можетъ-быть, нелѣпости, которой не вѣрили настоящіе предводители, будто бы при началѣ войны способствовали военной неудачѣ измѣна, или вліяніе Двора, или австрійскія интриги, или какимъ бы именемъ ни называли этотъ призракъ фантазіи.

Теперь съумѣли устроить демонстрацію. Собрали толпу вооруженныхъ пиками праздношатающихся, женщинъ, дѣтей, денныхъ воришекъ; они пошли сначала къ законодательному собранію и принудили его, напере- 20 іюня 1792 г.

коръ закону, разрѣшить ихъ сборищу продефилировать, и эта пестрая чернь, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, прошла черезъ всю ихъ залу. Не обошлось безъ дикаго юмора: пѣнія и пляски; носили воткнутое на пикѣ телячье сердце съ звѣрски-карнавальскою подписью: «аристократическое сердце». Распорядителемъ этого праздника и шествія былъ пивоваръ Сантеръ, одно изъ новѣйшихъ созданій этого дня, и полупомѣшанный дворянинъ, маркизъ де-Сентъ-Юрюгъ. Оттуда шествіе повалило къ Тюльери, плохо охраняемому. Здѣсь, и при послѣдующемъ, предательство играло роль, т.-е. подлое вѣроломство тѣхъ, на которыхъ лежала большая и ясная обязанность и отвѣтственность, какъ на мэрѣ Петьонѣ и начальникѣ національной гвардіи. Толпа ворвалась; этотъ грязный потокъ разлился по проходамъ, заламъ и лѣстницамъ. Короля спасъ его спокойный и истинно мужественный видъ, съ которымъ онъ, прижатый въ углубленіи окна, глядѣлъ на прибывающую и убывающую толпу; выпилъ стаканъ за здравіе націи (vive la nation!), предложенный ему изъ толпы, позволилъ надѣть себѣ фригійскій колпакъ, признакъ доброжелательства къ революціи; такое же мужество выказала и королева, окруженная своими дѣтьми и внушившая уваженіе толпѣ своимъ королевскимъ и материнскимъ достоинствомъ. Тамъ находились не худшіе люди, но заблуждавшіеся, обманутые, дурно исполнявшіе гадкую роль; когда снадворья зазвякали мушкеты, толпа повернула назадъ, но это была еще пока національная гвардія; такъ прошло три часа, пока пришелъ мэръ Петьонъ; добрымъ словомъ уговорилъ онъ людей разойтись и потомъ извинялся тѣмъ, что не подозрѣвалъ ничего.

Реакція. Лафайэтъ въ Парижѣ.

На этотъ разъ дѣло демагогіи висѣло на волоскѣ и могло худо кончиться. Тѣ, у кого осталось сознаніе о законѣ, о простомъ приличіи, со стыдомъ и негодованіемъ узнали о дерзкомъ скандалѣ во дворцѣ, объ открытомъ поруганіи закона и конституціи въ присутствіи собранія, о симпатіи къ королю, показавшему на этотъ разъ храбрость, достойную прославленія. Во вновь имъ составленномъ кабинетѣ находился очень способный человѣкъ, министръ Теріе-де-Монсіель; возраставшая симпатія къ королю проникла даже въ собраніе, и нѣсколько дней спустя якобинцы узнали со страхомъ, что генералъ Лафайэтъ находится въ Парижѣ. 28 іюня изъ лагеря явился онъ сюда въ Парижъ со многими разумными друзьями свободы; въ прочувствованномъ письмѣ къ собранію объявилъ якобинцевъ истинными врагами свободы. Національная гвардія приняла его съ восторгомъ, и до сихъ поръ партія порядка была сильнѣе другихъ. Если бы въ ихъ рядахъ нашелся человѣкъ съ сильной волей, рѣшительный, то ничего не значили-бы вооруженные пиками батальоны, которыхъ выставилъ преобладавшій въ одной части города отбросъ народа; ему удалось бы разстроить клубъ якобинцевъ и подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ необходимой острастки — возстановить благоустроенное правительство на конституціонныхъ началахъ. Но когда популярность стоитъ выше всего, такой человѣкъ не можетъ спасти дѣло. Лафайэтъ появился передъ собраніемъ, повторилъ ему содержаніе своего письма, умолчалъ, что фактически они не свободны, но, что еще хуже, пересталъ дѣйствовать въ томъ духѣ. Онъ представился королю, но король и королева приняли его

холодно, не желая спасенія отъ такого человѣка; они были настолько малодушны, что вспомнили октябрьскую сцену 1789 г., когда онъ ихъ спасалъ въ первый разъ, и что въ сущности Лафайэтъ былъ причиной неудачи ихъ бѣгства. Король, по своему характеру, примирился съ положеніемъ жертвы, и пессимистическаго самоотреченія, и совершенно ошибочно ожидалъ спасенія изъ-за границы. Если бы Лафайэтъ обладалъ хотя искрой ума Кромвеля, то, хорошо зная короля, онъ долженъ былъ дѣйствовать самъ; но онъ былъ такой же, какъ и всѣ, онъ поговорилъ, высказалъ добрыя намѣренія, выставилъ себя, но начать съ крутыхъ мѣръ было не къ лицу такому выдающемуся поклоннику свободы, и онъ возвратился къ арміи.

Война. Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.

Жирондисты и якобинцы вздохнули свободно. Ясно, что это посѣщеніе началось и кончилось одними словами, и много ухудшило положеніе дѣла. Оскорбленіе королевскаго достоинства возобновилось: «я говорю», декламировалъ жирондистъ Бриссо въ одной изъ своихъ зажигательныхъ рѣчей 9 іюля,—«я говорю, что ударъ, нанесенный Тюльерійскому двору, будетъ ударомъ всѣмъ измѣнникамъ, ибо этотъ дворъ есть центръ всѣхъ заговоровъ». Между тѣмъ къ границѣ приближалась австрійско-прусская армія; другія державы не принимали непосредственнаго участія, исключая Сардиніи. Изъ Бельгіи и съ Рейна должно было послѣдовать нападеніе; въ концѣ іюня прусскій фельдмаршалъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгскій, пріѣхалъ въ Кобленцъ, гдѣ собрались эмигранты. Въ Берлинѣ были увѣрены въ удачѣ; знатнѣйшій изъ придворныхъ, совѣщавшійся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, г. фонъ-Бишофсвердеръ, представилъ офицерамъ этотъ походъ, какъ военную прогулку. Военное превосходство Пруссаковъ надъ разстроенной и дурно-снабженной французской арміей было несомнѣнно. Герцогъ слишкомъ хорошо видѣлъ закулисную сторону и не могъ раздѣлять мнѣніе о силѣ, за которой не стоитъ здоровая государственная жизнь. Онъ хорошо зналъ настроеніе союзныхъ державъ, и о планахъ Австріи—обмѣнять Баварію на Нидерланды.

Пруссія мечтала о пріобрѣтеніи польской провинціи, и онъ зналъ, какъ мало было взаимнаго довѣрія въ этомъ союзѣ. Карлъ-Фердинандъ былъ замѣчательный человѣкъ, превосходный офицеръ и отличный регентъ, онъ берегъ солдатъ своей родины, а изъ семи милліоновъ долговъ, оставленныхъ ему, онъ уплатилъ въ одиннадцать лѣтъ четыре милліона рейхсталеровъ. Привыкшій тщательно взвѣшивать всякую трудность, но не обладавшій мужествомъ, чтобы отказаться отъ положенія, ложность котораго онъ понималъ; напротивъ, дурнымъ свойствомъ его было, то, что онъ, хотя бы съ отвращеніемъ, способенъ былъ исполнять чужой планъ. Такъ, напр., хотя эмигранты были ему до-нельзя противны, онъ подписалъ манифестъ о войнѣ, 25 іюля, сочиненный однимъ изъ эмигрантовъ, дурно приспособленный къ настроенію французскаго народа. Угрозами и энергическими словами выраженный, онъ имѣлъ бы смыслъ, если бы смѣлая, всесокрушающая сила предшествовала, если возможно, или по крайней мѣрѣ непосредственно за этимъ слѣдовала. 11 августа войско перешло границу.

Манифестъ не имѣлъ того разжигающаго дѣйствія, какое ему приписываютъ; въ основаніи онъ выяснилъ не болѣе того, что знала партія якобинцевъ и болѣе умѣренная партія, что Франціи плохо придется, если 10 августа.

эмиграція и иностранцы побѣдятъ. Возстаніе разжигали искусственными мѣрами; объявленіе жирондистовъ: «Отечество въ опасности» привело всю Францію какъ бы на военное положеніе; и у господствующей партіи зародилось намѣреніе—уничтожить королевское достоинство, которое мудрено было сохранить по перенесеніи войны на французскую почву. Теперь знали технику, какъ устроить сцену возстанія. Парижскими властителями былъ выписанъ отборный корпусъ якобинцевъ, матадоровъ изъ Марселя, 500 «марсельезцевъ», и 10 августа 1792 г., съ ранняго утра, стали опять слышны сигналы, набатъ, тревожные выстрѣлы и барабанный бой; изъ самыхъ центровъ радикализма, изъ предмѣстій С.-Антуанъ и С.-Марсо, потянулась громада, и скоро увидѣли, что цѣлью ихъ нападенія былъ Тюльери. Военныя силы, охранявшія дворецъ, были ненадежны; храбраго, достойнаго уваженія командира національной гвардіи Мандата отвлекли хитростью съ его поста и заманили въ городскую ратушу. Король былъ окруженъ измѣной: такъ, напримѣръ, самъ мэръ Петьонъ былъ въ заговорѣ; синдикъ общины Редереръ далъ ему гибельный совѣтъ отправиться въ законодательное собраніе, между 8 и 9 часами. Ему съ семьей указываютъ тѣсную ложу, мѣсто стенографовъ, гдѣ, проведя много часовъ, они были свидѣтелями разговоровъ, равнявшихся утонченной пыткѣ. Оттуда онъ послалъ къ отряду, стоявшему черезъ улицу, во дворъ Тюльери, приказъ—не стрѣлять. Тамъ, на одинъ только швейцарскій наемный полкъ и можно было положиться. Но несчастіе уже совершилось: 900 человѣкъ швейцарцевъ, единственные въ этотъ день помнившіе, что у нихъ есть обязанность и честь, хотя бы честь наемника, честь работника, сильнымъ залпомъ отбили наступавшихъ. Когда приказъ короля дошелъ до нихъ, они собрались и покинули дворецъ; но дорогѣ они большею частью были убиты озлобленнымъ народомъ и вооруженной чернью. Въ неохраненный дворецъ ринулась толпа, упоенная уже побѣдой. По предложенію жирондиста Верніо, большого говоруна и, можно сказать, оратора, рѣшено было начать новую эру: отрѣшеніе короля или, какъ они называли, главы исполнительной власти, собраніе національнаго конвента, устройство чрезвычайной комиссіи, составленіе новаго министерства, назначеніе воспитателя дофину и содержанія королевской семьѣ. Королю былъ указанъ Люксембургскій дворецъ, гдѣ онъ былъ поставленъ подъ охрану гражданъ и закона и сталъ плѣнникомъ націи; вскорѣ его съ семьею перевели въ Тампль, одну изъ государственныхъ тюремъ. Душою новаго правленія былъ министръ юстиціи Дантонъ, человѣкъ тридцати двухъ лѣтъ, чувствовавшій свою силу «народнаго министра». То была Франція, въ которой даже предводители «друзей свободы 1789» не находили себѣ мѣста. 20 августа Лафайэтъ, опасаясь за свою личную безопасность, такъ какъ его армія была тоже поколеблена, покинулъ войска съ двадцатью, не болѣе, офицерами, преданными ему. Австрійскіе передовые отряды приняли ихъ, т.-е. заарестовали, и съ нимъ случилось то, что бываетъ съ политическими бѣглецами, которые имѣютъ несчастіе обратиться къ великодушію Габсбурговъ: какъ военноплѣнный, онъ былъ привезенъ въ Ольмюцъ.

Уничтоженіе королевства.

Законодательное собраніе не имѣло теперь значенія и не могло справиться съ возстаніемъ въ Парижѣ. Учрежденный собраніемъ «охрани-

тельный комитетъ» началъ преслѣдованіе неблагонадежныхъ людей, остальное все было въ распоряженіи общественнаго совѣта парижской коммуны и комитетовъ 48 частей города. То были аристократы новыхъ дней и новая привилегированная каста, въ послѣдующихъ событіяхъ бывшая самой экзальтированной частью парижскаго населенія и тѣхъ, кто былъ ихъ владыками и рабами попеременно. Такими сдѣлались Дантонъ и Робеспьеръ. Вскорѣ они подавили идеалистовъ и ораторовъ жиронды. Съ 17 августа существовалъ революціонный трибуналъ, чрезвычайное судилище, куда судьи избирались, можно себѣ представить, какими способами. Ужасная машина для казни, *гильотина*, была уже въ дѣйствіи; это вполнѣ современное революціонное изобрѣтеніе врача Гильотена, бывшаго члена перваго собранія, который однажды, при веселомъ настроеніи палаты, представилъ преимущества своей человѣколюбивой машины, говоря: «въ одно мгновеніе и безъ боли, je vous fais sauter la tête».

Дантонъ.

Въ природѣ такой толпы есть свойство отжить, перебѣситься или продолжать неистовствовать; но остановить себя сама она не можетъ. Пролетаріатъ, вспыливший во Франціи всюду, жилъ въ постоянномъ упоеніи. Предводители находились подъ страхомъ роялистской реакціи, и этотъ страхъ усилился, когда начаты были военныя дѣйствія. 23 августа брауншвейгскія войска заняли Лонгви, а 2 сентября Вердёнъ. Между тѣмъ предстояли выборы въ конвентъ. Самый даровитый и проницательный изъ всѣхъ власть имѣвшихъ, Дантонъ, понималъ очень хорошо, что выборы должны произойти подъ вліяніемъ общаго увлеченія и для благопріятнаго, по его понятіямъ, исхода не надо было дать толпѣ время образумиться. Средство было ему извѣстно: не спасеніе, а ужасъ долженъ былъ вліять на выборы. Судя по послѣдствіямъ, часто приписываютъ дальновидныя мысли и планы стоящимъ у руля; обыкновенно же они дѣйствуютъ, какъ и тутъ, по впечатлѣніямъ и побужденіямъ, навязаннымъ послѣдними событіями. «Надо нагнать страху роялистамъ», мысль, съ которой Дантонъ явился въ собраніе 28 августа. Онъ объявилъ, что народъ долженъ массою наброситься на нападающаго непріятеля. «Для этого, продолжалъ онъ,—нужно обезпечить себя отъ домашнихъ враговъ». Онъ не сказалъ, какъ это сдѣлать, но, говоря о страхѣ, который надо нагнать на роялистовъ, онъ сдѣлалъ недвусмысленное движеніе и соотвѣтственно ему приступилъ къ страшнымъ приготовленіямъ, безъ ненависти къ личностямъ, но и безъ малѣйшаго движенія человѣческаго чувства, настолько хладнокровно, насколько позволяло революціонное изступленіе.

Совѣтникъ или кто-то изъ комиссаровъ спасенія отечества, былъ уполномоченъ дѣлать въ Парижѣ и департаментахъ обыски оружія въ домахъ; всѣхъ подозрительныхъ обезоруживать или забирать, распуская всякаго рода страшные и нелѣпые слухи, дабы сильнѣе разжечь дико блуждавшее воображеніе. Говорили о заговорѣ заключенныхъ, въ связи съ движеніемъ и планами враждебнаго лагеря; напрасно большинство жирондистовъ противилось въ собраніи чему-то ужасному, что готовилось, но не было ясно видимо. Такъ наступило 2 сентября 1792 г., ужаснѣйшій между всѣми ужасными днями революціи, ужаснѣе самой Варооломеевской ночи или другого подобнаго-же кроваваго дня въ исторіи человѣчества.

Сентябрьскія убійства.

Между тѣмъ, какъ Дантонъ неопредѣленными выраженіями говорилъ собранію, что смѣлость спасетъ Францію,—три раза повторилъ онъ это слово,—начата была уже «работа», т. е. избіеніе сидѣвшихъ въ тюрьмахъ. Набатъ, выстрѣлы, тревога, запираніе заставъ—оповѣщали всѣхъ посвященныхъ въ это дѣло о томъ, что должно было произойти, и запугивали всѣхъ; тамъ и тутъ собиралась національная гвардія, но, оставаясь безъ начальника и безъ дальнѣйшихъ распоряженій, опять расходилась. Нѣсколько непокорныхъ священниковъ, которыхъ вели въ ратушу, были настигнуты и убиты тѣми, кто тогда назывался народомъ. Къ полдню нафанатизированное, подкупленное товарищество убійцъ отправилось въ тюрьмы, переполненныя подозрѣваемыми, въ Лафорсъ, Консьержери, въ Бисетръ, въ Аббатство, въ Шателэ, въ Сальпетріеру, и началась рѣзня, продолжавшаяся три дня и три ночи. Какъ на смѣхъ, допрашиваютъ жертву, а по предписанію достаточно было удостовѣрить личность поименованнаго въ тюремномъ спискѣ. Послѣ этого судьи передавали ихъ убійцамъ, которые ихъ тотчасъ убивали во дворѣ; палачи одного класса отпускали часто жертву другого класса, судьи—убійцъ и наоборотъ; отъ времени до времени имъ приносили на счетъ общиннаго совѣта вино и кушанье, такъ какъ всякій работникъ достоинъ своей платы.

Къ чему останавливаться на этихъ неистовствахъ! Достаточно повторить слова одного изъ этихъ кровопійцъ, Росиньоля, который пережилъ всѣ эти событія и впослѣдствіи хвасталъ тѣмъ, что умертвилъ въ эти ужасные дни 68 священниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключенія, какъ, напримѣръ, въ тюрьмѣ Лафорсъ, произошла отчаянная свалка между убійцами и ихъ жертвами. Весь городъ былъ въ ужасѣ. Благомыслящіе люди тщетно сопротивлялись, спорили и выражали громко свое негодованіе. 3 сентября, когда убійства не прекращались, стало конечно являться повсюду общее неудовольствіе, но всѣ слишкомъ давно свыклись съ господствомъ меньшинства. Не было руководителя, все было разъединено, обезсилено. Законодательное собраніе выказало всю свою безпомощность; оно съ начала своего существованія привыкло прикрывать громкими словами всякое безстыдное нарушеніе правъ, всякій явный проступокъ. Его депутаты ничего не достигали; если иногда они спасали нѣкоторыя жертвы, то это было благодаря какой-либо случайности. Такъ, говорятъ, что Дантонъ появлялся иногда въ мѣстахъ этихъ ужасныхъ убійствъ, чтобы спасти кого-нибудь; тогда какъ Ребеспьеръ съ удовольствіемъ разыскивалъ въ спискахъ осужденныхъ имена своихъ враговъ. А враговъ у него было не мало, такъ какъ онъ считалъ врагомъ всякаго, кто задѣлъ чѣмъ-либо его безграничное самолюбіе. Тюрьма Тампль, гдѣ была заключена королевская семья, охранялась стражей съ трехцвѣтной кокардой. Совѣтъ общественнаго управленія города Парижа требовалъ, чтобы департаменты слѣдовали примѣру столицы и письменно объявилъ: «освѣдомившись, что толпы варваровъ двинулись на Францію, парижская коммуна спѣшитъ извѣстить своихъ братьевъ во всѣхъ департаментахъ, что часть дикихъ злоумышленниковъ народа, заключенныхъ въ тюрьмы, умерщвлена». Часть «сентябристовъ» двинулась изъ Парижа, чтобы распространить терроръ далѣе. Дѣйствительно, около Версаля они встрѣтили поѣздъ арестованныхъ и

тотчасъ всѣхъ казнили. Примѣръ этихъ убійствъ толпою нашелъ не многихъ подражателей въ департаментахъ, хотя анархія вездѣ господствовала и сволочь клубовъ вездѣ подчиняла себѣ страхомъ смерти и грабежа власти умѣренныя, учрежденныя постановленіями 1791 г., слѣдовательно, тоже уже революціонныя.

Выборы въ конвентъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ подготовлялись выборы въ конвентъ и окончило свое существованіе законодательное собраніе. Новѣйшіе и основательные изслѣдователи, изъ среды самихъ французовъ, разсѣяли сіяніе славы, которымъ окружили людей, управлявшихъ этимъ собраніемъ, поколѣнія, поздно воспользовавшіяся плодами великаго переворота. Теперь исчезъ даже самый упорный и ложный изъ предразсудковъ, который восхвалялъ смѣлость ихъ въ отношеніи иностранныхъ государствъ и ставилъ имъ въ заслугу печальный исходъ нападенія на Францію первой коалиціи.

Походъ въ Шампанью.

Эта кампанія была проиграна до своего начала. Прежде чѣмъ война началась, союзныя государства разссорились изъ-за уплаты военныхъ расходовъ. Въ іюлѣ новый Римскій императоръ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Майнцѣ. Министры сошлись, чтобы опредѣлить предстоящія вознагражденія. Пруссіи присудили польскія области; за Австріей утвердили знаменитый баварско-бельгійскій обмѣнъ; но Австрійцы признали дѣлежъ неравнымъ и потребовали, чтобы король, въ придачу къ баварскимъ землямъ, отдалъ еще свои франконскія владѣнія. Тогда Пруссія съ негодованіемъ прекратила дальнѣйшіе переговоры. При такомъ положеніи военный союзъ не могъ выполнить даже очень немудреную задачу свою по отношенію совершенно разстроенной французской арміи. Французской сѣверной арміей, въ 60,000 человѣкъ, послѣ удаленія Лафайэта, командовалъ Дюмурье (18 августа). Нѣсколько дней спустя, пали крѣпости Лонгви, Верденъ и союзниковъ отдѣлялъ отъ Парижа только *Аргоннскій* лѣсъ, который впослѣдствіи высокопарно называли Оермопилами Франціи. Если бы нападающіе своевременно заняли эти Оермопилы, успѣхъ похода былъ бы обезпеченъ. Но герцогъ Брауншвейгскій не любилъ быстрыя и смѣлыя военныя дѣйствія, и Дюмурье раньше его занялъ эти проходы. Франція не была однакоже спасена этимъ. 13 сентября смѣлый и искусный генералъ Клерфэ занялъ одинъ изъ пяти проходовъ, Круа-о-буа, послѣ чего невозможно было удерживать долѣе главную позицію Французовъ при Гранпрэ. Смѣлое нападеніе принесло бы неисчислимыя выгоды. Хорошій полководецъ, какимъ мы теперь привыкли его себѣ воображать, долженъ былъ смѣло двинуться на Парижъ по дорогѣ, открытой ему съ очищеніемъ Гранпрэ. У герцога едва было 40,000 человѣкъ. У противниковъ его было 60,000 человѣкъ; но его войско состояло изъ опытныхъ, хорошо обученныхъ солдатъ, а у противниковъ его была нестройная и ненадежная толпа. Прусскій король, который лично находился при своемъ войскѣ, хотѣлъ, вопреки правиламъ методическаго веденія войны, дать сраженіе при Вальми и, казалось, 20 сентября сраженіе должно было состояться. Сраженіе началось канонадою; французскія войска дрогнули; ударъ въ штыки обѣщалъ полную побѣду, и прусскія войска построились уже въ колонны къ атакѣ; но герцогъ не далъ приказанія къ нападенію. «Мы не будемъ сражаться

здѣсь», сказалъ онъ, и такимъ образомъ рѣшительно начавшееся сраженіе превратилось въ пустое дѣло, которое называютъ канонадою при Вальми. Французы зато могли быть очень довольны этимъ днемъ. Ихъ юное войско не бѣжало и по крайней мѣрѣ избѣгло опаснаго искушенія. Съ этихъ поръ наступила полная пріостановка военныхъ дѣйствій. Причиною того были частью искусный обманъ Дюмурье и частью извѣстія, полученныя въ прусской главной квартирѣ о намѣреніяхъ Россіи относительно Польши. Дѣйствительно, чего добивалась здѣсь Пруссія? Если бы она даже спасла короля въ Парижѣ и вновь водворила его тамъ — кто отблагодаритъ ее за это? Зима приближалась; войска, не ободренныя новой радостной побѣдой, упали духомъ; отступленіе было рѣшено и началось 1 октября. Утѣшались тѣмъ, что не непріятель, а природа, погода, время года вынуждали поступить такъ; при этомъ непріятеля обманули, продолжая переговоры съ Дюмурье, пока безопасное отступленіе не было вполнѣ обезпечено. Гёте, который участвовалъ въ этомъ походѣ, разсказываетъ, что единственной добычей войны была свѣже-выбѣленная амуниція солдатъ, для которой бѣлила даромъ доставила мѣловая почва Шампаньи. Великій стихотворецъ, который, подобно большинству высокообразованныхъ людей нашей націи того времени, на происходившія событія смотрѣлъ съ философско-объективной точки, сказалъ немногимъ офицерамъ, которые никакъ не могли примириться съ потерею возможной побѣды при Вальми, слѣдующія знаменительныя слова: «Сегодня началась здѣсь новая эпоха въ исторіи міра и вы можете сказать, что вы присутствовали при этомъ». Несомнѣнно разложеніе старинаго европейскаго государственнаго строя и отказъ отъ побѣды на полѣ сраженія въ этотъ день, дали возможность революціи въ томъ же году начать наступательныя дѣйствія,—а это предвѣщало полный переворотъ въ ходѣ европейскихъ дѣлъ.

Майнцъ. Жемаппъ.

Революціонныя войска въ трехъ мѣстахъ перешли границу еще въ послѣдніе мѣсяцы 1792 г. 24 сентября Монтескіу напалъ на Савойю. Дюмурье въ октябрѣ мѣсяцѣ вступилъ въ Бельгію съ 80,000. Въ его лагерѣ не было недостатка въ волонтерахъ; 6 ноября онъ выигралъ сраженіе при Жемаппѣ, въ Генегау; это была первая рѣшительная побѣда въ открытомъ полѣ, сдѣланная войсками новаго состава, которыя воодушевляли себя только что сочиненнымъ революціоннымъ гимномъ, *марсельезой*. 14 ноября онъ вступилъ въ Брюссель. Событія на Верхнемъ Рейнѣ еще разъ выказали жажду побѣдъ новой эры и глубокое ничтожество стараго государственнаго устройства. Бывшій маркизъ Кюстинъ вступилъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ частью французской арміи въ Пфальцъ, занялъ Шпейеръ и Вормсъ и угрожалъ даже Майнцу, хотя войны съ этимъ государствомъ объявлено не было. Старый курфюрстъ, духовенство, дворянство поспѣшно обратились въ бѣгство и подорвали этимъ добрыя намѣренія остальныхъ жителей. Противъ ничтожныхъ войскъ Кюстина можно было отстоять крѣпость, несмотря на плохое состояніе укрѣпленій и недостатокъ орудій; недоставало только рѣшительной воли, которая приняла бы руководство защитой, и такимъ образомъ 21 октября 1792 года заключенъ былъ трактатъ, по которому Майнцъ переданъ Французамъ. Нѣсколько дней спустя отсюда осадили Франкфуртъ и сожгли его.

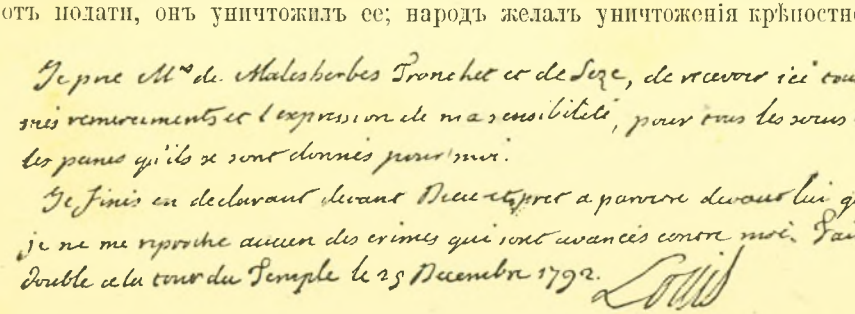
Эта воинственная политика, провозгласившая себя первоначально проповѣдницей великихъ идей революціи, свободы, равенства и проч., оказалась на нѣкоторое время возможною, благодаря печальному веденію войны коалиціей, въ корнѣ несостоятельной и лживой; но политика эта не доставила населенію Франціи (по крайней мѣрѣ лучшей и большей части его, измученной новымъ деспотизмомъ якобинцевъ) того облегченія, котораго ожидали отъ этой войны. Конвентъ.

Конвентъ собрался 21 сентября. Выборы, въ которыхъ могъ участвовать всякій, достигшій 21 года, исключая лакеевъ, не вполнѣ соотвѣтствовали ожиданіямъ радикаловъ. Большинство осталось за умѣренными жирондистами. Умѣренность ихъ была относительная. Жирондисты были отуманены новымъ дурманомъ народной власти и думали такъ же мало объ исполненіи закона, какъ и радикалы. Они были такіе же якобинцы, рабы тщеславія и фразеры. Къ тому же, на горе свое и страны, совершенно неспособны были удержать случайно попавшую въ ихъ руки власть и воспользоваться ею для водворенія прочнаго порядка и для распространенія своего вліянія. Первымъ ихъ дѣломъ было уничтоженіе королевскаго сана, по предложенію Колло д'Эрбуа. Сдѣлали это, не долго разсуждая, не слишкомъ вникая въ обстоятельства; «исторія общеизвѣстныхъ преступленій Людовика XVI представляетъ довольно убѣдительную причину для этого»—сказалъ одинъ изъ жирондистовъ. Дѣйствительно, удалось выставить этого добродушнѣйшаго изъ людей какимъ-то чудовищемъ. При этомъ случаѣ, епископъ Грегуаръ, о которомъ сохранилось впослѣдствіи воспоминаніе какъ о человѣкѣ добродушномъ и любимомъ, сказалъ: «Короли въ нравственномъ мірѣ то же, что чудовище въ мірѣ физическомъ». Усиленныя изъявленія ненависти къ королевской власти, искреннія или только для виду, были тогда въ модѣ. Жирондисты скоро испытали, что мода эта была опасна не только для одного короля.

Они сдѣлали попытку ввести во Франціи хотя нѣкоторый порядокъ и остановить повсемѣстные грабежи и убійства. Составленный ими отрядъ конвента долженъ былъ охранять ихъ во время совѣщательной и законодательной дѣятельности отъ вооруженной черни города Парижа. Отвращеніе партіи къ *бѣшенымъ* (enragés) выказалось явно. 25-го отвратительный Маратъ въ первый разъ появился на трибунѣ и со свойственною ему дерзостью объявилъ, вынувши изъ кармана пистолетъ, что онъ тутъ же размозжитъ себѣ голову, ежели обвиненіе противъ него будетъ принято. На него только поглядѣли съ презрѣніемъ и перешли къ очереднымъ дѣламъ. Негодовали особенно на ужасы 2 и 3 сентября. Настаивали на разслѣдованіи, и не нужно было особеннаго ораторства, чтобы доказать, какъ сентябрьскія безобразія позорятъ благородное дѣло свободы. Робеспьера и Дантона бранили, а они, съ своей стороны, выказали большую ловкость, ускоривъ процессъ короля. Жирондисты не менѣе другихъ были противъ королевства. Они чванились своими республиканскими убѣжденіями, призывали тѣни Брута, Сцеволы и тѣхъ древнихъ героевъ, съ которыми знакомили ихъ трагическая сцена и легкое чтеніе. Явился случай выказать искренность своихъ республиканскихъ убѣжденій. Попробуй они противиться суду надъ королемъ, постарайся спасти его, было бы легко вы- Процессъ короля.

ставить ихъ передъ возбужденной, въ эту минуту полновластной, толпой якобинцевъ, какъ враговъ свободы, сообщниковъ тирана. Опасеніе такого обвиненія было побудительной причиной къ процессу короля, чудовищному съ юридической точки зрѣнія, совершенно неосновательному въ международныхъ отношеніяхъ и первостепенному по безумству въ политическомъ отношеніи. Первое нападеніе на короля пошло отъ жирондистовъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Валазе, дерзко обратился къ несчастному узнику, со свойственной тому времени ужасающей и смѣшной горячностью. «Лживый человѣкъ этотъ—на что не былъ онъ способенъ!—Чудовище!» Не трудно было вывести заключеніе, что Людовика надо судить—Людовика Капета, какъ называла его толпа. Изъ основъ общественнаго договора вытекало: народу возможно все, даже месть надъ безоружнымъ; «а всему міру будетъ великій примѣръ!» Такъ 3 декабря говорилъ Робеспьеръ. У него хватило настолько честности и логики, чтобы сказать: «Здѣсь нѣтъ процесса, нѣтъ судей, а дѣло идетъ о мѣрахъ для общественнаго блага, о дѣлѣ народной предусмотрительности». Онъ предполагалъ осужденіе безъ суда, политическое убійство. «Его слѣдуетъ судить въ силу революціи!». «Судить короля, какъ гражданина» — послышались слова Сенъ-Жюста: — «самое слово это приведетъ въ изумленіе холодное потомство». Рѣшаютъ, что судить будетъ конвентъ и избираютъ комиссію изъ 21 члена. Жиронда чувствуетъ, что петля на шеѣ ея начинаетъ затягиваться. По ихъ мнѣнію, слѣдуетъ о приговорѣ конвента спросить народное мнѣніе всеобщимъ голосованіемъ. 10-го дѣлалъ докладъ Робертъ Ландэ, а другой жирондистъ Барбару читалъ на слѣдующій день докладъ «о преступленіяхъ и предательствахъ» послѣдняго короля Французовъ. Тогда вытребовали короля изъ тюрьмы, гдѣ съ начала октября онъ терпѣлъ оскорбленія. О положеніи его даетъ понятіе доносъ одного совѣтника общины на другого, за то, что тотъ, слѣдуя роялистскимъ наклонностямъ своимъ, снялъ шляпу передъ королемъ. Предстояло рѣшить, какъ принять обвиняемаго? Эту часть позорной комедіи разрѣшило вѣское слово мясника Лежандра: «Испугайте его гробовымъ молчаніемъ». Предсѣдательствовалъ Бертранъ Бареръ, самый мерзкій изъ подонковъ, выброшенныхъ революціей. Уроженецъ Прованса, и тогда еще жирондистъ, онъ всегда шелъ за господствующей партіей. Позднѣе — сыщикъ, чиновникъ на жалованьи у Наполеона и подкупный шпіонъ нѣсколькихъ дворовъ. Окончилъ онъ свою позорную жизнь въ 1841 году, 86 лѣтъ, пенсіонеромъ Людовика-Филиппа. Людовикъ вошелъ—вся внѣшность его показывала, какъ съ нимъ обходились. «Людовикъ, садитесь», сказалъ достойный гражданинъ, начавшій свою карьеру пламеннымъ роялистомъ. Людовикъ XVI былъ не Карлъ I, такъ же какъ это общество не имѣло ничего общаго съ пуританами 1648 г. Онъ велъ себя достойно, говорилъ дѣльно, и это собраніе Французовъ не могло удержаться отъ трогательнаго волненія. Обвинительный актъ, ложно составленный, былъ бы ничтоженъ и передъ другимъ судилищемъ, Людовику легко было бы доказать его несостоятельность: *до* конституціи онъ былъ властитель неограниченный, т. е. и не отвѣтственный; *при* конституціи отвѣтственны были министры; принимая обвинительный актъ, надо было къ нему примѣнить амнистію 1791 года. Жиронда настояла на его правѣ имѣть

защитника. Король назвалъ двухъ извѣстныхъ адвокатовъ; одинъ изъ нихъ Тарже, какъ «республиканецъ», отклонилъ опасное, но и несомнѣнно почетное порученіе:—имя его достойно стать въ потомствѣ среди тѣхъ, которые въ 1870 г., наперекоръ совѣту французскихъ генераловъ, подавали голоса противъ капитуляціи Седана и Меца. Старикъ Мальзербъ, министръ первыхъ временъ царствованія Людовика, вызвался быть адвокатомъ короля вмѣстѣ съ Тронше. Явилось много людей, безкорыстно предлагавшихъ свои услуги королю—единственное отрадное явленіе во всей цѣпи этихъ печальныхъ и ужасныхъ событій. Они взяли въ помощники молодого человѣка де-Сэзэ и въ 14 дней просмотрѣли 167 весьма объемистыхъ актовъ. Главную защитительную рѣчь 26 декабря говорилъ де-Сэзэ. Одинъ разъ услышало правду это зависимое во всѣхъ отношеніяхъ собраніе. Услыхали правдивые, серьезные доводы разума и права тамъ, гдѣ теперь господствовала ложь и пустыя разглагольствованія. Потрясающее впечатлѣніе произвело окончаніе рѣчи, гдѣ де-Сэзэ сказалъ какъ бы надгробное слово несчастному королю: «Людовикъ вступилъ на престолъ 20 лѣтъ; въ 20 лѣтъ на тронѣ, онъ подавалъ примѣръ благородной нравственности; ни преступной слабости, ни безнравственной страсти. Народъ желалъ освобожденія отъ подати, онъ уничтожилъ ее; народъ желалъ уничтоженія крѣпостного

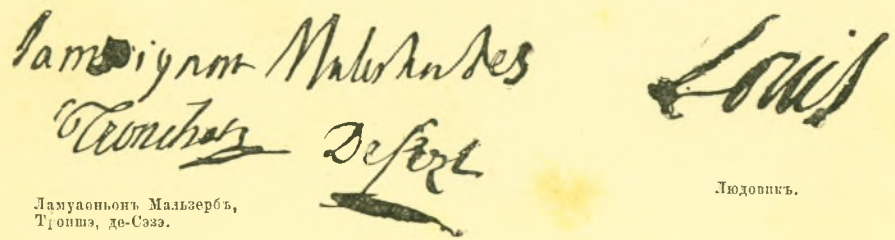


Автографъ благодарственнаго письма, съ которымъ Людовикъ XVI обратился къ своимъ защитникамъ: Мальзербу, Тронше и де-Сэзэ.

Писано въ Тамплѣ 25 декабря 1792 года.

*) Je prie M-rs de Malesherbes, Tronchet et de-Seze de recevoir ici tous mes remerciments et l'expression de ma sensibilité pour tous les soins et les peines qu'ils se sont donnés pour moi.

Je finis en déclarant devant Dieu et prêt à paroître devant lui, que je ne me reproche aucun des crimes qui sont avancés contre moi. Fait double à la tour du Temple le 25. Decembre 1792. Louis.



Ламуаньонъ Мальзербъ, Тронше, де-Сэзэ.

Людовикъ.

Подписи подъ защитительнымъ актомъ Людовика XVI, переданнымъ конвенту 26 дек. 1792.

права—онъ уничтожилъ его въ своихъ владѣніяхъ; народъ желалъ свободы—онъ далъ ее! И отъ имени этого самаго народа требуютъ теперь...

Граждане, я не кончаю, я замолкаю передъ исторіей. Подумайте, она будетъ судить вашъ приговоръ, а ея судъ—судъ столѣтій». Послѣдовали пренія; ясно выступилъ расколъ въ сектѣ якобинцевъ; Робеспьеръ шелъ противъ Верньо. Спорили о томъ, слѣдуетъ-ли подвергать приговоръ рѣшенію народа, appel au peuple. Жирондисты требовали этого, надѣясь спасти этимъ жизнь королю; у нихъ не достало смѣлости отвѣтить на вопросъ о виновности—не виновенъ. Въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе и въ своемъ родѣ честнѣе были члены лѣвой—члены «Горы», какъ ихъ называли по скамьямъ, которыя они занимали въ палатѣ. «Обращеніе къ народу привело бы къ перевороту въ республикѣ»—сказалъ Робеспьеръ,—«втерлись бы умѣренные, фёльянты, аристократы». Дѣйствительно, народное голосованіе обнаружило бы настроеніе истиннаго большинства французскаго народа. Въ самомъ Парижѣ ясно было отвращеніе къ республикѣ, потому сюда потребовали толпу марсельскую, состоявшую изъ сброда, прошлое котораго дѣлало ихъ пригодными на все. Всѣ были подъ страхомъ сентябрьскихъ ужасовъ, которые могли возобновиться ежеминутно, и подъ этимъ давленіемъ началось голосованіе въ палатѣ, 14 января 1793 года. На первый вопросъ о виновности Людовика «въ заговорѣ противъ свободы народа» послѣдовалъ почти единогласный утвердительный отвѣтъ: «виновенъ». Изъ 683 только 13 человѣкъ отказались отъ голосованія, подъ предлогомъ неимѣнія полномочій; другіе соглашались на голосованіе какъ законодатели, но не какъ судьи. Перешли къ другому вопросу: подвергать-ли приговоръ палаты утвержденію народнаго голосованія? Жиронда сдѣлала попытку спасти короля, но единогласія среди нея не было: Бареръ и Сіэйсъ перешли къ сильнѣйшимъ. Отъ имени послѣдовательныхъ говорилъ приверженецъ Робеспьера, Сенъ-Жюстъ, черствый фанатикъ, хотя по годамъ молодой человѣкъ. «Судить короля какъ гражданина! Какъ удивится равнодушное потомство такому выраженію! Быть королемъ уже есть преступленіе и захватъ. Обра-



Людовикъ-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій.
Современный портретъ работы Дюплесси Берто.



Прощаніе Людовика XVI съ его семействомъ въ Тамплѣ.
Современная гравюра на мѣди А. Кардона, по картинѣ Беназека.

титься къ народу», продолжалъ онъ очень откровенно, — «равносильно возстановленію трона; изъ спасенія тирана выйдетъ возобновленіе тиранніи». Вопросъ отвергли большинствомъ 423 противъ 292 голосовъ. 16-го подняли третій вопросъ,—о карѣ. Партія распредѣлила своихъ агентовъ съ обычнымъ искусствомъ, и когда поставили вопросъ о числѣ голосовъ, необходимыхъ для смертнаго приговора, жирондисты потерпѣли пораженіе. Извѣстный своимъ мужествомъ депутатъ Ланжюине, поставившій себѣ задачей спасти короля, требовалъ большинства въ три четверти голосовъ, но порѣшили на простомъ большинствѣ. Голосованіе началось въ 10 часовъ вечера, при слабомъ освѣщеніи зала, продолжалось всю ночь и весь слѣдующій день, такъ какъ изъ 721 депутата, подавая голосъ, многіе говорили рѣчи, кто дѣльныя, а кто и вздоръ. Посланцы клубовъ, того народа, который давно терроризировалъ собраніе, слѣдили и теперь за голосованіемъ. Они сидѣли въ своей трибунѣ, пили и курили. Сцена была ужасная и недостойная. Одинъ за другимъ депутаты подавали голоса, нѣкоторые обращали на себя особенное вниманіе. «По обязанности и убѣжденію—за смерть», раздался знакомый голосъ гражданина Филиппа Эгалите, ci-devant герцога Орлеанскаго, который нашелъ въ конвентѣ надежное убѣжище и могъ продолжать тутъ свою позорную жизнь. Голосъ его возбудилъ чувство негодованія даже въ этомъ обществѣ. Послышался между прочими и рѣзкій голосъ Сіэйса: «Смерть!»

Оказалось, что изъ 721 голоса 361—за смерть; 72—за смерть съ отсрочкой исполненія приговора; 286 — за заключеніе въ тюрьмѣ или изгнаніе до подписанія мирнаго договора, то-есть большинствомъ едва одного голоса былъ осужденъ король.

Казнь Людовика XVI.

Вернѣе, ораторъ жиронды, долженъ былъ объявить результатъ голосованія: смертный приговоръ. Послѣднее голосованіе 20 января кончилось въ 5 часовъ утра: 380 голосовъ противъ 310 рѣшили казнить Капета немедленно. Убійство, не дерзнувшее коснуться жертвы своей 5 октября 1789 г. и 10 августа 1792 г., совершалось теперь при посредствѣ палача и аппарата всенародной позорной казни.

Произошло это 21 января, утромъ въ 10 часовъ, на площади «Революціи», бывшей площади Людовика XV. Мы не будемъ останавливаться на сценахъ прощанія, приготовленіяхъ къ послѣднему шествію, скажемъ только, въ виду лживыхъ разсказовъ якобинскихъ историковъ нашихъ дней, что самъ палачъ свидѣтельствовалъ о твердости, выказанной Людовикомъ въ его послѣднія минуты. Гражданинъ Самсонъ полагалъ, что Людовикъ почерпалъ силу въ своей религіи, что и было справедливо. Такъ-называемые судьи его показали остатокъ человѣчности, допустивъ къ нему священника для духовнаго подкрѣпленія, и коммуна разрѣшила даже отслужить мессу. Ему не была дана сильная энергія, мужественная рѣшимость, послѣдовательность дѣйствій, умѣнье овладѣть революціоннымъ волненіемъ, погубившимъ его. Самая чистая и искренняя вѣра не могла сдѣлать изъ слабаго и кроткаго,—сильнаго и мужественнаго человѣка, какой въ эти времена нуженъ былъ у власти. Вѣра эта могла дать и дала ему другую силу—пострадать съ достоинствомъ христіанина и слѣдовательно короля.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе войны 1793 — 1794 г. — Терроръ. — 9 Термидоръ и его послѣдствія.

Завоеванія революціи.

Европейскіе кабинеты ничего не сдѣлали и не могли ничѣмъ отвратить ужасный исходъ дѣлъ во Франціи. Только испанскіе родные, Бурбоны, сдѣлали слабую попытку и доставили своему послу деньги для подкуповъ, предлагая за жизнь Людовика нейтралитетъ Испаніи. Теперь не имѣла смысла война, начатая для спасенія короля Франціи, и она обратилась въ наступательную войну противъ революціи. Конвентъ объявилъ готовность помогать всѣмъ, желающимъ избавиться отъ деспотизма; въ своихъ прокламаціяхъ онъ говоритъ о знамени свободы, о хартіи человѣческихъ правъ, и завоевательная политика его выражалась рѣшительными дѣйствіями. Папскія области, Авиньонъ и Венесинъ, присоединены, и здѣсь, не стѣсняемая ничѣмъ, развилась вся сила якобинцевъ. Декретомъ 27 ноября Савойя была переименована въ департаментъ Монблана; пародируя классицизмъ, явилась просить объ этомъ депутація «Аллоброговъ»; такимъ же образомъ явился департаментъ Жемапны, а 3 января присоединена была Ницца; клубъ патріотовъ въ Майнцѣ тоже высказывалъ требованія. Водружали деревья свободы и открывали клубы якобинцевъ въ пограничныхъ кантонахъ Швейцаріи: въ Женевѣ, Базелѣ, и фраза «миръ хижинамъ, война дворцамъ» приводила въ восторгъ. Великодушнымъ декретомъ отъ 15 декабря конвентъ приказалъ генераламъ республики провозгласить во всѣхъ провинціяхъ о верховной власти народа, объ уничтоженіи всѣхъ привилегій, обязательствъ и лѣнныхъ обязанностей. Самообольщеніе длилось не долго: вскорѣ выяснилось, чего хотѣли освободители. Камбонъ прямо объявилъ бельгійскимъ патріотамъ, что требуются церковныя имущества Бельгіи на покрытіе французскихъ бумажныхъ денегъ,—ассигнацій, которыхъ на 2,700 милліоновъ было выдано, а оставалось на лицо только 24 милліона—и вскорѣ наплывъ бумажекъ заполонилъ весь рынокъ. Комиссары конвента не забывали и себя. Среди партіи конвента, стоявшей тогда у кормила правленія, почти не было людей съ незапятнаннымъ прошлымъ. Особенно второстепенные дѣятели были или прогнанные лакеи, или отпущенные за обманъ служащіе, мошенники, клейменые воры. Дантонъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, не скрывалъ, что онъ пользовался своими полномочіями комиссара конвента и воротился съ туго набитыми карманами.

Война съ иностранными державами.

Партія была въ такомъ положеніи, что стѣсняться ей было нечего; чтобы спасти себя, ежели не Францію, ей нужно было тройное мужество Дантона; такъ она и поступила. 1 февраля конвентъ объявилъ войну Англіи и Голландіи, 7 марта Испаніи, и всѣ эти декреты проходили въ

конвентѣ безъ преній, какъ обыденная раздача должностей. Послѣднія событія произвели въ Англіи сильное впечатлѣніе. Глава министерства, Вильямъ Питтъ, энергически принялся за войну, хотя не желалъ ея, и, на нѣсколько десятилѣтій, Англія сдѣлалась, главнымъ противникомъ и центромъ всѣхъ коалицій противъ Франціи. Необходимость реформъ чувствовалась и у нихъ; выборы въ нижнюю палату, основанные на предразсудкахъ и подкупѣ, возбуждали неудовольствіе; но земельная и денежная аристократія дружно сплотилась въ защиту старыхъ правъ и разныхъ неправдъ, которыя они называли конституціей. Революція во Франціи возбудила новыя надежды въ Ирландіи, гдѣ давно уже не могло быть и рѣчи о правахъ; нестерпимы стали притѣсненія и жестокости, составились заговоры, тайныя общества, слѣдовательно—новыя жертвы. Парламентъ одобрилъ требованія Питта. Военный флотъ, главная сила Англіи, былъ увеличенъ, для чего сдѣланъ былъ значительный заемъ. Для усиленія сухопутной арміи прибѣгли къ обычной системѣ субсидій. Заключены договоры съ великими и малыми державами: Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, Сардинія, Испанія, Неаполь, Австрія, Пруссія, Баденъ, Португалія, Дармштадтъ; война охватила чуть не всю Европу и боевая линія простиралась по всей границѣ Франціи. Австрія выставила 120,000 человѣкъ, Пруссія столько же, какъ и въ прошломъ году; Россія продолжала прежнюю политику: не отказывалась отъ участія въ коалиціи, но вынуждена была держать наготовѣ большую армію въ Польшѣ. Германская имперія вступила тоже въ войну, которую она объявила 22 марта 1793 года. Военная система ея не улучшилась со времени Семилѣтней войны; цвѣтъ юношества ея служилъ если не въ австрійскихъ или прусскихъ, то въ какомъ-нибудь чужеземномъ войскѣ. Въ одномъ замѣтенъ былъ поворотъ къ лучшему: въ томъ, что сѣверныя провинціи (Шведская Померанія, Мекленбургъ, Голштинія и Гамбургъ) заключили военныя конвенціи съ Австріей, которая, за извѣстную плату, взялась выставить за нихъ контингентъ войскъ. Мелкія государства: Италія, Генуя, Тоскана, Венеція, даже папа—оставались нейтральными. Они были наводнены тайными агентами якобинцевъ.

Коалиція и Франція.

Противъ такой грозной военной силы Франція была одинока и надѣялась только на неизбѣжныя во всякой коалиціи разногласія и счеты, да на свое вѣковое народное единство; хотя революціонная горячка, овладѣвшая ею, то разжигала страсти, то доводила до изнеможенія, но все-таки они дѣлались силой и войско крѣпло. 19 февраля конвентъ объявилъ, что всѣ, отъ 18-ти до 40-лѣтняго возраста, неженатые, вдовые и бездѣтные подлежатъ воинской повинности; назначили наборъ въ 300,000 человѣкъ. Одновременно сдѣланъ былъ новый выпускъ ассигнацій на 800,000 милл.—единственное средство для уплаты расходовъ. Образованъ былъ комитетъ общей обороны или «общественнаго спасенія», и въ докладѣ Дюбуа Крансе есть мѣсто, ясно обрисовывающее положеніе дѣлъ: «Вы должны перемѣшать оба рода войскъ: многочисленныхъ волонтеровъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ, и армейскія войска, въ которыхъ процвѣтало дезертирство, не превращая, однако, волонтеровъ въ армію, а, напротивъ, армію обращая въ войско волонтеровъ». — «Бѣда, ежели вы не

преобразуете всѣхъ солдать въ волонтеровъ и, въ то же время, не объявите военную службу обязательной для всѣхъ гражданъ». Такъ и исполнилось: принужденіе обратили въ свободу, а свободу въ принужденіе. Офицерскіе чины, до начальника бригады, давались по выбору на двѣ трети, а на одну треть производство шло по старшинству. Тотъ же докладъ рекомендовалъ изученіе тактики, необходимое при недостаткѣ образованія и военной подготовки; нападеніе большими массами на одинъ пунктъ и атаки въ штыки — имѣли будущность; таланты могли выказаться, хотя настоящее не соотвѣтствовало, повидимому, такимъ громкимъ рѣчамъ.

Война 1793 г. Южный и восточный театры войны.

Желая сдѣлать общій обзоръ, мы должны раздѣлить театръ военныхъ дѣйствій: на южный — Альпы, Пиринеи; восточный — Верхній и Средній Рейнъ; сѣверный—Бельгію, Голландію и, наконецъ — западный, подъ которымъ обозначимъ проявившееся внутри Франціи антиреволюціонное движеніе, преимущественно въ департаментахъ, прилегающихъ къ Атлантическому океану. Объ *южномъ* почти нечего сказать за цѣлый годъ. Поддержанное богатыми приношеніями католиковъ, испанское войско оттѣснило незначительный отрядъ Французовъ до Байонны, но это рѣшающаго вліянія не имѣло. На Среднемъ Рейнѣ командовалъ Австрійцами генералъ Вурмзеръ, а Пруссаками герцогъ Брауншвейгскій, недовѣрчиво слѣдившій за движеніями Австрійцевъ, желавшихъ захватить Эльзасъ для себя. Взятіе обран о Майнца было здѣсь главнымъ успѣхомъ. Импровизированная Рейнская республика, или клубъ, который при наступленіи опасности захватилъ правленіе въ свои руки, послалъ въ мартѣ депутацію въ Парижъ, предлагая присоединить Майнцъ къ Франціи. Въ депутаціи этой былъ знаменитый путешественникъ и натуралистъ Георгъ Форстеръ.

Возможенъ-ли строгій судъ надъ людьми, находившимися подъ вліяніемъ обманчивыхъ обольщеній и при жалкомъ политическомъ состояніи имперіи! Было слишкомъ поздно для присоединенія, осада началась и 22 іюля городъ долженъ былъ сдаться на капитуляцію. Французы вышли съ оружіемъ; съ ними спаслась и часть клуба. Понятно, что тѣ самые люди, по малодушію которыхъ городъ перешелъ къ Франціи, жестоко мстили теперь тѣмъ, кто хотя и неуспѣшно, но исполняли долгъ свой, кто добровольно или по принужденію подчинился французскимъ порядкамъ. Послѣ этого наступила пріостановка военныхъ дѣйствій. 14 сентября Пруссаки разбили французскаго генерала Моро при Пирмазенѣ; 13 октября Австрійцы, подъ начальствомъ Вурмзера, взяли приступомъ Вейсенбургскую линію. Съ 28 до 30 герцогъ Брауншвейгскій одержалъ побѣду при Кайзерлоутернѣ. Раздоры и недовѣріе мѣшали извлечь изъ побѣдъ возможныя выгоды, и годъ окончился возвращеніемъ за Рейнъ (30 декабря).

Сѣверный.

На сѣверѣ важныя военныя дѣйствія велись съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ февралѣ Дюмурье съ успѣхомъ проникъ въ Голландію. Но онъ потерпѣлъ 1 марта сильное пораженіе отъ союзнаго войска, подъ начальствомъ принца Кобургскаго, при Альденговенѣ и 18-го при Нервинденѣ, на западъ отъ средняго теченія Самбры. Дюмурье былъ крайне недоволенъ ходомъ дѣлъ въ Парижѣ. Ясный умъ его съ негодованіемъ относился къ политическому хаосу, господствовавшему во Франціи. Возстановленіе коро-

левства было невозможно при Людовикѣ XVI, къ которому онъ сохранилъ уваженіе до конца; но его уже не было, а въ войскѣ Дюмурье былъ юноша, которому дѣйствительно судьба сулила корону. Это былъ герцогъ Шартрскій, Людовикъ-Филиппъ, сынъ того несчастнаго человѣка, который, какъ гражданинъ-Egalité, долженъ былъ теперь положить свою презрѣнную голову на гильотинѣ. Остается спорнымъ, въ пользу-ли его, или другого кого, замышлялъ Дюмурье совершить переворотъ, при помощи арміи, противъ революціи и возвратить Франціи конституціонное королевство. Онъ открылъ свой планъ принцу Кобургскому—идти на Парижъ и положить конецъ владычеству якобинцевъ. Но въ Парижѣ ему давно не довѣряли, да и Дюмурье не особенно таился. Конвентъ рѣшилъ арестовать его и послалъ для этого нѣсколько комиссаровъ, которыхъ Дюмурье арестовалъ въ свою очередь; однакоже войско отказалось отъ своего главнокомандующаго и, подобно Лафайэту, Дюмурье вынужденъ былъ бѣжать. Бѣглецомъ явился онъ передъ непріятельскими форпостами вмѣстѣ съ юнымъ герцогомъ Шартрскимъ (4 апрѣля). Коалиція отказалась отъ ихъ услугъ; при грубыхъ, методичныхъ правилахъ ея стратегіи, она не умѣла воспользоваться губительными раздорами въ непріятельскомъ лагерѣ. Дюмурье нашелъ убѣжище въ Гамбургѣ, молодой принцъ въ Швейцаріи. По тѣмъ же правиламъ стратегіи, она не воспользовалась и прямымъ слѣдствіемъ побѣды—отчаяннымъ положеніемъ противника. Вмѣсто того, чтобы идти со всѣми силами въ Парижъ, выжидали, пока герцогъ Іоркскій съ Англичанами (образовавшими правое крыло большой наступательной арміи) приступитъ къ осадѣ Дюнкирхена — дѣло очень второстепенное, сравнительно съ великой главной задачей. Французскую границу дѣйствительно перешли, крѣпости Кондэ и Валансьенъ пали въ іюлѣ. Взяты онѣ были именемъ императора, такъ какъ въ планы Австрійскаго двора входило расширеніе владѣній въ эту сторону, какъ плата за военныя издержки. Французскіе историки не бе-



Генералъ Дюмурье.
Рисунокъ и гравюра Дюплесси-Бертё, въ VI году республики.

рутъ на себя труда объяснить то, что съ военной точки зрѣнія, т.-е. по понятіямъ самаго простого человѣческаго взгляда на великія военныя событія, кажется непростительною нелѣпостью. Они твердо держатся легенды, которая можетъ только затемнить грустную и позорную страницу исторіи, будто революціонная энергія и образъ дѣйствія людей террора спасли Францію: давно доказана ложность этого мнѣнія. Коалиція безвозвратно упустила время, парализованная препятствіями, которыя называютъ «дипломатическими»—препятствіями, происходившими отъ той грубой жажды политическаго захвата, которою отличается восемнадцатое столѣтіе.

Западный Вандея.

Эти обстоятельства были причиною и другого страннаго, непонятнаго явленія: почему въ то время союзники не оказали никакой поддержки анти-якобинскому элементу въ самой Франціи? Когда господствующая партія хотѣла кого ограбить или убить, всегда служило удобнымъ предлогомъ обвиненіе заподозрѣннаго въ тайномъ заговорѣ съ иностранцами, съ Кобургомъ, Брауншвейгомъ или что онъ подкупленъ Питтомъ. Въ дѣйствительности, коалиція ничего не дѣлала въ этомъ отношеніи. Намъ со стороны ясно видно, какое ничтожное меньшинство возложило свое кровавое ярмо на цѣлый французскій народъ; трудно понять, почему протестующая часть народа не сплотилась единодушно, не возмутилась, не поднялась разомъ; но, не надо забывать, что протестующіе лишились черезъ эмиграцію сильныхъ руководителей, а масса народа трудящагося была сбита съ толку терроризмомъ. Цѣлою областью владѣла анти-революціонная сила только въ Вандеѣ, той своеобразной мѣстности на югъ отъ Луары, между Пуатье, Туромъ, Рошелью и Пантомъ, которая перерѣзана оврагами, поросшими терновникомъ, и волнообразною равниной спускается къ океану. Феодальные порядки, ненавистные Франціи, сохраняли здѣсь свой первобытный смыслъ и прекрасный патріархальный характеръ; земля дѣлилась на множество мелкихъ хуторовъ, съ владѣльцами которыхъ, своими арендаторами, баринъ стоялъ въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ и жилъ въ такой же простотѣ нравовъ, какъ они. Поселяне были, въ лучшемъ смыслѣ, хорошіе католики. Священники—люди простые, но въ большинствѣ безупречной жизни, руководили умами и понятіями своихъ прихожанъ, которыхъ не коснулись новыя понятія литературы и contrat social. Революція и ея нововведенія, на которую всюду смотрѣли—совершенно справедливо—какъ на облегченіе и освобожденіе, здѣсь возбуждали только недовѣріе и отвращеніе. Феодальныя ренты, уничтоженныя 4 августа, продолжали выплачивать. Когда, со введеніемъ новой организаціи, надо было избирать мэровъ, тутъ попросили дворянъ взять на себя эти должности. Отказавшіеся отъ присяги священники только здѣсь нашли убѣжище отъ грубыхъ преслѣдованій, хотя масса католическаго народа признавала только ихъ истинно-католическими. Обнаружилось возстаніе въ мартѣ 1793 года, когда, послѣ казни короля, потребовали и здѣсь приведенія въ исполненіе закона о наборѣ 300,000 человѣкъ. За бѣлое знамя старой королевской Франціи, за несчастнаго ребенка Людовика XVII, находившагося въ рукахъ грубой власти, поднялось возстаніе, а предводителями были господа, пользовавшіеся всеобщимъ довѣріемъ, и нѣсколько выдающихся людей изъ среды самого народа: извоз-

чикъ Шателино, охотникъ Стофелэ и другіе. Пламя возстанія охватило восточную часть, называемую le bocage, страну кустарниковъ, какъ западная, морская часть, испещренная болотами и каналами, называлась le marais. До іюня счастливо сопротивлялись они, въ пересѣченной, но хорошо имъ знакомой и родной мѣстности. Для строевыхъ колоннъ и орудій *синихъ* (такъ называли здѣсь войско конвента) мѣстность эта представляла трудно-одолимое препятствіе, тогда какъ недисциплинированные, но воодушевленные и хорошо руководимые храбрецы-вандейцы пользовались всѣми выгодами: удобство нападенія и защита при отступленіи.

Якобинцы у власти.

Въ разсказѣ нашемъ приходится вернуться къ внутреннему развитію революціоннаго движенія. Считали четвертый годъ свободы, давно сдѣлавшейся пустой фразой, а теперь все болѣе и болѣе принимавшей образъ страшной тираніи. Народъ работящій, честный, составляющій силу государства, давила олигархія, состоявшая изъ горячихъ головъ, сбитыхъ съ толку, изъ лѣнтяевъ и преступниковъ всякаго рода. Хлопоты съ паспортами были только скучны,—никто въ Парижѣ не смѣлъ покинуть города безъ свидѣтельства о разрѣшеніи выѣзда отъ своей секціи; но въ этомъ была не вся бѣда. Принудительный налогъ на частныя дѣла; на каждомъ домѣ вывѣшенъ былъ списокъ живущихъ въ немъ: достигшіе восемнадцатилѣтняго возраста должны были имѣть при себѣ карточку съ удостовѣреніемъ патріотическихъ убѣжденій, civisme. 20 марта опять произведено было множество арестовъ въ Парижѣ, соотвѣтственно то же дѣлалось въ департаментахъ, съ тою разницею, что тамъ клубы дѣйствовали еще неограниченнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и все дѣлалось съ большимъ шумомъ. Обманчивыя рѣчи о всемогущемъ народѣ имѣли полную силу въ провинціи. Слова эти освобождали людей революціи отъ повиновенія, кто бы его ни потребовалъ во имя закона: мэръ, котораго самъ приходъ избралъ, директорія департамента, министръ въ Парижѣ, хотя бы самъ конвентъ! Дозволено было все: грабежъ, обыскъ домовъ днемъ и ночью, самое гнусное убійство согражданъ. Достаточнымъ предлогомъ было обвиненіе, даже одно подозрѣніе въ томъ, что называли участіе въ заговорѣ, даже одно сочувствіе противникамъ свободы. Оказавшійся зятемъ такого заподозрѣннаго подвергался осужденію и истязанію изступленной толпы, отуманенной неожиданною властью и упоенной звуками революціонныхъ фразъ. Со времени сентябрьскихъ убійствъ, всякому, кто не раздѣлялъ привычекъ простого народа, грозилъ ежеминутно ножъ. Для защиты отъ подозрѣній оставалось быть санкюлотомъ, циникомъ въ обхожденіи и внѣшности. Большинство конвента и руководители его, принадлежавшіе къ образованному обществу, почувствовали, что наступилъ крайній срокъ положить предѣлъ усиливающейся анархіи, общему разложенію и установить какой-нибудь порядокъ. Новѣйшій французскій историкъ этого времени, Г. Тэнъ, вводитъ насъ въ рабочій кабинетъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Ролана и даетъ намъ заглянуть въ дѣла, ежедневно поступавшія, со всѣхъ концовъ Франціи, о жалобахъ на вопіющія насилія, о слабости власти, о мученіяхъ, которымъ подвергались отдѣльныя личности. Самый значительный изъ правителей, Дантонъ, чувствовалъ необходимость сильной власти. Онъ не поддавался негодяямъ, которыми поль-

зовался, но которыхъ презиралъ. Напрасно жирондисты отвергли его попытку соединиться съ ними; у него было именно то, чего имъ не доставало; въ его рукахъ была власть, онъ умѣлъ начать дѣло, имѣлъ вліяніе на чернь и раздѣлялъ чувства республиканской партіи; не пристала имъ и чрезмѣрная брезгливость къ человѣку, руководившему сентябрьскими убійствами, такъ какъ у нихъ на совѣсти было не мало крови, хотя они не сами проливали ее. Люди 20 іюня, 10 августа, 2 и 3 сентября переложили, только по своему, благозвучныя слова жирондистовъ объ убійствѣ, тиранахъ и такъ далѣе. Нельзя было терять времени. Самодержавный народъ трибунъ, секцій, общинныхъ совѣтовъ замѣтно овладѣвалъ всѣмъ. По предложенію Дантона, 10 марта установлено было новое чрезвычайное судилище: революціонный трибуналъ для суда надъ подозрительными, которыми снова наполнились всѣ тюрьмы. Законъ гласилъ, что девять человѣкъ, не стѣсненныхъ никакими опредѣленными судебными формами, будутъ присуждать къ смерти всякаго искусителя народа. Совершенно неожиданной побѣдой было постановленіе конвента, что судья и присяжные назначаются имъ. Это давало Дантону возможность достигнуть диктатуры, которую онъ считалъ необходимой въ виду положенія дѣлъ за границей. Несомнѣнно, что его диктатура была бы меньшимъ изъ золъ.

Дантонъ и жиронда.

Къ сожалѣнію, измѣна Дюмурье нанесла жестокій ударъ жирондѣ. Онъ числился въ ихъ партіи, хотя въ дѣйствительности этого не было; крайняя революціонная журналистика, всемогущая теперь, удвоила ядовитые нападки. Она не переставала напоминать этому одичалому обществу объ измѣнѣ Дюмурье и то, что въ ея глазахъ было самымъ тяжелымъ преступленіемъ, о желаніи жирондистовъ спасти короля. Задоръ прессы, да старая злоба на человѣка, сентябрьскими убійствами опозорившаго благородное дѣло идеальной республики, спутало ихъ и, надо сказать, мудрено было войти въ соглашеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ Дантонъ. Они напали на него въ конвентѣ, обвинивъ, по обычаю того времени, въ измѣнѣ республикѣ, а онъ, въ страшномъ гнѣвѣ, отвѣтилъ такимъ же нелѣпымъ встрѣчнымъ обвиненіемъ. Раздоръ этотъ далъ перевѣсъ партіи «Горы» и ея главѣ Робеспьеру; къ нимъ примкнулъ и Дантонъ. 6 апрѣля сдѣланъ былъ важный по послѣдствіямъ шагъ: централизація исполнительной власти, установленіе комитета общественнаго спасенія изъ 9 депутатовъ и изъ 9 кандидатовъ съ широкими полномочіями надзора за министрами и чиновниками. Первые выборы дали рѣшительное большинство сторонникамъ «Горы». Обычный способъ, употреблявшійся противъ монархіи, направили теперь противъ жиронды. Ораторствовали противъ апеллантовъ, федералистовъ, заговорщиковъ, измѣнниковъ. 15 апрѣля явились депутаты 45 отдѣленій (section); изъ шумныхъ собраній ихъ давно удалились всѣ порядочные люди. Подъ предводительствомъ мэра Пашъ, они требовали преданія суду 22 депутатовъ-жирондистовъ; всюду призывали къ возстанію, а гдѣ и прямо къ убійству. Еще разъ отклонили нападеніе и отвергли петиціи. 13-го жирондѣ удалось провести постановленіе объ арестованіи Марата, но эта побѣда была только кажущейся.

Полусумасшедшему Марату это придало значеніе, котораго онъ вовсе

не имѣлъ, такъ какъ революціонный трибуналъ призналъ его невиновнымъ, а партія сдѣлала его предметомъ смѣшного поклоненія. Дантонъ еще разъ попробовалъ съ ними сблизиться. Гуаде предложилъ 18 мая, во-первыхъ, немедленное уничтоженіе общиннаго совѣта, т.-е. уничтоженіе правленія столичной черни, и во-вторыхъ, сообщеніе этого рѣшенія департаментамъ, гдѣ оппозиція только и ждала такого ободренія для сопротивленія постыдному господству клубовъ. Къ сожалѣнію, дѣло было плохо подготовлено; Бареръ не зналъ еще, откуда подуетъ вѣтеръ, и предложилъ среднюю мѣру: установить комитетъ дознанія изъ 12 членовъ. Предложеніе его приняли и выборъ палъ на жирондистовъ. Они попытались распространить свою власть дознанія на сентябрьскія событія; это окончательно оттолкнуло отъ нихъ Дантона, примкнувшаго къ своимъ и къ Робеспьеру. Тѣмъ временемъ 21 членовъ дѣйствовали довольно энергично; они велѣли арестовать негодяя Гебера, издававшаго уличный листокъ «Le père Duchesne». Это вызвало волненія между радикалами; депутаціи требовали отъ конвента освобожденія этого примѣрнаго гражданина. По этому случаю, президентъ жирондистовъ Инардъ отвѣтилъ высокопарно: «Грядущіе вѣка будутъ тщетно искать на берегахъ Сены то мѣсто, гдѣ стоялъ Парижъ, ежели городъ этотъ осмѣлится оказать сопротивленіе націи!» Такія громкія слова принимались теперь за геройскія дѣла.



Ж. Р. Геберъ, прозванный „дядей Дюшеномъ".
Съ натуры рисованъ Габріэлемъ.

Дикія сцены повторялись, и однажды мясникъ Лежандръ бросился съ пистолетомъ на храбраго президента собранія янсенистовъ Ланжюинэ. Силѣ якобинской черни жиронда не противопоставила правильно-организованную силу порядка, и такъ наступилъ рѣшительный день, подготовленный собраніями якобинцевъ. Дантонъ теперь явно присоединился къ нимъ. Было воскресенье, 2-го іюня. Били въ набатъ; якобинскія части національной гвардіи (остальныя давно покинули ее) вмѣстѣ съ санкюлотскими батальонами, достойно предводимыя клейменымъ преступникомъ, пьяницей Генріо, собрались передъ дворцомъ Тюльери, гдѣ засѣдалъ конвентъ, и преградили всѣ подступы. На требованіе удалиться, Генріо отвѣчастъ отказомъ. Среди всеобщаго волненія въ залѣ, Бареръ, нашедшій своевременнымъ присоединеніе къ сильнѣйшей партіи, предложилъ конвенту выйти въ полномъ составѣ и испытать свою самостоятельность. Это исполнили; съ

президентомъ во главѣ, двинулось собраніе представителей высшей власти Франціи. Генріо не обратилъ на нихъ никакого вниманія; тому сброду, который онъ велъ, казалось пустой болтовней всякое сопротивленіе ихъ анархистскимъ стремленіямъ; онъ велитъ своимъ людямъ заряжать ружья и требуетъ именемъ народа 34 человѣка виновныхъ, а Маратъ, во главѣ части народа этого, предлагаетъ конвенту вернуться къ своему посту. Всемогущей волѣ собравшейся тутъ черни безпрекословно повинуется собраніе представителей Франціи, и, безъ дальнѣйшаго сопротивленія, утверждаетъ требованіе Кутона объ арестованіи 22 вновь заподозрѣнныхъ народомъ депутатовъ и 12 членовъ изъ комитета дознанія. Все это были лучшія имена жиронды — Верніо, Бриссо, Гуадэ, Петіонъ, Барбару, Ланжюинэ и другіе.

Паденіе жиронды. Бунты.

Въ то время, какъ «горцы» достигали полнаго господства, содроганія въ департаментахъ указывали, что настроеніе Франціи, что совѣсть народная возмущена непрестаннымъ пролитіемъ крови,—виною, которая падала на всю Францію. 13 департаментовъ бунтовали. Въ Ліонѣ, 29 мая, побѣдила партія порядка и захватила городскую ратушу; захватили нѣкоего Шалье, жестокаго якобинца, и казнили 8-го іюля. Главными опорными пунктами были Кальвадосъ и городъ Канъ центръ либеральнаго и конституціоннаго возбужденія, какъ Вандея — центромъ роялистскаго. 13 іюля кинжалъ экзальтированной республиканки изъ Кана, Шарлоты Кордай, поразилъ отвратительнаго тирана дня, чудовищнаго Марата. Въ его квартирѣ, rue de l'école de Médecine, она нанесла ему тысячу разъ заслуженный имъ смертельный ударъ. Всѣ, кромѣ сообщниковъ, признаютъ, что низость и порокъ, безобразіе душевное и тѣлесное дѣлали изъ него воплощеннаго дьявола. Онъ имѣлъ безстыдство принять гражданку, сидя въ ваннѣ. Исполнивъ свой замыселъ, она спокойно дала себя арестовать и съ тѣмъ же спокойствіемъ пошла на смерть. Кордельеры устроили своему бо-



Шарлота Кордай.
По современному изображенію.

жеству отвратительное погребальное торжество, сопоставили его со Христомъ. «Ежели Іисусъ былъ пророкъ, то Маратъ—божество», такъ заключилъ одинъ изъ ораторовъ, вполнѣ въ духѣ современнаго радикализма.

Убійство Марата. Терроризмъ усиливается.

Движеніе въ духѣ, противномъ якобинству, служило только къ усиленію кровавой рѣшимости партіи «Горы». Тщетно искать тутъ политическихъ причинъ, хотя бы превратныхъ. Чернь партіи, замѣтно болѣе развращенная чѣмъ въ началѣ революціи, убивала по привычкѣ и для грабежа.



Ж. П. Маратъ.
Гравированъ Бриссономъ по картинѣ Бозэ.

Очень удобно было обозвать богача предателемъ свободы, врагомъ народа. Сколько-нибудь замѣтные руководители должны были идти все далѣе, остановиться было невозможно; всякій поворотъ къ порядку былъ для

нихъ гибелью. Общество должно было защищать такія цѣнныя пріобрѣтенія: низшіе—наворованное добро ограбленныхъ; высшіе—захваченныя должности и государственные доходы, которые они подѣлили между собою, какъ добычу. Вся власть была въ рукахъ клуба якобинцевъ. При новомъ избраніи комитета общественнаго спасенія, 10 іюля, выбраны были исключительно сторонники Робеспьера, нѣсколько человѣкъ изъ окружающихъ Дантона и провансальца Бертрана Барера. По малодушію, онъ брался говорить фразы въ защиту жестокаго пролитія крови. Въ тѣ дни составили «конституцію 1793 года». Общее право голоса, единое собраніе,



Шарлотта Кордай, на пути къ эшафоту.

По современному изображенію.

исполнительный совѣтъ—не стоитъ останавливаться на этомъ, такъ какъ всякій законъ въ примѣненіи объяснялся якобинцами согласно выгодамъ народа. Министерства были вскорѣ замѣнены комиссіями по различнымъ дѣламъ.

Марсель, Лионъ, Тулонъ.

Возстаніе въ Кальвадосѣ, куда отошелъ Дантонъ, скоро усмирили войска конвента. Бѣжавшіе туда изъ Парижа главы жирондистской партіи должны были спасаться дальше; терроризмъ побѣждалъ всюду. Въ Марсели 23 августа партіи дошли до столкновенія. Монтаньяры («горцы») побѣдили и открыли ворота генералу конвента. Нѣсколько долѣе держался Ліонъ, подъ начальствомъ роялиста Преси. 22 августа войско конвента

начало страшную бомбардировку, продолжавшуюся чуть не мѣсяцъ. Съѣстные припасы истощились. Съ 2,500 человѣкъ Пресн сдѣлалъ отчаянную вылазку и пробился едва съ 50 человѣками. На слѣдующій день, 9-го октября, въ городъ вступили осаждавшіе. Отсюда войско конвента направилось на Тулонъ, для усиленія отряда, осаждавшаго этотъ городъ. Возстаніе имѣло тутъ чисто-роялистскій характеръ. Городъ и портъ были открыты Англичанамъ, въ руки которыхъ попали такимъ образомъ флотъ и военные запасы громаднаго арсенала; признали Людовика XVII, накололи бѣлую кокарду и усилили гарнизонъ 4,000 Испанцевъ, столькими же Неаполитанцами и 2,000 Пьемонтцевъ. Осада эта знаменита тѣмъ, что позднѣйшій усмиритель революціи — Наполеонъ Бонапартъ — находился тутъ юношей 24 лѣтъ. Онъ былъ артиллерійскій офицеръ въ 12,000-мъ отрядѣ неспособнаго Карто, одной изъ тѣхъ креатуръ дня, которыя всегда надѣются, что геній революціи внушитъ имъ въ данную минуту то, что ихъ уму непостижимо. Какъ всѣ искатели карьеры, молодой человѣкъ держался господствующей партіи. Орудія, которыми онъ командовалъ, назывались «батарея горы» и «батарея санкюлотовъ». Дѣло не двигалось, пока не подошли подкрѣпленія изъ-подъ покореннаго Ліона и главное начальство не перешло къ Дюгомье, одобрившему планъ Бонапарта—взять сначала форты Мюльгравъ и Мальбоскэ и тѣмъ прорвать оборонительную линію: осажденные не выдержали огня; 17 и 18 декабря отплыли Англичане, взявъ съ собою больныхъ, военные запасы и 15,000 человѣкъ, которыхъ они спасали отъ великодушія якобинцевъ, и французскіе корабли, сколько можно было ихъ увести подъ огнемъ побѣдителей. Изъ 31 линейнаго корабля и 25 фрегатовъ, Французамъ осталось только 12 линейныхъ судовъ и 18 фрегатовъ. Республиканцы вступили въ городъ 19 декабря.

Вандея.

Пала въ это время и Вандея. Возставшіе, которымъ содѣйствовала сама природа страны, нанесли цѣлый рядъ пораженій войску конвента, которому трудно было дѣйствовать замкнутыми колоннами и тяжелыми орудіями. Но въ іюнѣ палъ подъ Нантомъ самый искусный предводитель Вандеи Шателино и Вандейцы потерпѣли пораженіе. Нападенія пріостановились, а когда, вслѣдствіе необыкновенно выгодной капитуляціи Майнца, конвентъ могъ воспользоваться храбрымъ гарнизономъ этой крѣпости, подъ начальствомъ Клебера и другихъ талантливыхъ генераловъ, счастье повернуло въ другую сторону. Война приняла ужасный характеръ. Въ прокламаціи къ западной арміи конвентъ говорилъ: «солдаты свободы, разбойники Вандеи должны быть уничтожены до конца октября». Огнемъ и мечомъ война продолжалась, и дошла до того, что какъ въ королевской католической арміи, такъ и въ арміи свободы безъ милосердія убивали плѣнныхъ. 17-го октября, подъ стѣнами Шолье, на лѣвомъ притокѣ Луары, нанесенъ былъ ударъ, казавшійся окончательнымъ. Говорунъ побѣдоносной партіи въ Парижѣ, Бареръ, говорилъ: «Вандея болѣе не существуетъ». Вся надежда Вандейцевъ была на движеніе по правому берегу Луары, гдѣ ожидали высадки Англичанъ. Воодушевленіе перваго времени исчезло, потому что люди скоро дичаютъ въ такой войнѣ. Одинъ изъ благороднѣйшихъ борцовъ, Боншанъ, смертельно раненый въ послѣдней битвѣ,

съ горестью сознался, что боролся противъ дурной партіи, но не за правое дѣло. Умирая, онъ еще спасъ жизнь нѣсколькимъ тысячамъ плѣнныхъ. Новый предводитель, потомокъ древняго рода, Ларошжакеленъ, составилъ планъ двинуться на сѣверъ, завладѣть приморскимъ городомъ Гранвиль и ожидать тамъ помощи Англичанъ. Все было тщетно, ихъ отбили. При Ле-Мансѣ, мѣстѣ рѣшительной битвы и въ наши дни, *синіе*, предводимые Марсо и Вестерманомъ, опять настигли ихъ 12 декабря 1793 года, и окончательно разбили. 15,000 вандейцевъ убиты на полѣ сраженія, а взятые въ плѣнъ разстрѣляны,—безсердечный Россиньоль былъ въ лагерѣ побѣдителей. Около 12,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, двинулось обратно черезъ Луару, гдѣ на челнокахъ спаслось небольшое число ихъ. Остальные разсѣялись или пали въ разныхъ стычкахъ. Разбойничьи шайки продолжали грабить, протестуя противъ новаго порядка вещей; возстаніе не было подавлено окончательно и при удобномъ случаѣ возобновилось.

Къ концу 1793 года революція всюду осталась побѣдительницей и о непосредственной опасности республикѣ не могло быть рѣчи; но еще менѣе думали о милосердіи и кротости. Безъ цѣли и безъ жалости пролитая кровь требовала все новыхъ жертвъ, и теперь терроризмъ вступилъ въ самую дикую стадію свою со свойственнымъ всякому деспотизму чувствомъ недовѣрія и страхомъ, и не подъ давленіемъ опасности, что могло-бы нѣсколько оправдать его: буйствовало самое отвратительное изъ всѣхъ неудавшихся правительствъ, когда-либо имѣвшихъ власть надъ равными себѣ людьми. Краснорѣчивый англійскій историкъ выражаетъ ужасы тѣхъ дней такими словами, которыя останутся вѣчнымъ памятникомъ позора Бареру, этому худшему изъ худшихъ въ томъ жалкомъ сборищѣ, которое опозорило прекрасное дѣло свободы на многія десятилѣтія:—«Настало то странное время, которое извѣстно подъ именемъ *террора*,—настали дни, когда самый жесточайшій судъ руководствовался самыми строгими законами; дни, когда сосѣдъ не смѣлъ поклониться сосѣду, читать молитвы, причесать волосы, опасаясь совершить смертельное преступленіе; дни, когда шпіоны были за всякимъ угломъ, гильотина устаивала работать, когда тюрьмы были набиты какъ корабль, нагруженный невольниками, когда каналы, полные крови, выливались въ Сену, когда повинны были смерти—племянникъ капитана *королевской* гвардіи или сводный братъ доктора Сорбонны, всякій высказавшій сомнѣніе въ цѣнности ассигнацій, или державшій у себя экземпляръ памфлетовъ Бёрке въ запертомъ столѣ, или смѣявшійся надъ якобинцемъ, принявшимъ имя Кассія или Тимолеона, или назвавшій пятую санкюлотиду старинымъ суевѣрнымъ названіемъ Матвѣева дня. Въ то время, какъ телѣги, нагруженныя жертвами, тянулись по улицамъ Парижа, проконсулы, посланные верховнымъ комитетомъ въ департаменты, доводили тамъ жестокость до размѣровъ, и въ столицѣ невиданныхъ. Ножъ смертоносной машины подымался и опускался слишкомъ медленно для ихъ кровавой работы. Длинные ряды плѣнныхъ разстрѣливали картечью, переполненныя людьми барки топили въ рѣкахъ. По всей Луарѣ, внизъ до Сомюра, стаи воронъ и хищныхъ птицъ питались... Ни возрастъ, ни полъ не находили пощады. Сотнями надо считать число юно-

Великій терроръ.

шей и семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, убитыхъ этимъ достойнымъ проклятія правительствомъ. Грудныхъ младенцевъ, оторванныхъ отъ матери, перекидывали съ пики на пику... Нѣсколькихъ мѣсяцевъ было достаточно, чтобы низвести Францію на уровень Новой Зеландіи».



Ліонскія убійства.
По современному изображенію.

Дѣйствительно, трудно составить себѣ понятіе о Франціи тѣхъ дней, перваго полугодія 1794 года. Подонки населенія, грубое, необразованное, во всѣ времена и всюду варварское, достигло вдругъ власти и удержало ее настолько, что успѣло прибавить къ низости и подлости рабства всю низость и порочность властительства. Это было самое невыносимое правленіе черни, руководимое фанатиками безъ сердца и безъ разума,—фанатиками, которые сами подъ вліяніемъ нѣсколькихъ фразъ и отвлеченныхъ понятій убивали, чтобы въ крови новыхъ жертвъ потопить своего мстителя и заглушить угрызенія совѣсти. Чаще всего побудительной причиной убійствъ была трусость; при всеобщемъ опьянѣніи надо было убивать, чтобы самому не попасть въ подозрительные. Господствовалъ формальный нигилизмъ, духъ разрушенія, не спрашивавшій, *что* разрушается. «Долой дворянство, и тѣмъ хуже добродѣтельнымъ, ежели они существуютъ».—Гильотина дѣйствуетъ во всей республикѣ, постоянно. Для Франціи достаточно пяти милліоновъ жителей». Смѣшно было, когда старались искоренить всѣ старыя воспоминанія и при этомъ съ полу-дѣтской, полубѣсовской злобой и ненавистью шли противъ Церкви и христіанства;

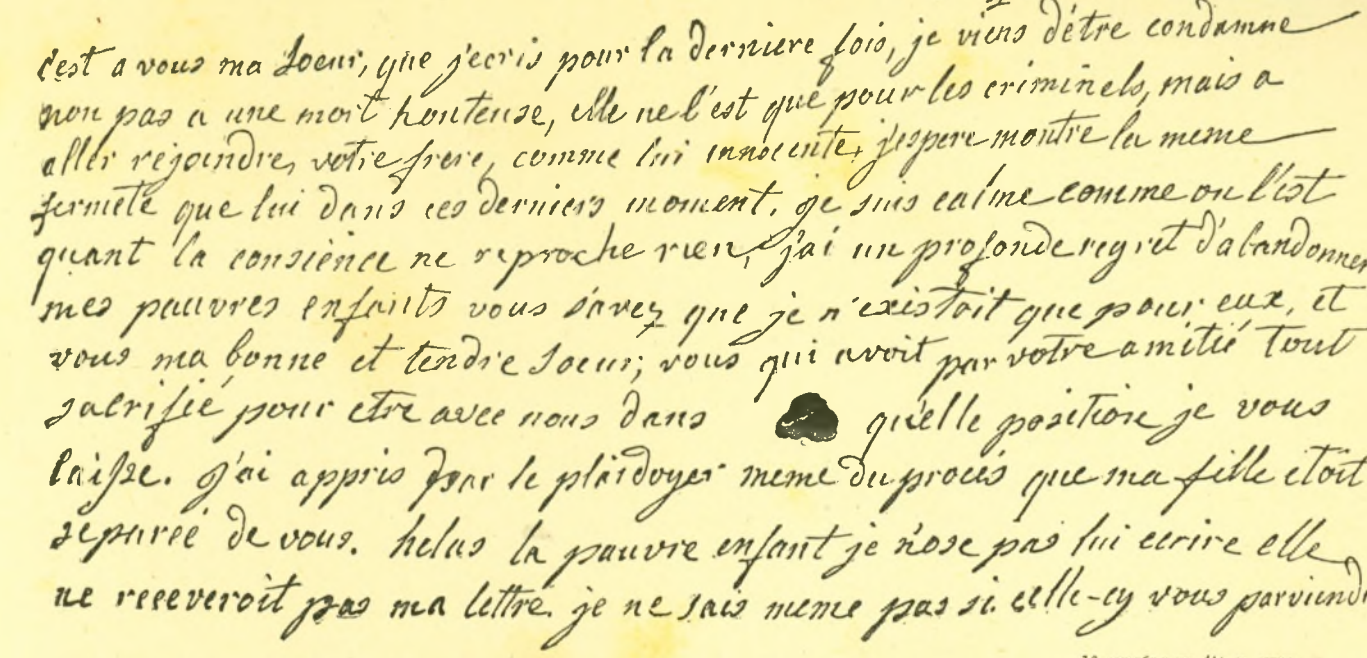


Засѣданіе революціоннаго комитета во время господства террора въ Парижѣ.
По современному рисунку Флагуара, гравировалъ Карлъ Шлейхъ.

переименовывали улицу *Сень-Дени* въ улицу Ни; приходилось слышать о гражданахъ Анаксагорѣ Шометтѣ, или Анахарсисѣ Клотсѣ, или Гракхѣ Бабёфѣ; одинъ законодатель конвента спрашивалъ у другого экземпляръ законовъ Миноса, книгу, которую онъ не могъ найти въ библіотекѣ; въ Страсбургѣ, ночной сторожъ, патріотъ, старинную пѣснь ночныхъ сторожей «Хвалите Господа съ небесъ» передѣлалъ въ «Хвалите Бога-гражданина»—все это было относительно невинно, равно какъ и переворотъ въ лѣтосчисленіи. Вмѣсто маститыхъ тысячелѣтій, повели лѣтосчисленіе отъ эпохи мнимаго освобожденія: первый революціонный годъ начался съ осенняго равноденствія, 22 сентября 1793 года. Двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ (Vendemiaire, Frimaire, Brumaire и т. д.) составляли три декады Примиди, Дюоди, Триди и шесть добавочныхъ дней, названныхъ Санкюлотидами и предназначенныхъ для самыхъ нелѣпыхъ празднествъ. Нѣкоторыя нововведенія оказались разумны и прочны, какъ напримѣръ, примѣненіе децимальной системы къ монетамъ, мѣрѣ и вѣсу. И снова началась травля на *подозрительныхъ*:—настоящихъ аристократовъ, того, что такъ называли революціонеры, не существовало. 5 сентября 1793 г. можно назвать началомъ систематическаго или организованнаго террора. Депутаціи секцій и совѣта общинъ обычнымъ образомъ явились въ конвентъ съ требованіемъ такого террора. Революціонная армія въ 6,000 чел. и 1,200 чел. артиллеріи, хорошо оплаченный трибуналъ и эшафотъ—все это, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, должно было искоренить во всей Франціи заговорщиковъ противъ революціи. Законъ противъ подозрѣваемыхъ появился 17-го: достаточно привести третій параграфъ его, по которому «подозрительнымъ» признается всякій, кто не получилъ свидѣтельства гражданской благонадежности, а недостойнымъ этого драгоцѣннаго документа дѣлался всякій, кто отказывался или затруднялся подписать кровавую петицію санкюлотовъ своей сессіи. Революціонный трибуналъ работалъ теперь энергично и почти ежедневно посылалъ на смерть большее или меньшее число лицъ безъ дальнихъ формальностей, послѣ краткаго допроса, а часто и удостовѣрившись только личность. 28 августа палъ Кюстинъ, тотъ самый, который завладѣлъ Майнцемъ, но имѣлъ несчастіе быть маркизомъ. Передъ этимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, судилищемъ явилась, 16 октября, «вдова Капетъ», несчастная королева Франціи. Въ исторіи мало такихъ ужасныхъ примѣровъ превратности счастья! Сраженная неномѣрными страданіями, она едва отвѣчала на предложенные ей вопросы. Ея судьи, на этомъ допросѣ, превзошли до такой степени всякую мѣру низости, что даже публика стала роптать. Четыре дня позднѣе, 20-го, начался допросъ захваченныхъ жирондистовъ. Пренія длились пять дней, окончаніе можно было предвидѣть. Разныя чувства возбуждаютъ эти жертвы, они съ своей стороны пролили не мало невинной крови, и безъ чистаго патріотизма или серьезнаго сознанія своей гражданской отвѣтственности, они содѣйствовали возвеличенію того братства, которое теперь поглотило ихъ. Идеализмъ новаго духа времени, которому они посвятили себя, придалъ имъ все-таки извѣстную силу духа: когда ихъ уводили отъ трибунала, осудившаго ихъ, они, истинные французы, запѣли марсельезу, гимнъ противъ тираніи. Послѣднюю ночь, которую

ce 16 8bre a 4 h ½ du matin

c'est a vous ma soeur, que j'ecris pour la derniere fois, je viens d'être condamne
non pas a une mort honteuse, elle ne l'est que pour les criminels, mais a
aller rejoindre, votre frere, comme lui innocente, j'espere montre la meme
fermeté que lui dans ces derniers moment. je suis calme comme on l'est
quant la consience ne reproche rien, j'ai un profonde regret d'abandonner
mes pauvres enfants vous savez que je n'existoit que pour eux, et
vous ma bonne et tendre soeur; vous qui avoit par votre amitié tout
sacrifié pour etre avec nous dans [illegible] quelle position je vous
laisse. j'ai appris par le plaidoyer meme du procés que ma fille etoit
separée de vous. helas la pauvre enfant je n'ose pas lui ecrire elle
ne receveroit pas ma lettre. je ne sais meme pas si. celle-cy vous parviendre



16 октября въ 4½ ч. утра.

„Пишу вамъ, сестрица, въ послѣдній разъ. Меня только что осудили, но не на позорную смерть (она позорна только для преступниковъ), а на возсоединеніе съ вашимъ братомъ. Невинная, какъ и онъ, я надѣюсь выказать ту же твердость духа, въ послѣднія минуты. Я спокойна, какъ бываютъ спокойны люди съ чистою совѣстью. Глубоко сожалѣю, что приходится покидать моихъ бѣдныхъ дѣтей — вы знаете, что я только для нихъ и жила! А вы, добрая и милая сестрица моя, вы, которая ради дружбы къ намъ пожертвовали всѣмъ, чтобы съ нами быть — въ какомъ положеніи я васъ оставляю. Во время судоговоренія я узнала, что дочь моя была разлучена съ вами. Увы! бѣдныя дѣти! Не смѣю ей писать, зная, что она не получитъ моего письма. Сомнѣваюсь даже и въ томъ — получите-ли вы это письмо...“

Точный снимокъ и переводъ письма Маріи-Антуанеты къ принцессѣ Елисаветѣ Бурбонской, сестрѣ Людовика XVI; писано въ Консьержери, 16 октября 1793 г., въ 4½ часа утра.

(Письмо это было отыскано среди бумагъ Робеспьера).

они провели вмѣстѣ, они ободряли другъ друга, нѣкоторые были даже веселы, въ виду смерти, особенно горькой для нихъ. 31-го пали Бриссонъ, Жансонне, Верніо, Дюко, всѣхъ 21; пророчица ихъ, г-жа Роланъ, пала 10 ноября и выказала большую твердость. Даже тѣ члены партіи, которымъ удалось спастись отъ руки палача, кончили, большею частью, печально. Недалеко отъ Руана, на шоссе, нашли тѣло Ролана, который накололся на шпагу; ученый Кондорсе принялъ ядъ. Его, какъ и многихъ другихъ, въ эти смутныя времена, судьба и желаніе играть роль отвлекли отъ наукъ, и, попавъ въ этотъ водоворотъ, онъ не могъ изъ него выбиться. Гуаде и Барбару казнены были въ Бордо. На полѣ, близъ Гаронны, нашли тѣло Петьона, растерзанное волками. Герцогъ Орлеанскій не хотѣлъ отстать отъ своей партіи и палъ 6-го ноября. Повидимому, онъ шелъ на смерть съ тѣмъ чувствомъ отупѣнія, которое все чаще и чаще замѣчалось въ жертвахъ и отъ котораго самимъ властителямъ становилось жутко. 12-го послѣдовалъ за своими товарищами доблестный Бальи, первый президентъ національнаго собранія, въ первые, чистые дни искаженнаго теперь движенія. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ примѣнилъ военный законъ 17 іюля 1791 г. и что онъ далъ показанія, благопріятныя королевѣ. *Очищеніе клуба якобинцевъ* доставило новыя жертвы 29 ноября. Сдѣлано это было по требованію Робеспьера, и одинъ изъ послѣдователей и приверженцевъ его не дурно придумалъ, въ видѣ правила нравственной оцѣнки—ставить вопросъ: «что бы ты сдѣлалъ, чтобы въ случаѣ антиреволюціоннаго движенія быть достойнымъ смерти?» Новая Франція была на пути вообще принять этотъ вопросъ за право на существованіе. А между тѣмъ общинный совѣтъ предписывалъ переворачивать въ печахъ изразцы, на которыхъ были изображенія лилій, гербовъ и всего, что напоминало уничтоженный порядокъ вещей, и сжигать гобелены съ королевскимъ именемъ. Зная составъ коммуны, нечего удивляться и тому, что совѣщались, не подлежитъ-ли сожженію королевская библіотека въ улицѣ Ришельё? Борьба шла противъ всего, что выдвигалось изъ общаго рядового уровня, къ какой бы области оно ни принадлежало: было-ли это научное пріобрѣтеніе или чудо искусства. Предлагали разрушить всѣ колокольни, и вѣроятно тогда же невѣжды въ Эльзасѣ толковали о срытіи Страсбургскаго собора.

Христіанство отмѣнено.

Съ особенной злобой направилась эта недостойно-кощунственная борьба на религію, которую старались замѣнить народіей поклоненія божеству Разума. Въ день, когда вели на смерть г-жу Роланъ, недалеко оттуда, въ церкви Богоматери, совершалось празднество Разума. Въ церкви воздвигнутъ былъ алтарь философіи и женщина изображала воплощенный Разумъ. При этомъ Анахарсисъ Клотсъ декламировалъ: «во всеуслышаніе восклицаю, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Природы, иного повелителя, кромѣ рода человѣческаго, кромѣ божественнаго народа».—«Граждане, настало время уничтожить религію.—Человѣчество сожгло свои помочи». Ораторство это не спасло Клотса отъ гильотины, когда Робеспьеръ нашелъ его неудобнымъ. Вспомнили, что онъ уроженецъ Пруссіи, баронъ, имѣлъ 100,000 франковъ доходу. Конвентъ находился во власти тирановъ трибуны и давно отвыкъ отъ свободныхъ рѣчей, даже отъ выраженій неудовольствія; его задача состояла теперь въ томъ, чтобы превращать въ декреты и законы то,



Бракосочетаніе во Франціи во время первой республики.
По гравюрѣ Леграна.

что подготовляли властители дня. Ноября 13-го духовенство получило предписаніе отказаться отъ христіанства, въ чемъ всенародно въ своемъ округѣ уже отрекся конституціонный епископъ парижскій Гобель. Церкви Св. Рока и Св. Германа очистили 21 ноября, нагрузили на ословъ церковные сосуды и доставили въ конвентъ. Нечего и говорить о томъ, что множество драгоцѣнностей исчезло при такихъ удобныхъ предлогахъ для самаго беззастѣнчиваго грабежа. Колокола церковные смолкли, и отнынѣ комиссаръ коммуны провожалъ на кладбище тѣла умершихъ. Послѣ величественныхъ обрядовъ, глубокомысленныхъ таинствъ или строгой простоты богослуженія, жалкой и ничтожной замѣной этой вѣры были—деревья свободы, красныя шапки и подобныя нелѣпости, описывать которыя не стоитъ. Когда всѣми духовными силами народа овладѣлъ какой-то страшный бредъ, все приняло отпечатокъ пошлости и безвкусія. Полное понятіе о праздникѣ 10-го августа можно себѣ составить, читая, что суть праздника состояла въ выпусканіи изъ клѣтокъ 3,000 пойманныхъ птицъ, съ трехцвѣтными лентами на ногахъ и надписью: «Мы свободны, подражайте намъ!» Съ другой стороны, придирчивая въ мелочахъ полиція—ее и жандармовъ преобразовали, но можно себѣ представить, какими элементами пополнили — проникла въ старинное убѣжище французской свободы и французскаго веселія, въ театръ, и запретила, между прочимъ, пьесу «Кай Гракхъ», за то, что при словахъ «законы, а не

кровь», публика выразила шумныя одобренія. То же случилось при словахъ Брута: «надо быть тираномъ, чтобы по одному подозрѣнію остановить римлянина» (arrêter un Romain sur de simples soupçons—c'est agir en tyran). Трагедію Вольтера «Брутъ» вычеркнули изъ репертуара. Впрочемъ, театры посѣщались, какъ и въ лучшіе дни; хотя намъ и трудно представить себѣ это, но жизнь массы населенія шла обычнымъ путемъ.

Департаменты.

Въ департаментахъ было чуть-ли не хуже, чѣмъ въ Парижѣ, такъ какъ тамъ всякій негодяй безчинствовалъ по-своему. Въ утѣшеніе должно указать, что отчеты комиссаровъ конвента бывали часто преувеличены, изъ желанія выслужиться предъ тогдашними властителями. Все-таки это были исключенія, а общее положеніе было ужасно. Побѣжденные города Франціи—Ліонъ, Тулонъ, Марсель, Вандея — прежде всѣхъ испытали значеніе словъ Барера — «идти войной на свободу». Вспоминается судьба города Капуи, отдѣлившагося во время большой войны, въ до-христіанскую эру (212 лѣтъ до Р. Х.), отъ Рима; въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло теперь, обхожденіе того времени кажется человѣколюбивымъ и милостивымъ. Ліонъ приговоренъ былъ декретомъ 12-го октября къ разрушенію. Самое имя его было уничтожено и уцѣлѣвшимъ домамъ дали названіе Ville affranchie. На лугу близъ Анжера разстрѣляли картечью разомъ 2,700 жертвъ. Во французскомъ языкѣ не нашлось словъ для небывалыхъ ужасовъ и его обогатили новыми выраженіями: митральяды, фюзильяды, нуаяды (*). Всю Вандею окружилъ широкій поясъ пламени: деревни и хлѣбные запасы исчезли въ пламени. Не удивительно, что весною 1794 года во многихъ мѣстахъ, подъ страхомъ быть разстрѣляннымъ, принуждали людей обрабатывать поля. Убійства сопровождались столькими преступленіями, что Европа съ негодованіемъ отвернулась отъ этихъ людей крови, которые, по мѣткому замѣчанію Маколея, въ шесть мѣсяцевъ совершили больше злодѣйствъ, чѣмъ всѣ короли—Меровинги, Каролинги, Капетинги въ шесть столѣтій! Возстаніе противъ ненавистнаго и устарѣвшаго положенія цѣлой Франціи и большей части Европы 1789 г. нельзя осуждать, съ пристрастіемъ партіи, потому только, что властью временно завладѣли дурные элементы. Нельзя также безусловно винить характеръ Французовъ за эти ужасы. Громадное большинство населенія съ проклятіями подчинялось дикому господству сравнительно небольшой партіи. Самимъ тиранамъ становилось жутко отъ той ледяной холодности, съ которой ихъ встрѣчали въ Парижѣ. Только горсть нищихъ, оплачиваемыхъ по двадцать четыре су ежедневно, рукоплескала палачу. Французскіе историки и неосновательные радикалы другихъ народовъ приписывали прежде такъ-называемой энергіи терроризма честь спасенія Франціи отъ нашествія иноплеменныхъ. Нѣмецкіе, а за ними и французскіе изслѣдователи доказали, что заслуга, которую приписывали этимъ дикарямъ, просто миѳъ. Францію спасли постепенно достигавшіе все бо́льшаго значенія благородные элементы и сознаніе силы національнаго единства, развившееся наперекоръ слѣпому неистовству, а также нерѣшительность, отсутствіе единства и отжившая военная методика у противниковъ. Надо только удивляться тому, что громадное большинство проявило относи-

*) Т. е. разстрѣливаніе картечью, пулями и потопленіе.



Массовыя разстрѣливанія въ Ліонѣ по приказанію Колло д'Эрбуа, 14-го декабря 1793 г.
По рисунку Швебахъ-Дэфонтэнъ.

тельно такъ мало сопротивленія тому дикому меньшинству, господство котораго было несравненно тягостнѣе самаго необузданнаго иноземнаго господства. Большинство лучшихъ патріотовъ и благороднѣйшихъ людей терялось при одной мысли о томъ, что̀ будетъ, ежели «эмигранты за границей»—ежели эмиграція, при помощи иностранцевъ, побѣдитъ? Дѣйствительно, это было бы ужаснымъ несчастіемъ. Объ этомъ не хотѣли слышать даже такіе города, какъ Ліонъ, освободившіеся съ такой похвальной энергіей отъ своихъ якобинцевъ. Только сознаніе необходимости отвратить это вторженіе, во что бы то ни стало, могло побудить такого безупречнаго человѣка, какъ Карно, вступить въ число членовъ комитета общественнаго спасенія, гдѣ онъ управлялъ своимъ военнымъ департаментомъ, не справляясь о томъ что̀ дѣлалось въ обществѣ. Неисчислимо зло, которое причинили своей странѣ и всему человѣчеству главные предводители партіи: Дантонъ, Робеспьеръ и философъ секты Сенъ-Жюстъ, еще молодой человѣкъ, проповѣдникъ духа уничтоженія, оковавшій умъ и сердце свое отъ всякихъ человѣческихъ порывовъ, какъ-бы желѣзной броней, революціонной метафизикой и діалектикой. За этими людьми слѣдовало множество приверженцевъ ихъ, уполномоченныхъ, послѣдователей, повѣренныхъ второго и третьяго разряда. Они такъ же, какъ жирондисты, своими преступленіями

и нелѣпостями, совершавшимися во имя свободы, надолго унизили прекрасное дѣло гражданской независимости и тѣ политическіе идеалы, которымъ такъ сочувствовали люди второй половины восемнадцатаго столѣтія. Въ своемъ народѣ и въ незрѣлой части европейскаго общества они оставили поколѣніе, все еще вѣрившее ихъ фразамъ и убѣжденное, что фразами этими можно прикрыть свою распущенность и умственную пустоту. Послѣдователи, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ настоящіе якобинцы 1793 и 1794 годовъ, начали съ подражанія ихъ атеизму и съ хвастовства атеизмомъ. Въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе великой революціи Англіи въ семнадцатомъ столѣтіи съ французской революціей восемнадцатаго столѣтія. Пуритане Англіи и могущественный вождь ихъ Кромвель безжалостно употребляли мечъ противъ враговъ своего дѣла, которое они считали дѣломъ Божіимъ. Они также пролили кровь королевскую; но они не упивались кровью беззащитныхъ, не забавлялись убійствами съ сатанинской изобрѣтательностью, какъ монтаньяры во Франціи въ этотъ годъ террора. Пуритане признавали нѣчто высшее, — законъ, не ими созданный,—высшій свѣтъ, лучи котораго хотя и преломляются, но согрѣваютъ сердца и освѣщаютъ умъ. Человѣкъ вполнѣ подпадаетъ власти тьмы, когда онъ замѣняетъ понятія вѣчныя земными понятіями и земными силами и дерзаетъ придать имъ характеръ quasi-божественный. Тогда онъ подчиняется и становится въ зависимость отъ словъ, при чемъ самая возвышенная фраза мѣшается съ животными побужденіями человѣка, всѣ понятія путаются—рабство называется свободой, унизительное—честнымъ, порокъ—добродѣтелью, діавольское—божественнымъ.

Дантонъ и Робеспьеръ.

Къ счастью, такой терроризмъ не могъ долго длиться, по закону природы. Такая партія, какъ якобинская, не могла сохранить единодушіе; всякое проявленіе умѣренности тотчасъ образовывало партію или котерію радикальнѣе прежней, эта вызывала еще болѣе радикальную, наконецъ— напрадикальнѣйшую. Все это, независимо отъ личныхъ раздоровъ и соперничествъ. А между партіей общиннаго совѣта и комитетомъ общественнаго спасенія уже были разногласія: между гебертистами и дантонистами. Въ общинномъ совѣтѣ умѣли только безумствовать въ пользу пролетаріата Парижа; вліятельнымъ человѣкомъ здѣсь былъ низкій и порочный Геберъ. Раньше онъ былъ театральнымъ кассиромъ и обокралъ кассу. Комитетъ общественнаго спасенія состоялъ изъ людей, хотя большею частью преступныхъ, но которые, управляя большой страной, сталкивались съ людьми, имъ приходилось имѣть дѣло не съ одними экзальтированными Французами. Декретъ конвента, отъ 24-го августа, объявилъ, что «до признанія ея независимости», Франція находится въ состояніи революціи; о конституціи 1793 года не было рѣчи, и 18 членовъ комитета общественнаго спасенія ежемѣсячно вновь избирались для виду, а они правили Францією по крайней мѣрѣ съ такими же полномочіями, какъ нѣкогда Conseil du roi (совѣтъ короля). Главными членами комитета были Дантонъ и Робеспьеръ, и можно было скорѣе ожидать, что Дантонъ дастъ дѣламъ болѣе человѣчное и разумное направленіе. На нѣкоторое время онъ удалился отъ дѣлъ, поѣхалъ на родину, въ Арсисъ-на-Обѣ, и тамъ женился. Казалось, что ему, погрязшему въ грѣхахъ и порокахъ,

начинала нравиться честная жизнь. Онъ удалился на нѣкоторое время отъ дѣлъ: увѣренный въ своей силѣ, онъ думалъ, что вліяніе останется въ его рукахъ. Въ этомъ онъ ошибался; при господствовавшей во всемъ и всюду посредственности, интригану и эгоисту Робеспьеру удалось захватить первенство. Для виду, онъ сблизился съ гебертистами, искусно воспользовался общимъ отвращеніемъ къ ужасамъ послѣдняго времени, особенно негодованіемъ на оскорбленіе церквей. Во главѣ этихъ осквернителей былъ Геберъ и на этомъ Робеспьеръ и погубилъ его, по обычаю своему сказавъ наканунѣ, въ клубѣ якобинцевъ, рѣчь противъ атеизма. Не успѣли оглянуться, какъ онъ уже опуталъ всѣхъ сѣтью своихъ рѣчей. Рядомъ съ громкими словами о бунтовщикахъ заграничныхъ, о заговорахъ и заговорщикахъ, теперь услыхали объ ультра- и интрареволюціонерахъ прежде, чѣмъ они замѣтили опасность. Геберъ, глупый нѣмецъ Клотсъ, Ронженъ, Шометъ и множество ихъ товарищей стояли передъ судомъ революціоннаго трибунала, который поцеремонился съ ними не болѣе, чѣмъ съ другими. Восемнадцать человѣкъ казнили по обвиненію въ заговорѣ и подкупѣ Англіей; на этотъ разъ рукоплескали не одни наемники во время казни. Въ темницы вѣсть эта дошла лучомъ надежды, хотя скоро смѣнилась еще большимъ мракомъ. Для Дантона наступилъ крайній срокъ дѣятельности. Его пріятель, Камиллъ Дюмуленъ, раздражалъ партію Робеспьера. Въ своемъ журналѣ «Старый Кордельеръ» онъ съ большой силой и убѣдительностью нападалъ на правленіе и тираннію заподозриванія, изображая правленіе Цесарей, и заимствуя краски у Тацита. Ясно было, что Дантонъ руководилъ или допускалъ эту шутку. Дантонъ, между тѣмъ, все еще ни на что не рѣшался, а въ ночь на 31-е марта его арестовали. Въ конвентѣ за него говорилъ Лежандръ, но противъ него всталъ Робеспьеръ, ужаснѣе чѣмъ когда-либо: «кто въ эту минуту дрожитъ, тотъ значитъ виновенъ; невинный не боится открытаго надзора». Судебныя пренія передъ революціоннымъ трибуналомъ возбудили симпатіи къ страшному еще деспоту. Онъ заговорилъ сначала съ прежней силой, но скоро свелъ рѣчь къ тому,—вѣроятно, онъ говорилъ правду,—что жизнь ему въ тягость, просилъ прощенія у Бога и у людей за то, что установилъ революціонный трибуналъ. Онъ не захотѣлъ бѣжать. Казалось бы, что именно его обвиненіе легко было провести: онъ не пренебрегалъ никакими средствами для своего распутства и въ былое время черпалъ изъ королевской шкатулки, но президентъ Германнъ, созданіе Робеспьера, призналъ за лучшее сократить пренія по-своему. Великій преступникъ взошелъ на кровавые подмостки 5-го апрѣля 1794 года, вмѣстѣ съ Камиллемъ Дюмуленъ и Геро-Сешель. Умирая вполнѣ заслуженной имъ смертью, онъ говорилъ о своихъ мечтахъ, о жизни болѣе чистой и предсказывалъ паденіе Робеспьера.

Дантонъ казненъ. Диктатура Робеспьера.

Такъ исполнилась завѣтная мечта Робеспьера, этого ограниченнаго фанатика и честолюбца,—онъ сталъ всемогущъ: всего около десяти недѣль наслаждался онъ этой диктатурой. Конечно, съ нимъ случилось то, что бываетъ со всякимъ тираномъ: онъ не ѣлъ ничего, прежде чѣмъ другіе не попробуютъ, и всегда около него было нѣсколько сильныхъ людей. Теперь должно было наступить всеобщее блаженство, царство разума, новое обще-

ство, какъ Робеспьеръ и его ученикъ Сенъ-Жюстъ расписывали это. Одинъ разъ еще надо было основательно перебрать всѣхъ враговъ свободы, аристократовъ и заговорщиковъ. Снова наполнились ими тюрьмы. Число ихъ доходило до 11,000 въ двадцати восьми новыхъ бастиліяхъ главнаго города революціонной Франціи; когда же такъ-называемый «заговоръ тюремный» далъ поводъ къ убійствамъ массами, число жертвъ дошло до 1,500 въ ближайшія недѣли: 31 бывшихъ парламентскихъ судей, 27 генеральныхъ откупщиковъ, 35 дворянъ, 33 жителя города Вердена, въ числѣ которыхъ молодыя дѣвушки, подносившія королю Прусскому печенія, и т. д. Дошло до того, что большинство жертвъ шло на смерть съ ужасающимъ равнодушіемъ. Всѣ такъ свыклись съ мыслью о смерти, въ такой обстановкѣ жизнь была такъ печальна, что ее покидали равнодушно. Самъ диктаторъ чувствовалъ необходимость прервать чѣмъ-нибудь однообразіе убійствъ. У этого ограниченнаго ума не было никакой политической программы. Въ замѣткахъ, писанныхъ его рукою, нѣтъ никакихъ положительныхъ мыслей, и тѣ, кто имѣлъ терпѣніе прочитать его рѣчи, не нашли въ нихъ ничего. Система, измышленная Сенъ-Жюстомъ, граничитъ съ безсмыслицей: раздѣлъ на небольшіе десятинные жеребья всего національнаго имущества, составившагося изъ громадной добычи, оставшейся отъ церквей, эмигрантовъ, гильотинированныхъ; запрещеніе всякой золотой и серебряной утвари; общественное воспитаніе дѣтей: ни одно дитя до 16 лѣтъ никогда не ѣстъ мяса, взрослые только одинъ день въ декаду; одинаковая для всѣхъ грубая одежда, одинъ «хлѣбъ равенства» для всѣхъ. Вмѣсто уничтоженной христіанской религіи, конвентъ декретировалъ обязательную вѣру въ Высшее Существо и безсмертіе души. «Арт. 2. Французскій народъ признаетъ, что самое достойное почитаніе Верховнаго Существа—исполненіе человѣческихъ обязанностей». 8 іюня 1794 г.,—20 преріаля, года II—состоялось печальное празднество, которымъ прервали однообразіе кровавыхъ оргій. Робеспьеръ, въ роли священника, сжегъ громадную картину атеизма, стоявшую въ Тюльерійскомъ саду. «Завтра», заключилъ онъ свою рѣчь,—«завтра станемъ бороться съ порокомъ и съ тиранами». Законъ 22 преріаля объяснилъ эти слова: чтобы въ дѣлахъ революціоннаго трибунала, при обвиненіяхъ, судьи принимали въ соображеніе внутреннее убѣжденіе, предпочтительно передъ юридическими доказательствами. «Ибо совѣсть присяжныхъ очищена любовью къ отечеству», пояснялъ Робеспьеръ.

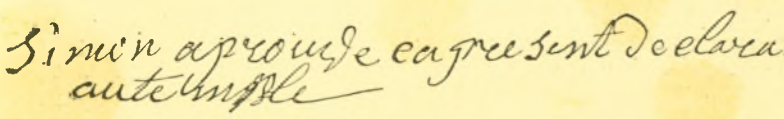
И теперь-то, когда, по послѣднимъ разъясненіямъ тиранніи, всякій, не угодившій тирану дня, долженъ былъ опасаться за свою жизнь, когда достигнуто было то, что и самый страхъ производилъ мужество, Робеспьеръ сдѣлался неблагоразуменъ. Въ глубокой тайнѣ образовывалась противъ него партія. Между людьми, исключенными по его приказанію изъ клуба якобинцевъ, были мастера въ искусствѣ интриговать; напримѣръ, Іосифъ Фуше, достигшій на этомъ поприщѣ высокихъ почестей. Людямъ, какъ Карно, талантливымъ и трудящимся, безъ которыхъ нельзя обойтись, даже дикой тиранніи, постепенно наскучило такое положеніе дѣлъ. Трусы, какъ Бареръ, чуяли въ воздухѣ перемѣну и готовились къ ней. Остановить все это могъ новый переворотъ, но Робеспьеръ не рѣшался, къ тому

же это средство устарѣло постепенно. Онъ все рѣже показывался въ конвентѣ и комитетѣ общественнаго спасенія. Теперь, именно теперь, когда онъ достигъ высшаго положенія въ царствѣ якобинцевъ, выказалась вся неспособность его къ этому высшему положенію. Послѣдовало еще нѣсколько страшныхъ дней. 54, 67, 60, 44, 7-го термидора еще 45 жертвъ погибло на трехъ гильотинахъ, поставленныхъ въ Парижѣ и подмостки которыхъ начинали уже шататься.

9-е термидора.

Послѣ долгаго времени, Робеспьеръ явился опять въ конвентѣ 8 термидора,—26 іюля 1794 г. по старому счисленію. Это не предвѣщало ничего хорошаго; онъ разсчитывалъ сразиться съ своими противниками. Въ длинной рѣчи онъ говорилъ о преступномъ заговорѣ, козни котораго куются въ самомъ комитетѣ,—о необходимости возобновить и *очистить* комитетъ общественнаго спасенія и комитетъ общественной безопасности. Мѣшкать было нельзя: Камбонъ, первый собравшись съ духомъ, сказалъ: «одинъ человѣкъ идетъ противъ воли національнаго конвента, это Робеспьеръ». Слово было сказано, и диктаторъ потерпѣлъ первое пораженіе въ томъ, что не было изъявлено желаніе, какъ бывало прежде, распространить рѣчь его печатно. Слѣдующій день былъ рѣшительный,—9 термидора. Наканунѣ, вечеромъ, Робеспьеръ появился въ клубѣ якобинцевъ, но онъ не умѣлъ организовать возстаніе и въ его партіи, разрозненной и раздробленной разными тайными вліяніями, не было единодушія. Доктринеры эти, утопавшіе въ крови, играли теперь жалкую роль. Сенъ-Жюста, только приготовившагося къ обыкновенной рѣчи, скоро перебили: общество теряло сознаніе представителей первенствующей партіи, тогда какъ дерзкія слова противниковъ ихъ, вызывая одобренія, придавали имъ смѣлость. Талліенъ сдѣлалъ первое прямое нападеніе. Когда Робеспьеръ взошелъ на трибуну, общее настроеніе обнаружилось: «Долой тирана», раздалось съ разныхъ сторонъ зала. Среди оглушительнаго шума раздается требованіе арестовать Генріо и еще нѣсколько креатуръ Робеспьера. Онъ попытался говорить во второй разъ: — ему отказали въ словѣ. Одинъ изъ депутатовъ произноситъ требованіе арестовать Робеспьера. Испуганные сначала собственной смѣлостью, всѣ становятся смѣлѣе при усиливающихся все болѣе и болѣе одобреніяхъ, и когда Робеспьеръ въ бѣшенствѣ берется за послѣднее свое оружіе, за слово, котораго онъ требуетъ отъ всего собранія, отъ «убійцъ изъ-за угла и отъ честныхъ людей»; на его бурное воззваніе: «президентъ убійцъ изъ-за угла, требую слова», раздается отовсюду: «нѣтъ, нѣтъ». Когда, послѣ тщетныхъ усилій заставить слушать себя, онъ говоритъ, что у него пересохло въ горлѣ, раздалась та чисто французская острота, такъ высоко цѣнимая въ ихъ собраніяхъ: «кровь Дантона его душитъ». Громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ ловко сказанному слову. Въ конвентѣ дѣло было выиграно; рѣшено было обвиненіе и арестъ Робеспьера, Кутона и Сенъ-Жюста, къ которымъ добровольно присоединились Леба и Робеспьеръ младшій. Побѣда была однако неполная. Предстояло побѣдить опаснаго человѣка въ глазахъ революціонныхъ властей столицы, которыя, конечно, понимали значеніе событій въ конвентѣ. Общинный совѣтъ, секціи, клубы, національная гвардія—народъ Генріо—встревожились. Стражу съумѣли напу-

гать и заключенныхъ выпустили одного за другимъ. Около 9 часовъ вечера они собрались въ городской ратушѣ. Конвентъ съ своей стороны потребовалъ нѣсколько отрядовъ. Начальника національной гвардіи Генріо, ничтожнаго человѣка, сдѣлавшаго карьеру геройскими сентябрьскими подвигами (1792 г.), парализовало обычное пьянство, а Робеспьеръ, никогда не отличавшійся личной храбростью, потерялъ присутствіе духа. Конвентъ издалъ декретъ, которымъ объявилъ внѣ закона парижскую общину, національная гвардія общиннаго совѣта разбѣжалась, и въ полночь войска конвента проникли въ ратушу, чтобы снова овладѣть арестованными. Въ ту минуту, а быть-можетъ и раньше, какъ добрались до комнаты засѣданій, гдѣ общество или часть его засѣдала, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Леба застрѣлился, Робеспьеръ упалъ съ размозженной челюстью. Остается неизвѣстнымъ, была-ли это попытка самоубійства, или они пали подъ выстрѣлами ворвавшихся. Кутонъ хромалъ, Робеспьеръ младшій и Генріо, выбросившіеся изъ окошка, были схвачены близъ ратуши; Сенъ-Жюстъ сдался безъ сопротивленія. Въ то же время Лежандръ уничтожилъ притонъ могущественной котеріи, клубъ якобинцевъ. На слѣдующій день, 28 іюля, послѣ полудня, казнили пятерыхъ главныхъ, а 29 іюля—71 члена общиннаго совѣта, въ томъ числѣ и башмачника Симона, въ руки котораго властители отдали на мученіе несчастнаго дофина Франціи.



Simon aprouve la present declaracion autemple.

Точный снимокъ подписи башмачника Симона, на протоколѣ засѣданія въ Тампль (26 окт. 1793 г.), гдѣ было выслушано заявленіе мальчика Луи Капета.

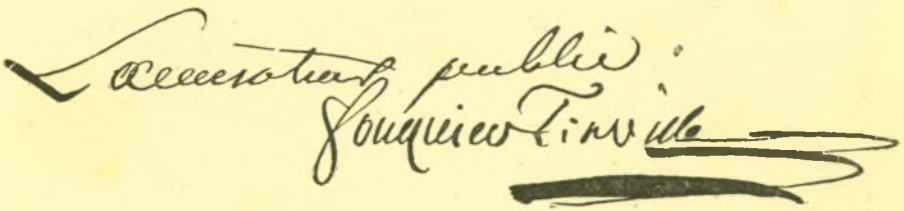
Паденіе Робеспьера. Перемѣны.

Перемѣна совершилась довольно быстро, по всей Франціи, послѣ того какъ въ Парижѣ одержана была первая рѣшительная побѣда. Силы революціи истощились, новое правленіе террора стало невозможно и свободнѣе вздохнувшее среднее сословіе (буржуазія) постепенно сознало, какъ немногочисленна была шайка, которой оно подчинялось и которую терпѣло три года. Самое большее 300,000 якобинцевъ держали въ рабствѣ, грабили и обирали десятую долю съ 25 милліоновъ Французовъ. Новая партія, термидоріанцы, поднялась, и главами ихъ вначалѣ были Талліенъ и Фреронъ. Жена перваго изъ нихъ, подобно г-жѣ Роланъ, принимала въ своемъ салонѣ, гдѣ ей поклонялись какъ Notre dame du-Thermidor. Изъза грубаго санкюлотизма и дѣланной небрежности начинала проявляться нѣкоторая изящность. Ненавистный законъ 22 преріаля былъ уничтоженъ, а мѣсяцъ спустя послѣ паденія Робеспьера, по предложенію Талліена, система терроризма объявлена уничтоженной 28 августа. Каждый день приводилъ къ болѣе человѣчному положенію. По предложенію Робера Лэндэ, немедленно освободили заключенныхъ ремесленниковъ, сельскій людъ и артистовъ. 16 октября приступили къ ослабленію несноснаго владычества клубовъ: запретили всякія сборища народныя, со-



Арестованіе Робеспьера, 27 іюля (9 термидора) 1794 г.
Извѣстная гравюра М. Слоана, по рисунку Барбье.

бранія, сношенія и коллективныя прошенія. Заговорили объ единичныхъ жестокостяхъ комиссаровъ террора, какъ, напримѣръ, въ городѣ Нантѣ Карріеръ. Подобные ему злодѣи испугались, вздумали сопротивляться; но попытка ихъ во время доклада дѣла Карріера, дѣйствовать привычнымъ образомъ и грубостью трибунъ подчинить конвентъ—на этотъ разъ не удалась. У всѣхъ являлось мужество, вѣтеръ подулъ съ другой стороны, а союзы молодежи изъ достаточныхъ классовъ общества, величавшіеся кличками «мюскаденъ» и «золотая молодежь», которыя они себѣ усвоили, встрѣтили террористскую сволочь ихъ же собственнымъ оружіемъ и сдержали ее толстыми палками. Небывалое дѣло, трибуны удалось очистить, а вечеромъ того же дня золотая молодежь посѣтила клубъ якобинцевъ. Крови пролито не было: въ жестокой схваткѣ они отмстили мужчинамъ и женщинамъ. Гражданки охотно посѣщали клубъ, гдѣ рѣчи и скандалы составляли пріятное зрѣлище; получили онѣ—хотя и не кровавый,—но чувствительный и грубый урокъ, не мѣшаться въ политику и заниматься своимъ хозяйствомъ. 11 ноября конвентъ постановилъ закрытіе клуба; 17 декабря казнили жестокаго Карріера, съ нѣсколькими другими, а въ маѣ 1795 г. еще одну запоздавшую жертву—Фукье Тэнвилля, обвинителя при революціонномъ трибуналѣ.



Точный снимокъ съ подписи офиціальнаго обвинителя, Фукье Тэнвилля.

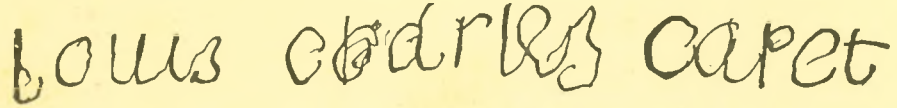
1795. Конецъ 1794 и первые мѣсяцы 1795 года прошли въ единичныхъ попыткахъ террористовъ взять верхъ, но противное теченіе становилось все сильнѣе. 2-го декабря принято было предложеніе Карно объ амнистіи Вандеѣ. 8-го заняли свои мѣста 73 жирондиста, изгнанные изъ конвента, и постановлено заключеніе Билло-Варенна, Колло-д'Эрбуа и Барера. 19-го февраля уничтожили революціонные комитеты, органы господства якобинцевъ, а 8-го марта возвратили права тѣмъ жирондистамъ, которые объявлены были внѣ закона. Остатки партіи съ тріумфомъ воротились въ Парижъ. Дальше этого не пошли: хотя преслѣдованіе религіи прекратилось, но антиклерикальное направленіе осталось. Серьезную опасность представляла матеріальная нужда. Правильную заработную плату, которую народъ получалъ, выручку отъ торговли и промышленности,—все, что оплачивали «богатые», которыхъ съ такимъ неистовствомъ уничтожало правленіе террора, нельзя было замѣнить надолго конфискаціями, вспомоществованіями лѣнтяямъ, платой палачамъ. Такъ-называемый максимумъ, введенная въ сентябрѣ 1793 года такса — обязательная цѣна на предметы первой необходимости—была уничтожена въ декабрѣ 1794 г., и

теперь всѣ недовольные кричали: «хлѣба и конституцію 1793 года». При этихъ крикахъ ворвалась еще разъ въ залу конвента 12 жерминаля—1-го апрѣля 1795 г.—шумная толпа, преимущественно изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо—всегдашнихъ очаговъ недовольства. Но подоспѣли батальоны секцій, въ которыхъ участвовали теперь владѣвшіе имуществомъ классы, и возмущеніе не удалось. Положеніе «горы» только ухудшилось; ясно было, что имъ не удастся болѣе крикомъ и шумомъ трибунъ прикрыть свою малочисленность. Конвентъ принялся теперь за работу, для которой онъ былъ созванъ; назначили новую комиссію для составленія конституціи.



Луи-Шарль Капетъ.
Современная гравюра.

1-го преріаля — 20-го мая 1795 года—возобновилась опасность новаго господства якобинцевъ. Толпа завладѣла заломъ, и къ вечеру бунтовщики и ихъ друзья монтаньяры считали себя побѣдителями. На другой день возстаніе приняло угрожающіе размѣры: мятежники образовали свой конвентъ



Точный снимокъ подписи Луи-Шарля Капета.
Заимствована изъ протокола засѣданія въ Тамплѣ, 6 октября 1793 года.

въ городской ратушѣ. Дошло до уличныхъ схватокъ: пришлось употребить въ дѣло войско, и нѣсколько тысячъ человѣкъ, подъ командой генерала Мену, скоро подавили возстаніе. Предмѣстья обезоружили, сослали трехъ главныхъ террористовъ, которыхъ захватили: Билло-Варенна, Барера, Колло-д'Эрбуа, и дѣло реакціи пошло быстрѣе. Необходимо было окончательно вырвать власть изъ рукъ массы. Это было теперь не трудно. Прекратили плату, выдававшуюся пролетаріямъ за посѣщеніе собранія сессій, у сессій отняли пушки, рабочихъ и нуждающихся удалили изъ національной гвардіи. Зато крѣпко держались республиканской формы правленія и постановили—предложеніе королевства наказывать изгнаніемъ. Около этого времени (8-го іюня) умеръ несчастный ребенокъ, котораго, на языкѣ якобинцевъ, называли *молодымъ Капетомъ*, *Людовикъ XVII*,

на десятомъ году. Ненадолго воспользовался онъ, несчастная жертва варварства, не знавшаго человѣческихъ побужденій, перемѣной къ лучшему, происшедшей отъ переворота термидора. Смерть эта не имѣла значенія для общаго положенія дѣлъ. Французская республика входила въ систему европейскихъ державъ и только что заключила съ нѣкоторыми изъ своихъ противниковъ мирные договоры, на очень выгодныхъ для нея условіяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Конецъ коалиціи 1794 и 1795 г.—Событія на Востокѣ.—Второй и третій раздѣлы Польши.—Миръ въ Базелѣ.—Послѣдніе дни конвента.

Французское войско.

Французы, передавая происшествія тѣхъ дней, въ разговорѣ или въ историческомъ разсказѣ, съ особенной любовью останавливаются на военныхъ событіяхъ того времени. Въ военномъ лагерѣ господствовалъ совершенно иной духъ, чѣмъ въ общественномъ собраніи и въ партіи, управлявшей городами и общинами. Истинный честный французскій патріотизмъ увлекъ множество людей средняго сословія волонтерами на границу; эти лица искренно вѣрили и увлекались идеями свободы, равенства и возрожденія Франціи, которую въ то же время оскверняли тысячами преступленій. Благородное честолюбіе возгорѣлось между людьми талантливыми и болѣе образованными. Теперь открыта была дорога мужеству и другимъ военнымъ доблестямъ. До сихъ поръ во Франціи военное поприще было доступно только аристократамъ, привилегированнымъ и знатнымъ лицамъ. Смѣлость, съ которой употребляли, гдѣ нужно, всѣ силы страны, ихъ употребляли не жалѣя: частые наборы, къ счастью Франціи, вызывали не просто - слѣпое возстаніе толпы, не levée en masse— поднялась молодежь, способная къ военному дѣлу. Въ то время, какъ въ другихъ частяхъ управленія царствовалъ наглый произволъ и обманъ, военная часть была въ рукахъ *Лазаря-Николая Карно*, знатока дѣла, честнаго, трудящагося человѣка. Ему было тогда 40 лѣтъ. Противъ этихъ войскъ, въ которыхъ были, первоначально, всѣ недостатки, но вскорѣ и всѣ достоинства молодости, стояли войскаго стараго закала. Пылкому честолюбію, страстному увлеченію новыми началами мірового устройства, возбужденному до глубины чувству любви къ отечеству, и, несмотря на свое минутное разъединеніе, единству народа, противостояла безжизненная военная методика, малодушные предразсудки, а болѣе всего разъединенность, взаимное недовѣріе коалиціи, въ которой не было общности интересовъ.

Коалиція. Англія.

Мы прослѣдили военныя дѣйствія до конца 1793 года. Походъ 1794 года начался при обстоятельствахъ, мало благопріятныхъ для коалиціи. Англія была единственнымъ правительствомъ, не допускавшимъ мысли о примиреніи. Ея премьера, министра Питта, террористы признали за что-то въ родѣ дьявола. Декретъ конвента отъ 7 августа 1793 года провозгласилъ, что Питтъ врагъ человѣчества; другое безсовѣстное извращеніе повелѣній, изданное подъ вліяніемъ декраціи Барера, запрещало отдавать помѣщеніе всякому англичанину и ганноверцу. Повелѣніе это, само собою понятно, никѣмъ не исполнялось. Интересы Англіи не страдали отъ войны; правительство ея могло указать даже на успѣхи. Островъ Сенъ-Доминго, главнѣйшая колонія Франціи въ Вестъ-Индіи, была какъ-бы утрачена для нея. Декретомъ законодательнаго собранія, сентября 1791 года, были объявлены права бѣлыхъ надъ краснокожими и неграми. Жители, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, соединились съ неграми рабами, постарались сорвать цѣпи рабства своего и требовали равноправности, что было въ духѣ тѣхъ дней. Революція закинула на этотъ островъ двухъ комиссаровъ Марата, съ 6,000 человѣкъ, которые перенесли туда безумныя идеи своего учителя; они сдѣлались предводителями негровъ въ преслѣдованіи негодяевъ-аристократовъ, какъ они выражались. За этимъ слѣдовало страшное возмущеніе негровъ въ Туссенъ-Лувертюрѣ, избравшихъ своимъ предводителемъ своего же чернокожаго. Освобожденіе негровъ въ колоніяхъ Франціи не имѣло того вліянія, котораго желалъ конвентъ, такъ какъ острова Англіи остались спокойными. Англичане, высадившись на островѣ Доминго, завладѣли въ теченіе 1794 года имъ и другими Вестъ-Индскими островами. Пондишери, въ Остъ-Индіи, попалъ тоже въ ихъ руки. Въ томъ же году борьба на островѣ Корсикѣ обратилась въ пользу англійской партіи и Англичанъ, высадившихся на островѣ въ февралѣ; а въ маѣ 1794 года въ морскомъ сраженіи при Кессантѣ, у береговъ Бретани, адмиралъ Хове одер-



Лазарь-Николай Карно.

По портрету Бонневиля, гравировалъ Комбани.

жалъ побѣду надъ французскимъ начальникомъ Виларе-Жойёзомъ. Такія побѣды дали министерству Питта, большинствомъ голосовъ, средства къ энергичному продолженію войны.

Пруссія. 1795. Изъ этихъ средствъ 4.600,000 фунтовъ выдано было заимооброзно Австріи, продолжавшей усердно войну. Въ виду внутреннихъ, довольно затруднительныхъ обстоятельствъ, было ясно, что Пруссія не могла продолжать войны. Средства были ея исчерпаны, а министръ Австріи Тугутъ, коварно и враждебно относившійся къ Пруссіи, дѣлалъ затрудненія въ выдачѣ ей субсидій; тогда король отозвалъ войска и своего генерала Мёллендорфа и хотѣлъ оставить только 20,000 человѣкъ союзнаго войска. Англія своевременно остановила это своимъ вмѣшательствомъ. Въ Гаагѣ, 19 апрѣля 1794 года, между Англіей и Голландіей съ одной стороны и Пруссіей съ другой, былъ заключенъ международный договоръ, обязывавшій прусскую армію помогать морскимъ державамъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства или гдѣ имъ будетъ указано. Въ этихъ переговорахъ прошло много времени и оказалось, что Англія требовала похода прусскихъ войскъ въ Нидерланды, что заставило Пруссію призадуматься, по причинамъ, которыя мы узнаемъ вскорѣ. Французы располагали дѣйствительно хорошо обученными солдатами и не малымъ числомъ талантливыхъ начальниковъ. Между тѣмъ коалиція не имѣла успѣха ни на Рейнѣ, ни въ Бельгіи, и видны были признаки ея военнаго разстройства. Въ Бельгіи, въ низшихъ чинахъ, подъ начальствомъ Пишегрю, служили люди, впослѣдствіи получившіе громкую извѣстность: Суамъ, Моро, Макдональдъ, Ренье. Во французской арміи выработался навыкъ къ стремительнымъ атакамъ, умѣнье командовать большими массами войскъ и направлять ихъ быстро въ данную минуту на извѣстный пунктъ; союзное-же войско съ своими принцами, добросовѣстными рекогносцировками, осадой крѣпостей, съ желаніемъ удержать позиціи, съ правильными колоннами, которыя должны аккуратно явиться въ минуту, разсчитанную полководцемъ на бумагѣ,—теряло все болѣе и болѣе почвы въ сравненіи съ форсированными рекогносцировками и ожиданными стычками противниковъ. Послѣ счастливой побѣды при Камбрэ слѣдовала неудача при Туркуэнѣ; кровавое сраженіе при Турнэ осталось безъ послѣдствій, и 26 іюня произошла битва при *Флёрюсѣ*, которую принцъ Кобургскій прекратилъ, не предвидя побѣды, а потомъ очистилъ Бельгію. Крѣпости, завоеванныя въ предшествующія кампаніи:—Ландреси, Лекенуа, Валансьенъ, Конде—одна за другою вновь перешли въ руки Французовъ.

Война на Рейнѣ. Еще менѣе лавровъ пожинали на Рейнѣ, гдѣ разъединеніе и «зловредная дезорганизація», по выраженію одного изъ генераловъ принца, были еще сильнѣе. 9-го августа Французы вступили въ Триръ. Пруссаки снова двинулись и одержали безплодную побѣду еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ при Кайзерлаутернѣ, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Гогенлоэ; отступленіе на правый берегъ Рейна Австрійцевъ, которыми командовалъ теперь генералъ Клерфайтъ, вмѣсто принца Кобургскаго, должно бы обезсилить войну на Верхнемъ Рейнѣ, если бы она не была парализована уже прежде. Послѣ 6-го октября Французы осадили Кёльнъ, Боннъ, Кобленцъ, а 4-го ноября палъ Мастрихтъ, такъ что въ рукахъ такъ-на-

зываемыхъ союзниковъ остался на лѣвомъ берегу Рейна только Майнцъ и Люксембургъ. Для полноты надо еще прибавить, что въ томъ же мѣсяцѣ Французы перешли границу, одержали побѣду надъ Испанцами и въ Верхней Италіи надъ Австрійцами.

Франція и Пруссія.

Самымъ важнымъ событіемъ было рѣшеніе императора Вильгельма II отправить бывшаго посланника въ Парижѣ, графа Гольца, въ Базель, чтобы заключить перемиріе, а 1-го декабря начались переговоры о мирѣ.

Положеніе на Востокѣ.

На это рѣшеніе событія въ Польшѣ имѣли большое вліяніе и, сцѣпленіемъ разныхъ обстоятельствъ, давно уже отражались на войнѣ во Франціи.

Польша, 1772 г.

Въ то время, какъ Франція, посреди потоковъ крови, возрождалась и обновлялась, затрогивая своими переворотами жизнь всей Западной Европы, на Востокѣ распалось королевство, которое уже никогда не могло воскреснуть. По поводу перваго раздѣла Польши мы уже упоминали о внутреннемъ положеніи этого королевства; мы говорили уже о томъ крайнемъ неравновѣсіи въ отношеніи сословномъ, которое нарушало государственный строй, давая слишкомъ большое значеніе знати и шляхтѣ, при безсиліи верховной власти (короля и сейма); мы указывали и на страшно-угнетенное положеніе народа, утѣсняемаго и шляхтой, и фанатизированнымъ духовенствомъ, не допускавшими въ предѣлахъ Польскаго королевства никакой иной религіи, кромѣ католицизма. Мы тогда же упоминали и о кровавыхъ смутахъ, которыя вызывались утѣсненіемъ «диссидентовъ» и которыя почти вынудили русское и прусское правительства вступиться за своихъ единовѣрцевъ. Мы уже видѣли, какъ это заступничество привело къ дѣятельному вмѣшательству трехъ державъ во внутреннія дѣла Польши и къ первому раздѣлу, которымъ онѣ старались обезопасить себя отъ безпокойнаго сосѣда. Но съ этого перваго раздѣла протекло уже 20 лѣтъ, а броженіе умовъ въ Польшѣ не унималось. Страна являлась открытымъ поприщемъ для внутренней борьбы партій и для политической интриги сосѣднихъ державъ, которыя, поневолѣ, зорко слѣдили за всѣмъ происходившимъ въ Польшѣ, и Россія не безъ опасенія замѣчала, что прусское вліяніе начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значенія въ западной половинѣ Польскаго королевства. Съ другой стороны, всѣ польскіе патріоты только и мечтали, что о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. и надѣялись этого достигнуть путемъ существенныхъ перемѣнъ во внутреннемъ строѣ Польши и привлеченіемъ западныхъ державъ къ союзу противъ Россіи, въ которой Поляки видѣли своего главнаго и наиболѣе опаснаго врага. Къ этому присоединилось и еще одно немаловажное обстоятельство:—французская революція нигдѣ не нашла себѣ такого сочувственнаго отклика, какъ въ польской интеллигентной средѣ, уже издавна тѣсно-связанной съ Франціей, а въ послѣднее 20-тилѣтіе еще болѣе сблизившейся съ нею при посредствѣ польской эмиграціи во Францію. Подъ весьма сильнымъ вліяніемъ революціонныхъ вѣяній, партія польскихъ патріотовъ, во главѣ которой стояли весьма вліятельные люди,—Игнатій Потоцкій, Станиславъ Малаховскій и Колонтай,—задумала произвести государственный переворотъ, цѣлью котораго были такія существенныя перемѣны въ конституціи королевства, которыя должны были въ значительной степени ослабить вліяніе Россіи

на Польшу. Партія эта дѣйствовала такъ ловко и такъ единодушно, что переворотъ ей удался (3 мая 1791 г.), и король Станиславъ-Августъ вынужденъ былъ дать государству новую конституцію.

Въ этой новой конституціи несомнѣнно были нѣкоторыя весьма похвальныя нововведенія. Католическая Церковь признана государственной, но допускается свобода вѣроисповѣданія; свободный и легкій переходъ изъ одного сословія въ другое; законодательная, исполнительная и судебная власть раздѣлены: законодательная принадлежитъ сейму, раздѣленному на-двое: сенатъ и земское депутатское собраніе съ королемъ; одобреніе и утвержденіе короля необходимо для узаконенія рѣшенія. Исполнительная власть принадлежитъ королю при отвѣтственности министровъ и участіи сейма; всеобщая воинская повинность являлась обязанностью всѣхъ гражданъ и королевское достоинство признавалось наслѣдственнымъ. Важнымъ преимуществомъ новой конституціи было то, что дѣла на сеймѣ положено было рѣшать *не единогласно*, какъ прежде, а большинствомъ голосовъ. Два злоупотребленія остались безъ измѣненія: дворянство не платило налоговъ, а крестьяне оставались крѣпостными.

Конституція 1791 г.

Но въ этой новой конституціи 3 мая 1791 г. былъ, главнымъ образомъ, одинъ пунктъ крайне невыгодный для Россіи: королевская власть признавалась *не избирательною*, а *наслѣдственною;* а такъ какъ король Польскій, Станиславъ-Августъ, былъ бездѣтенъ, то, по смерти его, польскій престолъ долженъ былъ перейти къ одному изъ нѣмецкихъ принцевъ и остаться въ его родѣ. Такимъ образомъ, Польша, примкнувъ къ владѣніямъ одного изъ германскихъ государей, могла образовать сильное государство, а такое усиленіе Польши было уже, конечно, противно интересамъ Россіи и для нея нежелательно. Въ виду этого, Екатерина рѣшилась не допускать введенія новой конституціи и приняла сторону той партіи, которая была конституціей недовольна. Это было тѣмъ болѣе удобно для Екатерины, что у ней теперь руки были развязаны для дѣйствій: война съ Турціей (вторая и наиболѣе славная) была закончена выгоднымъ миромъ въ Яссахъ, война со Швеціей—Верельскимъ договоромъ, и когда недовольные конституціей Поляки, образовавъ въ Таговицахъ конфедерацію, обратились къ Россіи за помощью, Екатерина приказала двинуть въ Литву и Польшу 100,000-ную армію (19—21 мая 1792 г.).

Тарговицкіе конфедераты, ободренные помощью Россіи, стали требовать отъ сейма отмѣны конституціи, а король Станиславъ-Августъ, напуганный рѣшительными дѣйствіями Екатерины, тотчасъ-же поспѣшилъ перейти на сторону тарговицкихъ конфедератовъ. Онъ даже лично пріѣхалъ на сеймъ, собравшійся въ Гроднѣ для обсужденія новой конституціи, уже подписанной имъ. Главнымъ дѣятелемъ на сеймѣ былъ Сиверсъ—тонкій дипломатъ, уполномоченный Екатерины въ Польшѣ. Опираясь на русскую армію, Сиверсъ затянулъ обсужденіе конституціи на сеймѣ, а между тѣмъ, вошелъ въ сношенія съ Пруссіей и далъ ясно понять прусскому правительству, что Россія не допуститъ преобладанія Пруссіи въ Польшѣ, и что Пруссія можетъ разсчитывать на дальнѣйшія территоріальныя пріобрѣтенія только въ случаѣ ея согласнаго и совмѣст-

наго дѣйствія съ Россіей, уже вступившей въ вооруженную борьбу съ партіей новыхъ руководителей Польскаго государства, которые вывели въ поле 40,000 войска, подъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго (племянника короля) и Тадеуша Косціушки, восторженнаго польскаго патріота, который уже и прежде, вмѣстѣ съ Вашингтономъ и Лафайэтомъ, сражался за независимость Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ.

Россія и Пруссія.

Тогда Пруссія, сначала весьма доброжелательно относившаяся къ новымъ вѣяніямъ въ Польшѣ и къ конституціи 3-го мая, увидѣла, что ей ничего болѣе не остается дѣлать, какъ дѣйствовать заодно съ Россіею, и прусская армія, подъ командой генерала Меллендорфа, двинулась въ Великую Польшу. Пруссаки заняли Данцигъ и Торнъ, чего не ожидали конфедераты. Они обратились къ русскому посланнику съ нотою, гдѣ жаловались на вторженіе Пруссіи. Посланникъ Сиверсъ и генералъ Игельстромъ ничѣмъ ихъ не удовлетворили. Они дали такой отвѣтъ, что вступленіе Пруссіи совершилось или съ согласія государыни и потому тщетно всякое сопротивленіе, или противъ ея воли, тогда сопротивленіе не нужно. Конфедераты кричали въ отвѣтъ на это, что теперь вся ихъ надежда на великодушіе Великой Екатерины. Тогда обѣ державы, подписавшія договоръ 23-го января 1793 г., объявили свое рѣшеніе: «не находя другого средства удержать распространяющійся якобинскій духъ, мы заблаговременно судили ограничить права Рѣчи Посполитой, для чего Поляки должны собрать сеймъ». Отвѣтомъ на это заявленіе былъ протестъ со всѣхъ сторонъ. Король даже разсердился и возмутился; онъ хотѣлъ отречься отъ престола, но императрица, обратившись къ нему письменно, удержала его отъ этого шага. Вскорѣ послѣ того, въ мартѣ 1793 г., въ Гроднѣ былъ обнародованъ манифестъ императрицы Екатерины, въ которомъ было заявлено о необходимости *второго раздѣла Польши*, для окончательнаго усмиренія смутъ и для общей безопасности, которую Россія и Пруссія обязывались охранять соединенными силами.

Второй раздѣлъ.

Сеймъ собрался 17-го іюня 1793 г. и вынужденъ былъ принять условія русской партіи, послѣ многихъ бурныхъ проявленій и рѣзкихъ выраженій... «Лучше идти въ Сибирь, чѣмъ подчиниться!» Но русскій посланникъ Сиверсъ былъ властелиномъ въ странѣ — мягкій, вѣжливый, ласковый, привѣтливый въ обращеніи — и, благодаря ему, былъ подписанъ 22-го іюля трактатъ съ Русскими. Съ Пруссіей не очень-то спѣшили, несмотря на требованіе Бухгольца. Россія по этому трактату брала 4,175 кв. миль и 3 милліона душъ. Число польскихъ войскъ было ограничено 15,000 и король Польскій обязывался ни съ кѣмъ не воевать и не вступать въ союзы безъ согласія Россіи; впредь до полнаго успокоенія края русскія войска должны были занимать Варшаву. Къ Пруссіи отходило 1,061 кв. миля съ $3^1/_2$ милліонами. Торнъ и Данцигъ дѣлались прусскимъ владѣніемъ; но зато и третья часть Прусскаго государства становилась славянскимъ. Но на этомъ дѣло съ Польшею не окончилось. Главные дѣятели конституціи 3-го мая — Игнатій Потоцкій, Колонтай и Тадеушъ Косціушко—удалились изъ Польши за границу и оттуда продолжали руководить польскими тайными кружками, которые все еще мечтали о возсозданіи прежней Польши.

Возстаніе Польши.

24-го ноября 1793 г. закрыто было засѣданіе сейма; но настроеніе было неспокойное, раздраженное, какъ это легко себѣ представить. Въ Литвѣ и Польшѣ одновременно образовался обширный заговоръ, и въ мартѣ 1794 г. вспыхнуло новое возстаніе — первоначально въ Краковѣ. Одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Мадалинскій отправился со своими тремя тысячами солдатъ въ Краковъ, сдѣлалъ воззваніе къ молодежи, а 24-го марта 1794 г. подосшѣлъ Косціушко и собралась Краковская конфедерація. «Передъ лицомъ неба и всего человѣческаго рода», такими словами начиналась ихъ жалоба на стѣсненія правъ и свободы, и тотчасъ же объявлено было возстановленіе конституціи 1791 г. Рѣшено было немедленно дѣйствовать. Первая удачная стычка Мадалинскаго съ Тормасовымъ, стоившая Русскимъ 11 пушекъ и 1,500 человѣкъ, всѣмъ вскружила голову. Мятежъ вспыхнулъ и въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ. Въ двухъ послѣднихъ городахъ возстаніе сопровождалось безсмысленнымъ и жестокимъ кровопролитіемъ:—и тутъ, и тамъ, нѣсколько тысячъ русскихъ военныхъ, застигнутыхъ возстаніемъ врасплохъ, были въ одну ночь измѣнически перебиты. Самъ генералъ Игельстромъ едва избѣгнулъ гибели. Тотчасъ послѣ этого предательскаго поступка, мятежники учредили въ Варшавѣ временное правительство, Косціушка былъ избранъ диктаторомъ, и Польша, со свойственнымъ ей безуміемъ, объявила разомъ войну и Россіи, и Пруссіи.

Тогда Пруссія, не объявляя войны, выступила съ 40,000 арміей и бросилась на Краковъ, одновременно съ русскимъ генераломъ Дємидовымъ; превосходя громаднымъ числомъ Поляковъ, они при Равкѣ отбросили Косціушку. Винявскій, не сдѣлавши ни одного выстрѣла для защиты Кракова, измѣнически сдалъ его 2,000 Пруссаковъ, не имѣвшихъ за собою даже подкрѣпленія. Вѣсть объ измѣнѣ Винявскаго произвела въ Варшавѣ ужасное впечатлѣніе. Толпы бросились въ тюрьмы, избивать «враговъ отечества»—преимущественно дворянъ, преданныхъ Россіи. Косціушко сдерживалъ неистовства толпы, уговаривалъ, старался всѣми средствами успокоить и поднять духъ народа; обнадеживалъ вооруженною помощью Франціи; утѣшалъ даже возможностью заступничества со стороны Австріи. Надежда на расположеніе Австріи однакоже обманула, такъ какъ эта держава, не участвовавшая во второмъ раздѣлѣ, уже вела переговоры съ Россіею. Борьба сосредоточилась около Варшавы; Косціушко собралъ тутъ 22,000 человѣкъ. Пруссія и Россія 66,000 человѣкъ не очень-то дружнаго войска, которое стояло у города. Осада и приступъ не удались; возстанія въ городахъ, принадлежавшихъ Пруссіи: Серадзь, Познань, Калишъ, Гнѣзно, отвлекали силы Пруссаковъ и усмиреніе возстанія велось довольно вяло.

Суворовъ.

Но Екатерина, въ своемъ положеніи рѣшительницы судебъ Польши, знала, что предпринять:—она послала въ Польшу Суворова, своего самаго рѣшительнаго и великаго военнаго генія, съ которымъ мы уже знакомы по его блистательнымъ побѣдамъ въ Турціи. Быстро собравъ армію, этотъ энергическій полководецъ явился въ Крупчицахъ на Бугѣ и, послѣ ожесточенной битвы, положилъ тамъ 10,000 Поляковъ; Косціушко, вверхъ по Вислѣ, выѣхалъ изъ Варшавы и встрѣтилъ въ 10 миляхъ оттуда генерала Ферзена, прежде чѣмъ Суворовъ успѣлъ соединиться съ нимъ при

Мацѣовицахъ (10 октября 1794 года). По числу войскъ, перевѣсъ былъ на сторонѣ Русскихъ, такъ какъ польское подкрѣпленіе, на которое разсчитывали, не подошло. Конница была разстроена сильнымъ огнемъ Русскихъ, и пѣхота не выдержала ихъ натиска. Косцюшко старался остановить бѣгущихъ и думалъ снова собрать ихъ и двинуть въ бой; три лошади были подъ нимъ убиты, наконецъ онъ палъ тяжело раненый и попался въ руки казакамъ Денисова. Въ Варшавѣ и на другомъ берегу Вислы, въ Прагѣ, собрались всѣ, кто хотѣлъ еще драться—20,000 солдатъ и вооруженныхъ людей. Обѣ арміи Русскихъ соединились, двинулись къ городу, и на 4 ноября назначенъ былъ штурмъ Праги (предмѣстья Варшавы). Въ 5 часовъ утра пущена была сигнальная ракета и въ 9 часовъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, Русскіе овладѣли Прагой. По ту сторону, въ Варшавѣ, нельзя было мечтать о долгой оборонѣ. На слѣдующее утро посланы были депутаты отъ городского магистрата къ Суворову и просили о безопасности людей и имуществъ. Суворовъ, обладая вѣрнымъ взглядомъ и мягкимъ сердцемъ, прибавилъ отъ себя: «и забвеніи всего происшедшаго». Онъ обѣщалъ амнистію и сдержалъ ее, что еще дороже.

Finis Poloniae.

Конецъ Польши—Finis Poloniae—напоминаетъ извѣстный разсказъ о томъ, какъ Косцюшко, тяжело раненый, падая съ лошади, воскликнулъ съ горемъ: «насталъ конецъ Польши, ея третій раздѣлъ—раздѣлъ ея остатковъ!» Король Станиславъ подписалъ свое удаленіе 25 августа и получилъ пенсію въ 200,000 дукатовъ. Косцюшко остался въ плѣну, а толпа бѣглецовъ пошла по всей Европѣ разносить сѣмена ненависти, принесшія впослѣдствіи плоды.

Третій раздѣлъ.



Тадеушъ Косцюшко.
По картинѣ Грасси, гравировалъ Физингеръ.

Третій раздѣлъ Польши былъ постановленъ между Австріей, Россіей и Пруссіей 3-го января 1795 г. Пруссія присоединилась къ нему 19-го октября, послѣ долгихъ пререканій, а 24 октября 1795 года въ Петербургѣ онъ былъ окончательно подписанъ. Львиная доля досталась Россіи — 2,000 квадратныхъ миль и городъ Вильна; Австрія получила очень плодородный кусокъ и городъ Краковъ — 834 кв. мили; а Пруссія 1,000 кв. миль и городъ Варшаву.

Одновременно съ этимъ условіемъ былъ подписанъ тайный договоръ въ Петербургѣ; то былъ оборонительный и наступательный союзъ Австріи и Россіи, явно враждебныхъ Пруссіи; если Пруссія нападетъ на которое-нибудь изъ союзныхъ государствъ, то другая держава помогаетъ не только согласно договору, но всей силой страны, какъ противъ общаго врага. Извѣстна-ли была прусскимъ министрамъ эта тайна? насколько они ее узнали? и какъ быстро постигли?—все это можно только предполагать, хотя общее положеніе дѣлъ было ясно. Давно можно было предугадать, что императрица Екатерина намѣрена втягивать нѣмецкія государства въ войну съ Франціею, не желая ихъ допустить до вмѣшательства въ дѣла Востока. Въ виду всего этого, продолженіе войны дѣлалось безсмысленнымъ для Пруссіи, противнымъ ея собственнымъ выгодамъ. Само государство усиленно требовало мира, который и былъ заключенъ въ *Базелѣ* 15 апрѣля 1795 г., между королемъ Прусскимъ, представителемъ котораго былъ графъ Гарденбергъ, и Французской республикой, научившейся опять вѣжливому обращенію и дипломатическимъ пріемамъ въ сношеніяхъ, вмѣсто якобинскихъ тирадъ. Пруссія, какъ отдѣльное государство и какъ государство европейское, отказывалась отъ продолженія войны. По пятому параграфу этого условія, прусскія владѣнія, на лѣвомъ берегу Рейна, остались заняты Французами, и окончательное соглашеніе по этому вопросу отложено до имперскаго мира. Въ тайномъ пунктѣ, оставшемся тайной очень недолго, Пруссія обезпечила себѣ вознагражденіе на случай, если Франція останется владѣтельницей на Рейнѣ по условію обще-европейскаго мира.



Станиславъ (Понятовскій), король Польскій.
Рисовано и гравировано Э. Е. Ипльсономъ.

Миръ въ Базелѣ 1795 г.

Вышеупомянутымъ договоромъ Германія отдала лѣвый берегъ Рейна; Пруссіи ставятъ въ вину то, что она допустила занятіе берега; виноваты столько же тѣ государства, которыя довели до такой необходимости; въ этомъ случаѣ упрекали это нѣмецкое, неустановившееся государство въ томъ, что было ошибкою всего народа и отпадавшей отъ нея габсбургской Австріи, умѣвшей всегда оправдывать свои ошибки необходимостью своихъ разносторонникъ интересовъ. Король медлилъ слишкомъ долго,

онъ даже противился необходимости заключить договоръ съ республиканцами. Онъ желалъ, чтобы чаша эта прошла мимо него; когда онъ ясно увидалъ, какую паутину сплели его союзники, онъ рѣшился не испить чашу. 17-го мая составленъ былъ конвентъ, по которому подробно установлена была демаркаціонная линія отъ Эмса до Франкфурта-на-Майнѣ, а землямъ, лежащимъ за этой линіей, также Пфальцу и Франконіи, обезпеченъ нейтралитетъ. Такой же миръ былъ заключенъ и братомъ короля, великимъ герцогомъ Тосканскимъ; затѣмъ 23-го іюля миръ съ Испаніей, тоже въ Базелѣ: Франція возвращала Испаніи занятыя ею владѣнія, а послѣдняя уступала свои владѣнія на о-вѣ Сенъ-Доминго. Въ августѣ присоединился ландграфъ Гессенскій; Швеція тоже признала республику и посланникъ ея былъ уже на пути. Французскую республику готовы были принять въ число европейскихъ державъ.

Внутреннее состояніе Франціи.

Реакція противъ терроризма продолжала усиливаться, о чемъ мы уже говорили. Въ Парижѣ реакція не имѣла кроваваго характера, но въ департаментахъ пало нѣсколько террористовъ жертвами справедливаго гнѣва и мщенія реакціи. Такъ, весною 1795 года, 95 заключенныхъ убиты въЛіонѣ, ville afranchie якобинцевъ. Преступленіями радикализма у многихъ вызвано было желаніе такого же радикальнаго поворота или возврата къ былому, носившему оттѣнокъ роялистскій. Нѣкоторые эмигранты возвратились въ Парижъ, не мало ихъ поселилось въ департаментахъ, а главные члены ея и графъ д'Артуа, находившійся тогда въ Эдинбургѣ, съ обычными надеждами изгнанниковъ, затѣвали вторженіе. Предводители Вандеи и Шуаны, въ Бретани, подчинялись республикѣ лишь условно, а поддержать попытку вторженія обѣщала Англія. По собственному стремленію и по вдохновенію эмигрантовъ, поднялась Вандея подъ предводительствомъ Шаретта, Шуаны—съ мельникомъ Жоржемъ Кадудалемъ во главѣ. Въ то время умеръ сынъ Людовика XVI, и графъ Прованскій, ближайшій наслѣдникъ безсмертной короны, принялъ имя Людовика XVII. 30 священниковъ и 6,000 эмигрантовъ сѣли на англійскіе корабли; 28-го іюня высадился десантъ на полуостровѣ Квиберонъ, на берегу Бретани. 16-го іюля слѣдовалъ второй транспортъ людей; зачинщики этого предпріятія не скрывали въ своихъ воззваніяхъ и памфлетахъ, что теперь настало время наказанія всѣхъ подстрекателей революціоннаго духа, причисляя сюда и приверженцевъ конституціи. На одной степени съ политической была и военная ихъ прозорливость; противъ нихъ выступилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ людей, Гошъ; къ сожалѣнію, его дѣятельность скоро прекратилась. По рожденію онъ происходилъ изъ низшихъ слоевъ общества, и былъ годомъ моложе Бонапарта. Онъ отбросилъ наступавшихъ къ Пентьеврскому форту, который занимаетъ середину узкаго полуострова. Пока главный корпусъ «синихъ» наступалъ спереди, замолкли внезапно пушки за ними; оказалось, что смѣлая республиканская толпа обошла эмигрантовъ и заняла фортъ. Эмигранты были оттиснуты къ морю на глазахъ у англійскаго флота; высланы были спасательныя лодки; но многіе попались въ плѣнъ, многіе спаслись личными связями, какъ, напримѣръ, благодаря человѣколюбію самого Гоша, однакоже убитыхъ было около 600 человѣкъ. Англійскому министру трудно было оправдать себя передъ парламентомъ въ дѣлѣ,

совершенно проигранномъ и необдуманномъ сначала до конца. На свое оправданіе, выраженное совершенно въ англійскомъ духѣ, что ни одна капля англійской крови не пролита, онъ получилъ знаменитое возраженіе оратора оппозиціи Шеридана: «не кровь пролита, но англійская честь пострадала».

Усмиреніе Вандеи.

Между тѣмъ, поднялись Шуаны въ Бретани, подъ начальствомъ Шаретта, а изъ Портсмута вышла 21 августа новая экспедиція. На этотъ разъ очень знатный человѣкъ, принцъ королевскаго дома, графъ д'Артуа, долженъ былъ—или хотѣлъ—пожертвовать своею драгоцѣнною жизнью. Съ свѣтлыми надеждами на будущее вооружились при этомъ извѣстіи крестьяне и собрались къ Шаретту. Но явился адъютантъ принца съ извѣстіемъ, что monsieur отложилъ высадку на берегъ до болѣе благопріятнаго времени; онъ передалъ Шаретту почетную саблю съ надписью: «Я никогда не отступаю». Придворные боялись, что принцъ не можетъ вести войну достойно своему положенію, и что было бы неприлично (impossible), принцу участвовать въ простой войнѣ Шуановъ. Это извѣстіе было для Шаретта равносильно смертному приговору; только въ томъ случаѣ дѣло его могло имѣть успѣхъ, если бы принцъ королевскаго дома Франціи сталъ во главѣ движенія. Тѣ, которые занимались шуанскимъ возстаніемъ, думая дѣлать добро, сложили свои головы за это дѣло; 29 марта 1795 года Шареттъ былъ разстрѣлянъ, а графъ д'Артуа спокойно воротился въ Англію.



Генералъ Лазарь Гошъ (Hoche).
Рисованъ и гравированъ Вонневилемъ.

Составленіе конституціи.

Въ Парижѣ собралось постепенно немалое число эмигрантовъ; они держали себя вдали и прятались. Враждебность къ конвенту выказывалась, напротивъ, явно; съ его именемъ соединена была пролитая кровь, хотя большинство конвента само находилось подъ страхомъ террора, который дѣйствовалъ будто бы именемъ его декретовъ, когда производилъ свои оргіи. Тѣ секціи, изъ которыхъ удалились люди террора передъ грозой, нависшей надъ ними, настаивали на принятіи законныхъ мѣръ противъ орудій террора, дѣйствія которыхъ вопіяли о мщеніи. Нѣкоторые

отдѣлы просили объ очищеніи конвента, какъ не разъ уже очищали его во время террора; со всѣхъ сторонъ подавали жалобы на комиссаровъ конвента или партій, правящихъ его именемъ, посланныхъ въ департаменты, по обычаю революціи, съ неограниченными правами. Конвентъ могъ опасаться, что это теченіе унесетъ драгоцѣнныя пріобрѣтенія, добытыя шестью бурными, только что пережитыми годами; они ускорили труды по составленію конституціи и льстили себя надеждою, что она положитъ конецъ революціи. Такіе умные люди, какъ Сіэйсъ, Дону, Буасси д'Англасъ, засѣдали въ комиссіи для написанія конституціи и не вѣрили себѣ, что пережили такіе ужасные дни. Буасси д'Англасъ представилъ свой докладъ 23 іюня, въ которомъ онъ рѣзко осуждалъ понятія и попытки послѣднихъ лѣтъ. Въ августѣ была утверждена конвентомъ новая конституція и озаглавлена: «Конституція директоріи или года III», и 23 сентября объявлена во всеобщее свѣдѣніе.

Конституція директорій 1795 г.

Конституція вышла очень умѣренная и, въ противоположность прежней, 1791 г., казалась слишкомъ консервативной; для нея воспользовались опытами послѣднихъ лѣтъ, пріобрѣтенными такой дорогой цѣной. Къ правамъ человѣка было прибавлено объясненіе обязанностей гражданина; законодательная власть была довѣрена, не такъ, какъ въ 1791 г., двумъ палатамъ, составлявшимъ вмѣстѣ законодательный корпусъ: совѣтъ старѣйшихъ (250) не моложе 40 лѣтъ, и совѣтъ пятисотъ не моложе тридцати лѣтъ; какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ требовался тотъ же цензъ. Первые выборы избирали депутатовъ, корпорацію избирателей; затѣмъ исполнительная власть принадлежала 5 директорамъ, которыхъ предлагалъ совѣтъ пятисотъ, представляя имена 50 человѣкъ, изъ которыхъ совѣтъ старѣйшихъ выбиралъ пять человѣкъ; одна треть судей выбывала ежегодно, изъ директоровъ—одинъ членъ, и замѣнялись тотчасъ по выборамъ; такимъ образомъ эти корпораціи возобновлялись понемногу, въ силу очень консервативнаго принципа—ради избавленія страны отъ волненія при общихъ выборахъ. Директорія назначала министровъ и другихъ государственныхъ чиновниковъ. Общинные чиновники избирались первоначальными избирателями, департаментскіе чиновники выборными, судьи тоже были выборные; такъ что по новой конституціи не были лишены удовольствія безпрерывныхъ выборовъ. Невозвратившіеся эмигранты считались изгнанными изъ Франціи; ихъ имущество дѣлалось народнымъ достояніемъ и закрѣплялось за покупателемъ. Объявлена была свобода слова и печати. Религіозные обѣты, клубы и коллективныя прошенія запрещались; свобода вѣроисповѣданія признавалась, но правительство не вмѣшивалось и не оплачивало духовенство, къ какому бы исповѣданію оно ни принадлежало; само правительство не имѣло религіи, какъ выражаются теперь. Кромѣ теоріи умѣренности, конвентъ постигъ еще многое. По настроенію гражданъ въ настоящую минуту можно было съ увѣренностью сказать, что если предоставить полную свободу выборамъ, то большинство будетъ роялистовъ, и что изъ тѣхъ, кто составляетъ теперь конвентъ, очень немногіе будутъ выбраны въ новое законодательное собраніе; привязанность къ республикѣ была только въ арміи. Мы помнимъ то нелѣпое самоотреченіе національнаго собранія, по которому, во вредъ себѣ,

опо не дозволило допускать къ избранію своихъ членовъ. Совершенно иное опредѣленіе давалъ конвентъ 5 и 13 фруктидора (22 и 30 августа) въ своихъ двухъ дополнительныхъ статьяхъ, по которымъ двѣ трети конвента по праву были членами національнаго представительнаго собранія. Такимъ образомъ предстояло избрать одну треть членовъ и устроить соотвѣтственные выборы—слѣдовательно неполные выборы, а только въ случаѣ происшедшихъ недоразумѣній въ выборѣ, заполнять мѣста членами конвента. Послѣднее было крайне деспотическимъ ограниченіемъ національныхъ правъ, о которыхъ такъ много говорили и разглагольствовали; очень смѣлое государственное злоупотребленіе, которое можно оправдывать до нѣкоторой степени страхомъ сильной реакціи и слишкомъ крутымъ поворотомъ; законы эти возбудили большое недовольство. Разнесся слухъ, что конвентъ собираетъ армію около Парижа; отдѣлы стали высказывать въ Парижѣ самыя горькія истины и отдѣлъ Лепелетье нашелъ средство составить изъ 48 отдѣловъ центральный комитетъ, въ родѣ антиреволюціоннаго: комиссію общественной безопасности. Конвентъ призналъ это измѣной, но граждане не дали себя запугать, и въ то же время продолжалось народное голосованіе въ первоначальныхъ собраніяхъ: ими принята была и подписана конституція съ ея дополнительными статьями. Конституція получила 900,000 одобрительныхъ и 40,000 неодобрительныхъ голосовъ; дополнительныя статьи—263,000 противъ 93,000: въ этомъ числѣ были армія и флотъ. Изъ этихъ данныхъ ясно, что, по обычаю всѣхъ голосованій и выборовъ послѣднихъ лѣтъ, масса народонаселенія не принимала въ нихъ участія и даже обвиняла собраніе въ поддѣлкѣ чиселъ. Слѣдствіемъ этого голосованія было увеличеніе раздраженія недовольныхъ и отдѣлы въ Парижѣ приготовлялись къ борьбѣ, въ сущности вовсе не желая ея. Конвентъ назначилъ 11 октября для окончанія выборовъ. Самые ярые четыре парижскихъ отдѣла открыли свои собранія уже 2-го, приготовились на слѣдующій день къ борьбѣ и издали разжигающее воззваніе къ народу.

Добавочная статья. 13 вендемьеръ.

Конвентъ отмѣнилъ 4 октября законъ о подозрительныхъ и тѣмъ самымъ стеръ одно постыдное пятно истекшаго года. Генералу Мену поручено было приготовиться къ усмиренію готовившагося мятежа; конвентъ выказывалъ нерѣшительность, давалъ себя обманывать въ переговорахъ. Секціи стояли въ полномъ вооруженіи; но напасть на конвентъ у нихъ не хватало смѣлости. 5 октября, 13 вендемьера III года, Баррасъ смѣнилъ Мену, оба не великіе герои; но заслуга Барраса въ томъ, что онъ во-время вспомнилъ о молодомъ Наполеонѣ Бонапарте, офицерѣ не безъ заслугъ и въ эту минуту безъ дѣла. Мы узнали его въ первый разъ при осадѣ Тулона; удальство, выказанное имъ, сдѣлало неизвѣстнаго юношу минутной знаменитостью. Онъ былъ не французъ родомъ, а изъ Аяччіо на островѣ Корсикѣ, гдѣ онъ родился 15 августа 1769 года, черезъ годъ послѣ того, какъ Франція купила у Генуэзской республики этотъ постоянно бунтовавшій островъ Положеніе адвоката Карла Бонапарте было не блестящее: семья состояла изъ пяти сыновей и трехъ дочерей. Наполеонъ, второй изъ сыновей, поступилъ въ военную школу въ Бріеннѣ; выдержавъ довольно посредственно офицерскій экзаменъ, онъ служилъ то на родномъ

островѣ, то во Франціи со своимъ полкомъ, не выказывая никакихъ особенныхъ подвиговъ и ничѣмъ не давая предугадать свое будущее величіе. Живя въ бѣдности, томимый тщеславіемъ, онъ принялъ участіе въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ Корсики, что могло повредить навѣкъ его будущности во Франціи. Къ счастью, онъ поступилъ въ свой прежній полкъ Лаферъ; въ 1793 году онъ съумѣлъ выказать себя при осадѣ Тулона и поправить свое положеніе; но вскорѣ въ его службѣ произошла полная остановка. Не имѣя ничего въ виду, кромѣ повышенія, онъ присоединился къ господствующей партіи и до-поры-до-времени сталъ якобинцемъ съ якобинцами, за что и былъ уволенъ отъ службы (май 1795 г.). Счастье представило ему случай ступить дальше. Однажды, находясь въ числѣ праздныхъ жителей, глядѣвшихъ на унизительныя сцены передъ Тюльери 20 іюня 1792 г., онъ сказалъ своему товарищу: «suivons cette canaille», видя, что толпа отхлынула оттуда. Уже тогда явилась у него мысль добыть двѣ пушки и исполнить свою обязанность солдата: быстро смести эту сволочь съ площади. Насталъ часъ его торжества: ловкимъ пріемомъ овладѣлъ онъ утромъ артиллерійскимъ паркомъ національной гвардіи; хотя въ секціяхъ было 20,000 человѣкъ, но не было настолько мужества, чтобы напасть на шесть или восемь тысячъ человѣкъ Бонапарта. Болѣе надежныхъ лю-



Уличныя схватки въ улицѣ Сентъ-Онорэ, 13 вендемьера (4 октября) 1795 года.
По рисунку Ш. Моннэ, гравировано Гельманомъ.

дей изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо, такъ-называемыхъ санкюлотовъ, не было тутъ, и только послѣ полудня подоспѣли они изъ улицы Сентъ-Онорэ къ Тюльери. Полагали, что конвентъ начнетъ переговоры, зная, что въ его средѣ есть шаткіе люди и даже тайные сторон-

ники; между гражданами и солдатами шли разговоры о томъ, но нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по командѣ Бонапарта или безъ нея, подали знакъ къ битвѣ. Бонапартъ воспользовался своею артиллеріею, и секціи быстро отступили. Бѣгство ихъ провожали холостыми зарядами; убитыхъ не было, но отрезвляющій страхъ подѣйствовалъ и ускорилъ возстановленіе спокойствія; къ 6 утра у монастыря des filles St. Thomas, въ нынѣшней улицѣ Vivienne, подавлено было послѣднее сопротивленіе. Нѣсколько сотъ человѣкъ было убитыхъ, преимущественно со стороны отдѣловъ секціи. Опасеніе, что конвентъ возобновитъ систему запугиванія, было неосновательно, хотя нѣсколько слѣдующихъ дней партія горы держала себя очень грозно: даже Лежандръ называлъ 13 вендемьера днемъ печали, и послѣ амнистіи, довольно обширной, національное собраніе разошлось.

Конецъ конвента.

Въ теченіе своей трехлѣтней дѣятельности, собраніе залило кровью всю Францію; находясь само въ подчиненіи, оно должно было давать полномочія, пользуясь которыми, 300,000 якобинцевъ (и въ ихъ числѣ множество негодяевъ и преступниковъ прежнихъ правительствъ и обществъ, воровъ, мошенниковъ, бродягъ) проливали кровь своихъ согражданъ, а имѣнія ихъ перепускали въ свои карманы. Насчитываютъ 15,414 декретовъ, выпущенныхъ собраніемъ; въ числѣ ихъ были несомнѣнно прекрасные, создавшіе прочное основаніе для будущаго, но въ общемъ они оказали неизгладимое вліяніе на характеръ народа, замѣтное еще теперь, спустя сто лѣтъ. По сознанію свѣдущихъ французовъ, изучавшихъ это время по достовѣрнымъ источникамъ, все, чѣмъ они прежде отличались, исчезло: нравы огрубѣли, браки стали одною формальностью, заключались часто на одну недѣлю, что въ легкомысленныхъ кружкахъ стараго режима провозглашали какъ нравы Отаити (les moeurs d'Otaheiti). Жажда наживы не насытилась, а возбудилась въ толпѣ, овладѣвшей имѣніями эмигрантовъ, духовенства, казненныхъ, подозрительныхъ и трусливыхъ. Народъ дошелъ до невѣроятнаго и поражающаго неряшества въ одеждѣ, отвратительной грязи въ домахъ. Историки говорятъ, что реакція была слабая: только парижская молодежь требовала возстановленія своихъ правъ и присущихъ ей безумствъ, вмѣсто спартанскаго санкюлотизма. Успокоившись нѣсколько послѣ ужасныхъ впечатлѣній термидора, страстью тѣхъ дней сдѣлались танцы. Зимой 1796 г. въ Парижѣ было 644 публичныхъ бала всякаго рода, съ платою за входъ отъ пяти франковъ до двухъ су. Кладбище С. Сюльписъ, дворъ кармелитскаго монастыря, гдѣ, говорятъ, видны были слѣды крови 2 сентября 1793 г., обращены были въ танцовальныя залы—такими страшными воспоминаніями шутило легкомысліе! Были bals de victime, coiffure à la victime, salut de l'échafaud. Танцующій приглашалъ свою даму наклоненіемъ головы, изображая падающую съ гильотины голову. Возвращаясь съ бала въ 2 часа ночи, эта веселящаяся молодежь встрѣчала голодную и дрожащую отъ холода толпу, осаждавшую пекарни. Случаи голодной смерти составляли ужасную противоположность съ чисто-болѣзненной веселостью. За заставами—безпрестанные грабежи; ни одна почтовая карета не могла проѣхать безъ вооруженной охраны. Замѣчательно много было сумасшедшихъ, что вовсе неудивительно; но когда имѣешь письменные источники подъ рукою и представишь себѣ

эти страшные три года въ Парижѣ, Ліонѣ и Нантѣ, то рѣшительно не понимаешь, какъ люди могутъ все это вынести и что они могутъ натворить! «Все возможное происходило тогда, даже болѣе того».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Правленіе директоріи.—Походъ 1796 г. въ Германію и Италію.—Миръ въ Кампо-Форміо.—Раштадтскій конгрессъ и экспедиція въ Египетъ.—Вторая коалиціонная война и возвращеніе Бонапарта.—18 брюмера.

1795 г. Новое устройство государства.

27 октября 1795 г. собрался новый совѣтъ; депутаты прежняго конвента были гораздо многочисленнѣе, такъ какъ большая часть новыхъ не успѣли явиться. Въ послѣдніе годы привыкли, что сильная партія пользовалась для своихъ выгодъ всѣми средствами, соединяя деспотическое нахальство съ лицемѣрнымъ исполненіемъ закона, и придавала противорѣчивое направленіе парламентскому деспотизму. Термидоріанцы и партія горы составили списокъ, въ который включили много совершенно негодныхъ или невозможныхъ именъ, и только пять своихъ же, которыхъ можно было считать за серьезныхъ кандидатовъ. То были: Сіэйсъ, Ревбель, Баррасъ, Ларевельеръ-Лепо, Летурнёръ — всѣ цареубійцы оказались избранными и заняли мѣста въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ происходило засѣданіе дѣйствующей власти.

Иностранная политика. Походъ въ Германію. 1796.

На границѣ новое правительство продолжало воинственную политику, которая недурно удалась революціонной Франціи. Походъ 1795 г. доставилъ Французамъ не мало выгодъ, съ одной стороны. Въ январѣ Пишегрю вступилъ въ Амстердамъ и 16 мая былъ подписанъ договоръ, установившій отношенія между Французской республикой и новой—Батавской. На Рейнѣ войну продолжала довольно счастливо Австрія; на ней лежала вся тягость ея послѣ отступленія Пруссіи и явнаго нежеланія войны со стороны мелкихъ государствъ. Они заключили съ Пишегрю тайный союзъ, когда онъ былъ переведенъ въ рейнскую и мозельскую армію; Англія и Бурбоны подкупили его для возстановленія королевскаго достоинства во Франціи. На Среднемъ Рейнѣ кончилось побѣдой Клерфэта на Майнѣ (29 октября) и возвращеніемъ Мангейма Вурмзеру (22 ноября); на сѣверо-востокѣ генералъ Журданъ взялъ Дюссельдорфъ съ арміей, стоявшей на Самбрѣ и Маасѣ, и пробрался къ Зигу и Лану, но долженъ былъ отступить къ Нижнему Рейну, куда Французы пришли въ такомъ разстроенномъ состояніи, что незначительнаго отряда достаточно было бы, чтобы ихъ сдерживать. Клерфэтъ получилъ отъ Габсбургскаго дома ту благодарность за свои заслуги, которую получили до него и послѣ

него очень многіе храбрые генералы,—онъ былъ замѣщенъ двадцатичетырехлѣтнимъ эрцгерцогомъ *Карломъ*, однимъ изъ немногихъ воинственныхъ представителей этой династи. 1796 г. прошелъ для Германіи не менѣе удачно, чѣмъ предшествовавшій. Перемиріе не повело къ миру; съ обѣихъ сторонъ вновь вооружались и весною французская армія въ 76,000 человѣкъ стояла на Самбрѣ и Маасѣ подъ командованіемъ Журдана; противъ нея—эрцгерцогъ Карлъ съ 91,000 человѣкъ. Пишегрю былъ отозванъ потому, что ему болѣе не довѣряли; рейнская и мозельская арміи стояли подъ начальствомъ Моро, и противъ него—генералъ Вурмзеръ съ 80,000. Только въ іюнѣ возобновились дѣйствія. Журданъ перешелъ Рейнъ при Нейвидѣ, онъ дошелъ до Вецлара, но 15 іюня и еще разъ 29-го Французы были разбиты и отступили, радуясь тому, что отвлекали эрцгерцога, пока Моро переходилъ Верхній Рейнъ, отбросилъ Австрійцевъ, завладѣлъ проходами Шварцвальда, прошелъ въ Швабію и Франконію и потребовалъ контрибуціи съ тѣхъ городовъ, которые не были включены въ договоръ съ Пруссіей. Они хотѣли отдѣлиться отъ Австріи и сложить оружіе. Эрцгерцогъ оставилъ Вартенслебена противъ Журдана, который опять наступалъ, а самъ пошелъ къ Дунаю противъ Моро; соединился съ Вартенслебеномъ, отброшеннымъ къ Встерау генераломъ Журданомъ, и послѣ того, въ цѣломъ рядѣ удачныхъ сраженій, при Тейнингѣ, Амбергѣ, Вюрцбургѣ, принудилъ Журдана къ отступленію на Ланъ, далѣе къ Зигу, гдѣ они остановились передъ ничтожными силами императора. Потомъ онъ обратился противъ своего второго противника, Моро, дошедшаго въ это время до Ингольштадта, но побѣдами эрцгерцога надъ Журданомъ поставленнаго въ затруднительное положеніе. Французскому полководцу удалось, пользуясь мелочностью Нѣмцевъ, заботившихся только о себѣ, одержать, безъ сраженія, блестящую побѣду. Курфюрстъ Баварскій, слѣдуя примѣру всѣхъ южныхъ князей, бѣжалъ съ своимъ Дворомъ въ Саксонію, а оторопѣвшее правительство, оставшееся тамъ, просило у французскаго главнокомандующаго мира, который имъ великодушно былъ данъ по договору при *Пфаффенгофенѣ* (7 сентября), въ то самое время, когда тотъ готовился отступить. Это безумство стоило странѣ 10 милліоновъ ливровъ и огромныхъ запасовъ, за которые полагалось внести 4 милліона золотомъ, если военныя дѣйствія потребуютъ выступленія французскихъ войскъ изъ Баваріи. Необходимость выступленія тотчасъ оказалась. Отступая въ удивительномъ порядкѣ, Моро провелъ свою армію изъ 50,000 человѣкъ, черезъ Баварію, Швабію, Фрейбургъ на Рейнѣ и достигъ лѣваго берега при Гюнингенѣ. Это отступленіе сравнивали слишкомъ снисходительно съ знаменитымъ въ греческой исторіи отступленіемъ десяти тысячъ. Въ концѣ года Кэль и Гюнингенъ были снова завоеваны Австрійцами.

Бонапартъ въ Италіи.

Все, что было пріобрѣтено здѣсь, снова потеряно въ Италіи быстрыми, побѣдоносными дѣйствіями главнаго начальника итальянскаго корпуса французской республики, Наполеона Бонапарта. Назначеніе его было наградой ему за подвиги, оказанные 13 вендемьера; 27 марта 1796 г. вступилъ онъ въ командованіе арміей, расположенной отъ Ниццы до Генуи и бывшей въ ужасно разстроенномъ состояніи. Генералы отнеслись критически къ молодому начальнику, но онѣмѣли передъ его ясными, краткими распоряже-



Штурмованіе моста при Лоди (10 мая 1796 г.). Изъ Наполеонова похода противъ Австрійцевъ въ Италіи.
По рисунку Томаса, гравировалъ Обри.

піями; его прокламаціи, особенно онъ самъ, внушали солдатамъ такую увѣренность, съ которой они предвидѣли побѣду. Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, при Монтенотѣ, Милезимо, Дего, противъ Австрійцевъ, которыми командовалъ Больё, 71 года,—опытный, дѣльный, но весьма обыкновенный человѣкъ—Бонапартъ двинулся противъ сардинской арміи и, сраженіями при Сева, Курсаліи, Мондови, вынудилъ Сардинскаго короля согласиться на миръ, въ маѣ продиктованный посланникомъ въ Парижѣ. Савойя и Ницца были официально переданы Франціи, а главная крѣпость страны, Алессандрія, приняла французскій гарнизонъ. Потомъ Бонапартъ, взявъ приступомъ мостъ при *Лоди*, на Аддѣ, оттѣснилъ Австрійцевъ до Кремы за По, за Тичино. Четыре дня спустя, 14 мая, вступилъ онъ въ Миланъ, гдѣ цитадель не сдавалась до 27 іюня. Перешелъ уже и за Минчіо, и въ рукахъ Австрійцевъ осталась, въ Сѣверной Италіи, только крѣпость Мантуа. Итальянскіе принцы напрягли всѣ силы, чтобы достойно противостать этому быстрому и неодолимому побѣдителю. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Франціи только указываетъ въ Бонапартѣ черты, считавшіяся признакомъ тирановъ и деспотовъ въ Италіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Никогда порывъ мягкосердечія или великодушія, ни въ то время, ни впослѣдствіи, не нарушалъ его опредѣленнаго круга дѣйствій. Итальянецъ родомъ, Бонапартъ умѣлъ обходиться съ этими князьками и городскими вельможами. Ихъ слѣдовало напугать, а потомъ сорвать побольше съ нихъ денегъ; это средство было совершенно новымъ употребленіемъ классическихъ памятниковъ (во времена революціи практиковалось нѣсколько театрально, но теперь въ обширныхъ размѣрахъ). Величайшій изъ предводителей разбойничьей шайки Галловъ, кромѣ денегъ, требовалъ отъ испуганныхъ суверенов драгоцѣнныхъ рукописей или неоцѣнимыхъ произведеній искусства, какъ плату за пріостановку военныхъ дѣйствій и заключеніе мира. Такъ было въ Генуѣ, Миланѣ, Пармѣ, Моденѣ; папа Пій VI заплатилъ за прекращеніе военныхъ дѣйствій 23 іюня, 21 милліонъ деньгами, или 500 рукописей, 100 картинъ живописи, бюстовъ или статуй; Неаполь тоже заключилъ перемиріе. Запугать этихъ правителей было не трудно; стоило только ободрить толпы республиканско-французской партіи, или обѣщать возбудить ихъ, что было легко и возможно при положеніи страны. *Венеціанская республика*, не чувствуя въ себѣ оживляющей силы, несмотря на свое блестящее прошлое, объявила себя нейтральной въ этой войнѣ, гдѣ Сѣверная Италія имѣла рѣшительный перевѣсъ. Поэтому Бонапартъ, не стѣсняясь, занялъ Верону и сдѣлалъ заемъ у республики; она не смѣла отказать, хотя мало было надежды на полученіе этого долга обратно. Обращеніе съ герцогствомъ Тосканой было немного лучше, хотя оно первое заключило, еще въ февралѣ 1795 г., миръ съ Французской республикой.

Побѣды Французовъ. Паденіе Мантуи.

Мантую защищали сильно; Австрійцы на полѣ сраженія дѣлали всѣ усилія для спасенія послѣдняго клочка нѣмецкой собственности въ Италіи. Въ концѣ іюля подоспѣла первая армія, изъ Тироля, подъ начальствомъ Вурмзера. Бонапартъ отступилъ отъ Мантуи, но одержалъ верхъ при Лонато, 3 августа, надъ частью войскъ Квозданович и Вурмзера, успѣвшаго однако доставить подкрѣпленіе въ Мантую, при Кастильонѣ.

Еще разъ повторилъ Вурмзеръ ту же попытку и сдѣлалъ ту же ошибку выступивъ отдѣльными частями. 5 сентября былъ разбитъ его помощникъ Давыдовичъ при Ровередо, а 8 самъ Вурмзеръ, при Бассано. Съ 16,000 человѣкъ вошелъ онъ въ Мантую. Третье вспомогательное войско собралось въ октябрѣ; оно дѣйствовало сначала счастливо, но послѣ трехдневнаго сраженія (извѣстнаго у Французовъ подъ именемъ *Аркольскаго*), за проходъ черезъ Альпонъ, 15—17 ноября, усилія его остались безъ успѣха. На третій день, послѣ жаркаго боя, весьма обыкновенною военною хитростію мостъ былъ взятъ: трубачи поставлены были незамѣтнымъ образомъ въ тылу важной позиціи Австрійцевъ. Четвертое подкрѣпленіе въ шесть мѣсяцевъ Австрійцы собрали въ числѣ 45,000 человѣкъ. Этотъ корпусъ удалось разбить Бонапарту 12 января 1797 г. подъ *Риволи*, а 2-го февраля пала Мантуя, и такимъ образомъ Италія была окончательно вырвана изъ рукъ Австріи. Папа сдѣлалъ послѣднюю попытку, въ этотъ промежутокъ времени, чтобы избѣжать судьбы, грозившей всѣмъ: онъ выставилъ войско и постарался создать новую Вандею изъ папскихъ владѣній, но это было совершенно тщетно. Бонапартъ грозно объявилъ возобновленіе войны, такъ какъ папа нарушилъ перемиріе. Пій VI поспѣшилъ просить мира, который и былъ ему охотно дарованъ за дорогую цѣну: 30 милліоновъ и отказъ отъ Авиньона, Венессина, Феррары, Болоньи и Романьи.

Перемиріе. Переговоры при Леобенѣ.

Послѣ пораженія Альвинци у Риволи, начальство надъ австрійскими войсками передано было эрцгерцогу Карлу. Бонапартъ напалъ на него въ мартѣ, и прежде чѣмъ онъ получилъ подкрѣпленіе изъ Германіи, оттѣснилъ его черезъ Піаву, Таліаменто, Изонцо за Клагенфуртъ на Дравѣ. 30 марта Бонапартъ вступилъ въ этотъ городъ и, казалось, достигъ тѣмъ такого блестящаго положенія, что весь путь отъ Клагенфурта черезъ Брукъ на Вѣну былъ ему открытъ. Расположившись въ долинѣ Дравы, онъ ожидалъ войскъ Жубера, который черезъ Бриксенъ шелъ на Вѣну. Въ дѣйствительности, его положеніе было вовсе не такъ блестяще. Быстрыя побѣды увлекли его въ глубь непріятельской земли, далеко отъ его собственныхъ резервовъ; а это было очень опасно. Подъ вліяніемъ эрцгерцога, воинственное настроеніе восторжествовало одно время въ Вѣнѣ; въ особенности же усилилась ненависть къ министру Тугуту; издано было воззваніе къ народу; города вооружались; Венгрія вспомнила времена Маріи-Терезіи; часть Тирольцевъ уже поднялась и сражалась съ войсками Жубера; французскіе генералы, которые начальствовали войсками въ Германіи, не успѣвали слѣдовать за Бонапартомъ; а правительство въ самой Франціи было ничтожно, и онъ могъ ожидать очень мало помощи оттуда. Но воинственное настроеніе въ Вѣнѣ было непрочно, и Бонапартъ, конечно, зналъ это. Императоръ Францъ менѣе всего былъ полководецъ. Мать императрицы, Неаполитанская королева Марія-Каролина совѣтовала австрійскому правительству примириться съ непріятелемъ; она опасалась за свое собственное королевство. 31 марта Бонапартъ написалъ главнокомандующему эрцгерцогу чувствительное письмо, полное лжи, которою онъ не стѣснялся и которою надѣялся воздѣйствовать на міръ.—«Съ своей стороны могу увѣрить, если предложеніе, которое я

имѣю честь сдѣлать вамъ, спасетъ хоть одну человѣческую жизнь, я буду гордиться гражданскою заслугою этою болѣе, чѣмъ печальною славою, которую военныя побѣды могутъ мнѣ доставить». Это говорилъ тотъ самый человѣкъ, который, 15 лѣтъ спустя, послѣ похода въ Россію, высказалъ Меттерниху, что 200,000 человѣкъ, погубленныхъ имъ тамъ,—бездѣлица, о которой не стоитъ разговаривать. Онъ добился того, что въ *Леобенѣ*, въ Штиріи, въ апрѣлѣ былъ заключенъ предварительный договоръ о мирѣ, въ который была включена, какъ главное условіе его, тайная статья о томъ, что одно нейтральное государство, вовсе не участвовавшее въ войнѣ, должно уплатить военные расходы этого похода. Это условіе, конечно, только впослѣдствіи должно было быть обнародовано и удивить міръ. Австрійскій посланникъ, согласно преданіямъ старинной дипломатіи, настаивалъ, чтобы при изложеніи договора имя императора упомянуто было первымъ; онъ ссылался на то, что прежде, при сношеніяхъ съ Французскимъ королемъ, всегда дѣлали такъ, и обѣщалъ тотчасъ признать Французскую республику, если она согласится на это требованіе. Французскій главнокомандующій не спорилъ противъ этого: онъ смотрѣлъ на это равнодушно и признавалъ, что такія мелочныя формальности не должны оскорблять республиканца. «Французская республика», прибавлялъ онъ, выражаясь въ духѣ донесеній Барера въ конвентъ, «то же, что солнце»: только слѣпой не видитъ ея блеска». Въ то же время начались однако военныя дѣйствія на Рейнѣ. Войска, находившіяся на Самбрѣ-Маасѣ, перешли Рейнъ подъ начальствомъ Гоша 18 апрѣля, при Нейвидѣ; а рейнскія войска, подъ начальствомъ Моро, 20-го, у Страсбурга. Но ни здѣсь, ни на другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій не произошло ничего, что могло бы измѣнить основныя условія ожидаемаго мирнаго договора; удачи и неудачи чередовались съ обѣихъ сторонъ. Въ союзѣ Россіи, Австріи, Англіи значеніе Россіи было невелико. Екатерина продолжала медлить, сберегала свои силы и предоставляла Австріи истощать свои; только послѣ ея смерти (ноябрь 1796 г.), сдѣлались возможны новыя событія. Бурбонской Испаніей, съ положеніемъ которой мы еще ознакомимся, управлялъ презрѣнный фаворитъ, Эммануэль Годои. Она заключила миръ, а годъ спустя, въ 1796 году, въ *Сантъ-Ильдефонсо*, даже союзный договоръ, направленный противъ Англіи; союзъ этотъ причинилъ ей однако мало вреда. Поддерживая возстаніе въ Вандеѣ и Бретани, Англія раздражила опять Французовъ, но мало помогла этимъ провинціямъ. Лѣтомъ 1796 года Гошу удалось одолѣть Шуановъ въ Бретани, и директорія торжественно возвѣстила членамъ совѣта, что гражданская война прекращена. Изъ предводителей, Стофле и Шареттъ попали въ руки правительства и были казнены. Воспламененный этою удачею, Гошъ составилъ планъ смѣлаго вторженія въ Англію, совершенно въ духѣ этого увлекающагося и юнаго полководца; онъ предложилъ сдѣлать высадку въ Ирландію. Дѣло это хранили въ тайнѣ. Часть флота пристала 24 декабря къ ирландскому берегу въ Бантри; но другую часть флота, при которой находился Гошъ, буря разметала, и онъ прибылъ къ мѣсту назначенія, когда первая часть уже возвращалась обратно. Ирландія не выказала никакого сочувствія революціи. Новая попытка въ томъ же

Дѣйствія на другихъ театрахъ войны.

родѣ, въ слѣдующемъ году, предпринятая съ флотомъ Батавской республики, дала только возможность Англичанамъ вновь доказать ихъ превосходство на морѣ. Они могли теперь безпрепятственно вознаградить себя въ голландскихъ колоніяхъ: Голландія, какъ Батавская республика, участвовала во французской континентальной системѣ. Самъ герой предположеннаго нападенія на Ирландію и Англію, Гошъ, палъ въ сентябрѣ 1797 г. въ Вецларѣ, куда онъ проникъ побѣдоносно. Раннюю смерть его ошибочно приписывали отравленію, будто-бы исполненному на основаніи тайнаго распоряженія директоріи.

Конецъ Венеціанской республики.

Для будущихъ успѣховъ Бонапарта смерть Гоша была можетъ-быть очень кстати. Послѣ него, Гошъ былъ самый выдающійся республиканскій генералъ; притомъ, онъ едва-ли согласился бы работать для славы Бонапарта. Въ Италіи война была окончена геніемъ и заслугами единственно этого человѣка, и онъ безпрепятственно торжествовалъ свои побѣды въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1797 года въ Италіи; она, какъ жертва, лежала у ногъ его. Онъ разрушилъ несчастный призракъ Венеціанской республики съ утонченною ложью и удивительной жестокостью, которая вовсе не оправдывалась обстоятельствами. Сначала искусственно возбуждали безпорядки въ венеціанскихъ владѣніяхъ; затѣмъ заявляли, что революціонныя волненія здѣсь опасны для спокойствія сосѣднихъ государствъ; признавали себя вынужденными принять необходимыя мѣры безопасности относительно этого революціоннаго направленія. Въ сентябрѣ республика Генуэзская была точно такимъ-же образомъ превращена въ демократическую и «Лигурійскую» республику; заявили, что нельзя дозволить мелкимъ итальянскимъ государствамъ оскорблять Великую Французскую республику. Въ октябрѣ былъ подписамъ въ *Кампо-Форміо* миръ между Австріей и Французской республикою. При послѣднихъ переговорахъ о немъ, Бонапартъ старался запугать австрійскаго уполномоченнаго барона Кобенцеля грубой и несомнѣнно-искусственной выходкою гнѣва; онъ разбилъ драгоцѣнную вазу и сказалъ при этомъ: «Монархія разлетится на мелкіе куски, какъ этотъ сосудъ!»

Условія мира были слѣдующія: императоръ отказывался въ пользу Французской республики отъ своихъ правъ на Австрійскіе Нидерланды; онъ отказался также отъ всѣхъ правъ на тѣ части Италіи, которыя образовали новую *Цизальпійскую* республику. Въ составъ ея вошли: Ломбардія, прежнее герцогство Модена и папскія владѣнія. Императоръ призналъ эту республику. Венеціанскою республикою распорядились безъ всякой жалости и безъ всякаго уваженія къ ея правамъ, какъ будто изъза нея собственно и ведена была война. Договаривавшіяся государства подѣлили ее такъ: всѣ венеціанскія владѣнія съ Далмаціей поступили во владѣніе Австріи, а *Іоническіе острова* были отданы Франціи. Ареналы и музеи Венеціи Бонапартъ еще ранѣе вывезъ во Францію. Моденскаго герцога императоръ вознаградилъ уступкою ему Брейзгау. Конгрессъ въ Раштадтѣ долженъ былъ черезъ мѣсяцъ закрѣпить мирный договоръ между Франціей и Германскою имперіей. Осуществленіе конгресса обезпечивалось четырнадцатью тайными статьями договора. Онѣ опредѣляли, что лѣвый берегъ Рейна долженъ перейти въ собственность Фран-

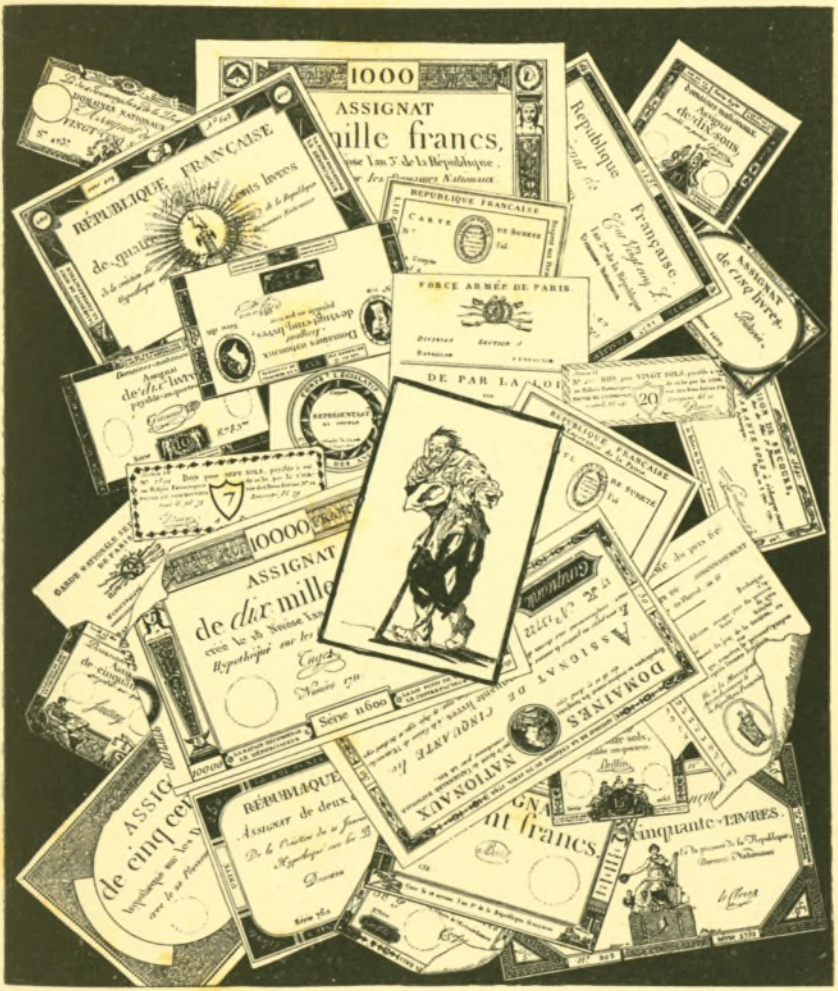
ціи; Австрія должна въ возмездіе за это получить вознагражденіе въ Германіи—архіепископство Зальцбургъ и часть Баваріи. Нѣмецкіе князья, которые при этомъ и при заключеніи имперскаго мирнаго договора лишаются своихъ владѣній, должны быть вознаграждены за это въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Германіи. Особенно замѣчательна была девятая статья договора, объявлявшая, что республика не намѣрена возвращать Прусскому королю его владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, и что Франція и Австрія даютъ другъ другу слово, что не допустятъ Пруссію увеличить какимъ-либо образомъ свои владѣнія.

Миръ въ Кампо-Формію. 1797.

Миръ въ Кампо-Форміо былъ большимъ успѣхомъ; дѣйствительно, это было событіе замѣчательное, если припомнимъ, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ во Франціи господствовало правительство, подобія которому нѣтъ въ исторіи человѣчества. Оно усиливалось соединить въ себѣ всѣ недостатки охлократіи, деспотизма и олигархіи и испортить всѣ лучшія силы народа. Это не былъ успѣхъ директоріи, но исключительно успѣхъ геніальнаго генерала и его арміи. Политическіе результаты этого итальянскаго похода и увѣнчавшаго его мира при *Кампо-Форміо* (17 октября 1797 г.) выказались въ томъ особенномъ значеніи, которое пріобрѣли черезъ него армія и ея полководецъ.

Правленіе директоріи.

Въ противуположность этимъ внѣшнимъ успѣхамъ, внутреннее состояніе Франціи было очень печально. Новое правленіе, директорія, ознаменовало свое появленіе безстыдными насиліями и грубымъ хвастовствомъ, добавочными декретами и подлогами при подачѣ голосовъ. Послѣднимъ злоупотребленіемъ этого правительства былъ драконовскій законъ, который лишалъ правъ гражданства эмигрантовъ и ихъ родственниковъ, оставшихся во Франціи, 300,000 французовъ, лучшую часть націи. Дѣятелей новой исполнительной власти выбрали изъ посредственностей якобинской партіи. Карно, посаженный на мѣсто Сіэйса, когда тотъ отказался, былъ единственный человѣкъ со значеніемъ, но не болѣе, какъ отличный второстепенный дѣятель, исполнитель, но не руководитель и не государственный умъ. Такъ какъ эти люди распредѣляли государственныя должности, то большая часть плутовъ, воровъ и неспособныхъ лицъ, занимавшихъ эти мѣста во времена конвента, остались на нихъ и теперь, или получила ихъ вновь; съ кровопійцами послѣднихъ трехъ лѣтъ поступили также очень мягкосердечно. Впрочемъ, на общественныя и судебныя должности, куда по новому закону назначались лица по народному избранію, были большею частью назначены новые честные и приличные люди. Государственные финансы и народное благосостояніе были доведены до полнаго разстройства не только многолѣтними насиліями надъ людьми достаточными и предпріимчивыми, доставлявшими народу работу, но въ особенности выпускомъ бумажныхъ денегъ; эту операцію продолжали съ безпримѣрной, доходившей до безсмысленности, дерзостью; выпускали ассигнаціи безъ всякаго соображенія объ ихъ дѣйствительной цѣнности и о состояніи кредита. Ассигнаціи, которыя обѣщано было выплатить впослѣдствіи, падали конечно въ цѣнѣ, по мѣрѣ того, какъ эта будущая уплата становилась болѣе сомнительною. Въ іюлѣ 1793 г. за 100 франковъ бумажками давали въ дѣйствительности только 33. Въ слѣдующіе годы цѣнность ихъ



Ассигнаціи, выпущенныя въ обращеніе во время правленія директоріи.
Современная французская карикатура.

падала еще очень быстро. Когда директорія вступила въ управленіе, она не нашла въ казначействѣ ни одного су звонкой монетой. Ассигнаціи, для расходовъ на слѣдующій день, печатали въ теченіе ночи и выпускали въ обращеніе еще сырыми. Въ февралѣ 1796 года, для успокоенія общества, разломали на глазахъ у народа станки, на которыхъ печатали ассигнаціи, но это мало помогло. Въ мартѣ выпустили новыя бумажныя деньги, *территоріальные мандаты*, на 2,400 милліоновъ; ихъ однако объявили не бумажными деньгами, такъ какъ каждый мандатъ обезпечили

опредѣленнымъ участкомъ государственныхъ земель, и имъ назначили опредѣленный принудительный курсъ. Если однако топоръ палача не могъ принудить исполнять *главное*—установленную правительствомъ принудительную таксу съѣстныхъ припасовъ, то теперешній ослабѣвшій, искалѣченный терроризмъ не могъ конечно заставить людей признать бумагу за деньги. Территоріальные мандаты пали скоро на 97 процентовъ и сами граждане-законодатели требовали, какъ прочіе, чтобы имъ уплачивали содержаніе и жалованье территоріальными мандатами не по номинальной или принудительной цѣнности ихъ, а по настоящей, рыночной цѣнѣ ихъ. Небольшую помощь оказали милліоны итальянской добычи; потребности войскъ оплачивались также большею частью непріятельскими странами; но и это не помогало. Съ боязливой торопливостью каждый спѣшилъ сбыть сомнительныя бумаги. Всѣ старались обмѣнять ихъ на какую-нибудь вещественную цѣнность. Крестьяне, которые въ этихъ дѣлахъ всегда болѣе догадливы, закупали на бумажныя деньги, пока онѣ имѣли еще какое-нибудь значеніе, участки земли, разныя домашнія вещи, вообще все, что представляло какую-нибудь существенную цѣнность. На этомъ рынкѣ, который эмиграція и гильотина подновляла и постоянно снабжала, дешевле и выгоднѣе всѣхъ покупали спекулянты и самые безсовѣстные, продувные негодяи изъ самихъ террористовъ, какъ Фуше. Дѣло не остановилось на томъ: какъ вездѣ, безсмысленное умноженіе бумажныхъ денегъ подняло цѣну на все и увеличило тѣмъ общую нужду. Въ началѣ 1797 года за завтракъ платили 30,000 франковъ ассигнаціями; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бумаги эти не имѣли никакой цѣны. Но въ тѣ времена и при тогдашнихъ правителяхъ на это не глядѣли трагически. Не допускали никакую серьезную попытку привести въ порядокъ финансы и тѣмъ устранить всѣ замѣшательства, которыя отсюда проистекали. Банкротствомъ, которое продолжалось уже, собственно говоря, много лѣтъ сряду, никто не огорчался. Въ книгу государственнаго долга внесли и оплачивали процентами не болѣе двухъ третей долга, остальная треть была обращена въ свидѣтельства (bons) для закупки государственныхъ имуществъ (сентябрь, декабрь 1797 г.).



Гракхъ Бабёфъ.
По современному наброску.

Оппозиція.

Противъ безпорядковъ государственнаго управленія вооружились двѣ партіи. Управленіе было теперь не кровавое, какъ во времена до термидора, но приняло направленіе якобинское. Образовались: партія ультрарадикальная, даже прямо коммунистическая, и партія роялистская.

Руководителемъ первой былъ нѣкто Гракхъ Бабёфъ, человѣкъ съ прошедшимъ болѣе чѣмъ двусмысленнымъ. Всѣ нелѣпости Сенъ-Жюста онъ еще усилилъ: общественное воспитаніе дѣтей, изъ которыхъ ни къ одному не переходитъ имя отца; ни одинъ французъ не смѣетъ покидать Францію; города надо разрушить, а всѣ замки уничтожить; книгъ болѣе не будетъ; безъ дозволенія правительства нельзя ничего обнародовать; всѣ Французы будутъ носить особую одежду, всѣ умершіе подлежатъ суду и ихъ хоронятъ лишь тогда, когда судъ признаетъ ихъ достойными погребенія. Такія и подобныя нелѣпости проповѣдывали эти сумасшедшія головы! Они начали даже приводить ихъ въ исполненіе, но безобразія эти прекратили безъ особаго труда; нѣсколькихъ изъ главарей, въ числѣ ихъ и Бабёфа, казнили. Роялистская оппозиція стала теперь гораздо смѣлѣе; она сильнѣе другихъ коренилась въ народѣ. Никто не признавалъ настоящее правительство долговѣчнымъ; всякій понималъ, что въ лицѣ этого правительства революція еще ничего не достигла. Даже въ самой директоріи былъ раздоръ. Трое—Баррасъ, Ревбелль, Ларевельеръ-Лепо (ихъ называли *тріумвиратомъ*),—не сходились съ остальными двумя, Карно и Бартелеми. Въ маѣ 1797 года состоялись опять, послѣ долгаго промежутка, первые народные выборы; въ нихъ приняли дѣятельное участіе всѣ тѣ, которые не сочувствовали кучкѣ людей, пять лѣтъ стоявшей во главѣ правительства, всѣ лица, которыхъ можно было назвать порядочными; они условились не избирать ни одного якобинца. Цѣль была достигнута; изъ 250 выбывшихъ прежнихъ членовъ конвента, едва полдюжины было вновь избрано. Въ обоихъ совѣтахъ умѣренные преобладали; еще одинъ годъ, еще одни такіе выборы, и остальные якобинцы будутъ удалены; рѣшительный роялистъ Пишегрю избранъ былъ въ президенты пятисотъ. Якобинская партія поняла однако эту опасность; если этотъ возвратъ къ прошлому окрѣпнетъ, имъ грозитъ смерть; во всякомъ случаѣ, они потеряютъ свое положеніе и пріобрѣтенныя—и какъ пріобрѣтенныя!—богатства. Они воспользовались этимъ предостереженіемъ; воспользовались совершенно иначе, чѣмъ умѣренное большинство, которое повторило ту же самую ошибку, какая въ 1789 году уже разстроила умѣренныхъ и погубила ихъ. Соперничая съ людьми, которые ни передъ чѣмъ не останавливались, они держались бумажной законности, тогда какъ якобинская партія, съ тремя директорами во главѣ, уже готовилась къ насильственному перевороту.

Переворотъ совершился 18 фруктидора V года—третьяго сентября 1797 г. Бонапартъ прислалъ имъ для этого одного изъ своихъ подручныхъ полководцевъ, Ожеро, грубаго солдата, готоваго на все. Солдаты выгнали членовъ совѣта изъ залы; выборы 53 департаментовъ были уничтожены; депутатовъ, избранныхъ большинствомъ, удалили, а тѣхъ, которые пытались собраться, разогнали, частью засадили въ тюрьму. Меньшинство же, единомышленники тріумвировъ, собрались въ Одеонѣ и въ Медицинской школѣ. Карно удалось бѣжать, но Бартелеми и многіе другіе были сосланы въ Кайэнну. Въ большинствѣ случаевъ, благодаря жестокости, съ какой производилась перевозка, ссылка въ Кайэнну была равносильна смертному приговору и замѣнила гильотину, примѣненія которой те- 18 фруктидора.

перь избѣгали. Въ общемъ же, террористическая обстановка, люди и мѣры выдвинуты вновь, варварскіе декреты противъ эмигрантовъ и ихъ родственниковъ возобновлены. Вмѣстѣ съ ужасами временъ казней, появились прежнія злоупотребленія. Какіе люди дѣйствовали теперь, какимъ людямъ отдали на разграбленіе Францію, лучше всего видно изъ того, что не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ первый изъ тріумвировъ вошелъ въ сношенія съ Людовикомъ XVIII и объяснилъ, на какихъ условіяхъ онъ согласенъ помочь ему возстановить монархію! Директорію пополнили двумя незначительными людьми своей партіи, Мерлиномъ (изъ Дуэ) и Франсуа (изъ Нёвшато).

Римская республика.

Якобинская система возобладала опять и во внѣшней политикѣ; она, впрочемъ, постоянно господствовала тамъ. Часть правителей была уже недовольна миромъ въ Кампо-Форміо. Между тѣмъ, ни этотъ миръ, ни конгрессъ, собравшійся въ Раштадтѣ въ декабрѣ 1797 г., нимало не стѣсняли политику насилія. Грабежъ повсюду; кое-гдѣ воровство. Въ Римѣ, гдѣ съ нѣкотораго времени посланникомъ былъ Іосифъ Бонапартъ, старшій братъ побѣдоносца-генерала, вспыхнуло революціонное движеніе; при подавленіи его папскими войсками былъ убитъ французскій генералъ Дюфо. Онъ начальствовалъ мятежниками, сражавшимися противъ папскихъ солдатъ. Этимъ воспользовались, чтобы занять Римъ французскими войсками. Въ февралѣ 1798 г. генералъ Бертье вступилъ въ Порто-дель-Поноло, при полномъ безучастіи населенія. Въ Капитоліи онъ произнесъ высокопарную рѣчь, въ знакомомъ намъ смѣшномъ стилѣ, и обложилъ затѣмъ потомковъ Брута и Цицерона военной контрибуціей въ 36 милліоновъ въ пользу дѣтей древнихъ Галловъ. Генералъ Массена, съ своей стороны, такъ безстыдно кралъ, что его собственные офицеры отказались повиноваться ему и требовали, чтобы начальство надъ ними опять было передано Бертье. Бертье приказалъ перевести папу въ Тоскану (20 февраля), а комиссаръ директоріи снялъ даже кольцо съ пальца папы. Можно себѣ представить, что послѣ этого порядочно пообчистили дворцы и музеи. Объ уничтоженіи правительственныхъ учрежденій этого государства сожалѣть нечего; они считались совершенно основательно наихудшими въ Европѣ, за исключеніемъ, конечно, турецкихъ. И они сохранили за собою славу эту до конца, до нашихъ дней. Будетъ-ли лучше новоустроенная Римская республика, копія плохого оригинала, съ ея пятью консулами, 32 сенаторами и 72 трибунами, это должно было показать время.

Гельветійская республика. 1798 г.

Вслѣдъ за папскими владѣніями, въ слѣдующихъ мѣсяцахъ того же года (1798), Швейцарія была объявлена единой и безраздѣльной *Гельветійской республикою*. Для осуществленія этой нераздѣльности, Мюльгаузенъ (28 января) и Женеву (17 мая) включили въ составъ Французской республики. Здѣсь, какъ и вездѣ, успѣху революціи способствовало печальное устройство общественныхъ учрежденій. Они нигдѣ не шли съ вѣкомъ, нигдѣ не обладали способностью примѣняться къ требованіямъ прогресса. Замкнутость патриціевъ, городской знати, нерасположеніе ихъ къ сельскому населенію и даже къ городскимъ цехамъ подготовили побѣду демократической партіи, которая въ настоящемъ случаѣ была также французская. Началъ кантонъ Ваадскій (Во), который отдѣлился отъ Берна, и

провозгласилъ себя Леманской республикой; вскорѣ (апрѣль) тамъ устроили директорію по французскому образцу. Конституція ея была составлена и набросана въ Парижѣ, по тамошнему образцу. Страну заняли французскими войсками. Въ уплату за всѣ эти благодѣянія, французское правительство, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, вознаградило себя, основательно разграбивъ казначейство, цейхгаузъ и хлѣбные магазины въ Бернѣ. Добычу, захваченную здѣсь только, оцѣнивали въ 42 милліона франковъ. Партія господъ нигдѣ ни нравственно, ни физически не могла оказать серьезнаго сопротивленія. Только въ кантонахъ Ури, вокругъ Вальдштетскаго озера, управленіе которыхъ было демократическое, а населеніе католическое и религіозно настроено, ходъ дѣла былъ иной; религіозное настроеніе и духовенство выказали здѣсь свое вліяніе. Надѣялись заставить ихъ покориться, запретивъ вывозъ хлѣба; но они вооружились сами и дрались недурно. При Рапперсвилѣ, при Ротентурмѣ, при Артѣ, подъ начальствомъ генерала Шауенбурга, они вспомнили прежнюю борьбу свою съ Французами за свободу. О побѣдахъ, конечно, нельзя было помышлять: 3 мая Французы заняли монастырь Эйнзидель и выслали знаменитую икону Богоматери, какъ добычу, въ Парижъ. 5 мая кантоны Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Гларусъ, Цугъ должны были признать Гельветійскую республику.

Бонапартъ и директорія.

Между тѣмъ, Бонапартъ возвратился въ Парижъ въ декабрѣ 1797 года. Побѣды его поддержали директорію, и онъ присвоилъ себѣ за это право распоряжаться въ Италіи, какъ хотѣлъ. Онъ тогда уже настолько былъ первый между окружающими его, что народная масса въ своей многосторонней нуждѣ предугадывала въ немъ, по вѣрному чутью, будущаго спасителя и встрѣчала его съ восторженнымъ поклоненіемъ. Директорія ревностно поддерживала эти поклоненія, а онъ принималъ ихъ, не высказывая своихъ убѣжденій, плановъ въ будущемъ, молча, по-солдатски, или съ обдуманной скромностью. Бонапартъ цѣнилъ этихъ низкихъ людей по ихъ достоинству, презиралъ ихъ, и пользовался ими. Они, съ своей стороны, скрывали страхъ, который онъ имъ внушалъ. Въ напыщенной рѣчи, переполненной высокопарными словами, Баррасъ упрашивалъ генерала направить свой побѣдоносный мечъ на Англію, до сихъ поръ не побѣжденную, возобновить великое предпріятіе Гоша. Казалось, предпріятіе это должно было осуществиться. Въ западныхъ гаваняхъ закипѣла дѣятельность, средоточіемъ которой былъ Брестъ. Въ февралѣ Бонапартъ самъ объѣхалъ западныя гавани и изучилъ расположеніе ихъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію (возможно, что это убѣжденіе было у него уже давно), что отъ нападенія на самую Англію надо отказаться. Его предпріимчивымъ, дальновиднымъ умомъ овладѣла иная мысль: прочно занявъ Египетъ, угрожать владѣніямъ Англіи въ Индіи. Мысль не новая; она занимала многосторонній умъ нѣмецкаго философа Лейбница, который старался увлечь ею правительство Людовика XIV и надѣялся направить завоевательный духъ этого государя на эту внѣевропейскую страну. Письма французскихъ агентовъ подкрѣпили Бонапарта въ его намѣреніи: оно такъ подходило къ смѣлому полету французскаго пылкаго ума! Можно сказать, это было предпріятіе совершенно въ духѣ старой

Галліи, который въ эпоху революціи удивительнымъ образомъ воскресъ. Самого Бонапарта влекли къ этому совершенно иныя побужденія. Его предыдущіе успѣхи только раздразнили, но нисколько не удовлетворили его жажду власти. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что никто иной, какъ онъ, предназначенъ быть владыкою Франціи. Безграничный эгоизмъ его указывалъ ему на это, какъ на прирожденное, безспорное его право. Это придавало всѣмъ его дѣйствіямъ, даже когда онъ ошибался, ту вѣскую самоувѣренность, которая еще болѣе усиливала его обаяніе и помогала ему подчинять себѣ умы людей. Но обстоятельства еще не были достаточно подготовлены. Онъ говорилъ: «Великой славы завоеватели добиваются на Востокѣ!» У него было врожденное влеченіе ко всему великому, безпредѣльному; это влеченіе должно было въ будущемъ погубить его. При этомъ онъ безпредѣльно вѣрилъ въ свое счастіе, и оно дѣйствительно не обмануло его въ этомъ необыкновенномъ предпріятіи. Другого оно окончательно погубило бы въ мнѣніи народа; его, напротивъ, оно вознесло на высоту величія.

1798 г. Египетская экспедиція.

Въ Египетскомъ походѣ своемъ Бонапартъ дѣйствовалъ, не заботясь нисколько о выгодахъ своей страны; но историки имперіи и французскаго народа останавливаются на немъ съ извѣстнымъ самодовольствомъ и разсказываютъ его подробно. Для болѣе всесторонняго повѣствованія этихъ временъ, это не болѣе, какъ эпизодъ, въ которомъ есть много разнообразныхъ и любопытныхъ сторонъ. Члены конгресса въ Раштадтѣ, прежде офиціальнаго открытія его, посѣтили Бонапарта и затѣмъ углубились въ свою сложную и несомнѣнно трудную задачу; дѣло шло вѣдь о Германской имперіи. Къ этому времени окончены были вооруженія въ южной военной гавани Тулонѣ, и 20,000 избранныхъ войскъ готовились сѣсть на корабли. 20 мая 1798 г. флотъ распустилъ паруса; съ подкрѣпленіями, которыя онъ получилъ въ пути, онъ состоялъ изъ 300 транспортныхъ судовъ, 13 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, подъ командою адмирала Брюэ. Съ нимъ отплыло нѣсколько ученыхъ, естествоиспытателей и археологовъ; этимъ выказали, что время революціоннаго презрѣнія къ наукѣ миновало. Тайна была хорошо соблюдена; съумѣли даже обмануть бдительность англичанъ. Экспедиція направилась къ Востоку и 6 іюня пристала къ скаламъ Мальты, владѣнію знаменитаго ордена. Гроссмейстеръ ордена, баронъ Гомпешъ, былъ не на высотѣ своего положенія. Измѣна и безсиліе предали значительный и укрѣпленный островъ этотъ Французамъ (12 іюня). «Очень кстати»,—сказалъ остроумно генералъ,—«что островъ не пустой, есть кому отворить намъ его укрѣпленія; безъ этого намъ никогда не удалось бы войти въ нихъ». Онъ оставилъ въ Мальтѣ гарнизонъ въ 5,000 человѣкъ, и безъ помѣхи отъ Англичанъ, которые ничего не знали о происходящемъ, флотъ достигъ 1 іюля цѣли своего плаванія, египетскихъ береговъ. Высадились безъ особаго затрудненія вблизи Александріи, и Французы очень легко овладѣли этимъ городомъ.

Положеніе въ Египтѣ.

Трудно было опредѣлить: противъ какого врага были направлены эти войска? Египетъ принадлежалъ султану и составлялъ часть Турецкой имперіи; а съ султаномъ Французская республика, вѣрная старо-французскимъ преданіямъ, жила въ мирѣ и дружбѣ. Большого сопротивленія съ



Побѣда Наполеона надъ Турками при Абукирѣ, 25 іюля 1799 г.

По картинѣ, писанной очевидцемъ, маіоромъ *Ле-Жёнъ*, адъютантомъ принца Нёвшательскаго, гравировалъ *Бовинъ*.

сего стороны не ожидали. Султанъ Селимъ III царствовалъ съ 1789 г. Предшествовавшія войны съ Австріей и Россіей ослабили его имперію. Послѣ мира съ послѣдней (въ Яссахъ) въ 1792 г. онъ старался оживить свое государство преобразованіями и устройствомъ войска по европейскому образцу; но онъ раздражилъ этимъ старо-турецкую партію и всесильную гвардію свою, янычаръ. Онъ съ трудомъ оборонялся отъ янычаръ, бывшихъ подъ начальствомъ мятежнаго сатрапа Пасвана-Оглу, который только что возмутилъ во второй разъ этихъ преторіанцевъ и дѣйствовалъ побѣдоносно. Сверхъ того: самый Египетъ былъ наполовину собственностью султана. Истинными хозяевами страны были рыцари совершенно особеннаго, чисто-восточнаго устройства,—конное войско *мамелюковъ*. Они водворились въ странѣ около 1250 года по Р. Хр., и съ 1517 года признали власть султана Османовъ. Это была аристократія, которая пополнялась и распространялась очень своеобразно — покупкою рабовъ съ Кавказа, своихъ тѣлохранителей. Около 60—70,000 этихъ черкесскихъ воспитанниковъ, которыми они пополняли ряды свои, усиливали численность ихъ войска, состоявшаго изъ 12,000 всадниковъ, съ 24 беями во главѣ. Они распоряжались остальнымъ населеніемъ Египта, состоявшимъ изъ 150,000 приблизительно Египтянъ или Коптовъ, и около 200,000 Арабовъ и Турокъ, и властвовали, какъ такая военная община, безъ всякихъ семейныхъ связей, можетъ властвовать. Бонапартъ геніально перетолковалъ имъ, по-восточному, революціонныя начала. Онъ издалъ воззваніе, въ которомъ объявилъ странѣ, что Французы, истинные мусульмане, друзья султана, которому да исполнитъ Аллахъ всѣ желанія его, ненавистники папы и Мальтійцевъ, этихъ враговъ ислама, прибыли въ Египетъ, чтобы освободить его отъ ига мамелюковъ.

Битва при пирамидахъ.

Два особенно уважаемыхъ мамелюкскихъ бея, Мурадъ и Ибрагимъ, собрали свои войска въ окрестностяхъ Каира. Увлеченіе поэтической стороной предпріятія начало скоро ослабѣвать у Французовъ подъ гнетомъ затрудненій. Измученное зноемъ, жаждою и голодомъ, по песку пустыни, истощенное войско подвигалось къ Нилу и съ восторгомъ увидѣло его. 10-го іюля достигли Раманьэ, одного изъ жалкихъ селеній, видъ котораго отрезвилъ Французовъ. Здѣсь произошло первое столкновеніе, въ которомъ, какъ всегда, дикая храбрость была разбита европейской дисциплиной,—стойкость французской пѣхоты отразила искусныя нападенія конницы мамелюковъ. Затѣмъ, 21-го іюля, при Эмбабеѣ, у подножія пирамидъ, произошло главное сраженіе противъ 1,000 Мамелюковъ, 60,000 Арабовъ и Коптовъ. Тутъ Бонапартъ произнесъ знаменитыя слова, дѣйствительно не лишенныя величія и которыя въ устахъ великаго человѣка были болѣе, чѣмъ цвѣтами краснорѣчія: «Солдаты, съ высоты этихъ памятниковъ сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ!» Съ одной изъ этихъ пирамидъ Ибрагимъ видѣлъ бѣгство своихъ полчищъ и, обративъ коня своего, также произнесъ слова мусульманской покорности: «Аллахъ великъ!» Зато французская военная исторія обогатилась великолѣпнымъ названіемъ «Битва при пирамидахъ». Послѣ этой побѣды, за которую Французы заплатили всего 30 убитыми, населеніе открыло ворота Каира побѣдителю, котораго оно называло султаномъ Кебиромъ, отцомъ огня. Побѣдитель торжественно



Битва при Абукирѣ, 1-го августа 1798 года.
По современной гравюрѣ Фр. Вебера.

вступилъ въ Капръ. 7-го августа при Салегіо одержана была еще одна побѣда, надъ Ибрагимомъ, а 13-го, на обратномъ пути въ Капръ, генералъ получилъ извѣстіе, которое привело бы въ отчаяніе всякаго другого. Флотъ его былъ уничтоженъ, мостъ между его войскомъ и Франціею разрушенъ.

Битва при Абукирѣ.

Адмиралъ Нельсонъ, начальствовавшій надъ англійскимъ флотомъ, ненавидѣлъ Французовъ. Сильные противные вѣтры помѣшали ему выслѣдить выходъ французскаго флота изъ Тулона; онъ напрасно разыскивалъ его потомъ нѣсколько недѣль, но наконецъ отыскалъ. Какъ только онъ, 1-го августа, увидѣлъ французскіе корабли въ заливѣ Абукиръ, подлѣ Александріи, онъ тотчасъ напалъ на нихъ. Онъ замѣтилъ, что французскій адмиралъ Брюэ поставилъ свой флотъ слишкомъ далеко отъ берега. Онъ тотчасъ провелъ нѣсколько своихъ кораблей между берегомъ и французскимъ флотомъ и такимъ образомъ напалъ на него съ двухъ сторонъ. Сигналовъ Брюэ не поняли, или не послушались; онъ самъ былъ убитъ ядромъ. Битва началась въ 7 часовъ вечера; ночь наступила, тогда на французскомъ адмиральскомъ кораблѣ—онъ носилъ громкое названіе «Востокъ» (L'Orient) — вспыхнулъ огонь, и въ 10 часовъ вечера огромный 120-ти пушечный корабль, съ 500 человѣкъ, взлетѣлъ на воздухъ. Ужасное морское сраженіе продолжалось всю ночь. Утромъ 2-го августа, весь французскій флотъ былъ разрушенъ или взятъ въ плѣнъ. Два ли-

нейныхъ корабля и два фрегата — вотъ все, что Вилльнёвъ, преемникъ Брюэ, могъ спасти. Изъ 11,000 человѣкъ погибло до 5,200 человѣкъ.

Французы въ Египтѣ.

Бонапартъ могъ теперь разсчитывать только на свой геній и на мужество войска, которое не измѣнило ему. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вся страна была совершенно завоевана и въ его власти. Отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ Дезэ, оттѣснилъ Мурадъ-бея вверхъ по теченію Нила и очистилъ всю мѣстность до первыхъ пороговъ. Сначала онъ пытался привлечь къ себѣ Египтянъ кротостью и уваженіемъ къ ихъ вѣрованіямъ. Страшное народное возстаніе въ Каирѣ 21-го октября, вспыхнувшее внезапно, какъ бы изъ преисподней, разъяснило ему, каковы эти вѣрованія. Волненіе распространилось по всей странѣ. Бонапартъ поспѣшилъ выказать этому народу силу и свирѣпость свою такъ, какъ Востокъ привыкъ видѣть и понимать ее; а онъ умѣлъ проявлять ихъ такимъ образомъ не хуже восточныхъ тирановъ. Изъ Европы онъ не получалъ никакихъ извѣстій. Тамъ надъ Франціей собирались новыя тучи, готовилась гроза, которая дала бы почувствовать Франціи, что она отправила лучшаго своего полководца и отборныя войска вдаль, на безцѣльное приключеніе.

Конгрессъ въ Раштадтѣ.

Здѣсь, въ Европѣ, болѣе всего занималъ всѣ умы конгрессъ, собравшійся въ Раштадтѣ и который долженъ былъ рѣшить дальнѣйшую судьбу Германской имперіи. Общія дѣла Германіи были не хороши. Два главныя государства, Австрія и Пруссія, и ихъ руководители не довѣряли другъ другу, а государями ихъ были посредственности, и даже менѣе того. Австрійскій императоръ *Францъ II*, на видъ добродушный и чистосердечный, въ дѣйствительности себялюбивый, ограниченный и жестокосердый государь, ввелъ безсмысленное полицейское управленіе и преслѣдовалъ все, что выдавалось изъ уровня обыкновеннаго. Онъ былъ помѣшанъ на величіи своей власти, на безусловномъ исполненіи его воли, какъ всѣ посредственные люди, у которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ своей воли. Не воинственный, робкій, лживый; изъ совѣтниковъ его выдавался баронъ Тугутъ, умнѣе, но по нравственнымъ свойствамъ не лучше своего повелителя. Все искусство его въ управленіи ограничивалось — внутри полиціей и наушничествомъ, внѣ оно не шло далѣе обыкновенной хитрости и искуснаго захвата земель, а въ дипломатіи, когда нужно—въ очень откровенной лжи. Въ Пруссіи, вскорѣ послѣ мира въ Кампо-Форміо, умеръ король *Фридрихъ-Вильгельмъ II* (16-го ноября 1797 г). Одиннадцать лѣтъ его правленія принесли мало пользы Пруссіи. Изъ событій этого времени лучшимъ было обнародованіе въ 1794 г. закона *объ устройствѣ земства*, въ которомъ виденъ еще былъ просвѣщенный духъ восемнадцатаго столѣтія и великаго короля. Впрочемъ, прежнія преданія были покинуты. Вокругъ короля, человѣка чувственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ романтика и богомола, тѣснилась толпа легкомысленныхъ людей, какіе уже не разъ губили Прусское государство, знатные лицемѣры, которые прикрывали свою развращенность наружнымъ благочестіемъ и которыхъ низкопоклонныя духовныя лица защищали своимъ витійствомъ. Черезъ два года послѣ смерти Фридриха Великаго (іюль 1788 г.), изданъ былъ духовный эдиктъ министра Вёльнера, который, прикрываясь множествомъ елейныхъ словъ, рѣшительно выступалъ противъ развитія на-

рода и защищалъ неприкосновенность авторитета такъ-называемыхъ символическихъ книгъ Церкви. Государственныя владѣнія увеличились значительно присоединеніемъ добычи польской; но внутренняя сила его, покоившаяся на надежномъ, неподкупномъ, прямодушномъ и свободомыслящемъ чиновничествѣ, ослабѣла. Примѣръ высшаго общества подѣйствовалъ на низшее, какъ это всегда случается въ Пруссіи, въ хорошую и дурную сторону. *Фридрихъ-Вильгельмъ III* (1797—1840), старшій сынъ Фридриха-Вильгельма II, теперь молодой человѣкъ 27 лѣтъ, подавалъ надежды на лучшее будущее. Человѣкъ нравственный, добросовѣстный, честный, но въ то же время нелюдимый и застѣнчивый, онъ недостаточно былъ подготовленъ къ своему королевскому назначенію. Онъ не любилъ рѣшительныя мѣры и потому самому не годился для этого времени, когда въ борьбѣ съ дерзкимъ насиліемъ и утонченнымъ лукавствомъ необходима была твердая мужественная воля и та особая мудрость, которою честный человѣкъ одолѣваетъ хитреца.

Образованіе 2-й коалиціи.

Переговоры въ Раштадтѣ не привели ни къ чему. Имперія прислала депутацію, которой поручено было вести переговоры съ французскими повѣренными. Положеніе этихъ послѣднихъ съ самаго начала было много выгоднѣе, такъ какъ въ переговорахъ неизбѣжно выказывались неуклюжесть, разрозненность и соперничество дряхлаго тѣла, которое называли Римской имперіей. На ихъ сторонѣ была сверхъ того та выгода, что при взаимномъ недовѣріи обоихъ великихъ государствъ, они могли втайнѣ составлять съ Австріей заговоръ противъ Пруссіи, а съ Пруссіей противъ Австріи. Мелкія государства поняли, что дѣло идетъ вовсе не о цѣлости имперіи, какъ увѣряло беззастѣнчиво имперское правительство относительно тайныхъ статей мирнаго договора въ Кампо-Форміо, что, напротивъ, предположено отказаться отъ всѣхъ земель на лѣвомъ берегу Рейна, а это составляло почти десятую часть ея владѣній и ея населенія, 1,200 квадратныхъ миль съ 4 милліонами душъ, и что на вознагражденіе за это рѣшено употребить земли духовенства. Французскіе повѣренные и властители въ Парижѣ были тогда окружены искательствами испуганныхъ и жадныхъ владѣтелей и князей. Для нихъ, для ихъ лакеевъ и поваровъ наступило хорошее время. Австрійскіе государственные сановники убѣждались между тѣмъ болѣе и болѣе, что того вознагражденія, какое они особенно желали—Зальцбургъ и кусокъ Баваріи, согласно 5 статьѣ мира при Кампо-Форміо—они не получатъ, и что они ничего не достигли угодливостью, которую оказали Французамъ, дозволивъ имъ еще въ декабрѣ занять Майнцъ и всю страну, о передачѣ которой велись переговоры. Все показывало, что съ Французами добромъ ничего не добьешься; прежде всего событія въ Италіи и Швейцаріи, непрерывныя насилія и грабежи; затѣмъ происшествіе 13-го апрѣля въ самой Вѣнѣ, гдѣ посланникъ Французской республики Бернадоттъ, своимъ дерзкимъ поведеніемъ, открыто раздражилъ толпу и вызвалъ тѣмъ оскорбленіе ею французскаго флага; затѣмъ онъ такъ же рѣзко потребовалъ свои паспорты, несмотря на предложенное и даже данное ему удовлетвореніе. Вслѣдствіе всего этого рѣшились составить *новую коалицію*. Прежде всего заключили тайный договоръ съ Неаполемъ. Жалкій король его Фер-



Фридрихъ-Вильгельмъ III.
По портрету, писанному въ 1798 г. Плецомъ и ф.-Горнеманъ, гравированъ Мэпо Гаасомъ.

динандъ IV находился вполнѣ подъ вліяніемъ жены своей Маріи-Каролины, родной сестры казненной французской королевы; а она была въ большой дружбѣ съ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ и пріятельницей его, лэди Гамильтонъ, женщиной очень двусмысленной нравственности. Дѣлу помогло надменное требованіе новой Римской республики. Основываясь на томъ, что Неаполь состоялъ вассаломъ бывшаго папскаго владѣнія, теперь же владѣнія эти обращены въ Римскую республику и къ ней конечно перешли всѣ права папы, республика требовала у Неаполя уплаты ей вассальной дани. Можно себѣ представить, какъ побѣда, одержанная при Абукирѣ прославленнымъ теперь адмираломъ, воспламенила ненависть къ Французамъ у обоихъ; у королевы и у адмирала ненависть эта дохо-

дила до безумія. Притомъ они предвидѣли и знали, что вскорѣ должна начаться опять общая война.

Война. Неаполь.

Первый ударъ нанесъ Неаполь въ ноябрѣ 1798 г. Неаполитанское войско, къ которому Австрія приставила Карла Мака, въ качествѣ экзерцирмейстера и главнокомандующаго, вступило въ предѣлы Римской республики. Сначала Французы должны были уступить имъ, потому что силы Неаполитанцевъ, 60,000 человѣкъ, были больше; 29-го король Фердинандъ IV вступилъ въ Римъ во главѣ своего войска. Впереди войска несли Распятіе, войско оглашало воздухъ криками: «evviva Maria!» и тотчасъ выказало настоящее свое призваніе—стало грабить городъ. Фердинандъ обнародовалъ прокламацію, въ которой говорилось, что короли проснулись; къ сожалѣнію, на дѣлѣ этого еще не оказалось. Французы занимали укрѣпленіе Св. Ангела и очень выгодныя позиціи въ странѣ. Печальное устройство неаполитанскаго войска, способнаго только грабить, дало Французамъ возможность вскорѣ опять перейти къ наступленію. Генералъ Шампіонне подступилъ къ Риму. Король, трусъ изъ трусовъ, такъ же какъ самый жестокій изъ жестокосердыхъ, поспѣшилъ возвратиться въ Неаполь. Онъ призвалъ народъ къ общему ополченію, и дѣйствительно Французамъ пришлось возиться теперь съ опасными шайками разбойниковъ и негодяевъ—старинный способъ веденія войны въ этой странѣ. Испуганный волненіемъ, которое онъ самъ вызвалъ, Фердинандъ предоставилъ Неаполь анархіи, нагрузилъ казну и драгоцѣнности изъ дворцовъ и музеевъ на корабли, отправилъ ихъ подъ охраной англійскаго флота въ Сицилію, а 21 декабря и самъ перебрался туда, для большей безопасности. Генералъ Макъ покинулъ позицію при Капуѣ и просилъ у Французовъ перемирія. Городъ Неаполь былъ въ распоряженіи лаццарони, и когда Французы снова подступили къ Неаполю, лаццарони храбро защищали его. Лаццарони сражались съ осаждающими въ самомъ городѣ; они всѣхъ осаждающихъ ненавидѣли, какъ республиканцевъ; 21 января 1799 г. Шампіонне взялъ городъ приступомъ, но сраженіе продолжалось на улицахъ еще 23-го, пока разъяренная чернь не была наконецъ усмирена, и тогда только Шампіонне могъ провозгласить здѣсь устройство новой республики, съ классическимъ названіемъ *Парѳенопейской*.

Парѳенопейская республика.

Ту самую судьбу, которую здѣсь Неаполитанскій король самъ подготовилъ себѣ, Французы принудили въ то же время (декабрь 1798 г.) королю Сардиніи Карлу-Эммануилу. Этого можно было обвинить только въ одномъ: что онъ слишкомъ добросовѣстно исполнялъ договоръ съ Французами и слишкомъ осторожно протестовалъ, когда Французы безпрерывно нарушали его. Они же ставили ему въ вину, что онъ еще существуетъ, что онъ король. Чтобы избѣжать худшаго, онъ въ темную ночь покинулъ дворецъ отцовъ своихъ. Этотъ черезчуръ добросовѣстный человѣкъ оставилъ тамъ всѣ государственные брильянты, серебро и 700 тыс. лиръ въ добычу ворамъ, которые тотчасъ поселились во дворцѣ. Онъ бѣжалъ на островъ Сардинію и оттуда опротестовалъ актъ отреченія, который его силою заставили подписать; страна же осталась въ распоряженіи Французовъ, въ ожиданіи объявленія войны, которую ожидали

Цѣлое лѣто 1798 г. правительства вели переговоры о новомъ союзѣ

для усмиренія дерзости Французовъ; она дѣйствительно превысила всякія границы. Ядромъ этого новаго союза была конечно Англія, которая теперь не хотѣла слышать о мирѣ, послѣ того, какъ директорія рѣзко отклонила, въ октябрѣ 1796 г., выгодныя предложенія мира, сдѣланныя въ Парижѣ лордомъ Малмесбюри. Директорія желала войны, хотя думала при этомъ о выгодахъ якобинской партіи, но не Франціи. Противникамъ Франціи, въ это время, предлагалъ свои услуги новый союзникъ — Россія, союзникъ ревностный, не своекорыстный, выступавшій явно.

Россія. Павелъ I.

9 ноября 1796 г. Екатерина II скончалась, среди весьма дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей, и на престолъ вступилъ законный ея наслѣдникъ, царь *Павелъ I, Петровичъ*. При жизни матери своей, не особенно къ нему благоволившей, онъ постоянно держался вдали отъ Двора Екатерины. Большую часть года онъ проводилъ въ своей лѣтней загородной резиденціи, въ Гатчинѣ или въ Павловскѣ (близъ Царскаго-Села). Въ этомъ уединеніи, около цесаревича Павла Петровича и его замѣчательно-умной супруги, цесаревны Маріи Ѳеодоровны, держался небольшой, тѣсный кружокъ преданныхъ цесаревичу людей, которые и составляли отдѣльный отъ Петербургскаго, Гатчинскій Дворъ. Не призываемый къ участію въ дѣлахъ государственныхъ, цесаревичъ исключительно занимался воспитаніемъ своего большого семейства и военнымъ упражненіемъ тѣхъ полковъ, которые состояли подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Отличительною чертою характера императора Павла, чрезвычайно благороднаго, прямодушнаго и слишкомъ пылкаго, было именно то, что онъ постоянно дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, и болѣе по влеченію сердца, чѣмъ по разсужденію и расчету. Поэтому и нельзя удивляться тому, что, вступая на престолъ по смерти своей великой матери, съ которой онъ постоянно былъ въ отношеніяхъ далекихъ и холодныхъ—онъ прежде всего захотѣлъ отступить отъ замысловъ Екатерины и ея способа дѣйствій, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ европейскимъ державамъ. Такимъ образомъ первою заботою новаго императора, по вступленіи его на престолъ, было прекращеніе всякихъ приготовленій къ войнѣ съ Франціею. Въ его манифестѣ было заявлено, что «хотя онъ и чувствуетъ нужду противиться неистовой Французской республикѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ необходимость умиротворенія отечества, послѣ непрерывныхъ 40-лѣтнихъ войнъ.

Это миролюбивое настроеніе отчасти послужило поводомъ къ опалѣ, которой подвергся *Суворовъ*. Благоговѣя передъ памятью Екатерины и ея дѣяніями, Суворовъ явился весьма прямодушнымъ выразителемъ того недовольства, которое вызвано было въ арміи прекращеніемъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей, и, не стѣсняясь, смѣялся надъ нѣкоторыми нововведеніями въ обмундированіи войска (по прусскому образцу). Когда императоръ узналъ объ этомъ, то приказалъ Суворову немедленно выѣхать изъ столицы и жить безвыѣздно въ его маленькомъ новгородскомъ помѣстьѣ, гдѣ великій полководецъ и провелъ два года въ полномъ уединеніи. Онъ часто проявлялъ при этомъ самыя благородныя чувства; такъ напримѣръ, онъ даровалъ самымъ почетнымъ образомъ свободу Кос-

цюшкѣ, который предводительствовалъ польскими войсками во время возмущенія. Это была натура, у которой всякое увлеченіе достигало крайнихъ предѣловъ. Такъ, теперь онъ питалъ безграничную ненависть ко всему революціонному и французскому, и готовъ былъ наказывать строгими взысканіями за ношеніе круглыхъ шляпъ, короткую стрижку волосъ на головѣ, за длинные панталоны и прочія невинныя проявленія новаго духа. Онъ читалъ въ юности исторію Малтійскаго ордена, сочиненную Вертотомъ, и увлекся этимъ романтическимъ обществомъ, которое теперь такъ безславно окончило свое существованіе. Это усилило его нерасположеніе къ Французамъ; онъ сердился, что они и ихъ ненавистный полководецъ коснулись и этой почтенной старины. Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ; войска республики одерживали побѣду за побѣдой, быстро захватывали обширныя области и подчиняли ихъ республиканскому общественному строю. На Сѣверѣ были присоединены къ французскимъ владѣніямъ Нидерланды; на Югѣ — въ Италіи — Франція захватила всю Ломбардію; на Средиземномъ морѣ — Іоническіе острова. Въ то же время Франція продолжала войну съ Англіей и перенесла ее въ Египетъ и Сирію, гдѣ ея войсками начальствовалъ генералъ Бонапартъ, который, своими побѣдами въ Египтѣ, встревожилъ и Англію, и Турцію. Вслѣдствіе всего этого и Австрія, и Англія, и Турція — обратились къ Россіи, приглашая императора Павла вступить съ ними въ *коалицію* противъ общаго врага.

Поводы къ войнѣ между Россіей и Франціей.

Императоръ Павелъ, при всемъ своемъ миролюбіи, не могъ отказать въ покровительствѣ и помощи тѣмъ изгнанникамъ изъ Франціи, которые просили у него убѣжища. Эта помощь и покровительство, оказанные эмигрантамъ и несчастному принцу Людовику XVIII (впослѣдствіи возведенному на французскій престолъ) — возбудили во Франціи непріязнь противъ Россіи. Французы не скрывали ее и даже старались выказать при удобномъ случаѣ; но окончательнымъ поводомъ къ разрыву Россіи съ Франціей послужило слѣдующее обстоятельство. Бонапартъ, лѣтомъ 1798 г., по пути въ Египетъ, занялъ о. Мальту, издавна принадлежавшій мальтійскимъ рыцарямъ, а между тѣмъ этотъ орденъ уже съ 1797 г. состоялъ подъ покровительствомъ императора Павла I, къ которому рыцари обратились съ жалобами и просьбою о защитѣ своихъ правъ. Императоръ Павелъ былъ возмущенъ этимъ захватомъ и, съ обычною своею пылкостью, тотчасъ рѣшился дѣйствовать. Въ октябрѣ онъ принялъ званіе гроссмейстера Мальтійскаго ордена, предложенное ему бѣжавшими рыцарями этого ордена, и заключилъ одинъ за другимъ союзы съ Неаполемъ (29 ноября), съ Портою (23 декабря) и съ Англіею (29 декабря 1798 г.). Австрія рѣшилась также объявить войну, такъ какъ она наконецъ убѣдилась, что Французы вовсе не расположены удовлетворить ея желанія относительно Германіи. Переговоры въ Раштадтѣ не привели ни къ чему; точно такъ же, какъ и въ Зельцѣ, гдѣ Австрія вела отдѣльные переговоры съ Франціей. Поэтому Австрія вступила въ союзъ съ Россіей; но Пруссію не удалось увлечь въ коалицію. Обѣ стороны старались заманить ее, но король рѣшилъ покуда остаться вѣрнымъ нейтралитету. Вступить въ союзъ съ Французами онъ тоже не могъ; они въ Раштадтѣ



Императоръ Павелъ I.

По оригиналу художника Паули, гравировалъ Игнацій Себастьянъ Клауберъ.

уже достаточно ясно показали, чего Германія можетъ ожидать отъ нихъ. Съ другой стороны, нисколько не довѣряли Австріи, или, по крайней мѣрѣ, не достаточно вѣрили Австріи и ея министру Тугуту, который теперь опять имѣлъ большое вліяніе на управленіе и не отказался ни отъ одного изъ своихъ проэктовъ.

1799 г. 2-я коалиціонная война.

Русская вспомогательная армія уже была на пути. Французская нота 2 января 1799 г. требовала, чтобы Австрія остановила движеніе этой арміи. 27 января Французы заставили гарнизонъ очистить Эренбрейтштейнъ, на правомъ берегу Рейна, а это было уже военное дѣйствіе. 15 января Австрія отказалась исполнить требованіе Французовъ, а 1 марта Франція объявила ей войну извѣстіемъ, что французскія войска перешли за Рейнъ.

Въ этой второй союзной войнѣ (1799—1801) главныя военныя дѣйствія происходили въ Южной Германіи, въ Швейцаріи и Голландіи, а англо-турецко-французская война велась въ Египтѣ и Сиріи. Первыя свои побѣды Французы одержали въ предѣлахъ Гельветійской республики; они разбили здѣсь при Граубюнденѣ Австрійцевъ, которыми командовалъ фельдмаршалъ Готце. Зато въ Верхней Швабіи, между Дунаемъ и Боденскимъ озеромъ, эрцгерцогъ Карлъ счастливо воевалъ съ дунайской арміей Французовъ. Онъ разбилъ 25 марта Журдана при Штокахѣ; 23 марта Массена съ гельветійской арміей былъ отбитъ съ большимъ урономъ отъ Фельдкирха.

Убійство пословъ въ Раштадтѣ.

Переговоры въ Раштадтѣ, которые много мѣсяцевъ не двигались впередъ, окончились наконецъ. Конецъ этотъ ознаменовался кровавымъ преступленіемъ; цѣль и виновники его долгое время были неизвѣстны; впрочемъ, и теперь еще нельзя сказать объ этомъ ничего положительнаго. Глава императорскаго правительства не признавалъ уже конгресса, и австрійскія войска заняли уже окрестности и мѣстопребываніе конгресса. Французскіе повѣренные медлили отъѣздомъ; австрійскій полковникъ Барбаци, наконецъ, на словахъ только увѣрилъ ихъ, что они въ теченіе еще 24 часовъ могутъ выѣхать безопасно. Они собрались въ путь 28 апрѣля, и дѣйствительно въ ночь 28-го восемь экипажей выѣхали изъ города. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города поѣздъ былъ остановленъ гусарами; двое изъ повѣренныхъ, Робержо и Боннье, зарублены саблями, третій, Дебрю, успѣлъ спастись. Экипажи были послѣ убійства разграблены, вещи повыброшены. Австрійское правительство разслѣдовало это событіе очень поверхностно и вскорѣ совершенно предало его забвенію, но исторія разобрала его внимательно и съ точностью доказала, что австрійское правительство, Тугутъ и графъ Лербахъ (онъ былъ на конгрессѣ повѣреннымъ со стороны Австріи и находился тогда въ главной квартирѣ эрцгерцога Карла), надѣялись захватить важные документы—разграблены были въ посольскихъ экипажахъ одни документы. Исторія не опредѣлила только: кого надо обвинить въ убійствѣ? сдѣлано-ли оно случайно низшими исполнителями? совершено-ли оно изъ недостойной жажды мести? или же—люди, въ родѣ Тугута и Лербаха, способные на все—надѣялись подобнымъ кровавымъ преступленіемъ въ якобинскомъ родѣ навѣки разссорить Францію съ союзомъ монархическихъ законныхъ правительствъ.

Суворовъ. Успѣхи въ Италіи.

Между тѣмъ, начались военныя дѣйствія и въ Италіи. Въ Сѣверной Германіи Французы отступили, слабо преслѣдуемые за Рейномъ; и тутъ, и въ Италіи союзники одержали нѣсколько успѣховъ. Еще прежде прибытія русскихъ вспомогательныхъ войскъ, Австрійцы, подъ начальствомъ Края, разбили при Маньяно, на югъ отъ Вероны (5 апрѣля), Французовъ подъ начальствомъ малоспособнаго Шерера. Въ половинѣ апрѣля явился русскій вспомогательный корпусъ. Во главѣ его сталъ такой военачальникъ, какъ фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, который былъ вызванъ императоромъ Павломъ изъ новгородскаго уединенія, осыпанъ милостями и отправленъ главнокомандующимъ въ Италію, такъ какъ императоръ Австрійскій умолялъ Павла—прислать именно Суворова. Онъ оживилъ своимъ геніемъ и военнымъ пыломъ австрійскую методическую тактику пораженій. Онъ родился въ 1729 г., ему было уже семьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ въ полной силѣ; подъ наружнымъ чудачествомъ онъ скрывалъ проницательный, ясный умъ, какъ въ отношеніи военнаго дѣла, такъ и въ политикѣ, и геніальный стратегическій взглядъ. Его чудачества, рѣзкость и его простосердечіе, свойственное каждому русскому простолюдину, были искусственны; это была маска, подъ которой онъ чувствовалъ себя болѣе свободнымъ. Онъ оживилъ военныя дѣйствія двойной силой, въ которой онѣ очень нуждались. Своекорыстнымъ тайнымъ намѣреніямъ, стремленію завладѣть новыми областями, требованіямъ вознагражденія и обезпеченія,



Графъ Суворовъ-Рымникскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ.
По портрету Іос. Крёйцингера, писанному въ 1799 году.

которыми руководились въ Вѣнѣ, онъ прежде всего противопоставилъ силу своего политико-религіознаго убѣжденія. Для него эта война была война за вѣру; онъ былъ убѣжденъ, что сражается за Божье дѣло! Затѣмъ онъ показалъ силу свѣжаго, убѣжденнаго воина, который прежде всего ищетъ непріятеля и побѣду; а всего этого недоставало австрійскимъ полководцамъ, по крайней мѣрѣ, во время настоящаго похода. Его военный взглядъ выражался въ двухъ словахъ: «сражайся холоднымъ оружіемъ и не мѣшкай!» Онъ самъ дѣйствовалъ повсюду быстро и требовалъ того же отъ другихъ, тогда какъ Австрійцы предпочитали рекогносцировки и осады. «Кто хочетъ найти непріятеля, найдетъ его вездѣ!» Союзное войско выступило 19 апрѣля, а 29-го Суворовъ занялъ Миланъ. Французы отступили за Тичино; 27 мая союзники овладѣли Туриномъ. Военныя неудачи Французовъ отразились и на политическомъ ихъ положеніи, и все созданное ими рухнуло. Моро, замѣнившій Шерера, какъ главнокомандующій, надѣялся на помощь Макдональда, спѣшившаго съ юга черезъ Неаполь и Римъ; но Суворовъ разбилъ его въ трехдневномъ упорномъ сраженіи, 17—20 іюня, при *Требіи*. Послѣдствіемъ отступленія Французовъ было паденіе Парѳенопейской республики. Республиканско-французская партія, сравнительно съ бурбонско-папскою, составляла въ дѣйствительности самую значительную часть населенія; но противуцерковная рѣзкость Французовъ, ихъ грабительство и жестокость оскорбляли чувства толпы. Вся Италія была раздражена противъ чужеземныхъ освободителей.

Кровавыя сцены въ Неаполѣ.

Кардиналъ Руффо сталъ, по уполномочію короля, собирать войско для охраны Церкви; онъ не былъ разборчивъ! Между вождями было нѣсколько извѣстныхъ начальниковъ разбойничьихъ шаекъ: Михаилъ Пацца, котораго народъ прозвалъ «Фра-Дьяволомъ», и еще нѣкій Маммонъ, дѣятельность котораго смѣло могла выдержать сравненіе съ ужаснѣйшими дѣятелями якобинскаго терроризма, Россиньолемъ или Каррьеромъ. Поддерживаемая русско-турецко-англійскимъ отрядомъ, высадившимся недавно, эта армія двинулась на Неаполь. Внутри возстали сочувствовавшіе ей элементы, испытанные друзья престола и алтаря, лаццарони; 14 іюня Руффо занялъ городъ, и положеніе республиканцевъ сдѣлалось опасно. Цитадель была однако еще въ ихъ рукахъ, а потому они заключили 23-го числа капитуляцію, по которой республиканцамъ предоставлялось переѣхать на нейтральныхъ судахъ во Францію, или же оставаться на родинѣ подъ охраною амнистіи, конечно очень ненадежной въ этой странѣ, при этомъ правительствѣ и среди этого населенія. Капитуляція была подписана начальниками русскихъ и турецкихъ войскъ и англійскимъ командоромъ Фордомъ. Посадка переселенцевъ на суда началась, но явился Нельсонъ со своимъ флотомъ (10 іюля) и объявилъ капитуляцію недѣйствительною. Напрасно возражали лица, подписавшія капитуляцію, считавшія, что они обезпечили исполненіе ея своимъ честнымъ словомъ. Въ дѣло вмѣшался самъ король, и работа убійства началась: кровожадныя руки давно уже были готовы къ ней. Жертвы считались тысячами; весь морской берегъ былъ уставленъ висѣлицами; вѣшали даже на реяхъ англійскихъ военныхъ судовъ. Прежнія заслуги, преклонный возрастъ, высокое общественное положеніе—ничто не спасало. Князь Караччіоли, нѣкогда

другъ короля, напрасно просилъ, чтобы его разстрѣляли: его, бывшаго адмирала, повѣсили на мачтѣ неаполитанскаго корабля. Французовъ отпустили на волю; но надъ плѣнными неаполитанцами раздраженный непріятель излилъ месть свою.

Верхняя Италія. Сраженіе при Нови.

Въ Верхней Италіи вѣнскій гофкригсратъ своей глупостью и своими интригами отравилъ и испортилъ русскому фельдмаршалу блестящіе успѣхи его побѣдъ; гофкригсратъ состоялъ подъ вліяніемъ упрямаго министра Тугута. Русскій фельдмаршалъ не могъ сдѣлать нападенія на Французовъ, которые удерживались еще въ Ривьерѣ; между тѣмъ, послѣ паденія Мантуи и Алессандріи у нихъ не оставалось болѣе оплота въ Верхней Италіи. Директорія прислала войску подкрѣпленія и новаго полководца Жубера, на мѣсто Моро. На югъ отъ Тортоны, сѣвернѣе Генуи, при *Нови*, они сразились, 15 августа, съ Суворовымъ; силы обоихъ были довольно одинаковы, по 35,000 человѣкъ у каждаго. Сраженіе продолжалось 16 часовъ; битву рѣшилъ австрійскій генералъ Меласъ, который, въ полдень 15-го, нанесъ послѣдній ударъ четырнадцатью тысячами свѣжихъ войскъ. Французы потеряли третью часть своего войска и 37 пушекъ. Жуберъ, полководецъ, отъ котораго они ожидали столь многаго, палъ въ битвѣ. Здѣсь, въ Италіи, счастье не измѣняло австрійцамъ и ихъ союзникамъ до конца года. Въ концѣ сентября пала и Римская республика, а папскій престолъ былъ возстановленъ. Событіе это совершилось, по странному стеченію обстоятельствъ, при помощи русско-турецкаго отряда, который на англійскихъ корабляхъ высадился въ Апуліи. Папа Пій VI умеръ въ Валенсіи въ августѣ 1799 г., а въ маѣ слѣдущаго выбрали нѣкоего Кіарамонти, Пія VII.

Битва при Цюрихѣ. Отступленіе русскихъ.

Къ сожалѣнію, этими крупными успѣхами не съумѣли воспользоваться для полной побѣды и выгоды ихъ были даже большею частью потеряны, по крайней мѣрѣ, на сѣверномъ театрѣ войны, за Альпами. Въ Голландіи Англичане и Русскіе высадились въ половинѣ сентября, подъ начальствомъ герцога Іоркскаго. Но походъ этотъ былъ неудаченъ, онъ кончился 19 октября постыдной капитуляціей. Для Англичанъ война эта была однако очень выгодна, такъ какъ они захватили колоніи новой Батавской республики, а нидерландскій флотъ передался имъ и поднялъ оранскій флагъ. Положеніе дѣлъ коалиціи совершенно измѣнилось, благодаря лживому образу дѣйствій Вѣны. Въ основаніи ея дѣйствій былъ положенъ черезчуръ недальновидный замыселъ,—такова была вся современная политика Австріи,—выжить Русскихъ изъ Италіи, чтобы воспользоваться самимъ вполнѣ плодами настоящаго выгоднаго положенія дѣлъ. Политикующіе стратеги придумали въ Вѣнѣ совершенно новый планъ военныхъ дѣйствій. Эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ двинуться къ Рейну, гдѣ ожидали тогда дальнѣйшихъ чудесъ отъ одновременнаго нападенія англо-русскихъ войскъ на Батавскую республику. Суворову было приказано перейти въ Швейцарію и тамъ соединиться со второй русской вспомогательной арміей, Корсакова, которая должна была придти въ половинѣ августа въ Шафгаузенъ. Такая неожиданная перемѣна въ планѣ военныхъ дѣйствій поставила Суворова въ большое затрудненіе, такъ какъ ему предстояло совершить трудный переходъ черезъ Альпы, въ началѣ осени, въ самое неудобное время. Кромѣ того, изъ трехъ путей черезъ Альпы, Суворовъ

былъ вынужденъ избрать самый трудный—путь черезъ гору С.-Готардъ, такъ какъ на другихъ путяхъ важнѣйшіе проходы были уже заняты Французами.

И вотъ въ началѣ сентября 1799 году, при ненастной и туманной погодѣ, Русскіе двинулись черезъ Альпы. На вершинѣ С.-Готарда Французы загородили Русскимъ дорогу; но Суворовъ послалъ Багратіона въ обходъ ихъ позиціи — и Французы должны были уступить поле битвы. Весь переходъ черезъ Готардъ, по дикой долинѣ Рейса, по Чортову мосту, Вальдштетскому озеру, по долинѣ Муотты, — это нѣчто подобное подвигамъ древнихъ витязей и переполнено самыми романтическими ужасами. Войско двигалось и сражалось по тропинкамъ, на которыхъ ни до того, ни послѣ никто никогда не воевалъ; оно шло среди пустынныхъ каменныхъ скалъ и ледяныхъ горъ (на нихъ не было тогда даже слѣдовъ теперешнихъ любознательныхъ путешественниковъ), при нечеловѣческихъ усиліяхъ и лишеніяхъ, которыя стоили Суворову почти 2,000 воиновъ. Это возможно только такому полководцу, какъ Суворовъ, и такому солдату, какъ русскій. Достигнувъ Муотенской долины, Суворовъ получилъ страшную вѣсть о томъ, что Корсаковъ разбитъ Массеной при Цюрихѣ и вынужденъ къ отступленію, а всѣ выходы изъ Муотенской долины заняты 70,000 французской арміей. У Суворова же было только 18,000 войска, безъ артиллеріи, безъ боевыхъ припасовъ; солдаты были изнурены, босы и нуждались въ самомъ необходимомъ. Французы были до такой степени увѣрены въ громадномъ превосходствѣ своихъ силъ, что считали нападеніе со стороны Суворова невозможнымъ. Поэтому, когда русскій генералъ Розенбергъ ударилъ на Французовъ со стороны Муотенской долины, онъ засталъ ихъ врасплохъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе, а между тѣмъ Суворовъ, съ главными силами, оттѣснилъ Французовъ съ другой стороны и пробился къ Гларису; 26 сентября русское войско вышло наконецъ изъ горъ, перешло на земли дружественной Баваріи и отодвинулось за Лехъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Павелъ, разгнѣванный непріязненными дѣйствіями Австріи, порвалъ союзъ съ нею и приказалъ своимъ войскамъ возвратиться въ Россію. Суворовъ простился со своими сподвижниками въ Краковѣ и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и скончался (6 мая 1800 г.).

Несмотря на сентябрьскія неудачи, можно было еще продолжать войну спокойно и съ надеждой на успѣхъ, такъ какъ имѣлся въ виду новый союзникъ въ лицѣ государства, до сихъ поръ игравшаго въ событіяхъ очень жалкую роль. Новый курфюрстъ Баваріи, первый изъ линіи Цвейбрюкеновъ, Максъ-Эммануэль, которому, казалось, не изъ-за чего было питать дружескія чувства къ Австріи, обязался однако (1 октября, въ Гатчинѣ) всѣми силами своего государства помогать *правому* дѣлу. Онъ рѣшился на это преимущественно оттого, что и правительство директоріи, стоявшее во главѣ враждебной республики, со своей стороны, въ теченіе этого года, дало достаточно доказательствъ своей полной неспособности.

Возвращеніе Бонапарта.

Но тутъ именно совершилось событіе, которое въ октябрѣ мѣсяцѣ дало дѣламъ рѣшительный оборотъ. Генералъ Бонапартъ возвратился въ Европу. 9 октября 1799 года онъ высадился въ Фрежюсѣ.

События въ Египтѣ.

Прослѣдимъ вкратцѣ событія знаменитой, но вмѣстѣ и неудачной египетской экспедиціи; издали она казалась гораздо прекраснѣе, чѣмъ была въ дѣйствительности. Положеніе войска сдѣлалось очень опаснымъ послѣ того, какъ погибъ флотъ. Султанъ не пожелалъ понять той огромной пользы, которую, какъ увѣряли его, Французы доставили ему, уничтоживъ мамелюковъ. Побуждаемый Англіей и Россіей, онъ объявилъ 1 сентября войну Франціи. Бонапартъ рѣшился изъ затруднительнаго положенія своего извлечь возможныя выгоды и сталъ устраиваться въ Египтѣ, какъ у себя, по-хозяйски. Естественныя богатства страны и счастливый, уживчивый нравъ Французовъ много помогли ему. Нѣкоторые Французы такъ освоились съ требованіемъ Бонапарта примѣняться къ обычаямъ мѣстнымъ (онъ подавалъ примѣръ тому и самъ), что совершенно перешли въ исламъ, какъ Мену—Абдалла Мену. Но опасность грозила съ трехъ сторонъ: извнутри, гдѣ возстаніе въ Каирѣ было только на время подавлено; съ сѣвера, гдѣ опасались высадки Англичанъ; изъ Сиріи, гдѣ паша Ахметъ-Джеццаръ собиралъ войско. Противъ послѣдняго Бонапартъ, по обыкновенію, выступилъ самъ. Пока Дезэ въ Сѣверномъ Египтѣ удерживалъ остатки мамелюкскаго войска Мурада-бея, Бонапартъ, въ февралѣ 1799 года, шелъ въ Сирію. Пограничная крѣпость Эль-Аришъ сдалась 20 февраля. Въ Яффѣ, послѣ взятія ея, казнили 2,000 плѣнныхъ; вѣроятно потому, что между ними оказались уже капитулировавшіе въ Эль-Аришѣ. Опять дрогнули Святыя Мѣста и берега Іордана, отъ грома оружія Франковъ, какъ во времена крестоносцевъ. У этихъ новыхъ Франковъ было, впрочемъ, мало общаго съ крестоносцами; предводитель ихъ увѣрялъ магометанъ, что онъ ихъ другъ, такъ какъ онъ прогналъ съ престола папу и уничтожилъ Церковь. Приступъ къ С.-Жанъ-Дакръ не удался. Турки оказали на стѣнахъ его то же упорное сопротивленіе, съ какимъ они и въ наши времена защищаютъ свои крѣпости. Ихъ воодушевляли англичанинъ Сидней Смитъ и французскій роялистъ Филиппо. Побѣды въ открытомъ полѣ приносили мало пользы. Положеніе въ Египтѣ становилось опаснымъ, несмотря на побѣды Дезэ на берегахъ Верхняго Нила, гдѣ онъ проникъ до чудесныхъ построекъ древнихъ временъ. Ученые, сопровождавшіе войска, привезли оттуда свѣдѣнія, которыя исслужили началомъ къ цѣлому ряду историческихъ изслѣдованій. Во французскомъ лагерѣ показался обычный союзникъ варваровъ—чума, отъ которой стали умирать. Послѣ сраженія при горѣ Оаворѣ, въ которомъ Бонапартъ разбилъ Дамасскаго пашу, онъ возвратился въ Египетъ и вступилъ опять 14 іюня въ Каиръ. Турецкая армія, въ 18,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Румелійскаго паши, высадилась въ Александріи. Бонапартъ напалъ на нее и уничтожилъ ее 25 іюля при Абукирѣ. При переговорахъ о размѣнѣ плѣнныхъ, командоръ Сидней Смитъ далъ ему пачку газетъ. Англичанинъ оказалъ этимъ плохую услугу коалиціи; для нея выгоднѣе всего было, чтобы Бонапартъ оставался въ Египтѣ. Между тѣмъ изъ этихъ газетъ Бонапартъ узналъ, что его часъ уже ударилъ во Франціи. Его великіе восточные планы, надежды сдѣлаться новымъ Александромъ — не осуществились и были съ самаго начала несбыточны. Онъ мечталъ, между прочимъ, соединиться съ сыномъ Гидеръ-Али, Типпо-Санбомъ, Мизорскимъ княземъ въ Индіи;

съ 1797 года французъ Рибо старался вооружить сапба противъ Англичанъ; но мѣщанскій султанъ, какъ они прозвали этого восточнаго деспота, въ маѣ этого года палъ въ сраженіи. Замѣчательно, что въ этихъ битвахъ началъ свое военное поприще будущій противникъ Наполеона, тогда еще не болѣе какъ сэръ Артуръ Уэлеслей. Если даже и была какая-либо возможность окончить съ честью египетское предпріятіе, то сдѣлать это можно было только изъ Европы, кореннымъ образомъ измѣнивъ всѣ отношенія во Франціи. Бонапартъ быстро составилъ себѣ планъ дѣйствій и быстро осуществилъ его. Не спросясь ни у кого, тайно, въ уединенномъ мѣстѣ и въ сопровожденіи немногихъ лицъ, онъ сѣлъ на корабль, оставивъ войску своему прокламацію, въ которой онъ объяснялъ солдатамъ причины своего отъѣзда и обѣщалъ имъ скоро выслать новыя подкрѣпленія. Главное начальство онъ передалъ Клеберу, чѣмъ, конечно, ничуть не обрадовалъ его. Счастье не покинуло его; онъ не попался многочисленнымъ англійскимъ военнымъ судамъ, плававшимъ по Средиземному морю. Изъ Фрежюса, гдѣ онъ высадился, онъ поспѣшилъ въ Парижъ. По дорогѣ населеніе вездѣ встрѣчало его, точно законнаго повелителя, возвращающагося въ свои владѣнія. Онъ давно уже попалъ въ число любимцевъ народа, которымъ прощаютъ самыя грубыя ошибки. И народъ былъ правъ въ этомъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что этотъ человѣкъ могъ дать и далъ бы своему народу, даже ошибка, подобная египетскому предпріятію, оказывалась ничтожною.

Кромвель или Монкъ?

Правители директоріи, точно такъ же, какъ ихъ предшественники, не съумѣли закрѣпить республиканское управленіе довольствомъ управляемыхъ. Рѣдко правительство пользовалось такъ мало самымъ обыкновеннымъ уваженіемъ окружающихъ его. Оно изъ всего стремилось добывать деньги. Такъ, въ концѣ 1797 и началѣ 1798 года, по случаю совершенно искусственно раздутаго неудовольствія съ Сѣверо-Американскими свободными Штатами, тогдашній министръ Талейранъ съ величайшимъ хладнокровіемъ указалъ посланнику Штатовъ, за какую сумму они могутъ добиться мира «какъ съ Алжиромъ и Индѣйцами». Выборы въ мартѣ 1799 г. окончились въ пользу оппозиціи. Избраніе Сіэйса въ число директоровъ нисколько не усилило правительства; точно такъ же не подкрѣпили его перемѣны другихъ лицъ, большею частью людей посредственныхъ и неуважаемыхъ. Послѣднее насиліе (правильный ходъ дѣлъ безпрерывно нарушался такими переворотами), такъ-называемая революція 30 преріаля (18 іюня 1799 г.), опять усилило якобинство; по крайней мѣрѣ роялистовъ опять самымъ низкимъ образомъ преслѣдовали и мучили. Впрочемъ, каждый изъ посредственныхъ членовъ главнаго правительства и всѣ члены совѣта прежде всего заботились о самихъ себѣ. Бонапартъ, который производилъ впечатлѣніе человѣка разумнаго и не былъ участникомъ всѣхъ интригъ правителей, силою самыхъ обстоятельствъ, выдвинулся изъ толпы. Онъ выжидалъ, наблюдалъ, не участвовалъ ни въ какихъ партіяхъ и стоялъ выше ихъ. Онъ не спѣшилъ высказаться, для него было, напротивъ, гораздо выгоднѣе, чтобы толпа смотрѣла на него съ надеждою и страхомъ, переходя отъ одного чувства къ другому. Общественное мнѣніе занималось имъ, какъ владѣтельной особой, и летучіе листки обсуждали—Cromwell ou Monk?—указывая положеніе, которое

вскорѣ займетъ генералъ. Мало было вѣроятія, чтобы онъ сдѣлался Монкомъ, возстановителемъ законной монархіи. Что правленіе директоріи въ теперешнемъ его состояніи недолго просуществуетъ въ его присутствіи—это лучше всѣхъ понималъ Сіэйсъ, самый умный изъ членовъ директоріи. Остальные члены: адвокатъ Гойэ, Рожеръ-Дюко, Мулэнъ и Баррасъ—были ничтожны; послѣдній имѣлъ еще нѣкоторое значеніе, но это былъ гуляка и негодяй по образу мыслей. Онъ недавно высказалъ Бурбонамъ, что за скромную сумму двѣнадцати милліоновъ онъ готовъ помогать имъ. Бонапартъ принялъ предложеніе Сіэйса, который искалъ «шпагу», и былъ правъ. Признавая, что въ теченіе десяти лѣтъ, всякіе два мѣсяца, законный порядокъ дѣлъ нарушается насильственнымъ образомъ, они почти открыто заключили между собою условіе о новомъ нарушеніи его. Бонапарту, который закоренѣлымъ якобинцамъ и убѣжденнѣйшимъ роялистамъ выказывалъ одинаковую холодность и равнодушіе, нечего было стѣсняться, когда они предлагали ему свои услуги. Прежде всего онъ могъ разсчитывать на большинство спокойныхъ гражданъ, на зарабатывающій классъ богатыхъ денежныхъ людей, а болѣе всего—на солдатъ. «Помогите мнѣ вырвать Францію изъ рукъ адвокатовъ!» очень ловко сказалъ онъ одному изъ своихъ генераловъ, Лефевру; или же гораздо короче и откровеннѣе: «долой этихъ болтуновъ!» (chassez-moi ces bavards!) Слова эти сдѣлались воззваніемъ слѣдующихъ рѣшительныхъ дней.

18 брюмера.

18 брюмера (9 ноября 1799 г.) собрался совѣтъ старѣйшихъ; многіе изъ членовъ его были уже посвящены въ тайну настоящихъ событій. Обсудили затруднительность положенія республики и рѣшили перенести законодательное собраніе въ С.-Клу; генерала Бонапарта сдѣлать начальникомъ 17-го военнаго округа—Парижъ и его окрестности—и поручить ему заботу о перемѣщеніи собранія. Бонапартъ принялъ поздравленія своихъ офицеровъ и сейчасъ произвелъ смотръ всѣмъ наличнымъ войскамъ. Музыка военнаго марша привлекла многихъ парижанъ, которымъ хотѣлось посмотрѣть: какъ разыграются событія этого дня; всѣ знали, что должно что-то случиться; любопытно было узнать: какое правительство будетъ у нихъ къ вечеру? Но день прошелъ безъ особаго волненія. Правленіе директоріи само собою какъ бы остановилось. Никто не исполнялъ приказаній Барраса и Мулэна. Барраса убѣжденіями и ласкою уговорили подать въ отставку; въ два часа пополудни директорія не существовала болѣе и большинство совѣта пятисотъ утвердило, хотя не безъ ропота, постановленіе о переводѣ собранія въ С.-Клу. Вечеромъ, собрались тріумвиры: Бонапартъ, Рожеръ-Дюко и Сіэйсъ и нѣсколько довѣренныхъ лицъ; Сіэйсу пришла очень счастливая мысль: сейчасъ-же, ночью, засадить въ тюрьму еще человѣкъ сорокъ сочленовъ и тѣмъ обезсилить остальныхъ. Въ 1851 г. Луи-Наполеонъ воспользовался этой мыслью, но Бонапартъ этого не сдѣлалъ. Половина государственнаго переворота совершилась; но когда на другой день, утромъ, члены совѣта увидѣли, что дворецъ и сады С.-Клу охраняются солдатами, страсти начали волноваться: якобинцы сознавали, что послѣдній часъ ихъ пробилъ. Въ 2 часа началось засѣданіе. Пятистамъ предложили присягнуть снова конституціи; собраніе заволновалось; даже президентъ ихъ Луціанъ,



Наполеонъ Бонапартъ, консулъ.

Портретъ, писс. Ж. Б. Грёзомъ. По фотографіи Ад. Броуна и К°, въ Дорнахѣ.

брать Бонапарта, долженъ былъ присягнуть. Въ совѣтѣ старцевъ, гдѣ люди, вѣрные конституціи, были въ меньшинствѣ, не обошлось безъ шума. Генералъ направился туда; сказалъ неудачную рѣчь Совѣту, обратился съ нѣсколькими словами къ гренадерамъ, которые дошли съ нимъ до дверей; одинъ изъ депутатовъ крикнулъ ему, чтобы онъ присягнулъ конституціи. Пораженный, онъ простоялъ мгновеніе молча; одумался, затѣмъ рѣзко, отрывисто воскликнулъ: «Конституція! — вы сами нарушили ее 18 фруктидора, 22 флореаля, 30 прэріаля! Что сдѣлали вы съ Франціей,

которую я оставилъ вамъ такою цвѣтущею?» Во время шума, восклицаній и отвѣтовъ на нихъ, ему донесли, что на другой половинѣ, въ Оранжереѣ, у пятисотъ, брата его принуждаютъ подать голосъ за удаленіе его, генерала. Онъ поспѣшилъ туда, солдаты пошли за нимъ; онъ направляется прямо къ креслу президента. Произошло смятеніе; залу оглашаютъ громкіе крики: «внѣ закона!» (hors la loi). Бонапартъ, не привыкшій къ парламентскимъ сценамъ, растерялся совершенно и былъ такимъ образомъ удаленъ изъ залы. Всѣ были поражены. Сіэйсъ, не отличавшійся храбростью,— онъ держалъ всегда вблизи карету, запряженную шестью лошадьми, про всякій случай,—сбирался уже бѣжать. Внутри волненіе не прекращалось, и Луціана хотятъ заставить произнести смертный приговоръ брату. Увидѣвъ вокругъ себя солдатъ, Бонапартъ ободрился и послалъ офицера съ десятью солдатами освободить брата. Они вывели его; но мѣшкать было невозможно. Оба брата сѣли на лошадей. Луціанъ, болѣе краснорѣчивый, обратился къ солдатамъ, говорилъ имъ, какъ это бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, объ убійцахъ съ одной стороны, о свободѣ съ другой. Послѣ этого Мюратъ ввелъ батальонъ гренадеръ въ залъ. Раздалась команда, гренадеры подняли ружья и прицѣлились; опасность была явная. Тогда произошла безпорядочная, шумная, смѣшная сцена. Представители Франціи, революціонеры, которыхъ роль была кончена, бросаются къ окнамъ и одинъ за другимъ, въ шляпѣ съ перьями, въ трехцвѣтной перевязи, прыгаютъ черезъ окна. Такъ какъ залъ расположенъ былъ внизу, то опасности сломать шею не было. Вечеромъ побѣдители собрались. Рѣшаютъ,—что̀ иное могли они рѣшить?—благодарить Бонапарта и солдатъ, уничтожить конституцію, распустить совѣтъ и учредить новую исполнительную власть, изъ трехъ консуловъ: Бонапарта, Сіэйса и Рожера-Дюко. Въ полночь консулы присягнули въ Оранжереѣ единой и нераздѣльной республикѣ, господству народа, свободѣ, равенству и представительному правленію; въ 4 часа утра они возвратились въ Парижъ.

Консульство.

Теперь, когда онъ былъ на настоящемъ своемъ мѣстѣ, къ Бонапарту возвратилась самоувѣренность, которой ему недоставало наканунѣ. Онъ взялъ на себя управленіе страною, къ чему у него были положительно выдающіяся способности. Гораздо менѣе важное дѣло, выработку новой конституціи, онъ взвалилъ на Сіэйса, искусника по части государственнаго зодчества; комитетъ изъ 50 выборныхъ не имѣлъ никакого значенія. Новая сила оживила мгновенно весь государственный организмъ. Что Бонапартъ первый изъ консуловъ—было понятно само собою, хотя никто не говорилъ этого, да не къ чему было и говорить! Все, что не нравилось ему въ проэктѣ конституціи, придуманной Сіэйсомъ, котораго признавали великимъ законникомъ (онъ и самъ считалъ себя таковымъ), все это разрывалъ какъ паутину проницательный умъ Бонапарта, его ясное, острое, повелительное слово. Сіэйсъ скоро самъ понялъ положеніе дѣлъ; говорятъ, онъ сказалъ: «maintenant nous avons un maître, il veut tout, fait tout, sait tout». И дѣйствительно, дѣло было такъ. Послѣ десяти бурныхъ, ужасныхъ лѣтъ, во Франціи было то, чего не было со времени Людовика XIV. У Франціи былъ повелитель, который все захватилъ, все дѣлалъ самъ и все могъ сдѣлать.

КНИГА ВТОРАЯ.

Консульство и Имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Консульство.—Маренго и Гогенлинденъ.—Миръ при Люневилѣ.—Закрытіе собранія депутатовъ.—Общій миръ и новая война.—Имперія.

Консульскія постановленія.

Новыя постановленія года VIII, *консульскія постановленія*, подписанныя комиссіей 14 декабря и 25 декабря 1799 года обнародованныя, были смѣшной пародіей на стремленія къ свободѣ конца прошлаго столѣтія. Законъ, на которомъ составитель его Сіэйсъ постановилъ: «довѣріе должно идти снизу, а власть сверху», противорѣчилъ ученію Руссо, которому слѣдовали до тѣхъ поръ. Въ большомъ національномъ спискѣ стояло 500,000 именъ, довѣренныхъ гражданъ, предназначенныхъ для занятія общественныхъ должностей. Эти общественные избранники избирали 50,000 департаментскихъ избирателей, а эти, въ свою очередь, 5,000 національныхъ нотаблей, изъ которыхъ правительство выбирало себѣ людей на должности и для народнаго представительства въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Во главѣ правленія стояли три консула, избранные на 10 лѣтъ. Главнымъ консуломъ былъ первый, а другіе два были его совѣтниками. Онъ назначалъ на должности, объявлялъ миръ или войну. Государственный совѣтъ, избранный имъ, только помогалъ ему. Было три государственныхъ учрежденія: сенатъ, трибунатъ и законодательный корпусъ. Главная разница, въ сущности, между ними была та, что члены сената получали содержанія 25 тыс., члены трибуната 15 тыс., а члены законодательнаго корпуса 10 тысячъ франковъ; кромѣ того, въ сенатѣ было 80 членовъ, въ трибунатѣ 100, а въ законодательномъ корпусѣ 300 членовъ. Вліяніемъ пользовались, при такомъ человѣкѣ, какъ Бонапартъ, только отдѣльныя личности, смотря по способностямъ или дѣятель-

ности, но цѣлая корпорація не пользовалась особенной силой. Сенатъ, состоявшій изъ 80 человѣкъ, выбиралъ изъ поименованныхъ въ національномъ спискѣ: консуловъ, комиссаровъ суда и счетоводства, членовъ трибуната и законодательнаго собранія, и долженъ былъ пополнять своихъ членовъ; но, по предложенію перваго консула, число членовъ сената было ограничено тремя, и они сдѣлались вскорѣ вполнѣ зависимымъ отъ консула обществомъ—пенсіонерами, которымъ хорошо платили. Положеніе обѣихъ законодательныхъ палатъ было совсѣмъ странное. Право предлагать вопросы принадлежало правительству, а трибунатъ разбиралъ законодательныя мѣры, но не рѣшалъ; законодательный корпусъ рѣшалъ, принималъ или отвергалъ, но не разбиралъ, значитъ у одного были связаны руки, а у другого замазанъ ротъ. Вопросы о законахъ долженъ былъ рѣшать сенатъ. Обѣ корпораціи возобновлялись ежегодно на одну пятую.

Первый консулъ.

Подобная конституція была скрытымъ абсолютизмомъ. Ее составилъ себѣ человѣкъ, который превышалъ всѣхъ своимъ могуществомъ, или по своей могучей силѣ выкроилъ ее себѣ человѣкъ, бывшій выше всѣхъ. Искусный составитель, представившій этотъ набросокъ конституціи генералу, Сіэйсъ, добровольно или нѣтъ, но удалился; онъ получилъ въ подарокъ помѣстье и былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а впослѣдствіи, когда установилась новая монархія,— графомъ. Кромѣ Бонапарта, консулами были назначены люди, способные подчиняться, второстепенные по уму: Лебренъ и Камбасересъ. Конституція 22 фримера вступила въ силу до голосованія; такимъ образомъ покончилась революція и ею изобрѣтенный— всесильный народъ. Послѣ плебисцита Бонапартъ переѣхалъ въ Тюльери.

Начало его правленія.

Все это было, съ политической точки зрѣнія, противоположно идеаламъ 1789 года, но всѣ были довольны. Опять управляли ими, и хорошо управляли: ежели новый властитель вначалѣ и во всемъ высказывалъ ту мысль, что онъ составляетъ исключеніе изъ обыкновенныхъ условій и законовъ, ограничивающихъ человѣка, то громадная и живительная разница съ якобинцами, гдѣ каждый отдѣльно, во имя свободы, или какъ бы ни называли они свою маску — оправдывали грабежъ и убійства. Это былъ человѣкъ, который понялъ, что̀ стало потребностью народа въ эти десять лѣтъ. Охотно подчиняются ясному уму, дѣятельности, не омраченной еще деспотизмомъ, и энергичной волѣ, еще не отуманенной безграничнымъ самолюбіемъ. Финансы быстро приведены въ порядокъ, полиція устроена, самая насущная потребность — дороги очищены отъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, образовавшихся при постоянной борьбѣ партій, смѣнѣ слабыхъ и кровавыхъ правленій, невѣроятной нуждѣ и разграбленіи всякой собственности. Возстановлена общественная безопасность и спокойствіе, давно невиданныя въ странѣ. Бонапартъ далъ правильное управленіе странѣ, правильную организацію дѣятельности префектовъ въ департаментахъ, помощниковъ префектовъ въ округахъ; призывалъ къ дѣятельности всѣхъ порядочныхъ и просвѣщенныхъ людей; давалось прощеніе всякому, кто захочетъ подчиниться новому порядку вещей. Это не было правленіе одной какой-нибудь партіи, но скорѣе монархическое правленіе, въ лучшемъ его смыслѣ; твердая единичная воля, поддержанная разумнымъ совѣтомъ, даетъ дѣламъ движеніе и направленіе,

но не такъ, какъ въ республикѣ дѣлается, что посредственности предписываютъ законъ въ силу своей равноправности. Списокъ эмигрантовъ былъ конченъ, множество поправокъ сдѣлано въ пользу честныхъ людей, какъ Карно, но попали и негодяи, какъ Бареръ. Ученымъ, преимущественно тѣмъ, кто прикладывалъ свои труды къ математическимъ наукамъ, первый консулъ выказывалъ свое особенное благоволеніе, приносившее хорошій доходъ. Самъ онъ былъ крайне самостоятельнаго ума, быстро соображающій, неутомимый работникъ, съ стальными нервами. Очень равнодушный къ религіознымъ обязанностямъ, онъ превосходно понималъ значеніе религіи для массы народа, для высшихъ и для низшихъ. Свобода вѣроисповѣданія сдѣлалась дѣйствительностью и замѣнявшія религію вспомогательныя средства, какъ-то праздники и храмы Побѣдѣ, Добродѣтели, Благодарности, Земледѣлію, почитанію Высшаго Существа,—все, съ чѣмъ боролся Ларевельеръ-Лепо,—уничтожилось само собой. Монархическое стремленіе выяснялось все болѣе. Супруга перваго консула, вдова генерала Богарне, добродушная, легкомысленная гетэра, съ шаткими воззрѣніями послѣднихъ лѣтъ, дозволяла называть себя madame, и обращеніе съ словами «гражданинъ», «гражданка» и слово *ты* незамѣтно исчезли сами собою; образовался Дворъ и пріобрѣло цѣну искусство и знаніе придворной жизни. Якобинцы не были въ почетѣ, но съ своей стороны роялисты крайне ошиблись, принимая это монархическое направленіе какъ признакъ въ пользу королевства. Консулъ ясно выражалъ свое мнѣніе. Когда Людовикъ XVIII, безземельный король, обращался къ нему по этому поводу, то онъ отвѣтилъ: «Бурбоны возвратятся только перейдя черезъ 500 тысячъ труповъ». Прежняя роялистская область «Вандея» не могла выставить вышесказаннаго количества людей, тѣмъ болѣе, что потребовалось бы убитыхъ гораздо болѣе 500 тысячъ человѣкъ. Послѣднее возстаніе осенью 1799 года кончилось въ 1800 г.

Иностранная политика. Попытки сближенія.

Еще одинъ драгоцѣнный даръ обязанъ былъ консулъ дать странѣ—это миръ, и если онъ не тотчасъ былъ дарованъ, то виноватъ не онъ одинъ. Онъ увѣдомилъ короля Георга III Англійскаго о своемъ избраніи и въ частномъ письмѣ выразилъ свое желаніе дружескихъ отношеній между двумя образованнѣйшими націями. Отвѣтъ, подписанный статсъ-секретаремъ Гранвиллемъ, былъ очень грубъ. Въ немъ говорилось о правленіи Бурбоновъ, столь давнемъ во Франціи и придавшемъ ей столько могущества; кромѣ того, выдающіеся люди, какъ Питтъ, Каннингъ, высказались рѣзко противъ новой власти или новаго революціоннаго правительства и толковали объ охраненіи Франціи отъ опасныхъ для нея законоположеній. Подобное же посланіе отправилъ первый консулъ императору Францу II. «Чуждый чувства пустого самолюбія, я прежде всего желаю остановить кровопролитіе». Отвѣтъ Тугута былъ вѣжливъ, но не шелъ далѣе общихъ выраженій великихъ надеждъ. Оба государства продолжали войну, хотя Россія въ дѣйствительности уже вышла изъ коалиціи.

1800 г. Война.

Въ Италіи стоялъ Меласъ съ 140,000; когда началась война, въ апрѣлѣ, у Французовъ была для охраны только небольшая сила. Англійская эскадра блокировала гавань; этотъ отрядъ предпринялъ дѣло свыше

своихъ силъ; не оцѣнивая достаточно перемѣну государственнаго правленія во Франціи, задумали смѣлый планъ вторженія въ Южную Францію и поддержки возмущенія противъ революціоннаго направленія. Въ Германіи находилось относительно очень мало войскъ, а побѣдитель послѣднихъ лѣтъ, эрцгерцогъ Карлъ, удалился по разстроенному здоровью; онъ былъ обиженъ и огорченъ тѣми препятствіями, которыми встрѣчали его предпріятія. Бонапартъ передалъ главное начальство надъ войсками Моро, который прекрасно зналъ всѣ нѣмецкія военныя позиціи, и, перейдя Рейнъ близъ Келя, побилъ Австрійцевъ въ цѣломъ рядѣ сраженій—Энгенъ, Штокахъ, Мёскирхъ, Пфулендорфъ, Биберахъ, Меммингенъ, и оттѣснилъ ихъ до Ульма; въ это самое время Бонапартъ, оставившій себѣ войну въ Италіи, нанесъ тамъ первый рѣшительный ударъ.

Италія. Битва при Маренго.

Бонапартъ сдѣлалъ видъ, будто его армія собирается около Дижона, но между тѣмъ собралъ 40,000 человѣкъ на юго-восточной границѣ; хорошо осмотрѣвъ ихъ въ Лозаннѣ, повелъ ихъ въ Италію, черезъ большой Сентъ-Бернаръ. Во всѣ времена Французы любили сравнивать этотъ переходъ съ переходомъ Ганнибала въ древности, но и тутъ высказалась еще разъ практическая ловкость французскаго солдата и предусмотрительность ихъ предводителя. Распоряженія были самыя разумныя: на лошакахъ везли разнообразныя принадлежности артиллеріи, пушки укладывали въ пустыя долбленыя деревья и въ трудныхъ мѣстахъ втаскивали на рукахъ; фортъ, замыкающій узкую долину Дора-Балтеа, обошли, пушки провезли ночью по улицѣ деревни, устланной матрацами и навозомъ. Австрійцы дались въ обманъ. Бонапартъ направился къ Милану, предоставивъ осажденной Генуѣ — умирать отъ открывшагося въ городѣ страшнаго голода. 2-го іюня вступилъ онъ въ Миланъ и возстановилъ Цизальпійскую республику. Меласъ, пожилой, но храбрый генералъ, повернулъ назадъ, желая парализовать противника, угрожавшаго блестящему положенію Австріи въ Италіи; при *Маренго*, между Тортоной и Алессандріей, 14 іюня ударилъ онъ на Французовъ. Первое дѣйствіе сраженія, начавшагося въ девять часовъ утра, кончилось въ два часа пополудни отступленіемъ французской арміи. Тщетно старался Бонапартъ, только что явившійся на полѣ сраженія, повернуть счастіе: къ пяти часамъ побѣда казалась рѣшительно на сторонѣ Австрійцевъ; Французы отступали; вдругъ на поле сраженія явился генералъ Дезэ, только что воротившійся изъ Египта, съ пятью тысячами свѣжихъ солдатъ. Совершенно неожиданно для Австрійцевъ, возобновилось сраженіе въ то время, когда ихъ главнокомандующій удалился уже, утомленный. Дезэ былъ убитъ; его слова: «храните втайнѣ мою смерть», не болѣе какъ красивая выдумка. Съ другой стороны, Австрійцевъ постигло рѣдкое несчастіе: ихъ начальникъ штаба, генералъ Цахъ, со всѣмъ штабомъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Счастье совершенно отвернулось отъ нихъ: этотъ день, со всѣми послѣдствіями, отступленіе, переходившее въ бѣгство, стоилъ Австрійцамъ почти трети всей ихъ военной силы. 4 іюня Массена въ Генуѣ сдался на капитуляцію. Австрійцы выслали парламентера съ предложеніемъ консулу очистить Геную и Пьемонтъ, и дѣйствительно тутъ было условлено перемиріе, съ цѣлью переговоровъ о мирѣ. Для Бонапарта

военное затишье было очень кстати, онъ тотчасъ уѣхалъ въ Парижъ; императорскія войска ушли за Но и Минчіо.

Германія; сраженіе при Гогенлиденѣ.

Вскорѣ, 15 іюля, заключено между Краемъ и Моро перемиріе и военныя дѣйствія въ Германіи также пріостановились; Моро успѣлъ дойти до рѣки Инна. Миръ не могъ быть заключенъ такъ скоро, хотя перемиріе было продолжено. Австрія обѣщала Англіи не заключать отдѣльнаго мира до февраля 1801 г. Англія не признала силы перемирія для военныхъ дѣйствій за моремъ, такъ какъ считала Французовъ уже своими плѣнниками въ Египтѣ, и, освѣживъ силы, обѣ стороны возобновили военныя дѣйствія. Противъ Моро поставленъ былъ главнокомандующимъ, на мѣсто отозваннаго Края, восемнадцатилѣтній принцъ императорскаго дома, эрцгерцогъ Іоаннъ, которому придали военнаго ментора въ лицѣ фельдцейхмейстера Лауера. Ни одна военная исторія не представляетъ такого множества отозваній главныхъ начальниковъ, какъ австрійская! Лауеръ началъ свою дѣятельность очень несчастливо; его смѣлый планъ, худо выполненный, довелъ до сраженія при *Гогенлиденѣ*, селеніи близъ Мюнхена, гдѣ Моро нанесъ тяжелый ударъ императорскимъ войскамъ: Австрійцы потеряли 12,000, а Баварцы 5,000. Войско видимо убывало, Французы преслѣдовали ихъ, и дорога въ Вѣну была открыта. Въ Италіи возобновилась война, и вся линія по Минчіо пропала, какъ въ Германіи линія по Инну. Командованіе слишкомъ поздно довѣрили снова эрцгерцогу Карлу; онъ не могъ посовѣтовать ничего лучшаго, какъ перемиріе, и въ эрцгерцогствѣ Штиріи, 27 декабря, заключилъ перемиріе, бывшее собственно уже мирнымъ договоромъ, по которому войска поставлены были на пограничной линіи въ такомъ видѣ, что, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, французскія войска имѣли выгодную позицію: большая часть наслѣдственныхъ земель до Инна, весь Тироль, нѣкоторыя части Штиріи были отданы въ ихъ руки.

1801 г. Миръ въ Люневилѣ.

Военныя дѣйствія однакоже не возобновились. 9 февраля 1801 г. въ Лотарингіи, въ *Люневилѣ*, барономъ Кобенцелемъ и Іосифомъ Бонапартомъ былъ подписанъ миръ между Французской республикой и императоромъ Францемъ. Французы ручались и за свои подвластныя республики, а императоръ за Германскую имперію. Бонапартъ указалъ своему брату Рейнъ и Этчъ, какъ пограничную линію при переговорахъ, что для Австріи было бы въ сущности миромъ при Кампо-Форміо. Весь лѣвый берегъ Рейна былъ уступленъ республикѣ, такъ что вся долина Рейна, отъ истока въ Швейцаріи по теченію до Голландіи, должна была образовать будущую границу. Вознагражденіе тѣмъ наслѣдственнымъ князьямъ, владѣнія коихъ находились на лѣвомъ берегу, должна была дать Имперія.

Тогда началось трудное, грустное, для нашего самолюбія до сихъ поръ крайне мучительное и постыдное дѣло. Collectivement, совмѣстно, какъ одно цѣлое, или какъ бы ни передавали это слово, государство обязывалось исполнить это вознагражденіе. Кто-нибудь долженъ же развязать кошель, когда слѣдуетъ уплатить по счету; конечно, знали, кому этотъ убытокъ будетъ менѣе чувствителенъ и кто будетъ менѣе всѣхъ сопротивляться. При массѣ затрудненій, затрогивавшихъ разнообразные интересы и при страшно медленномъ и тяжеломъ образѣ дѣйствій сейма въ

Регенсбургѣ, дѣло тянулось очень долго. По необходимости установилось дѣло на томъ, что рѣшеніе о новомъ устройствѣ Германіи, по случаю уступки лѣваго берега Рейна, будетъ постановлено въ Парижѣ. Въ Петербургѣ даже повѣяло инымъ духомъ, какъ увидимъ, и можно было добиться кое-чего. Тогда началась бѣготня и суетня заинтересованныхъ; взвѣшиваніе убытковъ и возможныхъ вознагражденій; подкупы, лесть, раздоры доведены были до омерзенія, и ясно показали, какъ глубоко палъ цвѣтъ народа, благородное дворянство и князья, считавшіе за счастье, когда бывшіе якобинцы, нынѣ великіе люди и великіе дипломаты, снисходили до принятія отъ ихъ посланниковъ табакерки, наполненной луидорами. Для офиціальнаго обсужденія вопроса, крайне перепутаннаго съ конституціей и частными правами, была избрана имперская депутація, по восьми членовъ отъ Богеміи, Бранденбурга, курфюршествъ Майнцскаго и Саксонскаго, Баваріи, Вюртемберга, Бадена, а также и отъ курфюршества Гессенъ-Кассельскаго (ноябрь 1801 г.). 25 февраля 1803 года, подъ вліяніемъ разныхъ мнѣній выработанный и, въ сущности, подъ диктовку иностранцевъ написанный, новый планъ былъ представленъ на заключеніе имперскаго *депутатскаго собранія*, потомъ Регенсбургскимъ сеймомъ принятъ, имперскимъ главой въ ратификованномъ декретѣ одобренъ и 27 апрѣля тамъ-же, въ Регенсбургѣ, утвержденъ.

Заключеніе имперскаго депутатскаго собранія. 1803.

Революція, начавшаяся въ 1789 году, захватила глубоко и Германію. Старый порядокъ вещей былъ разрушенъ, въ силу революціи, совершенной князьями въ свою пользу, насчетъ духовныхъ владѣній и ихъ властителей. Исключая гроссмейстера нѣмецкаго ордена и Іоаннитскаго пріорства, только одинъ курфюрстъ, великій канцлеръ Майнцскій, господинъ фонъ-Дальбергъ, ловко и съ непонятнымъ оптимизмомъ примирившійся съ этимъ тяжелымъ временемъ, удержался въ своемъ княжескомъ положеніи и былъ вновь надѣленъ всѣмъ необходимымъ. Остальные исчезли; они послужили матерьяломъ для вознагражденія; изъ *имперскихъ городовъ* осталось только шесть; съ пустыми руками ушли обездоленные имперскіе графы; а имперскіе рыцари сдѣлались жертвами новаго революціоннаго государственнаго строя. Непосредственно и правами они не поплатились по заключенію имперскаго депутатскаго собранія, но на дѣлѣ они могли выгадать себѣ лишь небольшую отсрочку передъ насильственными мѣрами того, кто былъ теперь здѣсь хозяиномъ: за выпаденіемъ нѣкоторыхъ основныхъ столбовъ, рухнуло и все старое зданіе. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что при секуляризаціяхъ и медіатизированіяхъ соблюдалась умѣренность, и частныя лица, терпѣвшія при этомъ, не оставались безъ всякаго покровительства. Новые территоріальные владѣтели должны были принимать на себя точныя обязательства въ этомъ отношеніи. Вознагражденія княжескихъ домовъ зависѣли тоже отъ подкуповъ въ Парижѣ и отъ родственныхъ связей съ могущественными державами, — такъ напр., Баденскій дворъ опирался на Россію, — или отъ другихъ причинъ, съ которыми сообразовалась и щедрость воздаянія. Довольно позорно было то, что даже совершенно посторонніе князья изъ габсбургской родни получали вознагражденія насчетъ Германскаго государства; такъ, великій герцогъ Тосканскій получилъ архіепископство

Зальцбургъ, пробство Берхтесгаденъ и нѣкоторыя части епископствъ Пассауского и Эйхштадскаго. Въ общемъ итогѣ оказалось, что самые большіе и просто большіе владѣтели ничего не потеряли; Австрія была вознаграждена тоже вполнѣ; Пруссія, Баденъ, Баварія, Брауншвейгъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Вюртембергъ и др. получили,—въ большей или меньшей степени,—тоже гораздо болѣе, нежели теряли по лѣвую сторону Рейна. Пруссія, напримѣръ, потерявъ 48 кв. миль съ 117,000 жителей и 1½ милл. дохода, получила въ вознагражденіе 230 кв. миль съ 500,000 жителей и 4 милл. дохода. Франція поступала съ расчетомъ, поселяя возможный раздоръ между Австріей и Пруссіей, ò-бокъ съ которыми находилась остальная, третья Германія, государства которой стремились оградить теперь свою независимость отъ нихъ обѣихъ, вдвойнѣ цѣнную при новомъ порядкѣ вещей, и должны были, какъ бы поневолѣ, искать французскаго протектората. Они добывали его, и лишь въ наши дни, послѣдніе изъ этихъ, покровительствуемыхъ Франціею, владѣтелей были вынуждены покинуть нѣмецкую землю. При этомъ положеніи, понятнымъ образомъ, національный характеръ государственнаго строя, служившій единственнымъ политическимъ выраженіемъ національнаго единства Германіи, терялъ всякое значеніе, что хорошо понимали въ тѣхъ немногочисленныхъ кругахъ, которые еще озабочивались государственною политикой. Сеймъ германскій, понятнымъ образомъ, совершенно измѣнился вслѣдствіе этой уступки лѣваго берега Рейна и всякихъ секуляризацій, вознагражденій, медіатизированія. Старые формалисты и знатоки прежняго государственнаго права были сбиты съ толку уже тѣмъ, напримѣръ, что совѣтъ курфюрстовъ состоялъ теперь изъ 6-ти евангелическихъ (Баденъ, Гессенъ-Кассель и Вюртембергъ получили теперь титулъ курфюршества) и лишь 4 католическихъ членовъ; въ совѣтѣ князей, вмѣсто прежнихъ 55 католическихъ голосовъ противъ 43 протестантскихъ, находились теперь 52 протестантскіе противъ 29 католическихъ, а всѣ города были сплошь протестантскими. И особенно глубокой патріотической скорби не замѣчалось: каждый былъ слишкомъ поглощенъ своими личными интересами; но самое отсутствіе сколько-нибудь сильной реакціи патріотизма, при столь рѣзкихъ перемѣнахъ, когда самое совершеніе ихъ съ иноземною помощью должно было бы оскорблять національное чувство, указываетъ на то, что, въ общемъ, эти перемѣны были спасительны; и это доказывается еще въ бо̀льшей степени ихъ послѣдствіями. Государственное сознаніе могло проявиться лишь въ какой-либо изъ крупныхъ германскихъ единицъ, и Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ оставались все же «государствами», чѣмъ не могли считать себя какое-нибудь пробство Эльвангенъ, или аббатство Цвифальтенъ, или графство Гогенбергъ.

Пока въ Германіи засѣвались медленно сѣмена ея будущаго строя, во Франціи быстро развивалось монархическое начало, придавая обновленному революціей государству то громадное значеніе, которымъ оно стало вскорѣ всецѣло пользоваться въ Европѣ. Франція.

Первый консулъ успѣлъ заключить миръ съ Россіей. Съ тѣмъ же умомъ или хитростью, съ которыми онъ успѣлъ обойти тяжеловѣсную австрійскую дипломатію, онъ превратилъ и недавняго союзника Австріи, Миръ съ Россіей.

императора Павла I, изъ врага своего въ союзника. Онъ ничего не пожалѣлъ и не упустилъ изъ вида для того, чтобы сблизиться съ Россіею и угодить императору Павлу. Черезъ посредство берлинскаго Двора ему удалось войти въ сношенія съ петербургскимъ Дворомъ и выказать свое уваженіе къ Русскому императору тѣмъ, что онъ, безъ всякаго размѣна, отпустилъ русскихъ плѣнныхъ, солдатъ и офицеровъ, и предложилъ императору, принимавшему участіе въ Мальтійцахъ, возвратить островъ Мальту, не имѣвшій значенія для Франціи и безопасный во власти Россіи. «Изъ уваженія къ царю», Наполеонъ согласился и на снисходительный миръ съ Неаполемъ, и императоръ, вполнѣ довольный Наполеономъ, вступилъ съ нимъ въ союзъ, и обратилъ гнѣвъ свой на Англію, которая грубо,—и даже оскорбительно для державнаго повелителя,—воспользовалась однимъ предполагаемымъ морскимъ правомъ, чѣмъ побудила Павла возобновить, въ декабрѣ 1800 года, «Сѣверный союзъ», основанный въ 1780 году съ цѣлью охраны нейтральныхъ государствъ. Къ этому соглашенію, подтверждавшему прежнія морскія права націй, были привлечены Пруссія, Швеція и Данія, но императоръ, желая сломить деспотизмъ Англіи на морѣ, хотѣлъ заключить союзъ и съ побѣдителемъ при Маренго, которымъ восхищался теперь. Не довольствуясь этимъ, императоръ Павелъ рѣшился даже объявить войну Англіи. При этомъ, впервые, явилась смѣлая мысль *о возможности похода изъ Россіи въ Индію*, чтобы нанести ударъ могуществу Англіи въ ея Остъ-Индскихъ владѣніяхъ. Сдѣланы были даже нѣкоторыя приготовленія къ этому дальнему походу. Атаману Донскихъ казаковъ велѣно было двинуть казаковъ къ Оренбургу, а оттуда, черезъ Средне-Азіатскія ханства въ Индію. Но этотъ планъ не могъ осуществиться, такъ какъ, спустя три мѣсяца, императоръ скончался внезапно въ ночь на 24 марта 1801 года. Старшій сынъ Павла, императоръ *Александръ I*, вступивъ на престолъ, измѣнилъ направленіе отцовской политики. Это былъ любимый внукъ Екатерины II, при ея жизни неотлучно находившійся при ней. Онъ получилъ прекрасное и весьма тщательное воспитаніе, такъ какъ воспитателемъ его былъ извѣстный писатель, швейцарецъ Лагарпъ, который внушилъ ему глубокое уваженіе къ западной образованности и развилъ въ немъ сочувствіе къ либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ XVIII вѣка. Поэтому, при вступленіи на престолъ, Александръ поспѣшилъ заявить, что будетъ «управлять по законамъ и по сердцу Екатерины II—шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ». Первою заботою его было заключеніе мира съ Англіей (Петербургъ, іюнь 1801 г.). Но онъ не намѣревался воевать и съ Франціей, тѣмъ болѣе, что дѣло умиротворенія подвигалось въ Германіи и сама Англія вела переговоры съ Франціей.

Миръ съ Англіей. Окончаніе египетской экспедиціи.

Англія была расположена къ миру. Вильямъ Питтъ, боровшійся удачно съ французской заносчивостью, но безумно поощрявшій также и развитіе англійскаго верховенства на морѣ, сдалъ теперь, послѣ 17-лѣтняго управленія дѣлами, государственную печать Аддингтону. Другое главное и продолжительное препятствіе къ миру, именно положеніе дѣлъ въ Египтѣ, было тоже устранено въ этомъ году. Въ концѣ ноября 1801 г., остававшіеся еще въ Египтѣ 24,000 французовъ,—или тѣ, которые еще

уцѣлѣли изъ нихъ,—возвратились на родину. Клеберъ, на котораго Бонапартъ возложилъ неблагодарную задачу продолжать его египетскую затѣю, стремился воротиться во Францію, какъ и большинство его войска, и заключилъ, еще въ январѣ 1800 г., въ Эль-Аришѣ, съ сэромъ Сиднеемъ Смитомъ договоръ, согласно которому Французы должны были очистить Египетъ, но добровольно и со всѣми воинскими почестями. Но полномочія англійскаго коммодора оказались сомнительными: адмиралъ Кейтъ препроводилъ ему инструкціи англійскаго правительства, по которымъ договоръ могъ считаться дѣйствительнымъ лишь при обезоруженіи французской арміи. Доблестный французскій генералъ отвѣтилъ на такое оскорбительное предложеніе блестящей побѣдой, одержанной Французами 20 марта 1800 г. надъ 80-тысячной арміей турецкаго великаго визиря, при *Геліополисѣ*. Возстаніе въ Каирѣ было подавлено, и за этой побѣдой наступило сравнительно спокойное время, въ теченіе котораго Французы утвердились снова; но въ тотъ самый день, когда Дезэ погибъ при Маренго (14 іюня), Клеберъ палъ, на террасѣ своего дома въ Каирѣ, подъ кинжаломъ фанатика-мусульманина. Преемникъ Клебера, Абдалла Мену, снова перешедшій въ исламъ, обладалъ административными способностями, но былъ плохимъ военачальникомъ; дѣла измѣнились къ худшему и надежды на улучшеніе ихъ не представлялось. Наконецъ, 2 сентября 1801 г., въ Александріи, куда Мену собралъ свои военныя силы, не предпринимая ничего далѣе, былъ заключенъ окончательный договоръ, по которому всѣ остававшіяся въ Египтѣ французскія войска были перевезены во Францію на англійскихъ судахъ.



Генералъ Клеберъ.
По портрету Гэрена.

Мѣсяцемъ позднѣе, 1 октября, были подписаны предварительныя мирныя условія между Англіей и Франціей; за день передъ тѣмъ, 29 сентября, между Франціей и Португаліей; потомъ, 4 октября, между Испа- 1802. Аміенскій миръ.

ніей и Россіей, 6 октября, какъ уже сказано, между Франціей и Россіей, 9 октября между Франціей и Портой; послѣ этого, въ Аміенѣ былъ созванъ мирный конгрессъ (Англія, Франція, Испанія, Голландія) и *Аміенскій миръ* былъ заключенъ 27 марта 1802 г. Англичане возвратили Египетъ, Мальту и Минорку прежнимъ владѣтелямъ; мысъ Доброй Надежды остался тоже за Батавской республикой. Республика Іоническихъ острововъ, созданная императоромъ Павломъ (1800), была признана; острова Тринидадъ и Цейлонъ—принадлежавшіе: первый Испаніи, второй Голландіи—остались за Англіей.

Франція.

Такъ закрылся храмъ Януса и въ теченіе года господствовалъ миръ, утѣшительный, впрочемъ, для весьма немногихъ. Во Франціи, Бонапартъ шелъ твердо къ своей монархической цѣли, проявляя при этомъ свои блестящія, если не государственныя, то административныя способности. Онъ находилъ себѣ главную опору въ тѣхъ, которые образуютъ, всегда и вездѣ, многочисленную партію, — именно въ массѣ требовавшихъ спокойствія и установленной власти, послѣ безсмысленнаго нагроможденія выборовъ, при которыхъ и избираемые, и избиратели несли въ якобинскомъ государствѣ родъ новой барщины, вселявшей въ нихъ отвращеніе ко всякой политической жизни. Эта часть населенія, въ сущности лучшая и трудолюбивѣйшая, при ея желаніи имѣть надъ собою твердую власть, не могла не видѣть, что она состоитъ особымъ предметомъ заботливости для Бонапарта, который упорядочилъ администрацію, организовалъ сильную полицію. Онъ не уступалъ никому въ знаніи людей и особенно ихъ слабостей, что доказалъ устройствомъ религіозныхъ дѣлъ въ государствѣ: 15 августа 1801 г., послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ папою, былъ утвержденъ *конкордатъ*, которымъ освящалось примиреніе Французской республики съ католическою религіей, бывшею, въ сущности, религіей большинства Французовъ, какъ говорилось и въ конкордатѣ: «Правительство, признавая, что большинство населенія во Франціи исповѣдуетъ католическую религію...» Но протестанты и евреи были признаны полноправными католикамъ во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Священники, вступившіе въ бракъ при господствѣ гражданскаго кодекса и въ продолженіе революціонной эпохи, были прощены папой, который, вообще, проявлялъ большую уступчивость и снисходительность, желая тѣмъ вернуть утраченную имъ политическую почву. Всѣ наличные епископы должны были добровольно сложить съ себя свое званіе въ руки папы; церковный іерархическій порядокъ измѣнялся: десять французскихъ архіепископовъ и пятьдесятъ епископовъ должны были отнынѣ назначаться первымъ консуломъ, которому они и приносили присягу, послѣ чего утверждались папою. Они уже сами назначали младшихъ духовныхъ чиновъ, но испрашивая для нихъ утвержденія правительства. Этотъ конкордатъ вызвалъ немаловажный протестъ со стороны вольномыслящей части общества. Очень многіе порвали искренно съ тѣмъ, что они называли старымъ суевѣріемъ; сверхъ того, было слишкомъ уже поразительно, что тотъ самый человѣкъ, который года за два назадъ, въ Египтѣ, корчилъ изъ себя мусульманина, теперь разыгрывалъ роль вѣрующаго католика. Но доводы разума и критическое отношеніе къ предмету не могутъ

быть никогда усвоены массами. Попытки ввести національную религію на основѣ деизма Руссо и Вольтера рухнули, какъ извѣстно, но Бонапартъ понималъ своимъ яснымъ разсудкомъ, что народное чувство безусловно нуждалось въ какомъ-либо удовлетвореніи; вслѣдствіе этого, не отнимая прежнихъ церковныхъ земель отъ настоящихъ собственниковъ, правительство приняло на себя содержаніе духовенства и опредѣлило праздновать офиціально опять воскресенье вмѣсто десятаго дня декады. Послѣ утвержденія папою Піемъ VII (съ марта 1800 г.) договора 10 сентября 1801 г. и объявленія полной амнистіи, день Пасхи былъ отпразднованъ съ прежней торжественностью (1802) въ соборѣ парижской Богоматери и, начиная съ декабря, офиціальная газета «Moniteur» начала помѣчать свои нумера обычнымъ христіанскимъ счисленіемъ на-ряду съ республиканскимъ. И не на одной этой почвѣ частью вовсе устранялись, частью видоизмѣнялись всѣ учрежденія якобинской эпохи. Закономъ того же года были преобразованы перворазрядныя и второразрядныя училища (народныя и среднія школы), и классицизмъ легъ въ основу научнаго образованія. Къ этому же времени относятся подготовительныя работы по составленію свода законовъ, того «*Code Napoléon*», который остался величайшимъ и, во всякомъ случаѣ, прочнѣйшимъ созданіемъ этого правительства; самъ Наполеонъ принималъ весьма значительное личное участіе въ составленіи этого уложенія, хотя слава его при этомъ и преувеличивается его поклонниками.

Новая монархія.

Масса населенія, требующая отъ своихъ правителей, прежде всего, покоя и порядка, не была встревожена возрастающимъ монархическимъ направленіемъ. Одно выраженіе въ договорѣ съ Россіей какъ бы испытывало общественное мнѣніе, заставляя его высказать, что было оно готово вынести еще послѣ восьмилѣтнихъ республиканскихъ грёзъ: въ этомъ документѣ, прочитанномъ въ ноябрѣ 1801 г. передъ законодательнымъ собраніемъ, оба правительства давали взаимное обѣщаніе не дозволять никому изъ своихъ *подданныхъ* (sujets) завязывать сношенія съ врагами договаривающейся стороны. Неудовольствіе, возбужденное превращеніемъ *citoyens*—въ *sujets*, проявилось сначала даже довольно бурно, но дальнѣйшія поясненія и оговорки сгладили или совсѣмъ разсѣяли первое впечатлѣніе. Такія истолкованія, какъ: «Развѣ нельзя быть подданнымъ республики?» не заставили себя ждать въ той сферѣ, въ которой уже издавна черное дѣлалось бѣлымъ, и скоро настало время, въ которое бывшимъ «*citoyens*» пришлось проглатывать не одни только слова. Явное расположеніе перваго консула къ прежнимъ монархическимъ формамъ вызывало толки и пересуды; непріязнь къ нему, какъ со стороны якобинцевъ, такъ и роялистовъ, росла, но новый порядокъ былъ проченъ, неоспоримое превосходство личности повелителя столь явственно, что побѣжденнымъ партіямъ оставалось одно: попытаться прибѣгнуть къ убійству.

Покушенія. Бонапартъ пожизненный консулъ.

Такія покушенія не замедлили: 24 декабря 1800 г. Бонапартъ избѣгнулъ дѣйствія адской машины, подложенной на его пути по улицѣ St.-Nicaise, лишь благодаря пьяному состоянію своего кучера,—а другіе говорятъ: благодаря своей находчивости. Виновными были, несомнѣнно, роялисты, агенты шуанскаго вождя Жоржа Кадудаль, хотя личное его участіе въ этомъ

дѣлѣ сомнительно. Но первый консулъ воспользовался этимъ случаемъ для принятія мѣръ противъ террористовъ, часть которыхъ была осуждена на ссылку. Вообще, онъ ожидалъ отъ роялистской партіи большей уступчивости и, въ чемъ онъ не ошибался, извѣстнаго отвращенія къ преступнымъ средствамъ; поэтому, онъ продолжалъ осыпать милостями тѣхъ изъ числа множества возвращавшихся эмигрантовъ, которые не пренебрегали его ласкою, и въ его свитѣ видно было уже не мало представителей старинной французской знати. Въ апрѣлѣ всѣ законы противъ эмигрантовъ были уничтожены. Въ маѣ 1802 г. Бонапартъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ. Возстановленіе мира требовало особаго выраженія народной благодарности, — и послушное орудіе деспотизма, сенатъ, внесъ предложеніе объ утвержденіи перваго консула пожизненно въ этомъ званіи, даруя ему и право назначать себѣ преемника. Это предложеніе было отдано на рѣшеніе націи: прозорливость Бонапарта оцѣнила уже издавна пригодность этого средства. Это голосованіе, получившее названіе *плебисцита*, дало 3.570,000 «да» противъ лишь 9,000 «нѣтъ». Бонапартъ принялъ почесть со словами: «Жизнь гражданина принадлежитъ отечеству», и дѣло завершилось измѣненіемъ конституціи, благодаря чему вліяніе трибуната и законодательнаго корпуса сократилось до скромныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ сенатъ, члены котораго назначались консуломъ и который совершенно зависѣлъ отъ него, былъ объявленъ высшимъ учрежденіемъ, что дѣлало консула всевластнымъ: онъ могъ, благодаря посредству этого сената, объявлять все законнымъ, рѣшать и истолковывать все по своему произволу. Мастерскимъ пріемомъ въ этомъ отношеніи было учрежденіе ордена *Почетнаго Легіона*, въ маѣ того же года, съ помощью чего создавался родъ революціоннаго, въ современномъ духѣ, новаго дворянства. «Людей надо приманивать и подчинять игрушками», сказалъ Наполеонъ по этому поводу въ государственномъ совѣтѣ. Его деспотической натурѣ была свойственна циническая откровенность, позволявшая ему объяснять средства, которыя онъ считалъ пригодными для управленія. Въ этотъ разъ онъ былъ правъ, какъ то достаточно свидѣтельствуется исторіей французскаго народа, а также и другихъ націй.

Вассальныя государства.

Европа смотрѣла съ изумленіемъ и непріязнью на это быстро возрастающее, все захватывающее могущество, особенно ярко проявившееся, какъ мы видѣли, въ устроеніи германскихъ дѣлъ, а потомъ такъ легко превратившее, съ помощью созванной въ Ліонѣ консульты, Цизальпинскую республику въ *Итальянскую* съ совершенно новою конституціей и президентомъ въ лицѣ Бонапарта (1802). Затѣмъ, подобнымъ же образомъ, при созваніи швейцарскихъ нотаблей въ Парижѣ, были изданы *Медіаціонные акты* (1803), посредствомъ которыхъ улаживались весьма запутанныя дѣла федераціи. Но дѣятельность кабинетовъ не могла находить себѣ поддержку въ ясномъ и свободномъ выраженіи общественнаго мнѣнія. Въ одной только Англіи существовала пресса, сколько-нибудь способная на такую задачу, и французскую монархію, носившую въ себѣ признаки вырожденія уже при самомъ своемъ началѣ, весьма характеризуетъ тотъ фактъ, что ничто не сердило такъ ея представителя, какъ осиное жало журналистики свободнаго сосѣдняго государства. Консулъ не

имѣлъ понятія о такой свободѣ печати, угнетенной во Франціи еще съ января 1800 г. Онъ считалъ статьи англійскихъ газетъ дѣломъ англійскаго правительства и унижался до того, что самъ диктовалъ для «Монитора» офиціальныя статьи, направленныя противъ англійскихъ министровъ. Никто не довѣрялъ миру, заключенному въ силу необходимости. Торговый договоръ съ Англіей, столь важный для британской торговли, не состоялся; Англичане, съ своей стороны, не спѣшили очистить Мальту, несмотря на условія мирнаго трактата. При открытіи засѣданій законодательнаго корпуса (февраль 1800), Наполеонъ обронилъ, въ своей рѣчи, такія слова: «Англія не въ состояніи одна побороть насъ», что звучало уже почти боевымъ вызовомъ; затѣмъ, на одномъ изъ торжественныхъ пріемовъ дипломатическаго корпуса въ Тюльери, первый консулъ обратился къ англійскому послу въ столь надменномъ и вызывающемъ тонѣ, что тотъ счелъ за лучшее промолчать, чтобы избѣжать еще болѣе прискорбнаго продолженія такой неслыханной сцены. Черезъ два мѣсяца послѣ того, посолъ былъ отозванъ и враждебныя отношенія установились еще до начала войны.

1803. Война съ Англіей. Занятіе Ганновера.

При этой войнѣ, въ которой французскія и голландскія колоніи были снова преданы въ жертву британскому насилію, Бонапартъ обезпечилъ себя дерзкимъ вторженіемъ въ Германію, занявъ *Ганноверъ*, курфюрстомъ котораго былъ Великобританскій король Георгъ III. Нерѣшительность ганноверскаго правительства, слабый нейтралитетъ Пруссіи и паралличное состояніе Германскаго государства допустили, волею или неволею, этотъ захватъ. За два года передъ тѣмъ, въ виду подобной же опасности, Пруссія заняла Ганноверъ; но тайный совѣтъ, мирно управлявшій этой страною, не рѣшился прибѣгнуть снова къ подобной защитѣ, находя ее не менѣе угрожающей, чѣмъ непріятельское нашествіе. Когда же опасность стала настоятельнѣе и генералъ Вальмоденъ рѣшился приготовиться къ отраженію непріятеля, ему было внушено, что слѣдуетъ избѣгать всего, способнаго вызвать «недоразумѣнія и огласку»; штыки слѣдовало пустить въ дѣло лишь при крайней необходимости, но и то «съ умѣренностью». Затѣмъ совѣтъ обратился-таки за помощью къ Пруссіи, но прусское правительство уклонялось отъ всякаго рѣшительнаго шага, позволяя водить себя за носъ Бонапартовымъ дипломатамъ, которые дѣйствовали, въ этомъ случаѣ, то лестью, то угрозами. Кончилось тѣмъ, что Французы, всего въ числѣ 12,000 чел., подъ командою Мортье, вступили въ Ганноверъ; ганноверская армія, стойкая и превосходившая непріятеля своей численностью, уклонилось отъ боя, согласно предписаніямъ своего правительства, что привело къ самому унизительному для Германіи *Сулингенскому* договору (3 іюня 1803), по которому требовалось распущеніе ганноверской арміи и подчиненіе всего Ганновера Французамъ, войска которыхъ оставались въ странѣ, продовольствуясь на мѣстный счетъ. Кургафенъ и Лауенбургъ были тоже заняты Французами. Германія была слишкомъ слаба для какого-либо сопротивленія; это видно изъ той легкости, съ которою даже Пруссія примирялась съ этимъ опаснымъ положеніемъ дѣлъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, когда Французы овладѣли Ганновером, другая армія ихъ успѣла занять *Неаполь*.

Англичане, съ своей стороны, блокировали гавани и устья рѣкъ, такъ что населенія несли двойныя потери. Первое значительное пораженіе за океаномъ было нанесено Французамъ въ Вестъ-Индіи, гдѣ они потеряли навсегда богатѣйшее изъ своихъ заморскихъ владѣній, островъ *Санъ-Доминго*. При этомъ одинъ изъ негритянскихъ вождей, Туссенъ Лувертюръ, былъ захваченъ Французами самымъ подлымъ обманнымъ образомъ, привезенъ во Францію и умеръ тамъ жертвою новой тиранніи (апрѣль 1803). Но преемники его на островѣ, особенно негръ Христофоръ, были опаснѣе его, — а еще опаснѣе ихъ была желтая лихорадка, отъ которой гибли европейскіе солдаты и генералы. Первый консулъ воспользовался коротким миромъ на морѣ для отправки флота къ Санъ-Доминго, но теперь не могло уже быть и рѣчи о новомъ завоеваніи острова, и въ ноябрѣ 1803 г., остатокъ французской арміи, подъ начальствомъ Рошамбо, долженъ былъ сдаться Англичанамъ. Къ концу года у Французовъ не оставалось уже вовсе владѣній въ Америкѣ, потому что, еще въ апрѣлѣ, они уступили Соединеннымъ Штатамъ (президентъ Монроэ), за 60 милліоновъ франковъ, свое владѣніе на материкѣ, Луизіану, которую и безъ того не могли бы удержать.

1804. Убійство герцога Ангіенскаго.

Война съ Англіей и покушенія внутри государства только ускорили установленіе Наполеоновской монархіи. Въ теченіе 1803 года, въ Англіи составился заговоръ противъ Бонапарта. Въ 1804 году въ Парижъ прибыли два значительные члена этого заговора: бывшій генералъ Пишегрю и отважный, хитрый шуанъ Жоржъ Кадудаль. Ихъ не захватили, однако, тотчасъ, хотя существованіе заговора было извѣстно полиціи, и Моро, какъ знавшій о немъ, былъ уже арестованъ. Но въ концѣ февраля былъ взятъ Пишегрю, а въ мартѣ и Кадудаль. Въ связи съ этимъ ходили слухи о пребываніи въ Парижѣ одного изъ королевскихъ принцевъ. Бонапартъ, въ своей деспотической ярости, заподозрилъ въ этомъ принцѣ, тайно бывшемъ въ столицѣ, именно принца Ангіенскаго, — или, быть-можетъ, притворился убѣжденнымъ въ этомъ просто потому, что это лицо было у него подъ рукою: принцъ проживалъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ французской границы, въ баденскомъ мѣстечкѣ Эттенгеймъ. Онъ былъ захваченъ съ самымъ дерзкимъ нарушеніемъ всякаго права: въ ночь на 15 марта, два французскіе отряда переправились черезъ Рейнъ; одинъ изъ нихъ занялъ Эттенгеймъ, овладѣлъ особою принца и доставилъ его въ Страсбургъ; 20 числа узникъ былъ уже въ Венсенѣ и подвергнутъ военному суду, состоявшему изъ пяти полковниковъ. 21-го все было кончено. Принцъ сохранилъ до конца свою твердость, достойную славнаго имени Конде, передъ этими слугами тиранніи, достойной тоже своего якобинскаго происхожденія. Онъ требовалъ свиданія съ консуломъ, но тотъ рѣшился на преступленіе, желая доказать монархистамъ и легитимистамъ на что онъ способенъ. Позднѣе, когда ему не было уже никакого—по крайней мѣрѣ, политическаго—повода скрывать истину, онъ сказалъ, что повторись подобное же положеніе, онъ поступилъ бы опять точно такъ же: «Это могло быть преступленіемъ, но не ошибкой», такъ выразился онъ, послѣ того какъ подобныя преступленія, превратившись въ ошибки, привели его на островъ Св. Елены. Приговоръ былъ произнесенъ обычнымъ порядкомъ

революціонныхъ трибуналовъ: предсѣдательствовавшій, полковникъ Гюленъ, отъѣзжая въ Парижъ для испрошенія отсрочки казни, могъ, въ то же время, слышать выстрѣлы, подъ которыми падалъ послѣдній изъ Конде, при свѣтѣ ночныхъ фонарей, въ одномъ изъ венсенскихъ рвовъ... «въ ста шагахъ отъ того дуба, подъ которымъ творилъ судъ Св. Людовикъ», по картинному выраженію легитимиста Шатобріана. Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей постели, 6 апрѣля; говорили, что онъ самъ покончилъ съ собою. Кадудаль, съ одиннадцатью сообщниками, былъ казненъ 25 іюня; онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, внушавшимъ консулу своею энергіею и стойкостью страхъ, и потому уваженіе. Побѣдитель при Гогенлиденѣ, въ которомъ раболѣпные судьи, несмотря на всѣ свои подвохи, не могли отыскать вины, былъ помилованъ, но лишь подъ условіемъ удалиться въ Америку.



Людовикъ-Антонъ-Генрихъ де-Бурбонъ, герцогъ Ангіенскій.
Портретъ работы Виллье Гюэ, гравированъ А. Кардономъ.

Впечатлѣніе. Германія.

Знать и самыя высшія сферы были глубоко поражены убійствомъ принца, и это впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что они должны были скрывать свой ужасъ и омерзеніе въ эту минуту. Императоръ и Германія не предприняли ничего противъ совершеннаго правонарушенія, какъ не протестовали и противъ занятія Ганновера. Русскій императоръ Александръ I и Шведскій король Густавъ III напоминали сейму объ его обязанностяхъ; оба двора наложили оффиціальный трауръ по погибшемъ принцѣ, но Австрія, дѣйствуя за-одно съ Пруссіей, постаралась замять дѣло. Разлагавшійся трупъ нѣмецкаго государства былъ лишенъ всякаго

чувства національной чести, и при такомъ смиреніи со стороны наиболѣе затронутыхъ злодѣйской расправой, французское правительство дошло въ своей наглости до того, что свалило все дѣло на англійскихъ пословъ и агентовъ штутгартскаго, мюнхенскаго и кассельскаго кабинетовъ.

Императоръ Наполеонъ.

Для увѣнчанія зданія монархіи только и требовался этотъ заговоръ. 27 марта 1804 г., тотчасъ вслѣдъ за вступленіемъ въ силу наполеоновскаго кодекса «*Code civil*», сенатъ намекнулъ консулу, что ему слѣдовало придать прочность совершенному имъ, увѣковѣчить основанную имъ новую эру. Бонапартъ попросилъ сенаторовъ выразиться яснѣе... Налаженный аппаратъ принялся дѣйствовать энергично. Законодательное собраніе приняло проэктъ къ разсмотрѣнію, и только одинъ изъ его членовъ, Карно, имѣлъ смѣлость представить свои возраженія. 18 мая 1804 г., подъ предсѣдательствомъ второго консула, Камбасереса, состоялось сенатское опредѣленіе, по которому Наполеонъ Бонапартъ признавался потомственнымъ *императоромъ Французовъ*. Достойное собраніе отправилось торжественно въ Тюльери и вручило первому консулу этотъ декретъ, вмѣстѣ съ просьбою ввести новый строй государства еще до одобренія его національнымъ собраніемъ, хотя «избранникъ націи» и поставлялъ условіемъ это одобреніе. Дѣйствительно, уже 20-го числа, въ Троицынъ день, послѣдовало провозглашеніе Наполеона императоромъ; потомъ были приняты еще нѣкоторыя измѣненія въ конституціи; исходъ народнаго голосованія, принимаемаго теперь за дѣло второстепенное,—какъ оно и было въ дѣйствительности,—былъ обнародованъ только въ ноябрѣ; 4½ милліона голосовъ сказали «да»; лишь 2,569 приняли на себя напрасный трудъ выразить свое несогласіе.

Коронація.

Такимъ образомъ, революція, по истеченіи 15 лѣтъ, выродилась въ монархію. Въ «органическомъ статутѣ», которымъ узаконивалось дѣйствіе новой конституціи (май 1804 г.), укротителю и преемнику этой революціи предоставлялось право издавать новые законы даже въ томъ случаѣ, если сенатъ находилъ ихъ не вполнѣ согласными съ конституціей,—до того было сильно противуреволюціонное движеніе. Пышность, знаки отличія, декоративность—все, безъ чего не можетъ, по своему мнѣнію, обойтись дворъ, въ особенности новый, напоминало о временахъ Карла Великаго; Наполеонъ учредилъ шесть высшихъ придворныхъ должностей, назначилъ шестнадцать маршаловъ; братья и сестры его получили титулъ принцовъ и принцессъ, съ правомъ на почести, воздаваемыя членамъ императорскаго дома, и на полученіе удѣловъ. Исключеніями были только Луціанъ, сохранившій свои республиканскія убѣжденія, и баловень семьи, младшій братъ Наполеона, Іеронимъ, который, бывъ еще лейтенантомъ морской службы, женился очень прилично въ Америкѣ (1803); но теперь, когда звѣзда Бонапарта возсіяла такъ ярко, этотъ бракъ считался за «*mésalliance*». Самъ императоръ получалъ 25 милліоновъ содержанія, при чемъ всѣ его приближенные старались сорвать что-нибудь въ свою пользу,—совершенно какъ при прежнемъ монархическомъ режимѣ. Особымъ расположеніемъ императора пользовались прежніе аристократы и аристократки, которые могли быть лучшими рукодителями по части церемоніала при происходившей здѣсь комедіи. Высшимъ сановникамъ было

возвращено право учреждать маіораты; создалось новое дворянство: бароны, графы, герцоги, лишенные только феодальныхъ правъ. Въ сентябрѣ 1805 г. былъ возстановленъ и грегоріанскій календарь. Новое время сливалось со старымъ, и для того, чтобы этотъ новый міръ получилъ освященіе отъ стараго, въ самый годъ основанія императорскаго престола, послѣдовало и коронованіе императорской четы,—великолѣпное зрѣлище, для участія въ которомъ былъ вызванъ Пій VII,—угрозами, обѣщаніями, приманками, которыми его обольщали, и мечтами, которыми онъ самъ себя обманывалъ. Торжество совершилось въ соборѣ «*Nôtre-Dame*»: въ ту минуту, когда папа хотѣлъ взять корону, Наполеонъ предупредилъ его и возложилъ ее на себя самъ; онъ повторилъ то же и съ короной, назначенной для императрицы. Папа былъ вынужденъ довольствоваться ролью зрителя, и единственнымъ его успѣхомъ было то, что бракъ Наполеона, заключенный въ 1796 г. лишь гражданскимъ порядкомъ, по настроенію того времени, получилъ теперь и церковное благословеніе. Однако, священный обрядъ, хотя и совершенный самимъ папою, не предохранилъ, впослѣдствіи, этотъ бракъ отъ разрыва.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Третья коалиція.—Ульмъ и Трафальгаръ.—Аустерлицъ и Пресбургскій миръ.—Королевство Неаполитанское.

Обозрѣніе прошлаго.

Истекшія пятнадцать лѣтъ представляютъ во Франціи слѣдующую картину: нація бодро приступаетъ къ переустройству обветшалыхъ и сгнившихъ государственныхъ порядковъ, но при этомъ стремленіи, переходящемъ въ бурный порывъ, сокрушаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ законные государственные и общественные устои. Движеніе, вдохновленное идеализмомъ и отвлеченностями, разнуздываетъ и стихійныя силы, неистовая страстность которыхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Съ трудомъ создается нѣчто подобное конституціи, но построенное безъ всякаго соображенія съ живою дѣйствительностью; витая въ заоблачныхъ сферахъ, она оказывается уже отсталой въ тотъ моментъ, когда должна вступить въ силу. Не иностранное вмѣшательство, а скорѣе страхъ передъ отверженными ею собственными дѣятелями, возбуждаетъ революціонныя силы и доставляетъ имъ предлогъ къ разрушенію. Трона не стало и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Франція представляетъ невиданное еще міромъ зрѣлище.

Дикій водоворотъ своевольныхъ, не знающихъ преградъ похотей поглощаетъ все, созданное вѣками: дворянство, Церковь, вѣру, нравы. Власти, вознесенныя однимъ днемъ, на завтра уже не существуютъ; онѣ погребаются въ волнахъ разъяреннаго моря, и на злополучную страну обрушиваются всевозможныя бѣдствія: внѣшняя война и междоусобная, религіоз-

ная борьба, безначаліе, безработица, грабежи, голодъ и организованное убійство. Правительство состоитъ изъ худшихъ силъ анархіи и деспотизма; народъ, признаваемый верховнымъ владыкою, на дѣлѣ загнанъ, трепещетъ въ страхѣ и безжалостно эксплоатируется тѣми самыми, которые вѣнчаютъ его призрачнымъ главенствомъ и сулятъ ему свободу. Старая Франція опускается въ бездну, тонетъ въ ней, какъ утонули Римъ и Греція или древняя Галлія. Наконецъ, по прошествіи четырехъ страшныхъ лѣтъ, буря стихаетъ, великій потопъ начинаетъ спадать и изъ разрушенія начинаетъ возникать нѣчто походящее на настоящее правительство, порядокъ, человѣческія отношенія.

Но среди этого хаоса образовался новый организмъ, вожди котораго совсѣмъ, или хотя отчасти, сберегли себя отъ пролитія крови своихъ согражданъ: это армія. Геній государственности нашелъ себѣ убѣжище тамъ, въ военномъ лагерѣ, и нѣкоторые изъ военачальниковъ пріобрѣли тотъ авторитетъ, котораго недоставало правящимъ говорунамъ, но безъ котораго немыслимо управленіе большою страною. Послѣ исчезновенія прежнихъ властей или доказательства ихъ устарѣлости, что дѣлало тѣмъ настоятельнѣе потребность въ новой власти, главою націи, порвавшей со всѣмъ своимъ прошлымъ, долженъ былъ стать, естественнымъ образомъ, самый побѣдоносный, самый честолюбивый, холодный сердцемъ и самоувѣренный изъ военныхъ вождей. Его желѣзная рука создала то, что необходимѣе всего для каждаго народа: порядокъ и спокойствіе; она обезпечила за Франціей матеріальныя, механическія пріобрѣтенія ея бурныхъ лѣтъ, вознаградила и за утрату свободы,—которая была не достигнута ею, да впрочемъ, и не могла быть достигнута тѣмъ бурнымъ революціоннымъ натискомъ,—вознаградила завоеваніями и удовлетвореніемъ того грубаго честолюбія, какимъ самый этотъ вождь былъ проникнутъ вмѣстѣ съ массою націи, и который, въ сущности, вполнѣ соотвѣтствовалъ духу эпохи, несмотря на всю ея философію и гуманничанье.

Имперія. Вассальныя государства.

Новая имперія была признана безъ особыхъ затрудненій и съ бо́льшею или меньшею любезностью со стороны державъ; 8-го іюля прибыли въ Тюльери съ поздравленіями и пожеланіями счастія отъ своихъ правительствъ различные послы: испанскій, съ страною котораго были установлены особо хорошія отношенія съ 1796 г., неаполитанскій, прусскій, баварскій, саксонскій, вюртембергскій, гессенскій, швейцарскій, вмѣстѣ съ посломъ отъ Батавской республики и папскимъ нунціемъ. Въ августѣ послѣдовало признаніе имперіи Австрійскимъ императоромъ, прибавлявшимъ при этомъ предусмотрительно, при сохраненіи титула избраннаго Германіей императора, и «наслѣдственный въ Австрійскомъ домѣ титулъ кесарскій, въ виду самостоятельности австрійскихъ владѣній». Австрійскій посолъ вручилъ свои вѣрительныя грамоты новому императору въ Ахенѣ, древнемъ городѣ коронованія нѣмецкихъ государей. Наполеонъ объѣзжалъ въ сентябрѣ вновь присоединенныя германскія земли и долженъ былъ вполнѣ удовольствоваться тѣмъ раболѣпствомъ, съ которымъ встрѣчали его старинные имперскіе города: Ахенъ, Кёльнъ, Майнцъ, совершенно утратившіе, подъ владычествомъ епископовъ, всякое самоуваженіе. Такъ, въ Кёльнѣ жители выпрягли лошадей у экипажа новаго императора и

подвезли его ко дворцу на себѣ. Связь съ Карломъ Великимъ не придавала особаго блеска императорскому сану, служа лишь декораціей и тэмою для разглагольствованій при торжественныхъ рѣчахъ. Но, будучи лишь простою театральною мишурою, связь эта была удобнымъ предлогомъ для всякихъ завоеваній, присоединеній и перемѣнъ въ управленіи странъ: благодаря Карлу Великому, который, съ своей стороны, примыкалъ къ римскимъ императорамъ Траяну и Августу, можно было оправдывать рѣшительно все. Внутренній строй вассальныхъ государствъ принмѣнялся къ новой системѣ; такъ, въ *Батавской республикѣ*, безъ формальнаго еще превращенія ея въ королевство, высшая власть была поручена президенту совѣта,—Шиммельпфенингу, — безсмѣнно, на пять лѣтъ. *Генуя*, которая, по своему положенію и приспособленности своихъ жителей къ морской службѣ, составляла весьма важный пунктъ, была, по просьбѣ своего сената, включена въ составъ имперіи, при чемъ была разыграна комедія плебисцита, то-есть списковъ, въ которые каждый вписывалъ свое «да» или «нѣтъ». Въ томъ же мѣсяцѣ (іюнь), Наполеонъ передалъ княжества Лукку и Піомбино въ наслѣдственное владѣніе мужу своей сестры Элизы, Феликсу Баччіоки; а въ іюлѣ герцогства Парма, Піаченца и Гвасталла были присоединены къ Франціи въ качествѣ 28-го военнаго округа. Эти мѣры можно считать незначительными, такъ какъ имъ предшествовала болѣе важная: превращеніе республики въ «*Королевство итальянское*». Учредительное собраніе сдѣлало само этотъ весьма естественный шагъ: оно предложило корону тому, кто королевство создалъ. Нѣсколько времени шла рѣчь о передачѣ ея брату Наполеона, Іосифу, ради того, чтобы уже не слишкомъ возбуждать весь старый монархическій міръ, но эта мысль была скоро оставлена, потому что Іосифъ самъ изъявилъ несогласіе, а Австрія какъ бы бросила вызовъ Наполеону, торжественно отпраздновавъ годовщину битвы при Маренго на самомъ полѣ сраженія. Наполеонъ отвѣтилъ на это, возложивъ на себя (26 мая), въ Миланѣ, желѣзную корону Ломбардіи и принявъ, при этомъ, и многозначащій титулъ короля Италіи. Итальянцы были, вообще, довольны такимъ оборотомъ дѣлъ, особенно при назначеніи къ нимъ вице-королемъ пасынка Наполеонова, Евгенія Богарнэ, тогда еще очень юнаго, но выказавшаго потомъ болѣе благородства и честности, нежели всѣ члены семьи Бонапарта.

Такія событія, доказывавшія, что Наполеонъ считаетъ дозволеннымъ себѣ все, обусловили новую — третью — европейскую *коалицію*, подготовлявшуюся съ весны 1804 г. Съ 15 мая Вильямъ Питтъ снова вступилъ въ управленіе англійскими дѣлами; онъ желалъ составить министерство изъ талантливыхъ людей обѣихъ партій, но король былъ слишкомъ ожесточенъ противъ вождей виговъ и потому былъ образованъ торійскій кабинетъ. Зная, что завѣтною мечтою Наполеона была высадка въ Англію, Питтъ, естественнымъ образомъ, долженъ былъ стараться создать ему враговъ на материкѣ. Общественное мнѣніе въ Англіи встрѣчало сочувствіе при Вѣнскомъ и Петербургскомъ дворахъ, равно какъ въ аристократическихъ кругахъ всей Европы. По общему убѣжденію, дѣло шло о подавленіи новой революціи, лишь измѣненной по

1804. Третья коалиція.

внѣшности, но не по существу. Коалиція выразилась четырьмя договорами: между Австріей и Россіей (6 ноября 1804 г.), Швеціей и Англіей (3 декабря 1804 г.), Швеціей и Россіей (19 января 1805 г.) и Англіей и Россіей (11 апрѣля 1805 г.). Не уклонился отъ участія въ коалиціи и императоръ Александръ I, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ державшійся въ сторонѣ отъ европейскихъ событій и исключительно занятый внутренними преобразованіями въ предѣлахъ своей имперіи. Тѣ послѣдствія, которыми грозило Европѣ быстро развивавшееся могущество и самовластіе Наполеона, побудили и юнаго императора Россійскаго поднять противъ него оружіе. Пруссія не согласилась войти въ эту коалицію, хотя на смѣну графа Гаугвица, или въ подмогу ему, былъ назначенъ болѣе способный государственный дѣятель, Гарденбергъ. Король, человѣкъ честный, но дюжинный и крайне нерѣшительный, стоялъ за нейтралитетъ, и неловкость, съ которою подступали къ нему русскіе дипломаты, равно какъ безразсудство Шведскаго короля Густава IV, утверждали его въ этомъ настроеніи. Народнаго мнѣнія, не только что народнаго представительства, тогда вовсе не существовало; въ общемъ, нація не могла упрекать въ чемъ-либо своихъ государей, не виня и себя. И народамъ, и государямъ слѣдовало пройти напередъ горькую школу безпримѣрныхъ бѣдствій, неслыханныхъ пораженій и невыносимаго чужеземнаго ига, прежде нежели они уяснили себѣ, что могли водворить истинный миръ.

1805. Война. Планъ военныхъ дѣйствій, составленный втайнѣ союзниками, казался грандіознымъ. Онъ охватывалъ территоріальное пространство отъ Тарента на югъ до Куксгавена на сѣверъ, слѣдовательно, всю ширину Европы. Русскіе и Англичане, подкрѣпленные неаполитанскою арміей,—въ общей сложности 25,000 чел., — должны были образовать лѣвое крыло союзниковъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ; въ Сѣверную Италію назначалась громадная австрійская армія въ 142,000 чел.; въ Тиролѣ и Форарльбергѣ должны были дѣйствовать 53,000 чел., а 89,000 чел. составлять центръ расположенія. Подвигаясь черезъ Лехъ, они выждали бы здѣсь прибытія двухъ вспомогательныхъ русскихъ корпусовъ, численностью въ 90,000 чел. На правомъ крылѣ, для дѣйствія противъ Ганновера, слѣдовало собраться шведско-русскому корпусу въ 30,000 чел. При исполненіи всѣхъ предположенныхъ движеній, Швейцарія была бы занята и союзныя арміи вступили бы во Францію. Всѣ эти цифры были хороши на бумагѣ, но не соотвѣтствовали дѣйствительности; сверхъ того, въ Вѣнѣ, по обычаю, добивались извѣстной цѣли, но не заботились о настоящихъ средствахъ къ ея достиженію. Въ силу этого, на самый важный постъ начальствующаго главною арміей, которой предстояло дѣйствовать въ Баваріи и Швабіи, назначенъ былъ жалчайшій изъ военныхъ генераловъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ Карлъ *Макъ*, сочинитель бумажныхъ проэктовъ и организаторскихъ комбинацій, большой труженикъ, но человѣкъ безъ малѣйшихъ военныхъ способностей. Главноначальствующимъ здѣсь былъ, по имени, молодой племянникъ императора, эрцгерцогъ Фердинандъ; въ Тиролѣ—эрцгерцогъ Іоаннъ; въ Италіи—эрцгерцогъ Карлъ, несомнѣнно самый дѣльный изъ австрійскихъ военачальниковъ, за что

онъ и былъ нелюбимъ тѣмъ жалкимъ государемъ, которому злая судьба Австріи и Германіи вручила скипетръ въ эту страшную эпоху. Тѣмъ не менѣе, всѣ были убѣждены въ побѣдѣ, и даже тѣ люди, которые знали всю оборотную сторону показнаго, какъ, напримѣръ, Фридрихъ фонъ-Генцъ, членъ государственной канцеляріи, утверждали, что «звѣзда тирана меркнетъ». Всѣ воображали, что Наполеону ничто не извѣстно и что его застанутъ врасплохъ.

Наполеонъ въ Булони.

Онъ былъ, дѣйствительно, всецѣло поглощенъ, въ это время, своими приготовленіями къ высадкѣ въ Англію. Съ этою цѣлью, къ Булони было стянуто 150 — 170,000 чел. «Овладѣвъ на сутки проливомъ, мы овладѣемъ міромъ». Это предпріятіе было, несомнѣнно, самою горячею мечтою Наполеона, и въ Англіи смотрѣли на это дѣло очень серьезно, что доказывается тѣми громадными суммами, которыя англійское правительство пересылало на материкъ для поддержанія тамъ войны, не пренебрегая и своими собственными вооруженіями. Но предположенія Франціи не оправдались: французскій адмиралъ Вильнёвъ успѣлъ отвлечь эскадру Нельсона ложнымъ морскимъ походомъ на Вестъ-Индію, но ему не удалась другая часть плана, именно возвращеніе къ франко-испанскому западному берегу, Ферролю и Бресту, для освобожденія блокированныхъ тамъ французской и испанской эскадръ и для совмѣстнаго съ ними «овладѣнія на 24 часа Ламаншемъ». Весь планъ вторженія въ Англію былъ безумiемъ, и если Наполеонъ не могъ приступить къ нему, то это было для него особеннымъ счастьемъ.

Онъ былъ вынужденъ отказаться отъ предпріятія, но приготовленія къ нему послужили къ боевой готовности арміи, вполнѣ снаряженной и которую ему оставалось лишь вести въ дѣло. Это были наилучшія войска, обученныя тщательно въ теченіе полутора года; самъ онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ мужественныхъ силъ: ему было 36 лѣтъ; большинство его генераловъ были того же возраста; все это были люди дѣятельные, воодушевленные его мыслями. Наполеонъ всегда глубоко обдумывалъ свои планы и его рѣшимость вести свои отряды въ самое сердце Германіи не была плодомъ гнѣвной вспышки, какой-нибудь до- или послѣ-обѣденной импровизаціи, какъ то любятъ представлять французскіе историки. Диктуя новые планы, отдавая приказы, онъ входилъ во всѣ мелкія подробности дѣла; такъ, онъ остановилъ всю корреспонденцію отъ Булони до Рейна, съ тою цѣлью, чтобы вѣсть объ его выступленіи въ походъ не дошла преждевременно до его противниковъ. Его дневной приказъ вышелъ въ Булони 1 августа, и мощныя боевыя колонны двинулись стройно впередъ, повинуясь ясной, сознательной высшей волѣ, поощрявшей починъ и низшихъ военныхъ начальниковъ. Каждый корпусъ тронулся въ свой часъ и, благодаря замѣчательнымъ распоряженіямъ, щадившимъ солдатскія силы, но цѣнившимъ и значеніе времени, прибылъ въ указанный день на указанный пунктъ. Такая точность, внушая довѣріе всѣмъ частямъ войскъ, была уже напередъ ручательствомъ за побѣду,—тѣмъ болѣе, что въ непріятельскомъ лагерѣ господствовало совершенно противное и союзники долго не знали рѣшительно ничего о движеніи Французовъ. Положеніе Германіи, обусловленное Люневиль-

скимъ міромъ, было весьма выгодно для Наполеона. Пруссія не вынимала меча изъ ноженъ; южно-германскія государства—Баденъ, Баварія, Вюртембергъ—были уже на сторонѣ французовъ, если не вполнѣ, то хотя наполовину. При вторженіи Австрійцевъ въ Баварію (8 сентября), курфюрстъ Максъ-Іосифъ,—не имѣвшій причинъ быть признательнымъ Австріи, которая посягала на его страну со временъ Іосифа II, — бѣжалъ, предоставя своимъ войскамъ усилить армію Бернадота, наступавшую съ сѣвера, изъ Ганновера.

Такимъ же образомъ усилили армію Наполеона 4,000 Баденцевъ, 10,000 Вюртембергцевъ. Характеръ заключенныхъ съ ними договоровъ обрисовывается тѣмъ, что Наполеонъ обѣщаетъ вюртембергскому тирану, курфюрсту Фридриху, помощь противъ сопротивлявшихся ему мѣстныхъ сеймовъ. Въ своей прокламаціи къ 25,000 Баварцевъ, соединившихся, подъ начальствомъ Деруа и Вреде, съ Бернадотомъ у Вюрцбурга, Наполеонъ говоритъ: «Вы послѣдуете примѣру своихъ предковъ, умѣвшихъ всегда отстоять свою независимость и политическое существованіе—эти первыя блага націй. Зная вашу доблесть, я льщу себя возможностью сказать, послѣ перваго же сраженія, вашему государю и моему народу, что вы достойны занять мѣсто въ рядахъ моей арміи».

Макъ на Дунаѣ.

Такимъ образомъ, сѣть закидывалась уже вокругъ Мака, который передвинулся отъ Инна къ Иллеру, ничего не подозрѣвая, и занялъ позицію между Ульмомъ и Мемингеномъ, въ ожиданіи прибытія русскихъ. Много было понесено потомъ Германіей пораженій, но ни одно изъ нихъ не можетъ идти въ сравненіе съ этимъ, при Ульмѣ, — особенно позорнымъ и внушительнымъ въ то же время, потому что нигдѣ не сталкивались такія неравныя величины, какъ Наполеонъ и Макъ. Этотъ погромъ и затѣмъ—Іенскій лежали самымъ тяжкимъ гнётомъ на душѣ нѣмецкой націи до тѣхъ поръ, пока не были достославно и съ избыткомъ смыты капитуляціями Седана и Меца. Главныя силы Наполеона, перейдя Рейнъ 25 сентября, наступали отъ Швабіи: Мармонъ вверхъ по Майну, Бернадотъ черезъ Гессенъ, по направленію къ Мюнхену. Макъ не дѣлалъ никакихъ рекогносцировокъ, хотя имѣлъ превосходную кавалерію и въ достаточномъ числѣ; пользуясь его оплошностью, Французы заняли вокругъ него всѣ проходы и положительно отрѣзали ему путь къ отступленію. Наполеонъ, видѣвшій Мака въ 1800 г. военноплѣннымъ въ Парижѣ, называлъ его «самымъ бездарнѣйшимъ изъ людей», при этомъ «полнымъ самомнѣнія, считающимъ себя на все способнымъ». Главная квартира Наполеона находилась 6 октября при Нордлингенѣ, 7—при Донаувёртѣ. Французскіе корпуса, въ томъ числѣ и командуемый Бернадотомъ,—который, по приказу Наполеона, прошелъ безпрепятственно черезъ прусскій Ансбахъ, слѣдовательно черезъ нейтральную землю,—соединились для перехода черезъ Дунай, съ цѣлью напасть на Мака съ тыла, между тѣмъ какъ онъ ожидалъ атаки съ фронта, на Иллерѣ. Они овладѣли Донаувёртомъ, пока Ней отвлекалъ на себя Австрійцевъ при Ульмѣ, и заняли позицію на правомъ берегу Дуная, въ тылу Мака. Единственное спасеніе его арміи (или хотя большей части этихъ 55,000—60,000 чел.) зависѣло отъ быстроты, съ которою были бы стянуты всѣ

части, и ихъ еще быстрѣйшаго отступленія. Но, пока Макъ колебался, послѣдніе проходы черезъ Лехъ и Иннъ были заняты; единственно возможный путь еще открывался къ югу, въ Тироль; другой, болѣе опасный, къ сѣверо-востоку, на Богемію. Но довольно удачный бой 11 числа побудилъ Мака удержать свою позицію при Ульмѣ, несмотря на настоянія всѣхъ офицеровъ покинуть ее; 13 числа, перемѣнивъ свое мнѣніе, Макъ отдалъ приказъ къ отступленію; но Наполеонъ уже приготовился къ большому сраженію съ своими превосходными силами: онъ собралъ до 80,000 чел. между правымъ берегомъ Дуная и Иллеромъ, а Макъ,—который не могъ выйти изъ Ульма, какъ Базенъ изъ Меца въ дни отъ 14 до 18 августа 1870 г. — снова измѣнилъ свой планъ и сосредоточилъ всѣ свои силы у Ульма.

Послѣ полудня онъ поддался обману шпіона, который уже прежде надувалъ его невѣрными показаніями о движеніи арміи Наполеона, о невѣроятномъ наступленіи Англичанъ къ Парижу, о вспыхнувшей тамъ антиреволюціи, о войнѣ, объявленной Пруссіей; Макъ старался самъ себя убѣдить, что Наполеонъ думаетъ объ отступленіи. Ему казалось, что движенія войскъ, затишье на лѣвомъ берегу Дуная и многое указывало на *отступленіе*, и что теперь настала минута истребить врага. «Мы должны», говорилъ онъ, подвигаясь къ Нёрдлингену,—«думать о томъ, чтобы тревожить отступленіе врага, и наша армія должна, одновременно съ нимъ, достигнуть Рейна, можетъ-быть, даже перейти его вмѣстѣ съ нимъ».

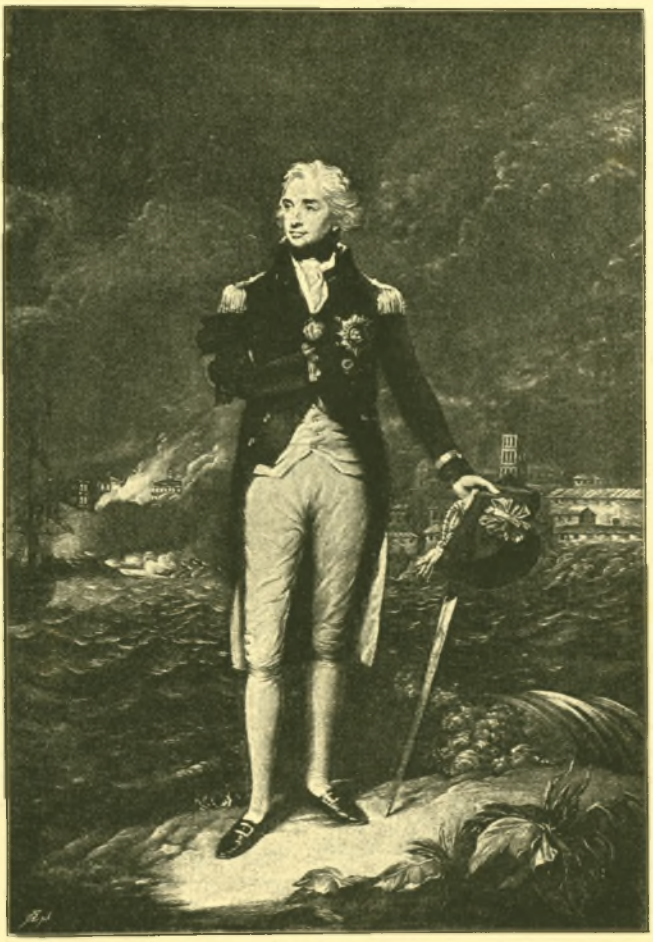
Капитуляція при Ульмѣ.

14-го, и въ тотъ самый день, когда, близъ Меммингена, 4,000 челов., 11 батальоновъ, должны были сдаться на капитуляцію, Ней, послѣ храбраго сраженія, овладѣлъ проходомъ у Эльхингена, недалеко отъ Ульма, чтобы поддержать, еще слабыя, войска на другомъ берегу рѣки: къ вечеру Ульмъ былъ окруженъ. Въ ночь эрцгерцогъ Фердинандъ съ 12 эскадронами, ради спасенія ихъ, покинулъ городъ, такъ какъ нельзя было сомнѣваться въ томъ, что должно произойти; онъ присоединилъ къ себѣ еще кое-кого изъ корпуса генерала Вернеке, которому приказано было отступать; между тѣмъ, главная армія должна была положить оружіе 18-го, при Трохтельфингенѣ. Генералъ былъ настолько простодушенъ, что капитулировалъ и войсками, уже ушедшими. Съ 1,700 челов. кавалеріи, 400 канонировъ безъ пушекъ и 163 челов. артиллерійскаго фурштадта достигъ эрцгерцогъ Эгера, въ Богеміи, 21 октября. Между тѣмъ, подъ Ульмомъ судьба была рѣшена. Французы штурмовали 15-го Михельсбергъ, возвышающійся надъ городомъ, а Макъ прислалъ дневной приказъ, очень храбрый, но самъ не явился на мѣсто битвы. Нельзя уже было избѣгнуть капитуляціи, но можно было оттянуть ее, что для общаго положенія дѣлъ было бы крайне важно. 16-го начаты были переговоры, а 17-го Макъ подписалъ ихъ: офицеры отпускаются на честное слово, солдаты остаются военноплѣнными, но на свободѣ, ежели будетъ уплачено вознагражденіе до 25-го; въ этотъ день городъ долженъ быть сданъ. Этотъ срокъ Макъ тоже не растянулъ, хотя онъ былъ очень важенъ; всякій день задержки Наполеона былъ на пользу для приближавшихся русскихъ войскъ. Онъ сдалъ позицію 20-го; Австрійцевъ было еще 23,000 человѣкъ, и, выступая изъ города, они должны были пройти

мимо французскихъ солдатъ, выстроенныхъ шпалерой; они дефилировали передъ побѣдителемъ, передъ нимъ сложили оружіе; онъ принялъ генераловъ на одной изъ возвышенностей, выступающихъ у подножія Михельсберга, которую до сихъ поръ называютъ «скалой Наполеона»; онъ обратился къ нимъ съ своеобразной рѣчью, гдѣ проговорился однимъ словомъ о возможности паденія Лотарингской династіи.

Макъ былъ очень милостиво отставленъ отъ должностей, и въ 1819 г. тѣ же посредственности, которыя теперь поставили его на это мѣсто, вновь возвели его въ то же положеніе.

Побѣда Англичанъ при Трафальгарѣ.



Адмиралъ Нельсонъ.
По портрету Эббота, гравировалъ В. Барнардъ.

Утѣшеніемъ, слабымъ и преходящимъ, могло служить то, что французско-испанскій флотъ, въ тѣ же дни, 21 октября, былъ пораженъ и уничтоженъ на морѣ, какъ Австрійцы на сушѣ. Адмиралъ Вильнёвъ, бывшій въ немилости у Наполеона и ожидавшій уже своего замѣстителя, долженъ былъ выступить, противъ своего убѣжденія, по рѣшительному приказу Наполеона, изъ Кадикса и выйти (19 октября) въ море, для нападенія на англійскій флотъ. 18 французскихъ, 15 испанскихъ линейныхъ кораблей и 7 фрегатовъ пошли противъ 27 линейныхъ кораблей и 4 фрегатовъ англійскихъ, подъ командой Нельсона. На поддорогѣ Нельсонъ напалъ на нихъ у мыса Трафальгара, между Гибралтаромъ и Ка-

диксомъ. «Англія ожидаетъ, что всякій будетъ исполнять свою обязанность», былъ его простой дневной приказъ; такъ и случилось: побѣда была полная, но самъ Нельсонъ палъ на бортѣ своего адмиральскаго корабля. Англичане захватили семнадцать непріятельскихъ кораблей и только десять возвратились въ Кадиксъ; жестокое пораженіе это стоило жизни 8,000 Французовъ и Испанцевъ. Буря, застигшая ихъ ночью, довершила пораженіе французско-испанскаго флота и отняла у Англичанъ часть ихъ добычи. Для Наполеона не могло быть и рѣчи о побѣдоносномъ продолженіи морской борьбы послѣ пораженія, въ которомъ виноватъ онъ былъ лично самъ. Тѣмъ тяжеле была для него война на сушѣ; обманчивое счастіе нерѣдко испытываетъ такихъ людей, какъ-бы желая дознаться, въ какой степени они дозрѣли, и желая испытать ихъ. Морское превосходство Англичанъ дало Наполеону нѣчто въ родѣ права, или внушило идеи, за которыя онъ долженъ былъ, какъ ему, повидимому, казалось, бороться для освобожденія торговли отъ тиранніи Англичанъ; такъ какъ онъ не могъ уязвить Великобританію иначе, то онъ долженъ господствовать надъ всѣми союзными державами на сушѣ. Съ этихъ поръ онъ поставилъ себѣ цѣлью «побѣдить Англію на сушѣ».

Наполеонъ въ Вѣнѣ.

Онъ ни на минуту не задумался воспользоваться выгодами, которыя ему доставила капитуляція Ульма и другія, за ней слѣдовавшія. Его величіе, тайна успѣха каждаго великаго полководца, чѣмъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ людей, состоитъ въ томъ, что онъ непоколебимо стремится къ главной цѣли, т. е. военному уничтоженію противника въ важнѣйшемъ пунктѣ. Планъ военныхъ дѣйствій непріятеля былъ разрушенъ разстройствомъ и уничтоженіемъ центральной арміи въ 80,000—90,000 человѣкъ. Отступленіе было лозунгомъ со всѣхъ сторонъ. Эрцгерцогъ Карлъ, пролагавшій себѣ путь въ Италію нападеніями, былъ радъ, отступая теперь внутрь Австріи, что отбилъ, 30 и 31 октября, южнѣе Вероны, сильныя нападенія Французовъ при Кальдьеро, подъ начальствомъ Массены. Въ Тиролѣ, гдѣ командовалъ эрцгерцогъ Іоаннъ и жители были въ прекрасномъ настроеніи, тоже отступали. 5-го ноября Ней достигъ Инспрука съ 12,000 человѣкъ; тутъ несообразительность австрійскаго лагеря была такъ сильна, что они потерпѣли еще отъ капитуляцій, а Французы, напротивъ, устроили соединеніе съ арміей Массены. На другихъ пунктахъ большой операціонной линіи коалиціи, Неаполь и Ганноверъ, ничего не произошло до конца года.

Тотчасъ послѣ ульмской катастрофы, главная армія Наполеона выступила къ востоку, на Вѣну, по теченію Дуная. Первая русская армія подъ начальствомъ Кутузова, или бо́льшая часть ея, достигла въ это время Инна. Русскіе здѣсь не могли удержать силы Наполеона, несмотря на 25,000 человѣкъ Австрійцевъ (Мерфельдъ), не попавшихъ въ число побѣжденныхъ, и вновь подоспѣвшее подкрѣпленіе въ 60,000 человѣкъ. 26-го и 27-го началось отступленіе, и Кутузовъ прекрасно поступилъ, не принявъ сраженія, очень желательнаго для противника; на него обрушились всѣ силы Наполеона, и ему пришлось отступать, отбиваясь на каждомъ шагу отъ ожесточенныхъ нападеній Французовъ, которые гнались по пятамъ за русскими войсками. Только благодаря искус-

ству *Кутузова* и отвагѣ *Багратіона*—этихъ учениковъ безсмертнаго Суворова—отступленіе русской арміи было произведено блистательно и безъ значительнаго урона. Австрійцы имѣли небольшой успѣхъ, 11 ноября, при Штейнѣ, гдѣ нанесенъ былъ чувствительный ударъ отряду маршала Мортье, нимало не поправившій общій ходъ дѣлъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ всегда любили составлять себѣ невѣрное понятіе о своихъ силахъ и силахъ противника, были поражены, убиты извѣстіемъ о катастрофѣ подъ Ульмомъ. Во главѣ государства не было мужественнаго духа, который съумѣлъ бы храбро своею грудью встрѣтить постигшее страну несчастіе. Въ ихъ выраженіяхъ ярости не было истинной силы; напримѣръ, Генцъ былъ внѣ себя при мысли, что «вмѣсто успѣха, о которомъ мечтали, которымъ льстили себѣ, они должны читать побѣдоносные отчеты адской роты, въ своихъ же проклятыхъ газетахъ». 6-го ноября Дворъ и правительство выѣхали изъ Вѣны въ Пресбургъ и потомъ въ Моравію. Около 13-го передовая армія Французовъ, Мюратъ и Ланнъ, приближалась къ столицѣ Австріи. На первомъ мосту стоялъ офицеръ съ зажженнымъ фитилемъ для уничтоженія его, если бы Французы дошли до него. Но всѣ были въ добродушномъ состояніи; французскіе генералы выставили на видъ офицеру, что условлена уже пріостановка военныхъ дѣйствій, и такимъ незатѣйливымъ обманомъ завладѣли мостомъ; такимъ же образомъ далъ себя обмануть губернаторъ князь Ауэршпергъ; его войска отступили и Французы заняли городъ.

Главная квартира Наполеона находилась въ Шёнбруннѣ. Управленіе и полученіе контрибуціи въ занятой странѣ не доставляло трудностей. Чиновники продолжали свою службу при французскомъ интендантѣ. Второе дѣйствіе войны окончилось занятіемъ Вѣны, третье разыгралось въ Моравіи. Кутузовъ, удалившійся къ Брюну, соединился близъ него съ Буксгевденомъ, подошедшимъ со второй русской арміей; австрійская армія, занимавшая Вѣну, прибавилась къ нимъ и составила вмѣстѣ силу свыше 80,000 человѣкъ. Итальянская и тирольская арміи соединились и эрцгерцоги Карлъ и Іоаннъ могли, въ теченіе четырнадцати дней, пододвинуть къ Вѣнѣ 80 или 90,000 челов. Наконецъ, Пруссія, казалось, расположена была выйти изъ своего нейтралитета и дѣйствовать въ пользу коалиціи.

Прусская политика.

Пруссія колебалась все лѣто; съ двухъ сторонъ напирали на короля. Наполеонъ, черезъ своего адъютанта Дюрока, дѣйствовалъ гораздо удачнѣе австрійскихъ и русскихъ посланниковъ; онъ предлагалъ Ганноверъ за союзъ съ Франціей, на что соглашался Гарденбергъ. Но это было противно великодушному образу мыслей короля и нельзя винить его въ томъ; ему казалось, что, сохраняя нейтралитетъ, онъ содѣйствуетъ всеобщему умиротворенію, по крайней мѣрѣ, самъ не нарушаетъ мира. Такая политика, руководимая Гаугвицемъ, возбуждала неуваженіе обоюдное; Гарденбергъ, напротивъ, былъ того мнѣнія, что такая держава, какъ Пруссія, не смѣетъ оставаться нейтральной при столь обширномъ горизонтѣ войны. Царь увѣдомлялъ о своемъ намѣреніи провести одну армію черезъ Силезію, и планъ, который онъ намѣчалъ, исполнили въ дѣйствительности Французы: корпусъ Бернадотта, въ началѣ октября, прошелъ къ театру войны



Прощаніе Александра I съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и Луизой у гроба Фридриха Великаго въ Гарнизонной церкви, въ Потсдамѣ, въ ночь съ 3 на 4 ноября 1805 г.

По картинѣ фонъ-Дэлинга, гравировано Мено Гаасомъ въ Берлинѣ 1806 г.

черезъ нейтральную территорію Аншпаха, несмотря на вывѣшенныя всюду предостереженія. Какъ ни велика была пассивность короля, Наполеонъ слишкомъ понадѣялся въ этомъ отношеніи на его полное равнодушіе къ тому, что касалось чести страны его. Онъ сталъ склоняться къ коалиціи. «Я не хочу имѣть дѣла съ этимъ человѣкомъ», было его

рѣшеніе. Супруга его, Луиза, которая вѣрнымъ женскимъ чутьемъ предугадывала «въ этомъ человѣкѣ» низкую натуру и чувствовала къ нему отвращеніе, вмѣстѣ съ племянникомъ короля, принцемъ Луи-Фердинандомъ, поддерживали его въ этомъ настроеніи всѣми силами и мѣрами. Несчастныя извѣстія съ Дуная утвердили это направленіе, самое вѣрное изъ всѣхъ; добрыми рѣчами, уговорами, переговорами, какъ дѣлали Лукезини и Ламбардъ, нельзя было одолѣть первенства Наполеона, и потому стали на него ополчаться. 25 октября, неожиданно скоро, явился императоръ Александръ лично. Въ Потсдамѣ, у гроба Фридриха Великаго, императоръ и королевская чета высказали взаимно самыя искреннія чувства. Слѣдствіемъ пребыванія тамъ царя было условіе отъ 3 ноября, по которому Пруссія, какъ посредница, предъявитъ Наполеону требованіе о возстановленіи прежнихъ договоровъ — независимость Неаполя, Швейцаріи, Голландіи, Германскаго государства — и разъединеніи итальянской и французской коронъ, какъ главныя основы мира; если это не будетъ принято въ теченіе четырехъ недѣль, Пруссія должна выдвинуть на поле сраженія 180 тыс. челов. Съ инструкціей, основанной на Потсдамскомъ соглашеніи, отправленъ былъ, 23 ноября, графъ Гаугвицъ къ Наполеону.

Аустерлицкое сраженіе.

Всѣ эти обстоятельства говорили въ пользу того, что нельзя принять сраженія и надо избѣгать его, тѣмъ болѣе, что въ близкомъ будущемъ силы союзниковъ должны были утроиться, отчасти присоединеніемъ къ нимъ прусской арміи, отчасти-же — прибытіемъ подкрѣпленій, поспѣшно подходившихъ изъ Россіи; такъ совѣтовали «люди опыта и расчета», съ Кутузовымъ во главѣ. Но близкіе къ Александру молодые военные были другого мнѣнія. По ихъ настояніямъ былъ принятъ весьма легкомысленный планъ австрійскаго генерала Вейратера, и рѣшено было немедленно перейти къ рѣшительному наступленію. Притомъ еще, планъ стали приводить въ исполненіе такъ неосторожно, что уже на первыхъ порахъ обнаружили его сущность и дали Наполеону возможность совершенно измѣнить диспозицію его войскъ. Чтобы выиграть время и стянуть побольше войскъ въ одно мѣсто, Наполеонъ прислалъ предложить небольшую пріостановку военныхъ дѣйствій всего на 24 часа. Ему въ этой пріостановкѣ отказали, а между тѣмъ промедлили 3 дня въ полномъ бездѣйствіи и дали ему возможность запастись силами для ожидаемаго боя. Между Брюномъ и Ольмюцемъ дошло, 2-го декабря, до знаменитаго сраженія «трехъ императоровъ», названнаго Аустерлицкимъ, по замку графа Кауница, гдѣ съ 3-го числа находилась главная квартира Наполеона. Союзныхъ войскъ было около 80 тыс. противъ 70 тыс. Французовъ; Наполеонъ былъ полонъ надеждъ, когда понялъ планъ Австрійцевъ, и приказъ того дня сулилъ его войскамъ вѣрную побѣду. «Когда непріятель двинется, чтобы обойти меня справа, то онъ откроетъ мнѣ флангъ свой»;— такъ оно и случилось. Поле сраженія лежитъ къ югу отъ дороги, ведущей отъ Брюна къ Ольмюцу. Возвышенности Праца были центромъ австрійско-русскихъ войскъ; къ югу оттуда, въ 7 часовъ утра, началось нападеніе съ лѣваго крыла союзниковъ на правое крыло Французовъ. Битва около селеній Тельница и Сокольницъ, на неровной мѣстности, продолжалась безъ особенныхъ успѣховъ для союзниковъ; наконецъ, Наполеонъ высмотрѣлъ мгновеніе,

когда русскія войска отошли отъ центра, въ подкрѣпленіе атаки лѣваго крыла союзнаго войска, наступавшаго противъ Даву; онъ выдержалъ страшный натискъ русской пѣхоты и кавалеріи, но пробился въ центръ союзниковъ, близъ Праца. Къ полудню бой ясно опредѣлился:—сраженіе было выиграно, и началось общее отступленіе. Буксгевденъ, по недоразумѣнію, не подчинившійся приказанію отступать на лѣвомъ флангѣ, поплатился полнѣйшимъ пораженіемъ и уничтоженіемъ своей арміи. Только ночь прекратила битву и преслѣдованіе. Потери были ужасны; часть русскихъ войскъ и артиллеріи, при отступленіи, потонули въ озерахъ, на которыхъ тонкій ледъ подломился... цѣлая армія погибла — 6,000 Австрійцевъ и 21,000 Русскихъ—вѣрнѣе сказать, 30 тыс. убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ; у Французовъ выбыло изъ строя 7—8 тыс. человѣкъ. Несчастіе это поразило Австрію, и окончательно отбило у нея охоту продолжать войну. Императоръ Францъ отдѣлился отъ союзниковъ, которымъ не могъ ничѣмъ помочь. 4-го декабря онъ отправился къ Наполеону, послѣ того, какъ побѣдитель согласился вступить въ переговоры; особенно теперь Францъ игралъ ужасно жалкую роль. Разговоръ императоровъ происходилъ у бивуачнаго огня: «Это единственный дворецъ, который я занимаю, вотъ уже четырнадцать дней», сказалъ ему Наполеонъ, нѣкогда бывшій ученикомъ гасконца Барера. «Послѣ того, какъ я видѣлся съ нимъ», сказалъ Францъ провожавшему его князю Лихтенштейну, на обратномъ пути,—«теперь, когда я его видѣлъ, я его терпѣть не могу», говорилъ онъ, подавляя гнѣвъ свой. То не было движеніемъ мужественнаго чувства, какъ покажетъ вся эта трагедія, до конца.

Пресбургскій миръ.

6-го декабря условлена была остановка военныхъ дѣйствій. Русскіе стройно выступали изъ австрійскихъ владѣній, а Французы заняли подъ свой протекторатъ половину Австріи: эрцгерцогство Австрійское, Штирію, Крайну, Гёрцъ, Истрію, Венецію, Тироль, часть Богеміи, Моравіи, Пресбургъ въ Венгріи; возобновленіе непріятельскихъ дѣйствій при такомъ положеніи сдѣлалось невозможнымъ. Переговоры о мирѣ начались тотчасъ и слѣдствіемъ ихъ былъ *миръ въ Пресбургѣ* 26 декабря 1805 г., стоившій Австріи, кромѣ военнаго налога въ 108 милліоновъ, еще и земельныхъ уступокъ въ количествѣ 1,140 квадратныхъ миль, съ 3 милліонами примѣрно жителей. Итальянскому королевству отдали Венецію, Фріуль и Далмацію и признали его самостоятельность. Баварія предъявляла требованія на Вюрцбургъ, въ пользу Тосканскаго габсбургскаго родства—Тироль съ Брикссномъ и Тріентомъ, Форальбергъ, съ нѣсколькими южногерманскими графствами и владѣніями; австрійскія владѣнія въ Верхней Швабіи и въ нынѣшнемъ Баденѣ были отданы Бадену и Вюртембергу; Брегау, городъ Констанцъ, Майнау—первому, а города въ придунайскомъ округѣ Эхингенъ, Заульгау, Ридлингенъ и др., графство Гогенбергъ и т. д. послѣднему. Австрія получила потомъ Зальцбургъ и Берхтесгаденъ, въ видѣ вознагражденія, около 120 квадр. миль. Баварія, самый дорогой союзникъ Наполеона, сдѣлала лучшее пріобрѣтеніе: она получила около 400 кв. миль. Седьмая статья признала королевскій титулъ за курфюрстами Баварскимъ и Вюртембергскимъ, который они и приняли. «Короли Баварскій, Вюртембергскій и курфюрстъ Баденскій»—такъ объясняла 14

статья, «правятъ новыми землями полновластно, и императоръ Германскій и Австрійскій», значилось далѣе, «ни въ какомъ случаѣ не будетъ имъ препятствовать». Императоръ Германскій, какъ увидимъ далѣе, не мѣшалъ ни въ чемъ: ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ; но какъ понимать первое, полное верховенство, скоро показалъ Вюртембергскій деспотъ, потребовавшій 30-го декабря того же года, отъ коллегій страны, полнѣйшую подданническую присягу; кто этому не подчинялся, тѣхъ увольняли, а остальнымъ объявляли, что конституція уничтожена, и что всякое собраніе или коллегіальное совѣщаніе будетъ наказываться какъ возмущеніе.

Іосифъ король Неаполитанскій. Людвигъ, король Голландскій.

Началъ новый порядокъ дѣлъ: къ деспотизму князей восемнадцатаго столѣтія присоединилось революціонное право силы. Первое это выказало династическое супружество пасынка Наполеона, Евгенія Богарнэ, вице-короля Италіи, съ принцессой Августой-Амаліей изъ Баварскаго дома, находившагося въ большой милости (14 февраля 1806 г.). Еще яснѣе высказался декретъ изъ Шёнбруна отъ 27 декабря 1805 г., направленный противъ Неаполя, куда высадился англо-русскій армейскій корпусъ и былъ принятъ дружелюбно. «Въ Неаполѣ пересталъ царствовать домъ Бурбоновъ Анжу», въ рѣзкомъ разговорѣ сказалъ о «преступной женщинѣ», королевѣ Каролинѣ, Наполеонъ, отвѣчавшій ей такой же открытой ненавистью, какую она къ нему чувствовала. Безъ предложеній предварительныхъ переговоровъ о чемъ-либо, выступили войска Французовъ, подъ начальствомъ брата короля Іосифа и генерала Массены, и двинулись къ Неаполю (15 февраля 1806 г.), а королевская семья бѣжала на свой островъ. 31-го марта былъ назначенъ королемъ Неаполя и Сициліи Іосифъ изъ дома новаго Каролингскаго государства. Депутація изъ Голландіи прибыла въ Парижъ и просила себѣ короля изъ прославившагося дома, третьяго брата Людвига, назначеніе котораго королемъ Голландіи состоялось 6-го іюня; оба они, Іосифъ и Людвигъ, должны были подчиняться



Герцогъ Іоахимъ Мюратъ.
Рисовано Альбертомъ Адамомъ.

волѣ брата-тирана. Сестрѣ своей Элизѣ онъ весной 1805 г. подарилъ княжество Піомбино; другая, Полина, получила теперь Гвасталу. Заслуги фельдмаршаловъ были вознаграждены. Іоахимъ Мюратъ, сынъ содержателя гостинницы въ Кагорѣ, въ качествѣ мужа третьей сестры Наполеона, Каролины, возведенъ въ герцоги Клеве и Берга (15 марта); его военному министру Бертье данъ титулъ князя Невшательскаго (30 марта); маршалу Бернадоту—титулъ князя Понтекорво, а министръ иностранныхъ дѣлъ, подпись котораго стояла, вмѣстѣ съ именемъ Іоанна, князя Лихтенштейна, подъ Пресбургскимъ мирнымъ документомъ, Талейранъ, сдѣланъ княземъ и герцогомъ Беневентскимъ. Всѣ они были вассалами великой имперіи, и 30 марта 1806 г. Наполеонъ издалъ фамильный статутъ, по которому всѣ члены королевскаго дома, даже если они имѣютъ престолъ, въ бракахъ и выборѣ мѣста жительства и т. п. подчиняются волѣ главы дома—императору. Іосифъ остался великимъ избирательнымъ княземъ имперіи, и у него было въ управленіи шесть огромныхъ лэнныхъ владѣній государства, которыми императоръ могъ вознаграждать за оказанныя ему услуги; онъ долженъ былъ ежегодно вносить милліонъ дани: если же онъ, или другой изъ вассальныхъ князей, взыскивалъ слишкомъ снисходительно, то его бранилъ за то верховный властелинъ и грубо напоминалъ ему его происхожденіе. Что онъ имъ представилъ сокращенно, какъ руководство ихъ управленія, можно передать нѣсколькими словами: «Мою армію оплачивать хорошо, ибо ей вы обязаны своимъ существованіемъ». Необходимо припомнить исторію этого страшнаго десятилѣтія, составленную нѣмецкимъ историкомъ изъ собранныхъ имъ писемъ Наполеона къ Іосифу, для оцѣнки силы и слабости этого владычества. «Ты никогда не удержишься общественнымъ мнѣніемъ и потому стрѣляй немилосердо въ лаццарони: только страхомъ можешь ты внушить итальянскому народу полезное уваженіе къ себѣ».—«Наложи на страну контрибуцію въ 30 милліоновъ,—твой способъ дѣйствій слишкомъ нерѣшителенъ, а между тѣмъ солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; да и 30 милліоновъ ничто для такой страны, какъ Неаполь». «Лаской», такъ поучалъ онъ мягкосердечнаго брата, въ которомъ замѣтно было расположеніе сдѣлать свое управленіе пріятнымъ для своихъ подданныхъ и найти иную опору, кромѣ хорошо-оплачиваемой арміи и невоздержныхъ генераловъ, «ласковымъ обращеніемъ не покоряются народы: я наложилъ на Вѣну 100 милліоновъ, и нашли это разумнымъ». «Въ твоихъ прокламаціяхъ не слышу властнаго слова».—«Я съ удовольствіемъ узналъ о сожженіи деревни бунтовщиковъ».—«Какой любви можешь ты ожидать отъ народа покореннаго 40—50,000 человѣкъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣдствія мира.—Конецъ Римскаго государства и Рейнскій союзъ.—Пруссія съ 1805 г.—Іена, Эйлау, Фридландъ.—Миръ въ Тильзитѣ.

Характеръ Наполеона.

Напрасно было бы искать во всей перепискѣ Наполеона болѣе глубокой мысли, или что-нибудь, что напоминало бы Цезаря, или Александра, или Карла Великаго, или даже Фридриха Великаго. Всѣ они, каждый согласно своему времени, обладали *вѣрой*, ихъ величіе состояло въ томъ, что они вѣрнымъ взглядомъ измѣрили силу настоящаго и цѣнили служеніе возвышеннымъ идеямъ. Здѣсь же, въ этой старо-итальянской природѣ тирана, не могло быть и рѣчи о такихъ чувствахъ. Онъ назвалъ бы ихъ идеологіей, въ то самое время, когда эти фразы служили ему для обмана. Его блестящія способности развились до полной силы во время этой послѣдней войны; ясность ума была такая, что самыя запутанныя отношенія онъ понималъ при первомъ взглядѣ. Сила воли, совершенно иная, нежели у обыкновенныхъ людей, желающихъ всегда многаго за-разъ; воля, направляющая всю свою энергію на *одинъ* ближайшій, ясно опредѣленный предметъ, и поддержанная крѣпкими нервами, которые никакой работой не утомлялись, никакими впечатлѣніями не потрясались. Къ нему можно, почти слово въ слово, примѣнить описаніе страшнаго врага своего народа, Ганнибала, сдѣланное римскимъ историкомъ Ливіемъ: «Высшая смѣлость предпринимать опасныя дѣла», и «высшая мудрость посреди опасностей—это тѣло, этотъ духъ не могло сломить или утомить никакое напряженіе; у него не было назначеннаго времени для сна или бодрствованія; лишнее, что оставалось отъ дѣлъ, могло быть отдано отдыху». Онъ описываетъ его военныя доблести, восторгъ солдатъ при его появленіи, который у обоихъ мужей доказывался на дѣлѣ въ одинаковой силѣ, одинаково долго и, можно даже сказать, въ совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ—въ счастіи и несчастіи; одинаковое обаяніе его на своихъ и на солдатъ подчиненныхъ народовъ. Вниманіе приковывается въ удивленіи, когда, на какой-нибудь обширной дѣятельности ума, встрѣтится человѣкъ, достигшій совершенства, или близкій къ тому. Здѣсь былъ полководецъ-совершенство, несравнимый работникъ кабинетный, когда дѣло шло, съ циркулемъ и картой въ рукахъ, о расчетѣ успѣховъ войны; «глазами побивалъ онъ врага», а потомъ, въ пылу сраженія, во время самаго дѣйствія битвы, жилъ какъ въ своей стихіи. Ливій продолжаетъ: «этимъ высокимъ добродѣтелямъ перевѣсъ дѣлали колоссальные пороки (ingentia vitia)—безчеловѣчныя жестокости, болѣе чѣмъ пуническое вѣроломство. Никакого понятія о правдѣ и о святомъ чувствѣ, никакого страха пе-



Наполеонъ I, императоръ.
Портретъ работы Шарля Шатильона, гравированный П. Андуэномъ.

редъ божествами, ни клятвы, ни совѣсти нельзя было отыскать», и нѣсколько иначе, чѣмъ у великаго карѳагенскаго мужа, бывшаго истиннымъ патріотомъ, у Наполеона, вмѣсто всѣхъ этихъ нравственныхъ качествъ, первенствовалъ страшнѣйшій эгоизмъ, для котораго нѣтъ тѣхъ законовъ, какими руководятся обыкновенные люди и по которымъ ихъ судятъ. Съ нахальнымъ лицемѣрствомъ пустилъ онъ въ дѣло религію для сво-

ихъ цѣлей: онъ, который ежедневно попиралъ ногами божественныя и человѣческія права. Въ королевскомъ катехизисѣ, составленномъ тогда, съ одобренія кардинала-легата Капрера, для употребленія во всѣхъ церквахъ Французскаго государства, былъ такой вопросъ: «Какія особенныя обязанности наши относительно императора нашего Наполеона I?» Въ исчисленіи ихъ находится и военная служба, и горячія молитвы объ его благополучіи. «Почему обязаны мы исполнять эти обязанности относительно нашего государя»?—«Потому что Богъ въ высшей степени милосердъ къ нему въ мирѣ и войнѣ, и, создавъ его по своему подобію на землѣ, поставилъ его правителемъ у насъ. Потому, если мы уважаемъ и служимъ императору, то мы чтимъ и служимъ самому Богу!» «Нѣтъ-ли особенныхъ побудительныхъ причинъ, по которымъ мы должны усилить свою преданность нашему императору Наполеону»?—«Да, потому что онъ тотъ, которому въ тяжелыхъ обстоятельствахъ Богъ далъ прозрѣть и возстановить святую религію отцовъ нашихъ». Ту самую религію, которую онъ поносилъ и отъ которой отрекался на берегахъ Нила, когда ему нужно было прикинуться магометаниномъ! Въ этой душѣ тирана все было дѣломъ расчета, самолюбія, лжи и своекорыстія.

Одно только обстоятельство можно было назвать благопріятнымъ: этотъ человѣкъ-демонъ былъ сынъ своего времени: онъ зналъ его потребности, и, принося жертвы своему демону, онъ разбивалъ вдребезги отжившій старый міръ и оказалъ, мимовольно, неоцѣненную услугу европейскому населенію. Никому это не послужило такъ на пользу, какъ Германіи, что можетъ нѣсколько утѣшить автора при печальной обязанности, на немъ лежащей,—разсказать подробности страшнаго крушенія, прослѣдить годы невѣроятнаго, жгучаго позора, въ которомъ едва можно разобраться.

1806 г. Конецъ имперіи. Рейнскій союзъ.

Покореніе Австріи должно было вести за собою паденіе государственныхъ законовъ; Пресбургскій миръ долженъ былъ служить окончательнымъ выводомъ Люневильскаго мира. Во время военныхъ дѣйствій, можно себѣ представить, какую жалкую роль игралъ сеймъ въ Регенсбургѣ. Французы присылали къ нимъ свои бюллетени о побѣдахъ, какъ къ дружественной державѣ, а съ ихъ стороны не видимъ выраженія обиды чужеземцу за такое оскорбленіе. Конечно, нельзя было требовать въ тѣ времена того, что теперь мы считаемъ естественнымъ. Національность, національная гордость, патріотизмъ предполагаютъ существованіе дѣятельнаго народа, государственную жизнь: благодѣянія ея чувствуются, предполагается отечество, которое не есть только созданіе стихотворца или оратора. Баварскому народу объявили, что война ведется «за независимость отечества», что было легко и напоминало происшествія послѣдняго десятилѣтія; говорили о возстановленіи древняго Баварскаго королевскаго дома: «да здравствуетъ Наполеонъ, возстановитель Баварскаго королевства», писали 1-го января 1806 г. въ мюнхенской правительственной газетѣ. Съ этого года начиналась новая эра, и находились даже ученые, которые приводили, какъ украшеніе новой эры, сродство древнихъ Баварцевъ съ Галлами. Не требуется глубокихъ разсужденій, чтобы понять, что новое устройство и старый сеймъ не могли быть соединимы:—даже выраженіе «имперія» избѣгалось въ грамотахъ Пресбургскаго мира; новые короли Баварскій и

Вюртембергскій, говорила ихъ седьмая статья, все-же должны принадлежать къ *confédération Germanique*.

Еще одно средство было для отвращенія паденія имперской конституціи; его нашелъ имперскій канцлеръ Карлъ-Теодоръ фонъ-Дальбергъ. «Его курфюрстская милость», говорилось въ одномъ обращеніи къ рейхстагу, 8-го ноября 1805 г.,—«желаетъ и надѣется съ нѣмецкой, искренней любовью къ отечеству, что такое несчастіе будетъ избѣгнуто: 1) всеобщими стараніями о сохраненіи единства нѣмецкой имперской конституціи, 2) единствомъ чувствъ и исполненіемъ государственныхъ законовъ, 3) единодушнымъ предстательствомъ всѣхъ и каждаго нѣмца, для полученія прочнаго, почетнаго и полезнаго мира». Нечего и говорить, что нынче ни одно собраніе нѣмецкой земли не потерпитъ такихъ рѣчей. Этотъ же человѣкъ, умѣвшій лучше всѣхъ оберегать свои интересы, изъ устъ котораго такъ гладко выливались утѣшительныя, патріотическія слова, объявилъ, 27-го мая 1806 г., собранію, что онъ избралъ себѣ въ помощники кардинала Феша, дядю Наполеона. Между тѣмъ, въ Парижѣ, выработано было новое устройство Германіи. 17-го іюля 1806 г., въ квартирѣ Талейрана, депутатами Баваріи, Вюртемберга, Бадена, Берга, Гессенъ-Дармштадта, курфюрстскимъ великимъ канцлеромъ и нѣсколькими мелкими владѣтелями, которые спаслись отъ присоединенія къ другому государству, благодаря деньгамъ и покровительству, былъ подписанъ актъ новаго союза, подъ именемъ *Рейнскаго союза*. Это былъ наступательный и оборонительный союзъ, заключенный князьями съ Франціей на вѣчныя времена; внутри союза, князья были самостоятельны и этимъ самостоятельнымъ правителямъ, не долго думая, отданы были во власть мелкіе имперскіе члены-владѣтели. Протекторомъ этого Рейнскаго союза былъ императоръ Наполеонъ, утверждавшій новыхъ членовъ и распоряжавшійся вооруженіемъ войскъ; для общаго управленія союза было назначено собраніе во Франкфуртѣ, одно королевское и одно княжеское. Эта «новая французская префектура» вмѣщала въ себѣ 2.400 кв. миль и 8.000.000 населенія.

Разстрѣляніе Пальма.

Событіе это было объявлено рейхстагу 1-го августа французскимъ посланникомъ. Депутаты рейстага союзныхъ княжествъ дали соотвѣтствующія объясненія, а 6-го августа императоръ Францъ II, съ своей стороны, представилъ объясненіе, что онъ считаетъ свои обязанности уничтоженными, корону съ себя слагаетъ и впредь будетъ править своими нѣмецкими и другими областями, какъ король Австріи. Этимъ документомъ была похоронена Германская имперія. Въ томъ же мѣсяцѣ народу очень ясно дано почувствовать, кто повелитель нѣмецкой земли. 26-го августа, по приговору наполеоновскаго высшаго военнаго суда въ Браунау, былъ разстрѣлянъ гражданинъ прежней имперіи, книгопродавецъ изъ Нюрнберга Іоганнъ Пальмъ, котораго приказано было признать виновнымъ. Онъ распространялъ, обыкновеннымъ путемъ продажи, брошюру «Германія въ своемъ униженіи», которая не была еще запрещена; надѣясь на свои права гражданина и на свою невинность, этотъ добродушный человѣкъ не рѣшился бѣжать.

Пруссія.

Такимъ образомъ, двѣ части прежней имперіи были парализованы— Австрія унижена, а южныя и среднія государства и сѣверо-западная

часть прямо включены въ имперію Наполеона; въ Германіи не было правительства, которое могло бы спасти честь глубокоуниженной націи, кромѣ Прусскаго государства, то-есть того большого куска соединенной Германіи, который Фридрихъ Великій обратилъ въ великую державу. Это не было прежнее государство Фридриха Великаго, хотя оно увеличилось на 1,000 кв. миль. Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ высоконравственный государь, справедливый, благочестивый, доброжелательный—Аристидъ по натурѣ. Нельзя назвать его ограниченнымъ, но не было у него и возвышеннаго ума; у него не было иниціативы, рѣшительной, самоувѣренной воли, а много миролюбія и мелочной справедливости, что не согласовалось съ тѣмъ временемъ насилья; кругомъ его—безнравственные совѣтники: итальянецъ Лукезини, полуфранцузъ Ламбардъ, графъ Гаугвицъ—второстепенные умы или хотя и умные, но крайне самоувѣренные люди. Безъ національности, безъ искренняго участія въ политическихъ дѣлахъ, они не имѣли того глубокаго чувства участія къ государству, которое дается только свободой и сознаніемъ своей отвѣтственности. Войско не представляло, какъ теперь, вооруженную молодежь народа или прусскій народъ въ вооруженіи; оно состояло преимущественно изъ знатныхъ, между которыми много начальниковъ изъ иностранцевъ,—подчиненное вліянію польскаго духа, такъ какъ Поляки составляли тогда треть государства, гордое, но скорѣе тщеславное, чѣмъ гордившееся своими старинными военными заслугами и своей несравненной выправкой прежнихъ временъ, той тактикой, которая сохранилась, но которая не пошла впередъ со временемъ и съ успѣхами военнаго искусства; въ государствѣ не было подъема духа и политическое положеніе съ каждымъ мѣсяцемъ представлялось отчаяннѣе послѣ происшествій послѣднихъ лѣтъ.



Іоганнъ Пальмъ, нюрнбергскій книгопродавецъ.
По современному портрету.

Для поверхностнаго обзора не нужно слѣдовать шагъ за шагомъ за всѣми дипломатическими дѣйствіями, за правильными и нелѣпыми понятіями послѣднихъ трехъ лѣтъ, вслѣдствіе того, что правительство не умѣло во-время принять мѣры предосторожности, что показало занятіе французскими войсками Ганновера. Когда же хорошая мысль возрождалась, какъ, напримѣръ, планъ новой федераціи въ родѣ княжескаго союза подъ руководствомъ Пруссіи, то её не разрабатывали далѣе. Событія октября

1805 г. Посольство Гаугвица.

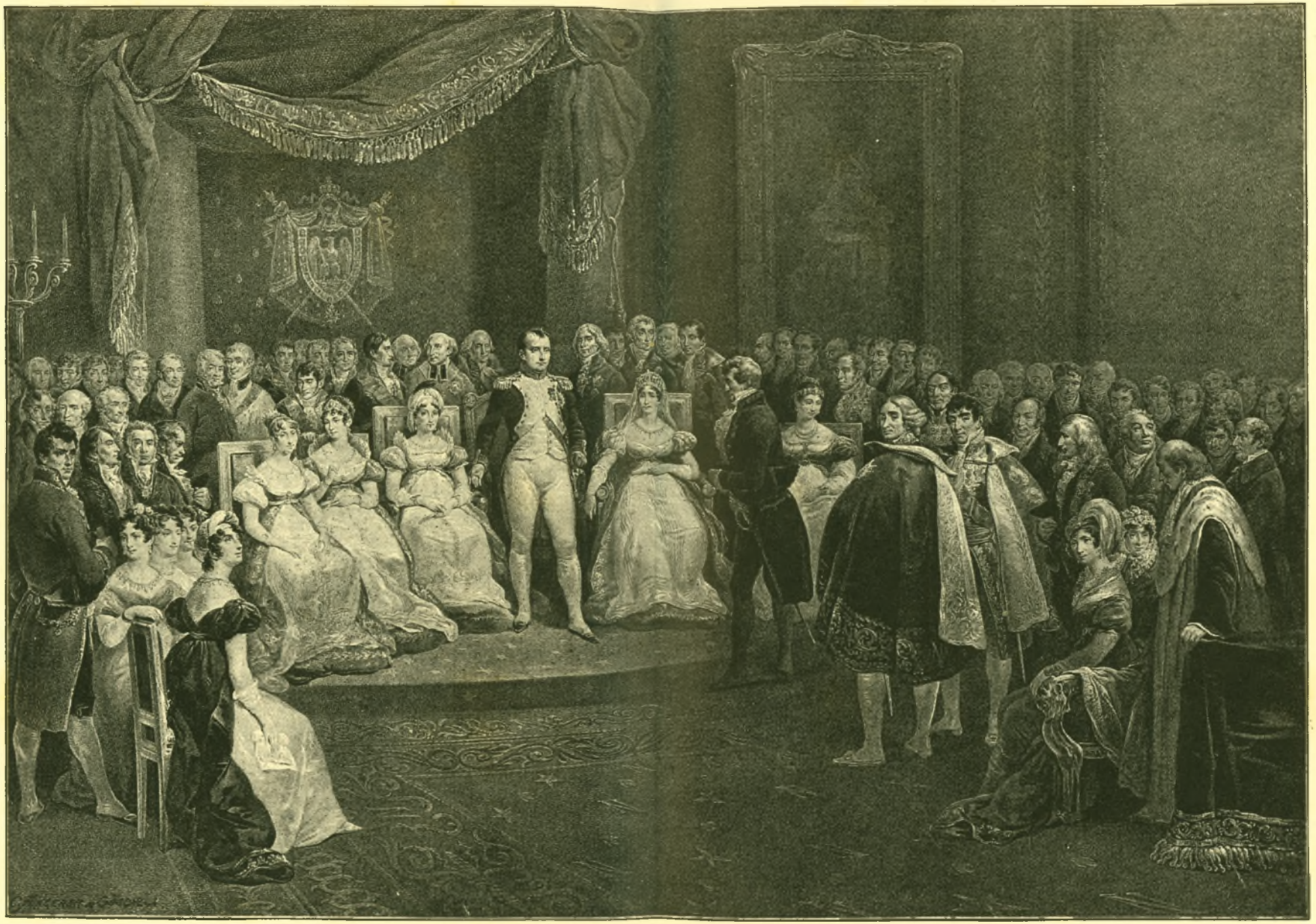
1805 г. привели къ заключенію Потсдамскаго союза и Гаугвицъ долженъ былъ сдѣлать первый и рѣшительный шагъ по проложенной дорогѣ. Онъ не торопился отъѣздомъ; достигши Иглау, на Моравской границѣ, онъ остался тамъ два дня, предполагая, что туда ожидаютъ Наполеона; встрѣтился съ нимъ въ Брюннѣ, но, несмотря на четырехчасовой разговоръ съ императоромъ, не выполнилъ своего порученія, а вертѣлся на общихъ разговорахъ и наконецъ, безъ всякой причины, далъ себя услать въ Вѣну. 2-го декабря произошло большое Аустерлицкое сраженіе, а Гаугвицъ между тѣмъ избѣгалъ сношеній съ австрійскими государственными людьми; только 7-го добился онъ аудіенціи у побѣдителя въ Брюннѣ. Онъ высказалъ ему желаніе счастія и побѣды, что могло быть очень чистосердечно съ его стороны; говорятъ, будто Наполеонъ отвѣтилъ ему насмѣшливо, что побѣда измѣнила адресъ этихъ пожеланій счастія.

Шенбрунскій договоръ.

13-го была назначена вторая аудіенція Гаугвицу въ Шенбруннѣ; здѣсь, то грозя, то лаская слабаго и недобросовѣстнаго человѣка, подавленнаго страшнымъ противникомъ и невыгоднымъ положеніемъ дѣлъ, Наполеонъ такъ подкупилъ Гаугвица, что онъ подписалъ свое имя на условіи, содержаніемъ котораго былъ оборонительный и наступательный союзъ Пруссіи съ Франціей (15-го декабря). Ганноверъ шелъ въ уплату за союзъ Пруссіи; это было бы поводомъ для разрыва съ Англіей, такъ какъ король былъ и курфюрстомъ Ганноверскимъ. Съ такимъ договоромъ, составлявшимъ прямую противоположность даннымъ инструкціямъ, съ которыми его отправили, воротился Гаугвицъ въ Берлинъ, гдѣ все время находились въ мучительномъ невѣдѣніи. Смущеніе было ужасное отъ такого поворота дѣлъ. Подписаніе договора и принятіе Ганновера при существовавшихъ обстоятельствахъ было позоромъ и пріобрѣтеніемъ столь же безнравственнымъ, какъ и ненадежнымъ. Отвергнуть договоръ можно было простымъ отказомъ ратификаціи, чего требовалъ Наполеонъ, но это вело къ войнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ январѣ 1806 года отправился этотъ государственный человѣкъ въ Парижъ, съ легкимъ сердцемъ и надеждою, что онъ можетъ уладить что-нибудь съ Наполеономъ, между тѣмъ изъ Берлина приняты были всевозможныя мѣры—предварительное занятіе Ганновера впредь до мира. Гаугвицъ долженъ былъ 15-го февраля подписать второй договоръ, еще менѣе благопріятный, чѣмъ Шенбруннскій: онъ обязывалъ Пруссію, между прочимъ, къ разрыву съ Англіей, условіемъ запереть прусскія гавани и устья Эльбы и Везера для британскихъ судовъ. 3-го марта, скорбя сердцемъ, король далъ свое согласіе; прежде этого, Бернадотъ занялъ Аншпахъ, который долженъ былъ, по условію, отойти къ Баваріи, а Клевъ и Везель были взяты во владѣніе новаго герцога Бергскаго. 1-го апрѣля послѣдовалъ, согласно условію, разрывъ съ Англіею. Пруссія объявила, что она беретъ Ганноверъ; въ отвѣтъ на это, съ англійской стороны, блокировали нѣмецкія устья рѣкъ и гаваней и взорвали нѣмецкіе корабли. 11-го іюня Пруссія объявила войну Англіи — ясный признакъ, что государство не имѣло свободы дѣйствій и голоса въ рѣшеніяхъ: въ этой войнѣ единственно она была въ убыткѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчали, говоря, что Пруссія не ведетъ войну, а только терпитъ отъ нея. Въ Англіи умеръ тогда

великій министръ Вильямъ Питтъ, который боролся съ революціею и въ новомъ ея видѣ — въ видѣ *Цезаризма*, и 3-го февраля 1806 г., Карлъ Фоксъ, предводитель оппозиціи, сталъ во главѣ государства по смерти Питта; онъ также не сочувствовалъ Пруссіи; эти перемѣны мало измѣнили общее направленіе англійской политики, и стремленіе примириться съ Наполеономъ не привело ни къ чему. Въ сентябрѣ того же года умеръ и Фоксъ, успѣвшій въ короткое время убѣдиться въ необходимости продолженія войны. Не обращая вниманія ни на Пруссію, ни на Англію, ни на кого, Наполеонъ продолжалъ распоряжаться, какъ властелинъ Европы. Весь строй Германіи, раздѣленіе имперіи, учрежденіе Рейнскаго союза и созданіе вассальнаго бонапартскаго государства, герцогства Берга, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Пруссіи, послѣдовало совершенно безъ спроса Пруссіи. Извѣстно было, что Парижъ ничего не имѣетъ противъ установленія сѣвернаго германскаго союза нѣмецкихъ князей, подъ покровительствомъ Пруссіи. Союзъ этотъ имѣлъ свои хорошія стороны; въ переговорахъ съ Англіей о Ганноверѣ Наполеонъ не долго думалъ и принялъ условіе, обѣщая воротить Англіи пріобрѣтеніе, такъ дорого стоившее Пруссіи.

1806. Война. Тогда чувство національной гордости было уже настолько развито въ Пруссіи, что все сказанное выше было достаточной причиной для войны; положеніе, въ которое Наполеонъ повергъ страну, возбудило гнѣвъ и стыдъ. Избѣгать войны во что бы то ни стало, слѣдовало-бы по политическимъ соображеніямъ; надо было переустроить государственную жизнь, бывшую въ полнѣйшемъ упадкѣ. Государство Фридриха Великаго, безъ его умнаго руководства, сдѣлалось однимъ механизмомъ, таблицами, призраками, а въ дальнѣйшемъ — извращеніемъ всего. Вмѣсто чести сословій—высокомѣріе касты; вмѣсто единства политики, обдуманной положительнымъ умомъ, — непостоянное любительское политиканство второстепенныхъ людей. Въ памятной запискѣ, въ апрѣлѣ 1806 года, выдающійся патріотъ, поступившій въ прусскую службу и направлявшій министерство финансовъ имперіи, баронъ *фонъ-Штейнъ*, указывалъ на необходимость коренныхъ реформъ и, главное, на удаленіе вредныхъ личностей, которыхъ онъ описывалъ съ большой откровенностью. «Тайный совѣтникъ, министръ Ламбардъ, физически и нравственно разслабленный — серьезныя науки никогда не занимали этого человѣка, — всю жизнь прикомандированнаго къ кабинету министра Гаугвица, этого олицетворенія проволочекъ и выраженія испорченности, который расточаетъ время свое, принадлежащее государству, у ломбернаго стола, а силы—въ чувственныхъ удовольствіяхъ». Можетъ-быть тѣ, кто занимался политикой, боялись все возраставшаго негодованія, или они узнали, что Наполеонъ замышляетъ новыя униженія для Пруссіи, но 9-го августа, неожиданно, король приказалъ мобилизировать всю армію; первоначально это произвело въ военныхъ кружкахъ воинственное, экзальтированное настроеніе, которому не соотвѣтствовала, какъ увидимъ, ни сила, ни истинное одушевленіе. На этотъ разъ надобно было въ значительной степени полагаться на свои только силы; императоръ Александръ хотя и вступилъ въ союзъ съ Пруссіей, хотя и былъ еще въ войнѣ съ Наполеономъ, однакоже не могъ обратить всѣ свои силы на борьбу съ



Наполеонъ и его Дворъ.

По картинѣ *Виктора Адамъ*, литографировалъ *Лавинь*.

Объяснительная таблица къ картинѣ „Наполеонъ и его Дворъ“.

По картинѣ *Виктора Адама*, литографировалъ *Лавинь*.



1. Воклэнъ.
2. Гретри.
3. Карлъ Верне.
4. Керубини.
5. Фонтэнъ.
6. Тальма.
7. Бертоу.
8. Изабей.
9. Денонъ.
10. Грò.
11. Буальдьё.
12. Дюпюитрэнъ.
13. Давидъ.
14. Жиродэ.
15. М-ль Марсъ.
16. М-ль Жоржъ.
17. М-ль Дюшенуа.
18. М-мъ де-Сталь.
19. Дженэттъ.
20. Де-Фонтанъ.
21. Арагò.
22. Наполеонъ (Людовикъ).
23. Арнò.
24. Рейнуаръ.
25. Наполеонъ (Жеромъ).
26. Шапталь.
27. Наполеонъ (Гортензія).
28. Мюратъ (Каролина).
29. Наполеонъ (Люсьенъ).
30. Морй.
31. Фешъ.
32. Лебрёнъ.
33. Марія-Лэтиція.
34. Наполеонъ I.
35. Таллейранъ.
36. Дюваль (Александръ).
37. Фушэ.
38. Жозефина.
39. Корвизаръ.
40. Наполеонъ (Іосифъ).
41. Кювье.
42. Ляпласъ.
43. Фуркруа.
44. Шатобріанъ.
45. Паулина (принцесса Боргезе).
46. Лагранжъ.
47. Дарю.
48. Карно.
49. Андріё.
50. Ларошфуко-Льянкуръ.
51. Этьеннъ.
52. Ларреи.
53. Камбасересъ.
54. Реньо де-С. Жанъ д'Анжели.
55. Делилль.
56. Монгъ.
57. Пикаръ.
58. Ласепедъ.
59. Шодэ.
60. Бернарденъ де-С.-Пьерръ.
61. Бертолетъ.
62. Гэрэнъ.
63. Дюсисъ.
64. М-мъ Кампанъ.
65. М-мъ де-Жанлисъ.
66. Спонтини.
67. Тенаръ.
68. Барбэ Марбуа.
69. Шенье.
70. Лежандръ.
71. Сильвестръ де-Саси.
72. Дезожье.
73. Дюбуа.
74. Бруссэ.
75. Жераръ.

Наполеономъ, такъ какъ Наполеонъ, прознавъ о союзѣ Россіи съ Пруссіей, поспѣшилъ вооружить Турцію противъ Россіи, и Россіи приходилось (1806 г.) воевать одновременно и противъ Турціи, и противъ Франціи. Исключая маленькихъ Саксонскихъ герцогствъ, курфюрста Саксонскаго и слабыхъ надеждъ на Гессенъ, другихъ пособниковъ въ войнѣ не оказывалось; Георгъ III Англійскій сердился за Ганноверъ; послѣ Пресбургскаго мира, Австрія была въ хорошемъ настроеніи, но послѣ ужаснаго ея пораженія война на долгое время оказывалась для нея невозможною.

Катастрофа при Іенѣ.

Отправлена была боевая армія изъ 130,000 человѣкъ, а съ саксонской помощью 150,000 человѣкъ, поставленныхъ подъ начальство герцога Брауншвейгскаго, который не сдѣлался болѣе оптимистомъ, чѣмъ былъ въ 1792 году, и очень недовѣрчиво глядѣлъ на свое положеніе и на свою задачу. Это былъ уже старикъ 71 года; общество гордилось славными днями Семилѣтней войны и, по обыкновенію, обманывало себя; изъ высшихъ офицеровъ многіе были дѣятелями тѣхъ дней и теперь состарѣлись. Изъ штабъ-офицеровъ были 29-ти, 30-ти, 40-лѣтніе и 157 челов., перешедшихъ за 60-лѣтній возрастъ. Вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій они совѣщались въ такіе важные дни, колебались, а Наполеонъ, въ это время, приводилъ въ исполненіе свои планы и предначертанія. Кромѣ разрозненности въ прусскомъ лагерѣ, Наполеонъ могъ начать войну при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ имѣлъ 200,000 челов. въ своемъ распоряженіи, совершенно готовыхъ къ войнѣ; находились они въ Южной Германіи, значитъ большею частью на дружественной землѣ. По своей манерѣ, онъ передвигалъ ихъ быстро, дабы, въ рѣшающемъ мѣстѣ, имѣть подъ рукой несомнѣнный перевѣсъ въ силахъ. Король Вюртембергскій, при выступленіи, напомнилъ войскамъ о большомъ почетѣ, доставшемся на ихъ долю — сражаться въ рядахъ непобѣдимыхъ французскихъ легіоновъ и, кромѣ того, въ первый разъ выступить подъ знаменами королевскими. Прус-



Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.
Гравировано Шредеромъ въ Брауншвейгѣ, 1792 г.

скій ультиматумъ, полученный Наполеономъ 7 октября въ Бамбергѣ, требовалъ, между прочимъ, немедленнаго очищенія Южной Германіи, допущенія Сѣвернаго союза и другихъ переустройствъ. На это онъ отвѣчалъ прокламаціей, звучавшей увѣренностью въ побѣдѣ: «Они хотятъ, чтобы мы, при видѣ ихъ арміи, очистили Германію,—безумцы! Мы смѣемъ вернуться во Францію, только пройдя подъ тріумфальными арками». На слѣдующій же день, 10 октября, произошла первая серьезная стычка.

Центръ прусской арміи герцога находился въ Тюрингенѣ. Король тоже былъ здѣсь; правымъ флангомъ, прибывавшимъ изъ Ганновера и Вестфаліи, командовалъ Рюхель, лѣвымъ—князь Гогенлоэ; авангардомъ послѣдняго начальствовалъ мужественный принцъ Лун-Фердинандъ, на котораго справедливо возлагали большія надежды въ будущемъ: онъ состоялъ изъ 8,000 человѣкъ; они попали въ бой при Заалфельдѣ на Заалѣ съ корпусомъ Ланна, и въ этомъ бою погибъ самъ принцъ съ 1,800 человѣкъ и 33 пушки были потеряны. Первая же неудача отняла все мужество; передъ началомъ сраженія они сами себѣ внушили большую надежду и, по свойственному человѣку чувству, вѣрить въ то, чего желаешь, вѣрили въ успѣхъ. Прусскія арміи успѣли соединиться, на возвышенности между Іеной, на Заалѣ—на востокѣ, Веймарѣ на Ильмѣ—на западѣ; Французы, съ своей стороны, пошли въ обходъ, съ намѣреніемъ отрѣзать Пруссаковъ отъ Эльбы и сдѣлать имъ отступленіе невозможнымъ. Прусскій фельдмаршалъ, по своей дурной привычкѣ, устроилъ совѣтъ, не желая на себя брать отвѣтственность въ дѣлахъ, и рѣшили отклонить сраженіе, которое можно было принять при довольно благопріятныхъ условіяхъ; но обычаю, предоставили дѣйствовать непріятелю и, наконецъ, дѣло дошло до печальнаго двойного сраженія при Іенѣ, 14 октября. Самъ Наполеонъ стоялъ противъ князя Гогенлоэ, а сѣвернѣе, при Ауэрштедтѣ, находился его маршалъ Даву противъ герцога. При Іенѣ дрались 50 тыс. Пруссаковъ, не имѣя хорошаго руководителя и при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, но храбро, противъ несравненно большей силы, дошедшей подъ конецъ, вѣроятно, до 127 тысячъ. Къ 2 часамъ битва была рѣшена и отступленіе превращалось все болѣе и болѣе въ бѣгство отъ энергическаго преслѣдованія громадной силы; при Ауэрштедтѣ положеніе было обратное: примѣрно, 48 тыс. противъ 30 тыс. войскъ Даву. Сраженіе началось раннимъ утромъ, но цѣлый рядъ несчастныхъ обстоятельствъ придалъ ему неблагопріятный оборотъ. Въ самую важную минуту фельдмаршалъ былъ раненъ пулею и лишился зрѣнія на оба глаза; этимъ прекратилось единство распоряженій. Отступленіе, на которое должны были рѣшиться, произошло сносно, въ порядкѣ; при Бутельштедтѣ, между Ауэрштедтомъ и Веймаромъ, наткнулись на остатки арміи, потерпѣвшей пораженіе при Іенѣ, и разстройство сдѣлалось общимъ, а въ слѣдующіе дни разбитая армія превратилась въ разрозненную, безнадежную, разстроенную толпу.

Крушеніе. Капитуляціи.

Тщетно будетъ высчитывать, обычнымъ образомъ, число убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и выбывшихъ изъ строя; это двойное пораженіе—уничтожило арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нанесло смертельный ударъ и всему старому порядку вещей.

Очень скоро это несчастіе распространилось до Одера и Вислы. На

другой день послѣ сраженія сдался Эрфуртъ съ 10 тыс. человѣкъ, лишь только завидѣли кавалерію корпуса Нея. Главная армія, то-есть то, что осталось отъ главной арміи, 40 тыс., которыя князь Гогенлоэ сдержалъ или собралъ, надѣялись успокоиться и оправиться въ Магдебургѣ на Эльбѣ, но обманулись въ этомъ (20 октября), такъ какъ ничто не было предусмотрѣно, и назначено было идти въ Штетинъ на Одерѣ. Но, преслѣдуемые по пятамъ пылкими Французами, разстроенные все новыми несчастіями, люди эти, за которыми гнались, потеряли понемногу всякое подобіе войска и разсѣялись. 25-го сдался Шпандау и французскія войска, подъ начальствомъ Даву, вступили въ Берлинъ. 28-го французскія войска настигли истомленные остатки главной арміи Пруссаковъ, которые не могли уже добраться до Штетина—намѣченной ими цѣли. При Пренцлау, въ Укермаркѣ, сдался на капитуляцію князь Гогенлоэ, частью потому, что онъ не могъ сладить съ людьми, частью обманутый Ланномъ и Мюратомъ, которые увѣрили его, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ 100,000 арміей. Съ проклятіемъ сдали свои ружья солдаты, до смерти истомленные; ихъ было еще 10 тыс. человѣкъ; ихъ взяли военно-плѣнными; офицеры отпущены на слово; когда князю говорили о его прежнихъ побѣдахъ, онъ отвѣчалъ грустно: «моя слава кончается сегодня». На слѣдующій день сложили оружіе 4 тыс. человѣкъ недалеко отъ Штетина, при Пазевалькѣ; теперь не помогъ бы имъ и Штетинъ, гдѣ, послѣ полудня того же дня, сдался на капитуляцію 81-лѣтній инвалидъ, комендантъ Штетина, генералъ Ромбергъ, какъ только къ городу подъѣхали 800 гусаръ кавалеріи Мюрата, съ нѣсколькими пушками. Съ 20 тыс. человѣкъ генералъ Блюхеръ достигъ Мекленбурга и потомъ, тѣснимый Французами, засѣлъ въ Любекѣ; послѣ ожесточенной борьбы съ превосходными силами Бернадотта, онъ долженъ былъ съ 8 тыс. человѣкъ согласиться на сдачу въ Раткау, близъ Любека: «Я сдаюсь потому, что у меня нѣтъ ни хлѣба, ни военныхъ запасовъ», приписалъ онъ подъ актомъ (7 ноября).

Наполеонъ въ Берлинѣ.

Наполеонъ по-своему воспользовался своей добычей и побѣдой: энергично, безъ стѣсненія, жестоко. Въ Веймарѣ онъ высказалъ свое негодованіе на герцога Карла-Августа, что онъ, какъ прусскій генералъ и нѣмецкій князь, безпорочно остается вѣрнымъ своимъ обязанностямъ и въ эти тяжелые дни несчастія; въ Галле, онъ выразилъ свое недовольство на непочтительное поведеніе студентовъ, которые выражали любопытство, а не страхъ или почтеніе, и взыскивая за то съ университета, велѣлъ его закрыть; недоставало, чтобы онъ и профессоровъ прогналъ. Герцога Брауншвейгскаго онъ выбранилъ «генераломъ Брауншвейгомъ» въ своемъ бюллетенѣ отъ 16-го и объявлялъ конецъ его династіи; герцога Гессенскаго не спасло его запоздалое вѣрноподданничество. 27 октября вступилъ онъ въ Берлинъ съ большою военною торжественностью. Тамъ совершенно растерялись при полученіи извѣстія о происшедшей катастрофѣ. Расклеенное по городу объявленіе губернатора Шуленбурга - Кеперта увѣдомляло о томъ жителей: «Король проигралъ сраженіе, первая обязанность гражданъ — спокойствіе. Я умоляю о томъ всѣхъ гражданъ Берлина». Явились добровольцы, предлагавшіе поступить въ армію; имъ отказали. Штейнъ, одинъ изъ немногихъ здравомыслящихъ, отослалъ въ

Кенигсбергъ кассу подвѣдомственныхъ ему учрежденій, остальное оставлено было до времени. Тамъ и тутъ выражали злорадное чувство удовольствія о пораженіи военнаго высокомѣрія, такъ широко распространившагося. Безъ малѣйшаго затрудненія Французы овладѣли высшимъ управленіемъ и принялись извлекать выгоды изъ наличнаго положенія. Сигналъ къ грабежу и опустошенію замковъ подалъ самъ императоръ, отправивъ шпагу Фридриха Великаго въ Парижъ и снявъ «Побѣду» съ Бранденбургскихъ воротъ. Зная человѣческое ничтожество и понимая, какъ легко подкупается современное общественное мнѣніе, онъ разыгралъ комедію великодушія; онъ безъ всякаго повода предалъ князя Гатцфельда, извѣстнаго сторонника Французовъ, суду, изъ семи полковниковъ, какъ надъ несчастнымъ Пальмомъ, и потомъ послалъ женѣ его грамоту, доказывавшую мнимое преступленіе его, съ предложеніемъ бросить ее въ огонь и сопровождая это чувствительными словами.

Капитуляціи. Несчастіе распространилось далѣе. 1 ноября капитулировалъ безъ нужды, въ Кюстринѣ, полковникъ Ингерслебенъ съ 2,400 человѣкъ. 11-го крѣпкій оплотъ на Эльбѣ, Магдебургъ, гордившійся своимъ прошедшимъ, былъ переданъ Нею 73-лѣтнимъ инвалидомъ генераломъ Клейстомъ, нѣкогда храбрымъ солдатомъ, даже безъ попытки къ сопротивленію; имѣя 24 тыс. человѣкъ и 600 орудій, крѣпость сдалась Нею, у котораго не было столько войскъ! Всюду дѣйствовалъ слухъ о близкомъ мирѣ, что было возможно, такъ какъ тѣ же друзья мира, Гаугвицъ, Калькрёйтъ, Лукезини, были совѣтчиками короля. Тотчасъ послѣ сраженія при Іенѣ старались вступить въ переговоры, но все разбивалось о высокомѣріе побѣдителя, для котораго мало было позора подчиненія, заставлявшаго короля унижаться, зная недостижимость и ненадежность всѣхъ мѣръ къ оборонѣ; нужда короля дѣлала побѣдителя все требовательнѣе и со всякимъ успѣхомъ—притязательнѣе.

Такъ какъ переговоры въ Виттенбергѣ, а потомъ въ Шарлоттенбургѣ ни къ чему не привели, то надо было продолжать безнадежную войну въ союзѣ съ неизмѣнною Россіей, которая не собиралась преклоняться передъ грознымъ побѣдителемъ. Гаугвицъ получилъ отставку. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ баронъ Штейнъ; лучшаго выбора сдѣлать было нельзя. Штейнъ былъ настоящій государственный человѣкъ, онъ не только служилъ королю, но, для успѣха дѣла и исполненія возложенной на него задачи, онъ ставилъ и свои условія, и потому онъ былъ въ немилости. Въ разговорѣ онъ былъ откровененъ и потому тотчасъ былъ уволенъ какъ упрямый, дерзкій, упорный и не повинующійся государственный дѣятель (4 января 1807 г.). На его мѣсто назначенъ былъ генералъ Цастровъ, человѣкъ прежней системы, готовый на всякихъ условіяхъ заключить миръ съ Наполеономъ. Обстоятельства должны были сами выказаться яснѣе, прежде, чѣмъ доброжелательный, но въ традиціяхъ неограниченнаго права убѣжденный король, могъ вполнѣ оцѣнить и понять разговоръ умнаго, независимаго патріота, барона Штейна.

Война на Вислѣ 1807 г. Сраженіе при Эйлау. Продолжая походъ къ новому театру войны, къ Вислѣ, Наполеонъ могъ уже разсчитывать на новыхъ союзниковъ; въ Познани былъ заключенъ (11 декабря) мирный договоръ съ Саксоніей, по которому курфюрстъ получилъ титулъ короля и обязывался вступить въ Рейнскій союзъ и



Въѣздъ Наполеона I въ Берлинъ въ 1806 г.

По картинѣ Вольфа, гравировалъ Югель.

для настоящей войны выставить вспомогательное войско въ 6,000 чел. Поляковъ возбудили смутныя надежды, которыя Наполеонъ и не думалъ исполнять. Давно уже единичныя личности служили подъ знаменами Французовъ противъ державъ, раздѣлившихъ Польшу. Страстно, легковѣрно, съ ненавистью бросилась сродная Французамъ польская знать къ Наполеону; пустили въ обращеніе подложную прокламацію Косціушки, жившаго въ Америкѣ и нисколько не раздѣлявшаго преданности своихъ соотечественниковъ къ иноземному деспоту, попиравшему всякую національность. Въ послѣднихъ числахъ ноября, Наполеонъ пріѣхалъ въ Познань для приготовленія къ зимнему походу. Здѣсь, въ непріютной равнинѣ, гдѣ содержаніе стоило дороже, чѣмъ на нѣмецкой почвѣ, онъ не такъ скоро добился побѣды. Русскіе были теперь главнымъ непріятелемъ, потому что тѣхъ Пруссаковъ, которые спаслись за Вислой послѣ своего пораженія, было не болѣе 25 тысячъ; разумѣется, борьба съ Русскими началась съ отступленія. По 26 декабря, у Пултуска, при Наревѣ, и у Голымина дрались славно, и ночь, а не побѣда Французовъ, положила конецъ сраженію. Такъ какъ Наполеонъ не могъ нанести Русскимъ тяжелаго пораженія, то наступило продолжительное затишье. Онъ хотѣлъ дать себѣ и войскамъ немного отдыха. Въ концѣ января русскія войска, подъ начальствомъ Беннигсена, перешли къ наступленію; жадно ухватился Наполеонъ за эту возможность вступить въ битву и 7 февраля 1807 г. при Прейсишъ-Эйлау, къ югу отъ Кёнигсберга, между Пассарге на западѣ и Прегелемъ на востокѣ, дано было сраженіе, котораго онъ добивался. У Русскихъ было около 60 тысячъ, у Французовъ приблизительно 70 тыс. человѣкъ. Послѣ полудня 7-го, началась битва близъ мѣстечка, длилась до вечера, и послѣднее нападеніе въ этотъ вечеръ оставило мѣстечко въ рукахъ Русскихъ. Рано утромъ 8-го возобновился бой, и къ полудню побѣда рѣшительно клонилась на сторону Французовъ. Къ 4 часамъ небольшой прусскій отрядъ, подъ начальствомъ храбраго Лестока, отбиваясь отъ войскъ Нея, дошелъ съ 6 тыс. человѣкъ до поля сраженія; ихъ своевременное нападеніе на деревню Кутшиттенъ дало возможность вздохнуть лѣвому крылу Русскихъ, и бой возобновился. Во второй разъ ночь застигла оба лагеря на полѣ, покрытомъ снѣгомъ; побѣда осталась нерѣшенною. Сраженіе было кровавое, вѣроятно 30 тыс. убитыхъ и раненыхъ, которыхъ противники могли поровну раздѣлить между собою. Беннигсенъ не могъ возобновить боя, потому что къ Французамъ подошло сильное подкрѣпленіе войсками, стоявшими въ виду; онъ отступилъ безъ преслѣдованія. Нравственное впечатлѣніе этихъ боевъ было громадное; несмотря на бюллетени о побѣдахъ, курсъ въ Парижѣ упалъ, въ Вѣнѣ ликовали о томъ, что уже слишкомъ поспѣшно и легко назвали «полнымъ пораженіемъ» Французовъ. Наполеонъ не былъ еще такъ ослѣпленъ своими побѣдами, чтобы не извлечь поученія изъ всего происшедшаго. Въ его войскахъ было нѣсколько случаевъ деморализаціи войскъ, что его заставляло задумываться. Онъ уже не отвергалъ миръ съ прежнимъ высокомѣріемъ и сдѣлалъ попытку разъединить Пруссію и Россію; но, какъ честный человѣкъ, Фридрихъ-Вильгельмъ отклонилъ предложенія, дошедшія до него на самой границѣ его владѣній, въ Ме-

мелѣ, и велѣлъ сообщить въ Петербургъ и Лондонъ о своемъ твердомъ намѣреніи остаться вѣрнымъ общему дѣлу.

Занятіе Силезіи.

Остальныя прусскія провинціи были, въ теченіе зимы, завоеваны врагами, и рядъ печальныхъ сдачъ на капитуляцію увеличился еще. Противъ Силезіи, гдѣ было мало войска, собралось 22 тысячъ чел. войскъ Рейнскаго союза, Баварія и Вюртембергъ, подъ предводительствомъ младшаго брата Бонапарта, Жерома; расторгнувъ свой плебейскій бракъ, онъ могъ помириться съ братомъ и изъ моряка-лейтенанта преобразиться въ принца и полководца. Настоящимъ распорядителемъ былъ генералъ Вандаммъ; къ сожалѣнію, германскія войска были достойны этого грубаго, безжалостнаго полководца. Попытка воспользоваться вспомогательными средствами страны и употребить для энергической обороны неугасшій духъ народа не была сдѣлана и не могла быть сдѣлана по разнымъ причинамъ; на этомъ выказалось, что конституція не была примѣнена къ развитію, въ мирное время, самостоятельныхъ талантовъ, особенно нужныхъ въ дни опасностей и несчастій. Одна крѣпость сдавалась за другой: Глогау 2-го декабря 1806 года, Бреславль 5 января 1807 г., Швейдницъ 7 февраля, Нейссе гораздо позже, и то послѣ славнаго сопротивленія; Козель и Глацъ удержались. Въ мартѣ 1807 г. графъ фонъ-Гётценъ, котораго король послалъ въ декабрѣ и сдѣлавшій все, что можно сдѣлать въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ. Онъ съумѣлъ положить начало и оживленію духа, по примѣру Померанін, на противуположномъ концѣ монархіи, гдѣ защита Кольберга служила прекраснымъ примѣромъ къ тому. Тамъ удачно дѣйствовали два элемента: военный и гражданскій, а раздѣленіе ихъ было главной причиной па-



Іоахимъ Неттельбекъ.
Съ натуры рисовалъ на камнѣ Л. Гейне.

денія страны. Храбрый патріотъ, гражданинъ, закаленный дѣятельной, и многосторонней жизнью, 70-ти-лѣтній Іоахимъ Неттельбекъ; смѣлый, предпріимчивый, свѣжій, молодой офицеръ драгунскаго полка Фердинандъ фонъ-Шиль и маіоръ Гнейзенау—вѣрный руководитель и прирожденный полководецъ, которому досталось командованіе вмѣсто стараго Лукаду,—собрались тутъ и дѣйствовали единодушно; когда грозила наибольшая опасность, пришло извѣстіе въ іюлѣ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Такъ держался съ января до мира и Грауденцъ въ Западной Пруссіи, на Вислѣ. Здѣсь, уроженецъ Голландіи, 73-лѣтній генералъ Ломъ де-Курбьеръ, оберегалъ честь своего новаго отечества. Этотъ человѣкъ съ французскимъ именемъ отвѣчалъ по-нѣмецки на дерзкія требованія Савари и когда французъ намекалъ, что въ Пруссіи нѣтъ короля, то онъ сказалъ слова, которыя должны глубоко запасть въ сердце всякаго человѣка во время тяжелыхъ испытаній: «Если дѣйствительно уже нѣтъ короля въ Пруссіи, то я король Грауденца».

Договоръ Бартенштейна. Сраженіе при Фридландѣ.

На главномъ пунктѣ военныхъ дѣйствій крѣпость Данцигъ была ближайшею цѣлью Наполеона. Съ марта ее окружили 20 тысячъ человѣкъ Баденцевъ и Саксонцевъ, кромѣ Французовъ. Въ то время (апрѣль) Александръ и прусская королевская чета укрѣпили свою дружбу свиданіемъ въ Мемелѣ. Вмѣсто Цастрова, управленіе принялъ Гарденбергъ. При договорѣ въ *Бартенштейнѣ* (26 апрѣля), гдѣ присутствовали и британскіе и шведскіе уполномоченные, былъ возобновленъ русско-прусскій военный союзъ, на основаніи очень обширной, оптимистической европейской программы. Англія и Швеція примкнули сюда и надѣялись на возобновленіе союза съ Австріей. Въ сущности, дѣла были не слишкомъ благонадежны. Для Русскихъ, особенно для ихъ полководцевъ, война представлялась нежелательною; по ихъ совершенно-справедливому мнѣнію, она велась не въ интересахъ Россіи, а по личной дружбѣ царя съ королемъ Прусскимъ. Съ другой стороны, въ прусскомъ лагерѣ были недовольны русскими военными дѣйствіями, хотя русскіе въ данное время выносили на своей спинѣ всю тягость борьбы съ Наполеономъ и вели ее стойко и твердо. «Что ни приказывай благородный Александръ, ничего не будетъ сдѣлано» — ворчали Пруссаки. Попытка выручить Данцигъ въ половинѣ мая не удалась; 26-го городъ былъ сданъ комендантомъ Калькрёйтомъ, мужественно державшимся тамъ до крайней возможности. Онъ предлагалъ тѣ же условія французскому полководцу, маршалу Лефевру, на которыхъ онъ самъ, Калькрёйтъ, въ 1793 г., выпустилъ французскій гарнизонъ изъ Майнца. Такъ и было условлено. 12 тыс. человѣкъ вышли изъ крѣпости съ музыкой, съ развѣвающимися знаменами, съ оружіемъ и обозомъ. А между тѣмъ Наполеонъ снова дополнилъ свою армію до 200 тысячъ и готовился къ новымъ битвамъ. Большое сраженіе при *Гейльсбергѣ* на Алле (10 іюня) было вполнѣ успѣшно для Русскихъ. Они удержали свою позицію и потери Французовъ были гораздо чувствительнѣе, чѣмъ съ русской стороны. Но Беннигсенъ, больной и истощенный тяжкими усиліями, все-же отодвинулъ свою, далеко уступавшую въ численности французской, армію къ *Фридланду*, и тутъ, четыре дня спустя,14 іюня, произошло сраженіе, положившее конецъ войнѣ. Когда всѣ подкрѣпленія подошли,

часовъ въ 5 пополудни, Наполеонъ сдѣлалъ рѣшительное наступленіе; жертвъ съ обѣихъ сторонъ было множество,—новыя гекатомбы, но крайней мѣрѣ 10 тыс. человѣкъ съ каждой стороны; Русскіе понесли серьезное пораженіе, хотя и вышли изъ него съ честью, и Наполеону не удалось привести русскую армію въ окончательное разстройство. Самъ утомленный упорными битвами, онъ даже не преслѣдовалъ побѣжденнаго непріятеля съ обычной энергіей. Прикрывая свое отступленіе войсками Багратіона и казаками Платова, Бенингсенъ двинулся къ Нѣману и Тильзиту. 6-го (18-го іюня) русскія войска перешли за Нѣманъ и сожгли мостъ. Въ тотъ-же день Мюратъ занялъ Тильзитъ.

Послѣдствіемъ Фридландскаго пораженія было то, что вся Пруссія, отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга (обороняемаго извѣстнымъ Гнейзенау), Пиллау и Грауденца, оказались въ рукахъ Наполеона. Въ виду этого, 12-го іюня заключено было перемиріе, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ *Тильзитскій* миръ; но, изъ уваженія къ истинѣ, слѣдуетъ упомянуть, что и перемиріе, и Тильзитскій миръ были заключены вовсе не вслѣдствіе бѣдственнаго положенія русской арміи (которая очень быстро оправилась отъ Фридландскаго погрома и пополнилась двумя свѣжими дивизіями), а по другимъ, чисто-политическимъ причинамъ: потому, что союзныя державы бездѣйствовали въ войнѣ, которую императоръ Александръ велъ для блага Европы. 25 іюня съѣхались оба императора—Наполеонъ и Александръ—въ *Тильзитѣ*, въ павильонѣ, построенномъ на рѣкѣ, на двухъ связанныхъ судахъ. Они свидѣлись безъ свидѣтелей; объ ихъ свиданіи и переговорахъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній; слѣдствія этого свиданія ясно видны изъ русской политики послѣдующихъ лѣтъ. Наполеону удалось, при своемъ изумительномъ знаніи людей, повліять на юнаго Русскаго царя, которому было тогда всего 28 лѣтъ. Онъ съумѣлъ убѣдить его, что Россія и Франція вмѣстѣ—державы-руководительницы цѣлаго полушарія; что у нихъ одинъ общій врагъ, Англичане; особенно польстилъ онъ русскому честолюбію, коснувшись завоеваній и пріобрѣтеній на счетъ Турецкой имперіи, съ которой возобновлена была война съ 1806 г. На другой день, при свиданіи присутствовалъ и Фридрихъ-Вильгельмъ, и всѣмъ было ясно, что Пруссія будетъ жертвой искупленія за всѣхъ; притворяться, разыгрывать покорнаго будущаго союзника и друга, было не сродно честному, неловкому, застѣнчивому человѣку, да и относительно такого человѣка, какъ Наполеонъ, почти безполезно. Мысль пригласить королеву Луизу для смягченія безсердечнаго деспота—была несчастною мыслью. Эта благородная женщина принесла эту жертву и съ своей стороны уговаривала побѣдителя. Она была принуждена, какъ разсказываютъ, принять розу изъ его рукъ. Предварительнымъ условіемъ мира поставлено было удаленіе Гарденберга, и въ этомъ нельзя было отказать. 7-го, четыре дня спустя, былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ между Франціей и Россіей; 9-го между Франціей и Пруссіей; въ 4-й статьѣ новаго договора было утонченное, въ такомъ документѣ едва-ли слыханное издѣвательство—можно сказать, школьничество: «Изъ уваженія къ императору Всероссійскому (de toutes les Russies), императоръ Наполеонъ соглашается отдать королю Прусскому нижепоименованныя покоренныя владѣнія».



Союзъ, заключенный императорами Александромъ I, Наполеономъ I и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Тильзитѣ, въ павильонѣ на Нѣманѣ, 26 іюня 1807 г.
Современное изображеніе, безъ обозначенія рисовальщика и гравера, изд. Ремнони, въ Вѣнѣ.

1807. Тильзитскій миръ. Россія.

Это возстановленіе короля во власти было существенною частью мира, заключеннаго съ Россіей, въ которомъ Россія признавала и новыя перемѣны: Рейнскій союзъ, новые титулы и владѣнія его князей, короля Неапо-

литанскаго и Голландскаго, и приняла посредничество императора Французовъ въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи; а Наполеонъ принялъ посредничество Россіи въ заключеніи мира съ Англіей.

Пруссія.

Тотъ жестокій документъ, который установилъ миръ съ Пруссіею, состоялъ изъ тридцати статей. Вторая—перечисляла провинціи, которыя король «получитъ обратно»; въ десятой—онъ отказывался, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, отъ всѣхъ земель, лежащихъ между Рейномъ и Эльбой; въ тринадцатой—отъ всѣхъ провинцій, принадлежавшихъ Польшѣ до 1 января 1772 года; въ 14-й — отъ Данцига; въ двѣнадцатой онъ уступалъ Котбузерскій округъ Саксоніи, признавалъ Рейнскій союзъ, королевства Бонапартовъ, Неаполь и Голландію, и третье—Вестфальское, составленное изъ земель, отошедшихъ отъ Пруссіи на западъ отъ Эльбы, для младшаго члена семьи Бонапартовъ. Въ общемъ выходило, что королю изъ 5,570 кв. миль и 9.743,000 душъ осталось 2,877 съ 4.938,000. Справа отрѣзанныя польскія земли были отданы владѣльцу Саксоніи, Фридриху-Августу, возведенному въ короли и въ князья Рейнскаго союза.

Условія Тильзитскаго мира, предложенныя Наполеономъ Россіи, можно было назвать вполнѣ почетными. По этому мирному договору Россіи съ Франціей, императоръ Александръ I обязался: 1) признать братьевъ Наполеона королями тѣхъ государствъ, которыя были имъ отданы во владѣніе Наполеономъ, и 2) помогать Наполеону, какъ союзнику, въ его войнахъ съ сосѣдними Россіи европейскими государствами. Наполеонъ, въ свою очередь, принялъ на себя посредничество въ борьбѣ Россіи противъ Турціи, и даже предложилъ присоединить къ Россіи *область Бѣлостокскую*, которую отдѣлилъ отъ ново-образованнаго имъ герцогства Варшавскаго, составленнаго изъ польскихъ земель, доставшихся по третьему раздѣлу Пруссіи. Такимъ образомъ Россія получила даже приращеніе своихъ владѣній по Тильзитскому договору; но въ сущности онъ послужилъ поводомъ къ вовлеченію ея въ новыя войны, что, конечно, входило въ расчеты Наполеона. Новому герцогству Варшавскому для управленія составлена была конституція, по французскому образцу. Данцигъ въ окружности на два часа ѣзды былъ сдѣланъ свободнымъ городомъ. Западныя земли составили *королевство* Вестфальское, собранное изъ остатковъ прежнихъ нѣмецкихъ земель, Ганноверской, Гессенской, Брауншвейгской и Прусской, и граничившее Эльбой и Магдебургомъ на востокѣ, Рейномъ—на западѣ, 688 кв. миль, 2 милл. жителей, съ главнымъ городомъ Касселемъ. О самомъ печальномъ не было еще разговора: о вознагражденіи военныхъ издержекъ. Въ то время, какъ прусскіе комиссары разсчитывали, что, за уплатой выданнаго, оставалось уплатить девятнадцать милліоновъ, даже уполномоченный Наполеона самъ признавалъ вначалѣ достаточнымъ 33 милліона,—теперь, по особому приказанію своего господина, онъ долженъ былъ представить новый счетъ. «Если можно требованіе возвысить до 200 милл., тѣмъ лучше, если нельзя 200, то покончить на 154 милліонахъ»; здѣсь дѣло шло о расчетахъ тонкой политики, не трудныхъ для такихъ математиковъ! Пока будутъ улаживаться эти маленькія разногласія, пока будетъ сдѣлана уплата въ томъ, что имъ заблагоразсудится требовать, войска остаются въ странѣ.

Слѣдующее постановленіе было еще тяжеле: Пруссія должна была закрыть свои гавани для торговли съ Англіей. Этого требовали военныя мѣры, которыми Наполеонъ захотѣлъ побѣдить Англію; одинъ изъ признаковъ рабства, тяготѣвшаго, въ послѣднія пять лѣтъ, надъ Западной Европой, самое убійственное и лучше всего характеризовавшее этотъ сумасшедшій деспотизмъ, была именно «континентальная система».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Континентальное запрещеніе; Англичане передъ Копенгагеномъ.—Наполеонъ и Бурбоны въ Испаніи: война за Испанію и Португалію.—Германія послѣ мира въ Тильзитѣ.—Конгрессъ въ Эрфуртѣ.—Война въ Испаніи.

Континентальная система. Англичане передъ Копенгагеномъ.

Послѣ сраженія при Іенѣ, Наполеонъ велѣлъ въ Лейпцигѣ и въ ганзейскихъ городахъ конфисковать англійскіе товары «въ пользу арміи» и потомъ, 21 ноября 1806 года, подписалъ въ Берлинѣ декретъ, въ которомъ объявлялъ британскіе острова блокированными, и этимъ торговля и письменныя сношенія съ Англіей воспрещались, англійская собственность и англійскіе товары конфисковались во всѣхъ владѣніяхъ, подвластныхъ ему; англійскій подданный, пойманный въ этихъ владѣніяхъ, считался военноплѣннымъ. Англичане отвѣтили на это тѣмъ, что 7 января 1807 г. всѣ корабли, выходившіе изъ французскихъ гаваней, объявлялись ихъ добычей—принцу Уэлльскому и другимъ принцамъ королевской семьи достались изъ этого громадныя суммы; въ сентябрѣ того же года они должны были вознаградить убытки за насиліе въ отношеніи къ Даніи; все это показываетъ, куда деспотизмъ, перерожденный изъ революціи, привелъ европейскія права и европейскую цивилизацію. Данія была нейтральна; Англичане выставили предлогомъ, что нейтралитетъ такого маленькаго государства, при всемогуществѣ Наполеона, только воображаемый, во всякомъ случаѣ неисполнимый; что флотъ Даніи можетъ быть употребленъ противъ единственнаго англійскаго союзника, Швеціи, что было совершенно вѣрно; англійское правительство знало, что Наполеонъ намѣревался заставить Данію объявить войну Англіи. 12 августа у береговъ Копенгагена явилась большая англійская эскадра съ десантнымъ войскомъ. Англичане требовали или союза,—тогда датскій флотъ будетъ охраняться въ англійской гавани—или согласія на уводъ его, но при отдачѣ его во время мира имъ будетъ зачтено всякое открытое или тайное условіе. Когда предложенія англійскаго посла Франсиса Джэксона, кронпринцемъ въ Кильѣ и министерствомъ въ Копенгагенѣ, были отвергнуты,

какъ оскорбительныя, то лордъ Каткартъ высадилъ свои войска на берегъ и со 2—7 сентября Копенгагенъ обстрѣливали съ моря и съ суши. Когда 400 домовъ было обращено въ пепелъ и 2 тыс. человѣкъ убито, то комендантъ сдался. Англичане на шесть недѣль завладѣли крѣпостью и флотъ былъ имъ уступленъ безъ всякихъ условій; 18 линейныхъ кораблей, 15 фрегатовъ, 6 бриговъ и 25 канонерскихъ лодокъ было уведено. Всѣ попытки къ полюбовному улаженію дѣлъ разбились о понятную, но безсильную ярость народа Даніи, соединившагося (31 октября) теперь съ Франціей. Въ ноябрѣ была объявлена война Англіи. Приказано арестовать всѣхъ Англичанъ, находившихся въ Даніи, объявлена смертная казнь за письменныя сношенія съ Англіей, выданы каперскія грамоты, въ отмщеніе за что Англичане отняли датскія колоніи и заняли Гельголандъ. Негодованіе было ужасное, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Рейнскомъ союзѣ, на деспотическую выходку Наполеона отвѣчали съ непонятнымъ рабскимъ восторгомъ.

Португалія и Испанія.

Въ это время, въ противуположномъ концѣ Европы, были пущены въ ходъ такія грубыя дѣйствія, что эти насилія сильнаго надъ слабѣйшимъ казались незначительными пустяками. Португалія была старинной союзницей Англіи; Наполеонъ, со времени договора въ *Сантъ-Илдефонсо* (августъ 1796 г.), бывши въ дружескихъ отношеніяхъ съ Испанскимъ дворомъ, задумалъ вмѣстѣ съ нимъ ограбить Португалію. Министръ, правившій государствомъ и дворомъ несчастнаго Бурбона Карла IV, исправлявшій и должность его, Эммануилъ Годой, проводилъ тайныя нити противуположной политики. Это было извѣстно Наполеону, обезпечившему себѣ снова услужливость испанскаго министра тѣмъ, что велѣлъ ему выслать 14 тыс. человѣкъ испанскихъ войскъ, подъ командою Ла-Романа, къ Эльбѣ. Тамъ они назывались вспомогательнымъ войскомъ, а были собственно бичами. Въ этотъ годъ насильствъ, 27 октября (1807), былъ заключенъ тайный договоръ въ *Фонтенебло*, договоръ раздѣла, по которому нынѣшній «король Этруріи» изъ Испанско-Бурбонскаго дома (съ 1801 г.), Людовикъ, будетъ вознагражденъ королевствомъ Новой Лузитаніей за свое королевство, которое будетъ присоединено къ Италіи. «Система» была такъ же изобрѣтательна на имена, какъ якобинское государство.

Франція получитъ среднія провинціи. Для миролюбиваго правителя отводилось на югѣ княжество Алгарбское. Созданіе недолговѣчнаго королевства Этруріи, какъ департамента Арно, послѣдовало въ маѣ 1808 г. Испанскія и французскія войска собрались на границѣ.

Лиссабонскому двору сдѣлано предложеніе вступить въ союзъ противъ Англіи и ссудить Франціи флотъ свой для дѣйствій противъ этого общаго врага. Англійское правительство, съ своей стороны, сдѣлало регенту Португаліи, принцу Іоанну, предложеніе, въ случаѣ нападенія, отправиться на англійскомъ кораблѣ съ королевской семьей въ Бразилію, въ американскія владѣнія короля, и тамъ ожидать благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ то время, когда при дворѣ еще колебались, маршалъ Жюно съ войсками перешелъ границу и стоялъ 23 ноября 1807 года передъ Абрантесомъ на Тахо, въ 20 миляхъ отъ Лиссабона. По новымъ распоряженіямъ, эта мѣстность дала маршалу дворянскій титулъ герцога д'Абрантесса.

Теперь же намѣреніе было приведено въ исполненіе. Дворъ, съ множествомъ грандовъ, съ прислугой и драгоцѣнностями, сѣлъ на корабль и благополучно прибылъ 22 января 1808 года въ Ріо-Жанейро. Распространилась вѣсть: «Домъ Браганца пересталъ царствовать», французскія войска вступили въ Лиссабонъ, страна занята на военныхъ основаніяхъ и управлялась новымъ герцогомъ, назначеннымъ генералъ-губернаторомъ, какъ французская провинція. Благословеніе новаго правительства началось съ наложенія контрибуціи въ 105 милліоновъ.

Договоръ въ Фонтенебло.

Подъ предлогомъ этой войны, 80 тысячъ Французовъ понемногу перешли Пиринеи; скоро оказалось, что, по раздѣлу, условленному въ Фонтенебло, левъ взялъ себѣ львиную долю. Постыдныя обстоятельства въ высшей степени облегчали Наполеону проведеніе дальнѣйшихъ его плановъ, хотя онъ не былъ призванъ быть судьей страны. Король, вошедшій на престолъ съ 1788 года, слушалъ мессу, охотился, игралъ, изучалъ даже столярное ремесло, и полчаса посвящалъ ежедневно подписыванію того, что ему указывали; правилъ всѣмъ любимецъ, который, болѣе чѣмъ прилично было, находился въ милости у королевы; народъ возлагалъ на наслѣдника, инфанта Фердинанда (который нисколько не лучше былъ отца или Маріи-Луизы), упованія на болѣе счастливую будущность, и подъ вліяніемъ такого народнаго настроенія, ухудшалось отношеніе между сыномъ и родителями; понятно, что управленіе Годоя подавало достаточно поводовъ къ тому. Между тѣмъ французскія войска расположились въ пограничныхъ провинціяхъ отъ Пиринеевъ до Эбро и диктатура Наполеона была такъ безспорна, что онъ могъ черезъ своего посланника объявить, что положеніе Европы заставляетъ его присоединить къ Франціи Испанію до р. Эбро. Испанскій кабинетъ старался обезоружить его полнѣйшимъ подчиненіемъ; несмотря на это, громадная армія въ 100 тыс. человѣкъ Французовъ, подъ главнымъ начальствомъ великаго герцога Бергскаго, Мюрата (мартъ), подвигалась медленно къ Мадриду. Годой и королева надѣялись убѣжать въ Америку, какъ Португальскій дворъ, но приготовленія къ побѣгу были остановлены. Народное негодованіе разразилось, и сильное возстаніе произошло въ пользу принца Фердинанда. Въ Аранхуэцѣ ненавистный любимецъ едва спасся въ бурные дни 18 и 19 марта 1808 г. Король спасъ его своимъ отреченіемъ, въ силу котораго онъ, тамъ-же, 19 марта 1808 г., отказался отъ престола въ пользу сына своего, Фердинанда VII.

Французы въ Мадридѣ.

Извѣстіе это произвело радостное впечатлѣніе во всей Испаніи. Французы дошли однако до Мадрида. Повелитель ихъ держался въ сторонѣ отъ молодого короля, вступившаго туда 24-го, и, не дѣлая ни малѣйшаго намека на признаніе его королемъ, велѣлъ ему «всего надѣяться отъ дружбы императора». Къ нему обратился и Карлъ IV, котораго общество, потерпѣвшее отъ его отреченія отъ престола, называло «отрекшимся насильно» и умоляло подать протестъ. Невольно Наполеонъ сдѣлался третейскимъ судьей въ досадно-прискорбномъ семейномъ раздорѣ, который переплелся съ судьбой остатковъ государственной жизни. Наполеону надо было забрать въ свою власть обоихъ законныхъ претендентовъ на престолъ, если онъ хотѣлъ воспользоваться всѣми выгодами своихъ низ-

кихъ происковъ. Для этой цѣли онъ послалъ самаго нахальнаго своего слугу, которому все равно было солгать одинъ разъ больше или меньше, убійцу герцога Энгіенскаго, Савари, герцога Ровиго; ему удалось уговорить младшаго Бурбона предпринять путешествіе. Фердинандъ покинулъ Мадридъ 10 апрѣля; въ дорогѣ онъ одумался и остановился поэтому въ Витторіи. Письмо Наполеона открыло бы всякому другому глаза, но его оно ослѣпило такъ, что, несмотря на добрый совѣтъ, который ему народъ навязывалъ, несмотря на попытки ихъ перерѣзать постромки въ упряжи лошаковъ и сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшій путь, онъ собрался опять, и 20-го переступилъ границу; въ Байоннѣ онъ увидалъ себя во власти своего охранителя, требовавшаго отъ него отреченія отъ престола. Сопровождавшіе его министры не уступили; они объявили, что король ихъ немедленно возвращается въ Испанію и оттуда будетъ вести переговоры, достойные его.

Но для этого было слишкомъ поздно. 30-го выступили на сцену другія личности этой драмы. Старая королевская чета прибыла въ Байонну, гдѣ происходили сцены, отъ которыхъ хотѣлось бы отвернуться. Во время этихъ позорныхъ семейныхъ сценъ (для шутки онѣ были слишкомъ серьезны, для трагедіи—слишкомъ жалки) пришло извѣстіе о столкновеніи, происшедшемъ въ Мадридѣ 2 мая между народомъ и Французами и послужившемъ началомъ другихъ сильнѣйшихъ стычекъ. Неудовольствіе народа обнаружилось, когда молодыя инфанты стали готовиться къ отъѣзду; Мюратъ не съумѣлъ обойтись съ ними и въ жаркой уличной схваткѣ пало 1,200 Испанцевъ и 200 Французовъ. О всей испанской политикѣ своего тогдашняго повелителя, начавшейся этой кровавой баней, Талейранъ употребилъ слѣдующее выраженіе: «она была болѣе чѣмъ преступленіе, она была ошибка!» Самъ Наполеонъ, видѣвшій опасность въ характерѣ этого народа и понимавшій положеніе его гораздо лучше, чѣмъ его неловкій, грубый генералъ, былъ очень разгнѣванъ происшествіемъ. Въ эту минуту оно было ему кстати: эта «революція» давала ему случай довести своихъ бурбонскихъ гостей, боявшихся своего народа, до послѣднихъ крайностей. 5 мая Карлъ IV уступилъ Испанію и Индію государю Франціи подъ условіемъ самостоятельности королевства и сохраненія католицизма. Онъ поселился въ замкѣ Компьенѣ на жительство, съ окладомъ въ 30 милліоновъ реаловъ ежегодно; Фердинандъ тоже не дѣлалъ дальнѣйшихъ затрудненій и 10-го подписалъ договоръ; королевская чета уѣхала, и въ прокламаціи прощалась съ Испанцами; принцы, которымъ назначено было по 400,000 франковъ каждому, отправились въ Валансей и были настолько безчестны, что довольствовались такой судьбою, хотя имъ и сократили то малое, что имъ предназначали; Фердинандъ неустанно цѣловалъ бичъ, наказавшій его.

Сцены въ Байоннѣ.

Въ короли Испаніи Наполеонъ назначилъ брата своего Іосифа, бывшаго королемъ Неаполя, потому что тронъ Неаполя отданъ былъ Мюрату подъ именемъ Іоахима I, а его владѣніе, великогерцогство Бергъ, даровано въ слѣдующемъ году четырехлѣтнему сыну короля Голландіи. 20 іюля король Іосифъ пріѣхалъ въ Мадридъ. Этимъ окончилась завязка и началось первое дѣйствіе великой трагедіи, послѣднія сцены которой разыгрались на одинокомъ островѣ Атлантическаго океана: великая борьба

Король Іосифъ Испанскій.

европейскихъ народовъ противъ варварской попытки установленія всемірной монархіи, борьба, которую давно вели Англичане за свои истинныя и воображаемыя права, которую предприняли Испанцы, Австрійцы и преимущественно Русскіе, и которая была наконецъ доведена до результата соединенными силами европейскихъ государствъ.

Испанская война.

Испанскій королевскій домъ вытерпѣлъ всевозможныя униженія. Еще не бывало примѣра такой постыдной гибели; испанскій народъ взялъ дѣла въ свои руки и далъ первый страшный примѣръ народной войны противъ притѣснителя, который совершилъ величайшія насилія надъ независимостью цѣлаго народа. По мѣткому позднѣйшему выраженію Наполеона, народъ этотъ, еще не испорченный политическими страстями, мало измѣнился въ основахъ своей жизни въ послѣднія 200 лѣтъ. Онъ все еще считалъ себя самымъ великимъ и самымъ могущественнымъ народомъ на землѣ. Все съ той же слѣпой и безусловной вѣрой онъ уважалъ свою религію и служителей ея. Во Французахъ они ненавидѣли иноземцевъ, которые вторглись въ ихъ страну, и враговъ ихъ святой вѣры. Это были тѣ самые люди, которые во Франціи опрокидывали алтари, уничтожали монашескіе ордена, жидамъ и еретикамъ давали равныя права съ католиками или христіанами и въ рукахъ которыхъ, съ февраля этого года, находился престолъ самого папы. 7 іюля, еще до своего пріѣзда въ столицу, новый король далъ странѣ конституцію, съ собраніемъ кортесовъ, въ которыхъ участвовало и духовенство; дворъ и министерство свое онъ составилъ изъ Испанцевъ; все было хорошо и благоразумно разсчитано, но этимъ онъ пріобрѣлъ только партію, состоявшую конечно не изъ худшихъ людей,—людей, признававшихъ неотложную необходимость освѣженія государства и ожидавшихъ ея отъ новой династіи; отъ «отжившей расы» Бурбоновъ нельзя было ожидать современныхъ понятій и духа времени. Но громадное большинство народа не хотѣло допустить ни новой династіи, ни новаго духа времени. Ошибочное приказаніе вывѣсить вездѣ трехцвѣтное знамя — трехцвѣтное знамя революціи, обошедшее весь свѣтъ,—было искрой, воспламенившей народную толпу. Пламя вспыхнуло, страна распалась на части; каждая изъ нихъ подъ старо-испанскимъ знаменемъ самостоятельно воевала съ Французами. Сложной организаціи не нужно было, такъ какъ въ каждой провинціи образовалась своя юнта, провинціальное управленіе, и давно организованное церковное воинство, монахи, разносили пожаръ съ одного мѣста до другого. Въ Сарагоссѣ, въ Аррагоніи, генералъ Палафоксъ издалъ разжигающій манифестъ. Изъ множества юнтъ, или правительственныхъ комиссій, наибольшаго авторитета достигла Севильская, на Гвадалквивирѣ, и по ея приказанію, въ Кадиксѣ должны были сдаться, народнымъ властямъ, пять линейныхъ кораблей и одинъ фрегатъ. Вѣрная своему королю Фердинанду VII, имя котораго было символомъ независимости, она объявила, на морѣ и на сушѣ, войну Французамъ. «Да здравствуетъ Фердинандъ, смерть французамъ!» Образовались три арміи, въ Астуріи, въ Валенціи и Каталоніи, и вскорѣ вся страна была объята патріотическимъ пламенемъ такъ, что господство Французовъ не шло дальше выстрѣловъ ихъ орудій и непосредственнаго страха ихъ дѣйствій.

Англія и Испанія.

Артиллерія обусловливала побѣду въ открытомъ полѣ; такъ было при Ріо-Секко въ Старой Кастиліи (14 іюля). Но не всегда и открытое поле было благопріятно Французамъ. Черезъ недѣлю, 21 іюля, 14—20,000 Французовъ, подъ начальствомъ генерала Дюпона, были окружены, при *Байленѣ*, превосходными испанскими силами Кастаньоса и были вынуждены, подобно Маку при Ульмѣ, сложить оружіе. По всему міру разнеслась вѣсть о такой побѣдѣ, хотя она не была рѣшительной непосредственно и не могла считаться пораженіемъ самого Наполеона. Новый король, которому его тяжелая задача была не по силамъ, чувствовалъ себя въ опасности и самъ бѣжалъ изъ своей столицы, въ которую вступилъ всего только за 12 дней передъ тѣмъ, 20 іюля. Въ Аранхуэцѣ была созвана центральная юнта; въ Португаліи дѣла принимали тоже невыгодный для Франціи оборотъ. Англичане дѣйствовали энергично: въ іюлѣ прибылъ сюда десантъ подъ начальствомъ весьма способнаго Арчера Уэльслей,—будущаго побѣдителя при Ватерлоо. Остатки португальскихъ войскъ присоединились къ этому отряду. Пораженіе Французовъ на прибрежьи, при *Торресъ-Ведрасъ* (21 августа), заставило французскаго главнокомандующаго, маршала Жюно, отступить обратно въ Лиссабонъ, но, въ виду враждебности жителей, онъ не могъ надѣяться продержаться тамъ долго и заключилъ конвенцію (30 августа, въ Цинтрѣ), обязавшись очистить Португалію, при чемъ англійскій главнокомандующій, Дальраймпль, предъявилъ снисходительныя условія, ограничившись переправою всего французскаго корпуса, въ числѣ 22,000 ч., обратно во Францію на англійскихъ судахъ. Но въ томъ же мѣсяцѣ Англичане оказали Испаніи болѣе существенную услугу: два испанскіе полка, находившіеся въ Даніи, захотѣли принять участіе въ борьбѣ за свою родину; начальствовавшій надъ ними Ла-Романа де-Годой собралъ часть ихъ въ Фіоніи, овладѣлъ крѣпостью Ниборгомъ, потомъ, вмѣстѣ съ остальными, перебрался въ Готенбургъ (Швеція) и здѣсь весь этотъ отрядъ, числомъ до 10,000 ч., былъ принятъ англійскими судами (5 сентября) и доставленъ, 9 октября, благополучно въ Корунью. Испанская народная война ознаменована тоже геройскою обороною Сарагоссы, на р. Эбро. Городъ былъ осажденъ съ 1 іюля; защитникомъ его былъ беззавѣтно-храбрый Палафоксъ.

1808 г.

Это не подавленное еще сопротивленіе Испаніи было единственной тѣнью на торжествѣ побѣдителя. Но, вообще, новая имперія и новый императоръ могли выступить въ полномъ блескѣ на *Эрфуртскомъ конгрессѣ*, происходившемъ въ эти же дни (отъ 17 сентября по 14 октября 1808 г.).

Наполеонъ послѣ Тильзитскаго мира.

Побѣды 1806—1807 г. и славный Тильзитскій миръ доставили торжествующей Франціи тѣ прославленія и ту возможность самоупоенія, которыми наиболѣе удовлетворяется человѣческое самолюбіе,—въ особенности же присущее французской націи. Сверхъ того, эти побѣды дали Наполеону средство прикрѣпить къ тому, что называлось теперь его «системой», массу отдѣльныхъ лицъ, а посредствомъ основанной имъ «*Военной кассы*» даже цѣлый классъ,—или касту,—и онъ понималъ хорошо, чѣмъ руководствовались, при этомъ, люди, ибо самъ давно потерялъ вѣру въ чистоту людскихъ помысловъ, если когда-либо и вѣрилъ нее. Нечего говорить, какой инміамъ лести воскуривался побѣдоносному и всемогущему

деспоту при его возвращеніи 27 іюля въ Сенъ-Клу. Онъ, съ своей стороны, скрѣпилъ общественные устои выросшаго изъ великой революціи государства, создавъ вновь дворянскіе титулы (законъ 1 мая 1808 г.), съ наслѣдственностью ихъ черезъ учрежденіе маіоратовъ. Снова явились сановники, князья, герцоги, графы, бароны, кавалеры; въ теченіе лѣта 1808 г. многіе были удостоены этихъ почестей. Военныя или дипломатическія побѣды представляли готовый титулъ для генераловъ и дипломатовъ; появились новые гербы, новыя ливреи. Но народныя массы утрачивали, среди этого, жалкіе остатки своей свободы. О дѣйствительномъ народномъ представительствѣ не было уже рѣчи. Еще въ августѣ 1807 г., было уничтожено нѣчто, напоминавшее о немъ, трибунатъ, а въ октябрѣ стерлись и послѣдніе слѣды независимости судебнаго сословія посредствомъ перемѣщеній и замѣщеній въ духѣ господствующей системы, что было названо «*очищеніемъ*», согласно неподражаемому искусству Французовъ придавать красивыя названія самымъ неблаговиднымъ пріемамъ. По новой теоріи, одинъ императоръ былъ представителемъ націи, и нельзя отрицать, что такой родъ правленія въ рукахъ человѣка, обладавшаго изумительно яснымъ и проницательнымъ умомъ, при непреклонной, вполнѣ сознательной волѣ, производилъ чудеса: во всѣхъ частяхъ администраціи и государственнаго хозяйства было создано много полезнаго, великаго, достойнаго удивленія. Въ вассальныхъ государствахъ, особенно въ Италіи, было сдѣлано тоже множество улучшеній. Но въ жертву этой централизаціи была принесена свобода, которая одна облагораживаетъ матеріальные успѣхи и создаетъ истинную жизнь. Самою характеристичною чертою этой системы служило, можетъ-быть, основаніе *императорскаго университета* (17 марта 1808 г.), подчинявшее, въ извѣстной степени, даже и знаніе служебному порядку, дѣлая его слугою одной низкопробной пользы и доступнымъ подкупу: каждое лицо, желавшее преподавать хотя бы только одну грамоту, должно было испрашивать на то разрѣшенія отъ Парижскаго императорскаго университета.

Германія послѣ Тильзитскаго мира.

Эти годы были блестящими для Франціи во внѣшнемъ отношеніи, хотя бѣдны и безплодны въ смыслѣ дѣйствительныхъ и прочныхъ пріобрѣтеній; для покоренной Германіи они были невыразимо грустны и унизительны, но цѣлительны и плодотворны. Народъ, который сломилъ нѣкогда Римскую имперію, водворилъ въ Европѣ государственность на новыхъ, свободныхъ началахъ, распространилъ христіанство и культуру во всей средней европейской полосѣ, а въ XVI вѣкѣ возродилъ эту христіанскую культуру въ духѣ новаго человѣческаго міровоззрѣнія,—этотъ народъ, преодолѣвшій даже опустошенія Тридцатилѣтней войны, не могъ, по волѣ Провидѣнія, остаться подчиненнымъ надолго послѣднему и величайшему изъ галльскихъ хищныхъ завоевателей. Съ политической точки зрѣнія, положеніе Германіи было крайне плачевно. О національномъ единствѣ ея можно было говорить лишь въ томъ смыслѣ, что населеніе имѣло одну общую исторію, общій языкъ и общую громадную сокровищницу въ области мысли и поэзіи, науки и искусства, при чемъ, по странному совпаденію, масса этого драгоцѣннаго достоянія необыкновенно увеличилась именно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Въ умахъ

правящихъ классовъ совершился, одновременно съ потрясеніями во Франціи, мирный переворотъ, вызвавшій ту новую образованность, которую нечего описывать, потому что она на-лицо передъ нами. Съ 1794 года началось чудное совмѣстное творчество великихъ поэтовъ Гёте и Шиллера. Въ 1797 году Гёте пишетъ «Германа и Доротею», въ 1798 — 1799 Шиллеръ—свою трилогію «Валленштейнъ», въ 1801—«Орлеанскую Дѣву», въ 1804—«Телля»; въ 1808 году появляется первая часть Гётева «Фауста». Но въ перепискѣ двухъ великихъ писателей не затрогивается вовсе политическая злоба дня. Шиллеръ умеръ (10 мая 1805 г.) до наступленія самыхъ худшихъ дней этой тягостной эпохи; Гёте, пережившій самые тяжелые изъ нихъ,—онъ могъ видѣть черезъ свою садовую ограду штыки отступавшей прусской пѣхоты въ злополучный день 14 октября,—намѣренно устранялся отъ этихъ впечатлѣній. Но нельзя отрицать глубокой, таинственной связи между господствовавшей поэзіей и гражданственнымъ направленіемъ, охватившимъ всѣ слои общества, заявлявшимъ себя болѣе и болѣе настоятельно и ставшимъ, наконецъ, первенствующимъ среди народныхъ интересовъ; какъ бы провидя будущее, созерцая участь, которую уготовлялъ себѣ всемірный завоеватель, Шиллеръ олицетворяетъ его въ своемъ «Валленштейнѣ»,—этомъ «идолѣ военныхъ полчищъ, бичѣ странъ» и безразсудномъ сынѣ счастья:

«Быстро вознесенный прихотью временъ на высшую степень почета и неудержимо стремясь еще выше, онъ палъ жертвою ненасытимаго честолюбія».

Въ «Орлеанской Дѣвѣ» или «Теллѣ» поэтъ говоритъ:

«Ничтоженъ тотъ народъ, который не жертвуетъ радостно всѣмъ ради своей чести».

А въ могучей рѣчи при сценѣ на Рютли:

«Земля эта наша, по праву тысячелѣтняго владѣнія ею, а чужой господскій рабъ осмѣлится придти и ковать на насъ цѣпи, позорить насъ на нашей родной почвѣ!..»

Эти воззванія къ высшимъ чувствамъ человѣческой души были своевременнымъ напоминаніемъ, — напоминаніемъ свыше, потому что самъ поэтъ не могъ думать о непосредственномъ наставленіи своему народу, дѣйствительно ставшему ничтожнымъ и допускавшимъ позорить себя на своей родной землѣ.

Рейнскій союзъ.

Нѣмецкія, — или бывшія нѣмецкими, — *государства Рейнскаго союза* занимали территорію въ 5,484 кв. мили съ населеніемъ въ 13 милліоновъ. Объ окончательномъ устройствѣ ихъ, какъ земель нѣмецкихъ, о союзномъ представительствѣ, союзномъ судѣ и т. д., о чемъ была прежде рѣчь, теперь уже не было слышно. «Нѣмецкія отношенія болѣе запутаны, нежели я думалъ», сказалъ Наполеонъ. Но для ближайшей и требуемой цѣли,—доставленія денегъ и солдатъ протектору, — они были достаточно просты. Тѣмъ не менѣе, новое владычество и вліяніе Франціи принесло этимъ областямъ не мало хорошаго, водворивъ здѣсь лучшія наслѣдія французской революціи; такъ, мѣстная администрація стала работать усердно и быстро, вывелись многіе предразсудки и злоупотребленія, бездушная власть дворянъ и духовенства была обуздана. Въ *Баваріи*, на-

примѣръ, было сдѣлано много полезнаго, благодаря всезахватывавшему министерскому деспотизму графа *Монжела* (съ 1799), суровость котораго умѣрялась благодушіемъ короля Макса-Іосифа. Конституція 1 мая 1808 года отмѣняла вполнѣ прежній сословный строй, пережившій себя; страна была раздѣлена, по французскому образцу, согласно географической точкѣ зрѣнія, на 15 округовъ съ генералъ-комиссаромъ во главѣ каждаго; министерство, въ составѣ 5 департаментовъ, было отвѣтственно передъ королемъ, которому былъ приданъ тайный совѣтъ; округа имѣли своихъ представителей; существовало даже и народное представительство, не созывавшееся, однако, ни разу. Судопроизводство и школьная часть были улучшены; для расширенія высшаго образованія были призваны такія значительныя личности, какъ философъ Якоби, юристъ Фейербахъ, филологи Якобсъ и Тиршъ. Достойный Баварскій король умѣрялъ своей кротостью все, что было порою неправильнаго въ рѣзкихъ дѣйствіяхъ бюрократіи; въ *Вюртембергѣ*, напротивъ того, самый презрѣнный деспотъ угнеталъ безжалостно свое небольшое, но полное непочатыхъ силъ, государство. Этотъ Фридрихъ I, злѣйшая султанская натура, находилъ особенное удовольствіе въ нарушеніи счастья человѣческаго. Онъ заставлялъ страдать всѣхъ: дворянство, служащихъ, гражданъ, крестьянъ; этихъ послѣднихъ, напримѣръ, сгоняли съ половины Вюртемберга вмѣстѣ съ дичью при устраиваемыхъ имъ большихъ охотахъ. Не одни солдаты, но и придворные служители, скороходы, почтари и т. п. набирались посредствомъ конскрипціи. Дозволеніе учиться, и чему именно, зависѣло отъ короля, и никто не могъ избѣжать этой принудительной мѣры, потому что съ 1807 г. вюртембергцы лишились права выѣзда за предѣлы страны, а въ 1808 г. было запрещено и утруждать короля о томъ просьбами. Для 3—4-дневной поѣздки требовалось разрѣшеніе высшаго начальства; старая вюртембергская конституція, которою такъ гордилось маленькое государство въ теченіе столѣтій, была вовсе упразднена. Самого короля всѣ боялись, какъ врага: стоило кому-нибудь крик-



Шиллеръ на 30-мъ году отъ роду.

Портретъ работы Л. Симонавичъ, гравировалъ Стейнля.

нуть: «вотъ король!» для того, чтобы толпа, собравшаяся на какое-нибудь зрѣлище или для праздничной забавы, мигомъ разбѣжалась, прячась куда попало. Иначе было въ *Баденѣ*, при благородномъ правителѣ Карлѣ-Фридрихѣ (съ 1746 г.), который не могъ вполнѣ устранить тяготѣвшій надъ страною злосчастный рокъ, но, по возможности, старался облегчать тяжелую участь жителей. Новое *Вестфальское королевство* представляло превосходный, хотя и несхожій «*pendant*» къ Вюртембергскому. Вестфальскій король Іеронимъ, младшій изъ Наполеонидовъ, балованное дитя семьи, никакъ не былъ деспотомъ, а просто «дрянцой», если позволительно употребить это слово. Въ его новомъ санѣ интересовало его только одно: 5 милліоновъ присвоеннаго ему содержанія, которые онъ весело проживалъ въ своей резиденціи, Касселѣ, въ сообществѣ достойныхъ друзей и окруживъ себя портными, куаферами и всякими поставщиками роскоши. Французскіе и иные искатели счастья спѣшили въ эту обѣтованную для нихъ землю. Грустно, хотя нисколько не удивительно встрѣтить на службѣ этого короля и весьма замѣчательнаго человѣка, извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, историка Швейцарскаго Союза, Іоганна фонъ-Миллера, изъ Шафгаузена, котораго нѣсколько милостивыхъ словъ Наполеона въ Берлинѣ и лесть его свиты обратили изъ патріота въ бонапартистскаго ритора и софиста: «Тотъ, передъ кѣмъ умолкаетъ міръ, потому что міръ отданъ Богомъ въ его руки, видитъ въ Германіи передовую стражу и оплотъ, на Западѣ и на Югѣ, въ первыхъ гнѣздахъ европейской культуры. Чтобы возвысить политическое значеніе Германіи, онъ укрѣпилъ ее, вводя въ ней свой кодексъ, свое образцовое оружіе, наставилъ ее во всемъ и, вмѣсто забитой солдатчины, создалъ въ ней рачительныхъ, почтительныхъ гражданъ... Изъ двадцати земель образовалъ онъ имперію...» Такъ говорилъ Миллеръ въ іюлѣ 1808 года передъ представительнымъ собраніемъ. Вестфаліи была дарована, дѣйствительно, либеральная конституція, и Наполеонъ полагалъ, что благодѣянія его кодекса, гласность судопроизводства, судъ присяжныхъ и проч., выгодно выдѣлятъ государство и проведутъ болѣе широкую границу между нимъ и Пруссіей, нежели Эльба. Королевство было раздѣлено на 8 департаментовъ съ подраздѣленіями на округи и кантоны; все это управлялось муниципальными и государственнымъ совѣтами, префектами, подпрефектами, мэрами,—и дѣйствительно не все было ложнымъ въ дионрамбѣ нѣмецкаго Тацита. Почва была расчищена и вспахана для многаго хорошаго, — но главнымъ оставалось, въ данную минуту, то обстоятельство, что государство управлялось и эксплоатировалось чужеземцами и, въ большинствѣ, чужеземцами недостойными. При этомъ еще королю Іерониму была дана въ супруги нѣмецкая принцесса, дочь Вюртембергскаго короля Фридриха, хотя бракъ его съ Елизою Патерсонъ не былъ законно расторгнутъ: папа не уступилъ въ этомъ пунктѣ всесильному владыкѣ.

Такъ должно было совершиться для того, чтобы нація воспрянула, наконецъ, къ новой жизни и дѣятельности изъ того глубокаго упадка, котораго не замѣчали ея избраннѣйшіе умы, витая въ области идеаловъ, поэзіи и отвлеченнаго знанія. Французская революція не могла тоже привести народъ къ этому; величественное возрожденіе нѣмецкой лите-

ратуры Гёте и Шиллеромъ, глубокомысленныя творенія такихъ философовъ, какъ Фихте, Кантъ, Шеллингъ, Гегель, которые, созидая знаніе знаній, старались разрѣшить высшія задачи мысли, міра и духа, усиливали лишь созерцательное направленіе умовъ. Весьма характерно, что Гегель написалъ свою «Феноменологію» въ годъ битвы при Іенѣ (1806). Даже драмы Шиллера, дышащія такою энергичною политическою и національною жизненностью, поражали зрителей только богатствомъ мысли и блескомъ риторики, и лишь послѣ уничтожающихъ ударовъ послѣднихъ лѣтъ и бѣдствій чужеземнаго гнёта поняла Германія глубокій смыслъ этихъ твореній, не сознаваемый самимъ авторомъ ихъ; поняла она, что существуютъ лучшія блага, нежели сокровища адскаго искусства, именно національная независимость и честь народная,—и что, по старинной пословицѣ, «лучше цѣловать руку земляку, нежели сапоги чужаку».

Пруссія. Потребовалась горькая нужда для вызова такихъ производительныхъ мѣропріятій во второмъ кускѣ разорванной на части Германіи, т.-е. въ *Пруссіи;* по счастію, здѣсь нашлись на это государственные люди. Миръ низвелъ Пруссію на степень второстепенной или третьестепенной державы, на одинъ уровень съ Баваріей или Саксонскимъ королевствомъ, при его герцогствѣ Варшавскимъ; возвышало ее надъ ними лишь одно ея историческое прошлое. Выполненіе условій жестокаго мира было еще ужаснѣе, нежели ожидалось. Французы злонамѣренно затягивали очищеніе территоріи. Въ концѣ года, съ цѣлью ускорить дѣло, въ Парижъ отправился братъ короля, принцъ Вильгельмъ; но, въ теченіе 1808 г., враждебное отношеніе Наполеона къ Пруссіи еще усилилось, вслѣдствіе чего принца и прусскаго посла принудили подписать еще договоръ, по которому, до уплаты Пруссіей громадной суммы, въ 140 милліоновъ, крѣпости Глогау, Кюстринъ и Штеттинъ оставались въ рукахъ Французовъ, при содержаніи ихъ гарнизоновъ насчетъ прусской казны; семь военныхъ дорогъ должны были считаться открытыми и прусская армія сокращалась до 42 тыс. чел. на все предстоявшее десятилѣтіе. На счастье Пруссіи, въ это тяжелое время нашелся человѣкъ, не поколебавшійся ни минуты занять трудный и опасный постъ перваго совѣтника короля и защитника прусскаго дѣла. Это былъ баронъ *Карлъ фонъ-Штейнъ*, происходившій изъ старой дворянской фамиліи (род. 1757 г., въ Нассау, на Ланѣ), государственный дѣятель, какихъ давно уже не видала Германія и котораго можно противопоставлять Наполеону въ образецъ той силы, которою обладаетъ душевное благородство въ борьбѣ съ демонскимъ честолюбіемъ, ненавистничествомъ и эгоизмомъ. Широкоплечій, широкогрудый, съ высокимъ лбомъ, крупнымъ носомъ, сжатыми губами, приземистый, Штейнъ обладалъ могучимъ здоровьемъ, проницательностью, не позволявшею никому вводить его въ обманъ, горячимъ сочувствіемъ ко всему высокому и благородному; но идеализмъ и гуманное направленіе XVIII вѣка соединялись въ немъ съ яснымъ пониманіемъ дѣйствительности. Непреклонный и строгій по своему прямодушію, онъ отличался искреннею религіозностью, но не тою, что такъ часто притупляетъ или искажаетъ человѣческую волю, а тою, которая подкрѣпляетъ и закаляетъ ее, и ко-



Имперскій баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ-Штейнъ.
Писанъ П. И. Люденкирхеномъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

торой нехватало современному, изнѣженному поколѣнію. Онъ сосредоточилъ власть въ своихъ рукахъ; для его государственнаго ума, соединявшаго обширность замысловъ съ проникновеніемъ въ мельчайшія частности дѣла, открывалось широкое поле дѣйствія; но положеніе его было весьма затруднительно. Съ одной стороны, у него былъ приниженный король, которому было какъ-то жутко передъ этимъ выдающимся дѣятелемъ и который не могъ слѣдовать за смѣлымъ полетомъ его мысли; съ другой — были

Французы, раздражавшіе его своими постоянно новыми требованіями, а страна была полна людей, потерявшихъ все свое достояніе въ послѣдней войнѣ и крайне ожесточенныхъ; сверхъ того, Штейну приходилось бороться со всякими интригами: юнкерство ненавидѣло въ немъ независимаго дворянина, ограниченное чиновничество — геніальнаго государственнаго человѣка, тупоумная толпа посредственностей — создателя разныхъ новшествъ. Онъ не былъ доктринеромъ, несмотря на всю законченность своихъ убѣжденій: смотря на вещи просто, естественно, по-человѣчески, онъ не терялъ времени на пустословіе о принципахъ революціи и ихъ основательности или неосновательности, но круто измѣнялъ, уничтожалъ или вводилъ свои порядки, по мѣрѣ того, какъ считалъ это нужнымъ. Онъ старался пробудить нравственныя силы въ народѣ, привлекая его къ общественной дѣятельности, слѣдовательно къ служенію государству, основывалъ внутренній строй этого государства на принципѣ самоуправленія и тоже самоотвѣтственности, что необходимо связывалось съ народнымъ представительствомъ,—собраніями окружныхъ, областныхъ и государственныхъ чиновъ. Штейнъ не отступалъ и передъ этою мыслью, такъ пугавшею ограниченнные умы. «Единовластіе удѣлъ лишь немногихъ правителей, но и при представительномъ строѣ государства они могутъ найти всегда, въ самой благонамѣренности своей, средства къ выполненію задуманнаго ими». Такъ говорилъ этотъ государственный дѣятель, стоявшій на порогѣ новой эпохи въ жизни Пруссіи и всей Германіи.

Реформы. Баронъ фонъ-Штейнъ.

Времени у него было немного, но онъ успѣлъ провести, что хотѣлъ,— и, главное, провести въ должномъ направленіи. Знаменитый *эдиктъ 9 октября 1807 г.* снесъ разомъ преграды между дворянствомъ и среднимъ сословіемъ, тормозившія народныя силы. Отнынѣ допускалось раздробленіе земельныхъ владѣній, разночинцы могли пріобрѣтать дворянскія помѣстья, дворяне—заниматься торговлей, ремеслами. *Городовое положеніе 19 ноября 1808 г.* вручало управленіе каждаго города свободно избираемымъ гласнымъ и магистрату, оставляя за правительствомъ лишь право высшаго надзора. «Наслѣдственная подданность уничтожается и основывается несокрушимый столпъ каждаго престола, воля свободныхъ людей». Объ руку съ этими реформами шло *переустройство войска*,—нововведеніе, оказавшее сильное вліяніе на самыя государственныя основы и на общественныя отношенія, простираясь далеко за предѣлы своей непосредственной цѣли. По заключеніи мира, была учреждена военная реформенная комиссія, душою которой былъ Герардъ-Давидъ *Шарнгорстъ*, сынъ ганноверскаго сельскаго хозяина, родившійся въ 1756 г. Это былъ человѣкъ скромный, не многорѣчивый, но весьма образованный, обладавшій яснымъ, спокойнымъ взглядомъ на вещи, благороднѣйшею душою, самой незапятнанной репутаціей и одинъ изъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ при Блюхерѣ во время послѣдней войны. Въ той же комиссіи участвовалъ защитникъ Кольберга, Нейдгардъ фонъ-*Гнезенау*, тоже не природный пруссакъ, а сынъ австрійскаго артиллерійскаго офицера (род. въ 1760 г.), человѣкъ весьма даровитый. Таковы были и остальные члены: Грольманъ, Бойенъ, Клаузевицъ. Еще до окончанія злополучнаго года, планъ военной реформы былъ за-

конченъ, состоя не въ одномъ усиленіи арміи, но въ ея облагороженіи. Преимущество дворянъ на полученіе офицерскихъ мѣстъ и вербовка въ иностранныхъ земляхъ были уничтожены; была проложена дорога къ тому, чтобы прусская армія была прусскою націей, взявшейся за оружіе. Въ самый народъ проникали уже новыя вѣянія. Довольно указать на то, что человѣкъ чистой науки, философъ *Іоганнъ-Готлибъ Фихте*, въ зиму 1807—1808 года, читалъ въ Берлинѣ, подъ французскими штыками, свои «*Рѣчи къ нѣмецкому народу*», не опасаясь такого громкаго названія. Въ этихъ «Рѣчахъ» Фихте настоятельно напоминалъ всякому, имѣвшему уши, чтобы слышать, что каждый нравственно отвѣтственъ за общее благо, за спасеніе міра, какъ онъ выражался. Столь же глубокомысленный ученый, богословъ *Даніилъ-Фридрихъ Шлейермахеръ*, соединявшій въ себѣ религіозность съ философскимъ направленіемъ мысли, говорилъ въ томъ же патріотическомъ духѣ, взывая къ борьбѣ, которую должны были повести не одни обязанныя къ тому войска, но цѣлыя народности, совмѣстно съ своими государями. Онъ какъ бы провидѣлъ уже будущее среди пораженій 1806 года.



Даніилъ-Фридрихъ Шлейермахеръ.
По рисунку Г. Липса.

Тѣ же начала вызвали въ Кёнигсбергѣ, весною 1808 г., основаніе нравственно-научнаго общества, которое, сознавая необходимость нравственнаго возрожденія страны, приняло названіе «*Союза Добродѣтели*» (*Tugendbund*); уставъ этого «Союза» былъ утвержденъ королемъ, въ члены его поспѣшили вступить лица правящихъ классовъ, чиновники, профессора, офицеры, помѣщики, купцы, и скоро новый «Союзъ» пустилъ свои развѣтвленія повсюду. Въ томъ же духѣ были приняты мѣры къ основанію *берлинскаго университета*, послѣ того, какъ городъ Галле былъ отнятъ у государства.

Эрфуртскій конгрессъ.

Это настроеніе, эти попытки,—столь противоположныя наполеоновской системѣ,—не были вполнѣ безызвѣстны Французскому императору. Партія, противившаяся этимъ реформамъ и смѣлому человѣку, стоявшему теперь во главѣ дѣлъ, не стыдилась прибѣгать къ помощи Французовъ для низверженія ненавистнаго министра, какъ она прибѣгала съ тою же цѣлью, позднѣе, къ Россіи. Одно письмо Штейна было перехвачено у прусскаго курьера, на прусской землѣ, еще французскою военною полиціею и переслано въ Парижъ. Такой фактъ долженъ былъ бы предостеречь Штейна, если онъ еще нуждался въ предостереженіяхъ. Но онъ разсчитывалъ на дружбу Россіи,—и желаніе укрѣпить ее и выказать передъ всѣмъ свѣтомъ было одною изъ побудительныхъ причинъ созванія *Эрфуртскаго конгресса*, на который явились, 27 сентября 1808 г., оба императора. Городъ, ставшій французскимъ съ 1807 г., оказалъ блистательнѣйшій пріемъ гостямъ. Государства Рейнскаго союза: Вестфалія, Баварія, Вюртембергъ и пр., предстали въ лицѣ самихъ своихъ правителей или наслѣдниковъ престола; выписанные изъ Парижа артисты «*Théâtre français*» играли передъ «партеромъ королей». Изъ Пруссіи прибылъ принцъ Вильгельмъ, братъ короля; Австрія прислала только генерала Винцента, который, къ тому же, считался недругомъ Французовъ. Съ мелкими вассалами обращались безцеремонно: Наполеонъ давалъ имъ почувствовать свою власть, или они и сами ее слишкомъ хорошо сознавали; и то обаяніе, которое производитъ могущественная и грозная личность на толпу обыкновенныхъ смертныхъ,—зѣвакъ и читателей газетныхъ новостей во всѣхъ концахъ міра,—это обаяніе заставляло не однихъ жителей Эрфурта иллюминовать свои дома, но дѣйствовало и на высокопоставленныхъ лицъ, охватывало и такихъ великановъ литературы, какъ Гёте и Виландъ, которыхъ Наполеонъ принималъ здѣсь или въ Веймарѣ. Но, временами, проглядывали въ немъ высокомѣріе тирана и якобинская жилка, какъ, напримѣръ, при приглашеніи имъ прусскаго принца посѣтить поле битвы подъ Іеною. При этомъ, Наполеонъ старался очаровывать императора Александра тончайшею лестью, тѣмъ болѣе усердно, что ему не приходилось дѣлать какихъ-либо уступокъ Россіи,—по крайней мѣрѣ, онъ не думалъ о необходимости этого. По тайному договору, заключенному 12 октября на этомъ конгрессѣ, императору Александру было обѣщано начать переговоры съ Англіей на основѣ настоящаго положенія владѣній, при чемъ миръ обусловливался присоединеніемъ Финляндіи, Молдавіи и Валахіи къ русской коронѣ.

Завоеваніе Финляндіи у Шведовъ совершилось въ теченіе того же года слѣдующимъ образомъ. Шведскій король, Густавъ IV, внезапно порвалъ всякія отношенія съ Россіей, едва только узналъ, что Россія, въ Тильзитѣ, помирилась съ Наполеономъ и даже вступила съ нимъ въ союзъ. Въ началѣ 1808 г. началась открытая война со Швеціей. Русскіе, вступивъ въ Финляндію, разбили Шведовъ на всѣхъ пунктахъ, а весною овладѣли и ихъ неприступною крѣпостью, Свеаборгомъ. Графъ Каменскій на голову разбилъ Шведовъ при *Оравайсѣ*, Багратіонъ занялъ Аландскіе острова, а Барклай-де-Толли, воспользовавшись суровымъ зимнимъ временемъ года, когда проливъ Кваркенъ замерзаетъ, перевелъ по льду рус-

скія войска на берега Швеціи. Испуганный этимъ, король Шведскій поспѣшилъ примириться съ императоромъ Александромъ. 5-го сентября 1809 г. мирный договоръ былъ заключенъ въ *Фридрихсгамѣ* и по этому договору Россія пріобрѣла всю Финляндію и Аландскіе острова.

Наполеонъ долженъ былъ отправиться изъ Эрфурта на испанскій театръ войны. Онъ собралъ громадныя военныя силы, въ составъ которыхъ входили польскіе и итальянскіе отряды, а также войска Рейнскаго союза. Въ общемъ насчитывалось 200—250 тысячъ человѣкъ, и раболѣпный французскій сенатъ предоставлялъ еще въ распоряженіе властелина 80,000 конскриптовъ 1806—1809 г. и столько же напередъ изъ набора, имѣющаго быть въ 1810 г. Уже въ слѣдующемъ году наблюдательнымъ путешественникамъ бросались въ глаза, при внѣшнемъ обзорѣ французскихъ деревень, печальные слѣды этихъ непрестанныхъ, громадныхъ затратъ человѣческихъ жизней. Наполеонъ прибылъ въ Байонну 3 ноября 1808 г.; 5-го числа онъ былъ въ Витторіи. Испанцы не были въ силахъ вступить въ открытый бой съ такимъ войскомъ, во главѣ котораго стоялъ самъ Наполеонъ, хотя имъ помогали 25,000 Англичанъ подъ начальствомъ Мура и Бэйрда. Наполеонъ, всегда вѣрно оцѣнивавшій положеніе, рѣшилъ разбить сначала обѣ арміи противника, потому что народное возстаніе имѣло значеніе лишь въ соединеніи съ ними. Не было недостатка въ блестящихъ подвигахъ его войскъ: побѣды слѣдовали за побѣдами, польская конница брала приступомъ батареи за батареями, и 4 декабря Наполеонъ вступилъ въ Мадридъ. Но война тѣмъ не кончилась. Испанцы вымещали на мелкихъ французскихъ отрядахъ или отдѣльныхъ солдатахъ за свои пораженія въ полѣ; Сарагосса выдержала продолжительнѣйшую осаду, пока, наконецъ, доведенная до крайности, была вынуждена сдаться, 21 февраля 1809 г. Самъ Наполеонъ вернулся въ Парижъ 23 января 1809 г. Ему предстояла новая война и онъ предоставилъ Испанію своимъ генераламъ, среди которыхъ король Іосифъ, тяготившійся своею королевскою мантіею, какъ Геракль рубашкой Несса, игралъ весьма жалкую роль. Въ то время, какъ Сультъ бился съ отвлекавшими его Англичанами у Коруньи (Галиція), Англія заключила союзный договоръ съ центральною юнтой, а Уэльслэй велъ тоже успѣшно оборонительную войну въ Португаліи. Эта борьба на полуостровѣ не могла, разумѣется, порѣшить ничего, но она поддерживала сопротивленіе и доказывала порабощенной Европѣ, что сражаются успѣшно не одни только вымуштрованные полки, но и простое населеніе съ оружіемъ въ рукахъ, какъ то свидѣтельствовали своимъ примѣромъ испанскіе «гверильясы». И наступившій годъ долженъ былъ показать Французамъ, что примѣръ этотъ не пропадалъ даромъ.

Наполеонъ въ Испаніи.

Австрія,—страна, отъ которой можно было ожидать всего менѣе подражанія этому примѣру,—приступила тоже къ національной войнѣ. Лица, виновныя въ печальномъ ходѣ борьбы противъ революціи и, особенно, въ жалкомъ исходѣ кампаніи 1805 г., должны были уступить мѣсто другимъ; такъ, Кобенцель былъ замѣщенъ (съ 1805 г.) графомъ *Филиппомъ Стадіономъ* въ управленіи иностранными дѣлами. Новый министръ происходилъ изъ очень старинаго дворянскаго рода (род. 1763 г.), и былъ болѣе нѣмцемъ по направленію, нежели австрійцемъ. Онъ постоянно

Австрія съ 1805 г.

стоялъ за возобновленіе войны противъ великаго выскочки. Перемѣны, произведенныя его вмѣшательствомъ въ дѣла, не могли укорениться столь крѣпко въ Австріи, какъ то было въ Пруссіи, гдѣ умственные рычаги обладали большею силою. Въ Австріи тщетно было искать какихъ-нибудь Фихте, Шлейермахеровъ, Нибуровъ; они были невозможны при ограниченности короля, который дорожилъ тѣмъ болѣе собственнымъ ореоломъ, чѣмъ менѣе обладалъ качествами, нужными въ государѣ. Однако, военныя приготовленія были произведены здѣсь толково, и дѣлаютъ честь эрцгерцогу Карлу, который былъ человѣкомъ замѣчательнымъ не по тому одному, что онъ былъ братомъ короля. Заслуги его (1806) выразились особенно въ поднятіи чувства чести между военными и въ удачной организаціи національнаго войска—ландвера. Эрцгерцогъ Карлъ и другой братъ короля, Іоаннъ, проявили здѣсь самую достойную дѣятельность, при чемъ правительство разсчитывало и на такого союзника, отъ котораго пугливо отстранилось бы во всякое другое время, а именно—на общее народное недовольство; можно было надѣяться, что не только Пруссія, но и вся Германія поднимется на общаго врага. Однако, Наполеону было желательно избѣжать войны на этотъ разъ, уже ради однихъ его видовъ на Испанію; по крайней мѣрѣ, онъ уклонялся отъ нарушенія мира, хотя и не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Борьба въ Испаніи производила большее впечатлѣніе, нежели онъ ожидалъ, притомъ даже на такихъ умнѣйшихъ изъ его слугъ, какими были Талейранъ и Фуше, что не укрывалось отъ его недовѣрчивой проницательности. Возвратясь въ Парижъ, онъ понялъ всю неизбѣжность войны: небольшая партія мира при Вѣнскомъ дворѣ притихла въ виду общаго настроенія въ государствѣ, шумно заявлявшаго себя при всякомъ случаѣ: въ театрѣ, на смотрахъ войскъ...

1809 г. Вооруженія. Война.

Но счастье не покидало еще Наполеона. Австрія медлила съ настоящимъ открытіемъ военныхъ дѣйствій: объявленіе войны послѣдовало лишь 9-го апрѣля. Въ приказѣ по войскамъ, эрцгерцогъ Карлъ, назначенный генералиссимусомъ, выразился краснорѣчиво, выясняя цѣль предстоявшей войны: «Свобода Европы ищетъ прибѣжища подъ вашими знаменами». И въ это время одно изъ бывшихъ нѣмецкихъ владѣній, графство *Тироль*, отошедшее къ Баваріи по Пресбургскому миру, было уже готово начать борьбу за освобожденіе.

Возстаніе въ Тиролѣ.

Населеніе Тироля, подобно всѣмъ горнымъ племенамъ, твердо держалось своего патріархальнаго быта и даже связанныхъ съ нимъ злоупотребленій, такъ какъ простодушный народъ издавна сроднился съ ними. Новое правительство, въ лицѣ баварскихъ бюрократовъ, склонныхъ къ систематизаціи и переустройству всего, затрогивало во многомъ,—съ точки зрѣнія «раціональнаго государственнаго порядка» и, вѣроятно, часто весьма основательно—эту почтенную старину. Но новые налоги, конскрипція и, пуще всего, вмѣшательство въ церковный строй страны, раздражали Тирольцевъ, шедшихъ до тѣхъ поръ на помочахъ у простого, честнаго, хотя невѣжественнаго духовенства. Раздраженіе было естественнымъ, вслѣдствіе полной отчужденности этихъ горцевъ отъ остального мира и прирожденной крестьянскому сословію недовѣрчивости. Старыя названія исчезали, родовой замокъ графовъ тирольскихъ былъ проданъ съ молотка новыми

господами, равнодушными къ историческимъ воспоминаніямъ и красотамъ, а одинъ окружной начальникъ въ Инталѣ усердствовалъ до того, что приказалъ продавать одну породу грушъ, извѣстную на базарѣ подъ названіемъ «кесарскихъ», не иначе, какъ именуя ее «королевскою». Все это, по обыкновенію, заставляло жителей идеализировать прежнее австрійское управленіе, и когда вѣсть о скоромъ наступленіи новой войны разнеслась, Тирольцы не задумались вступить въ тайный союзъ съ Австріей для возвращенія къ прежнему порядку вещей. Примѣръ Испаніи производилъ свое дѣйствіе; духовенство вліяло съ своей стороны, хотя и не столь энергично, какъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Тироль былъ, можетъ-быть, самою благопріятною ареной въ Германіи для народной войны. Люди, родившіеся здѣсь, закаленные горнымъ воздухомъ, были знакомы съ юности съ своими горами, долинами, пропастями, скалами, горными тропинками; лукавые, скрытные, привыкшіе обращаться съ оружіемъ, они съумѣли искусно поддерживать свои тайныя сношенія съ Австріей, подразумѣвая, въ своей перепискѣ, готовящееся возстаніе подъ именемъ свадьбы, вооруженіе подъ именемъ приданаго для невѣсты, и обманывали врага такъ же хитро, какъ нѣкогда Херуски Арминія проводили Римлянъ. И среди тысячъ, знавшихъ тайну, которая обсуждалась на всѣхъ состязаніяхъ въ стрѣльбѣ, на постоялыхъ дворахъ, при крестныхъ ходахъ,—словомъ на всевозможныхъ сельскихъ сборищахъ,—не нашлось ни одного предателя. Возстаніе вспыхнуло 9-го апрѣля, когда все было подготовлено: австрійскія войска съ генераломъ Шастелеромъ двинулись къ Пустерталю; изъ села въ село, изъ рукъ въ руки передавались записки со словами: «Именемъ эрцгерцога Іоанна часъ наступилъ». На всѣхъ горахъ зажглись сигнальные огни; дощечки съ красными флагами, спущенныя на Иннъ и уносимыя быстро внизъ по этой главной рѣкѣ области, возвѣщали тоже вездѣ о наступившей минутѣ. Уже 11-го числа произошли стычки на Ландритскомъ мосту, на Штерцингерской моховинѣ; мѣстныя баварскія и французскія войска, малочисленныя и застигнутыя врасплохъ, очутились въ весьма невыгодномъ положеніи, и 12-го числа Инспрукъ былъ уже въ рукахъ горцевъ. На слѣдующій день прибыли Бриссонъ и Вреде съ французскимъ и баварскимъ отрядами. Но, не зная еще ничего о томъ, что случилось, генералъ Бриссонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, не видя исхода, былъ вынужденъ капитулировать: его 4,000 ч. при 7 орудіяхъ и 4 знаменахъ, сложили оружіе при Вильтау и сдались военноплѣнными. Въ теченіе пяти дней, тирольскіе пастухи и охотники, которыхъ вели Іосифъ Штёйбъ, Іосифъ Шпекбахеръ, Мартинъ Тейнеръ, Андрей Гоферъ, успѣли завоевать себѣ свободу. Лишь послѣ этого уже показались австрійскія войска, и генералъ Шастелеръ вступилъ въ Инспрукъ вечеромъ 15-го числа. Старый Тироль былъ возстановленъ.

Начало кампаніи. Битва при Асперн'ѣ.

Дѣла въ открытомъ полѣ были далеко не такъ блистательны, хотя Австрійцы, при всей медленности своихъ приготовленій, успѣли опередить Французовъ и Наполеону приходилось разсчитывать, преимущественно, на контингентъ Рейнскаго союза; правители государствъ, входившихъ въ него, проявили, впрочемъ, большое усердіе и готовность. Австрійская армія сдѣлала значительные успѣхи, выказывала, почти вездѣ, блистательную отвагу;

вожди ея были тоже искуснѣе, нежели въ 1805 г. Но, несмотря на это, въ австрійской стратегіи господствовало то, что древній греческій поэтъ называетъ «медленіемъ побѣды». Эрцгерцогъ, наступая изъ Богеміи въ долину Дуная, не воспользовался прекраснымъ случаемъ, который ему представляло отсутствіе самого Наполеона при французскихъ войскахъ. А въ 4 часа утра, 17-го числа, императоръ прибылъ уже въ Донаувёртъ. «Я примчался съ быстротой молніи», говорилъ онъ въ своей прокламаціи. Австрійцы не могли, конечно, сказать чего-либо подобнаго о себѣ—и его появленіе, его внушительная увѣренность въ одержаніи побѣды во что бы то ни стало, при его превосходномъ военномъ искусствѣ, придали всему другой оборотъ. Прокламація заключалась словами, полными заносчиваго высокомѣрія, но производившими свое впечатлѣніе на простого человѣка, какъ француза, такъ и нѣмца: «Воспряньте же, дабы наши враги узнали въ насъ вновь своихъ побѣдителей!» Съ 19-го по 23-е апрѣля наступилъ рядъ битвъ, въ которыхъ Французы встрѣтили, дѣйствительно, большее противъ прежняго сопротивленіе, но всѣ онѣ кончились для нихъ побѣдами; таковы были дѣла между Дунаемъ и Нижнимъ Изаромъ, при Таннѣ, Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Эгмюлѣ, Регенсбургѣ, въ которыхъ Австрійцы, имѣя въ строю 165,000 ч., понесли, въ общемъ, потери, равняющіяся убыли при одномъ генеральномъ сраженіи; и въ то время, какъ эрцгерцогъ, счастливо переправясь за Дунай, отступалъ кратчайшимъ путемъ въ Богемію, Наполеонъ шелъ тоже кратчайшей дорогой на Вѣну. Французское войско, торжествуя свои побѣды, перешло, хотя и встрѣчая нѣкоторый отпоръ, черезъ Изаръ, потомъ Иннъ и Траунъ, между тѣмъ какъ эрцгерцогъ, человѣкъ нерѣшительный отъ природы и подавленный теперь своими неудачами, старался войти въ мирные переговоры съ Наполеономъ и послалъ ему,



Эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій.
Потретъ изъ временъ битвы при Асперне.

съ этою цѣлью, болѣе нежели льстивое письмо. Но побѣдитель вступилъ, 13-го мая, въ Вѣну, вовсе не подготовленную къ оборонѣ. Онъ расположилъ вторично свою главную квартиру въ Шенбруннѣ, откуда издалъ свою прокламацію къ Венграмъ, созывая ихъ собраться, по примѣру ихъ предковъ, на Ракошскомъ полѣ и порвать свою связь съ Австрійскимъ домомъ. «Изберите себѣ короля, который былъ бы обязанъ своею короной только вашему выбору», говорилось въ этомъ воззваніи; но оно не произвело дѣйствія, будучи слишкомъ явно направлено къ тому, чтобы устрашить слабаго императора. Съ обѣихъ сторонъ шли приготовленія къ рѣшительной борьбѣ. Эрцгерцогъ пополнилъ свою армію, соединился снова съ корпусомъ Гиллера (Вѣна) и стоялъ съ 70—80,000 ч. у Мархфельда, на лѣвомъ берегу Дуная. Французы приступили къ переправѣ, 20-го мая, нѣсколько выше Вѣны, тамъ гдѣ находится небольшой островъ Лобау; 21-го числа, между деревнями Эслингъ (къ востоку отъ Вѣны) и Аспернъ (къ западу) Австрійцы завязали бой съ корпусами Ланна и Массены, уже переправившимися черезъ сѣверный рукавъ Дуная. Рѣшительное сраженіе произошло 22-го числа. Дѣйствіе началось съ разсвѣтомъ у тѣхъ же деревень; къ вечеру Французы были вынуждены отступить на островъ Лобау, гдѣ имъ плохо пришлось провести ночь. Битва была кровопролитною: у Австрійцевъ выбыло изъ строя 24,000 ч., у Французовъ до 30,000 ч. Побѣду Австрійцевъ нельзя было назвать безусловною, уничтожившею противника, но, тѣмъ не менѣе, она была сомнительною въ смыслѣ пораженія грозныхъ и доселѣ непобѣдимыхъ полчищъ.

Императорскіе бюллетени распространяли напрасно, въ этотъ разъ, завѣдомую ложь: прекращеніе боя послѣ одержанной Французами побѣды, добровольное отступленіе французской арміи на Лобау. Истина стала извѣстной и произвела впечатлѣніе; самъ Наполеонъ чувствовалъ, что «онъ окруженъ Вандеями». Даже мирный городокъ Мергентгеймъ, сначала принадлежавшій нѣмецкимъ владѣтелямъ, теперь приписанный къ Вюртембергу, превратился въ такую Вандею: населеніе его возмутилось, арестовало вюртембергскій гарнизонъ. Но самою опасною Вандеей былъ Тироль и противъ него былъ отправленъ, въ половинѣ мая, усиленный баварскій корпусъ генерала Вреде; поднявшись вверхъ по долинѣ Инна и опустошая все на своемъ пути, Баварцы вступили 19-го числа въ Инспрукъ, послѣ чего маршалъ Лефебръ, которому они были подчинены, считалъ все дѣло покончennымъ. Наполеонъ, по своему новому народному праву, объявилъ австрійскаго генерала Шастелера «внѣ закона», и австрійскія войска, дѣйствительно, торопились убраться изъ Тироля. Ихъ осталось весьма немного, но горцы оказались тверже австрійскаго генерала. Вождемъ ихъ былъ трактирщикъ изъ Занда въ Пассейской долинѣ, *Андрей Гоферъ*, олицетворявшій въ себѣ всѣ доблести и всѣ недостатки этого горнаго племени. Черезъ 11 дней по вступленіи Вреде, 29-го мая, на горѣ *Изель*, близъ Инспрука, произошла большая крестьянская битва: Тирольцы одержали рѣшительный верхъ, и Баварцы ушли той же ночью. Форальбергцы отвоевали тоже свою свободу въ это время, нанеся пораженіе вюртембергскимъ и французскимъ войскамъ, и 25 числа банды побѣдителей вступили въ Брегенцъ. Тироль.



Маіоръ фонъ-Шилль.

Портретъ съ натуры работы Л. Вольфа, гравированъ въ Берлинѣ, 1809 г., Ф. В. Боллингеромъ.

Не вездѣ, разумѣется, выпадалъ такой успѣхъ на долю партизанской войны, которой особенно благопріятствовали здѣсь естественныя условія. Въ *Вестфаліи*, еще до начала войны, полковникъ Дернбергъ, составилъ планъ изгнанія наполеонидовъ и водворенія природнаго государя, — который, впрочемъ, далеко не заслуживалъ такой преданности. Народъ поднялъ знамя мятежа здѣсь слишкомъ преждевременно и возстаніе было быстро подавлено небольшимъ отрядомъ, еще не нарушившимъ военной присяги (23-го апрѣля). Дернбергъ съ трудомъ спасся въ Богемію, гдѣ находился и его государь, который выразилъ свою благодарность человѣку, жертвовавшему ему своей жизнью, тѣмъ, что предложилъ ему вексель въ 1,000 гульденовъ...

Шилль. Большее впечатлѣніе произвела другая попытка, замѣчательная какъ по мѣсту своего дѣйствія, такъ и по личности, стоявшей во главѣ ея. Тотъ самый Фердинандъ фонъ-Шилль, который былъ произведенъ въ маіоры при осадѣ Кольберга и былъ весьма любимъ, какъ своими гусарами, такъ и населеніемъ Берлина, вывелъ свой полкъ, какъ бы на ученье, за Галльскія ворота и ускакалъ съ нимъ прочь. По дорогѣ въ Потсдамъ, онъ сообщилъ людямъ о намѣреніи, а 2-го мая, находясь въ Дессау, смѣло сталъ призывать всѣ нѣмецкіе гусарскіе полки на борьбу съ Наполеономъ. Извѣстія о печальномъ исходѣ дѣлъ на Дунаѣ затормозили нѣсколько предпріятіе, хотя и привлекавшее къ себѣ отовсюду новыхъ сторонниковъ. Наполеонъ не поколебался оцѣнить голову «атамана разбойничьей шайки», «запятнавшаго себя всякими преступленіями во время послѣдней войны». Эта «шайка» ознаменовала себя многими храбрыми подвигами, но не добилась ничего, хотя Шиллю удалось овладѣть, 25-го мая, Штральзундомъ, который онъ, слишкомъ надѣясь на свои силы, хотѣлъ обратить во вторую Сарагоссу. Но на него напали, съ одной стороны, Датчане, съ другой Голландцы и Ольденбургцы; небольшой отрядъ Шилля

дорого продалъ свою жизнь; сотни двѣ изъ него успѣли прорваться или были пропущены; самъ храбрый начальникъ ихъ палъ съ честью: одинъ датчанинъ нанесъ ему сабельный ударъ, а изъ голландскихъ рядовъ попала въ него смертоносная пуля. Около 600 ч. были взяты въ плѣнъ. Одиннадцать офицеровъ были разстрѣляны на полѣ, близъ Везеля, какъ «вестфальскіе подданные» (16-го сентября). Они пали съ возгласомъ въ честь Прусскаго короля. Трупъ Шилля былъ обезглавленъ побѣдителями, подражавшими варварамъ-кельтійцамъ, въ обычаѣ ихъ отрубать головы своимъ павшимъ врагамъ.



Памятникъ надъ прахомъ 11 разстрѣлянныхъ Шиллевскихъ офицеровъ на Везелѣ.

Герцогъ Брауншвейгскій.

Третье предпріятіе оказалось удачнѣе; во главѣ его находился герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ Брауншвейгъ-Оле, сынъ несчастнаго вождя подъ Іеной, умершаго въ Отензенѣ, близъ Альтоны, жертвою недостойной мести Наполеона (ноябрь 1806). Фридрихъ-Вильгельмъ, безземельный имперскій принцъ, навербовалъ на свой счетъ 2 тысячи вольныхъ стрѣлковъ, къ которымъ скоро примкнули еще многіе добровольцы. Онъ дѣлалъ удачные набѣги изъ Богеміи на земли Рейнскаго союза, вторгался и въ Саксонію. Это партизанское войско получило въ просторѣчіи кличку «Черныхъ» отъ своей обмундировки, состоявшей изъ чернаго кафтана съ голубыми обшлагами и черной шапки съ такимъ же султаномъ и бѣлою мертвою головой впереди. Усиливаясь освобожденными изъ плѣна Австрійцами и нѣкоторыми регулярными частями австрійскихъ войскъ, эти партизаны дѣйствовали успѣшно въ Саксоніи, поощряя возстаніе въ

Франконіи и Вюртембергѣ. Прусскіе патріоты тоже теряли терпѣніе. Въ декабрѣ 1808 г. послѣднія французскія войска выступили изъ Берлина, потому что потребовались въ Испанію; Пруссія вздохнула свободнѣе, но Наполеонъ зналъ хорошо своего опаснѣйшаго врага и потому подписалъ, 16 декабря, въ «нашемъ императорскомъ лагерѣ, при Мадридѣ», приказъ, въ которомъ «*извѣстный Штейнъ*» признавался врагомъ Франціи и Рейнскаго союза, и потому подлежалъ заарестованію вездѣ, «гдѣ его могли захватить наши или союзныя войска». Штейнъ долженъ былъ бѣжать въ австрійскія владѣнія, и патріотическая партія въ Пруссіи лишилась самаго талантливаго и энергичнаго вождя. Но извѣстія изъ Марх-



Фридрихъ-Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.
Рисовано и гравировано Ф. К. Тилькеромъ.

фельда вызвали снова лихорадочное возбужденіе. «Пусть носитъ оковы кто хочетъ, только не я!» писалъ Блюхеръ изъ Штаргарда, и былъ-бы не прочь пойти по слѣдамъ Шилля—партизанской войною на свой страхъ и рискъ. Изъ Австріи тоже старались повліять на Прусскаго короля. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не былъ способенъ на рѣшительные шаги, онъ страшился принять на себя тяжкую отвѣтственность, а министры его, не вдохновляемые болѣе Штейномъ, тоже робѣли. Они смотрѣли на битву при Аспернѣ лишь какъ на неудачную атаку Французовъ, понесшихъ, при этомъ, значительныя потери,—и только. Она была дѣйствительно только неудачею, или ею не хотѣли воспользоваться для дальнѣйшаго. И, такимъ образомъ, было рѣшено выждать второй побѣды, прежде нежели отважиться поставить на карту жизнь государства.

Битва при Ваграмѣ.

Но второй побѣды не послѣдовало. Войска противниковъ простояли на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга въ теченіе шести недѣль

послѣ битвы при Аспернѣ въ бездѣйствіи. Однако же Наполеонъ лучше умѣлъ воспользоваться временемъ, нежели эрцгерцогъ, не стоявшій на высотѣ столь рѣшительнаго момента и своей собственной славы. Слабый польскій корпусъ Понятовскаго отступилъ передъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ, который вошелъ въ Варшаву и проникъ до самаго Торна въ Западной Пруссіи, не будучи задержанъ союзниками Наполеона, Русскими; но на этомъ дѣло остановилось, и Фердинандъ вернулся обратно въ половинѣ



Бивакъ Наполеона съ 5 на 6 іюля 1809 г. при Ваграмѣ.
Съ натуры рисовалъ Цикъ.

мая. Главное дѣйствіе должно было совершиться въ центральномъ пунктѣ, на вѣнской равнинѣ; то, что происходило внѣ ея, не имѣло большого значенія. Въ Италіи военныя дѣйствія были начаты счастливо эрцгерцогомъ Іоанномъ: онъ нанесъ пораженіе вице-королю Итальянскому при Сачиле, но общее неудачное начало войны принудило его къ отступленію, которое онъ совершилъ неторопливо, храбро обороняясь отъ превосходныхъ силъ непріятеля. Онъ прибылъ къ венгерской границѣ 1 іюля; проигравъ сраженіе при Раабѣ 14 числа, перешелъ Дунай у Коморна и направился къ Пресбургу, приближаясь такимъ путемъ къ главной арміи, въ то время какъ Наполеонъ сосредоточивалъ тоже свои силы, начавъ, 4 іюля, переводить вторично войска на лѣвый берегъ Дуная, восточнѣе

первой переправы. Все было приготовлено предусмотрительно, и на Марх-фельдѣ, къ сѣверо-востоку отъ мѣста битвы 22 мая, произошло 5 и 6 іюля второе большое сраженіе, названное *битвою при Ваграмѣ*, по имени села, у котораго было расположено правое австрійское крыло 6 числа. Главныя силы Австрійцевъ стояли на высотахъ за Русбахомъ между Маркграфен-нейзиделемъ и Ваграмомъ; послѣ боя на различныхъ пунктахъ въ теченіе 5 числа и когда Французы, счастливо переправясь, подошли къ австрій-ской позиціи, Наполеонъ подалъ сигналъ къ наступленію. Но эта атака была отбита, а наступившая ночь заставила прекратить бой, что было выгодно для Французовъ. На слѣдующее утро самъ эрцгерцогъ перешелъ въ наступленіе, при чемъ далъ знать о томъ эрцгерцогу Іоанну, нахо-дившемуся уже лишь въ небольшомъ однодневномъ переходѣ отъ главныхъ австрійскихъ силъ. Онъ долженъ былъ ускорить свое движеніе и прибыть къ лѣвому крылу австрійской диспозиціи, чтобы ударить на правый французскій флангъ. Бой начался съ самаго разсвѣта. На сторонѣ Французовъ было громадное превосходство: 180,000 чел. подъ начальствомъ Удино, Массены, Бернадота, Даву. Войска вице-короля со-стояли тоже въ этихъ рядахъ. До полудня успѣхъ колебался, однако, эрцгерцогъ долженъ былъ сознать невозможность одолѣть превосходныя силы противника и рѣшился пробить отбой; отступленіе Австрійцевъ на-чалось въ полномъ порядкѣ; къ пяти часамъ пополудни прибылъ эрц-герцогъ Іоаннъ съ своими 12,000 чел. Но это было уже поздно и его отрядъ былъ слишкомъ слабъ для рѣшенія участи дня. Онъ отступилъ, поэтому, снова въ Венгрію; главнокомандующій избралъ направленіе на Цнаймъ. Такъ-называемая честь оружія была спасена: трофеи Француз-овъ были скудны,—всего 9 пушекъ, 1 знамя, между тѣмъ какъ Ав-стрійцы взяли 7,000 плѣнныхъ, 11 пушекъ, 12 орловъ и знаменъ. Обѣ стороны потеряли много убитыми и ранеными, и почти въ равной степени: общая убыль насчитывается въ 20,000 чел. Французы не могли тотчасъ же преслѣдовать непріятеля и новый бой у Цнайма завязался лишь 10 и 11 іюля.

Перемиріе. Но сраженіе при Ваграмѣ порѣшило участь войны и уже 11 числа вечеромъ военныя дѣйствія были прерваны возвѣщеніемъ о перемиріи. Императоръ Францъ былъ неспособенъ на отчаянную борьбу, а Напо-леонъ былъ настолько прозорливъ, что понималъ всю выгоду заключенія мира теперь, когда онъ могъ достигнуть многаго, не поступаясь ничѣмъ. Уже одно перемиріе стоило такой цѣны, по которой можно было угады-вать, во что обойдется миръ: демаркаціонная линія проводилась такъ, что Французамъ досталась полоса въ 4,000 кв. миль съ 8½ милліонами населенія. Эрцгерцогъ Карлъ объявилъ войску, 31 іюля, о своей отставкѣ, принятой императоромъ.

Народное возстаніе было усмирено тоже этою битвою при Ваграмѣ, и домъ Габсбурговъ, неспособный вести народную войну, выдалъ ея вождей и героевъ. Герцогъ Брауншвейгскій, счастливо воевавшій въ это время въ Саксоніи и пробившійся до Франконіи, имѣя противъ себя здѣсь ко-роля Вестфальскаго, не хотѣлъ признавать перемирія и рѣшился на от-чаянную попытку—проложить себѣ дорогу отъ тюрингенской границы къ

морю, гдѣ, на худой конецъ, его могли принять англійскія суда. За нимъ слѣдовали 1,300 чел. пѣхоты, 650 чел. конницы, 4 орудія и 80 человѣкъ прислуги; пройдя Лейпцигъ, Галле, Гальберштадтъ (геройски отнятый у сильнаго вестфальскаго гарнизона), потомъ Брауншвейгъ, бывшую резиденцію герцога, который увидѣлъ ее теперь послѣ своего трехлѣтняго изгнанія, маленькій отрядъ добрался до Эльсфлета, на Везерѣ (4 августа), послѣ многихъ затрудненій. Англичане сдѣлали здѣсь свое первое доброе дѣло съ самаго начала войны. Крайне нелѣпая экспедиція къ голландскому острову Вальхерну и къ устьямъ Шельды имъ вполнѣ не удалась, но они приняли герцога и его храбрецовъ и препроводили ихъ, визъ по Везеру, въ открытое море. Датчане послали имъ вслѣдъ нѣсколько ядеръ, но тщетно; а англійская эскадра приняла бѣглецовъ радушно, привѣтствуя ихъ пушечными салютами.

Тирольцамъ неоткуда было ждать такой помощи. Правительство, ко- Тироль.
торому они жертвовали собою, оказывало имъ очень вялую поддержку, и наконецъ предало ихъ съ самымъ позорнымъ малодушіемъ. Завоевавъ себѣ свободу въ маѣ, жители Тироля заручились весьма опредѣленнымъ императорскимъ обѣщаніемъ, по которому Францъ I обязывался не подписывать никакого мирнаго договора, отдѣляющаго Тироль отъ Австріи. Они успокоились на этомъ и послѣ сраженія при Ваграмѣ не получали изъ Вѣны никакого точнаго приказа подчиниться условіямъ заключеннаго перемирія. Между тѣмъ, большой французскій корпусъ генерала Лефебра, 50,000 чел., вступилъ въ Тироль и занялъ Инспрукъ; баварскіе бюрократы постарались выместить тогда свою злобу на жителяхъ, но возстаніе вспыхнуло снова; это было уже третье—и еще ожесточеннѣе прежнихъ. Саксонскій отрядъ, зашедшій далѣе другихъ въ глубь страны, долженъ былъ капитулировать, а когда Лефебръ прибылъ лично къ Бреннеру для усмиренія мятежа, то получилъ отовсюду столь неблагопріятныя извѣстія, что былъ вынужденъ отступить, къ нѣкоторому удовольствію Баварцевъ, тяготившихся надменностью Французовъ. Три тирольскіе отряда, подъ начальствомъ Гофера, «патера Рыжая Борода», какъ его прозывали, храбраго капуцина Гаспингера и Іосифа Шпекбахера, подошли къ Инспруку; 14 числа Лефебръ очистилъ городъ, Гоферъ занялъ его и правилъ страною, освобожденною въ третій разъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ качествѣ «оберъ-коменданта Тирольскаго». Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этотъ горецъ исправлялъ свое дѣло лучше всѣхъ бывшихъ здѣсь австрійскихъ администраторовъ. Но Брегенцъ былъ занятъ Французами въ августѣ, Форарльбергъ покоренъ; вождь мѣстнаго возстанія, д-ръ Шнейдеръ, попалъ въ плѣнъ и его спасло отъ мести Французовъ только заступничество наслѣднаго принца Вюртембергскаго.

Въ это время въ Вѣнѣ склонились къ окончательному заключенію мира: Наполеонъ съумѣлъ принудить къ тому Франца I, очень дорожившаго удобствами своего кесарскаго положенія и трепетавшаго передъ намекомъ на то, что его могутъ заставить подписать отреченіе отъ престола. «Я желаю», сказалъ Наполеонъ въ Шенбруннѣ австрійскому уполномоченному Бубнѣ,— «имѣть дѣло съ человѣкомъ, который будетъ достаточно уменъ, чтобы впредь оставить меня въ покоѣ....» «Львы

и слоны», продолжалъ онъ, сгущая краски,—«сознаютъ это порою; вашъ государь не способенъ на то.... Можетъ-быть, онъ рѣшится отречься въ пользу своего брата, великаго герцога Вюрцбургскаго....»

1809 г. Вѣнскій миръ.

Послѣ того миръ былъ подписанъ въ Вѣнѣ, 14 октября. Послѣднее затрудненіе заключалось въ денежномъ вопросѣ: Австрія была не въ состояніи выплатить требуемые Наполеономъ 100 милліоновъ. Но онъ сталъ снисходительнѣе, вслѣдствіе одного происшествія, которое оказало на него глубокое, хотя и вскорѣ изгладившееся, впечатлѣніе. На смотру, въ Шенбруннѣ, былъ арестованъ одинъ 18-лѣтній юноша, который признался, безъ всякаго запирательства, въ своемъ намѣреніи убить императора тутъ же своимъ длиннымъ ножомъ. Это былъ Фридрихъ Штапсъ, сынъ почтеннаго наумбургскаго пастора; у него не было сообщниковъ, совѣтниковъ, подстрекателей; онъ считалъ просто своею миссіею, внушеніемъ свыше—избавленіе своего отечества и всего міра отъ ненавистнаго тирана. Онъ повторилъ это и передъ самимъ Наполеономъ, когда ему посулили пощаду. Наполеонъ старался представить потомъ все дѣло женской интригой,—женщины способны на все!—и берлинско-веймарскою продѣлкой: иначе, будто бы, и нельзя было объяснить, какъ могъ рѣшиться на такое дѣло юноша, нѣмецъ, благовоспитанный протестантъ. Выставить юнаго мечтателя сумасшедшимъ тоже не удалось; оставалось одно — его разстрѣлять.

Миръ, касавшійся тоже государей Рейнскаго союза и союзниковъ Франціи, стоилъ Австріи еще 2,058 кв. миль съ $3^1/_2$ милліонами душъ. Уплата военныхъ издержекъ была сокращена до 85 милліоновъ; приблизительно вчетверо болѣе этой суммы успѣли уже выжать побѣдители путемъ контрибуцій и другихъ сборовъ. Австрія должна была уступить Баваріи Зальцбургъ, Инфиртель, Гаусрукфиртель, Берхтесгаденъ; Саксоніи—нѣкоторыя мѣстности въ Богеміи; герцогству Варшавскому—Западную Галицію съ Краковомъ; Россіи—часть Старой Галиціи съ 400,000 жителей; Тироль былъ раздѣленъ между Баваріей, Италіей и новымъ государствомъ: «*Провинціями Иллирійскими*», которыя Наполеонъ образовалъ изъ другихъ клочковъ Австріи: Гёрца, Крайны, Каринтіи, Тріеста и Фріуля. За домомъ Габсбурговъ осталось 9,500 кв. миль съ 20 милліонами жителей, при чемъ Австрія признавала еще заранѣе всѣ перемѣны въ Испаніи, Португаліи и Италіи и примыкала къ запретительной системѣ (ст. 16), которую установили Россія и Франція противъ Англіи. Среди государствъ Рейнскаго союза было произведено тоже нѣсколько перемѣнъ и обмѣновъ; владѣніе Дальбергскаго князя-примаса обратилось въ *великое герцогство Франкфуртское*, которое, по смерти князя, должно было перейти въ удѣлъ вице-короля Италіи.

Андрей Гоферъ.

По статьѣ 10 договора объявлялась амнистія: съ одной стороны мятежному Тиролю и Форарльбергу, съ другой — Галиціи, поднимавшей оружіе противъ Австріи.

Въ Тиролѣ возмущеніе возобновилось въ концѣ сентября. Лефебръ, впавшій въ немилость, былъ отозванъ, и Наполеонъ поручилъ усмиреніе страны вице-королю Италіи, человѣку честному и человѣколюбивому. Ему было дано 50,000 чел. войска. 25 октября Баварцы заняли снова Инспрукъ: жители его были вынуждены покориться; но крайніе, какъ все-

гда въ подобныхъ случаяхъ, взывали къ сопротивленію. Гоферъ колебался; наконецъ, онъ сложилъ тоже оружіе, но радикалы съумѣли убѣдить его вновь, и 12 ноября возстаніе вспыхнуло еще разъ, рѣшительно не удалось и было вполнѣ подавлено въ началѣ декабря. Гоферъ подлежалъ военному суду, голова его была оцѣнена; нѣкто Рафль открылъ его убѣжище,—покинутую хижину въ горахъ,—и 400 челов. итальянскихъ солдатъ были отправлены за грознымъ «Санвиромъ». Онъ былъ взятъ и препровожденъ въ Мантую, осужденъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ 20 февраля 1810 г. по особому императорскому повелѣнію, присланному по телеграфу изъ Милана.



Андрей Гоферъ, вождь тирольскихъ вольныхъ дружинъ.
Современный рисунокъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Новыя присоединенія.—Наполеоновская Имперія 1809—1812.—Система.—Отношенія къ Россіи.

За всѣмъ этимъ послѣдовали еще два года нестерпимаго рабства. Несмотря на Вѣнскій миръ, насилія длились съ короткими перерывами до 1812 года. Еще въ продолженіе войны, *декретомъ изъ Шенбрунна*, отъ 17 мая 1809 г., остатокъ Церковной области былъ включенъ въ составъ имперіи, подъ названіемъ департамента Рима и Тразимены. Папа Пій VII подвергъ Наполеона отлученію (11 іюня), за что былъ арестованъ въ Квириналѣ (5 іюля). Назначенные для этого люди забрались

Новыя насилія.

во дворецъ ночью по приставнымъ лѣстницамъ, захватили папу вмѣстѣ съ кардиналомъ Пакка, посадили обоихъ въ карету и отвезли безъ остановки въ Гренобль. Отсюда папа былъ переселенъ въ Савону, гдѣ ему было дозволено проживать на свободѣ. Присоединеніе Церковной области къ имперіи состоялось. Но этотъ актъ насилія не могъ считаться побѣдой: папу не удалось склонить ни на отказъ отъ свѣтскаго владычества, ни на отмѣну буллы объ отлученіи, и протестанты, вмѣстѣ съ католиками, изумлялись той твердости, съ которою представитель великаго историческаго могущества и высокаго нравственнаго принципа противустоялъ силѣ, ломившей передъ собою все. Наполеонъ не встрѣчалъ такого сопротивленія ни при одномъ захватѣ или обмѣнѣ владѣній, которыя перетасовывались особенно часто въ 1810 году. Въ мартѣ было создано вышеуказанное великое герцогство Франкфуртское съ Ганау и Фульдою; князь-примасъ *Дальбергъ* переселился изъ Регенсбурга, который онъ долженъ былъ уступить Баваріи, въ Франкфуртъ-на-Майнѣ; но его смерти, владѣніе переходило, какъ сказано выше, къ пасынку императора, вицекоролю Италіи, котораго Наполеонъ хотѣлъ снабдить хорошимъ удѣломъ. Великое герцогство Бергъ, владѣтель котораго былъ сдѣланъ королемъ Неаполитанскимъ, было отдано пятилѣтнему сыну короля Голландскаго Людовика, слѣдовательно, собственно присоединено къ Франціи; оно управлялось какъ французская префектура. Въ январѣ 1810 г. Наполеонъ уступилъ Ганноверъ своему брату Іеронину, — не задаромъ, разумѣется,—оставя удѣльныя имѣнія за собою. Въ іюлѣ Голландія была присоединена къ Франціи. Король Людовикъ, человѣкъ прямодушный, сознавалъ свою отвѣтственность передъ ввѣреннымъ ему народомъ и противился, по возможности, какъ болѣе или менѣе и прочіе члены императорскаго семейства, той жалкой роли, которую онъ долженъ былъ играть и которая должна была заставлять всякаго, сколько-нибудь порядочнаго человѣка, смотрѣть на самого себя съ презрѣніемъ. Онъ видѣлъ, какъ попираются самые существенные интересы его страны; самъ онъ подвергался рѣзкому выговору за малѣйшее противорѣчіе и ему намекали такъ ясно на средство выйти изъ такого положенія, что онъ понялъ и отрекся отъ престола (1 іюля 1810). Голландія была присоединена къ Франціи, при чемъ была еще унижена презрительнымъ обозначеніемъ ея въ актѣ лишь подъ именемъ «наносной земли французскихъ рѣкъ», и раздѣлена на 7 департаментовъ. Резиденціей французскаго намѣстника Лебрена, бывшаго сотоварища Наполеона по консульству, былъ Амстердамъ. Въ ноябрѣ послѣдовало присоединеніе Валлійской республики; но декабрь ознаменовался еще болѣе невиданными въ Европѣ событіями: безъ всякихъ предварительныхъ о томъ переговоровъ, простымъ императорскимъ декретомъ отъ 10 декабря 1810 г., ганзейскіе города Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, вмѣстѣ съ полосою отъ Сѣвернаго до Балтійскаго моря и отъ Рейна до Эмса, Везера и Эльбы (то-есть, цѣлая область въ 600 кв. миль), были присоединены, безъ всякихъ околичностей, къ Французской имперіи. Эта мѣра, которую несравненный императорскій сенатъ долженъ былъ какъ-нибудь мотивировать, для приданія ей конституціонной окраски, была названа «требуемою обстоятельствами», *contrain-*

dée par les circonstances. Дальнѣйшихъ основаній незачѣмъ было приводить. Но они были слишкомъ ясны: Наполеонъ не ожидалъ отъ ганзейскихъ городовъ особаго усердія въ выполненіи его нелѣпыхъ мѣръ противъ Англіи. Герцогъ Ольденбургскій, близкій родственникъ Русскаго императора, потерялъ, такимъ образомъ, благодаря одному взмаху пера, свои владѣнія, изъ которыхъ образовались три департамента: «*Ems-supérieur*, *Weser*, *Bouches de l'Elbe*»; и газета «*Hamburger Correspondent*» стала выходить подъ названіемъ «*Journal des Embouchures de l'Elbe*».

Швеція и Россія.

Отношенія Франціи на Сѣверѣ позволяли, впрочемъ, приводить всякія «*circonstances*». Вслѣдствіе Тильзитскаго мира и франко-русскаго союза, Шведскій король Карлъ XIII, заступившій мѣсто лишеннаго престола въ 1809 году и дѣйствительно неспособнаго Густава IV, заключилъ миръ съ Россіей 17 сентября того же года, въ Фридрихсгамѣ. По этому договору, онъ уступалъ Россіи Финляндію и Аландскіе острова, всего 5,474 кв. мили земли съ 900,000 жителей. Король былъ бездѣтенъ и шведскіе сословные чины избрали ему наслѣдника, принца Христіана-Августа Гольштейнъ-Аугустенбургскаго, но онъ умеръ внезапно въ слѣдующемъ году и тогда, на мѣсто его, былъ избранъ французъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежавшій къ Наполеоновской «системѣ», маршалъ Жанъ-Бантистъ *Бернадотъ*, командовавшій прежде войсками въ Ганноверѣ и Гольштейнѣ, и потому имѣвшій случай завязать сношенія съ шведскими правящими лицами. Онъ выторговалъ себѣ согласіе Наполеона, и Швеція, примкнувъ къ континентальной системѣ, объявила войну Англіи въ декабрѣ того же года.

L'empire.

Такимъ образомъ, наполеоновская имперія охватывала непосредственно: Францію, западную сторону Италіи до Гарильяно на югѣ, Бельгію, Голландію, устья Эмса, Везера, Эльбы и, далѣе за Эльбою, еще полосу до Балтійскаго моря; затѣмъ, всю, нѣкогда нѣмецкую, страну влѣво отъ Рейна, юго-западную часть Швейцаріи и, по ту сторону Адріатики, провинціи Иллирійскія; сверхъ того, косвенно въ Имперію входили: остальная часть Аппенинскаго полуострова, т. е. королевства Неаполитанское и Итальянское, далѣе государства Рейнскаго союза (5,800 кв. миль съ 14 милліонами населенія), Испанія на юго-западѣ Европы, герцогство Варшавское на сѣверо-востокѣ. Данія и Швеція повиновались указаніямъ Наполеона; Австрія была унижена; Пруссія угнетена французскою оккупаціей и тяжкими финансовыми обязательствами. Совершенно независимыми оставались только Россія, Англія и Турція. Въ 1809 г. можно было еще обольщать себя надеждою на то, что все это могущество не имѣетъ будущности: бракъ Наполеона съ вдовою Богарне оставался безплоднымъ; это давно уже озабочивало императора и послѣ Вѣнскаго мира онъ счелъ необходимымъ вступить въ союзъ, болѣе подобающій его сану и который ввелъ бы его въ кругъ законныхъ государей. Онъ сознавалъ нужду заручиться опорою для своего трона и задумалъ искать ея въ династическомъ бракѣ, а не въ сдержанности, обузданіи своего произвола и стремленіи къ настоящимъ цѣлямъ достойнаго правителя. Императрица Жозефина, которой Наполеонъ предложилъ разводъ, подчинилась необходимости и удалилась въ Мальмезонъ, послѣ того, какъ услуж-

ливое духовенство открыло погрѣшность въ исполненіи брачнаго обряда императора въ 1804 году: оказывалось, что хотя присутствовалъ при этой церемоніи самъ папа, но не было мѣстнаго приходскаго священника, какъ это требовалось по церковному уставу. Новый бракъ довершилъ разрывъ съ революціей. Обращеніе Наполеона къ Русскому Двору, въ качествѣ соискателя руки одной изъ русскихъ великихъ княженъ, не встрѣтило особеннаго сочувствія, и тогда Наполеонъ рѣшился взять въ супруги Австрійскую эрцгерцогиню Марію-Луизу, дочь императора Франца. 2 апрѣля 1810 г. состоялся торжественный въѣздъ ея въ Парижъ, и великій «выскочка» (*«Parvenu»*), дѣтище революціи, сочетался бракомъ съ дочерью древнѣйшаго и знатнѣйшаго изъ европейскихъ царствующихъ домовъ. 20 марта 1811 года Марія-Луиза родила сына, получившаго уже въ колыбели пышный титулъ *«Римскаго короля»*.



Марія-Луиза Австрійская, императрица Французовъ, королева Италійская.
Рисовано въ 1810 г. въ С.-Клу; гравировалъ А. Годефруа.

Система.

Но довольныхъ новою имперіею было не много. Прежде всего было замѣтно, что недоволенъ былъ самъ властелинъ: величіе кружило ему голову. Его обращеніе становилось болѣе и болѣе рѣзкимъ, онъ не говорилъ

иначе, какъ жесткимъ, отрывистымъ тономъ, давая чувствовать въ себѣ господина,—и господина капризнаго, не терпящаго противорѣчія отъ самыхъ близкихъ лицъ. Такъ отъ него доставалось его сестрѣ Каролинѣ, королевѣ Неаполитанской, не желавшей занять должность оберъ-гофмейстерины при новой императрицѣ; тому же подвергались его зять Мюратъ и братъ Іосифъ, когда они рѣшалась проявлять какую-либо самостоятельность въ управленіи; онъ ругалъ ихъ какъ лакеевъ, или же, что чаще всего случалось съ Вестфальскимъ королемъ, — и съ этимъ наиболѣе заслуженно,—онъ прогонялъ ихъ отъ себя, какъ мальчишекъ. Впрочемъ, на нихъ онъ могъ положиться, потому что они знали, что имѣютъ какое-либо значеніе лишь какъ звенья «системы»; то же можно сказать о новомъ дворянствѣ, высшихъ гражданскихъ и военныхъ сановникахъ, всѣхъ этихъ герцогахъ, князьяхъ и графахъ, получившихъ свои титулы за дипломатическія или боевыя заслуги; такъ, Даву, Массена, Бертье получили при послѣдней войнѣ титулы принцевъ: Эгмюльскаго, Эслингенскаго, Ваграмскаго. Это было показное дворянство, безъ какихъ-либо свойствъ настоящей аристократіи. Всѣ эти лица были полезными орудіями и награждались щедро; вѣрность ихъ, за малыми исключеніями, исчерпывалась эгоистическимъ расчетомъ; настоящую, полную преданность Наполеонъ видѣлъ лишь въ низшихъ рядахъ своихъ войскъ, какъ между Францу-



Наполеонъ I и его сынъ, король Римскій.
Рисовано, вѣроятно, Штейбеномъ.

ами, такъ и въ войскахъ государствъ Рейнскаго Союза; не менѣе того и между простонародьемъ, на которое дѣйствуетъ внушительно уже самъ по себѣ царскій санъ, — и еще сильнѣе, если онъ соединяется, какъ въ данномъ случаѣ, съ несомнѣннымъ личнымъ величіемъ и всѣмъ обаяніемъ побѣдъ и всемогущества. Но вообще, какъ это выяснилось наглядно при послѣдней борьбѣ въ Австріи, «система», уравновѣшивая усердное и искусное рабское служеніе полною разнузданностью внѣ службы, быстро роняетъ пригодность людей къ дѣлу. Слiяніе стараго французскаго феодальнаго дворянства съ новымъ военнымъ совершалось весьма туго. Массу французскаго народа и даже многихъ изъ интеллигентнаго класса отуманивали прибытія посольствъ по случаю побѣдъ, различныя по тому же поводу празднества, возрожденіе древне-галльскаго поклоненія богу славы. Однако, мало-по-малу, всѣ начинали сознавать, что эта слава обходится не дешево. Конскрипціи похищали у страны огромный капиталъ, представляемый человѣческими жизнями и человѣческой силой, если сами государственные финансы не терпѣли отъ этого непосредственно, благодаря тому, что за всякую побѣду платили побѣжденные. Но важнѣе всего было то, что среди боевого шума, вооруженій, военныхъ мѣропріятій, которыя выступали вездѣ на первый планъ, стушевывался гражданскій элементъ и гибла политическая свобода. Прежнія *lettres de cachet*, то-есть право произвольнаго заарестованія, были возстановлены во Франціи, только въ другой формѣ; Наполеонъ писалъ своему министру: «Надо предпослать такому закону страницы двѣ либеральныхъ побудительныхъ причинъ»,—что и не было затруднительно. Ясно было, что его система не могла мириться съ правомъ сходокъ, свободой слова и свободой печати. Наполеонъ понялъ это, когда созвалъ въ Парижѣ (іюнь 1811) французскій національный соборъ съ цѣлью направить его противъ папы. Защитники папскаго абсолютизма возвысили свои голоса такъ, что онъ нашелъ нужнымъ закрыть съѣздъ. Печать подлежала тоже строгому надзору, хотя самъ онъ часто повторялъ, что свободомысліе первое изъ пріобрѣтеній нашего вѣка. Самъ онъ позволялъ себѣ разсуждать весьма свободно, напримѣръ, о религіозныхъ предметахъ; въ немъ оставались, въ отношеніи набожности, лишь слѣды бытового корсиканскаго суевѣрія, и онъ былъ правъ, утверждая, что въ его государствѣ господствуетъ свобода мысли: дѣйствительно, всякій могъ думать, что желалъ, лишь бы повиновался. Но, относя все къ своей личности, Наполеонъ говорилъ тоже: «я хочу знать, какія мысли и убѣжденія живутъ въ головахъ». Подобный родъ эгоизма ведетъ всегда къ противорѣчіямъ; поэтому, неудивительно, если, по императорскому повелѣнію, въ каждомъ департаментѣ дозволялось выходить лишь одной газетѣ и то «съ разрѣшенія и одобренія мѣстнаго префекта». Деспотизмъ императора былъ щекотливъ до того, что книга г-жи Сталь «*l'Allemagne*» (1810) была запрещена и сама писательница изгнана изъ Франціи, хотя ея сочиненіе касалось, преимущественно, литературныхъ явленій и было пропущено цензурою. Въ нѣмецкихъ областяхъ имперіи печать подвергалась подобному же стѣсненію, не достигавшему, однакоже, своей цѣли здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Извѣстный гамбургскій книгопродавецъ Пертесъ, обращен-

ный послѣднимъ насильственнымъ актомъ Наполеона въ французскаго подданнаго, разсказываетъ, какъ человѣкъ близко знакомый съ дѣломъ, о всѣхъ мытарствахъ книги, изданной за границей и ввозимой въ предѣлы Французской имперіи. Книгопродавецъ долженъ былъ просить на то разрѣшенія у парижскаго генералъ-директора книжной торговли и книгопечатанія, представя ему подлинное заглавіе книги съ переводомъ его на французскій языкъ, именемъ автора, изложеніемъ содержанія, обозначеніемъ года изданія, формата книги и пр. Генералъ-директоръ посылалъ тогда свое *разрѣшеніе* (*«Permis»*) въ пограничную таможню; таможня отсылала тюки съ книгами и это «разрѣшеніе» къ префекту, подъ скипетромъ котораго проживалъ адресатъ. Префектъ передавалъ присланное «инспектору» (*«Inspecteur»*), который составлялъ протоколъ и отсылалъ его, вмѣстѣ съ книгами, къ г. «контролеру» (*«Vérificateur»*). Въ присутствіи этого послѣдняго тюкъ вскрывался, содержимое въ немъ провѣрялось, пошлины, — безъ нихъ ничего не обходилось, — взимались по вѣсу, послѣ чего на каждый экземпляръ накладывался штемпель, и тогда только книга выпускалась въ обращеніе. Ежемѣсячно отсылались въ Парижъ списки дозволенныхъ книгъ для сличенія и повѣрки. Правительство, однако, мало выигрывало при этомъ, потому что вся указанная запутанная процедура давала находчивому купцу средство отводить глаза несвѣдущему персоналу, или-же и подкупать его.

Но деспотизмъ ограничивался этимъ и не было рѣчи о насильственномъ введеніи французскаго языка, который привился лишь на вывѣскахъ отелей и ремесленныхъ заведеній, возвѣщая о какомъ-нибудь «*Maître-tailleur*», «*Cordonnier*», «*Traiteur*» и пр. Не оказывалъ вліянія и французскій духъ, который никогда еще не былъ такъ угнетенъ, какъ подъ этимъ тираническимъ управленіемъ. Даже государства Рейнскаго союза оставались чужды этого вліянія. Напротивъ того, чужеземное иго способствовало къ охранѣ послѣдняго достоянія націи, особенно возросшаго въ послѣднее время съ обогащеніемъ нѣмецкой литературы произведеніями, полными совершенно иного, новаго духа. Поработитель народовъ не зналъ этого, хотя удостоивалъ своихъ аудіенцій Гёте, Виланда или Іоганна Миллера. Но если бы даже сказанный гнетъ выражался чувствительнѣе, нежели это могло допускаться самимъ естественнымъ ходомъ вещей, въ отношеніи высоко-развитаго народа, то все же этотъ гнетъ мало коснулся бы народныхъ массъ, въ жизни которыхъ потребность литературнаго чтенія не играетъ значительной роли.

Континентальная система.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ выгодъ въ упрощеніи администраціи и ускореніи судопроизводства, наполеоновская система не представляла никакого замѣтнаго вознагражденія за подавленную свободу въ самой Франціи и за нарушенный бытовой складъ, внутреннія отношенія и правовые порядки въ завоеванныхъ земляхъ. Штейнъ замѣчалъ справедливо: «Бонапартовская система зиждется на гнилыхъ основахъ—насиліи и низкихъ правительственныхъ уловкахъ... во всемъ нѣтъ и слѣда человѣчности, величія, благородства... и всѣ злополучія, постигающія насъ, произведутъ, наконецъ, нѣчто совершенно противуположное тому, что онъ ожидаетъ...» Эта послѣдняя надежда основывалась на нелѣпости

экономической части системы, именно на введеніи континентальнаго запрета, благодаря которому простой народъ, мало цѣнящій отвлеченныя блага, былъ обреченъ на невольную промышленную бездѣятельность и лишенъ даже своего скромнаго лакомства: — кофе и сахара. Запретъ былъ не особенно дѣйствителенъ, при всемъ этомъ, потому что правительства, принужденныя присоединиться къ нему, не выказывали крайняго сочувствія къ дѣлу, и контрабанда приняла повсюду колоссальнѣйшіе размѣры, несмотря на усиленіе таможенныхъ стражъ. На всякомъ удобномъ пунктѣ, напр., на Гельголандѣ, были массы англійскихъ товаровъ, которые развозились потомъ контрабаднымъ путемъ; и самъ Наполеонъ подрывалъ свою систему, допуская выдачу, — за деньги или по милости,—пропускныхъ свидѣтельствъ, владѣльцы которыхъ могли вывозить французскіе товары и ввозить иностранные, необходимые для французскаго производства. Но если запретительныя мѣры мало достигали своей цѣли, онѣ вызывали общее раздраженіе и требовали обременительнаго надзора съ цѣлою арміею надсмотрщиковъ, сыщиковъ, служа тоже поводомъ къ столкновеніямъ и насиліямъ. Наполеонъ любилъ говорить: «Дрянь надо держать въ страхѣ», и потому ходили разсказы о разстрѣляніяхъ, о наложеніяхъ клеймъ за контрабанду или укрывательство, о конфискаціяхъ или сожженіи англійскихъ товаровъ, о громадныхъ денежныхъ пеняхъ. Многіе восхваляли, однако, какъ восхваляютъ даже и теперь, континентальную систему Наполеона за то, что она породила нѣсколько новыхъ отраслей промышленности, заставивъ изобрѣтать суррогаты чая, кофе, сахара. Но изъ всякаго большого вреда можетъ возникнуть кое-какое добро, и чудовищная нелѣпость континентальнаго запрета не умаляется отъ того, что нашлось нѣсколько смышленыхъ купеческихъ головъ, съумѣвшихъ выгодно наладить дѣла и среди этихъ стѣсненій. Невольно ставится вопросъ: чего же именно хотѣлъ, какую цѣль преслѣдовалъ всемірный завоеватель, «могущественный и хитроумный»? Онъ пользовался несомнѣнною популярностью среди народныхъ массъ, внушалъ имъ какое-то чувство благоговѣнія и страха; возстановленные или вновь созданные имъ вассальные государи раболѣпно склонялись передъ нимъ, связанные и собственнымъ эгоистическимъ расчетомъ; нѣкогда великія Пруссія и Австрія были порабощены имъ; на всемъ европейскомъ материкѣ сопротивлялся ему открыто и энергично, въ 1811 году, одинъ только Пиринейскій полуостровъ; казалось бы, что, при такомъ положеніи дѣлъ, требовалась съ его стороны лишь нѣкоторая умѣренность, ограниченіе произвола и направленіе дѣятельности на дѣйствительное, хотя бы только матеріальное благо народовъ; этого было бы достаточно для того, чтобы укрѣпить однажды воздвигнутый престолъ, для котораго былъ теперь и наслѣдникъ. Наполеонъ самъ винилъ потомъ другихъ въ томъ, что они не подумали о Наполеонѣ II; но думалъ-ли онъ самъ о немъ какъ-бы слѣдовало? Рожденіе наслѣднаго принца было тяжелымъ ударомъ для разсчитывавшихъ на то, что со смертью Наполеона падетъ и все имъ созданное. Но многіе, начиная съ 1810 года, то-есть, со времени упорной, неустанной борьбы въ Испаніи, надѣялись на иное: какъ старая европейская аристократія, такъ и люди, одушевленные любовью



Французскіе солдаты у воротъ Лейпцига, разыскивающіе англійскихъ товаровъ.

(Изъ временъ континентальной системы).
Современная раскрашенная мѣдная гравюра, заимствованная изъ «Лейпцигскихъ военныхъ сценъ».

къ свободѣ и національной независимости, стали предвидѣть, что онъ самъ подготовитъ свое паденіе. Морской министръ Декрэ, одинъ изъ сановниковъ Наполеона, въ откровенной, дружеской бесѣдѣ съ маршаломъ Мармономъ, высказалъ: «Императоръ помѣшанъ, положительно помѣшанъ; онъ погубитъ всѣхъ насъ» *). Такъ было дѣйствительно написано въ книгѣ

*) *Lanfrey*, Histoire de Napoléon. V, 333.

судебъ, такъ можно было уже заключить изъ той перемѣны въ отношеніяхъ между Франціею и Россіею, которая стала обозначаться съ полною ясностью уже съ конца 1810 г. Прежде всего Наполеонъ вознегодовалъ на императора Александра за то, что русскія войска не оказали ему надлежащаго содѣйствія во время войны Франціи съ Австріею, въ 1810 г. Дѣйствительно, хотя императоръ Александръ, согласно Тильзитскому договору, и выставилъ, во время этой войны, русскія войска на австрійской границѣ, однакожъ не допустилъ ихъ принимать рѣшительное и дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Австрійцевъ. Раздосадованный такою, весьма понятною, деликатностью императора Александра по отношенію къ Австріи, Наполеонъ рѣшился было вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи. Онъ выразилъ недовольство тѣмъ, что Россія ввела у себя новый тарифъ, благодаря которому многіе французскіе товары были обложены высокою ввозною пошлиною; онъ забылся до того, что предложилъ императору Александру измѣнить новый тарифъ и порвать торговыя сношенія Россіи даже съ тѣми нейтральными государствами (напр. Соединенными Штатами), черезъ которыя англійскіе товары все же могли проникать въ Россію. Императоръ Александръ увидѣлъ въ этихъ новыхъ притязаніяхъ своего союзника дерзкое посягательство на свою державную волю и отвѣчалъ Наполеону, что «каждый государь самъ обязанъ заботиться о нуждахъ и о благѣ своихъ подданныхъ». Въ этомъ обмѣнѣ обоюдно-непріятныхъ дипломатическихъ нотъ уже слышались отдаленные раскаты грома надвигающейся исполинской борьбы...

ЕВРОПА ВО ВРЕМЕНА НАПОЛЕОНА (ок. 1812 г.)


Имперія Французская и государства ей подвластныя и союзныя зашафированы сплошь.
Походъ Наполеона къ Москвѣ и обратно.
Масштабъ 1: 15 000 000.
ИМПЕРІЯ ФРАНЦУЗСКАЯ
КОР. ИСПАНІЯ
ПОРТУГАЛЬСКОЕ КОР.
КОР. ИТАЛІЯ
КОР. САРДИНІЯ
КОР. НЕАПОЛИТАНСКОЕ
КОР. СИЦИЛІЯ
РЕЙНСКІЙ СОЮЗЪ
ШВЕЙЦАРІЯ
КОР. ПРУССІЯ
ГЦГ. ВАРШАВСКОЕ
АВСТРІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
Богемія
Моравія
Галиція
Силезія
РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
Литва
Украйна
КОР. ШВЕЦІЯ
КОР. ДАНІЯ и НОРВЕГІЯ
Финляндія
Эстляндія
Лифляндія
Курляндія
ШОТЛАНДІЯ
ИРЛАНДІЯ
АНГЛІЯ
НѢМЕЦКОЕ МОРЕ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Ионическіе о-ва
Балеарскіе
Питіусскіе
Боснія
Сербія
Болгарія
Валахія
Румелія
ТУРЦІЯ
ЧЕРНОГОРІЯ
Молдавія
Крымъ
Кипръ
Кандія
Морея
Парижъ
Лондонъ
Берлинъ
Вѣна
Петербургъ
Москва
Стокгольмъ
Мадридъ
Неаполь
Палермо
Мессина
Мальта
Гибралтаръ
Константинополь
Смирна
Салоники
Севастополь
Одесса
Бессарабія
Буковина
Семиградія
Венгрія
Пруссія
Данцигъ
Кенигсбергъ
Варшава
Вильно
Смоленскъ
Витебскъ
Полтава
Кіевъ
Львовъ
Краковъ
Прага
Ольмюцъ
Брюнъ
Аустерлицъ
Пресбургъ
Инсбрукъ
Мюнхенъ
Штутгардъ
Страсбургъ
Франкфуртъ
Дрезденъ
Лейпцигъ
Кассель
Ганноверъ
Амстердамъ
Брюссель
Майнцъ
Мангеймъ
Турнъ
Генуя
Миланъ
Венеція
Флоренція
Римъ
Ліонъ
Марсель
Тулонъ
Ницца
Бордо
Тулуза
Байонна
Барселона
Валенсія
Гранада
Севилья
Кадиксъ
Трафальгаръ
Алжиръ
Фецъ
Тунисъ
Мадридъ
Сарагоса
Памплуна
Витторія
Бургосъ
Корунья
Опортo
Лиссабонъ
Талавера
Кордова
Ла-Манша
Ла-Рошель
Бургундія
Лотарингія
Эльзасъ
Нормандія
Бретань
Гасконь
Гіень
Прованс
Дофинэ
Савойя
Пьемонтъ
Ломбардія
Тоскана
Папская область
Неаполитанское кор.
Сардинія
Корсика
Сицилія
Мальта
Ионическіе о-ва
Морея
Кандія
Кипръ
Смирна
Константинополь
Адріанополь
Салоники
Севастополь
Одесса
Крымъ
Бессарабія
Молдав

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Война за освобожденіе Европы отъ Наполеоновскаго ига.

(1812—1815 г.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Походъ въ Россію.

Движеніе 1789 г., начатое во имя свободы, уже давно перешло въ нѣчто ей совершенно противуположное. Революція, столь необузданная въ своихъ первыхъ проявленіяхъ, быстро устремившаяся въ своемъ лжекосмополитизмѣ за предѣлы своего первоначальнаго мѣста дѣйствія, стала вскорѣ искать себѣ во внѣшнихъ завоеваніяхъ воздаянія за тѣ кровавыя дѣянія и тѣ бѣдствія, какія, во имя ея, обрушились на Францію. Внѣшнія войны, вызванныя революціей, создали того человѣка, который сначала съумѣлъ положить благодѣтельный предѣлъ полной разнузданности въ самой Франціи, даже — создать новый строй государственный; но, вскорѣ послѣ того, отуманенный собственнымъ величіемъ, воспользовался завоевательными тенденціями революціи и самъ, лично, сталъ на мѣсто революціонныхъ принциповъ и идей, а космополитическія мечтанія о свободѣ превратилъ въ одно общее и суровое порабощеніе. Этимъ самымъ онъ преподалъ народамъ Европы горькій, но весьма полезный урокъ: всѣ должны были познать, что никакому народу свобода не можетъ быть навязана, потому что она не есть какое-нибудь внѣшнее имущество или товаръ, а нравственное качество или принадлежность человѣческаго существа. Великіе люди могутъ иногда сокращать для своего народа путь на эту высоту, но въ большинствѣ случаевъ она является результатомъ медленной, часто прерывающейся, нерѣдко уклоняющейся отъ своего пути и цѣлей, но все же безостановочной и, въ

Оглядка въ прошлое.

концѣ концовъ, всегда успѣшной работы цѣлыхъ поколѣній, работы сотенъ тысячъ людей.

Наполеонъ и Александръ.

Та тѣсная связь, въ которую Наполеонъ вступилъ съ императоромъ Александромъ I Всероссійскимъ, вначалѣ, какъ казалось, приняла видъ весьма горячей личной дружбы. Однакоже это казалось недолго. Даже и помимо всякихъ легитимистическихъ или аристократическихъ вліяній, которыми былъ окруженъ Александръ, онъ, по самому существу своему, не долго мнѣ ужиться въ мирѣ съ такимъ характеромъ, какъ Наполеонъ. Этотъ деспотъ, въ кружкѣ своихъ приближенныхъ, называлъ Александра «Византійцемъ» или же «Сѣвернымъ Тальмой»—по имени того знаменитаго актера, который въ Эрфуртѣ игралъ на сценѣ театра передъ цѣлымъ партеромъ вѣнценосцевъ; но, выражая сомнѣніе въ искренности дружбы со стороны Александра, Наполеонъ долженъ былъ и самъ сознавать, что и его дружба къ Александру была не болѣе, какъ комедіей, какъ это часто бываетъ между главами великихъ монархій, которые являются представителями интересовъ своихъ государствъ, выразителями нравственныхъ стремленій и настроеній, наполняющихъ сердца великихъ народовъ. Александръ I былъ проникнутъ гордымъ сознаніемъ своего царственнаго величія, какъ государь и глава громаднаго государства, и потому уже не могъ примириться съ положеніемъ второстепеннымъ,—не могъ ни въ какомъ случаѣ служить орудіемъ для Наполеона. Притомъ же, безпощадная жажда къ пріобрѣтенію и расширенію владѣній побуждала Наполеона, никого не спрашиваясь, не выжидая даже согласія Александра, низводить съ престола разныхъ принцевъ (въ томъ числѣ и близкихъ родственниковъ Александра) и однимъ почеркомъ пера присоединять къ своему царству обширныя области:—и все это очень скоро измѣнило расположеніе Александра къ Наполеону. Та доля вознагражденія, которая была Александру присуждена по Тильзитскому договору, на счетъ Турціи, была все еще не получена: Турки изо всѣхъ силъ бились, отстаивая свои права на Дунайскія княжества, и съ ними приходилось вести войну, которая притомъ-же, въ 1811 г., приняла неособенно благопріятный для Россіи оборотъ; да и то, что происходило на западной границѣ Русскаго Царства, съ польской стороны, тоже не слишкомъ было способно поддержать дружбу между Александромъ и Наполеономъ. Недавно возстановленное великое герцогство Варшавское являлось здѣсь какъ бы поощреніемъ польскихъ упованій, да и очевидно было создано въ этихъ видахъ; а при заключеніи Вѣнскаго мира, большая часть Галиціи была прирѣзана къ Варшавскому герцогству, а меньшая часть уступлена Россіи, которая, впрочемъ, въ походѣ 1809 г., не оказала Наполеону почти никакой помощи. Во франко-русскомъ договорѣ (январь 1810 г.) было, правда, дано обязательство въ томъ, что Польша не должна была быть возстановлена, однакоже французскіе гарнизоны оставались попрежнему въ прусскихъ крѣпостяхъ, и войска, оказавшіяся излишними послѣ Вѣнскаго мира, вовсе не были отправлены, какъ можно было бы ожидать, въ Испанію, а напротивъ—обращены на усиленіе позицій Наполеона на Сѣверѣ Европы, по прибрежьямъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Въ значительной степени обоюдному согласію между Франціей и

Россіей препятствовала торговая политика. Континентальная система, всюду тягостная, была особенно обременительна для Россіи, въ которой мѣстная промышленность была еще вообще мало развита и многіе англійскіе товары ничѣмъ не могли быть замѣнены; и вотъ эта система, въ самомъ концѣ 1810 г., была замѣнена въ Россіи новымъ тарифомъ, по которому французскіе товары были также обложены высокими пошлинами. Не улучшилось нисколько натянутое положеніе и отъ того, что Наполеонъ, рѣшившійся вступить въ династическій бракъ, сначала задумалъ искать себѣ невѣсту между русскими великими княжнами, а Александръ, въ вѣжливой формѣ, отклонилъ эти исканія, ссылаясь на то, что брачные союзы съ великими княжнами вполнѣ зависятъ отъ вдовствующей императрицы-матери.

Наполеоновы проэкты.

Но все это еще не могло непосредственно привести къ войнѣ, и не привело бы, если бы Наполеонъ могъ себя нѣсколько ограничить и хотя чѣмъ-нибудь удовольствовать. Но въ томъ-то и дѣло, что въ его безпокойной и непрерывно-работавшей головѣ складывались и въ это время уже самые несбыточные проэкты: онъ уже мечталъ о проложеніи прямого, сухопутнаго пути въ Индію, чтобы и тамъ поколебать основы британскаго могущества. И дѣйствительно, существовалъ временно даже такой планъ: побудить или вынудить Россію къ войнѣ противъ Турокъ, заодно съ Франціей, и изгнать Турокъ изъ Европы; затѣмъ, перенести на годъ резиденцію Наполеона въ Константинополь, завоевать Малую Азію и Персію, въ Испагани все приготовить къ походу противъ Остъ-Индіи... и сохранился даже набросокъ прокламаціи, которую предполагалось по этому случаю выпустить въ свѣтъ: «Трезубецъ соединится съ мечомъ, и Перунъ—съ Марсомъ, для возстановленія въ наши дни древней Римской имперіи...» А самъ завоеватель, въ мечтахъ своихъ, не замѣчалъ того, что и современное ему Римское царство уже прискучило этими Александровскими затѣями: не замѣчалъ того, что и онъ самъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ великихъ организаторскихъ умовъ, подобныхъ Александру Великому, Цезарю и Карлу Великому, а, напротивъ того, приближался скорѣе къ типу завоевателей-варваровъ—Аттилъ и Чингисхановъ.

Положеніе дѣлъ въ Испаніи.

Только полнымъ самообольщеніемъ или даже умопомраченіемъ можно себѣ объяснить рѣшеніе Наполеона предпринять войну съ Россіей, прежде окончательнаго покоренія и умиротворенія Испаніи. А между тѣмъ до этого еще было очень далеко. Въ іюлѣ 1809 г. Уэлеслей съ англо-португальскимъ войскомъ двинулся къ Мадриду; битва, при Талаверѣ-де-ля-Рейна, между этимъ войскомъ и войскомъ короля Іосифа, состоявшимъ подъ командою его военныхъ опекуновъ, была почти проиграна Французами; однакоже Уэлеслей (нынѣ уже лордъ Веллингтонъ) отступилъ передъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ обратно въ Португалію, и пока эта послѣдняя страна не была покорена, всѣ побѣды Сульта, Массены и иныхъ военачальниковъ въ Испаніи оказывались совершенно безплодными. Но здѣсь-то именно англійскій военачальникъ и выказалъ свой блестящій талантъ въ оборонительной войнѣ. Французское войско, подъ начальствомъ Массены, проникло внутрь страны до знаменитой опорной позиціи Веллингтона, до тройного ряда окоповъ на линіи Торресъ-Ведрасъ съ ея 386 орудіями; шесть недѣль простоялъ Массена подъ этими окопами,

и въ ноябрѣ вынужденъ былъ отступить безъ всякихъ результатовъ. А между тѣмъ, на самомъ крайнемъ Югѣ испанской территоріи, въ *Кадиксѣ*, собрались кортесы и постановили учредить регентство. Хоть это и не могло имѣть большого значенія, однако все же городъ могъ держаться противъ нападеній Сульта, и какъ ни страдала страна отъ такого бѣдственнаго и неопредѣленнаго положенія, однакоже установленіе въ ней иного, новаго порядка вещей не оказывалось возможнымъ, и потому королю Іосифу его жалкая корона была уже давно въ тягость. Къ тому же и Наполеонъ, въ 1810 г., отнялъ у него всякое значеніе и цѣну, отдѣливъ отъ Испаніи всѣ сѣверныя ея провинціи и присоединивъ ихъ указомъ 8 февраля къ Франціи. Въ 1811 г. повторилось то же, что и въ 1809 г.: Массена былъ отозванъ, и Веллингтонъ опять отступилъ изъ Испаніи въ Португалію передъ соединенною арміею маршаловъ Мармона и Сульта, который руководилъ теперь всѣми военными дѣйствіями въ Испаніи. Мало-по-малу подкрѣпленія стали все медленнѣе и медленнѣе прибывать къ Французамъ; а Веллингтонъ въ началѣ 1812 г. вновь перешелъ въ наступленіе: Сіудадъ-Родриго, Бадахосъ — пали; 22 іюля, при Саламанкѣ, произошла битва между Веллингтономъ и Мармономъ. Побѣда осталась на сторонѣ Англичанъ: 5,000 убитыми и ранеными, 7,000 плѣнными—составляли уронъ Французовъ. Вскорѣ послѣ того, 12 августа, Веллингтонъ вступилъ въ Мадридъ, между тѣмъ какъ Сультъ бездѣйствовалъ въ Андалузіи, а Мармонъ—въ Кастиліи.

Но вниманіе всей Европы, около этого времени, давно уже было обращено въ другую сторону—сосредоточено на иномъ театрѣ войны.

Война въ виду. Вооруженія.

Въ теченіе первой половины 1812 года всякія надежды на миръ между Россіей и Франціей стали исчезать, и вскорѣ окончательно разсѣялись: обѣ стороны стали уже явно готовиться къ войнѣ. О какой бы то ни было новой коалиціи противъ Наполеона, около этого времени, конечно, не могло быть и рѣчи; съ другой стороны, ему не трудно было вынудить и Пруссію, и Австрію къ союзу съ нимъ противъ Россіи. Въ *Австріи*, въ данную минуту, мѣсто графа Стадіона заступилъ графъ *Клеменсъ-Лотаръ Меттернихъ*, не выказывавшій ни особеннаго пристрастія, ни особенной непріязни къ Наполеону; онъ поддерживалъ съ Пруссіей дружественныя отношенія и даже, въ виду кое-какихъ будущихъ «возможныхъ случайностей», вступилъ съ нею въ тайное соглашеніе; но отъ всякихъ отчаянныхъ попытокъ и чрезвычайныхъ рѣшеній старался держаться какъ можно дальше. Притомъ же онъ не скрывалъ ни отъ кого плачевнаго состоянія австрійскихъ финансовъ *), которое не дозволяло даже и помышлять о новой борьбѣ противъ Наполеонова могущества. Приходилось, слѣдовательно, примиряться съ обстоятельствами,—и вотъ, 12 марта 1812 г., въ Парижѣ былъ подписанъ союзный договоръ: имъ обусловливалась помощь въ размѣрѣ 30,000 чел. войска и 60 орудій, въ случаѣ нападенія, обоюдно обезпечивались владѣнія, обусловливалась

*) Уже въ мартѣ 1811 г. австрійское правительство вынуждено было понизить цѣнность выпущенныхъ имъ на 1,060 милліоновъ банковыхъ билетовъ до $^1/_5$ части ихъ стоимости,—что было почти равносильно банкротству.



Королева Луиза Прусская.

Портретъ, писанный Каннегисеромъ. По фотографіи Берлинск. фотографич. общества.

неприкосновенность Турціи и подтверждалась обязательность континентальной системы. Что же касается *Пруссіи*, то она находилась въ совершенно отчаянномъ положеніи, въ виду угрожающаго столкновенія двухъ такихъ державъ, какъ Россія и Наполеоновская Франція. Страна только-что начинала оправляться отъ кризиса 1809 г.; правительство (министерство Альтенштейна вступило въ силу въ ноябрѣ 1808 г.) держало себя настолько осторожно, что даже и самъ Наполеонъ, при всей своей подозрительности, при самомъ зоркомъ наблюденіи не находилъ никакихъ поводовъ къ привязкамъ: съ конца 1809 г. и Дворъ переселился снова въ Берлинъ. Министерство не дерзало серьезно приступить къ Штейновскимъ реформамъ, и только уже въ іюнѣ 1810 г., когда графъ Гарденбергъ, вновь возведенный въ канцлеры, сталъ во главѣ государственнаго управленія,—переустройство государственнаго организма вновь было пущено въ ходъ, хотя и не безъ оппозиціи со стороны привилегированныхъ сословій. 19 іюля 1810 г. и король, и вся страна понесли тяжелую утрату: скончалась королева Луиза, которая оказывала дѣятельную и энергическую помощь во всѣхъ бѣдствіяхъ страны, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась поддержка, пробуждающая патріотизмъ. Съ величайшимъ трудомъ были выплачены суммы по контрибуціи за послѣднюю кампанію; тѣмъ не менѣе, одна и важнѣйшая изъ реформъ, реформа арміи, мало-по-малу подвигалась-таки впередъ. Люди распускались и призывались на службу, очередь за очередью, и такимъ образомъ уже являлась возможность, въ самое короткое время, призвать подъ ружье тройное противъ дозволеннаго трактатомъ 1808 г. 42,000-го состава войско,—т. е. 124,000 готовыхъ къ службѣ, вполнѣ обученныхъ воиновъ. Не прекращалась работа и надъ умственнымъ развитіемъ: 15-го октября 1810 г. былъ въ Берлинѣ открытъ университетъ, который, до нѣкоторой степени, служилъ и залогомъ, и какъ бы символомъ распространявшагося въ обществѣ новаго духа: одинъ изъ представителей этого новаго направленія, другъ Шиллера, *Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ*, образованнѣйшій государственный дѣятель и патріотъ, занималъ уже важную должность прусскаго посла въ Вѣнѣ. А тутъ какъ разъ наступилъ и кризисъ: вопросъ въ высшей степени важный былъ поставленъ на разрѣшеніе государству, которое все же фактически не могло прійти къ свободному рѣшенію. Нейтралитетъ былъ невозможенъ или, лучше сказать, онъ не имѣлъ бы никакого смысла; союзъ съ Россіей навлекъ бы непосредственно самыя тяжкія страданія на собственную страну, еще ослабленную послѣднею войною, и въ случаѣ неблагополучнаго исхода войны, привелъ бы Пруссію на край гибели. Но страшнѣе всего представлялся союзъ съ Наполеономъ. И этотъ союзъ, противъ котораго, если можно такъ выразиться, возмущался самый духъ государственнаго устройства Пруссіи:—этотъ союзъ все же предстояло заключить во что бы то ни стало. Онъ и былъ заключенъ 24 февраля 1812 г. Этотъ союзъ съ Франціей былъ заключенъ противъ кого бы то ни было: непремѣннымъ условіемъ его было соблюденіе континентальной системы; въ особой конвенціи Пруссія обѣщала доставить 20,000-ный вспомогательный корпусъ съ 60 орудіями, въ случаѣ войны съ Россіею, и сверхъ того—занять гарнизонами своими Кольбергъ, Грауденцъ, крѣпости въ Силезіи

и Потсдамъ; сверхъ того, какъ страна союзная, Пруссія обязывалась, на всемъ своемъ пространствѣ, предоставить свободный проходъ войскамъ Наполеона, а это отозвалось такъ тягостно на общемъ положеніи страны, что уже три мѣсяца спустя Пруссія не только должна была отказаться отъ выполненія своихъ обязательствъ 1807 года, на сумму приблизительно 40.000,000 р., но еще и сверхъ этой суммы должна была позаимствовать у Франціи; въ восполненіе этихъ ущербовъ, по окончаніи войны, было обѣщано территоріальное вознагражденіе, однакоже, въ весьма неопредѣленной формѣ. Въ какомъ именно смыслѣ задуманъ былъ Наполеономъ этотъ союзъ—это можно было достаточно ясно видѣть изъ того, что, сверхъ условленныхъ вооруженій, никакіе иные наборы или передвиженія не могли быть предпринимаемы иначе, какъ по соглашенію съ императоромъ Наполеономъ: иначе сказать, 20,000 Пруссаковъ, вступавшихъ въ составъ французской арміи, являлись не болѣе какъ заложниками непзмѣнной вѣрности Пруссіи на все время войны. Вслѣдствіе этого, не малое количество офицеровъ, которые не могли примириться съ мыслью, что имъ придется сражаться въ рядахъ Французовъ, подали въ отставку и, большею частью, вступили въ русскую службу. Однимъ словомъ, Наполеонъ, уже не только съ конца 1811 г., но и гораздо ранѣе, принималъ всѣ мѣры къ обезпеченію успѣха будущей трудной и большой войны. Двоихъ важныхъ союзниковъ онъ, впрочемъ, лишился въ самомъ началѣ войны, или же незадолго до ея начала: *Турки* покончили войну съ Россіей 28 мая 1812 г. и заключили миръ въ *Бухарестѣ;* Прутъ положенъ былъ границею между русскими и турецкими владѣніями, такъ что только восточная часть Молдавіи осталась въ рукахъ Россіи; и *Шведы* тоже—давно уже не ладившіе съ Наполеономъ—не поддались на соблазнъ союза. Такъ какъ бывшій его подданный, новый кронпринцъ, человѣкъ



Вильгельмъ Ф.-Гумбольдтъ.

Рисовано П. Э. Штрёлингомъ въ декабрѣ 1814 г. въ Лондонѣ.

весьма честолюбивый и высокомѣрный, отказался вступить въ союзъ съ Франціей противъ Россіи, то Наполеонъ, въ январѣ 1812 г., двинулъ войска въ Шведскую Померанію, и, обезоруживъ тамошнія шведскія войска, вновь потребовалъ, чтобы Швеція заключила союзъ съ Франціей. Однакоже Швеція поставила на своемъ, и вступила въ союзъ съ Россіей, въ апрѣлѣ 1812 г., подъ тѣмъ условіемъ, что, по окончаніи войны, она будетъ вознаграждена за утрату Финляндіи присоединеніемъ къ ней *Норвегіи*.

Ближайшіе поводы къ разрыву между Франціей и Россіей.

Поводовъ къ разрыву между Франціей и Россіей было много, и копились они уже издавна; на нѣкоторые изъ нихъ мы уже указывали въ концѣ второй книги этого тома. Важнѣйшимъ изъ поводовъ несомнѣнно было то, что царь Русскій въ своихъ отношеніяхъ къ императору Французовъ выказывалъ себя постоянно вполнѣ самостоятельнымъ, не спѣшилъ предупреждать желанія своего гордаго союзника и даже къ его настоятельнымъ представленіямъ относился совершенно спокойно, почти критически. Это поселило сначала холодность въ отношенія между Наполеономъ и Александромъ, а затѣмъ вызвало въ мстительной душѣ корсиканца ненависть къ Россіи, которую онъ задумалъ также подчинить своей волѣ, какъ и остальную Европу—и въ этихъ видахъ, конечно, самъ озаботился о томъ, чтобы доставить Россіи ближайшіе поводы къ разрыву. Такими поводами были: во-первыхъ, отнятіе владѣній у герцога Ольденбургскаго—дяди Русскаго императора,—при чемъ Наполеонъ не далъ никакого удовлетворенія на протестъ Россіи по этому захвату; во-вторыхъ, тѣ демонстративныя дѣйствія Наполеона въ герцогствѣ Варшавскомъ, которыми онъ обнаруживалъ намѣреніе возстановить Польское королевство, и на всѣ представленія Россіи отвѣчалъ весьма уклончиво; въ-третьихъ, наконецъ, отъ вниманія Россіи не могло ускользнуть то, что уже съ конца 1811 г. Наполеонъ началъ собирать у самой русской границы значительныя воинскія силы. Въ виду такихъ явно непріязненныхъ дѣйствій Наполеона, императоръ Александръ сталъ также принимать мѣры предосторожности на случай вторженія Наполеона въ Россію, и готовиться исподволь къ войнѣ. 25 апрѣля Россія и Франція обмѣнялись послѣдними объясненіями, и уже 9 мая Наполеонъ покинулъ Парижъ, чтобы стать во главѣ своей арміи.

1812. Начало похода.

Со временъ Ксеркса не запомнятъ въ исторіи человѣчества подобныхъ приготовленій къ войнѣ. Насчитываютъ до 610,000 человѣкъ при 182,111 коняхъ въ составѣ той громадной арміи, которая двинута была по мановенію Наполеона на Россію; при организаціи этой громадной массы войска, при устройствѣ всего, что было необходимо для снабженія ея провіантомъ и перевозочными средствами, при изученіи тѣхъ мѣстностей, которыя должны были войти въ составъ театра войны,—геній великаго полководца выказался въ полномъ блескѣ; на «коня и всадника» и на пушки возлагалъ онъ всѣ свои упованія. Планъ у него былъ такой: правое крыло, въ количествѣ 36,000 Австрійцевъ и Саксонцевъ, подъ командою Шварценберга, двинуть противъ Литвы; лѣвое, подъ командою маршала Макдональда, въ количествѣ 32,000 (въ томъ числѣ были и Пруссаки подъ командою Граверта и Іорка) направить къ Ригѣ; а самому, во главѣ главныхъ силъ,—«великой арміи»,—составлявшей центръ,



Наполеонъ I.
По портрету П. Деларош.



Переходъ Наполеона съ 4-мя кавалерійскими полками за Двину, въ іюлѣ 1812 г.

Рисунокъ заимствованъ изъ книги «Voyage pittoresque et militaire de Willenberg jusqu'à Moscou». Рисунокъ исполненъ на мѣстѣ А. Адамомъ, сопровождавшимъ Наполеона въ Россію, въ качествѣ придворнаго художника.

продвинуться къ Москвѣ, и тамъ, — *самое позднее тамъ*, онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвался! — предписать Россіи миръ. Этотъ планъ, въ общихъ чертахъ, былъ похожъ на всѣ прежніе планы его войнъ, въ которыхъ ему удавалось достигать такихъ блестящихъ успѣховъ. И еще разъ, въ Дрезденѣ, ему пришлось пережить день великаго торжества: 28-го мая здѣсь предстали предъ нимъ всѣ тѣ государи, которые вынуждены были предоставить въ его распоряженіе всѣ лучшія силы своихъ государствъ, дабы способствовать выполненію задуманнаго имъ громаднаго замысла, и принесли ему изъявленія своей преданности — въ числѣ ихъ и императоръ Австрійскій, и король Прусскій. 24-го іюня войско Наполеона перешло въ трехъ разныхъ мѣстахъ за Нѣманъ; за войскомъ переправился и огромный обозъ его. Вся эта громадная масса войска (475,000 ч.), за исключеніемъ австрійскаго вспомогательнаго корпуса, была подѣлена на 10 корпусовъ, состоявшихъ подъ командою опытнѣйшихъ вождей его школы — Даву, Удино, Нея, вице-короля Италійскаго, Понятовскаго, Гувіона де-С.-Сира, Рейнье, Вандамма, Макдональда, Виктора; кавалерійскимъ резервомъ командовалъ король Неаполитанскій:—въ числѣ войска болѣе половины было Нѣмцевъ, Поляковъ и Итальянцевъ. Въ Вилковишкахъ, отъ 22-го іюня, было обнародовано воззваніе Наполеона къ войску, въ которомъ онъ возвѣщалъ воинамъ о началѣ *второй польской войны* — такъ назвалъ онъ эту войну съ весьма тонкимъ расчетомъ. «Россія»—гласило это воззваніе — «сама стремится къ своей гибели, и ея судьба должна совершиться!»

Россія.

А между тѣмъ эти слова скорѣе могли бы быть примѣнены къ его собственной судьбѣ... Въ сущности, весь этотъ походъ, съ самаго начала своего, былъ лишь громаднѣйшею ошибкою, и даже тѣ французскіе писатели, которые преклоняются предъ геніемъ Наполеона (напр. Тьеръ), которые ослѣплены блестящею карьерою этого завоевателя,—и тѣ согласны съ высказаннымъ нами воззрѣніемъ. Громадное Россійское государство имѣло только одно уязвимое мѣсто: Петербургъ и прилегающій къ этой столицѣ Остзейскій край: здѣсь это громадное царство примыкаетъ къ морю, которое и придаетъ ему значеніе великой державы. Сюда и слѣдовало бы направить ударъ. Что же касается похода на Москву, то онъ несомнѣнно оказывался совершенно безполезнымъ для цѣлей завоеванія, слѣдовательно и всѣ побѣды, на пути къ Москвѣ, должны были оказаться побѣдами вполнѣ безплодными — въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, и это было ясно для многихъ изъ Наполеоновскихъ генераловъ; а черезъ нѣсколько недѣль, послѣ переправы за Нѣманъ, стало ясно даже и для многихъ субалтерновъ. Мало того: все безуміе подобнаго похода было съ полною ясностью доказано походомъ Карла XII Шведскаго въ 1709 году и примѣръ этого похода былъ у Наполеона передъ глазами: много разъ онъ даже самъ обсуждалъ эту ошибку Карла—и самъ повторилъ ее въ колоссальныхъ размѣрахъ!

Наполеонъ и Польша. Возстаніе въ Вильнѣ.

Со стороны Россіи вооруженія были весьма недостаточны: на западной границѣ вторженію непріятельской «великой арміи» могло быть противопоставлено не болѣе 200,000 войска, такъ какъ значительная часть русскихъ войскъ въ это время еще находилась въ турецкихъ владѣніяхъ,

КАРТА ТЕАТРА ВОЙНЫ 1812 ГОДА.


ПСКОВЪ
Стар. Руса
Валдай
Рыбинскъ
Романовъ
Борисоглѣбскъ
Вышній Волочекъ
Угличъ
Торжокъ
ТВЕРЬ
Кимры
Ростовъ
Ржевъ
Зубцовъ
Бѣлой
Гжатскъ
Можайскъ
МОСКВА
Богородскъ
Павловскъ
Бронницы
Коломна
Малоярославецъ
Зарайскъ
РЯЗАНЬ
Перевитскъ
КАЛУГА
ТУЛА
Козельскъ
Бѣлевъ
Болховъ
Брянскъ
Мценскъ
ОРЕЛЪ
Трубчевскъ
Елецъ
Курскъ
ВОРОНЕЖЪ
Рыльскъ
Путивль
Конотопъ
Батурин
Глуховъ
Шостенскій
Новгородъ Сѣверскъ
Середина Буда
Стародубъ
Гомель
Мозырь
Туровъ
Пинскъ
Брестъ
Кобринъ
Пружаны
Городечно
Слуцкъ
Бобруйскъ
Могилевъ
Шклов
Чаусы
Мстиславль
Рославль
Климовичи
Черикова
Пропойскъ
Клинцы
Мглинъ
Новозыбковъ
Жиздра
Сухиничи
Спасъ Деменскій
Ельня
Красный
Рудня
Дорогобужъ
Вязьма
Гжатскъ
Зарайскъ
Бородино
Можайскъ
Смоленскъ
Витебскъ
Сураж
Велижъ
Духовщина
Порѣчье
Торопецъ
Великіе Луки
Холмъ
Осташковъ
Торжокъ
Ржевъ
Зубцовъ
Старица
Ржица
Волоколамскъ
Рогачева
Сергіевскій (посадъ)
Александровъ
Киржачъ
Переславль
Юхновъ
Медынь
Тарутино
Боровскъ
Подольскъ
Городня
Верея
Можайскъ
Крымское
Ржица
Бронницы
Коломна
Зарайскъ
Рязань
Сухиничи
Спасъ Деменскій
Ельня
Красный
Рудня
Дорогобужъ
Вязьма
Духовщина
Порѣчье
Сураж
Велижъ
Бѣлой
Гжатскъ

и, несмотря на заключенный уже миръ съ Турціей, не могла быть тотчасъ двинута на сѣверъ. Однакоже огромная разница въ численности русскихъ войскъ и войскъ Наполеона нимало не ослабила мужества императора Александра, который и выказалъ замѣчательную твердость въ виду грозившей опасности. Въ своемъ рескриптѣ къ предсѣдателю государственнаго совѣта Александръ I заявилъ, что онъ «*не положитъ оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ его царствѣ*»,— и сдержалъ слово.

28 іюня, среди радостныхъ кликовъ и возгласовъ польскаго населенія, Наполеонъ вступилъ въ Вильну—столицу Литвы. Около этого времени польскій сеймъ въ Варшавѣ преобразовался въ польскую генеральную конфедерацію и отправилъ къ Наполеону депутацію съ мольбами о возстановленіи Польши. Такія быстрыя мѣропріятія были не во вкусѣ Наполеона, и онъ, наговоривъ Полякамъ кучу всякихъ громкихъ фразъ о святости ихъ дѣла, все же отпустилъ депутацію ни съ чѣмъ. Своимъ приближеннымъ онъ, въ видѣ объясненія такого способа дѣйствій, сказалъ только, что «трудно было бы предсказать, гдѣ окончится этотъ пожаръ, если только дать ему разгорѣться»; иначе сказать, онъ и самъ не зналъ, чего ему слѣдуетъ желать. 16 іюля армія Наполеона выступила изъ Вильны и двинулась далѣе.



Барклай-де-Толли.

Выставленныя противъ Наполеона, въ количествѣ около 200,000, войска русскія были раздѣлены на три арміи: первая, подъ командою военнаго министра *Барклая-де-Толли*, расположена была въ Виленской губ.; вторая, подъ начальствомъ князя *Багратіона*, въ Гродненской губ.; третья, подъ начальствомъ графа *Витгенштейна*, заграждала Наполеону дорогу къ Петербургу.

Для первыхъ двухъ армій совершенно правильнымъ представлялся тотъ планъ, который уже ранѣе (еще въ 1807 году) обсуждался со всѣхъ сторонъ, — планъ «войны Пароянской»: отступать внутрь страны и предоставить времени и пространству начать дѣло расчлененія и истребленія непріятельской арміи, въ ожиданіи того момента, когда эта разрушительная работа продвинется уже настолько, что ее можно будетъ успѣшно прикончить собственными, сбереженными отъ разгрома, силами.

Когда же выяснился планъ войны, избранный Наполеономъ, разъ-



Князь Багратіонъ.

единеніе этихъ двухъ армій оказалось весьма неудобнымъ: можно было опасаться, что Наполеонъ, пользуясь своимъ превосходствомъ въ силахъ, разгромитъ каждую изъ нихъ порознь. Въ виду такого опасенія, рѣшено было какъ можно скорѣе соединить первую и вторую арміи и пунктомъ соединенія ихъ назначенъ былъ Витебскъ. Наполеонъ, угадавъ цѣль движенія этихъ двухъ русскихъ армій, употребилъ со своей стороны всѣ усилія для воспрепятствованія этому соединенію у Витебска. Въ теченіе трехъ дней (13, 14 и 15 іюля), вслѣдствіе этого, первой русской арміи пришлось выдерживать у *Витебска* натискъ значительно сильнѣйшаго непріятеля; а вторая армія, въ то же время, выдерживала жестокіе бои подъ *Могилевомъ*. Соединеніе арміи осуществиться не могло, а потому оба главнокомандующіе порѣшили продолжать отступленіе и соединиться далѣе, подъ Смоленскомъ. Тогда и Наполеонъ, въ свою очередь, двинулся по пятамъ отступающихъ арміи, стараясь вынудить ихъ къ генеральному сраженію и охватить хотя одну изъ нихъ... Но отступленіе обѣихъ армій совершалось такъ стройно и стойко, что никакія попытки Наполеона не увѣнчались успѣхомъ. При этомъ изумительные подвиги были совершены многими русскими генералами, во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ. Такъ, напр., графъ *Остерманъ* получилъ приказаніе во что бы то ни стало задержать наступленіе Французовъ отъ Витебска; вслѣдствіе этого, со своимъ небольшимъ отрядомъ, онъ, въ теченіе цѣлаго дня, выдерживалъ натискъ всей Наполеоновской арміи и все же сохранилъ свою позицію до наступленія ночи; когда же, въ пылу сраженія, начальники отдѣльныхъ частей посылали къ графу Остерману съ запросомъ: «что имъ дѣлать?» — Остерманъ спокойно отвѣчалъ: «стоять и умирать». Другой генералъ, *Невѣровскій*, съ 7,000 отрядомъ, долженъ былъ сдерживать наступленіе вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля, который хотѣлъ зайти въ тылъ русскимъ войскамъ, ранѣе ихъ занять Смоленскъ и такимъ образомъ отрѣзать обѣимъ арміямъ путь къ Москвѣ. Бой длился въ теченіе полусутокъ; во время его Французы произвели сорокъ кавалерійскихъ атакъ противъ отряда Невѣровскаго, но все же не могли сломить его и вынудить къ очищенію дороги. Такое



Графъ П. П. Коновницынъ.



Д. С. Дохтуровъ.

же геройство было выказано генералами *Раевскимъ*, *Дохтуровымъ* и *Коновницынымъ* въ бою подъ стѣнами Смоленска, 4 и 5 августа: съ весьма незначительными силами, они до тѣхъ поръ отбивали всѣ приступы 200,000 арміи Французовъ къ Смоленску, пока обѣ русскія арміи не успѣли соединиться и въ полномъ порядкѣ отступить по Дорогобужской дорогѣ. Смоленскъ былъ уже почти разрушенъ артиллерійскимъ огнемъ Французовъ, и пылалъ во многихъ мѣстахъ, когда подъ вечеръ 5-го августа Дохтуровъ покинулъ этотъ городъ, представлявшій груду развалинъ, заваленныхъ трупами. Отчаянная оборона Смоленска, стоившая Наполеону громаднаго урона (отъ 12—20,000 чел. убитыми и ранеными), до такой степени поразила Наполеона, что онъ сдѣлалъ даже нѣкоторую попытку вступить въ переговоры съ Александромъ... Но не былъ удостоенъ отвѣта.

Въ то время, какъ русскія войска бились съ французскими у Смоленска, императоръ Александръ уже назначилъ новаго главнокомандующаго для всей русской арміи: выборъ его палъ на *Кутузова*, только что возвратившагося съ театра Турецкой войны, и всѣ съ радостью узнали о новомъ назначеніи. 17 августа 1812 года Кутузовъ пріѣхалъ въ с. Царево-Займище (Смоленской губ., Вяземскаго уѣзда), гдѣ находилась главная квартира русской дѣйствующей арміи. Принявъ главное начальство надъ арміей, Кутузовъ рѣшился дать Наполеону гене-

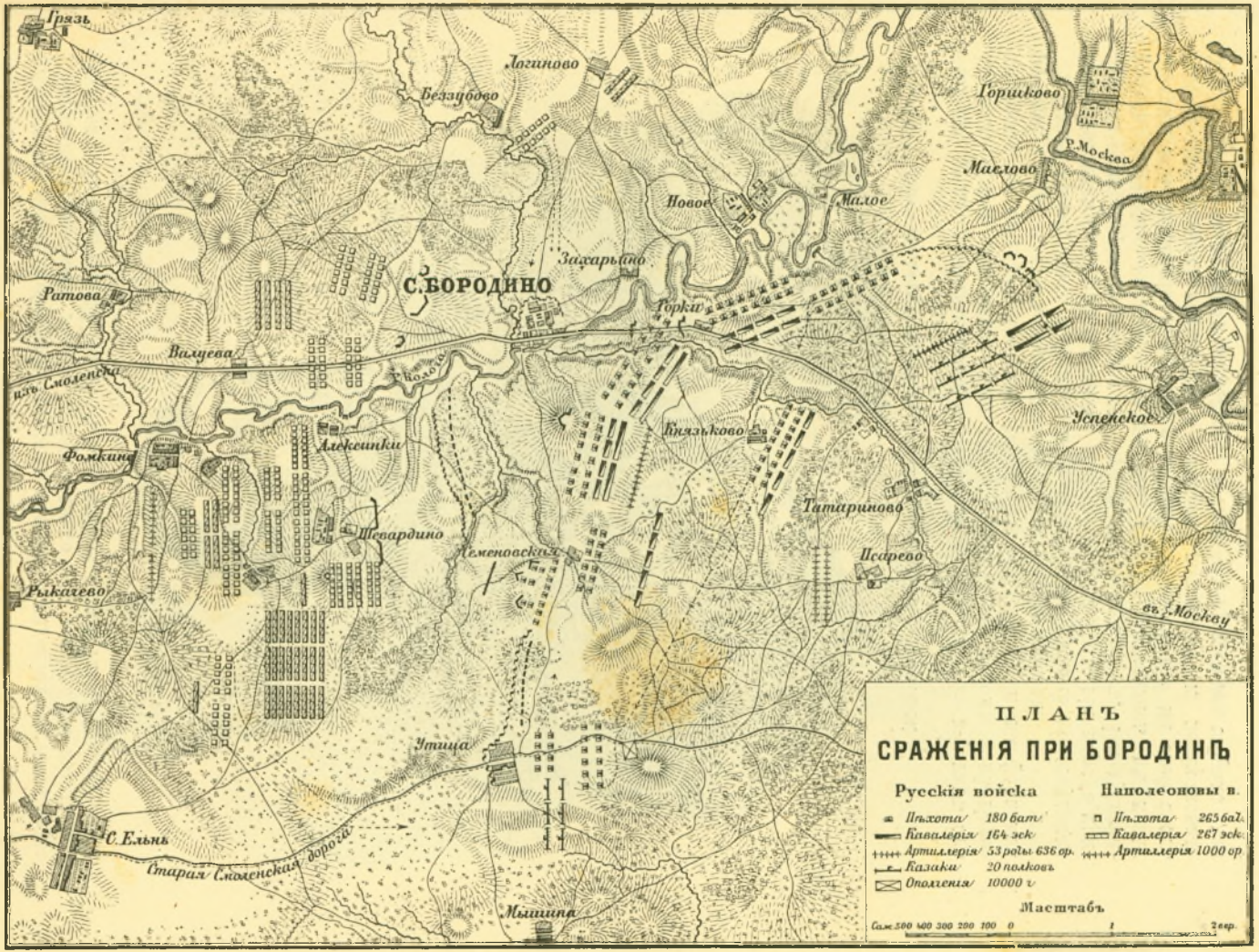
ральное сраженіе, чтобы удовлетворить общимъ ожиданіямъ всего народа и страстному желанію войска, которое давно уже роптало на излишнюю осторожность Барклая-де-Толли. Съ этою цѣлью, новый главнокомандующій



Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій.

выбралъ весьма удобную позицію у села *Бородина*, въ 108 верстахъ отъ Москвы. Здѣсь онъ остановилъ армію свою, на обширномъ полѣ Бородинскомъ, воздвигнулъ сильныя укрѣпленія въ центрѣ и на флангахъ русской арміи, и сталъ поджидать наступленія Французовъ.

Въ то время, какъ Кутузовъ и главныя силы русской дѣйствующей арміи готовились къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, весь русскій народъ принималъ самое горячее участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ. Всюду собирались народныя ополченія ратниковъ; отовсюду стекались въ казну щедрыя пожертвованія. Смоленское дворянство выставило на свой счетъ 20,000 ратниковъ; московское — 80,000 ратниковъ и пожертвовало 3.000,000 р. на военныя издержки; московское купечество собрало для


Грязь
Логиново
Безлудово
Горшково
Р. Москва
Маслово
Новое
Малое
Захарьино
С. БОРОДИНО
Ратова
Горки
Валуева
из Смоленска
Р. Колота
Успенское
Князьково
Алексинки
Фомкино
Шевардино
Татаринова
Неменовский
Исарево
Рыкачево
в. Москву
Утица
С. Ельнь
Старая Смоленская дорога
Мышина
ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ БОРОДИНѢ
Русскія войска
Пѣхота 180 бат.
Кавалерія 164 эск.
Артиллерія 53 роты 636 ор.
Казаки 20 полковъ
Ополченія 10000 г.
Наполеоновы в.
Пѣхота 265 бат.
Кавалерія 267 эск.
Артиллерія 1000 ор.
Масштабъ
Саж. 500 400 300 200 100 0 1 2 вер.



Битва Бородинская, 26-го августа 1812 г.
По современному рисунку А. Адама.

той же цѣли 10.000,000 р.; донскіе казаки поднялись поголовно; вообще же вся Россія, добровольно, выставила до 300,000 ратниковъ и доставила государю до 100,000,000 рублей на военныя нужды. Воодушевленіе охватило всѣ классы народа; особенно трогательно было то самоотверженіе, съ которымъ народъ выжигалъ свои дома, имущества и запасы, лишь бы только все это не досталось непріятелю и не послужило ему на пользу. И это самоотверженіе возрастало все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія непріятеля къ Москвѣ и ея святынямъ, дорогимъ для каждаго русскаго.

Наконецъ, 26 августа, въ 6 часовъ утра, обѣ арміи сошлись на битву на полѣ Бородинскомъ. Со стороны Русскихъ въ битвѣ участвовало немного болѣе 100,000 чел., при 600 орудіяхъ; со стороны Французовъ 130,000, но почти столько же орудій. Съ обѣихъ сторонъ битвы ожидали съ нетерпѣніемъ: Русскимъ хотѣлось помѣряться силами съ врагомъ въ открытомъ полѣ, а Французы, прискучивъ дальнимъ и труднымъ походомъ, надѣялись побѣдою добиться мира и закончить кампанію, по началу не обѣщавшую ничего добраго. Самъ Наполеонъ весьма самоувѣренно желалъ и добивался битвы: «надъ нами встаетъ солнце Аустерлица!» сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ и указавъ имъ передъ началомъ битвы на окутанное туманомъ солнце. Но битва оказалась безпримѣрною по упорству сражающихся и по своей чрезмѣрной кровопролитности: — она продолжалось 12 час. сряду и вырвала изъ строя сражающихся около 70,000 храбрыхъ! Главныя силы Французовъ были устремлены противъ центра русской арміи и противъ его лѣваго крыла, которымъ командовалъ Багратіонъ. Но все искусство Наполеона, всѣ усилія Французовъ, направленныя къ тому, чтобы прорвать центръ русской арміи, оказались тщетными. Цѣлые полки полегли въ этомъ мѣстѣ битвы съ той и другой стороны; укрѣпленія по шести разъ переходили изъ рукъ въ руки, но ничто не могло вынудить Русскихъ, чтобы они уступили врагу поле битвы. Только на мгновеніе Французы взяли верхъ на лѣвомъ крылѣ, гдѣ Багратіонъ былъ смертельно раненъ. Но въ то время, когда Наполеонъ собирался направить сюда стремительный ударъ, Кутузовъ отвлекъ его вниманіе ложною тревогою, которую произвелъ въ тылу Французовъ небольшой русскій отрядъ, посланный въ обходъ. Вслѣдствіе этого, Наполеонъ не успѣлъ во-время послать подкрѣпленія на лѣвый флангъ: Французы здѣсь были отбиты и русская армія всюду удержала свои позиціи на полѣ битвы.

По окончаніи битвы, оказалось, что, вслѣдствіе громадныхъ потерь, понесенныхъ въ тотъ день, всѣ части русской арміи настолько разстроены (во многихъ полкахъ оставалось въ живыхъ по нѣсколько десятковъ человѣкъ), что ихъ необходимо было привести въ порядокъ и пополнить новыми подкрѣпленіями, прежде чѣмъ вступать въ дальнѣйшую борьбу съ Французами; а потому рѣшено было въ ту же ночь отступить далѣе, по Московской дорогѣ. Всѣ еще вѣрили въ то, что русскія войска еще разъ сразятся съ врагомъ подъ стѣнами Москвы, но, четыре дня спустя, на военномъ совѣтѣ въ дер. *Филяхъ* (подъ Москвой) рѣшено было, что древняя столица будетъ уступлена Французамъ безъ боя. И дѣйстви-



Памятникъ на Бородинскомъ полѣ (Моск. губ. Можайск. уѣзда).

тельно, 2 сентября русскія войска стали проходить черезъ Москву, направляясь на Рязанскую дорогу, а за ними, почти по пятамъ ихъ, вступили въ Москву Французы—и нашли городъ опустѣвшимъ и покинутымъ жителями.

Наполеонъ въ Москвѣ.

Наполеонъ, долго любовавшійся съ ближайшихъ высотъ на Москву, блиставшую вдали золотыми куполами своихъ храмовъ, поспѣшилъ въ нее въѣхать, окруженный блестящею свитою и увѣренный въ томъ, что въ Москвѣ все населеніе встрѣтитъ его такъ же торжественно и раболѣпно, какъ встрѣчали его въ другихъ европейскихъ столицахъ, когда онъ въ нихъ въѣзжалъ побѣдителемъ. И вдругъ, къ величайшему изумленію, ему донесли, что Москва покинута жителями, что казенное имущество и важнѣйшія драгоцѣнности изъ Москвы вывезены, а запасы уничтожены. Сумрачный сошелъ онъ съ коня въ Кремлѣ и остановился въ Царскомъ дворцѣ.

Пожаръ Москвы.

Но здѣсь ему пришлось оставаться не долго. Уже на другой день опустѣвшая Москва запылала—сначала въ одномъ концѣ города, потомъ въ другомъ. Французы задумали тушить пожары, но оказалось, что пожарные инструменты изъ города увезены, а русскіе сами поджигаютъ городъ въ разныхъ мѣстахъ. На слѣдующій день пожаръ усилился и уже 4 сентября вся Москва была такъ объята пламенемъ, что самому Наполеону пришлось переселиться въ загородный дворецъ (Петровскій) и оттуда слѣдить за быстрымъ и разрушительнымъ дѣйствіемъ всепожирающаго пламени. Не прошло и 5—6 дней, какъ уже отъ всей громадной столицы уцѣлѣла только $^1/_{10}$ часть ея.

Начало народной войны.

Гораздо страшнѣе этого московскаго пожара было то, въ сущности, совершенно безвыходное положеніе, въ которое они были поставлены Наполеономъ. Для всѣхъ становилось вполнѣ яснымъ, что русскіе и не помышляютъ о мирѣ, а между тѣмъ продолжать съ Россіей войну было невозможно. Нельзя было также и оставаться на зимовку въ Москвѣ, совершенно выжженной, и притомъ не имѣя запасовъ; а самый подвозъ запасовъ въ Москву къ концу сентября оказался не только чрезвычайно затруднительнымъ, но даже почти невозможнымъ, такъ какъ въ подмосковныхъ губерніяхъ всюду поднялся народъ и началась *народная война* противъ Французовъ, вызванная манифестами государя, изданными въ Москвѣ и призывавшими весь народъ къ ополченію противъ общаго врага. И это была война грозная, безпощадная,—война на-смерть! Жители бросали жилища, укрывались со своимъ имуществомъ и семьями въ лѣсахъ, истребляя все, что не могли захватить съ собою. Затѣмъ, вооружившись чѣмъ попало,—вилами, топорами, дубьемъ,—они выходили изъ лѣсовъ, нападали на курьеровъ и на мародеровъ, а впослѣдствіи, сплотившись въ цѣлыя шайки, стали нападать уже на небольшіе отряды и транспорты. И это народное возстаніе все росло и крѣпло, и обратилось наконецъ въ весьма грозную силу, дѣйствовавшую чрезвычайно стойко и дружно, при болѣе или менѣе правильной организаціи, подъ руководствомъ помѣщиковъ, старшинъ, даже священниковъ и женщинъ. Имена многихъ изъ такихъ вождей народнаго ополченія—Энгельгарда и Шубина *), Бо-

*) Смоленскихъ помѣщиковъ, разстрѣлянныхъ по приказанію Наполеона за участіе въ народной войнѣ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно:

Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Никакія пріемлемыя НАМИ мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ничемъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не переставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ приготовя сильное воинство и приумножа оное Австрійскими, Прускими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Италіянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками, угрозами и страхомъ приневоленными, со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли НАШЕИ. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, сожженные города и селы, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и олтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и лютости, открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Россійское раждало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ Свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями, мнилъ потрясть вѣрность къ Престолу, поруганіемъ же Святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру, и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ пагубные свои замыслы, и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь Свѣтъ обратилъ глаза на страждущее НАШЕ Отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми НАШИМИ войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить, и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и по-

гибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей Святыни Его! Внимая съ Отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ МЫ теплое и усердное благодареніе Источнику и Подателю всѣхъ отрадъ Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность НАШУ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія, и главною частію или истреблены или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ тюмъ содѣйствовали. Храбрыя войски НАШИ вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію Государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только Рускому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расторгала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ Графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній Главнокомандующаго и другихъ Генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли МЫ, что во многихъ Губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей, и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимыя ими удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ НАШИМЪ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтныхъ дѣтей, а сами вооружась и поклявшись предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, МЫ вмѣстѣ съ православною Церковію и Святѣйшимъ Синодомъ и Духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся что естьли неукротимый врагъ НАШЪ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ НАШИМЪ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ Свѣтомъ благодарность НАШУ, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому. Данъ въ Санктпетербургѣ въ 3 й день мѣсяца Ноября въ лѣто отъ Рождества Христова 1812, Царствованія же НАШЕГО во второенадесять.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано тако

АЛЕКСАНДРЪ.



Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Ноября дня 1812 года.


Клинъ
Дмитровъ
Сергиевский посадъ
Городищи
Оз. Сенежъ
Пятница Берендьевская
Волоколамскъ
Воскресенскъ
Середа Стратилатская
Городищи
Руза
Звенигородъ
Можайскъ
Борисовъ Городокъ
Верея
Боровскъ
М. Ярославецъ
Серпуховъ
Подольскъ
Бронницы
Богородскъ
Коломна
МОСКВА
Городищи
Городокъ
Воздвиженское
Раменково
Талицы
Братовщина
Пушкино
Берлюковская
Вохна (Павловский посадъ)
Гжель
Боровский перевозъ
Ивань
Кольчево
Похрино
Шубино
Степановское
Пять Кресловъ
Похряне
Добаково
Черкизово
Мещеринково
Копеево
Голочелово
Городня
Голутвинский
Давидова
Хотунь
Высоцкая сл.
Владычня сл.
Тарутино
Винъково
Спасъ Купля
Молоди
Красная пахра
Дубровицы
Бородино
Крымское
Бубенское
Городокъ
Воминское
Борщевский
Фаустово
Козьмо Демьянский
Поздняковъ
Усмерский
Перервинская сл.
Угрешский
Царицыно
Остров
Ягодово
Андреевское
Люберицы
Кожухово
Влахернское
Котлы
Коломенское
Шепиловская плотина
Красное
Екатерининская
Лесокъ
Филя
Трищикое
Воробьево
Крылатское
Павловское
Всесвятское
Тушино
Марьино
Покровское
Ростокино
Лукьяновское
Измайлово
Черкизово
Андроньевъ
Пустово
Покино
Тайнинское
Медведково
Б. Мытищи
Городищи
Городищи
Город

Партизанскіе отряды.



Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.



А. О. Фигнеръ.

гуславскаго, Нахимова, Храповицкаго, Семичева, Іоанна Скобѣева, Герасима Курина, старостихи Василисы — сдѣлались историческими и сохранились въ памяти потомства.

Въ помощь народу появились и правильно организованные *партизанскіе отряды*, подъ командою опытныхъ офицеровъ—Дениса Давыдова, Сеславина и Фигнера; эти отряды, явившіеся въ періодъ времени между битвою при Бородинѣ и битвою при Тарутинѣ, мало-помалу разрастаясь, охватили наконецъ все расположеніе Французовъ въ Москвѣ, съ сѣвера и юга. Чрезвычайно удачныя, быстрыя и притомъ почти неуловимыя дѣйствія первыхъ партизанскихъ отрядовъ побудили Кутузова къ тому, что, занявъ на юго-западъ отъ Москвы тарутинскую позицію, онъ обратился къ партизанскимъ дѣйствіямъ, какъ къ одному изъ главныхъ средствъ для борьбы съ Наполеономъ, засѣвшимъ въ Москвѣ. И вотъ у первыхъ предводителей партизанскихъ отрядовъ явились достойные подражатели и продолжатели ихъ дѣла:—князь Вадбольскій, фонъ-Визинъ, генералъ Дороховъ, князь Кудашевъ, полковники Ефремовъ и Фиглевъ, и многіе другіе.

Овладѣвъ всѣми дорогами въ тылу непріятеля, пропзводя безпрестанно набѣги, появляясь неожиданно то тутъ, то тамъ, они не давали покоя Французамъ, отбивая обозы съ припасами, уничтожая разъѣзды и нападая на отдѣльные отряды фуражировъ. Между партизан-

скими отрядами и шайками народнаго возстанія установилось величайшее единеніе и даже нѣкотораго рода солидарность въ дѣйствіяхъ. Партизаны, быстро передвигаясь съ мѣста на мѣсто, поддерживали одушевленіе въ народѣ, снабжали его порохомъ и оружіемъ, отбитыми у непріятеля, а народъ доставлялъ партизанамъ припасы, проводниковъ и поддерживалъ ихъ дѣйствія всюду, гдѣ то было нужно. Такимъ образомъ изъ партизанскихъ отрядовъ и народныхъ шаекъ, мало-по-малу, образовалось вокругъ Москвы двойное кольцо, державшее Французовъ въ тѣсной блокадѣ.

Такое положеніе Французовъ въ Москвѣ становилось совершенно невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что и потери, понесенныя ими во время 5-недѣльнаго пребыванія въ Москвѣ, были чрезвычайно велики; о нихъ можемъ судить по слѣдующимъ достовѣрнымъ цифрамъ: французская армія вступила въ Москву 2 сентября въ числѣ около 100,000, получила во время стоянки въ Москвѣ около 30,000 подкрѣпленія, и все же выступила изъ Москвы, въ началѣ октября, въ числѣ 107,000 человѣкъ. Слѣдовательно, общая убыль французской арміи за этотъ періодъ, причиненная исключительно партизанами и народными шайками, доходила почти до 25,000 человѣкъ!

Мирныя предложенія Наполеоан.

Наполеонъ видѣлъ, что армія его находится въ положеніи бѣдственномъ и даже болѣе того—въ положеніи опасномъ; но онъ все еще льстилъ себя надеждою на то, что со стороны императора Александра послѣдуютъ мирныя предложенія. Однакоже время шло, а ни о какихъ предложеніяхъ мира съ русской стороны не было и помина; но вотъ, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ самъ рѣшился сдѣлать мирныя предложенія Александру—и отправилъ съ этими предложеніями къ Кутузову генерала Лористона. Кутузовъ не принялъ предложеній, ссылаясь на то, что не имѣетъ на этотъ предметъ полномочій, и весьма энергично добавилъ отъ себя:

«На меня обрушилось бы проклятіе потомства, если бы можно было предположить, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію: таково въ настоящее время настроеніе всего нашего народа».

При этомъ, однакоже, хитрый Кутузовъ, желая все же продлить еще на нѣкоторое время пребываніе Наполеона въ Москвѣ, отвѣчалъ Лористону, что донесетъ обо всемъ государю; но на-отрѣзъ отказалъ въ перемиріи, которое предлагалъ Наполеонъ, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга.

Планъ императора Александра.

Само собою разумѣется, что о перемиріи не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ это время императоръ Александръ, уже вполнѣ увѣренный въ торжествѣ надъ врагомъ, составлялъ планъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ русскихъ арміи, направленнаго къ тому, чтобы окончательно преградить Наполеону выходъ изъ Россіи. Планъ этотъ уже былъ доставленъ Кутузову, вмѣстѣ съ настоятельнымъ требованіемъ перехода къ наступленію, которое и самъ Кутузовъ считалъ необходимымъ, въ виду того положенія, въ какое приведена была его армія, щедро пополненная резервами, въ изобиліи снабженная всѣмъ необходимымъ и вполнѣ успѣвшая отдохнуть отъ перенесенныхъ ею боевъ и тягостей похода.

Бой подъ Тарутинымъ.

Цѣлью наступленія былъ избранъ выдвинутый Наполеономъ изъ Мо-

сквы авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, отдалившійся отъ главныхъ силъ почти на 60 верстъ въ томъ же юго-западномъ направленіи, въ какомъ избрана была и Кутузовымъ его Тарутинская позиція. Войска Мюрата стояли такъ безпечно, что представлялось возможнымъ отрѣзать ихъ отъ главныхъ силъ и уничтожить, подавивъ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ. Но планъ, хорошо задуманный, былъ очень сложнымъ, выполненіе его было затруднено движеніемъ по дорогамъ, испорченнымъ осеннею распутицей—и, вмѣсто одновременнаго нападенія съ разныхъ сторонъ, это нападеніе произведено было преждевременно однимъ изъ отрядовъ, который опрокинулъ три французскихъ полка и захватилъ у непріятеля 38 орудій. Напуганный этимъ нападеніемъ, Мюратъ понялъ опасность своего положенія и поспѣшилъ отступить, чѣмъ и избавился отъ приготовленной ему западни.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы. Его планъ.

Извѣстіе о Тарутинскомъ боѣ, полученное Наполеономъ, побудило его тотчасъ же сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ общему выступленію арміи изъ Москвы. Это выступленіе началось еще 6-го октября вечеромъ. Съ авангардомъ Мюрата и корпусомъ Жюно, находившимся въ Можайскѣ, въ арміи Наполеона было въ это время еще 107,000 человѣкъ; но артиллерійскія и кавалерійскія лошади были страшно изнурены и армія была затруднена въ движеніи огромными обозами и множествомъ экипажей, нагруженныхъ награбленной въ Москвѣ добычей.

Планъ отступленія, избранный Наполеономъ, былъ чрезвычайно ловко придуманъ. Наполеонъ предположилъ обойти русскую армію съ лѣваго фланга, по *новой Калужской дорогѣ* (съ этою цѣлью онъ еще разъ отправилъ нѣкоторыя части войскъ къ с. Ѳоминскому), и самъ хотѣлъ двинуться съ главными силами сначала по *старой Калужской дорогѣ*, соединиться съ авангардомъ Мюрата, а потомъ, перейдя на *новую Калужскую дорогу* — выйти на путь, ведущій отъ Калуги къ Смоленску. Другими словами, Наполеонъ имѣлъ въ виду отбросить нашу армію на югъ, чтобы очистить себѣ путь для свободнаго отступленія на западъ. По заключенію одного военнаго авторитета (и весьма справедливому!), въ этомъ сложномъ движеніи Наполеонъ, быть-можетъ, «преслѣдовалъ еще и побочную цѣль: онъ желалъ придать своему отступленію *форму наступленія* противъ русской арміи, и такимъ образомъ на время прикрыть въ глазахъ своей арміи начало этого отступленія».

Кутузовъ угадываетъ намѣреніе Наполеона.

Итакъ—отступленіе было начато; но простая случайность разрушила всѣ планы, такъ прекрасно обдуманные Наполеономъ. Въ то время, когда появленіе французскихъ отрядовъ у Ѳоминскаго было сочтено за частную попытку наступленія съ ихъ стороны, и противъ нихъ былъ двинутъ незначительный корпусъ Дохтурова,—партизанъ Сеславинъ донесъ, что въ Ѳоминскомъ видѣлъ самого Наполеона и что *вся французская армія двигается къ Мало-Ярославцу*. Эти важныя свѣдѣнія, полученныя во-время, спасли корпусъ Дохтурова и дали возможность нашей арміи своевременно перейти изъ Тарутинскаго лагеря на новую Калужскую дорогу, гдѣ она и заслонила путь Наполеону на югъ у Мало-Ярославца.

Наступленіе Русскихъ.

Здѣсь, при *Мало-Ярославцѣ*, 12 октября, произошелъ ожесточенный бой между передовыми частями обѣихъ армій, длившійся 18 часовъ сряду.

Во время его Мало-Ярославецъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и, хотя, наконецъ остался за Французами, но пробиться на югъ Наполеону не удалось; притомъ онъ встрѣтилъ такой отпоръ отъ русской арміи,



Наполеонъ незадолго до выступленія изъ Москвы.
Съ натуры рисовано А. Адамомъ.

что понялъ безполезность дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи и, послѣ нѣкотораго колебанія, двинулся къ Боровску.

Къ концу боя подъ Мало-Ярославцемъ, вся русская армія, въ полномъ составѣ, была сосредоточена въ $2^1/_2$ верстахъ отъ этого города. Эта армія, въ данную минуту, представляла грозную силу, по сравненію съ главными силами Наполеона, стянутыми подъ Мало-Ярославцемъ: у Наполеона здѣсь было всего 63,000 при 360 орудіяхъ, съ весьма слабыми и изнуренными запряжками; у Кутузова — 97,000, при 600 орудіяхъ, и 20,000 казаковъ. Этотъ громадный перевѣсъ въ силахъ побуждалъ многихъ въ арміи Кутузова подавать голосъ въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій и необходимости дать генеральное сраженіе. Но благоразумный и осторожный Кутузовъ предпочелъ воздержаться отъ этого соблазна, от-

лично понимая, что армія Наполеона и сама по себѣ уже начинаетъ разрушаться. Къ чему же было торопиться и рисковать, жертвуя людьми? «Tout cela fondra sans moi» (все это и безъ меня рухнетъ, само собой),— говорилъ Кутузовъ, охлаждая пылъ своихъ молодыхъ соратниковъ, и послѣ боя подъ Мало-Ярославцемъ продолжалъ держаться той же системы дѣйствій. Прикрывая путь на Калугу, гдѣ собраны были большіе запасы, онъ не пошелъ по пятамъ Наполеона, а предпочелъ такъ-называемое «*параллельное преслѣдованіе*», при которомъ постоянно угрожалъ ему обходомъ въ каждой данной точкѣ; это вынуждало непріятеля, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ, идти безостановочно, усиленными переходами, что должно было неминуемо привести армію Наполеона въ полное разстройство и истомить ее до крайности, тѣмъ болѣе, что переходъ (въ 260 верстъ) отъ Можайска до Смоленска приходилось совершать по дорогѣ, совершенно разоренной, безъ всякихъ средствъ къ продовольствію арміи. Напротивъ того, русская армія двигалась южнѣе арміи Наполеона, шла по окраинѣ нетронутыхъ войною областей и получала продовольствіе легко и въ изобиліи.

Хотя Наполеонъ и избѣгалъ вступать съ Кутузовымъ въ битву, однакоже онъ видѣлъ себя вынужденнымъ пробивать себѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ дорогу, которую пытались у него отрѣзать Русскіе. Новыя упорныя битвы послѣдовали, такимъ образомъ, подъ *Вязьмой* и подъ *Краснымъ*, гдѣ онѣ длились даже четыре дня сряду и привели въ окончательное разстройство Наполеоновскую армію *).

Бѣдственное отступленіе къ Березинѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ сраженій, армія Наполеона, вынужденная переносить страшныя лишенія и отъ голода, и отъ суровыхъ холодовъ, наступившихъ очень рано, стала отступать поспѣшно и въ безпорядкѣ. Бѣдствія, претерпѣваемыя въ теченіе этого отступленія, были совершенно невыносимы: люди гибли во множествѣ; дисциплина и связь между отдѣльными частями были окончательно нарушены—каждый думалъ только о себѣ и о своей безопасности. Эти бѣдствія были уже столько разъ передаваемы въ историческихъ сочиненіяхъ со словъ современниковъ и очевидцевъ, случайно избѣгнувшихъ гибели въ этомъ несчастномъ походѣ, что мы уже не станемъ повторять давно извѣстное. Достаточно будетъ сказать, что береговъ Березины изъ всей арміи Наполеона достигла едва-ли десятая часть: около 36,000 пѣхоты (конница уже не существовала болѣе). Но и здѣсь ожидало отступающихъ страшное бѣдствіе:—три русскія арміи, съ трехъ разныхъ сторонъ, спѣшили преградить имъ путь при переправѣ. Если бы задуманный планъ былъ выполненъ въ точности, то ни одинъ непріятель не могъ бы выйти изъ предѣловъ Россіи! Но, вслѣдствіе несогласія между лицами, приближенными къ главнокомандующему, произошло замѣшательство въ распоряженіи отдѣльными отрядами войскъ, и Французамъ удалось прорваться къ переправѣ. По двумъ наведеннымъ мостамъ, въ теченіе трехъ дней безостановочно двигалась безпорядочная масса войскъ всѣхъ родовъ оружія, повозокъ, обозныхъ тѣлегъ, зарядныхъ ящиковъ и всякаго сброда,

*) Во время битвы подъ *Краснымъ*, съ 3—6 ноября, Русскими взято было въ плѣнъ 26,000 чел. и отбито 126 орудій.

слѣдовавшаго за арміею. Бѣдствія при этой переправѣ были тоже неописуемыя; Русскимъ досталось все—обозы и артиллерія непріятеля, и вся громадная добыча, награбленная разноплеменною арміею Наполеона въ Москвѣ. Около 20,000 человѣкъ погибли при переправѣ, попались въ плѣнъ или пали въ битвѣ съ Русскими. За Березиной началось уже не отступленіе, а безпорядочное и нестройное бѣгство «великой арміи», которую по пятамъ преслѣдовали казаки и губили жестокіе морозы. Только гвардія Наполеона, въ количествѣ около 10,000 чел., перешла русскую границу въ стройномъ порядкѣ *). Это былъ единственный остатокъ громадныхъ полчищъ Наполеона, за полгода передъ тѣмъ такъ грозно вторгнувшихся въ предѣлы Россіи! Вслѣдъ за нимъ границу перешли нестройныя толпы несчастныхъ, оборванныхъ, голодныхъ и искалѣченныхъ воиновъ, о которыхъ вѣрное понятіе даетъ намъ одна изъ современныхъ гравюръ. Трудно было бы съ полною точностію исчислить все то количество человѣческихъ жертвъ, которыя были поглощены этимъ безразсуднымъ предпріятіемъ! Но даже и отдѣльныя цифры, сохраненныя на память потомству вполнѣ достовѣрными свидѣтелями и источниками, способны привести въ ужасъ каждаго, хотя бы и весьма равнодушнаго человѣка. Такъ,



Остатки французской арміи на обратномъ пути въ отечество въ 1813 году.
Рисовано съ патуры и гравировано Гейслеромъ.

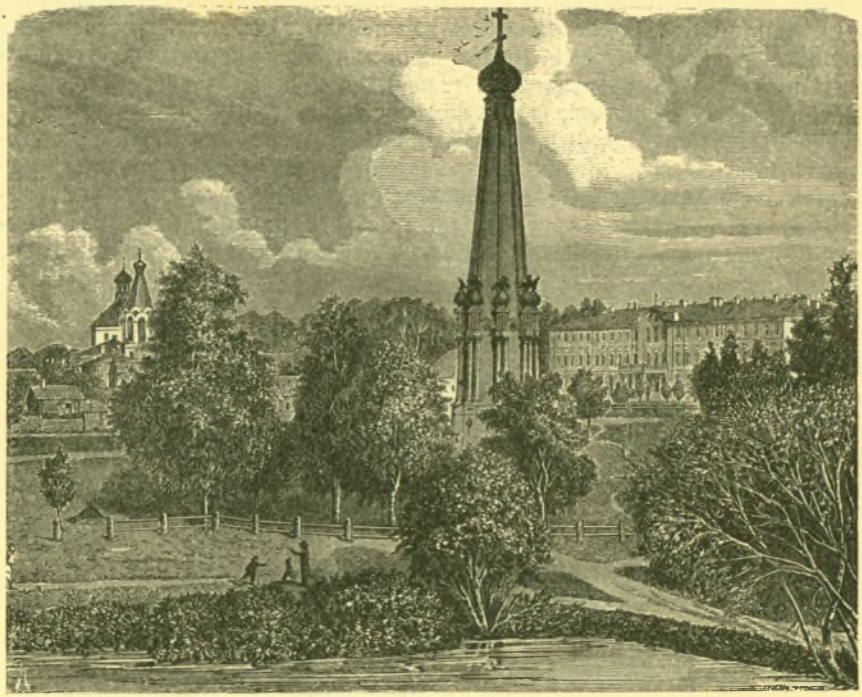
напр., мы знаемъ что на пространствѣ одной только Смоленской губ. было сожжено и зарыто 169,000 труповъ человѣческихъ и 110,000 убитыхъ лошадей... И едва-ли одна двадцатая часть всей «великой арміи» (включая въ то число и возвратившихся изъ плѣна) уцѣлѣла отъ страшнаго погрома. Только тѣ корпуса, которые составляли крылья великой арміи и состояли, какъ намъ уже извѣстно, изъ Австрійцевъ и Пруссаковъ, пострадали очень мало, такъ какъ вообще мало участвовали въ дѣйствіи.

Наполеонъ въ Парижѣ.

Наполеона давно уже при арміи не было, такъ какъ онъ видѣлъ, что все потеряно. Онъ уже давно сознавалъ, что ему пора вернуться во Францію, въ центръ его имперіи. Еще 6 ноября, подъ Смоленскомъ, онъ получилъ извѣстіе о страшномъ происшествіи 23 октября въ Па-

*) Наполеонъ покинулъ армію ранѣе (23 ноября). Онъ уѣхалъ изъ Вильны, скрытно ото всѣхъ, и поспѣшилъ перебраться черезъ русскую границу.

рижѣ. Въ этотъ день, одинъ изъ арестованныхъ по политическимъ соображеніямъ, полу-сумасшедшій республиканскій генералъ Малэ успѣлъ какъ-то ускользнуть изъ своей тюрьмы, распустилъ слухъ о смерти Наполеона и, въ сообществѣ съ нѣсколькими другими сумасбродами и легковѣрными людьми, напалъ на министерство юстиціи и арестовалъ самого министра, герцога де-Ровиго. Нѣсколько часовъ спустя эта пустая затѣя были уничтожена и Малэ—опять въ заточеніи; а восемь дней спустя



Памятникъ 1812 года въ Смоленскѣ.

онъ былъ и казненъ съ 13 своими сообщниками. И хотя эта безумная попытка была подавлена прежде даже, нежели о ней успѣлъ узнать весь Парижъ, однакоже извѣстіе о ней произвело на Наполеона непріятное впечатлѣніе. Въ особенности же оскорбляло его то, что никто, повидимому, и не вспомнилъ, что, въ случаѣ смерти Наполеона I, его наслѣдникомъ являлся Наполеонъ II. При этомъ онъ очень хорошо понималъ, что его послѣдняя неудача должна была произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на умы въ Германіи и что слѣдуетъ ожидать здѣсь важныхъ послѣдствій этого впечатлѣнія, какъ о томъ его, впрочемъ, и предупреждали его приближенные—маршалъ Даву и несчастный король Вестфальскій. Онъ все же не сознавалъ еще, какъ велика была грозившая ему опас-

ность—не сознавалъ и того, что возбудилъ противъ себя такія нравственныя силы, о которыя должно было неминуемо разбиться его могущество.

Какъ бы то ни было, но онъ покинулъ армію, и никогнито переѣхавъ черезъ всю Европу, 19 декабря уже былъ въ Парижѣ. За два дня передъ тѣмъ былъ обнародованъ 29-й бюллетень его. Онъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ: въ немъ упоминалось, что лошади падали тысячами, но о другихъ потеряхъ говорилось очень неопредѣленно, и, между прочимъ, вскользь, о тысячахъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ томъ или другомъ сраженіи. Въ заключеніе бюллетеня было сказано: «здоровье его величества никогда не было лучше нынѣшняго».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Таурогенская конвенція. — Пруссія поднимается противъ Наполеона. — Война съ Наполеономъ до перемирія.

Впечатлѣнія предшествующихъ событій. Послѣдствія.

Мы привыкли представлять себѣ исторію человѣчества въ видѣ большой драмы, которой сцены и образы чередуются передъ нами быстро, въ извѣстной, для всѣхъ очевидной связи причины и слѣдствія:—поэтому, мы можемъ себѣ вообразить, что когда декабремъ 1812 г. закончился одинъ актъ этой поразительной драмы и занавѣсъ опустился надъ обильною жатвою смерти на снѣжныхъ поляхъ Россіи, то при слѣдующемъ подъемѣ занавѣса сцена должна была быстро измѣниться, и Европа должна была бы предстать передъ нами въ разгарѣ возстанія противъ всемірнаго Наполеонова владычества, въ разгарѣ приготовленій къ освобожденію. Однакоже дѣло, въ дѣйствительности, никакъ не могло пойти такъ скоро, потому что много было разнородныхъ препятствій къ его осуществленію. Жизнь текла тогда не такъ быстро, какъ течетъ теперь, когда мы привыкли о каждомъ важномъ событіи узнавать во всѣхъ концахъ міра черезъ нѣсколько минутъ, даже секундъ послѣ его совершенія, и эта быстрота сообщенія приводитъ къ столь же быстрымъ откликамъ, вызываемымъ событіями. Не то было тогда:—тогда не трудно было всѣмъ отвести глаза и лживыми бюллетенями прикрыть тягостное и даже отчаянное положеніе, въ которое поставленъ былъ Наполеонъ походомъ въ Россію. Въ правящихъ кругахъ уже съ первыхъ чиселъ ноября получены были кое-какія болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія: русскій агентъ, спеціально посланный въ Вѣну, открылъ тамошнему правительству истинное положеніе дѣлъ. Что же касается большинства публики, то, хотя она и была встревожена разными неопредѣленными слухами и даже явнымъ отсутствіемъ болѣе подробныхъ извѣстій, однакоже она впервые уяснила себѣ истину только тогда, когда узнала, что императоръ Наполеонъ, 15 декабря, прибылъ неожиданно въ Дрезденъ и, не остановившись здѣсь, проѣхалъ въ Парижъ. И только весьма постепенно

всѣ стали узнавать о подробностяхъ катастрофы,—и все же были еще весьма далеки отъ сознанія ужаса всего совершившагося.

Австрія.

Къ Австріи еще въ ноябрѣ 1812 г. обращено было со стороны русскаго правительства требованіе—порвать связь съ Наполеономъ, и прусскій посолъ при Вѣнскомъ Дворѣ, Гумбольдтъ, со своей стороны также получившій подробныя свѣдѣнія, настаивалъ на томъ же. Казалось бы, что для правителя, пережившаго то, что со временъ Кампо-Формійскаго договора, со временъ Ульма, Аустерлица и Ваграма пережилъ императоръ Францъ-Іосифъ, было бы весьма естественнымъ, въ данную минуту, пожелать возвращенія всего утраченнаго и возможно бо́льшаго ограниченія столь вреднаго для всей Европы могущества Наполеонова, а о тѣхъ опасностяхъ, какія современемъ могли грозить со стороны Россіи или Пруссіи — на время отложить всякіе помыслы. Но въ томъ-то и бѣда, что душа такихъ людей, какъ императоръ Францъ-Іосифъ и его правая рука, графъ Меттернихъ, недоступна никакому мужественному настроенію, никакому сознанію государственнаго достоинства. Они видѣли, конечно, что ихъ положеніе улучшается: имъ было ясно, что теперь союзъ съ Австріей пріобрѣтаетъ большую цѣну и что эта цѣна должна еще болѣе возрасти, если хватитъ ума и терпѣнія на выжиданіе. И вотъ потому именно Австрія удовольствовалась лишь тѣмъ, что Шварценбергу, командовавшему австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ въ Россіи, приказано было передъ русскими войсками отступать все далѣе и далѣе, очистить даже и Варшаву, и, весьма некстати, отпустить состоявшихъ у него подъ командою Саксонцевъ на родину.



Графъ Іоркъ фонъ-Вартенбургъ.
Писалъ В. Вольце, гравировалъ Л. Якоби.

Пруссія. Іоркъ.

Гораздо болѣе затруднительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обнадеживающимъ бы-

ло положеніе Пруссіи. Однакоже и здѣсь правительство и король, и всѣ его окружающіе, не слишкомъ скоро пришли къ опредѣленному рѣшенію:—положеніе Пруссіи, послѣ Тильзитскаго мира, было такое, что для этого государства оставался только одинъ выборъ — или полная побѣда, или полная гибель. Въ Берлинѣ, на виду у французскихъ оккупаціонныхъ войскъ, въ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія событій и ихъ потрясающаго впечатлѣнія, долгое время не могли освоиться съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Надо было, чтобы какой-нибудь смѣльчакъ подалъ другимъ примѣръ: — такой смѣльчакъ и нашелся въ лицѣ командира прусскаго вспомогательнаго корпуса, подчиненнаго французскому главнокомандующему, — генералъ *Гансъ-Давидъ-Лудвигъ фонъ-Іоркъ*. Онъ родился въ 1759 г.; отецъ его былъ офицеромъ при Фридрихѣ Великомъ и принималъ участіе во всѣхъ его походахъ. И въ сынѣ его, человѣкѣ образованномъ и бываломъ, рано явилась охота къ военной службѣ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, съ честью носившихъ прусскій мундиръ во время несчастныхъ войнъ Пруссіи съ Наполеономъ. Строгій, твердый, проникнутый сознаніемъ патріотическаго и военнаго долга, онъ всѣми силами заботился о томъ, чтобы не уронить честь Пруссіи въ томъ тягостномъ положеніи, въ которое онъ былъ поставленъ, какъ командиръ прусскаго вспомогательнаго корпуса, подчиненнаго французскому главнокомандующему Макдональду. Когда же великая катастрофа совершилась и ея вліяніе стало ощутительно и на корпусѣ Макдональда, Іоркъ увидѣлъ себя въ положеніи человѣка, къ которому одновременно съ двухъ сторонъ обращались съ совершенно противуположными предложеніями и требованіями. Французы, до того времени относившіеся къ нему не особенно милостиво, вдругъ перешли къ самой дружеской предупредительности: онъ получилъ въ концѣ ноября 1812 г. офицерскій крестъ Почетнаго Легіона; затѣмъ награду въ 20,000 фр.; ему дали понять, что въ будущемъ его ожидаетъ командованіе отдѣльнымъ отрядомъ и маршальскій жезлъ:—для Французовъ въ высшей степени было важно сохранить неприкосновенною въ Курляндіи сплоченную воинскую силу, корпусъ Макдональда, численность котораго достигала 27,000 чел. Около того же времени и со стороны Россіи были сдѣланы Іорку первыя предложенія—порвать связь съ Французами и перейти на сторону Русскихъ, интересы коихъ были вполнѣ тождественны съ прусскими. Для того, чтобы ознакомиться ближе съ положеніемъ дѣлъ, Іоркъ отправилъ лейтенанта Каница въ Вильну, и тотъ, возвратившись къ нему 8-го декабря, выяснилъ полную картину гибели «великой арміи». Затѣмъ, съ одной стороны, Дибичъ, начальствовавшій русскимъ отрядомъ, наступавшимъ на Пруссаковъ, отходившихъ къ Кенигсбергу, дѣлалъ ему свои предложенія, поддерживаемыя нѣмецкими патріотами, находившимися въ русскомъ войскѣ, графомъ Дона, Кляузевицомъ и т. д.,— и эти предложенія, которымъ онъ и безъ того сочувствовалъ, представлялись ему весьма привлекательными. Съ другой стороны:—изъ Берлина не приходило никакихъ распоряженій, и всѣ его просьбы относительно инструкцій оставались безъ отвѣта; а онъ, какъ истый солдатъ, не рѣшался по собственной своей волѣ сдѣлать самостоятельно такой шагъ, который долженъ былъ имѣть не столько

военное, сколько политическое значеніе. Какъ бы для того, чтобы ускорить его рѣшеніе, послѣдовалъ ему отъ Макдональда приказъ: какъ можно скорѣе двинуться къ Тильзиту, при чемъ ему надо было неизбѣжно пробиться черезъ русскія войска... И вотъ—онъ принялъ наконецъ рѣшеніе.

Таурогенская конвенція.

30 декабря, на мельницѣ, близъ Таурогена, онъ заключилъ съ генераломъ Дибичемъ, въ присутствіи Дона и Кляузевица, конвенцію и этотъ договоръ былъ первымъ шагомъ къ разрыву связи, установившейся между прусскою и французскою арміями. По *Таурогенской конвенціи* прусскій вспомогательный корпусъ долженъ былъ остаться нейтральнымъ и занимать территорію между Мемелемъ, Тильзитомъ и Гаффомъ, пока не получено будетъ иное распоряженіе отъ короля: въ случаѣ же, если бы король приказалъ вновь присоединиться къ Французамъ, то корпусъ обязывался въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ не участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Значеніе подобнаго дополнительнаго условія было всѣмъ вполнѣ понятно. Однакоже Прусское государство никакъ не могло такъ быстро на что-нибудь рѣшиться: король Прусскій, конечно, не могъ позабыть того, что 6,000 Французовъ, подъ командою суроваго Ожеро, близёхонько отъ его резиденціи, занимаютъ Берлинъ гарнизономъ, и потому отнесся съ порицаніемъ къ поступку Іорка, приказавъ предать его военному суду; и государственный канцлеръ, узнавъ о конвенціи и передавая о ней французскому послу, старался выказать себя негодующимъ и озабоченнымъ. Однакоже, такъ какъ Русскіе не пропустили черезъ свои линіи того офицера, который везъ немилостивый указъ королевскій, то Іоркъ не получилъ о немъ никакого офиціальнаго увѣдомленія и на время могъ его вполнѣ игнорировать. Его положеніе было болѣе чѣмъ незавидно: онъ ставилъ на карту не только жизнь свою, но и честь, и честь ввѣренной ему части — и настроенъ былъ, конечно, весьма мрачно.

Возстаніе въ Восточной Пруссіи.

Но рѣшительный шагъ Іорка уже нашелъ себѣ отголосокъ въ провинціи и вызвалъ горячее одушевленіе. Дѣло не ограничилось только одной капитуляціей:—Іорку вскорѣ удалось даже пополнить свой корпусъ. 21 января въ Кенигсбергъ явился баронъ фонъ-Штейнъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ императора Александра, и, при содѣйствіи восточно-прусскихъ патріотовъ—Шёна, Дона, Ауерсвальда—сдѣланъ былъ весьма важный по своимъ послѣдствіямъ шагъ: генеральный сеймъ Восточно-Прусской провинціи былъ созванъ въ Кенигсбергѣ на 5-е февраля 1813 г. Сеймъ собирался теперь не по королевскому приказу или соизволенію: непосредственное чувство національной гордости, сознаніе того, что дѣло идетъ о будущности государства, непосредственное побужденіе нравственное (тотъ «категорическій императивъ», о которомъ говоритъ Эммануилъ Кантъ) — вотъ во имя чего собрались эти люди. Это было настоящее собраніе представителей народа и обсуждало оно не какія-нибудь избитыя офиціальныя тэмы, а такое рѣшеніе, которое не могъ не одобрить король, потому что оно было лучшимъ выраженіемъ вѣрности ему народа. На этомъ сеймѣ объявлено было о поголовномъ вооруженіи— о призывѣ къ оружію ландштурма и ландвера, къ которому тотчасъ же и приступили. Эрнстъ-Морицъ Арндъ, прибывшій на сеймъ вмѣстѣ съ



Александръ I, императоръ Всероссійскій.

Штейномъ, заговорилъ даже съ горячимъ одушевленіемъ о «священной германской рѣкѣ», которую предстояло отвоевать у Французовъ. И все населеніе провинціи не отстало отъ своихъ представителей въ самоотверженномъ одушевленіи. Несмотря на то, что эта провинція, въ послѣднюю войну, пострадала болѣе всѣхъ другихъ, рѣшено было, что изъ каждыхъ 26 человѣкъ одинъ долженъ идти подъ ружье. Шагъ этотъ былъ очень смѣлымъ—и въ высшихъ политическихъ сферахъ на него откликнулись не скоро. *Англійское правительство* не воспользовалось этимъ въ высшей степени благопріятнымъ моментомъ съ тою поспѣшностью и настойчивостью, какія въ данномъ случаѣ были необходимы; еще менѣе можно было ожидать отъ другого союзника Россіи — Шведскаго кронпринца. Всюду, какъ обычно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, проявилось желаніе разсчитывать и взвѣшивать шансы и выгоды, обсуждать обоюдные интересы. Спорили о томъ, въ какой степени твердо будетъ выдержано императоромъ Александромъ его рѣшеніе—перенести войну въ Германію, и долго-ли онъ будетъ въ состояніи ее выносить? Толковали съ грустью и о томъ, что половина Германіи еще — князья Рейнскаго союза и ихъ подданные — привязана позорными узами къ наполеоновской государственной системѣ; но болѣе всего горевали, что общее одушевленіе не находило себѣ поддержки—въ подтвержденіи и согласіи самого короля.



Эрнстъ-Морицъ Арндъ.
По портрету, писанному въ 1817 г.

Король. Возбужденіе возрастаетъ.

Едва-ли можно порицать Фридриха-Вильгельма за то, что онъ не сразу поддался общему увлеченію и не сразу воспользовался благопріятными обстоятельствами: онъ сознавалъ ту отвѣтственность, какую онъ несетъ на себѣ, какъ король. Первоначально старались показать видъ,

какъ будто хотятъ держаться союза съ Франціей, и Гарденбергъ разыгралъ эту роль, навязанную ему обстоятельствами, съ большимъ совершенствомъ. Испытанный другъ Французовъ, тотъ самый князь Гацфельдъ, по отношенію къ которому Наполеонъ въ 1807 г. такъ театрально выказалъ свое великодушіе, отправился (въ январѣ) въ Парижъ, между тѣмъ какъ другое уполномоченное лицо было тайно отправлено въ русскую главную квартиру для переговоровъ съ царемъ о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза. Рѣшительнымъ шагомъ, со стороны короля, было уже и то, что онъ покинулъ Потсдамъ и переселился въ Бреславль, гдѣ его личность была обезпечена отъ дерзкаго насилія, котораго не трудно было, въ данныхъ условіяхъ, ожидать отъ Французовъ; можно даже удивляться тому, что Наполеонъ не отдалъ приказанія овладѣть особою короля. Въ Бреславлѣ король почувствовалъ около себя иную атмосферу и тотчасъ поддался общему воинственному и патріотическому одушевленію своего народа: 3-го и 9-го февраля королевскіе указы заговорили о всеобщей воинской повинности, и въ первомъ изъ нихъ указывалось на необходимость образованія вольныхъ егерскихъ отрядовъ. Это воззваніе произвело такое дѣйствіе, какого и ожидать было невозможно: правительственныя коллегіи, университеты, высшіе классы гимназій — все это опустѣло, гдѣ наполовину, а гдѣ и совсѣмъ, потому что ученики, студенты и чиновники бросились въ ряды волонтеровъ; со всѣхъ сторонъ сходились люди всѣхъ возрастовъ и самыхъ разнообразныхъ призваній, и поступали въ егерскіе отряды; отовсюду стекались и деньги на ихъ обмундированіе и вооруженіе; нѣсколько недѣль спустя, пришлось даже принять мѣры, чтобы умѣрить общій воинственный пылъ, такъ какъ по многимъ отраслямъ начиналъ ощущаться недостатокъ въ людяхъ даже и для самонужнѣйшихъ занятій. Одушевленіе достигло высшаго предѣла и вліяніе его стало быстро распространяться во всѣ стороны, хотя единству дѣйствій въ значительной степени препятствовало отсутствіе сплоченности, общности въ народѣ, который еще не составлялъ цѣльной германской націи. И самъ король Прусскій, такъ горько поплатившійся за свои прежнія политическія увлеченія и порывы, долго не могъ освоиться съ тѣмъ народнымъ движеніемъ, которое вокругъ него совершалось. Наконецъ, 27-го февраля, прибылъ въ Бреславль Штейнъ съ порученіемъ отъ императора Россійскаго; 28-го февраля былъ подписанъ Шарнгорстомъ *Калишскій договоръ*, по которому императоръ Всероссійскій и король Прусскій вступали въ тѣсный союзъ на защиту европейской независимости. Договоромъ не допускались никакіе частные съѣзды для переговоровъ и никакія сепаратныя заключенія мира; союзъ заключенъ былъ оборонительный и наступательный; основнымъ условіемъ договора являлось возстановленіе Пруссіи въ ея предѣлахъ до-наполеоновскихъ войнъ: для выполненія цѣлей, положенныхъ въ основу договора, Россія обязалась поставить 150,000, а Пруссія 80,000 чел. линейныхъ войскъ, не считая ландвера и гарнизонныхъ войскъ или того, что будетъ выставлено патріотизмомъ самого народа. Заключеніе этого трактата было дѣйствительно великимъ и важнымъ шагомъ политическимъ, хотя многіе недальновидные и близорукіе люди и были имъ недовольны; важно было то, что этимъ



Фридрихъ-Вильгельмъ III во времена войны за освобожденіе.
По портрету Герарда, гравировано Л. Бухгорномъ.

трактатомъ полагалось начало «борьбы на-смерть» съ Наполеономъ,— борьбы безпощадной, и которая должна была неизбѣжно окончиться паденіемъ Наполеоновскаго деспотизма и возстановленіемъ того теченія европейской жизни, которое должно было привести къ установленію *на-*

ціонализма, какъ главнаго принципа существованія современной намъ Европы. Послѣдній призракъ величавой, объединяющей Римской имперіи долженъ былъ исчезнуть съ лица земли!..

Россія и Пруссія. Калишскій союзъ.

Кстати, замѣтимъ здѣсь, что въ новѣйшее время, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей стараются ослабить значеніе Россіи и императора Александра въ дѣлѣ освобожденія Германіи. Но это опровергается уже самымъ характеромъ движенія германскаго народа и его подъемомъ духа противъ Наполеона, постепенно возраставшимъ *по мѣрѣ наступленія русской арміи* къ Вислѣ, къ Одеру и т. д.—наступленія, которое производилось безостановочно, начиная съ 9-го января 1813 г. (нов. ст.), т. е. со дня выступленія русской арміи изъ Вильны. Не слѣдуетъ забывать, что подъемъ духа въ Германіи былъ дѣломъ частныхъ усилій народа, и прежде всего *прусскаго*, который въ данномъ случаѣ не шелъ рука-объ-руку со своимъ правительствомъ, а опирался именно на ту мощную русскую помощь, которая явилась для него надежною опорою въ это тягостное время... Правительство прусское примкнуло къ народу значительно позже, когда уже частныя усилія сгруппировались и объединились около наступающей русской арміи—и привели къ всеобщему возстанію Германіи. Совершенно справедливо восклицаетъ одинъ изъ безпристрастныхъ нѣмецкихъ историковъ: «нѣтъ, и сто разъ нѣтъ! *Безъ Александра не было-бы войны 1813 г.!*» *)

Калишскій договоръ получилъ нѣкоторыя дополненія въ видѣ особаго условія, подписаннаго въ Бреславлѣ Штейномъ, Нессельроде, Гарденбергомъ и Шарнгорстомъ; въ этомъ дополнительномъ условіи, которое было уже прямо разсчитано на возстаніе всей Германіи, опредѣлился составъ центральнаго правительственнаго совѣта, который долженъ былъ принять на себя временное управленіе въ областяхъ, подлежащихъ окупаціи союзнаго войска, и въ нихъ изыскивать вспомогательные источники для поддержки общаго дѣла. Въ этомъ смыслѣ весьма любопытнымъ и характернымъ представляется намъ современное событіямъ письмо Штейна къ графу Мюнстеру, государственному дѣятелю, который хотя и не уклонялся отъ общаго патріотическаго настроенія, однако все же пытался смотрѣть на дѣло глазами ганноверца и взвѣшивать его шансы съ точки зрѣнія чисто-ганноверскихъ интересовъ. «Мнѣ, въ данную минуту высокаго подъема народнаго духа» — такъ писалъ Штейнъ къ Мюнстеру—«рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до какихъ бы то ни было династій: всѣ онѣ представляются мнѣ не болѣе, какъ орудіями. Мое желаніе одно: видѣть Германію великою и сильною, дабы она вновь могла достигнуть самостоятельности, независимости и отстоять свою національность, а также и обезпечить свое положеніе между Франціей и Россіей». Тѣмъ же духомъ вѣетъ и въ воззваніи короля «Къ моему народу», отъ 17-го марта, въ которомъ ничто не забыто, ничто не украшено и не преувеличено и впервые просто, но краснорѣчиво указывается на общность, почти на тождественность интересовъ Пруссіи и Германіи. Воззваніе обращается къ «Бранденбургцамъ, Пруссакамъ, Силезцамъ, Померан-

Вооруженный народъ.

*) *Johann Scherr.* Blücher, seine Zeit u. sein Leben, III, 9—10.

цамъ, Литовцамъ»: — король напоминаетъ имъ о великихъ моментахъ прусской исторіи, о великомъ курфюрстѣ, о Фридрихѣ Великомъ, подводитъ крупные итоги пережитого прошлаго, указываетъ на богатые плоды, которыми увѣнчались труды предшествующихъ поколѣній — въ свободѣ совѣсти, въ славѣ, въ независимости, въ торговлѣ, въ промыслахъ, въ наукѣ. «Теперь намъ предстоитъ послѣдняя рѣшительная борьба»... «и нѣтъ иного исхода, какъ почетный миръ или гибель со славою»... «а потому мы должны съ увѣренностью положиться на то, что Богъ и наша твердая рѣшимость доставятъ намъ побѣду въ борьбѣ за правое дѣло». И не только коренные, прирожденные Германцы говорили языкомъ подобнаго одушевленія и выспренняго строя: русскій подководецъ, Витгенштейнъ, обращался къ Вестфальцамъ и Саксонцамъ со слѣдующимъ энергическимъ воззваніемъ: «Саксонцы! Германцы! Наши родословныя древа, наши родовые списки заканчиваются 1812 годомъ! Дѣянія нашихъ предковъ уничтожены униженіемъ, въ которомъ мы видимъ ихъ внуковъ. Только общее возстаніе Германіи можетъ вновь вывести и призвать къ дѣйствію благородные роды, — можетъ возвратить блескъ тѣмъ, которые нѣкогда гордились своимъ благородствомъ»...

Важнѣе всѣхъ подобныхъ воззваній, которыя, впрочемъ, служили только отраженіемъ общаго возбужденнаго настроенія и общихъ стремленій и лишь отчасти его поддерживали, хотя и никакъ не вызывали, было неукоснительно подвигавшееся впередъ образованіе новой арміи, для котораго такъ много и такъ скромно потрудился Шарнгорстъ, собственно говоря, создавшій это войско. Дѣло созыва и устроенія прусскаго ландвера происходило тихо и гладко, безъ всякаго шума, съ чисто-протестантскою (если можно такъ выразиться) простотою; окружныя власти выбирали комитетъ для веденія этого дѣла; комитетъ созывалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе, всѣхъ гражданъ отъ 17-ти до 40-лѣтняго возраста; если требуемое число людей не покрывалось волонтерами, то прибѣгали къ жребію. Затѣмъ всѣ шли въ церковь и новая команда приносила присягу. Религія въ данномъ случаѣ — въ мѣстностяхъ преимущественно протестантскихъ — не дѣйствовала на возбужденіе массъ, не воспламеняла страсти, какъ это было въ Испаніи, а только освящала совершавшееся въ народѣ движеніе, вполнѣ искреннее и по значенію своему высоконравственное.

И одежда, и амуниція ландвера были чрезвычайно просты (во многихъ мѣстахъ для него не хватало оружія, какъ и многаго необходимаго въ сильно обѣднѣвшей странѣ): главнымъ отличительнымъ знакомъ для всѣхъ, вступившихъ въ ряды его, былъ жестяной крестъ на форменной шапкѣ съ надписью: «Съ Богомъ за короля и отечество!» Если ландверъ приходилось передвигать и пускать въ дѣло за предѣлами провинціи, то всѣ служащіе въ немъ получали жалованье наравнѣ съ линейными войсками; офицеры ландвера, вплоть до капитанскаго чина, избирались окружнымъ комитетомъ и утверждались королемъ; выше капитана назначались королемъ. Лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областяхъ, какъ, напр., въ польскихъ провинціяхъ, при сборѣ ландвера встрѣчались кое-какія затрудненія, но, вообще говоря, всѣ ожиданія по отношенію къ

численности состава, къ быстротѣ его сбора и т. д. были далеко превзойдены. Большимъ счастьемъ было то, что, благодаря неутомимой дѣятельности Шарнгорста, уже собрано было около 150,000 опытныхъ линейныхъ войскъ и совсѣмъ изготовлены къ походу, такъ какъ всю амуницію для нихъ, оружіе, артиллерію успѣли дополнить и исправить съ 1807 г. Не совсѣмъ легко было только пополнить недостатокъ въ офице-



Теодоръ Кёрнеръ въ формѣ Люцовскаго полка.

Портретъ писанъ послѣ его смерти, сестрою его, Эммою Кёрнеръ.

рахъ. Только вслѣдствіе чрезвычайнаго одушевленія, а также и благодаря всюду преобладавшей простотѣ жизни и немногосложности потребностей, оказалось возможнымъ довести до конца такія большія вооруженія и снаряженія въ странѣ и вообще небогатой, и еще болѣе обѣднѣвшей

въ семь послѣднихъ весьма тяжкихъ лѣтъ. Общія цифры весьма внушительны: 5.000,000 населенія выставило 271,000 ратниковъ! Вся страна обратилась въ одинъ сплошной военный лагерь. Чрезвычайно удачнымъ и своевременнымъ въ данномъ случаѣ оказалось учрежденіе ордена «желѣзнаго креста» (10 марта 1813 г.), въ день рожденія королевы Луизы, о которой въ эти торжественные и тревожные дни всѣ вспоминали съ самымъ горячимъ чувствомъ уваженія и признательности: — всѣ остальные ордена, на время войны, были отмѣнены.

Цвѣтъ образованной молодежи, не только прусской, но и обще-нѣмецкой, сталъ стекаться въ полки волонтеровъ, изъ которыхъ одинъ, *Люцовскій*, еще въ февралѣ былъ набранъ и организованъ майоромъ фонъ-Люцовъ. Въ этомъ полку представителемъ современной образованной молодежи, посвятившей себя на службу отечеству, былъ извѣстный нѣмецкій поэтъ *Теодоръ Кёрнеръ*, сынъ того Кёрнера, которому Шиллеръ столь многимъ былъ обязанъ въ наиболѣе тягостныя минуты жизни.

Русскіе въ Берлинѣ.

Около трехъ мѣсяцевъ ушло на всѣ эти приготовленія: за это время движеніе народное успѣло окрѣпнуть и прочно обосноваться. Военныя силы Пруссіи стали собираться около четырехъ главныхъ пунктовъ: въ Восточной Пруссіи, въ Силезіи, въ Грауденцѣ и Кольбергѣ. Двинулись впередъ и Русскіе: корпусъ Витгенштейна направился къ Одеру—легкіе конные разъѣзды ихъ, подъ командою Чернышева и Теттенборна, появились даже и въ ближайшихъ окрестностяхъ Берлина. Нѣкоторые изъ казачьихъ отрядовъ въ концѣ февраля уже стали даже заглядывать и внутрь самаго Берлина, появлялись внезапно на его улицахъ и захватили въ плѣнъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, прямо на квартирахъ. 2-го марта авангардъ Витгенштейнова корпуса перешелъ черезъ Одеръ. Французамъ въ Берлинѣ давно уже стало не по себѣ: передъ ихъ глазами толпы молодежи, съ веселымъ шумомъ и воинственными кликами, уходили въ Силезію: — всюду кругомъ тлѣлъ огонь, готовый вспыхнуть, и они видѣли грозившую опасность гораздо яснѣе, нежели ихъ императоръ, все еще ослѣпленный своимъ высокомѣріемъ. Уже 4-го марта стали они выступать изъ Берлина по направленію къ Эльбѣ, Виттенбергу, Дрездену, и тотчасъ вслѣдъ за ними вступили въ городъ казаки, такъ что даже и въ самыхъ улицахъ города дѣло дошло до рукопашной схватки между казаками и Французами. 11-го марта явился въ Берлинъ Витгенштейнъ, 17-го—Іоркъ (конечно, вполнѣ оправданный королемъ и избавленный отъ всякой отвѣтственности), во главѣ 18,000 отборнаго войска: пріемъ, оказанный населеніемъ этому войску, былъ самый восторженный. Казалось, что и войско это, и самая столица, и вся страна какъ будто переродились.

Въ Гамбургѣ.

Предполагаютъ,—и не безъ основанія—что быстрое движеніе на западъ отъ Эльбы могло бы увѣнчаться большими успѣхами при томъ настроеніи, какое господствовало въ здѣшнихъ областяхъ да и вообще во всей Германіи до самаго Рейна и страстно стремилось проявиться въ дѣйствіи. Но ни русскія военныя силы, ни только что собиравшіяся и организуемыя прусскія войска не могли быть двинуты для осуществленія такого движенія, да и вообще мудрено было требовать смѣлыхъ военныхъ пред-

пріятій въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, не забывая при томъ же, что тутъ дѣйствовала коалиція, а не одно государство, направляемое непреклонною волею своего повелителя. Однакоже, одинъ изъ русскихъ офицеровъ, полковникъ Теттенборнъ, успѣлъ выполнить очень смѣлый наѣздъ въ направленіи къ низовьямъ Эльбы. Въ мартѣ, съ двумя конными полками, онъ отбылъ изъ Берлина, 15-го былъ уже въ Лауенбургѣ, первомъ городѣ на рубежѣ Французской имперіи, и направился къ Гамбургу, проѣхавъ черезъ владѣнія герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, перваго нѣмецкаго принца, отпавшаго отъ Рейнскаго Союза. Гамбургъ былъ уже покинутъ французскимъ гарнизономъ подъ командою генерала Карра-де-С.-Сиръ. Французы спѣшили очистить прибрежья южной Эльбы, чуя недоброе и видя, что все населеніе, поголовно, относится къ нимъ съ озлобленіемъ, и уже безъ всякаго страха. Какъ только гарнизонъ удалился изъ Гамбурга, французскій муниципалитетъ былъ тамъ свергнутъ. 18-го марта въ городъ вступили русскія войска; затѣмъ въ Любекъ, Гарбургъ, Люнебургъ, Штаде — послѣдовалъ подобный же переворотъ, и эти благопріятныя условія могли бы способствовать упроченію положенія союзниковъ въ этой весьма важной для нихъ мѣстности. Но въ томъ-то и дѣло, что въ эту пору подобное успѣшное предпріятіе легче было привести въ исполненіе, нежели добиться отъ него плодотворныхъ результатовъ, а потому и этотъ важный успѣхъ закончился ничѣмъ, отчасти благодаря крайней нерѣшительности и косности мѣстнаго торговаго населенія, отчасти и вслѣдствіе полнаго равнодушія, выказаннаго въ данномъ случаѣ Англіей и Швеціей, а болѣе всего—вслѣдствіе плохой организаціи высшей военной власти въ средѣ союзниковъ. Что же касается Наполеона, то онъ отлично зналъ цѣну этого большого центра въ низовьяхъ Эльбы. Поэтому, выступившія изъ Гамбурга войска опять къ нему вернулись. Генералъ Моранъ съ отрядомъ въ 2,500 человѣкъ, принявшійся было за экзекуцію во вновь занятомъ имъ Люнебургѣ, потерпѣлъ, правда, пораженіе при столкновеніи съ небольшимъ русско-прусскимъ отрядомъ; но Наполеонъ тотчасъ же выслалъ новыя подкрѣпленія съ Везеля, подъ командою двухъ суровѣйшихъ исполнителей его воли—маршала Даву и генерала Вандамма,—которые въ низовьяхъ Везера подавили терроромъ всякія попытки къ возстанію, и Даву принялъ мѣры къ тому, чтобы вновь овладѣть Гамбургомъ, который тщетно ожидалъ помощи откуда бы то ни было.

Наполеонъ послѣ катастрофы.

И такъ, общаго возстанія въ Германіи не произошло: — Россіи и Пруссіи приходилось выносить всю тягость войны на своихъ плечахъ. Оборонительно-наступательный союзъ Пруссіи со Швеціей (22-го апрѣля 1813 г.) не имѣлъ почти никакого значенія; если бы хоть нѣкоторая часть германской силы не была уже сплочена въ Пруссіи въ нѣкотораго рода государственный организмъ, то ударъ, нанесенный могуществу Наполеона въ Россіи, не оказался бы для него гибельнымъ. Наполеонъ же, между тѣмъ, успѣлъ уже наилучшимъ образомъ воспользоваться тѣми громадными преимуществами, какія доставляло ему его единичное положеніе, его властная личность и привычка къ рабскому повиновенію, усвоенная его народомъ и его союзниками. Прежде всего—и этого нельзя не похва-

лить въ немъ — онъ принялъ такое положеніе и придалъ себѣ такую внѣшность, какъ будто перенесенное имъ страшное бѣдствіе не въ силахъ поколебать его могущество: и онъ дѣйствительно рѣшился не дѣлать никакихъ уступокъ:—«даже и въ герцогствѣ Варшавскомъ (говорилъ онъ) не отдамъ ни одной деревни!» 7-го января 1813 г. онъ отправилъ къ тестю своему въ Вѣну ноту, въ такой степени лживую и высокомѣрную, что даже и на того она произвела дѣйствіе, противуположное ожидаемому: «ни одна изъ странъ, внесенныхъ по рѣшенію сената въ составъ Французской имперіи»,—такъ писалъ Наполеонъ,—«не можетъ быть предметомъ переговоровъ ни съ Россіею, ни съ Англіей». Только съ одной стороны онъ выказалъ нѣчто въ родѣ уступчивости: 20-го января онъ вступилъ въ Фонтенебло въ переговоры со своимъ плѣнникомъ, папою Піемъ VII, и отъ него добился согласія на примирительный актъ, нѣчто въ родѣ новаго конкордата, по которому папа принималъ отъ него 2.000,000 франковъ ежегодной пенсіи и избиралъ Авиньонъ резиденціей; до лучшаго времени Наполеонъ прикинулся какъ бы примирившимся съ папою, хотя папа (мѣсяцъ спустя, послѣ того, какъ конкордатъ былъ обнародованъ уже, какъ государственный законъ) 13-го февраля 1813 г. вновь отказался отъ своей подписи, которую, по слабости человѣческой, далъ слишкомъ поспѣшно. И еще разъ, 11-го января, по рѣшенію сената, въ распоряженіе императора были предоставлены послѣднія силы государства, которое было страшно истощено войною въ Испаніи и послѣднимъ погромомъ въ Россіи; силы эти состояли изъ 100,000 человѣкъ перваго призыва національной гвардіи, изъ 100,000 непризванныхъ на службу въ періодъ 1809—1812 гг., и изъ 150,000 взятыхъ въ счетъ конскрипціи слѣдующаго 1814 года. Хвастливый и подобострастный докладъ его министра внутреннихъ дѣлъ, Монталивэ, сообщилъ законодательному собранію, созванному въ виду различныхъ иныхъ соображеній, обо всѣхъ постройкахъ и сооруженіяхъ,—мостахъ, каналахъ, церквахъ,—какія были выполнены во Франціи съ 1804 г., и еще разъ Наполеонъ, въ то время, когда послѣдовало объявленіе войны со стороны Пруссіи, воспользовался возможностью обезпечить себя такимъ количествомъ человѣческой силы, какое могъ отнять у прошлаго и у будущаго: еще 80,000 человѣкъ перваго призыва національной гвардіи, и еще 90,000 чел. остальной конскрипціи 1814 г.; изъ Испаніи, откуда ему не грозила никакая непосредственная опасность, откуда и нельзя было ожидать какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствій, онъ вызвалъ Сульта съ 30,000 войска. При этомъ онъ не упустилъ случая выразить свое «полное удовольствіе» по поводу отношеній къ нему всѣхъ его союзниковъ.

Первыя дѣйствія союзниковъ.

Въ этомъ смыслѣ однакоже «полное удовольствіе» едва-ли уже было умѣстнымъ. Австрія держалась нейтралитета, а Данія колебалась долго *) и наконецъ осталась-таки въ союзѣ съ Франціей; и только своими союзниками нѣмцами, князьями Рейнскаго Союза, Наполеонъ дѣйствительно могъ

*) Изъ тѣхъ тайныхъ сношеній и интригъ, какія въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ завязались между Россіею, Швеціею, Англіею и Даніей, — Данія не вынесла никакой увѣренности относительно вопроса о Норвегіи, и потому предпочла союзъ съ Франціей.

быть доволенъ. Онъ постоянно говорилъ объ англійскихъ агентахъ, которые будто бы старались распространить въ сосѣднихъ странахъ въ народѣ духъ возмущенія противъ государей, и такимъ образомъ коснулся струны, которая болѣзненно звучала въ сердцахъ разныхъ трусливыхъ правителей, жившихъ не въ ладу со своею совѣстью; и всѣ тѣ воззванія, которыя исходили изъ лагеря союзниковъ, объявляя во всеобщее свѣдѣніе о поголовномъ вооруженіи народа въ Пруссіи, о ландверѣ и ландштурмѣ, должны были какъ нельзя болѣе способствовать удержанію въ союзѣ съ Франціею людей, подобныхъ королю Фридриху Вюртембергскому. Но все же на Югѣ и Западѣ Германіи могли союзники встрѣтить болѣе или менѣе сильныя симпатіи и нѣсколько мужественныхъ и патріотично-настроенныхъ людей, которые способны были оказать поддержку правому дѣлу. Но прежде всего имъ предстояло имѣть дѣло съ Саксоніей. Король Фридрихъ-Августъ Саксонскій, безупречный со стороны своей частной жизни, даже и понятія не имѣлъ о собственномъ достоинствѣ нѣмецкаго принца: 25 февраля 1813 года онъ просто бѣжалъ, захвативъ съ собою все, что могъ, изъ Дрездена въ Плауенъ и предоставилъ всю страну въ управленіе правительственной комиссіи; не довольствуясь этимъ, въ апрѣлѣ, онъ переселился далѣе—въ Регенсбургъ, и затѣмъ наконецъ на австрійскую территорію, въ Прагу. Такимъ образомъ Саксонія была предоставлена въ полное распоряженіе союзниковъ, какъ военная добыча. Вице-король Италійскій, съ тѣхъ поръ, какъ Мюратъ вернулся въ королевство Неаполитанское, явился во главѣ Наполеоновыхъ силъ въ Сѣверной Германіи; со всѣми находившимися въ его распоряженіи войсками онъ вынужденъ былъ отступить къ Эльбѣ, и, въ половинѣ марта, крайними пунктами его расположенія являлись: на Сѣверѣ—Магдебургъ, на Югѣ—Дрезденъ; 13 марта сюда подоспѣлъ и Даву. Онъ не овладѣлъ городомъ и, въ виду наступленія болѣе значительныхъ силъ непріятеля, приказавъ взорвать половину Эльбскаго моста, отступилъ къ низовьямъ Эльбы. Русскіе и Пруссаки, Винцингероде и Блюхеръ, вступили въ городъ. Надежда на то, что вся страна тотчасъ же примкнетъ къ нимъ, не оправдалась. Генералъ Тильманъ, въ Торгау, котораго Штейнъ и Бойенъ побуждали подать всѣмъ примѣръ сдачею крѣпости, не рѣшился на этотъ шагъ и отвѣчалъ имъ: «я не генералъ Іоркъ!» Съ своей стороны и союзники, принятые населеніемъ съ изъявленіемъ радости, были слишкомъ осторожны для того, чтобы прямо взять страну въ свои руки и вынудить ее къ принятію извѣстнаго рѣшенія. На нѣкоторое время они удовольствовались тѣмъ предложеніемъ нейтралитета, съ которымъ Фридрихъ-Августъ обратился къ нимъ изъ Австріи, и этотъ нейтралитетъ длился какъ разъ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ, лучше союзниковъ умѣвшій управиться съ подобными характерами, не подчинилъ его вновь своей власти. 24 апрѣля главныя силы союзниковъ, подъ начальствомъ Кутузова, наконецъ появились на берегахъ Эльбы; и въ тотъ же день Наполеонъ выѣхалъ изъ Майнца, чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ своихъ противниковъ на Эльбѣ. Позиція французскихъ военныхъ силъ именно опредѣлялась теченіемъ этой рѣки, отъ ея истока и до устья; поэтому театромъ первыхъ, весьма замедленныхъ военныхъ дѣйствій, должна была неизбѣжно явиться Саксонія.



Свѣтлѣйшій князь П. Х. Витгенштейнъ.



Графъ Л. Л. Беннигсенъ.

1813 г. Битва при Люценѣ.

Когда Наполеонъ соединился со стоявшимъ на западъ отъ Эльбы войскомъ, то въ его распоряженіи было всего около 130,000 войска, въ томъ числѣ было очень много рекрутовъ, и отчасти даже очень юнаго возраста *).

Тѣмъ временемъ, въ арміи союзниковъ произошла важная перемѣна: умеръ Кутузовъ и мѣсто его заступилъ Витгенштейнъ. Несмотря на то, что союзная армія едва равнялась и 90,000 чел., было принято мужественное рѣшеніе сразиться немедленно, хотя и знали, что у непріятеля и артиллерія сильнѣе, и конницы больше. Двигаясь по направленію отъ Вейсенфельса къ Лейпцигу, союзники вошли въ соприкосновеніе съ правымъ крыломъ непріятеля, атаковали его—и такъ 2 мая 1813 года къ югу отъ дороги изъ Вейсенфельса въ Лейпцигъ завязалось первое большое сраженіе въ эту кампанію,—при *Люценѣ*. Нападеніе произведено было въ 1 часъ пополудни, и дѣйствительно было для Наполеона неожиданностью. Битва сосредоточилась главнымъ образомъ около позиціи, которую образовали четыре деревни: Кая, Рана, Гроссъ-Гёршенъ и Клейнъ-Гёршенъ; несмотря на нѣкоторое несогласованіе въ дѣйствіяхъ союзниковъ, битва велась мужественно и храбро. Около 7 часовъ вечера Наполеонъ успѣлъ

*) «Что мы станемъ съ этими поросятами дѣлать?» говорили тѣ офицеры, на долю которыхъ выпадала тяжелая задача обмундированія и обученія этихъ молодыхъ командъ первымъ пріемамъ военнаго ремесла.

собрать всѣ свои силы, отбить у союзниковъ три деревни изъ четырехъ вышеномянутыхъ, и только въ Гроссъ-Гёршенѣ еще держались Пруссаки до наступленія ночи. Потери равнялись 10,000 убитыми и ранеными (въ томъ числѣ 8,000 Пруссаковъ, 2,000 Русскихъ); не меньше того былъ уронъ и у непріятеля, который, къ тому же, не пріобрѣлъ никакихъ трофеевъ. Но перевѣсъ силъ былъ слишкомъ великъ на сторонѣ Французовъ, и возобновленіе битвы на слѣдующій день оказалось бы слишкомъ рискованнымъ: рѣшено было отступить, и отступленіе произведено въ большомъ порядкѣ... Но линія Эльбы была утрачена.

Отступленіе союзниковъ.

Это вынужденное отступленіе было все же большимъ несчастіемъ. Наполеонъ, отлично сознававшій моральное значеніе первой побѣды, не щадилъ себя въ этой битвѣ и подвергался большой опасности — и онъ остался побѣдителемъ. Онъ тотчасъ же воспользовался своею побѣдою для подъема общественнаго настроенія во Франціи: «Moniteur» возвѣстилъ о побѣдѣ, одержанной надъ 120,000 арміей союзниковъ, о 30,000 убитыхъ и 5,000 плѣнныхъ; съ другой стороны, въ приказѣ по войскамъ, онъ старался представить союзныя войска въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ. «Они пришли въ нашу землю — и во главѣ ихъ все, что нашлось въ Германіи, Франціи и Италіи всякаго отребья и дезертировъ, пришли проповѣдывать возмущеніе и анархію, внушать всѣмъ преступнѣйшія стремленія...» Самый порывъ народнаго негодованія, возбужденный его жестокостями, онъ называлъ «бунтомъ всякой сволочи» (mouvement de la canaille). Однакоже первая неудача не подавила воспрянувшаго патріотическаго духа ни въ Пруссіи, ни въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проявился. Въ утѣшеніе себѣ разсказывали, что серьезно разсчитывали на возможность продолженія битвы на слѣдующій день; что Наполеонъ еще ни въ одной битвѣ не пріобрѣлъ такъ мало трофеевъ, какъ въ этой, хотя и пролилъ не мало крови; что самое рѣшеніе перейти къ отступленію вызвано было не пораженіемъ, а совершенно основательными тактическими поводами — предвидѣлось-де, что на слѣдующій день перевѣсъ въ силахъ противника будетъ слишкомъ значителенъ; наконецъ ссылались даже на то, будто у Русскихъ не хватило воинскихъ снарядовъ. Какъ бы въ восполненіе понесенной неудачи, къ общему удовольствію, явилось извѣстіе о томъ, что генералъ Бюловъ, съ 5,000 отрядомъ, выдержалъ упорный бой съ Французами, которыхъ вытѣснилъ изъ Галле, взялъ 400 человѣкъ въ плѣнъ и пополнилъ весьма несовершенное обмундированіе и вооруженіе своихъ людей изъ французскихъ запасовъ. Но рядомъ съ этой доброй вѣстью явилась и недобрая: Клейстъ вынужденъ былъ отступить изъ Лейпцига въ виду значительнаго перевѣса въ силахъ наступавшаго непріятеля. Но отступленіе главной союзной арміи за Эльбу, прикрываемое сильною кавалеріею, совершилось въ порядкѣ и безпрепятственно.

Битва при Бауценѣ.

Къ Наполеону съ этою первою побѣдою вернулась часть его прежняго обаянія, и онъ задумалъ испытать его силу прежде всего на королѣ Саксонскомъ. Саксонскій нейтралитетъ нимало не стѣснялъ его: онъ выдалъ грозный приказъ — далъ всего-на-все нѣсколько часовъ на размышленіе — и король Саксонскій вновь явился союзникомъ Франціи. Во-

рота Торгау открылись передъ Французами, и 12,000 Саксонцевъ увеличили собою составъ французской арміи; и 12 мая Фридрихъ-Августъ пережилъ то, что для другихъ людей показалось бы стыдомъ: онъ вынужденъ былъ, возвращаясь въ свою столицу, проѣзжать между шпалерами французскихъ войскъ. И никто не зналъ, въ какую сторону направитъ теперь Наполеонъ свои силы; въ теченіе нѣкотораго времени можно было даже опасаться, что онъ ударитъ на Берлинъ.

Неудачное сраженіе внесло нѣкоторую рознь и вселило неудовольствіе въ среду русскихъ и прусскихъ генераловъ; но все это вскорѣ уладилось. Въ союзномъ лагерѣ, въ которомъ (не всегда на пользу военныхъ дѣйствій) находились оба монарха,—и Александръ, и Фридрихъ-Вильгельмъ,—было рѣшено держаться поближе къ Австріи, которую все еще надѣялись перетянуть на сторону добраго дѣла, и, сверхъ того, рѣшились дать еще сраженіе, чтобы доказать всему свѣту, что ни сила, ни мужество не ослабѣли изъ-за одного проиграннаго сраженія. Союзное войско заняло крѣпкую позицію въ окрестностяхъ Бауцена, на правомъ берегу Шпрее. И эта битва, замедленная на два дня (20—21 мая), когда ее слѣдовало бы именно дать двумя днями ранѣе (18-го или 19-го), когда еще на сторонѣ Наполеона не было такого существеннаго перевѣса въ силахъ,—и эта битва была также проиграна союзниками. Вмѣсто того, чтобы напасть самимъ—они ожидали нападенія. Послѣ полудня, 20-го, Французы, несмотря на встрѣченный ими мужественный отпоръ, переправились черезъ Шпрее; однакоже на военномъ совѣтѣ союзниковъ, собравшемся въ тотъ же день поздно вечеромъ, рѣшено было продолжать битву. И вотъ раннимъ утромъ 21-го она вновь возобновилась. Наполеону удалось обмануть союзниковъ тѣмъ, что онъ произвелъ ложную атаку на лѣвое крыло, состоявшее изъ русскихъ войскъ, а самъ между тѣмъ направилъ маршала Нея (посланнаго на Берлинъ и возвращеннаго съ дороги) въ обходъ праваго крыла союзниковъ. Такъ оно и произошло: Ней, введя свои войска въ дѣло съ 9 час. утра, сталъ тѣснить болѣе и болѣе слабое правое крыло, которымъ командовалъ Барклай, но Блюхеръ все же держался въ центрѣ, на Креквицскихъ высотахъ; когда наконецъ на правомъ крылѣ деревня Прейтицъ перешла въ руки непріятеля, Наполеонъ направилъ всѣ силы противъ центра. Въ 3 часа, маршалъ Удино, тѣснимый Русскими, на правомъ крылѣ Французовъ, прислалъ къ Наполеону просить подкрѣпленій, но тотъ велѣлъ ему сказать, что битва уже выиграна. И онъ былъ правъ. Именно въ это время, между 3—4 час., въ главной квартирѣ должны были рѣшиться прекратить битву, чтобы не понести полнаго пораженія: силы Французовъ равнялись уже 130,000 противъ 96,000 союзныхъ войскъ. Битва была прекращена и отступленіе опять-таки совершено въ образцовомъ порядкѣ. И на этотъ разъ было еще болѣе утѣшительныхъ поводовъ къ тому, чтобы объяснить и ослабить значеніе неудачи. Уронъ непріятеля, который въ этотъ день долженъ былъ одолѣвать крѣпкую позицію, былъ гораздо болѣе значителенъ, нежели уронъ союзниковъ: 25,000 противъ 15,000. За Наполеономъ осталось только поле битвы. И надо сказать правду, что самъ Наполеонъ былъ пораженъ упорствомъ сопротивленія, которое встрѣтилъ. «Что же это

значитъ? Послѣ такой бойни, никакихъ результатовъ, никакихъ плѣнныхъ?»—и онъ на этотъ разъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него усилія, чтобы этихъ результатовъ достигнуть, чтобы ихъ увеличить. Онъ самъ руководилъ преслѣдованіемъ; но Французы всюду встрѣчали самый рѣшительный отпоръ: и въ первый же день онъ лишился старѣйшаго и испытаннѣйшаго своего товарища, Дюрока, котораго почти можно было назвать другомъ Наполеона, если только онъ вообще былъ доступенъ этому чувству. «Эти люди мнѣ и человѣка не оставятъ!» сказалъ Наполеонъ съ досадою, узнавъ о ничтожныхъ результатахъ преслѣдованія, которое наконецъ 23 мая было прекращено. Вскорѣ послѣ того, 26 мая, Блюхеру, руководившему отступленіемъ на правомъ крылѣ, удалось заманить часть корпуса Лористона, между Лигницомъ и Гайнау, въ засаду: въ результатѣ получилось то, что дивизія Мэзона потеряла 400 чел. ранеными и убитыми, 400 плѣнными и лишилась 18 орудій.

Дальнѣйшее отступленіе. Впечатлѣнія.

Но тѣмъ не менѣе положеніе было весьма серьезное. «Все идетъ точно такъ же, какъ послѣ Іенской битвы», замѣтилъ мрачно-настроенный Прусскій король во время отступленія. Двѣ битвы были проиграны, и только еще незначительная часть прусской территоріи оставалась не занятою; Русскіе открыто говорили о томъ, что отступить придется можетъ-быть даже и въ Польшу... Войска были сосредоточены при Швейдницѣ, слѣдовательно еще южнѣе, еще ближе къ Австріи; но рѣшиться на третью битву при данныхъ условіяхъ, какъ на томъ настаивали Гнейзенау и Пруссаки, было бы неблагоразумнымъ, и новый главнокомандующій русской арміей, Барклай-де-Толли, прямо возсталъ противъ подобнаго предположенія. Что бы случилось, если бы дѣйствительно пришлось отступить еще далѣе,—не трудно было предвидѣть: тяжко и ужасно отозвался бы на народѣ такой исходъ войны, послѣ пережитого имъ благороднаго и прекраснаго подъема духа. Ложь и насиліе восторжествовали бы! Никогда еще Германія не переживала такихъ ужасныхъ дней, какъ эти майскіе дни 1813 года!

Перемиріе.

И вдругъ явилась надежда на спасеніе: самъ непріятель предложилъ перемиріе. Наполеонъ, желая внести рознь въ отношенія между Россіею и Пруссіею, предложилъ это перемиріе Александру, который однакоже отказался отъ всякихъ сепаратныхъ переговоровъ; тогда договоръ о перемиріи между Французами и союзниками былъ заключенъ 4 іюня въ Пойшвицѣ. Оно должно было продолжаться до 20 іюля, и еще 6 дней послѣ этого срока; проведены были демаркаціонныя линіи, въ которыя войска обѣихъ сторонъ должны были вступить до 12 іюня. Гарнизонамъ, которые Французы продолжали держать въ крѣпостяхъ на Вислѣ и Одерѣ,—въ Штетинѣ, Кюстринѣ, Данцигѣ, Модлинѣ, Замосцѣ,—провіантъ долженъ былъ доставляться въ пятидневные сроки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перемиріе:— Австрія присоединяется къ коалиціи. — Битвы при Гроссберенѣ и на Кацбахѣ; Дрезденъ; Кульмъ.—Битва при Денневицѣ.—Война съ начала сентября до половины октября.—Битва народовъ подъ Лейпцигомъ.

Общее положеніе. Различныя настроенія.

Это перемиріе (которое самъ Наполеонъ впослѣдствіи считалъ величайшею своею ошибкою) было вызвано необходимостью дать вздохнуть его войскамъ, свыкнуться съ ихъ положеніемъ—организоваться; отъ зоркаго взгляда Наполеона не укрылось то, что хотя эти войска въ теченіе первыхъ 6 недѣль кампаніи и выказали себя прекрасно, и дрались храбро, но имъ все же недоставало еще многихъ и важныхъ качествъ настоящаго солдата, и что они въ этомъ смыслѣ не могли равняться съ тѣми, которыя погибли въ походѣ 1812 года. Однакоже онъ думалъ или могъ думать, что при его энергіи, которая, конечно, работала въ 10 разъ быстрѣе всякихъ соображеній, вырабатываемыхъ въ коалиціи, этотъ краткій роздыхъ дастъ ему возможность въ такой степени усовершенствовать свои вооруженныя силы, что онъ будетъ въ состояніи не только противустать всѣмъ возможнымъ случайностямъ (хотя бы даже Австрія перешла на сторону его противниковъ), но даже преодолѣть ихъ. Онъ не прочь былъ и отъ заключенія мира, если бы можно было его заключить, не пожертвовавъ ничѣмъ существеннымъ, на что ему давали право надѣяться двѣ одержанныя имъ побѣды. Временами выпадали такіе моменты, въ которые онъ не скрывалъ отъ себя то важное условіе, что самый характеръ борьбы значительно измѣнился, и что положеніе его вызывало нѣкоторыя опасенія; но, въ общемъ, онъ смотрѣлъ на это положеніе оптимистически, и гибельное высокомѣріе его еще нимало не было поколеблено.

Гамбургъ вновь въ рукахъ Французовъ.

Именно такого мира, который бы все оставилъ попрежнему, болѣе всего и опасались въ Пруссіи, и потому извѣстіе о перемиріи возбудило всюду негодованіе и тревогу. Къ этому еще подоспѣла печальная вѣсть о томъ, что Гамбургъ опять попалъ въ руки Французовъ. Произошло это, очевидно, вслѣдствіе упущенія съ стороны союзниковъ и притомъ слѣдующимъ образомъ. Датчане, предполагая присоединиться къ союзникамъ, въ ихъ интересахъ, заняли городъ своими войсками, но тотчасъ же его покинули, какъ только датскому правительству стало извѣстно, что Норвегія уже обѣщана Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Данія перешла на сторону Франціи. Оказалось, однакоже, что шведскій кронпринцъ Карлъ-Іоаннъ (бывшій маршалъ Бернадоттъ) вовсе не былъ расположенъ что-либо предпринять на пользу города Гамбурга, а тѣмъ болѣе—подвергать себя ради

его какой-либо опасности. 27 мая Теттенборнъ выступилъ изъ города—и городъ былъ потерянъ для союзниковъ. Сначала въ него вернулись Датчане, уже въ качествѣ союзниковъ Франціи, а по ихъ уходѣ вступили Французы, подъ командою Даву и Вандамма, и принялись за весьма жестокія репрессаліи. Начались разстрѣливанья, изгнанія, контрибуціи, вымогательства всякаго рода—и у обоихъ военачальниковъ были на все это въ изобиліи запасены бланки съ подписью самого Наполеона. Не менѣе печаленъ былъ и другой случай—нападеніе, которому подвергся партизанскій отрядъ майора Люцова около Китцена (близъ Люцена). Наполеонъ былъ особенно озлобленъ противъ этихъ партизанскихъ отрядовъ, которые дѣйствительно наносили ему значительный ущербъ отбитіемъ орудій, провіантскихъ транспортовъ, уводомъ въ плѣнъ офицеровъ и т. д. Майора Люцова укоряютъ въ томъ, что онъ, не собравъ надлежащихъ свѣдѣній, слишкомъ медленно подвигался къ демаркаціоннымъ линіямъ, назначеннымъ на время перемирія; а разсчитывать на какое-нибудь снисхожденіе со стороны непріятеля было болѣе чѣмъ странно. Отрядъ въ 4000 чел. бросился на полкъ въ 400 человѣкъ и 300 разомъ положилъ на мѣстѣ; остальные (въ томъ числѣ и Люцовъ, и Теодоръ Кёрнеръ, раненый) успѣли спастись. Въ числѣ нападавшихъ на Люцовскій полкъ были—увы!—и Вюртембергцы. Но зато, въ самый тотъ день, когда перемиріе окончилось, произошла стычка между французскимъ корпусомъ Удино и прусскимъ отрядомъ, заграждавшимъ дорогу въ Берлинъ,—и Французы вынуждены были отступить, при чемъ отбитыя у Французовъ нѣсколько сотъ ружей послужили весьма кстати подспорьемъ для вооруженія прусскаго, все еще недостаточно вооруженнаго, ландвера.

Вооруженія. Именно это—приведеніе въ порядокъ вооруженія—дѣлало перемиріе для союзниковъ совершенно необходимымъ; сверхъ того, было полное основаніе надѣяться, что если попытки заключенія мира будутъ отвергнуты Наполеономъ по упорству и высокомѣрію, то *Австрія*, вѣроятно, склонится на сторону коалиціи, и тѣмъ самымъ значительно будутъ увеличены шансы успѣха союзниковъ.

Австрія. И дѣйствительно, Австрія, силою обстоятельствъ, теперь была выдвинута на передній планъ: она вынуждена была теперь дѣйствовать. Наступило мгновеніе, когда уже ни трусость, ни косность, ни самое изощренное коварство не могли болѣе удержать Австрію отъ необходимости принять опредѣленное рѣшеніе, при которомъ, собственно говоря, не было даже и выбора. Въ послѣднее время пытались на разные лады, разными умными доводами уяснить и оправдать политику Австріи въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ этого года, въ особенности потому, что эта политика—по крайней мѣрѣ по отношенію къ Австріи—привела къ нѣкоторому благопріятному результату; но такое оптимистическое воззрѣніе—увы!—не выдерживаетъ строгой критики.

Не менѣе всей Европы, и въ Австріи всѣ ея государственные, дворскіе и общественные дѣятели были настолько поражены исходомъ похода въ Россію, что имъ прежде всего пришлось одуматься; ни о какомъ смѣломъ шагѣ, ни о какомъ порывѣ мужества или хоть озлобленія противъ человѣка, который трижды унизилъ Австрію, отнялъ у нея ея зна-

ченіе въ Германіи и захватилъ цѣлую треть ея владѣній, въ правящихъ кругахъ, въ непосредственной близости къ императору Іосифу и его первому совѣтнику графу Меттерниху, не могло быть и рѣчи. Имъ и въ голову не приходили тѣ «возвышенныя упованія», которыя увлекали прусскій народъ и нѣкоторыя другія нѣмецкія области на борьбу за родину и ея благо. Одинъ изъ ученыхъ знатоковъ исторіи изображаетъ намъ императора Іосифа, въ смыслѣ характера, какъ «смѣсь твердости и слабости, честности и лживости, здраваго смысла и самой обыденной близорукости, честолюбія и равнодушія, большого знанія мелочей и самаго элементарнаго невѣдѣнія»; вообще говоря, по общему складу характера, онъ напоминалъ одного изъ своихъ предковъ, Габсбурговъ, Фридриха III, въ XV столѣтіи, оставившаго по себѣ весьма недобрую и нелестную память. Министръ же его, истый царедворецъ, болѣе хитрый, чѣмъ умный, рано ко всему охладѣвшій вслѣдствіе распутной жизни, совершенно свободный отъ всякихъ высшихъ воззрѣній на все окружающее, весьма лѣнивый къ работѣ,—жилъ со дня на день, пробавляясь только одною главною заботою: какъ бы ему сохранить за собою то положеніе, которое онъ умѣлъ для себя сдѣлать и пріятнымъ, и удобнымъ.

Меттерних.

Положеніе Австріи, вслѣдствіе катастрофы, вынесенной арміею Наполеона въ Россіи, тотчасъ же въ значительной степени улучшилось; въ отвѣтѣ на извѣстное письмо Наполеона отъ 7 января 1813 года рѣчь объ отношеніяхъ Франціи къ Австріи шла опять въ такомъ тонѣ, какой подобаетъ сношеніямъ двухъ равносильныхъ державъ; въ немъ говорилось, между прочимъ, что всѣ вожделѣнія Австріи направлены къ возстановленію мира. Можно, пожалуй, предположить, что австрійское правительство, въ данномъ случаѣ, играло только тонко-разсчитанную роль, и самъ Меттернихъ, впослѣдствіи выдававшій себя за человѣка, безошибочно угадывавшаго будущее, въ своихъ мемуарахъ старается всѣхъ убѣдить, что онъ уже тогда свой способъ дѣйствій основывалъ на близкомъ знаніи характера Наполеонова, въ чемъ, по его словамъ, онъ, будто бы, и не ошибся. Но чѣмъ болѣе вглядываемся мы въ подробности австрійской политики за эти 5 первыхъ мѣсяцевъ 1813 г., тѣмъ болѣе начинаемъ думать, что ей возможно дать только одно объясненіе: люди, руководившіе ею, сами не знали, чего имъ желать, хотя общее положеніе дѣлъ въ сущности было очень немногосложно и просто. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію то, что Наполеонъ легко *могъ бы* купить австрійскую дружбу, предложивъ за нее хорошую подачку; но онъ былъ настолько неосторожень, что подобной подачки не предложилъ, и, сверхъ своего письма отъ 7 января, въ которомъ не допускалъ со своей стороны никакой серьезной жертвы ради сохраненія мира, еще сослался на отношенія къ Австріи, на трактатъ 1812 г., т. е. на такой договоръ, который, по справедливому заключенію Меттерниха, вовсе не могъ согласоваться съ положеніемъ великой державы. Въ Вѣнѣ, положимъ, смотрѣли не безъ тревоги на взрывъ народнаго сознанія въ Пруссіи; при этомъ, чтобъ отвести глаза французскому посланнику, приходилось даже и прикидываться, будто опасаются слишкомъ большого возрастанія русскаго могущества, противъ котораго однакоже не принимали никакихъ мѣръ и



Францъ I, Императоръ Австрійскій.
Писалъ П. Г. Стембуки, гравировалъ Ф. К. Тилькеръ.

сидѣли сложа руки... Но все это не можетъ еще служить достаточнымъ объясненіемъ колебаній Австріи. Притомъ же никакъ нельзя допустить, чтобы она выжидала того момента борьбы, когда оба противника достаточно ослабятъ себя борьбою, чтобы затѣмъ обоимъ имъ предъявить свою волю, подкрѣпленную прибереженными и сосредоточенными Австріею

силами:—такая политика при подобной міровой борьбѣ представлялась бы очень опасною. И если только императоръ Францъ и Меттернихъ руководились хотя какою-нибудь идеею, то развѣ вотъ какою:—понудить Наполеона къ заключенію мира путемъ кое-какихъ пожертвованій, притомъ такого мира, который бы могъ хотя сколько-нибудь улучшить общее положеніе Европы, и добиться этого, буде возможно, даже не извлекая меча изъ ноженъ, что для народовъ Австріи, какъ и для императора Австрійскаго и его министра, въ данную минуту было наудобнѣйшимъ. И вотъ съ этой-то разслабляющей политикой они теперь преблагополучно добились уже того, что Наполеону оставалось только выиграть еще одно сраженіе, чтобы вновь возстановить свое господство надъ всей Европой, и надъ Австріей въ томъ числѣ. Такъ наступило мгновеніе, въ которое и трусость, и лѣнь должны были поневолѣ встряхнуться и обратиться къ дѣйствію.

Наполеонъ и Меттернихъ.

Мы можемъ опустить безъ ущерба для нашего изложенія тѣ отдѣльныя стадіи, черезъ которыя эта политика переходила, чрезвычайно медленно, отъ союза съ Наполеономъ при тайно-поддерживаемыхъ сношеніяхъ съ Россіей и Пруссіей—къ ходатайству (entremise) въ пользу мира, затѣмъ къ вмѣшательству на пользу мира и посредничеству, къ вооруженному нейтралитету—къ вооруженному посредничеству и наконецъ къ войнѣ; можемъ только мимоходомъ упомянуть о посылкѣ Шварценберга въ Парижъ (въ февралѣ), Вейссенберга въ Лондонъ, Лебцельтерна въ Калишъ, о переговорахъ Меттерниха съ прусскимъ посломъ Гумбольдтомъ, съ французскимъ посланникомъ Отто, а затѣмъ Нарбонномъ... Несомнѣнною заслугою Наполеона было то, что онъ наконецъ заставилъ эту политику высказаться: его посланникъ, Нарбоннъ, еще 21 апрѣля 1813 г. имѣлъ наивность передать австрійскому правительству ноту, въ которой Наполеонъ настаивалъ на соблюденіи Австріею мартовскаго договора 1812 г. Въ періодъ времени между Люценскимъ и Бауценскимъ сраженіемъ, 16 мая явился къ Наполеону графъ Бубна, между тѣмъ какъ въ то же время извѣстный дѣятель 1809 г., графъ Филиппъ Стадіонъ, былъ посланъ въ союзный лагерь: Наполеону были сдѣланы въ весьма дружественной формѣ весьма удобныя для него предложенія. Миръ представлялся возможнымъ при очень умѣренныхъ уступкахъ:—рѣчь шла о Варшавѣ, Иллиріи, захватахъ на Эльбѣ, нѣкоторомъ увеличеніи Пруссіи и т. п. Это привело только къ тому, что Наполеонъ оскорбился и сдѣлалъ попытку завязать сношенія съ Россіей: но въ русскій лагерь посланный Наполеона не былъ допущенъ и послѣдовала вторая битва, а за нею и перемиріе.

Это перемиріе для Наполеона имѣло бы только въ томъ случаѣ нѣкоторую силу, если бы за нимъ послѣдовалъ миръ, и вотъ именно этого-то въ Германіи болѣе всего и опасались. Но Наполеонъ былъ такъ неосторожень и такъ высокомѣренъ, что не принялъ мира, предлагаемаго ему на весьма умѣренныхъ условіяхъ. Тогда послѣдовало, 28 іюня, личное свиданіе Меттерниха съ Наполеономъ: Меттернихъ спеціально пріѣхалъ въ Дрезденъ для переговоровъ съ Наполеономъ Переговоры эти происходили съ-глазу-на-глазъ, а потому о нихъ никто ничего не знаетъ,

кромѣ того, что̀ Меттерних̀ впослѣдствіи и притомъ долгое время спустя счелъ возможнымъ сообщить; о значеніи этихъ переговоровъ можно судить по тому, что свиданіе продолжалось 9 часовъ подъ-рядъ, и когда Меттерних̀ вышелъ изъ кабинета Наполеонова и генералы въ пріемной обратились къ Меттерниху съ тревожнымъ вопросомъ: «миръ или война?»— тотъ не могъ выдержать, и впечатлѣніе, вынесенное изъ бесѣды съ Наполеономъ, выразилъ въ словахъ: «клянусь вамъ честью, что у вашего государя умъ зашелъ за разумъ!»

Рейхенбахскіи договоръ: — распаденіе мирнаго конгресса.

За день до этого графъ Стадіонъ въ *Рейхенбахѣ* подписалъ договоръ съ союзниками, по которому Австрія приступала также къ Калишскому союзу; въ Рейхенбахѣ же заключены были между Пруссіей и Англіей, 14-го іюля, а 15-го—между Англіей и Россіей—союзные и субсидіальные договоры. Положено было сообща поставить Наполеону слѣдующія условія: — упраздненіе герцогства Варшавскаго и раздѣленіе его территоріи между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши; возвращеніе Данцига увеличенной въ объемѣ Пруссіи, очищеніе крѣпостей въ Пруссіи и Польшѣ; возвращеніе иллирійскихъ провинцій Австріи, возстановленіе Ганзейскихъ городовъ въ ихъ правахъ, возвращеніе Ганновера Англіи, упраздненіе Рейнскаго союза, уступка областей, которыми владѣли въ Германіи французскіе принцы; но послѣднія три условія были поставлены только такъ—на всякій случай; Австрія удовольствовалась бы и остальными, лишь бы только онъ быстро и рѣшительно ихъ принялъ. Всѣ окружающіе Наполеона были сильно расположены въ пользу этихъ условій; его генералы, которыхъ онъ обогатилъ и которые еще болѣе разбогатѣли на его службѣ, тяготились войною, которая не давала имъ возможности пользоваться своими право-и неправо-нажитыми богатствами; сверхъ того, приближеннымъ Наполеона было извѣстно (съ 29-го іюня), какой дурной оборотъ приняли дѣла въ Испаніи. Преданнѣйшіе слуги Наполеона совѣтовали ему принять предлагаемыя условія; для дальнѣйшихъ переговоровъ между Меттернихомъ и Марэ (Наполеоновымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) былъ открытъ въ *Прагѣ*, 12 іюля, конгрессъ. Но на этомъ конгрессѣ дѣло не клеилось; ни союзники, Пруссія и Россія, ни французскіе уполномоченные, когда они наконецъ прибыли на конгрессъ—не выказывали особеннаго усердія къ заключенію мира. И едва только успѣли объ стороны сговориться между собою о формальной сторонѣ переговоровъ, какъ уже наступилъ срокъ перемирія. Еще разъ попытался Наполеонъ добиться непосредственнаго соглашенія сначала съ Россіей, а потомъ съ Австріей, т. е., другими словами — порвать связь между союзниками; но никто изъ нихъ не поддался на эту удочку:—послѣдовалъ со стороны Австріи ультиматумъ, по которому предлагалось принять условія въ 24 часа, такъ какъ перемиріе уже истекало. 24 часа миновали—отвѣта не было; въ полночь съ 10-го на 11-е августа перемиріе окончилось и тотчасъ же сигнальные огни, запылавшіе всюду на горахъ, возвѣстили войскамъ, что война должна была начаться вновь. Въ отвѣтѣ Наполеона, полученномъ на слѣдующій день, онъ требовалъ еще Данцига и Тріеста и крайнимъ предѣломъ Рейнскаго Союза устанавливалъ Одеръ.

Наполеонъ предполагалъ, что силъ его будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы восторжествовать надъ коалиціей даже и въ томъ случаѣ, если къ ней примкнетъ Австрія, и предположенія его нельзя назвать вполнѣ химерическими. По примѣру Фридриха Великаго мы знаемъ, какъ громадны бываютъ преимущества одной твердой воли надъ многоголовой коалиціей, и эта послѣдняя борьба съ Наполеономъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, еще должна будетъ намъ показать, какіе промахи, ошибки, случайности, полу-предательства и даже положительныя предательства оказываются возможны въ коалиціонномъ веденіи войны; но все же Наполеонъ не вполнѣ ясно сознавалъ опасность этой войны, въ которой противъ него за-одно дѣйствовали два злѣйшихъ его врага—національнизмъ и легитимизмъ. Онъ прикидывался, будто не придаетъ никакого значенія національнизму, а между тѣмъ, на дѣлѣ, онъ долженъ былъ испытать на себѣ всю страшную его силу, а о легитимизмѣ, побуждавшемъ все, что только было стараго и знатнаго въ Европѣ, отъ папы и до послѣдняго дворянина, къ инстинктивной борьбѣ противъ него, какъ представителя революціи, какъ выскочки-плебея, какъ сына корсиканскаго адвоката, — объ этомъ онъ, повидимому, даже и не помышлялъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Возобновленіе войны.

Онъ отлично съумѣлъ воспользоваться срокомъ перемирія и при возобновленіи военныхъ дѣйствій, съ 11-го августа, большого различія въ силахъ воюющихъ сторонъ не было замѣтно. Но и Русскіе, и Пруссаки не упустили этого времени даромъ. Пруссія болѣе, чѣмъ когда-либо, за это время, напоминала собою большой военный лагерь: около 100,000 ландвера было на-готовѣ, и весьма важно было то, что настроеніе всей германской націи (даже въ областяхъ, еще бывшихъ подъ гнетомъ чужеземнаго владычества) было, по отношенію къ союзникамъ, самое сочувственное. Это настроеніе нашло себѣ отклики, впервые, и въ современной литературѣ — въ твореніяхъ Теодора Кёрнера, Э. М. Арндта, Макса ф.-Шенкендорфа — и младшихъ поэтовъ, Фридриха Рюкерта и Лудвига Уланда, и множества другихъ, не настолько выдающихся, но не менѣе проникнутыхъ патріотизмомъ. Горько подумать, что величайшій изъ тогдашнихъ нѣмцевъ-писателей, геніальный Гёте, одинъ выказалъ полное равнодушіе къ этому настроенію, держался отъ него въ сторонѣ, и въ этотъ періодъ обновленія нѣмецкой жизни находилъ возможность придерживаться воззрѣній предшествующаго періода — чего-то средняго между космополитизмомъ и филистерствомъ.

Военныя силы союзниковъ теперь возросли, хотя и постепенно, однакоже до значительныхъ массъ: 270,000 Пруссаковъ, 260,000 Австрійцевъ, 250,000 Русскихъ, 20,000 Шведовъ. Будущій планъ войны уже съ начала перемирія былъ предметомъ общихъ обсужденій, въ которыхъ заочно своими совѣтами участвовалъ и Шарнгорстъ, раненый при Бауценѣ и потому еще прикованный къ одру болѣзни въ Прагѣ. Къ сожалѣнію, этотъ полезный дѣятель не могъ долѣе нести службу общему дѣлу:—онъ скончался въ Прагѣ 28-го іюня—въ тотъ самый день, когда Меттернихъ, изъ продолжительной бесѣды съ Наполеономъ, вынесъ убѣжденіе, что слѣдуетъ перейти на сторону союзниковъ. На съѣздѣ въ Трахенбергскій планъ войны. Военныя силы.

Трахенбергъ, въ Силезіи, на которомъ присутствовалъ и Шведскій кронпринцъ, планъ войны былъ окончательно установленъ. Онъ былъ хотя и не черезчуръ смѣлымъ, однакоже цѣлесообразнымъ, и подходилъ какъ разъ къ условіямъ общаго положенія и къ потребностямъ коалиціоннаго веденія войны.



Гергардъ Ф.-Шарнгорстъ.
Современный портретъ, работы Бури.

Силы союзниковъ были раздѣлены на *три* арміи, въ составъ которыхъ преднамѣренно введены были контингенты различныхъ національностей: 1) *Богемскую* армію или *главную*, подъ главнымъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга (287,000 Русскихъ, Пруссаковъ и Австрійцевъ, при 700 орудіяхъ); 2) *Силезскую* (95,000 ч. при 356 орудіяхъ)—изъ Русскихъ и Пруссаковъ, подъ командою прусскаго генерала Блюхера; 3) *Съверную* (154,000 чел., Пруссаковъ, Русскихъ, Шведовъ и другихъ болѣе мелкихъ контингентовъ, при 387 орудіяхъ), которой, отчасти по настоянію Россіи, данъ былъ въ предводители кронпринцъ Шведскій, впослѣдствіи не мало навредившій общему дѣлу союзниковъ. Всѣ эти три арміи должны были дѣйствовать наступательно; но такъ какъ Наполеонъ со своей 400,000-й арміей господствовалъ надъ всѣмъ теченіемъ Эльбы, отъ истока до устья, занимая центръ круга и такимъ образомъ имѣлъ на своей сторонѣ «преимущества внутреннихъ линій»,—какъ говорятъ военные спеціалисты, — то и должно было такъ дѣйствовать, чтобы та армія, противъ которой онъ бы обратился со своими главными силами, — отступила передъ нимъ и тѣмъ самымъ дала возможность двумъ другимъ продвинуться впередъ; летучимъ же отрядамъ, которыхъ было не мало, выпадала на долю такая задача: постоянно угрожать связи между отдѣльными частями непріятельской арміи, дѣйствовать въ тылу ея, и тѣмъ самымъ еще болѣе усиливать то чувство опасенія, которое несомнѣнно и безъ того уже существовало въ рядахъ Франпу-

зовъ, такъ какъ войска ихъ, по большей части, были физически слабѣе войскъ союзниковъ, а войска Рейнскаго Союза не могли назваться вполнѣ и безусловно надежными.

Слабѣйшею, и въ то же время для Наполеона наиболѣе опасною частью союзной арміи, была армія *Сѣверная:* — опаснѣйшею потому, что въ Берлинѣ и старо-прусскихъ областяхъ былъ главный очагъ и центръ настоящей національной войны; слабѣйшею потому, что эта армія подчинена была, въ качествѣ главнокомандующаго, Шведскому кронпринцу, который не отличался ни дѣятельностью, ни особеннымъ усердіемъ къ общему дѣлу союзниковъ.



Битва при Гроссберенѣ.

Графъ М. И. Платовъ.

Противъ этой арміи Наполеонъ и направилъ первый ударъ. Съ 70,000 арміей, состоявшей изъ итальянскихъ, вюртембергскихъ, саксонскихъ, вюрцбургскихъ, вестфальскихъ и баварскихъ войскъ, союзная армія была достаточно сильна для того, чтобы и она могла перейти въ наступленіе, но кронпринцъ объ этомъ и не подумалъ, и даже тогда, когда Удино находился уже всего въ 6 часахъ разстоянія отъ Берлина, кронпринцъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы избѣжать побѣды. Онъ полагалъ, или хотѣлъ показать видъ, что такъ полагаетъ, что на него наступаетъ самъ Наполеонъ, съ главными силами — и готовъ былъ уже уступить непріятелю Берлинъ, если бы только это было въ его власти. Онъ даже имѣлъ неосторожность, въ присутствіи подчиненныхъ ему прусскихъ генераловъ, выразиться такъ: «Берлинъ! Ну, что такое Берлинъ?—не такой же-ли городъ, какъ и другіе?» Но это не помѣшало генералу Бюлову вступить въ битву съ арміей Удино (23 августа послѣ полудня), при *Гроссберенѣ*, въ 5 часахъ на югъ отъ Берлина, и нанести непріятелю пораженіе. Уронъ Французовъ 3,000 или 4,000 чел., въ томъ числѣ 1,500 плѣнныхъ; при этомъ отбито было 14 орудій и 2,000 ружей; прусскій уронъ равнялся 150—убитыми, 900—ранеными (въ томъ числѣ только 7 Шведовъ!). Для характеристики отношеній, существовавшихъ въ коалиціонной арміи, не мѣшаетъ привести здѣсь, что уже и это первое удачное дѣло повело къ пререканіямъ между начальствующими лицами. Кронпринцъ оказался почему-то недоволенъ дѣйствіями Бюлова и нѣсколько иначе изложилъ ходъ самаго дѣла въ бюллетенѣ; Бюловъ воспылалъ

гнѣвомъ и представилъ свое опроверженіе донесенія о битвѣ; но прусская военная цензура не допустила его напечатанія. Бюловъ удовольствовался тѣмъ, что сослался «на 40,000 свидѣтелей»; но, благодаря этимъ пререканіямъ, кронпринцъ не захотѣлъ послѣдовать его доброму совѣту— немедленно преслѣдовать потерпѣвшаго пораженіе врага и перейти къ энергическому наступленію.

Стычка у Гагельсберга.

26 августа, вслѣдъ за удачнымъ дѣломъ при Гроссберенѣ, произошла не менѣе удачная стычка у *Гагельсберга*. Генералъ Жираръ двинулся изъ Магдебурга, на поддержку задуманныхъ маршаломъ Удино военныхъ операцій: Жираръ имѣлъ въ виду тревожить правый флангъ Сѣверной арміи союзниковъ; однакоже, отгѣснивъ шесть батальоновъ и нѣсколько эскадроновъ, подъ командою генерала Путлица, Жираръ остановился, узнавъ о неудачѣ, которой закончилось движеніе, предпринятое маршаломъ Удино. Тѣмъ временемъ часть корпуса Тауенціена зашла ему въ тылъ и отрѣзала его отъ Магдебурга: произошла кровопролитная стычка, 27-го числа, и только благодаря ночной темнотѣ остатки Жираровскаго отряда спаслись отъ полнаго уничтоженія. Дѣло было очень жаркое. Съ той и съ другой стороны совсѣмъ еще молодые солдаты, почти необкуренные порохомъ, дрались съ большимъ ожесточеніемъ, дѣйствуя болѣе прикладами, нежели штыками: грудами непріятельскихъ тѣлъ была завалена вся ограда деревни Гагельсбергъ.



В. фонъ-Бюловъ (фонъ-Денневицъ).
Королевско-прусскій генералъ-лейтенантъ.
Писано Дэлингомъ, гравировано ф.-Боллингеромъ.

Не особенно удачною оказалась ловкая диверсія, которою Даву долженъ былъ поддержать ударъ главныхъ силъ, направленный противъ Берлина. И Даву дѣйствовалъ здѣсь, какъ и большая часть Наполеоновскихъ полководцевъ, гораздо плоше, нежели въ былое время: онъ

отступилъ при первыхъ неблагопріятныхъ извѣстіяхъ, удовольствовавшись небольшими и совершенно безплодными стычками. Здѣсь съ нѣмецкой стороны дѣйствовалъ и легкій кавалерійскій отрядъ Люцовцевъ, и въ одной изъ только что помянутыхъ стычекъ, близъ Гадебуша, въ западномъ Мекленбургѣ, 26 августа палъ Теодоръ Кёрнеръ жертвою своей пылкой, необузданной отваги. Такимъ образомъ, начало военныхъ дѣйствій, на этотъ разъ, нельзя было назвать неблагопріятнымъ, и событія быстро слѣдовали за событіями: въ это же время, въ двухъ другихъ мѣстахъ, произошли два рѣшительныхъ сраженія, одно весьма удачное, а другое—какъ бы въ противовѣсъ ему—крайне несчастливое по своимъ результатамъ.



Князь Блюхеръ фонъ-Вальштатъ.

По современной гравюрѣ.

Во главѣ командованія *Силезскою* арміею, восточною изъ трехъ союзныхъ, стоялъ Гебгардъ Леберехтъ *фонъ-Блюхеръ* (род. декабря 1742), съ именемъ котораго мы встрѣтились впервые въ несчастный 1807 г. Состоя по службѣ при Фридрихѣ Великомъ, онъ за какую-то неисправность на службѣ былъ обойденъ при производствѣ чиномъ и тотчасъ потребовалъ отставки (1773 г.): «ротмистръ фонъ-Блюхеръ можетъ убираться къ чорту!» — гласилъ лаконическій отвѣтъ Фридриха. Блюхеръ поселился въ деревнѣ, занялся сельскимъ хозяйствомъ и посвятилъ себя домашней и семейной жизни, но онъ чувствовалъ, что былъ отторгнутъ отъ своего истиннаго призванія, къ которому имѣлъ возможность вернуться только уже по смерти Фридриха II. Онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ смѣлый кавалеристъ и весьма разумный военачальникъ; въ несчастный годъ общаго погрома Пруссіи, онъ оказался однимъ изъ немногихъ, съумѣвшихъ поддержать честь прусской арміи, и дальновидный Шарнгорстъ отлично понялъ, что это былъ именно настоящій полководецъ для войны народной. И дѣйствительно этотъ 70-ти-лѣтній старецъ, величавой и воинственной наружности,

полный силъ и юношескаго пыла, и юношеской ненависти противъ Французовъ, могъ быть названъ истымъ представителемъ всенароднаго воинственнаго одушевленія. Это былъ неученый, но настоящій солдатъ; въ войнѣ онъ зналъ толкъ, и всѣ хвалили его быстрый и острый взглядъ: — важнѣе же всего было то, что онъ не боялся никакого врага, ни даже самого Наполеона, передъ которымъ техники войны и всякіе генералы-дипломаты отступали съ почтеніемъ. Онъ не походилъ ни на кого изъ современныхъ вылощенныхъ общественныхъ дѣятелей и его энергическія, но удивительно своеобразныя, хотя и полуграмотныя письма очень напоминаютъ своимъ слогомъ и оборотами письма Фридриха Великаго. Іоркъ, недоброжелательно относившійся ко всѣмъ военнымъ дѣятелямъ, которые не могли съ нимъ равняться въ образованности и въ глубокомъ знаніи военнаго искусства, утверждалъ, что Блюхеръ обязанъ своею популярностью случайности, и что эта популярность вовсе не соотвѣтствуетъ его природнымъ способностямъ. Когда-же Шарнгорста стали предостерегать относительно разныхъ чудачествъ и выходокъ Блюхера, онъ возразилъ съ необычайною горячностью: «ну, такъ что же? Онъ долженъ быть главнокомандующимъ, хотя бы у него сто чудачествъ въ головѣ было!» И онъ былъ правъ; Блюхеръ пришелся всѣмъ по вкусу—даже русскій солдатъ относился къ нему одобрительно; а всѣ его недостатки пополнялись начальникомъ его генеральнаго штаба генераломъ *Гнейзенау*, который, вмѣстѣ съ Бюловымъ, можетъ быть названъ однимъ изъ способнѣйшихъ военачальниковъ въ союзной арміи. И дѣйствительно, онъ служилъ отличнымъ дополненіемъ къ Блюхеру. Блюхеръ не безъ досады видѣлъ себя обреченнымъ на оборонительный способъ дѣйствій, на основаніи трахенбергскаго плана. Онъ успокоился только тогда, когда Барклай сказалъ ему, что, имѣя въ рукахъ 100,000 армію, мудрено ограничиться только однимъ оборонительнымъ способомъ дѣйствій; и онъ



Графъ Нейдгардъ фонъ-Гнейзенау.
Портретъ писанъ Каролиною фонъ-Ридэзель.

не стѣсняясь заявилъ монархамъ, что принимаетъ на себя званіе главнокомандующаго только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что ему будетъ дозволено атаковать непріятеля всюду, гдѣ онъ это найдетъ для себя удобнымъ. На это заявленіе онъ никакого отвѣта не получилъ, и, ссылаясь на нѣкоторыя противныя условіямъ перемирія рекогносцировки Французовъ въ промежуточной нейтральной полосѣ, онъ, еще до истеченія перемирія (15 августа), уже двинулся на эту промежуточную полосу, а рано утромъ 17-го числа уже завязалъ дѣло съ Французами. Наполеонъ думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, когда еще Богемская армія станетъ сбираться дѣйствовать, для того, чтобы направить ударъ противъ Блюхера. 21-го числа онъ явился у Лёвенберга, намѣреваясь съ большимъ перевѣсомъ въ силахъ ударить на противника, горячность котораго ему была хорошо извѣстна. Однакоже Блюхеръ, убѣдившись въ большомъ перевѣсѣ непріятельскихъ силъ, обуздалъ свою гусарскую удаль и, согласно принятому плану войны, отступилъ не безъ серьезныхъ потерь: онъ слишкомъ ужъ много возлагалъ надеждъ на своихъ солдатъ, считая и для нихъ, какъ и для себя, все возможнымъ,—и вслѣдствіе этого, между нимъ и генераломъ Іоркомъ (привыкнувшимъ тонко взвѣшивать всѣ шансы возможнаго и не допускавшимъ «геніальнаго веденія войны») дѣло дошло до крупныхъ непріятностей. Однакоже отступленіе Блюхера вынудило Наполеона измѣнить планъ дѣйствій. Къ тому же, въ ночь съ 23-го на 24-е августа, Наполеонъ прослышалъ о наступленіи богемской арміи, предоставилъ корпусу Макдональда въ 80, а по другимъ извѣстіямъ въ 60,000 чел., дѣйствовать противъ Блюхера, а самъ поспѣшилъ къ Дрездену, чтобы съ этой стороны дать отпоръ нападенію союзной арміи. Туда же приказалъ онъ двинуть и всѣ тѣ войска, какія оказались бы ненужны для дѣйствій противъ Блюхера.

Но едва только Наполеонъ уѣхалъ, какъ Блюхеръ вновь перешелъ къ наступленію. Онъ выдержалъ весьма тягостную сцену съ Іоркомъ, и впечатлѣніе ея отчасти отразилось и на русскомъ генералѣ Ланжеронѣ, который въ Блюхерѣ видѣлъ только «рубаку» (un vieux sabreur); но, по счастью для Блюхера и какъ бы въ оправданіе его способа дѣйствій, оказалось, что Французы, предполагавшіе его въ полномъ отступленіи, сами двинулись противъ Блюхера и напросились на битву, которой онъ искалъ. Такимъ образомъ и произошелъ бой на равнинѣ между быстрою Нейссою и Кацбахомъ — на правомъ берегу послѣдняго. Французы подпялись на крутой берегъ и оттѣснили передовыя войска Блюхера: выбравшись на плато, они стали занимать его и на немъ выстраиваться. А тутъ какъ на бѣду пошелъ сильнѣйшій ливень, такъ что огнемъ ружейнымъ почти нельзя было дѣйствовать; наконецъ, построеніе было закончено и въ 3 часа союзники перешли въ наступленіе, дѣйствуя преимущественно холоднымъ оружіемъ, штыкомъ и прикладомъ. Къ вечеру пораженіе Французовъ оказалось полное: продвинувшись слишкомъ впередъ, въ невыгодной позиціи, они не выдержали энергическаго и настойчиваго натиска противниковъ, стали отступать, и отступленіе ихъ вскорѣ превратилось въ безпорядочное бѣгство. При этомъ значительнымъ препятствіемъ для бѣгущихъ служили тѣ самые ручьи, черезъ которые

Битва при Кацбахѣ.



И. С. Дороховъ.

утромъ Французы свободно переходили въ бродъ: теперь же они вздулись отъ дождя, и обратились въ бурные потоки, которые поглотили многихъ бѣгущихъ. Только на слѣдующій день выяснились результаты побѣды. Русскій генералъ Ланжеронъ 29 августа разгромилъ дивизію Нюто и взялъ въ плѣнъ 4,000 непріятелей. По указаніямъ Блюхерова донесенія о битвѣ, пораженіе Французовъ было весьма серьезно: 18,000 плѣнныхъ и 103 пушки достались побѣдителямъ, у которыхъ уронъ оказывался сравнительно весьма незначительнымъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ пришла тѣмъ болѣе кстати, что въ тотъ же день богемская армія союзниковъ начала свои военныя дѣйствія съ большой неудачи.

Богемская армія. Пораженіе при Дрезденѣ.



Князь Шварценбергъ.
Гравировалъ М. Стейпля 1822 г.

Этою арміею командовалъ князь Карлъ-Филиппъ *фонъ-Шварценбергъ*, пользовавшійся весьма хорошей репутаціей и какъ дипломатъ, и какъ воинъ; первое изъ этихъ качествъ являлось весьма желательнымъ въ лицѣ главнокомандующаго коалиціонною арміею, при которой находились три монарха, и слѣдовательно необходимъ былъ посредникъ, вполнѣ способный сгладить всѣ шероховатости и избѣгнуть всякихъ столкновеній; но зато, какъ воинъ, которому предстояло командовать 200,000 арміей и притомъ вести ее къ побѣдамъ, да еще противъ самого Наполеона, — къ такой задачѣ, конечно, Шварценбергъ не годился. 22-го августа, большія массы богемской арміи, четырьмя громадными колоннами перешли черезъ Рудныя горы. На гра-

ницѣ Лаузица онѣ были встрѣчены благопріятнымъ предзнаменованіемъ: здѣсь два вестфальскіе конные полка перешли на сторону союзниковъ. Планъ движенія на Дрезденъ былъ весьма удачнымъ. Если бы они прямо двинулись въ этомъ направленіи, то, конечно, небольшой корпусъ французскаго войска, подъ начальствомъ Гувіона де С.-Сира, стоявшій около Дрездена, былъ бы ими раздавленъ, и тогда Наполеонъ лишился бы важнаго опорнаго пункта своихъ операцій. Но, къ сожалѣнію, надо сознаться, что, при сложномъ устройствѣ коалиціоннаго механизма, никакая быстрота дѣйствій не была возможна. 25-е число, — въ теченіе котораго и перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ союзниковъ, и возможность неожиданнаго нападенія, — протекло безъ всякой пользы, потому что у Шварценберга все еще не всѣ силы были въ сборѣ, а 26-го завязалась битва, дрались до полудня, но какъ-то безсвязно... Общая атака, на подобіе какого-нибудь концерта или раута, была назначена въ 4 часа—ровно въ 4 часа! Такимъ образомъ Наполеонъ имѣлъ полную возможность поспѣть на мѣсто битвы изъ Силезіи. Часть своей арміи, подъ командою Вандамма, Наполеонъ направилъ къ Пирнѣ (на лѣвомъ берегу Эльбы), на большую дорогу въ Богемію, главный путь отступленія союзниковъ въ случаѣ пораженія, которое онъ съ увѣренностію разсчитывалъ имъ нанести. 26-го августа, утромъ, въ 9 часовъ, онъ уже былъ на мѣстѣ; его присутствіе, какъ и всегда, воодушевило солдатъ и войска всюду привѣтствовали его обычнымъ восторженнымъ кликомъ: «vive l'Empereur!» И самимъ жителямъ Дрездена, на этотъ разъ, Наполеонъ представлялся чуть-ли не избавителемъ ихъ отъ всѣхъ ужасовъ штурмованія города *) большою арміею, послѣ долгой и упорной битвы. Съ высоть лѣваго берега, съ того мѣста, гдѣ стояли монархи и самъ главнокомандующій, можно было видѣть нескончаемые ряды войскъ, двигавшіеся по всѣмъ дорогамъ, на правомъ берегу Эльбы. Самъ Наполеонъ находился на мосту, перекинутомъ черезъ широкую рѣку и соединяющемъ новый городъ со старымъ; полкъ за полкомъ проходилъ мимо его и лично отъ него получалъ приказанія. По трахенбергскому плану войны, богемской арміи слѣдовало бы отступить, потому что «самъ императоръ» былъ на-лицо. Но у союзниковъ силы были весьма значительны — 150,000 человѣкъ, до 400 орудій — и еще ожидалось до 50,000 войска: отступленіе такой арміи безъ боя должно было бы на всѣхъ произвести удручающее впечатлѣніе. Ровно въ 4 часа, три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили начало общаго наступленія всей арміи: но укрѣпленный Наполеономъ городъ представлялъ прекрасные пункты для обороны, и атака была отбита. Между тѣмъ силы Французовъ постепенно возрастали и уже въ 6 часовъ пополудни они сами могли перейти въ наступленіе; лишь поздно вечеромъ штурмованіе города было прекращено и оказалось совершенно безплоднымъ. Второй день битвы, 27 августа, начался при сильнѣйшемъ дождѣ. Союзники поступили совершенно неправильно, не уклонившись во-время отъ наступательнаго движенія, которое теперь, въ свою очередь, предпринялъ Наполеонъ; кровавая борьба возобновилась

*) Наполеонъ укрѣпилъ Старый городъ, насколько было возможно.

и всюду стала принимать оборотъ, неблагопріятный для союзниковъ; въ довершеніе всего Наполеону удалось обойти лѣвое крыло союзниковъ, у которыхъ потери были уже громадны (около 15,000 убитыхъ и раненыхъ), и здѣсь разомъ было захвачено до 20,000 плѣнныхъ! Тогда рѣшено было начать отступленіе. Пораженіе было полное и жестокое, а худшее-то еще предстояло впереди:—отступленіе этой арміи, потерпѣвшей пораженіе, нуждавшейся въ продовольствіи, утомленной битвою, и притомъ отступленіе черезъ горы, по дурной дорогѣ и въ отвратительную погоду. Да еще по пятамъ этой арміи долженъ былъ слѣдовать такой полководецъ, какъ Наполеонъ, который уже и безъ того успѣлъ преградить ей одну изъ важнѣйшихъ дорогъ корпусомъ Вандамма.

Вандаммъ при Кульмѣ.

По счастью, именно при этомъ отступленіи произошло нѣчто такое, что вдругъ склонило чашку вѣсовъ въ пользу союзниковъ. Вандаммъ еще 26 августа овладѣлъ позиціей при Пирнѣ и Кёнигштейнѣ, оттѣснивъ принца Евгенія Вюртембергскаго послѣ мужественнаго сопротивленія. Задача, предложенная этому юному, 25-ти-лѣтнему, но уже опытному вождю, заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ прикрывать правый флангъ богемской арміи во время битвы и теперь, при отступленіи, къ нему подоспѣли русскія войска съ праваго крыла и 28 августа, при ихъ помощи, ему удалось ранѣе Французовъ занять большую дорогу изъ Дрездена въ Тёплицъ. По плану Наполеона, Вандаммъ, подкрѣпленный корпусами С.-Сира и Мортье, долженъ былъ занять Тёплицъ и тамъ приготовиться встрѣтить отступающія колонны богемской арміи, по ихъ выходѣ изъ горъ; и если бы этотъ планъ былъ выполненъ — пораженіе этой арміи закончилось бы страшною катастрофою. Но, неизвѣстно по какимъ причинамъ *),—оба корпуса, и Мортье, и С.-Сира, получили контръ-ордеры, а Вандамму не было о томъ послано никакого извѣщенія. Вообще было замѣтно, что Наполеонъ, въ это время, гораздо болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, сталъ заботиться объ удобствахъ жизни:—онъ продвинулся было на часъ пути отъ Дрездена по направленію къ Пирнѣ, однакоже уѣхалъ обратно въ Дрезденъ и не только 29-го августа, но и 30-го — не выходилъ изъ своего кабинета. Не то, что въ былые годы! Но и одинъ Вандаммъ, со своимъ 40,000-мъ корпусомъ, далеко превосходилъ силами противупоставленный ему 15,000-ый отрядъ принца Евгенія и Остермана. Онъ сталъ напирать: 29-го, рано утромъ, онъ вытѣснилъ непріятеля въ Тёплицкую долину, затѣмъ въ Поллендорфъ и *Кульмъ*. Въ то время, когда жители Кульма выходили изъ церкви, послѣ утренняго богослуженія — жаркая битва уже кипѣла въ ихъ долинѣ, въ ихъ селѣ, въ ихъ одворкахъ. Французы напирали все сильнѣе и сильнѣе, а масса богемской арміи еще пробиралась черезъ тѣснины горъ; Остерманъ еще ночью далъ знать о томъ положеніи, въ которомъ находился, и отъ Прусскаго короля получилъ приказаніе: «держаться, во что бы то ни стало—иначе все пропало». Всюду уже были разосланы гонцы за помощью, и войска, по-ротно и по-батальонно, по мѣрѣ того, какъ выступали изъ горъ, на-

*) Одни ссылаются на внезапное нездоровье Наполеона, другіе—на полученныя имъ извѣстія о неудачахъ Удино и Макдональда.

правляемы были на поле битвы. Но и эта помощь еще не успѣла подойти, а уже 8—9 часовъ длилась геройская борьба 15,000 русскихъ бойцовъ противъ вдвое сильнѣйшаго врага. Въ рѣшительную минуту, когда дѣло шло о томъ, чтобы батареи, стоявшія въ центрѣ позиціи, не достались въ руки Французамъ, принцъ Евгеній послалъ просить, чтобы ему были присланы на помощь нѣсколько батальоновъ русской гвардіи, еще не бывшей въ дѣлѣ; батальоны были ему присланы, и эти храбрецы продержались на своей позиціи до наступленія темноты, когда наконецъ крайнее утомленіе обѣихъ сторонъ вынудило къ прекращенію битвы; не слѣдуетъ забывать, что у Русскихъ выбыло изъ строя 6,000 человѣкъ, а подкрѣпленій въ тотъ день они получили очень немного. Однакоже главная опасность миновала: теперь съ каждымъ часомъ силы ихъ возрастали. И Вандаммъ, который за это дѣло надѣялся получить маршальскій жезлъ, тоже поджидалъ подкрѣпленій: — Мортье и С.-Сиръ должны же были наконецъ прійти! Твердо увѣренный въ томъ, что они вскорѣ должны подойти, онъ возобновилъ битву утромъ 30-го числа. И вотъ, съ той самой сѣверной стороны, съ которой онъ ожидалъ подкрѣпленій, на него надвинулась его погибель. Полковникъ Клейстъ, во главѣ прусскаго отряда, въ то время, какъ онъ направлялся къ Фюрстенвальду, получилъ приказаніе двинуться въ Тёплицкую долину, на поле битвы между Остерманомъ и Вандаммомъ; въ то же самое время до него дошла вѣсть, что горныя дороги, ведущія изъ Фюрстенвальда въ Тёплицъ, всѣ загромождены обозами, и свободною оказывается только дорога черезъ Голлендорфъ. Эта дорога, правда, выводила его въ тылъ Вандамму, но, вѣрнѣе, можно было попасть какъ разъ въ руки высланнымъ на подкрѣпленіе Вандамму корпусамъ и очутиться между двухъ огней. Клейстъ вынужденъ былъ принять рѣшеніе, о которомъ 30-го августа утромъ сообщилъ и всему отряду, и смѣло двинулся впередъ.



А. П. Ермоловъ.

По современной гравюрѣ.

Пораженіе Вандамма.

Между тѣмъ битва въ Кульмской долинѣ продолжалась съ большимъ ожесточеніемъ, не приводя ни къ какому результату. Въ 10 часовъ утра послышались пушечные выстрѣлы на высотахъ справа, внизъ по долинѣ: Французы ободрились и съ удвоенной отвагой бросились впередъ: они

вообразили, что подходятъ ожидаемые вспомогательные корпуса.... Но вскорѣ Вандамму стало извѣстно, что съ высотъ приближаются враги, что онъ долженъ очутиться между двухъ огней—что гибель его наступаетъ! Оставалось только одно: пробиться съ оружіемъ въ рукахъ. И онъ сохранилъ полное присутствіе духа: въ послѣднемъ отчаянномъ натискѣ обратился онъ противъ наступающаго Клейста, и дѣйствительно, пробившись сквозь ряды его войска, спасъ часть своего корпуса отъ неминуемой гибели. Но когда, около 2-хъ—3-хъ часовъ, битва была уже на исходѣ, оказалось, что Французы потеряли 5,000 человѣкъ убитыми и ранеными, 10,000 плѣнными, 80 орудій, весь свой обозъ, два орла, 3 знамени и большую часть своихъ офицеровъ и генераловъ. Среди плѣнниковъ находился и самъ Вандаммъ...

Битва при Денневицѣ.

На этомъ полѣ битвы сошлись и Русскіе, и Австрійцы, и Пруссаки; и хотя Русскіе болѣе всѣхъ отличились въ Кульмской битвѣ, однакоже корпусъ Вандамма былъ окончательно уничтоженъ общими усиліями союзниковъ. Пораженіе, понесенное при Дрезденѣ, было заглажено тремя блестящими побѣдами, положеніе замѣтно измѣнилось и никакія помышленія о мирѣ, которыя, послѣ дрезденской битвы, стали было являться у Меттерниха, теперь не оказывались уже умѣстными. За этими днями непрерывныхъ битвъ, отъ 23—30 августа, послѣдовало нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ обѣ стороны стали готовиться къ послѣднему большому побоищу. Наполеонъ, лишившійся за это время 70,000 незамѣнимыхъ солдатъ, еще разъ попытался направить ударъ противъ сѣверной арміи союзниковъ, надѣясь, что ему не трудно будетъ одолѣть Бернадотта, который не съумѣлъ даже воспользоваться своимъ успѣхомъ при Гроссберенѣ. Наполеонъ двинулъ Нея съ 3-мя армейскими корпусами, всего около 70,000 человѣкъ,—чтобы повторить движеніе Удино. Опять пришлось препираться съ кронпринцемъ изъ-за битвы: дошло до того, что наконецъ подчиненные ему генералы отказались ему повиноваться. Наконецъ, битва была дана, 6 сентября, при *Денневицѣ*, къ западу отъ Ютербока: въ ней участвовали 50,000 Пруссаковъ, преимущественно ландвера, небольшое количество Русскихъ и Шведовъ; самъ главнокомандующій не принималъ въ битвѣ участія, и съ 48 батальонами оставался въ бездѣйствіи. Французы бились не важно; не отличились и ихъ начальники; неудачу сваливали на нѣмцевъ-союзниковъ, но, какъ бы то ни было, перевѣсъ былъ въ сраженіи на сторонѣ союзниковъ и побѣда одержана болѣе полная, чѣмъ при Гроссберенѣ. 15,000 плѣнныхъ, 80 пушекъ достались побѣдителямъ. «Я разбитъ на-голову», — писалъ самъ Ней къ своему императору,—«и даже самъ не знаю, собралась-ли вновь моя армія послѣ пораженія». Спасенію ея, впрочемъ, въ значительной степени способствовалъ кронпринцъ Шведскій своими неловкими распоряженіями и вялостью преслѣдованія разбитаго непріятеля. Наполеонъ тѣмъ временемъ пытался сколько возможно долѣе удержать за собою свою позицію въ Дрезденѣ, представлявшую ему большія выгоды: единственный въ своемъ родѣ случай къ полной побѣдѣ надъ союзниками, представлявшійся ему послѣ Дрезденской битвы, былъ упущенъ безвозвратно, и притомъ по его винѣ. Тогда онъ рѣшился направить еще одинъ ударъ про-

тивъ арміи Блюхера и возстановить сильно разстроенную армію Макдональда. 4-го сентября явился онъ подъ Бауценомъ, къ которому направлялъ и Блюхеръ свою армію: но и на этотъ разъ Блюхеръ уклонился отъ битвы съ нимъ, согласно основному трахенбергскому плану войны. Самъ Наполеонъ замѣтилъ по этому случаю, что его противники—«эти животныя» (ces animaux), какъ онъ выражался—кое-чему отъ него научились. Тогда онъ повернулъ опять къ Дрездену — и Блюхеръ, вслѣдъ за нимъ, также продолжалъ свое движеніе впередъ. Между тѣмъ въ главной квартирѣ происходили споры различныхъ стратеговъ: являлась странная мысль — отдѣлить отъ силезской арміи 50,000 человѣкъ и присоединить ихъ къ арміи богемской, а потомъ—даже и передвинуть всю силезскую армію въ Богемію; по счастью, однакоже, эти мѣры не были приведены въ исполненіе, и въ главной квартирѣ принятъ былъ другой планъ дѣйствій, исходившій кажется изъ кружка военныхъ, близкихъ къ Блюхеру. Планъ заключался въ томъ, чтобы и сѣверная, и силезская арміи переправились черезъ Эльбу и двинулись бы къ Лейпцигу, куда должны были, затѣмъ, направиться и главныя силы союзниковъ. Этотъ планъ дѣйствительно могъ оказаться для Наполеона гибельнымъ, а пораженіе Наполеона было. видимо, поставлено конечною цѣлью всѣхъ дѣйствій союзниковъ, во что бы то ни стало. Въ этихъ видахъ, 9 сентября, въ Тёплицѣ, былъ заключенъ между Россіей, Пруссіей и Австріей торжественный договоръ, по которому перемиріе и миръ могли быть заключены только съ общаго согласія, и самъ союзъ между ними утвержденъ на болѣе продолжительное время. Тайными параграфами этого соглашенія были даже намѣчены условія возможнаго мира:—возстановленіе Австріи и Пруссіи въ границахъ 1805 года, упраздненіе герцогства Варшавскаго и Рейнскаго Союза, и довольно двусмысленное и неопредѣленное требованіе «полной независимости» (indépendance entière et absolue) для нѣмецкихъ областей между Рейномъ и Альпами.

Положеніе Наполеона.

6-го сентября Наполеонъ былъ вновь въ Дрезденѣ, въ томъ пунктѣ, изъ-за котораго уже такъ много происходило битвъ; къ Дрездену же стала вновь медленно подвигаться и возстановляться въ своемъ составѣ богемская армія. Наполеонъ обратился противъ нея, и 17-го сентября въ Кульмской долинѣ вновь происходили горячіе бои. Но онъ отъ нихъ вдругъ уклонился и не продолжалъ ихъ на слѣдующій день, хотя союзники были вполнѣ готовы ихъ принять. Такимъ образомъ, его удары, направленные противъ силезской и противъ богемской арміи, оказались безполезными:—и тутъ, и тамъ онъ былъ отраженъ и его войска только напрасно утомлялись этими переходами взадъ и впередъ. Въ главной квартирѣ союзниковъ въ это время уже созрѣло рѣшеніе—свернуть влѣво съ дороги къ Дрездену и двинуться въ равнину къ Лейпцигу; а около того же времени и Наполеонъ, послѣ новыхъ и тщетныхъ попытокъ нападенія на силезскую армію (22 и 23 сентября), рѣшился со своей стороны также покинуть правый берегъ Эльбы и передвинуть войска свои на лѣвый.

Союзники переходятъ въ наступленіе.

Для союзниковъ именно въ это время и настала пора энергическаго наступленія, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подоспѣлъ и Беннигсенъ съ большою русскою резервною арміей, въ 57,000 челов. при 200 орудіяхъ;

28-го сентября онъ уже вступилъ въ Богемію. Съ этого дня и началось вновь движеніе богемской арміи впередъ. Странно сказать, что не безъ труда удалось убѣдить Шведскаго кронпринца въ необходимости послѣдовать общему движенію впередъ—по Эльбѣ и далѣе, за эту рѣку. Инициативу въ этомъ движеніи принялъ на себя Блюхеръ:—3-го октября его войска, подъ начальствомъ Іорка, послѣ небольшого дѣла противъ корпуса Бертрана, при *Вартенбергѣ*, очистили себѣ переправу черезъ Эльбу; 4-го октября, послѣ всякихъ пререканій съ Бюловымъ и Тауенціеномъ, двинулся и Шведскій кронпринцъ за Эльбу, при Акенѣ и Рослау. Очень медленно, но все же начало около Наполеона стягиваться желѣзное кольцо и первоначальныя выгоды обладанія *внутренними линіями*, какъ выражаются военные спеціалисты, начинали для него терять всякое значеніе и даже обращаться ему во вредъ.

Успѣхи союзниковъ.

Въ то же самое время, вслѣдствіе понесенныхъ имъ неудачъ, въ Германіи начало рушиться то, что онъ называлъ «своею системою». Партизанская война, не прекращавшаяся на западъ отъ Эльбы, тягостная для Французовъ еще съ весны, мало-по-малу стала для нихъ даже и весьма опасною. Въ ней отличался между прочимъ и саксонскій генералъ Тильманъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ перейти въ прусскую службу: онъ вынудилъ къ капитуляціи мерзебургскаго коменданта (18-го сентября), который сдался съ 800 чел. гарнизона, при чемъ освобождены были 2,000 плѣнныхъ и больныхъ союзнаго войска. Здѣсь же дѣйствовалъ и ротмистръ Коломбъ со своей партіей, и русско-австрійскій летучій отрядъ. Перехватыванія курьеровъ, нападенія на транспорты и ихъ прикрытія въ такой степени стали частыми, что Наполеонъ направилъ противъ партизановъ цѣлый 8,000-й отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лефевръ-Дэнуетъ; но этотъ отрядъ былъ партизанами окруженъ при Зейцѣ и потерпѣлъ большой уронъ—1,400 чел. убитыхъ и 50 офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ—и послѣ этого пораженія отступилъ. Но пальма первенства въ партизанскихъ дѣйствіяхъ по справедливости принадлежитъ Чернышеву, который со своимъ летучимъ отрядомъ въ 2,300 коней при 6 орудіяхъ, 28-го сентября, нежданно явился передъ Касселемъ, столицей Вестфальскаго королевства. Король Вестфальскій давно уже сообразилъ, что его пребываніе въ Касселѣ не можетъ продлиться слишкомъ долго: народъ давно роптalъ на тѣ пожертвованія, какія ему приходилось приносить. Вотъ почему Іеронимъ Бонапартъ поспѣшилъ удалиться, и часть его дорожнаго багажа даже досталась въ руки преслѣдовавшимъ его казакамъ. Генералъ Аликсъ, котораго онъ оставилъ въ Касселѣ съ остальными войсками, вынужденъ былъ капитулировать 30 сентября, такъ какъ въ городѣ выказалось весьма явно сочувствіе къ Русскимъ, и въ самомъ войскѣ Аликса начались побѣги изъ строя. Но летучій казачій отрядъ, слишкомъ далеко рискнувшій продвинуться, повернулъ отъ Касселя назадъ, и Аликсъ вновь вернулся въ городъ 6-го октября; вслѣдъ затѣмъ втихомолку вернулся въ свою столицу и король. Къ чести его слѣдуетъ замѣтить, что онъ не запятналъ послѣдніе дни своего правленія никакими жестокостями, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о прирожденныхъ государяхъ, впослѣдствіи замѣстившихъ Іеронима.

Около того же времени, 13-го октября, Теттенборнъ съ небольшимъ отрядомъ, съ люцовцами, однимъ батальономъ егерей и 1,200 чел. конницы, явился передъ Бременомъ, и 15-го числа Французы очистили этотъ городъ. Война въ этихъ мѣстахъ, около низовьевъ Везера и Эльбы, велась очень вяло. Со стороны союзниковъ тутъ ничего не предпринималось, такъ какъ генералъ Вальмоденъ состоялъ въ зависимости отъ кронпринца Шведскаго; точно такъ же и Даву, засѣвшій въ Гамбургѣ, тоже ничего не дѣлалъ: подобно всѣмъ орудіямъ наполеоновскаго деспотизма, онъ уже не вѣрилъ въ возможность успѣха наполеоновской борьбы и потому весьма неохотно рѣшался на какой-нибудь новый шагъ.

Баварія. Ридскій договоръ.

Наступленіе полнаго паденія французскаго господства всего яснѣе сказалось въ томъ, что *Баварія*, могущественнѣйшее изъ государствъ Рейнскаго Союза, отпала отъ Наполеона. На австрійско-баварской границѣ, вслѣдствіе обоюднаго тайнаго соглашенія, давно уже поддерживалось нѣчто въ родѣ перемирія: 8-го октября, послѣ долгихъ и важныхъ переговоровъ, былъ подписанъ договоръ въ *Ридѣ* между Баваріей и Австріей, а 14-го октября уже послѣдовало объявленіе Баваріей войны съ Франціей. Тироль былъ тотчасъ же открытъ для австрійскихъ войскъ и это пріобрѣтеніе временъ французскаго владычества было вновь утрачено Баваріей: впрочемъ, за эту уступку обѣщано было положенное вознагражденіе; баварское войско, въ 36,000 чел., которое собрано было въ восполненіе пожертвованнаго Наполеону баварскаго войска, погибшаго въ Россіи, было тщательно прибережено на всякій случай, и теперь должно было войти въ составъ союзной арміи, но подъ командою баварскихъ генераловъ. Присоединеніе Баваріи къ общему движенію противъ Наполеона было, конечно, явленіемъ немаловажнымъ, но ничего не прибавило къ славѣ Германіи, не послужило оправданіемъ и для Баваріи. Рѣшеніе Баваріи, слишкомъ поздно принятое, вовсе не было вызвано хотя бы и позднимъ пробужденіемъ общаго національно-нѣмецкаго сознанія, а скорѣе вынужденнымъ результатомъ кабинетныхъ соображеній, которыя, въ эту пору, уже начинали играть весьма видную роль въ этой войнѣ за освобожденіе Германіи отъ Наполеонова ига, уже значительно измѣнившей свой характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Австрія приступила къ союзу Россіи и Пруссіи. Само собою разумѣется, что никакой признательности Баварія за свое присоединеніе къ союзникамъ не заслуживаетъ: къ тому же и рѣшеніе борьбы съ Наполеономъ въ открытомъ полѣ обошлось безъ всякаго ея участія.

Стычки около Лейпцига. 14 октября.

Еще разъ попытался Наполеонъ извлечь выгоды изъ своей позиціи въ центрѣ кольца, которое уже начинало его охватывать: попытался сначала отбросить Блюхера, а потомъ Бернадотта за Эльбу, и 7 октября даже двинулся съ этою цѣлью изъ Дрездена. Блюхеръ ускользнулъ отъ него: онъ не могъ съ нимъ сойтись и въ бездѣйствіи простоялъ три дня въ Дюбенѣ на Мульдѣ. У него уже замѣтно было колебаніе въ выборѣ плана дѣйствій; не было уже мощной рѣшимости его прежнихъ лѣтъ, хотя онъ и носился въ это время съ довольно причудливымъ проэктомъ—думалъ самъ перейти на правый берегъ Эльбы, избрать Магдебургъ своимъ операціоннымъ базисомъ, войти въ тѣсную связь съ Гамбургомъ,

съ крѣпостями на Одерѣ и Вислѣ, гарнизоны которыхъ ему теперь очень бы пригодились... Уже одного этого проэкта достаточно, чтобы понять, какъ въ дѣйствительности ненадежно было въ данную минуту его собственное положеніе, и въ какой степени онъ чувствовалъ себя связаннымъ дѣйствіями противниковъ.



Кавалерійскій бой у Либертвольквица.

Не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что онъ все еще надѣялся, на возможность и Блюхера, и Бернадотта оттѣснить за Эльбу, а тѣмъ временемъ управиться съ богемскою арміею, о которой онъ узналъ, что она идетъ на Лейпцигъ. И вотъ онъ повернулъ отъ Дюбена на югъ, и тоже двинулся къ Лейпцигу; когда онъ, около полудня, 14-го октября, приближался къ этому городу, онъ уже слышалъ приближающійся съ южной стороны города громъ пушекъ. Эта канонада была вызвана стычкою авангарда богемской арміи съ войсками Мюрата, котораго онъ оставилъ у Либертвольквица, въ трехъ часахъ пути на югъ отъ Лейпцига, чтобы преградить путь грозному наступленію богемской арміи: тамъ-то простая рекогносцировка обратилась вскорѣ въ ожесточенный кавалерійскій бой. Наполеонъ поспѣшилъ выѣхать за южныя ворота Лейпцига (Grimmaer Thor), остановился вблизи ихъ, на удобномъ мѣстѣ; сюда принесли ему столъ, складной стулъ, разложили рядомъ сторожевой огонь, на столѣ разостлали карту:—такимъ образомъ онъ принялъ въ свои руки главное начальство въ той громадной битвѣ, которая начиналась съ кавалерійской схватки. Въ то же время въ Лейпцигъ прибылъ и жалкій король Саксонскій, которому ничего болѣе не оставалось, какъ покинуть свою столицу, Дрезденъ, и пріютиться въ главной квартирѣ своего союзника: ложное положеніе, въ которое поставилъ себя этотъ нѣмецкій государь своимъ слабодушіемъ и нерѣшительностью, теперь вынуждало его желать побѣды этому исконному врагу Германіи!

Если бы союзникамъ удалось стянуть къ Лейпцигу всѣ ихъ воинскія силы (136,000—богемской арміи, 56,000—силезской, 68,000—сѣверной арміи), то на ихъ сторонѣ былъ бы очень большой численный перевѣсъ, по сравненію съ силами Наполеона. Но для такого сосредоточенія силъ еще многаго недоставало, и особенною медлительностью въ движеніи отличался опять-таки кронпринцъ Шведскій, къ которому англійскій комиссаръ вынужденъ былъ обратиться съ весьма энергическими представленіями. Въ распоряженіи Наполеона, 15-го октября, было около 190,000, которыя онъ могъ выставить противъ богемской арміи, наступавшей въ составѣ (самое большее) 200,000 чел. И та, и другая арміи готовились къ ожесточенному бою, и еще 16-го октября на сторонѣ Наполеона были шансы на побѣду. Но эта побѣда должна была совершиться быстро, разомъ, должна была бы быть полною и сокрушительною—если бы ужъ ему суждено было побѣдить. Главная сила его и теперь еще, и въ этой битвѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ когда-либо, заключалась въ его единоличномъ командованіи: это преимущество уравновѣсилось мужествомъ войскъ союзниковъ, ихъ численностью и искуснымъ распоряженіемъ отдѣльными частями союзной арміи; но коалиціонное начало въ общемъ командованіи союзныхъ армій все же не дало возможности покончить здѣсь борьбу съ Наполеономъ. 15 октября. Приготовленія.

Городъ Лейпцигъ лежитъ на правомъ берегу рѣки Эльстеръ, въ которую съ юга впадаетъ Плейсса, съ сѣвера—Парта, и обѣ близъ города. Событія 16-го октября, *перваго* изъ трехъ дней (въ которые на равнинѣ, простирающейся на востокъ и на югъ отъ Лейпцига, вторично рѣшалась участь Европы), распадаются на три различныя битвы: большую битву при *Вахау*, на югъ отъ города, въ которой богемская армія билась противъ самого Наполеона; битву Гіулая, съ корпусомъ въ 20,000 чел., при *Линденау*, деревнѣ на лѣвомъ берегу Эльстера и на пути отступленія французской арміи (Лейпцигъ—Люценъ—Наумбургъ), противъ корпуса Бертрана; и наконецъ, битву силезской арміи, при Мёкернѣ, на сѣверо-западъ отъ Лейпцига, противъ Мармона. 16 октября. Битва при Вахау.

Битва при *Вахау*—эта деревня лежитъ на срединѣ, между Плейссою и дорогою въ Гримму—началась очень рано утромъ, и планъ ея не дѣлаетъ чести главнокомандующему союзной арміей, князю Шварценбергу. Онъ задумалъ обойти правое крыло непріятеля, и тѣмъ самымъ ослабилъ въ главныхъ мѣстахъ силы союзниковъ и безъ малѣйшей пользы загналъ 35,000-й корпусъ, подъ командою генерала Мервельдта, въ поросшее кустами и пересѣченное болотами пространство, между Плейссою (на востокъ) и Эльстеромъ (на западъ). Между 8—9 часами утра союзная армія четырьмя колоннами двинулась противъ французской позиціи—Марклебергъ, Вахау, Либертвольквицъ, Гольцгаузенъ—въ такомъ порядкѣ расположены эти деревни съ запада на востокъ: страшная канонада въ теченіе 5 часовъ сряду гремѣла на этой линіи—канонада, какой не слыхивали ни въ одной изъ безчисленныхъ битвъ за послѣднее десятилѣтіе! Но и величайшее мужество разбилось о чрезвычайную стойкость Наполеоновыхъ войскъ, на сторонѣ которыхъ къ тому же здѣсь было и численное превосходство; четыре раза Марклебергъ и три раза Вахау

переходили изъ рукъ въ руки; а между тѣмъ на высотахъ между Вахау и Либертвольквицемъ Французы выставили 100 орудій. Къ полудню атака союзниковъ была отражена по всей линіи. Положеніе оказалось настолько серьезнымъ, что императоръ Россійскій потребовалъ отъ главнокомандующаго перемѣщенія части войскъ изъ корпуса, назначеннаго въ обходъ на мѣсто главной битвы *). И начальникъ Шварценбергова генеральнаго штаба, Радецкій, наблюдавшій за ходомъ битвы при Вахау съ церковной колокольни ближняго села, также убѣдился въ томъ, что союзникамъ угрожаетъ опасность: корпусъ Гессенъ-Гомбурга и 7 кираспрскихъ полковъ были тотчасъ перемѣщены съ западной части въ восточную часть поля битвы; въ то же время изъ Госсы (къ югу отъ Вахау) двинуты были русская и прусская гвардіи. Они подоспѣли еще вѣ-время, чтобы помочь устраненію большого несчастія.

Наполеонъ уже готовился торжествовать побѣду; съ нимъ происходило то же, что бываетъ и съ обыкновенными людьми: забывая объ общей опасности своего положенія, онъ начиналъ преувеличивать значеніе частныхъ своихъ успѣховъ. Между тѣмъ какъ бой еще продолжался и канонада была настолько сильна, что залпы цѣлыхъ батарей перекатывались какъ батальный огонь на полѣ,—Наполеонъ готовилъ свой страшный ударъ въ самый центръ союзниковъ. Около 3 часовъ дня приготовленія были закончены: и вдругъ пальба прекратилась, и 8,000 всадниковъ, выстроенныхъ королемъ Неаполитанскимъ (отличнымъ кавалеристомъ и знатокомъ этого рода оружія) между Вахау и Либертвольквицемъ, ринулись впередъ. Ударъ былъ разсчитанъ превосходно и грозила большая опасность: на одно мгновеніе можно было подумать или даже могло показаться со стороны, что центръ союзной арміи прорванъ, и Наполеонъ уже готовился отправить въ Парижъ гонца съ извѣстіемъ о побѣдѣ—и въ Лейпцигѣ приказалъ звонить во всѣ колокола. Но это торжество еще было преждевременно: пѣхотныя части не могли поспѣть за конницей, чтобы поддержать ея ударъ, который притомъ еще былъ значительно ослабленъ особыми условіями мѣстности и слишкомъ большимъ разстояніемъ, которое должна была проскакать конница; къ тому же и войска изъ обходнаго отряда подоспѣли вѣ-время—и у самаго подножія холма, близъ Госсы, на которомъ находились монархи Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ съ главнокомандующимъ, волна нахлынувшей французской кавалеріи разбилась о высланную противъ нея русскую кавалерію, въ составъ которой вошли лейбъ-казаки, составлявшіе личную охрану императора Александра, и дивизія легкой гвардейской кавалеріи. Волна была отброшена, а тутъ подоспѣли резервы и гвардія; съ обѣихъ сторонъ деревни Госсы 80 орудій выставлены были на высотахъ—и съ 4 час. пополудни опасность была уже устранена.

Ряды союзниковъ снова приведены были въ порядокъ. Въ то же время съ сѣвера въ перерывы между грохотомъ канонады начинали доноситься раскаты пушечныхъ выстрѣловъ: всѣ поняли, что оттуда при-

*) Въ это время корпусъ, посланный въ обходъ, насчитывалъ уже тысячи урону убитыми и все утро совершенно безуспѣшно бился изъ-за переправы черезъ Плейссу.

ближалась та часть союзнаго войска, на содѣйствіе которой разсчитывали, приступая къ битвѣ. Французы, подъ начальствомъ Лористона, еще разъ произвели атаку на позицію при Госсѣ, и канонада и ружейный огонь не прекращались здѣсь до наступленія ночи. Точно такъ же и на лѣвомъ крылѣ союзниковъ бой еще разъ возгорѣлся изъ-за Марклеберга. Здѣсь удалось вновь отстоять ту позицію, какую занимали утромъ; на правомъ крылѣ также союзники отстояли Университетскій лѣсъ, Зейфертскую рощу, и только въ той части поля битвы, гдѣ задуманъ былъ Шварценбергомъ неудобный обходъ, союзники подъ вечеръ потерпѣли неудачу: генералъ Мервельдтъ, попытавшійся еще разъ перейти черезъ Плейссу, былъ при этомъ раненъ и попалъ въ плѣнъ.

16 октября. Бой при Линденау.

Бой на западѣ отъ Лейпцига, при Линденау, между Гіулаемъ и Бертраномъ, длился цѣлый день. Линденау былъ взятъ Австрійцами, и вновь уступленъ Французамъ... Обѣ стороны къ вечеру сохранили свои первоначальныя позиціи.

16 октября. Битва при Мекернѣ.

Такимъ образомъ битва при Вахау осталась нерѣшенною, и это можно уже было назвать существеннымъ успѣхомъ. Но этотъ успѣхъ обошелся не дешево; убыль войска союзниковъ здѣсь, въ южной части поля битвы, равнялась почти 20,000 чел. Значительно удачнѣе была битва въ сѣверной части поля, при Мекернѣ, такъ какъ тамъ Наполеонъ не присутствовалъ лично, а союзная армія подчинялась единоличному начальству. Блюхеръ подошелъ къ Лейпцигу по дорогѣ отъ Галле и Шкёйдица. Онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о сѣверной арміи; заслышавъ поутру канонаду, доносившуюся съ юга, онъ тотчасъ принялъ рѣшеніе—искать врага и напасть на него немедленно. Около полудня его войска наткнулись на непріятеля, и какъ нельзя болѣе кстати: Мармонъ намѣревался двинуться со своимъ 16,000 корпусомъ къ Вахау, и задержался въ виду приближенія Блюхера, а Ней, который уже былъ на пути къ южной части поля битвы, повернулъ назадъ. Первый изъ этихъ маршаловъ выбралъ прекрасную позицію при деревнѣ Мекернъ, и послѣ полудня, между корпусомъ Мармона и 20,000 корпусомъ Іорка завязалась изъ-за этой крѣпкой и удобной оборонительной позиціи горячая битва. Ланжеронъ атаковалъ къ сѣверу отъ этой позиціи деревни Гроссъ- и Клейнъ-Видеричъ, точно такъ же какъ и Мекернъ, занятыя Французами и мужественно защищаемыя дивизіей Домбровскаго. Это было одно изъ самыхъ страшныхъ побоищъ въ эту кампанію: штурмованіе деревни, возобновляемое многократно, не достигало своей цѣли и стоило громадныхъ жертвъ; наконецъ, сдѣлано было еще одно страшное усиліе (Іоркъ самъ пошелъ на штурмъ во главѣ бранденбургскихъ гусаръ) — и штурмъ удался. Къ вечеру здѣсь уже побѣда была полная. Она дѣйствительно стоила 7—8,000 убитыми, но зато 2,000 французовъ взяты были въ плѣнъ и захвачены были 53 орудія; гораздо же важнѣе было то, что здѣсь удержана была такая воинская сила, которая могла бы въ южной части поля способствовать Наполеону въ одержаніи побѣды надъ союзниками. Послѣ 6 часовъ битва постепенно прекратилась и ночь опустилась надъ громаднымъ полемъ, покрытымъ тысячами павшихъ въ тотъ день воиновъ.

17 октября.

Всѣ исполнили свой долгъ, по мѣрѣ силъ, и только Шведскій крон-

принцъ, который былъ уже достаточно близко къ полю битвы, не поспѣшилъ на помощь союзной арміи. Только на слѣдующій день онъ прибылъ, наконецъ, на мѣсто дѣйствія, при чемъ англійскій комиссаръ, сэръ Чарльзъ Стюартъ, счелъ возможнымъ сказать ему: «вашему королевскому высочеству пришлось бы очень раскаиваться, если бы вы и сегодня сюда не пожаловали». Сверхъ того, ожидалась еще русская резервная армія, подъ начальствомъ Беннигсена, между тѣмъ какъ у Наполеона не имѣлось въ виду никакого значительнаго подкрѣпленія; сильно нуждался онъ въ тѣхъ 30,000 чел., которыхъ онъ оставилъ на защиту Дрездена, отступивъ на этотъ разъ отъ своего прежняго обычая—направлять всѣ силы къ главному мѣсту дѣйствія. Для него уже наступало время подумать объ отступленіи, такъ какъ побѣда для него была уже немыслима, и представлялась еще возможность довести до береговъ Рейна армію въ 100—120,000 человѣкъ. Въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи, которое было бы необъяснимо даже и для обыкновеннаго смертнаго, онъ попытался еще разъ черезъ плѣннаго генерала Мервельдта предложить перемиріе на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ два мѣсяца ранѣе могъ-бы пріобрѣсти миръ. Повидимому, онъ возлагалъ еще какія-то надежды на своего тестя; но онъ напрасно ждалъ отвѣта на свое предложеніе.

Военныя силы сторонъ.

Такимъ образомъ, у него въ бездѣйствіи и выжиданіяхъ прошли цѣлыя сутки, воскресенье, 17 октября. Что союзники въ этотъ день не продолжали наступленія—это было весьма понятно: они ожидали подкрѣпленій, въ общей сложности, около 100,000 чел. Только въ сѣверной части поля въ этотъ день еще продолжали сражаться; здѣсь Французы были отброшены за Парту, при чемъ нѣкоторыя части Блюхерова войска такъ увлеклись атакой, что подступили почти къ самымъ воротамъ Лейпцига, но прекратили наступленіе, узнавъ, что рѣшительная битва отложена въ главной квартирѣ на завтра. Армія Беннигсена въ этотъ день прибыла и находилась въ полной готовности къ дѣйствію; Шведскій кронпринцъ наконецъ тоже подошелъ къ Брейтенфельду, и такимъ образомъ 300,000 союзнаго войска стояло подъ Лейпцигомъ противъ 150,000 арміи Наполеона: Наполеону приходилось теперь сражаться уже за возможность отступленія.

18 октября. Битва подъ Лейпцигомъ.

Наступило утро 18 октября 1813 г. Всѣ монархи съѣхались и лично пожелали присутствовать при предстоящей рѣшительной битвѣ. Наполеонъ нѣсколько придвинулъ войска свои къ Лейпцигу. Его позиція обозначалась деревнями: Конневицъ на Плейссѣ и затѣмъ правѣе: Пёсницъ, Штёттерицъ, Пробстгейда, Шёнфельдъ на Партѣ. Въ 7 час. утра союзники двинулись въ атаку тремя колоннами съ юга: наслѣдный принцъ Гессенъ-Гомбургскій противъ Мерклеберга, Дёлица и Дёзена; Барклай—противъ Пробстгейды; Беннигсенъ—противъ Цукельгаузена, Гольцгаузена, Баальсдорфа; между Гольцгаузеномъ и Партой занялъ позицію Шведскій кронпринцъ, которому Блюхеръ придалъ русскія части своей арміи, корпуса Ланжерона и С.-При; остальная часть силезской арміи заняла пространство между Партою и Эльстеромъ. Атаки союзниковъ произведены были не одновременно и довольно безсвязно; между 9 и 4 часами всѣ силы ихъ уже были введены въ боевую линію. Но Наполеонъ и здѣсь выказалъ свое несравненное искусство въ руководствѣ общимъ ходомъ битвы, и хотя она станови-

лась все болѣе и болѣе неравною, Французы выказали замѣчательное умѣнье пользоваться всякаго рода прикрытіями, чтобы тѣмъ самымъ продлить оборону; сильнѣе же всего бой кипѣлъ у Пробстгейды. Среди множества эпизодовъ и отдѣльныхъ боевъ этого дня слѣдуетъ отмѣтить переходъ Саксонцевъ—при Паунсдорфѣ—въ количествѣ 3,000 съ 19 орудіями, и вюртембергской кавалеріи, около 600 чел., подъ начальствомъ генерала Нормана, на сторону союзниковъ. Само собою разумѣется, что на ходъ битвы, въ которой принимали участіе сотни тысячъ сражающихся при тысячной массѣ орудій, такое приращеніе арміи союзниковъ не могло оказать никакого, сколько-нибудь существеннаго, вліянія, и битва, конечно, продолжалась попрежнему и постепенно приближалась къ своему неизбѣжному исходу. Въ результатѣ битвы 18 октября получилось слѣдующее: при Конневицѣ, Лёзницѣ, Пробстгейдѣ всѣ атаки богемской арміи были отбиты, и главнымъ образомъ послѣдняя изъ трехъ этихъ деревень, составлявшая ключъ ко всей позиціи, осталась въ рукахъ Французовъ, между тѣмъ какъ въ восточной части громаднаго поля сраженія союзники въ теченіе дня овладѣли деревнями: Цукельгаузенъ, Цвейнау, Мёлькау, Штюнцъ, Паунсдорфъ, Селерсгаузенъ и Шёнфельдъ; они твердо были увѣрены въ томъ, что на завтра побѣда несомнѣнно будетъ на ихъ сторонѣ. Но эти предположенія оказались излишними: дѣло шло уже не о побѣдѣ. Наполеонъ пустилъ въ ходъ уже всѣ свои резервы, а въ распоряженіи союзниковъ оставалось еще 100,000 совсѣмъ свѣжаго войска; и въ военныхъ снарядахъ онъ тоже очень нуждался; онъ могъ опасаться



Видъ Лейпцига близъ Гриммайскихъ воротъ, 20 окт. 1813 г.
Современная лейпцигская гравюра.

того, что отступленіе ему будетъ отрѣзано или преслѣдованіе при отступленіи поведется настолько энергично, что приведетъ всю армію его въ полное разстройство. Однакоже, на военномъ совѣтѣ, въ тотъ же вечеръ

собранномъ подъ предсѣдательствомъ князя Шварценберга, поднялись споры. Одни предлагали прибѣгнуть къ обходному движенію и дѣйствительно сдѣлать отступленіе Наполеону невозможнымъ; другіе опасливо совѣтовали «не доводить разбитаго врага до крайности»; въ концѣ концовъ пришли къ такому выводу, что слѣдуетъ просто подвигаться къ Лейпцигу и занять его. Напрасно настаивалъ Блюхеръ на томъ, что если ему, изъ огромной союзной кавалеріи, выдѣлятъ 20,000 человѣкъ, онъ берется отрѣзать Наполеону отступленіе! Въ этомъ поддерживалъ его и императоръ Александръ. Съ нимъ не согласились, и ужъ онъ по собственному почину выслалъ впередъ корпусъ Іорка къ Галле и Мерзебургу.

Отступленіе Наполеона.

При наступленіи темноты, Наполеонъ двинулъ авангардъ отступающей своей арміи черезъ Лейпцигъ,—корпуса маршаловъ Виктора и Ожеро, остатки пяти кавалерійскихъ корпусовъ, гвардію: корпусъ Бертрана, который бился при Линденау и 18 числа не подвергался никакому новому нападенію, посланъ былъ уже впередъ. Мармонъ, Ней, Лористонъ должны были слѣдовать за авангардомъ; позади всѣхъ назначено было идти Макдональду съ остатками его корпуса, къ которому примкнули остатки корпуса Ренье (Саксонцы) и также весьма пострадавшія въ эти дни польскія части войскъ, подъ начальствомъ Понятовскаго. Имъ предписано было сколько возможно долѣе держаться въ предмѣстьяхъ, и эти предмѣстья были въ виду подобной обороны, по возможности, укрѣплены, между тѣмъ какъ шумъ отступающей арміи слышенъ былъ въ теченіе всей ночи. Самый городъ былъ переполненъ ранеными, умирающими, больными и едва-ли приходится говорить о томъ, что они въ теченіе этихъ дней выносили страшную муку.

19 октября. Вступленіе союзниковъ въ Лейпцигъ.

На сторонѣ союзниковъ не замѣтно было никакого спѣха. Когда разсѣялся осенній утренній туманъ, яркое солнце 19 октября освѣтило обширное поле битвы и вдали—башни и шпили Лейпцига. Стройныя боевыя линіи предшествующаго дня исчезли,—новое сраженіе, слѣдовательно, оказалось ненужнымъ. Войско двинулось: сформированы были штурмовыя колонны. Вслѣдъ за штурмомъ долженъ былъ произойти торжественный въѣздъ въ Лейпцигъ трехъ монарховъ, которые были всѣ на-лицо, при арміи. Наполеонъ со своей стороны, какъ и всегда, весьма разумно принялъ всѣ мѣры предосторожности для прикрытія своего отступленія: одно только было непонятно, что онъ не озаботился на всякій случай наведеніемъ еще одного моста черезъ Эльстеръ. Городъ представлялъ выгодныя позиціи для обороны, подступы къ предмѣстьямъ были заграждены, въ садовыхъ оградахъ кое-гдѣ пробиты бойницы. Въ 10 час. утра, въ то время, когда уже дѣло вновь завязалось подъ стѣнами города, Наполеонъ, проведшій эту ночь въ гостинницѣ (Hôtel de Prusse), отправился къ королю Саксонскому, отъ котораго онъ съумѣлъ до того времени скрыть истинное положеніе дѣлъ,—и простился съ этимъ своимъ вѣрнымъ вассаломъ и жертвою его политики. Болѣе часа пришлось ему пробираться среди массы отступающихъ и бѣглецовъ къ выѣзду на Ранштэдское шоссе:—непріятельскія пули уже начинали долетать въ эту часть города... Между 9 и 10 час. Беннигсенъ съ юга (про-



Видъ Лейпцига, близъ Ранштэдскихъ воротъ, 20 окт. 1813 г. (линія отступленія Французовъ).
Современная лейпцигская гравюра.

тивъ Петровскихъ воротъ) открылъ канонаду; ворота Гриммайскія (на восточной сторонѣ города) были взяты штурмомъ войсками Бюлова, и кёнигсбергскій ландверъ прежде всѣхъ проникъ въ городъ. Особенно упорно защищали Поляки и дивизія Дюрютта сѣверный форштадтъ Лейпцига; здѣсь лично присутствовалъ и ободрялъ нападающихъ самъ Блюхеръ. И Петровскія ворота были тоже штурмованы и отбиты Русскими у сильно порѣдѣвшихъ польскихъ войскъ подъ командою Понятовскаго, отчаянно бившихся здѣсь противъ своихъ давнихъ враговъ. Около 12 часовъ Наполеонъ перешелъ черезъ каменный мостъ на Эльстерѣ, передъ Ранштэдскими воротами. Имъ отдано было приказаніе—взорвать этотъ мостъ какъ только отступленіе по немъ войскъ будетъ закончено. Но при общей сумятицѣ отступленія и битвы, кипѣвшей подъ стѣнами города, распоряженіе о взрывѣ моста было исполнено не во-время: русскіе егеря, въ смѣломъ натискѣ своемъ, продвинулись настолько, что стали обстрѣливать массы, двигавшіяся по мосту; лицо, которому поручена была охрана моста въ этотъ моментъ, предположило, что теперь уже всѣ войска изъ города вышли, и подожгло мину... Мостъ былъ взорванъ; послѣдовала ужасная сцена: тѣ, которые еще находились по сю сторону Эльстера, отчасти побросались въ рѣку, чтобы перебраться черезъ нее вплавь... Многіе и перебрались, и въ томъ числѣ Макдональдъ; но многіе погибли—потонулъ и Понятовскій... Вся же остальная часть непріятельскаго войска, которая не успѣла перейти черезъ мостъ, числомъ около 15,000, должна была сдаться союзникамъ.



Вступленіе союзниковъ въ Лейпцигъ, 19 окт. 1813 г. (черезъ внутреннія Гриммайскія ворота).
Современный набросокъ Гейслера, гравированный въ 1815 г. Г. Беттгеромъ Старш.

Вѣсть объ этомъ страшномъ эпизодѣ всюду распространилась быстро— и всякое сопротивленіе мало-по-малу прекратилось. Въ это самое время, или немного позже, трое монарховъ въѣхали въ Лейпцигъ, при восторженныхъ кликахъ населенія, которое понимало, что съ этимъ въѣздомъ оканчиваются его бѣдствія.

Тутъ только можно было подвести итоги этой громадной побѣды. Во французскомъ войскѣ выбыло изъ строя 15,000 убитыми, 15,000 ранеными, столько же захвачено въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, и среди нихъ 3,000 офицеровъ, 27 генераловъ, 300 орудій, 900 повозокъ достались въ добычу побѣдителямъ; среди плѣнныхъ оказался и король Фридрихъ-Августъ Саксонскій, который и былъ отправленъ въ Берлинъ подъ военнымъ конвоемъ. Уронъ побѣдителей, по количеству убитыхъ и раненыхъ, былъ не менѣе, чѣмъ у Французовъ. Насчитываютъ до 45,775 убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ 2,000 офицеровъ; бѣдствія въ Лейпцигѣ достигли крайнихъ предѣловъ, потому что никакого состраданія человѣческаго и никакой врачебной помощи не хватало на всю громадную массу нуждавшихся въ ней, и такимъ образомъ многія сотни и тысячи людей, пощаженные смертью въ 4-дневномъ бою, погибли здѣсь



Рыночная площадь въ Лейпцигѣ, 19 октября 1813 г. Въѣздъ трехъ союзныхъ монарховъ.
Современная лейпцигская гравюра.

только потому, что помощь имъ не могла быть подана во-время. Каковы были разрушительныя силы, дѣйствовавшія здѣсь, это видно изъ сопоставленія первыхъ попавшихся подъ руку цифръ: такъ напр., оказывается, что французская армія въ бою 16 окт. выпустила 84,000, а въ бою 18-го — 95,000 орудійныхъ зарядовъ, всего же въ послѣдніе пять дней подъ Лейпцигомъ произведено 220,000 пушечныхъ выстрѣловъ, на которые союзники отвѣчали вѣроятно не менѣе, чѣмъ полумилліономъ выстрѣловъ, не считая тѣхъ милліоновъ выстрѣловъ ружейныхъ, которыми обмѣнялись обѣ воюющія стороны въ тѣхъ безчисленныхъ отдѣльныхъ бояхъ, изъ которыхъ состояла эта великая «*битва народовъ*».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Военныя дѣйствія во Франціи.—Первый Парижскій миръ.—Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и сто дней.—Ватерлоо. Островъ Св. Елены.—Второй Парижскій миръ.

Послѣдствія.

Прежде очень была распространена легенда (и ей вѣрили), будто три государя, одержавъ побѣду, преклонили колѣна—указываютъ даже «холмъ государей», на которомъ это произошло — и благодарили Бога за одержанную побѣду. Легенда эта очень вѣрно выразила господствовавшее тогда всеобщее убѣжденіе, что здѣсь совершился судъ Божій надъ великимъ грѣшникомъ и безумцемъ, и что тутъ Европа возвратила себѣ свободу. Народы вполнѣ сознавали, что эта борьба народнаго духа съ злоупотребленіемъ генія была священною войною, дѣломъ, угоднымъ Господу. Вездѣ, гдѣ только мыслили, господствовало убѣжденіе, что война должна окончиться полнымъ удаленіемъ Наполеона, лишеніемъ престола или инымъ подобнымъ образомъ. Это убѣжденіе раздѣляли наиболѣе выдающіеся, какъ по уму, такъ и по высокой нравственности своей, руководители общественнаго мнѣнія: и это было единственно-вѣрное, разумное, можно почти сказать, само собою понятное мнѣніе. Точно такъ-же сама по себѣ понятна, даже непзбѣжна, при всякихъ обстоятельствахъ, была необходимость извлечь изъ только-что одержанной побѣды возможныя выгоды, неутомимо преслѣдовать разбитаго непріятеля и, что было уже нетрудно, поставить его въ невозможность сопротивляться долѣе. Мы убѣдимся, къ сожалѣнію, что случилось совершенно противное. Эта часть войны блистательнымъ образомъ подтверждаетъ слова опытнаго шведскаго канцлера Оксенстіерна, что въ управленіи міромъ менѣе всего участвуетъ мудрость. Единственная правильная развязка этого мірового событія—удаленіе Наполеона—была достигнута вовсе не мудростью опытныхъ государственныхъ мужей, стоявшихъ во главѣ коалиціи, и эта многоглавая мудрость совершала, напротивъ того, одну непростительную ошибку за другою. Событіе это оказалось единственно слѣдствіемъ безграничнаго упорства, безумной самонадѣянности Наполеона. Онъ самъ сдѣлалъ невозможною какую-либо иную развязку и такимъ образомъ привелъ дѣло къ сравнительно-благопріятному концу.

Отступленіе Наполеона. Вреде при Ганау.

Побѣда освободила Германію вплоть до Рейна. Кромѣ потерь, понесенныхъ имъ въ сраженіи, Наполеонъ лишился содѣйствія всѣхъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, которые въ общемъ составляли значительную силу. Началось съ того, что Сенъ-Сиръ съ 35,000 войска въ Дрезденѣ долженъ былъ капитулировать 11 ноября; затѣмъ сдались Штетинъ, Замосцье, Модлинъ, Торгау. 1 января 1814 г. Раппъ въ Данцигѣ съ 25,000;

Витгенбергъ, Глогау, Кюстринъ, Вюрцбургъ; полагаютъ, что все это составило до 190,000 человѣкъ, съ значительными запасами всякихъ военныхъ матеріаловъ. Преслѣдованіе разбитой арміи было болѣе чѣмъ слабо: 50,000 конницы, которыми можно было располагать, вовсе не воспользовались. Блюхеръ двинулся уже 19-го, остальные послѣдовали за нимъ очень медленно; а такъ какъ Блюхера вскорѣ ошибочно направили въ другую сторону, то Наполеону удалось остатки войска своего, доходившіе однако до 100,000 человѣкъ, понемногу привести опять въ порядокъ, и направить ихъ чрезъ Вейсенфельсъ, Наумбургъ, Кэзенъ, Веймаръ, Эрфуртъ къ Майну. Здѣсь, при Ганау, онъ едва опять не погибъ. Бывшій его почитатель, графъ Вреде, загородилъ ему путь съ 50,000 Баварцевъ и Австрійцевъ; 30 и 31 октября дрались упорно на берегахъ Кинцига. Вреде желалъ доказать вѣрность свою новымъ союзникамъ, и стойко выдерживалъ напоръ болѣе многочисленнаго непріятеля. Онъ былъ однако разбитъ, понесъ большія потери, и Французы двинулись далѣе, на Франкфуртъ, а затѣмъ перешли Рейнъ при Майнцѣ, въ числѣ 70,000; но такъ какъ войско это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдерживало невѣроятныя лишенія и напряженіе силъ, то въ немъ свирѣпствовали уже болѣзни.

Фульдскій договоръ.

Остатки владычества Наполеона въ Германіи пали теперь окончательно; только въ Гамбургѣ она удержалась до совершеннаго его паденія. 26 октября, въ Касселѣ было объявлено, что король, въ виду совершившихся событій, «временно покидаетъ свои владѣнія». 2 ноября, вюртембергскій деспотъ въ Фульдѣ заключилъ миръ съ Австріей, и присоединился къ союзникамъ. Онъ обѣщалъ выставить 12,000 войска, а ему обезпечили за это владѣнія его и цѣлость его столицы. Въ Дармштадтѣ и Карлсруэ принято то же рѣшеніе; Рейнскій Союзъ распался и всякій спѣшилъ возвратить себѣ свои владѣнія. Въ Ганноверъ возвратилось прежнее правительство; въ Брауншвейгъ—герцогъ, предводитель Черныхъ; въ Кассель—курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, и добродушные подданные сами впряглись въ карету, въ которой, 21 ноября, въѣхалъ въ свою столицу этотъ родоначальникъ цѣлаго поколѣнія безжалостныхъ тирановъ. Онъ тотчасъ же началъ все, крупное и мелкое, возвращать къ тому положенію, въ какомъ засталъ ихъ 1806 годъ; онъ сдѣлалъ исключеніе только для новыхъ налоговъ и добавочныхъ податей, которыя скаредный скупецъ этотъ призналъ очень полезными. По мѣрѣ того, какъ число союзниковъ увеличивалось, война все болѣе измѣняла свой характеръ. Въ началѣ года, въ Калишѣ и Бреславлѣ, старались восторженными рѣчами воспламенить народъ къ охранѣ драгоцѣннѣйшихъ правъ его; а теперь Фридрихъ Вюртембергскій поучалъ своихъ подданныхъ, что «въ видахъ общественнаго блага, всякое вмѣшательство въ распоряженія правительства будетъ признано за преступленіе». Центральный правительственный совѣтъ, въ началѣ войны устроенный для мѣстностей, которыя постепенно отвоевывались, вынужденъ былъ все болѣе ограничивать свою дѣятельность. Грозныя распоряженія мѣстныхъ властителей, князей Рейнскаго Союза, стѣсняли его во всемъ; такъ напр., во «владѣніяхъ» Вюртембергскаго короля власти не смѣли принимать въ лазаретъ никакихъ солдатъ, кромѣ вюртембергскихъ.

Франкфуртскія мирныя предложенія.

Главная квартира достигла между тѣмъ Франкфурта-на-Майнѣ, и предстояло рѣшить: какъ дѣйствовавать далѣе? Теперь только убѣдились окончательно въ необходимости перейти черезъ Рейнъ и довести войну до низложенія Наполеона. Если эту мысль не рѣшались смѣло высказывать до сраженія при Лейпцигѣ и выясненія его послѣдствій, то теперь она сама собою выступала на первый планъ. Возраженія, сдѣланныя противъ этого проэкта военачальниками, признаны были неосновательными, такъ какъ положеніе дѣлъ Французовъ въ Испаніи измѣнилось во вредъ имъ, да и въ Италіи готовились большія перемѣны. Препятствія возникли теперь со стороны дипломатовъ, и именно со стороны Австріи, которая предъявила при этомъ свое старинное право стоять во главѣ германскаго народа. Меттернихъ и его шайка не сознавали униженій, которыя съ 1797 и до 1813 г. этотъ человѣкъ и этотъ народъ имъ наносили. Они видѣли, или имъ казалось, что непосредственная опасность миновала на нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть, даже на цѣлое десятилѣтіе; лѣвый берегъ Рейна не входилъ въ составъ австрійскихъ владѣній, а былъ только составною частью Германіи; а потому имъ было совершенно все равно: владѣетъ-ли имъ Наполеонъ, или нѣтъ? Австрія была обезпечена въ томъ, что всѣ ея владѣнія будутъ ей возвращены. А что въ кружкахъ патріотовъ мечтали о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи, что объ этомъ писали книги, какъ Арндтова «Рейнъ нѣмецкая рѣка, но не граница Германіи», что эти книги читали,—все это отзывалось весьма опаснымъ кореннымъ переустройствомъ Германіи, чего именно Австрія и ея новые союзники вовсе не желали. Король Прусскій былъ человѣкъ осторожный, безъ увлеченій,—характеръ въ родѣ курфюрста Саксонскаго Іоганна-Фридриха (въ старости). Можетъ-быть онъ, подобно Австрійцамъ, опасался возрастающаго значенія Русскаго императора, и люди, въ родѣ Штейна, были ему неудобны. Государственные люди Англіи, лордъ Абердинъ, человѣкъ очень посредственнаго ума, и лордъ Кастельрэ, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, тоже не желали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи.

Такимъ образомъ дошли до постыднаго рѣшенія, перваго въ цѣломъ ряду непостижимыхъ дѣйствій! При преслѣдованіи непріятеля захватили французскаго дипломата Ст.-Эньяна. Подъ вліяніемъ кружка Меттерниха, составили проэктъ мира съ Наполеономъ; проэктъ, который послѣ всѣхъ событій истекшихъ двадцати лѣтъ, былъ постыднымъ; плѣнному дипломату поручили доставить его Наполеону. Судя по тому, что въ проэктѣ этомъ признавали за естественныя границы Франціи, она сохранила бы Рейнъ, Альпы, Пиринеи; Голландія, Италія, Испанія должны были быть независимыми. Ясно, что если бы миръ этотъ состоялся, Наполеонъ черезъ нѣсколько лѣтъ явился-бы снова владыкою Европы, и вся кровь пролита была-бы безплодно. Понятно, что въ виду такого оборота дѣла баронъ фонъ-Штейнъ заговорилъ о низости дипломатовъ.

Естественно также, что, имѣя передъ собою такихъ противниковъ, Наполеонъ, которому 15 ноября вручили этотъ документъ, только утвердился въ своемъ высокомѣріи и не обратилъ вниманія на предостереженіе, сдѣланное ему Меттернихомъ, чтобы онъ «ни одного дня не медлилъ въ принятіи условій мира». Между тѣмъ предостереженіе это было совер-

менно правильно: каждый день промедленія укрѣплялъ партію, которая требовала продолженія войны, и во главѣ которой стоялъ Русскій государь, а изъ Пруссаковъ—только Блюхеръ и Гнейзенау. Вслѣдствіе всего этого, 1 декабря рѣшено было продолжать войну и вступить въ предѣлы Франціи. Впрочемъ, изданъ былъ манифестъ, который возвѣстилъ, что война ведется не противъ Франціи; обѣщали не касаться ея границъ; обѣщали сдѣлать ее могущественнѣе, чѣмъ она была при короляхъ своихъ; сражались противъ насилія, которое Наполеонъ распространилъ за предѣлы страны. Это рѣшеніе состоялось уже, когда Наполеонъ далъ Коленкуру полномочіе, слишкомъ позднее, изъявить согласіе на франкфуртскій проэктъ мира.

Французскія вооруженія.

«Вы не можете себѣ представить, какъ много можетъ выдержать народъ!» сказалъ однажды одинъ изъ уполномоченныхъ Наполеона, когда власть его была на высотѣ величія и выказывала себя давленіемъ на жителей Пруссіи. Пришло время, когда справедливость легкомысленнаго заключенія этого должна была испытать на себѣ сама Франція. Дѣйствительно, невѣроятно, что̀ населеніе можетъ вытерпѣть, не только въ отношеніи матеріальныхъ страданій, но и сколько несправедливостей оно въ состояніи вынести отъ власти, разъ установившейся. Уже 9 октября сенатъ объявилъ наборъ въ 280,000 человѣкъ; при этомъ требовались недоборы рекрутъ вплоть до 1803 года. Затѣмъ, 15 ноября (императоръ 9-го только возвратился), потребовали вновь доставленія 300,000 рекрутъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно возвысили всѣ налоги. Хотя народъ былъ очень мрачно настроенъ и, какъ выразился Тьеръ, съ такимъ же отвращеніемъ относился теперь къ войнѣ, какъ нѣкогда къ гильотинѣ,—Наполеонъ смотрѣлъ на происходящее весьма самоувѣренно. Онъ слѣпо, фаталистически и какъ эгоистъ, вѣрилъ въ то, что онъ самъ и окружавшіе его льстецы называли то его геніемъ, то его счастливой звѣздою; онъ упрямо вѣрилъ и въ свою систему, которая столько лѣтъ сряду доставляла ему такіе блестящіе успѣхи. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ до нѣкоторой степени правъ. Централизація власти въ этой огромной имперіи дѣлала возможнымъ необычайно быстрое и сильное напряженіе и перемѣщеніе ея громадныхъ силъ (во Франціи и въ странахъ, непосредственно соединенныхъ съ нею, населеніе доходило до 42 милліоновъ); ими съ изумительною военною точностью управляли министерства, префектуры, подпрефектуры, канцеляріи и толпа чиновниковъ, вышколенныхъ въ бюрократически-военной школѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Франціи сравниваетъ эту наполеоновскую систему управленія съ огромною казармою, выстроенною безусловно симметрически. Множество отдѣльныхъ комнатъ ея соединены проводами съ помѣщеніемъ въ центрѣ казармы, и отсюда получаютъ всѣ приказанія. Все основано на расчетѣ, исполнительности, точности; свободы никакой. У казармы этой есть только одно достоинство—всѣ эти комнаты, широкія лѣстницы, всѣ помѣщенія, одинаково доступны каждому, дворянину, мѣщанину и простолюдину; тамъ каждый можетъ сдѣлаться герцогомъ, сенаторомъ, а при счастіи даже королемъ. Устройство это постепенно сдѣлалось въ тягость тѣмъ многимъ, которые жили внѣ казармы и которыми управляли изъ этой казармы. Въ законодательномъ учрежденіи, открытомъ

19 декабря, обнаружилась оппозиція. Одинъ изъ депутатовъ, Ленэ, выразился такъ: «послѣдніе два года у насъ собираютъ жатву по три раза въ годъ . . . . . варварская война поглощаетъ всю молодежь, которую отрываютъ отъ школъ, торговли, земледѣлія и ремеслъ!» 30-го, большинствомъ четырехъ пятыхъ всѣхъ голосовъ, одобрено было очень серьезное прошеніе на имя императора. Оппозицію эту легко заставили умолкнуть. На пріемѣ, 1 января, императоръ повторилъ опять по-своему программу цесарства: «Вы не представители народа, вы только посланные департаментовъ! Я одинъ представитель народа! Что такое тронъ?—кусокъ дерева, обтянутый бархатомъ! Я самъ тронъ!» — и такъ онъ говорилъ нѣсколько времени, высказывая правду и неправду, все то, во что онъ вѣрилъ и что высказывалъ, какъ завѣдомую ложь. Онъ заключилъ рѣчь грозными словами: «впрочемъ, Франція болѣе нуждается во мнѣ, нежели я въ ней!»

Положеніе Наполеона.

Въ то мгновеніе онъ нуждался во Франціи, потому что у него не было ничего, кромѣ ея; а со всѣхъ сторонъ надвигалась вражеская сила. И въ Испаніи положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось во вредъ ему; изъ Италіи онъ не могъ также притянуть себѣ подкрѣпленіе. Мы не станемъ описывать военныхъ событій въ Испаніи съ 1812 года; въ теченіе ужасной зимы 1812—13 года военныхъ дѣйствій тамъ не было. Когда весною 1813 года начался походъ, оказалось, что и здѣсь дни французскаго господства были сочтены. Исполняя настойчивую просьбу Іосифа, Наполеонъ вызвалъ оттуда маршала Сульта, человѣка несноснаго, грабителя, но трудно замѣнимаго, какъ военачальника. 18 марта 1813 г. онъ выѣхалъ изъ своей столицы; въ половинѣ мая Веллингтонъ перешелъ черезъ испанскую границу со стороны Португаліи; 15 іюня онъ переправился черезъ Эбро, а 21 іюля Іосифъ потерпѣлъ сильное пораженіе при Витторіи, въ сѣверной части Старой Кастиліи, слѣдовательно уже на границахъ Пиринеевъ. Онъ потерялъ при этомъ 8,000 плѣнными, 120 орудій. Тщетно Наполеонъ послалъ опять Сульта въ Испанію: и тотъ не могъ поправить проигранное дѣло; онъ также былъ разбитъ Веллингтономъ послѣ трехдневной битвы, которую называютъ битвой «при Пиринеяхъ». 31 августа палъ Санъ-Себастіано, 31 октября—Памплелуна, и еще до лейпцигскаго сраженія, 7 октября, англійское войско перешло Бидассоа и вступило на Французскую землю. То, что подготовлялось въ Италіи, было важно не само по себѣ, а какъ предзнаменованіе. Король Неаполитанскій Іоахимъ велъ переговоры съ Австріей о своемъ участіи въ войнѣ противъ Наполеона.

1814. Походъ во Францію.

Такимъ образомъ, всему свѣту, ополчившемуся противъ него, Наполеонъ могъ противупоставить только свое единовластіе, свою привычку повелѣвать, свой геній военачальника, и не болѣе 150,000 человѣкъ войска. Болѣзни, занесенныя въ несчастную войну 1813 года, искалѣчили и погубили лучшихъ солдатъ его. 25 января онъ выѣхалъ къ войскамъ своимъ, назначивъ Марію-Луизу регентшею. Еще два мѣсяца боролся онъ съ своей судьбою, и велъ войну съ неравными силами. Она выказала во всемъ блескѣ его военную славу, превосходство его умственныхъ силъ, и была возможна только вслѣдствіе политическихъ замѣшательствъ союзниковъ, вслѣдствіе которыхъ фельдмаршалъ князь Шварценбергъ на-

значенъ или, вѣрнѣе, осужденъ былъ оставаться главнокомандующимъ; только это обстоятельство не дозволяетъ поставить Шварценберга рядомъ съ Макомъ. Силезская армія перешла 1 января Рейнъ, частью при Мангеймѣ, частью при Каубѣ и Кобленцѣ, и проникла до Нанси, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія. Въ это же время (17 января) главная армія выдвинулась на югъ, со стороны Швейцаріи, при Лангрэ, на плоскую возвышенность, которой воинская методика главной квартиры приписывала важное стратегическое значеніе; значеніе это выказалось прежде всего тѣмъ, что задержало армію на пять дней. Наполеонъ обратился изъ Шалона на Марнѣ, 25-го января, противъ Блюхера. 29-го января, при *Бріэннѣ*, произошло первое сраженіе. Такъ какъ богемская армія не поддержала его, Блюхеръ долженъ былъ отступить къ Бару, расположенному южнѣе, на Обѣ. Послѣ трехъ часовъ движенія, видя, что его не преслѣдуютъ, онъ остановился, усилилъ свою армію до 50—60,000 человѣкъ изъ арміи богемской и пошелъ опять впередъ. Три дня спустя, 1 февраля, при *ла-Ротьерѣ*, между Баромъ на Обѣ и Бріэнномъ, на правомъ берегу Обы, произошло второе сраженіе, при которомъ Шварценбергъ безкорыстно передалъ, по желанію императора Александра, главное начальство войсками Блюхеру. Сраженіе окончилось вечеромъ полною побѣдою; захвачено было 3,000 плѣнныхъ, 75 пушекъ. Такъ какъ сраженіе это ясно показало, что военная сила Наполеона еще не достаточно окрѣпла, то полагали, что настойчивое преслѣдованіе можетъ въ нѣсколько дней покончить войну. Это не согласовалось однакоже съ тѣмъ, что Блюхеръ называлъ «сто проэктовъ дипломатиковъ», и вслѣдствіе того пришли къ болѣе чѣмъ странному рѣшенію, по которому Блюхеръ, получивъ подкрѣпленіе въ 50—60,000 войскъ, долженъ былъ на свой страхъ двинуться къ Парижу; главная же армія рѣшилась въ теченіе этого времени оставаться въ покоѣ. Наполеонъ узналъ своевременно это безумное рѣшеніе раздѣлить на части силу, которая была сплочена, и воспользовался имъ. Корпусъ Іорка достигъ предмѣстій Шалона на Марнѣ. Померанцы разыскали тамъ въ погребахъ бѣлое пиво—они назвали такъ шампанское вино—и признали его очень вкуснымъ. Прежде чѣмъ Блюхеръ успѣлъ собрать различныя части своего войска и составить изъ нихъ одно цѣлое, которое по численности своей было бы равно силѣ Наполеона, тотъ воспользовался ошибкою разбросанности войскъ. Этому энергическому и почти единственному опасному своему противнику, въ цѣломъ рядѣ сраженій на лѣвомъ берегу средней части Марны, при Шампоберѣ и Монтмирайлѣ 10-го и 11-го, при Шато-Тьерри 12-го, при Этожѣ и Фошанѣ 14 февраля, нанесъ такія потери, которыя равнялись урону большого проиграннаго сраженія, и нравственное дѣйствіе ихъ было очень тягостно. Самоувѣренность Наполеона тотчасъ воскресла; настроеніе войскъ его и даже населенія сдѣлалось гораздо тверже. Онъ мечталъ уже о народной войнѣ, хотя время для нея было упущено. При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не удивительно, что мирное настроеніе главной квартиры еще болѣе усилилось. Императоръ Русскій при первыхъ извѣстіяхъ настоялъ, чтобы для облегченія Блюхера сдѣлана была слабая диверсія къ сторонѣ Сены. Казаки проникли до Фонтенебло и распространили ужасъ до самой столицы, распо-

ложенной въ нѣсколькихъ часахъ оттуда. Наполеонъ, сдѣлавъ Блюхера на долгое время безвреднымъ для себя, обратился противъ богемской арміи; 18 февраля онъ отбросилъ назадъ, при Монтро, передовыя войска Шварценберга, которыми командовалъ кронпринцъ Вюртембергскій. Этого было достаточно, чтобы Шварценбергъ предложилъ своему противнику заключить перемиріе; рѣшено было отступить къ Труа; Блюхеру приказали присоединиться къ главной арміи. Блюхеръ отвѣтилъ 21 февраля, что онъ стоитъ при Мери и приготовился къ сраженію; на это не обратили никакого вниманія; мирное настроеніе усиливалось все болѣе, хотя теперь располагали силою вдвое большею, чѣмъ Наполеонова. Надо было придумать выходъ изъ этого положенія, и 23 февраля Блюхеръ во второй разъ получилъ дозволеніе самостоятельно двинуться на Парижъ, притянувъ къ себѣ корпусъ Бюлова, подвигавшійся съ сѣвера, и корпусъ Винцингероде. Онъ былъ въ восторгѣ, и писалъ императору Александру: «Я пройду до Парижа и не боюсь ни Наполеона, ни его маршаловъ!»

«Жалкіе люди! при первой неудачѣ они падаютъ на колѣни!» писалъ Наполеонъ брату своему Іосифу, когда Шварценбергъ передъ сраженіемъ при Монтро предлагалъ ему перемиріе. Счастіе, что онъ увлекся этими кичливыми мыслями, а не занялся примиреніемъ съ врагами. Военныя событія можно до нѣкоторой степени разъяснить себѣ, изучая эти попытки къ примиренію; источникомъ ихъ были дѣйствительно разныя недостойныя стремленія; но во всякомъ случаѣ никакъ не трусость и неспособность генераловъ и войска.

Мирный конгрессъ въ Шатильонѣ.

14 января переговоры о мирѣ возобновились опять, вслѣдствіе ноты Меттерниха. Наполеонъ послалъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Коленкура въ Шатильонъ въ Бургундіи, и 5 февраля тамъ состоялась первая конференція мирнаго конгресса. Союзники соглашались уже на границы 1790 года, то-есть границы старой Франціи; но Наполеонъ упорно требовалъ условій прежнихъ франкфуртскихъ переговоровъ, которыя онъ тогда отвергнулъ. Съ смѣлостью и безцеремонностью, вполнѣ свойственными этому беззастѣнчивому деспоту, Наполеонъ утверждалъ, что онъ опозоритъ себя, если оставитъ послѣ себя Францію меньшею, чѣмъ принялъ ее въ 1799 году; точно его собственная честь и честь его страны была выше чести другихъ странъ, у которыхъ онъ отнималъ по трети и половинѣ ихъ владѣній. «Что отвѣчу я республиканцамъ, когда они потребуютъ отъ меня своихъ Рейнскихъ границъ?» Коленкуру предписано было затягивать переговоры, и только одно мгновеніе повелитель его склонялся дать ему безусловное полномочіе. Теперь, подъ впечатлѣніемъ неудачъ Блюхера, значеніе которыхъ сторонники примиренія сознательно или безсознательно преувеличивали, представлялся послѣдній случай быстро заключить миръ, на условіи границъ 1792 года. Но и онъ преувеличивалъ значеніе своихъ недавнихъ успѣховъ. Печать проклятія деспотовъ давно уже лежала на немъ! Съ открытыми глазами онъ ничего не видѣлъ; какъ истый льстецъ, онъ самъ перетолковывалъ себѣ всѣ событія такъ, какъ они были выгоднѣе для него. Австрійцы, тесть его, Меттернихъ, Шварценбергъ, были въ его глазахъ дѣйствительно тѣми imbéciles, какими можно было признать ихъ, судя о нихъ по веденію

ими войны. При этомъ онъ дозволилъ себѣ такую грубую хитрость, что, въ письмѣ къ императору Францу, старался увѣрить его, будто, предлагая условія франкфуртскихъ переговоровъ, онъ устраиваетъ своимъ противникамъ золотой мостъ, дозволяя имъ выходъ изъ затруднительнаго положенія (21 февраля). Опасность гнилого мира повторилась впослѣдствіи еще разъ; а гнилымъ можно было признать миръ даже на условіи границъ 1790 и 1792 годовъ—коль скоро Наполеонъ оставался на престолѣ. 24 февраля, въ Люзиньи, перемиріе было «принципіально» принято союзниками; но Наполеонъ потребовалъ, чтобы въ условіяхъ предстоящаго мирнаго договора Бельгія оставлена была за Франціей. Это показало, что онъ неисправимъ, и положило конецъ всякимъ мирнымъ переговорамъ. Попытка разссорить союзниковъ не удалась. Императоръ Александръ, который болѣе прочихъ обладалъ чувствомъ мужественнаго и царственнаго достоинства, объявилъ, что онъ впредь ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семьи никакихъ переговоровъ вести не будетъ. Едва не разсыпавшійся союзъ, закрѣпили вновь 1 марта, въ Шомонѣ, договоромъ обязательнымъ на слѣдующія 20 лѣтъ, и по которому четыре великія державы, Англія, Россія, Австрія и Пруссія, обязались выставить армію въ 150,000 человѣкъ, при всякомъ будущемъ нападеніи Французовъ, и содержать такое войско всегда на-готовѣ.

Битва при Баръ-сюръ-Объ.

Признали также необходимымъ поддержать угнетенное состояніе духа войскъ удачнымъ сраженіемъ. Главнокомандующій дозволилъ одержать побѣду въ Баръ-сюръ-Объ; сомнѣваться въ успѣхѣ на этотъ разъ нельзя было, такъ какъ на сторонѣ союзниковъ было численное превосходство трехъ противъ одного.

Краонъ, Лаонъ.

За день до этой битвы, Наполеонъ получилъ извѣстіе, которое частью разсѣяло въ немъ самообманъ, вполнѣ овладѣвшій имъ: Блюхеръ перешелъ въ наступленіе и находился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы. Дѣйствительно, въ первыхъ числахъ марта, на берегахъ Эны, къ Блюхеру присоединился Бюловъ, который только что передъ тѣмъ удачно очистилъ Голландію отъ французскихъ войскъ, оставшихся только въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ. Окончивъ свое дѣло въ Голландіи, онъ немедля двинулся во Францію. Наполеонъ рѣшился остановить эту «силезскую армію», которая не стала уклоняться отъ сраженія и заняла позицію на крутой возвышенности при Краонѣ, на сѣверъ отъ Эны. Жестокая схватка произошла 7-го, и кончилась отступленіемъ къ Лаону; но потери Французовъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ русско-прусскомъ войскѣ; особенное значеніе потерямъ этимъ придавало то, что Французамъ уже нечѣмъ было пополнить ихъ. При Лаонѣ Блюхеръ вновь укрѣпился, и здѣсь 9 и 10 марта, въ сущности, Наполеонъ погубилъ окончательно свои силы въ безполезныхъ нападеніяхъ. На второй день битвы, вечеромъ, къ Наполеону подошелъ изъ Реймса Мармонъ, съ 16,000; но они уже не могли поправить дѣла; а при ночномъ нападеніи на нихъ, войска Іорка и Клейста такъ разстроили и ихъ, что они оставили въ рукахъ Пруссаковъ 2,500 плѣнныхъ и 45 пушекъ. Общая потеря Французовъ за эти дни, при Краонѣ и Лаонѣ, простиралась до 17,000 человѣкъ. Наполеонъ погибъ бы, если бы преслѣдованіе было такъ

же настойчиво, какъ ему надлежало быть, и такъ упорно, какъ Пруссаки отражали передъ тѣмъ нападеніе. Но счастье еще разъ улыбнулось ему: силезская главная квартира была не въ обычныхъ своихъ условіяхъ, у нея не было главнокомандующаго; Блюхеръ былъ боленъ, а Гнейзенау, у котораго не было никакихъ полномочій, не рѣшился дѣйствовать смѣло. На югѣ англійскія войска заняли, два дня спустя, подъ начальствомъ Бересфорда, городъ Бордо.

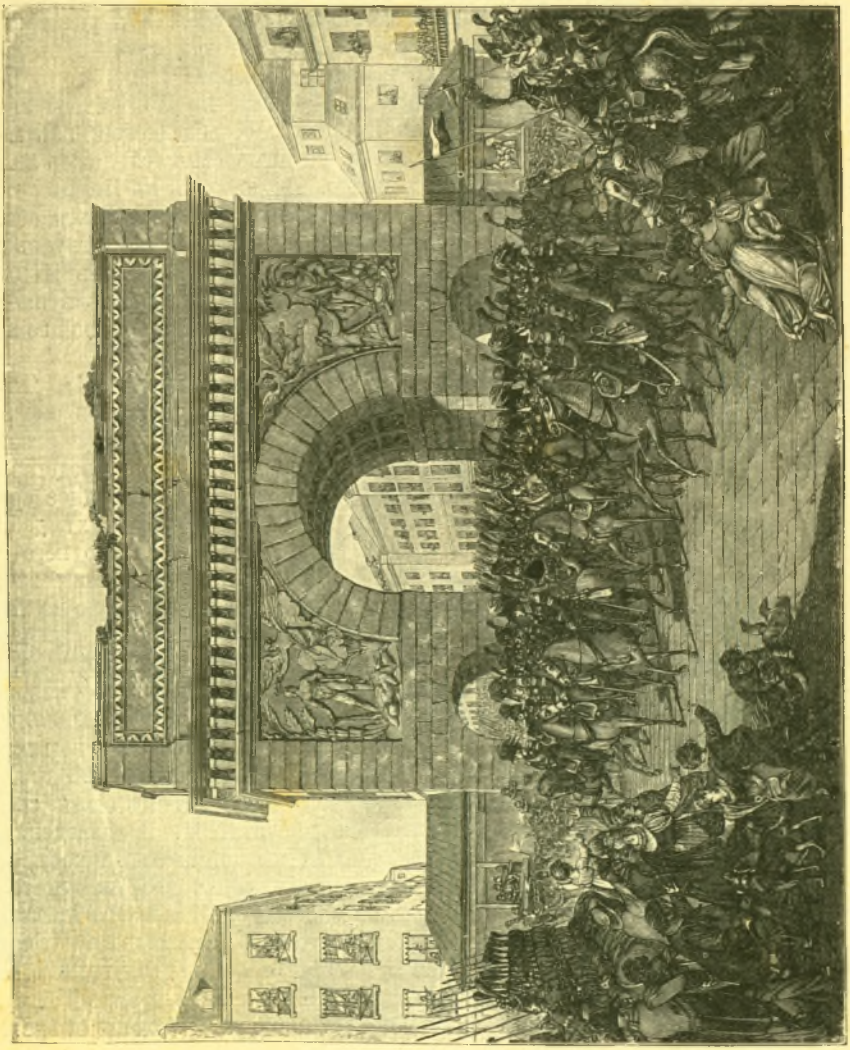
Арсисъ-сюръ-Объ.

Получивъ извѣстіе объ этой побѣдѣ, богемская армія, страдавшая отъ двоевластія, сдѣлала также шагъ впередъ. Но Наполеонъ съ поразительной быстротой бросился на русскій отрядъ Ст.-При, напалъ на него врасплохъ 13-го марта при Реймсѣ, разбилъ на-голову, и загладилъ этимъ удачнымъ ударомъ тяжелое впечатлѣніе своего пораженія при Лаонѣ. Затѣмъ онъ обратился на Шварценберга. Теперь этотъ «маршалъ отступленія» рѣшился самъ напасть на Наполеона; онъ собралъ большую часть своего войска и 20 марта, въ 2 часа пополудни, началось сраженіе при Арсисъ-сюръ-Объ. При нападеніи 90,000 на 30,000 сомнѣваться въ побѣдѣ было нельзя. Однако, вмѣсто того, чтобы 21-го дѣйствительно окончательно уничтожить врага, замѣшкались, и дали Наполеону возможность, въ виду втрое сильнѣйшаго непріятеля, въ открытомъ полѣ, совершить свое отступленіе.

Послѣ послѣдней неудачной попытки Меттерниха разъяснить Французскому императору его положеніе, всякіе мирные переговоры были окончательно прерваны. Въ день сраженія при Арсисѣ, 20-го марта, Коленкуръ покинулъ Шатильонъ; онъ съ своей стороны также тщетно старался образумить ослѣпленнаго Наполеона. Движеніе къ Парижу было теперь рѣшено, и именно въ томъ видѣ, какъ Гнейзенау предлагалъ его съ самаго начала.

Походъ къ Парижу.

Вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь своей угрожаемой столицѣ, Наполеонъ задумалъ отчаянное движеніе; онъ отошелъ на западъ, достигъ 23-го Ст.-Дизье, и рѣшилъ напасть на союзниковъ съ тылу. Онъ надѣялся этимъ отвлечь ихъ отъ столицы. Союзники оставили его въ этомъ заблужденіи, и послали вслѣдъ за нимъ сильный кавалерійскій отрядъ Винцингероде, съ 8,000 коней. Между тѣмъ союзныя войска собирались; 25-го массы тронулись. Оба маршала, Мармонъ и Мортье, направившіеся на соединеніе съ императоромъ, съ 25,000 человѣкъ, были разбиты при Феръ-Шампенуазѣ, 25-го. Они едва успѣли спастись въ Парижъ, потерявъ 5,000 убитыми и ранеными, 4,000 плѣнными. Извѣстіе о наступленіи на Парижъ Наполеонъ получилъ 28-го, въ Витри; онъ двинулся 28-го черезъ Труа; но спасти городъ уже было невозможно. Императрица и трехлѣтній Римскій король покинули столицу, по совѣту Талейрана, который въ «принципѣ» давно уже примирился съ возвращеніемъ Бурбоновъ. Утромъ 30-го съ разныхъ сторонъ показались передъ столицей войска союзниковъ; силезская армія шла на правомъ флангѣ. Началась битва противъ послѣднихъ защитниковъ, войскъ Мармона и Мортье. Сраженія на западѣ и на сѣверѣ, сраженія Русскихъ и Пруссаковъ при Ромэнвилѣ, Пантенѣ, Монмартрѣ, всю послѣднюю битву этой ужасной войны можно назвать «битвой при Парижѣ». Король Іосифъ послалъ, однако, около полудня, маршаламъ полномочіе для переговоровъ



Въѣздъ монарховъ-союзниковъ въ Парижъ 31 марта 1814 года.
По рисунку Л. Вольфа, гравированному Югелемъ.

и, въ 3 часа пополудни, они признали своевременнымъ воспользоваться этими полномочіями. Военныя дѣйствія были пріостановлены, а ночью была подписана капитуляція, по которой французскія войска должны были очистить городъ на другой день, къ 7 часамъ утра.

Вступленіе въ Парижъ. Послѣдній планъ Наполеона.

Между тѣмъ какъ побѣдители большимъ полукругомъ расположились вокругъ города, Наполеонъ спѣшилъ на помощь своимъ. Съ уединенной возвышенности, на сѣверъ отъ Фонтенебло, при почтовой станціи въ Жювизи, онъ увидѣлъ костры союзныхъ войскъ. 31 марта императоръ Всероссійскій и король Прусскій вступили въ Парижъ, во главѣ своей гвардіи. Радостные крики привѣтствовали ихъ, какъ освободителей; изъ многихъ оконъ, густо усаженныхъ зрителями, на нихъ сыпался дождь лилій; возстановленіе Бурбоновъ уже было рѣшено. Переворотъ въ Парижѣ подготовлялся уже давно, и былъ вполнѣ естественнымъ; а при такихъ обстоятельствахъ всегда появляется народъ или толпа, которая привѣтствуетъ побѣдителя. Войска, которыя Іоркъ и Блюхеръ привели съ береговъ Нѣмана на Сену, не участвовали въ торжествѣ вступленія. Одежда этихъ воиновъ, которые болѣе другихъ вынесли на себѣ тяжесть и пылъ грозной войны, была черезчуръ неприглядна.

Отреченіе Наполеона отъ престола.

Судьба Наполеона была рѣшена. «Республика невозможна!» выразился Талейранъ при переговорахъ съ главами побѣдоносныхъ союзниковъ. «Регентство и Бернадоттъ»—и онъ тоже высказалъ свои безграничныя надежды—«не болѣе какъ интрига; только Бурбоны представляютъ собою принципъ». Тщетно Наполеонъ ухватился за послѣднее средство; онъ надѣялся, что, отказавшись на извѣстныхъ условіяхъ добровольно отъ престола, онъ спасетъ себя и свою династію. Около него собралось до 50,000 войскъ въ Фонтенебло, и солдаты были готовы вновь драться, но у предводителей—и они были правы въ томъ—не было къ тому охоты. Побуждаемый ими, онъ подписалъ 11 апрѣля безусловное отреченіе отъ престола, за себя и членовъ своей семьи; попытка его отравиться, въ ночь на 12-е апрѣля, оказалась безуспѣшною. Относительно его дальнѣйшей судьбы состоялось престранное рѣшеніе. Ему назначили 2.000,000 фр. ренты и предложили удалиться на островъ Эльбу, отданный ему во владѣніе, съ титуломъ императора и 400 чел. гвардіи. Онъ простился, 20 апрѣля въ Фонтенебло, со своей гвардіей. Хотя онъ вполнѣ достоинъ былъ своей судьбы, однакоже нельзя отрицать сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго этою сценою. Сопровождаемый нѣсколькими комиссарами союзниковъ, онъ отправился на югъ. Во время этого путешествія, среди возбужденнаго и раздраженнаго населенія, онъ испыталъ не мало оскорбленій. Онъ долженъ былъ переодѣваться въ мундиръ своихъ побѣдителей, разыгрывать русскаго или австрійскаго офицера, чтобы спасти себя отъ дѣйствительной или воображаемой опасности. Младшій братъ Людовика XVI, графъ Д'Артуа, прибылъ 12 апрѣля въ Парижъ. Именемъ Людовика XVIII онъ объявилъ себя главнымъ намѣстникомъ. Руководитель всей интриги,—вѣдь съ однимъ принципомъ далеко не уйдешь,—Талейранъ, какъ глава выборнаго комитета и вице-президентъ сената, обладавшій до нѣкоторой степени законными правами, собралъ поспѣшно человѣкъ тридцать сенаторовъ. Они наскоро составили нѣсколько основныхъ постановленій, нѣчто въ родѣ



Прощаніе Наполеона съ гвардіей въ Фонтенебло, 20 апрѣля 1814 года.
По картинѣ Г. Верно, гравировалъ Жаз.

конституціи, которую законодательное учрежденіе, въ лицѣ находившихся тогда въ Парижѣ членовъ своихъ, 6 апрѣля утвердило. Въ силу ея, какъ было очень хитро сказано тамъ, принцъ Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій возвращался націи. Это было растеніе, быстро выросшее и быстро увянувшее. Король, этотъ самый принцъ Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій, объявилъ ее необдуманнымъ твореніемъ и не утвердилъ основныхъ положеній ея. Не въ силу этой конституціи, но на основаніи прирожденнаго ему права, Людовикъ XVIII, Божіею милостію король Франціи и Наварры, 4 мая торжественно возвратился въ добрый городъ свой Парижъ. Фердинандъ VII 14 мая возвратился въ Мадридъ, а 20—Викторъ-Эммануилъ въ Туринъ.

Первый Парижскій миръ.

30 мая былъ наконецъ подписанъ миръ—*первый* Парижскій мирный договоръ—между четырьмя государствами и Франціей. Казалось, дѣйствительно вели войну только съ Наполеономъ; Франція сохранила границы 1 іюня 1792 года; онѣ были описаны въ ст. 3 договора; ей даже прибавили еще 150 кв. миль; а въ 18 ст. союзники великодушно отказались отъ всѣхъ суммъ, которыя они съ 1792 г. могли потребовать. Ст. 32 созывала уполномоченныхъ всѣхъ государствъ, участвовавшихъ въ войнѣ, на конгрессъ въ Вѣну. Тамъ предлагали опредѣлить новое устройство европейскихъ государствъ, которое революція и имперія совершенно исковеркали. Особою статьею указано, что Франція не должна принимать участіе въ этомъ трудѣ.

Вѣнскій конгрессъ.

3 ноября открылся въ Вѣнѣ этотъ конгрессъ государей и уполномоченныхъ; собраніе, какого не бывало нѣсколько столѣтій, со временъ большихъ сеймовъ Римско-Германской имперіи временъ Гогенштауфеновъ. Само собою понятно, что, послѣ тяжкихъ военныхъ трудовъ, здѣсь вполнѣ наслаждались жизнью. Всѣ ничтожныя и шумныя удовольствія придворной и барской жизни, со всѣми присущими имъ блескомъ и легкомыслiемъ, были къ услугамъ знатнаго общества, которому не приходилось уже преклоняться передъ сыномъ какого-нибудь адвоката, ни угождать его министрамъ и камердинерамъ. Достаточно было и серьезной работы: матеріалъ былъ безпредѣльный; всѣ возможные интересы, всѣ лица, пострадавшія при потрясеніяхъ послѣдняго времени, или которымъ хотѣлось провести какое-либо важное дѣло,—члены уничтоженныхъ монашескихъ орденовъ, знатные вельможи, рыцари, католическое духовенство, книжная торговля съ закономъ о перепечаткахъ, владѣтельный домъ Турнъ и Таксисъ, хлопотавшій о своей почтовой привилегіи, фамилія Паппенгеймъ съ ея наслѣдственнымъ правомъ государственнаго маршальства, адвокаты и прокуроры стариннаго имперскаго суда, добивавшіеся вознагражденія,—всѣ, малые и великіе, являлись въ собраніе: скромно и съ угрозами, умоляя, выпрашивая, нищенствуя, съ памятными записками, выписками изъ законовъ и всякаго рода документами.

Между многими вопросами, какіе при помощи труда и терпѣнія удалось постепенно разрѣшить, было два, которые представляли собой новую серьезную опасность: польскій и саксонскій; а за ними стоялъ еще болѣе обширный и въ ближайшемъ будущемъ вообще неразрѣшимый вопросъ объ устройствѣ Германіи. При обсужденіи первыхъ двухъ,

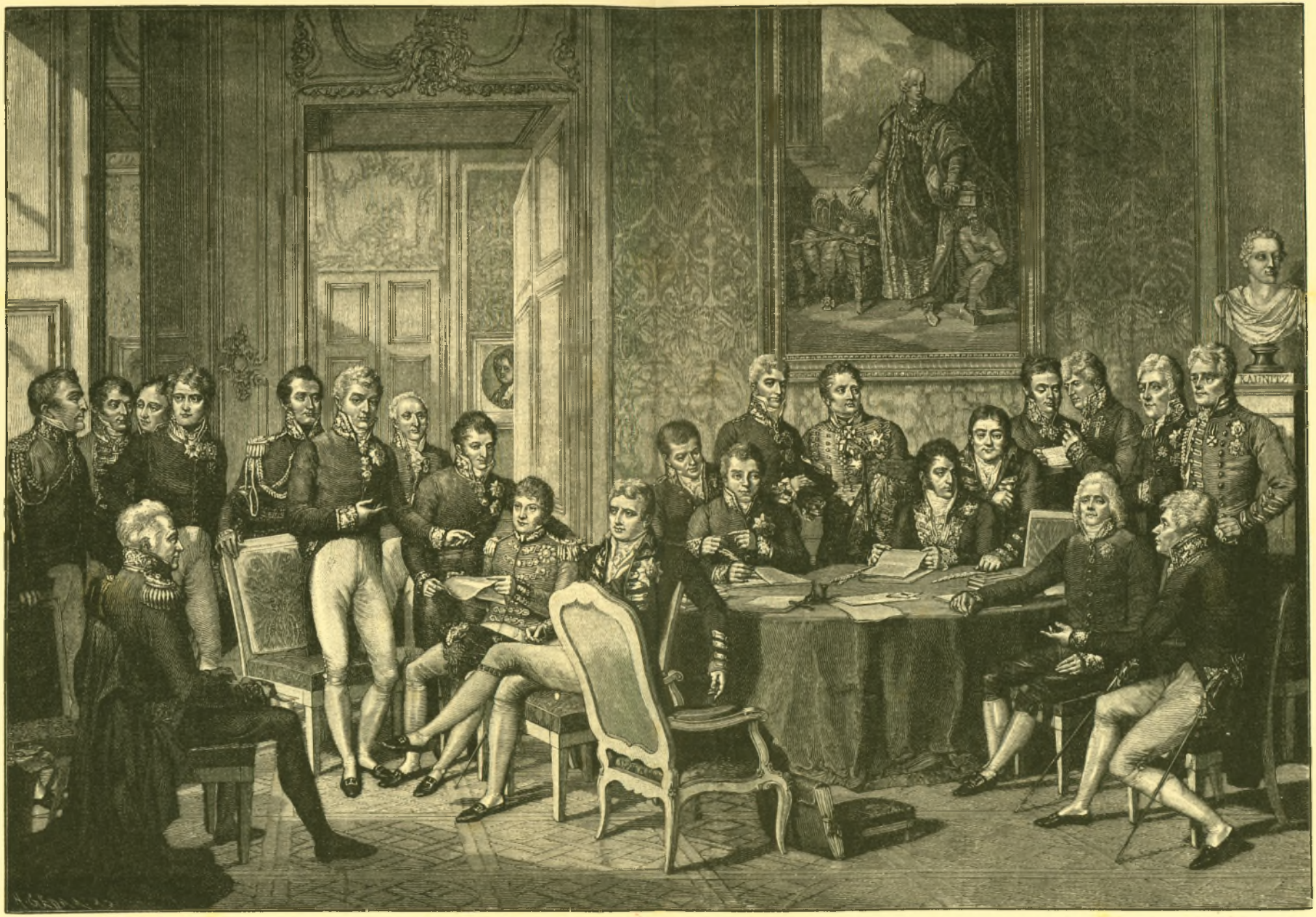
Объяснительная таблица къ картинѣ: «Засѣданіе уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года».

По оригинальной картинѣ І. Изабей, гравировано Жаномъ Годефруа.



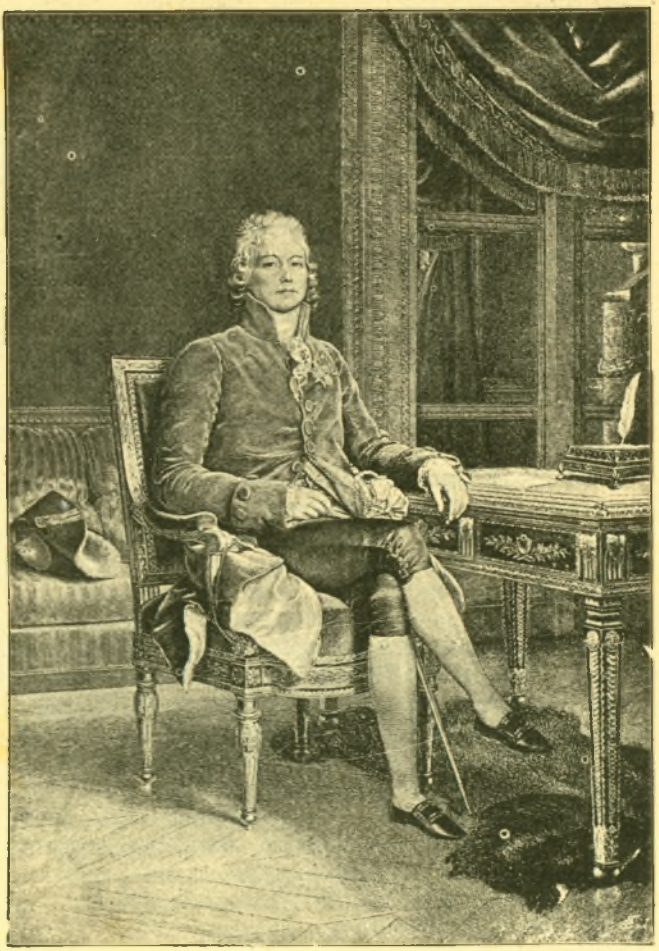
Участники Вѣнскаго конгресса 1815 года.

1) Веллингтонъ (Англія).
2) Графъ Лобо (Португалія).
3) Сальдана (тоже).
4) Графъ Лёвенгіельмъ (Швеція).
5) Графъ Алексисъ де-Ноайль (Франція).
6) Князь Меттернихъ (Австрія).
7) Графъ Де-Ла-Туръ-Дюпенъ (Франція).
8) Графъ Нессельроде (Россія).
9) Графъ Пальмелла (Португалія).
10) Виконтъ Кастельрэ (Англія).
11) Герцогъ Дальбергъ (Франція).
12) Баронъ Вессенбергъ (Австрія).
13) Графъ Разумовскій (Россія).
14) Лордъ Стюартъ (Англія).
15) Гомезъ Лабрадоръ (Испанія).
16) Графъ Клэнкарти (Англія).
17) Вакенъ (?).
18) Гентцъ—генералъ-секретарь конгресса.
19) Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ (Пруссія).
20) Генералъ Каткартъ (Англія).
21) Князь Гарденбергъ (Пруссія).
22) Князь Талейранъ (Франція).
23) Графъ Штакельбергъ (Россія).



Конгрессъ въ Вѣнѣ. Засѣданіе уполномоченныхъ отъ восьми державъ, принимавшихъ участіе въ Парижскомъ мирѣ.
По картинѣ Изабей, гравировано Годефруа.

Россія и Пруссія были единомысленны; требованіе Россіи, чтобы ей отдали всю Польшу, Пруссія поддерживала болѣе, чѣмъ это было благоразумно съ ея стороны. Противъ нихъ возставали Англія и Австрія. Главный министръ ея, теперь князь Меттернихъ, опасаясь грознаго преобладанія Россіи, защищалъ выгоды своего государства можетъ-быть и справедливо, но такими средствами, которыхъ онъ, правда, не стыдился всю свою дальнѣйшую жизнь, такими интригами и ложью, которыя однако въ частной жизни безусловно были бы признаны безчестными. Къ этимъ двумъ державамъ присоединилась Франція; несмотря на извѣстную тайную статью, она съумѣла пріобрѣсти здѣсь вліяніе и нашла себѣ достойнаго представителя въ Талейранѣ. Онъ, министръ революціи и имперіи, придалъ опредѣленный образъ и силу мало опредѣленному понятію государственнаго или народнаго права, назвавъ его удобнымъ словомъ *законности* (légitimité); защитникомъ ея онъ явился въ нотѣ отъ 19 декабря. Какъ извѣстно, король Саксонскій не покинулъ Наполеона среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ; когда Лейпцигъ былъ завоеванъ, онъ былъ просто взятъ въ плѣнъ и поставленъ въ невозможность оставаться союзникомъ Наполеона. Страна отдана была въ управленіе центральному совѣту; 8-го ноября управленіе ею приняла на



Герцогъ де-Талейранъ-Перигоръ.
Писанъ Жераромъ; гравюра Бушэ-Денэйэ.

себя Пруссія. Возможно, что во время войны Пруссія могла-бы при удобномъ случаѣ выговорить себѣ Саксонію, какъ прекрасное вознагражденіе; но теперь сдѣлать это было трудно, и препятствія возникали со всѣхъ сторонъ. Высказывали, что Саксонскій король, все же есть законный государь. «Жестоко свергнуть государя съ престола!» говорилъ императоръ Францъ. Въ началѣ понятіе о законности было окружено большою неопредѣленностью и лицемѣріемъ; но въ сущности и за нимъ скрывалась вражда къ Пруссіи со стороны Австріи, всегда существовавшая, а теперь съ каждымъ десятилѣтіемъ усиливавшаяся; точно такъ же, какъ соперничество средне-германскихъ государствъ Баваріи, Вюртемберга, государи которыхъ по народному праву были нѣсколько менѣе, а по законамъ нравственности, точно такъ же виновны, какъ король Саксонскій. Перехвачено было письмо Вюртембергскаго короля къ Наполеону, въ которомъ этотъ образцовый нѣмецкій государь выражалъ надежду, что онъ скоро станетъ опять подъ побѣдоносныя знамена Наполеона. Наконецъ, сознательно или безсознательно, саксонскій вопросъ все болѣе и болѣе соединяли съ вопросомъ о *польскомъ* вознагражденіи Россіи, а недовѣріе Англіи къ Россіи выразилось недовольствомъ ея на Пруссію. Дошло до того, что Англія, Австрія и Франція, 3 января 1815 г., заключили союзъ,—союзъ для охраны «отъ недавно заявленныхъ притязаній».

Положеніе дѣлъ во Франціи.

Въ этомъ была своя хорошая сторона: существовали обстоятельства, которыя должны были заставить одуматься и эти державы, если бы они даже были гораздо болѣе вопиственно настроены, чѣмъ то было въ сущности. Это нѣчто было крайне неудовлетворительное и даже опасное положеніе дѣлъ во Франціи, гдѣ вновь водворенная династія тотчасъ же выказала свою полную неспособность къ управленію. Братья Бурбоны и лица, окружавшія ихъ, возвратились съ тѣми самыми убѣжденіями, какія были у нихъ въ 1789 году; въ числѣ лицъ, окружавшихъ короля, многимъ революція и безпокойства двадцати лѣтъ изгнанія причинили всякаго рода огорченія и раззореніе. На развалинахъ стараго міра, *ихъ* міра, единственнаго, который они признавали, возникъ новый. Теперь они воротились сюда, какъ пустые пришлецы съ того свѣта. Нуженъ былъ необыкновенный запасъ нравственной силы, кротости и разума, какимъ обладаютъ очень немногіе люди, чтобы быть здѣсь посредникомъ, примирителемъ; а при необузданномъ высокомѣріи этого народа, которое сознательно питали цѣлыя десятилѣтія, начало такого новаго порядка вещей было необыкновенно затруднительно.

Улаженіе заблужденій въ Вѣнѣ.

Сознаніе возможности новой катастрофы въ этой необузданной странѣ, необходимость предотвратить ее, прежде чѣмъ она разразится, заставили конгрессъ составить по этому затруднительному дѣлу взаимное соглашеніе. Прусскій министръ Гарденбергъ представилъ 8 февраля новый проэктъ вознагражденія Пруссіи, по которому у Саксоніи отрѣзывалось въ пользу Пруссіи 850,000 жителей, и кромѣ того Пруссія соглашалась принять предложенныя ей Австріей въ разныхъ мѣстахъ вознагражденія по Рейну; Австрія изъявила согласіе на этотъ проэктъ 10 февраля. Послѣ этого легче было разрѣшить остальныя затрудненія, и работа была въ

полномъ ходу, когда 7 марта, послѣ продолжительнаго засѣданія конференціи, князь Меттернихъ получилъ депешу изъ Генуи; на ней была надпись: «весьма нужное». Открывъ ее, онъ прочиталъ, что Наполеонъ исчезъ съ острова Эльбы.

Необыкновенная драма, казалось, приходившая къ концу, повидимому, нуждалась еще въ блестящемъ эпилогѣ.

Наполеонъ покидаетъ Эльбу.

Утромъ прибыли курьеры, подтверждавшіе неожиданное извѣстіе. Наполеонъ отплылъ, 26-го февраля, со своими 900 чел., съ острова Эльбы; 1-го марта онъ вышелъ на берегъ недалеко отъ Канна, и со всякимъ днемъ пріобрѣталъ новые успѣхи. Войска, посланныя противъ него, перешли на его сторону, увлеченныя его именемъ и обаяніемъ славныхъ воспоминаній. Въ парижскихъ газетахъ было возвѣщено, 28-го февраля, что корсиканецъ покинулъ островъ Эльбу; 7-го марта, что Бонапартъ присталъ къ берегамъ Прованса, а 11-го, что генералъ Бонапартъ вступилъ въ Гренобль; 17-го, что императора принимали въ Ліонѣ, а 20-го, что уже ожидаютъ прибытія его императорскаго величества въ Тюльерійскій дворецъ его. Это произошло такъ: Бурбонскій дворъ бѣжалъ; людей этихъ какъ будто и не бывало. Предлоговъ для этой дерзкой выходки Наполеонъ нашелъ достаточно. Обязательства договора въ Фонтенебло не были исполняемы; притомъ онъ былъ государь острова Эльбы; а это очень нехорошая тюрьма для такого узника; да онъ и не отказывался никогда отъ права начать новую войну. Онъ возлагалъ большія надежды на несогласія, господствовавшія на конгрессѣ, о ходѣ котораго его конечно извѣщали; онъ надѣялся расположить къ себѣ населеніе Франціи либеральными обѣщаніями, а народы Европы онъ успокаивалъ обѣщаніями мира. Онъ ошибся по всѣмъ тремъ статьямъ. Въ Вѣнѣ извѣстіе о появленіи его сплотило опять разъединившихся членовъ коаліціи. Державы, 13-го марта, обнародовали уже воззваніе (онъ самъ научилъ ихъ тому) противъ врага и нарушителя спокойствія въ мірѣ; всѣ его требованія были отклонены безъ всякаго разсмотрѣнія и обсужденія. Онъ не встрѣтилъ большого одушевленія и во Франціи, исключая войска, и то въ низшихъ ступеняхъ его. Либеральные люди и законы, которые онъ выдвинулъ; добавочныя статьи къ конституціи имперіи и торжественное возвѣщеніе ихъ на площади, 1-го іюня, никого не обманули. Настоящее положеніе дѣлъ было бы несогласимо съ конституціоннымъ правленіемъ. Ни одинъ мыслящій человѣкъ, даже онъ самъ, не могъ бы себя убѣдить, что Наполеонъ можетъ когда-либо быть конституціоннымъ правителемъ.

Наполеонъ въ Парижѣ.

Вопросъ можно было разрѣшить единственно и только оружіемъ; и въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ было гораздо лучше, чѣмъ весною прошлаго года. Гарнизоны крѣпостей, многочисленные плѣнные успѣли возвратиться на родину; больные и раненые выздоровѣли или умерли. У него было подъ рукою около 270,000 войска и хоть одинъ союзникъ. Безумный Неаполитанскій король Іоахимъ, оскорбленный тѣмъ, что ничего не добился своей измѣной Наполеону, и что его все-таки лишили престола, передался опять на другую сторону и двинулъ свои войска въ Сѣверную Италію. Утверждаютъ, что Наполеону гораздо выгоднѣе

было оставаться во Франціи и защищаться оттуда. Это было во всякомъ случаѣ не въ его духѣ; онъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на правый флангъ союзниковъ, прежде чѣмъ подавляющему превосходству силъ, которое конечно соберется скоро со всѣхъ сторонъ, удастся отразить его своею массою. Правый флангъ составляли двѣ арміи, расположенныя въ Нидерландахъ и состоявшія подъ начальствомъ герцога Веллингтона и Блюхера, новаго князя фонъ-Вальштадта; въ первой было 95,000, а во второй 130,000 войска.

Побѣда при Линьи.

Въ дѣйствительности, этому правому флангу пришлось одному сражаться въ этомъ эпилогѣ великой войны. 12-го іюня Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа; 14-го, армія его стояла при Шарлёруа, готовая къ бою. Онъ предполагалъ не допустить двухъ противниковъ своихъ соединиться, и надѣялся разбить каждаго отдѣльно; мысль его съ военной стороны была, какъ всегда, проста и хорошо задумана; но здоровье его было уже не прежнее, и его обвиняютъ, что онъ не воспользовался съ прежнимъ могуществомъ однимъ изъ орудій побѣды—временемъ. Изъ Шарлеруа на сѣверъ и сѣверо-востокъ идутъ двѣ дороги; одна, восточная, на Намюръ и Люттихъ; другая, западная, въ Брюссель. На первой стоялъ Блюхеръ, на второй Веллингтонъ. Линія соединенія ихъ, прямо отъ востока къ западу, обозначается Сомбреффомъ (востокъ) и трактиромъ Четырехъ рукъ (Quatre bras). Ней двинулся, 16-го, на западъ, по Брюссельской дорогѣ, наткнулся при трактирѣ Quatre bras на войска Веллингтона и завязалъ съ ними горячее сраженіе. Наполеонъ велъ между тѣмъ при Линьи главную битву противъ Блюхера. Нападеніе началось поздно, между 2 и 3 часами пополудни; къ ночи онъ одержалъ побѣду, послѣ жестокаго боя: Пруссаки потеряли 12,000 чел. и 21 орудіе; Блюхеръ былъ раненъ. Наполеонъ преувеличивалъ свой успѣхъ, и не преслѣдовалъ непріятеля. Пруссаки двинулись не по дорогѣ къ Намюру, а направились къ сѣверо-западу. Къ полудню 17-го, или къ вечеру, Блюхеръ успѣлъ собрать въ Ваврэ два изъ трехъ корпусовъ, участвовавшихъ въ сраженіи, и ожидалъ Бюлова, который еще не подошелъ. Блюхеръ извѣстилъ Веллингтона, что 18-го онъ двинется къ нему на помощь. Союзники воспользовались какъ нельзя лучше днемъ 17-го, тогда какъ Наполеона можно упрекнуть, что онъ ничего не сдѣлалъ въ этотъ роковой день.

Пораженіе при Ватерлоо.

Соображаясь съ этимъ, Веллингтонъ рѣшился принять сраженіе и ожидать нападенія Наполеона. Онъ расположилъ на высотахъ Сентъ-Жанъ, на югъ отъ Брюсселя, 67,000 своего войска, состоявшаго изъ 24,000 Англичанъ, испытанныхъ воиновъ, подъ начальствомъ опытныхъ военачальниковъ, 30,000 нѣмцевъ—Ганноверцевъ, Нассауцевъ на англійской службѣ, Брауншвейгцевъ,—и 14,000 Нидерландцевъ. Наполеонъ радовался возможности разбить отдѣльно и этого противника своего. Противъ Блюхера онъ послалъ своего маршала Груши, который однако ошибочно искалъ непріятеля на пути къ Намюру. Въ этотъ день шелъ дождь, почва размякла, и Наполеонъ могъ начать нападеніе лишь незадолго до полудня. Пришлось еще промедлить, такъ какъ вдали показались войска — это были Пруссаки Бюлова. Нападенія слѣдовали одно за другимъ цѣлое послѣ-полудня; кавалерія и пѣхота нападали поочередно;



Артуръ Уеллеслэй, герцогъ Веллингтонъ.
По картинѣ Т. Лауренса, гравировалъ В. Бромлей.

горячія атаки отражались хладнокровно. Между 5-ю и 6-ю часами Французы заняли важную позицію Ла-Ге-Сэнтъ, поселокъ расположенный передъ центромъ Веллингтона; вопросъ былъ въ томъ: могутъ-ли войска герцога, ослабленныя тяжкимъ пятичасовымъ боемъ, выдержать еще одно нападеніе? «Нашъ планъ очень простой», объяснялъ Веллингтонъ: «Блюхеръ или ночь». Пруссаки были недалеко, корпусъ Бюлова, выступившій первымъ, шелъ впереди; но дурныя дороги замедляли ихъ движеніе. Къ 4½ часамъ загремѣли, на высотѣ Фришемона первыя прусскія пушки противъ праваго фланга Французовъ. Постепенно подходили полки, огонь боевой линіи усиливался. Наполеонъ выслалъ противъ нихъ корпусъ графа Лобау, который однакоже отступилъ, послѣ сраженія, продолжавшагося не болѣе часа, къ селенію Плансенуа, лежавшему за центромъ Французовъ, и тутъ произошелъ жаркій бой. Полуразрушенное Пруссаками селеніе снова перешло, около 7 часовъ, въ руки Французовъ.

Свѣжихъ войскъ у Наполеона было всего 5,000 человѣкъ гвардіи. На приходъ Груши онъ не могъ разсчитывать, такъ какъ онъ посланъ былъ противъ Блюхера. Положеніе было настолько опасное, что благоразумный полководецъ прекратилъ бы сраженіе. Но Наполеонъ рѣшился послать противъ позиціи Веллингтона, между 7 и 8 часами, послѣдній резервъ свой, подготовивъ его атаку ужаснѣйшимъ картечнымъ огнемъ изъ Ла-Ге. Еще разъ въ этотъ день, Французы отбросили порѣдѣвшую передовую линію. Самъ Веллингтонъ повелъ нѣсколько нѣмецкихъ батальоновъ въ встрѣчную атаку; когда, подъ предводительствомъ Нея, подошла одна часть гвардіи, 4 батальона, то главнокомандующій крикнулъ первому гвардейскому полку Англичанъ, бросившихся на землю: «встать, гвардейцы, готовься!»—за ихъ залпомъ почти въ упоръ послѣдовалъ ударъ въ штыки и атака Французовъ не удалась, такимъ образомъ, по всей линіи. Этимъ, на этотъ день, сраженіе могло бы кончиться, если бы въ то же время Пруссаки не завладѣли селомъ Плансенуа, что окончательно рѣшило пораженіе Наполеона; не онъ побилъ объ враждебныя арміи, а скорѣе онѣ окружили его соединенными силами. Вблизи селенія, за центромъ французской позиціи, у мызы «La belle alliance», сошлись оба побѣдоносные главнокомандующіе. Оба были того мнѣнія, что надо идти немедля къ Парижу. Для Наполеона вся эта кампанія была потеряна сраженіемъ при *Ватерлоо* (англійское названіе селенія), гдѣ находилась главная квартира герцога. Преслѣдованіе врага, которое предпринялъ и велъ Гнейзенау крайне энергично, не давая покоя бѣгущему врагу, разстроило окончательно его армію. У побѣдителей были громадныя потери. Британская часть войскъ, выдержавшая большую половину дня непрерывный артиллерійскій огонь и атаки, насчитывала около 11,000, Пруссаки, бившіеся въ тылу Французовъ за рѣшающее обладаніе селомъ, около 7,000 ранеными и убитыми; Французы потеряли, вѣроятно, половину своихъ 72,000 плѣнными, ранеными, безъ вѣсти пропавшими, и гдѣ и какъ соберутся снова оставшіеся—трудно было предсказать. Самъ Наполеонъ потерялъ присутствіе духа. Онъ понялъ, что его дѣло потеряно. Гвардейскіе конные егеря окружили его и вынесли изъ свалки, но карета его была захвачена Пруссаками преслѣдовавшими его.



Битва при Ватерлоо.
Писано Аткинсономъ и Дэвисомъ, гравировано Бёрнетомъ.

Дѣйствительно, исторія Бонапартовъ была закончена. Она продолжалась всего восемнадцать лѣтъ, со времени итальянской войны 1796 г., и никогда еще въ исторіи человѣчества не бывало примѣра, чтобы въ такое короткое время одинъ человѣкъ могъ причинить столько несчастій и погубить столько человѣческихъ жизней. А между тѣмъ эта губительная жизнь продолжалась только сорокъ пять лѣтъ: теперь онъ былъ безопасенъ на весь остатокъ дней своихъ.

Холодно принятый въ Парижѣ, враждебно встрѣченный противниками, прихрабрившимися за послѣднее время, покинутый орудіями рукъ своихъ, Наполеонъ долженъ былъ подписать во второй разъ свое отреченіе 22-го іюня въ Елисейскомъ дворцѣ, четыре дня спустя послѣ сраженія. «Моя политическая жизнь кончена и я назначаю императоромъ Французовъ моего сына, подъ именемъ Наполеона II». Но онъ уже потерялъ всякое значеніе. 7-го іюля, Блюхеръ уже былъ въ Парижѣ, 8-го воротился и Бурбонъ въ Тюльери. Наполеонъ медлилъ покинуть французскую территорію, и когда онъ пріѣхалъ въ Рошфоръ, думая бѣжать въ Америку, то гавань была заперта англійскими судами. 13-го онъ написалъ письмо принцу-регенту Англійскому, въ которомъ говорилъ, что онъ, подобно Ѳемистоклу, садится къ очагу британскаго народа и отдаетъ себя покровительству его законовъ. Сравненіе оказалось невѣрнымъ; письмо было неточно адресовано, такъ какъ регентъ не могъ дѣйствовать безъ своего парламента и безъ своихъ союзниковъ. Капитанъ корабля, на который онъ вступилъ, объявилъ ему, что теперь уже онъ не свободенъ въ рѣшеніяхъ своихъ, и что онъ смѣетъ принять его только какъ военноплѣннаго. Англійское правительство, съ согласія своихъ союзниковъ, назначило ему мѣстомъ заключенія островъ Св. Елены, самый уединенный въ Атлантическомъ океанѣ, и 18-го октября, черезъ два года послѣ Лейпцигскаго сраженія, въ Джемстоунской бухтѣ бросилъ якорь корабль «Беллерофонъ», который доставилъ туда Наполеона.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Реставрація и іюльское королевство.

1815—1848.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣнскій конгрессъ и его опредѣленія. Священный союзъ.— Германскія государства, Скандинавія, Англія, Германія отъ 1815—1830.

Вѣнскій заключительный актъ.

Эпилогъ великой трагедіи сильно взволновалъ еще разъ всѣ умы, и вообще 1815 годъ, важный по событіямъ, составляетъ начало совершенно иного времени, не похожаго на бурныя десятилѣтія, слѣдовавшія за 1789 годомъ. Занятія Вѣнскаго конгресса окончились въ это знаменательное лѣто заключительнымъ договоромъ, отъ 9 іюня 1815 года; его дополнили и измѣнили въ нѣсколькихъ пунктахъ, при заключеніи второго Парижскаго мира, 20-го ноября, между возстановленнымъ вторично королемъ Франціи и четырьмя державами. Миръ этотъ наложилъ на побѣжденную страну, кромѣ нѣсколькихъ важныхъ земельныхъ уступокъ, уплату 700.000,000 франковъ военныхъ издержекъ и оккупацію 150,000 союзнымъ войскомъ на пять лѣтъ.

Раздѣленіе территорій. Великія державы.

Въ 107 изъ 121 параграфа Вѣнскаго договора опредѣлялись прежде всего территоріальныя условія Европы: дѣло это, съ трудомъ доведенное до конца, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, никого вполнѣ не удовлетворившее, все-же доставило Европѣ полстолѣтія мира. Въ передѣланной картѣ Европы было пять великихъ державъ и около нихъ извѣстное число государствъ различной величины. Неприкосновенна, въ новомъ распредѣленіи, осталась только Оттоманская имперія, нѣкогда, въ тяжелые дни, втиснувшаяся въ число европейскихъ державъ, но остававшаяся чуждой имъ и своеобразной. Изъ пяти великихъ державъ— Россіи, Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи — болѣе всѣхъ выиграла

Россія. Еще при Наполеонѣ она присоединила Финляндію, какъ мы уже говорили, и этимъ улучшила свое слабое морское положеніе. Теперь она получила герцогство Варшавское, за исключеніемъ западной части, Познани, и образовала изъ него «царство Польское». Въ первый разъ выступила она, какъ великая европейская держава, во всей силѣ неизмѣримой страны, населенной въ то время 40.000,000 жителей; она была до нѣкоторой степени связана огромнымъ пространствомъ, затруднительными сообщеніями, сильно ощущавшимся недостаткомъ морского берега, крѣпостной зависимостью массы населенія. Совершенную противоположность ей составляла Великобританія, колоніальное королевство, распространявшееся на всѣ части свѣта и составлявшее центръ, съ единственнымъ положеніемъ среди морей и океана. Море, отдѣлявшее островъ отъ всѣхъ народовъ, въ то же время и соединяло его со всѣми. Изъ своихъ завоеваній въ послѣднее десятилѣтіе, Англія удержала Капландію и хлопчато-бумажные округа Индерландской Гвинеи; острова Табаго и Лукайскіе въ Западной Индіи и Иль-де-Франсъ на востокѣ отъ Мадагаскара. Въ Европѣ она получила Гибралтаръ, Мальту, Іоническіе острова, а съ этимъ и господствующее положеніе на Средиземномъ морѣ. Могущество, богатство, свобода соединялись въ этомъ государствѣ, которому такъ часто завидовали; но была и у него глубокая рана, больное мѣсто у самаго сердца—Ирландія. Франція вышла изъ войны побѣжденная, но въ существенныхъ, жизненныхъ условіяхъ неослабленная. Парижане съумѣли польстить самому вліятельному изъ государей, императору Александру, и новый миръ наложилъ на нихъ ничтожныя земельныя уступки; Филиппвиль и Маріенбургъ уступлены новому государству, соединеннымъ Индерландамъ; Саарлуи, Ландау и окрестности—Германіи; Савойя и Ницца—Сардиніи; ей оставили всѣ ея завоеванія и пріобрѣтенія до 1790 года; а природа, положеніе страны предоставляли трудолюбивому, хозяйственному, предпріимчивому народу плодородную почву, прекрасный климатъ, выгодное положеніе при двухъ моряхъ; къ тому же духъ единства въ населеніи, твердо сплоченный народъ, въ то время насчитывавшій 23 милліона; въ виду всего этого, Франція имѣла преимущество передъ всѣми другими державами. Въ числѣ всѣхъ этихъ милліоновъ подданныхъ не было ни одного, который пожелалъ бы не быть Французомъ. Въ этомъ она составляла противуположность двухъ нѣмецкихъ державъ—*Австріи* и *Пруссіи*. Изъ этихъ державъ Австрія больше получила отъ мирныхъ договоровъ и постановленій конгрессовъ. Францъ I могъ похвалиться приращеніемъ населенія въ 2 милліона, сравнительно съ 1792 годомъ. Взамѣнъ Индерландовъ и юго-западныхъ нѣмецкихъ земель, не имѣвшихъ цѣны и составлявшихъ, какъ и Бельгія, тягость,—Австрія получила Тироль съ Зальцбургомъ и въ Италіи двѣ превосходныя провинціи—Ломбардію и Венецію. 28-милліонное населеніе этихъ земель было очень разнородно и состояло изъ Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, Славянъ; но въ то время этого не опасались—одно чувство національности никогда не побѣдило бы Наполеона. Имперія составляла прекрасно округленное цѣлое, въ 12,000 квадр. миль; семь восьмыхъ населенія были римско-католическаго исповѣданія, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи являлось нѣко-

торое единство. Высокіе члены конгресса, собравшіеся въ Вѣнѣ, принесли эти земли, съ ихъ жителями, даже при поверхностномъ взглядѣ не оставлявшія желать ничего лучшаго, въ даръ гостепріимному двору и государственному человѣку, которому не мало стоило угощеніе этого знатнаго общества.

Но и поверхностному взгляду видно было затруднительное положеніе поддержанной и возстановленной *Пруссіи*. Она была меньшею изъ великихъ державъ: 5,000 квадр. миль и 10.000,000 жителей, и эти 5,000 квадр. миль распадались на бо́льшую, восточную, и меньшую, западную части, не только не смежныя, но еще раздѣленныя соперническими, враждебными, среднимп и мелкими государствами. Изъ 10.000,000 жителей болѣе половины было вновь присоединенныхъ, частью, какъ 845,000 отдѣленныхъ отъ Саксоніи (главнаго пріобрѣтенія Пруссіи на востокѣ), крайне враждебныхъ. Третья часть присоединенныхъ жителей были католики и большая часть этихъ католиковъ жили въ западной части, въ Вестфаліи и въ Прирейнской области, по сосѣдству съ католическими странами, Бельгіей и Франціей. Маленькое разнородное государство имѣло къ тому возможно-неблагопріятныя границы. На востокѣ, не обращая вниманія на границы съ Австріей и Швеціей, она граничила съ Россіей, громаднымъ государствомъ, съ населеніемъ вчетверо большимъ, на западѣ съ Франціей, твердо сплоченнымъ единымъ государствомъ, въ 23 милліона. Границы Пруссіи не имѣли ни естественныхъ укрѣпленій, ни удобствъ оборонительныхъ, и кромѣ того оборона не облегчалась, а затруднялась тѣмъ, что Пруссіи приходилось и на Мемелѣ, и на Рейнѣ защищать цѣлость Германіи одновременно съ своей собственной. Въ этомъ была и хорошая сторона, быть-можетъ лучшая доля, выпадающая сильному человѣку, какъ и соединеніе сильныхъ людей,—тяжелая, но ясная, исполнимая нравственная задача и назначеніе: ея интересы и судьба были связаны съ судьбою и интересами Германіи.

Остальныя государства.

Испанія и *Португалія* остались въ прежнихъ границахъ; *Швеція* вознаграждена за отошедшую къ Россіи Финляндію въ 1808 году Норвегіей, но такъ, что у обоихъ государствъ былъ только общій государь, династія. Въ убыткѣ была *Данія*, искупавшая такимъ образомъ упорную преданность Наполеону. Часть Шведской Помераніи, составлявшей ея вознагражденіе за Норвегію, она предоставила Пруссіи за герцогство Лауенбургское и денежную приплату. У нея оставалось еще въ германскихъ владѣніяхъ герцогство Гольштейнъ и населенный преимущественно нѣмцами, хотя и не принадлежащій къ Германіи Шлезвигъ.

Италія, Швейцарія, Германія.

Особенно затруднительны и своеобразны были задачи конгресса относительно Нидерландовъ, Италіи, Швейцаріи,—странъ, составлявшихъ Германскую имперію, хотя только по имени, а теперь называвшихся Германіей. На сѣверной границѣ Франціи политика эта создала съ виду сильное и, при поддержкѣ Англіи, способное къ самозащитѣ государство. Собраны были подъ однимъ Оранскимъ скипетромъ старинныя бургундскія земли, Голландія и Бельгія; сѣверныя, говорящія по-нѣмецки, въ большинствѣ протестантскія провинціи и южныя, Валлонскія, католическія, подъ общимъ названіемъ *королевства Соединенныхъ Нидерландовъ*. Несчастный жребій выпалъ на долю Италіи—страны, которой Наполеонъ,

кромѣ благодѣяній въ управленіи и въ правительствѣ, оставилъ великое, знаменательное имя «королевства Италіи». Объ этомъ теперь не было и рѣчи; полуостровъ, такъ ясно самой природой назначенный къ единству, принято было называть Италіей, но только какъ собирательное названіе среднихъ и мелкихъ, а также отчужденныхъ провинцій; *австрійскія провинціи*, Венеція и Ломбардія, названы были *Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ*; въ *королевствѣ Сардиніи* и на югѣ, въ *королевствѣ обѣихъ Сицилій*, возстановлены Бурбоны; великое герцогство *Тосканское*, герцогство *Пармское*, герцогство *Моденское* и самое невозможное изъ всѣхъ государствъ, *Церковная область*, находились подъ управленіемъ главы хорошо организованной, корыстолюбивой Римской Церкви, этой всемірной державы, вліяніе которой распространялось на всю вселенную. Одно то, что область эта занимала середину полуострова, дѣлало невозможнымъ всякое политическое единство Италіи. Для *Германіи* и *Швейцаріи* приходилось изыскать какую-нибудь форму правленія, въ которой выражалась бы и признавалась политическая общность отдѣльныхъ частей этой древней федераціи. Пренія, споры и конституціонная путаница привели Швейцарію къ очень шаткой федераціи изъ 22 кантоновъ различной величины, при чемъ центръ тяжести находился въ отдѣльныхъ кантонахъ, а объ общемъ союзѣ, законодательствѣ и внѣшней политикѣ не было и рѣчи. Въ Германіи затруднительно было установленіе границъ; но съ этимъ справились, и Германія 1815 года представляла изъ себя нѣчто менѣе безобразное, чѣмъ прежняя Германская или Римская имперія, состоявшая примѣрно изъ 300 владѣльческихъ территорій. Новая Германія, политическія основы которой изложены были въ германскомъ союзномъ договорѣ, отъ 8 іюня 1815 года, слѣдовательно *Германскій союзъ*, состоялъ всего изъ 33 государствъ, всякихъ величинъ. Четыре государства—Австрія, Пруссія, Данія и Нидерланды—принадлежали къ Союзу только частью владѣній своихъ. Членами «чисто-нѣмецкими» были королевства: Баварское, Ганноверское, Саксонское и Вюртембергское, курфюршество Гессенское, шесть великогерцогствъ, 14 герцогствъ и княжествъ; нѣкоторыя изъ нихъ равнялись всего нѣсколькимъ квадратнымъ милямъ. Изъ цѣлаго ряда нѣкогда могущественныхъ имперскихъ городовъ оставалось только четыре: Франкфуртъ-на-Майнѣ, Бременъ, Гамбургъ и Любекъ. Смѣлыя патріотическія надежды на возстановленіе настоящей нѣмецкой національной имперіи не оправдались. Цѣль Союза была самая скромная: «сохраненіе внѣшней и внутренней безопасности Германіи и независимость и неприкосновенность отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ».

Священный союзъ.

Конгрессу удалось, такимъ образомъ, возстановить внѣшній порядокъ въ дѣлахъ Европы. О немногихъ общихъ постановленіяхъ, какъ-то: отмѣнѣ торговли неграми, установленіи свободы плаванія по рѣкамъ, протекающимъ въ различныхъ государствахъ, не стоитъ и говорить, да въ сущности отъ такого собранія нельзя было и ожидать большаго. Конечно, велика была разница между настроеніемъ и надеждами, возбужденными послѣдней войной, и болѣе чѣмъ скромной дѣйствительностью. Самые могущественные чувствовали это: подписанный и обнародованный 26 сентября 1815 года актъ, названный договоромъ и подписанный импера-

торами Россіи и Австріи и королемъ Пруссіи, въ трехъ параграфахъ заключалъ обязательства и обѣщанія этихъ государей, представителей трехъ главныхъ христіанскихъ религій: быть братьями, управлять своими народами и войсками въ духѣ братства, какъ отцы семействами; народамъ совѣтовали ежедневно упражняться и укрѣпляться въ обязанностяхъ христіанина и приглашали остальныхъ государей примкнуть къ этому союзу, названному кратко—*священнымъ союзомъ*. Въ сущности, это былъ пустой разговоръ, такъ какъ самъ руководитель конгресса, Меттерних, втайнѣ относился къ договору непочтительно, называя его пустословіемъ (verbiage). Надо помнить, что значеніе въ мірѣ дѣйствительности этихъ словъ о христіанствѣ и братствѣ было то же, что «братство, свобода и права человѣка» въ якобинскомъ государствѣ. Замѣчательно, что трое государей, одинъ римско-католикъ, одинъ греко-православный и одинъ протестантъ—заявили о своей принадлежности къ такому христіанскому братству, тогда какъ папа не участвовалъ въ немъ вовсе и даже протестовалъ, впрочемъ, безуспѣшно, противъ такого умиротворенія Европы, при которомъ не могли не санкціонировать старинныя утраты Римской Церкви. Большого значенія не имѣло и это, такъ какъ евангельская свобода и христіанская терпимость проникаютъ въ сердца не сверху, не отъ великихъ міра, не по предложенію властей духовныхъ или свѣтскихъ, но постепенно зрѣютъ въ душѣ и сердцѣ массы и такимъ образомъ распространяются въ мірѣ.

Прогрессъ послѣдняго періода войнъ.

Изъ всего этого была одна прямая выгода: миръ—время для мирныхъ занятій, столь необходимое всюду, послѣ двухъ десятилѣтій непрерывныхъ войнъ, истощившихъ цѣлую часть свѣта. Для этой работы начинанія послѣднихъ десятилѣтій не пропали и скоро выяснилась огромная перемѣна, началомъ которой служилъ 1789 годъ. Выяснился тотъ высокій принципъ, что народъ долженъ самъ опредѣлять политическій порядокъ, при которомъ онъ желаетъ жить, и что необходимо выработать такую форму правленія, при которой народная воля могла бы проявляться и высказываться. Новое современное открытіе — народъ-правитель, le peuple souverain, — не только былъ въ состояніи разрушить прежній строй во Франціи, совершить разныя безчинства и ужасы; онъ съумѣлъ также выказать себя на войнѣ выше прежняго уровня, выше императоровъ, королей, принцевъ и великихъ міра. Добрая доля этого прежняго строя, съ худшими его злоупотребленіями и нелѣпостями, пропала навѣки, сдѣлалась невозможной. Но революція вышла изъ береговъ, перешла границы: она захотѣла дать свободу народамъ вообще и въ частности; она стала дѣйствительно или прикидывалась космополитичной. Въ этомъ ей не посчастливилось, и дальнѣйшія событія научили народы европейскіе совершенно иному. Во Франціи изъ хаоса вышелъ военный деспотизмъ. Деспотъ сдѣлался тираномъ цѣлой Европы. Самъ не имѣя отечества, онъ оскорблялъ и унижалъ національный духъ съ неслыханной жестокостью. Въ борьбѣ противъ него различные народы—Испанцы, Австрійцы, Русскіе, Пруссаки—вполнѣ сознали свои народныя особенности и права и ясно поняли, что ту свободу, которую сулилъ 1789 годъ, нельзя получить готовой изъ-за границы, что всякій народъ долженъ выростить ее на родной почвѣ и что нача-

ломъ ея служитъ независимость національная. Въ этомъ смыслѣ справедливо называли послѣднія войны за независимость—войнами за свободу.

Борьба за независимость окончилась, можно было приняться за работу освобожденія. Всякій народъ долженъ совершить это по-своему и хорошо, что идеи національныя такъ окрѣпли въ послѣднія войны. Рядомъ съ неизбѣжно одностороннимъ національнымъ чувствомъ пріобрѣтало все большее значеніе сознаніе общности интересовъ европейскихъ, и оба понятія эти росли и крѣпли рядомъ во все девятнадцатое столѣтіе: единство національное и общность интересовъ европейскихъ. Послѣднимъ словомъ времени этого и до сего дня была—свобода. Главный интересъ исторіи этого времени (до нѣкоторой степени это главный интересъ всей исторіи человѣчества) составляетъ борьба народовъ для достиженія благъ свободы, въ сущности очень сложной; любопытно прослѣдить за прогрессомъ его и задержками, за тѣми силами, которыя способствуютъ прогрессу или останавливаютъ его, узнать истины и заблужденія, доблести и ошибки, отношенія, при этомъ стремленіи къ свободѣ, отдѣльныхъ личностей, цѣлыхъ обществъ и поколѣній.

Скандинавскія государства.

Дѣлая обзоръ времени, непосредственно соприкасающагося съ настоящимъ, можно раздѣлить періодъ отъ 1815 г. и до нашихъ дней большимъ кризисомъ въ серединѣ столѣтія (1848—1852) на двѣ совершенно различныя части, и мы прослѣдимъ судьбы народовъ до этого кризиса, введеніемъ къ которому послужилъ переворотъ во Франціи. Руководящей или путеводной нитью мы примемъ старинное этнографическое дѣленіе народовъ на Романское, Германское и Славянское племя, хотя въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ народонаселеніе является очень смѣшаннымъ; такъ напр. даже Австрію мы вынуждены признавать государствомъ Германскимъ, несмотря на то, что въ составъ ея входятъ три главныя народности и еще нѣсколько ихъ развѣтвленій.

Подраздѣленіе.

Изъ государствъ германскихъ сравнительно незначительны составляющія скандинавскую группу: Швеція, Норвегія, Данія. Норвежцы противились соединенію ск Даніей не особенно упорно; они согласились признать общимъ королемъ Карла XIII, въ виду чрезвычайно либеральной конституціи, предоставлявшей имъ самостоятельность и независимость страны ихъ. У короля былъ норвежскій совѣтъ въ Стокгольмѣ, а относительно постановленій законодательнаго корпуса ему предоставлено было только отрицающее veto. 4 ноября 1814 года Карла провозгласили королемъ Норвегіи. Шведская конституція носила отпечатокъ менѣе демократическій. Въ отдѣльныхъ собраніяхъ рейхстага шли нескладныя совѣщанія обособленныхъ собраній дворянства, духовенства, мѣщанъ и крестьянъ. Во все долговременное правленіе Фридриха IV Данія прожила безъ писаной конституціи и не имѣя даже потребности въ ней (1808—1839). Черезъ Гольштейнъ и Лауенбургъ Датскій король былъ членомъ Германскаго Союза.

Англія.

Въ Англіи давно уже торіи находились у кормила правленія, и съ 1812 года премьеромъ былъ лордъ Ливерпуль. Такъ какъ Георгъ III снова страдалъ душевной болѣзнью съ 1811 года, обязанности королевскаго представительства лежали на регентѣ, принцѣ Валлійскомъ. Двадцать

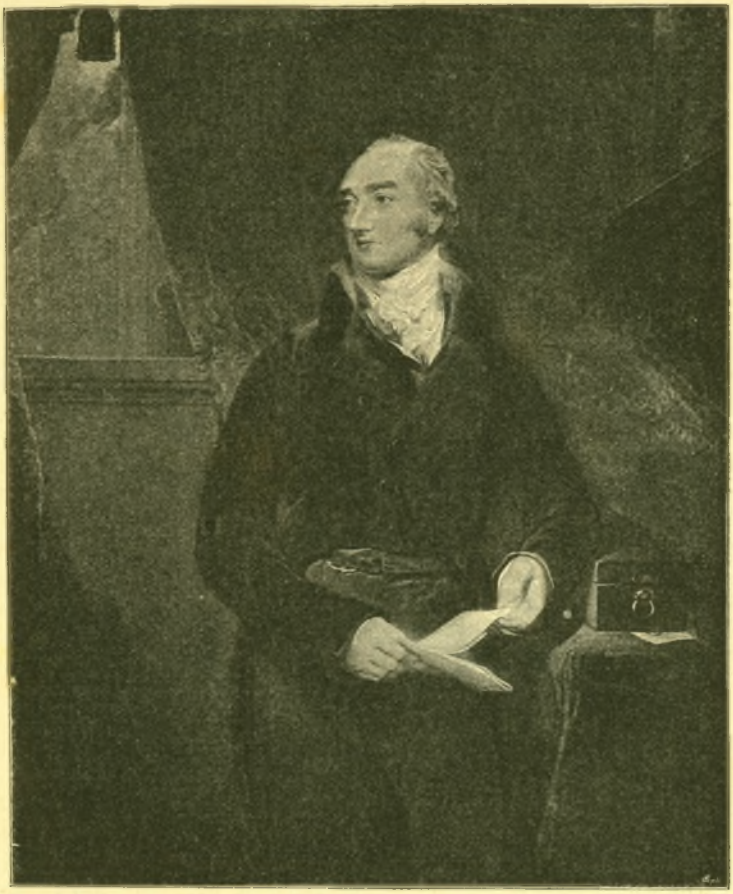
лѣтъ британская аристократія вела ожесточенную борьбу противъ французской революціи, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и во все это время устарѣлая конституція, съ ея злоупотребленіями и безобразіями, оставалась неприкосновенной; весь ходъ революціи служилъ скорѣе къ тому, чтобы настроить умы правящихъ классовъ еще консервативнѣе. Идеи французской революціи имѣли глубокое вліяніе и здѣсь, тѣмъ болѣе, что въ цвѣтущихъ теперь бывшихъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ онѣ проявили свою силу и въ то же время совмѣстимость съ мирнымъ теченіемъ дѣлъ. На англійской почвѣ образовалась демократическая партія, находившая достаточно предметовъ для критики въ этомъ государствѣ, не испытавшемъ, подобно континентальнымъ, систематическихъ реформъ, исходящихъ отъ просвѣщеннаго деспотическаго правительства. Первая цѣль и программа дѣятельности этой партіи была ясная: необходимость реформъ для нижней палаты, слѣдовательно для самой вліятельной, рѣшающей корпораціи государства. Мы упоминали о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ, вслѣдствіе которыхъ такъ-называемое народное представительство превратилось въ представительство нѣсколькихъ тысячъ привилегированныхъ. Примѣрно, половиной мѣстъ располагало правительство и ограниченное число богатыхъ и знатныхъ людей; но вопіющей несправедливостью было съ незапамятныхъ временъ продолжающееся право такъ называемыхъ *гнилыхъ мѣстечекъ* (rotten boroughs) избирать своихъ представителей по-старому, тогда какъ большіе города, съ 100,000-мъ населеніемъ, какъ Лидсъ, Манчестеръ, Бирмингамъ, лишены были возможности имѣть своихъ представителей на томъ основаніи, что избирательный законъ старой Англіи явился ранѣе, нежели они достигли своего цвѣтущаго состоянія. Особенную силу и вѣсъ придало партіи, требовавшей парламентскихъ реформъ, то, что слѣдствіемъ мира явилась матеріальная нужда, вмѣсто ожидавшагося избытка. Заготовлено было громадное количество товаровъ въ надеждѣ на усиленный спросъ на материкѣ: однако спроса не было, при всеобщей бѣдности, вслѣдствіе долгой войны, и, такимъ образомъ, работа и заработокъ остановились внезапно. Число рабочихъ, оставшихся безъ дѣла, еще увеличилось отпущенными со службы солдатами и матросами. Лѣто 1816 г. было неурожайное; привозъ зерна изъ-за границы нѣсколько уменьшилъ бы нужду, но, охраняя интересы землевладѣльцевъ, ввозъ иностраннаго зерна затрудняли охранительными *зерновыми законами*. Раздраженіе и отчаяніе выражались въ бунтахъ и буйствахъ. При открытіи парламента, въ январѣ 1817 г. раздраженная толпа грозила самому регенту, и правительство усмиряло эти бунты, усиливавшіе требованія реформъ, *исключительными* законами, охотно принимаемыми парламентомъ, несмотря на непоколебимо, казалось, установившіяся свободу слова и свободу собраній. Въ роковой для свободы вообще 1819 годъ, прошелъ запретительный билль, на пять лѣтъ, по которому всякія публичныя собранія, безъ разрѣшенія полиціи, а также «безбожныя и мятежныя сочиненія», по усмотрѣнію правящихъ классовъ, подвергались тяжкимъ наказаніямъ.

Георгъ III скончался 29 января 1820 года, и регентъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Георга IV (1820—1830). Правленіе его началось скандальнымъ бракоразводнымъ процессомъ съ женою, Брауншвейг- Георгъ IV. 1820—1830.

ской принцессой, отъ которой онъ хотѣлъ освободиться во что бы то ни стало; самъ будучи человѣкомъ низкимъ и развратнымъ, онъ, черезъ наемныхъ негодяевъ и заранѣе подготовленныхъ лжесвидѣтелей, возвелъ на нее всевозможныя обвиненія. Подобное униженіе королевскаго достоинства публично веденнымъ процессомъ имѣло бы пагубное вліяніе на всякій другой народъ, но здѣсь этого не было: король оставался королемъ, даже когда правительство принуждено было отвергнуть билль о разводѣ, вслѣдствіе рѣшимости королевы подать встрѣчное обвиненіе. Хотя къ личности короля относились хорошо, но въ этой странѣ король не имѣлъ рѣшительнаго вліянія. Въ 1822 году, значительнѣйшій человѣкъ торійскаго кабинета, лордъ Кастельре, покончилъ жизнь самоубійствомъ; и при такомъ недостойномъ королѣ дѣла велъ человѣкъ въ высшей степени даровитый, съ самыми чистыми намѣреніями, *Джоржъ Каннингъ*, съ осени 1822 г. до августа 1827 года. Онъ былъ руководителемъ иностранной политики, но какъ всегда бываетъ съ выдающимися людьми государственными, вліялъ и на внутреннія дѣла. Мы познакомимся съ его иностранной политикой: можно смѣло сказать, что разумъ, мудрость его, относительно реакціонеровъ, равно какъ радикаловъ, умѣнье, съ которымъ онъ располагалъ силами страны своей, оказали благодѣтельное и серьезное вліяніе какъ на Англію, такъ и на весь міръ. Онъ боялся войны, которая при тогдашнихъ условіяхъ могла превратиться «въ страшную войну, войну изъ-за убѣжденій», столкновеніе великихъ, волнующихъ міръ противорѣчій, и онъ съумѣлъ искусно избѣгнуть войны, такъ что Англія испытала благодѣтельное вліяніе мира. Вопросъ о парламентской и другихъ реформахъ сильно занималъ умы, тѣмъ болѣе, что скандалы избирательные не прекращались. Страна быстро развивалась на пути матеріальныхъ интересовъ. Въ правительствѣ участвовали рядомъ съ Каннингомъ люди такихъ просвѣщенныхъ торгово-политическихъ взглядовъ, какъ Робинзонъ, Хускиссонъ, и человѣкъ съ такой будущностью, какъ Робертъ *Пиль*. Узкую систему покровительственныхъ пошлинъ, исключавшую всякую конкуренцію, люди эти постепенно замѣнили облегченіемъ взаимныхъ сношеній и перешли къ свободѣ торговли.

Важнѣйшимъ дѣломъ этого министерства была перемѣна направленія въ *ирландскомъ* вопросѣ, этой вѣчной болячкѣ многихъ столѣтій. Послѣ усмиренія опаснаго возстанія въ 1798 году, казалось, что островъ нѣсколько сблизится съ своей метрополіей при посредствѣ соединенія парламентовъ, уніи:—Ирландія отнынѣ могла посылать 100 представителей въ нижнюю палату. Государственный умъ младшаго Питта велъ къ примирительной политикѣ. Но церковная нетерпимость короля и правящихъ классовъ требовала признанія англиканскаго исповѣданія необходимымъ условіемъ избираемости въ парламентъ, и такимъ образомъ разгорѣлась, сильнѣе чѣмъ когда-либо, ненависть, исходившая изъ противуположностей кельта и германца, обездоленнаго и завоевателя, католика и протестанта. Ирландскій народъ нашелъ себѣ трибуна и борца за свои законныя права въ лицѣ дублинскаго адвоката *Даніэля О'Коннеля* Онъ родился въ 1775 году и, принадлежа къ ирландскому народу по рожденію и языку, остроумный, увлекающійся, рѣзко-краснорѣчивый, онъ былъ при этомъ

знатокомъ англійской государственной жизни, общества и умѣлъ достигать своихъ цѣлей. Онъ выступилъ главой существовавшей съ 1823 года «католической ассоціаціи», развѣтвлявшейся по всѣмъ классамъ общества,



Джорджъ Каннингъ.
Портретъ работы Г. Лауренса.

далъ ясную программу «Repeal», движенію, направленному къ уничтоженію уніи, и одновременно съумѣлъ сдержать въ границахъ законности и порядка народъ, который добровольно обложилъ себя податью для дѣла ассоціаціи и оказывалъ безусловное повиновеніе вожакамъ своимъ, какъ всегда католическое меньшинство оказываетъ относительно протестантскаго большинства. Яснымъ умомъ своимъ Каннингъ вполнѣ постигъ, что такой образъ дѣйствій былъ гораздо опаснѣе прежнихъ бунтовъ и мятежей, но ему суждено

было только возбудить, а не разрѣшить вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. Онъ умеръ (въ августѣ 1827 г.), незадолго передъ тѣмъ получивъ званіе премьера. Безъ него, либеральный оборотъ дѣлъ, подготовленный имъ, не состоялся. Въ новомъ министерствѣ, составленномъ самымъ уважаемымъ членомъ торійской партіи, герцогомъ *Веллингтономъ* болѣе талантливому, чѣмъ самъ герцогъ, сэру *Роберту Пилю*, поручено было министерство внутреннихъ дѣлъ, а также важное въ англійской конституціи предсѣдательство въ палатѣ общинъ. Этому торійскому кабинету и выпала честь провести эмансипацію католиковъ. Началомъ послужила отмѣна закона 1673 г., вынуждавшаго всякаго чиновника отречься (testacte) отъ догмата пресуществленія. Лѣтомъ того же года, при возобновленіи выборовъ, О'Коннель выставилъ свою кандидатуру въ графствѣ Клеръ, и избраніе его состоялось безъ всякихъ смутъ, весьма внушительно выказавъ силу ассоціаціи. Правительство, состоявшее изъ истинно государственныхъ людей, приняло свое рѣшеніе; 5-го марта 1829 года Пиль внесъ билль «объ облегченіяхъ католикамъ», оправдывая его длинной рѣчью. Въ верхней палатѣ герцогъ сдѣлалъ это кратко; безъ особенныхъ затрудненій билль прошелъ всѣ конституціонныя стадіи и сталъ закономъ. Вскорѣ 8 католическихъ лордовъ заняли мѣста въ верхней палатѣ, незанятыя въ теченіе трехъ вѣковъ, а О'Коннель, вторично избранный, вступилъ въ палату общинъ. Не исполнились однако ни опасенія, ни надежды, возлагавшіяся на эту мѣру. Вскорѣ послѣ того скончался король, послѣ десятилѣтняго царствованія (26 іюня 1830 г.). Въ пятнадцать мирныхъ лѣтъ страна сдѣлала значительные и видимые успѣхи. Ручной трудъ замѣнялся постепенно машиннымъ; уголовное право, школа, полиція возбуждали въ народѣ безпокойства и волненія, которыми начинается въ этой странѣ всякая реформа. Здѣсь впервые проявилась могучая сила, возбудившая сначала удивленіе, постепенно понятая и вызвавшая подражанія: съ 1820 года паровая сила стала служить сначала для перевозки грузовъ, а затѣмъ и путешественниковъ.



Даніэль О'Коннель.
По гравюрѣ Дж. Льюиса.

По установленіи мира, Англія продолжала начатую работу, основанія которой положены были давно: въ Германіи, послѣ 1815 года, приходилось начинать сызнова.

Германія.

Несомнѣнно большая перемѣна совершилась въ области умственной. Великое дѣло, начатое въ шестнадцатомъ столѣтіи, завершилось теперь цѣлымъ рядомъ высокодаровитыхъ людей. Руководящіе круги народа охвачены были новымъ просвѣщеніемъ, выражавшимся въ богатой литературѣ. Появилась литература національная, стоявшая внѣ различія племенъ и вѣроисповѣданій. Это единство, засвидѣтельствованное уже во время «войнъ за независимость», вполнѣ сложилось теперь. Движеніе въ области умственной не могло, конечно, создать *единства политическаго* — государства, въ смыслѣ политическомъ. Здѣсь истинныя силы и слабости на первый разъ остались побѣдителями. Германія, какою создалъ ее вѣнскій конгрессъ, состояла изъ слабаго союза государствъ всякой величины — простого соединенія правительственныхъ обществъ съ очень ограниченной цѣлью и носившихъ неправильно даже названіе — Германскаго Союза.

Германскій Союзъ.

Условія Союза были изложены въ союзномъ договорѣ отъ 8 іюня 1815 года: собраніе уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ членовъ Союза, *союзный сеймъ*, собирался во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Сказать объ этомъ *высшемъ союзномъ сеймѣ* пока нечего. Существовалъ для текущихъ дѣлъ *малый совѣтъ* изъ 17 голосовъ; изъ нихъ 11 принадлежали большимъ государствамъ, каждому по одному голосу, шесть раздѣлены были между остальными, соотвѣтственно ихъ величинѣ. Для болѣе важныхъ дѣлъ, какъ-то: война или миръ, союзные законы, случайные новые займы, существовалъ Plenum (общій составъ), съ 69 голосами. Въ органическихъ перемѣнахъ требовалось единогласіе, для законности постановленія; предсѣдательство и право союзнаго предсѣдательскаго голоса принадлежало Австріи; всѣ остальные голоса были равны, т. е. сила рѣшала въ болѣе важныхъ дѣлахъ, когда они представлялись, такъ какъ члены дѣйствовали исключительно по инструкціямъ своихъ правительствъ и сами по себѣ ничего не значили. Государи, члены Союза, гарантировали другъ другу взаимную неприкосновенность союзныхъ земель и споры между ними не могли рѣшаться войной. Такимъ образомъ все ограничивалось жалкимъ земельнымъ мирнымъ союзомъ, въ которомъ народъ не принималъ непосредственнаго участія.

Утѣшали себя надеждой на дальнѣйшую, болѣе правильную дѣятельность союзнаго собранія, которому указывали различные важные вопросы, свободу печати, торговыя отношенія, союзное военное дѣло, и находились сангвиники, все еще надѣявшіеся на постепенное развитіе этого учрежденія. Объ этомъ нечего было и думать: объ общемъ развитіи Германіи посредствомъ этой конституціи и этого собранія не могло быть и рѣчи. Лучшее въ ней было то, что она соотвѣтствовала дѣйствительности. Германскій народъ многими ложными путями долженъ былъ прежде дойти до познанія самого себя; политическая жизнь сосредоточивалась пока въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, у которыхъ хотя и были общія черты, но они все-же еще не могли составить одно цѣлое.

Союзные договоры. Народная конституція.

Въ союзномъ договорѣ, вообще мало занимавшемся правами народонаселенія, находился параграфъ (13): «во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ устанавливается конституція земскихъ чиновъ». Это была пустая

фраза, и подъ австрійскимъ вліяніемъ нарочно избрали такой, ничего не выясняющій оборотъ: продолженіе патріархальнаго абсолютизма сдѣлалось невозможно въ прежнемъ его видѣ, а достиженіе, возстановленіе, усовершенствованіе такой конституціи было первой серьезной политической работой въ освобожденныхъ земляхъ. Обѣщанія параграфа 13-го исполнялись различно, смотря по странѣ: въ Веймарѣ, напримѣръ, при взаимномъ довѣріи просвѣщеннаго государя и разумнаго народа, все шло хорошо и согласно; нѣкоторые довольствовались возстановленіемъ прежнихъ земскихъ чиновъ, съ незначительными измѣненіями: такъ было въ обоихъ Мекленбургахъ, Ганноверѣ, Саксоніи; въ Кургессенѣ завершеніе конституціи затянулось по несговорчивости возвратившагося курфюрста, тогда какъ въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, въ Баваріи, Баденѣ, Нассау все совершилось безъ большихъ затрудненій. Продолжительный, для политическаго состоянія не одной этой страны, характеристичный и съ точки зрѣнія государственнаго права замѣчательный споръ велся въ Вюртембергѣ, гдѣ старая конституція страны была кассирована плохимъ союзникомъ Наполеона, королемъ Фридрихомъ. Этотъ дурной, но умный человѣкъ велѣлъ быстро выработать конституцію, содержащую главныя основы конституціоннаго правленія — свободу совѣщаній для сословій и необходимое одобреніе ихъ въ законодательствѣ и налогахъ. Однако, созванное имъ въ столицу Лудвигсбургъ собраніе не спѣшило принятіемъ этой конституціи. Люди выдающіеся требовали, напротивъ, возстановленія прежней конституціи, которую благороднѣйшій поэтъ, *Лудвигъ Уландъ*, своими пѣснями «о добромъ старомъ правѣ» обезсмертилъ далеко не по заслугамъ. Относительно такого государя люди эти были правы, требуя прежде всего возстановленія древнихъ законныхъ правъ страны. Недоразумѣнія эти уладились при наслѣдникѣ его, королѣ Вильгельмѣ (съ 30-го октября 1816 г.). Около того же времени окончились волненія болѣе или менѣе благопріятнымъ образомъ и въ другихъ государствахъ. Равноправность для всѣхъ, участіе народа черезъ своихъ представителей въ законодательствѣ и обложеніи налогами, право гражданства безъ различія вѣроисповѣданія, были основами этихъ конституцій, предоставлявшихъ первенствующую власть князю и очень значительную дворянству. Для привилегированныхъ были мѣста не только въ верхней палатѣ, но и въ народной, нижней.

Австрія послѣ 1815 г.

Конституціонная жизнь въ первыя пятнадцать лѣтъ вообще не процвѣтала. Величественный и внушительный характеръ былъ невозможенъ при ничтожности государствъ и при стѣсненіяхъ общественныхъ отношеній, какія существовали, напр., въ Ганноверѣ или Саксоніи; государства эти были слишкомъ слабы. Двѣ великія нѣмецкія державы относились къ новому принципу: одна—вполнѣ, другая—полувраждебно. Въ *Австріи* царствовалъ король Францъ I, черствый эгоистъ, подъ маской добродушной прямоты. Подобно жалкому предку своему въ пятнадцатомъ столѣтіи, Фридриху III, никогда сердце его не тронулъ никакой идеалъ. Эту послѣднюю черту можно примѣнить и къ его совѣтнику, *Клеменсу-Лотару Меттерниху*, котораго онъ, вечеромъ 1813 года, послѣ лейпцигскаго сраженія, возвелъ въ княжеское достоинство. Совершенная



Клеменсъ-Лотаръ-Венцеславъ князь фонъ-Меттернихъ, австрійскій государственный канцлеръ.

Писано Т. Лауренсомъ.

противуположность барона фонъ-Штейна, котораго онъ ненавидѣлъ такъ же, какъ тотъ презиралъ его:—человѣкъ безъ благородныхъ убѣжденій, безъ творческихъ идей, онъ никогда серьезно не потрудился ни надъ какимъ знаніемъ, исключая нѣкотораго диллетантизма въ естествовѣдѣніи. Неудобный по могуществу своему Наполеонъ, которому онъ льстилъ, пока это нужно было, былъ теперь устраненъ, и все устроилось наново, такъ удобно для князя и ему подобныхъ. Такимъ образомъ, началомъ и концомъ той жалкой мудрости, при помощи которой ничтожный умъ этотъ хозяйничалъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, былъ девизъ: «поддерживать существующее». Развивать существующее, создавать новое, пробуждать силы и направлять ихъ—объ этомъ не хотѣли ни слышать, ни знать. Система эта держалась временно, вслѣдствіе всеобщаго утомленія отъ волненій послѣднихъ десятилѣтій. Мы увидимъ, какова оказалась она на дѣлѣ въ Италіи, Венгріи, Польшѣ. Въ нѣмецкихъ земляхъ ей содѣйствовала вялость населенія, тупое высокомѣріе и желаніе удобствъ въ дворянствѣ, узкій образъ мыслей и боязнь всякаго свѣта у римско-католическаго духовенства. Можно было обойтись и безъ точнаго исполненія 13-го параграфа союзнаго договора, сохранивъ, возстановивъ или устроивъ вполнѣ ничтожныя старинныя сословныя представительства. Рѣшительные успѣхи, какъ матеріальные, такъ и умственные, вполнѣ возможны и безъ парламентскаго шума, къ которому мы привыкли въ наши дни; но и этого не было: всюду оставалось по-старому, или, какъ напримѣръ въ финансахъ, постепенно все ухудшалось.

Пруссія послѣ 1815 г.

Въ другой нѣмецкой великой державѣ, въ *Пруссіи*, дѣла шли иначе. Королевскимъ приказомъ, отъ 22 мая 1815 года, обѣщано было представительное правленіе и *земское представительство*, такъ какъ государственные чины всегда входили въ основу плановъ Штейна и Гарденберга. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ человѣкомъ, у котораго процессъ мышленія совершался медлительно, притомъ весьма уклончивымъ по природѣ; оживленныя препирательства талантливыхъ людей, окружавшихъ его, способствовали еще болѣе развитію въ немъ осмотрительности, вмѣсто того, чтобы побуждать его къ дѣйствію. Нельзя отрицать, что для государства, составленнаго наполовину изъ новыхъ подданныхъ, было много задачъ важныхъ и настоятельныхъ, и что король былъ до нѣкоторой степени правъ, когда на адресы, съ которыми къ нему приступали во время путешествія его по вновь пріобрѣтеннымъ Рейнскимъ провинціямъ (1817), предоставлялъ самому себѣ назначить время, когда онъ выскажетъ свое одобреніе государственной конституціи. Первое, необходимѣйшее—внесеніе единства управленія для государства, составленнаго изъ такихъ разнородныхъ частей, удалось вполнѣ, благодаря способности къ дѣлу нѣмецкаго чиновничества: всѣ внутреннія таможни уничтожены и таможенная линія отодвинута къ границамъ; свобода торговли расширена и рядомъ съ матеріальными интересами заботились и объ интересахъ духовныхъ, въ чисто протестантскомъ духѣ. Въ 1818 году, 26 мая, закономъ провозглашалась *свобода торговли*, и въ тотъ же день въ католическихъ провинціяхъ рейнскихъ открытъ былъ *университетъ въ Боннѣ*. Важное пріобрѣтеніе въ великій кризисъ 1807—1815 годовъ, *обязатель-*

ную воинскую повинность, это лучшее средство единенія, удержали, несмотря на нападки реакціонеровъ. Она дала государству твердую основу, возлагая на всѣхъ безъ исключенія высшую гражданскую обязанность и придавая войску характеръ вполнѣ національной арміи; въ то же время это была и школа для народа—высшіе классы научались самоотверженію и закалялись, а низшіе пріобрѣтали развитіе, и всѣ проникались общей идеей служенія отечеству.

Карлсбадскія постановленія. 1819 годъ.

Король подчинялся, болѣе чѣмъ слѣдовало, политической мудрости Меттерниха и давалъ опутать себя въ мелочахъ. Патріотическія надежды, пламенныя, хотя и не вполнѣ ясныя, утвердились, понятно, болѣе всего среди молодежи, а также въ мірѣ профессоровъ университетскихъ. Въ 1815 году составился союзъ, очень распространенный, подъ именемъ «товариществъ» (Burschenschaft). Въ статутахъ товарищества говорилось прямо: «въ виду того, что изъ нѣмецкой молодежи долженъ составиться нѣмецкій народъ». Въ молодежи этой было много здоровой силы и благороднаго одушевленія и легко было сдержать ихъ въ должныхъ границахъ, но ихъ раздражали придирки прислуживающихся чиновниковъ, а также плачевный ходъ дѣлъ германскихъ послѣ возобновленія засѣданій Франкфуртскаго союзнаго сейма, 5 ноября 1816 года. Юношескому нетерпѣнію, не ограничивавшемуся студенческими кругами, трудно было сдержаться, когда на такіе важные вопросы, какъ военная организація, постановлялся «комитетъ для разработки подготовительнаго мнѣнія, для дальнѣйшихъ совѣщаній о предметѣ». По приглашенію изъ Іены собрались, въ Эйзенахѣ, у подошвы Вартбурга, 18 октября 1817 года, 500 студентовъ и профессоровъ и депутаты отъ большинства нѣмецкихъ университетовъ, по случаю празднованія трехсотлѣтняго юбилея реформаціи, въ день лейпцигскаго сраженія. Праздникъ прошелъ очень спокойно, въ рыцарской залѣ, а вечеромъ, на близлежащихъ высотахъ, произошла веселая, по въ сущности совершенно-невинная студенческая демонстрація: зажгли «октябрьскій огонь», въ который бросали реакціонныя сочиненія, австрійскую капральскую палку, гессенскую косу, прусскую гвардейскую шнуровку и другіе подобные символы, а пламенный ораторъ «товарищества» сравнивалъ это съ сожженіемъ Лютеромъ папской буллы въ 1520 году. Высшіе дипломаты и бюргеры во всей Германіи придали шуткѣ этой важное значеніе, и конгрессу великихъ державъ, собравшемуся въ Ахенѣ въ 1818 году, предложена была записка, въ которой говорилось о современномъ состояніи Германіи и «о революціонномъ духѣ германскихъ университетовъ». Немного спустя, человѣкъ того же направленія, не пользовавшійся въ нѣмецкой литературѣ особенно-лестной славой, статскій совѣтникъ русской службы Коцебу, палъ отъ руки полупомѣшаннаго студента Карла Занда, и этому убійству былъ приданъ политическій характеръ. Вскорѣ послѣ того совершено было въ томъ же году еще болѣе нелѣпое покушеніе на нассаускаго государственнаго совѣтника фонъ-Ибеля. Вслѣдствіе этихъ событій начались *преслѣдованія демагоговъ*, и австрійское правительство рѣшилось на крутыя мѣры, орудіемъ которыхъ послужилъ ей союзный совѣтъ, отличавшійся до тѣхъ поръ только бездѣйствіемъ. Собрались уполномоченные отъ нѣмецкихъ правительствъ

подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, въ августѣ 1819 г., въ богемскомъ курортѣ Карлсбадѣ. Они выработали нѣсколько предложеній, которыя австрійскій посланникъ внесъ въ союзный сеймъ, 20-го сентября, а безличное собраніе ихъ узаконило, несмотря на натяжки въ голосованіи, превышеніе власти и обходъ законовъ, — въ одно засѣданіе. Эти *Карлсбадскія постановленія* устанавливали порядокъ для приведенія въ дѣйствіе постановленій Союза, касающихся поддержанія порядка и безопасности Союза; они ставили университеты подъ строгій надзоръ установленіемъ особой должности правительственнаго комиссара, который обязывался слѣдить за студентами и профессорами. Для профессора, удаленнаго изъ университета вслѣдствіе вреднаго вліянія, или студента, исключеннаго по той же причинѣ, всѣ нѣмецкіе университеты были закрыты. Печать зависѣла всецѣло отъ варварскаго произвола, и всѣ союзныя государства обязаны были не допускать нападокъ на управленіе и конституцію союзнаго государства, а союзное собраніе имѣло право уничтожать сочиненія, вредныя для спокойствія, достоинства и безопасности союза или одного изъ союзныхъ государствъ. Введена строгая цензура для всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій менѣе 20-ти листовъ; установленъ чрезвычайный судъ изъ семи членовъ противъ предполагавшихся происковъ демагоговъ: *центральная слѣдственная комиссія* начала въ Майнцѣ свою дѣловую волокиту. Эти постановленія дополнились вѣнцомъ всего законодательства — *Вѣнскимъ заключительнымъ актомъ* въ 65 параграфахъ, опредѣлявшимъ дѣятельность и компетентность союзнаго собранія и помѣченнымъ 15 мая 1820 г. Договоръ былъ еще растяжимѣе «Карлсбадскихъ постановленій», дѣлая подданныхъ вполнѣ безправными относительно своего государя. «Такъ какъ союзъ заключенъ государями», гласитъ параграфъ 57 этого документа, «то верховная правительственная власть должна сосредоточиваться въ лицѣ главы государства; только относительно извѣстныхъ правъ требуется обращеніе къ содѣйствію сословій. При исполненіи обязанностей своихъ относительно Союза, государь не можетъ быть стѣсненъ или ограниченъ никакой земской конституціей.

Послѣдствія.

Это была побѣда австрійской политики прежде всего надъ слабыми поползновеніями палатъ къ свободѣ, а затѣмъ и надъ южными государствами, оказывавшими сопротивленіе покровительству великихъ державъ. Баварія, Вюртембергъ, даже Гессенъ и нѣсколько меньшихъ государствъ не сдавались; въ особенности неудобенъ былъ на сеймѣ вюртембергскій посланникъ, кобургскій урожденецъ ф. Вангенгеймъ, поднимавшій такіе вопросы, какъ покупка гессенскихъ государственныхъ имуществъ, съ точки зрѣнія права и разума. Это было *одно* изъ тѣхъ дѣлъ, надъ которыми могло задумываться только это собраніе. Дѣло шло о гессенскихъ подданныхъ, пріобрѣвшихъ покупкою имѣнія, во времена Вестфальскаго королевства. Возвратившійся тиранъ, отвергая все сдѣланное во время французскаго владычества, отнялъ имѣнія, не возвращая и покупной цѣны. Какъ будто ходъ всякихъ дѣлъ долженъ останавливаться, когда государь вынужденъ покинуть страну свою, и жители, противъ воли, подчиняются новымъ порядкамъ. Австрійская реакція безъ труда совладала съ оппозиціей, довольно слабой, и основаніемъ которой служили эгоистическія побу-

жденія. Слѣдовавшіе затѣмъ годы были самыми плачевными въ исторіи Германіи. Живая, на взаимномъ довѣріи основанная, совмѣстная дѣятельность народа, народныхъ представителей и правительства,—то, что называется конституціонной жизнью, не прививалась даже тамъ, гдѣ конституція была выработана и гдѣ она была разумна. Въ Ганноверѣ и Саксоніи дѣла оставались въ томъ же положеніи, какъ и въ 1815 году, хотя образованіе сословій въ Ганноверѣ и доведено было до конца. Въ Кургессенѣ наслѣдовалъ въ 1821 г. второй изъ трехъ безнравственныхъ тирановъ, мучившихъ, въ теченіе нашего столѣтія, эту нѣмецкую страну, пока наконецъ третій и ужаснѣйшій изъ всѣхъ не подпалъ заслуженной карѣ. Правленіе его отличалось позорными эпизодами въ частной жизни и грубымъ произволомъ, противъ котораго смѣло протестовали суды. Въ Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ за многообѣщающими начинаніями слѣдовали годы безплодные, а въ Вюртембергѣ правительство оказалось гораздо либеральнѣе и съ меньшими предразсудками, чѣмъ сами народные представители или народъ: король Вильгельмъ уступилъ давленію великихъ державъ только тогда, когда въ 1823 году Австрія, Пруссія и Россія отозвали своихъ посланниковъ изъ Штутгарта. О процвѣтаніи австрійскихъ нѣмецкихъ провинцій не могло быть и рѣчи: но и въ странахъ, гдѣ основы были лучше, въ Дармштадтѣ и Баденѣ, отношенія между народными представителями и правительствомъ измѣнились къ худшему въ двадцатыхъ годахъ.

Реакція въ Пруссіи.

И Пруссія также поддалась политикѣ Карлсбадскихъ постановленій; пятномъ на памяти Фридриха-Вильгельма III останется его участіе въ грубомъ нарушеніи правъ 1819 года и его равнодушіе къ варварскимъ мѣрамъ строгости противъ юношества, лишь нѣсколько эксцентричнаго или дурно-руководимаго. Гражданское мужество выказалъ только Вильгельмъ Гумбольдтъ, рѣшившійся противорѣчить реакціонерамъ и призывавшій къ суду тѣхъ, кто предавалъ иностранному суду прусскихъ подданныхъ и выдавалъ ихъ майнцской слѣдственной комиссіи.

Реакція вездѣ оставалась побѣдительницей: люди независимыхъ убѣжденій, какъ военный министръ Бойенъ и самъ Гумбольдтъ—покинули свои посты; остались одни посредственные дѣятели, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ король. О будущихъ *государственныхъ сословіяхъ* было дано еще одно «объясненіе» 17 января 1820 г.: безъ ихъ согласія нельзя было сдѣлать новаго займа, сверхъ признанной, умѣренной суммы, въ 543.000,000 марокъ. Конституціонный комитетъ продолжалъ свою работу; но единственнымъ плодомъ продолжительныхъ преній явился законъ отъ 5 іюня 1823 г., о *введеніи государственныхъ сословій въ отдѣльныхъ провинціяхъ*— не подвигавшій дѣла впередъ. Надо было очень много оптимизма, чтобы надѣяться на успѣхъ дѣла государственнаго единства отъ распредѣленія провинціальнаго представительства, въ которомъ сохранено было посословное дѣленіе на дворянъ, гражданъ и крестьянъ, и дворянству предоставлялась львиная доля; оно, напротивъ, скорѣе содѣйствовало провинціальному сепаратизму и безъ противодѣйствія государственныхъ чиновъ и государственной конституціи могло сдѣлаться опаснымъ.

Моменты прогресса.

Въ такомъ безотрадномъ положеніи находились дѣла Германіи въ двад-

цатыхъ годахъ; къ счастью, еще въ шестнадцатомъ столѣтіи пробужденная склонность и влеченіе къ прогрессу ожили съ новой силой подъ вліяніемъ великихъ литературныхъ дѣятелей второй половины восемнадцатаго столѣтія и всего направленія царствованій Фридриха II и Іосифа II. Прежде всего занялись исцѣленіемъ ранъ и ущербовъ матеріальныхъ, нанесенныхъ войнами и чужеземнымъ владычествомъ; благодаря трудолюбію и болѣе чѣмъ скромному образу жизни народа, скоро стало замѣтно улучшеніе. Духовная жизнь, не остановившаяся въ худшіе дни вражескаго нашествія, и теперь шла впередъ, принося новые плоды и даже во времена реакціи усердно и разумно поощрялась, особенно въ Пруссіи. Всюду открывались новыя гимназіи, старыя освобождались отъ чуждыхъ элементовъ и возрождались къ новой жизни. Различіе вѣроисповѣданій, служившее впослѣдствіи предметомъ такого раздора для Германіи, въ это первое время независимости совсѣмъ не играло никакой роли, къ счастью. Католическая Церковь сильно пострадала въ революціонную эпоху и медленно оправлялась. Кромѣ того, общія симпатіи, не исключая протестантовъ, возбуждало ежели не само папство, то по крайней мѣрѣ личность папы, какъ мученика навшаго деспота. Романтическое направленіе въ наукахъ и поэзіи, съ любовью погружавшейся въ средніе вѣка, сближало всѣ умы. Соглашеніе съ куріей привело дѣла къ окончанію, въ 1821 году, и первымъ епископомъ нѣмецкимъ въ Кёльнѣ назначенъ графъ Іосифъ-Антонъ Шпигель ф.-Дезенбергъ, человѣкъ свободный отъ всякихъ предразсудковъ.

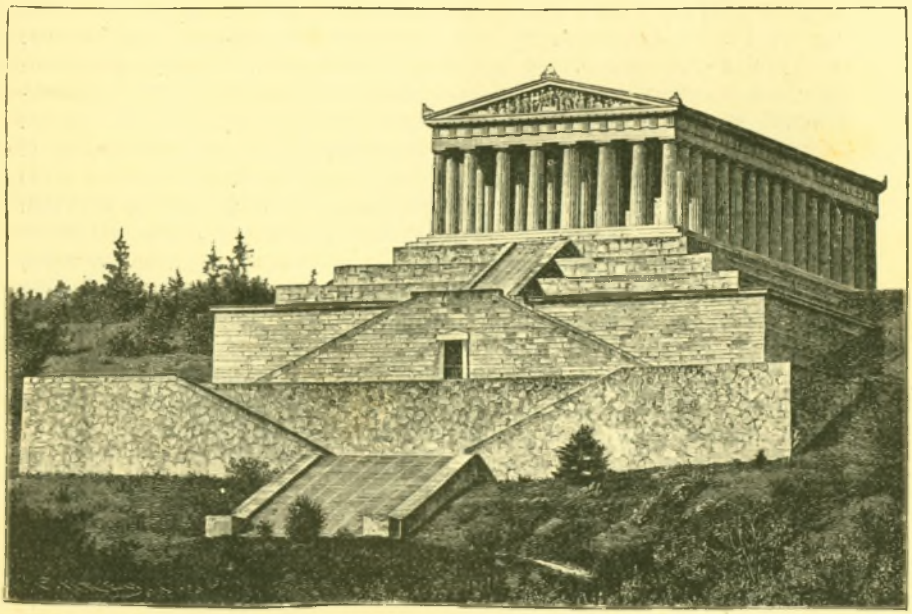


Георгъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Гегель.
По современному портрету.

Попытка его друга *Георга Гермеса*, Бонискаго профессора богословія — на научныхъ основахъ оправдать и объяснить церковное ученіе, показала благотворное вліяніе на юное поколѣніе католиковъ-богослововъ. На протестантской почвѣ развитіе духовное шло еще свободнѣе. Въ 1818 году началась въ Берлинѣ дѣятельность *Георга-Фридриха-Вильгельма Гегеля*, ученика Тюбингенской евангелической семинаріи, заведенія, оказавшаго громадное вліяніе на область наукъ философскихъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ богослова Фридриха-Эрнста-Даніила *Шлейермахера* и въ 1799 г. появившагося его сочиненія «*Рѣчи о религіи*, обращенныя къ образованнымъ ея непочитателямъ», перешли отъ сухого раціонализма послѣдняго поколѣнія къ болѣе живому, мечтательному, вѣрующему отношенію къ идеѣ христіанства. Подъ вліяніемъ воспоминаній о великомъ духовномъ подвигѣ 1517 г., Фридрихъ-Вильгельмъ Гегель, воззваніемъ отъ 27 сентября 1817 г.,

сдѣлалъ важный шагъ къ сліянію двухъ главныхъ сектъ протестантизма: лютеранъ и реформатовъ. Мысль эта о единеніи (уніи) начинала преуспѣвать, какъ мысль своевременная, здравая и явившаяся безъ всякаго стороннаго давленія. Съ 1830 г. въ Пруссіи признавалась одна евангелическая Церковь и то же направленіе постепенно развивалось въ нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ государствахъ.

Первое тягостное десятилѣтіе послѣ установленія мира пережили, и по удивительнымъ путямъ Провидѣнія, неразумное преслѣдованіе еще слабыхъ идей свободы и единства, со стороны Австріи, придало дѣйствительную мощь этимъ начинаніямъ. Между тѣмъ явленія ближайшихъ лѣтъ уже указывали на нарождающуюся новую силу. Такова была, напр., перемѣна правленія въ бо́льшемъ изъ второстепенныхъ государствъ Германіи, въ Баваріи. 13 октября 1825 года умеръ добродушный старикъ Максъ-Іосифъ и ему наслѣдовалъ сынъ его, *Людвигъ I;* чудакъ, воодушевленный нѣмецкимъ искусствомъ, мечтавшій о «германскомъ существѣ» (deutsches Wesen), оригиналъ и талантъ на такомъ посту, гдѣ привыкли видѣть гладкую посредственность и филистерство. Онъ перевелъ университетъ въ Мюнхенъ, призвалъ талантливыхъ учителей, началъ тѣ замѣчательныя постройки, которыя составляютъ не только украшеніе столицы, но скоро сдѣлались достояніемъ цѣлаго народа. Онъ воздвигъ въ 1830 году, по собственному плану, храмъ славы нѣмецкимъ героямъ, Валгаллу, близъ Регенсбурга, а самъ выступилъ по-



Валгалла, близъ Регенсбурга.

этомъ и писателемъ; онъ позволялъ себѣ подобныя и иныя вольности. Ребяческое тщеславіе, съ которымъ въ Баваріи напирали на противуположное тому, что дѣлалось въ Пруссіи, перешло постепенно въ болѣе благородное соревнованіе — въ желаніе отличить свою страну и свою столицу какимъ-нибудь особеннымъ пріобрѣтеніемъ, выдѣлиться въ области умственной или матеріальной. Въ настоящемъ, а также и въ ближайшемъ будущемъ, народная жизнь должна была сосредоточиваться въ отдѣльныхъ государствахъ, въ членахъ, а не въ цѣломъ, еще не опредѣлившемся; и жизнь эта развивалась постепенно, крѣпла, и рядомъ съ непроизводительными, отрицательными сторонами, сознаніемъ, что отъ союзнаго сейма нечего ожидать, развивались и положительныя стороны. Въ главномъ изъ государствъ нѣмецкаго союза, въ Пруссіи, прежде всего сознали, что въ важнѣйшей области національной жизни, въ сношеніяхъ торговыхъ, успѣхъ возможенъ только на пути добровольнаго единенія отдѣльныхъ государствъ, и первымъ плодомъ этого сознанія былъ *германскій таможенный союзъ*. Сознаніе это составляетъ заслугу высшаго прусскаго чиновничества и тогдашняго министра финансовъ фонъ-Моса, понявшаго всю политическую важность и великую будущность этого единства.

Таможенный союзъ.

Ангальтъ-Кётенъ еще долгое время велъ противъ болѣе могущественнаго государства процессъ неосновательный и къ собственному вреду передъ союзнымъ сеймомъ, самымъ жалкимъ изъ высшихъ судилищъ. Несмотря на это, въ мартѣ 1828 г. таможенный союзъ между Пруссіей и мелкими государствами, входившими въ сферу ея вліянія, распространился еще на Гессенъ-Дармштадтъ, что означало уже рѣшительный прогрессъ: къ Пруссіи присоединялось все болѣе государствъ, несмотря на образовавшійся въ томъ же году и грозившій ей соперничествомъ *средне-германскій таможенный союзъ*, въ который вошли Саксонія, Ганноверъ, Кургессенъ, Ольденбургъ, Бременъ, Франкфуртъ. Это внутреннее единство, которое естественно вело къ единству политическому, закончено было въ маѣ 1829 г., когда таможенный союзъ, съ 1827 г. существовавшій между Баваріей, Вюртембергомъ и окружающими Гогенцоллернскими княжествами, слился съ прусскимъ союзомъ. Такимъ образомъ уничтожены были внутреннія границы, 18.000,000 нѣмцевъ соединились въ одинъ таможенный союзъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ своихъ представляли теперь одно торгово-политическое цѣлое.

Застой въ Австріи.

Въ этихъ, весьма важныхъ для будущаго, мѣропріятіяхъ Австрія не принимала участія. Трудно представить себѣ правительство болѣе ничтожное, нежели Францъ I и его канцлеръ. Ничто тамъ не улучшалось — ни управленіе, ни судопроизводство, ни военное вѣдомство, ни финансы, ни народное просвѣщеніе. Нѣкоторая изобрѣтательность выказывалась только въ наименованіяхъ, при посредствѣ которыхъ старые долги покрывались новыми и приписывались нули при уравненіи счетовъ. Воображаемая забота о нуждахъ матеріальныхъ не имѣла существеннаго значенія; не говоря уже о томъ, что безъ умственнаго развитія не мыслимо развитіе и матеріальное, оно во всякомъ случаѣ при такихъ условіяхъ не прочно и не имѣетъ цѣны. Меттерних, впослѣд-



Лудвигъ I, король Баварскій, въ торжественномъ королевскомъ одѣяніи.
Писано Л. Стилеромъ; гравировано А. Рейнделемъ.

ствіи, въ періодъ своего паденія, самъ произнесъ себѣ приговоръ, сказавъ, что «онъ иногда управлялъ Европой, но никогда не управлялъ Австріей». Что же касается его управленія Европой, то мы увидимъ, какъ, послѣ нѣсколькихъ, кратковременныхъ удачъ, оно закончилось катастрофой. Первую пробу правленіе это должно было выдержать въ Италіи и другихъ романскихъ земляхъ. Отсюда, прежде всего, въ Испаніи началось распаденіе установленнаго въ 1815 году новаго порядка дѣлъ въ Европѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Революціи на Югѣ: въ Испаніи, Португаліи, Италіи.—Конгрессы въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ. — Франція при Людовикѣ XVIII.—Вторженіе въ Испанію и возстановленіе абсолютизма.

Испанія. Фердинандъ VII.

Когда король Фердинандъ VII, освободившись отъ Наполеоновскаго плѣна въ Валенсіи, ступилъ на почву Испаніи въ мартѣ 1814 года, толпа встрѣтила его съ безотчетнымъ восторгомъ, какъ всегда и всюду встрѣчаетъ возвращеніе своего законнаго властителя. Кортесы, вытѣсненные, во время иноземнаго владычества, до крайняго предѣла Испаніи, въ Кадиксъ, составили тамъ конституцію, далеко превосходившую французскую конституцію 1791 года по свободомыслію. Она объявлена была 20-го марта 1812 года. По законамъ ея, кортесы могли собираться безъ созыва короля, но король не имѣлъ права распускать ихъ собраніе. Такой крайній либерализмъ былъ совершенно доктринерскимъ въ этой странѣ: дѣйствительность не соотвѣтствовала ему, и онъ не имѣлъ сторонниковъ въ дворянствѣ, духовенствѣ или большинствѣ народа. Въ самомъ собраніи противъ него было сильное меньшинство. Возвращавшагося короля не трудно было убѣдить въ діавольскомъ происхожденіи этой конституціи. Декретомъ отъ 4-го мая 1814 года она была уничтожена и многіе члены изъ числа кортесовъ и другихъ выдающихся «либераловъ» заключены въ тюрьмы. Декретъ этотъ сопровождался, понятно, обѣщаніемъ правленія въ духѣ народномъ. Восторженнымъ ликованіямъ, по случаю возвращенія короля, это не помѣшало; но недостойное правленіе тирана мало-по-малу открыло глаза даже этому добродушному народу. Это правленіе напоминаетъ Неронову, какъ описываетъ намъ его Тацитъ. Тюрьмы и монастыри наполнились; тиранъ мѣнялъ министровъ по прихоти, такъ что даже и постоянства не было въ его правленіи. Промышленность не существовала, процвѣтало только разбойничество въ страшно-опустошенной странѣ. Финансы были въ такомъ положеніи, что едва одна треть расходовъ покрывалась доходами. Не удивительно, что скоро не одни самые образованные

противники, но и весь народъ ощутилъ на себѣ послѣдствія этого безобразнаго правленія. Недовольство скоро высказалось особенно сильно въ арміи, на которую не обращалъ вниманія деспотъ, человѣкъ малодушный и вовсе не воинственный. Чуть не каждый годъ составлялись заговоры въ средѣ военныхъ. Въ 1818 году войска собраны были въ Кадиксѣ для экспедиціи въ Америку, совершенно отпадавшую отъ своей метрополіи. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что на обширныя испанскія колоніи сильно подѣйствовалъ примѣръ колоній англійскихъ, которыя, послѣ своей мужественной борьбы за независимость, менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ развились въ свободныя и цвѣтущія общины. Въ Наполеоновское время господства чужеземцевъ и борьбы съ ними, колоніямъ дѣлались всевозможныя уступки и снисхожденія, а теперь онѣ требовали представительства въ кортесахъ, на равныхъ правахъ, и полной свободы торговли, въ чемъ имъ было отказано; мало того, возстановленный въ правахъ своихъ король, упоенный торжествомъ легитимистской Европы надъ революціей, требовалъ полнаго и безусловнаго подчиненія мятежныхъ своихъ подданныхъ. Добиться такого подчиненія можно было только силою оружія: съ 1811 по 1819 годъ въ колоніи послано было 42,000 человѣкъ и, несмотря на это, положеніе дѣлъ было таково, что требовались все новыя и новыя подкрѣпленія. Въ войскахъ пошли толки, что ихъ приносятъ въ жертву безнадежному дѣлу: составился заговоръ, выданный двусмысленнымъ сообщникомъ; не вполнѣ подавленное волненіе продолжалось. 1-го января 1820 года полковникъ Ріего, согласившись со своимъ Астурійскимъ баталіономъ, въ церкви, въ Иль-де-Леонѣ, поднялъ знамя возстанія, во имя «конституціи 1812 года». Сообщникомъ его былъ Куирога, освобожденный имъ изъ заключенія. Послѣ кратковременнаго успѣха, возстаніе было почти подавлено на югѣ, зато въ противуположномъ концѣ полуострова, въ Галиціи, оно вспыхнуло тѣмъ съ большей силой, распространяясь отсюда все дальше и дальше, такъ что 8-го марта Фердинандъ VII долженъ былъ войти въ соглашеніе съ возставшими, присягнуть конституціи 1812 года, освободить заключенныхъ и окружить себя совѣтниками изъ числа тѣхъ, кого онъ преслѣдовалъ. Съ такимъ же воодушевленіемъ, какъ за шесть лѣтъ встрѣчали возвращавшагося короля, теперь праздновали побѣду свободы. 9-го іюля 1820 года собрались въ Мадридѣ кортесы, выбранные уже согласно конституціи 1812 года.

Португалія.

Побѣда эта тотчасъ отразилась въ сосѣдней Португаліи. Мы знаемъ, что Дворъ бѣжалъ въ 1807 году въ Бразилію; въ Лиссабонѣ находилось регентство, управлявшее дѣлами метрополіи отъ имени короля Іоанна VI, но господствовалъ во всемъ главнокомандующій португальской арміей, англичанинъ лордъ Бересфордъ. Его рѣзкое и гордое обхожденіе, доходившее до жестокости при всякомъ проявленіи сопротивленія, вызывало всеобщую ненависть. 23-го августа 1820 года въ Опорто, подъ предводительствомъ полковника Сепульведа, повторились событія Иль-де-Леоне и англійская система рушилась. Король рѣшился воротиться въ Европу, оставивъ въ Ріо регентомъ сына своего Домъ-Педро. Между тѣмъ чрезвычайные кортесы, собравшись 27-го іюня 1821 года, составили новую конституцію въ томъ же духѣ, какъ испанская 1812 года. Король при-

нялъ ее на палубѣ корабля, передъ Лиссабономъ, 3-го іюля, и тогда только ступилъ на родную почву.

Италія. Происшествія въ двухъ отдаленныхъ странахъ остались бы мѣстнымъ явленіемъ: но вліяніе, оказанное ими на Италію, придало имъ европейское значеніе. Впечатлѣніе французскаго господства на Италію было гораздо глубже, чѣмъ на Пиринейскій полуостровъ. Какъ ни безцеремонны были требованія жертвъ Наполеоновскимъ деспотизмомъ отъ страны, но управленіе было въ новомъ духѣ времени, было громкое имя, народное имя, было «Итальянское королевство». Въ обоихъ направленіяхъ въ 1814 и 1815 годахъ сдѣланъ былъ рѣзкій шагъ назадъ. Страну раздѣлили на извѣстное число вполнѣ деспотическихъ государствъ и, по выраженію вѣнскихъ политиковъ, теперь это было не болѣе какъ «географическое понятіе». Изгнанные революціей и возвращающіеся теперь князья, съ слѣпымъ рвеніемъ преслѣдовали все, что напоминало революцію и господство Французовъ, сливавшееся во-едино по понятіямъ этого невѣжественнаго и ничтожнаго общества. Безразсудная реакція распространилась на весь полуостровъ. Во главѣ реакціи было конечно правленіе возстановленной *Церковной области*, хотя самъ папа Пій VII и первый совѣтникъ его Консальви были люди относительно умѣренные и дальновидные. Но духовная каста не годится для управленія государствомъ: освѣщеніе улицъ и прививка оспы были уничтожены, какъ французскія нововведенія. Они были какъ слѣпцы, руководящіе слѣпыми, и даже та часть литературы, которая могла просвѣтить ихъ и ихъ подданныхъ, скоро попала въ знаменитый индексъ (index), то-есть въ списокъ книгъ, читать которыя воспрещается вѣрующимъ. Буллою отъ 7-го августа 1814 года, Sollicitudo omnium, возвращены были изгнанные іезуиты; остальные монашескіе ордена возстановлены, а развитію возникавшихъ евангелическихъ обществъ указывалось препятствовать всѣми силами, какъ распространенію чумы. Одновременно съ этими мѣрами, во всей силѣ развилось старинное зло страны, разбойничество, съ которымъ слабое, ничтожное правительство до конца существованія своего не могло справиться. Смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, по преданіямъ, по характеру правителя, реакція принимала въ каждомъ государствѣ различный характеръ. Грубое до жестокости въ *Моденѣ* при тиранѣ Францѣ IV, оно было кротко и патріархально, не чуждаясь нѣкоторыхъ перемѣнъ, при разумномъ правленіи Фердинанда III, въ великомъ герцогствѣ *Тосканскомъ*. Маленькія герцогства: *Парма*, подъ управленіемъ бывшей императрицы Французовъ, и *Лукка*, слѣдовали внушеніямъ Австріи. Въ королевствѣ *Сардиніи* властвовала надъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ и въ слѣпомъ рвеніи все возстановляла ограниченная партія, состоящая изъ духовенства и аристократіи, но самыя ужасныя слѣдствія этого образа правленія умѣрялись добродушнымъ и кроткимъ характеромъ короля. Напротивъ, въ *Неаполѣ* реакціонерное правленіе сдѣлалось особенно ненавистно благодаря *Фердинанду IV*, соединявшему въ себѣ и олицетворявшему всѣ природные недостатки народа и умственную неразвитость и распущенность, отличавшія въ тѣ времена неаполитанскій народъ. Фердинандъ IV управлялъ подъ прикрытіемъ конституціи, данной Англичанами Сициліи, «обѣими Сициліями», подъ

именемъ Фердинанда I. Для высшаго образованнаго общества положеніе дѣлъ было особенно ненавистно по тому чувству, что мѣстныя неурядицы носили всюду характеръ иноземнаго владычества. Австрійцы выговорили себѣ двѣ лучшія провинціи, составлявшія большую половину Верхней Италіи, «Ломбардо-Венеціанское королевство», какъ они называли это. Не говоря о Габсбургской роднѣ въ Пармѣ, Тосканѣ, Моденѣ, Австрія всей своей тяжестью напирала на весь полуостровъ и навязывала свою систему даже тѣмъ государствамъ, которыя не имѣли къ тому склонности. Сначала король Францъ расточалъ своимъ новымъ итальянскимъ подданнымъ сладкія рѣчи. Установлено было подобіе народнаго представительства,—провинціальныя собранія, центральныя собранія: одно въ Миланѣ, другое въ Венеціи, а также вице-король. Скоро однако правленіе здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ остальной Австріи, ограничилось только неизбѣжной дѣятельностью и руководствомъ полиціей, строгой, утонченной и ограниченной, плутоватой и вмѣстѣ съ тѣмъ глупой, сдѣлавшейся предметомъ ненависти цѣлаго народа.

Революціи. 1820.

Въ странѣ южной и католической самымъ естественнымъ способомъ дѣйствія являлся — тайный союзъ. Давно существовалъ такой тайный союзъ, заимствовавшій свою организацію у франмассоновъ, а условный языкъ у угольщиковъ, — *Carbonaria*. Либерализмъ сосредоточилъ тутъ все свое могущество; изъ Неаполя, составлявшаго центръ общества, оно стало распространяться, и насчитывали до 60,000 членовъ. Программой общества была испанская конституція 1812 г. Послѣ успѣха возстанія за эту конституцію, карбонаріи выступили смѣлѣе. Въ ночь на 2-е іюля 1820 года, драгунскій офицеръ лейтенантъ Морелли провозгласилъ эту конституцію въ неаполитанскомъ городѣ Нола; собрался народъ, нашлись сообщники: выдающійся военный, генералъ Гуліельмо Пепе, рѣшился взять на себя управленіе. 9-го онъ уже въѣзжалъ въ Неаполь, со всѣми, кто примкнулъ къ нему и слѣдовалъ за нимъ. Король и дворъ, по малодушію, приняли, почти безъ сопротивленія, испанскую конституцію 1812 года. Едва нашлось нѣсколько экземпляровъ, да и тѣхъ некому было читать. Фердинандъ присягнулъ конституціи, и нѣкоторое время городъ радостно шумѣлъ среди праздниковъ и иллюминацій. Эта революція, совершенная безъ пролитія крови, превращеніе королевства въ конституціонное государство, вызвала въ Сициліи возстаніе за независимость острова, ея отдѣленіе отъ Неаполя и возстановленіе *ея* конституціи. Послѣдовали кровавые дни, и первымъ дѣломъ новаго либеральнаго правительства королевства было подчиненіе острова, половины государства, тяжелому военному деспотизму. Въ парламентъ, созванный въ Неаполѣ, островъ избиралъ небольшое число депутатовъ.

Возстаніе не успѣло еще распространиться дальше; Меттерних однако нимало не сомнѣвался въ дѣйствительныхъ и конечныхъ цѣляхъ и готовился къ вмѣшательству. Священный союзъ принялъ, къ этому времени, болѣе практическій характеръ, чѣмъ въ началѣ, то-есть, явился союзомъ великихъ державъ для поддержанія существующаго порядка. Англійское правительство, въ лицѣ лорда Кэстльре, согласилось на эти планы, и въ 1818 г. собрался конгрессъ въ *Ахенѣ*, недавно присо-

единеніемъ къ Пруссіи. Императоры Русскій и Австрійскій и король Прусскій лично присутствовали на конгрессѣ; остальныя державы прислали своихъ выдающихся государственныхъ людей. Король Французскій формально принятъ былъ въ этотъ союзъ послѣ состоявшагося соглашенія объ очищеніи французской территоріи отъ оккупаціонной арміи. Тутъ постановлено было и впредь собираться для обезпеченія всеобщаго мира. Такіе конгрессы были сферой Меттерниха; ему не трудно было вынудить къ согласію со своими воззрѣніями императора Александра и Прусскаго короля. Въ октябрѣ 1820 года конгрессъ собрался въ маленькомъ городкѣ *Троппау*, въ горахъ Силезіи; главнымъ предметомъ совѣщаній были дѣла испанскія и неаполитанскія. Меттерниху не вполнѣ достигъ своей цѣли на этотъ разъ: о формальномъ и рѣшительномъ вмѣшательствѣ Европы представители Англіи и Франціи слышать не хотѣли. Но съ 1815 года существовалъ трактатъ, между Неаполемъ и Австріей, который давалъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Неаполя, когда интересы Австріи того потребуютъ, и, въ этомъ случаѣ, участникамъ конгресса возразить было нечего. Именемъ трехъ монарховъ — Австріи, Россіи и Пруссіи—изданъ былъ циркуляръ отъ 8-го декабря 1820 года, которымъ объявлялась война «тиранской силѣ революціи и порока». Продолженіе конгресса предполагалось въ январѣ 1821 года, въ *Лайбахѣ*, и туда приглашенъ былъ король Неаполитанскій. Послѣ новыхъ клятвенныхъ подтвержденій своей вѣрности конституціи, король Неаполитанскій получилъ разрѣшеніе парламента своего на поѣздку, и явился въ *Лайбахъ*, но безъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, котораго Меттернихъ велѣлъ задержать въ Градцѣ. Съ самимъ королемъ князю Меттерниху легко было договориться и ожидаемое вмѣшательство было возвѣщено его сыну, назначенному регентомъ въ отсутствіе короля. На одну минуту возмутилось оскорбленное самолюбіе неаполитанскаго народа. Въ высокопарныхъ реторическихъ фразахъ клялись они совершить великія дѣла. То была одна вспышка воодушевленія; а между тѣмъ и съ дѣйствительной силой трудно было бы одолѣть такое положеніе. Король находился во враждебномъ лагерѣ и дѣйствовалъ явно противъ своего правительства. Регентъ, безъ чести и совѣсти, какъ и самъ король, игралъ только конституціонную комедію, пока это было необходимо; Сицилія была враждебна; оставалось послѣднее средство, которое могло еще спасти, ежели его во время употребить: это принятіе французской конституціи, вмѣсто несчастной испанской, или измѣненіе конституціи въ духѣ консервативномъ. Либеральныя понятія господствующей партіи не дозволили ей пойти на такую сдѣлку. Хорошо обученное войско не выростаетъ изъ земли, а безъ войска и лучшіе полководцы ничего не могутъ сдѣлать; потому появленіе въ февралѣ 1821 года 60,000 Австрійцевъ, подъ начальствомъ генерала Фримона, скоро порѣшило дѣло. Въ папскихъ владѣніяхъ, при Ріети, часть неаполитанскаго войска, подъ начальствомъ генерала Пепе, почти безъ боя, была разбита. Одно извѣстіе объ этой неудачѣ разсѣяло остальную часть, которой командовалъ Караскоза. Крѣпость Капуя сдалась, и 24 марта Австрійцы (30,000 человѣкъ) вступили въ Неаполь.

Въ Пьемонтѣ. За двѣ недѣли передъ тѣмъ вспыхнуло, но слишкомъ поздно, возстаніе

въ Пьемонтѣ, въ Алессандріи, 10 марта, не болѣе какъ военный бунтъ. На другой же день провозгласили испанскую конституцію въ Туринѣ. Карбонаріи имѣли здѣсь приверженца въ Кариньянскомъ принцѣ, Карлѣ-Альбертѣ, главѣ той линіи Савойскаго дома, которая должна была наслѣдовать вымиравшей старшей линіи. Послѣ отреченія царствовавшаго короля, онъ принялъ регентство и провозгласилъ конституцію 1812 года. Въ это время австрійскія войска побѣдоносно шли къ Неаполю. Новый король, *Карло Феличе*, братъ Виктора-Эммануила, безусловный приверженецъ неограниченной власти, проклялъ всѣ нововведенія; принцъ, которому грозила вражда Австрійцевъ, упалъ духомъ и предупредилъ юнту о своемъ отступленіи. Болѣе храбрые люди сдѣлали послѣднюю попытку: но королевскіе полки и австрійское войско, подъ начальствомъ генерала Бубна, положили конецъ этимъ попыткамъ при Новарѣ; Карло Феличе принялъ правленіе (18 апрѣля). Первымъ дѣломъ его правленія была конвенція, которая опиралась на 12,000 корпусъ Австрійцевъ.

За неудавшимся возстаніемъ слѣдовала реакція, особенно жестокая въ Неаполѣ, гдѣ малодушный король, опираясь на штыки Австрійцевъ, ничего болѣе не опасался. Свои войска были распущены и утонченная мстительность изощрялась въ казняхъ, отобраніи имуществъ, заключеніяхъ, изгнаніяхъ на пустынные острова. Въ Пьемонтѣ, при всей жестокости, законы по крайней мѣрѣ уважались и вообще правительство соблюдало нѣкоторое приличіе. Равно преслѣдовали въ обоихъ государствахъ просвѣщеніе и ученіе. Въ Пьемонтѣ издано было невѣроятное постановленіе, въ 1824 году, по которому надо было представить обезпеченіе въ 1500 лиръ для того, чтобы получить позволеніе учиться читать и писать. Духовенство употребляло все свое вліяніе, чтобы затруднить народу развитіе. Гибелью всей системы этой, съ австрійскимъ владычествомъ во главѣ, было то, что аристократія умственная была враждебна и вскорѣ стала непримиримою. Австрійцы были виртуозы въ этомъ дѣлѣ. Подъ ихъ господствомъ развилась система доносовъ и шпіонства. Господствовавшіе въ Вѣнѣ Францъ и Меттернихъ не признавали чувства человѣческаго, ни чувства справедливости, когда дѣло шло о революціонерахъ подозрѣваемыхъ, мнимыхъ или дѣйствительныхъ. *Помилованные*, подъ свинцовыми кровлями бывшаго дворца дожей въ Венеціи или въ казематахъ Шпильберга, въ Моравіи, искупали свое политическое нетерпѣніе, гдѣ-либо выдавшее ихъ. Можно судить, какою цѣною возстановлено было спокойствіе на полуостровѣ. Такому правленію въ голову не приходило что-нибудь насадить на этой почвѣ, создать, или же дурныя идеи побороть идеями лучшими. Австрійцы еще долго занимали отвоеванныя у революціи страны: только въ 1827 году послѣднія 10,000 войска ихъ покинули неаполитанскія земли. Тогда положено было первое основаніе новому единству Италіи: то была затаенная, глубокая и пламенная общая ненависть высшихъ классовъ населенія къ этому иноземному владычеству и ко всему, что съ нимъ соприкасалось.

Реакція. Австрійское преобладаніе.

Внѣшнимъ образомъ вмѣшательство вполнѣ удалось и система конгрессовъ государей, повидимому, такъ соотвѣтствовала всеобщимъ потребностямъ, что въ заключительномъ засѣданіи, во Львовѣ, объявили о назначе-

Политика конгрессовъ.

нін слѣдующаго конгресса черезъ годъ, въ одномъ изъ городовъ Италіи. Европейскимъ политикамъ предстояло рѣшить два важныхъ и опасныхъ вопроса: дѣла испанскія и, гораздо болѣе трудное и запутанное дѣло, возстаніе христіанскаго населенія въ Турціи.

Испанія послѣ 1820 года.

Въ іюлѣ 1820 года Фердинандъ VII открылъ кортесы по конституціи 1812 года, и либералы, господствующая теперь партія, могли пользоваться своей побѣдой. Противная имъ партія, духовенство, сельскій людъ, городская чернь были очень сильны, и король, только временно сдавшійся, тайно былъ ихъ союзникомъ. Побѣдоносная партія раздѣлилась на умѣренныхъ и радикаловъ. Умѣренные—Moderados—признавали, что страшное зло, отъ котораго страдала страна, нельзя исцѣлить въ нѣсколько дней, и притомъ никакъ не местью, а скорѣе спокойной и правильной реформаторской дѣятельностью. Другая партія, радикальная — Exaltados— горячія головы, полныя якобинскихъ идей или фразъ, и какъ всякій радикализмъ во всѣ времена, неизбѣжно вызвалъ реакцію. Они не только унижали дѣло либерализма единичными безобразіями, какъ въ маѣ 1821 года, когда каноника Винеза въ Мадридѣ, присужденнаго къ ссылкѣ на галеры за составленіе плана заговора противъ конституціи, убила ворвавшаяся въ тюрьму толпа черни, а клубы прославляли это злодѣйство, какъ торжество свободы,—такія безобразія ослабляли правительство, которое должно было поддерживать свой авторитетъ. Противная партія крѣпла, пользуясь ихъ ошибками, неудачами правленія и слабостью власти. Чувствуя силы, они дѣлались смѣлы и задорны. Это увеличивало упорство либераловъ, и такъ случилось, что на новыхъ выборахъ въ кортесы въ началѣ 1822 года радикалы—Exaltados—получили большинство.

Франція.

Случилось это въ такое время, когда въ могущественномъ сосѣднемъ государствѣ, главномъ среди романскихъ земель, во Франціи, восторжествовало противуположное теченіе. И вотъ дѣла испанскія получили значеніе обще-европейское, благодаря соприкосновенію съ дѣлами Франціи.

Начало царствованія Людовика XVIII.

Задача Людовика XVIII по возвращеніи его въ Тюльери, послѣ 100 дней, была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ труднѣе задачи Генриха IV. Франція распалась на два лагеря: 1) люди эпохи революціонной, то-есть республики и имперіи, и 2) люди старой Франціи, вернувшіеся изъ-за границы въ свитѣ короля, или теперь, подъ охраной возстановленнаго королевства, вышедшіе изъ продолжительнаго своего оцѣпенѣнія и невольнаго уединенія. Полнѣйшее различіе взглядовъ раздѣляло обѣ партіи; у нихъ было только одно общее—сильное чувство сознанія французскаго національнаго единства.

Нельзя сказать, чтобы и Людовикъ XVIII задачѣ своей не соотвѣтствовалъ. Онъ не былъ ханжой, bigot, напротивъ, онъ вполнѣ раздѣлялъ вольнодумныя понятія высшаго до-революціоннаго общества. Изгнаніе и несчастіе прошли для него не безслѣдно и охладили его страсти. Онъ рѣшился быть умѣреннымъ уже потому, что, достигнувъ наконецъ такого удобнаго положенія, не хотѣлъ покидать его во второй или третій разъ. Конституція, данная имъ 4 іюня 1814 года, была разумная и представляла данныя для мирнаго сближенія. Предоставляя королю необходимыя права,—распоряженіе арміей и флотомъ, право объявленія войны



Людовикъ XVIII, король Французскій.
Писано Жераромъ, гравировано Массаромъ.

и мира, безусловное руководство внѣшней политикой, замѣщеніе должностей, исключительное право предложенія новыхъ законовъ — конституція эта, объявляя католическую религію господствующей, сохраняла въ то же время величайшія пріобрѣтенія революціи — свободу совѣсти, равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу личности и свободу печати, а также

судъ присяжныхъ. Національное представительство было не особенно либерально, но съ достаточными правами и дѣятельностью. Ему принадлежало право издавать законы, утверждать налоги. *Палата депутатовъ*, одна, съ 258 членами; избиратель долженъ быть не моложе тридцати лѣтъ и платить 300 франковъ податей, а избираемые не моложе сорока лѣтъ и платить 1,000 франковъ податей. Избирали на пять лѣтъ, ежегодно возобновляя одну пятую общаго состава депутатовъ. Членовъ *палаты пэровъ*, назначалъ король, пожизненно или преемственно.

Павильонъ Марсанъ.

Временно преобладанія добилась старо-королевская партія, съ своимъ главою графомъ д'Артуа, наслѣдникомъ престола; онъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ стремленіе къ мести и къ полному возстановленію прежняго порядка вещей. Часть тюльерійскаго дворца, которую онъ занималъ и которая извѣстна была подъ названіемъ «павильона Марсанъ», была мѣстомъ сборищъ «ультра-королевской партіи» или просто «ультры». Ужасъ 100 дней увеличилъ фанатизмъ, а до извѣстной степени и силу партій. Въ палатѣ, собравшейся въ октябрѣ 1815 года, у нея было большинство, и эта «ненаходимая палата» (chambre introuvable, какъ называлъ ее король) не стѣснялась навязывать правительству свою волю. Во главѣ правительства выступилъ герцогъ Ришельё, человѣкъ безупречной честности и съ добрыми намѣреніями; годы изгнанія онъ съ пользою провелъ на русской службѣ. Помощникомъ его былъ умный, молодой графъ Деказъ, государственный и придворный человѣкъ, ловко ладившій съ Людовикомъ. Остановить чрезмѣрное усердіе ультра-королевской партіи они въ первое время не могли. Законъ противъ мятежниковъ и пріостановка закона о личной свободѣ *обвиняемаго* въ проступкахъ противъ короля и государства подвергала опасности быть арестованнымъ, по чрезмѣрному усердію какого-нибудь чиновника, или подъ какими-нибудь вліяніями. Полувоенные суды, по особенно-важнымъ дѣламъ, судили преступленія политическія. 7-го декабря того года разстрѣлянъ одинъ изъ маршаловъ Наполеона — Ней: во главѣ королевскихъ войскъ онъ перешелъ на сторону императора и послѣ этого его нельзя было помиловать. Въ этой атмосферѣ ненависти и мести возгорѣлись и религіозныя страсти, и фанатизированная чернь южныхъ департаментовъ обходилась съ протестантами хуже, чѣмъ якобинцы. Центромъ всѣхъ страстей была *конгрегація*, — общество, къ которому всѣ старались причислиться изъ страха или изъ желанія попасть въ милость у правительства. Доносы были ежедневные и, чтобы открыть врага правительства, не нужно было особенной проницательности, такъ какъ циркуляръ министра называлъ таковымъ всякаго, кто радовался затрудненіямъ правительства, кто *выраженіемъ* лица и словами показывалъ ненависть и презрѣніе къ мирнымъ жителямъ. Такая система не могла быть прочной. Партія тиранила самого короля и правительство, и король поступилъ мудро, распустивъ эту «*ненаходимую* палату» (15 сентября 1816 года). Умы нѣсколько успокоились, изданъ былъ новый законъ о выборахъ, устранена посредствующая инстанція избирателей и основы монархіи нѣсколько расширены. Законъ о рекрутствѣ открылъ и Наполеоновскимъ офицерамъ, и чиновникамъ доступъ къ должностямъ, а бывшій представителемъ Франціи на

Ахенскомъ конгрессѣ герцогъ Ришельё привезъ оттуда радостную вѣсть о постановленіи державъ вывести оккупаціонную армію (1818) изъ Франціи. Въ ноябрѣ, дѣйствительно, послѣднія иностранныя войска покинули Францію. Новые выборы, для возобновленія согласно конституціи одной пятой членовъ, увеличили въ палатѣ партію умѣренныхъ и крайнихъ либераловъ, какъ Лафайетъ и Манюель. Вслѣдствіе этого, министерство пало и любимецъ короля Деказъ составилъ новое, вполнѣ либеральное министерство, съ генераломъ Дессолемъ во главѣ. Сопротивленіе, котораго ожидали отъ палаты пэровъ, предупредили рискованной мѣрой: назначеніемъ 60 новыхъ пэровъ. Ни одна партія не соглашалась умѣрить свои требованія. Въ число депутатовъ, избранныхъ въ 1819 году, попалъ аббатъ Грегуаръ, такъ называемый «убійца короля», но въ сущности человѣкъ безвредный. Такъ называли его за то, что онъ былъ въ числѣ людей, одобрявшихъ смертный приговоръ Людовику XVI, послѣ его совершенія, а также и за тѣ крайне-антимонархичныя предложенія его, которыя онъ дѣлалъ въ національномъ собраніи и въ конвентѣ. Вслѣдствіе всего этого постановлено, совершенно противузаконно, но большинствомъ голосовъ, его исключеніе. 13 февраля 1820 г. Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Беррійскій, второй сынъ графа д'Артуа, надежда династіи, былъ убитъ при выходѣ его изъ оперы фанатикомъ-сѣдельщикомъ Лувель, цѣль котораго и состояла въ томъ, чтобы пресѣчь всю династію. Гнѣвъ партіи «ультра» не зналъ границъ и дошелъ до того, что они обвиняли либеральное министерство въ косвенномъ участіи въ этомъ гнусномъ убійствѣ. Министерство было распущено, и герцогъ Ришельё, во второй разъ, взялся за дѣла и успокоилъ королевскую партію нѣсколькими исключительными мѣрами и избирательнымъ закономъ, который, какъ выяснилось изъ преній, прибавлялъ къ прежнимъ уполномоченнымъ еще 172 изъ платившихъ высшія подати. Такимъ образомъ, они получили двойное избирательное право. Для партіи явнымъ признакомъ милости небесной было рожденіе сына, 29 сентября 1820 г., у вдовы убитаго принца—новый отпрыскъ династіи Бурбоновъ!



Герцогъ Карлъ-Фердинандъ Беррійскій.
Писалъ Г. Долу, гравировалъ Ф. В. Болингеръ.

Въ слѣдующемъ 1821 году, 5 мая, умеръ Наполеонъ на островѣ, который былъ ему темницей и могилой. Память о немъ жила во французскомъ народѣ; не справляясь съ исторіей, о немъ сложились преданія, Наполеонъ † 1821.

и самъ онъ въ послѣдніе годы старался, по мѣрѣ силъ, измѣнять событія въ свою пользу. Вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Наполеона, стали составляться заговоры: бонапартистская партія выставляла великаго деспота другомъ народа; рады были, что нашли великое имя, которое можно было противупоставить Бурбонамъ. Это разожгло старанія партіи «ультра». Выборы 1821 года были имъ благопріятны и составилось новое министерство въ ихъ духѣ, съ талантливымъ виконтомъ Жозефомъ де-Виллель во главѣ. Человѣкъ умный, превосходный дѣлецъ и финансистъ, онъ не раздѣлялъ крайнихъ стремленій своей партіи, но не могъ и прямо противиться имъ, а между тѣмъ событія въ Испаніи задали трудную задачу его политическому искусству.

Испанія. Кортесы, въ февралѣ 1822 года, избрали своимъ президентомъ бывшаго главу возстанія 1820 года, Ріего. Напрасно старался руководящій министръ, Мартинецъ де-ла-Роза, самъ одинъ изъ главныхъ въ партіи «умѣренныхъ», придать болѣе мирное теченіе дѣламъ этой страны, раздираемой всякими порывами. Въ іюнѣ вспыхнуло возстаніе и руководители его завладѣли крѣпостью Сео-де-Ургель, въ Каталоніи. Попытка королевской гвардіи, въ томъ же духѣ, которой не чуждъ былъ самъ король и дворъ, совершенно не удалась. Отстраняя отъ себя справедливое подозрѣніе, ничтожный король призвалъ радикальное министерство Санъ-Мигуеля, которое, какъ всегда бываетъ, стало управлять гораздо умѣреннѣе, чѣмъ проповѣдывали сами радикалы и единомышленники ихъ въ палатѣ и въ клубахъ.

Конгрессъ въ Веронѣ. Въ октябрѣ 1822 года собрался новый конгрессъ *въ Веронѣ;* очень важный, но и очень затруднительный греческій вопросъ временно отложили; три сѣверныхъ монарха впередъ склонялись къ подавленію въ Испаніи того, что Меттернихъ и ученики его называли революціей, по примѣру Италіи, гдѣ только что побѣдили и такъ удачно подавили революцію. Вмѣшательство возможно было только при содѣйствіи Франціи; господствующую здѣсь партію усиленно побуждали къ какому-то крестовому походу противъ безбожныхъ либераловъ; Англія, напротивъ, руководимая въ иностранной политикѣ Георгомъ Каннингомъ, соблюдала политику уклончивую. Виллель, хорошо взвѣсившій цѣну и слѣдствія такого предпріятія, не былъ горячимъ сторонникомъ его, какъ другіе члены министерства его партіи. Между тѣмъ, въ Веронѣ было постановлено и опубликовано циркуляромъ отъ декабря 1822 года во всеобщее свѣдѣніе, что три великія державы остаются вѣрны своимъ антиреволюціоннымъ принципамъ и въ отношеніи Испаніи. Установлены были условія французскаго вмѣшательства. Въ Испаніи извѣстія эти вызвали озлобленіе; теперь не могло быть и рѣчи о смягченіяхъ въ конституціи, объ измѣненіяхъ въ духѣ французской хартіи, во избѣжаніе предлога къ вмѣшательству. Французскій посланникъ былъ отозванъ и 100,000 войско собрано на границѣ.

Вмѣшательство Франціи. Во французской палатѣ либеральная оппозиція горячо противилась предпріятію, въ которомъ Франція, изъ-за «гнѣва Пруссіи и казаковъ», унижала себя до того, что исполняла роль полиціи.

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и умѣренныхъ членовъ либеральной

оппозиціи—«независимыхъ», какъ называли эту партію,—Ройе-Колларъ, говорилъ, что нація ведетъ войну эту на свой счетъ и противъ себя же. Другіе указывали на то, что президентъ совѣта, въ основаніи, раздѣлятъ ихъ мнѣніе. и это было справедливо. Въ связи съ этими преніями, дошло до чрезвычайныхъ волненій въ палатѣ: депутатъ Манюель указалъ на опасность, грозившую личности Фердинанда, при военномъ вмѣшательствѣ, и упомянулъ о судьбѣ Людовика XVI. Его шумно перебили и на другой день, среди сумятицы, беззаконно, самовластно исключили его изъ палаты «за похвальное слово», будто-бы произнесенное имъ «цареубійству». На экспедицію ассигновали 100 милліоновъ и честь командованія поручили королевскому принцу, герцогу Ангулэмскому, единственному оставшемуся въ живыхъ сыну графа д'Артуа.

Надежда, что предпріятіе это вызоветъ такое же сопротивленіе, какое встрѣтилъ Наполеонъ, не оправдалась, такъ же какъ въ Италіи, за два года, хотя въ Мадридѣ, какъ и въ Неаполѣ, не было недостатка въ воинственныхъ рѣчахъ на улицѣ, въ прессѣ и въ залѣ кортесовъ. Объявленіе войны, которымъ отвѣтили на переходъ границы, было подписано въ Севильѣ. Французскія войска безостановочно шли впередъ, и на этотъ разъ за нихъ стояло духовенство и, такъ какъ Французы платили хорошо и наличными деньгами, то на ихъ сторонѣ была и жадность народная. 23 мая авангардъ французской арміи вступилъ въ Мадридъ. Установлено было регентство, въ духѣ апостолической партіи, и французское войско пошло дальше; началось гоненіе на всѣхъ приверженцевъ противной партіи. Кортесы должны были оставить Севилью и перемѣститься внизъ по Гвадалквивиру въ Кадиксъ, и король, котораго держали на всякій случай, какъ цѣннаго заложника, сопровождалъ кортесы. Въ Кадиксѣ партія выдержала трехмѣсячную осаду, въ то время какъ въ остальной Испаніи сопротивленіе понемногу угасало и только одинъ либеральный полководецъ, Мина, счастливо держался, даже перешелъ границу французскую и потомъ укрѣпился въ Барселонѣ. 31 августа войска не могли болѣе держаться въ Кадиксѣ: начались переговоры, и 28 сентября кортесы освободили короля, который удалился во французскій лагерь. Кортесы разошлись и кто былъ поумнѣе—бѣжалъ, чему всячески содѣйствовалъ герцогъ Ангулэмскій, хорошо знавшій своихъ союзниковъ. Освобожденный тиранъ и его партія не стѣснялись жертвами. Онъ отмѣнилъ все, сдѣланное со времени 7 марта 1820 года, и казнь Ріего можетъ служить образцомъ ихъ мщенія партіи «черныхъ». Ріего отвезли къ мѣсту казни въ телѣжкѣ, запряженной осломъ, и удавили, между тѣмъ какъ монахи и чернь провозглашали многолѣтіе королю и хвалу религіи! Послѣ того какъ сдались послѣднія крѣпости: Барселона, Картагена, Аликанте, король въѣхалъ въ Мадридъ 13 ноября. Духовника своего Саеца онъ назначилъ министромъ, универсальнымъ, единственнымъ. Французы и ихъ главнокомандующій, герцогъ, оставались въ Испаніи настолько долго, что успѣли получить глубокое отвращеніе ко всему этому правленію. Самъ герцогъ поспѣшилъ домой, а 45,000 человѣкъ, по договору, остались въ Испаніи, подъ начальствомъ генерала Бурмона, пока, вмѣсто распущеннаго войска, не составили новую испан-

Французы въ Испаніи.

скую армію. Еще раньше, 9 октября 1824 года, изданъ былъ декретъ, по которому всякій поднявшій оружіе послѣ 1 октября 1823 года, или *какимъ-нибудь дѣйствіемъ* выказавшій себя врагомъ трона, обвинялся въ оскорбленіи величества и подвергался смертной казни.

Португалія. Не такъ легко доставалась побѣда неограниченной партіи въ Португаліи, гдѣ противурѣчія были тѣ же. Королю домъ-Іоанну приходилось имѣть дѣло съ палатой, настолько же неумѣренной и неосновательной, какъ современная ей испанская. Самъ онъ былъ добродушенъ и мирился со всѣмъ. Напротивъ, королева, сестра испанскаго короля, и сынъ ея Мигуель, едва 20 лѣтъ, но воспитанный въ ея школѣ, разсчитывая на сочувствіе великихъ державъ и на предстоявшее вступленіе иностранныхъ войскъ въ Испанію, подняли возстаніе въ февралѣ 1823 года, въ надеждѣ возстановить свою неограниченную власть: то, что люди эти называли *возрожденіемъ*. Прямо разсчитывать на помощь Французовъ они и думать не смѣли; Англія безъ того ревниво слѣдила за всѣмъ и не раздѣляла и не сочувствовала политикѣ Веронскаго конгресса. Переворотъ сдѣлался самъ собой: такъ какъ изъ всѣхъ благъ, которыя сулила конституція, ничто не осуществлялось, то народъ легко воротился къ старому порядку. Подготовивши все, домъ-Мигуель бѣжалъ изъ столицы въ маѣ. Мятежныя войска привели въ главную квартиру короля, у котораго не было своей воли. Подъ давленіемъ новыхъ лицъ, онъ объявилъ монархію возстановленной и самодержавнымъ королемъ воротился въ Лиссабонъ. 18 іюня прибыла туда и королева Шарлотта. Планъ этой фуріи и домъ-Мигуеля былъ—отстранить слишкомъ добродушнаго короля. Отъ происковъ ея бѣжали сначала министры короля, а 9 мая 1824 г. и самъ король: онъ сѣлъ на англійское судно, стоявшее въ Тахо. Народъ въ Лиссабонѣ опомнился отъ своего монархическаго увлеченія. Домъ-Іоаннъ долженъ былъ разоблачить намѣренія своихъ приближенныхъ и настроеніе народа было такъ грозно, что Мигуель счелъ за лучшее поспѣшить къ отцу, испросить его прощеніе, конечно, дарованное ему съ тѣмъ, чтобы «неопытный юноша» уѣхалъ путешествовать. Королева, несмотря на сопротивленіе, вынуждена была поступить въ монастырь. Вопросъ о конституціи рѣшенъ былъ въ умѣренномъ духѣ. Кортесы были возстановлены, со старинnымъ раздѣленіемъ на сословія, въ формѣ старопортугальскаго собранія сословій, какъ оно было въ Ламехо (4 іюня 1824 г.). На югѣ, въ Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ, политика священнаго союза вполнѣ одержала верхъ и, какъ мы увидимъ, удачное вмѣшательство въ испанскія дѣла на нѣкоторое время въ самой Франціи дало полную власть партіи ультра-королевской. Между тѣмъ событія на Востокѣ, разъединявшія общность консервативныхъ интересовъ трехъ великихъ восточныхъ державъ, кончились полнымъ пораженіемъ политики Меттерниха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Восточный вопросъ: Возстаніе въ Греціи 1821—1830.—Русско-турецкая война 1828 г. и миръ въ Адріанополѣ 1829 г.

Восточный вопросъ. Положеніе Турціи.

Неоднократно указывали мы на то, что такъ-называемый на газетномъ языкѣ «восточный вопросъ» тянется, съ различными измѣненіями, черезъ всю всемірную исторію. Съ конца XVII столѣтія, Европа перестала бояться Турокъ и нашествія Османовъ на Западную Европу. Вопросъ и опасность его, напротивъ того, заключались скорѣе въ видимомъ ослабленіи силы Османовъ и въ томъ, какая новая политическая организація возродится при этомъ разложеніи? Долго-ли, скоро-ли совершится превращеніе? Въ какой степени кризисъ въ различныхъ стадіяхъ повліяетъ на европейскія державы и ихъ взаимныя отношенія?

Положеніе христіанъ въ Турціи. Греція.

Варварское господство Османовъ, все еще признававшихъ одно свое право завоеванія и дѣйствовавшихъ на основаніи этого права, нестерпимо было *райямъ*—т. е. стаду, какъ называютъ христіанское населеніе Европейской Турціи высокомѣрные турки-магометане. По мѣрѣ того, какъ, подъ вліяніемъ событій 1789 года, въ народахъ европейско-христіанскаго развитія пробуждалось сознаніе политическаго назначенія своего, въ народахъ Востока явилось, ежели не полное сознаніе невыносимости положенія, то все же мысль, что они, христіане и европейцы, подчинены, и находятся въ полу-рабствѣ у магометанъ и варваровъ. Особенно сильно было сознаніе это въ народѣ греческомъ: одна общая ненависть, одинъ языкъ, общія воспоминанія великаго прошлаго и одна Церковь объединяли этотъ народъ. Путь къ избавленію давно былъ въ виду: политика могущественной и единовѣрной Россіи была явно сочувственна имъ. Мысль о близкомъ освобожденіи, о возрожденіи Греціи одушевляла общество, существовавшее съ начала столѣтія, *Гетерію друзей музъ*, и рядомъ съ нимъ другое,—*общество Филиковъ*, по обрядамъ и символистикѣ схожее съ франмассонами или карбонаріями. Союзы эти приняли практически-политическій характеръ, состояли изъ множества членовъ, и въ томъ числѣ были даже приближенные императора Александра.

Возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ.

Знатный грекъ, одинъ изъ адъютантовъ императора, князь Александръ Ипсиланти, сталъ во главѣ общества Гетеріи, въ 1820 году. Положеніе Оттоманской имперіи, казалось, благопріятствовало для начала дѣйствій. Въ мартѣ 1820 г. возгорѣлась открытая борьба между царствующимъ султаномъ Махмудомъ II и возмутившимся сатрапомъ его, Али-пашей Янинскимъ, по обычаю Востока, полунезависимымъ властителемъ Албаніи, Оессаліи и части Македоніи. Въ Валахіи, съ января 1821 года, послѣ смерти господаря, было также полное возмущеніе, направленное, подъ

предводительствомъ мѣстнаго боярина, противъ всесильной денежной и чиновной аристократіи въ Константинополѣ, такъ-называемыхъ фанаріотовъ. Въ мартѣ того же года Ипсиланти перешелъ черезъ Прутъ и изъ Яссъ, главнаго города Молдавіи, разослалъ Эллинамъ прокламацію, призывая ихъ къ борьбѣ съ потомками Дарія и Ксеркса. Предпріятіе это не удалось: Ипсиланти всего болѣе разсчитывалъ на поддержку Россіи, а она не двигалась; императоръ Александръ, мечтавшій, какъ благороднѣйшій идеалистъ и великій міра, сдѣлать что-нибудь для своихъ Грековъ, теперь былъ непріятно пораженъ серьезнымъ положеніемъ дѣлъ и убѣждалъ Грековъ и Валаховъ немедленно подчиниться законному государю. Вести дѣло сообща съ Румынами и Сербскимъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ не удавалось, и неискусно веденному дѣлу этому положенъ былъ конецъ пораженіемъ турецкими войсками при деревнѣ Драгачанѣ. Князь Ипсиланти перешелъ австрійскую границу, но здѣсь политическіе изгнанники никогда не могли надѣяться на человѣчное и приличное обхожденіе: его схватили и заперли въ жалкую каморку въ крѣпости Мункачъ въ Венгріи.

Пелопоннесъ.

Примѣръ, поданный этимъ неудавшимся возстаніемъ, отразился со всей силой на другомъ концѣ полуострова. Въ *Пелопоннесѣ* о современныхъ событіяхъ знали настолько, чтобы возбудить ненависть и произвести взрывъ давно распространенныхъ идей независимости. Борцы за независимость собрались въ Маинѣ, древней Лаконіи, подъ руководствомъ Петро Мавромихалиса; въ горахъ Аркадіи, подъ начальствомъ Ѳеодора Колокотрониса; въ Ахайскомъ заливѣ знамя возстанія противъ турецкаго владычества поднялъ, въ апрѣлѣ, архіепископъ Германъ. Средне-греческія земли, Аѳины, Ѳивы, тотчасъ примкнули къ возставшимъ. Старинные народные вожди принимали начальство, какъ въ древней Фокидѣ, Одиссей при Этѣ. Съ первобытнымъ пастушескимъ, воинственно-разбойническимъ народомъ, Клефтами, соединились и согласились члены Гетеріи, воспитанные въ европейскихъ понятіяхъ свободы и народнаго владычества. Сочувственно относились къ нимъ въ столицѣ Россіи и въ высшихъ вліятельныхъ кругахъ Запада; но особенно важно было участіе Эгейскаго архипелага, главныхъ трехъ острововъ его—Гидры, Спеццій и Псары и ихъ богатаго купечества. Безъ всякой помѣхи со стороны безпечныхъ тюремщиковъ-турокъ, вооружено было множество судовъ, во имя Христа и дѣла свободы выдавались каперскія грамоты: нѣсколько недѣль спустя всѣ Эллины были въ движеніи.

Возстаніе Греціи. Положеніе державъ.

Турки, пораженные тѣмъ, что не могло быть неожиданностью даже для слѣпого, поступили какъ истые варвары. Въ день Пасхи патріархъ Константинопольскій, служившій обѣдню, былъ схваченъ въ полномъ облаченіи народной толпой на паперти соборной, и повѣшенъ, послѣ чего тѣло его волокли по улицамъ. За этимъ послѣдовали казни, разрушеніе церквей, грабежъ и насиліе. Провинціи слѣдовали примѣру столицы и извѣстія объ ужасахъ этихъ возбудили во всей Западной Европѣ умы, склонные, понятно, сочувствовать христіанамъ, родственнымъ по образованію и развитію, хотя надо сказать, что и они платили жестокостями за жестокости, гдѣ только могли. Въ первыя же недѣли этого общаго подъема явилось твердое, не-

поколебимое, какъ догматъ вѣры, рѣшеніе: не подчиняться болѣе турецкому владычеству ни подъ какимъ видомъ, ни въ какой формѣ и ни при какомъ посредничествѣ.

Къ вѣчному стыду священнаго союза, возстаніе въ Греціи предоставлено было своимъ силамъ, хотя даже въ кружкахъ политиковъ «поддержанія существующаго порядка» смотрѣли на это возстаніе иначе, чѣмъ на военное или военно-народное возстаніе въ Авеллино, или Исла-деде-Леонъ. Только Меттернихъ видѣлъ и тутъ якобинство и революцію, въ иной только формѣ. Пруссія не была прямо заинтересована событіями на юго-востокѣ. Франція занята была дѣлами своими и испанскими. Англія выжидала. Возстаніе грозило вызвать войну Россіи съ Портою и возвращеніе Россіи къ прежнимъ завоевательнымъ планамъ относительно Порты. На войну эту разсчитывали и Греки въ предстоящей страшной борьбѣ.

Борьба 1821 г.

Ожиданія не сбылись. Александръ не рѣшился на разрывъ, и Греки долгое время были предоставлены собственнымъ силамъ. Борьба затянулась, со всѣми случайностями, какія представляла страна, при ея лабиринтѣ горъ, архипелагѣ острововъ и положеніи борющихся сторонъ: маленькій народъ, безъ государственной организаціи, противъ могущественной варварской имперіи, безъ порядка въ управленіи и въ войскѣ. Въ первый годъ (1821) борьба сосредоточилась на восточномъ берегу Пелопоннеса, около Триполиса. Лѣтомъ подоспѣла въ лагерь Грековъ первая помощь съ запада Европы, какъ здѣсь выражались, «франкская» помощь: то былъ братъ Александра Ипсиланти, Димитрій, съ пятьюдесятью товарищами. Въ октябрѣ Греки овладѣли крѣпостью, послѣ долгой, неправильной, нѣсколько разъ прерывавшейся осады. На морѣ тоже они добились нѣкоторыхъ успѣховъ. Они задумывали организацію государственную, при чемъ главную роль игралъ, рядомъ съ Димитріемъ Ипсиланти, князь Александръ Маврокордато. Народное собраніе въ Піада, на сѣверѣ Пелопоннеса, торжественно объявило, въ январѣ 1822 года, независимость Греціи, установило директорію изъ пяти членовъ и конституцію: основной статутъ Епидавроса. Охотно придерживались древнихъ названій, болѣе знакомыхъ классически-образованному Западу. Прибавилось въ греческомъ лагерѣ еще франкскихъ добровольцевъ и между ними явился довольно извѣстный военный (хотя репутація его была небезупречна), генералъ Норманъ. Онъ командовалъ вюртембергскими войсками при Китцингѣ и Лейпцигѣ и тутъ передался союзникамъ. Военное счастье въ этомъ году было перемѣнчиво. Въ февралѣ 1822 года Али-паша Янинскій, поддавшись обману, покинулъ неприступную крѣпость свою и явился въ лагерь осаждавшихъ: вслѣдъ за этимъ, голову его выставили въ Константинополѣ. Потеря такого союзника была очень чувствительна для Грековъ, но съ другой стороны Акрополисъ въ Аѳинахъ достался въ руки возставшихъ. Въ апрѣлѣ того же года главнокомандующій (капуданъ-паша) турецкаго флота, Кара-Али, привелъ въ ужасъ весь міръ, показавши, что когда варварству представится случай приносить жертвы своему генію, то величайшія жестокости европейцевъ затмеваются и кажутся ничтожными. Онъ высадилъ въ Хіосѣ 7,000 своихъ Турокъ, неистовствовавшихъ на чудномъ островѣ, какъ дикіе звѣри, такъ что отъ цѣлаго населенія осталось лишь нѣсколько сотъ че-

ловѣкъ. Нѣтъ нужды останавливаться на этихъ гнусностяхъ, возбудившихъ всеобщее негодованіе. Слабымъ удовлетвореніемъ послужила вѣсть, что въ іюнѣ того же года двумъ греческимъ брандерамъ удалось взорвать адмиральскій корабль турецкаго флота, стоявшаго на якорѣ въ гавани. Какъ разъ въ то время чудовище Кара-Али давалъ пиръ; 3,000 человѣкъ взлетѣли на воздухъ, его самого вытащили изъ воды, но на берегу онъ умеръ. Лѣтомъ казалось, что участь Грековъ рѣшена. 4,000 человѣкъ, которыхъ Маврокордато велъ на помощь Суліотамъ, союзникамъ убитаго паши Янинскаго, были окончательно разбиты въ Западной Элладѣ, при деревнѣ Пета; безъ сопротивленія шелъ теперь Драмскій паша Махмудъ черезъ Среднюю Грецію въ Пелопоннесъ древней дорогой полчищъ Ксеркса: они уже перешли черезъ Аргосъ, и казалось—все пропало. Рядъ случайностей, между прочимъ, задержка въ доставкѣ провіанта для арміи, — обычное явленіе у Турокъ, — принудили его къ отступленію и стоили ему даже всего обоза. Въ ноябрѣ самъ онъ умеръ въ Коринѳѣ. Еще удивительнѣе было то, что горсти, оставшейся послѣ пораженія при Пета, удалось, подъ начальствомъ Маврокордато и Марко Ботсарисъ, броситься въ Миссолонгу у Коринѳскаго залива, и здѣсь имъ посчастливилось запастись жизненными припасами, собрать нѣсколько войскъ, и они съ успѣхомъ сопротивлялись 11,000-му турецкому войску, отступившему наконецъ въ январѣ 1823 года.

Борьба 1822 до 1825 г.

Обоюдное истощеніе привело къ затишью въ слѣдующемъ году. Симпатіи всѣхъ западныхъ народовъ проявлялись теперь громко, а представители Европы, собравшіеся на конгрессъ въ Веронѣ въ 1822 году, все еще не принимали офиціально депутацію или уполномоченныхъ отъ возставшаго народа. Собраны были значительныя денежныя средства, множество единичныхъ добровольцевъ стекалось въ греческій лагерь, между ними, конечно, много весьма сомнительныхъ. Застали они положеніе далеко не блестящее: не было ни общаго управленія, ни единства въ военныхъ дѣйствіяхъ; самые разнообразные элементы: франки и національ, жители материка и острововъ—и всѣ ссорились между собою. У Турокъ силы также истощились. Султанъ принужденъ былъ сдѣлать очень опасный шагъ, ясно указывающій на слабость имперіи: онъ долженъ былъ принять помощь одного изъ своихъ сатраповъ, и помощь эта предложена была не даромъ.

Мехмедъ-Али.

Мехмедъ-Али Египетскій, приблизительно, одновременно съ Али-пашей Янинскимъ, сдѣлалъ карьеру чисто-турецкую. Въ числѣ войскъ, которыми Порта хотѣла побороть въ 1798 году похожденія Бонапарта въ Египтѣ, былъ и онъ, сынъ ничтожнаго чиновника, и въ этой государственной службѣ, гдѣ не нужно было ни знатнаго происхожденія, ни экзамена, онъ составилъ свое счастье, достигъ высшихъ должностей. Въ своемъ пашалыкѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ его честолюбію, онъ дѣйствовалъ довольно самостоятельно, устроивъ управленіе и армію на европейскій ладъ при помощи французскихъ авантюристовъ. Теперь онъ доставилъ помощь, необходимую падишаху, захватилъ островъ Критъ, и въ то время, какъ Греки непроизводительно тратили силы на ссоры, пріемный сынъ его Ибрагимъ, возведенный султаномъ въ паши Морей, изъ Крита высадился

съ значительными силами при Модонѣ на юго-западѣ Пелопоннеса, укрѣпился въ несчастной странѣ и опустошилъ ее съ варварской послѣдовательностью. Въ то же время на морѣ, гдѣ вообще Греки имѣли перевѣсъ, господствовала полная анархія, перешедшая въ морское разбойничество, гибельное всякой торговлѣ. Успѣхи Ибрагима были тѣмъ обиднѣе для Турокъ, что они, съ своей стороны, не могли похвалиться успѣхами въ Средней Греціи. Возобновленная, съ мая 1825 года, осада города Миссолонги, была безуспѣшна въ теченіе цѣлаго лѣта. Даже Ибрагимъ-паша, сломившій тѣмъ временемъ всякое сопротивленіе въ Пелопоннесѣ и присоединившій свою военную силу къ войскамъ Редшида-паши, не такъ скоро добился здѣсь побѣды. Въ это самое время смерть Александра I—онъ скончался 19 ноября 1825 года, въ Таганрогѣ—дала событіямъ иное направленіе и измѣнила положеніе Западной Европы.



Мехмедъ-Али паша, вице-король Египетскій.
По портрету Кудэ, въ національной галлереѣ въ Версалѣ.
Гравировано Бланшаромъ.

Эпоха конгрессовъ и наибольшаго вліянія Меттерниха на дѣла европейскія въ значительной степени неблагопріятно отразилась на государственной дѣятельности императора Александра, во второй половинѣ его царствованія. Та великая и первенствующая роль, которая выпала на его долю въ борьбѣ съ Наполеономъ за освобожденіе Европы—отвлекла его отъ вопросовъ внутренней русской жизни и политики къ рѣшенію различныхъ международныхъ задачъ, которыя для Россіи никакого значенія не имѣли, а между тѣмъ вынуждали императора почти ежегодно уѣзжать изъ Россіи для присутствованія на европейскихъ конгрессахъ. Постоянно увлекаясь цѣлями высокими и благородными, хотя и нѣсколько отвлеченными, императоръ Александръ задумалъ и Польшѣ возвратить значеніе самостоятельнаго государства и добился на Вѣнскомъ конгрессѣ

Россія. Александръ I †. 1825 г.

того, что герцогство Варшавское рѣшено было присоединить къ Россіи и императору Россійскому предоставлено право дать этому герцогству такое политическое устройство, какое онъ найдетъ наилучшимъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія конгресса, императоръ Александръ возстановилъ, въ прямой ущербъ Россіи, самостоятельную Польшу, подъ наименованіемъ «*Царства Польскаго*». Хотя Царство Польское и было связано съ Россіей тѣмъ, что императоръ Россійскій былъ, въ то же время, королемъ Польскимъ, однакоже Полыпѣ было предоставлено право управляться отдѣльными законами, на основаніи особой конституціи, дарованной императоромъ Александромъ I Царству Польскому (12 декабря 1815 г.).

Глубоко сочувствуя основнымъ цѣлямъ «Священнаго Союза», императоръ Александръ въ такой степени добросовѣстно и безкорыстно выполнялъ всѣ условія союзнаго договора, что даже къ возстанію Грековъ противъ турецкаго владычества (въ 1821 г.) относился съ нѣкоторымъ нерасположеніемъ. Однакоже онъ не могъ взирать спокойно на тѣ страшныя жестокости, которыми Турки надѣялись подавить и ослабить разгоравшееся возстаніе Грековъ. Въ началѣ 1825 г. императоръ Александръ I приказалъ русскому послу выѣхать изъ Константинополя, и русскія войска уже начинали стягиваться къ турецкимъ границамъ, когда императоръ внезапно заболѣлъ и скончался на югѣ Россіи.

Рѣзкое различіе, которое всѣми чувствовалось и которое дѣйствительно существовало между первою, весьма либеральною, и второю половиною царствованія Александра, не могло не вызвать нѣкотораго недовольства въ современномъ русскомъ обществѣ. Всѣ вспоминали съ удовольствіемъ первые годы царствованія Александра, когда онъ обращалъ все свое вниманіе на внутреннее управленіе государствомъ, уничтожалъ стѣснительныя мѣры противъ печати, введенныя въ царствованіе Павла I, и облегчалъ сношенія съ Западною Европою; когда главною заботою императора было разумное и цѣлесообразное переустройство высшихъ государственныхъ учрежденій *), распространеніе просвѣщенія **) въ народѣ и улучшеніе быта крестьянъ, которымъ Александръ I намѣревался даже дать полную свободу отъ крѣпостной зависимости... И затѣмъ, послѣ долгаго и тягостнаго періода войнъ, стоившихъ Россіи такъ дорого, въ то время, когда всѣ ожидали усиленной внутренней работы и важныхъ преобразованій, всѣ увидѣли, что императоръ Александръ всецѣло предался рѣшенію задачъ внѣшней, европейской политики, а управленіе Россіей предоставилъ недостойнѣйшему изъ своихъ любимцевъ, графу Аракчееву, который правилъ дѣлами въ духѣ строжайшаго абсолютизма и консервативныхъ идей Священнаго Союза, всюду внося военную дисциплину и

*) Къ этому періоду относится учрежденіе *Государственнаго Совѣта, Министерствъ* и *Комитета Министровъ*—способствовавшаго объединенію дѣятельности отдѣльныхъ министерствъ. Все это между 1801 и 1803 гг.

**) До императора Александра I въ Россіи былъ только одинъ университетъ—*московскій*, основанный при Елисаветѣ, въ 1755 г.; въ царствованіе Александра I основаны три университета: *казанскій*, *харьковскій* и *петербургскій*; сверхъ того учреждены *педагогическіе* институты въ Петербургѣ и Москвѣ—для подготовки учителей, и *царскосельскій лицей*—для спеціальнаго подготовленія молодыхъ людей къ государственной службѣ.

подчиненіе его произволу. Крестьянскій вопросъ былъ заброшенъ, цензура вернулась къ прежнимъ стѣсненіямъ, недавно-учрежденные университеты подверглись незаслуженнымъ гоненіямъ отъ лицемѣрнаго піетиста Магницкаго... Все это, мало-по-малу, вызывало недовольство, которое выразилось въ томъ, что часть русской молодежи — въ особенности та, которая провела нѣсколько лѣтъ сряду за-границей (во время войнъ съ Наполеономъ) — вступила въ составъ тайныхъ обществъ, образовавшихся на югѣ и на сѣверѣ Россіи, съ цѣлью произвести въ Россіи государственный переворотъ. Ни опредѣленной цѣли, ни строго обдуманнаго плана въ этихъ тайныхъ обществахъ не было; но это не помѣшало заговорщикамъ воспользоваться тѣмъ замѣшательствомъ, которое было вызвано нѣкоторыми случайными обстоятельствами послѣ кончины императора Александра I, при вступленіи на престолъ его брата, Николая I. Обстоятельства, вызвавшія замѣшательство, были слѣдующія. Такъ какъ императоръ Александръ I умеръ бездѣтнымъ, то, по закону о престолонаслѣдіи, установленному Павломъ I, Александру долженъ былъ наслѣдовать его братъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Но цесаревичъ развелся со своей первой женой и вступилъ въ бракъ съ особою не изъ царскаго дома — еще при жизни Александра I. По поводу этого брака, тогда же, законъ о престолонаслѣдіи былъ дополненъ указаніемъ на то, что «членъ Императорской фамиліи, *вступившій въ бракъ съ особою не изъ царскаго дома, не можетъ передать супругѣ и дѣтямъ отъ нея рожденнымъ свои права на престолъ*». Имѣя это въ виду, цесаревичъ Константинъ, еще при жизни Александра, добровольно отрекся отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу своего роднаго брата, великаго князя Николая Павловича. По этому поводу, 16 августа 1823 г., былъ составленъ и особый манифестъ, но, по желанію императора Александра I, этотъ манифестъ не былъ обнародованъ при жизни его, а былъ положенъ на храненіе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. О существованіи этого манифеста знали лишь митрополитъ московскій Филаретъ и немногіе сановники; зналъ и самъ великій князь Николай, но все-же не считалъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ.

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, когда, въ концѣ ноября 1825 г., получено было въ столицахъ извѣстіе о кончинѣ императора Александра I, произошло весьма понятное недоразумѣніе. Каждый изъ великихъ князей стремился выполнить свой долгъ, и потому цесаревичъ Константинъ, находившійся въ Варшавѣ, поспѣшилъ присягнуть императору Николаю I, а великій князь Николай, бывшій въ Петербургѣ и незнавшій окончательнаго рѣшенія брата, присягнулъ императору Константину, и по всей Россіи разослалъ манифесты о его вступленіи на престолъ. Пока дѣло выяснилось, прошло нѣсколько дней: только уже 12 декабря 1825 г., цесаревичъ Константинъ, письменно, извѣстилъ своего брата о своемъ полномъ отреченіи отъ престола. Тогда на 14 декабря назначено было обнародованіе манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I и приведеніе всѣхъ къ присягѣ ему. Такимъ образомъ, вслѣдствіе случайно происшедшаго недоразумѣнія, приходилось, въ теченіе нѣсколькихъ дней, присягать сначала одному, а потомъ другому императору. Этимъ-то об-

стоятельствомъ воспользовались злонамѣренные люди, принадлежавшіе къ вышепомянутымъ тайнымъ обществамъ, и возмутили различными ложными слухами нѣкоторые гвардейскіе полки, съ которыми и вышли на площадь, не допустивъ ихъ до присяги императору Николаю и надѣясь произвести серьезный бунтъ. Но попытка не удалась. Населеніе столицы и не подумало пристать къ бунтовщикамъ, а большинство гвардіи выступило на ту же площадь противъ мятежниковъ, и когда никакіе уговоры не помогли, два залпа картечью разсѣяли безпорядочную толпу мятежниковъ и порядокъ былъ возстановленъ.



Николай I, императоръ Всероссійскій, въ молодости.
Писано Фр. Крюгеромъ, литографировано Фр. Іенценомъ.

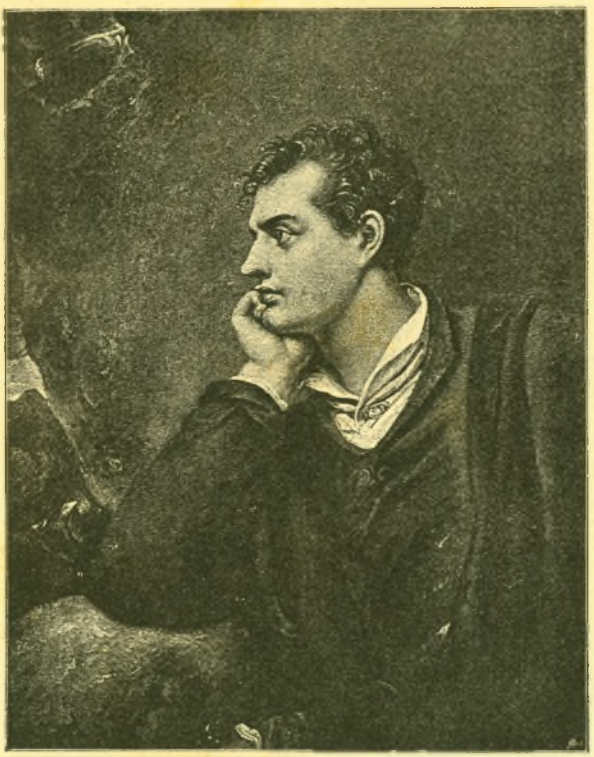
Греческій вопросъ.

Новый государь былъ человѣкъ воспитанный по военному, твердаго характера и весьма опредѣленныхъ взглядовъ: но потому-то онъ и понималъ яснѣе предшественника своего, прежде всего, русскіе интересы и, въ началѣ царствованія, не поддавался идеямъ Меттерниха. На Западѣ между тѣмъ все усиливался живой интересъ и симпатіи къ Грекамъ. Чувства эти оживлялись отъ времени до времени событіями. Въ апрѣлѣ 1824 года умеръ въ Миссолонгѣ знатнѣйшій изъ добровольцевъ, англійскій поэтъ лордъ Байронъ, а годъ спустя пала наконецъ эта крѣпость послѣ геройской защиты, послѣднія сцены которой способны были возбудить общее сочувствіе: такъ, напримѣръ, ночная вылазка 22—23 апрѣля, при чемъ 1,300 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, прорвались черезъ непріятельскую цѣпь и ушли въ горы; послѣдняя ожесточенная борьба на улицахъ города; нѣсколько отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ и, между прочимъ, подвигъ примата Капсалиса: онъ собралъ на патронную фабрику всѣхъ стариковъ, больныхъ, неспособныхъ къ бою и вмѣстѣ съ ними и съ ворвавшимся непріятелемъ взорвалъ себя на воздухъ.

Россія и Англія. 1826.

Въ высшихъ сферахъ все тянулись изъ года въ годъ переговоры, не приводя ни къ чему: надо было какъ-нибудь рѣшить серьезные вопросы. Опасность была въ томъ, что, пока они не рѣшены, Россія могла еже-

минутно найти предлогъ къ разрыву съ Турціей, а тогда ей легко было привести въ исполненіе свои планы, хорошо извѣстные Европѣ. Легче всего было разрѣшить вопросъ соединенными дѣйствіями Англіи и Австріи, у которыхъ относительно Россіи были общіе интересы. Но австрійское правительство не понимало этого. Здѣсь вообще находили ненужнымъ дѣйствительно рѣшать какой-нибудь вопросъ, такъ что Каннингъ, управлявшій иностранной политикой Англіи, смѣло и въ то же время умно обратился прямо къ новому царю, къ которому онъ отправилъ Веллингтона, прекрасно избраннаго представителя, съ поздравленіями Англійскаго короля по случаю восшествія на престолъ.



Лордъ Байронъ.

Писано Р. Весталемъ, гравировано Ч. Тернеромъ.

Политика Турціи.

Обѣ державы вступили въ соглашеніе: Греція должна была оставаться данницей Турціи, но съ самостоятельнымъ управленіемъ по собственному выбору и съ одобренія турецкаго правительства.

Надо было представить это въ благопріятномъ видѣ султану и его министрамъ. Дѣло было запутанное, такъ какъ у Россіи были свои счеты и спорные вопросы съ Турціей; они касались отношеній торговой и морской полиціи, постановленій Бухарестскаго мира 1812 года и Молдавіи и Валахіи, гдѣ Русскіе имѣли право протектората. Турецкіе политики, хорошо сознавая, что подулъ неблагопріятный для нихъ вѣтеръ, предупредительно уладили всѣ эти недоразумѣнія Аккерманскимъ договоромъ (октябрь 1826 г.). Зато въ дѣлѣ Греціи не хотѣли слышать о соглашеніи. Со своей точки зрѣнія они были правы: они боялись послѣдствій своей уступчивости относительно возстанія христіанскаго населенія, хотя и не официально, но поддержаннаго Европой. Такъ дойдутъ, говорили они, до вопроса, откровенно высказаннаго уже въ нотѣ Русскаго Двора

въ 1821 году: возможно-ли вообще существованіе Турціи на ряду съ другими европейскими державами?

Султанъ Махмудъ. Уничтоженіе янычаръ.

Въ этомъ году Турція по-своему совершила реформу или даже революцію. Султанъ Махмудъ, человѣкъ энергическій, взялся за преобразованія въ арміи, стоившія жизни его предшественнику Селиму, и привелъ ихъ въ исполненіе. Къ пѣхотѣ, организованной и обученной по европейскому образцу, причислялось по 150 человѣкъ янычаръ на каждый батальонъ. Янычары же составляли особое сословіе или цехъ, со многими привилегіями и еще большими злоупотребленіями, и они-то взбунтовались: тогда султанъ развернулъ знамя пророка и кровавымъ образомъ подавилъ возстаніе. Казнили безпощадно, и высокомѣрное преторіанское войско было уничтожено: самое названіе ихъ не смѣли болѣе произнести громко.

Лондонскій договоръ. Наваринская битва 1827.

Благодѣтельная реформа эта, конечно, вначалѣ послужила не къ усиленію Порты, и европейское вмѣшательство въ дѣла Греціи стало неизбѣжно. На основаніи петербургскаго соглашенія состоялся въ Лондонѣ договоръ, 6 іюля 1826 г., между Англіей, Россіей и Франціей, на основаніи котораго три великія державы брались совмѣстно ходатайствовать о мирѣ между Портой и Греками, а во время переговоровъ принудить, ежели нужно, обѣ стороны къ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе слѣдующаго года это привело къ катастрофѣ. Диванъ слышать не хотѣлъ объ европейскомъ вмѣшательствѣ. Съ своей стороны, руководящій политикъ въ Вѣнѣ предлагалъ посредничество, безплодное какъ вся его политика. Тѣмъ временемъ составилась русско-французско-англійская эскадра для приданія бо́льшаго вѣса лондонскому соглашенію. Положеніе Грековъ улучшилось отъ притока обильныхъ денежныхъ средствъ съ Запада и прибытія баварскихъ офицеровъ, которыхъ прислалъ имъ король Людвигъ I Баварскій, горячій филэллинистъ. Англійскій морякъ, лордъ Кохрэнъ, принялъ начальство надъ морскими силами Грековъ, генералъ Чёрчъ надъ сухопутными; покончили съ внутренними неурядицами тѣмъ, что собралось единое народное собраніе въ Трезенѣ (апрѣль 1827 г.), и на основаніи новой конституціи избрали президентомъ или кибернетомъ



Графъ Іоаннъ Каподистрія.
По современному портрету.

новой общины корфіота, графа *Іоанна Каподистрія*, бывшаго министра императора Александра. Греки, конечно, охотно приняли пріостановку военныхъ дѣйствій, клонившуюся въ ихъ пользу; со стороны-же турецкихъ



Битва Наваринская, 20-го октября 1827 г.

Картина Ш. Ланглуа, въ національной галлереѣ въ Версалѣ, гравирована Шаванномъ.

военачальниковъ надо было ожидать сопротивленія, и, какъ поступить въ такомъ случаѣ, инструкціи, данныя тремъ адмираламъ, точно не опредѣляли, предоставляя имъ, или старшему изъ нихъ, англичанину Кодрингтону, «въ виду исключительнаго положенія дѣлъ извѣстную свободу дѣйствій». Въ сентябрѣ, турецко-египетскій флотъ высадилъ войска и

сгрузилъ припасы въ Наваринской гавани, на юго-западѣ Пелопоннеса. Ибрагимъ-паша намѣревался отправить транспортъ съѣстныхъ припасовъ въ Патрасъ и Миссолонгу, но англійскій адмиралъ задержалъ его. Завязались переговоры. Ибрагимъ объявилъ, что онъ солдатъ и слуга Порты и не имѣетъ права принимать политическія сообщенія. Транспортъ вторично отправленъ, и вторично задержанъ. Тогда Ибрагимъ сталъ опустошать Пелопоннесъ, воевать, какъ воюютъ варвары, и какъ въ девятнадцатомъ столѣтіи воевать не принято. Соединенная эскадра вошла въ Наваринскую бухту. Войны не было объявлено, но два сильныхъ враждебныхъ военныхъ флота стояли въ тѣсной бухтѣ, близко, другъ противъ друга, при обоюдной враждебности экипажей. Какъ бы сами собой разрядились жерла орудій и съ обѣда, весь вечеръ (20-го октября 1827 года), всю ночь шло ожесточенное сраженіе, въ исходѣ котораго осталось въ турецкомъ флотѣ изъ 82 кораблей всего 27.

Впечатлѣніе. Русско-Турецкая война.

Весь западно-европейскій міръ ликовалъ, вмѣстѣ съ Греками, при извѣстіи о случившемся: — наконецъ, дѣло было поведено настоящимъ образомъ, какъ давно бы слѣдовало! Въ Вѣнѣ были какъ громомъ поражены: о дѣлѣ этомъ говорили, какъ о коварномъ убійствѣ. Англійская тронная рѣчь въ январѣ 1828 года упоминала о морскомъ сраженіи при Наваринѣ, какъ о событіи неудачномъ, несвоевременномъ, досадномъ— нельзя иначе перевести выраженіе untoward event — и они были правы: то именно, чего старались избѣгнуть, явилось теперь необходимостью. Положеніе дѣлъ запуталось и осложнилось еще Русско-Турецкой войной.

Походъ 1828 г. до 1829 г.

Оттоманская Порта въ гнѣвѣ—часть вины падала на ея собственное высокомѣріе и упорство — объявила о желаніи вступить съ европейскими державами въ договоры, въ оскорбительныхъ для Россіи выраженіяхъ, называя ее исконнымъ врагомъ своимъ; на это Россія отвѣтила объявленіемъ войны (28-го апрѣля). Передъ тѣмъ только что окончилась война Россіи съ Персіей мирнымъ договоромъ въ Туркманчаѣ, 10-го февраля 1828 г. Турецкая война эта длилась два года. Въ первый походъ 1828 г. Русскіе заняли крѣпость Карсъ, въ Арменіи, въ Азіи. Но рѣшающимъ оказалось вліяніе военныхъ дѣйствій на европейскомъ театрѣ; здѣсь Русскіе должны были отступить на лѣвый берегъ Дуная, занявши только Варну и тщетно осаждая Шумлу. Австрійскимъ государственнымъ людямъ было не по себѣ; они боялись русскихъ побѣдъ и выгодъ, могущихъ произойти отъ этого для Россіи; въ Англіи и во Франціи они не находили достаточно сочувствія, а на вооруженное вмѣшательство не рѣшались. Второй походъ 1829 года былъ рѣшающимъ. Императоръ Николай самъ держался вдали отъ военныхъ дѣйствій, и поступалъ благоразумно, такъ какъ военнымъ талантомъ не обладалъ. Главное командованіе онъ предоставилъ генералу Дибичу. Генералъ этотъ совершилъ блестящій походъ: оставивши наблюдательный корпусъ при крѣпости Силистріи, онъ двинулся на югъ къ Шумлѣ и разбилъ Турокъ въ битвѣ при Кулевчѣ (11-го іюня). Послѣ паденія Силистріи, онъ распустилъ слухъ, что со всѣми силами приступитъ къ осадѣ Шумлы, а между тѣмъ перешелъ черезъ Балканы и неожиданно явился передъ Адріанополемъ, который могъ бы смѣло устоять противъ 30,000 русскаго войска. Но озадаченные Турки, не имѣя

свѣдѣній объ общемъ ходѣ дѣлъ, бѣжали по дорогѣ въ Константинополь и предоставили большой городъ смѣлому побѣдителю (28-го августа), который еще разъ рѣшился попытать смѣлостью побѣдить турецкую неспособность. Съ малочисленнымъ войскомъ, не болѣе 20,000, пошелъ онъ на Константинополь. Идти на приступъ хорошо-укрѣпленнаго города, лежащаго въ безпримѣрно-хорошемъ положеніи—было безуміемъ при такихъ незначительныхъ силахъ, и при самомъ ограниченномъ военномъ искусствѣ нѣсколькихъ дней было бы достаточно, чтобы принудить генерала къ опасному, при малочисленности его отряда, отступленію. Но въ Константинополѣ не понимали этого; тамъ считали себя въ самомъ опасномъ положеніи. Дибичъ поддерживалъ ихъ въ этомъ убѣжденіи своими приготовленіями къ приступу и величайшей самоувѣренностью, которую онъ выказывалъ. Въ Азіи Туркамъ тоже не везло, и они желали прекратить войну. Европейскіе кабинеты совѣтовали Портѣ войти въ соглашеніе съ Россіей, а прусскій генералъ Мюфлингъ оказалъ большую услугу, представляя въ Константинополѣ военное положеніе турокъ съ русской точки зрѣнія.

Адріанопольскій миръ. 1829 г.

Такъ состоялся 14 сентября 1829 года Адріанопольскій миръ, возвратившій Туркамъ всѣ ихъ владѣнія въ Европѣ. Въ Азіи Русскіе получили Поти, Анапу на восточномъ берегу Чернаго моря и нѣсколько крѣпостей внутри страны. Относительно дунайскихъ княжествъ возобновлены были постановленія Аккерманскаго договора, предоставлявшія ихъ русскому вліянію: господарей избирали пожизненно, и они почти совсѣмъ освобождались отъ верховной власти Порты. Въ этомъ мирномъ договорѣ положено было начало разрѣшенію греческаго вопроса. Еще во время Русско-Турецкой войны, побѣдитель при Наваринѣ, Кодрингтонъ, появился передъ Александріей и принудилъ пашу Магомета-Али отправить сыну своему приказъ объ очищеніи Греціи. Лѣтомъ 1828 г. 14,000 Французовъ, подъ начальствомъ генерала Мезона, высадились въ Пелопоннесѣ, и Турки передали имъ крѣпости, которыя еще занимали. Въ параграфѣ 10 Адріанопольскаго мирнаго договора Порта признала основы договора 6 іюля 1826 г.—независимость Греціи во внутреннихъ дѣлахъ, съ уплатою ежегодной дани Портѣ.

Греція независима. 1830 г.

Такимъ образомъ греческій вопросъ вступилъ въ послѣдній фазисъ своей. Во главѣ правительства, ежели здѣсь можно употребить это выраженіе, стоялъ пока избранникъ-кибернетъ, графъ Каподистрія, прибывшій въ Навплію въ январѣ 1828 года. Задача его была крайне трудная въ странѣ раззоренной, съ неизвѣстной будущностью, соперничествомъ партій, страстями и интригами. Судьба страны должна была окончательно рѣшиться на конференціи великихъ державъ въ Лондонѣ. Въ заключительномъ англо-франко-русскомъ постановленіи, отъ 3 февраля 1830 года, Грецію освободили отъ всякой дани Турціи, сдѣлали слѣдовательно вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, но въ видахъ вознагражденія Порты съузили границы сравнительно съ первоначальными предположеніями. Искали короля для новаго королевства: принцъ Леопольдъ Кобургскій, зять Георга IV Англійскаго, послѣ долгихъ размышленій, отказался, между прочимъ потому, что границы не соотвѣтствовали, по его мнѣнію, потребностямъ страны.

Такимъ образомъ, Каподистрія оставался временно во главѣ правленія много испытавшей страны, но наконецъ освобожденной отъ невыносимаго и неестественнаго ига. Дальнѣйшее устройство ея, конечно, должно было стоять въ тѣснѣйшей связи и зависимости отъ воли и взаимнаго согласія великихъ европейскихъ державъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іюльская революція.

Священный союзъ.

Въ греческомъ вопросѣ принципы конгресса оказались непримѣнимы. Османское иго было совершенно законное иго, и греческое возстаніе было такою же революціей, какъ и всякая другая. Между тѣмъ революція эта достигла своей цѣли, именно благодаря помощи императора Николая, самодержца и строгаго легитимиста. Это не единственный случай, гдѣ ясно выказалось, что фраза о «поддержкѣ существующаго» не можетъ служить основаніемъ серьезной политики и можетъ служить догматомъ только для весьма ограниченныхъ умовъ, въ это время особыми обстоятельствами выдвинутыхъ въ господствующую роль и положеніе, къ которымъ они были такъ же мало подготовлены, какъ Францъ I къ сану императора Австрійскаго. То, что Меттернихъ, его подражатели и послѣдователи называли *революціей*, чтобы не доискиваться до настоящихъ причинъ и средствъ исцѣленія, черезъ пять лѣтъ послѣ побѣды абсолютизма въ Испаніи, одержало одну побѣду за другой и, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ основанія Священнаго союза, крупной побѣдой во Франціи потрясло до основанія порядокъ установленный съ такимъ трудомъ и раченіемъ.

I. Испанія и Португалія съ 1824 г.

Испанія съ 1824 г.

Безсмысленную систему, установившуюся въ Испаніи послѣ вторженія, вскорѣ пришлось нѣсколько измѣнить. Самъ король измѣнилъ направленіе не потому, что его мстительность и жестокость были удовлетворены или онъ понялъ, что излишнее преслѣдованіе конституціоналистовъ можетъ вредно отразиться на самихъ побѣдителяхъ, а просто потому, что не довѣрялъ никому; безъ чести и совѣсти самъ, онъ и въ другихъ всегда предполагалъ коварные замыслы. Къ этому онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе: Фердинандъ былъ бездѣтенъ, и апостолическая юнта, побочное правительство съ надежными связями по всей странѣ, болѣе разсчитывало на его наслѣдника, инфанта *донъ-Карлоса*, брата короля, чѣмъ на него самого. Нѣкоторое время положеніе было неопредѣленное, страною управляло министерство, то реакціонерное, то умѣренное—съ іюля 1824 до октября 1825 г. Зеа Бермудезъ. Нечего говорить, что абсолютистская партія позволяла себѣ не только заговоры, но и открытое возстаніе. Таковы всѣ радикальныя партіи. Власть была въ ея рукахъ и будущность

казалась обезпеченной. Тутъ случилось событіе, не входившее въ ея расчеты. Король, овдовѣвъ въ третій разъ, женился въ четвертый разъ на Неаполитанской принцессѣ Маріи-Христинѣ, что было очень непріятно апостоликамъ. Это дало возможность либераламъ выказаться передъ новой королевой; она вскорѣ пріобрѣла вліяніе на немолодого уже короля и замѣчала несочувственное отношеніе къ себѣ апостоликовъ. Имѣя въ виду обстоятельство, что она дастъ наслѣдника престолу, на случай рожденія дочери, король издалъ такъ-называемую прагматическую санкцію 29 марта 1830 года; закономъ этимъ возстановлялось старо-кастильское престолонаслѣдіе, до Филиппа V, распространявшееся и на французскую династію, утвержденное собраніемъ кортесовъ въ 1789 году, не признававшее салійскаго закона и допускавшее женщинъ къ управленію. Дѣйствительно, у короля родилась 10 октября дочь Изабелла; либералы ухватились за это, какъ за возможность поднять легитимистски-династическое знамя, около котораго они могли-бы собираться.

Португалія съ 1824 г.

Нѣсколько иной оборотъ приняли дѣла въ Португаліи. Въ мартѣ 1826 года скончался домъ-Іоаннъ; его наслѣдникъ домъ-Педро отказался отъ престола и 23 апрѣля 1826 года даровалъ имъ великодушную конституцію, и португальская корона перешла къ его семилѣтней дочери Маріи де-Глоріа, которую онъ тутъ же обручилъ съ ея дядей, домъ-Мигуелемъ, а самъ остался императоромъ Бразиліи. Сестра короля, Изабелла, сдѣлана регентшей до времени, когда свадьба можетъ состояться. Вскорѣ она была принуждена обратиться за помощью къ Англіи, по случаю возмущенія апостолической партіи. Черезъ три дня по полученіи депеши португальскаго правительства въ Лондонѣ, войска были отправлены. 1 января 1827 года высадились они у Лиссабона и оказали услугу уже однимъ своимъ появленіемъ. Между правительственными войсками и возставшими, подъ начальствомъ маркиза де-Шава, при Мондего, дошло 9 января до столкновенія, впрочемъ нерѣшительнаго и вечеромъ прерваннаго. Когда же ночью въ лагерѣ возмутившихся распространился слухъ о приближеніи англійскихъ войскъ, они отказались отъ дальнѣйшей борьбы и разсѣялись. Важнѣе событій была рѣчь, которою Джоржъ Каннингъ оправдывалъ, въ англійской палатѣ общинъ, 12 декабря 1826 г., эту помощь Португаліи: «съ давнихъ поръ дружественному правительству», а въ связи съ этимъ всю свою иностранную политику. «Англія далека отъ того, сказалъ министръ, чтобы поддерживать силою конституцію, принятую Португаліей, но она не потерпитъ также, чтобы ее уничтожали другіе, чужеземцы или Португальцы, которымъ Испанія доставляетъ оружіе». Онъ указалъ на повсемѣстную борьбу принциповъ или мнѣній—либерализмъ и абсолютизмъ, успѣхъ и застой, какъ ни обозначай хорошо извѣстныя противуположности: «Англія», сказалъ онъ, «нейтральна, — нейтральна даже въ спорѣ объ основахъ и политическихъ принципахъ». Онъ счастливъ возможностью сказать, что тѣ противоположности, изъ-за примиренія и разрѣшенія которыхъ всюду идетъ борьба: княжеская власть и народное право, въ Англіи давно установились дружелюбно. Онъ напиралъ на то, что ежели въ большой войнѣ нападутъ на Англію, немедленно, даже помимо ея желанія, къ ней примкнутъ всѣ

недовольные существующимъ порядкомъ во всѣхъ странахъ. Рѣдко удается примѣнить слова поэта такъ кстати, какъ Каннингъ примѣнилъ стихи римскаго поэта Виргилія, гдѣ описывается хранитель бурь Эолъ и пещера вѣтровъ; онъ сравнивалъ свой островъ съ этою пещерою. По его мнѣнію, во власти Англіи было, въ крайнемъ случаѣ, возбудить революціонныя силы на материкѣ въ любое время и съ желаемой силой. Конечно, это было нѣсколько преувеличено, но полезно было напомнить міру Меттерниховъ, домъ-Мигуеля и Фердинанда. Примѣръ тому былъ недавно, когда въ реакціонерныхъ кругахъ зашла рѣчь о томъ, чтобы на предстоящемъ конгрессѣ обсудить возстановленіе легитимнаго правительства въ отпавшихъ испанскихъ колоніяхъ: неосновательному предположенію этому положенъ былъ конецъ тѣмъ, что англійское правительство формально признало 1 января 1825 г. самостоятельность штатовъ Мексики, Колумбію и Буэносъ-Айресъ, бывшія испанскія владѣнія.

Каннингъ умеръ въ этотъ самый годъ (1827) и дѣла португальскія остались нерѣшенными. Домъ-Мигуель присягнулъ въ исполненіи carta de leu и принялъ обрученіе съ Маріей. Домъ-Педро назначилъ его намѣстникомъ имперіи, но онъ появился въ Лиссабонѣ въ 1828 году и воспользовался своимъ пребываніемъ для того, чтобы завладѣть короной. Онъ уничтожилъ конституцію, которой присягалъ, поддержанный чернью и духовенствомъ, созвалъ государственныя сословія въ старинномъ порядкѣ и управлялъ Португаліей такъ же, какъ дядя его Испаніей. На одномъ изъ Азорскихъ острововъ, Терцейрѣ, намѣстникъ держался еще правъ Маріи де-Глоріа и царственнаго отца ея: тамъ собрались всѣ приверженцы конституціи, которымъ удалось уйти отъ тиранніи донъ-Мигуеля. Тѣмъ временемъ во Франціи совершилась большая перемѣна и наставали лучшія времена.

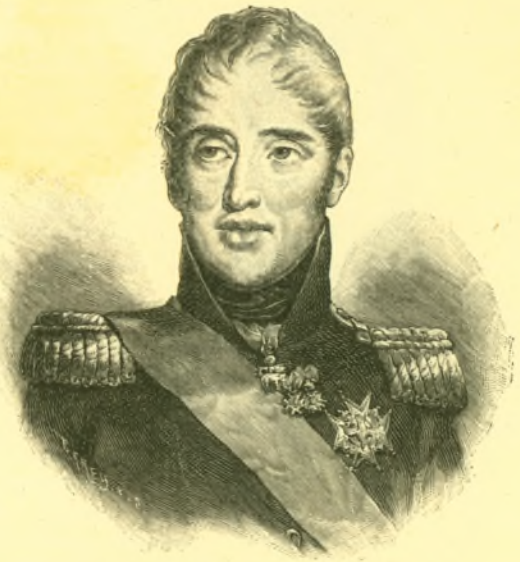
2. Франція при Карлѣ X.

Франція послѣ 1824 г.

Мы видѣли, что успѣхъ испанскаго предпріятія, удавшійся Бурбону лучше, чѣмъ нѣкогда Наполеону, при чемъ войска остались безусловно вѣрны, увеличилъ силу господствующей партіи и главы ея Виллеля. Выборы 1824 года оказались вполнѣ благопріятны и Виллель воспользовался этимъ положеніемъ, чтобы провести новый законъ о выборахъ и вознагражденіи эмигрантовъ. Необходимые для вознагражденій ихъ милліарды надѣялись, при тогдашнемъ состояніи денежнаго рынка, легко получить отъ конверсіи ренты; но ловко-придуманный законъ этотъ не прошелъ въ палатѣ пэровъ. Напротивъ, прошелъ законъ о выборахъ, по которому, вмѣсто ежегодно выбывающей и замѣняемой новыми выборными одной четверти состава палаты, предлагались общіе выборы каждыя семь лѣтъ. Партія становилась все смѣлѣе: черезъ двѣ недѣли послѣ закрытія сессіи, введена была королевскимъ приказомъ цензура; особенно дѣятельно было духовенство. Въ книжныхъ лавкахъ молитвенники и житія святыхъ вытѣснили свѣтскую литературу и по всему видно было, что настало время торжества клерикализма. 16 сентября 1824 г. совершилось давно ожидаемое событіе—смерть Людовика XVIII и восшествіе на престолъ исконнаго главы партіи ультра, графа д'Артуа, подъ именемъ Карла X.

Людовикъ XVIII и начало правленія Карла X.

Людовикъ XVIII отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ обязанностяхъ и въ трудностяхъ своего положенія. Не безъ основанія сравнивалъ онъ, за нѣсколько дней до смерти, свое положеніе съ положеніемъ Генриха IV, славнаго предка своего. Извѣстное безпристрастіе въ дѣлахъ религіозныхъ было у нихъ несомнѣнно общее. Карлъ X, вступившій на престолъ 67 лѣтъ, былъ, въ этомъ отношеніи, не похожъ на своего предшественника. Пороки юности онъ оставилъ и, какъ это часто случается, сдѣлался набоженъ: набоженъ въ смыслѣ церковной богомольности, безъ ханжества, но и безъ искренности. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ не просвѣтился, а омрачился. Какъ великъ былъ мракъ? У него сохранилось извѣстное добродушіе, обворожительная вѣжливость и много другихъ преимуществъ до-революціоннаго общества. Въ сущности-же онъ былъ тотъ же, что и за двадцать пять лѣтъ. Годы изгнанія, пережитое ужасное время, ничему не научили его. Онъ не имѣлъ никакого понятія о переворотѣ, произведенномъ революціей въ отношеніяхъ собственниковъ и въ значеніи среднихъ классовъ, третьяго сословія, какъ говорили до 1789 г., буржуазіи (bourgeoisie) по современному выраженію. Идеаломъ его было возможно-полное возстановленіе старо-французской монархіи, хотя онъ и мирился, до поры до времени, съ хартіей 1814 г.,—наслѣдствомъ брата. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно: палатѣ, собравшейся въ декабрѣ 1824 г., объявили неотложность измѣненій въ законахъ, касающихся религіи, и нѣкоторыхъ законовъ, направленныхъ къ исцѣленію ранъ, нанесенныхъ революціей. Вознагражденіе эмигрантовъ и конверсія ренты прошли въ обѣихъ палатахъ, что было благодѣтельно, такъ какъ этимъ оканчивалась неизвѣстность относительно громадной части народнаго имущества,—бывшихъ имѣній эмигрантовъ. Предложенія, касавшіяся религіи, возбудили оживленныя пренія. Палатѣ пэровъ предложенъ былъ законъ *противъ святотатства*, который сдѣлалъ бы честь Филиппу II, и одного закона этого было бы достаточно для оправданія всѣхъ послѣдующихъ событій въ нашемъ столѣтіи, клонившихся къ уничтоженію клерикальнаго вліянія на законодательство и правительство. Назначалась



Король Карлъ X, Французскій.
Писано Шарлемъ Дюшэномъ въ 1824 г.

смертная казнь за оскверненіе священныхъ сосудовъ, та же смертная казнь какъ отцеубійцѣ—отсѣченіе правой руки, закутываніе чернымъ покрываломъ,—смертная казнь за оскверненіе опрѣсноковъ, смертная казнь за взломъ или нападеніе на католическую церковь. Въ то же время взломъ во «храмѣ» другой религіозной общины наказывался каторжными работами.



М. Ройэ-Колляръ.

Заимствовано изъ «Galerie des contemporains illustres», сост. Альфонсомъ Торлэ въ 1844 г.

Какъ самый законъ, такъ же ужасна была защита его фанатиками, окончательно опозорившими себя, свою страну и свою вѣру—ежели они вѣрили. Министръ юстиціи Пейронэ съ наивностью приводилъ въ примѣръ древнихъ Египтянъ, какъ они защищали божества свои отъ непочтительности. Другой ревнитель, виконтъ де-Бональдъ, передовой боецъ іезуитовъ, возражалъ на христіанское замѣчаніе объ отличающемъ христіанъ всепрощеніи и о повелѣніи молиться за враговъ недостойными словами: что Богъ не услышалъ Искупителя, когда Тотъ на крестѣ молилъ Отца «прости ихъ», и наказанію подвергся весь еврейскій народъ. Съ другой стороны, безупречный другъ свободы и страны своей, *Ройэ-Колляръ*, одинъ изъ рѣдкихъ людей, которыхъ пошлая посредственность обзываетъ доктринерами, потому что политическую дѣятельность они основываютъ на глубокомъ научномъ знаніи, т. е. на искреннемъ стремленіи къ истинѣ, Ройэ-Колляръ указывалъ на неосновательность и въ то же время преступность такого закона, доказывая, что здѣсь догматъ возводится въ государственный законъ, допускается одна римско-католическая религія, а всѣ другія отвергаются, что такимъ образомъ священникъ облекается властью короля. Но настроеніе это было такъ сильно, что невѣроятный законъ прошелъ какъ въ палатѣ пэровъ, такъ и въ палатѣ депутатовъ: здѣсь большинствомъ 210 противъ 95 голосовъ. Впрочемъ, его почти не примѣняли, т. е. ежели и представлялись въ судахъ подобныя дѣла, законъ старались обходить.

Правленіе 1824—1828 г. Виллель.

Клерикальное направленіе это продолжалось три года и оно особенно выяснилось при коронаціи короля въ Реймсѣ, въ маѣ 1825 г. Вспомнили легенду о священномъ мурѣ, принесенномъ ангеломъ при крещеніи Клодвига, а по другому преданію голубемъ, прилетѣвшимъ съ небеси. Скляночка съ муромъ была разбита кощунственными руками въ революціонное время, но въ этой области, куда не заходитъ критика и ничто не смущаетъ вѣрующихъ, гдѣ въ случаѣ нужды можно выпутаться новымъ

вымысломъ, были находчивы. Нашелся протоколъ, что спасено было нѣсколько черепковъ, а при нихъ нѣсколько капель елея, а драгоцѣнная жидкость обладала чуднымъ свойствомъ пополняться .. Явленіе, встрѣчающееся во всѣ періоды исторіи пынѣшняго столѣтія и во всѣхъ странахъ, но придавшее особенно непріятный отпечатокъ этимъ годамъ, была зависимость свѣтскихъ милостей и должностей отъ показной набожности и отъ ходатайства духовныхъ лицъ—людей, которыхъ особенно легко провести. Вслѣдствіе этого всюду разрослось и взяло верхъ духовное шпіонство, переходящія всякую мѣру церковныя церемоніи, паломничества, процессіи. Дошедшіе до высокомѣрія клерикалы не обращали вниманія на тѣ законы, которые стѣсняли фанатизмъ, какъ, напримѣръ, законъ о воспрещеніи іезуитскихъ заведеній. Противная партія сдалась не безъ борьбы и въ сущности она была сильнѣйшею: на ея сторонѣ были богатства и бо̀льшіе таланты. Сторонники ея съ успѣхомъ могли противустоять напыщеннымъ произведеніямъ ложнаго романтизма и реторической неестественности, которыми аббатъ Ламенэ до послѣдней крайности защищалъ ультрамонтанизмъ, какъ мы называемъ это теперь. У партіи этой не было соперника популярнымъ пѣснямъ Беранже, гдѣ, въ сущности безъ предвзятаго направленія, но съ легкой, игривой остротой и искреннимъ паѳосомъ соединено все, что нравится и говоритъ сердцу галла; съ свѣжестью и живостью этихъ пѣсенъ не могло соперничать искусственное и ложное оживленіе давно отжившаго и въ корнѣ погибшаго прошлаго. Журналистика тоже не бездѣйствовала и либеральная пресса несомнѣнно первенствовала надъ реакціонной. Когда противъ слишкомъ смѣлой статьи возбуждалось судебное преслѣдованіе, то сказанное въ листкѣ повторялось еще сильнѣе и убѣдительнѣе передъ судомъ, и случалось, что судъ оправдывалъ рѣзкія выраженія печати, въ виду противузаконныхъ дѣйствій самого правительства—его неумѣренности и потворства религіознымъ общинамъ, запрещаемымъ закономъ.

Реакціонное законодательство не вполнѣ удалось. Палата пэровъ отвергла законъ о первородствѣ, которымъ хотѣли ограничить существенное пріобрѣтеніе революціи ради искусственной поддержки дворянскихъ родовъ. Та же судьба грозила драконовскому закону о печати; но правительство взяло назадъ законъ, уже принятый въ палатѣ депутатовъ (1826).

Паденіе Виллеля. Министерство Мартиньяка. 1828.

Сопротивленіе палаты пэровъ, при чемъ такіе люди, какъ Шатобріанъ, были въ оппозиціи министерству и вообще умѣренные роялисты, составлявшіе большинство, ставили интересы страны выше временныхъ партійныхъ интересовъ; все это подало руководящему министру Виллелю пагубную мысль. Онъ предложилъ королю очень радикальную мѣру для устраненія раздоровъ палаты общинъ съ палатой пэровъ. Королевскимъ приказомъ, отъ 6 ноября 1827 г., палата депутатовъ была распущена и разомъ назначено 76 новыхъ пэровъ, понятно, изъ сторонниковъ правительства. Въ Англіи всегда избѣгали такой мѣры, которая, несмотря на законность свою и на правѣ короля основанная, въ сущности устраняетъ верхнюю палату и въ основѣ вредитъ конституціи страны. Въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ ея было то, что всѣ либералы, умѣренные и просто разумные, соеди-

нились передъ выборами и поставили себѣ программой простую поддержку хартіи. Успѣхъ былъ такой полный, пораженіе правительства такъ несомнѣнно и велико, что самъ Виллель не посмѣлъ противиться бурѣ. Въ 1828 г. онъ вышелъ въ отставку и Карлъ X сдѣлалъ разумную попытку избрать министерство болѣе умѣренное, съ виконтомъ де-Мартиньякомъ во главѣ. Оно состояло изъ людей, которые, подобно ему, хотѣли служить странѣ и ея настоящимъ потребностямъ, а не партіи и ея пристрастію къ прошлому. Въ короткое время, которое онъ пробылъ у власти, Мартиньякъ выказалъ себя человѣкомъ вполнѣ государственнаго ума. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, прошедшій всю школу государственной службы; онъ подкупалъ своимъ краснорѣчіемъ. Король не мѣшалъ ему нѣкоторое время, утвердилъ представленнаго ему палатой Ройэ-Колляра президентомъ и покорился тому, что въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь система павшаго министерства, которую король явно признавалъ своей собственной, названа была «достойной сожалѣнія». Въ обѣихъ палатахъ прошелъ законъ о печати, которымъ отмѣнялись всѣ ограниченія, и вмѣсто того устанавливалось поручительство въ журнальныхъ предпріятіяхъ. Королевскимъ повелѣніемъ восемь іезуитскихъ школъ Франціи ставились въ зависимость отъ университета и дозволеніе открывать воспитательныя заведенія, духовныя или свѣтскія, давалось только при письменномъ удостовѣреніи о непринадлежности ни къ какому запрещенному обществу. Возмущавшіеся этимъ распоряженіямъ епископы призваны были самимъ папой къ повиновенію такому достойному и хорошо расположенному королю. Палата тоже умѣрила свои притязанія. Она оставила безъ послѣдствій доносъ на бывшаго министра и утвержденіемъ щедраго кредита одобрила политику правительства въ греческомъ вопросѣ. Отношенія упрочились, народное благосостояніе, сильно увеличившееся за четырнадцать лѣтъ мира, стало явственно, и король, при посѣщеніи восточныхъ провинцій, Эльзаса и Лотарингіи, осенью этого года, былъ принятъ съ восторгомъ. Тронная рѣчь и отвѣтный адресъ, при открытіи сессіи 1829 г., подавали надежду на совмѣстную плодотворную дѣятельность правительства и народнаго представительства.

Управленіе Мартиньяка.

Правительство предложило палатамъ важныя и многообѣщающія мѣры, муниципальный и департаментальный законы, чтобы дать больше простору самоуправленію, въ противовѣсъ черезчуръ увеличившейся централизаціи. Франція страдала отъ нея еще до революціи, а во время революціи и имперіи она только усилилась. По новому закону мэръ общины назначался правительствомъ, а муниципальный совѣтникъ, его товарищъ, избирался собраніемъ нотаблей прихода. Также по новому департаментальному закону предполагалось избирать членовъ окружныхъ и департаментскихъ совѣтовъ, однихъ въ приходѣ, другихъ въ окружномъ собраніи нотаблей. По расчету, 300,000 гражданъ получали черезъ это важныя права, желательную цѣль благородному самолюбію—полезную и благодѣтельную дѣятельность въ естественномъ кругу своемъ. Совершенно справедливо и со всѣмъ краснорѣчіемъ своимъ Мартиньякъ доказывалъ, что честолюбію надо предоставлять близкіе, легкодостижимые, разнообразные случаи для полезной дѣятельности и почетнаго положенія, а не напра-

влять это честолюбіе исключительно на высшія государственныя должности—мѣста депутатовъ, префектовъ, министровъ. Онъ указывалъ вѣрный, спасительный путь, которому, къ великому сожалѣнію, Франція никогда серьезно не слѣдовала. Палаты хотѣли придать законамъ этимъ еще болѣе либеральный характеръ, требовали избираемости департаментскихъ совѣтниковъ въ собраніяхъ по кантонамъ и проч. Напрасно министры предостерегали: король имѣлъ нѣкоторое право самъ опредѣлить границы своей уступчивости, послѣ того какъ онъ отказался отъ важнаго права назначенія въ должности, которымъ всегда пользовался онъ и его правительство. Большинство не хотѣло понять намека и подавало голоса за уничтоженіе окружныхъ избирательныхъ собраній. Министры удалились: король повелѣлъ взять обратно оба законопроэкта.



Князь Жюль Полиньякъ.
По современной литографіи.

Паденіе. Министерство Полиньяка. 1829.

Быть-можетъ, Карлъ X и желалъ этой ошибки либераловъ. Онъ убѣдилъ себя, что попытка съ министерствомъ Мартиньяка не удалась, что съ людьми этими нельзя дѣло имѣть, и черезъ восемь дней послѣ закрытія сессіи, 8-го августа, онъ образовалъ новое министерство. Главою его былъ князь *Жюль Полиньякъ*, бывшій посланникъ въ Лондонѣ, а членами высшіе чины правленія Виллеля и другіе старинные приверженцы партіи ультра; это было вполнѣ реакціонное министерство и выражало собою послѣднія искреннія убѣжденія Карла X. Все это были люди посредственные, какъ и самъ король, но самымъ одностороннимъ изъ нихъ былъ стоявшій во главѣ князь. Характеристикой его можетъ служить то, что онъ затруднялся принести присягу на вѣрность хартіи, потому что она въ принципѣ признаетъ свободу совѣсти. Сильно возгорѣлась

борьба партій при извѣстіи объ этихъ назначеніяхъ. Засѣданія палаты возобновились 4-го марта и король сообщилъ ей изъ новостей иностранной политики объ удовлетвореніи, полученномъ отъ дея Тунисскаго, который нанесъ истинно варварское оскорбленіе французскому консулу во время аудіенціи, ударивъ его опахаломъ по лицу. О дѣлахъ внутреннихъ онъ выразился туманно: хартія ставитъ свободу подъ охрану короны и обязанность его относительно народа передать ее неприкосновенно преемнику своему. Окончилъ онъ, въ волненіи уронивъ даже шляпу на полъ, такой угрозой: «ежели бы преступные происки поставили преграду моему правленію, у меня достанетъ рѣшимости преодолѣть ихъ ради поддержанія общественнаго спокойствія...» Этотъ оборотъ рѣчи не смягчили и заключительныя слова о довѣріи и любви Французовъ къ ихъ королю. Въ отвѣтномъ адресѣ палаты, послѣ преувеличенной, несправедливой фразы приличія, которую событія скоро опровергли: «на счастье французскаго народа, тронъ Карла X поставленъ столѣтіями на высоту, недосягаемую для бурь», въ заключеніе безъ обиняковъ говорилось, что совмѣстное дѣйствіе правительства и народа, которое конституція ставитъ непремѣннымъ условіемъ для правильнаго хода дѣлъ—оно и есть душа конституціонализма—что теперь его нѣтъ. «Несправедливое недовѣріе къ чувствамъ и мнѣніямъ Франціи составляетъ отличительную черту настоящаго правительства». Онъ принятъ былъ большинствомъ 221 противъ 181 голоса. На другой день засѣданія палаты были отсрочены, а 16-го мая 1830 года она распущена, послѣ того какъ колеблющихся членовъ правительства замѣнили болѣе энергичными: между ними былъ и Пейронне, бывшій министръ юстиціи кабинета Виллеля.

Алжирская экспедиція.

Яснаго плана и установившихся стремленій еще не было, а изъ-за границы и даже изъ самодержавной Россіи ободряющихъ извѣстій не приходило. Полиньякъ не пользовался особеннымъ довѣріемъ при иностранныхъ дворахъ, такъ какъ, не зная хорошо положенія Европы, какъ онъ не зналъ и своего отечества, онъ носился съ невозможными проэктами переустройства карты Европы. Несомнѣнно, что всѣ планы, какъ напримѣръ присоединеніе Голландіи къ Пруссіи, Бельгіи и Рейнскихъ земель къ Франціи, раздѣлъ Турціи и подобныя нелѣпости, никуда не годились. Зато теперь онъ задумалъ экспедицію на дея Тунисскаго—107 военныхъ кораблей, 38,000 человѣкъ десанта на 400 транспортныхъ судахъ. Король и министръ надѣялись на чудодѣйственное вліяніе всего этого на выборы. Дѣйствительно все шло хорошо и легко. Единомышленникъ Полиньяка, генералъ Бурмонъ, бывшій военный министръ, достигъ алжирскаго берега 13 іюня; 4 іюля взята приступомъ цитадель, 5-го осадили городъ. Дей удалился въ недалекій Неаполь, какъ частный человѣкъ. Казалось, все удалось и можно было надѣяться, что сѣверо-африканскій берегъ, съ седьмого столѣтія покоренный исламомъ, теперь возвращенъ будетъ христіанству и западной культурѣ.

Іюльскія постановленія. 1830 г.

Но ни событія эти, ни усилія правительственной партіи не произвели впечатлѣнія на выборы. Изъ 221 члена, вотировавшихъ за адресъ, 202 были вновь избраны, тогда какъ правая потеряла изъ 181 голосовъ 82. Министерству приходились или уйти, что король считалъ униженіемъ



Бомбардированіе Алжира французскимъ флотомъ, 3 іюля 1830 года.
По картинѣ, находящейся въ Національной галереѣ въ Версалѣ.

своего достоинства, или упорно держаться духа принциповъ, вѣрнѣе партіи, которую они представляли. Общество это пришло къ заключенію, что есть конституціонное средство извратить самую конституцію. Параграфъ 14 гласилъ: «Король обнародываетъ уставы и постановленія, необходимые для утвержденія законовъ и для безопасности государства». Въ силу этихъ статей, составили нѣсколько постановленій, которыя король подписалъ 25 іюля, въ лѣтней резиденціи въ Сенъ-Клу, и которыми въ понедѣльникъ, 26-го, когда они появились въ «Монитерѣ», удивили весь міръ.

3. Великая недѣля.

Трехдневная борьба.

Пять постановленій этихъ прежде всего пріостанавливали свободу періодической печати: для появленія журнала требовалось особое королевское разрѣшеніе, которое надо было возобновлять каждые три мѣсяца. Не исполнявшій предписаній этихъ, подвергался арестованію экземпляровъ и опечатанію оттисковъ. Этими же постановленіями распускали еще не собравшуюся палату, слѣдовательно кассировали выборы; въ то же время (№ 3) избирательный законъ уничтожался и «даровался» новый въ 30 слѣдующихъ параграфахъ: число депутатовъ ограничено до 230; избирательныя коллегіи въ округахъ назначали или избирали кандидатовъ, а департаментскія избирательныя коллегіи, состоящія изъ четвертой части платящихъ высшія подати департаментскихъ избирателей, выбирали депутатовъ. Выборы были гласные; всѣ эти разнообразныя коллегіи, предсѣдателя которымъ назначалъ префектъ, должны были собраться въ сентябрѣ. Тайна была хорошо сохранена, все это случилось врасплохъ, а у правительства должно было быть достаточно силъ подъ рукой, чтобы подавить всякое сопротивленіе. На дѣлѣ этого не было; министры были увѣрены, что серьезнаго возмущенія не будетъ, такъ какъ масса народа участія въ выборахъ не принимала. Главное начальство надъ войсками въ Парижѣ, всего около 12,000 человѣкъ, поручено было крайне непопулярному маршалу Мармону, герцогу Рагузскому. Около полудня невѣроятная новость распространилась по всему городу: бумаги на биржѣ пали; собирались толпы, взволнованныя группы; журналисты, все существованіе которыхъ ставилось на карту, подписывали протестъ, составленный талантливѣйшимъ изъ нихъ, Адольфомъ Тьеромъ. Находившіеся въ Парижѣ члены палаты депутатовъ, кассированной постановленіями, собрались у самаго значительнаго изъ либеральныхъ руководителей, Казиміра Перье. Ночью волненіе усилилось; теперь только поняли всю силу постановленій, ниспровергавшихъ конституцію. Утромъ прочитали протестъ журналовъ: «законное правленіе окончилось, началось насиліе; въ настоящемъ положеніи повиновеніе перестало быть обязанностью». Они, журналисты, рѣшились подать примѣръ сопротивленія власти, которая сама лишила себя законнаго характера. Въ этотъ день доходило до мятежныхъ сборищъ и стычекъ передъ помѣщеніемъ газеты «Temps», передъ Пале-Роялемъ, гдѣ къ полудню собралась большая толпа и пролита была первая кровь. Собраніе уполномоченныхъ у Перье разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Съ своей стороны правительство ничего

не предпринимало; ежели волненія возобновятся на слѣдующій день—объявятъ осадное положеніе. Въ среду, съ утра, дѣла приняли серьезный оборотъ. Толпы на улицахъ замѣтно увеличивались, появлялись мундиры національной гвардіи, въ апрѣлѣ 1827 года уничтоженной; въ 11 часовъ увидали на ратушѣ (Hôtel de Ville) развѣвающееся трехцвѣтное знамя; значитъ, она была въ рукахъ народа, отдѣльныя кучки котораго воспользовались небрежной охраной важнаго пункта.

Маршалъ, очень неохотно принявшій порученіе, къ полудню приказалъ уже серьезно двумъ колоннамъ двинуться и соединиться у ратуши. Въ то время какъ онѣ, сражаясь, медленно подвигались впередъ, а изъ оконъ домовъ бились всякимъ оружіемъ, уполномоченные собрались опять и отправили депутацію къ герцогу, главная квартира котораго была въ Тюльери; тамъ же находился и министръ-президентъ. Эти переговоры, еще совѣщанія уполномоченныхъ, наконецъ еще въ восемь часовъ, ни къ чему ни привели: ни рѣшенія, ни руководства: войска, не сдѣлавшія ничего, получили вечеромъ приказъ отступить къ Тюльери. Король, окруженный плохими совѣтчиками и исполнителями, не понималъ возрастающую важность положенія: его не смутило письмо Мармона, гдѣ говорилось, что бунтъ переходитъ въ революцію, какъ не смутили его другія извѣстія, приходившія въ теченіе дня: вечеромъ у него по обыкновенію была партія виста.

Положеніе правительства.

Слѣдующій день, четвергъ, 29-го іюля, былъ рѣшительнымъ. Борьба, подготовленная за ночь со стороны народа, началась съ ранняго утра, а войска, о нуждахъ которыхъ плохо позаботились и которымъ не приходило подкрѣпленій, были не вполнѣ надежны. Главнокомандующій игралъ жалкую роль: осаждаемый со всѣхъ сторонъ, онъ давалъ приказаніе остановить огонь, но ему не повиновались; два пэра, послѣ того князь Полиньякъ, поспѣшили въ Сенъ-Клу, гдѣ король, какъ всегда ограниченные люди, сначала не повѣрилъ дурнымъ вѣстямъ, потомъ оставался въ бездѣйствіи, пока послѣ обѣда извѣстія, принесенныя человѣкомъ испытанной честности, Витролемъ, не поколебали его. Министры подали въ отставку, и король назначилъ министромъ герцога Мортемара, отличавшагося умѣренностью. Онъ былъ настолько благороденъ, что принялъ эту неблагодарную задачу, можно сказать,—безнадежную. Въ пять часовъ послѣ полудня, войска подходили къ Сенъ-Клу, разбитыя, разстроенныя, измученныя, голодныя. По несчастной случайности, всегда играющей роль, когда такъ небрежно относятся къ исполненію обязанностей, какъ здѣсь, когда вооруженный народъ ворвался въ Лувръ, маршалъ далъ приказъ отступить къ «большой звѣздѣ», откуда дороги ведутъ въ Сенъ-Клу и Нейльи. Народъ бился безъ руководителя; настоящаго руководства не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Нѣсколько авантюристовъ низшаго разряда воспользовались случаемъ, проникли въ ратушу, писали воззванія и разыгрывали роль правительства: дѣла грозили принять республиканскій характеръ, ежели либералы будутъ мѣшкать долѣе. Очень легко было воспользоваться популярнымъ именемъ генерала Лафайэта, дѣятеля 1789 г. Представители либеральной буржуазіи, уполномоченные, которыхъ выдвинули на первый планъ выборы, должны были

дѣйствовать. Въ четвергъ, около полудня, въ отелѣ банкира Лафитта, одного изъ главныхъ членовъ партіи, приняли рѣшеніе учредить временное правительство подъ именемъ *муниципальной комиссіи*, главнымъ членомъ которой былъ Казиміръ Перье. Съ старикомъ генераломъ Лафайэтомъ во главѣ, они расположились въ ратушѣ, захвативъ по дорогѣ трехцвѣтныя ленты. На этотъ день населеніе должно было довольствоваться программой, заключавшейся въ имени Лафайэта. Въ 8 часовъ вечера маркизъ Семонвилль привезъ отъ имени короля извѣстіе въ ратушу, что «постановленія» взяты обратно; но это приняли холодно. Когда же онъ со спутниками поспѣшилъ обратно въ Сенъ-Клу, къ ужасу своему они увидали, что здѣсь ничего не предпринимали: новый министръ, герцогъ де'Мортемаръ, еще не имѣлъ полномочій, а король уже удалился на покой. Было уже утро, когда Мортемаръ, съ изготовленными за ночь полномочіями, достигъ города, и было 12 часовъ, когда онъ явился въ Люксенбургъ, мѣстѣ засѣданій пэровъ. Посланнаго въ ратушу уполномоченнаго всюду встрѣчали крики: «Долой Бурбоновъ».

Герцогъ Орлеанскій.

Въ пятницу, 30-го, въ восемь часовъ утра, уполномоченные собрались опять у Лафитта и здѣсь постепенно выяснилось наивыгоднѣйшее разрѣшеніе кризиса для партіи, такъ же мало склонной къ республикѣ, какъ къ королевству Карла X или къ правленію князя Полиньяка. Надо было найти выходъ, какъ въ Англіи въ 1688 году. Какъ тамъ Вильгельмъ Оранскій, здѣсь былъ подъ рукою глава младшей линіи дома Бурбоновъ, герцогъ Луи-Филиппъ Орлеанскій, въ пользу котораго служило теперь все, что до сихъ поръ отдаляло его отъ трона. Сынъ Филиппа Эгалите, онъ сражался въ битвахъ при Вальми и Жеманѣ, былъ потомъ много лѣтъ въ изгнаніи, какъ простой гражданинъ—подъ чужимъ именемъ, онъ былъ нѣкоторое время учителемъ института въ Граубюнденѣ. Женитьба на Неаполитанской принцессѣ хотя и приблизила его къ легитимистскому лагерю, но онъ никогда не поднималъ оружія противъ Франціи. Во время реставраціи онъ осторожно держался



Луи-Филиппъ Орлеанскій, король Французовъ.
Писано Винтергальтеромъ; литографировано Ноэлемъ.

въ сторонѣ; занимался приведеніемъ въ порядокъ имущества своего, воспитаніемъ дѣтей, велъ жизнь добраго буржуа и семьянина, не скрывая при этомъ своихъ либеральныхъ убѣжденій. О ходѣ дѣлъ онъ зналъ. Уполномоченные, условившись съ засѣдавшими въ Люксенбургѣ пэрами, пригласили герцога въ Парижъ, чтобы предложить ему—дальше этого не шли пока—званіе генералъ-штадтгальтера королевства. Пока муниципальная комиссія еще занимала народъ ничего незначущей прокламаціей, онъ пріѣхалъ вечеромъ 30-го изъ помѣстья своего, недалеко отъ Парижа, переговорилъ съ довѣренными лицами, съ Талейраномъ, мастеромъ въ дѣлѣ перемѣны правленій, и принялъ на слѣдующее утро отъ представителей депутатовъ генералъ-штадтгальтерство, которое давало ему выходъ и относительно короля. Теперь обнародовали отъ его имени, что «хартія будетъ отнынѣ дѣйствительна», при чемъ палата, наполнявшаяся, по мѣрѣ того, какъ опасность миновала, прибавила еще нѣсколько вольнодумныхъ требованій и гарантій, въ видѣ комментаріевъ. Въ ратушѣ, напротивъ, и въ толпѣ, волновавшейся вокругъ нея, особенно между молодыми, по преимуществу борцами трехъ дней, преобладало настроеніе республиканское. Старикъ Лафайэтъ, который самъ хорошенько не зналъ, чего онъ хочетъ, и которому только что сообщили о рѣшеніи депутатовъ, съ трудомъ сдерживалъ толпу либеральными словами. При этихъ обстоятельствахъ, герцогъ счелъ за лучшее самому отправиться съ депутатами въ ратушу и онъ немедленно привелъ въ исполненіе это умное и смѣлое рѣшеніе. Несмотря на демонстраціи республиканцевъ, благополучно достигли они ратуши. Тутъ Лафайэтъ встрѣтилъ герцога, который держалъ себя съ твердостью и тактомъ; онъ передалъ ему трехцвѣтное знамя и, развертывая его, герцогъ и Лафайэтъ подошли къ окну: толпа пришла въ восторгъ,—дѣло было выиграно. Вмѣсто муниципальной комиссіи образовали министерство, въ составъ котораго, кромѣ Казиміра Перье, Гизо и другихъ изъ партіи конституціонной, вошелъ республиканецъ Дюпонъ (de l'Eure), а Лафайэту предоставили командованіе національной гвардіей, какъ въ 1789 г. Ему удалось успокоить республиканскихъ энтузіастовъ шутливыми остротами, что «герцогъ Орлеанскій» лучшая изъ республикъ—что тронъ окруженъ будетъ республиканскими учрежденіями.

Отъѣздъ и бѣгство Карла X.

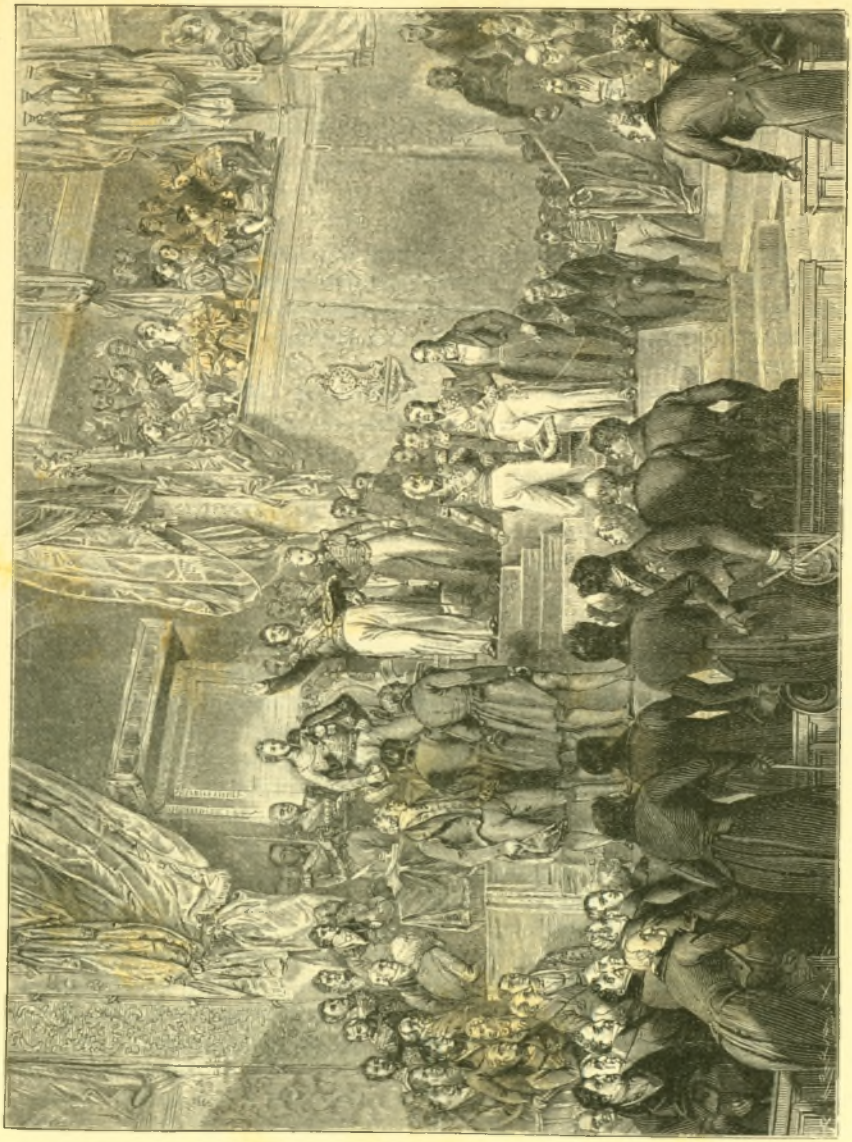
Замѣститель трона этого, Карлъ X, въ прежнее время тоже расточалъ громкія фразы, но, подобно герцогу Ангулэмскому, онъ не въ силахъ былъ дѣйствовать теперь энергично и игралъ жалкую роль. Съ своей стороны Луи-Филиппъ лицемѣрилъ: когда Карлъ X удалился въ Рамбулье, и оттуда, на слѣдующій день, 1 августа, назначилъ Луи-Филиппа генералъ-штадтгальтеромъ, онъ заговорилъ озабоченнымъ тономъ съ герцогомъ Мортемаромъ о распространяющемся вокругъ королевской резиденціи возстаніи; къ королю приступили со всѣхъ сторонъ и уговорили его отречься отъ короны. Дофинъ, пятидесяти-девяти-лѣтній герцогъ Ангулэмскій, присоединился къ этому отреченію, и состоялось оно, понятно, въ пользу слѣдующаго легитимнаго наслѣдника, десятилѣтнаго герцога Бордосскаго, Генриха V. Луи-Филиппъ получилъ сообщеніе объ этомъ 2 августа, послѣ полудня, одновременно съ приказаніемъ обнародовать восшествіе на престолъ Генриха V.

Восшествіе на престолъ Луи-Филиппа

Отъ этого пока уклонились. Какъ въ 1688 году присутствіе Іакова II въ Лондонѣ, такъ теперь пребываніе Карла X въ Рамбулье было неудобно. Удалить его удалось нѣсколько грубымъ образомъ. Въ духѣ первой французской революціи собрали шествіе добровольцевъ изъ разнаго сброда и для виду нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, и такимъ образомъ, тремъ комиссарамъ: попъ-Шонену, Одилону Барро и генералу Мезону удалось убѣдить Карла къ отъѣзду. Въ то время, какъ экипажъ короля медленно удалялся, сопровождаемый комиссарами и охраняемый лейбъ-гвардіей, никто и рукой не шевельнулъ за павшаго короля; въ Парижѣ, безъ всякихъ теперь затрудненій, совершилась перемѣна или, вѣрнѣе, захватъ трона. Въ тотъ самый день, когда Карлъ далъ запугать себя и бѣжалъ отъ мнимаго революціоннаго войска въ 60,000 чел., 3 августа, въ Парижѣ, открывались палаты: около 200 депутатовъ и 40 пэровъ.

Генералъ-штадтгальтеръ извѣстилъ ихъ объ отреченіи короля и сына его: что это было сдѣлано въ пользу внука—онъ умолчалъ. Рѣшающее засѣданіе было 7-го августа. Со стороны немногихъ легитимистовъ не было недостатка въ краснорѣчивыхъ напоминаніяхъ о присягѣ, а также и неприкосновенности правъ на корону Генриха V. Либералы настаивали на необходимости сильнаго правительства, а отъ присяги считали себя освобожденными послѣ того, какъ войска Карла стрѣляли по народу. Ловкій оборотъ рѣчи освобождалъ на этой почвѣ и при такихъ обстоятельствахъ отъ присяги. Подобно тому, какъ въ Англіи въ 1689 году, тронъ объявили свободнымъ, вслѣдствіе событій 26—29 іюля, и вслѣдствіе оскорбленій хартіи; на этотъ свободный тронъ призвали герцога Орлеанскаго. Хартію оставили и признали основою законовъ, съ нѣсколькими измѣненіями въ либеральномъ духѣ. Параграфъ, относящійся къ государственной религіи, замѣненъ былъ просто выраженіемъ существующаго: «большинство французскаго народа исповѣдуетъ римско-католическую религію». Отмѣнена цензура, отмѣнены чужеземныя войска безъ особаго закона. Параграфъ 14 сдѣланъ безвреднымъ, благодаря новой редакціи; уменьшеніе требованій возраста депутатовъ вмѣсто 40 на 30 лѣтъ, возраста избирателей съ 30 на 25 лѣтъ, сокращеніе выборнаго періода съ 7 на 5 лѣтъ; всеобщіе выборы каждыя 5 лѣтъ; распространеніе на палату депутатовъ права предлагать законы; трехцвѣтное знамя и множество обѣщаній.

Законъ, касавшійся призванія герцога на королевство, вотировался не устнымъ или письменнымъ голосованіемъ, а баллотировкой—219 бѣлыхъ шаровъ противъ 33 черныхъ и 39 воздержавшихся отъ голосованія. Герцогъ принялъ избраніе: съ президентомъ палаты, его банкиромъ Лафиттъ и съ Лафайэтомъ онъ вышелъ на балконъ Пале-Рояля и представился собравшейся толпѣ—уже королемъ. Вечеромъ, 114 собравшихся пэровъ подтвердили избраніе, и 9-го августа, въ понедѣльникъ, «іюльская революція» окончилась торжествомъ принесенія присяги въ залѣ засѣданій палаты депутатовъ новымъ «королемъ Французовъ»—такой народный титулъ принятъ былъ Луи-Филиппомъ. Лишенный престола король отплылъ изъ Шербурга въ Англію 16-го августа; совѣтники его не были такъ счастливы: князь Полиньякъ, министры Пейронне, Шантелозе и Ранвиль—были схвачены.



Іюльская революція въ Парижѣ: принесеніе присяги Луи-Филиппомъ, 9-го августа.
Картина Э. Деверіа, въ національной галереѣ въ Версалѣ. Гравировалъ Фрилей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣдствія іюльской революціи: Бельгія, Голландія, Швейцарія. — Германія отъ 1830—1840 г. — Россія и польское возстаніе.

Послѣдствія іюльской революціи.

Дни отъ 26—31 іюля Французы называютъ «великой недѣлей». Послѣдствія этихъ событій для общеевропейской жизни еще нельзя было угадать. Одно было несомнѣнно, что «настоящее положеніе дѣлъ» потерпѣло прискорбное пораженіе въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ европейской жизни.

Нидерланды съ 1814 г.

При паденіи королевства старшей бурбонской линіи—главное созданіе 1814 и 1815 годовъ,—пропало и другое созданіе конгресса: союзное Нидерландское королевство. Для того, чтобы создать на сѣверной границѣ Франціи государство, способное къ самостоятельному существованію, собрали въ то время, подъ оранскимъ скипетромъ, бургундскія земли Испанскихъ Габсбурговъ, Бельгію и Голландію, давно уже раздѣлившіяся. Совершилось это довольно страннымъ образомъ, хотя выписанное въ Брюссель собраніе нотаблей 796-ю противъ 527 голосовъ высказалось противъ принятія законоположенія. 280 приглашенныхъ не прибыли; qui tacet consentire videtur—и вотъ потому ихъ признали за согласившихся. 126 было отрицательныхъ голосовъ, по случаю уравненія религій по новой конституціи. Равноправность вѣроисповѣданій, основной законъ новыхъ правъ среди народовъ всей Европы, не посмѣли обсуждать. На этомъ основаніи и эти 126 оказались утвердительными голосами: 126, и +280+527, ясно, что болѣе, чѣмъ 796. Такимъ страннымъ образомъ одобренное участниками государственное устройство установило генеральные штаты по 55 членовъ, съ обѣихъ сторонъ; они должны были собираться, то въ одномъ изъ сѣверныхъ, то въ одномъ изъ южныхъ городовъ; кромѣ того учреждены провинціальные государственные чины; расходы должны быть опредѣлены на 10 лѣтъ. Въ остальномъ она не скупо раздавала конституціонныя права; съ замѣтною быстротою улучшились матеріальные интересы личными заслугами короля Вильгельма, хорошаго счетовода, предусмотрительнаго государственнаго хозяина, обратившаго большое вниманіе на образованіе умственное. Три университета, не мало гимназій и другихъ учебныхъ заведеній было основано при немъ. Въ 1825 году была основана философская коллегія въ Лёвенѣ, гдѣ каждый, готовившійся къ духовному званію, долженъ былъ пройти годовой курсъ, въ видѣ пріуготовленія къ своимъ дальнѣйшимъ богословскимъ занятіямъ.

Возмущеніе въ Брюсселѣ. 1830 г.

Все это, и самое направленіе просвѣщеннаго короля, возбудило противъ него и противъ единства государственнаго непримиримаго врага въ лицѣ всегда отличавшагося обскурантизмомъ бельгійскаго духовенства. Рознь эта

поддерживалась противуположеніемъ протестантовъ Сѣв. Нидерландіи съ бельгійскимъ духовенствомъ, а вражда—разнородностью населенія. Вѣроисповѣданіе, языкъ, характеръ, все было разное у Голландцевъ и Бельгійцевъ. Первые считали себя господствующимъ народомъ, а послѣдніе чувствовали себя обойденными и въ военной, и въ государственной службѣ. Ошибки въ выборѣ людей, напримѣръ, ненавистнаго министра юстиціи ванъ-Мааненъ; тягостные налоги, обязательность голландскаго языка для должностныхъ лицъ, и вмѣсто того, чтобы заручиться бельгійскими либералами противъ клерикальней партіи, что было ему возможно, упрямый король сдѣлалъ большую ошибку заключеніемъ конкордата съ Римомъ (1827); онъ надѣялся этимъ привлечь къ себѣ клерикаловъ; безумство, которое повторялось еще не одинъ разъ. Въ результатѣ вышло, что либералы и клерикалы заключили какъ бы тайный союзъ противъ Голландцевъ. Эта союзная оппозиція волновалась и усиленно хлопотала о свободѣ печати и свободѣ преподаванія, и волненія эти дѣлали короля еще несговорчивѣе. Положеніе страны было очень напряженное, когда вспыхнула революція въ Парижѣ. Подражаніе парижской революціи произошло въ Брюсселѣ 24 августа, по случаю представленія въ театрѣ «Нѣмой изъ Портичи».

Содержаніемъ ея служитъ возстаніе рыбака Мазаніелло, въ 1647 г., въ Неаполѣ. Мятежъ былъ скоро подавленъ, но подалъ сигналъ къ бунту, охватившему всю страну. Брабантскіе цвѣта замѣняли сосѣдніе трехцвѣтные; наскоро собранная городская охрана водворила спокойствіе. Вначалѣ казалось возможнымъ посредничество, и въ этой надеждѣ отправился въ Брюссель старшій сынъ короля, пользовавшійся любовью жителей. Однако новое возстаніе заставило второго сына короля вступить съ войсками въ Брюссель, 22-го сентября, послѣ чего произошла страшная борьба, продолжавшаяся 24, 25 и 26-го, и окончившаяся отступленіемъ войскъ. Временное правительство настойчиво требовало полной независимости и обстрѣливанія съ цитадели города Антверпена, въ которомъ заперся генералъ Шассе съ войсками, и такимъ образомъ положенъ былъ конецъ всякимъ примирительнымъ и посредническимъ попыткамъ.

Удачный исходъ революціи въ Парижѣ произвелъ, однако-же, сильное впечатлѣніе на «восточныя государства», на государства священнаго союза, и значительно измѣнилъ понятія; о вооруженномъ вмѣшательствѣ не было и рѣчи. Конференція великихъ державъ, занятая въ то время въ Лондонѣ устройствомъ греческихъ дѣлъ, занялась въ ноябрѣ болѣе нужными и важными дѣлами и прежде всего потребовала отъ обѣихъ сторонъ пріостановки военныхъ дѣйствій.

Независимость Бельгіи. 1831.

Въ Брюсселѣ собрался 10 ноября бельгійскій національный конгрессъ, изъ 200 членовъ. Требованіе независимости было повторено, и просили для новаго государства монархической конституціи. Уже 20 декабря конференція признала въ принципѣ независимость Бельгіи, а слѣдовательно полнѣйшее раздѣленіе обоихъ государствъ. Нуженъ былъ король, и желательно было имѣть французскаго принца; но Орлеанскій былъ бы непріятенъ европейскимъ державамъ, а Бонапартъ неудобенъ новому Французскому королю. Временно былъ назначенъ регентомъ, въ февралѣ 1831 г.,

президентъ конгресса Сюрлэ де-Шокье. Только 4 іюня собрался снова конгрессъ для выбора короля. Принцъ *Леопольдъ Кобургскій*, зять Георга IV Англійскаго, котораго имѣли уже въ виду для новосозданнаго греческаго престола, былъ избранъ въ Бельгійскіе короли. Послѣ протокола, отъ 26 іюня 1831 г., составленнаго изъ 18 статей, въ которыхъ утверждены условія раздѣльнаго существованія, для обоихъ государствъ, и когда конгрессъ ихъ принялъ, тогда король въѣхалъ въ Брюссель. Войны однакоже не избѣгли. Король Вильгельмъ протестовалъ противъ рѣшеній конференціи и обратился къ оружію. Второпяхъ собранныя бельгійскія войска не могли равняться съ его войсками, которыя чуть не захватили короля-противника и готовились къ наступленію на Брюссель. Къ этому отнеслись серьезно Англія и Франція. Англійская эскадра стала въ устьѣ Шельды. 50,000 человѣкъ Французовъ, подъ начальствомъ маршала Жерара, перешли границу. Этотъ походъ былъ непродолжителенъ; Голландцы потребовали пріостановки военныхъ дѣйствій и, одновременно съ Французами, они перешли обратно на свою границу. Слѣдующій протоколъ, состоявшій изъ 24 пунктовъ (6 октября 1831 г.), предоставлялъ Голландіи еще нѣкоторыя права и уступки и въ остальномъ призналъ *королевство Бельгію* независимымъ и нейтральнымъ государствомъ. Король Голландіи напрасно опирался на свои права, которыя въ сущности не были такъ безспорны; то, что европейскія державы дали за пятнадцать лѣтъ изъ чувства благоприличія, то могли и отнять по тому же чувству, и тѣмъ скорѣе, что Голландцы вовсе не желали продолжительнаго союза съ Бельгіей. Вильгельмъ I хотѣлъ только избѣгнуть насилія. Англія и Франція приняли это на себя; 43,000 Французовъ осадили антверпенскую цитадель, которую 23 декабря 1832 г. комендантъ ея, Шассе, сдалъ въ видѣ кучи развалинъ. Только въ 1838 году согласился Голландскій король на принятіе 24 статей и, въ апрѣлѣ 1839 г., былъ заключенъ формальный миръ, по которому Бельгія сохраняла западную часть Люксембурга, а восточную и *южную*, по ту сторону Мааса, уступала, и кромѣ того *съверо-восточную* часть Лимбурга, съ Мастрихтомъ и Венлоо.

Леопольдъ I. Выборъ Леопольда I для новаго государства былъ очень удаченъ. Конституція была крайне либеральная, какъ современное сочиненіе, въ которомъ королю предоставлены обычныя преимущества конституціоннаго, государственнаго ученія и практики; министерство назначалось имъ и было отвѣтственно передъ народнымъ представительствомъ: сенатъ и палата представителей и король соединяютъ въ рукахъ своихъ государственное управленіе и законодательство; въ сенатъ выбираютъ на восемь, въ палату на четыре года—тѣ же избиратели, права которыхъ соединены съ довольно высокимъ выборнымъ цензомъ. Король Леопольдъ, родившійся въ 1790 году, можетъ служить примѣромъ того, какъ при исключительныхъ обстоятельствахъ и немалыхъ затрудненіяхъ конституція можетъ быть благотворною и содѣйствовать процвѣтанію страны. У него была блестящая мысль устроить такую правительственную систему, при которой, какъ въ Англіи виги и торіи, партіи поочередно принимаютъ участіе въ правленіи и тѣмъ научаются сдержанности; страна же была раз-



Леопольдъ I, король Бельгійскій.
Съ натуры писано проф. Крюгеромъ, литографировано Гюбнеромъ.

дѣлена на двѣ одинаково сильныя и одинаково враждебныя партіи,—*либеральную* и *клерикальную*. Онъ призывалъ къ дѣятельности истинно-творческія силы страны, стараясь по возможности умно руководить ими и поощрять тѣ силы, которыя, болѣе чѣмъ политика, возбуждаютъ жизнь народовъ; при этомъ, онъ заботился объ ихъ нуждахъ, извѣстныхъ ему до мельчайшихъ подробностей. Это былъ человѣкъ, вполнѣ владѣвшій собою и очень живого ума; нѣмецъ по рожденію, онъ принадлежалъ къ Англичанамъ по своей первой, и Французамъ по второй женитьбѣ (въ августѣ 1832 г.) на Луизѣ, дочери Луи-Филиппа; прирожденный талантливый по-

литикъ, наблюдательный и опытный, онъ съумѣлъ придать и государству своему особенно вѣское и уважаемое положеніе въ Европѣ. Его страна была первою, въ которой (съ 1834 г.) желѣзныя дороги были построены по обдуманному и равномѣрно распредѣленному плану.

Швейцарія. Іюльская революція повела къ устройству новаго государственнаго положенія, достойнаго и прочнаго; значительно подѣйствовала она и на Германію и ея сосѣднюю страну, Швейцарію. Въ Швейцаріи она нанесла смертельный ударъ, въ 1814—1815 году, возстановленнымъ безсердечнымъ и безсмысленнымъ патриціямъ, состоявшимъ подъ покровительствомъ Австріи. Странѣ этой, какъ нейтральной, трудно было утвердить, въ послѣднія двадцать лѣтъ, свое благородное право, давать убѣжище политическимъ преступникамъ, когда всюду господствовала государственная полиція. Медленно, какъ въ Германіи, ослабленной дѣленіемъ на мелкія и крошечныя государства, пробивалась здѣсь новая свободная жизнь. Теперь, въ часы испытанія, ясно было, что «существующее» не способно было противостать и умѣренному давленію, и менѣе чѣмъ въ годъ, почти во всѣхъ кантонахъ,—въ Фрейбургѣ, Люцернѣ, Золотурнѣ, Цюрихѣ, Санктъ-Галленѣ, Тургау, Аргау, Ваадтѣ, Шафгаузенѣ, наконецъ и въ самомъ большомъ, въ Бернѣ (31 іюля 1831 г.), составлена была *новая конституція*, въ которой демократическій принципъ (расширеніе правъ общаго совѣта и реформа избирательнаго права), болѣе или менѣе, но вездѣ высказывался сильнымъ образомъ, предвѣщая и обезпечивая дальнѣйшее свое развитіе. Осталась верховная власть кантоновъ, такъ какъ болѣе строгой централизаціи союза не было введено. Консервативный частный союзъ—*Сарнскій союзъ*, между Базелемъ, отъ котораго отпала часть его округа, Швицомъ, отъ котораго отдѣлился округъ «внѣшній Швицъ», и Ури, Унтервальденомъ, Валлисомъ, Нейенбургомъ, — привелъ къ сбору союзнаго войска, въ 20,000 человѣкъ (1833), вслѣдствіе чего Сарнскій союзъ долженъ былъ подчиниться, а Швейцарія получила къ 22-мъ кантонамъ своимъ, еще 23-й, Базельскія земли съ главнымъ городомъ Листаль.

Германія. 1830—1840. Извѣстія изъ Франціи производили, въ разныхъ мѣстахъ Германіи, въ Ахенѣ, Эльберфельдѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ, Карлсруэ, Мангеймѣ, волненія, не имѣвшія политическаго характера. Собственно революцію пережили, при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ, только въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ, гдѣ выродившійся отпрыскъ стариннаго дома, порочный и дрянной юноша, герцогъ Карлъ, злоупотреблялъ терпѣніемъ населенія со времени (1823) вступленія въ самостоятельное правленіе. Теперь, въ тревожное время, онъ раздражалъ народъ своими грубыми отказами разсмотрѣть ихъ самыя справедливыя жалобы. Онъ бѣжалъ, потому что народъ принялъ положеніе угрожающее. При недостаточныхъ охранительныхъ мѣрахъ, раздраженная народная толпа сожгла большую часть дворца, и государственный совѣтъ призвалъ брата герцога Вильгельма, прося его принять правленіе. Попыткой воротить себѣ власть, съ помощью вооруженныхъ поселянъ, герцогъ сдѣлалъ себѣ возвращеніе невозможнымъ. Даже великій союзъ долженъ былъ согласиться на несоблюденіе легитимистскаго принципа, когда стала извѣстна неспособность его къ управленію. Принцъ Вильгельмъ вступилъ въ правленіе 20-го апрѣля

1831 г., какъ государь, и новое государственное устройство было объявлено 12-го октября 1832 г. Въ Ганноверѣ, Саксоніи и Гессенѣ вопросъ о государственномъ управленіи приходилъ къ концу: въ Ганноверѣ 9-го октября 1833 г., послѣ того какъ король Вильгельмъ IV былъ увѣдомленъ о настоятельныхъ нуждахъ страны; въ Саксоніи 4-го сентября 1831 г., послѣ того какъ старый король Антонъ взялъ себѣ въ соправители своего племянника Фридриха-Августа; въ Кургессенѣ, 9-го января 1831 г., послѣ того какъ достаточное число вооруженныхъ гражданъ, выйдя на площадь передъ дворцомъ въ Касселѣ, дали понять тирану,—второму въ этомъ столѣтіи, Вильгельму II,—что терпѣніе народа изсякло. Въ другихъ государствахъ, если и подымались тамъ и сямъ бунты, то большею частью незначительные и скорѣе хозяйственные, чѣмъ политическіе, легко проходившіе послѣ первой критической минуты. Между тѣмъ вліяніе парижскихъ событій на умы было громадно, и правители могли понять, что теперь они имѣютъ дѣло не съ прежнимъ, до 1815 г., народомъ, требовавшимъ спокойствія и работы. Либеральное стремленіе, хотя и не глубокое и не сильное, приняло радикальный оттѣнокъ; у либераловъ былъ свой органъ и свои руководители, жаждавшіе дѣятельности. Большая демонстрація была устроена 27-го мая 1832 г. на склонѣ замковой горы рейнско-баварскаго городка *Гамбаха*, и сборище здѣсь было значительно буйнѣе и космополитичнѣе, чѣмъ во время Вартбургскаго торжества 1817 г., которое было несравненно смирнѣе. Здѣсь много было высказано громкихъ фразъ о союзныхъ свободныхъ штатахъ Германіи, или о конфедеративной республиканской Европѣ. Политика Меттерниха по обыкновенію вмѣшалась и тутъ. Союзъ заставляли принять цѣлый рядъ постановленій, за которыя могли бы укрываться единичные правители. Учредили особую комиссію на пять лѣтъ, для наблюденія за сословными переговорами въ союзныхъ земляхъ, что казалось князю особенно опаснымъ. Если будетъ сдѣланъ опытъ, прямо или условно, объ отмѣнѣ податей, то союзъ можетъ, не ожидая приглашенія заинтересованной земли, приняться за дѣло, и никакой законодательный актъ того государства не можетъ воспрепятствовать исполненію союзныхъ обязанностей. При дальнѣйшемъ исполненіи этихъ постановленій отъ 28-го іюня 1832 года были возобновлены и усилены полицейскія мѣры, какъ напримѣръ, ребяческая борьба противъ чернокрасно-золотыхъ лентъ и подобныхъ знаковъ. Хотя во многихъ мѣстностяхъ протягивали революціонныя нити, но такъ неискусно, что можно было только удивляться неспособности къ заговорамъ народа, его пылкихъ адвокатовъ и приватъ-доцентовъ, принимавшихся за эти дѣла. Черезчуръ смѣшное покушеніе 3-го апрѣля 1833 года, ночью, около 10-ти часовъ, бывшее на гауптвахтѣ въ полиціи и въ прилегающихъ улицахъ Франкфурта-на-Майнѣ, могло вполнѣ успокоить на этотъ счетъ. Человѣкъ пятьдесятъ молодыхъ людей, опоясанныхъ чернокрасножелтыми шарфами, напали на часовыхъ и отняли у нихъ оружіе. Сбѣжалась толпа и услышала приглашеніе возстать за свободу. Между тѣмъ франкфуртскій батальонъ былъ вызванъ по тревогѣ и въ очень короткое время, послѣ безцѣльнаго сопротивленія, вспышка была подавлена. Для реакціи она была очень кстати. Министры Россіи, Австріи и Пруссіи собрались въ Тёп-

лицѣ, а монархи съѣхались въ Мюнхенгрецѣ; въ числѣ ихъ и императоръ Николай, въ то время уже подпавшій вліянію Меттерниха; въ Вѣнѣ, въ январѣ 1834 г., собирались конференціи министровъ и дѣла рѣшались согласно тому, какъ ненависть и опасеніе, передъ маленькими нѣмецкими парламентскими собраніями, внушали австрійскому министру. Либеральный духъ этихъ собраній былъ въ слѣдующихъ годахъ подавленъ даже въ Баваріи, гдѣ правительство понимало опасности, грозившія самостоятельности государствъ отъ покровительства великихъ державъ; также и въ Баденѣ, гдѣ со времени вступленія въ правленіе Леопольда I (мартъ 1830 г.) либерализму было болѣе свободы, и такіе люди, какъ Роттекъ, Ицштейнъ, Велькеръ, вдохновленные работой конституціонной машины въ большомъ сосѣднемъ государствѣ, защищали либеральныя требованія. Въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ дѣйствительный шагъ впередъ, когда въ октябрѣ 1831 г. депутатъ Карлъ-Теодоръ Велькеръ предложилъ правительству вести дѣло къ тому, чтобы рядомъ съ союзнымъ собраніемъ во Франкфуртѣ было созвано *національное представительство*:—указывалась въ первый разъ дѣйствительно политическая и при терпѣливой работѣ достижимая цѣль; поставлена программа и выставлено знамя. Но потомъ, при новыхъ выборахъ въ 1835 году, либералы оказались въ меньшинствѣ. Если палата становилась обременительна своими предложеніями и совѣщаніями о неудобныхъ вопросахъ, ей грозили отсрочками, распущеніемъ и мѣрами противъ такихъ членовъ оппозиціи, до которыхъ можно было добраться.

Нарушеніе конституціи въ Ганноверѣ. 1837 г.

Верха совершенства достигло второе изданіе карлсбадской политики 1819 года въ 1837 году, когда, по смерти Вильгельма IV, на Ганноверскій престолъ вступилъ герцогъ Кумберландскій, подъ именемъ *Эрнста-Августа*, и началъ свое правленіе безчестнымъ и безстыднымъ нарушеніемъ правъ. Онъ просто объявилъ себя несвязаннымъ конституціей страны 1833 года, хотя она вполнѣ вошла во всѣ права, и ноябрьской прокламаціей 1837 года уничтожилъ ее самовольно, обѣщая новую конституцію, которую предоставлялъ себѣ выработать за-одно съ государственными чинами: по конституціи 1819 г., ихъ должно было созвать. Сознаніе правъ своихъ и чувство, что этимъ посягательствомъ затронуто конституціонное начало въ Ганноверѣ, было настолько сильно и повсемѣстно въ Германіи, что довело цѣлый рядъ палатъ до болѣе или менѣе сильныхъ объясненій. Въ Ганноверѣ защищала себя, противъ чрезмѣрной несправедливости, по формамъ очень умѣренная, но крѣпкая и твердая оппозиція. Семь профессоровъ Гёттингенскаго университета отказались принять участіе, согласно конституціи 1819 г., въ выборѣ уполномоченнаго, и собраніе сословій въ февралѣ 1838 г., рѣшило, что конституція 1833 года существуетъ въ дѣйствительности и по праву. Союзному совѣту представлено было ходатайство о возвратѣ имѣній, при чемъ королемъ руководилъ недостойный поводъ, такъ какъ конституція 1833 года замѣнила ихъ цивильными листами (liste civile). Потому, не стѣсняясь, онъ объявилъ конституцію 1819 года возстановленной. Когда въ союзѣ баварскій посланникъ представилъ, что, по статьѣ 56-й вѣнскаго заключительнаго акта, областныя конституціи могутъ быть измѣнены только конституціоннымъ порядкомъ, тогда его представленіе — иного отъ этого

собранія нельзя было ожидать—было отклонено большинствомъ голосовъ, а это большинство образовалъ именно самъ Ганноверъ. Такъ провелъ свою волю король Эрнстъ-Августъ, потому что дальнѣйшая оппозиція была безцѣльна, а въ 1840 году выработанъ былъ новый конституціонный законъ. Не болѣе четверти вѣка прошло затѣмъ, и династія эта, какъ и еще худшая Кургессенская, исчезли изъ Германіи, сдѣлавъ новыя нарушенія правъ и большія преступленія противъ собственнаго народа и противъ нѣмецкой національности.

Австрія. Францъ I †.

Изъ двухъ нѣмецкихъ державъ, *Австрія*, въ десятилѣтіе послѣ парижскихъ событій, не представила ничего важнаго въ смыслѣ всемірно-историческомъ. Внутренняя связь съ общественною жизнью Нѣмцевъ и ихъ прогрессомъ утрачивалась все болѣе для Нѣмцевъ габсбургскихъ земель. Меттернихъ, зная о плачевномъ состояніи австрійской государственной мощи и способный только къ полицейской политикѣ, не доводилъ дѣлъ до крайности и примирился съ новымъ королевствомъ во Франціи. Даже съ Италіей, какъ увидимъ, гдѣ почва была горячая, уладили при миролюбивой политикѣ новаго короля. Перемѣна правителя,—въ 1835 году (2-го марта) умеръ императоръ Францъ I—и его вполнѣ незначительный и дѣйствительно къ правленію неспособный сынъ, Фердинандъ I, наслѣдовавшій ему, не оказалъ никакого вліянія на положеніе руководящаго министра. Его воля, насколько могла быть рѣчь о правительственной волѣ вообще, сдѣлалась еще неограниченнѣе и давала всему перевѣсъ. Дѣламъ предоставили идти своимъ путемъ; жили со дня на день. Въ Венгріи дѣла были въ такомъ видѣ, что другимъ государственнымъ людямъ доставили бы множество заботъ, но не государственной конференціи, которая въ Вѣнѣ направляла дѣла. Такъ какъ въ народѣ, и особенно въ дворянствѣ, не была забыта старая конституція страны, то въ 1825 году пришлось собрать опять сеймъ и правительству пришлось выслушать тутъ и въ слѣдующихъ собраніяхъ очень настойчивыя требованія. Этотъ народъ, понемногу, сталъ снова признавать себя за народъ. Начали опять заботиться о мадьярскомъ языкѣ; одинъ изъ магнатовъ, горячій и умный патріотъ, графъ Стефанъ Сегени, показалъ своимъ сотоварищамъ и народу примѣръ дѣятельности устройствомъ разныхъ полезныхъ обществъ. Въ 1839 году, при открытіи новаго моста черезъ Дунай, по его предложенію, очень незамѣтно и просто была уничтожена привилегія отъ подати, тѣмъ, что дворянство предложило платить мостовую пошлину наравнѣ съ другими сословіями. Уже всплывали имена Деака и Кошута, которыя мы встрѣтимъ впослѣдствіи.

Пруссія. Таможенный союзъ.

Съ этой стороны Германіи нечего было ожидать и, къ несчастью, *Пруссія* во всемъ, что касалось политики, продолжала быть въ зависимости отъ Австріи,—Австріи и Россіи: съ 1817 г. императоръ Николай былъ женатъ на Шарлоттѣ, дочери Фридриха-Вильгельма. Этотъ король ни шагу не сдѣлалъ для осуществленія обѣщанія даровать конституцію имперіи. Въ ганноверскомъ дѣлѣ онъ былъ единомышленникомъ Австріи за неправое дѣло; когда дѣло шло о сопротивленіи или мщеніи за то, что эти союзники считали революціоннымъ направленіемъ, этотъ въ общемъ кроткій и справедливый человѣкъ допускалъ суровыя и жестокія мѣры

и не выказывалъ большого ума. Однако страна шла впередъ и зрѣла для своего будущаго призванія: сдѣлаться зерномъ, къ которому примкнутъ всѣ національности, и на важномъ поприщѣ международныхъ сношеній сдѣланъ былъ въ этомъ десятилѣтіи рѣшительный шагъ, который, по внутренней необходимости, долженъ былъ привести къ политическому единству. Къ таможенному союзу присоединился въ августѣ 1831 г. Кургессенъ, отпавшій отъ средне-германскаго торговаго союза. Въ мартѣ 1833 г. слились въ одно цѣлое обѣ группы, соединенныя уже торговыми сношеніями, государства прусско-гессенской системы, и Бавaрія-Вюртембергъ-Гогенцоллернъ. Одно государство за другимъ присоединялись: Саксонія, остатки маленькихъ Тюрингенскихъ государствъ (1833 г.), Баденъ, Нассау (1835 г.), Франкфуртъ (1836 г.). Въ составъ Германскаго таможеннаго союза входили уже 8,252 кв. мили и 25.000,000 жителей. Какъ мы видѣли, это созданіе было заслугой прозорливаго, въ народномъ хозяйствѣ свѣдущаго и дальновиднаго прусскаго высшаго чиновника и самого короля, который понималъ эти дѣла подобно многимъ князьямъ его дома. Либерализмъ пользовался здѣсь небольшимъ почетомъ, либеральныя головы были противъ присоединенія, какъ, напримѣръ, вольнодумный Баденъ, очень недальновидно противившійся присоединенію, такъ какъ оно ставило ихъ въ слишкомъ тѣсныя отношенія къ Пруссіи, тогда еще неограниченному правительству. Нельзя достаточно оцѣнить пользу отъ возраставшихъ торговыхъ сношеній и соотвѣтственнаго увеличенія и улучшенія торговли, вносившей въ народную жизнь не только обмѣнъ товаровъ и продуктовъ, но и обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, что къ концу десятилѣтія было ясно замѣтно. Еще важнѣе былъ законъ, постановленный о томъ, чтобы измѣненія дѣлались не союзомъ, а по договорамъ одного государства съ другимъ. Въ силу этихъ законовъ Ганноверъ съ Брауншвейгомъ, Ольденбургомъ, Шаумбургъ-Липпе устроили нижне-саксонское таможенное общество, которое должно было подорвать таможенный союзъ. Это была одна изъ многихъ безплодныхъ попытокъ остановить медленное, но послѣдовательное развитіе германской націи.

Церковныя смуты.

Было желательно, чтобы таможенный союзъ, своимъ воздѣйствіемъ на промыслы, далъ новую связь единству народа, въ виду того, что въ это тридцатилѣтіе старинный врагъ германскаго единенія—борьба протестантства и католичества выступала во всей своей силѣ. Было большимъ заблужденіемъ, въ то время, когда раціонализмъ бралъ верхъ, увѣрить себя, что сила религіи и церковныхъ убѣжденій подорвана, тогда какъ она давала себя чувствовать все съ большей силой, по мѣрѣ того, какъ населеніе втягивалось въ общественныя дѣла. Въ 1835 году умеръ вѣротерпимый патріотъ, архіепископъ Кёльнскій, графъ Шпигель; подъ вліяніемъ кронпринца Фридриха-Вильгельма, который при большомъ умѣ, массѣ идей и живости чувствъ, во всю свою жизнь выказывалъ мало понятія въ практическихъ дѣлахъ, былъ избранъ на это важное мѣсто вестфальскій дворянинъ, съ очень ограниченнымъ образомъ мыслей, средне-вѣковый подвижникъ, обскурантъ Клеменсъ-Августъ Дросте. Онъ тотчасъ сталъ во враждебныя отношенія къ ученой школѣ профессора Гермеса, отъ сочиненій котораго папа предостерегалъ вѣрующихъ

въ своемъ посланіи отъ 26-го сентября 1835 г. Гермесіанцы надѣялись убѣдить папу, какъ янсенисты сто лѣтъ тому назадъ, и такъ же тщетно, что онъ ошибается въ значеніи гермесіанскихъ законоученій. Однако, Клеменсъ-Августъ разослалъ посланіе къ духовнымъ отцамъ рейнскаго университетскаго города, въ которомъ онъ запрещалъ, подъ страхомъ взысканія, чтеніе гермесіанскихъ сочиненій и посѣщеніе лекцій богословія, которыя держались этого богословскаго направленія (іюнь 1837 г.). Прусское правительство выказало тутъ, въ первый разъ, свою страшную неумѣлость въ обращеніи съ вопросами церковно-политическаго характера; черезъ куратора университета велѣно было увѣдомить профессоровъ-католиковъ, что они должны совершенно отказаться отъ упоминаній о гермесіанскихъ сочиненіяхъ и отзывахъ папы о нихъ, подъ страхомъ «увольненія отъ должности»; въ это самое время уполномоченные гермесіанцевъ были отосланы изъ Рима съ отказомъ.

Немногимъ удачнѣе былъ рѣшенъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ. Это былъ критическій вопросъ для католицизма въ прусской рейнской провинціи. Приказъ, исходившій изъ королевскаго кабинета, отъ августа 1825 г., по которому въ восточныхъ провинціяхъ требовалось, чтобы дѣти смѣшанныхъ браковъ слѣдовали религіи отца, распространенъ былъ и на западныя рейнскія земли и Вестфалію. Въ клерикальныхъ кругахъ вычислили очень вѣрно, что, въ сравнительно короткое время, отъ этого будетъ обращено въ протестантизмъ все высшее сословіе этихъ провинцій, такъ какъ тутъ чаще всего бываютъ смѣшанные браки. Молодые чиновники или молодые купцы евангелическаго исповѣданія, которыхъ посылаютъ, или которые сами переселяются сюда—талантливые молодые люди, съ будущимъ, большею частью женятся на достаточныхъ мѣстныхъ дѣвушкахъ-католичкахъ. Римская Церковь не одобряетъ, понятно, смѣшанныхъ браковъ; но допускаетъ по закону церковное благословеніе ихъ, если дается обѣщаніе воспитать дѣтей въ католической вѣрѣ. Такое бревэ Пія VIII явилось въ мартѣ 1830 г. Если такого обѣщанія и не было дано, то допускалось присутствіе католическаго священника—такъ-называемое пассивное присутствіе—или соглашеніе на бракъ въ присутствіи католическаго священника, но безъ всякаго церковнаго торжества. Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ.

Въ кроткій и, смѣемъ сказать, христіанскимъ духомъ проникнутый вѣкъ, обѣ стороны вообразили на Рейнѣ, что папское бревэ и кабинетскій указъ тождественны, почему и самый указъ является исполнимымъ для римскаго духовенства, такъ какъ бревэ не высказывается прямо противъ него. Клеменсъ-Августъ, передъ избраніемъ своимъ въ архіепископы, обѣщалъ поддерживать, на основаніи бревэ—состоявшееся соглашеніе между епископами и прусскимъ правительствомъ. *Послѣ* избранія своего онъ нашелъ, что бревэ и соглашеніе *не* совмѣстимы; въ Римѣ въ то же время узнали о положеніи дѣлъ и объ уловкѣ, которая здѣсь допускалась. Священники стали отказываться вѣнчать, если не давалось обѣщаніе воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ; такъ какъ архіепископъ, послѣ напоминанія о томъ, что онъ обязанъ исполнить обѣщаніе или отказаться отъ должности, ничего не сдѣлалъ, то въ ноябрѣ 1837 г., онъ былъ аре-

стованъ въ своемъ дворцѣ, въ Кёльнѣ, и подъ конвоемъ отвезенъ въ крѣпость Минденъ. Такимъ же образомъ отнеслись къ архіепископу Позенскому и Гнѣзненскому, по случаю его пастырскаго посланія въ февралѣ 1838 года, въ которомъ онъ угрожалъ отрѣшеніемъ отъ должности всякому священнику, благословившему смѣшанный бракъ и не взявшему обѣщанія съ родителей. И онъ тоже искупилъ свое настойчивое упорство весьма легкимъ мученичествомъ, просидѣвъ нѣкоторое время въ крѣпости. Эти происшествія возбудили общественное мнѣніе не въ однихъ католическихъ кружкахъ. Меттернихъ могъ радоваться тому настроенію, которое арестованіе епископа произвело въ Рейнскихъ провинціяхъ и которое готовило Прусскому правительству серьезныя затрудненія. Въ той степени, какъ онъ, и ультрамонтанская партія, сильно окрѣпшая, ожидала, затрудненій не произошло; хотя она жаловалась на принужденіе въ дѣлѣ вѣроисповѣданія, но въ этомъ она сама превосходила всякое протестантское правительство. Въ 1837 г. выселилось 400 протестантовъ-тирольцевъ изъ Циллерской долины, потому что тамошній фанатизмъ отравлялъ имъ жизнь; въ слѣдующемъ году, въ Баваріи, во время ультрамонтанскаго министерства Абеля, которому нѣкогда либеральный король Людвигъ временно передалъ всѣ дѣла, явился, такъ называемый, *кольнопреклоняющій* приказъ, по которому всѣ военные (значитъ и очень многочисленные солдаты-протестанты) должны были преклонять колѣно, когда проносили мимо Св. Тѣло Христово, sanctissimum, какъ называетъ это римская Церковь. Однакоже, прусское правительство не достигло своего желанія въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ, и на это нечего сѣтовать; католическое воззрѣніе было справедливо, такъ какъ условія, при которыхъ Церковь можетъ или хочетъ дать свое благословеніе браку, не могутъ быть предписаны ей государственной властью. Заключеніе брака касается государственной власти только какъ законный актъ, но въ какомъ отношеніи брачующіеся находятся къ своей Церкви, дѣло ихъ и Церкви. Въ остальномъ подчиненіе этихъ провинцій государственной дисциплинѣ шло спокойно впередъ; теперь, черезъ полстолѣтія, обращеніе высшаго общества въ протестантизмъ, котораго такъ опасался ультрамонтанизмъ, слѣдовало признать за совершившееся дѣло. Споръ не былъ еще вполнѣ улаженъ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ, 70 лѣтъ, 7-го іюня 1840 года.

Смерть Фридриха-Вильгельма III. 1840. Россія съ 1830 г.

Россія невольно приняла живое участіе въ парижскихъ происшествіяхъ. Конституція и то особое положеніе, которое дано было Польшѣ Александромъ I, не вполнѣ привились въ Польшѣ, главнымъ образомъ по винѣ польскаго народнаго характера. Народъ, и въ особенности дворянство польское, не заботились о спокойномъ преуспѣяніи и мало цѣнили осторожнымъ управленіемъ финансами князя Любецкаго, помогавшаго разными полезными предпріятіями подъему страны, давно находившейся въ небреженіи, а также и устройствомъ ея въ духѣ западно-европейской культуры. Настоящимъ патріотамъ это казалось скучнымъ; тайныя общества, заговоры и подобныя безхлѣбныя искусства процвѣтали здѣсь роскошнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь у нихъ явилась цѣль простая, хотя и наименѣе достижимая—возстановленіе Царства Польскаго въ его самыхъ широкихъ границахъ, до Днѣпра и Двины. При Николаѣ настроеніе

духа должно было ухудшиться, въ виду того, что онъ относился къ Полякамъ несочувственно; но, собственно говоря, первые признаки враждебнаго по отношенію къ Россіи настроенія Польши стали проявляться еще при жизни императора Александра I. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что, по конституціи 12 декабря 1815 г., хотя императоръ Всероссійскій и признавался въ то же время королемъ Польскимъ, однакоже всѣ дѣла внутренняго управленія Польшею были предоставлены сейму, который состоялъ изъ двухъ палатъ: верхней (или Сената) и палаты депутатовъ. Въ Сенатѣ засѣдали высшіе духовные и свѣтскіе чины королевства; а въ палатѣ депутатовъ—шляхта и горожане. Сверхъ того, Царству Польскому была присвоена особая финансовая система и монета, и даже дозволено было содержать польское войско, главнымъ начальникомъ котораго являлся великій князь намѣстникъ Царства Польскаго Константинъ Павловичъ, родной братъ императора Николая I. Казалось бы, что всего этого было бы, на первыхъ порахъ, достаточно для успокоенія и мирнаго, постепеннаго развитія страны; но на дѣлѣ оказалось, что даже и на первомъ сеймѣ Поляки, въ очень рѣзкой формѣ, стали высказывать недовольство своимъ положеніемъ. На второмъ, послѣ шумныхъ публичныхъ засѣданій, депутаты отвергли основные законы, предложенные русскимъ правительствомъ. Въ виду этого, правительство нашло себя вынужденнымъ допускать публичныя засѣданія сеймовъ только при открытіи и закрытіи ихъ. Это дало поводъ Полякамъ кричать, что правительство нарушило конституцію, хотя, въ сущности, оно имѣло право и было обязано наблюдать за порядкомъ на сеймахъ и охранять общественное спокойствіе въ Царствѣ Польскомъ. И вотъ въ польскомъ обществѣ образовались двѣ партіи: *аристократическая* (умѣренная), предводимая Адамомъ Чарторійскимъ, и *демократическая* (крайняя), во главѣ которой стоялъ историкъ Лелевель. Съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ Поляки стали мечтать о возстановленіи прежнихъ вольностей и о полной независимости отъ Россіи. Въ концѣ царствованія Александра I, Поляки уже готовились къ возстанію, и не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Литвѣ, и въ Подоліи (гдѣ дворянство было по преимуществу польское), и всюду уже существовали тайные кружки, которые старались всякими средствами возмутить народъ противъ русскаго правительства. При этомъ Поляки возлагали надежды на свое польское войско, превосходно обученное и образцово устроенное великимъ княземъ намѣстникомъ, а также и на ту непріязнь, которую Австрія и Англія питали около этого времени къ Россіи, и даже не старались скрывать.

Смуты въ Царствѣ Польскомъ.

17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ неожиданно вспыхнулъ бунтъ. Заговорщики, по заранѣе условленному плану, устремились одновременно и къ дворцу намѣстника, и къ арсеналу, гдѣ разграбили оружіе и роздали народу. Великому князю удалось спастись; но многіе изъ приближенныхъ къ нему и преданныхъ ему лицъ были убиты. Возстаніе въ началѣ легко могло быть подавлено русскими войсками, стоявшими въ окрестностяхъ Варшавы; но великій князь Константинъ Павловичъ выказалъ нерѣшительность и даже слишкомъ большую снисходительность въ своихъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ. Предпо-

Открытое возстаніе въ Польшѣ.

лагая уладить дѣло миромъ, онъ не только приказалъ русскимъ войскамъ отступить, но даже сдать Полякамъ сильную крѣпость *Модлинъ*, въ которой хранилось большое количество военныхъ снарядовъ и запасовъ. Такая уступчивость повела только къ тому, что возстаніе быстро распространилось по всему Царству Польскому и что все польское войско перешло на сторону мятежниковъ. Въ главнокомандующіе былъ избранъ старый генералъ Хлопицкій, сражавшійся еще подъ знаменами Косціушки. Однакоже, этотъ главнокомандующій не надѣялся на успѣшный исходъ борьбы съ Россіею и потому совѣтовалъ поскорѣе примириться съ русскимъ правительствомъ. Но важнѣйшіе руководители возстанія съ нимъ не согламались и одинъ изъ нихъ, Лелевель, настаивалъ на объявленіи войны Россіи и даже на вторженіи въ Литву. Однакоже, послѣ долгихъ споровъ, въ Петербургъ была все же отправлена депутація къ императору Николаю для оправданія происшедшаго въ Польшѣ переворота и для переговоровъ о дальнѣйшей участи Польши. Императоръ Николай отвѣчалъ депутатамъ слѣдующими достопамятными словами: «Пусть Поляки положатся на меня, и они будутъ счастливы. Въ качествѣ Польскаго царя, я считаю своею обязанностью подавить возмущеніе и наказать преступниковъ; если же нація вооружится противъ меня, то Поляки своими же пушечными выстрѣлами ниспровергнутъ Польшу».

Когда, на сеймѣ, въ январѣ 1831 г., посланные въ Петербургъ депутаты передали слова императора, сеймъ объявилъ низложеніе дома Романовыхъ, и оружію предоставлено было рѣшеніе этого дѣла. Русскія войска, съ которыми великій князь покинулъ страну, между тѣмъ, соединились въ большую армію, 100,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Дибича, противъ которыхъ революція могла выставить не болѣе 60,000. 19-го февраля, при *Гроховѣ*, Поляки, несмотря на отчаянную храбрость, понесли пораженіе; но графъ Дибичъ сдѣлалъ большую ошибку. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ двинуться на Варшаву, онъ сталъ выжидать, что Поляки покорятся Россіи безъ дальнѣйшаго сопротивленія. Это замедленіе дало Полякамъ возможность оправиться и усилить свою армію до 80,000 человѣкъ. Новый главнокомандующій, смѣнившій Хлопицкаго, Скшинецкій, рѣшился даже дѣйствовать наступательно и напасть на гвардейскій корпусъ, расположенный отдѣльно отъ главныхъ русскихъ силъ, между рѣками Бугомъ и Наревомъ; здѣсь, при *Остроленкѣ*, польское войско было вторично разбито. Но дѣйствія русской арміи были вновь парализованы развившейся среди нея холерной эпидеміей, жертвами которой пали и великій князь Константинъ Павловичъ, и Дибичъ; до назначенія новаго главнокомандующаго произошло значительное замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но когда главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ *Паскевичъ*, то онъ тотчасъ же переправился черезъ Вислу и подступилъ къ Варшавѣ. Прежде чѣмъ вести войска на приступъ, главнокомандующій, по желанію императора Николая, вступилъ въ переговоры съ Поляками, требуя, чтобы они признали императора Николая королемъ Польскимъ и отказались отъ своихъ притязаній на возсоединеніе Польши съ Литвою и западно-русскими областями. На эти вполнѣ разумныя предложенія Поляки отвѣтили надменнымъ требованіемъ «полнаго возстано-

вленія Польши въ предѣлахъ, въ какихъ она существовала до перваго раздѣла». Тогда Паскевичъ приказалъ сказать Полякамъ, что «на ихъ требованія будетъ отвѣчать пушечными выстрѣлами», и на другой день (25-го августа 1831 г.) повелъ войска на штурмъ. Несмотря на то, что въ это время въ Варшавѣ происходили кровавые раздоры между вожаками польскаго возстанія, а чернь неистовствовала въ городѣ, Поляки защищались отчаянно. Но Русскіе заняли главный пунктъ ихъ позиціи, сильно-укрѣпленное селеніе *Волю*, а затѣмъ и всю переднюю линію варшавскихъ укрѣпленій. Два дня спустя, русскія войска вступили въ Варшаву, а польскія войска, преслѣдуемыя русскими, вынуждены были перейти черезъ австрійскую и прусскую границу, и тамъ положить оружіе. За границу удалились и предводители возстанія; большинство ихъ поселилось во Франціи и много способствовало впослѣдствіи ухудшенію отношеній между Россіей и Западной Европой, а въ особенности — между Россіей и Франціей.

Усмиреніе возстанія. Органическій статутъ. 1832 г.

1 ноября, послѣ полнѣйшаго усмиренія возстанія, императоръ Николай далъ амнистію. Въ февралѣ 1832 г. была конституція уничтожена, польское войско, понятно, перестало существовать; вмѣсто конституціи страна управлялась «органическимъ статутомъ» отъ 26 февраля 1832 г. и во главѣ управленія сталъ намѣстникомъ фельдмаршалъ Паскевичъ; при намѣстникѣ былъ учрежденъ особый совѣтъ, который подраздѣлялся на *комиссіи*, и каждая изъ нихъ занималась особою отраслью управленія (финансами, юстиціей, просвѣщеніемъ и т. п.). Университеты Виленскій и Варшавскій, въ виду вреднаго вліянія, оказываемаго ими на воспитаніе молодежи въ Польшѣ, были закрыты.

Возсоединеніе уніатовъ съ Православною Церковью.

Но, рядомъ съ этими мѣрами строгости, была принята и въ высшей степени важная государственная мѣра. По усмиреніи польскаго мятежа, императоръ Николай обратилъ вниманіе на положеніе народа въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, гдѣ большинство чисто-русскаго насе-



Медаль въ память возсоединенія Уніатовъ съ Православною Церковью.

ленія подвергалось вредному вліянію католическаго духовенства. Ради устраненія этихъ вліяній, съ 1830 г., въ Литвѣ, на Волыни и въ Подоліи были приняты правительствомъ мѣры къ разъединенію католиковъ отъ уніатовъ. Съ этою цѣлью управленіе уніатскою Церковью въ западно-русскихъ областяхъ было отдѣлено отъ управленія католическою. Нѣсколько лѣтъ спустя (8-го іюня 1839 г.), уніатскіе епископы и духовенство, собравшись на Соборъ въ *Полоцкѣ*, просили государя «о дозволеніи уніатамъ присоединиться къ Православной Церкви Всероссійской». Ходатайство ихъ было уважено и греко-уніатская Церковь возсоединилась съ Церковью Всероссійскою, въ память чего и выбита была вышепомѣщенная нами медаль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Великобританія при Вильгельмѣ IV и при королевѣ Викторіи. — Войны въ Испаніи и въ Португаліи. — Первое десятилѣтіе царствованія Луи-Филиппа.

Англія при Вильгельмѣ IV.

Перемѣны на престолѣ Англіи, происшедшія 26 іюня 1830 г., слѣдовательно за мѣсяцъ до французской «великой недѣли» и возведенія въ правители брата короля Георга, Вильгельма IV, должны были обязательно возбудить вопросъ о реформахъ нижней палаты и привести къ разрѣшенію парламентскій вопросъ. Ни одна страна въ Европѣ не перенесла столько ужасовъ, столько злоупотребленій и противорѣчій въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, какъ Англія. Въ своей государственной жизни она опередила на-много всѣхъ по свободѣ, благосостоянію, правильному раздѣленію монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ началъ; между тѣмъ въ государственномъ управленіи, въ обществѣ, въ народномъ воспитаніи, въ тюремномъ вопросѣ, въ средѣ фабричнаго населенія было много вопіющихъ неустройствъ, которыя переходили отъ одного поколѣнія къ другому. Исторія этого народа научила его прекрасной политической практикѣ: — всегда имѣть въ виду *одну* опредѣленную цѣль, если дѣло идетъ о государственныхъ преобразованіяхъ; и вотъ *реформа нижней палаты* сдѣлалась теперь такою именно точкой нападеній. Безтолковый составъ нижней палаты, выборное право, связанное съ поселками въ два-три дома, «гнилыми мѣстечками» и потому въ дѣйствительности принадлежавшее кому-нибудь изъ аристократовъ денежныхъ или прирожденныхъ, и дѣлавшееся предметомъ недостойной торговли, въ то время какъ города съ сотнями тысячъ жителей не обладали правомъ выборовъ, — достаточно освѣщены были всѣ возмутительныя, позорныя, смѣшныя сцены, происходившія при этихъ выборахъ; все зло, произведенное искаженіемъ первой конституціи, все было разъ-

яснено обычнымъ въ Англіи путемъ, въ самомъ парламентѣ, въ литературѣ, въ общественныхъ собраніяхъ. Теперь, когда во главѣ стоялъ честный, прямой и отъ всѣхъ предразсудковъ стараго торійскаго англійскаго общества почти свободный король, и знали, что у него нѣтъ никакихъ «основательныхъ» причинъ противиться парламентскимъ реформамъ, какія имѣлъ предшественникъ его, то признали своевременнымъ рѣшить этотъ важнѣйшій вопросъ, который одна изъ двухъ большихъ партій, виги успѣли своевременно вырвать изъ рукъ назрѣвавшей радикальной партіи.



Вильгельмъ IV, король Великобританскій.
Писано Дж. Кокрэномъ, гравировано Э. Дау.

Въ ноябрѣ этого года, послѣ того какъ министерство Веллингтонъ-Пиль вышло въ отставку, король призвалъ графа Чарльза *Грея*, который до первой французской революціи боролся за реформу нижней палаты. Въ управленіе, которое онъ составилъ, попали именно дѣятели, вслѣдствіи такъ долго связанные съ судьбами англійской и европейской свободы—лордъ Генри Броугэмъ, лордъ Ландсдоунъ, лордъ Мельбурнъ, Годерихъ, Пальмерстонъ, лордъ Джонъ Россель; въ февралѣ 1831 года они предложили парламенту билль о реформахъ. По англійскому образцу размѣренный, онъ упразднялъ однакоже 168 мѣстъ, замѣщаемыхъ тѣми 60 обезславленными «гнилыми мѣстечками», о которыхъ мы уже упоминали; эти 168 мѣстъ предоставлены въ пользу Лондона и другихъ большихъ городовъ (42), а прилегающимъ графствамъ, сталобыть сельскимъ округамъ, предоставлено 55; общее число сочленовъ убавили съ 658 до 596. Борьба велась долго, горячо, и всѣми возможными вліяніями и средствами, допускаемыми закономъ; борьба велась путемъ, достойнымъ великаго народа, побѣда одержана законнымъ

1830. Билль о реформахъ.



Графъ Чарльзъ Грей.
По гравюрѣ Хеслохля.

порядкомъ, безъ кровопролитія и разрушенія, и большое государство было выведено на новый путь. Билль не прошелъ при третьемъ чтеніи въ нижней палатѣ и министры подали въ отставку (апрѣль). Настроеніе страны въ тѣхъ слояхъ, которые всегда составляютъ ядро—въ классахъ имущихъ, потому что работающіе и зарабатывающіе составляютъ средній классъ—было таково, что король задумался принять билль. Онъ рѣшился распустить парламентъ, и при начинавшемся выборномъ увлеченіи народъ выказалъ свою зрѣлость: отстранивъ всѣ вожделѣнія, заходившія слишкомъ далеко, поставили правительству билль о реформахъ единственною задачею программы. Въ результатѣ получилась нижняя палата, какую искали, и какую при настоящей системѣ не такъ легко было найти—палата, способная переустроить себя. Большинствомъ свыше ста голосовъ, послѣ страшныхъ споровъ, билль прошелъ во всѣхъ трехъ конституціонныхъ чтеніяхъ. Побѣда была одержана рѣшительная: народная воля требовала перемѣнъ и потому ихъ надо было добиться. Опасность была въ способѣ и силѣ предстоявшаго противодѣйствія и въ средствахъ, которыя могутъ понадобиться, чтобы сломить это сопротивленіе. Въ палатѣ лордовъ у противниковъ было большинство и во главѣ ихъ стоялъ «желѣзный герцогъ», какъ они прозвали храбраго патріота; но въ данномъ вопросѣ онъ былъ упорно-ограниченнымъ англичаниномъ, какъ большинство называло герцога Веллингтона. Были причины не подаваться въ эту сторону:—не при этой-ли конституціи Англія выросла въ великую державу? Не черезъ тѣ-же-ли «мѣстечки» прошли въ парламентъ ея лучшіе государственные люди? Если начать передѣлывать конституцію, тогда будетъ-ли этому конецъ? 199 противъ 158 голосовъ отвергли билль при второмъ чтеніи (8 октября). Нижняя палата воспротивилась этому тотчасъ же и представила министрамъ свой довѣрительный notum. Но этимъ сопротивленіе не было уничтожено. Въ этомъ случаѣ было два средства: первое, если король назначитъ такое число пэровъ, котораго достаточно будетъ для обезпеченія биллю большинства и въ верхней палатѣ; если король откажется отъ этого, то есть еще второе, отчаянное, послѣднее средство: отказъ черезъ палату общинъ въ податяхъ. На первый случай отложенъ былъ день парламентскаго сбора. Рѣшимость народа оставалась прежняя. Въ декабрѣ парламентъ снова собрался и Джонъ Россель предложилъ новый билль, соотвѣтствовавшій первому въ существенномъ; огромнымъ большинствомъ прошелъ онъ въ нижней палатѣ, во всѣхъ трехъ чтеніяхъ. Онъ дошелъ до лордовъ и тутъ получилъ большинство

девяти голосовъ, при второмъ чтеніи. Но когда послѣ праздниковъ Пасхи палаты снова собрались, оказалось, что лорды отвергнутъ его въ третьемъ чтеніи, и тогда Грей потребовалъ отъ короля назначенія пэровъ. Но тотъ не могъ рѣшиться на мѣру, хотя вполнѣ конституціонную, но которая потрясла бы верхнюю палату, бывшую однимъ изъ столповъ старо-англійской конституціи, вмѣстѣ съ тѣмъ и самую конституцію расшатала бы до основанія. Онъ пригласилъ герцога Веллингтона составить новое министерство. Въ народѣ принято было твердое рѣшеніе; слѣдующій шагъ долженъ былъ быть отказъ въ уплатѣ податей въ палатѣ общинъ; но это крайнее средство оказалось, къ счастью, излишнимъ. Герцогъ не могъ найти министровъ, которые согласились бы на дальнѣйшее сопротивленіе тому, что желалъ англійскій народъ, а не возмутившаяся толпа черни. Министерство Грея снова приняло управленіе дѣлами; послѣ объясненія, сдѣланнаго въ верхней палатѣ, герцогъ и около ста человѣкъ единомышленныхъ съ нимъ вышли изъ палаты, до голосованія, благопріятнаго биллю и принятаго королемъ 7 іюня. Законы были очень умѣренны и перемѣны сдѣланы были самыя настоятельныя; уничтожены были только невыносимые безпорядки, право въ выборахъ распространено никакъ не въ радикальномъ духѣ; шагъ впередъ былъ сдѣланъ и сохранена при этомъ связь съ прошлымъ; ни одинъ законъ не былъ уничтоженъ, тронъ не потрясенъ, кровь не была пролита; величавый былъ поданъ примѣръ въ томъ, какъ у свободнаго народа разумная воля народа побѣдоносно преодолѣваетъ большіе предразсудки и освѣжаетъ конституцію, удаляя съ ея ствола сухія вѣтви.

Парламентская реформа одерживаетъ верхъ.

Въ первой палатѣ общинъ, по новому законоположенію, оказалось большинство либераловъ, 509 противъ 149, но дѣйствовала она очень умѣренно. Рядъ важныхъ и благодѣтельныхъ реформъ послѣдовалъ: новый законъ о бѣдныхъ 1834 г., который очень справедливо отдѣлялъ бѣдныхъ отъ получающихъ милостыню; первымъ помогали, а для послѣднихъ создавались пріюты, гдѣ они должны были заработать себѣ вспомоществованіе. Дальнѣйшимъ и послѣднимъ шагомъ къ уничтоженію рабства въ остъ-индскихъ колоніяхъ было назначеніе вознагражденія въ 20 милліоновъ фунтовъ (1838); перемѣны въ государственныхъ обществахъ Англіи и Валлисѣ, сдѣланныя примѣрно въ 178 городскихъ общинахъ и уничтожившія массу устарѣлыхъ злоупотребленій (1835); наконецъ, принята была очень простая, но въ своихъ послѣдствіяхъ чрезвычайно важная и благотворная мѣра — пониженіе почтовой платы за пересылку писемъ во всемъ соединенномъ государствѣ на одинъ пенни (1840). Графъ Грей сдалъ свою должность въ іюлѣ 1834 г. Король собралъ министерство изъ торіевъ, Веллингтона и сэра Роберта Пиля, которое послѣ краткой службы отказалось, имѣя противъ себя большинство въ главномъ, въ ирландскомъ церковномъ вопросѣ. Оно уступило мѣсто министерству виговъ, съ лордомъ Мельбурномъ, которому пришлось неожиданно выполнить и важную задачу, по смерти Вильгельма IV (20 іюня 1837 г.), посвятить въ дѣла его наслѣдницу, Александру-Викторію, дочь третьяго сына Георга III, вступившую на престолъ 18 лѣтъ и принятую съ большимъ энтузіазмомъ со стороны народа, въ огромномъ большинствѣ своемъ вполнѣ вѣрноподданнаго.

Смерть Вильгельма IV. Королева Викторія. 1837.

Это правительство виговъ, до августа 1841 г. стоявшее у кормила правленія, не было очень могущественное и всѣ важные вопросы не были разрѣшены имъ по мѣрѣ ихъ появленія. Одинъ изъ нихъ касался положенія государственной Церкви въ Ирландіи, для простого чувства справедливости въ теоріи очень простой вопросъ, но составлявшій давнишнюю и вопіющую несправедливость, потому что въ странѣ, по преимуществу католической, было множество протестантскихъ церквей и духовныхъ лицъ съ полнымъ церковнымъ содержаніемъ, получаемымъ непосредственно изъ податей, взимаемыхъ съ католиковъ; весь консервативный міръ страшно противился всякой серьезной попыткѣ затронуть эту старинную несправедливость; крайняя партія собрала всю свою силу въ одинъ союзъ, носившій на себѣ характеръ, опасный для государства; во главѣ этого союза оранжистовъ стоялъ герцогъ Кумберлэндскій, впослѣдствіи король Ганноверскій. Нерасположеніе къ исправленію ирландскихъ дѣлъ послужило О'Коннелю поводомъ къ возобновленію и усиленію агитаціи въ пользу Ирландцевъ. Въ частности однакоже было сдѣлано много полезнаго, какъ, напримѣръ, во время управленія графа Норманби и его секретаря Томаса Друмонда, когда умножены и улучшены школы, что было и нужнѣе всего; но при характерѣ населенія, самое трудное было попеченіе о бѣдныхъ; устройствомъ обществъ умѣренности благородный капуцинъ Теобальдъ Матью съумѣлъ провести это въ высшей степени доброе и христіанское дѣло, дѣйствуя въ духѣ своей Церкви, и убѣдить нѣсколько тысячъ людей дать святое обѣщаніе отказаться отъ опьяняющихъ напитковъ, какъ самаго опаснаго врага народнаго благосостоянія.

Чартисты.

За другую трудную задачу, которая еще надолго осталась на очереди у всѣхъ европейскихъ законодательствъ и правительствъ, пришлось правительству королевы Викторіи взяться въ первый же годъ ея царствованія. При другихъ условіяхъ, но въ сущности все тѣ же человѣческія страданія всегда составляютъ главный, великій вопросъ. Самому многочисленному среднему сословію билль, очень благоразумно, предоставилъ болѣе обширный кругъ дѣйствій; противъ нихъ возстала радикальная партія, ея нападки вызваны были бѣдствіями фабричныхъ округовъ, несправедливостью и безчеловѣчностью относительно рабочихъ; не злоба одного человѣка, но условія жизни и невниманіе ко всему, что могло бы смягчить это бѣдствіе, что могло бы быть сдѣлано для уничтоженія его причинъ. Необузданные бунтовщики воспользовались этимъ настроеніемъ, возбужденнымъ нуждой въ массѣ фабричнаго населенія. Большія собранія, при факельномъ освѣщеніи, происходили по ночамъ и тогда бунтовщики, ирландецъ Фиргюсъ О'Коннеръ и диссидентскій проповѣдникъ Стефенсъ и другіе, въ пламенныхъ рѣчахъ излагали несуществующую «льготную грамоту» the Peoples Charter, толковали объ ежегодныхъ выборахъ въ парламентъ, объ общемъ правѣ голоса, объ уничтоженіи ценза, о съѣздахъ депутатовъ и т. п. Именемъ этихъ *Чартистовъ* или просто именемъ «народа», какъ они любили называть себя, написано было исполинское прошеніе, съ безчисленными крестами и массой фальшивыхъ подписей, которое подвезли въ нижнюю палату; въ ноябрѣ волненіе перешла въ явное возмущеніе, противъ котораго понадобилась вооруженная сила.

Англія до 1840 г.

Объ Англіи послѣдняго десятилѣтія можно сказать, что она занята была мирными, но постоянными стремленіями къ усовершенствованіямъ, что она обладала средствами измѣнить недостатки и ошибки прошлаго, что и выразилось въ большой агитаціи въ пользу уничтоженія пошлины на хлѣбные продукты; нужда вслѣдствіе неурожая, вызвавшая волненія Чартистовъ, побудила къ тому, и въ томъ же году, 1838, нѣсколько рѣшительныхъ и умныхъ людей, какъ Ричардъ Кобденъ, собрались для того въ Манчестерѣ.

Франція. Начинанія Луи-Филиппа.

Такимъ спокойнымъ и постояннымъ преуспѣваніемъ, какъ Англія въ биллѣ реформъ, не могла похвалиться *Франція* временъ іюльской революціи. Во Франціи были побѣдители и побѣжденные; партіи, раздѣленныя гораздо сильнѣйшими раздорами, чѣмъ въ Англіи, находились въ разныхъ лагеряхъ, подобно враждебнымъ арміямъ, а противъ нихъ стояло королевство; не такое, какъ королевство молоденькой Викторіи, гдѣ единодушно, радостно соединялись всѣ партіи въ помыслахъ о *единомъ*, неприкосновенномъ и непоколебимомъ краеугольномъ камнѣ національнаго зданія. Во Франціи правительство было предметомъ самыхъ сильныхъ нападокъ и государственной борьбы и потому съ своей стороны должно было всякія другія соображенія подчинять чувству самосохраненія.

Признаніе иностранными державами. Внѣшняя политика.

Признаніе иностранными державами новаго правительства не встрѣтило большихъ препятствій. Англія не терзалась легитимистскими предубѣжденіями и тотчасъ признала Луи-Филиппа. Державы священнаго союза получили отъ него самыя убѣдительныя и торжественныя увѣренія, и Пруссія тоже не затруднилась признать новаго короля; даже Меттерниху, для котораго спокойная жизнь была въ основаніи дороже убѣжденій, отнесся къ нему любезно. Россія, какъ сказано было выше, хотя и не особенно дружелюбно, но все-же стала тотчасъ въ законныя отношенія къ новому режиму, а непризнаніемъ его герцогами Моденскимъ и подобными можно было и не огорчаться. Въ 1836 г. отношенія были настолько дружественны, что Французы подумывали о бракѣ наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго, съ эрцгерцогиней Австрійской, что не состоялось, хотя оба принца, герцогъ и его младшій братъ герцогъ Немурскій, не могли пожаловаться на пріемъ, сдѣланный имъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Луи-Филиппъ высказалъ причины своего невмѣшательства въ дѣла иностранныхъ державъ, и въ отношеніи къ Бельгіи и Польшѣ французское правительство держало себя очень корректно. По отношенію къ первой король устоялъ отъ искушенія обогатить страну или Дворъ свой; изъ-за второй ему пришлось твердо выдержать трескъ рѣчей радикаловъ, которые пренебрегали въ своемъ легкомысліи даже истиной; они должны были замолчать, когда на запросъ о капитуляціи Варшавы, вызвавшей въ Парижѣ экзальтированныя выходки, министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ Себастіани, отвѣтилъ сухо и безучастно, что въ Варшавѣ полный порядокъ. Даже въ Италіи не дошло до столкновенія, хотя тамъ были сложныя обстоятельства.

Италія.

Переворотъ во Франціи оживилъ здѣсь надежды народной партіи. До мятежа дошло только въ Церковной области, хуже другихъ управляемой, и въ Моденѣ и Пармѣ, гдѣ регенты (въ первой герцогъ Францъ, во второй королева эрцгерцогиня Луиза) должны были бѣжать. Въ

февралѣ 1829 г. папѣ Льву XII наслѣдовалъ Пій VIII, а ему 2 февраля 1831 г. Григорій XVI, всѣ трое — люди строгихъ убѣжденій, горячіе противники современныхъ воззрѣній. Извѣстіе о бѣгствѣ герцога Моденскаго, ловко избѣгнувшаго заговора, но не считавшаго себя безопаснымъ, произвело суматоху въ Болоньи, во время конклава для избранія новаго папы. Пролегатъ назначилъ комиссію и уѣхалъ. Цвѣта союзной Италіи—бѣлый, зеленый, красный—развѣвались на мѣстѣ папскихъ знаменъ. Мятежъ охватилъ всю Романью и нѣсколько городовъ на западной сторонѣ Апеннинъ. Собралось законодательное собраніе изъ мятежныхъ элементовъ, въ февралѣ 1831 г., и получило названіе «собранія союзныхъ провинцій Италіи». Тогда Австрійцы вмѣшались въ дѣла, 6-го марта осадили Феррару, а 21 Болонью. Революціонное правительство перевело свои засѣданія въ Анкону: за ними шли Австрійцы, не стѣсняясь протестомъ Французовъ противъ занятія Церковной области; осадили городъ, изъ котораго бѣжали тѣ изъ мятежниковъ, которые были замѣтнѣе. Европейскія державы должны были соблюсти приличія, и только когда возстаніе въ Романьи обнаружило всѣ невѣроятныя злоупотребленія римскаго духовенства, то конференція посланниковъ всѣхъ державъ передала въ Римѣ статсъ-секретарю кардиналу меморандумъ о необходимѣйшихъ реформахъ. На даромъ потраченное время и на большое количество исписанной бумаги не обращали вниманія, но наброски требуемыхъ реформъ были выработаны и австрійскія войска выступили изъ папскихъ областей. Они вскорѣ опять воротились и двинулись къ Болоньѣ 28 января 1832 г. и встрѣчены были населеніемъ какъ освободители отъ папскаго войска, которое состояло изъ челяди, способной лишь на душегубство и грабежъ. Второе вмѣшательство Австрійцевъ вызвало, со стороны Французовъ, рѣшительный шагъ. 23 февраля въ Анконѣ высадились французскія войска и возстановлено трехцвѣтное знамя. Подъ руководствомъ Казиміра Перье французское правительство не пошло дальше, потому что онъ желалъ мира, а чего онъ желалъ, того добивался страстно. О перемѣнахъ въ папскихъ владѣніяхъ не слышно было, и дѣла въ Италіи продолжали идти попрежнему; только въ Неаполѣ, при Фердинандѣ II, съ ноября 1830 года управленіе стало благоприличнѣе. Большое значеніе имѣла перемѣна на престолѣ Пьемонта, происшедшая вскорѣ, 27 апрѣля 1831 г.: восшествіе на престолъ *Карла-Альберта*, перваго изъ новой линіи *Савойя-Кариньянъ*. Правительство Луи-Филиппа, снисхожденіями и послабленіями, достаточно доказало свое миролюбіе державамъ священнаго союза; въ остальныхъ дѣлахъ ея главнымъ стремленіемъ было вступленіе въ возможно близкія отношенія къ Англіи. Талейранъ, умный представитель Франціи при Британскомъ дворѣ, ясно отмѣчалъ это обстоятельство какъ необходимый образъ дѣйствія въ иностранной политикѣ новой эры. Единодушіе западныхъ державъ вызвано было исключительными обстоятельствами на Пиринейскомъ полуостровѣ, которыя въ этой связи получали большое значеніе.

Испанія и Португалія съ 1830 г.

Выше сказано было, что въ октябрѣ 1830 года у короля родилась дочь, принцесса Изабелла, и если надѣялись провести прагматическую санкцію Фердинанда VII, то могли это сдѣлать только съ помощью ли-

бераловъ. Фердинандъ умеръ въ сентябрѣ 1833 г. и вдова его, королева Христина, была регентшей, вмѣсто дочери своей *Изабеллы*, которая была наслѣдницей въ силу возстановленнаго старо-кастильскаго права престолонаслѣдія. Это не было признано другою партіею, признававшей *донъ-Карлоса*, брата короля, прямымъ его наслѣдникомъ. Междоусобная война между *Христинистами* и *Карлистами*, либеральной и независимой партіей, не заставила себя долго ждать; Луи-Филиппъ, точно такъ же законно управлявшій, какъ и Изабелла, былъ, разумѣется, на сторонѣ послѣдней, что и весьма естественно. Въ Португаліи Англія принимала такое же живое участіе, какъ Франція въ Испаніи. Мы помнимъ, что королева Марія де'Глоріа была признана только на островѣ Терцерѣ, остальная же земля находилась въ рукахъ дерзкаго узурпатора домъ-Мигуэля. Въ апрѣлѣ 1831 года домъ-Петро I, король Бразиліи, отецъ Маріи, отказался въ пользу сына своего Педро II, и посвятилъ себя теперь задачѣ возстановленія въ Португаліи правъ своей дочери. 8 іюля 1832 г. ему удалось завладѣть городомъ Опорто; 27 іюля 1833 г., послѣ разныхъ перемѣнъ, онъ могъ въѣхать въ Лиссабонъ и принять регентство, именемъ своей дочери, случай возможный только при особенныхъ историческихъ данныхъ этой страны. Большую часть своей арміи домъ-Мигуэль спасъ, и такимъ образомъ оказалось, что оба, домъ-Мигуэль и донъ-Карлосъ, были противъ обѣихъ несовершеннолѣтнихъ королевъ, которыя, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, были представительницами либеральныхъ принциповъ; симпатіи всѣхъ либераловъ Европы были на ихъ сторонѣ; а все, что сочувствовало легитимизму и клерикализму, стояло на сторонѣ донъ-Карлоса и Мигуэля. Сверхъ того, интересы *Англіи* и *Франціи* требовали, чтобы управленіе *Португаліи* и *Испаніи* шло сколь возможно разумнѣе, стало-быть либеральнѣе, или только бы не вполнѣ клерикально, то-есть неблагоразумно, и эта общность интересовъ въ апрѣлѣ 1834 г. привела къ *четверному союзу* Португаліи, Испаніи, Франціи и Англіи. Дѣло обоихъ претендентовъ пострадало отъ этого; при Эворѣ, въ провинціи Алемтехо, гдѣ соединены были ихъ военныя силы,



Донъ-Карлосъ.
По портрету Магуэса, литографировано Лассонгэромъ.

они должны были сдаться на капитуляцію, окруженные превосходными силами испанско-португальской арміи. Мигуэль исчезъ со сцены; донъ-Педро возстановилъ конституцію 1826 г. и пятнадцатилѣтняя королева была, въ томъ же году (сентябрь 1834), объявлена совершеннолѣтнею. Ея отецъ, домъ-Педро, скончался нѣсколько дней спустя; молодая королева, по смерти мужа своего герцога Лейхтенбергскаго, скончавшагося въ мартѣ 1835 г., бракосочеталась вторично съ Фердинандомъ, герцогомъ Кобургскимъ, изъ католической вѣтви этого дома, Кобургъ-Когари. Въ Испаніи междоусобная война длилась дольше. Карлисты имѣли чрезвычайно способнаго предводителя въ лицѣ баскскаго офицера *Томасо Цумалакарегуи*; конвенція въ Эворѣ пришлась очень кстати донъ-Карлосу, потому что на него не наложили никакихъ другихъ условій—что вѣроятно не помогло бы—и онъ могъ снова безпрепятственно воротиться къ своимъ преданнымъ Наварцамъ, послѣ того какъ его увезли въ Англію, на англійскомъ кораблѣ. Христиносы ни въ чемъ не имѣли успѣха въ слѣдующемъ году. Ихъ главнокомандующій, знаменитый Мина, не былъ на высотѣ задачи, а карлисты имѣли въ Кабрерѣ новаго, прекраснаго предводителя, по смерти *Цумалакарегуи*, умершаго отъ ранъ въ іюнѣ 1835 г. Съ обѣихъ сторонъ война велась ожесточенно, что несомнѣнно должно было быть въ такой горячей странѣ. Военная помощь скупо подавалась Англичанами и Французами. Надо сказать, что политическое положеніе въ Мадридѣ служило къ тому большимъ препятствіемъ: зависть и несогласія въ правящихъ кружкахъ, перемѣна министровъ, неспособность, недовѣріе регентши. Радикальная или болѣе радикальная партія, прогрессисты, въ 1836 г. сочли своевременнымъ еще разъ возстановить старое божество, конституцію 1812 года. Цѣлый полкъ милиціи напалъ на замокъ Ла-Грана, соединился тамъ съ гвардіей и заставилъ регентшу принять конституцію (августъ 1836 г.). Въ 1837 г. она была составлена въ умѣренномъ духѣ, съ двумя палатами и абсолютнымъ veto короны, и была утверждена. Между тѣмъ война продолжалась, и лѣтомъ 1837 г., въ то время какъ новое Estatuto real приходило къ окончанію, донъ-Карлосъ со своимъ войскомъ шелъ къ Мадриду. Теперь во главѣ стоялъ настоящій человѣкъ, генералъ Бальдомеро *Эспартеро*, который при Хуэртадель-Реи, въ октябрѣ того года, нанесъ карлистамъ пораженіе. Въ ихъ лагерѣ тоже были несогласія; глупое ханжество, съ которымъ думали привлечь Пресвятую Дѣву непремѣнно на сторону этой войны, величая ее «генералиссимусомъ», не помогло. Въ августѣ 1839 г. одинъ изъ карлистскихъ предводителей, Марото, условился съ Эспартеро, и по договору въ *Фергара* призналъ королеву Изабеллу; донъ-Карлосъ и его самый храбрый и способный предводитель Кабрера перешли въ іюлѣ 1840 г. французскую границу.

Франція. Луи-Филиппъ велъ себя осторожно въ испанскихъ дѣлахъ, совершенно такъ же, какъ Англія; серьезнаго недоразумѣнія съ восточными державами касательно этого вопроса нечего было опасаться. Правительство его до сихъ поръ не имѣло страстнаго желанія военной славы въ громадныхъ размѣрахъ; для этого нужны были особенно благопріятныя обстоятельства такому хорошему и осторожному, разсчетливому человѣку, какъ Луи-Филиппъ. Для возбужденія или по крайней

мѣрѣ для забавы Французовъ служилъ *Алжиръ*, пріобрѣтеніе Карла X, который рѣшили оставить за собою; населить его, привлечь поселенцевъ не удалось и съ 1835 года пришлось бороться съ серьезнымъ противникомъ, съ эмиромъ *Абдъ-эль-Кадеромъ*: онъ былъ изъ племени Марабутовъ, ревнитель «правой вѣры», возбуждавшій религіозный фанатизмъ и неукротимую страсть къ независимости этого племени.



Герцогъ Эспартеро.
Писанъ Галофромъ, литографированъ Левельэ.

Внутреннее развитіе Франціи съ 1830 г.

Въ послѣднее десятилѣтіе Франція имѣла большое, непосредственное вліяніе своею внутреннею политикою, живой и своеобразной работой своей конституціи, перемѣнами министровъ и правительственными расчетами, оживленной парламентской борьбой, своими нападками и защитой, въ собраніяхъ и въ печати. Луи-Филиппъ былъ никакъ не великій человѣкъ, но онъ былъ очень уменъ и, въ первое десятилѣтіе своего царствованія, умѣлъ съ большою ловкостью и искусствомъ обходить всѣ подводные камни.

Противники Луи-Филиппа, бонапартисты.

У него было три противника: легитимисты, республиканцы и къ нимъ прибавился съ 1836 г. третій, мечтательный и неопасный, *бонапартизмъ*. По смерти герцога Рейхштадтскаго, Наполеона II, по выраженію

бонапартистскихъ легитимистовъ, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, въ Вѣнѣ, въ іюлѣ 1832 году, третій сынъ бывшаго короля Голландіи Людовика, *Людовикъ-Наполеонъ* Бонапартъ, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ великаго имени и правъ, съ нимъ соединенныхъ. Родившись въ 1808 г.,



Герцогъ Рейхштадтскій—въ гробу.

Рисовано Эндеромъ, гравировано Штёберомъ въ Вѣнѣ.

находясь въ изгнаніи, онъ получилъ въ Германіи хорошее воспитаніе, принималъ въ 1830 году участіе въ возстаніи Романьи, потомъ жилъ при своей матери Гортензіи, въ ея замкѣ Аренненбергъ въ Тургау, былъ гражданиномъ Швейцаріи и артиллерійскимъ офицеромъ, и даже выказалъ нѣкоторую храбость, неожиданно явившись въ октябрѣ 1836 г. въ Страсбургѣ, гдѣ стояла та артиллерійская батарея, въ которой началъ свое великое поприще Наполеонъ I, и въ которой Людовикъ-Наполеонъ былъ друженъ съ полковникомъ. Предпріятіе не удалось на первомъ же шагу, такъ какъ гарнизонъ остался вѣренъ своему долгу.

Правительство не хотѣло сдѣлать героемъ или мученикомъ искателя приключеній и отправило его въ Америку. Нѣсколько времени спустя, онъ воротился и отъ Швейцаріи потребовали его изгнанія. Одна изъ особенностей иностранной политики Луи-Филиппа была та непохвальная черта, что онъ, желая выказать свою благонадежность и доброе расположеніе къ западнымъ державамъ, принималъ относительно Швейцаріи рѣзкій тонъ и заявлялъ грубыя требованія. Принцъ уѣхалъ въ Англію, тамъ онъ былъ безопасенъ, а для него было достаточно пока того, что онъ заставилъ о себѣ говорить.

Еще легче было справиться съ *легитимистской* партіей. Она состояла, большею частью, изъ знатныхъ людей, которые случайно ораторствовали въ парламентѣ и прессѣ, въ церквахъ и капеллахъ, дѣлали демонстраціи въ памятные дни, но не имѣли ни средствъ, ни смѣлости для того, чтобы Легитимисты.



Герцогиня Беррійская.
Писалъ Покэ, гравировалъ Фрильей.

дѣйствовать серьезно. Герцогиня Беррійская, которой наскучило изгнаніе, рѣшилась (апрѣль 1832) высадиться недалеко отъ Марселя, но такъ какъ тутъ не нашлось для нея никакого дѣла, то, переодѣтая, она переѣхала черезъ всю Францію, и явилась въ Вандеѣ; тамъ она, живя въ замкѣ Плассакъ, призывала роялистовъ къ оружію. Область эта однакоже давно уже утратила свою романтичность и поднять знамя въ пользу «великаго дѣла» ей не удалось; уголокъ, куда укрылась предпріимчивая герцогиня, былъ открытъ правительствомъ. Она была переселена на одинъ

изъ острововъ на Жиронд'Ѣ, въ зáмокъ Блэй, гд'Ѣ въ ма'Ѣ 1833 г. ея приключеніе закончилось довольно курьезнымъ, а для легитимистской партіи даже и весьма прискорбнымъ эпизодомъ,—именно, рожденіемъ здоровенькой дочки. Герцогиня должна была признаться, что она была тайно обвѣнчана съ итальянскимъ графомъ. Въ ноябр'Ѣ умеръ король Карлъ X, въ Грац'Ѣ, на австрійской земл'Ѣ.

Республиканцы.

Гораздо непокладливѣе и опаснѣе былъ третій противникъ—республиканцы; тѣ, кто себя и своихъ руководителей и подстрекателей называли народомъ «le peuple», и выставляли его нарочно, язвительно противуполагая ихъ собственникамъ, т. е. пріобрѣтателямъ, и буржуазіи. Дѣйствительно, это былъ тотъ самый народъ, который полонъ былъ революціонныхъ и якобинскихъ воспоминаній, который бился во время трехдневнаго іюльскаго боя, частью въ полномъ сознаніи, что бьется за республику, а не за новый престолъ. И теперь на нихъ пали грустныя послѣдствія революціи: остановка въ дѣлахъ и заработкахъ, — между тѣмъ какъ они ничего отъ нея не выиграли. Хотя этимъ іюльскимъ борцамъ давали лучшія обѣщанія относительно назначенія нѣсколькихъ милліоновъ на общественныя постройки, на поддержаніе промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливо выпроваживали ихъ изъ національной гвардіи, какъ вѣжливо вытѣснили Лафайэта съ мѣста главнокомандующаго этой гвардіей. Въ дѣйствительности, революція пошла въ пользу только богатымъ собственникамъ страны: на нихъ она опиралась и въ ихъ духѣ она правила. Въ одномъ сходились обѣ партіи—въ желаніи мстить министрамъ іюльскихъ распоряженій. Стоило много труда вырвать Полиньяка, Пейронэ, Шантелозэ, Гернона Ранвиля у бушующей толпы, которая пришла въ бѣшенство, узнавъ, что пэры не произнесли имъ смертнаго приговора. Но вскорѣ они раздѣлились. Министерство было вновь составлено въ консервативномъ духѣ, во главѣ его сталъ *Казиміръ Перье*, 13 марта 1831 г.,



Казиміръ Перье.
Писалъ Герзанъ, гравировалъ Дельпешъ.

страстный любитель порядка, съ большой энергіею и такой же страстный другъ мира; и когда онъ, въ маѣ 1832 г., умеръ отъ холеры, его система не была измѣнена; то были правила и самого короля, и смотря по составу палаты, управленіе было то строже, то мягче, что онъ самъ называлъ золотой серединой, juste milieu, между революціей и реакціей.

Конституція была редактирована въ нѣкоторыхъ параграфахъ нѣсколько свободнѣе, въ преимущественно-конституціонномъ духѣ, такъ что у правительства связаны были руки; но самое важное и желательное — какъ напр., серьезное распространеніе выборнаго права, или рѣшительная политика децентрализаціи, въ духѣ Мартиньяка—не было въ ней проведено. Новый законъ о выборахъ, отъ марта 1831 г., убавилъ цензъ на право быть избраннымъ съ 1,800 на 750, а цензъ избирателей съ 300 на 200 франковъ, и все же это дало не болѣе какъ 200,000 избирателей; департаментскій законъ, вслѣдствіе котораго хотѣли именно этимъ 200,000, платящимъ высшій налогъ, дать избирательное право, не былъ приведенъ въ исполненіе. Единственный существенный успѣхъ состоялъ въ законѣ о школахъ, виновникомъ котораго былъ самый замѣчательный умъ среди консервативной части господствующей партіи, протестантъ Гизо. Положеніе страны и погрѣшности прошлаго отчасти обрисовываются тѣмъ, что новобранцы конца 1830 г. были наполовину неграмотные. Повидомому, все шло очень либерально и очень конституціонно, и этотъ призракъ внушительно дѣйствовалъ на либераловъ по ту сторону Рейна, на которыхъ обаятельно вліялъ французскій конституціонализмъ. Наслѣдственное дворянство — предметъ страха и зависти для конституціоннаго буржуа—было на заднемъ планѣ; при разсужденіяхъ о будущемъ положеніи палаты пэровъ въ 1831 г., наслѣдственность пэра была отмѣнена громаднымъ большинствомъ 356 противъ 40 голосовъ, и мѣра о назначеніи пэровъ, передъ грозной тѣнью которой въ томъ же году отступила англійская аристократія, не испугала здѣсь, и королевскимъ указомъ за-разъ было назначено 36 пэровъ. Выборы назначались правильно, пренія были совершенно свободныя и министровъ мѣняли строго-конституціоннымъ образомъ, смотря по тому, какъ выбаллотируетъ большинство въ палатѣ депутатовъ. Противъ этой системы боролась республиканская партія, разными средствами, съ упорной ненавистью, но тщетно. Ежегодно, хоть разъ, извѣстіе о покушеніи на жизнь короля тревожило міръ. Покушеніе корсиканца Фіэски въ 1835 г. произвело большое опустошеніе въ свитѣ короля, но «адская машина» даже не ранила короля, дѣлавшаго смотръ національной гвардіи. Всѣ покушенія не достигали цѣли и только укрѣпляли положеніе короля, уменьшали смѣлость оппозиціи въ палатѣ и подавали поводъ къ усиленію репрессивныхъ мѣръ. Министръ-президентъ герцогъ де-Брольи воспользовался покушеніемъ Фіэско для проведенія трехъ строгихъ законовъ (сентябрь 1835), признававшихъ оскорбленіе короля и посягательство прессы на существующій образъ правленія — за преступленія противъ безопасности государства, при чемъ палатѣ передавалось дѣло для произнесенія приговора. Такія преступленія не бываютъ вполнѣ единичны, какъ ихъ помѣщаютъ въ это число, желая извинить духъ партіи, хотя партію собственно нельзя обвинять непосредственно въ преступленіи, потому что оно происходитъ подъ

Система короля. Возстанія. Покушенія.

вліяніемъ политической атмосферы, окружающей преступника или безумца. Правительству памятны были послѣдніе мятежи этого страстнаго народа, легко поддающагося подстрекательству, съ болѣе или менѣе опасными возстаніями, противъ которыхъ имъ приходилось бороться; напримѣръ, возстаніе въ декабрѣ 1830 г. въ Ліонѣ, происшедшее отъ дѣйствительной нужды и недостатка работы и усмиренное энергіею Казиміра Перье, и въ 1834 г. въ этомъ же городѣ, съ признаками политической подкладки и страшнымъ кровопролитіемъ. Въ Парижѣ также повторялись возстанія и старанія сдержать ихъ; такъ, въ 1832 г. при похоронахъ генерала Ламаркъ, единомышленника Лафайэта, въ 1834 г., вслѣдствіе возстанія въ Ліонѣ, въ 1839 г. по случаю долго продолжавшагося министерскаго кризиса, и подъ покровительствомъ одного изъ тайныхъ обществъ революціи, подъ крайне-невиннымъ названіемъ «общества четырехъ временъ года». Неутомима была, въ этихъ тайныхъ кознях, якобинская партія; ей содѣйствовала печать: въ 1831 году подъ именемъ «association nationale» къ борьбѣ съ иностранцами и Бурбонами; въ 1832 году подъ названіемъ «общества человѣческихъ правъ», въ которомъ принимали участіе люди извѣстные, какъ Лафайэтъ, общество распадавшееся на нѣсколько отдѣленій, содержавшихъ въ себѣ менѣе двадцати членовъ, или «общество семей»,—семьи, отдѣленія, квартиры; потомъ общество временъ года. Послѣднее произвело, руководимое неизвѣстными вожаками, 12 мая 1839 г. неожиданное нападеніе на городскую думу; одинъ изъ предводителей, вышедшій изъ мрака непзвѣстности не на пользу себѣ, Барбесъ, доставилъ себѣ удовольствіе провозгласить республику, но и въ этотъ разъ съ ними легко справились.

Еще хуже этихъ отдѣльныхъ взрывовъ, не опасныхъ для правительства при нѣкоторомъ вниманіи и энергіи, было постоянное зараженіе низшихъ классовъ народа; имъ объясняли, что недостаточно политической революціи, что надо дѣлать революцію общественную, дабы избавить 31 милліонъ илотовъ или паріевъ, насчитанныхъ во Франціи, отъ власти всемогущихъ 500,000 распутныхъ лѣнтяевъ, и довести до того, чтобы работникъ и хозяинъ заодно опредѣляли бы заработокъ; наложить налогъ на предметы роскоши и снять его съ другихъ предметовъ; тогда правленіе не будетъ въ рукахъ денежныхъ людей, банкировъ, поставщиковъ, откупщиковъ, биржевиковъ и подобныхъ кровопійцъ, откармливающихъ себя насчетъ народа. Къ несчастію, въ этихъ пустыхъ и страстныхъ декламаціяхъ было столько правды, что онѣ, если не оправдывали ненависть недовольныхъ, то становились добродѣтелью въ ихъ собственныхъ глазахъ. Зло, несправедливость, недостатки государства и законодательства несомнѣнно существовали; ихъ можно было постепенно, если не уничтожить, то смягчить, но коренное зло — бѣдность, бѣдствія можно уничтожить самообладаніемъ, нравственнымъ исправленіемъ, ученіемъ, воспитаніемъ, образованіемъ, соединеніемъ всѣхъ лучшихъ силъ къ постепенному усовершенствованію; къ подобному усовершенствованію здѣсь не было даже и добраго желанія. Въ связи съ этимъ находится и удивительная школа или секта *Сенъ-Симонистовъ*, называвшаяся такъ по имени происходившаго изъ большой семьи графа Сенъ-Симона, изобрѣтателя «новаго

христіанскаго вѣроученія», новаго устройства общества, похожаго на ученіе Платона; по ученію его, большинство людей, здѣсь-же, на землѣ, должны найти счастіе, а при современномъ общественномъ строѣ они тщетно ищутъ его. Другой мечтатель, *Карлъ Фурье*, измыслилъ систему добровольныхъ общественныхъ союзовъ, товариществъ, «фаланстерій» изъ 1,500—1,800 членовъ каждая; такъ какъ въ нихъ собраны всѣ человѣческія способности, то онѣ могутъ составить самостоятельное, само себя удовлетворяющее цѣлое, которое должно положить основу общему блаженству. Вслѣдствіе этого Сенъ-Симонъ, умершій въ 1825 году, поставилъ во главѣ своего новаго общественнаго строенія патріархальнаго деспота, своего рода папу, который каждому, по его способностямъ, назначаетъ его мѣсто въ извѣстномъ порядкѣ. Ученіе ихъ, похожее на новую религію, обладало притягательной силой, и человѣкъ, на котораго возложенъ былъ санъ сенъ-симонистскаго папы, Инфантенъ, обвиненный въ нарушеніи устава общества, нашелъ однако возможность ясно изложить опасную сторону этого ученія, при чемъ онъ ярко и сильно освѣтилъ несовершенство устройства современнаго общества, старающагося избавиться отъ всякихъ бѣдствій человѣчества. Секта, состоявшая въ большинствѣ изъ благородныхъ мечтателей или изъ пресыщенныхъ представителей высшихъ сословій, исчезла скоро, но теорія ихъ продолжала развиваться и проявилась впослѣдствіи въ другомъ видѣ.

Министерства.

Въ общемъ обзорѣ этого десятилѣтія невозможно услѣдить за всякимъ министерскимъ кризисомъ, и достаточно представить самыя извѣстныя имена тѣхъ, кого большинство голосовъ и «парламентское созвѣздіе» ставили во главѣ и потомъ опять низвергали. То были: Лафиттъ, Казиміръ Перье, Монталивэ, маршалъ Сультъ, котораго король заставлялъ играть роль Веллингтона въ Англіи. Въ октябрѣ 1832 года министерство juste milieu съ Тьеромъ, Гизо, герцогомъ де-Брольи — Жераръ, маршалъ Мортье, — министерство герцога де-Брольи, министерство Тьера, министерство графа Моле и Гизо (1836 года); вторично министерство Сульта (1839 г.). Тронная рѣчь въ декабрѣ того года представляла положеніе страны въ весьма благопріятномъ видѣ, — дѣйствительно, нельзя было не отдать справедливости большимъ заслугамъ правленія, въ продолженіе десяти лѣтъ веденнаго въ строго конституціонномъ духѣ, носившаго на себѣ печать умнаго и осторожнаго, разсчетливаго Луи-Филиппа. Оно содѣйствовало сохраненію мира въ одной части свѣта въ весьма критическое время; не съ почетомъ въ духѣ галльскаго стремленія къ славѣ, но и не утративъ дѣйствительнаго вліянія и уваженія. Внутри государства это обезпечивало спокойствіе и правильное теченіе дѣлъ, для трудолюбія и благосостоянія народа создавало необходимое предварительное условіе; талантамъ былъ открытъ путь всюду, и нельзя было пожаловаться на недостатокъ свободы, на безсердечіе Церкви или политики, на покровительство однимъ льстецамъ и помощникамъ, какъ это бываетъ обыкновенно при Дворахъ. Кромѣ того, король старался быть и казаться популярнымъ. Его нравы и обычаи и даже воззрѣнія и потребности были мѣщанскія, bourgeois: въ такомъ духѣ онъ управлялъ и выставлялъ себя напоказъ болѣе, чѣмъ согласно было съ достоинствомъ короля. Прочность новаго дома казалась обезпеченной. Короля окружали сыновья во цвѣтѣ

лѣтъ и старшій изъ нихъ, герцогъ Фердинандъ-Филиппъ Орлеанскій, которому предстояло быть наслѣдникомъ престола, женатый съ 1837 г. на нѣмецкой протестантской принцессѣ, Еленѣ Мекленбургъ-Шверинской, извѣстенъ былъ какъ разумный, въ частной жизни безупречный человѣкъ, возбуждавшій общее довѣріе своимъ характеромъ. Полагали, что онъ будетъ продолжать и дополнять дѣйствія отца своего въ духѣ, соотвѣтствующемъ національному характеру страны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1840—1848. — Германія и Фридрихъ-Вильгельмъ IV. — Событія въ Швейцаріи и Италіи: Пій IX.

Пруссія. Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

7-го іюня 1840 г. умеръ въ Берлинѣ послѣдній изъ государей священнаго союза, Фридрихъ-Вильгельмъ III Прусскій. Наслѣдникомъ былъ старшій изъ его трехъ сыновей, *Фридрихъ-Вильгельмъ* IV (1840—1861 гг.), родившійся 15-го октября 1795 года (при вступленіи на престолъ ему было 45 лѣтъ). Рѣдко случается государю приступить къ великой задачѣ при лучшихъ обстоятельствахъ. Прекрасно-одаренный, не только окруженный людьми безупречной нравственности, но, благодаря своей матери, королевѣ Луизѣ, воодушевленный идеальными стремленіями; мальчикомъ и юношей, онъ былъ воспитанъ въ очень строгихъ правилахъ и подъ очень возвышенными впечатлѣніями; одаренный рѣдкими способностями, онъ жилъ въ такое время, когда все кругомъ было пропитано геніемъ. Кромѣ того, какъ сыну могущественнаго короля, ему стоило только пожелать, и всѣ разностороннія свѣдѣнія, всѣ современныя стремленія духа—поэзія, искусство, наука, богословіе и религія—все получалъ онъ изъ первыхъ свѣжихъ и обильныхъ источниковъ. Онъ предался этимъ разностороннимъ стремленіямъ и создалъ себѣ идеалъ своей будущей королевской дѣятельности. Обо всемъ рѣшительно у него были свои идеи; при всемъ изобиліи этого романтизма, онъ не научился простой прозѣ королевскаго достоинства. Многое онъ понималъ наполовину, озабоченный слишкомъ разнообразными занятіями и разрываясь на всѣ стороны; онъ нигдѣ не находилъ истиннаго пути, который его братъ и наслѣдникъ вѣрно отыскивалъ въ гораздо болѣе трудныхъ обстоятельствахъ и при несравненно меньшей талантливости. Его правленіе было самымъ поучительнымъ и самымъ несчастливымъ изъ всѣхъ, какія исторія можетъ намъ представить. Большое значеніе имѣло само по себѣ то, что такая возбуждающая, совершенно оригинальная по своимъ взглядамъ, чисто-нѣмецкая личность шла впереди самаго большого государства Германіи въ такое время, когда нѣмецкій народъ вступилъ въ новую эру своего развитія и совершенно преобразился подъ вліяніемъ эпохи великой освободительной войны.



Фридрихъ-Вильгельмъ IV.
По картинѣ проф. Крюгера, литографировано Ф. Іенценомъ.

Одного шага ожидали отъ него прежде всего: исполненія королевскаго обѣщанія относительно государственныхъ сословій, то-есть устройства государственной конституціи. Простой здравый умъ постигъ бы, что она сдѣлалась истинной потребностью, что народилось государственное сознаніе, прусское національное чувство, что нельзя его удерживать въ той тѣсной рамкѣ, которою довольствовался Вюртембергъ или Баденъ. Но поразительно медленно исчезаютъ заблужденія, даже въ самыхъ свѣтлыхъ умахъ, если они успѣли вкорениться въ средѣ двухъ поколѣній. Такое заблужденіе.

только въ настоящее время исчезающее понемногу, состояло въ убѣжденіи что власть короля *теряетъ* силу въ разрѣшеніи государственныхъ задачъ, при правильномъ законномъ содѣйствіи государственныхъ сословій, между тѣмъ какъ въ сущности это бываетъ совершенно иначе. Способный правитель, при народномъ представительствѣ, дѣлается съ ихъ помощью гораздо сильнѣе, освобождаясь отъ мелкихъ вліяній; къ несчастію, этотъ умный и способный государь вполнѣ поддался и подчинился именно этому ложному заблужденію.

Начало правленія. Безъ конституціи.

Начало новаго правленія обѣщало успѣхъ. Первыя назначенія, быстрота, съ которой положенъ былъ конецъ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ прежняго правленія, позволяла ожидать много хорошаго. Но стремленіе къ конституціи не замедлило проявиться. Отъ имени прусскаго ландтага въ Кенигсбергѣ подана была королю въ сентябрѣ записка о томъ, хотя ландтагъ вообще не имѣлъ политическаго значенія, а носилъ скорѣе вѣрноподданническій характеръ. Благопріятный отвѣтъ былъ сомнителенъ. Король объяснилъ свое намѣреніе продолжать тѣмъ же путемъ дѣло, начатое его отцомъ, съ окружными и провинціальными членами и, не въ первый разъ, злоупотребилъ словомъ «историческое преданіе». Всѣ эти краснорѣчивыя импровизаціи были прослушаны и просмотрѣны по случаю присяги, которую король принималъ отъ кенигсбергцевъ и другихъ. Дѣйствіе уклончиваго отвѣта короля было таково, что вопросъ этотъ сталъ горячо обсуждаться въ общемъ собраніи, въ брошюрахъ, сдѣлался предметомъ прошеній и споровъ въ провинціальныхъ засѣданіяхъ. У многихъ вліятельныхъ людей и во многихъ кругахъ общества укоренилось убѣжденіе, что по указу отъ 22-го мая 1815 г., въ которомъ обѣщано было представительное правленіе и народное представительство, равно и объявленіемъ отъ 17-го января 1820 г., что новый государственный долгъ не будетъ сдѣланъ безъ согласія будущихъ государственныхъ представителей, установлено право народа требовать представительнаго собранія. Король съ этимъ воззрѣніемъ не былъ согласенъ, и шелъ своимъ путемъ; открыты были ландтаги въ провинціяхъ, установлены комиссіи, и комиссіи изъ нѣкоторыхъ провинцій созваны въ Берлинъ на 18-е октября 1842 года. Хотя этимъ комиссіямъ и ландтагамъ въ провинціи придавали политическое значеніе, котораго они прежде вовсе не имѣли, но дальнѣйшей дѣятельности имъ не предоставляли. Имъ предоставляли вести переговоры о важныхъ дѣлахъ, напримѣръ, въ вопросѣ о сѣти желѣзныхъ дорогъ, но, по собственному выраженію Фридриха-Вильгельма, «только какъ вполнѣ независимымъ совѣтчикамъ», а не какъ представителямъ кого или чего-либо. Послѣдствіемъ этого было то, что на идею *конституціи для Пруссіи*, всюду—и въ Пруссіи, и въ остальной Германіи—стали смотрѣть, какъ на важнѣйшій національный вопросъ, а поведеніе короля строго осуждать, и вскорѣ даже порицать его безусловно.

Февральскій патентъ 1847 г.

Невозможно перечислить тѣхъ грудъ переписки и всякихъ документовъ, которыя нагромоздились въ теченіе двухъ поколѣній по этому дѣлу, въ сущности не столь уже сложному. По 3 февраля 1847 г. явился окончательный «*патентъ*», въ которомъ возвѣщалось о созваніи въ Берлинѣ соединеннаго ландтага. Былъ предложенъ весьма оригинальный государ-

ственный строй. При каждой потребности государства заключать заемъ или примѣнять новые налоги, провинціальные сеймы должны были собираться въ Берлинѣ для *соединеннаго ландтага,* и *соединенная комиссія* должна была засѣдать даже періодически,—по крайней мѣрѣ разъ въ каждые четыре года. Эти собранія имѣли совѣщательный голосъ при изданіи общихъ законовъ, участвовали въ завѣдываніи государственными долгами, имѣли право подавать петиціи. Насколько былъ простъ самый принципъ образованія соединеннаго ландтага посредствомъ простого же созванія провинціальныхъ сеймовъ, настолько былъ сложенъ весь аппаратъ: ландтагъ распадался на *господскій совѣтъ (Herrenkurie)* изъ князей и сановниковъ, и *сословный совѣтъ (Ständekurie)* изъ прочихъ членовъ провинціальныхъ ландтаговъ. Важнѣйшіе финансовые вопросы обсуждались совмѣстно обоими совѣтами. Такимъ образомъ, здѣсь была не дву-палатная система, какъ въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, но пяти-палатная: провинціальные сеймы, сословный совѣтъ, господскій совѣтъ, соединенное собраніе, соединенныя комиссіи, — и это при весьма ограниченной или даже вовсе не существовавшей «правой».

Соединенный ландтагъ.

Это весьма блестящее по внѣшности собраніе состоялось 11 апрѣля 1847 г., въ Бѣлой залѣ берлинскаго дворца, и король былъ не мало польщенъ этимъ блескомъ. Онъ открылъ засѣданіе одною изъ своихъ неподготовленныхъ рѣчей, которая доказала, что онъ, при всемъ своемъ умѣ, не обладалъ яснымъ пониманіемъ государственныхъ задачъ. Величая ландтагъ вѣнцомъ того зданія сословныхъ льготъ, главный столпъ котораго былъ заложенъ покойнымъ королемъ, учредившимъ провинціальные сеймы, онъ не хотѣлъ слышать о конституціи: естественныя отношенія между народомъ и государемъ не должны были превращаться въ условныя, конституціонныя. «Я никогда не допущу, говорилъ онъ, чтобы между нашею землею и Господомъ Богомъ вторгнулся какой-то писаный документъ, какъ-бы второй Промыселъ, мнящій править въ государствѣ своими статьями и замѣнить ими старинную священную вѣрность престолу». Обращаясь къ собранію тѣхъ, которые были представителями великой націи, — были этимъ, несмотря на желаніе или нежеланіе короля, или даже на свое собственное, онъ сказалъ, что не созвалъ бы ихъ, если бы могъ подумать, что они питаютъ замыселъ разыгрывать роль, такъ-называемыхъ, народныхъ представителей. Но и собраніе не желало принять на себя ничтожную роль, придаваемую ему этою нескладною болтовней. Тотчасъ же образовалась оппозиціонная партія, ядромъ которой были рейнскіе и восточно-прусскіе депутаты. Былъ составленъ адресъ королю, одобренный соединеннымъ собраніемъ обоихъ совѣтовъ (484 голосами противъ 107). Въ этомъ документѣ излагались *права сословныхъ чиновъ*, на основаніи не патента отъ 3 февраля, но «*законовъ*» отъ 22 мая 1817 г. и 17 января 1820 г. Собраніе не замедлило весьма наглядымъ доказательствомъ своихъ воззрѣній на предметъ, отвергнувъ, 448 голосами противъ 101, предложеніе гарантировать проэктированные правительствомъ земскіе банки, равно какъ заемъ въ 30 милліоновъ талеровъ на постройку желѣзной дороги, которая связала бы восточныя провинціи съ западными. Пользу и важность этой дороги никто не отрицалъ, однако и этотъ проэктъ былъ от-

вергнутъ 360 голосами противъ 179. «Это до тѣхъ поръ, сказалъ главный ораторъ оппозиціи, вестфальскій баронъ Георгъ фонъ-Финке,—до тѣхъ поръ, пока представительство не получитъ необходимой основы для поддержанія своихъ правъ». 26 іюня министръ Бодельшвингъ объявилъ собраніе закрытымъ. Правительство признавало за сословными чинами лишь нрава совѣщательнаго учрежденія; король не умѣлъ распознать знаменій времени. Въ этотъ разъ, князь Меттернихъ выказалъ большую прозорливость: когда король сообщилъ ему о своемъ намѣреніи созвать провинціальные сеймы на общее собраніе въ Берлинъ, то онъ предостерегъ его, говоря, что они явятся провинціальными сеймами, а уйдутъ рейхстагомъ. Это должно было случиться вскорѣ, въ лицѣ тѣхъ же лицъ или другихъ, потому что между ними были люди твердо знавшіе, чего они желаютъ, и желали они не чего-либо вреднаго, тогда какъ король не принималъ никогда цѣлесообразнаго рѣшенія, не уясняя себѣ самому въ точности своихъ желаній.

Церковное движеніе. 1840—1848.

На ряду съ политическимъ движеніемъ господствовало въ это десятилѣтіе и весьма сильное церковно-религіозное возбужденіе. Вѣкъ романтики миновалъ; умы были направлены на дѣйствительность, искали всего положительнаго; поэзія и фантазія уступали мѣсто научному міровоззрѣнію. Вмѣстѣ съ естествознаніемъ, которое, по самому существу своему, не можетъ принимать ничего на слово, безъ провѣрки, всѣ другія научныя области, въ особенности же изученіе историческихъ фактовъ, требовали, прежде всего, критическаго взгляда, въ обширномъ смыслѣ этого слова. И это критическое направленіе не оставило незатронутыми и источники христіанства, библейскія преданія. Борьба между простодушною или богословски-систематизированною вѣрою и научною критикою, возникшая уже давно и подавленная лишь на короткое время, возгорѣлась съ новою силою при появленіи книги Давида-Фридриха *Штрауса*: «Жизнь Христа» (1835), и эта борьба, увлекая въ сферу свою всѣ побочные, связанные съ нею интересы, пріобрѣтала силу отъ личности самого новаго короля, который рѣшительно отказался отъ гегеліанства, признавая лишь христіанскій позитивизмъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV весьма интересовался богословскими вопросами и обладалъ, какъ нѣкогда король Англійскій Іаковъ I, такими познаніями по этому предмету, которыми рѣдко можетъ похвалиться кто-либо, даже изъ самыхъ высокообразованныхъ мірянъ. Онъ назначилъ министромъ вѣроисповѣданій весьма почтеннаго и заслуженнаго патріота, *Эйхгорна*, который былъ здѣсь, однако, не на своемъ мѣстѣ. Все предпринимаемое королемъ въ отношеніи церковной организаціи и согласное съ его общими политическими взглядами, какъ-то: созваніе окружныхъ соборовъ (1843), областныхъ соборовъ (1844), наконецъ, общаго собора въ Берлинѣ (1846) только обостряло церковные споры, доказывая его желаніе сдѣлать плодотворною эту сферу нѣмецкой жизни, но не создавая рѣшительно ничего новаго. Наиболѣе важнымъ и оживленнымъ было оспариваніе положеній евангелической народной церкви; *друзья просвѣщенія*, какъ духовные, такъ и міряне, находили слишкомъ рѣзкое противорѣчіе между повѣствуемымъ церковными книгами и тѣми истинами, которыя доказываются разумомъ

и наукою. Во главѣ этого движенія были: саксонскій сельскій пасторъ *Улихъ*, честный, готовый на самопожертвованіе человѣкъ, и пасторъ *Вислиценусъ*, лишившійся мѣста за свою брошюру: «Чего мы должны держаться въ нашей вѣрѣ: духа или писанія?» Новое направленіе распространялось особенно въ среднемъ сословіи, но получало дальнѣйшій ходъ на народныхъ сходкахъ и послужило къ основанію множества *свободныхъ общинъ*. Въ одной изъ нихъ, основанной Улихомъ въ Магдебургѣ, насчитывалось, во время ея процвѣтанія, 5,000 членовъ. Борьба завязалась очень горячая; однако, эдиктомъ отъ 30 марта 1847 г. установлялась вѣротерпимость: гражданскія права признавались независимыми отъ какихъ-либо опредѣленныхъ религіозныхъ актовъ исповѣданій, признаваемыхъ государствомъ. Римско-католическая Церковь не избѣгла тоже нападеній, хотя она устойчивѣе противъ нихъ или легче ихъ разрѣшаетъ, нежели евангелическое ученіе. Выставка знаменитой реликвіи Трирскаго собора—«нешвеннаго хитона Христова», устроенная епископомъ Арнольди (1844), привлекла колоссальныя процессіи пилигримовъ изъ всѣхъ католическихъ земель; чудесъ совершилось, при этомъ, не менѣе, чѣмъ совершается и нынѣ, въ Лурдѣ или Марпингенѣ. Одинъ шлезвигскій пасторъ, Іоганнъ *Ронге*, написалъ, по этому случаю, открытое письмо къ епископу, упрекая его за «языческій праздникъ». Это дало толчокъ къ такъ-называемому *нѣмецко-католическому* движенію, очень бурному въ продолженіе извѣстнаго времени и выставлявшему своимъ идеаломъ національно-нѣмецкую церковь, при чемъ отлученный пасторъ прославлялся какъ новый Лютеръ, а его товарищъ Довіатъ считался его Меланхтономъ. Но все это поглоти-



Министръ вѣроисповѣданій Эйхгорнъ.
Рисовалъ Ф. Крюгеръ, литографировалъ Ф. Іенценъ.

лось общимъ потокомъ раціоналистскихъ и оппозиціонныхъ элементовъ того времени, не оставя по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ.

Австрія. Австрія оставалась, въ ущербъ себѣ, внѣ всѣхъ этихъ движеній; такъ казалось, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, въ ея нѣмецкихъ областяхъ. Перемѣна была только въ томъ, что прежній страхъ передъ правительствомъ смѣнился презрѣніемъ къ нему, и нелѣпая строгость цензуры, позволявшей себѣ даже замѣщать сказанное авторомъ чѣмъ-либо противоположнымъ его мысли, повела только къ тому, что всѣ, не исключая и высшихъ сановниковъ, читали запрещенныя книги и брошюры, провозимыя въ Австрію массами, благодаря продажности низшаго служебнаго персонала. И повсюду, гдѣ только можно было укрыться отъ глазъ полиціи, люди говорили съ увѣренностью, что правительство готовитъ себѣ катастрофу. Національное движеніе было особенно сильно въ *Венгріи*: на сеймѣ велись горячія пренія, печать возвышала голосъ; латинскій языкъ, принятый для дѣловыхъ бумагъ, замѣнялся мадьярскимъ. Правительству было легче справиться съ *Польшею*. Возстаніе, вспыхнувшее сначала въ Познани, распространилось на Краковскую республику и Галицію; но три державы-охранительницы заняли Краковъ своими войсками (мартъ 1846 г.); въ это же время русинскіе поселяне, находя минуту удобной для отмщенія польскимъ панамъ за свои долговременныя страданія, расправлялись съ ними жестоко,—на что австрійскія власти смотрѣли сквозь пальцы. Въ февралѣ 1846 г. русины Тарновскаго округа доставили высшему начальству цѣлые возы изловленныхъ или убитыхъ ими дворянъ. Краковская республика, послѣдній остатокъ независимой Польши, была присоединена къ Австріи, противъ чего безуспѣшно и вяло протестовали Франція и Англія.

Остальная Германія. 1840—1848. Въ остальныхъ германскихъ государствахъ, несмотря на полную безполезность союзнаго совѣта, жизнь развивалась замѣтно, какъ въ умственномъ, такъ и экономическомъ отношеніи, и даже, мало-по малу, и въ политическомъ. Благодаря тридцатилѣтнему миру, общее благосостояніе возрастало: внутреннія сношенія весьма оживились съ проведеніемъ первой желѣзной дороги въ Германіи, Нюренбергъ-Фюртъ, открытой въ 1835 г., среди насмѣшекъ филистерства. Новый способъ сообщенія представлялъ такія выгоды, что въ каждомъ небольшомъ и даже самомъ незначительномъ нѣмецкомъ государствѣ возбуждались толки о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и ставился вопросъ: какъ строить, на казенный или на частный счетъ? Весьма большое вліяніе, дѣйствовавшее втайнѣ, но сильное, производили письма лицъ, эмигрировавшихъ въ Америку, знакомившія преимущественно низшіе классы съ жизнью иною, свободною, не скованною полицейскимъ надзоромъ и произволомъ. Повсюду, хотя и подъ гладкой поверхностью, начинали закипать волны близкаго революціоннаго періода. Населеніе слѣдило со страхомъ и надеждою за происходившимъ во Франціи, откуда, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ превозноситься догматъ либеральной или радикальной революціи, и не заявляло уже прежней, безусловной покорности всему. Въ августѣ 1845 г. въ Лейпцигѣ начался опасный мятежъ: направленная подстрекателями или просто озлобленная толпа напала на домъ, въ которомъ остановился братъ короля



Первый поѣздъ на Нюренбергъ-Фюртской желѣзной дорогѣ, 7 декабря 1835 года.

Точная копія съ современнаго оригинальнаго рисунка, хранящагося въ Германскомъ музеѣ въ Нюренбергѣ.

Саксонскаго, принцъ Іоаннъ; войска вступились въ дѣло сначала, но потомъ предоставили городъ въ руки народнаго трибуна, Роберта Блума (изъ Кёльна), писателя, выдвинувшагося при нѣмецко-католическомъ движеніи и умѣвшаго сдерживать «верховный народъ». Радикальные литераторы превосходно эксплоатировали ошибки правительства, а все, что сами совершали предосудительнаго, прикрывали широкимъ плащомъ партійнаго направленія. Но особенно плохо, въ 1846 г., было положеніе баварской столицы. Слабохарактерный король, составившій, съ 1837 г., ультрамонтанскій кабинетъ съ Абелемъ во главѣ, былъ въ полномъ подчиненіи у наглой женщины, испанской танцовщицы Лолы Монтесъ, удостоенной имъ титула графини Ландсфельдъ. Министерство Абеля, какъ и смѣнившее его либеральное, пали среди этихъ обстоятельствъ. Мюнхенскій университетъ былъ закрытъ, вслѣдствіе участія студентовъ въ городскихъ безпорядкахъ, но общее негодованіе стало принимать столь угрожающій характеръ, что искательница приключеній сочла за лучшее поскорѣе удалиться изъ Баваріи.

Стремленія къ единенію.

Все это производило впечатлѣніе на остальную Германію, при чемъ выяснилось, насколько окрѣпло во всей странѣ національное чувство и какъ проникало оно, глубже и глубже, во всѣ народные слои. Это желаніе солидарности выразилось, въ экономической сферѣ, *таможеннымъ союзомъ*, къ которому присоединился, въ 1842 г., Люксембургъ, а въ 1843 г. Брауншвейгъ; но этому національному чувству не оставались чужды и другія стороны общественной жизни. Въ этомъ отношеніи оказали услугу *научные съѣзды*, починъ которымъ былъ положенъ, еще въ 1828 г., Океномъ, устроившимъ съѣздъ естествоиспытателей и врачей. Если такія собранія не служили здѣсь столь непосредственно политическимъ цѣлямъ, какъ въ Италіи, гдѣ они получили большое развитіе въ сороковыхъ годахъ, то они все же способствовали къ сплоченію общества, давали поводъ къ личнымъ сношеніямъ между людьми правящихъ классовъ. Во многихъ случаяхъ, напримѣръ, при первой промышленной выставкѣ въ Берлинѣ (1844 г.), при тутъ же происходившемъ церковномъ совѣщательномъ съѣздѣ (1846 г.), при основаніи фонда имени Густава-Адольфа, для покровительства и помощи нуждающимся евангелическимъ общинамъ (1842 г.), при сборѣ пожертвованій въ пользу города Гамбурга, пострадавшаго отъ страшнаго пожара въ маѣ того же года, и другомъ сборѣ на довершеніе постройки Кёльнскаго собора (къ чему и было приступлено въ сентябрѣ 1842 г.),—высказывалось всѣми желаніе и возможность перешагнуть, хотя изрѣдка, ради особыхъ цѣлей, за узкіе предѣлы своей родной стороны. Торжественная закладка въ Кёльнѣ, 4 сентября, на которой присутствовалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV,—бывшій здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ, какъ краснорѣчивый, блестящій ораторъ,—свидѣтельствовала объ этомъ возрожденіи національнаго чувства. Оно проснулось съ особенной силой и въ собственно политической области, при признакахъ опасности, грозившей со стороны Франціи, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Но, въ этотъ разъ, чувство это не было подвергнуто испытанію и лишь въ 1846 г. выступилъ на сцену вопросъ національной политики,—вопросъ, которымъ должна была опредѣлиться

цѣна нѣмецкаго національнаго чувства. Вопросъ этотъ былъ *Шлезвигъ-Голштинскій.*

Какъ было уже упомянуто выше, *Данія* состояла членомъ Германскаго союза, какъ владѣтельница герцогствъ Голштиніи и Лауенбурга. Герцогство Шлезвигъ никогда не принадлежало германской коронѣ, со временъ Конрада II; но нѣмецкое населеніе стало здѣсь преобладающимъ: южная треть герцогства была сплошь нѣмецкая, средняя была смѣшанной, однако, въ средѣ правящихъ классовъ бралъ перевѣсъ нѣмецкій элементъ и лишь сѣверная часть могла назваться дѣйствительно датской. Въ историческомъ и географическомъ отношеніи оба герцогства сливались между собою и были тогда въ состояніи помѣряться силами съ остальною Даніею, то-есть Ютландіею и островами. Въ Даніи, уже съ 1831 г., сознавалась потребность введенія конституціи и во всѣхъ различныхъ частяхъ, входящихъ въ составъ государства, созывались по этому поводу особыя собранія сословныхъ чиновъ, при чемъ произошло дѣленіе на партіи, и каждая изъ нихъ уже опасалась другой; но положеніе становилось особенно критическимъ потому, что король *Христіанъ VIII*, царствовавшій съ 1839 г., былъ бездѣтенъ и уже старъ; братъ его, Фридрихъ, признанный наслѣдникомъ престола, тоже не имѣлъ дѣтей и былъ преклоннаго возраста. Такимъ образомъ, на ряду съ вопросомъ о конституціи, возникалъ другой, о престолонаслѣдіи, — вопросъ не менѣе важный, чѣмъ былъ нѣкогда юлихъ-клеве-бергскій въ XVII в. Съ прекращеніемъ царствовавшей, такъ-называемой, старшей Ольденбургской линіи, датская корона переходила въ женскую линію того же дома, а въ Голштиніи — въ младшую мужскую, тоже Ольденбургскую, именно въ домъ Аугустенбургскій. Относительно Шлезвига, съ точки зрѣнія чисто-юридической, дѣло было сомнительно. Каждая партія, какъ водится, опиралась на свои доказательства и документы. Датскіе сеймы представили королю (1844) прошеніе, въ которомъ указывали на нераздѣльность всего монархическаго наслѣдія, согласно королевскому статуту 1665 года. Голштинцы возразили на это, въ томъ же, 1844 г., адресомъ съ такимъ же рѣшительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу самостоятельности герцогствъ, ихъ взаимной связи и права одной лишь мужской линіи на наслѣдіе. Король Христіанъ, въ видѣ опыта, издалъ разъясненіе подъ именемъ «*открытаго посланія*» (8 іюля 1846), въ которомъ завѣрялъ,—преимущественно своихъ вѣрноподданныхъ въ герцогствѣ Голштинскомъ, — что употребитъ всѣ старанія къ тому, чтобы сохранить ненарушимою цѣлость Датскаго государства. Перчатка, брошенная такимъ образомъ, была поднята не одною нѣмецкою партіей въ герцогствахъ, но всею нѣмецкою націей. Въ безчисленныхъ адресахъ, петиціяхъ отъ университетовъ и разныхъ обществъ, заявленіяхъ палатъ, выразилось общее настроеніе по «дѣлу о герцогствахъ» и, какъ при всякихъ подобныхъ національныхъ вопросахъ, самая суть права была обойдена очень легко. Шлезвигъ — старая окраина въ 160 кв. миль и съ 400,000 жителей—составлялъ пограничную область громадной важности, потому принимался за фактически нѣмецкую землю, самостоятельно переходящую къ Германіи. Впервые, при такомъ важномъ вопросѣ иностранной политики, обнаруживался

Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ съ 1846 г.

печальный недостатокъ въ странѣ: выказывая, въ этотъ разъ, небывалое единодушіе и опредѣленную волю, она не имѣла должнаго политическаго органа для выраженія этой воли. Голштинскіе сеймы перенесли свое дѣло на обсужденіе союзнаго совѣта, а это жалкое учрежденіе отвѣтило (17 сентября 1846) на патріотическія стремленія государствъ, членовъ Союза, такой резолюціей, въ которой обходило молчаніемъ Шлезвигъ, главный пунктъ вопроса, а относительно Голштиніи говорило, что «вполнѣ уповаетъ на то, что его величество, король Датскій, въ конечныхъ рѣшеніяхъ своихъ по *отношеніямъ*, *упоминаемымъ имъ* въ открытомъ письмѣ отъ 8 іюля, *соблюдетъ* права всѣхъ: Германскаго союза, родства по отцовскому колѣну и законнаго представительства Голштиніи». Медленно назрѣвалъ великій германскій вопросъ,—вопросъ о способности 40-милліоннаго населенія стать націей въ политическомъ значеніи этого слова; пока онъ представлялся лишь въ видѣ этого шлезвигъ-голштинскаго спора.

Швейцарія. Но не въ одной Германіи разрѣшался вопросъ о переходѣ отъ разрозненности и безсилія къ собиранію земли и единству; не въ ней одной подготовлялось все къ насильственному перевороту.

Швейцаріи удалось сравнительно быстро, — хотя и не вполнѣ безъ пролитія крови, — установить свой Союзъ на началахъ дѣйствительнаго федеративнаго государства. Въ этой странѣ боролись двѣ партіи, такъ-называемые «радикалы» и «іезуиты»,—причемъ оба названія, по обыкновенію, были далеко не вполнѣ характерными. Іезуитская партія преобладала въ католическихъ кантонахъ: Люцернѣ, Швицѣ, Унтервальденѣ, Ури, Цугѣ, Валлійской землѣ, Фрибургѣ. Люцернъ передалъ все школьное дѣло въ кантонѣ ордену іезуитовъ (1844). Два раза ходила противная партія съ оружіемъ въ рукахъ на городъ, оба раза была отбита и понесла большія потери при послѣдней атакѣ. Сознавая, однако, свое опасное положеніе, католическіе кантоны соединились въ тѣсный Союзъ, которому противники ихъ придали названіе «*Зондербунда*» (отдѣльнаго союза). Союзники надѣялись на опору реакціонныхъ державъ; но, на засѣданіи швейцарскаго союзнаго сейма въ Бернѣ (іюль 1847), радикалы, бывшіе здѣсь въ большинствѣ, добились распущенія Зондербунда, а когда тѣ семь кантоновъ отказались подчиниться такому приговору, противъ нихъ было послано 30-титысячное союзное войско подъ начальствомъ женевца Дюфура. Непріятельскимъ отрядомъ командовалъ генералъ Салисъ-Согліо. Противники встрѣтились у Гисликона, между Цугомъ и Люцерномъ. «Битва», очень не кровопролитная, порѣшила въ пользу Швейцарскаго Союза эту «Зондербундскую войну», длившуюся всего три недѣли.

Италія. Но все это поддерживало волненіе и въ Германіи; общее настроеніе, особенно въ южно-германскихъ земляхъ, проникалось тѣмъ безпокойствомъ, которое предшествуетъ, иногда, естественнымъ катастрофамъ, землетрясеніямъ... Такое состояніе умовъ поддерживалось и оправдывалось тѣмъ, что происходило въ *Италіи*. Австрійцы и Французы очистили въ 1838 г. города, занятые ими въ Церковной области, и спокойствіе казалось водвореннымъ повсюду. Но тѣмъ сильнѣе кипѣла работа «молодой Италіи»,— общества, существовавшаго вездѣ и нигдѣ и во главѣ котораго стоялъ

геніальный заговорщикъ, генуэзецъ Джузеппе Мадзини. Либералы помогали, по скольку могли, этой агитаціи даже открытыми или лишь слегка замаскированными способами. Цѣль движенія, простая и ясная, состояла въ освобожденіи отъ чужеземнаго, австрійскаго ига, при чемъ патріоты имѣли очень важнаго, хотя очень осторожнаго союзника въ королѣ Пьемонтскомъ, *Карлѣ-Альбертѣ*; вступивъ на престолъ въ 1831 г., онъ проводилъ спокойно, но настойчиво полезнѣйшія реформы, приведя особенно въ образцовый порядокъ свое войско. Но общее направленіе умовъ, по крайней мѣрѣ среди лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла по своему развитію, было уже столь сильно, что всѣ оттѣнки протеста служили одной цѣли. Такъ, одинъ священникъ, Винченцо Джіоберти, издалъ въ 1843 г. книгу: «О первенствѣ Италіи», въ которой онъ, съ благороднымъ одушевленіемъ, приписывалъ именно этой странѣ, столь упавшей въ то время, руководящую роль на пути народовъ къ свободѣ, и возлагалъ на *папство* честь почина въ этомъ священномъ дѣлѣ. И дѣйствительно, такое чудо совершилось: въ іюнѣ 1846 г., по кончинѣ закоснѣлаго обскуранта, папы Григорія XVI, конклавомъ былъ избранъ «папа-либералъ», бывшій кардиналъ Мастаи, изъ дома Феретти, *Пій IX*.

При вѣрѣ Итальянцевъ во всякія чудеса, при ихъ страсти все преувели- Пій IX. 1846.
чивать, личность новаго, кроткаго и благодушнаго папы, издавшаго тотчасъ же декретъ объ освобожденіи всѣхъ жертвъ прежней тиранніи, окружилась мгновенно какимъ-то легендарнымъ ореоломъ. Его либеральное настроеніе вызывало такой шумный, частью искренній, частью искусственно поддержанный восторгъ, что возгласъ: «*Evviva Pio Nono!*» сдѣлался своего рода лозунгомъ либерализма во всемъ мірѣ. Новый папа издалъ снисходительный цензурный уставъ и учредилъ государственный совѣтъ, *consulta di stato*, даже совѣтъ министровъ, по образцу свѣтскихъ государствъ. Далѣе, 5 іюня, уже несовсѣмъ добровольно,



Пій IX.
Литографія Л. Массара.

онъ допустилъ образованіе «гражданской стражи», національной гвардіи, которая быстро учредилась повсюду. Этому движенію весьма содѣйствовала неразумная мѣра князя Меттерниха, который ввелъ, безъ всякаго предупрежденія, въ Феррару австрійскія войска; они не только заняли мѣстную крѣпость, на что имѣли сомнительное право, но и городскія ворота (7 августа), о чемъ Меттернихъ сообщилъ четыремъ великимъ державамъ, прибавляя своимъ обычнымъ авторитетнымъ тономъ, что Италія не болѣе какъ географическій терминъ, обозначающій извѣстное число самостоятельныхъ государствъ. Въ данную минуту это была истина, которую можно было прочесть въ каждомъ учебникѣ географіи; вопросъ былъ въ томъ, не настало-ли уже время для перемѣны такого порядка вещей. Положеніе становилось между тѣмъ затруднительнѣе; демонстраціи учащались; австрійскіе чиновники и военные видѣли, что ихъ избѣгаютъ, какъ зачумленныхъ: если кто-либо изъ нихъ показывался въ публичномъ мѣстѣ, всѣ итальянскіе посѣтители удалялись тотчасъ. Тайный комитетъ запретилъ съ 1 января 1848 г. куреніе табака, — этимъ желали подорвать австрійское табаководство,—и вся Италія повиновалась приказу, хотя бы ради того только, чтобы подразнить австрійскія власти. Но правительство не думало идти на какія-либо уступки, хотя дѣло доходило уже до кровавыхъ столкновеній между войсками и народомъ или студентами, напримѣръ, въ Миланѣ и Болоньѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ, въ *Палермо*, куда не достигали австрійскія руки, вспыхнуло возстаніе, съ которымъ не могли справиться королевскія войска, прибывшія туда моремъ 15 числа. Они отступили въ ночь на 26 число; волненіе распространилось по всему острову и временное правительство, съ Руджіеро Сеттимо во главѣ, приняло на себя власть, требуя независимости острова Сициліи и отдѣльнаго для нея парламента, согласно конституціи 1812 г. Король Фердинандъ, хотя преданный абсолютизму, сознавалъ необходимость уступокъ и для Неаполя. Были изданы предварительныя конституціонныя правила, тюрьмы открылись и такой оборотъ дѣлъ повліялъ на ходъ событій и во всей остальной Италіи, уже подготовленной къ тому, съ одной стороны, движеніемъ, поощряемымъ такими мѣрами папы, какъ проэктъ общаго *итальянскаго таможеннаго союза*, которымъ Пій IX отвѣтилъ на вступленіе австрійцевъ въ Феррару, а съ другой—враждебными дѣйствіями австрійскаго правительства: въ декабрѣ 1847 г. оно заключило оборонительно-наступательный союзъ съ герцогами Моденскимъ и Пармскимъ; 23 февраля 1848 г. объявило ломбардо-венеціанское королевство на военномъ положеніи. Среди этого великій герцогъ Тосканскій провозгласилъ (11 февраля) о намѣреніи даровать конституцію своему народу; въ то же время (8 февраля), въ Туринѣ былъ обнародованъ *основной статутъ*, содержащій въ себѣ конституціонныя начала. Эти реформы возбуждали всеобщую радость. Въ этотъ разъ, за дѣло Италіи стояла рѣшительно *одна* держава, Англія, съ ея выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, главою министерства виговъ, лордомъ Пальмерстономъ. Австрія, Франція, Россія и Пруссія держали сторону консервативной партіи здѣсь, какъ и въ Швейцаріи. Но этотъ консервативный союзъ покоился на весьма шаткой почвѣ, которая начинала уже колебаться подъ ногами дѣятелей старой школы и сторонниковъ легитимистскихъ фантазій.



Николай I, императоръ Всероссійскій.
По современной литографіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Россія, Англія, Франція, отъ 1840 до 1848 г. — Восточный вопросъ.—Февральская революція въ Парижѣ.

Для уразумѣнія готовившейся важной катастрофы, которая произвела рѣзкій и рѣшительный переломъ въ самой половинѣ текущаго столѣтія, необходимо бросить взглядъ на положеніе дѣлъ въ Россіи, Англіи и Франціи въ сороковыхъ годахъ. Россія. 1840—1848.

Въ *Россіи* не было замѣтно никакого движенія по пути прогресса за это время. Императоръ Николай, правившій громаднымъ государствомъ съ 1825 года, не приступалъ ни къ какимъ реформамъ; а то движеніе, которое, исходя изъ Франціи, проявлялось во всей Западной Европѣ и отозвалось въ Польшѣ, повидимому, побуждало императора Николая I еще сдержаннѣе относиться къ идеямъ Запада и, по возможности, препятствовать ихъ проникновенію въ Россію. Сознавая свое могущество, императоръ Николай сталъ болѣе и болѣе заявлять сочувствіе къ тѣмъ охранительнымъ идеямъ Меттерниха и Священнаго Союза, которыя, какъ мы видѣли выше, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ періодѣ обособленія и развитія національнаго въ средѣ европейскихъ государствъ—давно отжили свой вѣкъ. Твердый волею и строго-послѣдовательный въ выполненіи своей идеи, императоръ Николай готовъ былъ всѣми своими силами способствовать поддержанію порядка вездѣ, въ особенности въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Россіею, разумѣя подъ нарушеніемъ порядка всякую борьбу съ законною, признанною властью, хотя бы даже и вполнѣ оправдываемую мѣстными условіями народной и государственной жизни. Это общее воззрѣніе, какъ мы увидимъ далѣе, проводилось императоромъ Николаемъ съ замѣчательною послѣдовательностью и такою настойчивостью, что въ примѣненіи его онъ не полагалъ даже никакого различія между своими ближайшими союзниками и прямыми врагами Россіи.

Это же воззрѣніе и побудило его къ той политикѣ вмѣшательства, которая вооружила противъ него Европу и привела, наконецъ, къ борьбѣ, въ значительной степени способствовавшей извлеченію Россіи изъ застоя, на который она была обречена своимъ обособленнымъ положеніемъ.

Долгое время Россія оставалась въ полномъ покоѣ, который нарушался только борьбою съ горными племенами Кавказа, тянувшейся непрерывно цѣлыя десятилѣтія. Съ 1839 г., храбрымъ и энергичнымъ вождемъ горныхъ племенъ состоялъ чеченскій глава племени, *Шамиль*, и въ это бѣдное событіями время кавказскія военныя дѣйствія доставляли не лишенную занимательности пищу русскимъ газетамъ и невзыскательному кругу



Шамиль.
По рисунку Ѳ. Горшельта (Кавказскій альбомъ).

Королевство Греческое.

ихъ читателей. Здѣсь, какъ и вездѣ, Англія помогала втайнѣ возстанію, и это соперничество Англіи съ Россіей, проявлявшееся въ весьма отдаленныхъ земляхъ, Восточной Азіи, Персіи, Афганистанѣ, хотя и не на полѣ сраженія,— но въ видѣ разныхъ интригъ и противоположнаго вліянія на придворныя сферы въ Испагани, Кабулѣ, Гератѣ,—давала матеріалъ для размышленія и полета фантазіи, какъ прозорливымъ государственнымъ дѣятелямъ, такъ и досужимъ политиканамъ, переливающимъ изъ пустого въ порожнее.

Вопросъ о томъ, черезъ сколько десятковъ или сотенъ лѣтъ Россія столкнется съ Англіей въ Восточной Азіи, и какъ съумѣетъ Англія отстоять свои остъ-индскія владѣнія, былъ далеко не столь важенъ, какъ такъ-называемый *восточный вопросъ*, игравшій въ этомъ столѣтіи роль, подобную вопросу польскому въ XVIII вѣкѣ. Подъ этимъ вопросомъ разумѣли въ Западной Европѣ вопросъ о завоевательныхъ планахъ Россіи и о возможности сопротивленія имъ. *Греческій вопросъ*, составляющій лишь эпизодъ въ ходѣ долго назрѣвающаго восточнаго вопроса, былъ счастливо разрѣшенъ: въ февралѣ 1833 г. король *Оттонъ I*, выбранный державами - покровительницами, сынъ испытаннаго друга Грековъ, короля Баварскаго, Людовика I, прибылъ въ Грецію, высадясь въ Навпліи. Положеніе Греціи передъ тѣмъ было очень печальное. Губернаторъ Іоаннъ Каподистрія палъ жертвою кровавой мести майнотовъ (октябрь 1831), а занявшій его постъ, братъ его Августинъ Каподистрія, былъ не въ силахъ подавить наступившую анархію. Когда же онъ удалился изъ Греціи (1832), остатокъ государственнаго порядка рушился среди озлобленія партій и междоусобицы. Дѣла нѣсколько поправились съ учрежденіемъ регентства, которое приняли на себя нѣсколько высшихъ баварскихъ сановниковъ, а съ іюля 1835 г. вступилъ въ управленіе самъ юный король. Западная Европа относилась уже равнодушнѣе къ судьбамъ классической земли.

Раздоры между членами регентства, бракъ короля съ принцессою изъ Ольденбургскаго дома, финансовыя затрудненія государства, ошибка въ выборѣ столицею не приморскаго города Пирея, а Аѳинъ, лежащихъ внутри страны, и тому подобное, — все это не заслуживаетъ подробнаго изложенія въ общемъ обзорѣ всемірныхъ событій; слѣдуетъ только замѣтить, что при всей неудовлетворительности своего положенія, Греція могла утѣшаться однимъ: она была уже не подъ турецкимъ владычествомъ.

Турція. Мехмедъ-Али. 1833.

Турція была вполнѣ ослаблена долговременною войною, пораженіемъ, нанесеннымъ ей Россіею, и послѣдствіями Адріанопольскаго мира. Это понималъ хорошо египетскій сатрапъ Мехмедъ-Али, воспользовавшійся, еще въ 1831 г., своимъ споромъ съ сирійскимъ пашою Абдаллой для того, чтобы отправить въ Сирію своего пасынка Ибрагима съ 20,000 войска, а египетскій флотъ къ Аккѣ. Завѣряя султана въ своей покорности, Мехмедъ-Али требовалъ отъ него, въ то же время, двухъ сирійскихъ пашалыковъ: Дамаска и Акки. Султанъ приготовился къ войнѣ, предавъ Мехмеда-Али проклятію, какъ измѣнника предъ Магометомъ и его избранникомъ (1832); но правительственныя войска, подъ начальствомъ Гуссейна-паши, были разбиты Ибрагимъ-пашою (іюнь), при Гомѣ въ Целесиріи, и Ибрагимъ вторгнулся въ Киликію чрезъ прославленныя Александромъ Великимъ ущелья. Населеніе встрѣчало его въ Малой Азіи и въ Сиріи какъ освободителя. Султанъ собралъ новое войско, которое повелъ противъ своего бывшаго боевого сподвижника Реджидъ-Мехмедъ-паши. Но и эта армія была уничтожена Ибрагимомъ, при *Коніи* (древній Иконіумъ), въ декабрѣ. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи Порта была вынуждена принять помощь отъ Россіи, которую самъ султанъ, недавно еще, называлъ исконнымъ врагомъ Турціи. Дѣла складывались выгодно для Россіи, которая не могла не опасаться успѣха Мехмеда-Али, питавшаго чистолюбивый замыселъ утвердить свою династію на мѣстѣ увядавшаго дома Османовъ и тѣмъ обновить и расширить мусульманское владычество, а это должно было, неизбѣжнымъ образомъ, затормозить надолго, или хотя на нѣкоторое время, русскіе планы, и потому императоръ Николай предложилъ султану Махмуду свою помощь охотно и вполнѣ безкорыстно. Султанъ принялъ ее, находясь въ отчаянномъ положеніи, въ такую минуту, когда Мехмедъ-Али, съ притворною преданностью, испрашивалъ у него, своего сюзерена, позволенія расположить свою главную квартиру у *Бруссы*, слѣдовательно, у самаго порога турецкой столицы уже. Русскій флотъ появился въ Босфорѣ съ десантомъ въ 5,000, потомъ 13,000 чел. Но это заставило тотчасъ же Англію и Францію принять тоже участіе въ дѣлѣ. Султану надо было, прежде всего, отдѣлаться отъ союзника; поэтому онъ постарался отнять у Мехмеда-Али предлогъ къ дальнѣйшему наступленію: согласно *Кутахійскому миру* (май 1833), Мехмедъ-Али получилъ требуемые имъ три пашалыка, а пасынку его, Ибрагиму, былъ предоставленъ постъ главнаго сборщика податей въ Киликіи. Египтяне и Русскіе возвратились къ себѣ, однако при выгодныхъ для Россіи условіяхъ: по *Ункіаръ-Искелисійскому договору*, она вступала съ Турціей въ *оборонительный и наступательный*

союзъ, по тайной статьѣ котораго Порта, вмѣсто матеріальной помощи Россіи, обязывалась закрыть Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ, слѣдовательно, вполнѣ обезпечить Россію съ этой стороны, въ случаѣ ея войны съ Англіей или Франціей. Хорошо направленная русская политика провела здѣсь мастерски свое дѣло. Турція была въ конецъ ослаблена, не только возложеннымъ на нее военнымъ вознагражденіемъ, но и новымъ могуществомъ египетско-сирійскихъ сатраповъ. Столкновеніе съ ними должно было неизбѣжно возобновиться.

Абдулъ-Меджидъ. 1839.

Прусскіе инструкторы привели снова въ порядокъ турецкую армію, и Махмудъ, видя надежду на успѣхъ, отправилъ ее въ походъ. Объявленіе войны послѣдовало въ іюнѣ 1839 г. Турецкій сераскиръ, Гафизъ-паша, былъ разбитъ Ибрагимомъ при *Низибѣ*, на Евфратѣ, но султанъ не успѣлъ получить этого печальнаго извѣстія: еще полный силъ, онъ умеръ черезъ шесть дней послѣ этой битвы. Преемнику его, шестнадцатилѣтнему *Абдулъ-Меджиду*, готовился второй ударъ: великій адмиралъ, Ахметъ-Февзи, посланный противъ Мехмеда-Али, перешелъ со своимъ флотомъ на сторону Египтянъ. Это служило для Турціи доказательствомъ, можетъ-быть, худшаго изъ золъ, а именно того, что высшіе турецкіе чины начинали фаталистически вѣрить въ волю самого Аллаха передать власть египтянину, отнявъ ее у дома Османовъ. Мехмедъ-Али требовалъ теперь утвержденія за нимъ наслѣдственныхъ правъ на Египетъ, Сирію и Киликію (Адана). Восточный вопросъ становился теперь въ высшемъ значеніи слова европейскимъ: Англія, Австрія и Пруссія,—для этой послѣдней дѣло имѣло, впрочемъ, въ эту минуту, лишь второстепенный интересъ,—должны были весьма озабочиваться недопущеніемъ Турціи подъ еще большую зависимость отъ Россіи, нежели то было сдѣлано уже Ункіаръ-Искелисійскимъ договоромъ. Интересы Россіи совпадали при этомъ съ направленіемъ державъ въ томъ смыслѣ, что ей было невыгодно желать торжества египетскихъ сатраповъ. Во всемъ этомъ роль Франціи была крайне своеобразна. Цивилизаторскія стремленія вице-короля Египетскаго доставляли хлѣбъ множеству французскихъ талантливыхъ людей и искателей счастья. Въ мартѣ 1840 г., Луи-Филиппъ долженъ былъ образовать новое министерство, съ безпокойнымъ, честолюбивымъ, слишкомъ умнымъ Тьеромъ во главѣ. На конференціи, созванной въ Лондонѣ, по почину Австріи, для обсужденія восточнаго вопроса, Тьеръ сталъ требовать утвержденія Мехмеда-Али въ наслѣдственномъ владѣніи Египтомъ и Сиріей, что создало бы новое большое восточное государство рядомъ съ турецкимъ. Въ головѣ новаго министра, эта идея связывалась съ множествомъ другихъ большихъ проэктовъ. Издавая свою замѣчательную историческую книгу, первый томъ которой только что вышелъ тогда, онъ находился подъ обаяніемъ наполеоновской грандіозной политики, и французскія газеты приняли вызывающій тонъ въ отношеніи Англіи и Германіи, въ отвѣтъ на что сложилась нѣмецкая патріотическая пѣсня: «Не владѣть имъ свободнымъ нѣмецкимъ Рейномъ».

Французская политика. Франція и державы. 1840.

Четыре остальныя державы заключили тогда между собою четверной союзъ съ цѣлью поддержать *status quo* въ Турціи, и сборныя австрійско-турецко-англійскія военныя силы заставили Ибрагима очистить Сирію.



Альбертъ, принцъ-супругъ королевы Англійской.

Писанъ Винтергальтеромъ.



Викторія, королева Англійская.

Писана Винтергальтеромъ.

Онъ отступилъ къ Александріи, бросивъ орудія и снаряды. Такъ долго сопротивлявшійся державамъ Мехмедъ-Али, тщетно возлагая свои надежды на Францію, былъ вынужденъ теперь передать обратно турецкому комиссару перешедшій на его сторону флотъ, согласиться на уплату Турціи ежегодной дани въ 7 милліоновъ франковъ и на сокращеніе своей арміи, признавая, сверхъ того, обязательными и для Египта всѣ договоры, которые Порта уже заключила или могла впредь заключать съ иностранными державами. За все это наслѣдственное право управлять египетскимъ пашалыкомъ было укрѣплено за родомъ Мехмеда-Али. Благодаря лорду Пальмерстону, руководившему англійскою иностранною политикою, этотъ миръ былъ довольно, даже безусловно, выгоденъ для Турціи (1841), но онъ не могъ устранить ея внутреннихъ затрудненій, хотя новый султанъ, своимъ гатти-шерифомъ изъ Гюльхане (ноябрь 1839), открывалъ широкую дорогу реформамъ, — впрочемъ, пока на бумагѣ, которая на Востокѣ еще выносливѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Пять державъ обязались не проводить черезъ Дарданеллы и Босфоръ своихъ военныхъ судовъ; Франція выпуталась изъ своего неловкаго положенія и участвовала тоже въ этомъ договорѣ. Безпокойная, то дерзко вызывающая, то робкая и миролюбивая, то либеральствующая, то рѣзко-консервативная иностранная политика французскаго правительства была необходимымъ или, по крайней мѣрѣ, естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго положенія страны, тоже колеблемой противорѣчіями. Въ *Англіи* было совершенно иное; именно въ это десятилѣтіе она представляла картину государства, развивающагося спокойно, подъ руководствомъ государственныхъ дѣятелей, правильно, настойчиво и сознательно идущихъ къ избранной ими цѣли.

Англія. 1840—1848. Сэръ Робертъ Пиль.

Молодая Англійская королева вступила, въ февралѣ 1840 г., въ супружество съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ, который съумѣлъ, въ своемъ нелегкомъ положеніи принца-супруга, пріобрѣсть расположеніе страны, благодаря своему такту и склонности къ англійскому образу мыслей и даже предубѣжденіямъ. Министерство виговъ, не получивъ большинства въ новоизбранномъ парламентѣ, пало въ августѣ 1841 г., и съ сентября этого года по іюнь 1846 г. дѣла были въ рукахъ торійскаго кабинета, членами котораго состояли: герцогъ Веллингтонъ, лордъ Эбердинъ, лордъ Стэнли, Элленборо, Уорнклифъ и человѣкъ будущаго — Эдуардъ Гладстонъ; но всѣхъ ихъ далеко превосходилъ сэръ *Робертъ Пиль*, канцлеръ казначейства и лидеръ палаты общинъ. Всѣ его мѣры отличались спокойствіемъ, увѣренностью, уваженіемъ къ государственному и общественному быту Англіи и умѣньемъ пользоваться его особенностями. При мятежѣ въ Уэльсѣ, сопровождавшемся разбоями, поджогами и всякими насиліями, Пиль понялъ, что это дѣло было признакомъ крайней нужды и потому слѣдовало бороться противъ него не однѣми полицейскими мѣрами, но и разумными реформами; для поправленія финансовъ, находившихся въ весьма разстроенномъ положеніи, онъ имѣлъ твердость провести законъ о подоходномъ налогѣ, который доставилъ ему, съ тѣмъ вмѣстѣ, возможность приступить къ либеральной торговой политикѣ: пошлины на весьма многіе предметы были понижены, между прочимъ, была сначала очень понижена, а потомъ и совсѣмъ уничтожена самая



Сэръ Робертъ Пиль.
Писано Т. Лауренсомъ.

тягостная изъ нихъ, — хлѣбная пошлина. Дѣйствуя умѣло и твердо, Пиль перевелъ страну постепенно отъ покровительственной системы къ системѣ свободной торговли. Въ 1846 г. палата приняла его билль, благодаря которому, какъ тогда говорили, хлѣбная пошлина должна была, въ продолженіе трехъ лѣтъ, катиться внизъ по наклонной плоскости, чтобы

исчезнуть послѣ совсѣмъ. Когда этотъ билль вошелъ въ законную силу, въ помощь ему стала дѣйствовать *лига противъ хлѣбныхъ пошлинъ* (Anticorn-law league), работавшая неутомимо, подъ руководствомъ Ричарда Кобдена, до тѣхъ поръ, пока не была вполнѣ достигнута желанная цѣль. Дѣло народнаго образованія, и училищное вообще, тоже много подвинулось въ теченіе сказаннаго десятилѣтія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что всѣ ужасныя доказательства упущеній въ этомъ отношеніи были безпощадно выставлены на свѣтъ. Быстро помочь дѣлу было трудно, при томъ неумѣстномъ отвращеніи Англичанъ ко всякому правительственному вмѣшательству, составляющемъ рѣзкую противоположность въ излишней любви другихъ народовъ къ этому началу. Различныя Церкви въ Англіи не выказывали тоже особаго усердія по общему вопросу о народномъ образованіи, а если и сочувствовали дѣлу, то портили его своимъ догматическимъ безсердечіемъ и нетерпимостью къ другимъ религіознымъ общинамъ. Самъ Пиль доказывалъ свое безпристрастіе въ этомъ отношеніи и даже провелъ, къ ужасу торіевъ старой школы, билль объ усиленіи средствъ католической духовной семинаріи въ Майнутѣ (Ирландія). О'Коннель возобновилъ свою агитацію въ Ирландіи и толпа стремилась за нимъ попрежнему. Но эта агитація не имѣла никакой разумной цѣли въ данную минуту, и страшный голодъ, посѣтившій островъ въ 1845 г.,—при чемъ населеніе могло перенести такое ужасное бѣдствіе лишь благодаря приливу щедрыхъ вспомоществованій изъ Англіи,—долженъ былъ внушить Ирландцамъ, что имъ безусловно нельзя еще порывать своей связи съ главною частью королевства. Но роль О'Коннеля уже приходила къ концу: болѣе радикальная партія «младо-Ирландія»,—отрасль «молодой Европы»,—далеко опережала его программу. Самъ онъ умеръ въ Генуѣ (май 1847 г.). Пиль оставилъ дѣла въ 1845 г., видя, что его партія не сочувствуетъ его реформамъ, не понимаетъ ихъ въ дѣятелѣ, начавшемъ свою карьеру торіемъ и остававшемся консерваторомъ по своимъ основнымъ воззрѣніямъ. Въ сущности, та цѣль, къ которой стремился этотъ великій государственный человѣкъ, вполнѣ заслужившій свою славу, была достигнута: онъ перевелъ англійскую политику на новую, современную почву безъ всякихъ сильныхъ потрясеній и насилій, доставя своей «консервативной» партіи возможность занять прочное положеніе среди новаго порядка вещей и продолжать свою дѣятельность и при этихъ новыхъ условіяхъ. Образованіе новаго кабинета было поручено лорду *Джону Росселю* (іюль). Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ министерствѣ былъ виконтъ *Пальмерстонъ* (Генри-Джонъ Тэмпль), принявшій портфель иностранныхъ дѣлъ (род. въ 1784 г.). Пальмерстонъ много содѣйствовалъ къ улаженію греческаго и, особенно, бельгійскаго вопросовъ. Иностранная политика Великобританіи стоитъ всегда въ связи съ интересами всѣхъ частей Свѣта. Въ данную минуту, въ Азіи и на Востокѣ было спокойно, послѣ того, какъ Англія умножила число своихъ колоній пріобрѣтеніемъ Новой Зеландіи (1840), потомъ, при своей несправедливой войнѣ изъ-за опіума съ Китаемъ,—имѣвшимъ полное право возставать противъ торга этимъ вреднымъ зельемъ и его контрабаднаго ввоза,—заняла *Кантонъ* и заключила въ *Нанкинѣ* миръ (августъ 1842),



Лордъ Пальмерстонъ.
По портрету Партриджа, литографировалъ Коллеттъ.

согласно которому получала островъ Гонъ-Конгъ. Все это укрѣпляло власть Англіи въ Остъ-Индіи, особенно съ расширеніемъ ея владѣній въ сѣверо-западной части полуострова, именно въ Пенджабѣ. О соперничествѣ Англіи съ Россіею въ ханствахъ и Афганистанѣ было уже говорено выше. Англичане понесли нѣсколько тяжкихъ пораженій въ Афганистанѣ, напримѣръ, въ 1841 г., въ Киберійскомъ ущельи. Такія потери были, впрочемъ, неизбѣжны и Англія имѣла возможность за нихъ жестоко отмстить; большого вниманія и твердости съ ея стороны требовала внѣшняя политика Франціи.

Франція. 1840—1848. Внѣшнія дѣла.

Требованіе выдачи праха Наполеона не имѣло особаго значенія и было тотчасъ уважено Англіей; водвореніе этихъ останковъ въ домѣ Инвалидовъ дало только случай *Тьеру*, главѣ французскаго министерства, польстить тщеславію націи и удовлетворить свое собственное. Турецко-египетскій вопросъ разрѣшился, не осуществивъ грандіозныхъ мечтаній Тьера, но онъ далъ ему случай выполнить его возлюбленный проэктъ объ *укрѣпленіи Парижа*. Но неудачная политика Тьера въ восточномъ вопросѣ привела къ паденію министерства, а въ новомъ кабинетѣ Сульта (29 октября 1840), заправилою явился Гизо,—протестантъ, человѣкъ очень образованный, послѣдовательный, но упрямый доктринеръ. Склоняясь болѣе и болѣе къ рѣзко-консервативной политикѣ, онъ вступилъ въ довольно тѣсныя сношенія съ Меттернихомъ и продержался во власти до февраля 1848 года. *Entente cordiale*, бывшая краеугольнымъ камнемъ французской политики при началѣ царствованія Луи-Филиппа, ослабѣла во второй его половинѣ. Подъ конецъ, Франція отказалась даже отъ участія въ созываемой въ Лондонѣ конференціи пяти державъ, по вопросу о торгѣ невольниками. Причиною этого отказа было самолюбіе Французовъ, считавшихъ для себя унизительнымъ осмотръ ихъ торговыхъ судовъ, хотя такое подчиненіе осмотру было взаимнымъ для всѣхъ договаривающихся сторонъ (1841). Неловкое заарестованіе англійскаго миссіонера Притчарда, на островѣ Отаити, произведенное слишкомъ торопливымъ французскимъ адмираломъ, заставило Францію дать удовлетвореніе за этотъ поступокъ и возвратить островъ королевѣ Помарэ. Осложненія въ Марокко, вызванныя дѣлами въ Алжирѣ, усиливали недовѣріе Англичанъ. Врагъ Французовъ, Абдъ-эль-Кадеръ, надѣялся поправить свое на половину потерянное уже дѣло тѣмъ, что возбудилъ императора Марокканскаго противъ Французовъ.



Абдъ-эль-Кадеръ.
По современному рисунку, литографировано А. Кнейзелемъ.

Жители Марокко, усердные мусульмане, были готовы на это, что заставило маршала Бюжо перейти границу, и одинъ изъ сыновей Луи-Филиппа, принцъ Жуанвильскій, осадилъ Танжеръ. Въ то время, когда, при англійскомъ посредничествѣ, были уже начаты переговоры и султанъ склонялся къ уступкамъ, Бюжо разбилъ марокккское войско при *рѣкѣ Исли*, а французскій флотъ бомбардировалъ танжерскія укрѣпленія. Вскорѣ былъ заключенъ миръ, при чемъ было выговорено незначительное исправленіе границы (1844). Абдъ-эль-Кадеръ лишился всякой надежды; онъ былъ вынужденъ сдаться генералу Ламорисьеру (1847) и былъ привезенъ во Францію, какъ военноплѣнный. Отношенія между Англіей и Франціей стали особенно натянутыми вслѣдствіе такъ-называемыхъ «испанскихъ браковъ»: въ 1847 г. Луи-Филиппъ и его министры успѣли добиться,—довольно грубыми и не совсѣмъ достойными средствами,—не особенно и важнаго успѣха, именно брака королевы Изабеллы съ ея кузеномъ, инфантомъ Франциской д'Ассизъ, а ея сестры—съ четвертымъ сыномъ Луи-Филиппа, герцогомъ Монпансье. Французское правительство выказало въ данномъ случаѣ то, что Англичане называютъ *want of common honesty*, недостатокъ прямодушія въ дѣлахъ. Но оба правительства протестовали единодушно противъ захвата Кракова; зато, въ Зондербундской войнѣ и при итальянскихъ неурядицахъ, Гизо оказался столь же неуклоннымъ и столь же ограниченнымъ консерваторомъ, какъ Меттернихъ. Такое направленіе иностранной политики во Франціи,—какъ, впрочемъ, было бы, безъ сомнѣнія, и при несравненно разумнѣйшей,—давало поводъ къ самымъ зажигательнымъ рѣчамъ оппозиціонныхъ ораторовъ, которые, съ французскимъ увлеченіемъ, называли прямо кабинетъ «иностраннымъ». При всѣхъ этихъ діатрибахъ, оппозиція мѣтила, преимущественно, на *внутреннюю* политику правительства.

Внутреннія дѣла. Министерство Гизо.

Между тѣмъ, то, что подвергалось наиболѣе осужденію, въ этомъ случаѣ, именно заслуживало наибольшей похвалы,—разумѣемъ здѣсь продолжительность одного и того же направленія въ министерствѣ, и устойчивость самихъ министерствъ: было еще неслыхано, чтобы какое-нибудь министерство продержалось во Франціи менѣе семи лѣтъ, подвергаясь лишь незначительнымъ измѣненіямъ. Бонапартисты и легитимисты были не страшны этому кабинету. Вторая попытка принца Луи-Наполеона Бонапарта,—на этотъ разъ изъ Англіи,—окончилась почти комической неудачей: прибывъ въ Булонь со своею свитой (6 августа 1840 г.) и увидя, что дѣло плохо, принцъ бѣжалъ обратно на свой корабль, но упалъ въ воду и былъ благополучно спасенъ своими преслѣдователями. Послѣ своей дерзкой защитительной рѣчи передъ судилищемъ пэровъ, онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію и отправленъ въ Гамъ, гдѣ ему отвели то самое помѣщеніе, которое занималъ нѣкогда князь Полиньякъ. Старо-роялистская или легитимистская партія ограничивалась ничего не значащими демонстраціями, и никто не обращалъ уже особаго вниманія на выставляемаго ею претендента, герцога Бордосскаго. Собственно опаснымъ врагомъ правительства была *республиканская партія*, не имѣвшая, впрочемъ, почти вовсе представителей въ палатѣ, и такъ-называемая *династическая лѣвая*, которая, хотя и признавала конституціонный принципъ,

однакоже находила себѣ отголосокъ и въ рѣчахъ республиканцевъ. У престарѣлаго короля, становившагося равнодушнымъ ко всему, и у упрямаго формалиста Гизо, было лишь одно оружіе противъ этихъ партій: *легальность*,—её они считали достаточною, потому что, въ данную минуту, ее оспаривать было нельзя; выборы были совершены законнымъ порядкомъ, большинство въ палатѣ представляло собою законныя желанія страны, министры законно опирались на это большинство и удалялись, когда это большинство имъ измѣняло. Однако, было еще сомнительно, могло-ли все это достаточно укрѣпить іюльскую монархію, при томъ способѣ, какимъ эта монархія возникла, при характерѣ французской націи и при положеніи дѣлъ, установившемся съ 1789 г. Дѣла еще ухудшались вслѣдствіе несчастія, постигшаго королевскую семью,—да и всю страну,—въ іюлѣ 1842 г. При поѣздкѣ (наслѣдника престола) герцога Орлеанскаго, Фердинанда-Филиппа, въ Нёльи, лошади его взбѣсились, онъ выпрыгнулъ изъ экипажа и получилъ столь тяжкія поврежденія при паденіи на мостовую, что скончался въ тотъ же день. Королю было 69 лѣтъ; принцу, ставшему теперь наслѣдникомъ, всего только 4 года. Его мать была назначена регентшей, въ случаѣ смерти стараго короля. Такія обстоятельства давали основаніе къ измѣненію существовавшаго порядка посредствомъ расширенія избирательныхъ правъ, въ данную минуту столь ограниченныхъ, что представителями націи являлось небольшое число лицъ; это придавало всему образу правленія характеръ господства одного класса,—именно буржуазіи. Правительство же, располагая большими средствами, могло имѣть сильное вліяніе на это сословіе при выборахъ и,—что было хуже всего,—такая система сама вызывала на продажность. Правительственные депутаты получали за свой лойяльный образъ мыслей вознагражденія въ видѣ ленточки Почетнаго легіона, повышенія по службѣ, концессіи для себя или для рекомендуемыхъ ими лицъ; округъ, съумѣвшій избрать такого представителя своего настроенія, вознаграждался за то проведеніемъ ка-



Гизо.

Съ натуры рисовано Морисомъ, литографировано Дельпешомъ.

наловъ, дорогъ, дарованіемъ всякихъ субсидій. Примѣры такихъ подкуповъ среди привилегированнаго сословія, которое, будучи богатымъ, хотѣло, по общечеловѣческой слабости, имѣть еще больше, умножались до того, что бросались въ глаза. Это дало оппозиціи мѣткую цѣль и мѣткое слово для ея обозначенія: «*избирательная реформа*» сдѣлалась лозунгомъ дня, и правительство Луи-Филиппа поступило бы разумно, предупредивъ, въ этомъ случаѣ, желаніе націи, т.-е., расширивъ избирательныя права, равно какъ полномочія тѣхъ, которые, въ силу своего избранія, имѣли вліяніе на законодательство и на весь ходъ дѣлъ, чѣмъ утвердило бы существовавшій порядокъ на болѣе широкихъ и прочныхъ основахъ.

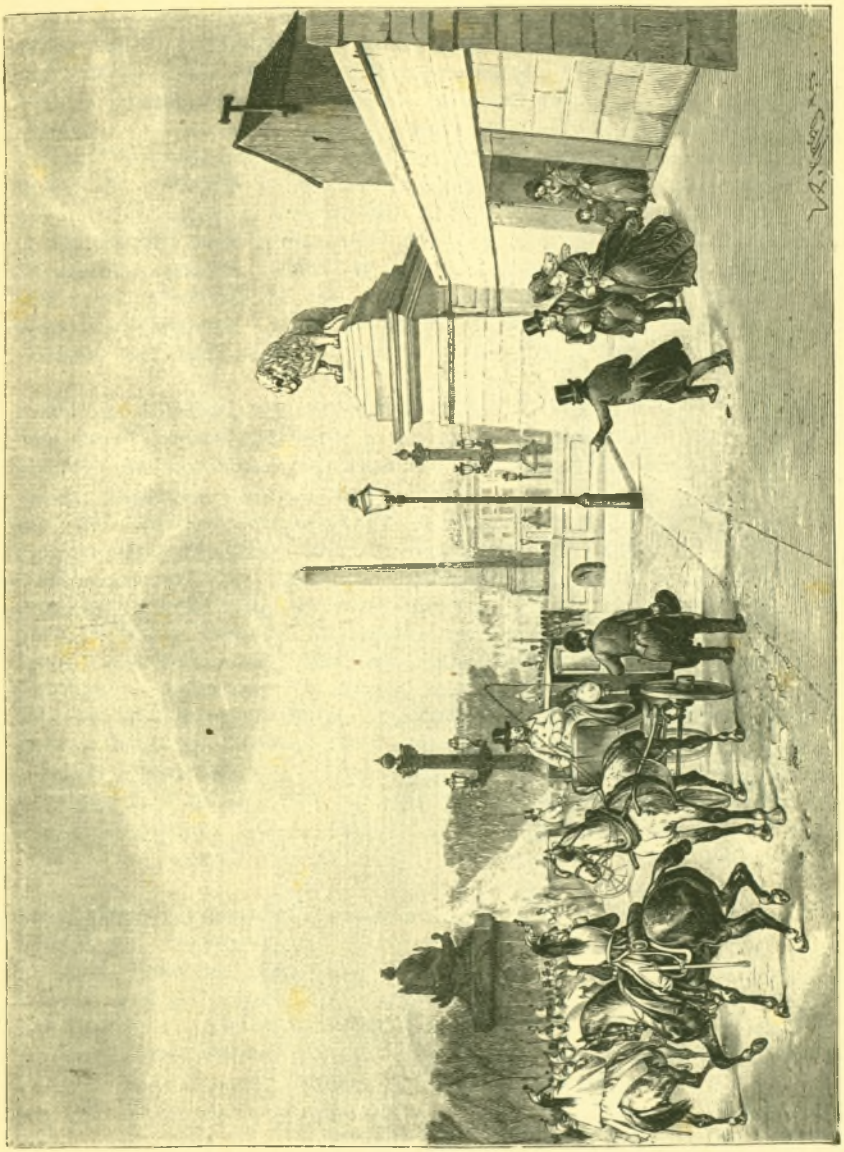
Вопросъ о реформѣ избирательныхъ правъ.

Но правительство не сдѣлало этого, доставя тѣмъ поводъ династической оппозиціи идти долгое время объ руку съ радикалами, среди которыхъ уже назрѣвали республиканскія, частью даже коммунистическія и соціалистическія идеи. При парламентской сессіи 1847 г., весьма дѣльное предложеніе объ усиленіи числа депутатовъ съ 459 на 538, и о пониженіи избирательнаго ценза съ 200 франковъ на 100, было отвергнуто 252 голосами противъ 154. Оппозиція приступила тогда къ весьма дѣятельной агитаціи внѣ стѣнъ парламента на пользу избирательной реформы. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ тому служили «*реформенные банкеты*»; на нихъ произносились страстныя застольныя рѣчи, вслѣдъ за которыми покрывались подписями петиціи въ пользу реформы.

Событія въ Италіи и Швейцаріи, при которыхъ французское правительство держалось реакціонной стороны, усиливали возбужденіе, и король, открывая 28 декабря 1847 г. новую парламентскую сессію, напрасно упомянулъ, что надѣется на сохраненіе конституціоннаго порядка, «несмотря на возбужденіе, поселяемое враждебными или слѣпыми страстями». Онъ долженъ былъ вскорѣ узнать, на свою погибель, что эти страсти,— по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ тѣхъ людей, которые обуревались ими,—не страдали слѣпотой.

Реформенные банкеты. 23 февраля 1848.

Послѣ того какъ большинство палаты одобрило отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, оппозиція рѣшила возразить на это большой демонстраціей,—именно реформеннымъ банкетомъ, который предполагалось устроить 22 февраля, въ одномъ изъ садовъ на Елисейскихъ поляхъ, при чемъ участвующіе отправились бы туда длинной процессіей, между выстроившейся шпалерами, безъ оружія, національной гвардіи. Правительство, послѣ долгаго колебанія, запретило, очень тактично, не самый банкетъ, но лишь сборище на площади Маделены, откуда предполагалось начать шествіе. Оппозиція, которой было тоже не совсѣмъ по себѣ, отмѣнила поэтому банкетъ, ограничась нѣсколькими громкими словами, къ великому негодованію своихъ союзниковъ-республиканцевъ, собравшихся въ помѣщеніи одной радикальной газеты. Они все же не теряли надежды на какую-либо демонстрацію; однако, день прошелъ безъ особыхъ происшествій. Правда, что на улицахъ было замѣтно большое оживленіе, раздавались возгласы: «Долой министерство!» или «Да здравствуетъ реформа!» кое-гдѣ строились баррикады; но лишь на другой день, 23-го числа, стало ясно, что волненіе возрастаетъ и что именно національная гвардія сочувствуетъ требованію реформы. Это произвело впечатлѣніе на короля;



Февральская революція въ Парижѣ, 1848 г.
Бѣгство Луи-Филиппа изъ Парижа, 24 февраля.
По литографіи В. Адама и Ж. Арну.
Заимствовано изъ „Annales de la République Française“, 1848.

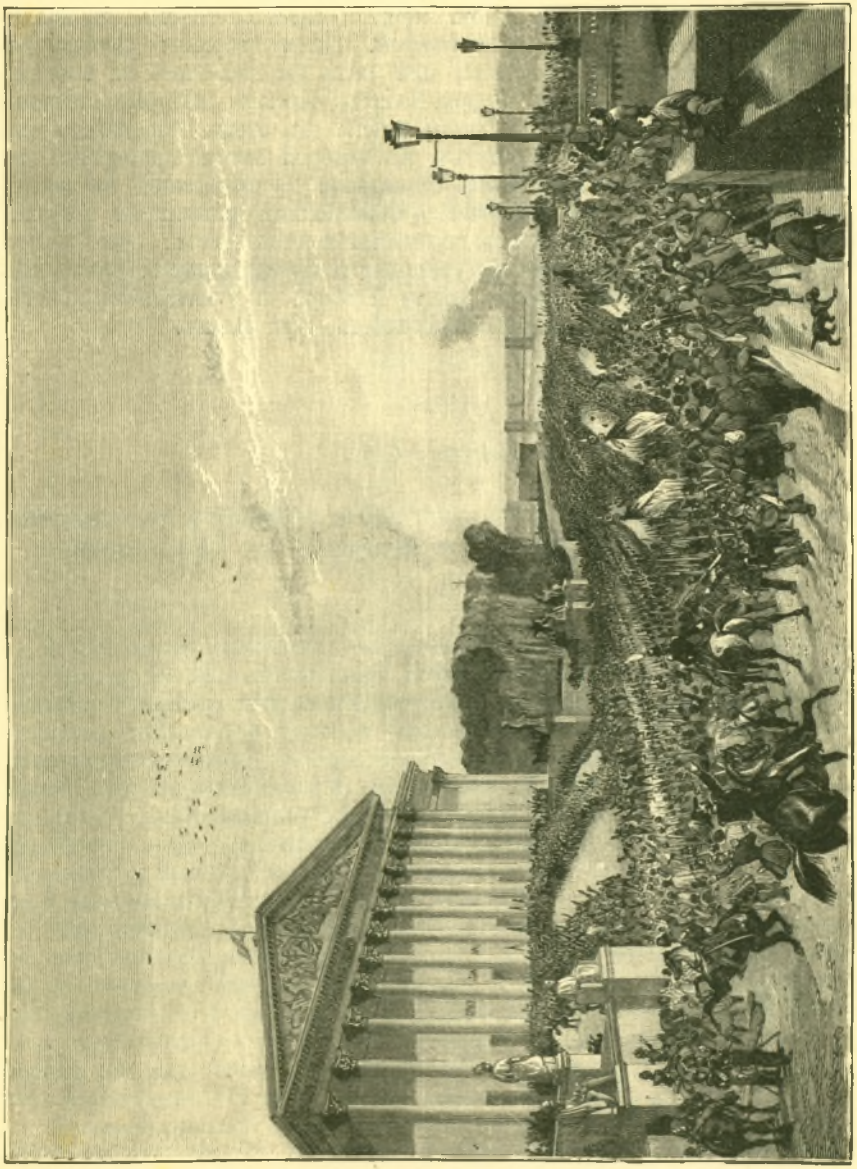
онъ понималъ, что надо уступить, и Гизо отправился въ палату съ заявленіемъ о томъ, что графу Моле поручено составить новое министерство. Дѣло реформы было выиграно, такимъ образомъ. Вѣсть о томъ распространилась, городъ расцвѣтился импровизированной иллюминаціей, бульвары оживились веселой толпою. Но въ одномъ мѣстѣ, противъ министерства иностранныхъ дѣлъ, оставалась кучка недовольныхъ, подъ руководствомъ опытнаго народнаго вожака, Лагранжа. Нельзя было обойтись безъ всякой демонстраціи, хотя бы только противъ зданія. Но стоявшій тутъ караулъ изъ 50 артиллеристовъ видѣлъ что-то угрожающее въ намѣреніяхъ толпы. Раздался выстрѣлъ, — пущенный кѣмъ-то, съ какою цѣлью, нечаянно или преднамѣренно, это трудно сказать, но солдаты отвѣтили на него залпомъ,—по командѣ или нѣтъ, тоже неизвѣстно;— этотъ залпъ разсѣялъ толпу, но повернулъ все дѣло; ловкимъ дѣятелямъ было теперь не трудно, съ крикомъ: «Измѣна!» и «Месть!» заставить своихъ сторонниковъ, а за ними и народную массу, взяться за оружіе. Улицы покрылись баррикадами; на утро городъ былъ уже въ революціонномъ нарядѣ.

24 февраля. Паденіе іюльской монархіи.

Настало 24 февраля 1848 г., день позорный для іюльской монархіи и для «Pays légal», роковой для Франціи и многозначительный для всей Европы. Въ теченіе ночи, король рѣшился на министерство Тьеръ-Одилонъ-Барро (династическая лѣвая), и назначилъ маршала Бюжо начальникомъ парижскаго гарнизона и національной гвардіи. Эти министры уполномочивались на распущеніе палаты; избирательная реформа была обезпечена. Но неразумный приказъ войскамъ не стрѣлять, отданный обоими министрами, отнялъ значеніе у вооруженной силы и ободрилъ мятежную толпу съ ея шумливыми вожаками. Бунтъ увеличивался; въ Тюльери стало жутко, потому что стоявшіе на дворцовомъ дворѣ армейцы и національные гвардейцы не проявляли особеннаго воодушевленія. Окончательный взрывъ произошелъ почти случайно: развязный журналистъ, Эмиль Жирарденъ, ворвавшись во дворецъ, убѣдилъ короля отречься; это одно, говорилъ онъ, могло еще спасти престолъ. Вмѣшательство маршала Бюжо не могло уже помочь дѣлу; толпа прибывала, у короны не было болѣе защитниковъ, и Луи-Филиппъ рѣшился выѣхать изъ дворца, вмѣстѣ со своею супругою, выказавшею здѣсь болѣе твердости и царственнаго духа, нежели онъ.

Февральская революція.

По праву, т. е. по существовавшимъ законамъ въ государствѣ, королемъ былъ Луи-Филиппъ II, а регентомъ герцогъ Немурскій. Герцогиня Орлеанская явилась въ помѣщеніе палаты (Бурбонскій дворецъ) для того, чтобы повторить тамъ, какъ ее научали, роль Маріи-Терезіи передъ венгерскимъ сеймомъ. Но здѣсь былъ не венгерскій сеймъ и происходили только сцены замѣшательства, трусости, безцѣльнаго возбужденія, произносились безполезныя рѣчи. Правительства не было. Между тѣмъ, народъ нахлынулъ въ Тюльери, а оттуда, толпой за толпою, переходилъ въ Бурбонскій дворецъ, въ которомъ, по мѣрѣ прибыванія бурныхъ народныхъ волнъ, пустѣли скамьи депутатовъ. Насколько можно было разобрать среди общаго шума, народъ требовалъ временнаго правительства и національнаго конвента. Герцогиняясь ея дѣтьми и жалкій герцогъ Немурскій



Февральская революція въ Парижѣ, 1848.
Провозглашеніе республики, 24 февраля.
По литографіи В. Адама и Ж. Арну.
Заимствовано изъ „Annales de la République Française", 1848.

должны были подумать о своемъ спасеніи. Къ вечеру, въ той же залѣ, подъ предсѣдательствомъ стараго Дюпона де-л'Еръ, находившійся тутъ сбродъ, который, волею или неволею, приходилось признавать за верховный народъ, приступилъ, весьма первобытнымъ способомъ, къ назначенію членовъ *временнаго правительства*. Были избраны: Дюпонъ де-л'Еръ, поэтъ Ламартинъ, депутаты, или какъ бы ихъ тамъ ни назвать, Араго, Мари, Гарнье-Паже, Ледрю-Роленъ, Кремьё, которые отправились въ ратушу и радехоньки были найти, въ этомъ переполненномъ толпою зданіи, отдѣльную комнатку, въ которой могли приступить къ управленію Франціей, какъ бы въ сновидѣніи превращенной въ республику. Они пополнили свой составъ еще нѣсколькими гражданами, набранными въ редакціяхъ нѣкоторыхъ республиканскихъ газетъ. Эти буржуа становились правителями Франціи и между ними находились: одинъ изъ привычныхъ посѣтителей дворца, нѣкто Альберъ, и писатель-соціалистъ, составившій уже себѣ нѣкоторую извѣстность, Луи Бланъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Отъ февральской революціи до Франкфуртскаго мира.

(1848—1871 г.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Февральская революція и Европа.—Великій европейскій кризисъ 1848—1852 г.—Германія и Австрія; Франція; Италія.

Февральская революція, въ результатѣ которой такъ неожиданно даже для самихъ ея дѣятелей явилась новая республика—потрясла всю Европу сильнѣе и глубже, нежели всѣ предшествовавшія революціи, порожденныя вулканической почвой Франціи. Она отмѣтила совершенно новымъ характеромъ вторую половину нашего столѣтія, поставя на очередь самыя грозныя задачи сферы политической, церковной, общественной. И борьба противорѣчій, возникавшихъ изъ столкновенія открывавшихся передъ человѣчествомъ задачъ, освѣщая людское сознаніе, сообщала величіе всей европейской жизни. Взаимное отчужденіе народовъ обрисовывалось рѣзче, идея національности росла и пріобрѣтала бо́льшую и бо́льшую силу; но,—съ тѣмъ вмѣстѣ,—расширялось людское міровоззрѣніе и яснѣе сознавалась та цѣль, которая должна быть общею для всѣхъ человѣческихъ гражданскихъ обществъ. Народы чувствовали, болѣе чѣмъ когда-либо, общность ихъ интересовъ и на ряду съ *національною идеею* развивалась и крѣпла *идея гуманитарная*, идея всечеловѣчности. Лишь соединяясь могутъ наложить эти идеи отпечатокъ прогресса на свою эпоху, придать ей названіе плодотворной въ всемірно-историческомъ смыслѣ этого слова. Февральская революція.

Временемъ кризиса можно считать годы 1848—1852, точно отмѣчающіе половину столѣтія. Главнымъ очагомъ долговременнаго броженія были: Франція, Германія и Италія, но послѣдствія парижскихъ событій отразились, болѣе или менѣе, на всѣхъ европейскихъ государствахъ. Европейскій кризисъ, 1848—1852.

Англія, Скандинавія, Швейцарія.

Слабѣе всего, можетъ-быть, отозвались они въ *Англіи*, въ которой были разрѣшены уже ранѣе жгучіе вопросы объ эмансипаціи католиковъ, парламентской реформѣ и уничтоженіи хлѣбной пошлины. Демонстрація чартистовъ въ апрѣлѣ 1848 г. обошлась безъ пролитія крови и не оставила слѣдовъ. Управленіе страною находилось въ рукахъ виговъ во все продолженіе тревожнаго времени (по февраль 1852), и Англія служила, во весь этотъ періодъ, убѣжищемъ для жертвъ различныхъ превратностей судьбы. Первымъ прибылъ сюда низверженный король Французовъ. И въ то время какъ на материкѣ едва начинали стихать бурныя волны, этотъ достойный зависти островъ могъ устроить у себя первую изъ *всемірныхъ промышленныхъ выставокъ* (май 1851 г.) въ одномъ изъ большихъ лондонскихъ парковъ. Скандинавскія государства, *Швеція* и *Норвегія*, остались нетронутыми движеніемъ; но *Данія*, вслѣдствіе возгорѣвшагося еще ранѣе Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса, была вовлечена въ германскія волненія. Романскій юго-западъ Европы, *Пиринейскій полуостровъ*, не имѣлъ тоже значенія въ теченіе критическаго періода, и судьбы этой страны, по отношенію ея къ общему ходу дѣлъ, могутъ быть разсмотрѣны нами ниже. Нейтральныя государства: Швейцарія, Бельгія, Голландія, испытали на себѣ лишь незначительный слѣдъ великаго потрясенія. *Швейцарія* употребила это время на улучшеніе своей конституціи, что удалось ей благополучно, безъ особыхъ треволненій. Вмѣсто прежней системы сеймовъ съ перемѣнными и очередными мѣстами засѣданій, былъ избранъ *главнымъ городомъ Союза* гор. *Бернъ*, съ Союзнымъ собраніемъ въ немъ. Это собраніе распадалось на *національный совѣтъ*, избираемый непосредственно населеніемъ, и *совѣтъ старшинъ*, избираемый 22 кантонами. Исполнительная власть вручалась *союзному совѣту*, избираемому общимъ собраніемъ на три года и ежегодно избиравшему, изъ своей среды, *президента Союза*. Сверхъ того, радикальная партія въ *Нейенбургѣ* воспользовалась минутой, въ которую никому не приходило въ голову заботиться о томъ, что происходитъ въ глухомъ уголкѣ Швейцаріи, и высвободила свой кантонъ изъ того страннаго положенія, въ которомъ онъ находился, будучи членомъ Швейцарскаго союза и, въ то же время, княжествомъ прусской короны. Нейенбургцы принудили прусскаго королевскаго намѣстника бѣжать изъ кантона.—*Бельгія* и *Голландія*, послѣ того какъ Вильгельмъ I отрекся отъ престола и покинулъ страну, увозя съ собою свои громадныя богатства, стояли обособленными другъ отъ друга. Въ Голландіи, начиная съ 1849 г., при Вильгельмѣ III, благодаря *новой конституціи*, утвержденной еще Вильгельмомъ II (1840—1849 г.), одерживало рѣшительный верхъ либеральное направленіе. Въ Бельгіи конституція оправдывала себя самымъ блестящимъ образомъ; король мастерски управлялъ страною, которая пользовалась небывалымъ спокойствіемъ, въ то время, какъ колебались и самые древніе престолы въ Европѣ.

I. Германія и Австрія.

Германія. Мартовскія смуты.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ февральской революціи, Германію нельзя было узнать. Парижскія событія вызвали здѣсь волненіе, необычное для народа, вообще спокойнаго, издавна зорко охраняемаго и поли-

цейски-огражденнаго отъ всякихъ вліяній. Наступившее возбужденіе слѣдуетъ объяснить невидимою подготовкою умовъ, совершавшеюся въ тиши въ теченіе десятилѣтій, не замѣчаемою правительствами, но глубокою и вызванною не искусственно. Либеральная оппозиція, въ палатахъ малыхъ и среднихъ государствъ, замѣтивъ внезапно то, чего ей недоставало до тѣхъ поръ, именно сильное сочувствіе массъ народныхъ, осмѣлилась тогда возвысить свой голосъ, требуя народнаго представительства въ учрежденіяхъ Союза, свободы печати, суда присяжныхъ и т. д.,—и это движеніе взяло верхъ надъ пораженными, не приготовленными правительствами. Повсюду происходили народныя сходки, слышались одушевленныя рѣчи; граждане вооружались противъ какихъ-то, пока воображаемыхъ враговъ; составлялись «принудительныя петиціи» (Sturmpetitionen), общее возбужденіе возрастало. Частью искренно, частью притворно, требованіе немедленнаго общаго вооруженія мотивировалось опасностями, будто бы грозящими со стороны Франціи. И повсюду движеніе достигало своей цѣли: прежніе министры увольнялись и ихъ замѣщали члены бывшей оппозиціи. Въ Саксоніи, Ганноверѣ, курфюршествѣ Гессенскомъ правительства не сдавались сразу, давали уклончивые отвѣты, но имъ возражали такъ рѣзко, что и они видѣли необходимость уступить. Общее одушевленіе достигало крайнихъ предѣловъ; казалось, что великая нація просыпается отъ долгаго сна. Первые дни были полны чистыхъ и свѣтлыхъ надеждъ, но союзное собраніе въ Франкфуртѣ скоро опьянилось своимъ успѣхомъ: оно объявило, 9 марта, студенческіе цвѣта—черный и красный съ золотомъ, офиціальными цвѣтами Союза, а на другой день потребовало отъ правительствъ присылки уполномоченныхъ во Франкфуртъ для пересмотра конституціи Союза. Такимъ образомъ, вездѣ были свои мартовскія министерства и мартовскія «пріобрѣтенія правъ». Неизвѣстно было еще, пойдетъ-ли все подобнымъ же порядкомъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ?

Вѣна.

Въ Вѣнѣ, при ничтожествѣ императора и такомъ правительствѣ, во главѣ котораго стоялъ князь Меттернихъ, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ предсказывавшій революцію, но теперь растерявшійся, вмѣстѣ со всѣми своими приспѣшниками, революція удалась легко, почти безъ пролитія крови. 15 марта, послѣ того какъ Меттернихъ удалился еще 14 ч., былъ обнародованъ императорскій манифестъ, которымъ возвѣщалась для Австріи новая конституціонная эра. Выраженіе было довольно неопредѣленное: какая именно Австрія подразумѣвалась здѣсь? Но, въ тотъ же день, венгерская депутація получила завѣреніе въ томъ, что у Венгріи будетъ свой вице-король и свое министерство, а Италія, какъ увидимъ ниже, была уже объята возстаніемъ; поэтому Австрія видѣла передъ собою вопросъ не только о конституціи, но о самомъ своемъ существованіи. Собственно-же для Германіи было гораздо важнѣе то, что происходило въ Берлинѣ.

Берлинъ 18 марта.

Здѣсь сознавали давно все несовершенство и непрочность германской союзной конституціи; но исправить ее въ обыкновенное время было немыслимо; теперь же представлялась возможность выполнить это, но лишь въ смыслѣ усиленія связи прочихъ государствъ съ Пруссіей: слѣдовало провести въ политическомъ отношеніи то, что было сдѣлано тамо-

женнымъ союзомъ въ смыслѣ экономическомъ. Вся бѣда была въ томъ, что революціонное возбужденіе препятствовало также и здѣсь, какъ и вездѣ, всякому разумному обсужденію дѣла. Король созвалъ соединенный ландтагъ въ Берлинѣ, сперва на 27, потомъ даже на 2 апрѣля, при чемъ была составлена программа переустройства Германіи изъ союза государствъ въ союзное государство.

Этотъ планъ содержалъ въ себѣ то, что позднѣе, черезъ 23 года и послѣ непомѣрныхъ страданій и жертвъ, было осуществлено въ созданіи *Германской имперіи*, и былъ обнародованъ въ прокламаціи, подписанной королемъ, братомъ его (наслѣдникомъ престола) и министрами. Всѣ разумныя требованія были удовлетворены, но дѣла принимали дурной оборотъ, крайне сходный съ тѣмъ, что происходило въ Парижѣ 23 февраля,—и уже это трудно было считать простымъ совпаденіемъ. Толпа двинулась къ королевскому дворцу, чтобы благодарить короля; король выходитъ на балконъ, всѣ въ самомъ радостномъ настроеніи; вдругъ раздаются два выстрѣла изъ рядовъ войска,—случайно, какъ было доказано; эти выстрѣлы не причиняютъ вреда никому, но революціонныхъ дѣлъ мастера, которыхъ и здѣсь было не мало и которые стянули къ себѣ единомышленниковъ черезъ всѣ берлинскія ворота, подаютъ сигналъ въ возстанію: «Измѣна! Къ оружію!» раздается и здѣсь, какъ въ Парижѣ. Заготовленныя уже баррикады выростаютъ какъ изъ земли и начинается безцѣльная и безсмысленная борьба, стоящая потоковъ крови. Войско одержало верхъ уже вполнѣ, когда король, около 2 часовъ, отдалъ неразумный и противный всякому мужеству приказъ отступить. На слѣдующее утро было назначено либеральное министерство, объявлена амнистія, король принялъ, такъ-называемые, нѣмецкіе цвѣта и заявилъ въ своей прокламаціи, что Пруссія сливается съ Германіей, въ подтвержденіе чего, онъ проѣхалъ черезъ весь городъ съ трехцвѣтною перевязью на рукѣ и въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ высокопоставленныхъ лицъ. Но сила правительства пошатнулась надолго, потому что, въ сущности, побѣда оказывалась за мятежниками, которые не преминули отпраздновать ее по-своему: они провезли трупы убитыхъ 18-го числа передъ дворцомъ и принудили побѣжденнаго короля смотрѣть на это зрѣлище. Принцъ Прусскій, который выставлялся демократіей за реакціонное пугало, выступилъ изъ Берлина съ войсками; охрана города была поручена гражданской стражѣ, которая была импровизирована и здѣсь, — вполнѣ некстати для страны съ общей военной повинностью...

Возстаніе въ Баденѣ.

Въ теченіе этихъ же дней, союзный сеймъ, совершенно измѣненный съ вступленіемъ либераловъ въ число членовъ правительства, опредѣлилъ созвать *германскій парламентъ* для составленія конституціи. Республиканская партія попыталась насильственно установить республику, прежде нежели дѣла могли успѣть войти въ мирную колею; съ этою цѣлью, она вызвала себѣ сторонниковъ изъ Парижа, большею частью людей сомнительнаго достоинства, въ родѣ, напримѣръ, поэта Георга Гервега. Во главѣ этой партіи стоялъ баденскій депутатъ Фридрихъ Гекеръ. Знамя возстанія было поднято въ Баденскомъ округѣ, послѣ неудачной попытки произвести переворотъ во Франкфуртѣ, посредствомъ полуреволюціоннаго

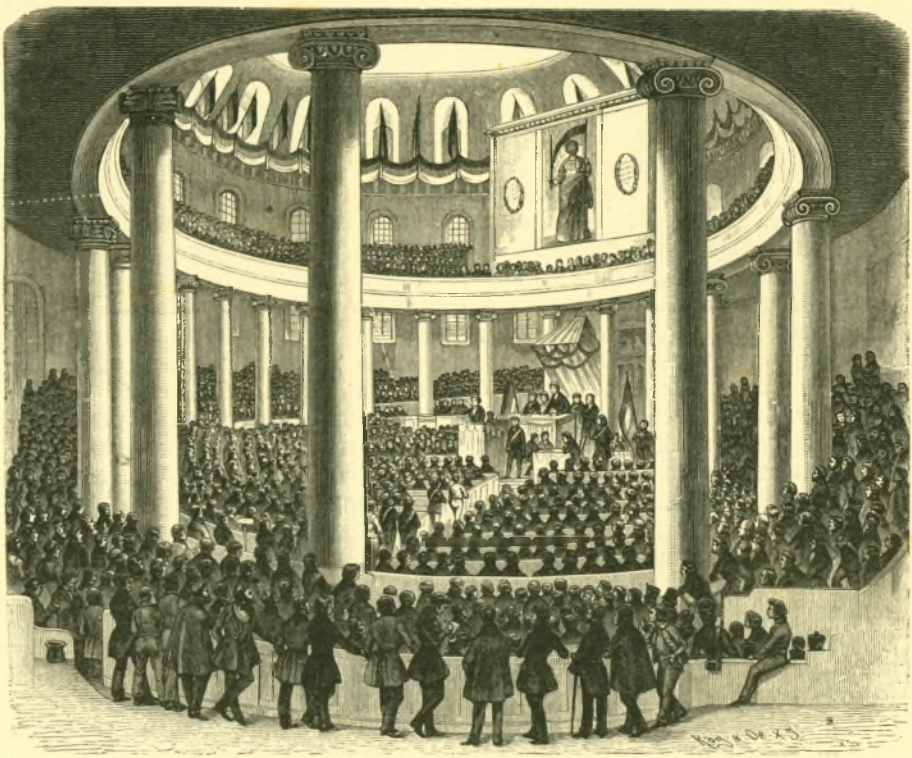
собранія, которое партія именовала «предварительнымъ парламентомъ». Но гессенскія, баварскія и вюртембергскія войска, двинувшіяся въ Баденъ съ сѣвера и юга, одолѣли мятежъ безъ труда. Вожаки движенія бѣжали и издали въ Страсбургѣ манифестъ (29 апрѣля) съ заявленіемъ о близкомъ, второмъ подобномъ возстаніи, если это первое и было подавлено «превосходящею численностью озвѣрѣлой солдатчины».

Франкфуртскій парламентъ.

Между тѣмъ, выборы въ франкфуртскій парламентъ состоялись повсюду, и засѣданія его открылись 18 мая 1848 г., въ франкфуртской церкви Св. Павла. Это былъ важный моментъ въ исторіи нѣмецкаго народа, ожидавшаго, что собраніе, въ числѣ членовъ котораго было столько талантливыхъ и извѣстныхъ лицъ, положитъ основы Германскому государству, въ которомъ предполагалось соединить крайнія противоположности: цѣлую массу народныхъ льготъ и твердую верховную власть, сильное центральное управленіе и полную автономію мелкихъ государствъ. Большинство въ парламентѣ, какъ и большинство партіи, стояло за конституціонную наслѣдственную монархію. Первымъ президентомъ франкфуртскаго парламента былъ человѣкъ, державшійся тоже вышесказаннаго принципа, членъ дармштадтской палаты, *Гейнрихъ фонъ-Гагернъ*, личность весьма замѣчательная. Но парламентъ сдѣлалъ промахъ, не послѣдовавъ совѣту баденца Мати, одного изъ немногихъ практичныхъ людей въ этомъ собраніи, и предлагавшаго вступить тотчасъ же въ дѣловыя сношенія съ союзнымъ сеймомъ, который не былъ уже опасенъ тому, что теперь именовали свободой, но который могъ принять на себя обязанность посредника между новымъ парламентомъ и правительствами, фактически все же существовавшими и располагавшими дѣйствительной силой. Но, въ эти дни, издавна накипѣвшая злоба заставляла ненавидѣть уже и самое имя союзнаго сейма. Поэтому былъ созданъ новый исполнительный органъ, центральная власть, въ лицѣ *намѣстника*; на этотъ постъ былъ избранъ (29 іюня) 436 голосами Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, человѣкъ популярный, что казалось главнымъ дѣломъ въ эту минуту. Онъ изъявилъ свое согласіе и образовалъ обще-государственное министерство, въ которое были весьма разумно избраны представители разныхъ частей Германіи: одинъ пруссакъ, одинъ южно-германецъ, одинъ ганзеецъ и т. п. Постъ министра-президента занятъ былъ представителемъ высшаго нѣмецкаго дворянства, княземъ Лейнингенъ. Самымъ замѣчательнымъ или, по крайней мѣрѣ, самымъ умнымъ въ этомъ кабинетѣ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, кавалеръ Антонъ фонъ-Шмерлингъ, австріецъ.

Франкфуртское царство.

Это «Франкфуртское царство», подобно Констанцскому собору въ XV столѣтіи, засѣдавшему тоже въ дни увлеченій, опиралось на одни неясныя стремленія націи къ единенію и свободѣ. Благодаря этому общему стремленію, однако, франкфуртскій парламентъ побѣдилъ безъ труда частное сопротивленіе короля Ганноверскаго и герцога Брауншвейгскаго. Въ приказѣ новаго военнаго министра, отъ 6 августа, всѣмъ союзнымъ войскамъ предписывалось признавать намѣстника. Это было первое серьезное заявленіе власти со стороны новаго «центральнаго правительства» Мелкія владѣнія заявили покорность, при неизбѣжныхъ «виватъ!» Пруссія не поддалась; въ Австріи, занятой внутренними волненіями, не обращали внима-



Засѣданіе предварительнаго парламента въ церкви Св. Павла, во Франкфуртѣ на М.
Заимствовано изъ Лейпцигской Иллюстрир. газеты, за 1848 г.

нія на все это; противорѣчія не проявлялись еще замѣтно, или ихъ не хотѣли замѣчать, и парламентъ приступилъ къ обсужденію своей magna charta libertatum—«основныхъ правъ нѣмецкаго народа», при чемъ было открытое поле для желающихъ перещеголять другъ друга либерализмомъ, но тоже и для возможности соглашенія на этой почвѣ. При торжествѣ, по случаю завершенія зданія древняго собора (14 августа), въ Кёльнѣ встрѣтились эрцгерцогъ, депутація отъ франкфуртскаго парламента и король Прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ; было взаимно высказано много хорошихъ и пріятныхъ словъ,—тѣмъ не менѣе, кризисъ былъ уже близокъ.

Первая Шлезвигъ-Голштинская война.

Новая Германія получила уже въ наслѣдство отъ старой затруднительный *Шлезвигъ-Голштинскій* вопросъ, который уже готовился къ разрѣшенію мечомъ. 20 января 1848 г. въ Копенгагенѣ власть перешла отъ Христіана VIII къ *Фридриху VII*, послѣднему изъ мужского Глюксбургскаго колѣна. Когда онъ призвалъ въ члены правительства (22 марта) датчанъ-эйдерцевъ (то-есть ту партію, которая принимала Эйдеръ за границу Датскаго королевства, слѣдовательно хотѣла сдѣлать



Эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій, правитель Германіи.
Съ натуры рисовалъ Кригуберъ въ 1848 г.

Шлезвигъ датской провинціей) ему отвѣтили въ Килѣ учрежденіемъ временного правительства, и борьба началась. Въ угрожаемую сѣверную область поспѣшили добровольцы изъ всей остальной Германіи; союзный совѣтъ допустилъ въ свою среду представителя обоихъ герцогствъ и поручилъ защиту ихъ Пруссіи.

Мальмёсское перемиріе.

Прежде нежели подоспѣла прусская помощь, шлезвигъ-голштинская армія, сбродная и плохо-обученная, потерпѣла пораженіе при Бау, но генералъ Врангель, прибывъ съ Пруссаками, взялъ штурмомъ Данневиркскія укрѣпленія, а Ганноверцы одержали верхъ при Оверзее въ то-же время, что и дозволило Врангелю перейти границу Ютландіи и принудить Датчанъ къ отступленію на острова. Но побѣды нѣмцевъ были безполезны, потому что Датчане господствовали на морѣ и могли опустошать нѣмецкіе берега, не защищенные никакимъ флотомъ. Торговля терпѣла при этомъ громадные убытки и европейскія державы, въ особенности сѣверныя, начинали относиться къ борьбѣ неравнодушно; Русскій императоръ смотрѣлъ на шлезвигъ-голштинцевъ, какъ на мятежниковъ. Все это заставило германское правительство отозвать Врангеля изъ Ютландіи. Предложеніе имперскаго намѣстника выставить 36,000 союзнаго войска, большею частью изъ южногерманскихъ полковъ, было лестно для патріотизма населенія, но не измѣняло неблагопріятнаго положенія дѣлъ, которое принудило, наконецъ, прусское правительство согласиться на перемиріе. Это перемиріе было заключено, 26 августа, въ *Мальмё*, на шведской территоріи, при условіи продолженія его на семь мѣсяцевъ, возвращенія судовъ и военно-плѣнныхъ, распущенія шлезвигскаго военнаго контингента и назначенія намѣстничества для обоихъ герцогствъ, при чемъ Данія назначала двухъ членовъ этого правленія для Шлезвига, а Пруссія—двухъ для Голштиніи. Такія условія показались націи позорными, да и были таковы, только позоръ этотъ слѣдовало поставить на счетъ прежнему государственному порядку,—и франкфуртскій парламентъ, подъ давленіемъ общественнаго негодованія, отвергъ Мальмёсскій договоръ 238 голосами противъ 221. Государственный кабинетъ вышелъ въ отставку, но образовать новый не удалось и тогда, спустя 11 дней, палата, большинствомъ 258 голосовъ противъ 236, рѣшилась покориться политической необходимости и утвердила Мальмёсскій договоръ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что радикальная партія, которой было мало дѣла, вообще, до національной чести, воспользовалась удобнымъ предлогомъ для новаго воззванія къ оружію. Возбужденная радикальными говорунами, толпа дралась цѣлый день 18 сентября, во Франкфуртѣ, съ правительственными войсками, и два прусскіе депутата, члены правой, Ауэрсвальдъ и князь Лихновскій, были растерзаны чернью; нѣсколькими днями позднѣе, 22 сентября, въ Баденѣ народъ возмутился тоже подъ предводительствомъ полупомѣшаннаго бюргера, Густава Струве. Обѣ эти попытки были подавлены безъ труда, потому что власти находили себѣ поддержку противъ анархіи въ самомъ населеніи, явно переходившемъ опять къ консервативному настроенію; но престижъ франкфуртскаго парламента сильно умалился отъ его двухъ противорѣчивыхъ рѣшеній; становилось ясно, что онъ лишенъ всякаго настоящаго политическаго значенія: Пруссія дѣйствовала отдѣльно

отъ него и даже вопреки ему; въ другихъ мѣстахъ важнѣйшія дѣла рѣшались тоже помимо этого парламента; рядомъ съ нимъ засѣдали различныя палаты малыхъ, среднихъ и двухъ большихъ германскихъ государствъ. Франкфуртскіе политики сами понимали, что вопросъ о германской конституціи и разныхъ преобразованіяхъ воплощается теперь, прежде всего, въ вопросѣ о преобладаніи Пруссіи или Австріи.

Австрія переживала такой страшный переворотъ въ эти мѣсяцы, какому едва-ли подвергалось когда-либо подобное большое государство. Нечего и говорить о томъ, что австрійскія владѣнія въ Италіи были въ полномъ возстаніи; ходъ этихъ событій излагается нами въ общемъ обзорѣ происходившаго въ Италіи. Императоръ согласился уже на всѣ требованія Венгріи, и венгерскій рейхстагъ, — въ которомъ главную роль игралъ теперь Людвигъ *Кошутъ*, адвокатъ, оппозиціонный ораторъ, журналистъ и, въ эту минуту, членъ независимаго венгерскаго министерства,— поспѣшилъ заявить свою самостоятельность изданіемъ нѣсколькихъ многозначащихъ органическихъ законовъ и реформъ. Въ новой конституціи Австрійской имперіи, обнародованной 25 апрѣля, не упоминалось уже о Венгріи и Италіи въ числѣ осчастливленныхъ этой конституціею странъ. Въ самой Вѣнѣ эта конституція, какъ и все, что



Генералъ Ф.-Ауэрсвальдъ.

Съ натуры рисов. Винтервербъ. Изъ альбома нѣмецкаго національнаго собранія, во Франкфуртѣ.



Князь Лихновскій.

Съ натуры рисовано и литографировано Г. Гассельгорстомъ, 1848. Изъ того же альбома.

дѣлало и не дѣлало правительство, подала предлогъ къ ребяческой игрѣ студентовъ въ революцію и къ анархистской смутѣ со стороны полуобразованныхъ «литераторовъ» и всякаго бездомнаго сброда. Трудно было предвидѣть, куда приведутъ эти волненія при слабости министерства данной минуты, носившаго кличку Пиллерсдорфскаго, по имени министра внутреннихъ дѣлъ. Императоръ не могъ оставаться въ Вѣнѣ при такомъ опасномъ положеніи дѣлъ и прибылъ 19 мая со своимъ дворомъ въ Инспрукъ. Онъ прожилъ тамъ, среди преданнаго монархіи тирольскаго населенія, до августа, когда дѣла кое-какъ уладились и онъ могъ вернуться въ столицу. Между тѣмъ, въ ней состоялся, 22 іюля, *законодательный рейхстагъ*, который долженъ былъ выработать конечную форму конституціи. Въ немъ присутствовало 383 члена, въ числѣ которыхъ были 92 крестьянина; многіе изъ нихъ не владѣли нѣмецкимъ языкомъ, принятымъ, однако, для преній. При этомъ, каждое племя и всѣ его подраздѣлы преслѣдовали свои особыя цѣли. Въ Богеміи Чехи враждовали съ Нѣмцами; среди чешскихъ кружковъ возникала мысль о братскомъ объединеніи всѣхъ славянъ; одно, по крайней мѣрѣ, было уже общимъ у всѣхъ славянскихъ племенъ: ихъ ненависть къ Нѣмцамъ. Въ Прагѣ (12 іюня) вспыхнуло возстаніе, цѣль котораго осталась, однако, неопредѣленной, и которое повело лишь къ безполезному пролитію крови. Комендантъ Праги, князь Виндишгрецъ, водворилъ спокойствіе, приказавъ обстрѣливать городъ, но поступилъ снисходительно съ инсургентами, что вызывалось необходимостью: правительство нуждалось въ содѣйствіи славянъ для подавленія бо́льшей опасности, грозившей со стороны Венгріи.



Людвигъ Кошутъ.
По литографіи.

Уступки императорскаго правительства и самостоятельность Венгріи пошли на пользу одному только господствующему племени, *Мадьярамъ*,

жестоко злоупотреблявшимъ своими новыми правами для угнетенія другихъ народностей, подвластныхъ коронѣ Св. Стефана: Славянъ, Румынъ, нѣмцевъ. Это вызвало мятежъ среди *южныхъ Славянъ*, Сербовъ и Кроатовъ, и когда, 5 іюля, въ Пресбургѣ былъ открытъ новый венгерскій рейхстагъ, то вызовъ венгерскихъ полковъ изъ Италіи, для усмиренія внутренняго мятежа, выяснилъ вполнѣ мадьярскіе замыслы. Лица, стоявшія за монархическую идею и прозванныя демагогами «камарильей», покровительствовали бану кроатскому Елачичу, вождю южныхъ Славянъ, открыто ратовавшему за идею государственнаго единства противъ венгерскаго дуализма. Венгерскій рейхстагъ отправилъ депутацію изъ 120 своихъ членовъ въ императорскую военную квартиру, возобновляя свои прежнія требованія съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ новыхъ. Эти посланцы должны были удалиться съ отказомъ, и война разгорѣлась. Елачичъ вступилъ въ Венгрію 11 сентября; 28-го того же мѣсяца, императорскій комиссаръ, графъ Ламбергъ, посланный императоромъ въ Офенъ для мирнаго посредничества, былъ убитъ на дунайскомъ мосту разъяренною народной толпою. Борьба между двумя частями имперіи была открыта императорскимъ манифестомъ, въ которомъ пресбургскій рейхстагъ объявлялся распущеннымъ. Рейхстагъ заявилъ, съ своей стороны, что такое распущеніе противно конституціи. Императоръ назначилъ Елачича своимъ намѣстникомъ въ Венгріи; Венгры объявили того же бана государственнымъ измѣнникомъ, котораго надлежало заарестовать, гдѣ бы онъ ни попался. Такъ какъ дворъ и всѣ окружавшіе безхарактернаго государя держали сторону Елачича, то Мадьяры подыскивали себѣ союзниковъ среди демократическихъ элементовъ, и имъ удалось возбудить возстаніе въ самой Вѣнѣ (6 октября), при чемъ военный министръ, графъ Латуръ, былъ убитъ чернью. Войска выступили изъ столицы, предоставивъ ее мятежникамъ; императоръ выѣхалъ тоже вторично изъ Шёнбруна и отправился въ Ольмюцъ, главный городъ Моравіи; большинство славянскихъ депутатовъ бѣжало тоже изъ Вѣны. Строго говоря, не было болѣе никакого правительства и будущее существованіе Австріи зависѣло отъ судьбы оружія. Инсургенты утвердились въ Вѣнѣ, привели городъ въ оборонительное положеніе, при чемъ получили немного фактическихъ подкрѣпленій, но зато великое множество адресовъ и заявленій



Эрнстъ-Альфредъ Ф.-Виндишгрецъ.
Кор. имп. фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Богеміи.
По современной гравюрѣ на деревѣ.

восторженнаго сочувствія изъ различныхъ демократическихъ лагерей. Въ то время Елачичъ приближался къ городу съ востока, а Виндишгрецъ съ сѣвера отъ Праги. Виндишгрецъ могъ бы тогда легко овладѣть городомъ, развернувъ всѣ свои силы; его требованіе къ мятежникамъ подчиниться и выдать вожаковъ, не имѣло смысла, потому что въ городѣ не существовало какой-либо строго признанной власти, способной дѣлать распоряженія и настаивать на нихъ. Дни проходили за днями въ безполезной борьбѣ и безполезныхъ переговорахъ, пока, наконецъ, 30 октября, послѣдовалъ новый взрывъ мятежа, вслѣдствіе того, что съ башни Св. Стефана было замѣчено приближеніе венгерскаго войска. Дѣйствительно, Венгры переступили границу, но превосходившіе ихъ численностью отряды Елачича отбросили ихъ назадъ, при Швехатѣ. 31 числа, послѣ новой битвы, австрійскія войска воротились въ городъ и наступила страшная реакція. Одинъ изъ многихъ, павшихъ жертвою ея, депутатъ франкфуртскаго парламента и членъ лѣвой, Робертъ Блумъ, взятый за участіе въ бунтѣ, имѣлъ простодушіе протестовать противъ нарушенія, въ его лицѣ, парламентскихъ привилегій. Онъ былъ разстрѣлянъ въ Бригитенау. Другой, Юліусъ Фребель, былъ пощаженъ, благодаря тому, что нѣкогда написалъ брошюру въ пользу единства Австрійской монархіи.

Министерство Шварценберга. Императоръ Францъ-Іосифъ.

Побѣда надъ революціей, по взятіи Вѣны у мятежниковъ, была довершена установленіемъ правительства, во главѣ котораго былъ поставленъ князь *Феликсъ Шварценбергъ*, человѣкъ смѣлый, дѣятельный и съ покладистой совѣстью. Сначала онъ выказывалъ, что, при возстановленіи *цѣлости Австрійской монархіи*, дѣло идетъ о монархіи все же конституціонной. Рейхстагъ былъ созванъ въ моравскій городокъ Кремзиръ для продолженія своихъ совѣщаній о конституціи. Первое сообщеніе князя Шварценберга этому собранію состояло въ томъ, что императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола 2 декабря, а братъ его, Францъ-Карлъ, отказывался быть его преемникомъ и корона переходила къ 18-ти-лѣтнему сыну послѣдняго, *Францу-Іосифу*.

Кризисъ въ Пруссіи.

Въ это же время, въ *Пруссіи*, была одержана побѣда надъ революціей,—или демократіей, или радикализмомъ. Дѣло шло здѣсь не такъ насильственно и не растравлялось національной враждою, какъ въ Австріи. Польское возстаніе въ Познани, возбужденное извѣстіями изъ Франціи и поощряемое первоначальною слабостью берлинскаго правительства, было подавлено, въ маѣ, безъ особаго затрудненія. Въ томъ же мѣсяцѣ, 22-го числа, въ Берлинѣ состоялось законодательное *національное собраніе;*— соединенный ландтагъ, какъ все «до-мартовское», былъ оставленъ уже далеко назади. Большинство 350 членовъ палаты держалось демократическихъ воззрѣній. Правительство, при частыхъ смѣнахъ кабинета, было слабо и терялось передъ мятежнымъ настроеніемъ столицы, притязаніями собранія и всѣмъ его тономъ. Возвращеніе войскъ генерала Врангеля (7 іюля) обострило отношенія; весьма характерною чертою вздорности собранія служитъ тотъ фактъ, что, при обсужденіи проэкта конституціи, оно рѣшило вычеркнуть слова: «Божіею милостію» изъ королевскаго титула, чѣмъ оскорбляло народное чувство и нанесло королю Фридриху-Вильгельму IV совершенно безцѣльную и тяжкую обиду. Эти люди



Министръ-президентъ князь Феликсъ фонъ-Шварценбергъ.
Съ натуры рисовано К. фонъ-Фогельштейномъ.

должны были вскорѣ узнать, что монархическое начало обладало большею силой и пустило болѣе глубокіе корни въ Пруссіи, нежели предоставляли ему то статьи полуобдуманной конституціи.

Министерство Бранденбургъ-Мантейфель.

Во всей Германіи совершился несомнѣнный поворотъ общественнаго мнѣнія. Консервативныя силы очнулись изъ своего забытья, масса рабочаго, живущаго своимъ трудомъ, средняго сословія жаждала водворенія порядка и спокойствія. Этотъ поворотъ былъ особенно замѣтенъ въ Пруссіи, благодаря ея историческому прошлому и династіи такихъ правителей, которые возвеличили и себя, и свой народъ. Органомъ этого настроенія была «Новая Прусская Газета»(«Neue Preussische Zeitung»), около которой группировались консервативные элементы. Эта газета имѣла большое вліяніе, именно потому, что высказывала свои монархически-консервативные взгляды съ такою же рѣзкостью, безъ всякихъ оговорокъ и компромиссовъ, какъ радикалы проповѣдывали свои принципы. Ободренный этимъ и побѣдою реакціи въ Австріи, король назначилъ, въ ноябрѣ, «министерство дѣйствія», котораго такъ давно уже и тщетно искали. Во главѣ его находился военный человѣкъ, графъ Бранденбургъ, побочный сынъ Фридриха-Вильгельма II. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Отто фонъ-Мантейфель. Національное собраніе попыталось устрашить короля выраженіемъ недовѣрія кабинету и отправило во дворецъ депутацію, но эта попытка не удалась, и декретъ изъ Санъ-Суси, отъ 8 ноября, дока-

залъ, что правительство «твердо рѣшилось покончить съ революціей». Національное собраніе, согласно этому королевскому декрету, переводилось въ городъ Бранденбургъ, лишаясь тѣмъ своей главной опоры, мятежной берлинской демократіи. Собраніе попыталось прибѣгнуть къ пассивному сопротивленію, продолжая засѣдать въ Берлинѣ, и издало, 15-го ноября, воззваніе къ народу, приглашая его не платить податей. Но все это не имѣло успѣха: въ Берлинѣ было достаточно войска и, 27 ноября, засѣданія палаты были открыты уже въ Бранденбургѣ, а 5 декабря она была распущена и король даровалъ отъ себя,—какъ былъ дарованъ, въ 1847 году, февральскій патентъ, — своимъ полномочіемъ, конституцію, отвѣчавшую конституціоннымъ началамъ, и согласно которой двѣ палаты, устанавливаемыя ею, были созваны въ Берлинѣ 26 февраля 1849 года.

До этого времени побѣда давалась правительству легко и безъ пролитія крови; мѣропріятія короля вполнѣ оправдывались явною необходимостью воспротивиться безумнымъ требованіямъ партіи, часто совершенно беззастѣнчивой въ своихъ притязаніяхъ; но онъ весьма погрѣшилъ противъ своего собственнаго государства и всей нѣмецкой націи своимъ неяснымъ, лишеннымъ всякой твердой основы и королевскаго характера, отношеніемъ къ *германскому конституціонному вопросу*, выступавшему теперь на первый планъ.

Разработка германской конституціи.

Франкфуртское собраніе приступило, въ октябрѣ, къ разсмотрѣнію проэкта конституціи, представленнаго 8-го числа того мѣсяца выработавшею его комиссіею. Проэктъ этотъ, проводя идею всеобъемлющаго объединенія, создавалъ центральную правительственную власть, которой поручалось главное начальство надъ арміею и флотомъ, назначеніе пословъ и консуловъ, генераловъ и всѣхъ высшихъ военныхъ чиновъ; этой же власти подчинялись таможенное, монетное и почтовое вѣдомство, при чемъ, статья, гласившая, что связь Нѣмецкаго государства съ другими государствами могла быть развѣ только что личная, исключала фактически Австрію изъ состава создаваемаго союзнаго государства. Изъ всего этого, по неотразимой политической логикѣ, слѣдовало то, что роль этой центральной власти выпадала на долю *Пруссіи*. Это было ясно для всякаго, дѣйствительно сочувствовавшаго созданію Германскаго союзнаго государства и понимавшаго положеніе дѣлъ. Выразителемъ этой политической идеи былъ Гейнрихъ фонъ-Гагернъ, занявшій мѣсто президента государственнаго совѣта министровъ, по уходѣ изъ него умницы Шмерлинга, самаго завзятаго австрійца изъ всѣхъ австрійцевъ. Франкфуртскіе народные представители понимали, что двойственность—врагъ единства, что союзное государство съ Пруссіей и Австріей немыслимо; что Австрія со своими итальянскими, венгерскими и польскими подданными могла войти лишь во внѣшній союзъ съ Германіей, какъ съ дѣйствительнымъ государствомъ, но не стать членомъ этого государства, и что, вслѣдствіе всего этого, надо было выбирать между Пруссіей и Австріей,—Германіей и Австріей. Образовалась партія *наслѣдственной имперской монархіи*, партія прусской гегемоніи, противу другой, состоящей изъ ультрамонтановъ, австрійцевъ, партикуляристовъ и людей, страдающихъ недомысліемъ, наибольшій контингентъ которыхъ доставила лѣвая. Это составило коа-

лицію отрицающихъ. Гагернъ былъ уполномоченъ на *переговоры* съ Австріей,—что было неразумнѣйшимъ шагомъ, который не могъ привести ни къ чему. 19-го января собраніе признало наслѣдственность сана главы государства, а 25-го числа присвоило титулъ императора этому главѣ, котораго предстояло избрать изъ числа царствовавшихъ въ Германіи государей. Мелкія государства изъявляли, одно за другимъ, свою готовность покориться этому строю. Въ это время австрійское правительство сдѣлало шагъ, который долженъ былъ бы разрѣшить всѣ сомнѣнія. Министерство Шварценберга даровало, 7-го марта 1849 г., всей *Австріи общую конституцію*, въ которой это государство, со включеніемъ въ него Венгріи и Италіи, именовалось нераздѣльной конституціонной монархіей. Такимъ образомъ, Австрія устранивалась, не спрашиваясь у Германіи; это давало Германіи право,—даже вмѣняло ей въ обязанность,—устроиться съ своей стороны, безъ соображенія съ Австріей. Въ рѣшительномъ 196-мъ засѣданіи, 28-го марта 1849 г., изъ числа 538 присутствовавшихъ, 290 поняли эту обязанность, избравъ короля Прусскаго, Фридриха-Вильгельма IV, императоромъ Германскимъ; 248 членовъ воздержались отъ голосованія. Дѣло конституціи завершалось этимъ: у Германіи былъ императоръ при отвѣтственномъ министерствѣ и съ обыкновенными конституціонными правами: правомъ объявлять войну и заключать миръ, но съ правомъ налагать свое *Veto* лишь на исполненіе рѣшенія; эту уступку пришлось сдѣлать для привлеченія демократическихъ голосовъ. Учреждалось народное представительство съ однимъ депутатомъ на каждыя сто тысячъ душъ населенія, при чемъ избирателемъ могъ быть каждый неопороченный нѣмецъ, достигшій 25-ти-лѣтняго возраста; сверхъ того, учреждалась вторая государственная палата, одна половина членовъ которой назначалась правительствомъ, а другая состояла изъ народныхъ представителей разныхъ государствъ. Все это дополнялось массою разныхъ «основныхъ правъ» и всякихъ «свободъ», отъ которыхъ становилось страшно за самую свободу. Такъ, напримѣръ, «всякое религіозное общество могло самостоятельно вѣдать свои дѣла»; при этомъ совершенно упускалось изъ виду, что римско-католическое религіозное общество наклонно считать рѣшительно все *своими дѣлами*. «Дворянство, какъ сословіе» и титулы неслужебные уничтожались въ странѣ докторовъ и коммерціи совѣтниковъ.

Германія и Фридрихъ-Вильгельмъ IV

Депутація съ тогдашнимъ президентомъ собранія, Эдуардомъ Симсономъ, прибыла въ Берлинъ и была принята, 3-го апрѣля, въ Рыцарской залѣ королевскаго дворца. Здѣсь выяснилось, что, на горе Германіи, престолъ былъ занятъ не надлежащимъ лицомъ. При настоявшемъ жизненномъ вопросѣ для Германіи и Пруссіи, требовавшемъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ что-то похожее и на «да» и на «нѣтъ»; въ этомъ «да» не было согласія, въ «нѣтъ» не было отрицанія. Онъ говорилъ обо всемъ лишь условно, толковалъ о «придаваемыхъ ему правахъ», о томъ, что теперь правительства *должны были* испытать, удовлетворяетъ-ли всему данная конституція и т. д. Въ другія минуты, въ интимной перепискѣ своей, онъ завѣрялъ, что не хочетъ принимать короны изъ рукъ революціи,—но это слѣдуетъ счесть за простыя фразы.

Мало того: лучшіе люди Германіи, въ парламентскомъ сборѣ, при одобреніи громаднаго большинства тѣхъ нѣмецкихъ «старѣйшинъ», на которыхъ онъ ссылался, подносили ему эту корону для того, чтобы *прекратить* революцію, но онъ самъ повергъ націю вновь въ революціонные ужасы, а на Пруссію навлекъ пораженіе, которое жгло стыдомъ всѣ патріотическія сердца, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ потомковъ Фридриха Великаго не смылъ этого позора.

Конституція. Государства.

Двадцать восемь германскихъ правительствъ заявили во Франкфуртѣ о своемъ согласіи на конституцію, выразивъ это въ коллективной нотѣ отъ 14 апрѣля. Принужденъ былъ смириться и упрямый, закоснѣлый въ своемъ династическомъ высокомѣріи, король Вюртембергскій, Вильгельмъ, когда спокойно, но твердо выраженная воля его народа напомнила ему, что прошли тѣ дни, въ которые онъ могъ настоять на своемъ: «Не подчинюсь какому-нибудь Гогенцоллерну!» Главная задача была, разумѣется, въ томъ, чтобы вынудить согласіе у самого Фридриха-Вильгельма; но послѣ того какъ вторая палата, собравшись (26 февраля) согласно конституціи 5 декабря 1848 г., признала законность германской государственной конституціи, она была распущена и король заявилъ уже прямо о своей безусловной рѣшимости отклонить отъ себя предлагаемую ему императорскую корону. Это было на руку радикаламъ: прикрываясь именемъ государственной конституціи, они находили себѣ союзниковъ въ стоявшихъ серьезно за эту конституцію, которая, однажды созданная правовымъ путемъ, была столь же легальна, какъ права каждаго германскаго царствующаго дома. Радикальная партія взяла при этомъ перевѣсъ, что было въ порядкѣ вещей. Въ первыхъ числахъ мая, въ Дрезденѣ вспыхнулъ такой мятежъ, что король и его министры, Бейстъ и Рабенгорстъ, вынуждены были бѣжать въ Кёнигштейнъ; но прусскія войска усмирили это возстаніе. Въ самой Пруссіи, на Рейнѣ, начались тоже безпорядки, не столь опасные, впрочемъ, какъ возникшіе на юго-западѣ Германіи, въ баварскомъ Пфальцѣ и въ Баденѣ, и безъ видимаго къ нимъ повода здѣсь, такъ какъ великій герцогъ признавалъ государственную конституцію. Въ франкфуртскомъ парламентѣ брало тоже верхъ радикальное направленіе. Императорская партія, отъ которой отрекался самъ императоръ, находилась теперь въ печальномъ, почти смѣшномъ положеніи, и министерство Гагерна подало въ отставку (10 мая). Намѣстникъ назначилъ другое, бывшее просто позоромъ для націи: во главѣ его былъ прусскій юстиціи совѣтникъ, Гревель, фанатическій реакціонеръ, издавна служившій посмѣшищемъ для палаты; одно правительство за другимъ стало отзывать своихъ представителей; 21 мая вышли изъ состава палаты остававшіеся еще въ ней 90 членовъ императорской партіи; остальная часть собранія, лѣвая, насчитывавшая болѣе сотни сторонниковъ, рѣшила перенести свои засѣданія въ Штутгартъ, гдѣ и открыла ихъ, дѣйствительно, 6 іюня, при чемъ, съ цѣлью осуществить государственную конституцію, назначила регентство изъ пяти лицъ,—незначительныхъ и, во всякомъ случаѣ, безсильныхъ что-либо провести. Возстаніе въ Пфальцѣ и Баденѣ, усиленное участіемъ возмутившихся линейныхъ полковъ, страшно распространилось въ маѣ и первыхъ числахъ іюня; революціон-

ное войско получало тоже подкрѣпленія изъ Вюртемберга и движеніе разгоралось. Правительство, во главѣ котораго находился человѣкъ энергичный, старо-либералъ, *Фридрихъ Рёмеръ*, рѣшило не допускать междоусобія въ странѣ изъ-за людей, ратующихъ за безцѣльное дѣло, и когда члены собранія явились, 18 іюня, въ помѣщеніе, приготовленное для ихъ дальнѣйшихъ засѣданій, они нашли входы въ него занятыми войскомъ. Оставаться здѣсь было нельзя и идти тоже было некуда, потому что баденско-пфальцское возстаніе можно было считать уже покончennымъ. 13 іюня Пфальцъ былъ занятъ прусскимъ корпусомъ подъ начальствомъ принца Прусскаго; пфальцская революціонная армія (8,000 ч.) должна была отступить въ Баденъ (18 іюня). Пруссаки вступили въ Карлсруэ (25 іюня), но побѣда далась имъ не безъ сильнаго сопротивленія со стороны инсургентовъ, остатки которыхъ искали потомъ спасенія въ Швейцаріи. Фридрихъ Гекеръ, вождь перваго баденскаго возстанія, прибылъ изъ Америки лишь для того, чтобы увидѣть это пораженіе; 23 іюля сдался и Раштатъ. Начались разстрѣливанія по приговорамъ прусскихъ военныхъ судовъ. Нельзя сказать, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ обнаружилъ здѣсь свои христіанскія чувства, хотя имѣлъ полный поводъ проявить милосердіе.

Политика единенія. Союзъ трехъ королей.

Ему представлялся теперь еще разъ случай завершить дѣло Германіи и, казалось, что онъ былъ на пути къ тому. Мысль о созданіи союзнаго государства подъ главенствомъ Пруссіи, сплоченіе всей не-австрійской Германіи вокругъ Пруссіи, эта мысль, лежавшая въ основѣ рѣшенія франкфуртскаго собранія, была столь правильна, столь ясна въ отношеніи интересовъ Пруссіи и Германіи, она такъ соотвѣтствовала тому, что излагалось въ официальныхъ разсужденіяхъ еще до 1848 г., что не могла не поразить и самого Фридриха-Вильгельма. Такой болѣе тѣсный союзъ съ государствами, добровольно подчинявшимися ему, могъ оспариваться съ точки зрѣнія прежняго союзнаго права столь же мало, какъ и таможенный германскій союзъ. 26 мая 1849 г. Фридрихъ-Вильгельмъ обнародовалъ, совмѣстно съ Саксоніею и Ганноверомъ, проэктъ *германской союзной конституціи*, къ которому примкнуло тотчасъ 21 государство. Съ остальными велись еще переговоры, на успѣхъ которыхъ можно было надѣяться, несмотря на сопротивленіе Баваріи и Вюртемберга, потому что Австрія, какъ увидимъ ниже, была парализована въ это критическое время; прусское войско, подавивъ пфальцъ-баденское возстаніе, занимало полосу отъ Бельта до Боденскаго озера, а короли Баварскій и Вюртембергскій были, въ сущности, обязаны сохраненіемъ своихъ престоловъ вмѣшательству Пруссіи. Однако, эти оба вступившіе въ союзъ съ Пруссіей короля оказались предателями: они вовсе не располагали сдержать свое слово, а Фридрихъ-Вильгельмъ, съ своей стороны, старательно избѣгалъ всего, сколько-нибудь похожаго на насиліе; онъ забывалъ, что такой человѣкъ, какъ король Ганноверскій, Эрнстъ-Августъ, не былъ способенъ совершить добровольно доброе и патріотическое дѣло, и простеръ свое великодушіе до того, что не пожелалъ воспользоваться отчаяннымъ положеніемъ Австріи для проведенія мѣры, которую самъ считалъ полезной и необходимой для Германіи и Пруссіи. Онъ поступалъ какъ честный человѣкъ, идеалистъ и мечтатель; въ поступкахъ его

тщетно будемъ искать государственнаго соображенія, политической мысли, и онъ, совершенно заслуженно,—хотя и къ невыгодѣ Германіи и Пруссіи,—получилъ отъ дома Габсбурговъ ту благодарность, которая прославлена мѣткимъ выраженіемъ Шиллера.

Австро-венгерская война.

Австрійское правительство одержало, между тѣмъ, побѣду надъ революціей, положивъ, 6 марта, конецъ ораторскимъ упражненіямъ кремзирскаго рейхстага, съ помощью двухъ гренадерскихъ батальоновъ, занявшихъ весьма кстати и городокъ Кремзиръ, и самую залу засѣданій, послѣ чего оно обнародовало ту конституцію отъ 4 марта 1849 года, согласно которой всѣ австрійскія земли, съ Италіей и Венгріей включительно, объявлялись единой, нераздѣльной конституціонной монархіей. Съ *Италіей* было еще не совсѣмъ покончено, но побѣда была явно на сторонѣ правительства; въ *Венгріи* же дѣло обстояло иначе и не совсѣмъ благополучно. Князь Виндишгрецъ началъ дѣйствовать здѣсь лишь съ половины декабря 1848 г., и 5 января 1849 г. вступилъ въ Офенъ, вмѣстѣ съ баномъ. Но успѣхи остановились на этомъ. Австрійское военное начальство состояло изъ людей бездарныхъ, между тѣмъ какъ на сторонѣ Венгерцовъ было все: избытокъ военныхъ талантовъ, дѣйствительное національное одушевленіе, готовность жертвовать собою, содѣйствіе такихъ бывшихъ польскихъ бойцовъ, какъ, напримѣръ, генералъ Бемъ. Австрійцы терпѣли одно пораженіе за другимъ, но венгерскій рейхстагъ, подъ вліяніемъ Людвига Кошута, сдѣлалъ безумнѣйшій шагъ, объявивъ (14 апрѣля) габсбургско-лотарингскую династію навѣки лишенною престола. Это была совершенно излишняя и нелѣпая выходка, которая сбила Венгрію съ удерживаемой ею дотолѣ законной почвы. Императоръ Николай выступилъ здѣсь еще разъ защитникомъ законности и обѣщалъ юному Австрійскому императору неограниченную помощь въ случаѣ нужды. Въ данную минуту, Австрія была не только готова принять ее, но даже крайне въ ней нуждалась. Русскіе явились 1 мая, но и это не скоро еще доставило Австріи окончательную побѣду надъ Венграми. Борьба длилась съ перемѣннымъ счастьемъ. На сторонѣ Австрійцевъ и Русскихъ (послѣдніе были подъ начальствомъ Паскевича)—было 275,000 чел.; но дѣло велось неумѣло и вяло, и крайне неловкія, нерѣшительныя дѣйствія австрійскихъ генераловъ парализовали даже весьма смѣлыя и прекрасно-выполняемые планы такого талантливаго военачальника, какъ русскій генералъ Лидерсъ. Въ августѣ была усмирена Италія; вслѣдъ затѣмъ, 13-го августа, на полѣ у *Вилагоша*, энергичный и храбрый генералъ Гергей, которому Кошутъ передалъ свое диктаторство, сложилъ оружіе передъ русскою арміей безъ всякихъ условій. Численность его войска простиралась еще до 22,000 чел. «Венгрія у ногъ Вашего Величества», писалъ Паскевичъ своему императору. Гергей, въ своей слѣпой, но понятной ненависти, выговорилъ себѣ только одно условіе: сложить оружіе передъ *русской арміей*.

Австрія и Пруссія.

Какъ уже явствуетъ изъ прежде изложеннаго, благопріятное время было пропущено прусскимъ правительствомъ. Въ сентябрѣ австрійское правительство назначило, совмѣстно съ прусскимъ, комиссію, которая должна была вѣдать имѣющіяся на-лицо нѣмецкія дѣла. Въ этой комиссіи засѣдало двое австрійскихъ и двое прусскихъ членовъ; эрцгерцогъ

Іоаннъ сложилъ съ себя званіе намѣстника. Въ то же время, всюду возникала реакція; мартовскія министерства падали одно за другимъ и замѣщались реакціонерными; можно было предвидѣть, куда это поведетъ. Однако Пруссія оживилась еще разъ: 6 февраля 1850 г., Фридрихъ-Вильгельмъ присягнулъ прусской конституціи, выработанной обѣими палатами, и Пруссія стала государствомъ конституціоннымъ. Черезъ недѣлю послѣ того, союзныя государства были созваны на рейхстагъ въ *Эрфуртъ*, къ 20 марта. Но 25 и 27 февраля, Ганноверъ и Саксонія выступили изъ состава союзныхъ государствъ: союзъ трехъ королей былъ нарушенъ. Эрфуртское собраніе приняло, ради ускоренія хода дѣлъ, союзную конституцію безъ разсмотрѣнія ея по статьямъ, а за три дня передъ тѣмъ, 26 числа, австрійское правительство пригласило всѣхъ членовъ Германскаго союза прислать своихъ уполномоченныхъ снова въ *Франкфуртъ-на-Майнѣ*, и можно было ожидать, что все вступитъ въ прежнюю колею.



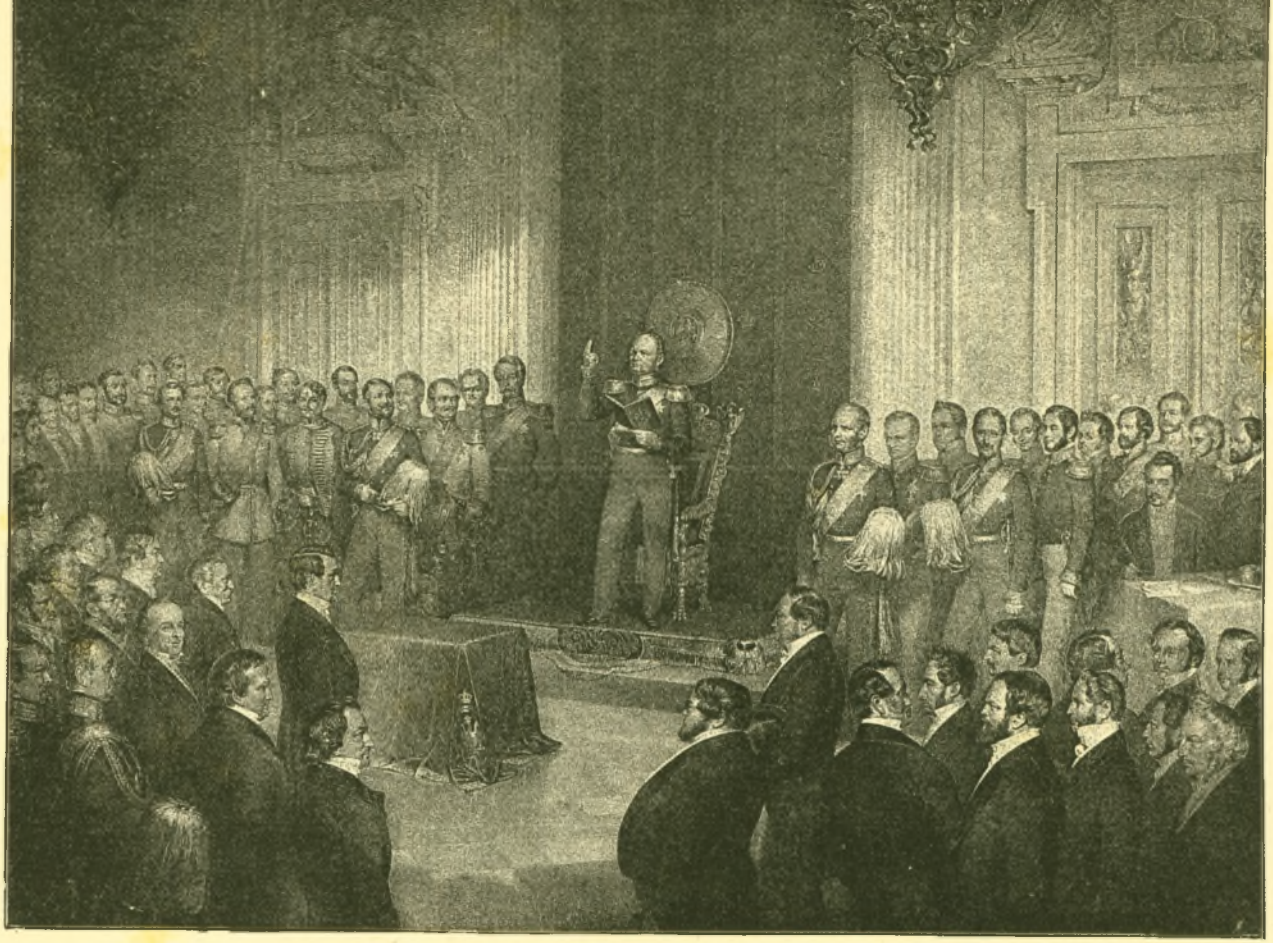
Генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ.

Шлезвигская война. Битва при Идштетѣ. 1850.

Въ февралѣ 1849 года кончился срокъ Мальмёсскаго перемирія и борьба съ Даніей возобновилась. Было нѣсколько удачныхъ дѣлъ, но не существовало уже болѣе Германіи, которая могла бы продолжать войну; Россія и Франція возвышали грозно свой голосъ и въ іюлѣ 1849 г. было заключено новое перемиріе между Пруссіей и Даніей, за которымъ, въ іюлѣ 1850 года, послѣдовалъ миръ, на основѣ положенія *до* 1848 г. Шлезвигъ-голштинцы попытались еще разъ возобновить военныя дѣйствія на свой страхъ: 24 іюля, ихъ небольшое войско, 26,000 ч., подъ командою прусскаго генерала Виллизена, далеко не бывшаго какимъ-нибудь Эпаминондомъ, вступило въ бой съ 40,000 датскою арміей, при *Идштетѣ*, неподалеку отъ Шлезвига, и было разбито.

Возстановленіе союзнаго парламента.

Это пораженіе на сѣверѣ отозвалось, понятнымъ образомъ, на Пруссіи и на ея значеніи въ великомъ германскомъ вопросѣ, неразрывно связанномъ съ тѣмъ, мѣстнымъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изъ этихъ



Присяга, приносимая Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, въ соблюденіи прусской конституціи, 6 февраля 1850 года.
Рисовалъ съ натуры Паулъ *Бюрдеръ*, литографировалъ *Геннерихъ*.

вопросовъ, Пруссіей — въ данномъ случаѣ, лично ея королемъ — была совершена тягостная ошибка: безкорыстіе и идеальничанье не годились тамъ, гдѣ требовался трезвый государственный эгоизмъ. Признаніе того, что энергично-эгоистическая прусская политика была, въ то же время, и наилучшею политикою для Германіи, было еще пока только идеаломъ будущаго.

Курфюршество Гессенъ.

Союзный сеймъ въ Франкфуртѣ былъ открытъ, 2 сентября 1850 г., представителями государствъ, приверженныхъ къ Австріи. Онъ возобновилъ свою дѣятельность, вполнѣ достойную прежней, допуская полное безправіе въ *курфюршествѣ Гессенскомъ*. Низкій курфюрстъ,—третій и, по счастію, послѣдній изъ притѣснителей этой страны,—нарушилъ конституцію своихъ владѣній, повысивъ налоги, послѣ распущенія собранія сословныхъ представителей, слѣдовательно, безъ согласія этихъ послѣднихъ. Встрѣтивъ отпоръ со стороны населенія, вѣрнаго своимъ законамъ, и самого чиновнаго вѣдомства, онъ былъ вынужденъ бѣжать, вмѣстѣ съ своимъ пособникомъ, министромъ Гассенпфлугомъ, и отдался подъ покротельство союзнаго сейма, хотя курфюршество Гессенское входило еще, по названію, въ составъ союза германскихъ государствъ.

Императоръ Николай и Фридрихъ-Вильгельмъ. Россія и Пруссія.

Въ Берлинѣ слѣдовало рѣшить: держаться-ли этого послѣдняго союза или подчиниться Австріи? Была минута, въ которую казалось вѣроятнѣе первое. Прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ генералъ Радовицъ, сторонникъ идеи этого союза (Union), человѣкъ большого ума, весьма образованный, любимый королемъ за строгій консерватизмъ и убѣжденный католикъ. Противная партія, имѣвшая наглость называть себя велико-германскою, тоже укрѣпила свое положеніе. Короли Вюртембергскій, Баварскій и императоръ Австрійскій съѣхались въ *Брегенцѣ*, на Боденскомъ озерѣ,—на австрійской территоріи (10—14 октября). Общее настроеніе было воинственное, вслѣдствіе увѣренности найти опору въ императорѣ Николаѣ, смотрѣвшемъ на возстаніе въ Гессенѣ и въ Шлезвигъ-Голштиніи, равно какъ на дѣятельность палатъ въ Германіи, какъ на проявленіе мятежнаго духа. Было рѣшено оказать помощь курфюрсту противъ его подданныхъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, императоры Францъ-Іосифъ и Николай съѣхались въ *Варшавѣ* (26 октября); сюда же прибылъ уполномоченный отъ Фридриха-Вильгельма, графъ Бранденбургъ, по возвращеніи котораго (2 ноября), въ Берлинѣ состоялся окончательный министерскій совѣтъ. Здѣсь произошло нѣчто странное; меньшинство стояло за программу Радовица: насиліе противъ насилія въ курфюршествѣ Гессенскомъ; постановка арміи на боевую ногу; созваніе палатъ; манифестъ къ прусскому народу; большинство же, въ томъ числѣ и графъ Бранденбургъ, предлагало подчиниться. Король заявилъ, что раздѣляетъ мнѣніе меньшинства, но предоставляетъ свободу дѣйствій большинству, съ которымъ не желаетъ разрыва *).

Позоръ въ Ольмюцѣ. 1850.

Такъ снова, въ такую важную минуту, государь изъ Гогенцоллернскаго дома произнесъ свое вѣчное и «да», и «нѣтъ». Министерство пе-

*) Такъ выходитъ теперь по фонъ-Зибелю: «Основаніе Германской имперіи» II, 27 и слѣд.

решило къ барону Оттону фонъ-Мантейфелю, и такой второстепенной личности приходилось не долго бороться съ собой, чтобы подчиниться тому, чего требовалъ побѣдоносный австрійскій министръ, не старавшійся даже особенно скрывать, что ему требовалось сначала унизить Пруссію (*avilir*), а затѣмъ и уничтожить ее (*démolir*). Вскорѣ дѣла едва не дошли опять до войны. 6 числа былъ отданъ приказъ о мобилизиціи прусской арміи; 21 ч., при открытіи засѣданій въ палатахъ, энергичная тронная рѣчь возбудила еще нѣкоторыя надежды; въ Гессенѣ, гдѣ военныя дороги охранялись прусскими войсками, можно было ожидать ежеминутно столкновенія съ австрійско-баварскими отрядами; при Бронзелѣ была, дѣйствительно, подстрѣлена одна лошадь. Но когда австрійскій посолъ въ Берлинѣ имѣлъ дерзость потребовать очищенія Гессена въ теченіе 48 часовъ, Мантейфель сталъ не только испрашивать личнаго свиданія у австрійскаго министра-президента, но даже телеграфировалъ ему одновременно съ тѣмъ, что, не дожидаясь отъ него отвѣта, отправляется уже къ нему. И здѣсь, въ *Ольмюцѣ*, 29 ноября 1850 г., онъ подписалъ подчинявшій Пруссію договоръ: союзъ (Union) уничтожался; Пруссія очищала Баденъ и курфюршество Гессенъ; она отказывалась отъ своихъ военныхъ конвенцій съ нѣкоторыми мелкими государствами и обезоруживала герцогства на Сѣверной Эльбѣ.

Возстановленіе прежней Германіи. Побѣда Габсбурговъ.

Курфюрстъ и Гассенпфлугъ воротились въ Гессенъ еще 27 числа и стали дѣйствовать у себя, какъ въ завоеванной землѣ, опираясь на экзекуціонный баварскій корпусъ. Въ январѣ 1851 г., прусско-австрійскіе комиссары стали водворять порядокъ въ Шлезвигъ-Голштиніи; областной сеймъ, правительство, войско, были распущены; австрійскіе полки перешли черезъ Эльбу,—по мосту, наведенному прусскими піонерами,—и вступили въ Голштинію. Для виду переливалось еще изъ пустого въ порожнее, подъ предлогомъ обсужденія «германской конституціи», на «вольныхъ совѣщаніяхъ», открытыхъ 23 декабря 1850 г. въ *Дрезденѣ*, но уже 30 мая, «высокій союзный сеймъ» засѣдалъ снова въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, и въ полномъ комплектѣ. Первымъ дѣломъ его было распущеніе германскаго флота — поспѣшнаго, но не безславнаго созданія революціоннаго періода. Суда были проданы съ торговъ 28 августа 1852 г. Въ томъ же году сеймъ объявилъ гессенскую конституцію 1831 года несогласною съ законами Союза и утвердилъ новую, дарованную курфюрстомъ своимъ подданнымъ. Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ былъ порѣшенъ конференціею, въ которой приняли участіе *Англія*, *Австрія*, *Франція*, *Россія* и *Швеція*. Въ общемъ своемъ заявленіи, *Лондонскомъ протоколѣ* отъ 8 мая 1852 г., — подъ которымъ подписался и прусскій посолъ, кавалеръ фонъ-Бунзенъ, знаменитый ученый и честный патріотъ, но все знаніе и патріотизмъ котораго пропадали при слабомъ правительствѣ,—эти державы признавали тотъ порядокъ престолонаслѣдія въ герцогствахъ, который былъ изложенъ въ «открытомъ письмѣ» 8 іюля 1846 г., — слѣдовательно, принципъ нераздѣльности датской монархіи. Здѣсь, какъ и вездѣ, побѣда оставалась за Австріей. Подобно Шлезвигу, прусскія провинціи, Познань и Пруссія, выступили изъ Союза, и все возвращалось къ прежнему порядку вещей. Одного только не добился

Шварценбергъ: вступленія всей Австрійской имперіи въ Германскій Союзъ. Самая чудовищность такого требованія была причиною его неудачи; Россія, Англія, Франція никогда не допустили бы даже попытки къ его осуществленію. Словомъ, къ этой идеѣ можно было примѣнить извѣстное изреченіе поэта: «не будь она такъ чертовски умна, ее можно было бы назвать глупой». Наглое домогательство Австріи, оскорблявшее національное чувство и стремленія нѣмцевъ, было, однако, принято Германіею очень спокойно: нація пережила уже столько позора и столько переносила его ежедневно; она простилась съ германскимъ единствомъ и, вмѣсто свободы, пользовалась повсюду мелочнымъ, полнымъ ненавистничества и мести, полицейскимъ управленіемъ; однимъ униженіемъ болѣе или менѣе— не составляло уже расчета.

Французскій переворотъ.

Реакція чувствовала себя спокойной и слуги ея старались оградить себя, удваивая насилія, въ возмездіе за вынесенный ими, въ 1848 году, страхъ и оказанную ими, при этомъ, трусость. Ихъ успокаивало и происходившее во Франціи, гдѣ революція окончила свой кругъ и завершилась возникновеніемъ новаго трона, новаго своеобразнаго деспотизма.

2. Франція.

Республика и временное правительство.

Учрежденіе республики было, во *Франціи*, чѣмъ-то неожиданнымъ для всѣхъ, даже для самихъ созидателей ея. Временное правительство, засѣдавшее въ ратушѣ, отвоевывало себѣ съ трудомъ необходимѣйшее время и спокойствіе, будучи осаждаемо народными толпами, которыя вторгались въ ратушу, одна за другой, чтобы изрекать всякія вообразимыя и невообразимыя нелѣпости, приправленныя обычными, въ такихъ случаемъ, словоизверженіями. Надо поставить въ заслугу *Ламартину* то, что онъ, обладая тоже неизсякаемымъ запасомъ краснорѣчія, умѣлъ придерживать и выпроваживать этихъ непрошеныхъ посѣтителей. Признаніе новой республики, о которой возвѣщалъ Ламартинъ своимъ, тоже очень краснорѣчивымъ, циркуляромъ, съ завѣреніемъ о томъ, что Франція не намѣрена нарушать какихъ-либо территоріальныхъ отношеній, не встрѣтило никакихъ затрудненій ни со стороны европейскихъ правительствъ, ни въ самой странѣ, судьбы которой порѣшила очень своеобразная аристократія: та часть парижскаго населенія, которая владѣла улицей. Оба королевскіе принца, герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій, командовавшіе, въ это время, арміею и флотомъ въ Алжирѣ, не сдѣлали никакихъ попытокъ къ отмѣнѣ порѣшеннаго въ Парижѣ; они удалились въ изгнаніе вслѣдъ за прочими членами королевской семьи. Спокойствіе было водворено; пришлось сдѣлать только *одну* опасную уступку тѣмъ, которые остались безъ хлѣба, при застоѣ промышленности, вслѣдствіе февральскихъ событій, и считались соціалистами-теоретиками, въ-родѣ Луи-Блана, а равно и сами считали себя за настоящій народъ, *le peuple*, въ исключительномъ смыслѣ слова. Для умиротворенія этой толпы было возвѣщено *право на трудъ* и приступлено къ устройству, такъ-называемыхъ, національныхъ мастерскихъ, въ которыхъ стали толпиться, тотчасъ же, до 80—100 и болѣе тысячъ народа. Въ этихъ мастерскихъ производились, большею частью, работы безцѣльныя, потому что полезныя работы не могутъ импро-

визироваться такимъ образомъ; но поденная плата все же выдавалась. Для развлеченія, тутъ же устроился родъ рабочаго парламента, подъ предсѣдательствомъ того же доктринера Луи-Блана, измыслившаго эти мастерскія и право на трудъ. Но будущій государственный строй Франціи долженъ былъ рѣшиться ею самою и потому, на 27 апрѣля, были назначены выборы въ національное собраніе, которому предстояло заняться выработкою конституціи для страны. Выборный законъ или порядокъ былъ установленъ на весьма «свободныхъ началахъ», какъ и слѣдовало ожидать: по одному депутату на каждыя 40,000 жителей; избирателемъ могъ быть каждый достигшій 21 года; избираемымъ—каждый не моложе 25 лѣтъ; дальнѣйшихъ ограниченій не было. Національное собраніе вступило въ силу 4 мая; временное правительство сдало свой отчетъ; было учреждено новое или «Исполнительная комиссія» въ составѣ пяти членовъ, которыми были: Араго, Гарнье-Пажэ, Марп, Ламартинъ, Ледрю-Роленъ,—все умѣренные республиканцы, за исключеніемъ послѣдняго, имѣвшаго нѣкоторыя, впрочемъ, безобидныя, якобинскія замашки. 15 мая, вновь установленному порядку пришлось выдержать испытаніе: соціалисты внесли запросъ о томъ, что они называли польскимъ вопросомъ, собрали, подъ этимъ предлогомъ, толпы своихъ сторонниковъ, вторглись съ ними въ залу засѣданій, что доставило имъ, на нѣсколько часовъ, возможность издать тоже нѣсколько доброжелательныхъ декретовъ, обложить богачей милліарднымъ налогомъ и назначить временное правительство, которое и отправилось въ ратушу. Мобили и національная гвардія, собранные наскоро, прекратили эту передрягу.

Рабочія мастерскія и іюньскіе дни.

Но опасность должна была возобновиться и въ болѣе грозныхъ размѣрахъ. Національныя мастерскія привлекали къ себѣ до 117,000 людей, изъ которыхъ иные работали, другіе почти не работали, а третьи и совсѣмъ тунеядствовали, но всѣ, безразлично, получали по 2 франка поденной платы и находили прекрасную возможность организоваться въ партію, которая, по мнѣнію ихъ демагоговъ, и представляла собою именно «*народъ*». Намѣреніе національнаго собранія уничтожить эти дома, поглощавшіе милліоны и служившіе только къ общественному вреду, было извѣстно рабочимъ, и они рѣшили предупредить этотъ ударъ. Въ теченіе трехъ страшныхъ дней, 24, 25 и 26 іюня, длилась на парижскихъ улицахъ эта *іюньская рѣзня*, въ которой боролись сторонники порядка съ охлократіей. Національное собраніе облекло военнаго министра, генерала Евгенія Кавэньяка, диктаторской властью, которою онъ энергично воспользовался. На третій день, послѣ того какъ было убито 7 генераловъ и, вообще, до 5,000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, возстаніе было подавлено,—самое кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ на этой почвѣ, привычной къ кровопролитіямъ... Кавэньякъ остался главою исполнительной власти; въ Парижѣ было объявлено осадное положеніе. Эта бойня не придала республикѣ бо́льшую популярность въ столицѣ; не пользовалась она популярностью и въ провинціи, особенно между сельскимъ населеніемъ, потому что республиканское правительство было вынуждено повысить налоги на 45%, вслѣдствіе своихъ финансовыхъ затрудненій. Ближайшіе выборы были неблагопріятны, вообще, для *République honnête*, слѣдовательно, для на-

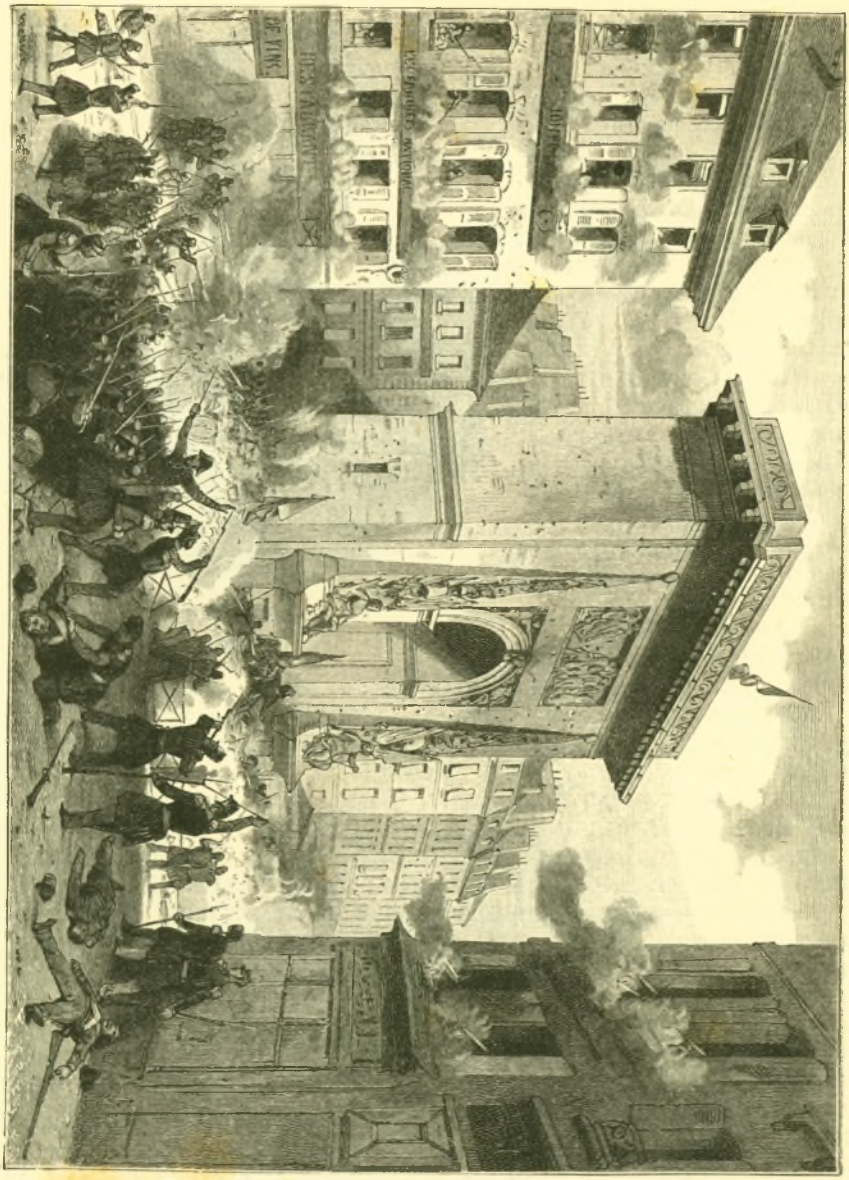
личныхъ правителей. Но между новонзбранными былъ принцъ, — или, тогда только еще гражданинъ, *Луи-Наполеонъ Бонапарте*, показавшійся уже въ первые дни послѣ февральской революціи, потомъ стушевавшійся снова и затѣмъ появившійся въ національномъ собраніи (26 сентября). Такъ какъ онъ не выдавался своимъ ораторствомъ, то великіе адвокаты и краснобаи палаты считали его личностью незначительной. Собраніе вырабатывало проэктъ конституціи, которая была закончена къ 4 ноября того же года и принята 739 голосами противъ 30. Основанія ея были слѣдующія: Франція признается республикой; законодательная власть поручается собранію изъ 550 членовъ, которые избираются общею подачею голосовъ на каждое трехлѣтіе, а исполнительная — президенту, избираемому тоже общею подачею голосовъ, въ которой можетъ участвовать всякій французъ, достигшій 21 года. Президентъ избирается на 4 года; онъ состоитъ главнокомандующимъ арміей, но не предводительствуетъ ею лично; назначаетъ должностныхъ лицъ, имѣетъ право помилованія, приводитъ въ исполненіе постановленія собранія и лишается своего поста, при попыткѣ отсрочить засѣданія этого собранія или распустить его.



Генералъ Евгеній Кавэньякъ.
Рисовалъ и гравировалъ Риффо.

Выборы были назначены на 10 декабря 1848 г. На долю Кавэньяка выпало $1^1/_2$ милліона голосовъ, а $5^1/_2$ милліоновъ оказались въ пользу Луи-Наполеона Бонапарте, котораго правящіе республиканцы считали столь незначительнымъ. Теперь стало ясно, что онъ что-нибудь значилъ: за него стояло, прежде всего, передъ массами его имя; его страсбургская и булоньская попытки были сумасбродны, но онѣ говорили въ пользу его отваги; сверхъ того, онъ не былъ замѣшанъ въ кровавую распрю буржуазіи съ тѣми, кого называли теперь четвертымъ сословіемъ; не участвовалъ и въ іюньскихъ дняхъ. Всѣ неопредѣленныя надежды и эгоистическіе расчеты видѣли нѣчто обѣщающее въ его имени, заманчивомъ еще и съ той стороны, что оно было ново, и даже такіе люди, какъ Тьеръ и другіе, остававшіеся монархистами въ душѣ, были на его сторонѣ, потому что считали его,—ошибочно, разумѣется,—не самостоятельной личностью, а способнымъ служить имъ орудіемъ или, по крайней мѣрѣ, не быть помѣхою ихъ дальнѣйшимъ планамъ.

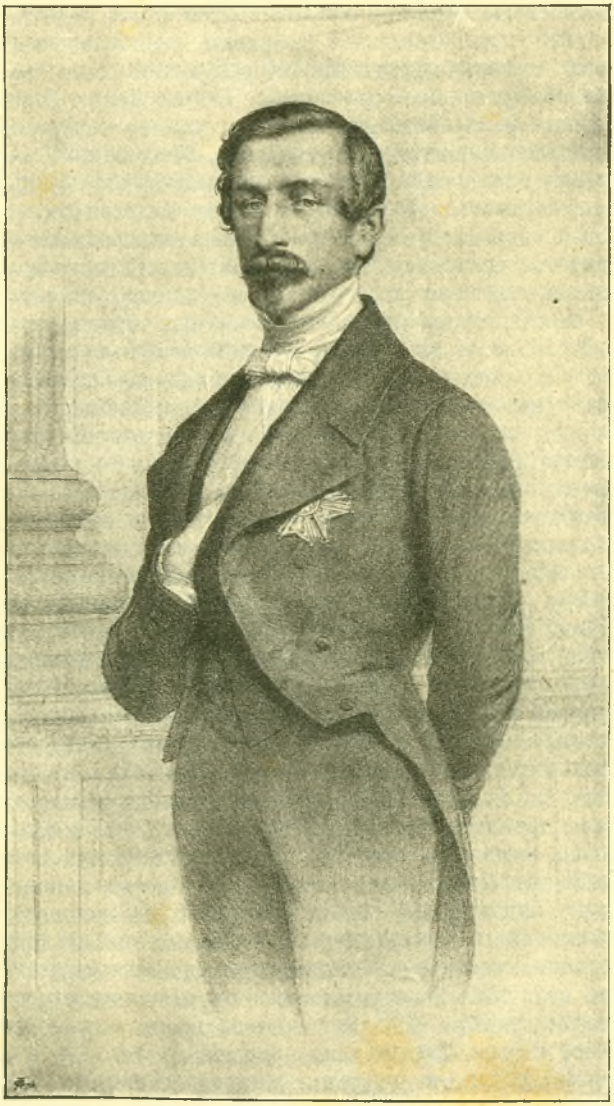
Довершеніе конституціи. Избраніе президента.



Іюньская революція въ Парижѣ 1848 г. Уличная схватка у воротъ С.-Дени.

Людовикъ-Наполеонъ Бонапарте.

Избранникъ народа занялъ свой постъ 20 декабря, поселясь въ президентскомъ помѣщеніи въ Елисейскихъ поляхъ. Онъ составилъ свое первое министерство изъ членовъ различныхъ партій, но выказалъ тотчасъ же свою самостоятельность въ дѣлахъ иностранной политики. Республика находилась въ хорошихъ отношеніяхъ съ Англіей, Россіей, Германіей, и ей не было никакого повода нарушать этотъ миръ. Но иначе обстояли дѣла съ Италіей, гдѣ борьба между Австріей и итальянскимъ національнымъ принципомъ была въ полномъ разгарѣ. Австрія облегчала Французамъ ихъ мирное отношеніе, завѣряя,—и совершенно правдиво на этотъ разъ, — что единственная цѣль ея состояла въ сохраненіи *Statusquo ante*. Сами Итальянцы, какъ увидимъ ниже, вовсе не гонялись за французскою помощью. Они охотно повторяли: «*L'Italia fara da se*», но, послѣ нѣкоторыхъ событій, упоминаемыхъ ниже, когда Австрія или Испанія вмѣшались въ римскія дѣла, заступаясь за папу, бѣжавшаго изъ Рима, Французы, подъ командою генерала Удино, высадились въ Чивита-Веккіи; они потерпѣли, однако, пораженіе отъ республиканцевъ, когда двину-



Людовикъ-Наполеонъ, президентъ Французской республики 1848 г.
Современная литографія съ натуры.

лись къ городу (30-го апрѣля 1849 года). При наступившемъ раздорѣ между законодательною властью и президентомъ, національное собраніе не могло одержать верхъ и должно было уступить мѣсто новому, выборы въ которое произошли 12 мая 1849 г. Засѣданія этой новой палаты открылись 28 числа. Большинство ея было явно антиреспубликанскимъ, хотя и не столь рѣзко выражало свой монархическій характеръ, какъ смѣло выступившая бонапартистская партія.

Президентъ и законодательное собраніе.

Это законодательное собраніе, распадавшееся на партіи (при первомъ выборѣ президента собранія, 336 голосовъ было за Дюпена, довольно безтолковаго орлеаниста, 182 за Ледрю-Ролена и 57 за одного умѣреннаго республиканца), было вынуждено теперь считаться съ весьма сознательною политикою президента. Людовикъ-Наполеонъ, въ письмѣ къ одному изъ своихъ адъютантовъ, полковнику Нею (18 августа), придалъ римской экспедиціи, черезъ которую онъ выигралъ въ глазахъ клерикаловъ такой оборотъ, что она пріобрѣтала либеральный оттѣнокъ и, во всякомъ случаѣ, указывала на самостоятельный взглядъ президента. «Я понимаю свѣтскую власть папы не иначе», писалъ онъ, «какъ совокупно съ амнистіей, съ правительствомъ изъ мірянъ, съ свободомыслящею администраціею и введеніемъ *Наполеоновскаго кодекса*». Еще рѣзче былъ тонъ его посланія, въ которомъ онъ сообщалъ собранію (31 октября) объ образованіи новаго кабинета, замѣщавшаго министерство Одилона Барро. «Среди настоящаго смятенія умовъ», говорилъ онъ, «Франція ищетъ тревожно руки и воли избранника 10 декабря...» Взывая къ имени Наполеона, онъ заявлялъ, что въ одномъ этомъ имени уже цѣлая программа, и давалъ понять, что видитъ въ себѣ,—какъ это предугадывали проницательные люди,—избранника всей націи, между тѣмъ какъ собраніе состояло изъ лицъ, представлявшихъ собою лишь дробную часть какого нибудь департамента. Онъ пользовался очень искусно своимъ положеніемъ. Войско и администрація были на его сторонѣ, потому что назначенія зависѣли отъ него. Онъ привлекалъ побѣжденныхъ въ іюньскіе дни, широко пользуясь своимъ правомъ помилованія, а буржуазія была привержена ему за поддержаніе порядка и ждала отъ него установленія прочнаго правительства. Его заискиванія передъ клерикалами поддерживались реакціонернымъ направленіемъ самого собранія, которое утвердило, въ мартѣ 1850 г., школьный законъ въ клерикальномъ духѣ и снабжало правительство оружіемъ во всемъ, что касалось обузданія печати и права составлять общества. Это возстановляло всѣхъ противъ палаты, а когда, подъ давленіемъ своего большинства, ненавидѣвшаго общее голосованіе, она приняла законъ, которымъ, съ помощью софизмовъ и въ явное противорѣчіе съ конституціей, ограничивалось это право голосованія, ставясь въ зависимость отъ 3-лѣтняго пребыванія избирателя въ данной мѣстности, она дала тѣмъ непосредственное оружіе самому президенту и бонапартисты повели открыто свою агитацію во время парламентскихъ вакацій. Впрочемъ, каждая партія вела пропаганду въ свою пользу и большинство департаменскихъ совѣтовъ настоятельно высказывалось за пересмотръ конституціи; само собраніе должно было заняться этимъ вопросомъ въ предстоящую сессію: 446 голосовъ противъ 278 стояли за пересмотръ.

Но, согласно конституціи, въ такихъ случаяхъ требовалось большинство въ *двѣ трети* голосовъ; это усиливало неурядицу, между тѣмъ, время для вторичныхъ выборовъ президента республики, на основаніи конституціонныхъ правилъ, было уже не далеко. Переизбраніе Людовика-Наполеона, согласно съ конституціей, могло совершиться не ранѣе 1856 г., но что если «верховный народъ» переизбралъ бы его и въ 1852 году? Это не было вполнѣ неправдоподобно, но довольно забавно: государственный переворотъ былъ бы совершенъ самимъ народомъ.

Государственный переворотъ 2 декабря.

Дѣла близились къ своему разрѣшенію. Собраніе открыло вновь свои засѣданія 4-го ноября 1851 г.; президентъ, образовавшій тѣмъ временемъ министерство изъ отъявленныхъ бонапартистовъ, обратился къ палатѣ съ пространнымъ посланіемъ, въ которомъ говорилъ о необходимости отмѣнить законъ 31-го мая, то-есть требовалъ возстановленія всеобщей подачи голосовъ. Палата, поставленная между двухъ огней, сознавала опасность положенія; она рѣшилась отвергнуть проэктъ, но чувствовала мечъ надъ собою, искала средствъ защититься отъ грозившаго государственнаго переворота, который былъ уже у всѣхъ на устахъ, и ея квесторы внесли предложеніе о непосредственномъ подчиненіи войска собранію. Если бы это предложеніе было принято, президенту пришлось бы тотчасъ вступить въ борьбу, но, благодаря радикаламъ, провозглашавшимъ: «Мы не хотимъ давать оружія въ руки людямъ 31-го мая!» предложеніе было отклонено незначительнымъ бельшинствомъ (17-го ноября).

Наступило 1-е декабря. Вечеромъ былъ пріемъ въ Елисейскомъ дворцѣ, между тѣмъ какъ дѣлались всѣ нужныя приготовленія: въ теченіе ночи и подъ утро, всѣ значительнѣйшіе вожди партій, генералы Шангарнье, Кавэньякъ, Ламорисьеръ, квесторъ Базъ, хитроумный Тьеръ,— такъ хорошо знавшій исторію 18 брюмера, а теперь проглядѣвшій, который былъ часъ—были арестованы, вмѣстѣ со многими другими; войска заняли важнѣйшіе посты, всюду были расклеены прокламаціи къ народу и арміи, и въ этихъ воззваніяхъ объявлялось уже о совершившемся переворотѣ. Всякій могъ читать поутру, что законодательное собраніе распущено, право всеобщаго голосованія возстановлено и народъ приглашается заявить свою волю на правѣ своихъ прежнихъ сходокъ. Президентъ обращался къ этому «единственному властелину», излагая при этомъ основы новой конституціи, скопированной съ консулата VIII года: исполнительная власть избиралась на 10 лѣтъ, учреждались сенатъ, законодательный корпусъ; министры зависѣли исключительно отъ главы государства. Попытки депутатовъ и членовъ государственной судебной палаты провести въ дѣло параграфы ихъ уставовъ были быстро подавлены войскомъ. Кое-гдѣ строились баррикады, 3 и 4 числа, но народъ оставался спокойнымъ, частью потому, что опаснѣйшіе вожаки, въ родѣ Лагранжа, были арестованы во-время, частью и вслѣдствіе того, что всѣ видѣли передъ собою внушительную военную силу. На бульварѣ Пуасоньеръ, 4 числа, войска дали нѣсколько залповъ, которыми было убито не мало мирныхъ гражданъ. Эта бойня не оправдывалась ничѣмъ, но навела страхъ. 21-го декабря состоялось всеобщее народное голосованіе,— плебисцитъ, — давшее 7.500,000 «да» и 650,000 «нѣтъ». Новая власть

была утверждена такимъ образомъ и арестованные 2-го декабря были выпущены на свободу. 31-го декабря дипломатическій корпусъ принесъ свои поздравленія «спасителю общества». 1-го января 1852 г. этотъ спаситель, вокругъ котораго тѣснились и поздравляющіе, и ищущіе милостей, переселился въ Тюльери; 14-го числа была объявлена новая конституція, одобренная плебисцитомъ. Она даровала большія полномочія президенту: помимо обыкновенныхъ правъ королей въ конституціонныхъ монархическихъ государствахъ, онъ одинъ обладалъ правомъ инціативы въ проэктированіи законовъ. *Законодательный корпусъ*, въ составѣ 261 члена, избирался путемъ общаго голосованія и былъ облеченъ правомъ издавать законы и назначать налоги; *Сенатъ*, члены котораго назначались президентомъ, опредѣлялъ правильность этихъ законовъ по отношенію къ конституціи. Сенаторы получали по 30,000 фр. содержанія; члены законодательнаго корпуса по 15,000 фр. Правительство указывало въ избирательныхъ округахъ на угодныхъ ему кандидатовъ. Выборы наступили тотчасъ же (29-го февраля); нечего и говорить объ ихъ исходѣ. Послѣдній шагъ,—возстановленіе имперіи,—былъ впереди. По закрытіи засѣданій обѣихъ палатъ, принцъ-президентъ совершилъ поѣздку по всей странѣ, и всюду его приглашали ускорить этотъ окончательный шагъ, вслѣдствіе чего Сенатъ и былъ созванъ на 4-е ноября. Плебисцитъ далъ, въ этотъ разъ, 7.800,000 «да» и 253,000 «нѣтъ», и 2-го декабря 1852 г., въ годовщину битвы подъ Аустерлицомъ и коронованія перваго Наполеона, появилась прокламація: «Наполеонъ III, милостію Божіей и волею французской націи императоръ французовъ...»

3. Италія.

Вторая имперія 1852 г.

Такъ было суждено завершиться вздорной революціи 24-го февраля 1848 г. Изъ тѣхъ правъ, которыя предоставлялись Франціи хартіями 1814 г. и іюльской монархіей, не оставалось въ силѣ ни одного; взамѣнъ ихъ было даровано одно новое, сомнительнаго достоинства: право всеобщаго голосованія. Что же касалось продажности, противъ которой и было поднято оружіе 24-го февраля, то она измѣнилась лишь въ томъ смыслѣ, что стала выставляться беззастѣнчиво напоказъ при раздачѣ денегъ и мѣстъ въ награду за «благонамѣренность». Самъ императоръ получалъ 25 милліоновъ франковъ содержанія, то-есть вдвое противъ Луи-Филиппа. Лица, помогавшія Наполеону III устроить государственный переворотъ, какъ-то: сводный братъ его, герцогъ Морни, пособникъ его со временъ Страсбурга, Фіаленъ, — теперь уже «герцогъ Персиньи»,— Леруа, назначенный военнымъ министромъ и прозывавшійся «Сентъ-Арно», черпали теперь изъ новооткрытаго золотого источника обильную плату за то, что рисковали своею жизнью въ пользу имперіи. Сентъ-Арно, напримѣръ, будучи назначенъ оберъ-егермейстеромъ, военнымъ министромъ, маршаломъ Франціи и сенаторомъ, получалъ, въ общемъ, 300,000 фр. жалованья. Февральская революція не имѣла никакой внутренней основы, она создалась изъ цѣлой цѣпи случайностей и грубыхъ ошибокъ, и привела къ тиранніи, не обѣщавшей вырастить такой правовый порядокъ, который могъ бы быть прочнѣе прежняго и не могъ бы пасть

такъ же внезапно отъ народной прихоти или взрыва страстей. Опаснѣе всего было то, что новый тронъ былъ воздвигнутъ именно народною прихотью, при чемъ плебисцитъ, который выражаетъ всегда лишь *минутное настроеніе* массъ, а никакъ не *волю*,—осмысленную, разумную, твердо обоснованную народную волю,—былъ возведенъ въ первоисточникъ всякаго права.

Италія. 1848 г.

Въ Италіи происходила революція иного характера. Она началась не въ 1848 г. и не закончилась въ 1852 г. Нація, которой самая природа страны, ея исторія, общность языка и культуры судили быть нераздѣльной, требовала себѣ возвращенія этого естественнаго права у ненавистныхъ чужеземныхъ поработителей. Сигналъ къ возстанію,—прежде всего въ Ломбардіи,—былъ поданъ извѣстіемъ о торжествѣ революціи въ Вѣнѣ. Извѣстіе это было получено въ Миланѣ 18-го марта.

Возстаніе въ Миланѣ. Италія.

Главнокомандующій войсками въ Ломбардіи, престарѣлый маршалъ Радецкій, не былъ застигнутъ врасплохъ этою борьбою, которая длилась нѣсколько дней. Но 22-го числа, когда уже вся область была объята возстаніемъ, онъ рѣшился, не безславя своего оружія, отступить къ Вероне съ своими 15,000 войска и совершилъ это отступленіе безъ потерь. Находившійся въ Венеціи 6,000 австрійскій гарнизонъ выступилъ тоже 23-го числа. Герцогъ Моденскій бѣжалъ еще 20-го числа, а владѣтельные князья въ Пармѣ и Флоренціи примкнули къ «священному дѣлу итальянской независимости».

Австрійско-пьемонтская война.

Въ Римѣ, при извѣстіяхъ изъ Вѣны, потомъ изъ Милана, поспѣшили отмѣтить крестами добровольныхъ защитниковъ папскихъ владѣній, и отправили этихъ новыхъ крестоносцевъ, подъ начальствомъ генерала Дурандо, къ сѣверной границѣ Церковной области. Въ Неаполѣ, послѣ отъѣзда австрійскаго посла, король былъ вынужденъ составить либеральное министерство и рѣшиться тоже на участіе въ національной борьбѣ (3 апрѣля). Руководительство ею принялъ на себя Пьемонтъ съ королемъ своимъ Карломъ-Альбертомъ. Здѣсь, въ Пьемонтѣ, еще до парижскихъ событій, предвидѣлось столкновеніе съ Австріей. Пьемонтскія войска вступили въ Миланъ 26 марта; 8 апрѣля произошла первая ихъ стычка съ Австрійцами, при *Гойто*, на правомъ берегу Минчіо; она кончилась незначительной побѣдой Пьемонтцевъ, но настоящимъ сраженіемъ было дѣло при *Санта-Лучіи*, къ юго-западу отъ Вероны, гдѣ встрѣтились 30,000 Австрійцевъ съ 40,000 Пьемонтцевъ; послѣдніе были вынуждены къ отступленію (6 мая). Гордое изреченіе: «Италія справится сама», выражало доблесть не совсѣмъ добровольную, потому что у страны союзниковъ не было, и для заключенія какого-либо союза ей надлежало уже быть чѣмъ-нибудь единымъ, сплоченнымъ, чего нельзя было и требовать, разумѣется. Понятно тоже, что при внезапномъ нарушеніи всего обычнаго строя не бываетъ спокойно-разумнаго отношенія къ дѣлу. Республиканская партія, съ своимъ главаремъ Мадзини, проявляла одну вредную дѣятельность здѣсь, какъ и въ Германіи; Венеція, подъ руководительствомъ благороднаго Даніеля Манина, преобразилась въ республику. Въ эту «великую эпоху» каждый клочокъ земли услаждалъ себя, хотя на нѣсколько дней, осуществленіемъ своихъ завѣтныхъ мечтаній. Не отовсюду и не особенно ревностно стекались охотники въ ряды пьемонтской

арміи, подъ знамена ея королевскаго вождя. Но менѣе всего были надежны Римъ и Неаполь. Папа не былъ уже хозяиномъ въ своемъ городѣ. Генералъ Дурандо повиновался приказу Карла-Альберта и выступилъ за границу Церковной области (21 апрѣля); и самое положеніе папы,—главы Церкви и, въ то же время, итальянскаго владѣтельнаго князя,— должно было необходимо вызывать массу противорѣчій и неразрѣшимыхъ столкновеній. Въ своей аллокуціи отъ 29-го апрѣля Пій IX отклонялъ всякую мысль о войнѣ съ Австріей. Населеніе и министры (новый кабинетъ подтверждалъ мнѣніе прежняго) внушали ему, что онъ, какъ папа, можетъ держаться мирнаго взгляда, предоставляя вести войну тѣмъ, кому онъ поручаетъ вѣдать мірскія отношенія. Вслѣдствіе этого, для него было лучше всего — выѣхать изъ Рима. Но, пока дѣла оставались еще нерѣшенными здѣсь, въ Неаполѣ они приняли уже опредѣленное направленіе. Въ день открытія неаполитанскаго парламента, въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, совершенно безцѣльный и жестоко подавленный войсками; король, который вовсе не былъ незначительной личностью, рѣшился тогда на энергичное дѣйствіе. Продолжая, повидимому, держаться конституціонной системы, онъ отозвалъ обратно вспомогательный корпусъ, посланный на сѣверъ подъ командою генерала Гульельмо Пепе, который успѣлъ уже дойти до По; равнымъ образомъ воротилъ онъ изъ Адріатики свой флотъ. Эти мѣры были понятны потому, что итальянское движеніе на пользу объединенія было выгодно для Пьемонтскаго короля, и пагубно лишь для него, короля Неаполитанскаго. Пьемонтская армія не могла одержать рѣшительныхъ боевыхъ успѣховъ; они ограничились капитуляціею австрійскаго гарнизона въ Пескіерѣ, на Гардскомъ озерѣ, и побѣдою при Гойто въ тотъ же день. Карлу-Альберту было далеко до старика Радецкаго,— въ одномъ только лагерѣ котораго и была еще жива австрійская государственная идея. Радецкій велъ войну осторожно, потому что не могъ разсчитывать на скорыя и вѣрныя подкрѣпленія изъ имперіи; но 10 іюня онъ усмотрѣлъ возможность разбить фланговый корпусъ генерала Дурандо при Виченцѣ и принудить его сдаться на капитуляцію. Въ продолженіе нѣкотораго времени, въ Вѣнѣ подумывали объ отчужденіи Ломбардіи,



Фельдмаршалъ графъ Іосифъ Радецкій.
По гравюрѣ І. Л. Рааба.

въ пользу чего весьма ратовала Англія; самъ папа писалъ въ этомъ духѣ императору, говоря, что ему слѣдовало бы положить конецъ войнѣ, коли онъ не можетъ завоевать сердецъ Ломбардцевъ и Венеціанцевъ. Парламенты и комитеты въ Туринѣ, Миланѣ и Венеціи занимались уже вопросами о конституціи этихъ областей, соединенныхъ въ одно цѣлое въ близкомъ будущемъ. Но Радецкій положилъ конецъ всѣмъ этимъ предположеніямъ и толкамъ, разбивъ на-голову пьемонтскую армію при *Кустоццѣ* (25 іюля). Въ теченіе цѣлыхъ девяти часовъ, при палящемъ зноѣ, бились противники,—въ общемъ 45,000 чел.; король, его сыновья и всѣ пьемонтскія войска оказали чудеса храбрости, но все было тщетно, и Карлъ-Альбертъ, съ остатками своей арміи, воротился въ Миланъ (3 августа). «Герои шестого дня», революціонный сбродъ и его вожаки, требовали уличной борьбы или тому подобнаго великаго дѣла, угрожая самому королю, но необходимость заставляла Пьемонтъ признать себя побѣжденнымъ и подписать конвенцію, за которою послѣдовало заключеніе шестинедѣльнаго перемирія (9 августа). Радецкій вступилъ въ Миланъ 6 августа и лишь партизанскій отрядъ, — всего около 2,000 человѣкъ, — подъ командою столь прославившагося впослѣдствіи патріотическаго вождя, Джіузеппе Гарибальди, продолжалъ еще вести войну въ горахъ, но и онъ былъ вскорѣ вынужденъ укрыться въ Швейцарію.

дѣло при Кустоццѣ. Возвращеніе Австрійцевъ.

Такъ кончился этотъ первый походъ; но у Австріи руки были еще не свободны для полнаго возвращенія къ старымъ порядкамъ. Наступало крайне смутное время. *Сицилія* заявила свою самостоятельность и палермскій парламентъ, въ своемъ засѣданіи 13 апрѣля, объявилъ Бурбонскую династію низложенною; затѣмъ, по утвержденіи новой конституціи для острова, составленной, разумѣется, на весьма демократическихъ началахъ (11 іюля), королемъ Сициліи былъ провозглашенъ второй сынъ Карла-Альберта, Альбертъ-Амедей. Но послѣ пораженія при Кустоццѣ о принятіи этой короны не могло быть и рѣчи; этотъ ударъ подкосилъ либеральныя силы въ Неаполѣ, какъ и вездѣ, и придалъ бодрости королю Фердинанду для обратнаго завоеванія острова. Взятіе Мессины сопровождалось такими ужасами, что адмиралы французскаго и англійскаго флота вмѣшались въ дѣло. Англія и Франція настояли на заключеніи перемирія, стараясь довести обѣ стороны и до окончательнаго мира, но эти усилія разбились о взаимную ненависть противниковъ. Въ мартѣ 1849 г. въ Сициліи снова вспыхнула война. Но неаполитанскій генералъ Филанджіери располагалъ 20,000 хорошо обученнаго войска и Сицилійцы не могли устоять противъ него, хотя ими начальствовалъ полякъ Мирославскій. Теперь вездѣ старались залучать поляковъ для командованія войсками. 15 мая, послѣ того какъ всѣ, кто могъ, спаслись на англійскія и французскія суда, Филанджіери вступилъ въ Палермо. Онъ остался здѣсь временно намѣстникомъ, получивъ титулъ герцога Таорминскаго, по названію одного изъ городовъ, раззоренныхъ имъ, въ продолженіе этой чудовищной войны.

Реакція. Неаполь. Средняя Италія.

Въ *Средней Италіи* торжество австрійскаго оружія отразилось, прежде всего, на *Моденѣ*, въ которую былъ водворенъ прежній герцогъ, и на *Пармѣ*, которую приняли, пока, въ свое завѣдываніе, Австрійцы. Въ

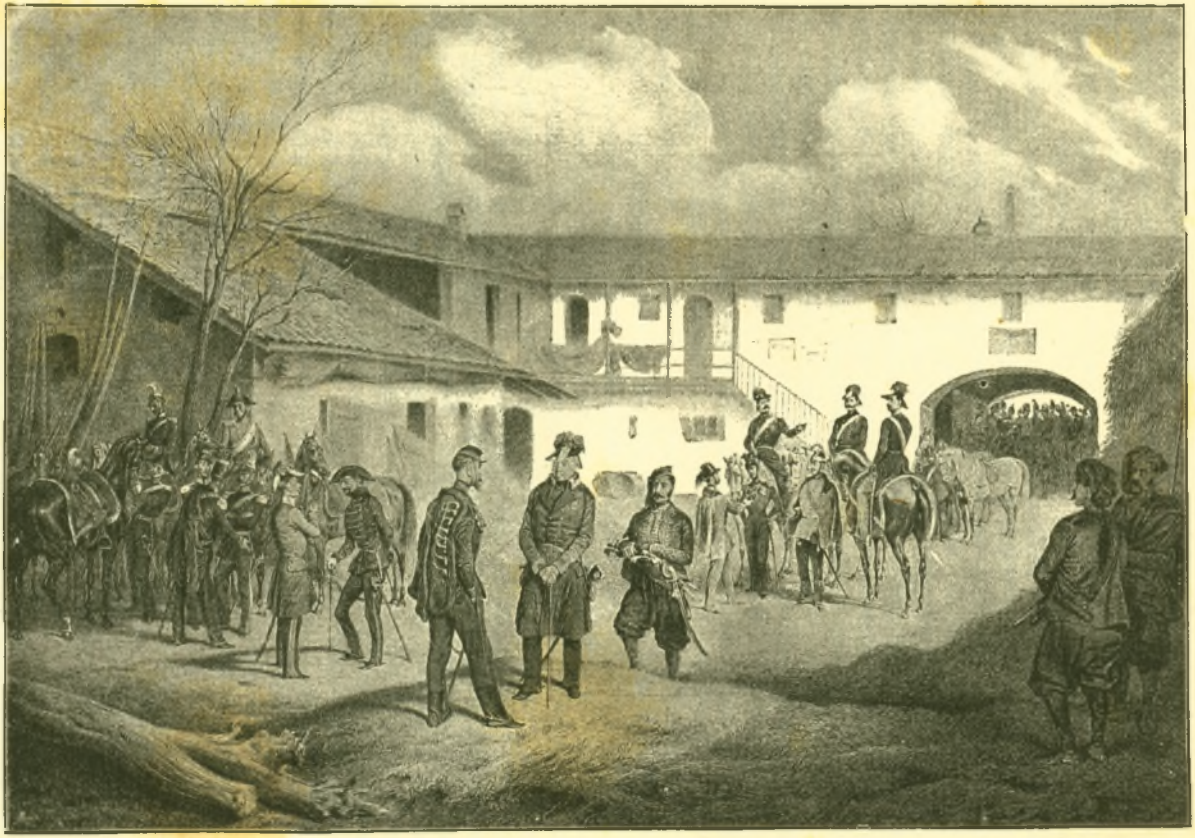
Тоскань, на-ряду съ правительствомъ герцога во Флоренціи, образовалось другое въ Ливорно, гдѣ ворочали дѣлами два полупомѣшанныхъ демагога. Вся область, еще пользовавшаяся славою извѣстнаго либерализма, была переполнена бѣглецами изъ австрійскихъ и неаполитанскихъ владѣній. По старанія Флоренціи образовать лигу итальянскихъ владѣтелей были уже не ко времени и, наконецъ, все было испорчено радикальнымъ направленіемъ *Рима*. Противорѣчіе, лежавшее въ основѣ самого государственнаго строя, здѣсь выступало все рѣзче и должно было привести къ катастрофѣ. Палаты открыли свои засѣданія въ іюнѣ 1848 г., но не имѣли времени произвести что-нибудь дѣльное. Пій IX воспользовался минутнымъ отрезвленіемъ партій послѣ дѣла при Кустоццѣ, для образованія умѣреннаго министерства (1 августа). Самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ немъ былъ графъ Пеллегрино *Росси*, одинъ изъ тѣхъ истыхъ патріотовъ, которыхъ было и послѣ не мало въ Италіи и которые понимали, что она можетъ достигнуть своей независимости лишь путемъ медленной государственной работы, а не посредствомъ разнузданности разныхъ клубовъ. Но Росси не долго оставался у власти: его положеніе стало слишкомъ затруднительно при вторженіи Австрійцевъ въ Романью и при связанныхъ съ тѣмъ кровавыхъ событіяхъ въ Болоньѣ; однако, Австрійцы выступили обратно и палата открыла вновь свои засѣданія. Росси шелъ, однажды, въ нее, неся съ собой проэкты важнѣйшихъ реформъ. Но тутъ же, на лѣстницѣ, онъ палъ подъ кинжаломъ убійцы, и городъ оказался вновь во власти радикальнаго клуба, «*circolo popolare*», въ которомъ игралъ роль вожака одинъ изъ Бонапартовъ, князь Канино. Никто не осмѣлился даже начать разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ Росси; чернь угрожала самому папѣ въ Квириналѣ, такъ что онъ тайно бѣжалъ (24 ноября) изъ своей столицы, преданной анархіи, и нашелъ себѣ убѣжище въ Гаэтѣ, на неаполитанской землѣ. 9 февраля 1849 г. «законодательное собраніе» въ Римѣ издало постановленіе, въ силу котораго папа лишался своей свѣтской власти надъ Областью и она принимала достославное имя *Римской республики*. Герцогъ Тосканскій почелъ тоже за лучшее бѣжать и искать себѣ убѣжища въ той же неаполитанской крѣпости Гаэтѣ, а въ его владѣніяхъ учредилось республиканское правленіе изъ тріумвирата ливорнскихъ демократовъ: Гверацци, Монтанелли и Маццони.

Ломбардія.

Въ Ломбардіи господствовали Австрійцы; ихъ варварское управленіе могло сравниться только съ ненавистью къ нимъ населенія, и эта взаимная вражда усиливалась съ каждымъ днемъ. Венеція еще держалась. Все поставляло какъ бы въ нравственную обязанность Пьемонту и его королю начать новую кампанію противъ Австрійцевъ, хотя обстоятельства складывались такъ, что подавали мало надежды на успѣхъ.

Возобновленіе войны. Новара 1849.

Численность пьемонтской арміи была доведена до 120,000 человѣкъ; командованіе ею было поручено поляку Хржановскому и 12 марта былъ объявленъ конецъ перемирію, а 23 числа, на пьемонтской землѣ, такъ какъ Радецкій вступилъ, еще 20 числа, въ Тессино съ 5 армейскими корпусами, произошла рѣшительная битва при *Новарѣ*. Послѣ долгаго и упорнаго боя, въ которомъ Карлъ-Альбертъ не щадилъ себя лично, дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ пьемонтцевъ. Въ ту самую



Викторъ-Эммануилъ. Радецкій.

Свиданіе фельдмаршала графа Радецкаго и короля Виктора-Эммануила Пьемонтскаго по поводу заключенія перемирія послѣ битвы при Новарѣ (24 марта 1849 г.).

Литографія братьевъ Адамъ въ Мюнхенѣ.

ночь, которая послѣдовала за несчастной битвой, Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола въ пользу сына своего *Виктора-Эммануила*. На слѣдующій же день, молодой король имѣлъ свиданіе съ Радецкимъ, при чемъ было заключено перемиріе, а затѣмъ, 6 августа, былъ подписанъ въ Миланѣ миръ, на весьма снисходительныхъ для Пьемонта условіяхъ: возстановлялся статутъ 1 мая 1848 г. и Пьемонтъ выплачивалъ 75 милліоновъ лиръ военныхъ издержекъ.

Французы въ Римѣ.

И въ Римѣ было возстановлено въ это время «законное правительство». Пока Пій IX обращался съ воззваніемъ къ католическимъ державамъ и между Австріей, Франціей, Испаніей и Неаполемъ шли переговоры о средствахъ къ возвращенію ему власти, въ Римѣ хозяйничалъ Джіузеппе Мадзини. Искренно, до фанатизма преданный своимъ республиканскимъ идеямъ, онъ облекалъ демократію въ ореолъ всемогущества. Новый президентъ французской республики, Людовикъ-Наполеонъ, воспользовался такимъ случаемъ привлечь къ себѣ клерикаловъ, какъ уже было указано выше; Французскій десантъ, высадясь въ Чивита-Веккіи, 30 апрѣля, двинулся къ Риму, но былъ отброшенъ республиканцами подъ начальствомъ Гарибальди, потерпѣвъ значительный уронъ. Гарибальдійцы держали въ страхѣ и неаполитанскаго генерала Ланцу, и лишь послѣ двухмѣсячной осады Рима, въ продолженіе которой англійскій министръ, лордъ Пальмерстонъ, искренній другъ Италіи, тщетно старался склонить инсургентскихъ вождей къ соглашенію съ Французами, а черезъ ихъ посредство и съ папою, сопротивленіе было, наконецъ, сломлено. Французы вступили въ Римъ; Мадзини имѣлъ еще утѣшеніе провозгласить въ Капитоліи только-что выработанную имъ демократическую конституцію, въ то время, какъ Гарибальди, собравъ свой отрядъ на площади Св. Петра, передъ Ватиканомъ, уже выводилъ его черезъ Форумъ и ворота Санъ-Джіованни изъ Рима. Черезъ эти самыя ворота въѣхалъ Пій IX обратно въ свою столицу, 12 апрѣля 1850 г., послѣ того какъ Французы и временное правительство изъ кардиналовъ приготовили все для его водворенія. О реформахъ, понятнымъ образомъ, не было болѣе рѣчи, и объявленная амнистія осталась пустымъ обѣщаніемъ: тюрьмы наполнились и эшафотъ оставался тоже не безъ дѣла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Рима, пала и Венеція, которая держалась до тѣхъ поръ, пока не было подавлено возстаніе въ Венгріи. Послѣ капитуляціи Гергея, при Вилагошѣ, 13 августа 1849 г., Венеція потеряла всякую надежду и 22-го числа, послѣ долгой осады, приняла на себя снова австрійское иго. Австрія принудила и великаго герцога Тосканскаго подчиниться ея системѣ. Въ герцогствѣ совершился поворотъ въ пользу конституціонныхъ идей и правители сами призвали герцога обратно, надѣясь избѣгнуть тѣмъ австрійскаго вмѣшательства (апрѣль 1849). Но это не принесло пользы: генералъ д'Аспре занялъ, въ маѣ, Флоренцію и Ливорно; конституція не могла быть спасена: императоръ Францъ-Іосифъ и его министръ Шварценбергъ, весьма недовольные герцогомъ, возложили на него въ наказаніе, при его пріѣздѣ въ Вѣну (іюль 1850 г.), отмѣну этой конституціи. Онъ долженъ былъ это выполнить: сначала палата была распущена на неопредѣленное время, а затѣмъ, 6 мая 1852 г., отмѣна по-

слѣдовала формальнымъ порядкомъ. Но хорошія традиціи доказали здѣсь свою силу: реакція въ Тосканѣ была несравненно человѣчнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Италія. 1852.

И такъ, въ 1852 г., именно во время установленія имперіи во Франціи, Италія казалась, повидимому, вполнѣ возвратившеюся къ старому порядку вещей. Но не то было на дѣлѣ; побѣда надъ нею была только мнимою. Всѣ вліятельные кружки или отдѣльныя лица въ странѣ, несмотря на различіе своихъ частныхъ воззрѣній, сходились въ одномъ: своей ненависти къ чужеземному игу, и у всѣхъ была одна цѣль: свергнуть его. Это чувство было большимъ шагомъ впередъ и пустило глубокіе корни въ сердцахъ милліоновъ людей, находившихъ теперь путь къ осуществленію своихъ надеждъ,—пока еще только надеждъ,—на объединеніе Италіи. *Королевство Сардинское* взяло на себя руководящую роль въ національной войнѣ; оно потерпѣло пораженіе въ полѣ, но королевская династія и народъ сознавали теперь свою національную задачу: Австріи не удалось склонить молодого короля къ своей системѣ.

Вообще, побѣда старыхъ порядковъ, возстановленіе «освященнаго вѣками», было неполнымъ, только кажущимся, несмотря на убѣжденіе въ противномъ не одной только торжествующей реакціи, но и поверженныхъ въ прахъ либерализма и радикализма.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Европейскія государства съ 1852 по 1859 г.—Крымская война и Парижскій миръ (1856).—Реакція въ Пруссіи; регентство.

Результаты кризиса.

Нельзя было отрицать, что революція потерпѣла неудачу вездѣ: въ Италіи, Германіи, Австріи, Франціи; было ясно и то, что если власти и выказали вездѣ трусость или слабость въ минуту опасности, то онѣ отплачивали теперь за это, высшія—удвоенною суровостью, низшія—двойнымъ произволомъ. Карта Европы тоже не измѣнилась; она была, за весьма малыми исключеніями, въ 1852 г. такою же, какъ и въ 1848 г., но въ быту европейскихъ народовъ произошли существенныя перемѣны. Впервые еще народныя массы,—по крайней мѣрѣ, та часть ихъ, которая была способна заниматься не однѣми повседневными, насущными заботами,—были призваны къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Всевозможные вопросы и противорѣчія, не одной только политической, но и церковной, экономической, общественной сферы возникали на всеобщее обсужденіе, занимали народное сознаніе, нашли партіи и органы для своего выраженія, излагались гласно, на виду у всѣхъ. Журналистика, печать вообще, пріобрѣла громадную силу въ этотъ періодъ, и никакія стро-

гости закона, никакія полицейскія мѣропріятія со всѣмъ ихъ насиліемъ, не могли умалять ея значенія, какъ это будетъ указано нами подробнѣе при обзорѣ каждаго государства. Особенно ярко обрисовалось то, что наблюдалось уже при борьбѣ противъ всевластія Наполеона I: съ одной стороны необыкновенный подъемъ *національнаго чувства* среди каждой народности; съ другой — не менѣе сильное сознаніе обще-европейской *связи народовъ*. Побѣда или пораженіе идеи свободы въ одномъ государствѣ переживались другими, какъ нѣчто испытываемое ими самими, тормозящее или поощряющее ихъ собственныя національныя стремленія. По странной игрѣ судьбы, тотъ самый государь, которому послѣднія событія придали такой вѣсъ и значеніе, Русскій императоръ Николай I, самъ способствовалъ разрыву возобновленнаго Священнаго Союза между Россіей, Австріей и Пруссіей, и тѣмъ даже въ Россію открылъ дорогу угнетенному повсюду либерализму.

Россія. Императоръ Николай I.

Февральская революція не оказала непосредственнаго вліянія на Востокъ Европы, *Россію* и *Турцію*. Тѣмъ не менѣе, Россія вооружалась, и въ своемъ манифестѣ отъ 26 марта 1848 г. императоръ указывалъ своему народу на опасности, будто бы угрожающія государству съ Запада. Онъ намѣревался вмѣшаться въ дѣла Пруссіи, но воздержался отъ этого. Дѣйствительно, такое вмѣшательство только усилило бы революцію, придавъ ей крайне радикальную окраску. Но обстоятельства сложились такъ, что Россія спасла молодого императора Австрійскаго, который не могъ одолѣть однѣми своими силами революцію въ Венгріи; затѣмъ, въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей, Россія смирила и то, что считалось (не одной ею, но и фанатичной партіей въ Пруссіи) за революцію въ Гессенѣ и Шлезвигъ-Голштиніи. Во второй половинѣ 1852 и началѣ 1853 г., на Русскаго императора въ большей части Европы смотрѣли, какъ на главнаго блюстителя консервативныхъ интересовъ; онъ былъ кумиромъ мелкихъ германскихъ государствъ, консервативной партіи въ Пруссіи и австрійской военной реакціи. Все это утверждало его въ убѣжденіи о всемогуществѣ Россіи: о той важной роли, которая выпадала на долю Россіи въ умиротвореніи Европы—и, конечно, дѣлало его весьма нетерпимымъ по отношенію къ политикѣ другихъ государствъ. Вскорѣ представился случай высказать эту нетерпимость при столкновеніи съ однимъ изъ государствъ сосѣднихъ.

Турція. Вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ, дѣло шло и здѣсь о подавленіи революціи. Волненія въ Дунайскихъ княжествахъ, *Молдавіи* и *Валахіи*, именно либеральная демонстрація на пользу пересмотра основного государственнаго законоположенія, «*Réglement organique*», въ смыслѣ идей 1848 г., повели къ совмѣстному занятію княжествъ турецкими и русскими войсками и къ *Балта-Лиманскому* договору (май 1849), согласно которому Россіи предоставлялись здѣсь почти одинаковыя права съ Верховною Портою. По усмиреніи венгерской революціи, Австрія и Россія стали требовать у Турціи выдачи Венгерцевъ и Поляковъ, успѣвшихъ бѣжать отъ кровавой расправы съ ними въ Венгріи. Порта, поддерживаемая послами, англійскимъ, французскимъ и даже прусскимъ, отклонила это требованіе. Но, сверхъ того, давно былъ затронутъ другой вопросъ, которымъ можно

было воспользоваться при этомъ случаѣ. Это былъ *вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ*. Онъ касался извѣстныхъ правъ греческаго духовенства на нѣкоторыя, освященныя преданіемъ, мѣста въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ; дѣло шло о серебряной звѣздѣ, объ однихъ вратахъ, одномъ ключѣ и т. п., по поводу которыхъ возникали споры и распри между латинянами и греками, греко-каѳолическимъ и римско-католическимъ монашествомъ. Россія имѣла родъ протектората надъ греками, Франція—надъ латинянами. Новый императоръ Французовъ, желавшій оказать нѣкоторую услугу своему духовенству, относился къ этимъ дрязгамъ серьезно; но вскорѣ отступился, замѣтивъ, что царь,—не скрывавшій вполнѣ, какъ смотритъ онъ, представитель законности монархическаго начала, на него, выскочку,—готовится теперь сдѣлать большую ошибку. Послѣ разныхъ препирательствъ, 28 февраля 1853 г., прибылъ въ Константинополь князь Меньшиковъ, который, опираясь на довольно безвредную статью Кучукъ-Кайнарджійскаго договора (1774), потребовалъ обезпеченія привилегій греко-каѳолическаго духовенства формальнымъ *договоромъ* между Портою и Россіей, что было равносильно утвержденію русскаго протектората надъ 10-ю милліонами турецкихъ подданныхъ греко-россійскаго исповѣданія. Меньшиковъ выступилъ очень высокомѣрно, объявилъ ультиматумъ, затѣмъ ультиматиссимумъ, а когда Порта, полагаясь на помощь Англіи и Франціи, все же отклонила эти требованія, ограничивавшія власть султана въ его собственныхъ владѣніяхъ, Меньшиковъ выѣхалъ изъ Стамбула со всѣми чинами русскаго посольства.



Князь Меньшиковъ,
командующій русскою арміею въ Крыму.
Рисовано и литографировано Штадлеромъ
въ 1855 г.

Русскій императоръ пытался уже, въ своихъ бесѣдахъ съ англійскимъ посломъ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуръ, въ январѣ и февралѣ того же года, затронуть вопросъ, не болѣе и не менѣе какъ о раздѣлѣ Турціи, о томъ, что могло случиться, по его выраженію, «если бы больной на Босфорѣ внезапно скончался». При соглашеніи Англіи и Россіи, Франціи оставалось бы только подчиниться; о Пруссіи и не упоминалось; объ Австріи было сказано даже такъ: «Вы должны знать, что если я говорю о Россіи, то тутъ подразумѣвается и Австрія». Но Англія не изъявляла сочув- Планы Россіи. Война. 1853.

ствія и всѣ прочіе расчеты русскаго правительства тоже не сбылись. 26 іюня былъ обнародованъ царскій манифестъ, въ которомъ заявлялось о призваніи Россіи выступить на защиту православной вѣры; 2 іюля, русская 40-тысячная армія вступила въ княжества. Прочія державы попытались уладить дѣло коллективною нотой въ Вѣнѣ, но она не имѣла успѣха; по выраженію весьма не энергичнаго англійскаго премьера, лорда Эбердина, «Европѣ навязывали войну». Въ то время какъ Русскіе уже приближались къ Дунаю, флоты двухъ западныхъ державъ, французскій и англійскій, прошли Дарданеллы и, 4 октября, Порта объявила Россіи войну, въ которой стояла пока еще одиноко. На сушѣ не произошло, въ этомъ году, ничего замѣчательнаго, ни въ Европѣ, ни въ Азіи; но уничтоженіе турецкой эскадры у *Синопа* русскимъ флотомъ (30 ноября) вынудило западныя державы къ болѣе дѣятельному вмѣшательству въ это дѣло. 12 марта 1854 года, Турція заключила съ ними военный союзъ; 12 мая заключили таковой же между собою Франція и Англія. Русское правительство не предвидѣло такого осложненія. Все вообще принимало неблагопріятный для Россіи оборотъ. Раіи, ради которыхъ, повидимому, Россія и обнажила мечъ, не выказывали попытокъ къ возстанію; Греція, которая охотно приняла бы участіе въ войнѣ, не могла двинуться, потому что Пирей былъ занятъ англо-французскими войсками; сами Турки оказывались вовсе не столь ничтожными противниками, какъ то воображало русское правительство, и даже Паскевичъ, недавно еще одолѣвшій Венгрію, долженъ былъ, послѣ неудачной осады крѣпости Силистріи на Дунаѣ, отступить отъ нея, 21 іюня, понеся тяжкія потери. По менѣе всего оправдывала надежды императора Австрія. Говорили, будто Шварценбергъ высказалъ однажды, что «Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью»; но міръ дивился болѣе тому, что императоръ Николай могъ разсчитывать на австрійскую благодарность. Можно было предвидѣть, что Австрія дала себя спасти не для того, чтобы позволить Русскимъ безпрепятственно занять о-бокъ съ нею, въ княжествахъ, опаснѣйшую для нея позицію; поэтому, она примкнула къ державамъ, подписавшимъ, 9 апрѣля 1854 г., въ Вѣнѣ, конференцъ-протоколъ, въ которомъ особенно ясно подтверждался принципъ нераздѣльности Турціи; потомъ, заключивъ, 20 числа, съ Пруссіей особый договоръ, взаимно обезпечивавшій имъ ихъ территоріальныя границы, Австрія, вмѣстѣ съ Пруссіей же, составила заявленіе» (Sommation), объ очищеніи княжествъ Русскими, а 21 числа присоединилась къ Турціи для совмѣстнаго съ нею занятія княжествъ. Русское правительство было вынуждено вывести свои войска изъ этихъ областей, въ которыя тотчасъ вступили Турки подъ начальствомъ Омера-Паши, и Австрійцы съ генераломъ Коронини.

Союзъ западныхъ державъ.

Между тѣмъ, западныя державы спѣшили окончить свои приготовленія. Англо-французская эскадра была отправлена въ Балтійское море; англійскій адмиралъ Непиръ собирался совершить тамъ многое, однако, не имѣлъ особеннаго успѣха. Но на Черномъ морѣ, у Варны, было собрано союзное войско, всего 50,000 чел.,—30,000 Французовъ и 20,000 Англичанъ. Союзъ державъ и война были очень популярны въ обоихъ государствахъ: публика жадно ожидала великихъ событій, подвиговъ, разска-

зовъ, «сенсаціонныхъ» извѣстій, которыя бываютъ столь необходимы въ дни общаго возбужденія. Главнымъ вождемъ Англичанъ былъ старый лордъ Рагланъ, сражавшійся еще при Веллингтонѣ; Французами командовалъ Сентъ-Арно, игравшій роль при государственномъ переворотѣ 2 декабря. Началъ онъ свои дѣйствія противъ Русскихъ неудачнымъ вторженіемъ въ Добруджу, гдѣ его десятитысячный корпусъ не настигъ Русскихъ, но погибъ наполовину отъ холеры, свирѣпствовавшей въ этой нездоровой мѣстности. Наступательная война противъ Русскихъ была, вообще, затруднительна. Въ громадной Русской имперіи мало уязвимыхъ мѣстъ; ее можно поразить лишь со стороны ея береговой линіи. Это заставило Англичанъ и Французовъ, при содѣйствіи небольшого турецкаго корпуса, собраться у Варны, съ цѣлью перебросить оттуда союзную армію къ главной твердынѣ Русскихъ на Черномъ морѣ: къ Севастополю.



Военный министръ маршалъ Сентъ-Арно.
По портрету Лепольи, литографировалъ Ренье.

Союзники высадились у Евпаторіи, на западномъ берегу Крыма, и высадку произвели подъ защитою своихъ судовъ; когда же Русскіе попытались имъ воспрепятствовать въ ихъ движеніи къ Севастополю, то союзники вступили съ ними въ битву на берегу р. Альмы и уже въ этой первой битвѣ выказалась большая отсталость русскихъ войскъ въ военномъ искусствѣ, сравнительно съ Западомъ—въ особенности съ французской арміей. Оказалось, что и вооруженіе ихъ далеко уступаетъ вооруженію Французовъ и Англичанъ, и артиллерія у союзниковъ бьетъ дальше и вѣрнѣе русской артиллеріи, и всѣ части войска болѣе подвижны и быстры въ боевыхъ построеніяхъ и передвиженіяхъ. Противъ этихъ

Крымская война. Осада Севастополя.



Адмиралъ Корниловъ.



Адмиралъ Нахимовъ.

преимуществъ трудно было бороться даже и при мужествѣ и стойкости Русскихъ. Сверхъ того, въ битвѣ при Альмѣ русскимъ генеральнымъ штабомъ была сдѣлана непростительная ошибка, вслѣдствіе которой сраженіе было проиграно и войско русское, понеся значительныя потери, вынужено было къ отступленію. При этомъ, весьма страннымъ образомъ, по всей Европѣ разнеслась невѣроятная вѣсть, введшая въ заблужденіе всѣ слои общества, отъ низшаго до высшаго, а именно — вѣсть о взятіи той крѣпости, которой предстояло привлекать къ себѣ взоры всего міра еще въ теченіе цѣлаго года. Несомнѣнно, однакоже, что, послѣ неудачнаго сраженія при Альмѣ, Севастополю угрожала большая опасность. Если бы союзники дѣйствовали рѣшительнѣе и тотчасъ послѣ битвы двинулись бы къ Севастополю, то его невозможно было бы защитить, потому что онъ вовсе не былъ укрѣпленъ съ суши. Но союзники дѣйствовали слишкомъ осторожно, долго простояли на мѣстѣ, а когда наконецъ двинулись, то пошли далекимъ обходомъ кругомъ Севастополя, къ Балаклавѣ, гдѣ рѣшились устроить обширный укрѣпленный лагерь, и уже отсюда начать правильное обложеніе и осаду южной стороны Севастополя. Но когда они съ этой стороны подошли къ Севастополю, то увидѣли его уже прикрытымъ цѣлою линіею превосходныхъ земляныхъ укрѣпленій... Дѣло въ томъ, что защитники Севастополя, воспользовавшись промедленіемъ союз-


ПЛАНЪ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНІИ
Г. СЕВАСТОПОЛЯ.
Масштабъ.
0 50 100 150 200 400 саж.
БАТ. КАРТАШЕВСКАГО
СѢВЕРНОЕ УКРѢПЛ.
БАТ. КОНСТАНТИНОВСКАЯ
РЕД. ИСАКОВА
Бараки
БАТ. ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛЬСКАЯ
БАТ. ПАРИЖСКАЯ
СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ РЕЙДЪ
БАТ. НИКОЛАЕВСКАЯ
БАТ. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
БАТ. ПАВЛОВСКАЯ
БАТ. СВЯТОСЛАВСКАЯ
БАТАРЕЯ №
БАСТ. № VII
БАСТ. № I
РЕД. СЕЛЕНГИНСКІЙ
РЕД. ВОЛЫНСКІЙ
БАСТ. № II
Часовня
Церковь
Брандвахта
БАТ. ШЕМЯКИНА
БАСТ. № VI
Г. СЕВАСТОПОЛЬ
РОСТИСЛАВСКІЙ РЕД.
БАТ. БУТАКОВА
БАТ. СКАРЯТИНА
Морской острогъ
Морской госпиталь
Ф. СТ. КОРНИЛОВСКІЙ
РЕД. КАМЧАТСКІЙ
БАТ. ЖЕРВЕ
БАТ. БУДИЩЕВА
ЛЮНЕТЪ БѢЛКИНА
ЧЕСМЕНСКІЙ РЕД.
БАСТ. № V
БАТ. НЯКОНОВА
БАТ. ЯНОВСКАГО
БАСТ. № III
РЕД. ШВАРЦА
ЯЗОНОВСКІЙ РЕД.
БАТ. СТАЛЯ
БАСТ. № IV
Сахарная головка
Зеленая гора



Адмиралъ Истоминъ.

никовъ, въ нѣсколько дней, при неимовѣрныхъ усиліяхъ и неутомимой энергіи адмираловъ *Корнилова*, *Нахимова* и *Истомина*, успѣли сдѣлать южную сторону Севастополя настолько же неприступною съ суши, насколько онъ былъ неприступенъ съ моря. Линія укрѣпленій, возведенныхъ по плану талантливѣйшаго молодого инженера *Тотлебена*, была вооружена въ изобиліи тяжелыми орудіями, снятыми съ кораблей черноморскаго флота, затопленныхъ у входа въ севастопольскую бухту *). Экипажи съ этихъ кораблей были также переведены на укрѣпленія и оказали на нихъ при оборонѣ Севастополя неоцѣнимыя услуги. Вскорѣ началась знаменитая осада Севастополя, памятная по геройскому сопротивленію, которое оказано было Русскими войсками **). Князь Меньшиковъ, которому поручено было командованіе войсками въ Крыму и оборона Севастополя, неоднократно пытался производить нападенія на укрѣпленный лагерь союзниковъ; но всѣ эти попытки, недурно задуманныя, были плохо и неумѣло приведены въ исполненіе: тамъ, гдѣ приходилось сражаться въ открытомъ полѣ, какъ подъ *Балаклавой*, 25 октября, или у *Инкермана*, 5 ноября, побѣда оставалась за союзниками; но и о штурмѣ крѣпости не могло быть рѣчи: каждый разъ какъ союзники рѣшались идти на приступъ севастопольскихъ укрѣпленій— они были отбиты со страшнымъ уономъ. А между тѣмъ зима и болѣзни дѣлали свое дѣло: армія союзниковъ, и безъ того немногочисленная, уменьшалась замѣтно. Содержаніе армій было очень неудовлетворительно; въ особенности было плохо полевое интендантство у Англичанъ. Все это заставляло Англію и Францію искать новыхъ союзниковъ. Цѣль войны была изложена ими въ четырехъ пунктахъ (іюль 1854): русскій протекторатъ въ княжествахъ долженъ быть замѣненъ общеевропейскимъ; судоходство въ устьяхъ Дуная должно быть свободнымъ; власть Россіи на Черномъ морѣ подлежала ограниченію; охрана христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ

*) Суда черноморскаго флота были затоплены, чтобы заградить входъ въ бухту непріятельскимъ судамъ.

**) Союзникамъ все подвозилось по морю, на корабляхъ, и даже въ самомъ Крыму у нихъ была устроена вдоль берега желѣзная дорога; въ Россіи же не было тогда желѣзныхъ дорогъ на югъ отъ Москвы и войска, и запасы двигались изъ внутреннихъ губерній по грязнымъ степнымъ дорогамъ.



Общій видъ Севастопольской бухты.

возлагалась на самую Порту. Такая программа была принята тоже Австріею и Пруссіей. Австрія, по смерти Шварценберга (3 апрѣля 1852), заключила даже формальный союзъ съ западными державами (декабрь); ожидалось въ близкомъ будущемъ объявленіе и ею тоже войны Россіи; по крайней мѣрѣ, ради такой цѣли, былъ произведенъ въ государствѣ громадный внутренній заемъ въ 500 милліоновъ гульденовъ и выставленъ обсерваціонный корпусъ на границѣ Россіи. Но далѣе этого австрійская политика не пошла. Пруссія не рѣшилась на заключеніе союза съ западными державами, что было разумно съ ея стороны; за то западныя державы, къ удивленію всего міра и къ досадѣ Австріи, пріобрѣли себѣ союзника въ *королѣ Сардинскомъ* (26 января 1855), который отправилъ въ маѣ 15,000 корпусъ изъ Генуи въ Крымъ. Этотъ союзъ имѣлъ большое значеніе въ иномъ направленіи, но и эта необходимая матеріальная помощь была очень нужна при осадной войнѣ, стоившей уже многихъ жертвъ. Французскій генералъ Ніель составилъ новый планъ обложенія крѣпости; подкрѣпленія прибывали; въ Англіи, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, обвинявшаго правительство въ слишкомъ вяломъ веденіи войны, министерство Эбердина было замѣнено другимъ, во главѣ котораго стоялъ энергичный лордъ Пальмерстонъ (февраль); въ то же время Омеръ-Паша, съ Дуная, гдѣ его корпусъ былъ уже не нуженъ, переправилъ свое войско въ Крымъ и усилилъ имъ армію союзниковъ.



Генералъ Пелисье.
По современной гравюрѣ.

1855. Кончина императора Николая I. Императоръ Александръ II.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, въ самый разгаръ геройской обороны Севастэполя (18 февраля 1855 года), императоръ Николай скончался. Однако, новый императоръ, *Александръ II Николаевичъ* (1855—1881), не могъ тотчасъ прекратить войну, принимавшую крайне неблагопріятный оборотъ для Россіи, хотя въ Азіатской Турціи и были одержаны Русскими блестящія побѣды. Англо-французская экспедиція заняла (май) Керчъ и Еникале, уничтоживъ большіе продовольственные запасы Русскихъ на Азовскомъ морѣ. Осада самаго Севастополя велась энергично, и оборона его, день-ото-дня, становилась труднѣе и труднѣе, тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе изъ его защитниковъ — Нахимовъ и Корниловъ — уже были убиты. Многихъ изъ старшихъ офицеровъ и въ союзной арміи уже не



Общая картина осадныхъ работъ подъ Севастополемъ. Видъ съ сосѣднихъ высотъ.
По современному наброску 1855 г.

было въ живыхъ: маршалъ Сентъ-Арно умеръ вскорѣ послѣ сраженія при Альмѣ; вслѣдъ затѣмъ и лордъ Рагланъ; его замѣнилъ генералъ Симпсонъ, а главное командованіе, для котораго самъ генералъ Канроберъ считалъ себя недостаточно способнымъ, было поручено генералу Пелисье, прошедшему высшую и суровѣйшую школу боевого искусства въ Африкѣ. Первый штурмъ двухъ главныхъ восточныхъ укрѣпленій— Малахова кургана и редана (18 іюня)—былъ отбитъ, и союзники понесли при этомъ тяжелый уронъ. Новый главнокомандующій русскою арміей, князь Михаилъ *Горчаковъ*, замѣстившій князя Меньшикова, захотѣлъ еще разъ испытать счастья въ открытомъ полѣ, но это сраженіе при *Черной* (16 августа) было снова гибельно для Русскихъ; они потеряли 7,000 чел. Вскорѣ послѣ того началась послѣдняя бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся съ небольшими перерывами 22 дня и обратила всю южную сторону города въ груду развалинъ. 27 августа (ст. стиля) 1855 года союзники рѣшились пойти на приступъ и несмотря на чудеса храбрости, оказанныя генераломъ *Хрулевымъ*, важнѣйшія укрѣпленія (Малаховъ курганъ и редантъ) остались въ рукахъ союзниковъ и это рѣшило судьбу войны: русская армія перешла на сѣверную сторону и великая русская твердыня осталась во власти союзниковъ послѣ 349-дневной осады.

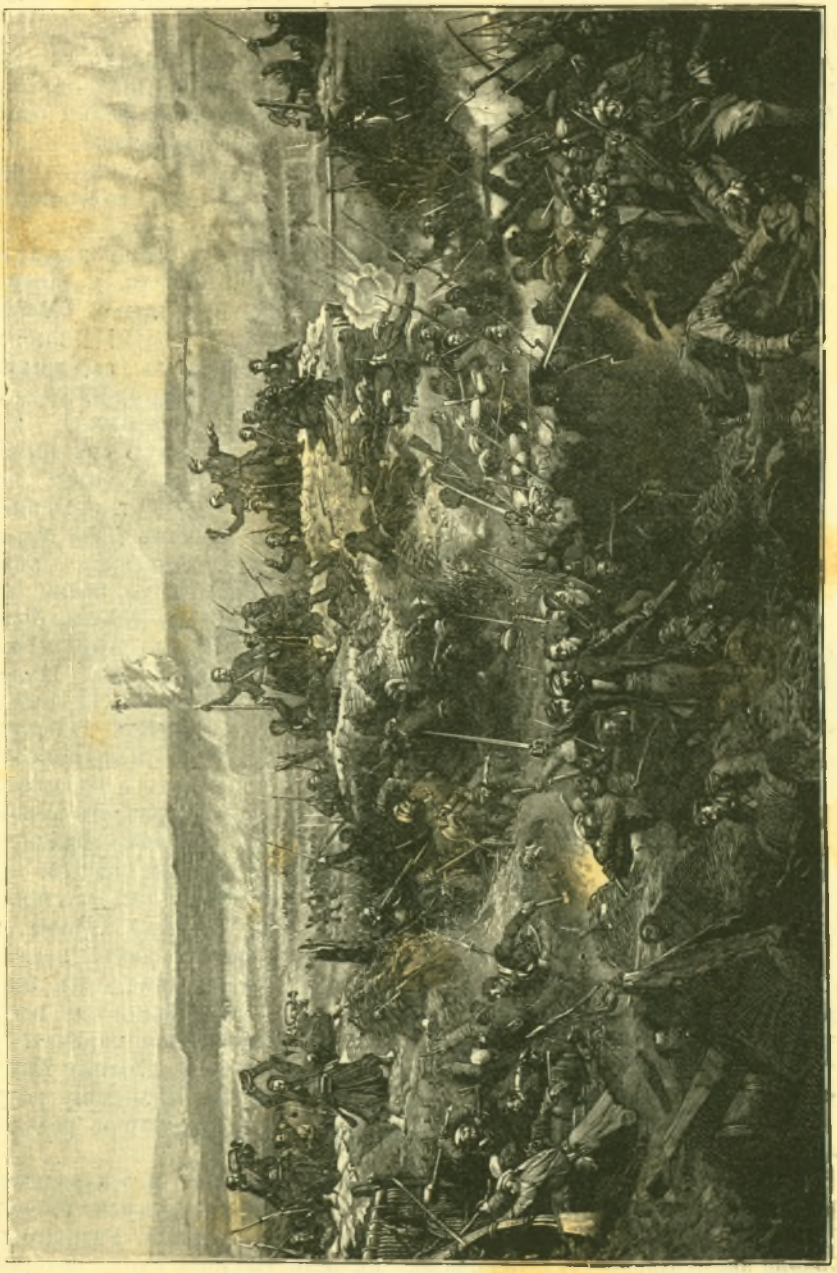
Паденіе Севастополя. Парижскій миръ. 1856.

Но счастію для Россіи, ея армія дѣйствовала побѣдоносно на азіатскомъ театрѣ войны, что облегчало императору приступъ къ мирнымъ переговорамъ. Крѣпость Карсъ, обороною которой руководили весьма знающіе англійскіе, венгерскіе и польскіе офицеры, была взята Русскими, тоже послѣ долгаго сопротивленія (28 ноября). Императоръ Александръ II принялъ всѣ четыре пункта давно уже составленной англо-французско-австрійской программы мирнаго договора (январь 1856), и Наполеонъ III былъ удовлетворенъ еще и тѣмъ, что мирный конгрессъ собрался въ Парижѣ, въ его владѣніяхъ. Этимъ *Парижскимъ миромъ*, отъ 30-го марта 1856 года, опредѣлялись русско-турецкія отношенія, на основѣ слѣдующихъ пунктовъ: улучшеніе быта христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ посредствомъ реформъ, изложенныхъ въ видѣ закона султаномъ, въ январѣ того же года; нейтрализація Чернаго моря; общій европейскій протекторатъ всѣхъ договаривающихся державъ надъ княжествами,



Главнокомандующій князь Михаилъ Горчаковъ.

взамѣнъ единоличнаго русскаго. Особенно чувствительной для Россіи, послѣ статьи о Черномъ морѣ, была та, въ силу которой проводилось «исправленіе границы», то-есть урѣзка 200 кв. миль земли въ Бессарабіи въ пользу Турціи. Особой конвенціей между Франціей, Англіей и Австріей гарантировалась и на будущее время цѣлость Турціи и сказанныя державы обязывались поддерживать исполненіе Парижскаго мирнаго договора. Могъ-ли этотъ договоръ оказать пользу Турціи въ случаѣ нужды, — это должно было зависѣть отъ обстоятельствъ. Но общее значеніе этой войны и этого мира было громадно: Священный Союзъ, возсозданный въ новомъ видѣ бурями 1848 года, былъ разрушенъ; Россія была на-время ослаблена; между ею и Австріею порваны были всѣ связи, и наступала уже, или должна была насту-



Штурмъ Малахова кургана 27 августа 1855 г.
По картинѣ Ивона въ Версальской національной галереѣ.

нить въ близкомъ будущемъ, совершенно новая группировка европейскихъ державъ.

Для уясненія этого новаго порядка необходимо бросить взглядъ на различныя государства въ періодъ до и послѣ Парижскаго мира (1852—1859).

Франція съ 1852 г.

Самымъ явнымъ послѣдствіемъ только что оконченной войны было укрѣпленіе императорскаго режима во *Франціи*, который, даже съ самаго начала, привился быстро и легко. Наполеонъ III выступилъ съ весьма опредѣленной программой, которую онъ выяснялъ еще въ 1839 г. подъ именемъ *idées Napoléoniennes*, хотя въ то время на эти «idées» было мало обращено вниманія. Наполеонъ III былъ, можетъ-быть, именно потому такъ способенъ управлять безпокойною французскою націей, что въ немъ самомъ было мало существенно французскаго; онъ получилъ свое образованіе въ Германіи, Швейцаріи, Англіи, Америкѣ, Италіи, и лучше понималъ Французовъ, или правильнѣе судилъ о нихъ, нежели Карлъ X или Луи-Филиппъ. Признаніе его императоромъ послѣдовало безъ затрудненія со стороны прочихъ государей. Но планъ Наполеона вступить въ бракъ съ какою-либо отраслью старыхъ царствующихъ династій не удался; онъ сочетался бракомъ съ красавицею-испанкой, дѣвицею Евгеніею Монтихо, принадлежавшею къ весьма именитому испанскому роду. Въ самое время мирнаго конгресса въ Парижѣ, у императора родился наслѣдникъ.



Генералъ Хрулевъ.

Внутреннее управленіе.

Внутреннее спокойствіе Франціи было почти полное, и эта видимая потребность въ мирѣ со стороны трудолюбиваго народа служила, въ данную минуту, лучшимъ ручательствомъ за прочность престола. Разглагольствованія республиканскихъ бѣглецовъ, въ родѣ Виктора Гюго, печатавшихъ свои памфлеты противъ «Наполеона Малаго» въ Лондонѣ или



1. 2. 4. 5. 6. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Парижскій конгрессъ 1856 г.

Современная литографія М. Алоша.

1. Графъ Буоль-Шауенштейнъ. 2. Кавуръ. 3. Баронъ ф.-Гюбнеръ. 4. Лордъ Кларендонъ. 5. Ф.-Бруновъ. 6. Графъ Валевскій. 7. Графъ Гацфельдъ. 8. Ф.-Мантейфель. 9. Али-Паша. 10. Мехмедъ-Джемиль-Бей. 11. Де-Вилламарина. 12. Графъ Орловъ. 13. Баронъ ф.-Буркеней. 14. Лордъ Коулей. 15. Бенедетти.



Наполеонъ III, императоръ Французовъ.
Рисовано и литографировано Мецмахеромъ въ 1863 году.

Бельгіи, и нѣсколько покушеній на его жизнь вели лишь къ усиленію законодательства въ деспотическомъ направленіи. Такъ, были ограничены свобода печати и право сходокъ, была устранена трибуна въ законодательномъ собраніи, выборы въ это учрежденіе находились такъ явно подъ давленіемъ правительства, что званіе депутата переставало быть почетнымъ Императорская власть поддерживалась тѣми же средствами, которыя употреблялись римскими Цезарями; опорою трона были: войско съ его вождями; народная масса, не занимающаяся политикой и которую



Евгенія, императрица Французовъ.
По портрету Дюбюза, литографировано Лассалемъ.

императоръ тѣшилъ демократическою, повидимому, о ней заботливостью, преимущественно же парижское населеніе, то-есть рабочіе и промышленный классъ, которымъ не переставалъ доставлять работу бывшій подпрефектъ, а затѣмъ и баронъ имперіи, Гаусманъ, перестраивавшій гран-

діозно, хотя и неразсчетливо, цѣлые городскіе кварталы. Вторая парижская *всемірная выставка*, устроенная въ маѣ 1855 г., еще до окончанія войны, привлекла толпы посѣтителей въ Парижъ, чѣмъ и была достигнута ея главная цѣль: поддержать парижанъ въ хорошемъ расположеніи духа. Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться счастливымъ исходомъ Крымской войны и сравнительно выдающеюся въ ней ролью французскаго войска. Онъ съумѣлъ втайнѣ одолжить Пруссію и Италію тоже, какъ увидимъ это ниже. Послѣ заключенія мира, отношенія Россіи къ Франціи стали тоже благопріятными; съ Англіей и лично съ королевской фамиліей Наполеонъ состоялъ въ дружбѣ съ начала войны, а свиданіе его съ Русскимъ императоромъ Александромъ при дворѣ короля Вюртембергскаго (сентябрь 1857) заставило всѣхъ считать его дѣйствительно могущественнѣйшимъ изъ европейскихъ государей данной минуты; онъ давно уже былъ и самымъ привлекательнымъ изъ нихъ для публичнаго любопытства. Такое положеніе не могло доставаться одними похвальными средствами и нельзя не отмѣтить отрицательныхъ сторонъ императорскаго владычества во Франціи, а именно поощренія придворнаго раболѣпства, грубаго подавленія свободы слова и печати, покровительства ультрамонтантству, беззастѣнчиво распространявшему на все свое суевѣріе и фанатизмъ; но, съ другой стороны, нельзя не отдать чести тому искусству, съ которымъ Наполеонъ III умѣлъ употреблять въ дѣло все, что было способно укрѣпить его власть.

Покушеніе Орсини.1858.

Новые выборы въ законодательный корпусъ дали результатъ, котораго и слѣдовало ожидать при господствовавшей системѣ офиціальныхъ кандидатуръ и явнаго давленія на избирателей со стороны властей, «*l'autorité*». Правительство имѣло за собою въ палатѣ такое громадное большинство, что императоръ могъ, въ своей новогодней рѣчи къ поздравлявшему его дипломатическому корпусу,—а къ этимъ рѣчамъ прислушивался весь міръ,—обѣщать вполнѣ спокойный годъ впереди. Однако, не позже какъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого, *покушеніе въ улицѣ Лепелетье* доказало, до чего еще была зыбка почва имперіи. 14 января 1858 г., подъ императорскій экипажъ, въ которомъ Наполеонъ ѣхалъ въ оперу вмѣстѣ со своею супругой, были брошены бомбы, не достигшія своей цѣли, но убившія или поранившія до полутораста совершенно постороннихъ человѣкъ. Злоумышленникъ, уроженецъ Романьи, пѣкто Орсини, приписывалъ Наполеону порабощеніе Италіи и хотѣлъ ему отомстить. Онъ былъ казненъ 13 марта и встрѣтилъ смерть твердо, хотя раскаивался въ своемъ поступкѣ, когда ему доставили,—не безъ хорошо обдуманнаго намѣренія, — увѣренность въ томъ, что Наполеонъ желаетъ и рѣшается сдѣлать что-нибудь для Италіи. Но самое покушеніе послужило правительству страшнымъ орудіемъ для принятія мѣръ противъ побѣжденныхъ политическихъ партій. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ генералъ Эспинасъ, грубѣйшій солдатъ, а правительство внесло въ палату, такъ-называемый, *охранительный законъ*, благодаря которому всякое заподозрѣнное лицо или то, которое желательно было выставить подозрительнымъ, предавалось вполнѣ на произволъ полиціи. Для характеристики этого ужаснаго закона достаточно привести только одну его статью, гласившую, что всякій, осужденный за участіе въ іюньскихъ

смутахъ 1848 и 1849 гг., или декабрьскихъ 1851 г., могъ подвергнуться, ради общественнаго спокойствія, новому заключенію или ссылкѣ, если навлекъ бы на себя подозрѣніе какими-либо «серьезными фактами». А для примѣненія этого повторительнаго заключенія или ссылки, было достаточно простого заявленія департаментскаго префекта, мѣстнаго военнаго начальства или генералъ-прокурора о неблагонадежности извѣстнаго лица. Для облегченія такихъ мѣропріятій, вся Франція была раздѣлена на пять большихъ военныхъ округовъ, съ маршаломъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Сенатъ принялъ безъ оговорокъ сказанный законъ,—дававшій право проскрипціи,—находя его согласнымъ съ конституціей и принципами 1789 г.; въ законодательномъ корпусѣ онъ былъ принятъ 217 голосами противъ 24. Стоитъ отмѣтить, при этомъ, фразу одного изъ наиболѣе угодливыхъ наполеоновскихъ ораторовъ, Тролонга, который съумѣлъ открыть среди признаковъ недовольства императорскимъ правительствомъ и «*мятежное безмолвіе*» (*silence séditieux*).

Англія была свободна отъ такихъ потрясеній. Частыя смѣны министерствъ, происходившія въ это время, не имѣли особаго значенія для страны. Отставка Пальмерстона, самаго выдающагося члена кабинета лорда Джона Росселя, вызванная его произволомъ при государственномъ переворотѣ во Франціи, ослабила министерство виговъ и, въ февралѣ 1852 г., къ большой радости континентальныхъ реакціонерныхъ правительствъ, кабинетъ Росселя замѣнился торійскимъ кабинетомъ графа *Дерби*, въ которомъ канцлеромъ казначейства и лидеромъ палаты общинъ сталъ геніальнѣйшій человѣкъ, весьма даровитый романистъ еврейскаго происхожденія, Бенджаменъ *Дизраели*. Радость была непродолжительна: виги, средняя партія *Пилитовъ* и радикальная, такъ-называемая, *Манчестерская* партія—соединились для низверженія новаго министерства. Послѣдовавшее затѣмъ коалиціонное министерство лорда Эбердина, которое скорѣе было вовлечено въ войну, нежели вовлекало въ нее кого-либо, вело военныя дѣйствія очень слабо и необходимость окончить ихъ съ честью для Англіи заставила поставить снова во главѣ дѣлъ Пальмерстона, какъ это было уже сказано выше. Этотъ министръ былъ бы готовъ продолжить войну и на третій годъ, «до полнаго сокрушенія русскаго могущества» (!), но его не допустило къ тому миролюбіе Французовъ, императоръ которыхъ довольствовался достиженіемъ своихъ частныхъ цѣлей. Пальмерстонъ не обращалъ вниманія на крики радикальной партіи, требовавшей реформъ послѣ обнаруженныхъ войною недостатковъ и злоупотребленій въ различныхъ частяхъ управленія. Онъ направилъ всю свою энергію,— безполезно, по мнѣнію многихъ,— на войну съ *Китаемъ* и съ *Персіей;* въ первомъ случаѣ, предлогомъ ему послужило мнимое оскорбленіе Китайцами британскаго флага; во второмъ — дѣло было вызвано торговыми интересами. Встрѣчая неодобреніе въ палатѣ общинъ, онъ распустилъ ее, и новые выборы дали правительству значительное большинство. Обѣ военныя экспедиціи окончились благопріятно для Англіи. Въ союзѣ съ Французами, Англичане взяли Кантонъ (29 декабря 1857) и заключили *Тіенцзинскій миръ*, согласно которому китайское правительство возмѣщало побѣдителямъ военныя издержки, открывало имъ Англія съ 1852 г.

доступъ въ нѣкоторыя изъ своихъ гаваней и обязывалось терпѣть у себя христіанство.

Возстаніе сипаевъ въ Индіи.

Въ томъ же году британскому владычеству въ Азіи пришлось выдержать сильное потрясеніе, совершенно неожиданное, и которое, дѣйствительно, было такъ же невозможно предусмотрѣть, какъ какую-либо стихійную катастрофу, условія которой лежатъ внѣ человѣческихъ расчетовъ. Въ Британской Индіи,—владѣніяхъ Остъ-индской компаніи,—насчитывалось тогда до 160 милліоновъ жителей, при (приблизительно) 70,000 кв. миль земли, около 900,000 европейцевъ, 50,000 европейскаго войска и 300,000 сипаевъ, то-есть туземныхъ солдатъ подъ командою англійскихъ офицеровъ. Какъ видно изъ сказаннаго, это было вполнѣ чужеземное господство, однако, въ общемъ, благодѣтельное и, во всякомъ случаѣ, лучшее изъ всѣхъ, какимъ когда-либо подчинялись мѣстные туземцы. Но возстаніе и не было массовымъ мятежомъ, національнымъ движеніемъ противъ чуждаго ига; оно не было тоже вспышкою издавна накопившейся злобы на какое-нибудь вопіющее насиліе; нѣтъ, оно было вызвано простымъ, въ сущности совершенно безобиднымъ, распоряженіемъ военнаго начальства употреблять *смазанные саломъ патроны* при введеніи въ войскахъ ружей новаго образца. Но индусы не дерзаютъ касаться воловьяго, а магометане свиного жира, — и это нелѣпое суевѣріе вызвало, сначала, солдатскій бунтъ въ Миратѣ, близъ Дельги; вслѣдъ затѣмъ взбунтовались туземные полки въ самомъ *Дельги* и волненіе быстро распространилось изъ этой древней монгольской столицы по всѣмъ гарнизоннымъ пунктамъ Бенгальскаго президентства. Застигнутые врасплохъ и жившіе разбросанно, европейцы были обречены на погибель; они выказали, однако, энергію, свойственную англо-саксонской расѣ. Всюду совершались невообразимые ужасы; иначе и не могло быть, потому что дикія силы не управлялись никакою высшею идеею, національною цѣлью или хотя бы чьей-нибудь преобладающей волею. Собственно народъ и не примыкалъ къ возстанію нигдѣ, а только слѣдилъ за нимъ съ тупымъ ужасомъ. Но превосходство европейскаго ума надъ простой численностью выказалось вскорѣ. Первымъ успѣхомъ Англичанъ былъ удачный штурмъ Дельги, резиденціи Великаго Могола, девяностодвухлѣтняго тупоумнаго старца, потомка Тимура. Мятежниковъ было до 60,000 человѣкъ; Англичанъ, штурмовавшихъ городъ, вдесятеро менѣе, но Дельги былъ взятъ въ сентябрѣ 1857 г. Въ президентствахъ Бомбейскомъ и Мадрасскомъ властямъ удалось удержать сипаевъ въ повиновеніи. Въ Лукновѣ, главномъ городѣ королевства Аудъ, недавно еще присоединеннаго къ британскимъ владѣніямъ, небольшой англійскій гарнизонъ держался 88 дней въ зданіи резидентства, несмотря на осаду со стороны въ 50 разъ сильнѣйшаго непріятеля. На выручку ему прибылъ воротившійся изъ персидской экспедиціи двухтысячный отрядъ Генри Гэвлока, но и онъ былъ окруженъ и запертъ въ Лукновѣ. Освободилъ всѣхъ этихъ осажденныхъ, лишь 17-го ноября, новый англійскій главнокомандующій, сэръ Колинъ Кэмпбель. Подкрѣпленія, прибывавшія изъ Европы, помогли властямъ прекратить возстаніе и избавили населеніе отъ еще худшихъ бѣдъ, грозившихъ со стороны возмутившейся солдатчины. Въ концѣ 1858 г. спокойствіе было возста-

новлено. Строгость наказаній оправдывалась безусловной необходимостью, хотя и была чрезвычайною; главнѣйшимъ же послѣдствіемъ этого мятежа было уничтоженіе Остъ-индской компаніи: согласно «Индійскому биллю», всѣ индійскія владѣнія поступали, съ 1858 года, въ непосредственное вѣдѣніе британской короны.

Конецъ Остъ-индской компаніи.

Этотъ билль былъ внесенъ еще лордомъ Пальмерстономъ, но проведенъ лишь торійскимъ министерствомъ лорда Дерби, потому что покушеніе Орсини вызвало вторичное паденіе Пальмерстона: стало извѣстно, что это злодѣяніе было подготовлено въ Лондонѣ; какъ искреннее, такъ и искусственное негодованіе французскихъ офиціальныхъ сферъ выражалось, по этому случаю, очень рѣзко, называя Англію «притономъ убійцъ» и другими подобными именами. Само французское правительство обратилось къ англійскому съ требованіемъ какихъ-либо охранительныхъ мѣръ. Вслѣдствіе этого, лордъ Пальмерстонъ, въ сущности основательно, внесъ билль, усиливавшій англійскія законоположенія противъ проступковъ сказаннаго рода. Но англійское общественное мнѣніе было раздражено рѣзкимъ тономъ французскаго офиціальнаго міра и потому билль былъ отвергнутъ палатою общинъ, притомъ съ выраженіемъ порицанія человѣку, котораго «*civis Romanus sum*» повторялось всѣми устами, и который, вообще, былъ извѣстенъ за неспособнаго перенести малѣйшій ущербъ національному самолюбію, безъ отмщенія за такое, хотя бы мнимое, оскорбленіе британскаго имени.

Италія съ 1852 г. Кавуръ.

Какъ Крымская война, такъ и покушеніе Орсини, отозвались наиболѣе непосредственно на судьбахъ *Италіи*. Въ ней было возстановлено *Status quo* вѣнскихъ договоровъ 1815 года, но *королевство Сардинское*, ставшее конституціоннымъ и національнымъ съ 1848 г., держалось въ сторонѣ отъ государствъ австрійской системы, относясь къ нимъ даже рѣзче и непримиримѣе, нежели до этой эпохи. Церковную область оберегали съ одной стороны французскія, съ другой австрійскія войска; подъ ихъ охраною, папа могъ заниматься безпрепятственно догматическими вопросами, при чемъ онъ и утвердилъ, на созванномъ имъ епископскомъ соборѣ, въ 1854 г., оспариваемый дотолѣ нѣкоторыми учеными богословами догматъ о «нетлѣнномъ зачатіи Богоматери». Мірскими дѣлами папства завѣдывалъ статсъ-секретарь Антонелли, который съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, устроить свои собственныя дѣла: онъ оставилъ послѣ себя дочь и милліононое наслѣдство; все прочее шло попрежнему; о реформахъ не было и помину. Въ *Неаполѣ* обстоятельства были плохи, въ *Тосканѣ* нѣсколько лучше: австрійскія войска выступили отсюда въ маѣ 1855 г. Въ *Пармѣ* былъ убитъ герцогъ, что доказывало страшную ненависть, тлѣвшую подъ тонкимъ покровомъ какъ бы потухшей золы. Убійца не былъ отысканъ. Въ *австрійскихъ провинціяхъ* вводились, мало-по-малу, болѣе человѣчные порядки, и германскія газеты, склоненныя чѣмъ-нибудь въ пользу Австріи, не находили достаточно словъ для описанія того восторга, съ которымъ императоръ Францъ-Іосифъ и его супруга были приняты въ Венеціи и Миланѣ, въ декабрѣ 1856 и январѣ 1857 г. Эти разсказы были вымышлены, большею частью, а если и дѣйствительно проявлялся гдѣ этотъ восторгъ, то онъ былъ только расче-

томъ со стороны Итальянцевъ, высшіе классы которыхъ положительно отвергали австрійское иго. Они признавали своею настоящею родиною то, что лежало за Тессиномъ, и здѣсь, въ *Пьемонтѣ*, находились люди, способные провести государственную ладью среди угрожавшихъ ей бурь. Въ Италіи не было недостатка въ прозорливыхъ патріотахъ: послѣ того какъ туринская палата приняла мирный договоръ съ Австріей безъ излишнихъ разглагольствованій, министерство Массимо д'Азеліо воспользовалось мирнымъ временемъ для необходимыхъ реформъ. Ультрамонтаны были обузданы законами Сиккарди, по которымъ, между прочимъ, духовенство подвергалось общему суду въ дѣлахъ уголовныхъ или гражданскихъ. Король и страна нашли самаго подходящаго государственнаго дѣятеля для даннаго момента въ лицѣ графа *Камилло-Бензо ди-Кавура* родившагося въ Туринѣ, 10-го августа 1810 г., и вступившаго теперь, въ октябрѣ 1850 г., благодаря своей способности къ неутомимой работѣ, въ управленіи двумя министерствами: торговли и земледѣлія. Этотъ человѣкъ одушевлялся тѣми возвышенными патріотическими идеями, которыя объединяли всѣ правящіе классы въ Италіи какъ бы въ незримую, безъ словъ понимаемую всѣми, къ одной цѣли стремящуюся, общину; онъ обладалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большими практическими познаніями въ политико-экономическихъ вопросахъ, что дозволило ему поднять благосостояніе страны и сдѣлать ее образцомъ для всѣхъ прочихъ, несмотря на тяжелыя военныя издержки, лежавшія на ней, какъ на передовомъ государствѣ, указывавшемъ всей Италіи путь къ ея будущности. Онъ достигъ этого, благодаря своей свободной торговой политикѣ, разумному покровительству національнымъ производствамъ, ограниченію праздношатанія монашества, законной вѣротерпимости и допущенію свободы печати и слова.



Графъ Камильо ди-Кавуръ.
Литографировано Демэзономъ 1856 г.

Сардинія. Союзъ 1355 г.

Кавуръ, одно имя котораго представляло собою уже цѣлую программу, сталъ главой министерства въ ноябрѣ 1852 г. Когда, вскорѣ затѣмъ, именно въ февралѣ 1853 г., австрійское правительство наложило запрещеніе на имущества ломбардскихъ выходцевъ, онъ имѣлъ смѣлость обратиться, по этому случаю, съ запискою къ великимъ державамъ и отозвалъ

сардинскаго посланника изъ Вѣны. Весьма ловкимъ шагомъ съ его стороны было заключеніе между Пьемонтомъ и западными державами союза противъ Россіи (26-го января 1855 г.). Борьба противъ реакціи, представительницей которой являлась тогда Россія и ея правительство, была въ итальянскихъ интересахъ; между тѣмъ, Пьемонтъ оказывалъ услугу западнымъ державамъ въ такую минуту, когда союзъ второстепеннаго государства и 15,000 хорошаго войска имѣли громадное значеніе для нихъ, давая, съ тѣмъ вмѣстѣ, Сардиніи право участвовать на мирномъ конгрессѣ. По заключеніи мирнаго договора, члены конгресса имѣли еще нѣсколько частныхъ засѣданій для свободнаго обсужденія нѣкоторыхъ важныхъ европейскихъ вопросовъ; при этомъ, къ великой досадѣ Австрійцевъ, сардинскій посланникъ выступалъ уже въ качествѣ представителя Италіи, а не одного только Пьемонта. Отношенія между Австріей и Сардиніей становились очень натянутыми. Въ Туринѣ и не скрывали болѣе, что прежняя пріязнь становится невозможной. Общественное настроеніе въ остальной Италіи обрисовывалось тоже съ большой рѣзкостью. Въ 1857 г. было основано итальянское «Національное общество»; это была уже не «Карбонарія» съ ея таинственностью и условными знаками, но открытый союзъ, распространенный по всему полуострову. Лучшіе люди республиканскаго или радикальнаго лагеря, какъ, напр., бывшій венеціанскій диктаторъ Манинъ или Гарибальди, признавали теперь, что объединеніе Италіи можетъ быть достигнуто лишь путемъ твердой приверженности къ Савойскому дому. Начиная съ 1856 года, двусмысленная политика Австріи въ восточномъ вопросѣ весьма послужила на пользу дѣлу Кавура. Негодованіе Россіи на Австрію помогло быстрому установленію хорошихъ отношеній между русскимъ и сардинскимъ правительствами, а надежды реакціонныхъ партій на то, что Наполеонъ III, вслѣдствіе покушенія Орсини, станетъ смотрѣть враждебно на объединеніе Италіи, какъ на мысль, вдохновившую убійцу, оказались совершенно тщетными. Наполеонъ III не былъ такимъ ученикомъ Меттерниха,



Графъ Буоль-Шауэнштейнъ.
Литографировано Демэзономъ 1856 г.

какъ графъ Буоль-Шауэнштейнъ, въ руки котораго перешло австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ по смерти Шварценберга (3-го апрѣля 1852 г.); онъ зналъ свѣтъ и не былъ чуждъ тѣмъ кругамъ, изъ которыхъ вышелъ Орсини со своимъ планомъ. Самъ Кавуръ поступилъ очень разумно, предложивъ и проведя законъ, по которому подстрекательство къ цареубійству подлежало не суду присяжныхъ, какъ другіе проступки противъ законовъ о печати, но суду обыкновенному; онъ указывалъ всѣмъ пьемонтскимъ посланникамъ при чужихъ дворахъ, что лучшимъ средствомъ къ предупрежденію подобныхъ покушеній слѣдуетъ считать устраненіе на судѣ ихъ мотива, побуждающаго горячія головы выступать на преступную дорогу. Императоръ Наполеонъ раздѣлялъ такое воззрѣніе. Онъ рѣшилъ сдѣлать кое-что для Италіи и нельзя ставить ему въ упрекъ, если онъ при этомъ думалъ о выгодѣ тоже для Франціи и для своей династіи. Въ іюлѣ 1858 г. Наполеонъ и Кавуръ имѣли свиданіе на водахъ въ Пломбіерѣ (въ Вогезахъ); при этихъ переговорахъ былъ рѣшенъ бракъ одного изъ двоюродныхъ братьевъ императора съ дочерью Виктора-Эммануила, а при пріемѣ дипломатическаго корпуса въ Тюльери, 1-го января 1859 г., Наполеонъ обратился къ австрійскому послу съ роковыми словами: «Весьма сожалѣю о томъ, что наши отношенія къ вашему правительству уже не столь хороши, какъ прежде...» Онъ усилилъ еще значеніе этихъ словъ, прибавя, что его личныя чувства къ императору Францу-Іосифу нисколько не измѣняются отъ этого.

Положеніе Наполеона. Новый годъ 1859.

Смыслъ этой рѣчи скоро выяснился не для однихъ посвященныхъ въ глубокія тайны дипломатіи, но и для всѣхъ, слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за событіями, начиная съ 1848 г., подъ вліяніемъ своихъ патріотическихъ чувствъ. Война между Франціей и Австріей, ради Италіи, становилась очевидно неминуемой. Нельзя было ошибаться и въ томъ, что эта война, посредственно или непосредственно, но затронетъ и всю Европу, въ особенности же Германію. Германія не сознавала, однако, еще, что дѣло шло дѣйствительно о единствѣ Италіи, и что Германія и Италія имѣли передъ собою, въ сущности, одну и ту же задачу, одно и то же назначеніе; но это сознаніе должно было пробудиться вскорѣ,—именно сознаніе того, что обѣимъ странамъ надлежало бороться съ однимъ и тѣмъ же противникомъ: чужеземнымъ габсбургскимъ господствомъ.

Австрійская политика съ 1852 г.

Годъ 1852, какъ и года 1548 и 1629, былъ весьма счастливымъ для Габсбурговъ. Едва спасшись отъ гибели, Австрія получила возможность предписывать законы Германіи; была даже минута, въ которую едва не осуществился смѣлый планъ вступленія Австріи, со всѣми ея землями—Венгріей, Галиціей и итальянскими владѣніями—въ составъ Германскаго союза, что превратило бы его въ 70-ти-милліонное цѣлое, въ союзъ среднеевропейскихъ государствъ съ Австріею во главѣ, какъ съ самымъ могущественнымъ изъ нихъ. Планъ могъ удаться, но въ Вѣнѣ поняли невозможность идти на-проломъ и рѣшились дѣйствовать косвенно, добившись сначала доступа въ германскій таможенный союзъ; первымъ шагомъ къ тому было заключеніе торговаго договора съ этимъ Союзомъ; затѣмъ послѣдовало и полное включеніе въ него (1 января 1859 г.).

Но глубоко униженная Пруссія достигла здѣсь перваго успѣха. Напрасно старались приверженцы Австріи—Вюртембергъ, Баварія, Саксонія, оба Гессена, Нассау — сдѣлать невозможное возможнымъ, устраивая съѣзды въ Вѣнѣ, Бамбергѣ, Дармштадтѣ. Пруссія оставалась тверда въ этомъ вопросѣ. Она заключила, въ сентябрѣ 1851 г., съ упомянутымъ выше налоговымъ союзомъ, въ который входили Ганноверъ, Ольденбургъ и Брауншвейгъ, таможенный договоръ, и соглашалась возобновить свое участіе въ таможенномъ союзѣ, вмѣстѣ съ прежними участниками его не иначе, какъ на этой расширенной основѣ, притомъ на 12 лѣтъ. Матеріальные интересы такъ возвышали свой голосъ, что къ нему не могъ оставаться глухимъ даже какой-нибудь Гессенскій курфюрстъ: эти государства покорились, поэтому, и съ 1 января 1854 г. наступилъ новый періодъ таможеннаго союза, между тѣмъ какъ австрійскій министръ, рейнскій сторонникъ фонъ-Брукъ, воротился изъ Берлина лишь съ тощимъ договоромъ, весьма мало облегчавшимъ таможенныя отношенія.

Реакція въ Германіи.

Въ политической сферѣ, Австрія могла хвалиться почти полнымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока царствовалъ въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Гессенскій и Шлезвигъ-Голштинскій вопросы были разрѣшены въ смыслѣ, желательномъ для Австріи, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время; во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ замѣчалось обратное движеніе,—контръ-революція, проявляясь, гдѣ съ бо́льшею, гдѣ съ меньшею силою или жестокостью. Въ Саксоніи, Вюртембергѣ, Люксамбургѣ, Мекленбургъ-Шверинѣ были возстановлены старыя конституціи и бывшіе выборные порядки. Въ Ганноверѣ юнкерство отвергало конституцію 1848 года, и послѣ многихъ перипетій, король *Георгъ V*, наслѣдовавшій престолъ съ 1851 г., послѣ Эрнста-Августа, отмѣнилъ эту конституцію (августъ 1855), въ соблюденіи которой поклялся своимъ королевскимъ словомъ, вступая въ управленіе страною. Но всего поразительнѣе была контръ-революція въ Гессенѣ, гдѣ курфюрстъ и его министръ Гассенпфлугъ не могли набрать такого сословнаго представительства, которое согласилось бы угождать имъ, и потому управляли страною по своему личному усмотрѣнію. Безсовѣстный министръ, попиравшій нрава своихъ согражданъ, былъ наказанъ публичнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ ему однимъ изъ зятьевъ короля,—впрочемъ по поводу, не имѣвшему отношенія къ общественнымъ дѣламъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, церковная реакція шла объ-руку съ политической. Римско-католическая Церковь извлекла свою пользу изъ великаго кризиса 1848 г. Епископы *Верхне-рейнскаго церковнаго округа* представили весьма пространныя требованія; такъ, они просили отмѣны утвержденія свѣтскою властью выдаваемыхъ папою дозволеній, отмѣны государственнаго экзамена для духовныхъ лицъ, отмѣны права апелляціи къ гражданскому суду въ случаѣ наложенія каръ духовными властями, а также предоставленія епископамъ права утверждать преподавателей католической религіи въ школахъ и т. д. Они объявляли при этомъ, что, въ виду услугъ, которыя они могутъ оказывать правительствамъ въ консервативномъ смыслѣ, они будутъ уже дѣйствовать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ бы получивъ согласіе на всѣ изложенныя выше требованія. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ министръ

Дальвикъ заключилъ тайный уговоръ съ епископомъ; въ Вюртембергѣ шла рѣчь о конкордатѣ, что оказало свою пользу, пробудивъ снова общественное мнѣніе, оробѣлое и не осмѣливавшееся выражать никакого протеста. Подобная церковная борьба обострилась особенно въ *Баденѣ*, выказывая вполнѣ, что какъ вѣра, такъ и суевѣріе, не отжили еще своего времени. Ортодоксальность заявляла громко свои права и на протестантской почвѣ. Въ курфюршествѣ Гессенскомъ жизнь была какъ бы снова отнесена въ середину XVII столѣтія; членъ консисторіи Вильмаръ дѣйствовалъ здѣсь на основаніи правила *cujus regio ejus religio*, и въ самой Пруссіи, какъ увидимъ ниже, проявлялся грубо тотъ іерархическій духъ, которому католическіе духовные сановники, лучше приспособляясь къ характеру времени, умѣли придавать болѣе мягкія формы и утонченный расчетъ. Впрочемъ, въ протестантскихъ земляхъ церковное вліяніе было все же не такъ ощутительно: подобно тому, какъ и въ XVII вѣкѣ, оно ослаблялось именно многочисленностью владѣній. Что было дозволено въ одномъ изъ нихъ, возбранялось въ другомъ; это благопріятствовало развитію мелкой прессы. Въ Баваріи не было сильной реакціи и нарушенія правовыхъ порядковъ, и тамъ, гдѣ даже такой, не особенно могущественный, владѣтель, какъ герцогъ *Эрнстъ Кобургскій*, имѣлъ смѣлость оспаривать право Союза вмѣшиваться во внутреннія дѣла его страны и стѣснять въ ней свободу мысли и слова, несостоятельность этого Союза обнаруживалась вполнѣ:—ему недоставало той силы и твердости, которыя сообщаются учрежденію единственно сознаніемъ своей правоты въ дѣлѣ. Австрія утратила часть своего безусловнаго вліянія со времени восточной войны. Саксонскій и баварскій министры, фонъ-Бейстъ и фонъ-деръ-Пфортенъ старались внушить Союзу самостоятельную, руссофильскую политику, какъ учрежденію могущественному, а признавали его могущественнымъ уже въ силу одного того, что у него были два такихъ именитыхъ государственныхъ дѣятеля, какъ они сами; но ихъ совѣщанія въ Бамбергѣ не привели ни къ какому результату, такъ какъ были и начаты совершенно неосновательно. Иностранная политика Германіи направлялась только двумя великими державами.

Обновленіе Австріи. 1852–1859.

Мартовская конституція была отмѣнена въ Австріи черезъ нѣсколько недѣль по совершеніи во Франціи переворота, 31 декабря 1851 года. Чистый абсолютизмъ былъ возстановленъ; «кремзирская фантазія» уничтожена. Во внутреннихъ дѣлахъ наступило нѣчто совсѣмъ безтолковое. Говорилось много объ обновленіи или возрожденіи Австріи и правительство запаслось нужными органами печати, которые возвѣщали въ Германіи объ этомъ обновленіи «пышно-расцвѣтающаго» государства на Дунаѣ, уснащая эти извѣстія потребнымъ наборомъ громкихъ словъ. Они удостовѣряли весь міръ, что абсолютизмъ въ Австріи вызванъ только финансовою необходимостью, потому что конституціонная система стоила бы слишкомъ дорого, но что онъ проникнутъ «демократическимъ» направленіемъ, въ доказательство чего приводился императорскій приказъ о производствѣ офицеровъ не по экзамену, а лишь сообразно ихъ служебнымъ и боевымъ заслугамъ. Подобно тому же, возвѣщалось о громадныхъ реформахъ въ школьномъ дѣлѣ, по поводу того, что въ Вѣну былъ при-

глашенъ одинъ извѣстный русскій педагогъ, дѣйствительно честно принявшійся за такія реформы; но, въ то же самое время, одно училище за другимъ переходило въ руки іезуитовъ, возобновившихъ свою дѣятельность съ 1850 г. Интеллигентный обскурантъ, завѣдывавшій въ томъ же свободомыслящемъ іезуитскомъ духѣ министерствомъ вѣроисповѣданій, графъ Леонъ Тунъ, заключилъ съ римской куріей конкордатъ, подписанный въ Вѣнѣ 18 августа 1855 г., и первая статья котораго гласила: «Поддержаніе римско-католическаго исповѣданія со всѣми его правами и преимуществами, довлѣющими ему по указанію Божіему и опредѣленію церковныхъ законовъ вовѣки». Даже и при этомъ, тѣ же угодливыя перья украсили такое заявленіе, предоставлявшее римской Церкви обширнѣйшія права и подчинявшее ей государственную власть во многихъ случаяхъ, именемъ весьма либеральной мѣры, за которой,—какъ разумно предсказывали они,—должны послѣдовать и другія подобныя ей по отношенію къ разнымъ религіознымъ обществамъ. Все это было вымысломъ; скоро должно было обнаружиться, что ни въ арміи, ни въ гражданскомъ управленіи не было произведено никакихъ реформъ; но была совершена, дѣйствительно, одна весьма важная на экономической почвѣ: она состояла въ отмѣнѣ барщины, освобожденіи земли отъ остатковъ феодализма. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще извѣстныя облегченія въ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ, но и здѣсь, какъ и въ остальномъ, вредило неустранимое зло—пестрый составъ имперіи изъ разнороднѣйшихъ элементовъ: въ ней насчитывалось 15 милліоновъ Славянъ, 8 милліоновъ романскаго племени, 8 милліоновъ Нѣмцевъ, 5 милліоновъ Мадьяръ,—и при такой смѣси было трудно рѣшать, гдѣ кончается внутренняя политика, и гдѣ начинается внѣшняя.

Шварценбергъ † 1852.

Скончавшійся князь Феликсъ Шварценбергъ не оставилъ никого преемникомъ той геніальности, которую ему приписывали, или хотя бы такого человѣка, который могъ-бы править дѣлами, если не геніально, то съ разумной послѣдовательностью. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи, графъ Буоль фонъ-Шауэнштейнъ, былъ никакъ уже не геніальнѣйшимъ среди своихъ сотоварищей: министра внутреннихъ дѣлъ Александра фонъ-Баха, министра торговли, ставшаго, съ 1855 г., и министромъ финансовъ, фонъ-Брука, и министра народнаго просвѣщенія, фонъ-Туна.

Изъ трехъ «міровыхъ положеній» Австріи, — какъ высокопарно именовалось ея господство въ Италіи, Венгріи и Германіи, — первому, итальянскому предстояло выдержать испытаніе. Что касалось Венгріи, то императоръ самъ посѣтилъ эту страну, по окончаніи дѣятельности въ ней Гайнау, ознаменованной кровавыми расправами, разстрѣливаніями и всякими жестокостями. Поѣздка императора казалась удачной, и лица, привыкшія себя обольщать, провозглашали торжественно, что Венгріи болѣе нѣтъ. Въ офиціальныхъ сферахъ полагали дѣйствительно, что возмущеніе уничтожило старую венгерскую конституцію,—другими словами, что Венгрія завоеванная страна. Было похоже на то; но крайней мѣрѣ изъ наличнаго положенія ея не вырабатывалось новаго *правоваго порядка*; единственная существовавшая въ Венгріи партія въ эту минуту,

старо-консервативная, не способствовала тому, а напротивъ, настойчиво противилась какому-либо проявленію обще-политической жизни въ народѣ.

Пруссія послѣ Ольмюца.

Какъ было уже указано выше, Австрія могла быть спокойной по отношенію Германіи, пока въ Пруссіи царствовалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, хотя, съ 29 августа 1851 г., представителемъ Пруссіи, по крайней мѣрѣ на одномъ важномъ посту, именно въ союзномъ сеймѣ, состоялъ ультра-консерваторъ Оттонъ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, великія способности котораго были, по счастію, не вполнѣ разгаданы засѣдавшими на сеймѣ хитроумцами.

Конституція 1850 г.

Несмотря на тяжелое пораженіе, которымъ закончились для Пруссіи 1848—1852 года, она достигла двойного успѣха. Во-первыхъ, какъ для друзей, такъ и для недруговъ Пруссіи становилось ясно, что ей принадлежитъ руководящая роль въ Германіи. Избраніе короля императоромъ, 28 марта 1849 г., было знаменательнымъ въ этомъ смыслѣ, и въ Германіи тотчасъ же создалась партія (названная *Готскою*, по ея первому съѣзду въ Готѣ 26—28 іюня 1849 г.), поднявшая знамя наслѣдственной прусско-германской имперіи. Но этотъ единственный исходъ изъ затрудненій и смутъ, въ которыя была погружена Германія, былъ крайне странно преграженъ самимъ королемъ,—Гогенцоллерномъ, предпочитавшимъ оставаться лучше подъ игомъ какого-нибудь Шварценберга, нежели быть императоромъ Германскимъ. Вторымъ успѣхомъ Пруссіи былъ окончательный переходъ ея отъ абсолютизма къ конституціонному строю. Фридрихъ-Вильгельмъ присягнулъ новому государственному уложенію (6 февраля 1850 г.), согласному въ существенныхъ основахъ своихъ съ конституціонными принципами, требующими веденія дѣлъ страны сообразно выражаемымъ ею желаніямъ и посредствомъ соединенныхъ усилій монаршей власти и народнаго представительства. По новому, довольно либеральному избирательному закону, право голоса имѣлъ каждый неопороченный пруссакъ, перешедшій за 24-лѣтній возрастъ, не пользующійся вспомоществованіями отъ попечительствъ о бѣдныхъ и живущій не менѣе полугода въ избирательной мѣстности; эти избиратели раздѣлялись на три класса, смотря по цензу, и избирали изъ своей среды депутата, минимальнымъ возрастомъ для котораго назначалось 30 лѣтъ. Изъ этихъ депутатовъ составлялась «*Вторая*» *палата* въ составѣ 352 членовъ, имѣвшихъ обычныя права, въ томъ числѣ и одинаковое съ правительствомъ право предлагать законопроэкты. На ряду съ этою Второй палатой учреждалась «Первая», съ мая 1855 г. принявшая названіе «*Палаты господъ*». По истеченіи періода развитія новаго конституціонализма, составъ этой палаты былъ, по меньшей мѣрѣ, столь же разумно установленъ, какъ и въ другихъ государствахъ; народныя права,—если они соблюдались честно,—были вполнѣ соразмѣрны. Но король, не способный, какъ всѣ безхарактерные люди, однажды рѣшась на что-нибудь, поступать твердо, или же столь же крѣпко стоять на своемъ несогласіи—не дѣлалъ ничего безъ задней мысли, и принесъ присягу не отъ чистаго сердца, а лишь въ надеждѣ (какъ онъ говорилъ), что устроятъ все такъ, что ему можно будетъ управлять и при такой конституціи. Но имъ самимъ, какъ прежде, такъ и послѣ, управляли недовѣріе и досада

на все, что ему угодно было называть «революціей»; и маленькая, но сильная «контръ-революціонная» партія, внушавшая ему это неразсудительное, недостойное правителя, отвращеніе ко всему созданному новымъ временемъ, поддерживала въ немъ это чувство и пользовалась имъ очень искусно.

Обстоятельства. Внутреннія дѣла. 1850—1858.

Такимъ образомъ, внутренняя исторія Пруссіи за періодъ до 1858 г. представляетъ неутѣшительную картину: правительство дѣйствовало круто, въ духѣ извѣстныхъ партій, попирая право въ угоду имъ, употребляя для пораженія своихъ противниковъ полицейскія, часто слишкомъ недостойныя, уловки или же самое грубое насиліе; оно поощряло клерикальное ханжество, которое процвѣтало и возносилось надъ всѣмъ, носившимъ либеральную окраску. Въ случаѣ нужды, правительство принимало національно-*нѣмецкій* характеръ, но покровительствовало, съ одной стороны, ярому, пустозвонному пруссачеству, а съ другой—низкопоклонничало передъ Россіей, подчинялось Австріи и не хотѣло думать о возведеніи Пруссіи въ главную роль въ Германіи, о довершеніи шлезвигъ-голштинскаго дѣла и другихъ подобныхъ вопросовъ чести, принимая ихъ за революціонныя бредни. Тѣмъ не менѣе, оно должно было принять конституцію и даже осталось довольно ею, когда ему удалось пріобрѣсти, въ новоизбранной палатѣ ландратовъ (1856), значительное большинство, благодаря крупнымъ землевладѣльцамъ, правовѣрнымъ пасторамъ, выслуживающимся ландратамъ и беззастѣнчивому вліянію администраціи на выборы. Не входя въ подробности законоположеній, можно, однако, сказать, что реакція не оставляла особенно глубокаго слѣда на законодательствѣ: конституціонный государственный строй обнаруживалъ здѣсь свою пользу, не допуская законодательный механизмъ до слишкомъ поспѣшной работы.

Иностранныя дѣла.

При такомъ правительствѣ и такомъ королѣ, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, доводившій великодушіе свое въ отношеніи Австріи до пожертвованія ей будущностью своего собственнаго государства и провозглашавшій какимъ-то догматомъ, что Австріи принадлежитъ первенство въ Германіи, Пруссія не могла достигать внѣшнихъ успѣховъ. Она усилилась лишь насчетъ княжествъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ и Гогенцоллернъ-Гехингенъ, владѣтели которыхъ пожелали сами, въ революціонные года, выйти изъ числа жалкихъ германскихъ властителей. Прусская политика при восточномъ кризисѣ соотвѣтствовала положенію крупнаго серединнаго государства: она отличалась не смѣлостью или широтой замысловъ, но осторожностью, и государство, не рискуя ничѣмъ, не потеряло тоже ничего; но оно впало, наконецъ, въ такую неподвижность, что Пруссія, къ великой обидѣ ея короля, не была даже приглашена на конгрессъ. Это приглашеніе послѣдовало, однако (хотя уже послѣ седьмого засѣданія собранія), за что Фридрихъ-Вильгельмъ былъ весьма благодаренъ министру Наполеона III, котораго, въ глубинѣ души, онъ терпѣть не могъ. Чтобы внести что-нибудь и свое на конгрессъ, Мантейфель заговорилъ о несчастномъ *Нейенбургскомъ дѣлѣ*, которое,—что весьма характеристично,—занимало короля и окружавшую его партію *Крестовой Газеты* гораздо болѣе, нежели Шлезвигъ-Голштинскій во-

просъ, хотя, по существу, оно и не касалось Прусскаго государства. Крохотная область въ тринадцать квадратныхъ миль досталась прусскимъ королямъ по наслѣдству съ 1707 или 1713 г., и была, вмѣстѣ съ тѣмъ, швейцарскимъ кантономъ (см. выше); этому двойственному положенію былъ насильственно положенъ конецъ радикалами въ 1848 г. Право было на сторонѣ короля; Швейцарцы поступили завѣдомо беззаконно, но возстановленіе этого права, по обстоятельствамъ дѣла, то-есть, по неестественной принадлежности этого клочка земли Пруссіи, составляло своего рода незаконность, хотя и не юридическую, и было понятно, что споръ можно было покончить только полюбовной сдѣлкой. Между тѣмъ, нѣсколько сотенъ нейенбургскихъ роялистовъ, при подстрекательствѣ или только намекѣ изъ Берлина, овладѣли, въ сентябрѣ 1856 г., мѣстнымъ замкомъ, а на слѣдующій день полторы сотни ихъ попались въ руки республиканцамъ. Дѣло приняло размѣры политическаго событія: люди Ольмюца и ихъ партія бряцали палашами, а Швейцарцы витійствовали, упоминая о Моргартенѣ и Земпахѣ; наконецъ, 16 мая 1857 г., послѣ того какъ конференція державъ признала права короля и Швейцарцы выпустили изловленныхъ ими роялистовъ на свободу, Фридрихъ-Вильгельмъ отрекся отъ своихъ владѣтельныхъ правъ на фантастическую республику и имѣлъ даже настолько такта, что отказался и отъ присужденнаго ему за то вознагражденія въ милліонъ франковъ.

Относительно *Шлезвигъ-Голштинскаго* вопроса Пруссія и идущая вмѣстѣ съ нею, на помочахъ у Австріи, остальная Германія, не сдѣлали ничего въ это время. Господствовавшая въ Копенгагенѣ партія пользовалась своимъ успѣхомъ, перекраивая въ Шлезвигѣ все на датскій образецъ: церковь, школу, администрацію. Нѣмцы подвергались преслѣдованію, лишались мѣстъ, высылались изъ области. Эти изгнанники, къ чести Пруссіи, находили пріютъ у нея. Дѣло осложнялось еще болѣе вслѣдствіе дарованной Фридрихомъ VII общей конституціи государству, и находилось, съ октября 1857 г., снова на разсмотрѣніи Союза. Оно затягивалось, благодаря нерасположенію Австріи и слабости прочихъ германскихъ правительствъ. Этотъ вопросъ, который не могъ быть разрѣшенъ тогдашнею Германіей, — Германскимъ Союзомъ,—могъ найти это разрѣшеніе лишь одновременно съ самимъ *Германскимъ* вопросомъ. Австрія была нѣсколько потрясена исходомъ восточнаго кризиса, но могущество ея тогда еще не ослабло; теперь же «новогодній привѣтъ» императора Наполеона III поднималъ критическій вопросъ объ австрійскомъ *владычествѣ въ Италіи;* то, что Фридрихъ-Вильгельмъ называлъ «революціей», возставало снова на Австрію. Могло быть, что онъ заступился бы за нее, оставаясь вѣренъ ольмюцской политикѣ, но кормило правленія выпало уже изъ его рукъ.

Съ октября 1857 г. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ пораженъ болѣзнью, которая оказалась неизлѣчимымъ мозговымъ страданіемъ. Правленіе перешло къ брату его, *Вильгельму*, назначенному сначала намѣстникомъ, а вскорѣ, при доказательствѣ того, что недугъ короля можетъ быть продолжительнымъ, принцъ Вильгельмъ былъ признанъ *регентомъ*. Перемѣна правителя стала тотчасъ же ощутительна для страны: прихотливое бла-

годушіе, произволъ, наклонность къ партійности смѣнились разумною и мужественной волею. Будучи намѣстникомъ, принцъ Вильгельмъ терпѣлъ министровъ, избранныхъ его братомъ, но, ставъ регентомъ королевства, онъ окружилъ себя людьми прямого и честнаго характера, подобными ему самому. Во главѣ ихъ былъ князь Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; военнымъ министромъ былъ назначенъ фонъ-Бонинъ, нѣкогда вытѣсненный руссофильскою партіею за то, что онъ жестко отвергъ возможность для Пруссіи быть на сторонѣ Россіи при восточномъ кризисѣ; министромъ финансовъ былъ фонъ-Патовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько позднѣе, графъ Шверинъ, вождь либераловъ въ камерѣ ландратовъ. Принцъ-регентъ изложилъ свою программу въ обращеніи своемъ къ министрамъ 8 ноября; отъ нея можно было ожидать блага, потому что теперь за словами стояло и дѣло. Онъ обѣщалъ идти впередъ, но не порывая съ прошлымъ, уважать права католической Церкви, какъ и права евангелическаго Союза, при допущеніи полной свободы въ дѣлѣ науки. Отвергая всякое клерикальное лицемѣріе, прикрывающее собою политическіе происки, онъ обозначалъ свою нѣмецкую политику словами: «Защита правъ и нравственныя завоеванія». Партія *Крестовой Газеты* потерпѣла полное пораженіе при первыхъ же новыхъ выборахъ: за нею осталось лишь 15 мѣстъ въ палатѣ; однако, ее нельзя было еще считать окончательно побѣжденной, потому что новое правительство дѣйствовало съ крайнею осторожностью и сдержанностью.

Этому правительству предстояла большая задача, вслѣдствіе фразы, сказанной 1 января, и ея послѣдствій, неудержимо развертывавшихся теперь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Итальянская война и Виллафранкскій миръ 1859 г. — Итальянское королевство. — Европейскія государства 1859—1863 г.

1859. Франція. Сардинія.

Въ первую минуту всеобщаго возбужденія, вызваннаго новогодними словами Наполеона III, Европѣ показалось, что весь міръ объятъ уже пламенемъ и настала борьба германскаго начала съ романо-славянскимъ, среди стихійнаго столкновенія всѣхъ, волнующихъ европейскую жизнь, противорѣчій и осложненій. Но дѣла совершаются не такъ быстро и новѣйшія войны имѣютъ естественную наклонность локализироваться, ограничиваясь опредѣленною цѣлью. Король Викторъ-Эммануилъ выразилъ въ своей тронной рѣчи (10 января 1859 г.), что онъ и его народъ не могутъ оставаться безучастными къ воплямъ, раздающимся въ разныхъ частяхъ Италіи. Въ томъ же мѣсяцѣ, 31 числа, состоялся бракъ принцессы

Савойской, Клотильды, съ двоюроднымъ братомъ Луи-Наполеона; 17 февраля туринская палата предоставила своему правительству кредитъ въ пятьдесятъ милліоновъ. Между тѣмъ, Англія, Пруссія и Россія старались о примиреніи сторонъ; самъ Наполеонъ телеграфировалъ своимъ союзникамъ, что принимаетъ въ принципѣ условіе, поставленное Австріей въ вопросѣ о предполагаемомъ конгрессѣ, то-есть, разоруженіе (апрѣль). Казалось, что этимъ разрушаются всѣ надежды итальянскихъ патріотовъ, всѣ разумныя мѣры Кавура, всѣ долговременныя приготовленія къ борьбѣ,— но Австрія сама испортила себѣ все дѣло, имѣвъ глупость предъявить въ Туринѣ, черезъ одного изъ своихъ офицеровъ, барона фонъ-Келерсберга, ультиматумъ, которымъ требовалось немедленное разоруженіе и отвѣтъ: «да» или «нѣтъ», въ теченіе трехъ дней. Кавуръ отвѣтилъ черезъ эти три дня Келерсбергу, что ему нечего сказать. Война была объявлена, и въ самый день прибытія Келерсберга за отвѣтомъ, 23-го апрѣля, министръ предложилъ палатѣ облечь короля, на время войны, диктаторскими правами. Черезъ два дня послѣ этого Французы вступили въ Пьемонтъ.

I. Франко-италійско-австрійская война.

Война. Австрія.

Въ своемъ манифестѣ Францъ-Іосифъ указывалъ на свое долготерпѣніе по отношенію къ Пьемонту. Онъ выражалъ тоже надежду на содѣйствіе Германіи, въ которой поднялся весьма шумный, но неопредѣленный патріотическій задоръ. Викторъ-Эммануилъ объявлялъ, что сражается за права цѣлой націи, а императоръ Наполеонъ III, что онъ вынимаетъ мечъ для освобожденія Италіи и ея возвращенія самой себѣ: Австрія должна или господствовать до Альпъ, или предоставить Италіи свободу до Адріатики. Силы обѣихъ сторонъ были равны. Если Австрійцы нѣсколько уступали противникамъ въ численности войскъ, то имѣли превосходство во времени и могли быстро одержать нѣсколько побѣдъ, прежде нежели Французы подоспѣли бы въ достаточномъ числѣ; но они упускали дни за днями и ихъ главнокомандующій, графъ Францъ-Гіулай, перешедшій Тессинъ еще 29-го апрѣля, бездѣйствовалъ, какъ бы нарочно давая французамъ и Пьемонтцамъ время соединиться. Наполеонъ, прибывъ въ Геную 12-го мая, воскресилъ въ своемъ дневномъ приказѣ имена наполеоновской эпохи: Арколе, Риволи, Маренго; онъ говорилъ, что «новая итальянская армія не посрамитъ своей старшей сестры». Въ то же время на Сѣверѣ, вдали отъ главныхъ квартиръ государей, Гарибальди организовалъ свои партизанскіе отряды, въ которые поступали многіе ломбардскіе выходцы. Первая битва произошла въ горахъ, къ югу отъ По, между Алессандріей и Піаченцой, при Монтебелло. Французами командовалъ генералъ Форе, Австрійцами—графъ Стадіонъ. Австрійцы, пытавшіеся, по своему обычаю, сдѣлать «усиленную рекогносцировку», отступили къ вечеру и, не потерпѣвъ, собственно, пораженія, они позволили, по крайней мѣрѣ, противнику думать, что проиграли дѣло. 31-го числа итальянскія дивизіи, подъ начальствомъ Чіальдини, завязали бой при Палестро, при чемъ король, плохой полководецъ, но отличный солдатъ, сражался въ рядахъ, не щадя себя. Но генеральная битва произошла только 4 іюня, при *Маджентѣ*, на лѣвомъ берегу Тессина. Гіулай находился здѣсь

съ 115,000 чел., между Маджентою къ сѣверу и Абіатеграссо къ югу. Французы переправлялись черезъ Тессинъ, собираясь лишь постепенно, и Австрійцы могли бы легко разбить центръ ихъ, гдѣ находился императоръ съ своею гвардіей, если бы Гіулай смыслилъ свое дѣло. Но генералъ Макъ-Магонъ, наступивъ съ сѣвера, отъ Турбиго, рѣшилъ къ вечеру бой въ пользу Французовъ. Въ слѣдующіе затѣмъ дни австрійскія войска, треть которыхъ и не принимала участія въ сраженіи, очистили всѣ позиціи вплоть до Минчіо: Піаченца, Парма, Модена, Анкона, Болонья, Феррара, вся Ломбардія были потеряны для Австріи, потому что и фельдцейхмейстеръ Урбанъ, преслѣдовавшій гарибальдійцевъ, долженъ былъ отступить, и 8-го іюня Наполеонъ III и Викторъ-Эммануилъ вступили въ Миланъ, который Австрійцы покинули 5-го числа.

Маджента. Настроенія въ Германіи.

Императоръ Французовъ обратился съ новымъ краснорѣчивымъ воззваніемъ къ Итальянцамъ: «Будьте сегодня лишь солдатами, для того чтобы завтра стать свободными гражданами великой страны!» Такимъ образомъ, онъ обращался непосредственно къ силѣ народной, и вообще, въ виду предстоявшей еще наиболѣе тягостной части войны, союзники вступили уже въ тайныя сношенія съ различными революціонными элементами или искали къ тому случаевъ. Австрійцы пополнили свои потери, Гіулай былъ отставленъ и императоръ Францъ-Іосифъ принялъ на себя главное начальство надъ арміей, руководясь совѣтами одного изъ лучшихъ генераловъ школы Радецкаго, барона Гесса. Эта 200,000 армія держалась въ знаменитомъ четыреугольникѣ между Минчіо и Эчемъ: Пескіерой, Мантуей, Вероной и Леньяно. Судя по воинственнымъ крикамъ въ Южной Германіи и во всѣхъ реакціонерныхъ и ультрамонтанскихъ кружкахъ, нельзя было почти сомнѣваться, что Германія склонится на сторону Австріи,—даже должна будетъ такъ поступить, потому что, при своемъ дальнѣйшемъ движеніи, союзныя войска перешли бы на территорію Германскаго Союза. Но боевой пылъ Германіи нѣсколько охлаждался поведеніемъ Англіи и Россіи. Русскій канцлеръ князь Горчаковъ, который не могъ огорчаться возможностью пораженія Австріи, напомнилъ Союзу, что онъ составляетъ лишь оборонительное учрежденіе, а новый англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Джонъ Россель, начавшій завѣдывать дѣлами въ министерствѣ виговъ (іюнь) подъ руководствомъ лорда Пальмерстона, обозвалъ въ своей нотѣ «грубостью и глупостью» завываніе нѣмецкой печати и другія демонстраціи, направленныя къ возбужденію національнаго чувства Нѣмцевъ на пользу австрійскаго господства въ Италіи. Другого названія и не заслуживали ходячія фразы того времени о томъ, что Рейнъ слѣдовало защищать теперь на берегахъ По. Но 14 іюня, въ Пруссіи, политика которой характеризовалась уже благоразумною твердостью, былъ отданъ приказъ мобилизировать шесть армейскихъ корпусовъ, и прусское правительство предложило Союзу выставить, на Верхнемъ Рейнѣ, армію подъ баварскимъ начальствомъ. Императоръ Францъ-Іосифъ хотѣлъ быстро покончить дѣло; продолжительность войны дѣйствительно ухудшала финансовое и общее положеніе Австріи. Онъ рѣшился, поэтому, идти впередъ, что вернуло бы ему, въ случаѣ успѣха, Ломбардію обратно. Австрійскія колонны перешли на правый берегъ Минчіо, гдѣ

собрались тоже, въ это время, союзныя войска, въ числѣ 180,000 чел. Здѣсь, между Кіезой на западѣ и Минчіо на востокѣ, произошло большое сраженіе, названное *Сольферинскимъ*, по имени деревни, бывшей въ центрѣ расположенія австрійскихъ войскъ, и которую Французы успѣли занять въ три часа пополудни, послѣ ожесточенной битвы, среди палящаго зноя итальянскаго лѣтняго дня. Но этотъ успѣхъ не обусловливалъ еще побѣды: въ сѣверной части простиравшагося на полторы мили поля сраженія, Бенедекъ тѣснилъ Пьемонтцевъ къ Гардскому озеру, а на лѣвомъ австрійскомъ крылѣ, гдѣ Вимпфенъ держался противъ Ніеля, дѣло было еще далеко не проиграно; однако, въ 4 часа, былъ отданъ приказъ къ отступленію, которое совершилось безпрепятственно, благодаря разразившейся страшной грозѣ. Французы убѣдились вполнѣ въ своей побѣдѣ лишь на другой день. Уронъ Австрійцевъ убитыми, ранеными и плѣнными простирался до 22,000 чел.; союзники потеряли до 17,000 чел. Это была, слѣдовательно, страшная бойня, за которой могли послѣдовать и другія, такъ какъ выигранная битва не представляла собою окончательнаго рѣшенія и Австрія была вовсе не истощена еще со стороны пополненія своихъ войскъ.

Битва при Сольферино. Австрія и Пруссія.

Но театръ войны приближался къ германской территоріи: дѣло становилось критическимъ и для Германіи. Было большимъ счастіемъ, что политика Пруссіи, за которой, волей или неволей, должны были слѣдовать прочія нѣмецкія государства, направлялась теперь твердою и разумною рукою. Съ своею обычною смѣлостью и той хитростью, которою отличалось австрійское правительство со временъ Меттерниха, Австрія старалась выставить свои итальянскія дѣла какъ нѣчто, затрогивающее общіе нѣмецкіе національные интересы, и требовала отъ Пруссіи, какъ члена Германскаго Союза, помощи въ данную минуту. Но прусское правительство усвоило такую программу: посредничество въ качествѣ великой европейской державы; въ случаѣ дѣйствительнаго нарушенія германскихъ интересовъ, участіе въ войнѣ всѣми боевыми силами своего государства, несравненно бо́льшими, нежели контингентъ, требуемый отъ нея по договору съ Союзомъ; и затѣмъ, — главное начальство надъ германскимъ (по крайней мѣрѣ, сѣверо-германскимъ) контингентомъ. На предложеніе, сдѣланное Пруссіей въ этомъ смыслѣ, габсбургская мудрость отвѣтила другимъ, которое могло поставить Пруссію въ ложное положеніе передъ полулиберальными южно-германскими недоумками, а въ случаѣ принятія его Пруссіей, подчинило бы ее ея нѣмецкимъ союзникамъ, то-есть Австріи и ея реакціонернымъ пособникамъ. Австрійское предложеніе состояло въ мобилизаціи всего *союзнаго войска* и назначеніи прусскаго принца-регента *союзнымъ главнокомандующимъ*, согласно союзно-военному уложенію, 48 статья котораго подчиняла такого главнокомандующаго инструкціямъ и приказамъ союзнаго сейма. Это различіе въ двухъ предложеніяхъ таило въ себѣ весь антагонизмъ между положеніями Австріи и Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV писалъ однажды Меттерниху: «Мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы стать верховнымъ вождемъ союзнаго войска» (18 апрѣля 1848); но эти времена миновали, и если теперь возникалъ Германскій вопросъ, если германско-прусская армія должна была



Наполеонъ III смотритъ съ высотъ на битву при Сольферино.
По картинѣ Мейссонье въ Люксенбургскомъ музеѣ въ Парижѣ.

одержать побѣду, то разрѣшеніе этого вопроса могло послѣдовать лишь въ смыслѣ положеній 28 марта 1849 года.

Между тѣмъ, военныя дѣйствія продолжались. Франко-сардинская армія, подкрѣпленная резервнымъ корпусомъ, приведеннымъ принцемъ Наполеономъ изъ Тосканы, перешла за Минчіо. Война была весьма популярна; въ Италіи, общее вниманіе было приковано къ ней,—но внезапно разнеслась вѣсть о перемиріи, черезъ нѣсколько дней состоялось свиданіе двухъ императоровъ въ *Виллафранкѣ* (11 іюля), а вслѣдъ затѣмъ сталъ извѣстенъ и *предварительный миръ*, заключенный на другой же день, 12 іюля. Императоръ Францъ-Іосифъ передавалъ Ломбардію императору Французовъ, а тотъ, въ свою очередь, уступалъ ее королю Сардинскому. Владѣтели Пармы, Тосканы, Модены возвращались обратно въ свои земли; Венеція, оставаясь за Австріей, вступала въ итальянскую конфедерацію, учреждавшуюся подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Окончательный мирный договоръ на этихъ основахъ былъ подписанъ въ Цюрихѣ, 10 ноября того же года.

Виллафранкскій миръ.

Причины, склонившія Наполеона на такое быстрое заключеніе мира, были ясны: онъ достигъ своей частной цѣли, пріобрѣлъ извѣстную боевую славу, оказалъ, во всякомъ случаѣ, громадную услугу Италіи, которая продолжала притомъ все еще нуждаться въ помощи Франціи, слѣдовательно, оставалась въ зависимости отъ него. Если же война обратилась бы изъ «локализованной» въ общую, въ войну и за Рейнъ, Наполеону пришлось бы поставить на карту все свое существованіе: онъ былъ бы вынужденъ призвать на помощь себѣ революціонныя силы,—которыя все бушевали еще,—и ему не было основанія это дѣлать. Съ другой стороны было весьма естественно, что общественное мнѣніе въ Италіи, въ которой всѣ уже мечтали о близкомъ единствѣ и полной независимости страны, ставило ему въ страшный упрекъ, хотя и несправедливо, такое неожиданное заключеніе мира. Онъ возвратился въ Парижъ; Кавуръ, государственный дѣятель, возбудившій эту войну, уступилъ свое мѣсто Раттацци; казалось, что республиканская партія была права, утверждая вслѣдъ за Мадзини, что эта война велась лишь изъ-за династическихъ интересовъ, изъ-за увеличенія Пьемонта, который выразитъ за то свою признательность, отрѣзавъ отъ себя часть Савойи, или какимъ-либо другимъ способомъ.

Но такой пессимистическій взглядъ, вообще Итальянцамъ несвойственный, былъ ошибоченъ. Виллафранкскій миръ былъ лишь опущеніемъ занавѣса послѣ перваго акта великой драмы. Начиналось второе дѣйствіе, которое должно было создать, немногимъ болѣе чѣмъ черезъ годъ, королевство Итальянское съ 22 милліонами жителей, тогда какъ Виллафранкскій договоръ увеличилъ Пьемонтъ лишь на 9 милліоновъ душъ.

2. Объединеніе Италіи.

1860. Итальянскія присоединенія.

1860 годъ принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ въ исторіи человѣчества, и если, въ этомъ случаѣ, Италіи благопріятствовало то, что зовется у людей счастьемъ, то нельзя не признать также, съ другой стороны, прозорливости ея правящихъ лицъ, разсудительности и рѣшимости

народа, самообладанія партій и общаго самоотверженнаго патріотизма. Все шло здѣсь, какъ въ хорошо разученной піэсѣ: каждый зналъ свою роль, одна сцена разыгрывалась вслѣдъ за другою, постепенно развертывая цѣпь событій, осуществлявшихъ собою идею итальянскаго національнаго государства. Въ 1848 г. гордый лозунгъ: «*L'Italia farà da se*» былъ преждевременнымъ; но теперь слова становились истиной. Прежде всего взялись за свое переустройство государства *Средней Италіи*. Собственно низверженія троновъ въ Моденѣ, Пармѣ, Тосканѣ и не было: они рухнули сами собой. Такъ, напримѣръ, великій герцогъ Тосканскій выѣхалъ съ своею супругою изъ Флоренціи, 27 апрѣля того года, не услышавъ вслѣдъ себѣ ни одного оскорбительнаго возгласа. Населенія этихъ областей рѣшились только не впускать обратно своихъ бывшихъ владѣтелей; а кто посторонній захотѣлъ-бы или могъ-бы вмѣшаться въ эти дѣла и возстановлять здѣсь силою власть вассальныхъ австрійскихъ князей? Все происходило спокойно; созванныя собранія выражали единодушно, безъ лишнихъ декламацій и какихъ-либо насилій, свое желаніе присоединиться къ Пьемонту. Они образовали средне-италійскую лигу, а такъ какъ никто не искалъ насильственнаго переворота, то Пьемонтскій уполномоченный, Буонкомпаньи, поселился во Флоренціи въ качествѣ временного генералъ-губернатора этой лиги (21 декабря). Съ сентября къ ней принадлежала уже и часть *Церковной области*: *Романья*. Здѣсь, на собраніи народныхъ представителей въ Болоньи (7 сентября), было спокойно рѣшено тоже примкнуть къ Пьемонту, — вслѣдствіе чего Антонелли послалъ пьемонтскому посланнику въ Римѣ его паспорты.

Но духовные государственные дѣятели тщетно пытались воспротивиться закону исторической необходимости, возвѣщавшему теперь смертный приговоръ и послѣднему изъ церковныхъ государствъ въ Европѣ. Напрасно раздавались повсюду вопли и проклятія клерикальныхъ партій, забавно воображавшихъ и старавшихся увѣрить весь свѣтъ, что Церковная область составляла общее владѣніе всего католическаго христіанства. Императоръ Наполеонъ III, вынужденный дѣйствовать очень осмотрительно, считался, однако, съ національнымъ движеніемъ въ Италіи; косвеннымъ образомъ, посредствомъ одной брошюры (14 декабря), онъ подавалъ Пію IX совѣтъ ограничиться однимъ, такъ-называемымъ, наслѣдіемъ Св. Петра, то-есть Римомъ и его ближайшей окрестностью. Папа не находилъ защиты ни въ комъ: предполагавшійся сначала *конгрессъ державъ* не состоялся, какъ безцѣльный; также не могъ помочь ему итальянскій союзъ по Цюрихскому договору, и въ тотъ самый день, когда папа выразилъ довольно грубо свое неудовольствіе Французскому императору, диктаторъ областей, входившихъ въ лигу, Фарини, принялъ для нихъ названіе «Королевскихъ провинцій Эмиліи». Въ январѣ 1860 г. во главѣ дѣлъ сталъ снова Кавуръ, который составилъ итальянскій кабинетъ изъ уроженцевъ различныхъ частей страны, а 12 марта, съ одобренія Наполеона, послѣдовалъ плебисцитъ, по которому Эмилія и Тоскана присуждались Сардиніи громаднымъ большинствомъ голосовъ, лишь при нѣсколькихъ тысячахъ «нѣтъ». Совершилось это не даромъ: 24 марта Викторъ-Эммануилъ подписалъ договоръ, по которому *Савойя* и *Ницца*,

то-есть, около 240 квадратныхъ миль съ 800,000 жителей, отходили къ Франціи. 22 апрѣля послѣдовало народное рѣшеніе и здѣсь; 29 мая туринскій парламентъ утвердилъ эту уступку земли 229 голосами противъ 56. Дѣло было необходимо и приносимая жертва умѣренна.

Такъ былъ разрѣшенъ «средне-итальянскій» вопросъ. Туринскій парламентъ, открытый королемъ 2 апрѣля, служилъ представителемъ 11-ти милліоновъ Итальянцевъ, «благодаря Провидѣнію и императору Французовъ». Но вопросъ былъ *обще-италійскимъ*, и прежде, нежели окончился 1860 г., отъ прежней Италіи были на-лицо лишь Венеція и остатокъ Церковной области.



Джіузеппе Гарибальди.
Литографія І. А. Винтера.

Въ маѣ 1859 г. въ Неаполѣ умеръ суровый и энергичный Фердинандъ II; наслѣдовалъ ему неопытный юноша Францъ II. Онъ продолжалъ примѣнять прежнія насильственныя мѣры, въ то время, когда великое движеніе было уже во всей своей силѣ: тайные комитеты устраивали мятежныя демонстраціи, сначала въ Палермо и Мессинѣ, потомъ и въ самомъ Неаполѣ. Молодой король не съумѣлъ во-время подчиниться конституціонному и національному принципу, несмотря на совѣты англійскаго правительства. При томъ возбужденіи, которое охватило всю итальянскую націю, слѣдовало ожидать, что тотъ же взрывъ произойдетъ и въ Неаполѣ. Вождемъ активной партіи былъ *Джіузеппе Гарибальди*, снискавшій себѣ безграничную популярность своими подвигами. Помимо короля Виктора-Эммануила, который не зналъ этого,—или не хотѣлъ, или не смѣлъ знать,—онъ навербовалъ волонтеровъ, посадилъ ихъ въ Генуѣ на суда и высадился, въ маѣ 1860 г., съ этимъ отрядомъ въ одну тысячу человѣкъ, у Марсалы, на западномъ берегу Сициліи. Старинный духъ обособленія острова и ненависть Сицилійцевъ къ неаполитанскому владычеству, помогли ему одержать успѣхъ,

между тѣмъ какъ королевское войско съ его вождями растерялось, какъ бы пораженное какими-то чарами. Гарибальди объявилъ себя диктаторомъ отъ имени «короля Итальянскаго» и занялъ Палермо 27 мая. Королевскія войска держались еще нѣсколько времени только въ Мессинѣ. Въ виду этихъ событій, настроеніе Неаполитанскаго двора измѣнилось, наступила національная и конституціонная реакція, было образовано либеральное министерство, обѣщана новая конституція, затѣмъ возстановлена дарованная въ 1848 г. (іюль), которой и присягнули теперь сызнова войска. Правительство Виктора-Эммануила, желая доказать свою добрую волю европейскимъ кабинетамъ, требовало, чтобы Гарибальди воздержался отъ нападенія на материкъ. Онъ отвѣтилъ: «Ваше величество, позвольте ослушаться васъ на этотъ разъ». Мессина капитулировала 28-го іюля; 19-го августа 5,000 гарибальдійцевъ переправились на материкъ; королевскіе полки разсѣивались передъ ними сами собою. Дѣла дошли до того, что Францъ II былъ вынужденъ покинуть, 6-го сентября, свою столицу, въ которую, на слѣдующій день, вступилъ одиноко, какъ простой путешественникъ, великій партизанскій вождь. И Гарибальди не скрывалъ, что конечная цѣль его еще не достигнута: онъ говорилъ, что царствованіе короля-рыцаря, *il re galantuomo*, должно быть провозглашено съ высоты Квиринала.

Неаполь, обрѣтенный Италіей.

Такъ разрѣшалъ этотъ отважный революціонеръ и *римскій вопросъ*, хотя и не получая поддержки ни откуда. Всѣ державы, за исключеніемъ Англіи, относились неблагосклонно къ Сардиніи; даже Франція грозила ей разрывомъ дипломатическихъ сношеній, въ случаѣ вторженія пьемонтскихъ войскъ въ Церковную область. Правительство Виктора-Эммануила находилось въ весьма затруднительномъ, но, въ то же время, и благопріятномъ положеніи. Оно *вынуждаемо было* дѣйствовать и не могло терять времени, потому что, иначе, все совершилось бы революціоннымъ путемъ. Поэтому сардинскія войска, подъ начальствомъ Фанти и Чіальдини, вступили въ Церковную область (11 сентября). Римъ и его окрестность охранялись Французами, но Мархіи и Умбрія присоединились, въ это время, къ Итальянскому королевству, и папскія войска, подъ начальствомъ выписаннаго изъ Франціи генерала Ламорисьера, потерпѣли пораженіе у *Кастельфидардо*, къ югу отъ Анконы, которая сдалась генералу Фанти. 29 числа французскій посолъ, дѣйствительно, былъ отозванъ изъ Турина, но Кавуръ не свернулъ съ дороги, указываемой событіями, и которая не могла уже не привести къ цѣли. Войска Виктора-Эммануила вошли и въ неаполитанскіе предѣлы, для совмѣстнаго дѣйствія съ Гарибальди, что было необходимо, потому что онъ былъ готовъ подпасть подъ вліяніе такихъ республиканскихъ фантазеровъ, какъ Мадзини и Ледрю-Роленъ. Двѣ неаполитанскія крѣпости, Капуя и Гаэта, еще держались; въ послѣдней изъ нихъ находился самъ король Францъ II съ своею отважной супругой, Баварской принцессой. Капуя капитулировала 2 ноября 1860 г., Гаэта—13 ноября 1861 г., послѣ мужественнаго сопротивленія. Черезъ мѣсяцъ сдалась Мессина; въ продолженіе того же времени, въ Неаполѣ, Сициліи, Умбріи и Мархіяхъ происходили народныя голосованія съ тѣмъ же общимъ исходомъ. 14 марта 1861 г. Викторъ-Эммануилъ

принялъ титулъ *короля Италіи*, къ которой принадлежало теперь все населеніе полуострова: 22 милліона. Гарибальди, вступившій въ Неаполь рядомъ съ Викторомъ-Эммануиломъ (7 ноября 1860 г.), удалился, вслѣдъ за тѣмъ, на островъ Капреру.

Сліяніе различныхъ итальянскихъ населеній совершилось сравнительно быстро и легко; парламентская система оказала свою силу при этомъ. За исключеніемъ Австріи, новый порядокъ вещей въ Италіи былъ тоже признанъ всюду безъ затрудненій, въ виду совершившагося уже факта и неудобоисполнимости прежняго проэкта державъ — уладить дѣла полуострова посредствомъ конгресса.

Еще 30 мая Англія признала за новымъ королевствомъ его королевское достоинство, а 15 іюня и Франція послѣдовала ея примѣру. Еще 6 февраля того же года «вторая» прусская палата, по представленію вождя либераловъ барона фонъ-Винке, приняла важное и предусмотрительное рѣшеніе, вставить въ свой адресъ-отвѣтъ на тронную рѣчь короля Итальянскаго оговорку, что она, «какъ въ интересахъ Пруссіи, такъ и въ интересахъ Германіи, не думаетъ идти наперекоръ преуспѣвающей консолидаціи Италіи». И году не прошло, какъ Россія и Пруссія также произнесли свое признаніе за Италіей королевскаго достоинства. Это новое государство могло неособенно печалиться, что въ этомъ случаѣ Испанія, Баварія и нѣсколько мелкихъ германскихъ государствъ составили исключеніе: зато въ Австріи его права стояли въ прежнихъ условіяхъ, и для обоихъ правительствъ — австрійскаго и итальянскаго — ихъ обоюдное положеніе было совершенно ясно и опредѣленно.



Викторъ-Эммануилъ, король Итальянскій.
Съ гравюры Мецмахера, 1859 г.

Римскій вопросъ.

Объединеніе чрезвычайно легко далось Итальянскому королевству; единственной трудностью оказывался теперь для него *Римскій вопросъ.*

Онъ былъ тѣмъ болѣе труденъ и опасенъ, что папская власть обладала, такъ сказать, удвоенною силой, потому что за нее было католичество всего міра, и особенно потому, что это ставило въ затруднительное положеніе императора Французовъ, который былъ дружественно расположенъ къ Италіи, и въ то же время долженъ былъ оказывать уваженіе клерикаламъ. Умъ и находчивость Кавура также ничего бы не подѣлали съ католической Церковью, для которой не могло имѣть значенія его заманчивое выраженіе: «свободная Церковь въ свободномъ государствѣ». Умирая (въ 1861 г.), онъ повторялъ его монаху, напутствовавшему его на смертномъ одрѣ. Но какая же это «свободная» Церковь, если она стремится только властвовать надъ принадлежащими къ ней людьми и ихъ душою, или, вѣрнѣе, поработить ихъ? Министры, продолжавшіе дѣло, начатое Кавуромъ,—Рикасоли, Раттацци и Фарини, ничего не добились по этому вопросу, потому что на всѣ попытки, клонившіяся къ примиренію съ «за-альпійскимъ» королевствомъ, папа отвѣчалъ своимъ непоколебимымъ: «Non possumus» (не можемъ). Въ то же время и для итальянскаго правительства не представлялось возможнымъ нарушить права Рима, какъ настоящей (и даже *будущей*) столицы Италіи. Лѣтомъ 1862 г. Гарибальди на свой собственный страхъ осуществилъ свою дерзновенную попытку рѣшить этотъ вопросъ съ помощью военной силы; онъ оставилъ свой островъ и въ окрестностяхъ Палермо собралъ своихъ добровольцевъ. Но революція уже была подавлена, а его ополченіе, едва высадившись на материкъ, было встрѣчено королевскими войсками при Аспромонте. Гарибальди былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Итальянскому правительству предстояло столько трудныхъ задачъ, что даже этотъ важнѣйшій для него вопросъ ему пришлось нѣсколько отложить: его рѣшеніе послѣдовало само собою тогда, когда былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о составѣ Германской имперіи, которая получила новое государственное устройство. Его повлекло за собою, собственно говоря, весьма незначительное для Италіи событіе, случившееся въ концѣ 1863 года. Но прежде, чѣмъ приступить къ нему, посмотримъ, какіе перевороты (изъ которыхъ первымъ былъ итальянскій) повлекло за собою въ Европѣ событіе 1859—1860 года.

3. Европейскія государства съ 1859 по 1863 г.

Пиринейскій полуостровъ.

Изъ этого обзора мы можемъ изъять *Испанію* и *Португалію*. Первая въ октябрѣ 1859 г. начала войну съ сѣверо-африканскими марокканскими племенами и благополучно заключила съ *Марокканскимъ* государствомъ *Тетуанскій миръ*, въ апрѣлѣ 1860 г. Волненіе въ феодальныхъ сферахъ, перемѣны министерствъ и, наконецъ, карлистское движеніе,—все это не миновало и Испанцевъ за этотъ краткій періодъ. Къ государственному перевороту въ Италіи королева Изабелла отнеслась неособенно благосклонно. Чѣмъ расшатаннѣе становилось ея собственное правленіе, тѣмъ болѣе предавалась она благочестію, какъ ярая католичка. Въ Португаліи же, напротивъ того, съ воцареніемъ Домъ-Луиса,—11-го ноября 1861 г.,—дѣла пошли независимѣе и въ слѣдующемъ же 1862 г. юный

король сочетался бракомъ съ дочерью короля Виктора-Эммануила, который находился въ изгнаніи.

Послѣдствія войны. Англія.

Событія въ Италіи имѣли потому особенно важное значеніе, что служили явнымъ доказательствомъ того, какую силу представляетъ собой національное чувство. Чѣмъ больше или меньше было его въ населеніи того или другого государства, тѣмъ сильнѣе или слабѣе отзывались на немъ тѣ или другія событія. Англія, въ этомъ отношеніи, могла считать себя вполнѣ обезпеченной отъ тревогъ: на Ирландію, какъ на страну папистовъ, не могли имѣть вліянія случайныя анти-католическія событія въ Италіи. Англійскому народу эти событія были безусловно симпатичны, какъ не требующія отъ него непосредственной жертвы. Въ Англіи возбудило только нѣкоторую тревогу то обстоятельство, что Наполеонъ (судя по присоединенію Савойи и Ниццы, которое онъ называлъ «*возвратомъ*»), до нѣкоторой степени пошелъ по тому же пути, какъ и его дядя. Но тамъ господствовало неособенно воинственное настроеніе. *Швейцаріи*, нейтралитету которой, до нѣкоторой степени, угрожало это сліяніе, такъ какъ актами Вѣнскаго конгресса два савойскихъ округа, сдѣлавшіеся теперь французскими, были объявлены нейтральными, тѣми же актами было обѣщано право, въ случаѣ войны, занять ихъ войсками; но, въ такомъ случаѣ, она не могла разсчитывать ни на чью помощь, даже со стороны Англіи. *Бельгія* и *Голландія* также прекрасно сдѣлали, что не понадѣялись на нее. Между тѣмъ, вслѣдствіе вышесказанныхъ событій, Англичане обратили вниманіе на недостаточность своихъ собственныхъ средствъ для веденія войны. Даже самъ лордъ Пальмерстонъ, который былъ дружественно настроенъ и неоднократно доказывалъ свое расположеніе къ королю Французскому, и тотъ мотивировалъ свой 11-милліонный заемъ въ іюлѣ 1860 г. необходимостью обороны отъ «воинственнаго сосѣда». Вслѣдствіе такой недовѣрчивости къ Французамъ, возникла въ Англіи цѣлая армія добровольцевъ, военное умѣнье которыхъ пока еще оставалось неиспытаннымъ на дѣлѣ.

Положеніе Наполеона съ 1859 г.

Наполеонъ, съ своей стороны, старался противодѣйствовать этому недовѣрію свободнымъ направленіемъ своей торговой политики. Вскорѣ состоялся, въ 1860 г., его торговый договоръ съ Англіей, за который англійскіе торговцы, — и не безъ основанія, — превозносили его. Со стороны Нѣмцевъ, которые дѣйствительно могли имѣть опасенія при видѣ неожиданно заключеннаго мира, Наполеонъ также старался оградить себя отъ нареканій, выказывая намѣренія самаго успокоительнаго свойства, приведшія, наконецъ, къ свиданію въ Баденъ-Баденѣ (въ іюнѣ того же года) императора Французовъ съ принцемъ-регентомъ Пруссіи и многими другими германскими государями. На личныя условія Наполеона внутри его владѣній благотворно подѣйствовала побѣдоносно законченная война, доставившая Французамъ еще двѣ блестящихъ побѣды, при Маджентѣ и при Сольферино и, что еще болѣе долженъ былъ цѣнить народъ со стороны своего государя,—своевременное прекращеніе военныхъ дѣйствій. Послѣ побѣды, онъ даровалъ амнистію, которая, однако, была встрѣчена злобными высиреннимп возраженіями со стороны вождей враждебно настроенныхъ партій въ иностранныхъ владѣніяхъ, гдѣ ихъ послѣдователи нахо-

дились въ безопасности. Эти великіе люди озлобились теперь еще того больше на «измѣнника 2 декабря», который доказалъ имъ, что онъ далеко не такъ простоватъ, какъ они воображали, или дѣлали видъ, что воображаютъ. Положеніе Наполеона было тяжелое и полное противорѣчій. Онъ былъ одновременно наслѣдникомъ престола и укротителемъ революціи, и въ положеніи его относительно событій 1859 и 1860 гг. выступила наружу эта двойственность и связанныя съ нею противорѣчія. Въ качествѣ перваго,—т. е. наслѣдника престола,—Наполеонъ помогалъ дѣлу революціи въ Италіи и даже поднялъ ее; онъ не препятствовалъ итальянской народной партіи нарушить Вилла-франкскій договоръ, завладѣть Неаполемъ и половиной церковныхъ владѣній; — и онъ же принужденъ былъ охранять Римъ отъ ихъ притязаній, потому что не могъ обойтись безъ клерикальной партіи, а благодаря ей и безъ папы. Довольно искусно онъ съумѣлъ придать этимъ противорѣчіямъ видъ посреднической, умѣренной политики, которая имѣла у Итальянцевъ нѣкоторый успѣхъ. Наполеонъ былъ настолько уменъ, что ясно видѣлъ, въ какой именно мѣрѣ могъ разсчитывать на клерикаловъ, какъ на надежную опору, и потому сдѣлалъ нѣкоторыя уступки парламентской системѣ, допустивъ, чтобы впредь сенатъ и законодательныя учрежденія отвѣчали на тронныя рѣчи государей адресами, при обсужденіи которыхъ правительственные комиссары давали необходимыя разъясненія по внутренней или внѣшней политикѣ. Законодательному корпусу, также, былъ разрѣшенъ нѣкоторый финансовый контроль и даже прессѣ была предоставлена бо́льшая свобода дѣйствій. Уяснить себѣ вполнѣ положеніе французскихъ финансовъ было бы весьма трудно, такъ какъ оптимистическіе взгляды на нихъ сильно противорѣчили пессимистическимъ,— и наоборотъ. Благосостояніе страны видимо увеличивалось, а министрамъ безъ портфеля,—которымъ приходилось быть представителями палатъ въ качествѣ «министровъ-ораторовъ»,— являлась, такимъ образомъ, полная свобода и даже необходимость сыпать цвѣтами своего краснорѣчія, не щадя красокъ, чтобы придать имъ благопріятный оттѣнокъ въ глазахъ своей страны и всей Европы. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы неудачныя предпріятія представить весьма выгодными и успѣшными, и въ высшей степени исполненными духомъ патріотизма.



Ежэнъ Руэ (Rouher).
Съ портрета.

Вліяніе націонализма.

Въ маѣ 1863 г. законодательный корпусъ окончилъ свои засѣданія. Противъ 249 правительственныхъ кандидатовъ новые выборы выставили

лишь 34, которые были выбраны помимо воли первыхъ; но въ числѣ этихъ 34-хъ былъ и Тьеръ, избранный въ Парижѣ, гдѣ главнымъ образомъ выбирали кандидатовъ оппозиціи. Французскій императоръ созвалъ новое министерство, во главѣ котораго сталъ въ октябрѣ того же года самый опытный и самый значительный изъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей-бонапартистовъ, — Ежэнъ *Руэ*. На этотъ разъ, въ тронной рѣчи императора главнымъ образомъ и съ особеннымъ значеніемъ говорилось объ одномъ обстоятельствѣ, которое было въ тѣсной связи съ побѣдоноснымъ значеніемъ идеи національности, съ *польскими* дѣлами.

Восточныя земли. Турція.

Самымъ важнымъ послѣдствіемъ итальянскаго переворота было возрожденіе этихъ событій въ Польшѣ; но и въ другихъ восточныхъ государствахъ онъ имѣлъ значительныя послѣдствія. Изъ числа ихъ наиболѣе опасности представлялъ принципъ національности для *Турціи*, такъ же, какъ и для Австріи. Европейскимъ государствамъ пришлось, въ 1860 г., двинуть военныя силы въ Сирію, вслѣдствіе давнишней вражды Друзовъ (магометанъ) и Маронитовъ (христіанъ), обитателей Ливана, которые довели эту вражду до рѣзни, и жертвами ея оказались христіане. Слѣдствіемъ ея было вторженіе въ сирійскія владѣнія Порты и Франціи, въ видѣ 6,000 чел. войска. Вслѣдствіе же Парижскаго мира въ обоихъ *придунайскихъ государствахъ*,—въ Молдавіи и Валахіи,—пошло на ладъ дѣло ихъ объединенія, въ которомъ имъ тайно помогали Россія и Франція. Въ то время дворянство Западной Европы, даже и въ такихъ центрахъ, какъ Вѣна и Парижъ, было неособенно образованно и ощущало потребность въ болѣе широкомъ развитіи, стремясь, въ то же время, и къ болѣе видной роли въ государствѣ. Нѣкоторое время, впрочемъ, еще держался Парижскій миръ, а вмѣстѣ съ нимъ и раздѣльность Молдавіи и Валахіи. Однако, въ началѣ 1859 г. въ народномъ собраніи въ Яссахъ, а затѣмъ и въ Бухарестѣ, былъ избранъ господаремъ *Александръ Куза*, а въ ноябрѣ того же года, на самыхъ либеральныхъ началахъ, произошло и окончательное сліяніе обоихъ господарствъ въ одно цѣлое подъ общимъ названіемъ *Румыніи*. Это новое государство занимало поверхность въ 2,000 кв. миль съ населеніемъ въ 4,000,000 чел.,—число настолько почтенное, что Портѣ поневолѣ пришлось признать его независимость въ фирманѣ, выданномъ въ декабрѣ 1861 г., съ оговоркой, однако, что фирманъ этотъ дѣйствителенъ лишь по моментъ смерти Александра Кузы. Одновременно съ Румыніей, еще не мало безпокойствъ причиняло Портѣ христіанское населеніе Сербіи, Босніи и Черногоріи; но эти безпокойства не имѣютъ историческаго значенія, какъ не имѣло значенія греческое возстаніе, свергнувшее безплодную баварскую династію, въ лицѣ короля *Греціи*, Оттона I, въ 1862 году. Національныя стремленья, какъ ни былъ силенъ духъ греческаго народа, были однако направлены не въ ту сторону, куда было бы желательно и полезно для государства, и потому не достигли цѣли; главная же вина королевскаго управленія была въ томъ, что оно не доводило до конца завоеваній и расширеній границъ государства, какія были бы желательны для греческаго честолюбія. Довольно долго искали державы замѣстителя Оттону, и наконецъ выборъ ихъ остановился на несовершеннолѣтнемъ Датскомъ принцѣ Вильгельмѣ. Въ

сопровожденіи воспитателя и наставника своего, графа Спонека, юный принцъ высадился въ Аѳинахъ 31 октября 1863 г. и, какъ король Греціи, принялъ имя *Георгіоса I.* Не съ пустыми руками вступилъ онъ на берегъ своей новой отчизны: онъ принесъ ей въ даръ *Іоническіе острова*, которые были ему дарованы Вѣнскимъ договоромъ и отъ которыхъ Англія добровольно отказалась.

Россія съ 1857 г.

Во внѣшней политикѣ *Россіи*, по отношенію къ Западной Европѣ, со времени Крымской войны, не произошло за это время ничего выдающагося; но нельзя сказать того же по отношенію къ политикѣ Россіи на дальнемъ и ближайшемъ ея азіятскомъ Востокѣ. Здѣсь, прежде всего, укажемъ на пріобрѣтеніе обширнаго *Амурскаго края*, которымъ Россія обязана Муравьеву, генералъ-губернатору Восточной Сибири. Но прежде, чѣмъ опредѣлить значеніе этого важнаго пріобрѣтенія, припомнимъ вкратцѣ исторію всей колонизаціи Сибири Россіею, со времени завоеванія небольшого «Сибирскаго царства» Ермакомъ. Уже въ концѣ XVI вѣка, въ царствованіе Бориса Годунова, борьба съ сибирскими инородцами прекратилась, и въ началѣ XVII вѣка Московскіе цари безпрепятственно строили городки и маленькія укрѣпленія (острожки) по Сибирскимъ рѣкамъ, высылали въ Сибирь поселенцевъ, давая имъ льготы, снабжая ихъ конями и земледѣльческими орудіями, съ тѣмъ, чтобы они заводили тамъ новыя поселья и занимались земледѣліемъ. Одновременно съ этой колонизаціей пріобрѣтенной территоріи, продолжались дальнѣйшіе поиски и изслѣдованія мѣстности на востокъ отъ Сибирскаго царства. Всѣ эти поиски и весьма цѣнныя географическія открытія были



Государь императоръ Александръ II.
Писалъ и литографировалъ А. Колеттъ.

произведены сибирскими казаками, которые съ поразительною смѣлостью, маленькими партіями, проникали въ непроходимую глушь сибирскихъ лѣсовъ и трущобъ, покоряли Московскимъ царямъ племена инородцевъ и собирали съ нихъ въ царскую казну дань драгоцѣнными мѣхами. Съ 1640 года русскія села явились на Ленѣ и въ Сибири было распространено христіанство; сорокъ лѣтъ спустя казаки уже утвердились на Амурѣ и построили здѣсь городокъ Албазинъ, который много лѣтъ сряду геройски защищали отъ нападенія Китайцевъ. Но, по неосмотрительности правительницы Софьи (или, вѣрнѣе сказать, ея уполномоченнаго посла), городокъ былъ уступленъ Китаю; а между тѣмъ и вся остальная (Восточная) Сибирь, не исключая Камчатки, вошла въ составъ владѣній обширнаго Московскаго государства. Отчасти, постепенно возрастающее могущество и значеніе Россіи въ Азіи, отчасти и самыя событія послѣдней (Восточной) войны, вынудили Россію искать себѣ болѣе прочнаго и болѣе выгоднаго положенія на азіятскомъ Востокѣ—искать новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній на берегахъ Восточнаго океана. Владѣя верховьями и большею частью средняго теченія Амура, Россія видѣла необходимость—владѣть и устьями этой важной рѣки, и вотъ эту-то политическую и дипломатическую миссію удалось чрезвычайно умно и ловко выполнить Муравьеву. По трактату, заключенному имъ съ Китаемъ въ *Айгунѣ*, въ 1857 г., весь при-Амурскій край, безъ малѣйшаго кровопролитія, былъ уступленъ Китаемъ Россіи; а три года спустя, въ 1860 г., по Пекинскому



Графъ Муравьевъ-Амурскій.

трактату, пріобрѣтенъ былъ и *Уссурійскій край*, при чемъ Россія твердою ногою стала на берегахъ Японскаго моря и русскія приморскія владѣнія распространились почти до самой Кореи. За столь важныя услуги, оказанныя Россіи, Муравьевъ былъ возведенъ въ графское достоинство, и къ фамиліи его присоединено прозваніе «Амурскій».



Фельмаршалъ кн. А. И. Барятинскій.

Два года спустя, послѣ заключенія Айгунскаго договора, была окончательно покорена Россіею и другая богатѣйшая страна—*Кавказъ*, гдѣ въ теченіе 65 лѣтъ, со временъ Екатерины II, велась упорная борьба съ независимыми горскими племенами. Съ самаго начала XIX в., горцы принимали участіе во всѣхъ войнахъ Персіи и Турціи противъ Россіи; а затѣмъ, въ царствованіе императора Николая I, въ горахъ Кавказа проявилось сильное религіозное движеніе (мюридизмъ), соединившее разрозненныя племена горцевъ подъ начальствомъ храбраго и предпріимчиваго имама (духовнаго вождя) *Шамиля*; и ожесточенная борьба съ ними не прекращалась, хотя русскіе постепенно продвигали все далѣе свои укрѣпленныя позиціи, прокладывали внутрь страны новые пути и расширяли сферу своего вліянія. Особенно много, въ этомъ смыслѣ, сдѣлано было генераломъ А. П. Ермоловымъ. Шамиль однакоже упорно велъ борьбу съ русскими войсками въ Закавказьѣ, и особенно вредилъ Россіи своими дѣйствіями во время Крымской войны. Вотъ почему, тотчасъ по окончаніи ея, императоръ Александръ II рѣшился во что бы то ни стало—покорить горцевъ и подчинить ихъ русскому владычеству. Эта трудная задача поручена была князю *Барятинскому*, издавна извѣстному своимъ мужествомъ и опытностью въ войнѣ съ кавказскими горцами. Подъ его начальствомъ главныя усилія кавказской арміи были направлены на завоеванія самой дикой части восточнаго Кавказа — Чечни и Дагестана, гдѣ русскимъ войскамъ приходилось преодолѣвать величайшія препят-



Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

ствія, представляемыя кавказской горной природой, и въ то же время вести отчаянную борьбу съ горцами. Мало-по-малу, однакоже, бо́льшая часть горскихъ племенъ покорилось Россіи, и наконецъ Шамиль, съ небольшою горстью своихъ приверженцевъ, долженъ былъ искать себѣ убѣжища на самой восточной окраинѣ Дагестана. Но и здѣсь русскія войска его настигли, овладѣли его неприступнымъ Гунибомъ и вынудили къ сдачѣ (1859 г.); а императоръ Александръ II принялъ милостиво этого заклятаго врага Россіи, далъ ему пожизненную пенсію и дозволилъ ему поселиться съ семействомъ въ Калугѣ.

Не менѣе затруднительно было и завоеваніе западной части Кавказа, въ которой горскія племена получали постоянную поддержку со стороны Турціи и Англіи, которыя, пользуясь тѣмъ, что у Россіи не было военнаго флота на Черномъ морѣ, подвозили горцамъ на корабляхъ порохъ, оружіе, всякіе военные запасы и подсылали людей, способныхъ руководить военными дѣйствіями горцевъ. Въ этой части Кавказа главное начальство надъ русскими войсками было поручено генералу *Евдокимову*, который, послѣ долгой борьбы, наконецъ сломилъ упорство горцевъ. Весною 1864 г. послѣдніе остатки воинственнаго горскаго племени отчасти подчинились русскому владычеству, отчасти выселились въ Турцію — и вся страна въ такой степени прочно вошла въ составъ владѣній Россійской Имперіи, что намѣстникомъ Кавказа могъ быть назначенъ *Великій Князь Михаилъ Николаевичъ*.

Внутренняя политика Александра II. Освобожденіе крестьянъ и реформы.

Въ то время, когда эти важныя пріобрѣтенья въ Азіи расширяли предѣлы Россіи и значительно измѣняли ея границы извнѣ, внутри ея, по волѣ императора Александра II, совершался цѣлый рядъ задуманныхъ имъ гуманныхъ и либеральныхъ преобразованій. Первое и важнѣйшее изъ всѣхъ обнародовано было въ манифестѣ 19-го февраля 1861 года. То было: *освобожденіе крестьянъ*, при которомъ они получали не только личную свободу, но и земельную собственность—надѣлъ землею, которую они должны были, при помощи правительства, выкупить у помѣщиковъ. На протяженіи 350,000 кв. миль, изъ числа населявшихъ ихъ 70.000,000 человѣкъ, до 22.000,000 чел. были крѣпостными, и теперь получили



Великій князь Константинъ Николаевичъ.

свободу и значеніе гражданъ. «Положеніемъ объ устройствѣ крестьянъ» было дано новое устройство крестьянскимъ общинамъ и самимъ крестьянамъ было предоставлено право рѣшать всѣ дѣла, касающіяся ихъ сельской жизни. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ произведены были важныя преобразованія во внутреннемъ устройствѣ губерній, путемъ введенія *земскихъ учрежденій* и *городского самоуправленія*, и одновременно съ этими реформами, въ томъ же 1864 г., введенъ новый *гласный судъ*, съ присяжными засѣдателями, и *мировые суды*. Именно въ то время, когда Россія такъ быстро выступила на путь прогресса, на западной окраинѣ ея вновь возникъ призракъ польскихъ притязаній на возстановленіе «прежней Польши» и въ «прежнихъ предѣлахъ». Напрасно пытался императоръ Александръ II образумить Поляковъ гуманнымъ отношеніемъ къ ихъ нуждамъ и заботами о ихъ благосостояніи. Въ доказательство своего расположенія и довѣрія къ Полякамъ, государь прислалъ намѣстникомъ въ Царство Польское своего родного брата, великаго князя *Константина Николаевича*, а во главѣ всего гражданскаго управленія поставилъ природнаго поляка, маркиза *Вельопольскаго*. Но Поляки болѣе довѣряли подстрекательствамъ польскихъ эмигрантовъ, которые обнадеживали ихъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ и заступничествомъ Европы, въ случаѣ, если бы Поляки вздумали возстать противъ русскаго владычества. Образовались тайные

Польскія смуты.

революціонные кружки, которые во многихъ мѣстахъ привели къ открытому мятежу и вынудили русское правительство къ объявленію края на военномъ положеніи. Вожаки возстанія пытались поднять народъ противъ правительства, но это имъ положительно неудалось, точно такъ же, какъ и надежды ихъ на полученіе помощи отъ Европы разлетѣлись прахомъ. Когда въ январѣ 1863 г. возстаніе шляхты, вспомоществуемой богатыми панами и духовенствомъ, проявилось открыто и правительство стало подавлять это возстаніе вооруженною силою, Австрія, Франція и Англія попытались было вмѣшаться въ отношенія Россіи къ Польшѣ; но ограничились только дипломатическими нотами. Это вызвало весьма естественно общій взрывъ негодованія въ Россіи, и министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, по волѣ императора, отвѣчалъ западнымъ державамъ такою энергическою нотою, которая сразу отбила у нихъ охоту ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Россіи. Мятежъ былъ вскорѣ подавленъ военною силою въ Царствѣ Польскомъ и мѣрами строгости въ Западномъ краѣ, гдѣ виленскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ М. Н. Муравьевъ съ весьма большими полномочіями. Вскорѣ послѣ того, правительствомъ былъ принятъ цѣлый рядъ весьма разумныхъ мѣръ, ради обезпеченія края отъ повторенія подобныхъ же волненій на будущее время. Съ этою цѣлью, всѣ отдѣльныя еще сохранившіяся въ Царствѣ Польскомъ правительственныя учрежденія были упразднены, и всѣ внѣшніе признаки самостоятельности прежней Польши изглажены. Уничтожено было на официальномъ языкѣ даже и наименованіе «Царства Польскаго», и губерніи, входившія въ составъ его, получили названіе «при-вислянскихъ»; въ самомъ внутреннемъ устройствѣ этихъ губерній произведены были значительныя преобразованія, и онѣ, во многихъ отношеніяхъ, приравнены къ устройству остальныхъ губерній Россійской Имперіи. Трудная работа этого приравненія



Генералъ-адъютантъ М. Н. Муравьевъ.

возложена была на такъ-называемый «учредительный комитетъ», во главѣ котораго были поставлены лично извѣстные императору Александру II дѣятели; изъ нихъ особенно выдѣляются князь *Черкасскій* и *И. А. Милютинъ*, особенно много потрудившіеся здѣсь по устройству и улаженію весьма запутанныхъ отношеній между мѣстными помѣщиками и крестьянами. Нельзя однакоже не замѣтить, что самый чувствительный ударъ всякимъ дальнѣйшимъ польскимъ попыткамъ къ возстанію былъ положенъ именно тѣмъ, что польскіе крестьяне получили свободу и были надѣлены землею по волѣ императора Александра, наравнѣ со всѣми русскими крестьянами.



Князь Черкасскій.

4. Германія.

Германія съ 1859 г. Австрія. Послѣдствія войны.

Наиболѣе непосредственное и сильное вліяніе оказалъ итальянскій переворотъ на *Австрію*, побѣжденную въ 1859—1860 г. Нравственное, фактическое и финансовое пораженіе Австріи болѣзненно отразилось на всѣхъ слояхъ ея общества. Деморализація была повсемѣстна и очень сильна. Такимъ шаткимъ положеніемъ Австріи поспѣшили воспользоваться зависимыя отъ нея земли, и первою возмутилась *Венгрія*. Императорскій патентъ (сент. 1859 г.), который, повидимому, былъ написанъ въ либеральномъ духѣ и разрѣшалъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, возбудилъ здѣсь подозрѣнія и противодѣйствіе, потому что подтверждалъ права, уже давно данныя. Австрійцы заблуждались, считая Венгрію за одну изъ своихъ провинцій, тогда какъ она не только не считала себя австрійской провинціей, но еще требовала отъ имперіи утвержденія своихъ старыхъ законовъ, равно какъ и постановленій 1848 года.

Императорскій патентъ 1860 г.

Въ то время, какъ поднялись смуты въ Венгріи, и въ другихъ владѣніяхъ Австрійской имперіи было далеко не спокойно. Правительству приходилось принять рѣшительныя мѣры. И вотъ, смѣстивъ въ августѣ 1859 г. ненавистнаго народу министра Александра фонъ-Баха, императоръ обнародовалъ, 5 марта 1860 г., свой патентъ, которымъ созывался «*усиленный сеймъ*» въ Вѣну, куда должны были впредь являться представители народа. На этомъ сеймѣ впервые выяснилось, что еще далеко не рѣшена многотрудная задача: въ какой мѣрѣ единеніе имперіи съ отдѣльными ея частями и государствами существуетъ на дѣлѣ, въ чемъ вообще и въ частности оно заключается и, наконецъ, какъ могутъ согласоваться между собою «*федерализмъ*» и «*централизмъ*». Въ октябрѣ 1860 г. появился императорскій «*Дипломъ*», содержавшій въ себѣ основныя правила и статуты для отдѣльныхъ государствъ, главнымъ представителемъ интересовъ которыхъ (каждаго въ отдѣльности) являлся «государственный совѣтъ».

Венгрія.

Но Австрія вынуждена была сдѣлать Венгріи бо́льшія уступки: у этого зависимаго государства явились теперь совершенно самостоятельныя, независимыя отъ Австрійской имперіи, высшія должностныя лица и учрежденія. Такъ, напримѣръ: «собранія комитатовъ» (Komitatsversammlungen); особый государственный канцлеръ; возстановленіе венгерскаго языка, какъ служебнаго, для документовъ и судоговореній,—все это было крупнымъ шагомъ впередъ къ возвращенію Венгріи ея прежней самостоятельности. Венгры хорошо сознавали слабость императорскаго дома и твердо настаивали на своихъ правахъ:—на прагматической санкціи 1723 г. и на законахъ 1848 г. Видя неизбѣжность какого-бы-то ни было окончательнаго рѣшенія въ официальной формѣ, императоръ созвалъ сеймъ въ Буда-Пештѣ, въ февралѣ 1861 года, на которомъ взяла верхъ сравнительно умѣренно-настроенная партія въ лицѣ представителя своего *Франца Деака*. Въ формѣ «*адреса*» (а не въ видѣ «*постановленія сейма*») ему удалось высказать императору требованія о признаніи правъ, дарованныхъ Венгріи закономъ 1848 г. Однако, въ то же время, тотъ же самый сеймъ «*постановилъ*» отнюдь не признавать Франца-Іосифа своимъ королемъ, пока онъ не допуститъ депутатовъ Кроаціи и Славоніи (которыя были теперь отдѣльными землями) представительствовать на венгерскомъ сеймѣ.

Министерство Шмерлинга. Февральская конституція 1861.

Правительство еще разъ попробовало уклониться отъ окончательной уступки конституціи и парламентскихъ правъ Венгріи. Въ декабрѣ 1860 г., вмѣсто поляка Голуховскаго, былъ назначенъ нѣмецъ-либералъ, бывшій министръ во Франкфуртѣ, Антонъ фонъ-*Шмерлингъ*, который усердно предался своей задачѣ слить во-едино, посредствомъ «*соединенной государственной конституціи*» (Gesammtstaatsverfassung), всѣ австрійскія владѣнія. Это рѣшеніе и было обнародовано 26 февраля 1861 г. «*Палата господъ*» состояла изъ представителей высшихъ слоевъ духовенства и дворянъ; «*палата депутатовъ*»—изъ членовъ сейма; обѣ вмѣстѣ составляли такъ-называемый «*Государственный Совѣтъ*». Въ *ограниченномъ* составѣ его заключалось лишь 213 депутатовъ цислейтанскихъ земель; въ *неограниченномъ* — къ этимъ 213 депутатамъ присоединялось еще

9 кроатскихъ, 26 трансильванскихъ и 85 венгерскихъ представителей транслейтанскихъ земель. Эта *февральская конституція* встрѣтила сначала болѣе или менѣе сильное противодѣйствіе въ различныхъ государствахъ. О Венеціи упоминать не приходится; но оно проявилось и въ Тиролѣ, и въ Богеміи, и въ Галиціи. Въ одной мѣстности его двигателемъ была преданность папизму; въ другой—упорный національнзмъ, или же, наконецъ, федеральныя воззрѣнія, при которыхъ Австрія могла казаться лишь коалиціей отдѣльныхъ, независимыхъ земель. Какъ бы то ни было, 1 мая того же 1861 г., засѣданіе «Государственнаго Совѣта» было открыто тронною рѣчью императора, въ которой онъ указалъ на необходимость рѣшенія этого, тѣмъ болѣе настоятельнаго вопроса, что онъ представлялъ чрезвычайныя трудности.

Венгерскій и другіе вопросы.

Однако и Венгрія сама находилась въ затруднительномъ положеніи; такъ, она, подобно Австріи, состояла изъ отдѣльныхъ частей, которыя твердо отстаивали свою независимость; словомъ, относились къ ней такъ же точно, какъ она сама—къ Австріи. Кроатскій сеймъ въ Аграмѣ постановилъ: держаться на сторонѣ не венгерскаго государственнаго совѣта (или сейма), а на сторонѣ три-единаго, Далматско-Кроатско-Славонскаго королевства; о ихъ же мнѣніи ничего, въ свою очередь, знать не хотѣлъ особый *далматскій* сеймъ. Дѣло было очень близко къ кровавой развязкѣ, и вѣнскій государственный совѣтъ достигъ лишь одного мирнаго результата: сеймъ въ Трансильваніи предпринялъ выборы 10 октября 1863 г., соотвѣтственно февральскому патенту. 20-го числа его выборные (числомъ 26 человѣкъ) заняли мѣсто въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ, который впервые подписалъ свои финансовыя постановленія громкою фразой: «съ согласія обѣихъ Палатъ нашего Государственнаго Совѣта». Въ наружномъ единеніи и торжественности не было недостатка, а министры и депутаты придерживались исключительно конституціоннаго направленія; имѣлся даже въ виду законъ объ отвѣтственности министровъ. По закрытіи совѣта, было собраніе сеймовъ и парламентское управленіе снова дѣятельно принялось за работу, которая закипѣла во всѣхъ концахъ нѣкогда мирной имперіи. Но сначала она мало принесла пользы. Вопросы: итальянскій, венгерскій, польскій и богемскій все еще оставались неразрѣшенными, и потому всеобщее удивленіе возбудило рѣшительное вмѣшательство императора Франца-Іосифа въ главный изъ нихъ,—вопросъ объ *единствѣ* и о *союзной реформѣ Германіи*.

Германія послѣ договора въ Виллафранкѣ.

Выдающійся, по своему уму, французскій дѣятель Тьеръ заранѣе еще предсказалъ, что объединеніе Италіи неизбѣжно повлечетъ за собою и объединеніе Германіи. Онъ подмѣтилъ большое сходство между положеніемъ Сардиніи, крупнѣйшей части Италіи, и Пруссіей—въ Германіи—котораго не замѣчала германская публика. Вопросъ о германской конституціи оказывался тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что въ кризисѣ 1859 г. рѣзко выступила на видъ рознь между Пруссіей и Австріей, которая проявлялась еще въ 1849 г. Извѣстіе о Виллафранкскомъ договорѣ повлекло за собою основаніе въ Эйзенахѣ «*Національнаго Собранія*» (Nationalverein), на которое особенно повліялъ ганноверскій депутатъ Рудольфъ фонъ-Беннигсенъ. Въ программѣ его ясно высказывалось убѣж-

деніе, что пора Германіи объединиться, сосредоточивъ власть свою въ общемъ «національномъ» собраніи, а слѣдовательно и представительствѣ. Большую пользу принесло развитію этого государственнаго учрежденія празднованіе столѣтняго юбилея Шиллера, 10 ноября 1859 года: оно особенно оживило духъ народнаго самосознанія и еще болѣе возбудило недовѣріе австрійскаго правительства.

Отдѣльныя нѣмецкія государства.

Что касается исторіи отдѣльныхъ германскихъ государствъ, то необходимо замѣтить, что при Сольферино потерпѣла пораженіе не только Австрія, но и германская реакція вообще. Реакція потерпѣла значительныя пораженія и въ послѣдующіе годы потому, что къ политическимъ интересамъ примѣшались теперь и религіозные. Въ *Вюртембергѣ* былъ заключенъ съ Церковью *конкордатъ*, вызвавшій въ этой исключительно протестантской землѣ горячіе споры и возраженія; такъ что въ Нижней палатѣ постановлено было, наконецъ,—въ мартѣ 1861 года,—чтобы правительство рѣшало вопросы, касавшіеся католической Церкви, на основаніи *постановленій сейма*. При всемъ томъ, у кормила правленія при королѣ Вильгельмѣ стоялъ, попрежнему, министръ-реакціонеръ фонъ-Линденъ, выразившійся такъ (въ маѣ 1862 г.) въ своей рѣчи на открытіи засѣданій палаты: «Твердо рѣшено приступить къ переговорамъ насчетъ положительныхъ предложеній о союзной реформѣ». Но это могло еще долго продлиться; а между тѣмъ народный духъ,—который былъ въ то же время и либеральнымъ (такъ какъ стремленіе къ свободѣ непремѣнно основано на любви къ родинѣ),—одержалъ въ *Баденѣ* полную побѣду, благодаря великому герцогу *Фридриху*, который, съ полнымъ убѣжденіемъ (какъ и эрцгерцогъ Эрнстъ Кобургскій), обратился въ образцоваго конституціоннаго государя. Римскій конкордатъ, заключенный въ 1859 г., былъ здѣсь (какъ и въ Вюртембергѣ), отвергнутъ, а упрямство партіи ультрамонтановъ еще болѣе укрѣпило правительство въ его національной политикѣ, достойнымъ представителемъ которой явился графъ фонъ-*Роггенбахъ*, — человѣкъ умный и энергичный. Въ февралѣ 1863 г. запрещены были игорные дома въ Баденъ-Баденѣ, что, несомнѣнно, слѣдуетъ считать похвальнымъ поступкомъ со стороны великогерцогскаго управленія. Неудачное и неумѣлое управленіе Фридриха-Вильгельма *Гессенскаго* до нѣкоторой степени было теперь ограничено. Населеніе же строго придерживалось законовъ 1831 г.; а въ маѣ 1860 г. курфюрстъ издалъ новые. Но неоднократные выборы дали въ результатѣ лишь несогласіе обѣихъ палатъ, не расходившихся только въ одномъ мнѣніи: придерживаться законовъ 1831 года. Палаты остальныхъ германскихъ государствъ поддерживали это мнѣніе, и прусское правительство, которое было вѣрно словамъ регента, что «весь свѣтъ долженъ узнать, что Пруссія готова повсюду защищать законныя права», — также раздѣляло его. Когда же курфюрстъ принялъ прусскаго посла не съ должнымъ почетомъ, Пруссія мобилизировала два военныхъ корпуса. Тогда Австрія и союзники увидали, что дѣло становится серьезно, и порѣшили, въ силу Австро-Прусскаго договора, требовать возстановленія законовъ 1831 г. Такимъ образомъ, упрямство тирана было сломлено: онъ распустилъ свое министерство и возстановилъ прежнюю конституцію (въ 1862 г.). Пришлось, однако, еще

разъ угрожающею нотой поддержать его въ томъ же направленіи, которое теперь поддерживалось и Австріей; а съ 1863 года въ Касселѣ уже соблюдался снова закономъ установленный бюджетъ. Было бы излишне подробно разсматривать борьбу противорѣчій въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ; скажемъ только, что повсемѣстно—въ Баваріи, Ганноверѣ, Саксоніи, Нассау и Гессенѣ—національной партіи противодѣйствовала партія партикуляристовъ и реакціонеровъ. Иногда прорывалась наружу у послѣднихъ какая-нибудь глупость или необдуманность, какъ напримѣръ, сообщеніе ганноверскаго министра фонъ-Борриса, объявившаго въ палатѣ, что германскіе князья могли предвидѣть для себя необходимость взаимнаго внутренняго союза или даже союза съ *внѣшними державами*, въ виду того, что со стороны Пруссіи угрожало сосредоточеніе власти подъ видомъ національнаго единенія. Король, его повелитель, слѣпой *Георгъ V*, видѣлъ необходимость и выгоду лишь въ томъ, чтобы примкнуть къ той изъ державъ, которая окажется сильнѣе, чтобы тѣмъ самымъ подкрѣпить вліяніе своего дома, — дома Гвельфовъ, связи которыхъ все становились незначительнѣе и слабѣе. А между тѣмъ, приверженцамъ прусско-германскихъ идей,—т. е. единственной возможной формы преобразованія въ германскомъ народномъ государственномъ строѣ, — пришлось пережить тяжелое время. Въ томъ государствѣ, на которое они наиболѣе надѣялись, наступилъ кризисъ.

Пруссія. Организація арміи.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ кронпринца Прусскаго оказалось кормило правленія, политика *Пруссіи* стала яснѣе, опредѣленнѣе и твердо высказалась за крайнее ограниченіе народныхъ правъ союзнаго собранія во Франкфуртѣ, но въ то же время отстаивала тѣсный государственный союзъ, а слѣдовательно и объединеніе Германіи посредствомъ «*тѣснаго сліянія отдѣльныхъ государствъ*». Для того же, чтобы придать большую силу этой политикѣ, которая при данномъ положеніи дѣлъ была далеко не безопасна, регентъ предпринялъ новую *организацію арміи*. Опираясь на законы 1813 и 1814 г., эта мѣра дала въ результатѣ вмѣсто 40,000—63,000 чел. солдатскаго набора; продолжила вдвое (т. е. всего до 4 лѣтъ) срокъ двухгодичной службы въ резервѣ, а службу въ ополченіи (ландверъ), напротивъ, сократила. Тѣмъ самымъ послѣдняя мѣра представляла неоспоримую выгоду: при послѣдующихъ мобилизаціяхъ можно было ограничить призывной предѣльный возрастъ лишь 27-ю годами. Изъ-за вышепоименованныхъ мѣръ, цѣлесообразность которыхъ доказали на дѣлѣ военныя событія слѣдующаго десятилѣтія, завязалась долголѣтняя борьба, давшая лишь тотъ опредѣленный результатъ, что палата разрѣшила либеральному министерству произвести затраты на «приведеніе войска къ боевой готовности».

1861. † Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Вильгельмъ I.

2-го января 1861 г. скончался въ Санъ-Суси Фридрихъ-Вильгельмъ IV и на прусскій престолъ выступилъ *Вильгельмъ I*, царствовавшій съ 1861 по 1888 г.

Ему былъ въ то время уже шестьдесятъ шестой годъ и хотя въ эти годы естественнѣе было бы думать объ отдыхѣ, король Прусскій дѣятельно принялся за дѣла управленія, главнымъ изъ которыхъ онъ считалъ организацію войска. Его программа по германскому вопросу была

весьма проста: «Мои обязанности по отношенію къ Пруссіи совпадаютъ съ моими обязанностями къ Германіи», говорилъ онъ, и первѣйшею изъ



Король Прусскій Вильгельмъ I въ 1862 г.
Съ коронаціоннаго портрета Винтергальтера, литографировалъ Зюсснапъ.

нихъ являлась въ его глазахъ организація арміи. Но партія либераловъ отказывалась принять эту мѣру, потому что возможное ограниченіе военнаго бремени вошло какъ бы въ догматъ либераловъ. Въ противоположность

такъ-называемой старо-либеральной партіи, дѣйствія которой казались слишкомъ умѣренны и медлительны, на основаніи программы, установленной въ Берлинѣ въ іюнѣ 1861 г., образовалась новая, болѣе рѣшительная *передовая партія*. Она выступила прямо противъ плановъ короля и военной реформы, въ то время какъ консервативные и реакціонерные элементы, оправившись отъ толчка (какимъ являлось для нихъ ихъ временное пораженіе), всѣ надежды свои возлагали на столкновеніе, по недальновидности своей полагая, что эти надежды оправдаются возстановленіемъ ихъ управленія и устраненіемъ конституціи. Когда возобновились засѣданія палаты, большинство впало въ грубую ошибку, и подготовивъ правительству неудачу въ сравнительно неважномъ финансовомъ вопросѣ. Это повлекло за собою распущеніе палаты депутатовъ и смѣну министерства, либеральные члены котораго — фонъ-Ауэрсвальдъ, Патовъ, Шверинъ и Вернутъ — вышли въ отставку, а консервативные: фонъ-деръ-Хейдъ, фонъ-Роонъ и графъ Бернсторфъ — остались. Однако, на новыхъ выборахъ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ передовыхъ; старолиберальная партія разсѣялась и, хотя правительство и дѣйствовало примиряющимъ образомъ, большинство рѣзко противодѣйствовало. На правительство не произвели никакого впечатлѣнія послѣдствія этихъ мѣръ въ Гессенскомъ курфюршествѣ и въ вопросѣ о французскомъ торговомъ договорѣ, съ которымъ мы ознакомимся ниже. Послѣ большихъ преній, на которыхъ впервые парламентарныя средства и способы примѣнялись въ важномъ для государства вопросѣ, сверхсмѣтныя затраты на организацію арміи были отвергнуты. Это поставило государство въ невозможное положеніе, потому что новую военную организацію и новоучрежденные полки нельзя было отмѣнить. Палата хотѣла добиться того, чтобы въ пѣхотѣ былъ введенъ лишь двухгодичный, а не трехгодичный срокъ службы; но этому положительно противился король, какъ знатокъ военнаго дѣла, а также и всѣ другіе знатоки его. Ошибка была сдѣлана: благодаря ненадежному согласію, были созданы учрежденія, которыхъ нельзя было уничтожить. Произошло столкновеніе: министръ фонъ-деръ-Хейдъ подалъ



Военный министръ фонъ-Роонъ.
Съ фотографической карточки, принадлежащей его семейству, снятой въ 1863 г.

въ отставку и его замѣнилъ реакціонеръ «чистѣйшей воды» (или такъ, по крайней мѣрѣ, казалось) бывшій посолъ при императорскомъ Дворѣ въ Парижѣ—*Отто фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ*, котораго самъ король поставилъ во главѣ правленія.

Министерство Бисмарка. Конституціонное столкновеніе.

Въ Германіи того времени лишь поверхностно знали этого человѣка,



Министръ-президентъ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ.
Съ литографіи Энгельбаха 1863 г.

да и то судили о немъ, какъ, впрочемъ, обо всемъ вообще, съ точки зрѣнія партійности, т. е. пристрастно, а именно: онъ составилъ себѣ извѣстность въ соединенномъ сеймѣ, въ Нижней прусской палатѣ, въ Эрфуртскомъ парламентѣ, гдѣ заявилъ себя ревностнымъ представителемъ консервативныхъ и старо-прусскихъ воззрѣній, и это наименованіе утвер-

дилось за нимъ, какъ однозначущее съ реакціоннымъ и анти-революціоннымъ духомъ убѣжденій, которыя ежедневно можно было встрѣтить на столбцахъ газеты «Kreuzzeitung». Но о томъ, что Бисмаркъ, которому въ это время минулъ 47-й годъ, успѣлъ выдѣлиться своими убѣжденіями изъ общей узкой формы воззрѣній своей партіи, что онъ, благодаря горячей партійной полемикѣ того бурнаго времени, созрѣлъ для высшей государственной дѣятельности, о томъ знали или догадывались лишь немногіе, за исключеніемъ, конечно, близко стоящихъ къ нему людей. Онъ былъ высокаго, древняго рыцарскаго рода; родился 1-го апрѣля 1815 г. и лишь въ 1851 году достигъ на государственной службѣ нѣкотораго, болѣе высокаго положенія: онъ былъ посланъ въ преобразованный сеймъ (Bundestag) въ качествѣ представителя; послалъ же его туда самъ его начальникъ, министръ фонъ-Мантейфель, выборъ котораго оказался весьма удачнымъ. Во-первыхъ, Бисмаркъ убѣдился здѣсь на дѣлѣ, что̀ значила австрійская дружба, за которую онъ до сихъ поръ готовъ былъ ручаться, и чего Пруссія можетъ ожидать отъ Австріи и отъ другихъ смежныхъ государствъ.—«Эти люди готовы бы гвозди всадить намъ въ голову!» говорилъ онъ. Онъ уже поборолъ эти былые предразсудки, когда его послали въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1859 г. Его вмѣшательство еще болѣе обострило недовѣріе, которое вызвано было ужъ однимъ его именемъ и вызвало столкновеніе. Честная умѣренность и геній поневолѣ должны были столкнуться и вскорѣ (19-го сентября 1862 г. онъ прибылъ изъ Біаррица въ Берлинъ) сессія палатъ была закрыта, несмотря на то, что три главныхъ фактора государственной власти не пришли въ финансовомъ вопросѣ къ обоюдному соглашенію, какъ того требовала конституція. Правительство и Верхняя Палата были единодушны, а послѣдняя къ тому же еще и оформила документомъ свое противозаконное рѣшеніе. Превышая тѣмъ самымъ свои права, которыя допускали принятіе или непринятіе бюджета въ цѣнности, палата приняла требованія правительства; но это рѣшеніе палата депутатовъ еще успѣла отвергнуть и признать недѣйствительнымъ. Между тѣмъ, правительство смотрѣло на это дѣло такъ, что, если что̀ и не предписано закономъ въ данномъ случаѣ, отвѣтственность въ томъ должно принимать на себя правительство и «исправить этотъ пробѣлъ въ законахъ»,—какъ говорилось въ консервативной печати, послѣдователи которой были бы не прочь и вовсе изгнать всѣ эти законы изъ предѣловъ Пруссіи.

1863 г. Положеніе Германіи.

Такимъ образомъ, военный конфликтъ обратился въ конституціонный. Онъ захватилъ интересы всей страны и заставилъ ее пережить страшно тяжелое, безотрадное время, угрожавшее разрушить весь строй народной жизни. Новая сессія, въ январѣ 1863 г., еще болѣе ухудшила положеніе дѣлъ: король не принялъ депутатовъ отъ Нижней Палаты, а правительство не обращало вниманія на ихъ рѣчи. Противорѣчія ихъ поведенія съ горячимъ Польскимъ вопросомъ Бисмаркъ презрительно не замѣчалъ, такъ какъ оно было недостаточно доказательно и ему не хотѣлось углубляться въ этотъ вопросъ. Самые умные изъ членовъ этой партіи, противъ своей воли, должны были признать, что противника ихъ (короля Прусскаго) нелегко побороть; да и вообще во всей остальной Германіи въ этомъ скоро

всѣ убѣдились. Та форма, въ которой выразилось его назиданіе курфюрсту Гессенскому, что «государственныя требованія въ большой странѣ не имѣютъ ничего общаго съ деспотическими прихотями незначительнаго принца»—достаточно доказала населенію, что съ консервативнымъ правительствомъ въ Пруссіи нельзя было шутить. Еще разъ сессія была распущена безъ опредѣленнаго результата: все-таки въ финансовыхъ законахъ соглашенія не были достигнуты. Высшей же степени своего разгара достигла эта злополучная борьба приказомъ отъ 1-го іюня 1863 года. Онъ опирался на статью закона, въ которой говорилось, что въ случаяхъ настоятельной надобности допускаются правительственныя распоряженія, имѣющія силу закона, пока не соберутся обѣ палаты; приказомъ же 1-го іюня, по образцу французской системы порядковъ печати, свобода печати была подвергнута предостереженіямъ и запрещеніямъ. Все это время Пруссія чувствовала себя подъ гнетомъ правительства, тѣмъ болѣе, что приказъ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ закономъ. Даже и тѣ немногіе друзья, какіе были у Пруссіи въ южно-германскихъ государствахъ и которые во всѣ времена возлагали на нее непоколебимыя надежды, теперь начали колебаться. Но эти худшія изъ худшихъ временъ скоро для Пруссіи миновали, и на этотъ разъ спасеніе пришло къ ней изъ Австріи.

Вопросъ объединенія Германіи, съ 1859 г.

Глава австрійскаго правительства, Шмерлингъ, разсчитывалъ на то, чтобы воспользоваться положеніемъ Пруссіи, повидимому, обезсиленной внутренними распрями, для того, чтобы рѣшить германскій вопросъ въ пользу Австріи и такимъ образомъ сдѣлать дѣло, выгодное для ея отношеній съ Богеміей, Польшей, Венгріей и Италіей. Стремленіе Германіи къ объединенію, конечно, было нѣсколько задержано ея неурядицами, но оно не было ни на минуту пріостановлено. Сила свободнаго духа въ народѣ даже еще рѣшительнѣе стала развиваться: безгранично стало разрастаться число собраній и торжествъ, на которыя сходились то фехтовальщики и охотники, то юристы и преподаватели, то естествоиспытатели, портные, содержатели гостинницъ, аптекаря, стекавшіеся въ извѣстный, опредѣленный срокъ со всѣхъ концовъ Германіи, то въ тотъ, то въ другой городъ, гдѣ и проводили вмѣстѣ нѣсколько дней подъ-рядъ. Но и въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ шагъ впередъ: основанія и правила этихъ съѣздовъ были представлены въ сентябрѣ 1862 года *депутатамъ германской палаты*, а въ октябрѣ 1863 года и *представителямъ германскихъ городовъ*, и съ тѣхъ поръ былъ установленъ день съѣзда для депутатовъ и для горожанъ, какъ уже были и до того дни юристовъ или филологовъ. Хотя конституціонный конфликтъ въ Пруссіи и не измѣнилъ ничего въ программѣ національнаго ферейна, но онъ наиболѣе здѣсь пострадалъ. Чувствительные болтуны снова всплыли въ ферейнѣ на поверхность и затмили ясныя политическія воззрѣнія, которыхъ держалось первоначально собраніе. Сначала явилось новое, такъ-называемое, *противо-собраніе*, соединившееся съ велико-германскою партіею, — а затѣмъ *германское реформенное собраніе*, которое снова отчасти возвратило этимъ убѣжденіямъ ихъ прежнюю ясность. Враждовавшія партіи раздѣлились на мало-германскую и велико-германскую,

при чемъ къ послѣдней, т. е. къ австрійской партіи (противъ Пруссіи) примкнули тѣ же элементы, которые еще во Франкфуртѣ замяли вопросъ объединенія Германіи: ультрамонтаны, дворяне изъ различныхъ земель и демократы.

Партіи: велико-германская и мало-германская.

Однако, на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ скорѣе всего пошло дѣло объединенія и тяжкій кризисъ миновалъ благополучно. Торговый договоръ, послѣ долгихъ переговоровъ состоявшійся между прусскимъ правительствомъ и Франціей, чрезъ посредство и отъ имени таможеннаго собранія, 29-го марта 1862 г., помѣшалъ планамъ Австрійцевъ, о которыхъ мы говорили выше, и повлекъ за собою оживленныя возраженія Австріи. Она была настолько наивна, что, ссылаясь на § 19 *союзныхъ актовъ* и на связанныя съ нимъ обѣщанія, вызвала горячую, скорѣе политическую, нежели хозяйственную оппозицію со стороны среднихъ сословій. Но Пруссія держалась твердо, въ то время какъ «отдѣльный союзъ», вызванный Баваріей, потерпѣлъ пораженіе, благодаря невозможному хозяйственному положенію. Послѣ того, какъ всѣ достаточно нашумѣли, въ обиду Пруссіи, каждое государство, одно за другимъ, поспѣшило, — пока его еще не успѣли остановить, — заключить таможенный союзъ на основаніи прусско-германско-французскаго договора и установило его тарифъ. 12-го октября того же 1862 г. и Вюртембергъ, дольше другихъ споривній и колебавшійся, сложилъ оружіе. Кромѣ того, на почвѣ торговыхъ интересовъ, какъ наиболѣе доступной для единенія людского, явился еще одинъ прекрасный результатъ: выработанный и составленный комиссіей изъ знатоковъ торговаго дѣла «*Сводъ германскихъ торговыхъ законовъ*», введенный во всѣхъ государствахъ, принадлежавшихъ къ таможенному союзу.

Проэкты союзныхъ реформъ. Саксонскій проэктъ.

Между тѣмъ, все, что ни предпринималось или имѣлось въ виду предпринять, не двигалось съ мѣста. По окончаніи войны въ Италіи, Бавaрія, Вюртембергъ, оба Гессена, Нассау и нѣкоторыя другія государства, изъ которыхъ состояла Вюрцбургская конференція, много хлопотали съ предложеніями насчетъ союзной реформы. Многіе подобные проэкты вызваны были страхомъ передъ Пруссіей: въ октябрѣ 1861 г. Ганноверъ ухватился за инициативу или подобіе проэкта въ видѣ возстановленія союзнаго флота; а въ томъ же мѣсяцѣ выдвинулся впередъ саксонскій министръ, баронъ фонъ-Бейстъ, со своимъ особенно-тонко выработаннымъ планомъ реформы, которая достигла значительной извѣстности подъ названіемъ «*делегаціоннаго проэкта*» (Delegiertenprojekt). Этотъ проэктъ состоялъ въ томъ, чтобы образовать изъ делегатовъ народа, такъ-называемое, соединенное народное представительство на поддержку союзнаго сейма. Тогда Германія пользовалась бы также и извѣстной исполнительной властью, которая находилась бы въ рукахъ императора Австрійскаго, короля Прусскаго и еще одного,—третьяго государя,—представителя всѣхъ остальныхъ. Но, какъ ни были глубокомысленны всѣ эти или подобные проэкты, всѣ они пали передъ открытой политикой Пруссіи, о которой, въ своемъ отвѣтѣ на саксонскій проэктъ, графъ Бернсторфъ выразился, что она стремится къ сохраненію союзу свободныхъ народныхъ правъ и еще болѣе тѣснаго единенія на почвѣ свободнаго согласія его отдѣль-

ныхъ членовъ. На этотъ путь Пруссія постепенно вступила при посредствѣ «*военныхъ конвенцій*» съ нѣкоторыми небольшими государствами, какъ-то: Кобургъ-Готскимъ, Саксенъ-Альтенбургскимъ и Вальдекскимъ.

Австрійскій союзъ. Франкфуртскій сеймъ государей. 1863 г.

Ясно было, что этотъ путь былъ самый правильный и дѣйствительный, потому что разомъ раздались на него протесты со стороны Австріи, Баваріи, Вюртемберга, Ганновера, Гессенъ-Дармштадта и Нассау, выразившіеся въ нотахъ соотвѣтствующаго содержанія, въ февралѣ 1862 г. Эти ноты служили возраженіемъ на ноту Бернсторфа. Пруссія была (или казалось, по крайней мѣрѣ) не въ состояніи придавать значеніе положительнымъ воззрѣніямъ, выраженнымъ въ этой нотѣ. Воздѣйствіе Пруссіи на Германію было, пока, пріостановлено и этимъ удобнымъ случаемъ рѣшилъ воспользоваться Францъ-Іосифъ, поспѣшившій вступить въ переговоры съ королемъ Прусскимъ, посѣтивъ его, съ этой цѣлью, лично въ Гаштейнѣ. Затѣмъ, императоръ пригласилъ главнѣйшихъ германскихъ государей на *конгрессъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ*, 16-го августа 1863 года. На этомъ съѣздѣ высочайшихъ особъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ объединенія Германіи, императоръ предложилъ имъ «*актъ реформъ*» довольно запутаннаго характера; по этому акту, въ Германіи долженъ былъ состояться союзный совѣтъ (Bundesrat), союзная директорія (Bundesdirectorium), собраніе государей (Fürstenversammlung),—государей независимыхъ и равноправныхъ,—которые, однако, подчиняли бы свое мнѣніе извѣстнымъ законамъ, а отчасти и отдѣльнымъ корпораціямъ представителей тридцати пяти германскихъ государствъ. Предлагалось также учредить союзный судъ на-ряду съ обыкновенными судами; для союзной войны считалось необходимымъ, чтобы потребность въ ней признавалась большинствомъ двухъ третей голосовъ; то же условіе было обязательнымъ для права принимать участіе въ войнѣ котораго-либо изъ членовъ Союза, — у котораго, кромѣ того, есть еще и особыя владѣнія (отдѣльныя отъ Союза) — съ какой-либо внѣшней державой. Предложеніе Австріи, придуманное тамъ какимъ-то патеромъ Ламорменомъ, въ послѣднемъ случаѣ ограничивалось лишь «*простымъ*», обыкновеннымъ большинствомъ голосовъ. Въ первую минуту, особенно внушительное впечатлѣніе произвелъ поступокъ Франца-Іосифа на общественное мнѣніе и настроеніе въ Южной Германіи. Его путешествіе во Франкфуртъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ, а высочайшій конвентъ быстро справился съ своей задачей и рѣшилъ принять предложенную императоромъ реформу; а между тѣмъ, въ ней не хватало главнаго: присутствія и согласія короля Прусскаго. Вильгельмъ I отклонилъ не только приглашеніе императора на съѣздъ, но даже и самую, уже утвержденную, реформу. Еще 22-го января 1863 года прусское правительство уже высказалось, по поводу делегаціоннаго проэкта Союза, въ томъ смыслѣ, что настоящимъ органомъ для взаимнаго воздѣйствія германскихъ государствъ Германіи могутъ быть лишь непосредственные выборы въ народные представители. То же самое повторилъ и Бисмаркъ 15-го сентября 1863 г. въ своей критикѣ на актъ реформы. Ему хотѣлось, чтобы Пруссія вышла самостоятельно (при этомъ удобномъ случаѣ)

изъ противорѣчій, которые ее обезсиливали. Палату депутатовъ распустили, чтобы дать народу возможность высказаться въ томъ, новомъ для него положеніи, въ какое его поставили: проэктъ союзной реформы и «сеймъ государей». Но эта надежда на новые выборы оказалась обманчива. Какъ ни трудно допустить, что Нѣмцы, которымъ національное объединеніе было необходимо, поддались обѣщаніямъ,—этой приманкѣ новой реформы,—но фактъ тотъ, что она была принята, несмотря на то, что въ ней скрывалось совершенно обратное,—т. е. разъединеніе и лишь кажущійся конституціонный блескъ. А между тѣмъ, среднее сословіе, руководившее выборами, не могло настолько возвыситься умственно, чтобы понять необходимость поддержки своего короля и министра въ *ихъ* союзной реформѣ, которая всецѣло соотвѣтствовала либеральной программѣ,—программѣ народнаго собранія, и что, кромѣ того, необходимо рѣшить военный вопросъ въ его же духѣ. Ноябрьскіе выборы, опять-таки, дали значительное оппозиціонное большинство голосовъ.

Фридрихъ VII Датскій. † 1863 г.

Не прошло, однако, и двухъ недѣль, какъ случилось событіе, которое принесло германскому народу большое испытаніе и повлекло за собой неизбѣжныя послѣдствія: 15-го ноября 1863 г. внезапно скончался король Датскій Фридрихъ VII. Съ нимъ вмѣстѣ угасла на датскомъ престолѣ королевская династія Ольденбургскаго дома по мужской линіи, и, вслѣдствіе Лондонскаго протокола 1852 г., ему наслѣдовалъ принцъ Христіанъ, въ качествѣ короля соединенной Датской монархіи,—*Христіанъ IX.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Германско-датская война. — Европейскія государства съ 1863 по 1866 г.—Великая германская война 1866 г.

Этимъ событіемъ (смертью Фридриха Датскаго и восшествіемъ на его престолъ Христіана IX) начался для Европы рядъ многозначительныхъ военныхъ задачъ и перемѣнъ, которыя, въ связи съ такими значительными переворотами, каковы, напримѣръ, созданіе *королевства Италіи* и *Германской имперіи*, совершенно измѣнили общій видъ Европы и придали ея міровому развитію, за послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, вполнѣ законченный характеръ.

Данія и Шлезвигъ-Голштейнъ.

За два дня до смерти короля, значительнымъ большинствомъ голосовъ, въ датскомъ государственномъ совѣтѣ была принята новая конституція, которая касалась Даніи и Шлезвигъ-Голштиніи, укрѣпленной за нею взамѣнъ обнародованныхъ королемъ Фридрихомъ VII обѣщаній (29 янв. 1852 г.) Австріи и Германіи—обѣщаній, бывшихъ лишь продолженіемъ Лондонскаго протокола, къ которому онѣ примкнули, и данныхъ также

союзному собранію, которое, какъ таковое (т. е. союзное), не примкнуло къ нему и въ общемъ дѣйствовало вяло, въ смыслѣ оппозиціи Даніи. Эти дѣйствія пришли, однако, 1 октября 1863 года къ благополучному окончанію, — а именно: къ рѣшенію отправиться *союзнымъ походомъ* въ Голштинію, черезъ Саксонію и Ганноверъ, съ австрійскими и прусскими войсками въ резервѣ. Датское правительство, которое состояло изъ партіи датчанъ-союзниковъ, подъ предсѣдательствомъ Галля, со своей стороны, отклонило отъ себя всякое право вмѣшательства въ шлезвигскія дѣла. Подъ вліяніемъ населенія Копенгагена, охваченнаго такими же стремленіями, новоизбранный король подписалъ 18 ноября только-что подготовленную конституцію.

Фридрихъ VIII. Германскоэ движеніэ.

Тѣмъ временемъ, герцогъ *Фридрихъ фонъ-Августенбургъ*, который и по всѣмъ законнымъ правамъ, и во мнѣніи народа, былъ прямымъ наслѣдникомъ Шлезвига и Голштиніи, прокламаціей отъ 16-го ноября объявилъ себя герцогомъ, подъ именемъ Фридриха VIII. Этому рѣшительному образу дѣйствій сочувствовала и слѣдовала вся Германія, глубоко возмущенная безцеремоннымъ протоколомъ Австріи, желавшей воспользоваться шаткимъ положеніемъ германскаго народа, чтобы навязать ему свою волю. Движенію противъ австрійскаго могущества принесло большую пользу то, что по этому вопросу сошлись консервативныя воззрѣнія съ либеральными, благодаря тотчасъ же возникшимъ народнымъ собраніямъ, въ которыхъ этимъ обѣимъ партіямъ приходилось сходиться вмѣстѣ. Августенбуржецъ Фридрихъ VIII былъ, въ глазахъ народа, его законнымъ герцогомъ, какъ въ силу общаго желанія, такъ, безспорно, и въ силу законовъ престолонаслѣдія,—это было совершенно просто и ясно для союзныхъ незначительныхъ государствъ и для общественнаго мнѣнія. Но не такъ просто смотрѣли на этотъ вопросъ обѣ главныя германскія державы, подписавшія Лондонскій протоколъ: для нихъ Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ являлся, съ ихъ особой точки зрѣнія, особенно тяжелой политической задачей. Слѣдуя общему направленію, прусская палата депутатовъ высказалась громаднымъ большинствомъ голосовъ за наслѣдственныя права Августенбургскаго герцога. Противъ него высказалась лишь незначительная часть господствующей партіи, во главѣ которой стоялъ весьма значительный представитель старо-демократической партіи, Вальдекъ. Но Бисмаркъ противопоставилъ мнѣнію палаты весьма хорошо обдуманное разъясненіе; однако и въ немъ разгоряченное общественное мнѣніе усмотрѣло защиту Лондонскаго протокола. А между тѣмъ, онъ вошелъ съ Австріей въ соглашеніе (и весьма успѣшно, какъ оказалось впослѣдствіи), и этотъ новый австро-прусскій союзъ теперь далъ обстоятельствамъ иное направленіе. Соотвѣтственно ему, союзное собраніе порѣшило 7-го декабря (около 7-ми голосовъ), опять-таки согласно съ рѣшеніемъ 1-го октября того же года, продолжать преобразованіе въ Голштиніи. Подъ начальствомъ саксонскаго генерала Хакке, 23-го декабря, 12,000 чел. саксонско-ганноверскаго войска перешли границу и Датчане должны были отступить. Союзные комиссары не могли, или не хотѣли помѣшать народу провозгласить Фридриха VIII своимъ государемъ. Этотъ вопросъ, однако, касался лишь Голштиніи; третье же герцогство, Лауен-

бургское, не была непосредственно затронута эта распря. Что же касается болѣе важнаго и рѣшающаго вопроса, то обѣ главныя союзныя державы обратились къ датскому правительству, чтобы оно разрѣшило признать Шлезвигскую конституцію 18-го ноября недѣйствительной и, такимъ образомъ, удовлетворило бы требованіямъ Лондонскаго протокола; въ противномъ случаѣ, оккупація и этого герцогства послужитъ залогомъ. А когда большинство голосовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ необдуманно отвѣчало, что отклоняетъ это предложеніе, такъ-какъ оно заключало, или *какъ будто* заключало въ себѣ признаніе престолонаслѣдія по Лондонскому протоколу, то державы и объявили, что онѣ впредь возьмутъ въ свои руки охраненіе правъ Шлезвига, и, вслѣдствіе того, обратились 15-го января 1864 г. къ королю Христіану IX (котораго, въ силу Лондонскаго протокола, Бисмаркъ назвалъ наслѣдникомъ «правъ» и «неправдъ» его отца), съ *требованіемъ*, чтобы онъ, въ теченіе 48 часовъ, уничтожилъ въ Шлезвигѣ дѣйствіе конституціи 18-го ноября. Датское правительство, въ лицѣ епископа Монрада (съ 28-го декабря 1863 г.), отвѣтило отказомъ. Датское же войско, 30,000 чел., подъ командою генерала де-Меца, стояло на югѣ Шлезвигскихъ владѣній за знаменитыми Данневиркскими укрѣпленіями.

Пруссія и Австрія. Война.

Датское правительство и населеніе подвели итоги всѣмъ вѣроятнымъ положеніямъ и вопросамъ, давшимъ въ результатѣ слѣдующія предположенія: помощь со стороны Шведовъ, Французовъ или Англичанъ; рознь между двумя главными державами, или между ними и болѣе незначительными государствами, которыя доставили имъ возможность отнестись съ неуваженіемъ къ германской націи, и, наконецъ, конституціонная распря въ Пруссіи. Въ одномъ только они были правы: бо́льшаго ущерба, какъ потеря Шлезвига, не могла имъ нанести никакая война.

Но и внѣшняя помощь была не многимъ лучше внутренней; а между тѣмъ, она должна была поспѣшить въ виду того, что Австро-Пруссіей руководилъ ясный и мощный умъ, и онѣ обѣ дѣйствовали быстро и твердо. Вопреки общему возбужденію въ Германіи, а также и неразумному рѣшенію палаты депутатовъ, которая отказала правительству въ займѣ на основаніи того, что оно злоупотребляетъ своимъ высоко-державнымъ положеніемъ (22-го января), — 20,000 чел. австрійскаго и 25,000 чел. прусскаго войска переправились 1-го февраля черезъ Эйдеръ. Съѣздъ членовъ германскихъ народныхъ собраній (или представительствъ, Landesvertretungen) порѣшилъ, 1-го декабря 1863 г., во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, «*осуществить августенбургскія права всѣми допускаемыми закономъ средствами*». Сверхъ того, былъ назначенъ комитетъ изъ 36-ти членовъ, которые и набросились, въ горячихъ рѣчахъ, на обѣ германскія державы. Населеніе же Шлезвига, напротивъ того, радостно привѣтствовало германскія войска. Эти войска,—Пруссаки, подъ начальствомъ прусскаго фельдмаршала Врангеля, и Австрійцы, подъ командою фонъ-Габленца,— подвигались впередъ, образуя лѣвое крыло, а Пруссаки, съ принцемъ, племянникомъ короля Фридрихомъ-Карломъ во главѣ — правое.

Начальникъ генеральнаго штаба, котораго въ то время знали еще лишь немногіе, *Гельмутъ фонъ-Мольтке*, возымѣлъ смѣлое намѣреніе отрѣ-

зать отступленіе датской арміи отъ ея Фленсбургскихъ укрѣпленій и, такимъ образомъ, совершенно уничтожить ее. Но этотъ планъ, къ сожалѣнію, не былъ осуществленъ. 2-го числа бились Пруссаки при Миссундѣ (Шлейѣ), а 3-го Австрійцы при Оверзелькѣ и Ягелѣ; а на 6-е число была назначена переправа черезъ Шлейю. Но подъ вечеръ 5-го числа Датчане благоразумно оставили свои позиціи при Данневиркѣ. Союзники преслѣдовали ихъ: но только Австрійцамъ удалось нагнать датскій арріергардъ при Оверзее. Датскія войска безъ дальнѣйшихъ потерь достигли своего другого укрѣпленнаго пункта,—шанцевъ при Дюппелѣ, въ юго-восточной части полуострова Зундевитта. Въ то время, какъ Австрійцы и подоспѣвшая прусская гвардія, въ видѣ третьяго корпуса, двинулись по направленію къ сѣверу, первый корпусъ, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, обложилъ Дюппельскія укрѣпленія: осада эта продолжалась съ 9-го февраля по 18-е апрѣля. Въ этотъ день, въ 10 час. утра, умолкла перестрѣлка и войска, которыя уже стояли наготовѣ, пошли на штурмъ. Черезъ десять минутъ были взяты главныя позиціи, а затѣмъ пала и вторая линія, послѣ краткаго сопротивленія. Горячая схватка позади этой линіи стоила Датчанамъ потери ихъ генерала Дюпла; а въ то время, какъ датскія войска бѣжали на Зондербургъ къ Зунду, который раздѣляетъ полуостровъ отъ острова Альзена, отдѣльныя части прусскаго войска, по сю сторону воды, овладѣли тэтъ-де-пономъ и къ двумъ часамъ пополудни материкъ былъ окончательно очищенъ: Датчане потеряли при этомъ 5,000 чел. ранеными, убитыми и плѣнными и 118 орудій. Между тѣмъ, другіе корпуса вступили въ Ютландію, послѣ того, какъ прусскій генералъ фонъ-Мантейфель особымъ сообщеніемъ въ Вѣну устранилъ тамъ послѣднія сомнѣнія. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, въ которыхъ особенно отличились Австрійцы,—при Фейле (Veile) и при Фридериціи,—эти корпуса стали предъ стѣнами послѣдней (29-го апрѣля 1864 года), добровольно очищенной Датчанами.



Генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Врангель въ 1864 г., главнокомандующій въ войнѣ противъ Даніи.

Писалъ съ натуры В. Камгаузенъ (W. Camphausen). (Изъ его сочиненія: «Художникъ на полѣ брани 1864 г.»).

Лондонская конференція. Перемиріе. Вѣнскій договоръ.

Тѣмъ временемъ, черезъ посредство Англичанъ, 25 апрѣля состоялась въ Лондонѣ конференція державъ, представительствовать на которой и Германскій союзъ отправилъ своего уполномоченнаго фонъ-Бейста. Наступило краткое военное перемиріе; но въ переговорахъ дѣло не двигалось впередъ, благодаря тому, что Датчане упорно отказывались отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались германскія державы для того, чтобы еще разъ отступить отъ Лондонскаго протокола, и 28 мая, вмѣстѣ съ представителемъ Союза, потребовали, чтобы оба герцогства (Шлезвигъ и Голштинія) отложились отъ



Штурмъ Дюппельскихъ укрѣпленій 18 апрѣля 1864 года.
Съ натуры писалъ В. Кампгаузенъ (изъ его труда: «Художникъ на полѣ битвы 1864 года»).

Даніи и соединились въ одно государство, подъ властью герцога Августенбургскаго. Итакъ, 26 іюня, непріязненныя военныя дѣйствія снова возобновились, а въ ночь съ 28 на 29 число того же мѣсяца Пруссаки отличились въ жаркомъ дѣлѣ: подъ предводительствомъ генерала Герварта фонъ-Биттенфельда, они переправились чрезъ широкій (800—1,000 шаговъ) проливъ, Альзензундъ, подъ самымъ огнемъ датскихъ орудій. Высадка на берегъ отлично удалась Пруссакамъ, а въ семь часовъ утра былъ взятъ и Зондербургъ, при сравнительно небольшой потерѣ со стороны побѣдителей; въ то же время Датчане опять потеряли до 4,000 чел., изъ которыхъ 2,000 чел. (т. е. половина) были взяты въ плѣнъ. Такимъ образомъ, они были вынуждены очистить островъ. Это сраженіе было послѣднимъ между союзными державами и Даніей, такъ какъ въ Ютландіи, куда прибыли прусскія войска 11-го, а австрійскія — 13 іюня, уже не было больше непріятельской военной силы. 19-го же числа австро-прусскій флотъ взялъ въ плѣнъ датскаго капитана Хаммера, который угнеталъ населеніе западныхъ ея береговъ своей безмѣрной жестокостью. Между тѣмъ, въ Копенгагенѣ произошла перемѣна правительства и начались переговоры, приведшіе къ заключенію «*Вѣнскаго договора*», 30 октября 1864 г. Ни отъ Союза, ни отъ герцогствъ не было на немъ представителей; Датскій же король передалъ всѣ свои права на Шлезвигъ и Голштинію и Лауенбургъ императору Австрійскому и королю Прусскому и обязался признать все, что бы они ни порѣшили относительно этихъ земель.

Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ.

Относительно же ихъ назначенія былъ большой вопросъ, а въ немъ заключался также и весь вообще важный обще-германскій вопросъ, т. е. вопросъ союзной реформы въ томъ видѣ, какъ она не сходила со сцены еще съ 1848 года и какъ ее Австрія недавно торжественно поставила на Франкфуртскомъ конвентѣ государей. Къ счастію для Пруссіи, этотъ вопросъ былъ также и для нея вопросомъ жизни; для Бисмарка же, этого главы и руководителя прусскаго министерства, значеніе и смыслъ шлезвигъ-голштинскихъ дѣлъ были совершенно ясны. Секретъ, какъ бы достигнуть единенія Германіи, лежалъ вовсе не въ той безкорыстной политикѣ, какая велась съ 1848 по 1852 г., а въ здравомъ эгоизмѣ Пруссіи, который одинъ только могъ доставить Германіи единство. Эта здравая политика воспрещала Пруссіи, какъ государству, уважающему свои державныя права, дозволить Мекленбургу или Саксоніи разрастись въ самодержавныя государства. Самое бо́льшее, что можно было сдѣлать для такой страны,—это потребовать, чтобы она примкнула къ прусской системѣ; однако, стремленіе слить во-едино сухопутныя и морскія силы герцогства со своими, не удалось Пруссакамъ. Въ переговорахъ, которые Бисмаркъ велъ съ герцогомъ 1 іюня 1864 г., достаточно выяснилось, что этотъ государь придерживается такихъ же воззрѣній на державную власть, какъ и всѣ другіе. Онъ надѣялся дѣйствительно сдѣлаться государемъ, но «при менѣе тягостныхъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя ему ставитъ Пруссія»: пусть лучше постараются завладѣть его сердцемъ, нежели связывать его крѣпкими условіями. Когда съ герцогомъ оказалось невозможнымъ этого достигнуть, Пруссіи пришлось обойтись и безъ него, иначе говоря,

по-просту подчинить себѣ германскія земли. Это подчиненіе закончило то большое и долго-тянувшееся дѣло, которое началось во время Семилѣтней войны присоединеніемъ Силезіи; но, какъ и тогда, теперь противниками являлись такія соединенныя силы, передъ которыми и самый смѣлый могъ бы оробѣть. Мысль объединенія Германіи встрѣтила отпоръ въ населеніи герцогствъ, въ бо́льшей части Прусской Германіи, въ главнѣйшихъ иностранныхъ державахъ и, главное, въ Австріи: и это еще въ такую критическую минуту, когда заблужденія палаты депутатовъ еще болѣе усилили внутренній разладъ въ самой Пруссіи.

Германскій вопросъ.

Подъ вліяніемъ удачно-оконченной войны, воззрѣнія народа, однако, стали измѣняться, равно какъ и отъ сознанія необходимости расширенія власти, въ которой съ 1815 г. была для Пруссіи настоятельная необходимость. Король Вильгельмъ сказалъ депутатамъ отъ герцогствъ: «Ваше дѣло для меня свято, и я постою за него». И, дѣйствительно, блестяще сдержалъ свое слово, благодаря новой организаціи войскъ и сравнительно небольшимъ потерямъ. Однако, большинство, на которое слишкомъ дѣйствовали внутренніе вопросы и вліяніе нѣкоторыхъ изъ вожаковъ, въ сущности не знатоковъ дѣла и дилетантовъ, — были глухи къ предостереженіямъ недавняго прошлаго и къ неизбѣжно-надвигавшейся важной развязкѣ. Какъ и до того, 1865 и 1866 гг. протекли въ борьбѣ, мелочность которой у обѣихъ враждующихъ сторонъ выступала еще рѣзче въ сравненіи съ грандіозностью главнаго германскаго вопроса. Въ большинствѣ второстепенныхъ государствъ положеніе дѣлъ было то же, что́ и въ Пруссіи: разладъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, и между тѣмъ какъ Пруссія, по крайней мѣрѣ, во внѣшней политикѣ, достигла крупныхъ успѣховъ, меньшія государства и ихъ органъ, союзный сеймъ, потерпѣли фіаско, выказавшее ихъ безсиліе. Ихъ войска бездѣйствовали, и должны были лишь издали слѣдить за побѣдами — Австро-Пруссіи. Въ іюлѣ, на́-скоро предупредивъ объ этомъ главнокомандующаго союзными войсками, Пруссаки вступили въ Рендсбургъ. По заключеніи мира, союзный сеймъ принужденъ былъ признать экзекуцію законченною и очистить занятую территорію. Все это событіе совершилось помимо главнѣйшихъ вождей и представителей второстепенныхъ германскихъ государствъ, и, наравнѣ съ ними, общественное мнѣніе оказалось безсильнымъ.

Настоящее положеніе герцогствъ, кондоминатъ (совладѣніе) и общее съ Австріей управленіе Германіей, — все это не могло быть продолжительно. Поэтому, вскорѣ, согласно требованіямъ прусскаго правительства, заявленнымъ Бисмаркомъ въ февралѣ 1865 г., Австрія должна была вернуться къ своему прежнему положенію и взяться снова за свой прежній партикуляризмъ, — какъ это въ дѣйствительности и случилось. Еще въ декабрѣ 1864 г. Австрія снова предложила поручить германскія земли герцогу Августенбургскому, а что касается остальныхъ (Ольденбургскаго и другихъ) и ихъ притязаній, положиться на рѣшеніе союзнаго суда. Австрійскій комиссаръ, если и не поощрялъ, то и не подавлялъ августенбургской агитаціи въ герцогствахъ. Но Пруссія не далась въ обманъ, и не сробѣла. Морская станція была перенесена изъ Данцига въ *Кильъ* и военный министръ фонъ-Роонъ открыто за-

явилъ въ палатѣ, что правительство твердо рѣшило оставить за собою эту гавань. Политика Австріи еще имѣла бы смыслъ, если бы Пруссія того времени оставалась такой же, какъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV; но теперь съ ужасомъ увидѣли Австрійцы, что имѣютъ дѣло не съ Фридрихомъ и не съ Мантейфелемъ. Идти же войной на Пруссію, когда свои собственныя дѣла, внутри государства, были еще хуже и запутаннѣе, чѣмъ прусскія за послѣдніе годы — было бы опасно. Система Шмерлинга (конституціонная соединенная Австрія) довела австрійскія дѣла до такой точки, дальше которой ужъ нельзя было идти. Въ то время, какъ государственный совѣтъ и его комитетъ усердно работали, чтобы изыскать средства на содержаніе войска и флота, правительство предъявило еще новыя требованія и поразило палату требованіемъ займа въ 117 милліоновъ гульденовъ. Министерство Шмерлинга подало въ отставку и получило ее; но въ то же время, надо замѣтить, что, по нѣкоторымъ параграфамъ конституціи, правительству разрѣшалось, въ случаяхъ настоятельной необходимости, издавать указы и помимо рейхсрата. Сессія была закрыта; затѣмъ, утверждено министерство съ штатгальтеромъ богемскимъ графомъ Белькреди во главѣ; венгерскій сеймъ созванъ, 17-го сентября, на 16-е октября, а остальные — 18-го на 23-е ноября; и, наконецъ, 26-го ноября обнародованъ манифестъ февральской конституціи, а соединенная государственная конституція устранена. Теперь австрійское правительство спѣшило покончить съ Венгріей, и тогда только окончательно предложить конституцію всѣмъ остальнымъ корпораціямъ представителей. Конституціонализмъ былъ, такимъ образомъ, возстановленъ въ Венгріи, а абсолютизмъ въ Цислейтаніи. При такомъ положеніи дѣлъ, когда денежныхъ средствъ болѣе чѣмъ не хватало, нельзя было и думать о войнѣ, во избѣжаніе которой и была заключена конвенція въ *Гаштейнѣ*, 14 августа 1865 г. По этой конвенціи, за 6.000,000 марокъ, герцогство Лауенбургъ отошло къ Пруссіи; Шлезвигъ очутился подъ управленіемъ Пруссіи же, а Голштинія — Австріи; Киль — будущій военный портъ союза — и Рендсбургъ — будущая крѣпость союза — считались общимъ владѣніемъ.

Австро-Пруссія. Гаштейнскій договоръ. 1865.

Этотъ договоръ былъ, однако, не болѣе, какъ перемиріемъ въ ожиданіи все яснѣе и яснѣе надвигавшейся войны. Въ то время, какъ въ Шлезвигѣ прусскій губернаторъ, генералъ фонъ-Мантейфель, воспрещалъ какое бы то ни было признаніе герцога «прирожденнымъ наслѣдникомъ престола» и даже угрожалъ ему тюремнымъ заключеніемъ, когда народъ торжественно встрѣчалъ его, въ октябрѣ 1865, въ Эккернфёрдѣ, — въ Голштиніи эта агитація происходила на глазахъ у всѣхъ и съ согласія австрійскаго губернатора лейтенантъ-фельдмаршала фонъ-Габленца, который высказывалъ, что «онъ не желаетъ править тамъ, какъ турецкій паша». Но именно это-то обстоятельство и подало прусскому правительству поводъ придраться къ его поведенію подъ предлогомъ, что онъ самоуправствуетъ и, при первомъ удобномъ случаѣ, затѣять войну.

Пруссія. Затрудненія.

Глава прусскихъ государственныхъ дѣятелей, князь Бисмаркъ, твердо рѣшился на войну, которая, какъ неизбѣжное зло въ будущемъ, не ускользала ни на минуту отъ вниманія всего королевскаго дома. И этотъ день

насталъ. Представлялся удобный случай для завоеванія, которое должно было закончить развитіе германской власти. Въ случаѣ пораженія, Пруссіи угрожали неожиданныя и неисчислимыя бѣды и паденіе; и прежде всего можно было ожидать полнаго торжества, — благодаря большинству голосовъ—прусской палаты депутатовъ въ военномъ вопросѣ, который еще болѣе обострился за послѣднее время. А такое пораженіе повело бы прямо къ ослабленію Пруссіи. Поэтому Бисмаркъ и придумалъ связать этотъ важный вопросъ со Шлезвигъ - Голштинскимъ.



Генералъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель.
Съ фотографической карточки 1864 г.

Отъ прежней Германіи нельзя было требовать разрѣшенія этого вопроса; такъ этого потребовали отъ новой. Сильнѣйшее изъ германскихъ государствъ предложило теперь *вопросъ о союзной реформѣ*, который и могъ быть предложенъ не иначе, какъ съ ножомъ къ горлу. Таково было мнѣніе Бисмарка, который еще въ 1862 г., въ бытность свою министромъ-президентомъ, такъ выразился въ бюджетной комиссіи палаты депутатовъ: «Важные вопросы нашего времени разрѣшаются не рѣчами или рѣшеніями большинства, но кровью и мечомъ».

1866 г. Германія и Италія. Австро-германско-итальянская война.

Такому разрѣшенію, однако, воспротивилось столько враждебныхъ элементовъ, что самый смѣлый и тонкій дипломатъ могъ бы стать втупикъ. Еще далеко не всѣ трудности и невзгоды исчерпывались для Австріи распрей внутри страны, гдѣ противорѣчіе между большинствомъ въ палатѣ депутатовъ и правительствомъ выступало теперь рѣзче, чѣмъ когда-либо. Настроеніе въ Шлезвигъ-Голштиніи и даже въ остальныхъ государствахъ Германіи, въ которыхъ (какъ въ нихъ ни было вообще мало единодушія) господствовало *одно*, общее чувство недовѣрія къ Пруссіи, враждебность Австріи, постепенно убѣждавшейся, что она до-

пустила вовлечь себя въ запутанный и даже опасный для нея вопросъ, и наконецъ—зависть всѣхъ остальныхъ державъ,—таковы были тяжелыя условія, въ которыхъ стояла въ то время Пруссія; но они еще болѣе осложнялись настроеніемъ въ кружкахъ консервативной партіи и вліяніями въ средѣ, окружавшей короля, который совершенно обдуманно пристalъ къ военной политикѣ, имѣвшей революціонный характеръ и поставившей его почти въ положеніе противника всѣхъ вообще германскихъ государей. Но *что* было для Пруссіи неизбѣжно, такъ это *союзъ* съ Италіей,—единственной державой, на которую она могла разсчитывать въ случаѣ своей войны съ Австріей; да и та смотрѣла на всю католическую часть германскаго и прусскаго населенія, а съ нимъ вмѣстѣ и на консервативную часть Пруссіи, какъ на продуктъ революціи. Однако, во всѣхъ этихъ противникахъ Прусскаго королевства было одно общее ясное сознаніе, — сознаніе того, чего бы они *не*-желали, и это сознаніе отнимало у нихъ послѣднюю силу: опредѣленность государственной воли. А между тѣмъ, глава прусской дипломатіи, величайшій изъ государственныхъ дѣятелей, спокойно и увѣренно шелъ своей дорогой, опираясь на прочныя основы правительственной и военной организаціи Пруссіи и на мужественный характеръ короля, принимавшаго сознательно и смѣло такія рѣшенія, на которыя его предшественники посмотрѣли бы совершенно иначе. 8 апрѣля 1866 г. состоялся тайный договоръ Пруссіи съ Италіей, срокомъ на три мѣсяца. Условія его были таковы: Италія получаетъ Венецію, а Пруссія — земли, равныя ей по цѣнности; Италія обязуется (равно какъ и Пруссія) не заключать отдѣльнаго мирнаго договора съ Австріей. Договоръ падаетъ, если Пруссія, по истеченіи условленныхъ трехъ мѣсяцевъ, не объявитъ Австрійцамъ войны. Переговоры съ Австріей не привели ни къ чему, и на слѣдующій же день по заключеніи съ Италіей вышеупомянутаго условія, прусское правительство предложило на окончательное рѣшеніе союзную реформу во Франкфуртѣ, 9 апрѣля 1866 г. Народное собраніе, созванное на ближайшій срокъ, должно было установить дальнѣйшія условія предлагаемой конституціи. Основныя черты этой новой конституціи Бисмаркъ изложилъ въ циркулярной депешѣ 27-го мая, въ которой онъ совершенно правильно упиралъ на то, что этого рода реформа, вылившаяся въ данныя формы въ силу обстоятельствъ, — прямо необходима въ интересахъ монархическаго и консервативнаго принципа. Съ помощью этой реформы выяснится и разрѣшится, самъ собою, Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ, но уже не съ точки зрѣнія наслѣдственности, а національныхъ убѣжденій. Рѣшеніе, въ отвѣтъ на этотъ запросъ, Австрія поручила 7-го іюня Союзу. Его намѣстникъ вызвалъ, на слѣдующій день, голштинскихъ сословныхъ представителей въ Итцехо (Itzehoe). Такимъ образомъ распался Гаштейнскій договоръ и потому Пруссаки, подъ начальствомъ Мантейфеля, снова вступили въ Голштинію съ сѣвера. Это было 7-го іюня; а 12-го Австрійцы, сообща со своимъ любимцемъ, герцогомъ Августенбургскимъ, прогнали ихъ изъ Голштиніи. Подъ вліяніемъ своего энергичнаго поступка, Австрійцы предъявили Германскому союзу требованіе мобилизировать соединенныя военныя силы всей Германіи, кромѣ Пруссіи, на основаніи

того, что она преступила правила, постановленныя 11-й статьей союзнаго акта, которая воспрещала членамъ Союза воевать между собою. Требованіе Австрійцевъ было принято большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 6-ти, и прусскій уполномоченный въ союзномъ собраніи тутъ заявилъ, что, по его мнѣнію, дальнѣйшее соблюденіе договора теперь немыслимо. Вслѣдъ затѣмъ, онъ предложилъ союзъ на новыхъ условіяхъ, такъ же какъ прусское правительство «усердно стремится къ единенію германскаго народа». Въ этомъ предложеніи прямо, безъ утайки, была высказана основная мысль Союза, возникшая нѣкогда среди тревогъ и опасностей, во Франкфуртѣ, въ 1848—49 г.,—мысль безпощадно-жестокая по отношенію къ прежней Германіи: § 1 — «Союзныя владѣнія будутъ впредь состоять изъ существующихъ доселѣ государствъ, за исключеніемъ императорскихъ австрійскихъ и королевскихъ нидерландскихъ земель».

Предложеніе прусской союзной реформы. Война.

Съ наступленіемъ 14-го іюня 1866 г. конституціонный кризисъ, развитіе котораго началось еще въ 1848 г., но не шло дальше, благодаря различнымъ кознямъ, распрямъ и ухищреніямъ,—достигъ крайняго своего предѣла. Это событіе, уже и безъ того весьма важное по своему историческому значенію, было особенно важно въ эту минуту, когда происходило повсемѣстно столько значительныхъ перемѣнъ, и когда интересы *Италіи* слились съ интересами Германіи. Такимъ образомъ, конституціонная борьба получила характеръ разрушенія старыхъ порядковъ и передовыхъ стремленій, которыя поддерживало единодушіе національныхъ чувствъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію быстрыхъ и рѣшительныхъ перемѣнъ, вызванныхъ этимъ неожиданнымъ разрѣшеніемъ такого важнаго кризиса, бросимъ бѣглый взглядъ на значеніе этого вопроса для Средней Европы, и тогда намъ яснѣе станетъ вся важность этихъ германскихъ событій и значеніе ихъ дѣятелей.

Положеніе Европы въ 1866 г.

Въ этомъ крупномъ переворотѣ, впрочемъ, не было непосредственно замѣшано ни одной изъ главнѣйшихъ державъ; а косвенно,—т. е. тѣснымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, связывавшихъ европейскій культурный міръ,—были замѣшаны всѣ, какъ первостепенныя, такъ и второстепенныя державы. Наименѣе же всего коснулся германскій переворотъ *Англіи* и Россіи. Первая изъ нихъ (Англія), во время германо-датской войны, сочувствовала Даніи, и ея правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, было бы даже непрочь оказать Датчанамъ и матеріальную помощь подъ условіемъ, чтобы и Франція присоединилась къ ней. Но, какъ только состоялось окончательное рѣшеніе Германскаго вопроса, Англія перестала принимать непосредственное участіе въ германскихъ дѣлахъ и главное свое вниманіе обратила на сѣверо-американскія событія, которыя должны были повліять на интересы Великобританіи. *Россія*, еще со временъ восточной войны враждовавшая съ Австріей, стала теперь на сторону Пруссіи, но не вмѣшивалась въ германскія дѣла, и не мѣшала ей также въ ея намѣреніяхъ относительно шлезвигъ-голштинскихъ земель. Русское правительство было поглощено заботами по обрусенію Польши и освобожденію крестьянъ, и терпѣливо выжидало удобной минуты, когда ей можно будетъ и въ Европѣ возстановить ея прежнее значеніе,

нѣсколько поколебленное Восточною войною. Отношеніе *Турціи* къ германскому кризису, — было весьма слабое и отдаленное, тѣмъ болѣе, что со времени мирнаго договора 1856 г. въ Турціи настали сравнительно спокойныя времена. Условія, въ которыхъ находились въ то время *скандинавскія* и *нейтральныя* державы, какъ-то: Голландія, Бельгія, Швейцарія, а также *Испанія* и *Португалія*, важны въ другомъ отношеніи; но болѣе другихъ коснулся германскій кризисъ *Франціи*, отчасти въ смыслѣ ея самой, отчасти же въ смыслѣ того, что одновременно съ нею онъ захватилъ и Италію, а также и потому, что, благодаря особенностямъ положенія Наполеона III, на Францію, скорѣе чѣмъ на другія державы, могли повліять внѣшнія событія.

Франція. Политика Наполеона.

Потерпѣвъ дипломатическое или нравственное пораженіе, которое самъ Наполеонъ III уготовилъ себѣ, совмѣстно съ Англіей и Австріей, въ польскихъ дѣлахъ 1863 года, онъ старался прикрыть это пораженіе своимъ непрактичнымъ стремленіемъ образовать европейскій конгрессъ. 5-го ноября 1863 г., по всему свѣту были разосланы его пригласительныя грамоты. Но конгрессъ этотъ провалился съ самаго начала, которое и положила Англія своимъ отказомъ въ немъ участвовать. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Джонъ Россель, весьма разумно привелъ въ оправданіе этого отказа свое мнѣніе, что конгрессы могутъ быть и созданы для того, чтобы ими заканчивать войны, но ужъ отнюдь не для того, чтобы предотвращать ихъ. Въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ Наполеонъ держался нейтральныхъ воззрѣній или даже скорѣе благоволилъ къ стремленіямъ германскаго народа. Въ этомъ отношеніи онъ выказалъ своего рода тактъ и предусмотрительность, безъ сомнѣнія, предвидя, какія большія послѣдствія повлечетъ за собою такой незначительный вопросъ. Онъ думалъ, что на этомъ пути можетъ ему представиться та возможность отличиться и получить вліяніе на внѣшнюю политику, которой онъ искалъ уже давно (съ 1861-го года), но на ложномъ пути. Этотъ путь былъ весьма гадательный и фантастичный планъ соединеннаго испанско-англійско-французскаго похода на Мексику въ духѣ Наполеона I, вродѣ его египетскихъ или испанскихъ предпріятій. Эти планы Наполеона III возбудили сильную оппозицію въ законодательномъ корпусѣ, а съ 1863 г. явился здѣсь еще болѣе сильный противникъ его идеямъ,—бывшій министръ Людовика-Филиппа, — Адольфъ Тьеръ. Въ высшей степени замѣчательный по своему прошлому, по своему необыкновенному уму и знанію внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, по своему краснорѣчію и преданности отечеству, Тьеръ былъ дѣйствительно выдающимся дѣятелемъ; а какъ таковой, онъ, понятно, не задумался, въ подобающихъ выраженіяхъ, требовать возстановленія конституціонныхъ началъ. Онъ встрѣтилъ себѣ поддержку противъ императора въ партіи умѣренныхъ, подъ предводительствомъ адвоката Эмиля *Оливье*, противникомъ котораго явился представитель интересовъ императора, министръ Эженъ Руэ. На открытіи вновь законодательнаго корпуса, въ февралѣ 1865 г., эта партія завербовала себѣ 15 человѣкъ для составленія проэкта адреса и сліянія во-едино, во имя программы, гласившей, что— «Франція, преданная династіи, дарующей ей благоустройство, тѣмъ не

менѣе стоитъ и за свободу». Всѣ эти и подобныя стремленія должны были, пока, дать дорогу лишь одному, главному вопросу:—германскому объединенію, и весьма вѣроятно, что Наполеонъ льстилъ себя тайной надеждой при этомъ поживиться, расширивъ свои границы со стороны Германіи, на что онъ, впрочемъ, и мѣтилъ съ самаго своего восшествія на престолъ. Въ одной бумагѣ, адресованной имъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Наполеонъ такъ высказываетъ свои искреннія пожеланія Франціи: увеличеніе французской территоріи, только тогда, когда карта Европы окончательно измѣнится, исключительно на пользу одной изъ главныхъ державъ, и въ то же время, когда жители пограничныхъ съ Франціей владѣній сами потребуютъ, чтобы ихъ присоединили къ ней; Пруссіи — онъ желаетъ «побольше силы и однородности на Сѣверѣ»; Австріи — поддержанія ея высокаго положенія въ Германіи, и, наконецъ, второстепеннымъ германскимъ государствамъ — «болѣе тѣснаго между собою сближенія». Итакъ, въ общей сложности, императоръ французскій желалъ Германіи распасться на три части, изъ которыхъ одна,—«болѣе тѣсный союзъ второстепенныхъ государствъ», вѣроятно, имѣла бы то же значеніе, какъ и какой-нибудь современный Рейнскій союзъ подъ протекторатомъ Франціи. Этимъ актомъ великодушно требовалась для Италіи Венеція, а такъ какъ Бисмаркъ относился къ предложеніямъ союзовъ, сопряженнымъ съ пріобрѣтеніями новыхъ владѣній, неблагопріятно, то Наполеонъ скорѣе и покончилъ съ Австріей, заключивъ съ нею тайный договоръ, по которому отъ Австріи отходила Венеція, а взамѣнъ ея къ ней присоединялась *Силезія*.

Между тѣмъ *Италія*, признанная большинствомъ европейскихъ державъ королевствомъ, постепенно окрѣпла въ своемъ государственномъ строѣ, и окрѣпла тѣмъ легче и скорѣе, что не встрѣтила сопротивленія со стороны свергнутыхъ династій, какъ будто онѣ и вовсе не существовали. Но въ то же время, положеніе молодого королевства было весьма неспокойно. Оно было (какъ выразился самъ король въ своей тронной рѣчи) создано, но еще не закончено, а для того, чтобъ закончить его, необходимо было присоединеніе Венеціи и завоеваніе Рима. Отказаться отъ этого послѣдняго было немыслимо: что же бы это была за Италія безъ Рима?! Послѣ смерти Кавура много смѣнилось министровъ, но ни одинъ не посмѣлъ предложить такую сдѣлку. Съ другой стороны, объ отреченіи папы отъ его положенія тоже не могло быть и помина, какъ ни были хороши тѣ рѣчи, съ которыми *Риказоли*, самый выдающійся изъ государственныхъ дѣятелей послѣ Кавура, обратился по этому поводу къ папѣ. Благодаря этимъ противорѣчивымъ и несогласнымъ между собою вопросамъ (такъ какъ каждый изъ нихъ, въ отдѣльности, былъ совершенно основателенъ), французское правительство попало въ весьма неловкое положеніе. Дружба Наполеона съ Италіей была, въ сущности, совершенно личнымъ его воззрѣніемъ: окружающіе, самъ французскій народъ и государственные дѣятели не раздѣляли ея. Такому человѣку, какъ Тьеръ, было ясно, что въ преобразованіяхъ Италіи, уже почти законченныхъ, много сходства съ преобразованіями Германіи, которыя и начались освобожденіемъ Шлезвига. Такимъ-то образомъ дѣло шло до того, что 15-го сентября 1864 г. Италія. Римъ. Венеція.

состоялась сдѣлка, въ силу которой Франція обязалась вывести изъ Рима свои войска, а Италія—уважать и защищать остальныя Папскія владѣнія; мѣстопребываніе же короля перенесено изъ Турина во Флоренцію. Послѣдній фактъ, казалось, могъ имѣть двоякое значеніе: одни истолковывали его, какъ отказъ отъ всякихъ притязаній на Римъ; другіе же—считали его лишнимъ шагомъ къ завладѣнію имъ же. Но папская курія откликнулась на этотъ договоръ и на его полумѣры рѣшительнымъ и далеко недвусмысленнымъ посланіемъ,—папской *энцикликой* отъ 8-го декабря 1864 года. Въ ней объявлялась война всѣмъ «ложнымъ ученіямъ и заблужденіямъ», перечень которыхъ (въ итогѣ добрыхъ 80 пунктовъ) заключался въ приложенномъ къ окружному посланію «Syllabus»'ѣ. Все это были основныя мысли и правила, на которыхъ основывался порядокъ современнаго государственнаго строя, и которыя, понятно, были здѣсь переданы іезуитами въ нарочно искаженномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, 77-е и 80-е изъ этихъ ученій гласило въ ихъ передачѣ: «Въ наше время уже нѣтъ пользы въ томъ, чтобы католическая вѣра была единою и общей для всего государства, съ наложеніемъ запрета на прочіе культы; поэтому, хорошо сдѣлали въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, что закономъ обезпечили пришлому населенію право открыто исповѣдывать ихъ вѣру,—какова бы она ни была».

Прусско-итальянскій союзъ.

Совпаденіе германскихъ и итальянскихъ интересовъ не ускользнуло отъ проницательности итальянскихъ государственныхъ людей и еще для Кавура было совершенно ясно, что вскорѣ Пруссія послѣдуетъ примѣру Сардиніи. Въ маѣ 1866 г. Тьеръ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ мнѣніе, что главнымъ образомъ слѣдуетъ воспрепятствовать *Италіи* входить въ союзъ съ Пруссіей. А между тѣмъ, какъ намъ уже извѣстно, этотъ союзъ уже былъ тайно заключенъ 8-го апрѣля. Въ силу же австро-французской сдѣлки, Франція располагала теперь Венеціей и предлагала ее Итальянцамъ, вслѣдствіе чего уже не представлялось больше надобности изъ-за нея обнажать мечъ. Итальянскіе государственные дѣятели, однако, непоколебимо стояли на своемъ: не подарокъ Французовъ, Венеція, могъ бы имъ быть полезенъ, а союзъ съ Германіей, обновленной Прусскимъ королевствомъ. И, конечно, не въ союзѣ съ полу-папистской страною, Франціей, могла Италія надѣяться вернуть себѣ Римъ.

Начало войны. Взятіе Ганновера, Дрездена и Касселя.

Врядъ-ли было дотолѣ въ исторіи время, въ которое бы, какъ лѣтомъ 1866 года, борьба велась изъ-за болѣе важныхъ интересовъ и цѣлей. Замѣчательно, что повсемѣстно, а особенно въ Германіи и, къ тому же, въ такъ-называемомъ либеральномъ кругу, господствовало настроеніе, враждебное Пруссіи. Мы всегда охотнѣе вѣримъ тому, къ чему сильнѣй стремимся; въ силу этой житейской привычки, вѣроятно, и Австрійцы убѣдили себя, наравнѣ съ участниками коалиціи, въ неизбѣжности побѣды надъ Пруссіей. Офиціальныя численныя данныя, дѣйствительно, дали значительный перевѣсъ на сторонѣ Австрійцевъ и ихъ союзниковъ; поэтому, они тотчасъ же приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, которыя начались неблагопріятно для австрійскихъ войскъ. 14-го іюня началась война, а въ послѣдующіе три дня: 15-го, 16-го и 19-го Пруссаки овладѣли Ганновером, Дрезденомъ и Касселемъ.

На югѣ, на театрѣ войны *въ Италіи*, походъ начался несчастливо для соединеннаго итальянско-прусскаго оружія. Во главѣ министерства сталъ Риказоли и, такимъ образомъ, кормило правленія оказалось въ критическую минуту въ надежныхъ рукахъ. Король Викторъ-Эммануилъ и его министръ-президентъ, генералъ Ламармора, выступили на поле битвы. Къ сожалѣнію, они не послѣдовали разумному совѣту Пруссаковъ «разить» Австрійскую имперію «прямо въ сердце», въ виду того, что численный перевѣсъ былъ безспорно на сторонѣ австрійскаго войска. Сплотивъ свои военныя силы, они стянули ихъ въ укрѣпленный четыреугольникъ при Кустоццѣ, на лѣвомъ берегу Минчіо, и 24 іюня потерпѣли тяжкое пораженіе. Эрцгерцогъ Альбрехтъ, стоявшій во главѣ непріятельскаго войска, настолько далъ себя знать, что итальянское войско еще добрыхъ недѣли двѣ не могло быть приведено въ порядокъ, чтобы снова подготовиться къ битвѣ. Театръ войны на югѣ. Кустоцца.

Но рѣшающее значеніе имѣли не эти военныя дѣйствія въ Италіи, гдѣ Австрія желала только одного: съ возможно большимъ достоинствомъ или хоть выгодой *лишиться* Венеціи; нѣтъ, — эту роль должна была играть Германія, какъ театръ военныхъ дѣйствій, которыя слѣдовало подраздѣлить на *западныя* и *восточныя* или, иначе говоря, на германскія и австрійскія. Пруссіи предстояла задача дать матъ ганноверскимъ и гессенскимъ войскамъ и помѣшать ихъ сліянію съ южногерманскими, баварскими, вюртембергскими и баденскими военными силами. Бисмаркъ не оставлялъ Ганноверскій домъ въ заблужденіи насчетъ того, какое значеніе имѣлъ бы для него союзъ съ Австріей; но король Георгъ V былъ глухъ къ этимъ предостереженіямъ и, казалось, былъ увѣренъ, что Богъ не оставитъ своею помощью домъ царственныхъ Гвельфовъ до скончанія вѣка. Онъ гордо отвергъ предложеніе прусскаго правительства заключить нейтральный миръ при обезпеченіи ему, королю Ганноверскому, его положенія на престолѣ, но на условіяхъ предложенной союзной реформы. Георгъ V пошелъ со своими войсками по направленію къ югу, а въ это время съ сѣвера подошелъ къ его столицѣ генералъ Мантейфель, съ во- Дѣла на Западѣ. Лангензальца.



Король Георгъ V, Ганноверскій.
Съ фотографическаго портрета.

стока же Фогель фонъ-Фалькенштейнъ. 17-го іюня Ганноверъ уже былъ во власти Пруссаковъ, а на слѣдующій же день Кассель былъ взятъ генераломъ Бейеромъ, подоспѣвшимъ сюда изъ Вецлара. Тамъ, тоже, удалось Пруссакамъ побѣдоносно завладѣть городомъ и взять въ плѣнъ жестокаго князя, который уже много лѣтъ безчестилъ этотъ древній престолъ. Его, курфюрста, Фридриха-Вильгельма, захватили въ его замкѣ Вильгельмсгёге и отвезли въ Штеттинъ, какъ прусскаго военноплѣннаго. Въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ сперва не было единодушія и энергіи. Медленно собирались баварскія войска подъ начальствомъ принца Карла Баварскаго, всего 40,000 чел. и 131 орудіе; а также, долгое время спустя, и отряды 8-го германскаго союзнаго корпуса, нассауескія, вюртембергскія, гессенскія, баденскія и австрійскія майнцскія подкрѣпленія, всего 45,000 чел., подъ предводительствомъ принца Александра Гессенскаго. Согласно *Ольмюцской конференціи*, состоявшейся 14-го іюня между Австріей и Баваріей, кромѣ общей военной цѣли, было обращено вниманіе еще и на обезпеченіе земель. Возможное лишь при быстромъ движеніи войскъ сліяніе ганноверскихъ войскъ съ баварскими не состоялось, потому что быстраго движенія не было ни съ той стороны, ни съ другой. 27 іюня 1866 г. 10,000 чел. Пруссаковъ, съ генераломъ Флиссомъ во главѣ, дали сраженіе 22,000 Ганноверцевъ при 52 орудіяхъ, при *Лангензальцѣ*, гдѣ и разбили ихъ 28-го числа, заставивъ сдаться на капитуляцію, — на почетныхъ, впрочемъ, условіяхъ. Только что передъ этимъ король Ганноверскій возымѣлъ мысль заключить договоръ со своимъ непріятелемъ и, въ силу его, обѣщалъ, что онъ цѣлый годъ не двинетъ своихъ войскъ противъ Пруссіи, а затѣмъ переѣхалъ на житье въ Вѣну. На развалинахъ военной защиты Ганноверцевъ произошло сліяніе прусскихъ силъ въ одну, такъ, называемую *Майнцскую армію*, довольно умѣренную по своей численности, — 45,000 чел. и 3,000 конницы. Эта армія, предводимая генераломъ фонъ-Фалькенштейномъ, быстротой своихъ движеній вполнѣ искупала свой недостатокъ въ числѣ, въ то время какъ войска союзниковъ, баварскія и 8-го армейскаго корпуса, не одушевленныя единствомъ или энергичнымъ предводительствомъ, дѣйствовали не дружно и вяло, безъ опредѣленнаго плана.

Пруссаки же благоразумно сосредоточили гвардію и всѣ свои восемь армейскихъ корпусовъ,—въ общемъ итогѣ до 326,000 чел.,—въ восточной части театра войны, направивъ ихъ противъ главнаго своего врага — австрійцевъ. Какъ военныя, такъ и политическія ихъ дѣйствія пошли теперь у Пруссаковъ рука-объ-руку по заранѣе тщательно обдуманному плану. Главнокомандующимъ здѣсь, на мѣстѣ всесторонней самозащиты, былъ король Вильгельмъ, котораго, послѣ Фридриха Великаго, слѣдовало считать первымъ изъ главнокомандующихъ дома Гогенцоллерновъ. Начальникомъ генеральнаго штаба состоялъ графъ Мольтке, подобно королю, человѣкъ ничѣмъ особенно не выдающійся, но, какъ и онъ, призванный волею судьбы свершить громкія, выдающіяся дѣла. Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, Бисмаркъ умѣлъ выбирать людей, которые обезпечивали успѣхъ его планамъ и такимъ образомъ помогали ихъ выполненію. Если бы въ Германіи всѣ были въ состояніи



Генералъ фонъ-Мольтке, начальникъ генеральнаго штаба прусской арміи.
Съ фотографическаго портрета.

что-либо объ этомъ думать въ такое смутное время, то были бы сильно озадачены манифестами обоихъ государей и главнокомандующихъ,—Вильгельма и Франца-Іосифа, — къ своему народу: крайне трудно было бы рѣшить, на чьей сторонѣ было единство и свобода мысли? Впрочемъ, съ послѣдней точки зрѣнія, война, которую вела Пруссія, могла считаться *оборонительной*. «Куда бы мы ни взглянули (совершенно справедливо говорилось въ манифестѣ), по всей Германіи мы окружены врагами и ихъ бранный кличъ — униженіе Пруссіи!» — Но и эта оборонительная война, подобно Семилѣтней, велась наступательно. Въ то время, какъ сѣверная австрійская армія въ 240,000 чел., подъ командой фельдцейхмейстера Людвига фонъ-*Бенедекъ*, соединилась при Ольмюцѣ, туда же подоспѣла и прусская, въ видѣ трехъ корпусовъ, при чемъ второй изъ нихъ, лѣвое крыло, подъ командою кронпринца *Фридриха-Вильгельма*, числомъ 150,000 чел., пришелъ изъ Нейсы въ Силезію; первый (центръ), подъ начальствомъ принца *Фридриха-Карла*, 96,000 чел., изъ Герлитца въ Лаузитцѣ; а третій,

правое крыло, подъ начальствомъ генерала *Герварда фонъ-Биттенфельда*, 71,000 чел., изъ Торгау въ Саксонской провинціи. Когда, по примѣру Ганновера и Касселя, Дрезденъ также отказался принять требованія Пруссіи, прусскія войска двинулись впередъ съ колокольнымъ звономъ, и 20 іюня 1866 г. вся Саксонія была уже въ ихъ власти. Но, въ противоположность 1756 г., саксонскія войска успѣли благополучно присоединиться къ австрійской арміи, а прусская, тѣмъ временемъ, уже вступила въ Богемію, чтобы затѣмъ соединиться при Гитчинѣ (Gitschin) съ остальной арміей на враждебной территоріи. Ложныя телеграммы о мнимомъ пораженіи кронпринца, котораго будто бы оттѣснили на Нейсу, ободрили друзей имперіи; но это отнюдь не помѣшало побѣдоносному шествію прусской арміи, надвигавшейся на врага съ трехъ сторонъ. Сознаніе самозащиты, военныя доблести, неустрашимость въ низшихъ слояхъ войска, образованность и общая съ солдатами храбрость въ высшихъ слояхъ — выказались теперь въ полномъ блескѣ цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ побѣдъ. Армія Эльбы отличилась при Хюнервассерѣ 26 іюня; первая армія — при Турнау и при Подолѣ, а 29-го при Гитчинѣ; третья — при Траутенау (Буркерсдорфѣ и Соорѣ), при Находѣ, Скалицѣ (Skalitz) и Швейншеделѣ. Главнокомандующій австрійской арміи, при видѣ потерь (особенно военноплѣнными), какихъ уже стоила ему эта война, и самъ растерялся. «Катастрофа для арміи неизбѣжна!» телеграфировалъ онъ въ Вѣну 1-го іюля, и ужъ было собрался смиренно заключить миръ;



Фельдцейхмейстеръ Людвигъ фонъ-Бенеденъ.
Рисовалъ и литографировалъ К. Кайзеръ.

но ободрился и двинулся къ сѣверу отъ Эльбы на большую дорогу, которая ведетъ изъ Гитчина въ Кёниггрецъ,—крѣпость съ 210,000 чел. войска и 500 орудій, которыми онъ вполнѣ могъ располагать, такъ какъ они еще были нетронуты. 30-го іюня прибылъ къ своимъ войскамъ король Вильгельмъ и принялъ на себя непосредственное надъ ними командованіе. 2-го іюля онъ прибылъ въ Гитчинъ (Gitschin), гдѣ и получилъ извѣстіе, что Австрійцы расположились по сю сторону Эльбы. Всѣ три арміи были теперь такъ близко одна отъ другой, что дѣло могло дойти до рѣшительнаго сраженія, которое, дѣйствительно, и состоялось 3 іюля 1866 года, при *Кёниггрецъ*. Австрійская армія была расположена на высотахъ между Тротинабахомъ на сѣверо-востокѣ и Бистрицемъ на западѣ. Поутру вся сила нападенія обрушилась на центръ прусской арміи, которымъ командовалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, и Бенедекъ надѣялся, что онъ успѣетъ съ нимъ порѣшить прежде, чѣмъ къ нему на помощь подоспѣетъ съ востока армія кронпринца. Болѣе опредѣленно можно уяснить себѣ положеніе вышеупомянутаго центра, если припомнить, что онъ былъ расположенъ при деревнѣ *Садовой*; эльбинская армія, подъ начальствомъ Герварта, у праваго прусскаго крыла, могла переправляться черезъ Бистрицъ лишь медленно, по единственному наведенному мосту; но на ея правомъ берегу войска встрѣтили упорное сопротивленіе при деревняхъ Примѣ и Проблѣ со стороны Саксонцевъ, войска которыхъ составляли лѣвое крыло австрійской арміи. Съ 12 до 1 час. дня наступилъ самый опасный для Пруссаковъ моментъ. Однако, Бенедекъ не съумѣлъ воспользоваться во-время критическимъ положеніемъ непріятельскаго центра и не повелъ своихъ Австрійцевъ въ атаку; а тамъ подоспѣлъ къ Пруссакамъ кронпринцъ и соединеніе прусскихъ войскъ состоялось, такъ что вскорѣ самимъ Австрійцамъ уже пришлось опасаться, какъ бы ихъ не оцѣпили: съ праваго ихъ крыла — армія Эльбы, а съ лѣваго — кронпринцъ. Около 3-хъ час. пополудни первая гвардейская дивизія, съ генераломъ Гиллеромъ фонъ-Гертрингеномъ во главѣ, штурмовала самое слабое мѣсто непріятельской позиціи, — высоты Хлума. Усилія Австрійцевъ снова овладѣть деревней были тщетны, и къ 5-ти час. Бенедекъ былъ вынужденъ отдать приказъ объ отступленіи. На высотахъ Хлума, подъ вечеръ, кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ соединился со своимъ царственнымъ отцомъ, который собственноручно надѣлъ ему на шею орденъ «Pour le mérite». На слѣдующій день, когда были приведены въ извѣстность результаты прусской побѣды, оказалось у Австрійцевъ: 22,000 чел. военноплѣнныхъ, а въ общемъ 44,000 чел. потери, тогда какъ со стороны Пруссаковъ убыло всего 9,000 чел.

дѣла на западѣ. Походъ на Майнъ.

Такимъ образомъ, двѣ недѣли спустя по объявленіи войны, она была, повидимому, уже окончена. Походъ майнской арміи и событія въ *западной* части театра войны интересны въ историко-научномъ и военномъ отношеніи лишь настолько, насколько ихъ касается побѣда новаго самостоятельнаго государства,—Пруссіи,—надъ старымъ и несамостоятельнымъ, т. е. надъ союзными германскими владѣніями. Первое столкновеніе майнской арміи съ Баварцами произошло черезъ день послѣ Кёниггретца, а именно 10-го іюля 1866 г. при Киссингенѣ. Часть майнской арміи, ко-



Генералъ фонъ-Гёбенъ.
По фотографіи.

торою командовалъ Мантейфель, служила ей же прикрытіемъ при отступленіи на Вюрцбургъ, а генералъ Гёбенъ пошелъ противъ 8-го корпуса, разбилъ его при Ашаффенбургѣ и 16-го вступилъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ. По настоянію сената, сеймъ (союзное собраніе), однако, успѣлъ оттуда во-время выѣхать въ Аугсбургъ, и тамъ, въ знаменитой гостинницѣ «Трехъ Мавровъ», покончить свое почти 50-лѣтнее существованіе. Теперь этому городу приходилось расплачиваться за свои симпатіи къ Австріи; но въ общемъ, въ отношеніяхъ Пруссіи къ остальнымъ государствамъ не проглядывало въ войнѣ никакой ненависти и настроеніе ихъ уже начало измѣняться съ той минуты, какъ союзныя войска, успѣвшія соединиться, вынесли цѣлый рядъ сраженій: при Вербахѣ, Таубербишофсгеймѣ и т. д. Наконецъ, 2-го августа наступило перемиріе, въ то время какъ въ восточной сторонѣ военныхъ дѣйствій оно началось еще съ 22-го іюля. Но съ нѣкоторыхъ поръ дѣла эти получили совсѣмъ неожиданный оборотъ.

Никольсбургскій миръ. Наполеонъ.

Не особенно достойнымъ образомъ Габсбургскій домъ покинулъ свой высокій постъ въ Германіи. Когда до Франца-Іосифа дошло извѣстіе о большомъ пораженіи въ ночь съ 3-го на 4-е іюля, онъ уступилъ Венецію Наполеону съ явнымъ намѣреніемъ пріобрѣсти себѣ благосклонность Французскаго императора, а слѣдовательно и защиту союзника противъ своего побѣдоноснаго соперника въ Германіи. Это намѣреніе было настолько очевидно, что въ немъ не могло быть сомнѣнія; но первая половина этого намѣренія не удалась совершенно, такъ какъ Риказоли, глава итальянскаго министерства, высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Есть вещи подороже Венеціи: это честь Италіи и ея короля!» — Вслѣдствіе этого Викторъ-Эммануилъ отклонилъ внушенное ему Наполеономъ перемиріе. Итальянцы занялись дѣятельными приготовленіями къ войнѣ, которая хоть и не принесла имъ удачи, но не принесла и позора, несмотря на пораженіе ихъ флота 19-го іюля подъ начальствомъ Персано при *Лиссѣ*, у далматскаго берега: побѣдителемъ оказался австрійскій адмиралъ Тегетхоффъ. Относительно Французовъ Итальянцы больше не принимали на себя никакихъ обязательствъ. 14-го іюля французскій посолъ Бенедетти прибылъ въ прусскую главную квартиру. Здѣсь онъ узналъ, что условія перемирія будутъ заключены лишь по утвержденіи условій мирнаго договора. Бенедекъ пріютилъ свое тяжко-потерпѣвшее войско въ Ольмюцѣ, чтобы оттуда препроводить его въ Вѣну, на Пресбургъ. Съ

юга былъ призванъ на мѣсто этого главнокомандующаго эрцгерцогъ Альбрехтъ. Къ 20-му числу прусскія войска стали на востокѣ до Пресбурга и на западѣ до Кремса вдоль Дуная, готовыя вступить въ битву. Самой столицѣ Австріи, Вѣнѣ, — угрожала опасность, и Бисмаркъ, на всякій случай, заключилъ союзъ съ даровитымъ вождемъ венгерской эмиграціи—Клапкой. 22-го іюля, во время сраженія при Блуменау, которое должно было предать Пресбургъ во власть Пруссакамъ, пришла вѣсть о заключенномъ перемиріи, и противники обоюдно, поневолѣ, прекратили непріязненныя дѣйствія.

Быстро, одинъ за другимъ, стали теперь слѣдовать за этимъ перемиріемъ мирные договоры. 26-го іюля 1866 г. состоялся между Австріей и Пруссіей въ Никольсбургѣ предварительный, а 23-го августа, въ Прагѣ,—окончательный миръ. Въ августѣ, въ Берлинѣ, между отдѣльными германскими государствами и Пруссіей; въ октябрѣ—между Австріей и Италіей, въ которомъ признана была Наполеономъ его обратная уступка Венеціи итальянскому правительству. Австрія вынуждена была уплатить Пруссіи довольно умѣренныя военныя издержки; порвала свою политическую связь съ Германіей; отказалась, въ пользу Пруссіи, отъ своихъ правъ на Шлезвигъ-Голштинію и признала за Германіей ея новый государственный строй.

Перемѣна строя въ Германіи.

Мирными договорами германскія государства принуждены были уплатить Пруссіи неособенно большія военныя издержки, а Баварія и великое герцогство Гессенское—сдѣлать незначительныя уступки въ своихъ владѣніяхъ. Изъ Шлезвигъ-Голштиніи, Нассау, Ганновера, курфюршества Гессенскаго, Гессенъ-Гомбурга и Франкфурта, съ Пруссіей во главѣ, было образовано объединенное государство подъ общимъ названіемъ *сѣверо-германскаго союза*, на основаніяхъ прусской союзной реформы, къ которой присоединилось, въ сѣверной своей части (къ сѣверу отъ Майна), и великое герцогство Гессенское. Къ югу отъ Майна остальныя владѣнія герцога Гессенскаго, Баварія, Баденъ и Вюртембергъ,—остались независимы и получили возможность составить отдѣльный союзъ, которому не было указано примкнуть къ сѣверо-германскому союзу. Послѣ шестимѣсячной отсрочки, они остались въ таможенномъ союзѣ и потому объединеніе ихъ, въ сущности, было еще крѣпче, тѣмъ болѣе, что всему свѣту было извѣстно, что въ новомъ побѣдоносномъ германскомъ государствѣ теперь заключались тайные *оборонительно-наступательные союзы* между Баваріей, Баденомъ и Вюртембергомъ, т. е. договоры, взаимно гарантировавшіе соучастникамъ безопасность ихъ владѣній отъ постороннихъ нападеній, при чемъ, на случай войны, Пруссіи предоставлялась роль главнокомандующаго надъ второстепенными государствами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Германія и Франція послѣ 1866 г.—Сѣверо-американская междоусобная война и Мексиканское царство. — Непогрѣшимость папы.—Италія, Германія и Франція съ 1866 по 1870 г.

Благодаря войнѣ и ея неожиданнымъ результатамъ, Германіи представилась возможность осуществить, и сравнительно довольно легко, устройство новаго союзнаго государства. Слѣдующее затѣмъ слѣдствіе войны было—устраненіе конституціоннаго проэкта въ самой Пруссіи. Палата депутатовъ была распущена, а новые выборы, состоявшіеся въ день Кениггретца, значительно усилили правительственную партію. Общее положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Прусская армія, преобразованная самимъ королемъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, отличилась самымъ блестящимъ образомъ, а грандіозная побѣда привела, наконецъ, къ заключенію то, что созидалось стараніями либераловъ еще со временъ Франкфурта, Готы и Эрфурта. Король и его главный министръ, у котораго такъ много было враговъ, воспользовались удобной минутой и употребили свою замѣчательную побѣду на полѣ битвы на то, чтобы водворить миръ внутри своего государства. Въ своей первой тронной рѣчи, 5-го августа, король Вильгельмъ объявилъ, что его правительство поставитъ себѣ задачей *вознагражденіе* минувшаго безбюджетнаго времени. При всей своей власти и сознаніи одержанной побѣды, онъ сознавалъ свои конституціонныя обязанности и, великодушно подчиняясь имъ, привелъ въ исполненіе дальнѣйшее развитіе страны. Умѣренно-либеральные элементы стали на сторону Бисмарка, благодаря военнымъ событіямъ, да и вообще новый государственный строй нашелъ себѣ опору въ либеральной партіи присоединенныхъ государствъ. Затѣмъ воспослѣдовало время тяжелой, кипучей законодательной работы, въ которой правительство и большинство представителей народа единодушно трудились на пользу народныхъ интересовъ, а по истеченіи лишь одного года къ нимъ примкнули и депутаты подчиненныхъ Пруссіи владѣній. Тогда же была введена всеобщая воинская повинность во всемъ новообразованномъ государствѣ, которое въ итогѣ представляло вполнѣ связное цѣлое, протяженіемъ въ 6,595 кв. миль съ населеніемъ въ 24,000,000 чел. Привести въ исполненіе это сліяніе было не особенно трудно. Въ курфюршествѣ Гессенскомъ запасъ вѣрности и преданности подданныхъ своему государю (особенно при трехъ послѣднихъ курфюрстахъ) сильно поистощился, такъ же, какъ и въ Ганноверѣ, которому сверженный король самъ измѣнялъ, ожидая поддержки со стороны Французовъ.

Сѣверо-германскій союзъ.

Съ наступленіемъ февраля 1867 г. въ Берлинѣ открылся рейхстагъ, избранный согласно правиламъ союзной реформы и злополучной франкфуртской конституціи 1849 г., а вслѣдъ затѣмъ состоялась и консти-

туція сѣверо-германскаго союза, которая была рѣшена въ декабрѣ 1866 года на конференціи союзныхъ правительствъ и окончательно установлена въ Берлинѣ. Эта конституція создала чрезвычайное единеніе въ 22-хъ отдѣльныхъ государствахъ и ихъ 30,000,000 населенія, но воспользовалась имъ лишь въ смыслѣ самыхъ скромныхъ размѣровъ. *Президентомъ союза* былъ король Прусскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ правомъ объявлять войну и заключать миръ, а также и быть главнокомандующимъ соединенныхъ германскихъ войскъ. Союзный совѣтъ, состоявшій изъ 43 чел. уполномоченныхъ отдѣльныхъ государствъ (изъ нихъ лишь 17 чел. Пруссаковъ), учредилъ постоянные спеціальные отдѣлы въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя подлежали вѣдѣнію союза; кромѣ того, онъ былъ представителемъ отдѣльныхъ правительствъ, но совершенно въ иномъ родѣ, нежели тѣ статисты, которые нѣкогда составляли союзный совѣтъ во Франкфуртѣ. Сверхъ того, ежегодно собирался въ Берлинѣ рейхстагъ, т. е. тотъ именно парламентъ, котораго добивались уже болѣе четверти вѣка. Онъ состоялъ изъ депутатовъ, представителей народныхъ интересовъ, по одному депутату на каждые 100,000 чел., которые выбирали его на основаніи обычныхъ правилъ подачи голосовъ,—снабжая всѣми конституціонными правами. По соглашенію этихъ трехъ главныхъ факторовъ, возникли и союзные законы: военное, морское, таможенное, торговое и почтовое вѣдомства были общія, но самый славный шагъ впередъ сдѣланъ былъ въ § 3 этой новой конституціи, законченной 17-го апрѣля 1867 г.: каждый гражданинъ каждаго отдѣльнаго государства былъ признанъ въ то же время гражданиномъ и другихъ союзныхъ государствъ.

Южныя государства. Таможенный союзъ.

Тутъ были на-лицо всѣ условія для успѣшнаго развитія; но не такъ стояло дѣло съ южнымъ союзомъ, который былъ предложенъ Пражскимъ договоромъ. Онъ былъ неосуществимъ, такъ какъ составлявшія его владѣнія—третья часть гессенскихъ, Баварія, Баденъ и Вюртембергъ, т. е. 2,114 кв. миль съ 8,600,000 чел. населенія,—не могли, да и не хотѣли отказаться отъ своей независимости ради федераціи, которая не давала имъ никакихъ ощутительныхъ, настоящихъ выгодъ. Впрочемъ, онъ былъ, пожалуй, даже излишнимъ, потому что эти же государства оставались членами *таможеннаго союза*, законоположенія котораго (конституція) постепенно стали настолько мягче и доступнѣе, что со всѣхъ сторонъ къ нему стремилось и дѣйствительно присоединялось множество депутатовъ союзныхъ владѣній, на тѣхъ же выборныхъ условіяхъ. Таково было здѣсь единство, несравненно большее, нежели когда-либо могло быть встарину на союзныхъ сеймахъ, а изъ того, какъ шли теперь дѣла, ясно можно было вывести заключеніе, что изъ таможеннаго сейма образуется, съ теченіемъ времени, таможенный парламентъ, изъ таможеннаго же союза—всеобщій союзъ. И всего яснѣе это представлялось тѣмъ, которые сами хотѣли помѣшать сліянію своимъ ограниченнымъ партикуляризмомъ. Но духъ народа, сознаніе въ немъ своей силы и правоты убѣжденій восторжествовали и парламентаризмъ оказался всесильнымъ рычагомъ всего добраго и справедливаго въ государствѣ; правительство и представители народа, наконецъ, сошлись за дружной работой надъ разрѣшеніемъ великой задачи государственнаго устройства.

Остальныя государства Европы съ 1866 г.

Такой крупный переворотъ въ сердцѣ Европы не могъ не отразиться на всѣхъ остальныхъ государствахъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ убѣжденнѣе была въ нихъ вѣра въ гибель Германіи. Скандинавскихъ земель эти треволненія почти не коснулись. Въ *Даніи* довольно скоро погасла надежда на вспыхнувшій между Австріей и Пруссіей раздоръ, а та статья Пражскаго договора, по которой шлезвигскія земли должны были отойти къ Даніи въ случаѣ, если бы ихъ населеніе высказалось въ этомъ духѣ, оказалась теперь совершенно безполезною. Въ *Швеціи*, послѣ богатаго событіями 1866 года, прежній четырехъ-областной государственный строй былъ замѣненъ современнымъ конституціоннымъ, съ двумя палатами во главѣ. Преемникъ же Оскара I, наслѣдовавшій ему въ 1859 году, Карлъ XV, попробовалъ преобразовать свое войско въ подражаніе германской новой системѣ самозащиты; но эта попытка не имѣла успѣха. Впрочемъ, какъ въ Швеціи, такъ и въ *Норвегіи*, сожалѣніе объ утерянномъ Даніей Шлезвигѣ скоро изгладилось. Какъ та, такъ и другая держава сознавали, что имъ не только не страшна, но даже полезна своей властью новооснованная германская держава, которая ихъ не коснется, а скорѣе защититъ въ случаѣ нападенія на нихъ могущественной ихъ сосѣдки — Россіи, тщеславные замыслы которой, впрочемъ, были направлены теперь въ другую сторону. Въ томъ же смыслѣ, какъ и Скандинавія, могли привѣтствовать основаніе новаго германскаго государства и другія нейтральныя державы, какъ-то: *Голландія*, *Бельгія*, *Швейцарія*. Народная гордость предписывала королю и его главному министру чрезмѣрно грандіозныя цѣли и стремленія, которыя могли быть наиболѣе опасны для Бельгіи, какъ для страны, являющейся естественнымъ вознагражденіемъ Франціи за расширеніе прусскихъ владѣній. Король Бельгійскій, Леопольдъ II, преемникъ своего досточтимаго отца на престолѣ, за-одно съ Фреръ-Орбаномъ I, вождемъ либеральнаго правительства, ко-



Леопольдъ II, король Бельгійскій.
Рисованъ и литографированъ Мецмахеромъ.

торое управляло дѣлами государства съ 1867 по 1870 годъ, противился косвеннымъ попыткамъ слить незамѣтно Бельгію съ Франціей. Такова, напримѣръ, была цѣль объединенія желѣзнодорожнаго управленія бельгійской и французской сѣти восточныхъ дорогъ, которая подорвала бы самостоятельность бельгійскихъ желѣзнодорожныхъ путей. Въ общемъ же эти оба государства продолжали выполнять свое естественное назначеніе, а именно: смягчать взаимныя отношенія и противорѣчія сильнѣйшихъ державъ, благодаря тому, что представляли собой удобную почву для мирныхъ и международныхъ отношеній, а внутри страны продолжали успѣшное развитіе своихъ самыхъ похвальныхъ и лучшихъ сторонъ.

Россія, также, дѣйствовала нейтрально относительно стараго и новаго германскаго государственнаго строя. Личныя симпатіи императора были на сторонѣ Пруссіи; въ то же время, скорѣе поверхностный, нежели дѣйствительный упадокъ австрійскаго могущества былъ выгоденъ для русскихъ стремленій на Востокѣ. Но, несмотря на это, политика Россіи, послѣ 1856 г., была очень осторожна по отношенію къ Восточному вопросу. Отчасти эта осторожность объясняется той необходимостью долгой и упорной борьбы, которую Россія была вынуждена вести около этого времени въ Средней Азіи. Дѣйствительно, въ періодъ времени между 1864 и 1876 гг., императоръ Александръ II велъ снова цѣлый рядъ упорныхъ войнъ въ Средней Азіи, прокладывая европейской цивилизаціи новые пути внутрь Азіи. Россія.

Движеніе Россіи внутрь Средней Азіи началось еще издавна и было вызвано необходимостью защиты восточныхъ границъ отъ разбойническихъ набѣговъ со стороны кочевниковъ и желаніемъ завязать торговлю съ средне-азіатскими ханствами. Первыя попытки утвердиться на восточномъ берегу Каспійскаго моря и вступить въ сношенія съ Хивою—были сдѣланы въ царствованіе Петра Великаго. При его преемникахъ построена была Оренбургская линія укрѣпленій для защиты отъ разбойническихъ набѣговъ туркменскихъ племенъ. Позднѣе, эта линія была съ двухъ сторонъ продолжена внутрь средне-азіатскихъ степей: — съ одной стороны отъ Оренбурга, съ другой—отъ Западной Сибири. Въ теченіе столѣтія, отъ 1740—1840 г., десятки городковъ и укрѣпленій, заселенныхъ Оренбургскими и Сибирскими казаками, возникли на этомъ пространствѣ. Въ это же время Россія успѣла подчинить своей власти бо́льшую часть кочевыхъ (киргизскихъ) ордъ, бродившихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Аральскаго моря. Но, несмотря на это, даже и въ царствованіе Александра II торговые пути изъ Россіи въ Среднюю Азію были не обезпечены отъ разбойническихъ шаекъ Хивинцевъ и Коканцевъ, которые грабили русскіе торговые караваны и, уводя русскихъ людей въ плѣнъ, продавали ихъ въ неволю на рынкахъ Хивы и Кокана. Въ виду этого, Россіи пришлось послѣдовательно вести войну съ *Коканскимъ*, *Бухарскимъ* и *Хивинскимъ* ханствами, предпринимая отдаленные и трудные походы въ глубь средне-азіатскихъ степей, при чемъ войскамъ приходилось бороться не только съ врагомъ, но и со всѣми трудностями переходовъ по безплодной и безводной степи.

Войны въ средней Азіи.

Прежде всего, въ теченіе двухъ лѣтъ, 1864—1865 г., завоевано было ханство *Коканское*. Русскіе генералы, *Веревкинъ* и *Черняевъ*, овладѣли важнѣйшими коканскими крѣпостями, а затѣмъ и двумя главными городами ханства: *Туркестаномъ* и *Ташкентомъ*. Нельзя при этомъ не отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что большой и богатый городъ Ташкентъ, съ 100,000 населеніемъ, былъ взятъ горстью русскихъ храбрецовъ, подъ начальствомъ генерала Черняева, который рѣшился идти на приступъ, имѣя въ отрядѣ всего 2,000 человѣкъ.

Такъ какъ въ войну съ Коканскимъ ханомъ вздумалъ было вступиться эмиръ Бухарскій, то Русскіе обратили оружіе противъ него, нанесли его войскамъ сильнѣйшее пораженіе, а затѣмъ легко овладѣли важнѣйшими укрѣпленными пунктами Бухарскаго ханства. Когда русскія войска заняли столицу ханства, древній и богатый городъ *Самаркандъ*, эмиръ Бухарскій сталъ просить мира и призналъ надъ собою главенство Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, пришлось воевать и противъ Хивы. При этомъ, русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала *Кауфмана*, совершилъ раннею весною (1873 г.) трудный походъ изъ Ташкента въ Хиву, разсѣялъ хивинскія войска, овладѣлъ городомъ *Хивою*, и ханъ Хивинскій вынужденъ былъ признать надъ собою верховную власть императора Всероссійскаго. Благодѣтельнымъ послѣдствіемъ этой войны было окончательное уничтоженіе торговли невольниками въ Средней Азіи, гдѣ Хива служила обширнымъ невольническимъ рынкомъ. По взятіи этого города, огромное количество рабовъ (персидскихъ и русскихъ подданныхъ) было освобождено русскими войсками изъ тяжкой неволи и отпущено на родину. Окончательное же умиротвореніе Средней Азіи закончилось гораздо позднѣе покореніемъ воинственнаго племени *Текинцевъ* и взятіемъ ихъ крѣпости Геокъ-Тепе русскими войсками, подъ начальствомъ Скобелева (1881 г.) *)



К. П. фонъ-Кауфманъ.
Генералъ-губернаторъ Туркестанскаго края.

Начиная съ 1856 года, Восточный вопросъ, столь важный для Россіи,

*) Послѣ этого, въ 1884 г., добровольно покорился и присоединенъ былъ къ Россіи Мервскій оазисъ.


КАРТА
ВЛАДѢНІЙ РОССІИ
ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.
УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ
ТУРГАЙСКАЯ ОБЛ.
СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ОБЛ.
ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛ.
СЕМИРѢЧЕНСКАЯ ОБЛ.
ГЕН. ГУБЕРНАТОРСТВО ТУРКЕСТАНСКОЕ
ПЕРСІЯ
АФГАНИСТАНЪ
ТУРГАЙ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
ПЕСКИ КАРА-КУМЪ
ПЕСКИ МУНЪ-КУМЪ
ПЕСКИ КЫЗЫЛЪ-КУМЪ
ПЕСКИ КАРА-КУМЪ
ПЕСКИ САМЪ УСТЬ-УРТЪ
ПЕСКИ БЕКЪ-ПАКЪ-ДАЛА ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ
ПЕСКИ САРЫ-ИШИКЪ-ОТРАУ
ПЕСКИ ТАЛЫ-КУМЪ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ПОЛ. БУЗАЧИ
ПОЛ. МАНГЫШЛАКЪ
ЗАЛ. КАРА-БУГАЗЪ
ХИВА
БУХАРА
САМАРКАНДЪ
КОКАНДЪ
НОВ. МАРГЕЛАНЪ
ТАШКЕНТЪ
ЧИМКЕНТЪ
ТУРКЕСТАНЪ
ВѢРНЫЙ (Алматы)
АСХАБАДЪ
АСТРАБАДЪ
МЕРВЪ
МЕШХЕДЪ
ГЕРАТЪ
КАШГАРЪ
ЯРКЕНДЪ (Еркета)
ТУРКЕСТ. СТЕПЬ
ПАМИРЪ
БОЛЬШ. ПАМИРЪ
МАЛ. ПАМИРЪ
КУНДУЗЪ
ХИНДУ-КУШЪ
ХОРАСАНЪ
КАРА-ТУРКМЕНЫ
САРЫКИ
ЗЕМЛЯ ЧУДЬ
ЗЕМЛЯ САМОЕДЬ

какъ-то заглохъ: распаденіе турецкой власти лишь замедлило реформы, къ которымъ этотъ міръ вынуждалъ Турцію, вмѣсто того, чтобы оказать ей поддержку. Стремленіе ея христіанскихъ подданныхъ къ независимости, которое имѣло успѣхъ въ Греціи въ началѣ столѣтія, не прекращалось и теперь достигло нѣкоторыхъ видимыхъ результатовъ.

Греція. Въ 1862 году революціей былъ свергнутъ въ *Греціи* король Оттонъ I, а въ 1863 году державы-покровительницы, послѣ долгихъ поисковъ, остановили свой выборъ на несовершеннолѣтнемъ Датскомъ принцѣ *Георгіосѣ I*, которому Англія великодушно подарила Іоническіе острова. Но это отнюдь не смирило притязаній греческаго честолюбія, дѣйствительно заключеннаго въ слишкомъ тѣсныя рамки въ 1830 году, и стремленій добиться расширенія предѣловъ. Когда же, въ 1868 году, вспыхнуло критское возстаніе, греческое правительство рисковало войною, но все-таки поддерживало его. 15 апрѣля Порта поставила Греціи свой ультиматумъ; по предложенію Пруссіи, въ Парижѣ состоялась въ январѣ 1869 года конференція державъ, которая его подтвердила и приговору которой Греція должна была подчиниться. Сильно подвинулась впередъ въ своемъ развитіи и *Румынія*, въ которой, въ февралѣ 1866 г., князь Куза былъ свергнутъ съ престола дворцовой революціей, закончившейся призваніемъ на княженіе *Карла*, второго сына князя Карла-Антона Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго. Выборъ вельможъ княжества и народныхъ представителей палъ теперь на человѣка умнаго и энергичнаго, весьма удачно справившагося со своей трудной задачей: Карлу Румынскому удалось ограничить зависимость отъ Турціи лишь ежегодною данью въ 700,000 франковъ и отмѣною нѣкоторыхъ державныхъ правъ, которыя не имѣли для Румыніи особаго значенія. За по-

Сербія. слѣдніе годы и *Сербія* достигла высшей степени своей независимости, а Порта отказалась отъ права занятія сербскихъ крѣпостей своими войсками, и 18 апрѣля 1867 г. князь Михаилъ торжественно вступилъ въ Бѣлградскую крѣпость. Черезъ годъ онъ палъ отъ руки убійцы; но народъ, вѣрный династіи Обреновичей, которой онъ былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ, въ лицѣ скупщины, призвалъ на сербскій престолъ еще не вполнѣ совершеннолѣтняго *Милана*, воспитывавшагося въ Парижѣ. Въ то же время, тою же скупщиной была постановлена и обусловлена на бумагѣ конституція, въ 1869 году. *Боснія*, *Черногорія* и *Болгарія* также не были для Турціи надежными владѣніями, благодаря тому, что населеніе ихъ было крайне смѣшанное. Однако, въ то же время, Турецкому султану представился случай напомнить Египетскому хедиву Измаилу-Пашѣ, что онъ его вассалъ и не имѣетъ права поступать самовольно, помимо разрѣшенія своего турецкаго владыки. А между тѣмъ, Измаилъ, безъ вѣдома султана, пригласилъ на открытіе Суэзскаго канала всѣ европейскія державы. Это открытіе состоялось 17 февраля 1867 г. послѣ 20 лѣтъ тяжелаго, упорнаго труда, подъ руководствомъ и по плану энергичнаго, выдающагося дѣятеля, француза-инженера Фердинанда Лессепса, которому принадлежала и самая инициатива этого сооруженія. Въ 1866 г. хедивъ Измаилъ вздумалъ, въ подражаніе европейскимъ государствамъ, объявить у себя въ Египтѣ своего рода конституцію и даже парламентъ.

который онъ открылъ подобіемъ тронной рѣчи; и даже самъ султанъ Абдулъ-Азисъ, по возвращеніи своемъ съ Парижской всемірной выставки, послѣдовалъ примѣру своего вассала.

Почти столь-же отдаленная, какъ и эти восточныя земли, *Англія* не могла не интересоваться великими событіями 1866 г. По смерти лорда Пальмерстона (18 октября 1865 г.), который доставилъ своему государству значительное вліяніе на иностранныя дѣла на материкѣ, его мнѣніе, что Англія должна стоять въ сторонѣ отъ всякихъ европейскихъ смутъ и неурядицъ, обратилось почти въ догматъ для Англичанъ. Такъ, напримѣръ, въ 1867 году, при рѣшеніи одного важнаго общеевропейскаго вопроса, членъ англійскаго правительства, лордъ Стэнлу, высказалъ прямо, что общая гарантія нейтралитета Люксенбурга по отношенію къ Европѣ (нейтралитета, въ которомъ принимала участіе и Англія) не обязывала Англію съ оружіемъ въ рукахъ противостоять нарушенію этого нейтралитета. И такъ, въ то время, какъ европейскія (континентальныя) державы стонали подъ бременемъ военныхъ вооруженій и нужды, Англія могла лишь радоваться своему избытку въ бюджетѣ. Къ тому же еще подоспѣли и окончательныя преобразованія: въ 1867 году — продолженіе трудовъ 1832 года, расширеніе права выборовъ; и въ 1869 году, — послѣ того, какъ выборами было призвано къ государственному кормилу либеральное правительство, — учрежденіе въ *Ирландіи* англиканской *государственной* Церкви, которую обязаны были на свой счетъ содержать Ирландцы. Эта мѣра была введена Гладстоновскимъ биллемъ отчужденія и вынуждена тайнымъ союзомъ такъ-называемыхъ ирландскихъ «*феніевъ*», иначе говоря, вновь разгорѣвшейся враждою Кельтовъ и Саксовъ. За это время Англія отличилась лишь однимъ дѣяніемъ въ прежнемъ благородномъ духѣ, а именно: узнавъ, что *Абиссинскій* негусъ Ѳеодоръ позволяетъ себѣ варварски мучить Англичанъ и другихъ европейцевъ, которые попадали ему подъ-руку, англійское правительство послало туда цѣлую экспедицію, подъ предводительствомъ сэра Роберта Нэпира. Негусъ воображалъ, что, за дальностью разстоянія, ему все сойдетъ безнаказанно; но онъ жестоко ошибся. Въ январѣ 1868 года англійскіе отряды высадились на сѣверо-африканскомъ берегу при Массовѣ и штурмомъ ворвались въ абиссинскую твердыню Магдала, въ которой, у входа, они увидѣли трупъ негуса, окончившаго жизнь самоубійствомъ.

Америка.

Сознаніе государственной чести и чувство долга, которое здѣсь проявилось въ такомъ доблестномъ видѣ, и въ центрѣ Африки руководилось изреченіемъ: «Civis Romanus sum» (т. е. «я римскій гражданинъ!»), далеко не съ такимъ достоинствомъ отнеслось къ трудной задачѣ, которую представляли собою *событія въ Америкѣ* въ семидесятыхъ годахъ.

Соединенные Штаты.

Общее вниманіе всей Европы обратила на себя сѣверо-американская борьба за независимость, равно какъ и злополучное созданіе габсбургскаго престола въ Мексикѣ. Въ смыслѣ непосредственныхъ и матеріальныхъ интересовъ европейцевъ давно уже занимало переселенческое движеніе въ Америку (особенно усилившееся за послѣднее столѣтіе), торговыя сношенія и, наконецъ, то воздѣйствіе, которое оказывало знакомство

съ американскою жизнью на либеральныя стремленія въ Европѣ. Съ изумленіемъ слѣдили европейцы за успѣхами американскаго передового движенія, вмѣстѣ съ которымъ росла и численность населенія, увеличиваясь вдвое черезъ каждыя 20 лѣтъ. Такъ, напримѣръ, съ 5.300,000 чел. въ 1790 г., она поднялась къ 1859 году до 28.000,000 чел. (изъ нихъ $3^1/_2$ милл. негровъ-невольниковъ). Это число было разселено въ 34 штатахъ и 7 территоріяхъ.

Сѣверные и южные штаты. Избраніе Линкольна.

Но, съ теченіемъ времени, все яснѣе и яснѣе выступала противуположность между *сѣверными* и *южными* штатами. Основой этой противоположности, главнымъ образомъ, послужилъ *невольничій* вопросъ. Рабство, которое, несмотря на конституцію 1787 г., еще продолжало не возбраняться, было удобно для южныхъ штатовъ и даже отчасти обусловливало формы ихъ жизни. Этотъ вопросъ былъ главнымъ при выборѣ президента и возбудилъ такое сильное противорѣчіе, что вызвалъ распаденіе на партіи *республиканскую* и *демократическую*, какъ это бываетъ и во всякомъ общественномъ управленіи. Республиканская партія, на сторонѣ которой былъ перевѣсъ въ сѣверныхъ штатахъ, особенно указывала на авторитетъ *Союза* и, по отношенію къ главному вопросу, получила характеръ аболиціонистическій. Демократическая же преобладала въ невольничьихъ штатахъ и требовала, чтобы *каждому штату въ отдѣльности дано было возможно болье самостоятельности;* и этимъ-то вполнѣ самостоятельнымъ штатамъ должно было предоставить на произволъ вопросъ о невольничествѣ. Духъ народа былъ исполненъ глубокой ненависти къ общественному строю, который противорѣчилъ христіанскимъ и вообще гуманнымъ убѣжденіямъ. Какъ два враждебныхъ лагеря, относились другъ къ другу члены этихъ обѣихъ партій или, вѣрнѣе, народностей, при чемъ одна изъ нихъ, — «рабовладѣльцы», — занимала южныя владѣнія, а плебеи или «янки»—сѣверныя. 6 ноября 1860 г., на выборахъ, кандидатомъ въ президенты выступилъ и избранъ былъ *Авраамъ Линкольнъ*, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало давно-ожидаемое отпаденіе невольничьихъ штатовъ: Южной Каролины, Георгіи, Флориды, Миссисипи,



Авраамъ Линкольнъ.
Съ фотографической карточки.

Алабамы и Луизіаны. Они соединились въ г. Монгомери (въ штатѣ Алабама) въ особую *конфедерацію*, президентомъ которой былъ избранъ *Джеффферсонъ Дэвисъ*, въ февралѣ 1861 г. Война началась взятіемъ южанами форта Семтера, близъ Чарльстона, въ Южной Каролинѣ, и, такъ какъ они давно къ ней подготовлялись, то она сильно поразила неприготовившихся къ оборонѣ янки. Но тѣ, все-таки, рѣшились воевать, тѣмъ болѣе, что новый президентъ объявилъ, что «Союзъ этихъ штатовъ нерасторжимъ», и, по истеченіи четырехлѣтней борьбы, они вышли изъ нея побѣдителями.

Война съ 1860 по 1865 г.

Лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ можно описывать подробно военныя событія этой исполинской борьбы, совершавшейся на огромномъ пространствѣ, въ безчисленныхъ битвахъ и бояхъ. Съ обѣихъ сторонъ въ этой войнѣ участвовало больше чѣмъ милліонъ воиновъ. Сначала сѣверо-американцы терпѣли пораженія, которыя и побудили этихъ энергичныхъ людей предположить, что войну нельзя закончить иначе, какъ полнымъ подавленіемъ возстанія въ возмутившихся штатахъ.—«Нѣтъ такой черты, ни прямой, ни кривой, которая могла бы служить пограничной линіей въ случаѣ пхъ отпаденія», — говорилъ Линкольнъ. Попытки вмѣшательства со стороны европейскихъ державъ считались оскорбленіемъ и, какъ таковыя, были съ негодованіемъ отвергнуты. Безъ затрудненій состоялись громадные займы, которые были необходимы для поддержанія войска, стоившаго до 1.500,000 долларовъ ежедневно. Съ неописуемой ненавистью защищались южные штаты, войско которыхъ было лучше организовано, а вначалѣ и вожди — опытнѣе и энергичнѣе сѣверныхъ. 1-го января 1863 года, въ качествѣ яко-бы «особой и необходимой военной мѣры», Линкольнъ объявилъ рабовъ свободными, и вскорѣ цѣлые полки были сформированы изъ освобожденныхъ негровъ-невольниковъ: они-то и вступили, первые, въ завое-



Джеффферсонъ Дэвисъ.
Съ фотографической карточки.



Генералъ Робертъ Ли.
Съ гравюры А. Х. Ритчи (Ritchie).

ванную столицу конфедератовъ — Ричмондъ. Шесть дней спустя послѣ этого достопамятнаго дня,—3 апрѣля 1865 г.,—между самыми доблестными изъ вождей, Робертомъ-Эдмундомъ Ли и Улиссомъ Грантомъ, заключена была Аппоматокскортхоузская капитуляція, по которой генералъ Ли сдался съ остальными 26,000 чел. войска, 159 орудій и 71 знаменемъ. Война прекратилась: добрыя начала побѣдили, но, нѣсколько дней спустя, жертвою ихъ палъ благородный и энергичный Линкольнъ, незадолго передъ тѣмъ вторично избранный президентомъ. Твердый и честный, онъ неустрашимо шелъ къ своей цѣли, надежной рукою направляя дѣла своего отечества, и палъ, неожиданно сраженный убійцей въ театрѣ, въ г. Вашингтонѣ, 15 апрѣля 1865 г.

Вице-президенту Андрю Джонсону предстояло довести до конца дѣло выполненія задачи—введенія въ побѣжденныхъ штатахъ прежняго образа правленія, и онъ справился съ нею безъ особыхъ затрудненій.

Англійская унія.

Великая американская война имѣла для *Англіи* весьма тягостныя и унизительныя послѣдствія. Сооруженіе каперскихъ судовъ на англійскихъ верфяхъ, еще во время войны, уже повело къ непріятной по этому поводу перепискѣ между обѣими столицами: Лондономъ и Вашингтономъ, и, какъ только побѣда склонилась на сторону Союза, то министръ иностранныхъ дѣлъ, *Сьюардъ*



Генералъ Улиссъ Грантъ.
Съ гравюры А. Х. Ритчи.

не задумался представить счетъ убыткамъ, которые нанесло каперское судно «Алабама» и др. Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Еще много лѣтъ тянулся этотъ *Алабамскій вопросъ*, пока не разрѣшился, наконецъ, приговоромъ, по которому Англія должна была уплатить 15.000,000 дол. въ возмѣщеніе убытковъ.

Мексиканское царство. 1861—1867.

Почти одновременно съ этой грандіозной, горячей борьбою, происходившей на югѣ С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, въ *Мексикѣ* разыгралось одно событіе, очевидно разсчитанное на то, чтобы воспользоваться случайностью того распаденія Штатовъ, которое въ началѣ распри могло представляться возможнымъ. Въ 1861 г. Англія, Франція и Испанія предприняли совмѣстную экспедицію, съ цѣлью вынужденія Мексиканской республики къ удовлетворенію денежныхъ претензій со стороны ихъ подданныхъ. Съ этой цѣлью былъ заключенъ договоръ—*Соледадская* конвенція—съ президентомъ этой республики Бенито Хуарецомъ. Англичане и Испанцы возвратились въ свои отечества; но Французы остались, слѣдуя весьма фантастическому плану Наполеона III, который мечталъ о какомъ-то возрожденіи Мексики. Послѣ многочисленныхъ потерь подъ стѣнами Пуэблы, которую они осаждали, Французы, дѣйствительно, вступили въ покоренную ими столицу Мексики, 7 іюня 1863 г. Ихъ генералъ, Форэ, созвалъ собраніе изъ именитѣйшихъ гражданъ, и такимъ образомъ рѣшено было основаніе наслѣдственной Мексиканской имперіи; первымъ представителемъ и главою этой династіи Наполеонъ избралъ эрцгерцога *Максиміліана*, брата Австрійскаго императора Франца-Іосифа. Въ то время, какъ въ Мексикѣ играли въ плебесцитъ, Максиміліанъ, получившій въ Римѣ благословеніе папы, для предстоящихъ расходовъ сдѣлалъ заемъ за ростовщическіе проценты и, заручившись поддержкой клерикальной партіи, уже былъ на пути въ Мексику, куда послѣдовала за нимъ и его супруга, дочь короля Бельгійскаго. Въ іюнѣ 1864 года они вступили на территорію своей будущей имперіи. Нѣкоторое время Максиміліанъ держался на престолѣ подъ защитою Франціи. Въ побѣдахъ надъ республиканскими отрядами не было недостатка, какъ не было его въ честномъ и добромъ желаніи государя все сдѣлать къ лучшему; но ни то, ни другое не принесло пользы, и новый престолъ существо-



Императоръ Мексиканскій Максиміліанъ.
Съ фотографической карточки.

валъ здѣсь лишь съ помощью французскихъ войскъ подъ начальствомъ маршала Базена. Но именно это-то присутствіе французскихъ войскъ на американской территоріи и вызвало протестъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ, которые, тѣмъ временемъ, снова окрѣпли. Они принялись защищать общую идею, высказанную нѣкогда Джемсомъ Монрое (президентомъ съ 1817 по 1825 г.), которая собственно заключалась въ томъ, что «время для основанія европейскихъ государствъ на американской почвѣ уже миновало», и что «Америка существуетъ для Американцевъ». Французамъ, наконецъ, волей-неволей, пришлось внять этому угрожающему предостереженію, и они удалились; злополучный же императоръ Мексиканскій остался въ Мексикѣ, а супруга его, вернувшись въ Европу и не найдя тамъ помощи и защиты, лишилась разсудка. Покинутый своими союзниками, Максимиліанъ попался въ руки хуаристовъ и былъ разстрѣлянъ 19-го іюня 1867 г., въ Кверетаро. То же самое судно, на которомъ прибыла въ Мексику императорская злополучная чета, отвезло обратно въ Европу останки эрцгерцога Максимиліана, павшаго жертвой своего и чужого честолюбія.

Этимъ печальнымъ событіемъ мы закончимъ перечень историческихъ фактовъ и событій по ту сторону океана и вернемся въ Европу, гдѣ значеніе Наполеона, которое онъ хотѣлъ поднять этимъ предпріятіемъ, падало, вмѣсто того, чтобы возвышаться. Мексиканскія событія сильно повредили ему и повлекли за собою весьма существенныя послѣдствія.

Австрія, съ 1866 г.

Все случившееся въ 1866 г. оказало прямое или косвенное вліяніе на Италію, Францію и *Австрію* болѣе, чѣмъ на всѣ остальныя государства Европы. Какъ и должно было выясниться въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій, несчастный исходъ войны Австріи съ Германіей благотворно подѣйствовалъ на Австрійскую имперію, несмотря на то, что онъ стоилъ ей послѣдней ея итальянской провинціи и ея преобладанія въ Германіи. До тѣхъ поръ, пока Австрія, въ силу своихъ къ нимъ отношеній, принуждена была вмѣшиваться въ дѣла и распри этихъ двухъ государствъ, у нея оставалось слишкомъ мало силъ для своей внутренней борьбы на востокѣ своихъ владѣній. Министерство Белькреди, придерживавшееся нерѣшительнаго образа дѣйствій и нарушившее февральскую конституцію, лишь ободрило отдѣльныя народности въ ихъ безграничныхъ требованіяхъ. Такимъ путемъ, дѣло скоро дошло до союза отдѣльныхъ частей государства, который могъ повести къ совершенному расчлененію имперіи; съ другой стороны, и объединеніе, какъ въ формѣ абсолютизма, которую придалъ ему Шварценбергъ, такъ и въ конституціонной формѣ, выработанной Шмерлингомъ, тоже рушилось. Оставалось теперь испробовать только третью, новую форму, которую, въ противоположность *централизму* и *федерализму*, назвали *дуализмомъ*, а именно:—вступить въ сдѣлку, примириться съ *Венгріей*. Чванство и напыщенная гордость Венгровъ разрушила всѣ планы объединенія, созданные Шварценбергомъ и Шмерлингомъ, и теперь оставался одинъ лишь исходъ: разбить имперію на двѣ равныя части, съ сохраненіемъ только самыхъ необходимыхъ чертъ объединенія. Толковымъ и усерднымъ орудіемъ этой политики ока-

зался бывшій саксонскій министръ, баронъ Карлъ-Фердинандъ фонъ-*Бейстъ*. Это былъ карьеристъ и интриганъ, который оказался излишнимъ въ новоустроенномъ государствѣ Германіи, но въ Австріи онъ могъ даже принести пользу своей изворотливостью. Первымъ дѣломъ, въ которомъ онъ проявилъ свое искусство, было примиреніе съ Венгріей. Ей возвратили ея прежній государственный строй; дали образовать свое особое самостоятельное министерство; владѣнія престола Св. Стефана были возстановлены въ прежнихъ размѣрахъ; въ ихъ число вошли Трансильванія и Кроація; примиреніе торжественно состоялось по древневенгерскому обряду, въ Офенѣ, гдѣ въ іюнѣ 1867 г. императоръ Францъ-Іосифъ, подчиняясь ему, короновался королемъ Венгріи. Послѣ этого, прежнее министерство было распущено, а затѣмъ произошелъ возвратъ, даже въ цислейтанскихъ земляхъ, къ конституціонализму. Самый первый и главный успѣхъ нѣмецкой конституціонной партіи заключался въ томъ, что этотъ переходъ состоялся съ помощью не *чрезвычайнаго*, но обычнаго, *очереднаго* рейхсрата, которымъ и была снова водворена февральская конституція. Особая комиссія этого рейхсрата соединилась съ комиссіею венгерскаго сейма и осуществила, наконецъ, «соглашеніе» обѣихъ сторонъ, въ видѣ единой «Австро-Венгерской монархіи», какъ ее впредь и титуловали. Во всемъ, однако, эти оба государства были раздѣльны; общими для нихъ интересами были только война, внѣшняя политика и общая для нихъ часть финансовыхъ интересовъ. Ими управляли государственныя министерства, а министерства, въ свою очередь, состояли подъ парламентарнымъ наблюденіемъ *делегацій*, съѣзжавшихся каждый годъ, поочередно, то въ Цислейтаніи, то въ Венгріи. При распредѣленіи финансовъ, Венгрія даже сдѣлала выгодную сдѣлку, такъ какъ она приняла на себя лишь 30% государственнаго долга и другихъ общихъ обязательствъ. Вообще, эта половина Австрійской имперіи достигла теперь значительной степени спокойствія и правильнаго развитія; вдобавокъ, спустя нѣкоторое время, ей удалась и еще (ея собственная) сдѣлка съ



Графъ фонъ-Бейстъ, австрійскій рейхсканцлеръ.
(Съ фотографической карточки).

тріединымъ Далматско-Кроатско-Славонскимъ королевствомъ. Но несравненно бо́льшія затрудненія приходилось преодолѣвать западной половинѣ имперіи,—Цислейтаніи. Въ Богеміи большинство (Чехи) рѣзко враждовало съ меньшинствомъ (Нѣмцами) изъ-за владѣній «*Короны Венцеслава*» (т. е. Богемской короны), для которыхъ оно требовало такого же положенія, какого добилась для себя Венгрія; ея же примѣру послѣдовали Поляки въ Галиціи, гдѣ правительственное единеніе было отчасти подавлено преобладаніемъ, въ населеніи, Русиновъ надъ Поляками. Въ Тиролѣ конституціонное правленіе и его цѣльность встрѣтили сопротивленіе со стороны населенія, на которое вліяло духовенство; особенно же съ того времени, какъ послѣ состоявшагося соглашенія были пересмотрѣны условія февральской конституціи и вѣроисповѣдными законами конкордатъ нарушенъ 1868 г.,—къ великой досадѣ папы и епископовъ. Но главнѣйшимъ препятствіемъ къ успѣшному развитію, была внѣшняя политика самого рейхсканцлера графа фонъ-Бейста, который велъ тайные переговоры съ Франціей и Италіей, для того, чтобы при первой возможности разрушить государственный строй новой Германіи, — «Германіи Бисмарка», — какъ говорили его соперники.

Италія съ 1866 г.

Несмотря на то, что *Италія* получила обратно давно-желанную провинцію, и что въ лицѣ Германіи,—новаго объединеннаго государства,—она пріобрѣла себѣ на будущее время надежнаго союзника, положеніе ея было далеко не отрадное. Войну она вела неудачно и неумѣло: всѣми выгодами своими она была обязана военнымъ успѣхамъ Нѣмцевъ или мнимой дружбѣ Французскаго императора, а зависимость ея отъ Франціи отнюдь не стала отъ этого легче; между тѣмъ, ея надежда завладѣть своей законной столицей,—Римомъ,—представлялось, пожалуй, еще болѣе отдаленной, чѣмъ прежде. Сентябрьская конвенція 1864 г. относительно Италіи была приведена въ исполненіе и въ 1866 г. Французы вынуждены были очистить Римъ и римскія владѣнія,—но не надолго. Гарибальди, не желавшій примириться ни съ «Римскимъ попомъ», ни съ «Человѣкомъ 2-го декабря», пришелъ къ заключенію, что пора ему снова начать свою самостоятельную войну. Первая попытка его войскъ прорвать итальянскій кордонъ, охранявшій римскую границу, окончилась неудачей. Гарибальди былъ взятъ въ плѣнъ и арестованъ, но бѣжалъ и воспользовался удобной для него минутой политической неопредѣленности, перемѣной министерства, для того, чтобы со своими 4,000 челов. добровольцевъ прорвать сторожевую цѣпь и подойти къ Риму на разстояніе часа пути, въ октябрѣ 1867 г. Между тѣмъ, до него дошли слухи о томъ, что Французы высадились въ Чивита-Веккіи, и онъ поспѣшилъ отступить. Во время его отступленія ему пришлось выдержать нападеніе папскихъ отрядовъ, организованныхъ послѣ сентябрьскаго договора подъ руководствомъ Французовъ. Битва при Ментанѣ, 30-го ноября 1867 года, закончилась полнымъ пораженіемъ гарибальдійцевъ, но лишь благодаря вмѣшательству французскихъ отрядовъ, вооруженныхъ грозными ново-изобрѣтенными ружьями системы Шасспо. Главнокомандующій де-Файльи по всей справедливости могъ телеграфировать въ Парижъ, что ружья «дѣйствовали изумительно»: на мѣстѣ осталось 1,000 чел. еще совсѣмъ юныхъ гарибальдійцевъ,

а 1,400 чел. было взято въ плѣнъ и уведено въ Римъ. Французы остались въ Чивита-Веккіи, а въ законодательномъ корпусѣ министръ Наполеона III, Руэ, настаивалъ на своемъ мнѣніи, что никогда Италія не должна завладѣть Римомъ. «Если же сентябрьскій договоръ не будетъ имѣть дѣйствительнаго примѣненія, то Франція и сама очутится на ея мѣстѣ», добавлялъ онъ.

Папство. Ватиканскій совѣтъ. 1869 г.

Онъ говорилъ совершенно согласно съ духомъ большинства не только палаты, но и народа; поэтому папство и императорская политика пошли рука-объ-руку. Франція сама по себѣ, и Франція, воюющая съ новоустроенной Германіей—вотъ въ чемъ была въ этотъ мигъ вся надежда папы и іезуитовъ. Такая успѣшно-веденная война (а въ успѣхѣ іезуиты не сомнѣвались) одна только могла возстановить папскую власть и оттѣснить въ опредѣленныя рамки «заальпійское» королевство, противъ котораго папа Пій IX поминутно разражался безсильными угрозами. Для папы, какъ и въ иныя тяжкія времена, главное было—стоять за принципъ, не уступать своихъ правъ, и онъ строго держался этого правила. Заявленіемъ 22-го іюня 1868 г., австрійскіе «вѣроисповѣдные законы» были признаны папою, въ силу его апостольской власти, грѣховными и впредь ненужными. Съ хитростью и предусмотрительностью, достойными лучшаго назначенія, папское управленіе порѣшило держаться наступательнаго образа дѣйствій, и не только въ Италіи, но и всюду. Поэтому было торжественно заявлено, что весь гордый своимъ разумомъ міръ долженъ подчиниться *новому*, великому *догмату*, какого не придерживался еще ни одинъ папа за всѣ прошлые вѣка. 29-го іюня 1868 г. появилась булла «Aeterni patris», въ силу которой, 8-го декабря 1869 г., въ Римъ созывался духовный соборъ, и лишь постепенно стало извѣстно, что на соборѣ поднятъ будетъ вопросъ о возведеніи въ степень догмата и утвержденіи *непогрѣшимости папы* въ дѣлахъ вѣры и нравственности. Весь протестантскій міръ отнесся къ этому довольно равнодушно, чѣмъ и доказалъ, насколько мало онъ былъ знакомъ съ могуществомъ католическаго міра; но католики пришли въ волненіе. Раздались повсюду горячія рѣчи и толки среди философовъ и богослововъ. Такъ напримѣръ, извѣстнѣйшій изъ нихъ, профессоръ Игнатій Дёллингеръ въ Мюнхенѣ, выступилъ вождемъ и ораторомъ во главѣ несогласныхъ съ новымъ догматомъ. Дёллингеръ доказывалъ, что этотъ догматъ прямо противорѣчитъ убѣжденіямъ католической Церкви, утверждающей и допускающей непогрѣшимость сужденій папы лишь совмѣстно съ епископами. Но дѣло все шло и шло впередъ своимъ чередомъ, и 8 декабря 1869 г. святѣйшій соборъ былъ объявленъ открытымъ въ храмѣ Св. Петра. Въ составъ его входило 750 членовъ и громадное большинство было на сторонѣ Пія IX, дѣйствовавшаго по наущенію іезуитовъ; всѣ старанія меньшинства, состоявшаго бо́льшею частью изъ нѣмецкихъ, австрійскихъ и французскихъ епископовъ, которые силились доказать несогласіе новаго догмата съ воззрѣніями христіанства, и указывали на бѣды, въ которыя онъ могъ вовлечь Церковь,—все было тщетно. 18-го іюля 1870 г., послѣ послѣдней подачи голосовъ, въ которой болѣе 115 епископовъ оппозиціи уже не принимали участія, были объявлены новыя постановленія «о Церкви» («de ecclesia»)

и «о первосвященномъ Римскомъ» («de Romano pontifice), по которымъ впредь полагалось каждому христіанину вѣрить, что папа непогрѣшимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ, какъ высшій судья и учитель, когда онъ говоритъ «ex cathedra» (съ каѳедры), что онъ непогрѣшимъ самъ по себѣ, а не вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія съ Церковью, «ex sese, non ex consensu ecclesiae».

Догматъ непогрѣшимости. 1870 г.

Установленіе непогрѣшимости папы совпало какъ разъ съ той достопамятной минутой, когда Франція рѣшилась отомстить новому Германскому государству за пораженіе своей политики, при Садовой. Черезъ день послѣ извѣстія о ватиканскомъ декретѣ, въ Берлинъ пришло объявленіе Франціей войны.

Франція съ 1866 г. Люксамбургскій вопросъ.

Надежды, которыя Французы возлагали на германскій кризисъ, были совершенно разрушены побѣдоносными дѣйствіями Пруссаковъ. Французскіе министры и государственные люди не скрывали того глубокаго разочарованія, въ которое повергла ихъ побѣда Пруссаковъ при дер. Садовой (какъ они называли бой при Кениггрецѣ); но это было лишь начало цѣлаго ряда разочарованій. Уступка Венеціи Итальянцамъ не привела, какъ они надѣялись, къ отложенію Италіи отъ ея союзника — Пруссіи; мирный договоръ былъ заключенъ безъ существеннаго вмѣшательства Франціи, которая принуждена была довольствоваться незначительными и даже скорѣе кажущимися, нежели дѣйствительными, уступками. 6-го августа французскій посолъ въ Берлинѣ, Бенедетти, поставилъ Бисмарку альтернативой: или уступить Франціи Майнцъ съ соотвѣтствующими землями, или принять тотчасъ же объявленіе войны. На это Бисмаркъ лишь сухо отвѣтилъ: «Хорошо! Пусть будетъ война!» (Gut! Dann ist Krieg!). Между тѣмъ, открылись еще новые виды на «вознагражденіе себя» и на ограниченіе власти Германіи надъ германскими же владѣніями. Такъ, напримѣръ, король Голландскій выразилъ готовность продать Франціи за довольно крупную сумму герцогство Люксенбургское. Это небольшое государство, занимавшее всего 46 кв. миль при 200.000 ч. населенія, находилось, съ прекращеніемъ Германскаго союза, въ неопредѣленномъ положеніи; но оно все еще принадлежало къ таможенному союзу и потому въ его крѣпостяхъ стоялъ прусскій гарнизонъ,—Пруссія же отказалась стать въ этомъ случаѣ на сторону Франціи. Весною 1867 г. уже угрожала война изъ-за этого клочка земли, населеніе котораго вообще относилось къ этому вопросу равнодушно. Въ эту минуту были обнародованы тайные оборонительно-наступательные союзы Пруссіи съ южногерманскими государствами, и Наполеону, какъ оказалось, приходилось теперь имѣть дѣло не съ одной только Пруссіей, но и со всей Германіей. Наполеону пришлось пріостановить свое рѣшеніе и допустить вмѣшательство въ это дѣло постороннихъ державъ; особенно усердно хлопоталъ объ осуществленіи его австрійскій министръ графъ Бейстъ. Впредь, опираясь на гарантію Европы, Люксенбургъ долженъ былъ оставаться нейтральнымъ владѣніемъ, не выходя, однакоже, изъ состава германскаго таможеннаго союза. Прусскій гарнизонъ вскорѣ покинулъ Люксенбургскую крѣпость, а всѣ укрѣпленія ея рѣшено было срыть до основанія, 11-го мая 1867 г.

Внутренняя политика. Либеральное направленіе.

Императоръ Наполеонъ, въ своемъ желаніи отвлечь вниманіе Европы отъ своихъ неудавшихся замысловъ, задумалъ устроить всемірную промышленную выставку, на которую 1-го апрѣля 1867 г. были приглашены державные гости, въ томъ числѣ и король-побѣдитель Французовъ при Садовой (Кениггрецѣ). Съ заключеніемъ новаго таможеннаго союза, еще болѣе повысилась власть Пруссіи. Когда же, вслѣдствіе свиданія въ *Зальцбургѣ* французской и австрійской державной четы, въ августѣ мѣсяцѣ прошли тревожные слухи, Бисмаркъ далъ понять Французамъ циркулярной депешей, что отношенія сѣверо-германскаго союза къ южно-германскому носятъ исключительно внутренній характеръ. Всѣ эти неудачи, къ которымъ прибавилась еще и мексиканская, окончившаяся злополучно для легковѣрныхъ и обманувшихся въ своихъ ожиданіяхъ, поколебали уваженіе къ императору и еще болѣе усилили власть оппозиціи. Выборы въ законодательный корпусъ, состоявшіеся въ маѣ 1869 г., ослабили существовавшее дотолѣ большинство и, наоборотъ, усилили партію умѣренныхъ настолько, что императоръ призналъ за лучшее сдѣлать народу нѣкоторую уступку.

Министръ Оливье. Плебисцитъ. 1870 г.

Въ концѣ 1869 г. Наполеонъ поставилъ во главѣ министерства *Эмиля Оливье*,—вождя партіи умѣренныхъ,—человѣка умнаго и настолько энергичнаго, что онъ, во главѣ своихъ единомышленниковъ, смѣло шелъ впередъ по пути преобразованія императорской Франціи въ конституціонную. Онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны прежняго большинства, — императорскихъ пособниковъ, — равно какъ и со стороны республиканской оппозиціи съ Жюлемъ Фавромъ, Гамбеттой и памфлетистомъ Рошфоромъ во главѣ: успѣхъ его листка скандаловъ, «Марсельезы», достаточно ясно указывалъ на то, въ какомъ смутномъ и напряженномъ состояніи находилась тогда Франція. Однако, измѣненія въ конституціи, предложенныя министерствомъ, были приняты, а законопроэктъ, обнимавшій ихъ въ общей сложности, былъ представленъ на утвержденіе Сената 28 марта 1870 г. Суть этихъ измѣненій заключалось въ слѣдующемъ: императоръ, Сенатъ и законодательный корпусъ должны войти между собою въ обыкновенныя конституціонныя отношенія. До сихъ поръ Наполеонъ III давалъ волю Оливье и не мѣшалъ проявленіямъ его довѣрчивыхъ увлеченій; но, въ то же время, онъ былъ



Эмиль Оливье.
(Съ фотографической карточки).

настолько проницателенъ, что мудрено измѣнить существующій государственный строй имперіи въ конституціонную монархію. Поэтому, сообразно совѣтамъ опытнаго и умнаго Руэ, своего бывшаго министра, а нынѣ такъ-называемаго «вице-императора», онъ ловко вывернулся изъ раскинутыхъ ему сѣтей потребовавъ, чтобы новыя конституціонныя постановленія были утверждены плебисцитомъ. Оливье ничего не имѣлъ противъ этого, тѣмъ болѣе, что это требованіе не выходило изъ предѣловъ настоящей конституціи; онъ горячо отстаивалъ это желаніе императора въ палатѣ. Палата же, «вполнѣ полагаясь на покорность министровъ императорскому и парламентскому управленію», перешла къ очереднымъ дѣламъ. Префектамъ была внушена «кипучая дѣятельность» (activité dévorante), а самъ Наполеонъ, желая поднять свою власть и свое значеніе, обратился къ каждому изъ избирателей съ одинаковымъ для всѣхъ письмомъ, въ которомъ онъ спрашивалъ у нихъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ: «Находитъ-ли французскій народъ законными и справедливыми тѣ либеральныя реформы, которыя сдѣланы императоромъ и его главными государственными учрежденіями въ конституціи послѣ 1860 г. и одобряетъ-ли онъ заключеніе Сената отъ 20 апрѣля 1870 г.?»... т. е. то заключеніе его, которое дало новымъ назначеніямъ разрѣшеніе, согласное съ конституціей. Такой вопросъ просто означалъ: Наполеонъ или нѣтъ? Наполеонъ или война? Наполеонъ или республика? Наполеонъ или... ничто? Общее настроеніе народа сказалось въ пользу Наполеона, а слѣдовательно и въ пользу единодержавія, на сторонѣ котораго оказалось 7.350,000 голосовъ, а противъ него было лишь 1.500,000. Такимъ образомъ, министерство Оливье обратилось въ монархическое, и онъ самъ, со своими сподвижниками, оставилъ его. На мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Дарю былъ назначенъ посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ де-Граммонъ, которому, какъ мы увидимъ, предстояло играть въ близкомъ будущемъ весьма печальную роль.

Рядомъ съ этими парламентскими и внѣ-парламентскими дѣлами, шли и другія важныя событія. Послѣ прусскихъ побѣдъ, Французы почувствовали необходимость преобразованія своей арміи по образцу прусской: собрали активную армію, резервы, подвижную національную гвардію, наподобіе германской, вооружили ее оружіемъ системы Шассно и митральезами. Но непріятель, противъ котораго все это подготовлялось, на этотъ счетъ не могъ заблуждаться: національный духъ въ Пруссіи еще болѣе поднялся послѣ цѣлаго ряда достославныхъ побѣдъ, а Тьеръ усматривалъ для Франціи оскорбленіе въ объединеніи Италіи и Германіи: «Садова была для меня тяжкой мукой», говаривалъ онъ лично про себя. Да и самъ Наполеонъ разсчитывалъ, что можетъ обезпечить свою династію лишь цѣной успѣха, побѣды или завоеваній. Къ этому присоединилась еще ненависть ультрамонтанъ и іезуитовъ всего міра къ новой протестантской Германіи; орудіемъ же въ рукахъ іезуитовъ оказалась сама императрица, вліяніе которой на слабаго здоровьемъ императора все болѣе и болѣе усиливалось. Въ Германіи, тоже, для всѣхъ было ясно, что военное столкновеніе съ Франціей близко и неизбѣжно. Однако, непосредственной опасности еще не предвидѣлось; не видѣлъ ея даже ловкій и

дальновидный первый министръ Французскаго монарха, Руэ, говорившій еще 30 іюня 1870 г.: «Куда ни оглянись, — нигдѣ не подмѣтить вопроса, который, пожалуй, могъ бы таить въ себѣ опасность!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Франко-Прусская война и возвышеніе Германской имперіи. 1870—1871.

Испанія. Революція 1868 г.

Въ сущности, вовсе не было такого вопроса, который могъ бы оправдать войну, съ точки зрѣнія интересовъ того или другого изъ враждующихъ государствъ. Предлогомъ къ ней скорѣе могло служить лишь обстоятельство или, вѣрнѣе, воззрѣніе, возбудившее сильное волненіе въ *Испаніи*, этой плодоносной странѣ,—сосѣдкѣ Франціи.

Мы предпочитаемъ пройти молчаніемъ государственные перевороты въ Испаніи за все время съ 1840 по 1870 г.; послѣдній изъ нихъ почти опозорилъ общество тщеславныхъ или легкомысленныхъ государственныхъ людей, которые сочли его достаточнымъ поводомъ къ войнѣ, — безжалостной, разрушительной войнѣ, не одушевленной доблестнымъ, похвальнымъ вліяніемъ на народъ. Въ Европѣ было извѣстно, что генералъ Эспартеро—представитель либеральныхъ, а генералъ Нарваэцъ—консервативныхъ началъ, и что въ 1843 г., по счастью, подоспѣвшая революція поставила послѣдняго у кормила правленія, а перваго удалила въ изгнаніе. Интересовались, также, испанскими браками, т. е. замужествомъ королевы Изабеллы и ея сестры, потому что это вызвало натянутость отношеній между королемъ Луи-Филиппомъ и Англіей. Пришелъ 1848 г., и только тѣмъ нарушилъ общій обычный въ Испаніи миръ и тишину, что вызвалъ,—впрочемъ, весьма мимолетное—возстаніе карлистовъ. Крымская-же война и возрожденіе Италіи ни на чемъ не отразились въ Испаніи. Колебанія между либеральнымъ и реакціонернымъ министерствомъ продолжались. Въ 1866 г. королева, искавшая себѣ отпущенія своей грѣховной жизни въ реакціонерныхъ и клерикальныхъ стремленіяхъ, назначила министромъ Нарваэца; но, когда этотъ энергичный поборникъ реакціонерныхъ принциповъ скончался (въ 1868 г.), въ Испаніи произошелъ переворотъ, предводители котораго,—генералы и обиженные представители противной партіи, — на этотъ разъ не удовольствовались простой перемѣной министерства и государственной системы. Королева вынуждена была бѣжать за предѣлы своихъ владѣній, вмѣстѣ со своими духовными и иными сподвижниками, входившими въ составъ ея «камарильи». Лозунгомъ революціи было:—«Долой Бурбоновъ!»—но за кон-

ституціонную монархію стояли такіе выдающіеся дѣятели, какъ, напр., маршалъ Серрано, генералъ Примъ, Олоцага и др., и конституціонные кортесы окончательно рѣшили этотъ вопросъ въ пользу конституціи, въ февралѣ 1868 г. Теперь дѣло стало только за тѣмъ, чтобы выбрать короля для ново-устроенной конституціонной монархіи и, послѣ долгихъ поисковъ, маршалу Приму удалось, наконецъ, найти его въ лицѣ принца *Леопольда Гогенцоллерна*, старшаго сына князя Карла-Антона Гогенцоллерна. О согласіи его занять испанскій престолъ посолъ при Французскомъ дворѣ въ Парижѣ, Олоцага, извѣстилъ императорское правительство 3-го іюня 1870 г.

Поиски короля. Кандидатура Гогенцоллерна.

Этотъ выборъ былъ удаченъ во многихъ отношеніяхъ. Леопольдъ былъ человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, но уже окруженный сыновьями-подростками,—католиками, какъ и ихъ отецъ. Богатый, прекрасно образованный, принцъ Леопольдъ былъ женатъ на дочери короля Португаліи и въ то же время приходился дальнимъ родственникомъ какъ Прусскому королевскому дому, такъ и дому Бонапартовъ; въ высшихъ сферахъ его всѣ уважали; онъ пользовался общимъ довѣріемъ. Кандидатура французскаго правительства, также, ни для кого не была тайной и, конечно, она могла бы и теперь помѣшать прусской кандидатурѣ, какъ нѣкогда съумѣла помѣшать въ ней герцогу Монпансье. Избраніе «Прусскаго принца» возбудило сильное волненіе въ европейскихъ высшихъ сферахъ: въ немъ ясно увидѣли самый удобный предлогъ къ войнѣ, къ которой стремились эгоистическіе представители различныхъ царственныхъ династій, фанатики-іезуиты и ихъ послѣдователи, а также и французскіе честолюбцы. На этой-то почвѣ и разыгралась одна изъ неприглядныхъ политико-дипломатическихъ комедій. 6-го іюля, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ де-Граммонъ, въ своей рѣчи въ законодательномъ корпусѣ, высказалъ мнѣніе, что Нѣмцы, повидимому, стремятся къ возрожденію имперіи Карла V, и что французское правительство не можетъ полагаться на разсудительность Нѣмцевъ и на дружелюбіе Испанцевъ настолько, чтобы быть увѣреннымъ, что до этого у нихъ не дойдетъ; въ случаѣ же, если бы это предположеніе осуществилось, оно (т. е. французское правительство) безъ колебанія и трепета исполнитъ свой долгъ. Пресса явилась усерднымъ отголоскомъ этихъ словъ, которыя довольно прозрачно намекали на склонность Франціи къ войнѣ. Это пробудило Германію, нарушило ея мирное состояніе; а между тѣмъ, какъ-то не укладывалась въ головѣ мысль, что можетъ дѣйствительно возникнуть война изъ-за такого почти отсутствія причины, или собственно повода къ причинѣ, война между народами, численностью (оба вмѣстѣ) превышавшими 40.000,000 человѣкъ. Вся Европа, поэтому, напряженно ожидала исхода грозившей возникнуть военной распри, или же добровольнаго отказа принца,—какъ увѣряла въ томъ Франція Англію.

Франція: поводъ къ войнѣ. 13-го іюля 1870 г.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ отказъ воспослѣдовалъ 12-го іюля 1870 г. Тогда французскіе министры Граммонъ и Оливье поставили прусскому послу въ Парижѣ условіе, чтобы его государь, ради успокоенія Французовъ, написалъ Французскому императору письмо, и имѣли дерзость потребовать, чтобы переговоры по этому поводу велись по телеграфу; но

при этомъ не сдѣлали оговорки, что въ случаѣ, если такое письмо (содержаніе котораго у нихъ было приблизительно набросано) будетъ написано, распрѣ будетъ положенъ конецъ. А этого-то именно они и не хотѣли, хотя весь свѣтъ, да и самъ Оливье,— въ сущности, посвященный въ эту интригу лишь наполовину,— считалъ, что съ отказомъ Леопольда Гогенцоллерна отъ испанской короны падаетъ и самая возможность войны. 9-го іюля прибылъ въ Эмсъ къ королю Вильгельму французскій посолъ при Прусскомъ дворѣ, Бенедетти, и потребовалъ отъ него воспрещенія принцу Леопольду принять испанскій престолъ, т. е. Французы требовали, чтобы этотъ отказъ состоялся по совѣту или по приказанію короля Прусскаго. Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля, когда въ Парижѣ узнали, что принцъ отказался отъ испанскаго престола, императоръ Наполеонъ, по настоянію императрицы, все-таки окончательно порѣшилъ объявить войну и далъ знать Бенедетти, по телеграфу, чтобы онъ требовалъ отъ короля ручательства, что онъ, король Прусскій, обязуется *никогда* больше не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерна, *если* бы она снова была предложена. Бенедетти выполнилъ возложенное на него порученіе на эмскомъ «Brunnenpromenade», въ то время, когда король протянулъ ему самъ «Кельнскую Газету» съ извѣстіемъ объ отказѣ принца. Однимъ изъ славнѣйшихъ дней, пережитыхъ Германіей, былъ день 13-го іюля, когда король довелъ до крайней степени самоотверженія и силы воли свое желаніе оградить Европу отъ общей междоусобной войны: онъ велѣлъ передать Бенедетти, что



Герцогъ де-Граммонъ.
(Съ фотографической карточки).



Графъ Бенедетти, французскій посолъ въ Берлинѣ.
(Съ фотографической карточки).

одобряетъ отказъ Леопольда. Но на это посолъ отвѣчалъ лишь настояніемъ, чтобы ему дана была еще вторичная аудіенція по тому же поводу. Тогда Вильгельмъ возразилъ ему, чрезъ дежурнаго адъютанта, что онъ уже сказалъ по этому поводу свое послѣднее слово.

Война. Итакъ, наступила война,—великій моментъ въ исторіи германскаго народа. Интрига французскаго правительства, его желаніе унизить короля Пруссіи и затѣмъ, все-таки, объявить ему войну, пробудило во всѣхъ его подданныхъ негодованіе и гнѣвъ на дерзкихъ оскорбителей ихъ маститаго, семидесятитрехлѣтняго властелина. Вся Германія, — всѣ ея собранія, партіи, округи,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись на защиту своего отечества. Народъ и вся страна дѣйствовали единодушно: побѣда была несомнѣнна.

Германія единодушна. 15-го іюля король Вильгельмъ вернулся въ Берлинъ. Повсемѣстно, а особенно въ столицѣ, его встрѣчали съ шумнымъ, искреннимъ восторгомъ. Въ то же время въ Парижѣ происходило нѣчто совершенно иное. Герцогъ де-Граммонъ и Оливье, полагавшіе всего три дня тому назадъ, что миръ упроченъ отказомъ принца Леопольда, заговорили теперь о какой-то невѣдомой прусской нотѣ, оскорбительной, яко бы, не только для Франціи, но и для всей Европы. Оппозиція обратилась къ нимъ съ просьбой показать эту ноту, но они отказали подъ предлогомъ, что и ихъ честнаго слова довольно. Однако, большинство этимъ не удовольствовалось и продолжало шумѣть, въ томъ числѣ и старикъ Тьеръ.—«Со вчерашняго дня вызваны уже наши резервы!» — объявилъ министръ, и его слова были встрѣчены громкимъ одобреніемъ. Въ ночь на 16-е іюля король Прусскій, также, подписалъ приказъ о мобилизаціи своей арміи, а сѣверо-германскій рейхстагъ (государственный совѣтъ) созванъ былъ на 19-е іюля.

Европейскія державы. На этотъ разъ ни съ той, ни съ другой стороны не было и рѣчи о союзникахъ: обѣ державы должны были сами рѣшать свой споръ. *Испанія* рада была, что выбралась изъ непріятнаго и затруднительнаго положенія; тамъ даже, повидимому, не было и тѣни того задора, который приписывала почему-то Испанцамъ Франція, воспользовавшись ихъ дѣлами, какъ поводомъ къ войнѣ съ третьей державой. *Англія* вела себя нейтрально, подъ руководствомъ министерства Гладстона, которое, какъ оно ни было «разочаровано, чтобы не сказать: оскорблено» поведеніемъ Французовъ и объявленіемъ войны, допустило своего посла молчать на все происшедшее и даже подтвердило свои увѣренія въ дружелюбныхъ своихъ отношеніяхъ къ Франціи. *Италія* также придерживалась нейтралитета, равно какъ и *Россія*, нейтральное положеніе которой было такъ благопріятно для Германіи. Единственнымъ союзникомъ Французовъ могъ быть только первый министръ Австрійской имперіи, фонъ-Бейстъ, который, еще въ бытность свою германскимъ «патріотомъ», уже велъ тайные переговоры съ Французскимъ императоромъ, съ цѣлью подготовить паденіе новаго строя Германіи, иначе говоря: осуществленіе наполеоновской программы 1866 года. Но въ бумагѣ отъ 20-го іюля Бейсту волей-неволей (или, какъ онъ выразился: «не безъ сожалѣнія») пришлось высказаться за нейтралитетъ, такъ какъ все нѣмецкое населеніе Австріи сочувствовало своему прусскому соотечественнику. «Этотъ нейтралитетъ»,

прибавлялъ онъ, «лишь средство приблизиться къ настоящей цѣли нашей политики», т. е. осуществить вооруженіе, и онъ, какъ протестантскій министръ Габсбургскаго дома, льстилъ себя надеждой привлечь на свою сторону Итальянцевъ, которымъ онъ, по его выраженію, «вынетъ занозу».

Германскіе штаты, не принадлежавшіе къ сѣверо-германскому союзу, стали на сторону народа. 19-го іюля правое дѣло восторжествовало въ засѣданіи второй камеры (палатѣ) въ Мюнхенѣ, гдѣ клерикальная партія подавляла своимъ большинствомъ: самыя лучшія изъ ея составныхъ частей были согласны съ народомъ и съ ея правленіемъ. Только сорокъ семь непримиримыхъ сторонниковъ Рима и закоснѣлые демократы отстаивали вооруженный нейтралитетъ, опираясь на то, что даже герцогъ де-Граммонъ объявилъ, что война не должна дать Французамъ ни одного фута нѣмецкой земли и что Франція предложила нейтралитетъ, «если я вѣрно понимаю, съ положительной гарантіей для фальцграфствъ»,— какъ выразился вождь этой партіи патріотовъ-политиковъ, Іёргъ. Въ тотъ же день объявленіе Французами войны пришло въ Берлинъ, когда король Прусскій только-что открылъ засѣданія рейхстага. «Сегодня, когда вооруженіе Германіи не даетъ доступа врагамъ, Германія обладаетъ силою и волею для отпора возобновленнаго французскаго насилія».

Между тѣмъ, наступленіе войскъ по направленію къ границѣ уже пошло своимъ чередомъ. 23-го Наполеонъ передалъ регентство императрицѣ и обратился къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ предоставлялъ ему отвѣтственность въ войнѣ, потому что, по его мнѣнію, «въ жизни народовъ бываютъ торжественные моменты, когда ученіе національности возвышается до степени непреодолимой власти!» Говорилъ онъ также и о притязаніяхъ Пруссіи, объ уваженіи къ независимости Германіи и объ «идеяхъ цивилизаціи нашей великой революціи». 28-го іюля Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа со своимъ четырнадцатилѣтнимъ сыномъ, который «понимаетъ, какія обязанности возлагаетъ на него его имя», и направился въ Мецъ къ своимъ войскамъ, получившимъ громкое прозваніе «Рейнской арміи». Настроеніе во Франціи, и въ самомъ дѣлѣ, было воинственное, какъ это не разъ высказывали Французы въ самохвальныхъ рѣчахъ. Такъ, напримѣръ, военный министръ говорилъ, что онъ «всецѣло» убѣжденъ, что «никто и въ пуговицѣ для гамашъ не будетъ нуждаться», если война продолжится съ годъ. Французская (она же и «Рейнская») армія, состоявшая почти изъ 210,000 чел., собралась вдоль линіи отъ Бельфора до Тіонвилля. Прокламаціей, съ которой обратился императоръ къ своимъ войскамъ въ Мецѣ, заявлялось, что война будетъ ведена на германской почвѣ и, согласно этому заявленію, офицеры были снабжены картами германскихъ владѣній. Планъ военныхъ дѣйствій былъ таковъ: соединить военные корпуса при Мецѣ и при Страсбургѣ; переправиться черезъ Рейнъ при Максау; принудить южно-германскія владѣнія къ нейтралитету, и затѣмъ перенести театръ войны на Эльбу. Превосходный по численности французскій флотъ могъ одновременно искать себѣ примѣненія на Нѣмецкомъ морѣ, произвести высадку въ Ганноверѣ, или войти въ союзъ съ Датчанами. Нѣмцы же не дожидались 19 іюля 1870 г. для того, чтобы привести въ исполненіе тщательно разработанный еще съ 1868—

Начало войны.

69 гг. планъ Мольтке для сосредоточенія войскъ въ Баварскомъ фальцграфствѣ съ цѣлью «отыскивать главныя силы непріятеля и, гдѣ бы они ни находились, нападать на нихъ». Мобилизація произошла также по заранѣе предначертанному плану. Въ какіе-нибудь десять дней все соединенное сѣверо-германское войско перешло съ мирнаго положенія на военное, т. е. изъ 300,000 чел. оно разрослось до 900,000. Съ такой же быстротой и отчетливостью произведена была и мобилизація южно-германскихъ войскъ, которыя, безъ малѣйшей помѣхи, были доставлены сквозными поѣздами на границу. Выше Кобленца собралось правое крыло,—1-я армія подъ предводительствомъ *генерала Штейнмеца;* выше Майнца и Бингена центръ — 2-я армія подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла; при Мангеймѣ и Максау лѣвое крыло—3-я армія подъ предводительствомъ кронпринца Фридриха-Вильгельма. Съ величайшимъ восторгомъ приняло его войско въ Мюнхенѣ и Штутгартѣ, 31 іюля 1870 года. Три армейскихъ корпуса и 160,000 ландвера остались въ Германіи, для огражденія ея отъ козней австрійскихъ министровъ. Главнокомандующимъ же надъ соединенными германскими силами былъ самъ престарѣлый императоръ Вильгельмъ. Онъ выѣхалъ изъ Берлина 31 іюля; но еще передъ тѣмъ Бисмаркъ обнародовалъ документы, изъ которыхъ явствовало, что французское правительство постоянно интриговало противъ Германіи и дѣйствовало ей во вредъ.



Генералъ фонъ-Штеймецъ.
(Съ фотографической карточки).

Саарбрюкенъ.

Наканунѣ,—2-го августа,—французское войско одержало свою первую побѣду, при Саарбрюкенѣ. Громко кричала о ней французская пресса, описывая подробности этого замѣчательнаго «дѣла». Въ Саарбрюкенѣ давно уже стоялъ полкъ гогенцоллернскихъ стрѣлковъ и нѣсколько эскадроновъ гарнизоннаго Саарбрюкенскаго уланскаго полка и патрулей подъ начальствомъ полковника Нестеля. На нихъ наступали три французскихъ дивизіи, спустившіяся съ высотъ Шпихера. Точно и ровно отступали передъ ними Пруссаки; а императоръ далъ знать въ Парижъ, что его армія ведетъ свои дѣйствія наступательно, несмотря на численность врага и на его силу. Онъ говорилъ, что его войска «стремились впередъ»; а генералъ Фроссаръ доносилъ, что они «располагались на завоеванныхъ позиціяхъ», несмотря на то, что въ теченіе дня уже получилъ свѣдѣнія о настоящихъ размѣрахъ непріятельскаго войска.

Со стороны Пруссаковъ первый ударъ былъ нанесенъ Французамъ съ лѣваго крыла, и сразу же удачно. Армія праваго крыла, подъ предводительствомъ маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, расположилась подъ Страсбургомъ и отдѣлила отъ себя дивизію, подъ начальствомъ генерала Абеля Дуэ, направивъ ее на *Вейссенбургъ*. Но Баварцы и Пруссаки отбили у него этотъ городокъ и взяли штурмомъ Гайсбергъ, лежавшій на часъ разстоянія къ югу отъ Вейссенбурга. Этотъ штурмъ уже былъ побѣдоносно оконченъ въ 2 часа дня, при чемъ 1,000 чел. Французовъ было взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ и ихъ генералъ; остальные же въ безпорядкѣ отступили къ Хагенау. Но еще болѣе важное значеніе имѣли для Французовъ два непріятельскихъ нападенія: на правое и на лѣвое крыло французскихъ позицій, и произошли они оба 6 августа. Вейссенбургъ.



Маршалъ Макъ-Магонъ.
(Съ фотографической карточки 1870 г.).

Во главѣ 45,000 войска, Макъ-Магонъ расположился близъ нижнеэльзасскаго городка *Вёрта*. Ручей и долина шириною почти въ 1,000 шаговъ отдѣляли его отъ приближавшихся войскъ кронпринца. Раннимъ утромъ 6-го августа Французы начали бой горячимъ огнемъ, но кронпринцъ достигъ высоты, къ востоку отъ Вёрта, лишь въ 1 ч. пополудни. Тогда сраженіе приняло болѣе рѣшительный характеръ, а до тѣхъ поръ оно шло съ перемежающимся успѣхомъ. Пятый германскій корпусъ, состоявшій изъ познанцевъ и южно-шлезвигцевъ, подъ предводительствомъ генерала Кирхбаха, могъ только удержать за собою этотъ городъ; но одиннадцатый—Гессенцы, Нассауцы, Тюрингенцы—весьма успѣшно подвигался впередъ подъ начальствомъ Бозе. Къ нимъ подоспѣли подкрѣпленія, и въ половинѣ третьяго состоялся уже удачный штурмъ подожженной деревни Эльзасхаузенъ. Этотъ штурмъ ощутительно отозвался на французскомъ центрѣ, благодаря Баварцамъ, которые тѣснили ихъ подъ предводительствомъ Гартмана и фонъ-деръ-Танна. Они угрожаютъ серединѣ позиціи Макъ-Магона—деревнѣ Фрешвейлеръ, и въ половинѣ пятаго часа послѣдній принужденъ признать сраженіе проиграннымъ, и только затѣмъ поддерживалъ его такъ долго, чтобы обезпечить своимъ войскамъ отступленіе. Но Вюртембержцы, подоспѣвшіе незадолго передъ тѣмъ на поле битвы, уже направились на тотъ путь, по которому должны Вёртъ.

были отступать Французы, т. е. на Рейхсгофенъ. 8,000 чел. послѣднихъ легло на полѣ битвы, 9,000 чел. было взято въ плѣнъ; а правое крыло французской арміи, оттѣсненное отъ остальной части войска, бѣжало чрезъ Хагенау на Страсбургъ. Между тѣмъ, чтобы оцѣпить этотъ городъ, двинулась впередъ и баденская дивизія. Нѣмцы, однако, также понесли тяжкія потери: — 10,000 солдатъ и 489 офицеровъ; но это было скоро забыто подъ вліяніемъ радостной телеграммы кронпринца, которую вездѣ читали съ восторгомъ: — «Побѣдоносный бой при Вёртѣ. Макъ-Магонъ совершенно разбитъ большей частью моей арміи». Подъ вечеръ того же дня отъ праваго крыла нѣмецкой арміи пришло извѣстіе, что оно одержало вторичную побѣду при

Шпихернъ.

Шпихернѣ. 4-го августа Французы, дѣйствительно, вернулись изъ Саарбрюкена на плато при Шпихернѣ. Эта гора, по склонамъ своимъ и по вершинѣ своей производитъ, если смотрѣть на нее съ высотъ Саарбрюкена, впечатлѣніе естественной крѣпости, отстоящей отъ Винтерберга лишь на ¼ час. пути по открытому мѣсту. Тамъ Французы возвели свои шанцы и укрѣпленія; но противъ нихъ смѣло выступилъ генералъ Камеке, такъ какъ Нѣмцы вообще опасались ихъ отступленія и хотѣли ихъ задержать. До трехъ часовъ не оказалось еще никакихъ рѣшительныхъ результатовъ битвы, хотя въ ней и принимали участіе 12-ть баталіоновъ Нижнерейнцевъ, Ганноверцевъ, Вестфальцевъ, но бой былъ не равенъ, такъ какъ французскихъ баталіоновъ было несравненно больше: всего 39, изъ корпуса Фроссара. Тѣмъ не менѣе, Нѣмцы взобрались на высоты, которыя они и оцѣпили съ помощью подоспѣвшихъ подкрѣпленій. Долго кипѣлъ неустанный, ожесточенный бой на склонахъ возвышенія и въ долинѣ, пока, наконецъ, взятіе обратно Штпринга (на шоссе изъ Саарбрюкена въ Форбахъ) не рѣшило



Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ походѣ 1870 г.

Писалъ А. Верперъ (съ разрѣшенія фотографич. общества въ Берлинѣ).

вопроса о побѣдѣ въ пользу Нѣмцевъ. Бой прекратился съ наступленіемъ темноты и на сторонѣ послѣднихъ оказался безспорный перевѣсъ какъ въ смыслѣ нравственнаго, такъ и матеріальнаго результата сраженія. Уже четыре дня продолжались упорныя схватки лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и за это время желѣзнымъ дорогамъ пришлось тысячами отправлять въ Германію военно-плѣнныхъ и много отбитыхъ орудій.

6-го августа на Парижской биржѣ и по всему городу разнесся слухъ о блестящей побѣдѣ. Народъ ликовалъ, но недолго: на слѣдующій же день пришла телеграмма императора: — «Макъ-Магонъ проигралъ битву; Фроссаръ вынужденъ отступить на Саару». — Разочарованіе, гнѣвъ и обманутое тщеславіе овладѣли Французами, которые обратили всю свою злобу на министерство Оливье и Граммона. Основы имперіи грозили пошатнуться, такъ какъ республиканскіе депутаты уже настолько взяли волю, что потребовали, въ законодательномъ корпусѣ, «въ виду того, что неспособность главы государства подвергла Францію опасности», — чтобы охранный комитетъ, состоявшій изъ пятнадцати членовъ, былъ низложенъ. Но на этотъ разъ еще удалось предотвратить опасность. Императрица призвала къ дѣятельности новое министерство, во главѣ котораго сталъ семидесятитрехлѣтній генералъ, получившій вслѣдствіе одержанной имъ въ Китаѣ побѣды титулъ графа Паликао. Этотъ министръ былъ настолько предусмотрителенъ, что позаботился о снабженіи Парижа запаснымъ провіантомъ. Дѣло дошло уже до того, что самымъ безопаснымъ для арміи оказывалось возвращеніе ея къ Парижу. Однако, народъ еще льстилъ себѣ надеждами на храбрость своихъ войскъ и на вмѣшательство Европы,—о чемъ всѣ и думать перестали, кромѣ австрійскаго интригана фонъ-Бейста.



Маршалъ Базенъ.
(Съ фотографической карточки).

Двойное пораженіе Французовъ 6-го августа разбило ихъ позиціи, такъ сказать, на двѣ части: Макъ-Магонъ, съ остатками своей арміи при Вёртѣ, отошелъ къ Шалону-на-Марнѣ, гдѣ онъ и нашелъ подкрѣпленія. Корпуса *Рейнской арміи* соединились при Мецѣ и императоръ, чувствуя себя не въ состояніи (какъ нравственно, такъ и физически) исполнять обязанности главнокомандующаго, передалъ ихъ Базену. Отъ

Битвы за Мецъ 14 авг. Коломбэ-Нуйльи.

него-то и ожидали теперь Французы тѣхъ чудесъ храбрости и искусства, въ которыхъ обманулись по отношенію къ Макъ-Магону и другимъ. Тутъ-то, при *Мецѣ*, и произошла ужасная развязка въ три роковыхъ и кровавыхъ дня: 14-го, 16-го и 18-го августа 1870 года. 13-го числа въ главной квартирѣ Французовъ было рѣшено отступать далѣе, на Верденъ (Verdun). Какъ ни трудно было привести этотъ приказъ въ исполненіе съ 180,000 войскомъ, однако, къ нему приступили 14-го числа, когда и началась переправа съ праваго на лѣвый берегъ Мозеля. Передовые отряды первой германской арміи замѣтили это и генералъ Гольцъ произвелъ нападеніе на колонны переправлявшихся. Къ нему на помощь подоспѣли еще первый и седьмой корпусъ,—Восточно-Прусскіе съ Мантейфелемъ во главѣ и Вестфальцы съ Застровомъ, такъ что это преслѣдованіе просто обратилось въ сраженіе, которое и произошло при *Коломбэ-Нуйёльи*. Для Нѣмцевъ, потерявшихъ 4,600 чел., эта жертва была тяжела, но то, что переправа Французовъ была задержана на цѣлый день, было для нихъ большой выгодой, а для Французовъ — непоправимымъ бѣдствіемъ.

16 августа. Марсъ-ля-Туръ.

Тѣмъ временемъ, отряды второй германской арміи выше Меца переправились черезъ Мозель и направились къ самому южному изо всѣхъ путей отступленія, а именно: отъ Меца на Верденъ. Вечеромъ 15 августа французскіе отряды уже наткнулись на нѣмецкую рекогносцировочную кавалерію. Базенъ слишкомъ поздно двинулся въ обратный путь: императоръ и его сынъ еще успѣли проскользнуть благополучно, но армія нашла южный путь уже прегражденнымъ. 16-го числа при деревнѣ *Марсъ-ля-Турѣ*, близъ дороги въ Верденъ, разыгралось 12-ти-часовое сраженіе. Нѣмцамъ приходилось имѣть здѣсь дѣло съ двойною военной силой: третій корпусъ, Бранденбуржцы, подъ начальствомъ Альвенслебена, затѣмъ, постепенно прибывавшія войска Ганноверцевъ, Вестфальцевъ, Ольденбуржцевъ, а позднѣе — Гессенцевъ, въ общей сложности, не превышали 60,000 чел.; тогда какъ французская армія состояла изъ 120,000 чел., т. е. ровно вдвое. Въ самый критическій моментъ, когда у нѣмцевъ ужъ больше не было свободныхъ пѣхотныхъ войскъ, въ три часа дня, подоспѣла къ нимъ на выручку кавалерія: магдебургскіе кирасиры и маркграфскіе уланы. Начиная съ четырехъ часовъ бой велъ самъ принцъ Фридрихъ-Карлъ. Результаты его, однако, остались неопредѣленны; только то и было въ немъ выгоды, что нѣмцамъ удалось, при потерѣ 15,000 чел. (у Французовъ 16,000 чел.), преградить непріятелю отступленіе къ югу.

18 августа. Гравелотта.

Все равно, французская армія была неминуемо обречена на погибель: теперь всѣ усилія Нѣмцевъ были направлены на то, чтобы отрѣзать ей путь отступленія на сѣверъ и оттѣснить ее опять обратно къ Мецу. Такова была цѣль третьяго сраженія, при *Гравелоттѣ*, 18-го августа 1870 г. Дѣйствительно, Базенъ придвинулъ свои войска ближе къ Мецу и расположилъ своихъ 140,000 чел. на плоскости къ западу отъ этой старинной крѣпости, на пространствѣ между Гравелоттой и Сенъ-Привà, по сѣверной дорогѣ, и выстроилъ ихъ въ линію длиною въ $1^3/_4$ мили. Боевыя условія уже настолько измѣнились для обѣихъ армій, что фран-

цузская стояла теперь фронтомъ къ Франціи, а нѣмецкая—къ Германіи. Король Вильгельмъ, прибывшій на поле сраженія 17-го числа, самъ сталъ во главѣ своихъ войскъ. Согласно плану Мольтке, который совѣтывалъ отыскивать главныя силы врага и на нихъ напирать, германская 200-тысячная армія двинулась впередъ съ самаго утра 18-го августа. Въ полдень начался бой въ центрѣ при Верневиллѣ и закипѣлъ по всей линіи, при чемъ особенно отличилась нѣмецкая артиллерія. Французамъ же ни съ какой стороны не было удачи, потому что Базенъ ни за что не хотѣлъ отходить отъ Меца; но все-таки ему удалось сохранить за собой укрѣпленія. Нѣмцы же, съ своей стороны, ожидали успѣха, если имъ удастся обойти правое крыло французской арміи при Сенъ-Мари-о-Шэнѣ и Сенъ-Прива, куда уже направились Саксонцы. Около пяти часовъ пополудни, была сдѣлана попытка взять штурмомъ послѣднюю деревню, превращенную работами Французовъ въ настоящую крѣпость; но эта попытка закончилась неудачей и большими потерями для нѣмцевъ. Только къ семи часамъ удалось Саксонцамъ взять эту деревушку, а Французы порѣшили переправиться на другой берегъ. Незадолго передъ тѣмъ, Французы, на противоположномъ концѣ своихъ позицій, при Гравелоттѣ, попробовали энергичнымъ нападеніемъ овладѣть южной дорогой. Но до самой деревни это нападеніе не дошло: полчаса спустя подоспѣлъ померанскій корпусъ, съ генераломъ Франсеки во главѣ, на то же мѣсто, гдѣ на слѣдующее утро состоялось отступленіе Французовъ. Самъ король Прусскій такъ сообщаетъ объ этихъ событіяхъ телеграммой:—«На французскую армію, занявшую очень сильныя позиціи къ западу отъ Меца, произведено сегодня нападеніе подъ моей командой. Французы разбиты на-голову, послѣ девяти-часового боя; отрѣзаны отъ сообщенія съ Парижемъ и оттѣснены назадъ къ Мецу».—Однако, этотъ крупный успѣхъ былъ купленъ нѣмцами цѣной 20,000 чел. убитыхъ, противъ 12,000 чел. Французовъ. Ночь провелъ король въ Резонвилѣ, гдѣ ему была приготовлена весьма бѣдно-обставленная комната.

Положеніе дѣлъ въ Парижѣ.

Ни минуты не теряли нѣмцы, чтобы не упустить изъ виду важную добычу, какую для нихъ представлялъ Мецъ. Они поспѣшили отрѣзать своей великой плѣнницѣ—рейнской французской арміи—всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, даже съ Тіонвилемъ, и оцѣпить ее со всѣхъ сторонъ: были на это обращены семь армейскихъ корпусовъ первой и второй германской арміи, къ которой все подходили и подходили подкрѣпленія; они, подъ начальствомъ Фридриха-Карла, и остались передъ Мецомъ. Для того, чтобы воспрепятствовать непріятелю прорваться, были возведены шанцы, укрѣпленія и окопы. Подъ предводительствомъ кронпринца *Альберта Саксонскаго* была образована, такъ-называемая, *Маасская армія*, состоявшая изъ остальныхъ трехъ корпусовъ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій,—всего 90,000 чел. Этой—по счету четвертой—германской арміи приходилось теперь, вмѣстѣ съ войсками кронпринца Прусскаго вести дѣйствія противъ Парижа; ей, также, указано было отыскивать главныя силы врага, для наступленія на нихъ: вѣдь у Французовъ еще были остатки арміи Макъ-Магона. Но къ нимъ, къ этимъ остаткамъ, присоединились еще другія войска, образовавшія съ ними вмѣстѣ, въ общей сложности, 150,000 чел.

Здѣсь-то и собралъ императоръ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было поручить завѣдываніе городомъ Парижемъ популярному человѣку, нѣкоему генералу Трошю. Подъ прикрытіемъ назначенія такого популярнаго человѣка въ губернаторы Парижа, императоръ хотѣлъ вернуться къ себѣ въ столицу; но, по прибытіи своемъ туда, Трошю нашелъ себѣ оппозицію въ лицѣ императрицы и ея управленія, относившагося къ нему съ недовѣріемъ. Здѣсь знать ничего не хотѣли о возвращеніи императора, который и безъ того не былъ популяренъ, но появленіемъ своимъ въ такую минуту—еще болѣе могъ распалить готовую вспыхнуть революцію. Страхъ передъ революціей вліялъ также и на военные отчеты, которые маршалъ Паликао умѣлъ представлять народу въ извращенномъ и притомъ же яко бы правдоподобномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, о сраженіи 18 августа, при Гравелоттѣ, онъ сообщалъ 19-го, что на маршала Базена напали соединенными силами три непріятельскихъ корпуса и что непріятель былъ оттѣсненъ «къ каменоломнямъ Жомона»; а 22-го, не получая отъ Базена никакихъ извѣстій, объявилъ, что отъ него нѣтъ депеши и что, «поэтому правительство можетъ заключить, что этотъ твердо установленный планъ еще не приведенъ въ исполненіе». А между тѣмъ, послѣ дѣла при Гравелоттѣ, исходъ борьбы былъ ясенъ для всей Европы и отсутствіе извѣстій отъ Базена прямо указывало на этотъ исходъ. Извиненіемъ въ ошибкахъ престарѣлаго министра *(Тьера)* была его боязнь революціи, и эта-то боязнь руководила его приказаніемъ Макъ-Магону соединиться съ Базеномъ, что онъ и заявилъ на военномъ совѣтѣ 17-го августа. Переписка его съ Макъ-Магономъ окончилась тѣмъ, что послѣдній, вопреки своему твердому убѣжденію, пошелъ 20 августа изъ Шалона къ Реймсу, а оттуда 23-го еще болѣе къ сѣверу, чтобы, согласно предписаніямъ, полученнымъ имъ изъ Парижа, соединиться съ Базеномъ, описавъ для этого большую дугу. 22-го же до него дошла телеграмма Базена отъ 19-го числа съ такимъ содержаніемъ: — «Все-таки, думаю двинуться впередъ еще сѣвернѣе, на Монмеди (Montmedy)».



Генералъ Блументаль.
(Съ фотогр. карточки).

Военныя дѣйствія по 1 сентября.

Когда далеко раскинувшаяся нѣмецкая конница принесла, 24 августа, извѣстіе, что лагерь подъ Шалономъ опустѣлъ и что французскія войска уходятъ по направленію къ сѣверу, тогда военное управленіе рѣшило прибѣг-

нуть къ болѣе важнымъ мѣрамъ. Движеніе арміи Прусскаго кронпринца, главная квартира котораго помѣщалась 23 августа при Линьи, было пріостановлено и армія уклонялась то вправо, то влѣво. Теперь слѣдовало стянуть третью и четвертую арміи вокругъ войскъ Макъ-Магона и 27-го августа начальникъ штаба кронпринца, генералъ Блументаль, говорятъ, будто бы, подвелъ корреспондента какой-то англійской газеты къ картѣ военныхъ дѣйствій и наглядно доказалъ ему, что французская армія близка къ погибели. Указалъ онъ также и то мѣсто, куда она неизбѣжно должна была придти, если не перейдетъ на бельгійскую территорію, и гдѣ ее ожидаетъ вѣрное пораженіе: это мѣстечко было *Седанъ*, небольшая крѣпость на рѣкѣ Маасѣ.

Еще съ 29 числа началъ Макъ-Магонъ предчувствовать, что ему не миновать сраженія на пути своего движенія къ Базену. Да кромѣ того, и самое состояніе его войскъ оставляло многаго желать. 30 августа при *Бомонѣ*, къ западу отъ р. Мааса, на часть войскъ Макъ-Магона, — пятый корпусъ подъ предводительствомъ де-Файльи,—неожиданно напали, во время обѣда, войска третьей нѣмецкой арміи, Саксонцы и Тюрингенцы, которые и захватили 3,000 чел. военноплѣнныхъ, съ 20 орудіями: остальные французскіе отряды, довольно сильно потерпѣвшіе, добрались до рѣки Мааса и получили приказаніе соединиться съ Базеномъ при Седанѣ. Макъ-Магонъ полагалъ, что тамъ его войска могутъ хоть денекъ отдохнуть; въ Седанъ же направился и самъ императоръ, выѣхавшій туда изъ Кариньяна. Но уже 31 августа начала тѣснѣе опутывать его сѣть непріятельскихъ войскъ: съ востока (Монмеди) ему преградилъ дорогу кронпринцъ Саксонскій, который, также, достигъ Мааса; третья армія уже угрожала ему по направленію къ западу, на Мезьеръ (Mezières). Свободнымъ оставался только одинъ путь отступленія, отстоявшій на одиннадцать километровъ отъ бельгійской границы; а семь нѣмецкихъ армейскихъ корпусовъ стояли настолько близко другъ отъ друга, что однодневный переходъ или однодневный бой легко могли слить ихъ всѣхъ въ одно цѣлое.

Битва при Седанѣ.

На слѣдующій день, 1 сентября 1870 г., суждено было свершиться событію, имѣвшему рѣшающее значеніе для обѣихъ сторонъ. Крѣпость Седанъ лежитъ въ небольшой долинѣ, на правомъ берегу р. Мааса, которая, протекая здѣсь по направленію съ юга на сѣверъ, съ юго-востока къ сѣверо-западу окаймлена возвышенностями. Если слѣдовать вдоль дуги, которую описываютъ эти возвышенія, то придется подниматься вверхъ (съ юга на сѣверъ) по рѣчкѣ Живоннѣ, мимо деревень: Базейль, Ла-Монсель, Дэньи, Живоннъ, здѣсь повернуть къ сѣверо-западу—на Илли, а оттуда къ западу—на Сенъ-Манжъ, которая расположена у самой рѣки. На юго-западѣ отъ Седана, при первой изъ этихъ деревень,—Базейлѣ,—Баварцы, раннимъ утромъ, вступили въ битву; къ нимъ присоединились Саксонцы при Дэньи, а прусская гвардія—при Живоннѣ. На возвышенности, между Базейлемъ и Ла-Монсель, французскій главнокомандующій Макъ-Магонъ былъ раненъ осколкомъ гранаты и это лишило его возможности участвовать въ бою, веденіе котораго онъ передалъ генералу Вимпфену, прибывшему изъ Африки лишь наканунѣ. Такая

перемѣна въ управленіи битвой пагубно на нее повліяла: между 10-ю и 11 час. утра деревни при р. Живоннѣ уже перешли во власть непріятеля. Во время этого длиннаго ряда упорныхъ, кровавыхъ стычекъ, подошли съ запада пятый и шестой корпуса третьей арміи: Нижне-Шлезвигцы, Познанцы, Гессенцы и Тюрингенцы, — и притомъ подошли настолько близко, что могли перейти къ наступленію на лѣвое крыло французской арміи, на позиціи Сенъ-Манжа и на плато близь Илли. Генералъ Дуэ, который тамъ командовалъ, попробовалъ противопоставить врагу всѣ свои соединенныя артиллерійскія силы; но нѣмецкая артиллерія открыла по нимъ такой искусный и сильный огонь, что Французамъ было некогда дѣйствовать. Отъ 2-хъ до 3-хъ час. пополудни, генералъ Дуэ выслалъ навстрѣчу непріятельскимъ наступающимъ отрядамъ весьма значительную конницу—кирасировъ, африканскихъ егерей, гусаръ, одиннадцать полковъ — и всѣ они не могутъ устоять противъ ужаснаго, непрерывнаго огня 32-го и 95-го полковъ нѣмецкой пѣхоты. Немного позднѣе, часа въ три, окончательно сомкнулось кольцо нѣмецкихъ войскъ, преградивъ Французамъ и послѣдній путь отступленія—къ бельгійской границѣ: между Живонной и Илли прусская гвардія соединилась съ пятымъ корпусомъ. Судьба французской арміи была рѣшена. Быстро рѣдѣя и разрушаясь, въ безпорядкѣ бѣжали французскіе ряды, устремившись къ Седану; но и тамъ было не легче. По дорогѣ туда, надъ рощей Гаренны, чрезъ которую они бѣжали, свистѣли имъ вдогонку нѣмецкіе снаряды. На востокъ отъ бѣглецовъ была Живонна, на сѣверъ—Илли, на западъ Флоингъ, и все пространство между этими деревнями вскорѣ покрылось убитыми и ранеными; роща наполнилась ихъ крикомъ и стенаньемъ, раздававшимися въ хаосѣ безпорядочно, кучами, сваленныхъ людей, повозокъ и лошадей. Въ четыре часа городъ Седанъ былъ уже въ безнадежной опасности. Германская армія окружила его на разстояніе выстрѣла: до 600 орудій было расположено на окрестныхъ высотахъ. А за ними, готовые къ битвѣ, стояли семь съ половиною корпусовъ, такъ что горсточкѣ Французовъ, собравшихся въ Седанѣ, ничего больше не оставалось, какъ только погибнуть или сдаться на капитуляцію.

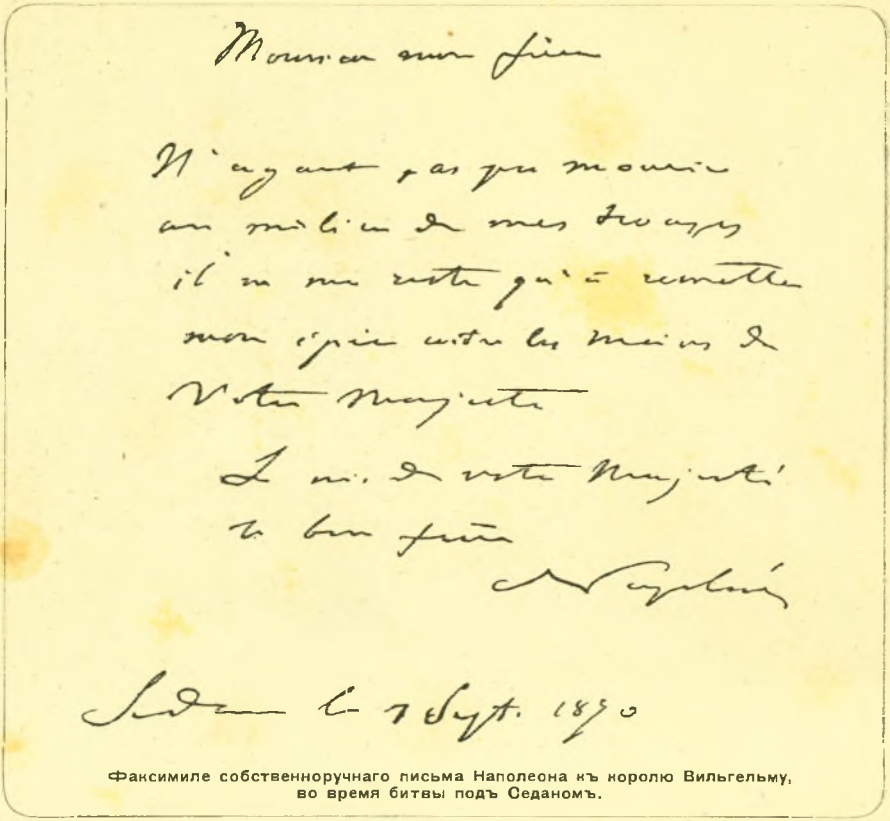
Особенно ясно представился такой исходъ французскимъ вождямъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля и ихъ губительныхъ послѣдствій. Императоръ Наполеонъ, которому не было иного выбора, потому что ему уже больше нечего было терять, приказываетъ поднять бѣлый (парламентерскій) флагъ. Въ семь часовъ, по его порученію, генералъ Рейль является къ королю Прусскому, который находился, вмѣстѣ съ своей свитой, къ югу отъ Седана, на высотахъ Френуа (Frenois). Уполномоченный императора подалъ Вильгельму его собственноручное письмо такого содержанія.—«Такъ какъ мнѣ не пришлось умереть въ рядахъ моихъ войскъ, то мнѣ остается теперь лишь передать мою шпагу въ руки вашего величества».

2 сентября. Капитуляція.

Въ ночь на 2 сентября, въ Доншери, генералы Вимпфенъ и Мольтке приступили къ обсужденію условій капитуляціи. Утромъ, 2 сентября, она была заключена въ Френуа, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Французская



Генералъ Рейль передаетъ во время битвы при Седанѣ письмо Наполеона королю Вильгельму.
Картина А. ф.-Вернера. По фотографической копіи.



Факсимиле собственноручнаго письма Наполеона къ королю Вильгельму, во время битвы подъ Седаномъ.

армія, будучи окружена превосходнѣйшими силами, сдается военноплѣнной». Соединенной Германіи удалось неслыханное дѣло: битва стоила Французамъ 13,000 убитыми и 25,000 взятыми въ плѣнъ. Около 3,000 чел. успѣли спастись черезъ бельгійскую границу, 10,000 чел., партіями или вразбродъ, бѣжали въ Мезьеръ и далѣе; теперь, по капитуляціи, въ руки Нѣмцевъ переходила армія въ составѣ 83,000 рядовыхъ, 2,866 офицеровъ и 40 генераловъ, вмѣстѣ съ громадною матеріальною частью, болѣе нежели 400 орудій, не считая самой крѣпости. Упавшій духомъ императоръ имѣлъ свиданіе съ Бисмаркомъ въ садикѣ одного рабочаго, въ Доншери; съ побѣдителемъ своимъ онъ увидѣлся лишь послѣ подписанія капитуляціи, въ небольшомъ замкѣ Бельвю, на дорогѣ изъ Седана въ Доншери. Побѣдитель назначилъ мѣстопребываніемъ бывшему императору Французовъ замокъ Вильгельмсгее, близъ Касселя.

Мецъ. Вылазка Базена.

Въ тѣ же дни рѣшилась участь рейнской арміи, запертой въ Мецѣ. Базенъ попытался сдѣлать большую вылазку въ восточномъ направленіи, 31 августа, съ цѣлью прорвать желѣзное кольцо, которымъ охватывала Мецъ нѣмецкая армія, болѣе и болѣе тѣсня крѣпость. Французы встрѣ-



Наполеонъ и Бисмаркъ, на другое утро послѣ битвы при Седанѣ.
Картина В. Кампгаузена. По фотографической копіи.

тились тутъ впервые съ ландверомъ, надъ которымъ такъ трунили ихъ газеты. Послѣ 24-хъ-часового боя, названнаго, по имени лежащей на дорогѣ въ Германію деревни, дѣломъ при *Нуазвиль*—седанская канонада доносилась, въ это время, до главной квартиры принца Фридриха-Карла,—Французы были вынуждены воротиться въ крѣпость (1 сентября). Не было никакого вѣроятія на успѣхъ вторичной подобной попытки, потому что силы осажденныхъ уменьшались съ каждымъ днемъ, между тѣмъ положеніе нѣмецкой арміи улучшалось въ то же самое время.

Возвращеніе французскаго флота.

Дѣйствій французскаго флота не приходится отмѣчать: онъ крейсировалъ вдоль хорошо защищенныхъ береговъ Германіи, при чемъ худыя вѣсти съ суши лишали его иниціативы и бодрости. Эскадра Сѣвернаго моря воротилась въ Шербургъ 12 сентября, а эскадра Остзейскаго моря 14 числа того же мѣсяца. Онѣ употребили 66 дней на безуспѣшное плаваніе, не приступая ни къ какой серьезной попыткѣ, да и не имѣя, впрочемъ, предъ собою никакого опредѣленнаго плана.

Римъ—столица итальянскаго королевства.

Король Вильгельмъ прибавилъ къ телеграммѣ о седанской побѣдѣ: «Какой поворотъ по Божіему произволенію!» Этотъ государь, сохранявшій всегда свое достоинство, но никогда не превозносившій ни въ чемъ своей личности, указывалъ здѣсь справедливо на Высшій Промыселъ, проявив-

ній Себя такъ явно въ этомъ ходѣ событій. Трудно описать впечатлѣніе, произведенное вѣстью о такой побѣдѣ, въ Германіи: особенно глубоко прочувствовалась она тѣми, которые выстрадали на себѣ всѣ препятствія къ объединенію Германіи, воздвигаемыя антинаціональными стремленіями, попытками вернуться ко временамъ Фридриха-Вильгельма IV, униженіемъ нѣмецкой идеи въ 1848—1852 годахъ, и недостойными происками партикуляризма и реакціи. Надъ полемъ седанской битвы, на которомъ сражались рядомъ, за великое отечественное дѣло, Нѣмцы всякихъ званій, всякихъ сословій, исповѣданій и партій, и на которомъ они одержали неслыханную еще въ военной исторіи побѣду, восходило теперь солнце, первые лучи котораго возвѣщали о созданіи новаго германскаго государства. Въ то же время завершились судьбы и другой страны: разрушилась свѣтская власть папы,—только что провозгласившаго свою непогрѣшимость, въ силу своей личности, а не единомыслія членовъ Церкви,—и Италія (здѣсь тоже можно повторить: «Какой поворотъ по Божіему произволенію») могла довести до конца дѣло своего объединенія, благодаря побѣдѣ соединенной Германіи. Путь въ Римъ, загражденный французскими войсками, былъ открытъ теперь. Итальянское правительство заявляло, что не считаетъ себя болѣе связаннымъ сентябрьскою конвенціею, возбранявшею ему доступъ въ Римъ и въ числившуюся еще за папою часть области, и 20 сентября, послѣ ничтожнаго сопротивленія со стороны папскихъ зуавовъ, итальянскія войска вступили въ великій городъ черезъ Порта-Піа.

Парижская катастрофа 4 сентября.

Нельзя было сомнѣваться въ впечатлѣніи, которое произведетъ на *Парижъ*, слѣдовательно и на всю *Францію*, извѣстіе о седанскомъ погромѣ. Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго бѣдствія бываетъ, въ государствѣ здоровомъ, еще болѣе тѣсное сближеніе между государемъ и народомъ, какъ то было въ Пруссіи въ 1806 г., и въ Пьемонтѣ въ 1849. Но здѣсь не могло этого быть. Правительство получило ужасное извѣстіе 3-го сентября, послѣ полудня. Оно сдѣлало уже ошибку, ослабивъ себя созваніемъ законодательнаго корпуса и совѣщаніями съ нимъ при первыхъ же неудачахъ французскаго оружія. Въ полночь, 3-го числа, палата собралась въ засѣданіе и скрыть пораженія было уже нельзя. Маршалъ Паликао, наиболѣе виновный въ немъ, въ сущности, долженъ былъ устраниться и послѣднее слово было теперь за оппозиціей. Жюль Фавръ внесъ предложеніе о безотлагательномъ низложеніи Наполеона III и его династіи, и 4-го сентября парижское населеніе прочло манифестъ, въ которомъ правительство признавалось въ капитуляціи, въ виду «300,000» арміи непріятеля и 40,000 плѣнныхъ. Остальную часть реляціи можно себѣ представить. На другой день, 4-го сентября, палата собралась снова. Жюль Фавръ и его друзья повторили свое предложеніе низложить императора, между тѣмъ какъ правительство назначало комиссію обороны, а Тьеръ предлагалъ образовать учредительное собраніе, «какъ только дозволятъ то обстоятельства». Но, въ то же время, собирались возбужденныя толпы народа; онѣ прорвались легко сквозь небольшіе пѣхотные караулы, охранявшіе палату, и проникли въ залу засѣданій, откуда ихъ невозможно было вывести опять. Пока эта уличная аристократія города



Кап. д'Орсей. дю-Форъ. Вимпфенъ. Кастельно. Подбѣльскій. Мольтке. Бисмаркъ. Гр. Ностицъ. Бронзаръ ф.-Шеллендорфъ. Маіоръ Блюме. Верди дю-Вернуа. де-Клэръ.

Переговоры о капитуляціи въ Доншери, въ ночь съ 1-го на 2-е сентября 1870 года.

Картина А. ф.-Вернера.

(По фотографической копіи).

шумѣла здѣсь, въ ратушѣ собралось *правительство національной обороны*, состоявшее изъ депутатовъ города Парижа, которые выбрали губернатора Трошю своимъ президентомъ. Законодательный корпусъ, собравшійся еще разъ вечеромъ въ тотъ же день, уничтожался этимъ новымъ учрежденіемъ. Сенатъ, какъ бы недовольный тѣмъ, что никто не позаботился его разогнать, разошелся самъ еще послѣ полудня; императрица, покинутая всѣми, тоже скрылась изъ Тюльери среди дня и была настолько счастлива, что добралась до порта, изъ котораго могла отплыть въ Англію. Этимъ закончились ея отношенія къ Франціи.

Адвокаты, краснобаи и газетные писаки,—такъ какъ даже и гнусный Рошфоръ состоялъ членомъ этого правительства,—захвативъ власть, заявили въ своемъ манифестѣ къ Франціи, что она, Франція, ниспровергла прежнее правительство, и что: «Республика отразила вторженіе 1792 года... Провозглашается республика!». Нельзя было, однако, вполнѣ уповать на то, что республика и громкія фразы изъ словаря революціи 1789 года окажутъ снова чудеса, и потому единственный, дѣйствительно государственный человѣкъ, который еще находился тогда въ несчастной странѣ, впадавшей изъ одной лживой системы въ другую, старикъ Тьеръ, рѣшился обратиться къ европейскимъ дворамъ, пытаясь склонить ихъ сколько-нибудь въ пользу Франціи. Почти излишне сказать, что онъ не встрѣтилъ нигдѣ ничего, кромѣ вѣжливыхъ фразъ: логика фактовъ доказывала, что Франція, прихотливо начавшая войну, должна была одиноко выносить на себѣ ея послѣдствія, и только одно галльское высокомѣріе могло мечтать о томъ, что «Европа» не можетъ оставаться равнодушной къ «изувѣчиванію» Франціи и даже къ какому-либо «посягательству на Парижъ». Въ этомъ смыслѣ старались провести народъ, у котораго тѣмъ самымъ отнимали лучшее оружіе — сознаніе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Рѣдко доходило злоупотребленіе французскою рѣчью до той степени, до которой она была доведена въ манифестѣ, редакція котораго принадлежала перу знаменитаго французскаго поэта Виктора Гюго; онъ писалъ: «Спасти Парижъ не значитъ спасти только Францію; Парижъ — священный городъ; посягнувшій на Парижъ, посягаетъ на человѣчество...» Онъ предостерегалъ «братьевъ-нѣмцевъ» отъ опасности, на которую они шли.



Жюль Фавръ.
По фотографіи.



Императоръ Вильгельмъ со своимъ штабомъ подъ стѣнами Парижа.
Картина В. Кампгаузена. По фотографическому снимку.

Правительство національной обороны.

Такія неловкія средства употреблялись для подъема народнаго духа, ради продолженія войны, и только эта цѣль могла оправдывать содержаніе того циркуляра, съ которымъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Фавръ, обращался къ дипломатическимъ агентамъ Франціи при этомъ новомъ правительствѣ; со всякой другой точки зрѣнія этотъ документъ былъ недостоинъ серьезнаго государственнаго дѣятеля. Онъ былъ написанъ какъ бы какимъ-то диллетантомъ: «свободная» Франція угрожала въ немъ своей местью побѣдителю и требовала отъ него мира безъ всякихъ уступокъ съ своей стороны, безъ всякаго воздаянія: «Мы не уступимъ ни пяди земли, ни одного камня изъ нашихъ фортовъ...» Изъ отвѣта Бисмарка было видно, что такія уступки составляли первое условіе мира, потому что иначе нельзя было разсчитывать на продолжительность его съ французской стороны: требовалось именно продвинуть германскую границу для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, затруднить Франціи въ новомъ возбужденіи подобныхъ безпричинныхъ войнъ. Борьба велась изъ-за этого, но прошлое Франціи и ея міровое положеніе заставляли ее бороться до послѣдней крайности, чтобы не уступать Эльзаса и Лотарингіи; это одно, повторяемъ, могло оправдывать Жюль Фавра и прочихъ

французскихъ правителей. Продолженіе войны не обѣщало, однако, успѣха, и единственный членъ правительства, обладавшій не однимъ только пылкимъ патріотизмомъ и способностью на пылкія рѣчи, но и здравой практичностью, именно Тропю, называлъ дѣло, съ самаго начала, «геройскимъ безумiемъ». Но ожидать помощи со стороны другихъ державъ, рѣшительно не знавшихъ, къ чему перейдетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или дней, настоящее правительство Франціи: къ коммунистическому, роялистскому или императорскому режиму,—было уже не геройствомъ, а простымъ безумiемъ.

Осада Парижа.

Дальнѣйшія военныя дѣйствія были *борьбой за Парижъ*, къ которому германскія войска двинулись тотчасъ послѣ седанской катастрофы. Первые нѣмецкіе разъѣзды появились въ виду города 15-го сентября, а 19-го числа войска обоихъ кронпринцевъ обложили своимъ кольцомъ громадную крѣпость: линія обложенія наружныхъ фортовъ простиралась до $7^1/_2$ миль. Въ городѣ находилось 100,000 болѣе или менѣе годныхъ солдатъ и до 300,000 чел., способныхъ носить оружіе. Генералъ Тропю занялся образованіемъ изъ нихъ трехъ большихъ армій. Въ жизненныхъ припасахъ не было недостатка и правительство надѣялось, что въ то время, когда главныя нѣмецкія силы будутъ задерживаться Парижемъ и Мецомъ, въ провинціяхъ можно будетъ возбудить поголовное возстаніе, образуя изъ него арміи, которыя выручатъ Парижъ и разнесутъ непріятеля. Посѣщеніе Жюлемъ Фавромъ Бисмарка въ Ферьерѣ, гдѣ была главная квартира короля, не имѣло, повидимому, другой основательной цѣли, кромѣ намѣренія разжечь воинственный пылъ народа преувеличенными разсказами о германскихъ требованіяхъ, и выказало, во всякомъ случаѣ, полную неспособность французскаго министра. Бисмаркъ не скрылъ отъ него условій мира: Германія требовала Эльзаса съ Страсбургомъ и Лотарингіи съ Мецомъ и Тіонвилемъ. Жюль Фавръ въ своемъ отчетѣ правительству говорилъ о невозможности уступить *Суассонъ*, очевидно смѣшавъ его съ Тіонвилемъ.

Театры войны.

Для уразумѣнія дальнѣйшаго хода войны, вступившей теперь въ свой второй, не менѣе достославный для нѣмецкихъ войскъ, періодъ, нужно различать четыре театра военныхъ дѣйствій: у *Парижа*, у *Меца*, на *югѣ* (у Лоары) и на *востокѣ* Франціи.

На Востокѣ. Страсбургъ.

На восточномъ театрѣ войны дѣло скоро завершилось важнымъ событіемъ: 27-го сентября, въ 5 час. вечера, на колокольнѣ Страсбургскаго собора взвился бѣлый флагъ. Городъ былъ осажденъ съ 8-го августа и генералъ Урихъ защищалъ его мужественно. Бомбардировка не приводила къ цѣли; правильною осадою, которая возвратила Германіи городъ, доставшійся Французамъ 189 лѣтъ тому назадъ, благодаря внезапному нападенію ихъ среди мирнаго времени, руководилъ генералъ Вердеръ. Гарнизонъ, численностью въ 17,000 чел., былъ теперь военноплѣннымъ и часть осадной арміи могла пойти на подкрѣпленіе войскъ, обложившихъ Парижъ и вначалѣ еще весьма немногочисленныхъ.

Подъ Парижемъ.

Эта армія размѣщалась тѣмъ временемъ въ замкахъ, виллахъ и деревняхъ, окружающихъ Парижъ. Она имѣла здѣсь, какъ и у Меца, въ своемъ распоряженіи всѣ средства, доставляемыя современнымъ военнымъ

искусствомъ для осадныхъ работъ. Паденіе крѣпости Туль (25-го ч.) открыло германскимъ войскамъ рельсовое сообщеніе съ родиной. Парижское населеніе, благодаря счастливому темпераменту Французовъ, не унывало и начинало вѣрить въ рѣчи о непобѣдимости Франціи. Но вылазки, изъ которыхъ первая происходила 30-го сентября, не имѣли особаго успѣха; только Ле-Бурже, на сѣверѣ, оставался недолго въ рукахъ Французовъ, но 30-го октября былъ снова отбитъ второю гвардейскою дивизіей.

Гамбетта. Департаменты.

Между тѣмъ, всюду во Франціи прилагались старанія для массоваго народнаго возстанія. Съ этою цѣлью правительство національной обороны отрядило въ Туръ изъ своей среды двухъ делегатовъ, энергичнѣйшимъ изъ которыхъ оказался самый способный изъ людей 4-го сентября, тридцатидвухлѣтній адвокатъ *Леонъ Гамбетта*. Подобно Жюль Фавру, Кремье и Симону, онъ былъ еврейскаго происхожденія. Покинувъ Парижъ на воздушномъ шарѣ 7 октября, онъ примѣнилъ весь свой революціонный пылъ на боевыя приготовленія, при чемъ самъ вредилъ дѣлу, однако, своею диллетантскою развязностью и безграничнымъ неуваженіемъ къ правдѣ. Образованіе лоарской арміи шло наиболѣе удачно у генерала Мотружа, но и она была разбита подъ Орлеаномъ (9-го и 11 октября) генераломъ фонъ-деръ-Танномъ и первымъ баварскимъ корпусомъ. Вечеромъ, 11-го числа, Таннъ вступилъ въ Орлеанъ, но было рѣшено не двигаться далѣе: до тѣхъ поръ, пока Мецъ не былъ взятъ, нѣмецкимъ арміямъ слѣдовало не разъединять своихъ силъ, ограничиваясь прикрытіемъ осадныхъ дѣйствій у Парижа и сдерживаніемъ «вольныхъ стрѣлковъ» (francs-tireurs), партизанская война съ которыми утомляла, подчасъ, нѣмецкія войска. Обаяніе имени республики и разрушеніе всякаго государственнаго порядка во Франціи вербовало въ эти банды революціонный сбродъ изъ всѣхъ странъ.



Леонъ Гамбетта.
По фотографіи.

27 октября. Капитуляція Меца.

Въ главной нѣмецкой квартирѣ, находившейся теперь въ Версали, знали ужъ о скоромъ паденіи большой Мозельской крѣпости. Положеніе Базена весьма ухудшилось послѣ битвы при Пуазвилѣ. Въ войскахъ свирѣпствовали болѣзни, лошади падали или требовалось ихъ убивать, что

лишало войско способовъ передвиженія. Большая вылазка Базена, 7-го октября, предпринятая въ сѣверномъ направленіи, по лѣвому берегу Мозеля, столько же не удалась, какъ и произведенная 2-го сентября. Попытка открыть двери этой тюрьмы посредствомъ безотлагательнаго мира, заключеннаго императрицей-регентшей, при возстановленіи императорскаго трона этою же мецскою арміей, оказывалась одною несбыточною мечтою; настояла необходимость прійти къ другому окончательному рѣшенію. Созванный Базеномъ военный совѣтъ одобрилъ его намѣреніе вступить въ переговоры, которые и произошли въ главной квартирѣ принца Фридриха-Карла, въ замкѣ Фрескати. Предложенное сначала сторонами свободное отступленіе гарнизона въ Алжиръ не было утверждено по весьма уважительному, хотя и не лестному для Франціи поводу, а именно, потому, что обѣщаніе не подымать оружія противъ Германіи, при беззастѣнчивости тогдашняго французскаго правительства и даже многихъ военныхъ, не имѣло никакой цѣны; оставалось одно: просто сложить оружіе. И такое сложеніе оружія, самое громадное изъ упоминаемыхъ въ исторіи, совершилось 29 октября: необъятными рядами потянулись изъ всѣхъ воротъ крѣпости передъ строемъ побѣдителей обезоруженные защитники ея, одни съ тупымъ равнодушіемъ, другіе сдерживая съ трудомъ свою ярость, большинство глубоко оскорбленное въ своемъ солдатскомъ чувствѣ чести, со «смертью въ сердцѣ». Съ 1 часа пополудни и до наступленія ночи продолжалось это шествіе: 3 маршала Франціи, 70 генераловъ, болѣе 4,000 офицеровъ и 173,000 рядовыхъ (въ томъ числѣ 20,000 больныхъ въ госпиталяхъ); вмѣстѣ съ тѣмъ, въ руки Нѣмцевъ достались 53 орла, болѣе 600 полевыхъ и около 900 крѣпостныхъ орудій, и 300,000 пѣхотныхъ ружей. Нѣмцы поплатились за все это лишь 5,000



Принцъ Фридрихъ-Карлъ во время похода 1870 г.
Писано А. ф.-Вернеромъ. По фотографіи.

чел., выбывшихъ у нихъ изъ строя, считая послѣ дня битвы при Гравелоттѣ.

Положеніе дѣлъ въ Парижѣ.

Гамбетта зналъ еще съ 15-го октября, что мецкая армія снабжена продовольствіемъ уже не болѣе, какъ на 10—14 дней. Онъ имѣлъ, однако, смѣлость обвинить несчастнаго Базена въ *предательствѣ*, и французская нація, вопреки простому чувству справедливости, держится и понынѣ этого ложнаго мнѣнія, порожденнаго нелѣпою ненавистью. Капитуляція Меца, благодаря которой сталъ свободенъ 7 армейскій корпусъ, открыла собою третій періодъ войны. Тьеръ, возвратившійся ни съ чѣмъ изъ своего объѣзда европейскихъ дворовъ, попытался, 30-го октября, добиться перемирія, обратясь къ вождямъ нѣмецкой арміи. Въ то время какъ онъ излагалъ Бисмарку свою просьбу,—допущеніе продовольствія въ Парижъ, безъ какой-либо уступки со стороны Французовъ за это, — въ самомъ Парижѣ (31-го октября) было произведено покушеніе на правительство, и Трошю, Араго, Ферри, Пикаръ, Фавръ оставались нѣсколько часовъ плѣнными въ ратушѣ, во власти вожаковъ черни и подвергаясь, въ свою очередь, обвиненію въ измѣнѣ, — измѣнѣ неизвѣстно даже чему. Нѣсколько батальоновъ національной гвардіи успѣли освободить ихъ только ночью. Этихъ людей не образумило, однако, это происшествіе, при которомъ они, безспорно, выказали большое мужество среди лично-грозившей имъ опасности; но у нихъ не достало другого мужества: вырвать оружіе изъ рукъ всякаго сброда и обуздать чернь, которая тѣшилась игрою въ военщину, получая правильную плату за малый трудъ и пользуясь еще достаточнымъ продовольствіемъ.

Война въ департаментахъ. Луарская армія.

Два нѣмецкіе корпуса, 8-й и 1-й (рейнскіе и восточно-прусскіе полки), подъ командою генерала Мантейфеля, двинулись въ Нормандію, съ цѣлью воспрепятствовать съ этой стороны выручкѣ осажденнаго Парижа. Три другіе корпуса, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла (теперь уже генералъ-фельдмаршала), спѣшили къ Луарѣ, гдѣ генералъ Таннъ снова уступилъ Орлеанъ Французамъ (9-го ноября), послѣ битвы при Кульмье, въ которой онъ продержался съ 25,000 своихъ противъ 70,000 луарской арміи, подъ командою Орель де-Паладина. То была единственная настоящая побѣда Французовъ въ эту обильную битвами войну, и прославлялась ими торжественно. Но это ликованіе было непродолжительно; дѣла принимали другой оборотъ. Первая прусская армія прибыла на этотъ театръ войны 20-го числа и стала дѣйствовать въ соединеніи съ войсками великаго герцога



Фридрихъ-Францъ, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.
По фотографіи.

Мекленбургскаго и генерала Танна. Луарская армія приготовилась къ большой атакѣ, но, 28-го ноября, при *Бонъ-ла-Роландѣ*, ея правому крылу было нанесено тяжелое пораженіе лѣвымъ крыломъ арміи принца: передъ городкомъ, который обороняли въ теченіе пяти часовъ только два прусскіе полка, легли цѣлыя груды Французовъ; ихъ уронъ превышалъ вдесятеро понесенный нѣмцами. 2-го декабря начался бой подъ Орлеаномъ, — вторая *Орлеанская битва*, — и 4-го числа, въ полночь, въ этотъ городъ вторично вступили Нѣмцы, въ то время какъ Французы отступали, по мосту, на лѣвый берегъ Луары. Огромное число плѣнныхъ, 24,000 чел., взятыхъ въ одинъ промежутокъ времени отъ 28-го ноября по 5-е декабря, доказывало несостоятельность этой наскоро собранной арміи.

Передъ Парижемъ. На сѣверѣ.

Въ теченіе этихъ же дней парижская армія сдѣлала большую вылазку (30-го ноября—2-го декабря), въ этотъ разъ къ юго-востоку, то-есть къ той сторонѣ, съ которой она могла ожидать соединенія съ луарскою арміею, судя по сообщеніямъ, доставляемымъ почтовыми голубями. Бой произошелъ у Бри и Шампиньи, при чемъ Вюртембергцы отличились наряду съ Саксонцами и Померанцами. Французы были принуждены къ отступленію и генералъ Дюкро воротился живымъ въ Парижъ, хотя обѣщалъ, въ своей прокламаціи, прибыть «или побѣдителемъ, или мертвымъ...» «Вы увидите, что я паду, можетъ-быть, но не отступлю...» Онъ вывернулся, впрочемъ, передъ войсками, сказавъ, что дѣло не окончено, а лишь прервано на время. На сѣверѣ, нѣмецкія войска одерживали тоже побѣды; 27-го ноября, при *Аміенѣ*, Мантейфель разбилъ Федерба; къ длинному ряду крѣпостей, капитулировавшихъ послѣ паденія Страсбурга, — Суассонъ, Верденъ, Шлетштатъ, Нейбрейзахъ, Тіонвиль,—присоединилась теперь еще крѣпость Ла-Феръ и Аміенская цитадель. Новыя тысячи плѣнныхъ направлялись въ Германію. Мантейфель вступилъ 6-го декабря въ Руанъ, главный городъ Нормандіи; нѣмецкая кавалерія разъѣзжала по французскому прибрежью Атлантики и французскому флоту приходилось теперь блокировать свои собственные порты. Военныя дѣйствія этой недѣли, съ 27 ноября по 5 декабря, сдѣлали освобожденіе Парижа рѣшительно невозможнымъ; всякая надежда была потеряна для Французовъ. Они могли бороться уже только ради мира, никакъ не ради побѣды.



Король Лудвигъ Баварскій.
По фотографіи.

Германская имперія.

Въ эти же дни созрѣлъ великій плодъ этой войны для Германіи—полное объединеніе всѣхъ германскихъ племенъ въ одно государство. Переговоры съ уполномоченными Баваріи, Вюртемберга, Бадена и Гессена были закончены въ послѣдніе дни ноября и 4-го декабря король Баварскій Лудвигъ обратился къ германскимъ государямъ и сенатамъ вольныхъ городовъ съ письменнымъ посланіемъ, въ которомъ предлагалъ предоставить Прусскому королю, состоявшему президентомъ Союза,—включавшаго теперь въ себѣ всѣ германскія государства,—право принять титулъ *Германскаго императора*. Въ томъ же смыслѣ выразилась, 18-го декабря, передъ королемъ Вильгельмомъ, депутація сѣверо-германскаго рейхстага, съ предсѣдателемъ Симсономъ во главѣ, — тѣмъ самымъ, который предлагалъ эту корону Фридриху-Вильгельму IV въ 1849 году. Этотъ торжественный актъ сопровождался грохотомъ непріятельскихъ орудій съ возвышенностей Монъ-Валеріена; судьбѣ было угодно измѣнить прежнія условія жизни германскаго народа и положить конецъ его вѣковой разрозненности.

Борьба на югѣ и сѣверѣ.

Но французской націи или, лучше сказать, тѣмъ людямъ, которые навязывали ей насильно эту борьбу не на животъ, а на смерть, предстояло убѣдиться вторично, что теперь передъ ними была уже Германія не 1792 или 1806 года, и что сама Франція была уже не та, что прежде. Сначала понесла пораженіе луарская армія. Она раздѣлилась послѣ несчастнаго для нея дѣла 2-го декабря, при чемъ большая ея часть, подъ начальствомъ новаго вождя, генерала Шанзи, — замѣнившаго Орель де-Паладина, смѣщеннаго турскимъ диктаторомъ, — отступила къ западу, отвлекая тѣмъ самымъ нѣкоторую часть арміи принца Фридриха-Карла. 1-го января 1871 г., эта послѣдняя двинулась снова въ походъ, слѣдуя, въ эти короткіе зимніе дни, черезъ Вандею, страну засадъ; она встрѣтилась съ Французами 6-го числа; изо-дня-въ-день шелъ бой; истомленные борьбою французскіе солдаты, или полусолдаты, являлись добровольно къ нѣмецкимъ сторожевымъ огнямъ; при *Ле-Мансѣ*, 12-го января, только одно быстрое отступленіе спасло остатки выбившейся изъ силъ французской арміи, въ числѣ 70,000 чел., не представлявшихся уже опасными нѣмцамъ. *Сѣверная армія*, подъ начальствомъ Мантейфеля, отбросила противника при *Галлю*, 23-го декабря. Генералъ фонъ-Гёбенъ задержалъ этотъ французскій корпусъ своимъ 10-ти-тысячнымъ отрядомъ у *Бапома*, и Федербъ, со своей втрое или вчетверо сильнѣйшей арміей, отошелъ ночью къ своему крѣпостному округу, потомъ снова произвелъ нападеніе оттуда и, наконецъ, 19-го января, потерпѣлъ окончательное пораженіе при С. Кантенѣ отъ Гёбена; Мантейфель былъ занятъ, въ это время, другой задачей. И въ этотъ разъ, Нѣмцы взяли 13,000 плѣнныхъ. Въ тотъ же день, 19-го числа, произошла подъ Парижемъ послѣдняя значительная битва. Жизненные припасы въ городѣ истощались; цѣна откормленной крысы доходила до $1^1/_2$ франка. Но 27-го декабря Нѣмцы покончили съ затруднительною доставкою тяжелыхъ осадныхъ орудій, и эта артиллерія начала дѣйствовать противъ громадной крѣпости. Въ первый день этой бомбардировки (27-го декабря) огонь былъ направленъ, преимущественно, на выдвинутый фортъ Монъ-Авронъ, на восточной сторонѣ города. За-

тѣмъ, ежедневно, 275 орудій выпускали по 200 гранатъ на кварталы по лѣвому берегу Сены; но еще 6-го января, несмотря на суровые холода, недостатокъ въ матеріалахъ для отопленія и освѣщенія и возроставшій голодъ въ столицѣ, Трошю повторялъ: «Губернаторъ парижскій капитулировать не станетъ».

Между тѣмъ, незамѣтно для осажденныхъ, въ Зеркальной залѣ того самаго Версальскаго дворца, въ которомъ, нѣкогда, Людовикъ XIV развивалъ свои завоевательные планы, совершилось 18-го января 1871 года важное историческое событіе: въ присутствіи блестящаго военнаго собранія, была провозглашена Германская имперія. На слѣдующій день, произошла послѣдняя большая вылазка парижской арміи,—или того, что можно было образовать въ подобіе арміи въ $3^1/_2$ мѣсяца этой осады. Въ этотъ разъ попытка была сдѣлана съ южной стороны и подъ личнымъ начальствомъ Трошю. Французы двинулись тремя большими колоннами, всего 100,000 чел., противъ позицій, которыя оборонялись 5-мъ корпусомъ (Силезцы и Познанцы), въ составѣ около 33,000 чел. Битва, которую Французы называютъ *дѣломъ при Монъ-Валеріенъ*, длилась цѣлый день, но закончилась, какъ и прежнія вылазки, обратнымъ отступленіемъ французскихъ войскъ въ городъ и потерею въ 6,000 чел., то-есть превышавшею въ десять разъ убыль Нѣмцевъ. Французское правительство признало, наконецъ, необходимость начать переговоры, потому что никто изъ генераловъ не соглашался принимать на себя отвѣтственности за новое дѣло. Продовольствія могло еще хватить, кое-какъ, до 1-го февраля, но за послѣднею коркою хлѣба могли наступить невообразимые ужасы. Генералъ Трошю, — давши слово, что парижскій губернаторъ не пойдетъ на капитуляцію, — передалъ свою власть генералу Винуа, который принялъ строгія мѣры противъ радикальнаго сброда, бушевавшаго съ безумной яростью. Фавръ прибылъ вторично въ Версаль 23-го января, а 28-го того же мѣсяца была здѣсь же подписана «конвенція», какъ назвали капитуляцію. Наступило перемиріе,—артиллерійскій огонь былъ прекращенъ еще вечеромъ 26-го числа, — и національное собраніе въ Бордо должно было окончательно рѣшиться на миръ, на что наличное правительство не имѣло ни права, ни полномочій; оно имѣло силу лишь фактически, но безъ какого-либо узаконеннаго на то титула. Парижскіе форты съ ихъ боевымъ матеріаломъ были сданы Нѣмцамъ; 450,000 чел. признаны военно-плѣнными, но безъ пересылки ихъ въ Германію; національная гвардія сохраняла свое оружіе,—что было роковою уступкой, которую вырвало неисправимое неразуміе французскаго уполномоченнаго у предостерегавшаго его Бисмарка. Отрядъ въ 12,000 чел. долженъ былъ охранять порядокъ въ городѣ. Впрочемъ, великій городъ палъ съ честью. Онъ сопротивлялся 132 дня, терпя всевозможныя лишенія, на какія только способенъ патріотизмъ населенія. Хлѣба оставалось всего на 8 дней; конины на двѣ недѣли.

18 января 1871 г.

Правительство было въ правѣ сказать въ своей прокламаціи: «Франція, которая снова обрѣтаетъ Парижъ, можетъ гордиться своею столицей». Но требовалось еще получить согласіе на миръ отъ диктатора, — находившагося въ Бордо, такъ какъ Туръ былъ въ нѣмецкихъ рукахъ,—а

Капитуляція Парижа.

онъ показывалъ видъ, что считаетъ капитуляцію Парижа преступною слабостью. Онъ изливалъ свое краснорѣчіе противъ варварскихъ полчищъ, зная, что эти варвары не станутъ ему мстить за такія словоизверженія. Въ послѣднюю минуту онъ задумалъ даже родъ государственнаго переворота, объявивъ всѣхъ французскихъ нотаблей не правоспособными на избраніе въ члены національнаго собранія; но телеграмма Бисмарка возвратила его въ должные предѣлы. Впрочемъ, онъ не затруднился сложить съ себя свое званіе, успѣвъ достигнуть того, чего хотѣлъ, благодаря тому, что большинство Французовъ, да и всѣхъ людей, охотно позволяетъ обольщать себя безумной энергіей и эгоизмомъ подъ личиной патріотизма; и такія личности, какъ Наполеонъ I и счастливые послѣдователи его или подобныхъ же образцовъ, всегда встрѣчаютъ всепрощеніе своимъ захватамъ, лжи, наглому грабежу и обману.

Битва при Лизенѣ.

Франціи предстояло испытать еще разъ, что за люди управляли ею въ эту минуту. Перемиріе не простиралось на ея восточные департаменты. Повидимому, народъ былъ убѣжденъ въ томъ, что дѣла идутъ прекрасно на этой окраинѣ. Та часть луарской арміи, которая удалилась къ востоку послѣ пораженія 5-го декабря, усилилась теперь пришлецами до 150,000 чел., и Гамбетта замышлялъ совершить нѣчто великое съ этою силою: онъ надѣялся выручить Бельфоръ, осажденный съ самаго начала ноября, проникнуть въ Эльзасъ, напасть на Нѣмцевъ съ тыла и выручить тѣмъ Парижъ. Разгоряченная фантазія Французовъ представляла уже себѣ эту армію Бурбаки въ Германіи, гдѣ она освободила бы военноплѣнныхъ; о томъ, что было бы далѣе, нечего и говорить. Но Гамбетта не удержался отъ распубликованія существенной части этого плана въ одной изъ статей своего «Монитера». Нѣмецкое военное начальство приняло свои мѣры. Генералъ Вердеръ приготовился встрѣтить противника, выбравъ для того удобную мѣстность на *Лизенъ*, притокѣ р. Дубса, къ югу отъ осажденнаго Бельфора. Трое сутокъ бились непріятельскіе полки противъ 50,000 Баденцевъ и Пруссаковъ, прикрывавшихъ длинную линію бельфорскихъ укрѣпленій за замерзлою рѣчкой. Эти три дня, 15, 16 и 17 января, ознаменовались однимъ изъ величайшихъ боевыхъ подвиговъ: ни одинъ непріятель не прорвался сквозь нѣмецкіе ряды, и Французы были вынуждены къ отступленію, 18-го января.



Генералъ Бурбаки.
По фотографіи.

Послѣдняя битва. Бурбаки оттѣсненъ въ Швейцарію.

Корпусъ Вердера (четырнадцатый) принадлежалъ къ вновь сформированной нѣмецкой *Южной* арміи, отданной подъ начальство генерала Эдвина фонъ-Мантейфеля. Прочіе корпуса, седьмой и второй (Вестфальцы и По-



Провозглашеніе короля Прусскаго Вильгельма I императоромъ Германскимъ, въ Версалѣ, 18-го января 1871 г.
Картина А. ф.-Вернера.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Отъ Франкфуртскаго мира до настоящаго времени.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Европейскія государства послѣ Франкфуртскаго мира.

Послѣдствія войны. Германія.

Съ 17-го марта императоръ-главнокомандующій побѣдоносной арміи опять уже водворился въ Берлинѣ, а 16-го іюня происходило торжественное вступленіе войскъ въ столицу новаго Германскаго государства — событіе, во всей Пруссіи вызвавшее соотвѣтствующія празднества. 18-е іюня, день Ватерлооской битвы, установлено было днемъ всеобщаго благодарственнаго богослуженія во всей Германской имперіи. Событія, такъ быстро слѣдовавшія въ послѣднее время одно за другимъ, давали обширную пищу ораторскому искусству духовныхъ лицъ, въ этотъ день обращавшихся съ проповѣдями къ паствѣ. Длинный рядъ побѣдъ, заглаживавшихъ собою нѣкогда пережитый позоръ революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ, живая связь, сказавшаяся между разрозненными германскими народами и въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, и въ общихъ заботахъ по уходу за больными и ранеными, масса замѣчательныхъ людей, проявившихъ свою дѣятельность за это время,—все это переполняло сердца всѣхъ Германцевъ понятною гордостью и патріотическимъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Всѣмъ пріятно было сознавать, что, въ трудную годину войны, войска и народъ явились какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное, и во главѣ народа выступилъ цѣлый рядъ такихъ дѣятелей— полководцевъ, дипломатовъ, государственныхъ людей, — которые представляли собою явленія замѣчательныя: начиная съ 73-хъ-лѣтняго императора Вильгельма, съ кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, до крон-



Вильгельмъ I, императоръ Германскій, король Прусскій.

принца Саксонскаго, до великаго герцога Мекленбургскаго и до принца Фридриха-Карла, съ одной стороны; а съ другой—отъ Бисмарка, Мольтке и Роона до множества тѣхъ менѣе выдающихся и менѣе замѣтныхъ дѣятелей, которые однакоже всюду выказали себя хорошо подготовленными къ своему дѣлу и добросовѣстно исполнили свой долгъ даже и въ весьма затруднительныхъ случаяхъ и положеніяхъ. И вотъ нація вдругъ сознала себя богатою силами и неистощимою въ средствахъ. Плодъ этихъ побѣдъ, союзное государство, объединенное въ видѣ новой *Германской имперіи*, уже совсѣмъ созрѣвшій упалъ съ дерева. 21-го марта 1871 г. собрался первый сеймъ возсоединенной Германіи; 4-го апрѣля была готова имперская конституція, приспособленная къ новому положенію дѣлъ: президентомъ союза явился *Германскій императоръ*, число членовъ союзнаго совѣта повышено съ 43 до 58, а выборныхъ въ рейхстагъ представителей доведено до 382; южнымъ государствамъ германскимъ предоставлены нѣкоторыя особыя несущественно-важныя права; каждый гражданинъ одного изъ германскихъ государствъ признанъ гражданиномъ и всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, въ Германіи нимало не обольщались тѣмъ, что съ этою войною и этимъ миромъ и для остальной Европы должно было наступить время полнаго удовлетворенія и спокойствія. Однакоже одновременное учрежденіе сильнаго Германскаго и болѣе или менѣе сильнаго Итальянскаго національнаго государства сулило возможность упроченія европейскаго мира въ ближайшемъ будущемъ. Появленіе этихъ двухъ новыхъ государствъ въ центрѣ Европы какъ бы существенно исправляло созданное Вѣнскимъ конгрессомъ положеніе дѣлъ, уже и ранѣе измѣненное въ нѣкоторыхъ менѣе важныхъ пунктахъ—учрежденіемъ королевства Бельгіи, королевства Греціи, устраненіемъ нидерландскаго, датскаго и, въ особенности, австрійскаго вмѣшательства въ управленіе Германіею; Австрія должна была ограничиться своими исключительными государственными задачами; Франція была ослаблена, ея высокомѣріе и властолюбіе ограничено и тѣмъ самымъ обезпеченъ былъ нейтралитетъ меньшихъ государствъ — Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи. Вотъ почему періодъ послѣдняго 25-ти-лѣтія отъ 1870 г. и до настоящаго времени, составляющій послѣднюю часть нашей задачи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ западно-европейскимъ странамъ, протекъ довольно мирно. Зато не было недостатка въ различныхъ проявленіяхъ иной, невоинственной



Фридрихъ, великій герцогъ Баденскій.
По фотографіи.

борьбы. Напротивъ того, ея было болѣе чѣмъ когда-либо: громадная перемѣна въ обоюдныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ, произведенная вышеописанными событіями, должна была неизбѣжно вызвать, какъ и реформація XVI вѣка, сильное оживленіе, ожесточенную борьбу противуположностей въ области религіозной, политической и общественной жизни. Среди этой борьбы мы теперь и живемъ—мы всѣ: слѣдовательно и авторъ этой исторіи, и его читатели, и чѣмъ болѣе мы въ нашемъ разсказѣ приближаемся къ настоящему, тѣмъ болѣе угрожаетъ намъ опасность невѣрнаго пониманія или истолкованія современной намъ политики. Однакоже мы должны рѣшиться закончить набросанную нами картину, ибо главная выгода, какую мы можемъ извлечь изъ всемірно-историческаго обозрѣнія, въ томъ именно и заключается, чтобы обозрѣвающій имѣлъ возможность познать и окружающую его жизнь, и свою собственную, и тѣ обязанности, какія онѣ на него возлагаютъ, въ общей связи съ исторіей человѣчества; а къ этому познаванію онъ можетъ прійти только тогда, когда ознакомится съ окружающей жизнью въ формѣ историческаго изложенія.

Германія.—Имперія.

Въ *Германіи* скоро освоились съ ролью центральной и до нѣкоторой степени первенствующей державы европейской, такъ какъ эта роль весьма естественно ей и подобала, какъ по ея географическому положенію, такъ и по численности населенія, и по обширному пространству, и по гармоническому распредѣленію высшаго образованія среди этого 40,000,000 населенія. Политическое единство, какъ это теперь выяснилось, оказалось весьма хорошо подготовленнымъ въ народѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ десятилѣтій: въ маленькихъ государствахъ народонаселенія съ радостью и съ быстро-усвоиваемымъ пониманіемъ почувствовали себя членами единой великой державы, созиданію которой и они также содѣйствовали. И между тѣмъ какъ прежняя имперія рушилась вслѣдствіе противоборства территоріальной силы съ централизующею,—въ этой новой имперіи проявилось здоровое и вполнѣ гармоническое соотношеніе между элементами централистскимъ и федералистскимъ. Идея единенія, элементъ централизаціи, въ періодъ времени до 1876 г. (къ которому мы прійдемъ своимъ чередомъ) сдѣлала еще нѣсколько существенныхъ успѣховъ и положительныхъ пріобрѣтеній: такъ, проведенъ былъ военный законъ (1874 г.) германскимъ рейхстагомъ, опредѣлившій мирный составъ войска въ послѣдующія 7 лѣтъ въ размѣрѣ 401,000 человѣкъ; законъ о ландштурмѣ (1875 г.), которымъ завершилась военная организація Германіи; выкупъ бумажныхъ денегъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ государствамъ, государственный законъ о печати, распространеніе гражданскаго брака и введеніе общей дворянской книги на всемъ пространствѣ имперіи, банковый законъ съ учрежденіемъ имперскаго банка и его развѣтвленій (1876 г.); важнѣйшимъ же пріобрѣтеніемъ были четыре *судебныхъ закона*, которыми второй рейхстагъ привелъ къ надлежащему концу такое дѣло, о которомъ со временъ Карла Великаго никто въ Германіи и помыслить не дерзалъ (1876 г.). Эти законы, послѣ многолѣтней и основательной подготовки въ особыхъ комиссіяхъ, создали общій для всѣхъ порядокъ гражданскаго процесса, конкурсныхъ дѣлъ, судоустройства

и уголовнаго процесса — и 190 голосами противъ 100 были проведены, вопреки всякимъ доктринёрамъ сутяжничества, всякимъ тайнымъ и явнымъ врагамъ новой Германской имперіи.

Отдѣльныя государства.

И въ отдѣльныхъ государствахъ прогрессъ не былъ пріостановленъ. Въ *Пруссіи* въ 1874 г. былъ введенъ гражданскій бракъ и гражданская запись о состояніи, а въ 1875 г. закономъ объ организаціи управленія въ 5 старыхъ провинціяхъ (Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ, Силезіи и Саксоніи) проведена была окончательная реформа внутренняго управленія, съ ея провинціальными собраніями, провинціальнымъ комитетомъ, провинціальнымъ совѣтомъ и окружными совѣтами, съ ландъ-директоромъ и правительственнымъ устройствомъ для каждой провинціи въ отдѣльности; такимъ же образомъ въ 1877 г. введено было и новое синодальное устройство для всей евангелической Церкви въ Пруссіи. Въ *Баваріи* законодательная работа была нѣсколько замедлена оригинальными условіями парламентскаго устройства, такъ какъ тамъ, во второй камерѣ, вслѣдствіе выборовъ 1875 г., оказались двѣ противуположныя партіи почти въ равномъ числѣ: 79 клерикаловъ и 77 либераловъ. Очень энергично, хотя и не совсѣмъ благополучно поведена была та же законодательная работа въ новомъ небольшомъ государствѣ, присоединенномъ къ имперіи вслѣдствіе войны,—въ Эльзасъ-Лотарингіи,—которая, какъ непосредственная часть имперіи, какъ *имперская земля*, имѣла свой союзный совѣтъ и признавала императора своимъ непосредственнымъ государемъ, однакоже и въ рейхстагъ посылала своихъ депутатовъ. Съ 1874 г. въ Эльзасъ-Лотарингіи допущено было и свое собственное представительство, по которому выборные собирались въ *мѣстный комитетъ* ради одобренія предлагаемыхъ законовъ. Главною задачею здѣсь было, по мнѣнію Бисмарка, возможное онѣмеченіе пріобрѣтенной области: нельзя однакоже сказать, чтобы это дѣло велось особенно успѣшно.

Новые порядки здѣсь, какъ и вездѣ, натолкнулись на такого противника, съ которымъ борьба составляетъ преобладающій интересъ внутренняго развитія Германіи въ это первое десятилѣтіе — на *ультрамонтанизмъ*, на партію Рима. Побѣда, одержанная тамъ іезуитами 18 іюля 1870 г., теперь дала себя знать. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ епископовъ не нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы продолжать сопротивленіе введенію ученія, въ которомъ они не могли не признать искаженія дѣйствительнаго, первоначальнаго ученія католической Церкви, а нѣкоторые изъ нихъ даже открыто и признавали. Однакоже, къ чести германской націи слѣдуетъ замѣтить, что она не подчинилась съ рабскою безпрекословностью папско-іезуитскому абсолютизму: въ Германіи вызвано было такъ-называемое *старокатолическое* движеніе и во главѣ его сталъ одинъ изъ ученѣйшихъ католическихъ богослововъ Германіи, *Игнатій Дёллингеръ* въ Мюнхенѣ, а около него соединилась партія серьезныхъ и самоотверженныхъ людей, которые, въ противуположность іезуитскому искаженію, объявили себя сторонниками старокатолическаго ученія. Конференція различныхъ ферейновъ и общинъ этой партіи, собравшаяся въ Кёльнѣ, 4 іюня 1873 г., придала партіи извѣстнаго рода организацію, избравъ епископа Іос. Губерта Рейнкена, который былъ посвя-

щенъ въ этотъ санъ епископомъ янсенистской Церкви въ Голландіи и съ тѣхъ поръ служитъ достойнымъ представителемъ этого добраго дѣла, — дѣла, которому не легко было обосноваться въ виду твердой организаціи римской Церкви, а также — слабохарактерности и зависимаго положенія большинства духовныхъ лицъ, и, конечно, въ виду равнодушія мірянъ (особенно правящихъ классовъ) къ общимъ церковнымъ вопросамъ.

Старокатолицизмъ. Церковный споръ.

Обнародованіе догмата о непогрѣшимости имѣло значеніе какъ бы объявленія войны: эту войну новая Германія должна была принять, и она заняла весьма видное мѣсто въ ряду парламентарныхъ работъ и обсужденій, начиная съ 1871 года. Съ клерикальною партіей,—партіей центра, какъ она себя называла, связаны были всѣ партикуляристическія и всѣ враждебныя имперіи силы, какъ, напр., Эльзасцы и Поляки; и всѣ эти силы нашли себѣ очень ловкаго и ничѣмъ не стѣсняющагося вождя въ лицѣ бывшаго ганноверскаго министра, Лудвига Виндгорста; завязавшаяся по этому поводу борьба велась преимущественно на прусской и баварской почвѣ. 5-го іюля 1872 г. императоръ подписалъ имперскій законъ, не допускавшій іезуитскаго ордена въ предѣлахъ имперіи, а въ 1873 году новый прусскій министръ вѣроисповѣданія, д-ръ Фалькъ, пред-



Игнатій Дёллингеръ.
По фотографіи.



Министръ Лудвигъ Виндгорстъ.
По фотографіи.

ставилъ на усмотрѣніе рейхстага четыре законопроэкта, которые были приняты и 11 мая утверждены императоромъ. Эти законопроэкты поставили опредѣленіе духовныхъ лицъ на мѣста въ нѣкоторую зависимость отъ извѣстнаго рода подготовки, отъ посѣщенія мѣстныхъ учебныхъ заведеній, отъ сдачи государственнаго экзамена по наукамъ; сверхъ того, они обязывали духовныя власти представлять списокъ предлагаемыхъ ими кандидатовъ на священническія должности оберъ-президенту, который въ опредѣленныхъ формахъ могъ и недопускать нѣкоторыхъ кандидатовъ до полученія мѣстъ; наконецъ, эти законопроэкты требовали учрежденія спеціальнаго коронаго суда для разбора дѣлъ церковныхъ. За этими законами (когда епископы заявили, что они имъ подчиниться не могутъ) послѣдовали другіе, еще болѣе суровые: такъ напр., когда папа 5 февраля 1875 года объявилъ эти майскіе законы негодными, въ отвѣтъ на это былъ изданъ законъ «запретный» (Sperrgesetz), по которому не дозволялось изъ коронныхъ кассъ производить какіе бы то ни было платежи духовнымъ лицамъ, не подчиняющимся вышепомянутымъ законамъ; а позднѣе — даже и уничтоженіе тѣхъ пунктовъ прусской конституціи, которые давали право римско-католической Церкви, наравнѣ съ евангелическою — самостоятельно распоряжаться «своими дѣлами». Въ то же время воспрещены были на прусской территоріи всякіе ордена и конгрегаціи. Въ 1877 г. прусскія епископскія каѳедры, отчасти вслѣдствіе смѣщенія епископовъ, отчасти вслѣдствіе смерти ихъ, ограничивались уже только четырьмя.



Докторъ Фалькъ.
По фотографіи.

Тѣмъ временемъ возросло и до извѣстной степени окрѣпло другое зло, которое само собою проявилось, подобно крестьянскимъ движеніямъ въ XVI в., на почвѣ, взвороченной усиленною борьбою и переворотами всякаго рода; это зло — *соціалъ-демократія*. Мы уже ознакомились на французской почвѣ съ тѣми воззрѣніями, которыя нашли себѣ въ кружкахъ рабочихъ обширное распространеніе и притомъ враждебно относились ко всему существующему государственному и общественному строю: на германской почвѣ эта партія получила свою организацію при посредствѣ весьма талантливаго и самоувѣреннаго демагога, Фердинанда Лассаля, который не любилъ затрудняться ни съ какими авторитетами и уважалъ лишь собственныя свои мнѣнія; эта партія въ данное время и восполь-

Соціалъ-демократія.

зовалась общимъ правомъ подачи голосовъ себѣ на пользу: при выборахъ въ рейхстагъ въ 1876 г. подано было 379,000 голосовъ соціалъ-демократами. На конгрессѣ въ Готѣ (май 1875 г.), эта партія, которая присвоила себѣ названіе партіи рабочихъ, еще усовершенствовала свою организацію. Представители этой партіи порвали связи съ національно-правовымъ порядкомъ, какъ и вообще со всѣмъ существующимъ порядкомъ. Они стали выставлять себя партіею «интернаціональною» и равномѣрно оттолкнули отъ себя всѣ прочія партіи, консервативную и либеральную, и такъ-называемую партію прогресса, а равно и клерикаловъ, такъ какъ они давно порвали отношенія со всѣмъ, что могло имѣть хоть что-нибудь общее съ Церковью и религіей. Нельзя сказать объ этой партіи того же, что въ значительной степени можемъ сказать о крестьянствѣ 1524 и 1525 гг., т. е., чтобы нужда ихъ заставила быть радикалами. Фабричная и поденная работа никогда не переживала лучшаго времени и не вознаграждалась такъ щедро, какъ въ первые годы послѣ войны, когда промышленность получила вдругъ такой сильный толчокъ и вызвала множество предпріятій безразсудныхъ или на самообольщеніи основанныхъ: только уже при естественной реакціи, послѣдовавшей за этимъ преувеличеннымъ порывомъ, явилась въ рабочемъ классѣ та бѣдность, противъ которой такъ громогласно ораторствовали руководители и обольстители этой партіи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ 1876 году, не представляя ничего особенно утѣшительнаго, но зато ничѣмъ и не угрожая. Церковныя пререканія и возрастаніе соціализма въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣли даже тѣ благопріятныя послѣдствія, что, въ качествѣ золъ обще-германскихъ, способствовали сближенію правительствъ, а также и тому, что партіи во всей Германіи утратили свои мѣстный, областной оттѣнокъ. И по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, въ политикѣ внѣшней, достигнутъ былъ немалый успѣхъ, — полная увѣренность въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ. Князю Бисмарку удалось, путемъ частыхъ свиданій и съѣздовъ, побудить императоровъ Австрійскаго и Россійскаго, и короля Итальянскаго войти въ соглашеніе на основѣ поддержанія общеевропейскаго мира. Нарушенія мира никакъ нельзя было ожидать со стороны *Франціи*, не только потому, что она сама болѣе всего заботилась о мирѣ, но и потому, что ея испытанія не закончились заключеніемъ мира 1871 года. Прежде чѣмъ правительство французское могло приступить къ устроенію приниженной и разстроенной страны, ему еще предстояло вырвать Парижъ изъ рукъ обезумѣвшей черни и ея вожаковъ, овладѣвшихъ столицей тотчасъ послѣ того, какъ она была покинута прусскими войсками.

Франція. Возстаніе комуны.

Парижская чернь въ значительной степени была избалована своеобразными условіями своей жизни во время осады:— при небольшой работѣ, получая правильно полное содержаніе, она не знала надъ собою никакого правительства, а въ теченіе нѣсколькихъ часовъ это правительство находилось даже во власти черни, которая сильно была отуманена возмутительными рѣчами и лестью своихъ вожаковъ. Къ тому же и чернь, и вожаки ея, во время той же осады, кое-чему понаучились и въ военномъ смыслѣ: они захватили большое количество пушекъ, свезли

ихъ на Монмартръ и укрѣпили эту часть города; а когда дѣло дошло до того, что власти стали возстановлять въ Парижѣ правильное теченіе дѣлъ, стали принимать мѣры къ собиранію пошлинъ и взысканію платежей за наемъ квартиръ и т. п., то чернь на эти законныя требованія «буржуазнаго государства» отвѣчала открытымъ сопротивленіемъ. Между тѣмъ національное собраніе и правительство переселились изъ Бордо въ Версаль. Но войска въ Парижѣ оказались не очень надежными; одинъ изъ полковъ, выступившій, чтобы отбить у черни пушки, захваченныя ею, примкнулъ къ возстанію, которымъ руководилъ невидимый «центральный комитетъ національной гвардіи»; другіе полки дали себя обезоружить, и вотъ, 18-го марта, съ разстрѣлянія двоихъ генераловъ, бунтъ разразился уже открыто. На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ явился красный флагъ, въ зданіи ратуши образовано было временное правительство, которое 26 марта было утверждено выборами «парижской комуны» (общины) и отъ имени этой комуны, 19 апрѣля, обнародовано воззваніе, въ которомъ громогласно возвѣщалось о полномъ уничтоженіи правительственнаго и церковнаго міра, солдатчины, чиновничества, биржевой игры, монополій и привилегій, придавая этому новому движенію черни названіе «*общинной революціи*» и противуполагая его какъ «*добровольное соединеніе всѣхъ мѣстныхъ начинаній*»—тягостной централизаціи монархической и парламентарной Франціи. Попытка дальнѣйшаго распространенія этого движенія не удалась; этому возстанію суждено было, какъ и нѣкогда возстанію анабаптистовъ въ Мюнстерѣ въ 1535 году, выгорѣть до-тла въ предѣлахъ своего собственнаго очага. Версальское правительство приступило къ дѣлу съ величайшею осторожностью, такъ какъ въ его распоряженіи еще не могло быть достаточнаго количества войскъ. Между тѣмъ, какъ войска приступали къ осадѣ Парижа, внутри самаго города на время проявились всѣ ужасы первой революціи, которымъ комунары старались подражать. Съ начала мая войска стали одолѣвать осажденныхъ; 21 мая одинъ изъ напуганныхъ терроромъ гражданъ Парижа указалъ войскамъ незащищенный пунктъ въ оградѣ Парижа, и войска ворвались въ городъ: началась рѣзня на баррикадахъ, а между тѣмъ безумные комунары задумали предать городъ пламени, — или, какъ они выражались,—«устроить достойныя поминки свободѣ». Битвы въ городѣ длились пять дней, съ 23—28 мая; и между тѣмъ, какъ войска очищали себѣ путь къ ратушѣ, шайки особо къ тому предназначенныхъ «поджигателей и поджигательницъ» (petroleurs et petroleuses), по опредѣленному заранѣе плану, зажгли пожары въ различныхъ концахъ города, и пожары эти уничтожили прекраснѣйшія зданія города и драгоцѣннѣйшіе изъ національныхъ памятниковъ: — Тюльерійскій дворецъ, ратушу, часть Лувра, церкви, монастыри, бангофы и частные дома. Въ другихъ мѣстахъ города другіе изъ этихъ безумцевъ, которымъ поручено было привести въ исполненіе приговоры комуны, граждане *Рауль Риго* и *Режэръ*, избивали несчастныхъ, которыхъ захватили, какъ заложниковъ: среди нихъ находился и архіепископъ Парижскій. 28 мая, наконецъ, эта борьба была прекращена, и только тогда правительство могло подумать объ окончательномъ приведеніи страны въ порядокъ.

Республика Тьера.

Накопленіе денегъ для уплаты контрибуціи и исцѣленіе всѣхъ остальныхъ ущербовъ и убытковъ (то и другое исчисляли въ суммѣ 13 милліардовъ)—не доставило особыхъ затрудненій для богатой страны. Представлялась возможность тотчасъ обезпечить уплату 5 милліардовъ Германіи и такимъ образомъ немедленно избавиться отъ оккупаціи. Но Тьеръ вовсе не спѣшилъ воспользоваться этими благопріятными условіями, такъ какъ нѣмецкая оккупація помогала ему управляться съ собраніемъ и его партіями. Однакоже уплата была все-таки произведена въ весьма краткіе сроки, и уже 16 сентября 1873 года ни одного нѣмецкаго солдата не оставалось болѣе на французской территоріи. Не только эти тягости, но и громадныя единовременныя затраты по арміи, объ увеличеніи и преобразованіи которой страна тотчасъ же стала заботиться, были приняты народомъ весьма охотно, конечно, съ тѣмъ, что значительная доля всѣхъ этихъ расходовъ была распредѣлена и на будущія поколѣнія. Но вопросъ объ окончательномъ устройствѣ страны и управленіи ею оставался открытымъ... На прокламацію свергнутаго императора отъ 4 февраля отвѣчали изъ Бордо суровымъ актомъ низложенія, и 9 января 1873 г. Наполеонъ III умеръ въ своемъ изгнаніи въ Чайслгёрстѣ, не дождавшись даже и какихъ-либо проблесковъ надежды на возможность возстановленія его во власти. Франція, фактически, являлась республикой, и правившее ею собраніе изъ 700 выборныхъ, въ большинствѣ своемъ вовсе не расположенное къ республиканскому образу правленія, вынуждено было 17 марта назначить Тьера главою исполнительной власти, но при этомъ положительно воздержалось отъ предрѣшенія той формы правленія, которую Франція должна была окончательно принять. Эта «*республика господина Тьера*» (въ сентябрѣ онъ былъ удостоенъ и титула президента) не могла похвалиться особенно прочными основами: основы ея были чисто отрицательнаго свойства. Эта республика, по словамъ самого Тьера, коренилась на томъ неоспоримомъ, но не особенно плодотворномъ фактѣ, что «монархія невозможна, такъ какъ на тронъ нельзя было вступить троимъ претендентамъ разомъ». И лишь на весьма короткое время ему удалось собрать вокругъ себя умѣренныхъ представителей различныхъ партій. Изъ вышепомянутыхъ трехъ претендентовъ на фран-



А. Тьеръ, президентъ французской республики.
По фотографіи.

цузскій престолъ Бонапарты были на время совсѣмъ устранены; Орлеаны, главою которыхъ былъ графъ Парижскій, внукъ Людовика-Филиппа, заняли свои мѣста въ народномъ собраніи и позаботились прежде всего о возстановленіи разстроенныхъ финансовъ своей фамиліи; преданною и весьма усердною партіею былъ окруженъ только одинъ изъ представителей чистаго роялизма, въ обыденной жизни извѣстный подъ именемъ графа Шамбора, а на языкѣ роялистовъ подъ именемъ *Генриха V*, который около этого времени вдругъ и выдвинулся на первый планъ и привлекъ на себя общее вниманіе.



Графъ Шамборъ.
По фотографіи.

Самымъ ревностнымъ приверженцемъ этого роялистскаго лагеря оказалось духовенство со всѣми своими сторонниками и пособниками. Во Франціи возобновились вновь явленія, давно забытыя въ народной жизни. Духовенство стало распространять въ народѣ слухи о всевозможныхъ чудесахъ, совершавшихся въ различныхъ мѣстахъ, и поощряло странствованія къ этимъ мѣстамъ: въ Пиринеи, къ Лурду, напр., гдѣ Св. Дѣва будто бы являлась въ одной изъ пещеръ. Измышленъ былъ даже цѣлый новый культъ,—культъ «сердца Христова» (Sacré Coeur), которое будто бы тутъ и тамъ являлось нѣкоторымъ избраннымъ въ пламенномъ видѣ... И эти явленія и чудеса духовенство связывало очень ловко съ сокрушеніями объ утраченныхъ провинціяхъ и съ упованіями на возможность ихъ возвращенія Франціи. Въ разрѣзъ этому настроенію, во главѣ положительныхъ республиканцевъ выступилъ Гамбетта, которому не по душѣ была «консервативная республика» («республика будетъ консервативной или не будетъ существовать»—извѣстная фраза Тьера); однакоже онъ остерегался выступить прямымъ противникомъ Тьера. Но зато большинство собранія выказывало себя все болѣе и болѣе враждебно-настроеннымъ по отношенію къ Тьеру, находя его слишкомъ умѣреннымъ, слишкомъ мало обращавшимъ вниманія на подавленіе радикализма, да и клерикалы тоже не довѣряли ему, какъ старинному вольтеріанцу. Дополнительные выборы въ собраніе въ большей части своей пали на республиканцевъ; и такимъ образомъ Тьеръ, въ маѣ 1873 г., былъ сверженъ коалиціей, во главѣ которой стоялъ герцогъ Брольи: 360 голосами противъ 344 оплакало собраніе свои послѣднія назначенія министровъ, избранныхъ въ

Продѣлки клерикаловъ.

средѣ умѣренныхъ республиканцевъ. Президентъ подалъ въ отставку, и на мѣсто его былъ избранъ престарѣлый и заслуженный маршалъ *Макъ-Магонъ*.

Макъ-Магонъ президентъ.

Макъ-Магонъ предоставилъ себя въ полное распоряженіе большинства, которое навязало ему на руки «правленіе борьбы и установленія моральнаго порядка»—орлеанистовъ, легитимистовъ, бонапартистовъ: самъ маршалъ нѣсколько увлекся ролью охранителя верховной власти собранія. Правленіе маршала съ одной стороны ознаменовалось несовсѣмъ чистымъ процессомъ противъ маршала Базена, какъ государственнаго измѣнника, хотя поводы къ его дѣйствіямъ во время войны и остались далеко не выясненными, а съ другой стороны тѣмъ, что 5 августа 1873 года во Фрошдорфѣ, близъ Вѣны, совершился актъ первостепенной важности: графъ Парижскій посѣтилъ главу предполагаемой французской династіи, Генриха V (графа Шамбора), какъ бы признавая этимъ преимущество его права, — и во Франціи проявилось весьма опредѣленное теченіе въ пользу возстановленія легитимистской монархіи. Въ палатѣ депутатовъ можно было даже ожидать нѣкотораго, незначительнаго перевѣса большинства въ пользу этого переворота. Дѣло шло, повидимому, уже только о пустякахъ:—о возможности (въ случаѣ этой перемѣны) удержать національное трехцвѣтное знамя; но изъ-за этихъ пустяковъ, за которыми, конечно, крылись гораздо болѣе глубокія и важныя противорѣчія, и произошло крушеніе «великой реставраціи». Графъ Шамборъ не пожелалъ отказаться отъ бѣлаго знамени, украшеннаго лиліями прежней монархіи, не согласился быть «легитимнымъ королемъ революціи». Такъ какъ изъ-за такихъ мелочей возстановленіе монархіи оказалось невозможнымъ, то проявилось стремленіе противуположное: желаніе укрѣпить основы республики. Маршалъ не безъ основанія указывалъ на то, что при существующемъ порядкѣ вещей можно было ручаться за спокойствіе лишь въ данную минуту—и палата депутатовъ 378 голосами противъ 310 рѣшила продлить полномочія маршала *на семь лѣтъ* (такъ-называемый *септеннатъ*), т. е. приняла такую форму правленія, которую едва-ли не слѣдуетъ считать наиболѣе разумною изъ мѣръ, принятыхъ палатою до 1880 года. Но положеніе дѣлъ оставалось и незаконченнымъ, и не вполнѣ удобнымъ, и потому Макъ-Магонъ потребовалъ отъ собранія «организаціи своихъ полномочій»—нѣкотораго рода конституцію. Въ началѣ 1875 года нѣчто подобное было выработано; конституція эта, вслѣдствіе различныхъ дополненій и поправокъ, внесенныхъ въ нее депутатомъ Валлономъ (онъ первый имѣлъ мужество назвать въ ней Францію *республикой*), получила названіе «конституція Валлона», и 24 февраля подавляющимъ большинствомъ 448 голосовъ противъ 241, она была принята, и рядомъ съ палатою во главѣ управленія страною поставленъ былъ сенатъ. На этомъ, 31 декабря 1875 года, и закончилась временно дѣятельность палаты, которая оказалась, при существующихъ условіяхъ, весьма устойчивою и прочно поставленною.

Септенната.

Нельзя сказать, чтобы за это первое время существованія республики Франція сдѣлала слишкомъ быстрые и замѣтные успѣхи въ дѣлѣ внутренняго устройства и даже возстановленія своего военнаго могущества,

хотя милліоновъ не жалѣли, и цифры — 704,000 дѣйствующей арміи, 510,000 резервовъ, 582,000 территоріальной арміи, 625,000 резервовъ къ ней—возрастали до громадныхъ размѣровъ. Однакоже, благодаря преобладанію клерикальнаго большинства въ этой палатѣ, ни обязательное обученіе, ни необходимое дополненіе къ воинской повинности не могли быть проведены, а между тѣмъ въ заключеніе своей дѣятельности палата приняла законъ, по которому клерикалы получили возможность учреждать католическіе «свободные» университеты, съ правомъ удостоенія молодежи академическими степенями. Но и противуположныя клерикаламъ партіи немногимъ были лучше ихъ: насколько тѣ прикрывали свои личныя цѣли внѣшнимъ благочестіемъ, настолько же эти блистали радикализмомъ на словахъ; о дѣйствительномъ возрожденіи страны не могло быть еще и рѣчи, потому что никто не хотѣлъ признать себя виновнымъ въ тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, какія перенесла страна въ теченіе «ужаснаго года». Всѣ партіи отъ подобнаго сознанія были одинаково далеки и весьма охотно слагали другъ на друга общую вину.

Выборы 1876 г.

20 февраля 1876 г. произведены были новые выборы въ палату депутатовъ. Новый составъ оказался враждебно настроеннымъ противъ консервативнаго министерства Бюффе и 8 марта палата 414 голосами выбрала въ свои президенты *Жюля Греви*, республиканца по убѣжденію. Послѣ нѣкоторой попытки войти въ соглашеніе съ палатою, маршалъ снова призвалъ къ управленію реакціонное министерство и это министерство, имѣя герцога Брольи во главѣ, распустило палату (25 іюня 1877 г.). Въ Европѣ стали даже носиться слухи о подготовляемомъ во Франціи новомъ переворотѣ, но они оказались совершенно ложными. Когда въ новой палатѣ, послѣ новыхъ выборовъ, 14 октября, преобладающее большинство оказалось опять на сторонѣ республиканцевъ (320 голосовъ противъ 203), то маршалъ-президентъ примирился съ существующимъ фактомъ и образованіе новаго министерства предложилъ умѣренному республиканцу Дюфору (въ декабрѣ).

Австрія съ 1870 г.

Въ то время какъ Франція начинала собираться съ силами и стремиться къ единенію значительно расшатанныхъ элементовъ своего государственнаго механизма при помощи сильно развитого національнаго сознанія,—въ *Австріи* совершалось нѣчто совершенно противуположное. Тамъ до такой степени сильно проявлялось броженіе въ средѣ различныхъ народностей, что Австрійской имперіи грозило чуть не распаденіе или, по крайней мѣрѣ, превращеніе въ совершенно безсильный союзъ государствъ. Въ виду германскихъ побѣдъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою, Австрія отказалась отъ опасной попытки союза съ Франціей и Италіей, о которой подумывалъ графъ Бейстъ, желая возстановить значеніе, утраченное Австріей въ 1866 г.; но и министерству графа Потоцкаго, правившему дѣлами въ Цислейтаніи отъ мая 1870 до февраля 1871 г., не удалось отыскать того философскаго камня, который здѣсь былъ такъ необходимъ для объединенія автономій отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ составъ имперіи. Министерство Потоцкаго было замѣщено министерствомъ графа Гогенварта, составленнымъ изъ людей не парламентарныхъ и до того времени ничѣмъ себя не заявившихъ; это министерство

выступило передъ рейхсратомъ съ очень фразистой и самоувѣренной программой, которая и была здѣсь принята весьма неблагосклонно. Наиболѣе затрудненій къ осуществленію ея представилось со стороны *Богеміи*, или *королевства Богемскаго*, въ пяти-милліонномъ населеніи котораго оказалось $^3/_5$, принадлежащихъ къ чешскому племени, и $^2/_5$—къ германскому. Чешское большинство пражскаго сейма потребовало для королевства Богемскаго и принадлежащихъ къ «коронѣ Венцеслава» земель, Моравіи и Силезіи, такого же самостоятельнаго положенія, какое занимало королевство Венгрія по отношенію къ другой половинѣ имперіи. Въ этомъ именно смыслѣ комиссія, избранная чешскимъ сеймомъ, выработала нѣкоторые «основные параграфы», которые и были приняты богемскимъ сеймомъ. Немногое бы уцѣлѣло отъ имперіи и ея единства, если бы эти параграфы были утверждены правительствомъ, тѣмъ болѣе, что это стремленіе къ обособленію распространилось и далѣе и почти каждая изъ странъ, входившихъ въ составъ Габсбургской монархіи,—Моравія, Тироль, Крайна, Галиція,—стали выступать поочередно съ подобными же заявленіями своихъ историческихъ правъ или, по крайней мѣрѣ, выказали нѣкоторое расположеніе къ тому. Дѣло зашло уже настолько далеко, что привело къ извѣстному императорско-королевскому рескрипту 14 сентября 1871 г., въ которомъ императоръ выказывалъ себя чрезвычайно расположеннымъ къ уступкамъ въ пользу чешскихъ требованій. Въ немъ Францъ-Іосифъ изъявилъ готовность признать «права этого королевства» и закрѣпить ихъ «своею коронаціонною присягою»; а это, конечно, послужило бы сигналомъ къ распаденію Австрійской монархіи на составляющія ее маркграфства, графства и иныя владѣнія. И еще разъ удалось отклонить эту опасность. Въ совѣтѣ министровъ, 20 октября того года, въ которомъ совѣщались и вырабатывали отвѣтъ на заявленныя чехами требованія, удалось выяснить императору, что бы значило съ его стороны—уступить этимъ требованіямъ, и, повидимому, именно графу Бейсту принадлежитъ честь этой заслуги. Вслѣдствіе этого министерство Гогенварта было распущено, а нѣсколько дней спустя, ради умиротворенія Богеміи, и графъ Бейстъ подалъ въ отставку. Его мѣсто занялъ венгерскій министръ-президентъ графъ Андраши, а для Цислейтаніи было составлено пре-



Императоръ Францъ-Іосифъ Австрійскій.
По фотографіи 1889 г.

данное идеямъ конституціи министерство, съ княземъ Адольфомъ Ауэршпергомъ во главѣ. Чехамъ же было только отвѣчено, что ихъ сеймъ можетъ посылать своихъ представителей въ рейхсратъ. Попытались достигнуть объединенія противуположнымъ путемъ. Оказалось сразу крайне неудобнымъ пополненіе рейхсрата депутатами изъ мѣстныхъ сеймовъ — главныхъ очаговъ партикуляризма: сообразно этому предложенъ былъ законъ, касавшійся *реформы въ выборахъ*, по которому число депутатовъ въ рейхсратѣ было повышено съ 203 до 351, и эти депутаты, на будущее время, должны были избираться *непосредственно* изъ всего *населенія* имперіи. Законъ былъ принятъ не безъ протестовъ и сопротивленій,—37 Поляковъ при обсужденіи его покинули залу засѣданія рейхсрата,—однакоже 120 голосами противъ 2-хъ въ палатѣ депутатовъ, а 93 противъ 14 — въ палатѣ господъ: это было большою побѣдою въ смыслѣ объединенія имперіи и утвержденія дуализма Австро-Венгріи. И вотъ, наконецъ, новые выборы, произведенные на основаніи новаго закона, въ октябрѣ, дали дѣйствительно-желательное правительству большинство, составленное изъ элементовъ, вѣрныхъ идеѣ единства имперіи. Въ тронной рѣчи, которой открытъ былъ слѣдующій рейхсратъ, не даромъ было сказано: «послѣ многоразличныхъ превратностей судьбы и тягостной борьбы, Австрія является намъ обновляющеюся внутри и внушающею всѣмъ почтеніе извнѣ...» Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ, что въ 1874 году Австріи удалось достигнуть въ вопросѣ религіозномъ весьма важнаго успѣха: уничтоженія *конкордата* 5-го ноября 1855 года, замѣненнаго майскими законами, которые, пройдя всѣ парламентскія инстанціи, удостоены были одобренія императора. Этими законами полагался предѣлъ всякимъ проискамъ и притязаніямъ духовной іерархіи по отношенію къ разнымъ вопросамъ внутренняго управленія.



Графъ Андраши.
По фотографіи.

Венгерская половина имперіи была вполнѣ умиротворена. Окончательное соглашеніе съ Кроаціей было здѣсь установлено въ 1873 г. и Военная Граница включена въ составъ королевства Венгріи въ 1872 г. Въ лицѣ *Коломана Тиссы* (въ февралѣ 1875 г.), до того времени стоявшаго во главѣ лѣвой, Венгрія нашла себѣ именно такого государственнаго человѣка, какой ей былъ необходимъ. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ



Министръ Коломанъ Тисса.
По фотографіи.

патріотическія воззрѣнія Деака и соединеніемъ лѣвой съ партіею Деака достигъ того, что на сторонѣ его оказалось громадное большинство. Энергически проводя идеи магьярскаго единенія, наперекоръ меньшинству Славянъ и Нѣмцевъ, онъ повелъ дѣла въ весьма либеральномъ и преобразовательномъ духѣ. Такимъ образомъ монархія Австрійская оказалась въ положеніи довольно благопріятномъ, когда въ 1875 г. вновь поднялся одинъ изъ труднѣйшихъ для Австріи вопросовъ внѣшней политики — вопросъ *Восточный*. Тутъ впервые Австріи пришлось пожать плоды той политики, которая была послѣдствіемъ 1866 и 1870 годовъ: — очень важнымъ условіемъ для нея оказалось то, что она теперь состояла съ Германіей и Италіей въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, которыя умудренный опытомъ графъ Бейстъ постарался скрѣпить. Въ Германіи и въ Италіи отлично поняли, что Австрія окончательно отказалась отъ притязаній на свое прежнее положеніе въ обѣихъ этихъ странахъ, и потому, конечно, какъ тутъ, такъ и тамъ, весьма охотно оказали Австріи поддержку въ ея враждебныхъ Россіи отношеніяхъ къ Восточному вопросу. Нечего было, конечно, и обольщать себя тѣмъ, что этотъ вопросъ исчерпанъ или отсроченъ на слишкомъ продолжительное время: на это отчасти долженъ былъ указывать уже упомянутый нами выше эпизодъ германско-французской войны, хотя въ дипломатической нотѣ



Государственный канцлеръ князь Горчаковъ.
По фотографіи.

(31 октября 1870 г.), которою князь Горчаковъ возвѣщалъ, что Россія не считаетъ болѣе условія Парижскаго мира 1856 г., по отношенію къ Черному морю, для себя обязательными — добавлялось, что императоръ Россійскій тѣмъ самымъ не думаетъ касаться Восточнаго вопроса.

На Лондонской конференціи, созванной по почину Бисмарка, *Россія*, къ великому удовлетворенію русскаго національнаго сознанія, дѣйстви- Россія. Съ 1870—1877.



Императоръ Александръ II Всероссійскій.
По фотографіи, снятой около 1875 г.

тельно отстояла это рѣшеніе, высказанное въ вышепомянутой нотѣ. Многіе пытались это объяснить какъ бы взаимною услугою, оказанною Бисмаркомъ Россіи въ отплату за нейтральную политику ея во время франко-прусской войны, доставившую Пруссіи возможность разгромить Францію. Но, въ сущности, гораздо правильнѣе будетъ взглянуть на результатъ Лондонской конференціи, какъ на вынужденную уступку державѣ, ко-

торая въ данный моментъ были сильнѣйшею и, въ виду сильнаго расширенія сосѣднихъ державъ, не требовала себѣ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, а мирнымъ путемъ добивалась только вполнѣ справедливой отмѣны унизительныхъ для нея условій трактата, которой она легко могла добиться силою. Вообще говоря, отношенія Россіи съ Германіей за это время оставались дружественными и внутри она пользовалась полнымъ спокойствіемъ, при которомъ безостановочно продолжалась также гуманная преобразовательная дѣятельность императора Александра II. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, введеніемъ земскихъ учрежденій и преобразованіемъ судовъ, о которыхъ мы говорили выше, императоръ Александръ II въ 1874 г. издалъ манифестъ, по которому защита отечества отъ внѣшнихъ враговъ была признана обязанностью *всѣхъ сословій государства*, иначе сказать, введена была общая воинская повинность, необходимость которой обусловливалась уже тѣмъ, что такой способъ пополненія вооруженныхъ силъ государства, по примѣру Пруссіи, былъ уже введенъ во всѣхъ государствахъ Европы. Главнымъ дѣятелемъ государственнымъ, наиболѣе потрудившимся по введенію у насъ общей воинской повинности, былъ *Д. А. Милютинъ*, военный министръ и одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ императора Александра II. Одновременно съ введеніемъ этой реформы обращено было особое вниманіе на широкое распространеніе школьнаго образованія въ народѣ. По почину Россіи въ томъ же 1874 г. собрался даже конгрессъ въ Брюсселѣ, съ цѣлью усовершенствованія Женевской конвенціи. Все это конечно не препятствовало, хотя и медленному, но безостановочному ходу процесса приравненія всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ обширнаго царства, по отношенію къ ихъ правамъ и обязанностямъ въ смыслѣ общегосударственномъ, начавшемуся еще со временъ польскаго «повстанья» 1863 г. Не вполнѣ затихла и закончилась и давняя борьба съ Англіей въ Центральной Азіи, гдѣ такъ быстро и сильно распространилось русское вліяніе. Въ январѣ 1874 г., однакоже, Россійскій Царствующій Домъ впервые вступилъ въ родственныя связи съ Англійской королевой.



Д. А. Милютинъ.

Великобританія, впрочемъ, была за этотъ періодъ времени также избавлена отъ тяжкихъ заботъ въ своей внѣшней политикѣ, кромѣ вышеномянутыхъ отношеній въ Центральной Азіи, да развѣ еще мелкой борьбы съ варварскими племенами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ (напримѣръ, усмиреніе ашантіевъ въ Верхней Гвинеѣ, 1873 г.). За великимъ поединкомъ между Германіей и Франціей Англія слѣдила съ напряженнымъ любопытствомъ, но безучастно. Второю частью войны, послѣ 4 сентября 1870 г., Англія не преминула воспользоваться для нѣкоторыхъ весьма выгодныхъ ей оборотовъ съ оружіемъ и воинскими снарядами. Заключительнымъ результатомъ войны Англія могла быть вполнѣ довольна: Германіи ей нечего было опасаться, Франція же надолго лишалась всякой возможности вызывать какія бы то ни было опасенія въ Англіи. Министерству Гладстона удалось провести нѣкоторыя реформы: напримѣръ, введеніе тайной подачи голосовъ при парламентскихъ выборахъ; при немъ и Ирландскій вопросъ вступилъ въ новой фазисъ развитія, благодаря поднятію дублинскимъ адвокатомъ Буттомъ агитаціи въ пользу установленія на островѣ *самоуправленія* (Home-rule). Церковные и богословскіе кружки Англіи были за это время сильно возбуждены ватиканскими декретами и старо-католическимъ движеніемъ, проявившимся въ Германіи; этому движенію со стороны англійскихъ обществъ была оказана и поддержка, и поощреніе, какихъ оно въ самой Германіи почти не удостоивалось, благодаря полному равнодушію правящихъ классовъ къ церковнымъ вопросамъ. Въ 1874 г. выборы дали перевѣсъ торіямъ и Дизраэли явился во главѣ новаго правленія, приступившаго къ власти именно съ тою цѣлью, чтобы придать болѣе энергичное направленіе внѣшней политикѣ, какъ бы находившейся въ нѣкоторомъ пренебреженіи за послѣднее пятилѣтіе. Это новое направленіе отчасти и проявилось въ томъ, что королева Англійская приняла титулъ императрицы Индійской, льстившій ея щепетильному самолюбію; а также и въ томъ, что Англія сдѣлала отличный финансово-политическій оборотъ, скупивъ разомъ у вице-короля Египетскаго всѣ принадлежавшія ему акціи Суэзскаго канала,

Англія.



Эдуардъ Гладстонъ, англійскій премьеръ.
По фотографіи 1884 года.

чѣмъ и обезпечила за собою рѣшающій голосъ въ дѣлахъ этого торговаго пути, противъ проведенія котораго она такъ долго ратовала.

Испанія съ 1870 г.

Въ то время какъ въ Европѣ совершались важныя событія, измѣнившія весьма существенно взаимныя отношенія между державами; въ то время, когда создавалась сильная Германская имперія, когда Италія начинала пріобрѣтать значеніе великой державы — Испанія оставалась все на томъ же уровнѣ политическаго ничтожества и крайней неопредѣленности условій своего внутренняго строя. 2 января 1871 г. новый король Испанскій, *Фердинандъ-Амедей*, второй сынъ Виктора-Эммануила, торжественно въѣзжалъ въ Мадридъ; а уже 12 февраля 1873 г. онъ спѣшилъ покинуть Мадридъ и удалиться къ себѣ на родину. При самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ обязанностямъ своего сана, онъ убѣдился въ томъ, что ему не справиться съ этимъ хаосомъ, среди котораго постоянно враждовали другъ съ другомъ не только республиканцы, карлисты, конституціоналисты, прогрессисты, но еще и отдѣльные кружки, на которые эти партіи распадались, и самые вожди этихъ партій; вслѣдствіе чего и министерства смѣнялись одно за другимъ—Серрано, Зорилья, Сагаста — и опять Серрано, и опять Зорилья — и только имъ самимъ, повидимому, были извѣстны поводы ихъ смѣны. Дошло дѣло до того, что Испанія очутилась республикой противъ воли: выборы въ кортесы въ маѣ 1873 г. ввели въ составъ этого собранія 360 такихъ ярыхъ республиканцевъ, которые почитали свободу лишь въ томъ случаѣ обезпеченною, если бы исторія Испаніи могла повернуть вспять и вся Испанія распалась бы на извѣстное число федеративныхъ республикъ, наподобіе Соединенныхъ Штатовъ Америки. Президентомъ этой республики былъ Пи-и-Маргалъ, ея законодателемъ—Кастеляръ. Возрастающее разложеніе государства, которое выражалось въ безпрерывныхъ перемѣнахъ правленія (Пи-и-Маргалъ, Сальмеронъ, Кастеляръ), съ одной стороны, ободрило сторонниковъ парижской коммуны (*intransigentes*, какъ они себя называли), анархистовъ, которые въ Картагенѣ захватили власть въ свои руки; а съ другой стороны—*карлистовъ*, которые вмѣстѣ съ королемъ своимъ, Донъ-Карлосомъ V, овладѣли всѣмъ сѣверо-западомъ Испаніи, а въ іюлѣ 1874 г. стали уже перебираться и за Эбро. Нашелся однакоже такой энергическій солдатъ, который положилъ конецъ этой путаницѣ рѣчей и внутренней смутѣ: генералъ Павія, 3 января 1874 г., разогналъ кортесы, не проливъ ни капли крови, а въ декабрѣ того же года другой генералъ, Мартинецъ Кампосъ, разрѣшилъ всѣ затрудненія, провозгласивъ королемъ *Альфонса XII*, принца Астурійскаго, сына Изабеллы. Въ этомъ и былъ ключъ къ разгадкѣ: ни откуда не послѣдовало никакихъ возраженій, и 14 января 1875 г. этотъ юноша, только что достигнувшій совершеннолѣтія, торжественно въѣзжалъ въ Мадридъ.

Италія.

Объ Италіи, въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ важнѣйшихъ событій за эти 5—6 лѣтъ, намъ придется сказать лишь очень немногое. 2 іюля 1871 г. король Викторъ-Эммануилъ торжественно совершилъ свой въѣздъ въ Римъ, и этотъ фактъ несомнѣнно стоялъ въ тѣсной связи съ ослабленіемъ вліянія Франціи на итальянскія дѣла. Парламентарныя перемѣны, и здѣсь также очень частыя, не представляютъ собою ничего особенно существеннаго

и важнаго; онѣ только служили поводомъ къ тому, чтобы показать, въ какой степени была богата талантливыми государственными дѣятелями страна, выводившая на парламентскую арену такихъ людей, какъ Мингетти, Селла и Депретисъ. Прогрессъ сказался во всѣхъ областяхъ государственныхъ: подъ давленіемъ общегосударственнаго порядка стало быстро исчезать романическое разбойничество; обязательное обученіе было введено въ 1877 г. и поставлено внѣ всякой зависимости отъ деспотическаго гнета духовной опеки. Дальнѣйшею и весьма существенною школою для всего населенія Италіи было созданное общею воинскою повинностью новое войско (1875), передъ которымъ исчезла прежняя національная гвардія, сдѣлавшаяся излишнею; значительно улучшились и финансы, и въ тронной рѣчи 1876 г. уже возвѣщено было о равновѣсіи, установившемся между расходами и доходами государственными. Прежніе итальянскіе государи были всѣми забыты—въ такой степени они были чужды мѣстныхъ интересовъ—и у нихъ не оказалось никакихъ сторонниковъ, никакой партіи, которая могла бы препятствовать работѣ прогресса: это видно было даже и въ Римѣ, гдѣ папа увидѣлъ себя ограниченнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и своемъ вліяніи—стѣнами Ватикана, которыя однакоже нимало не стѣсняли его сношеній со всѣмъ міромъ. Едва-ли нужно упоминать о томъ, что никакое соглашеніе между папскимъ престоломъ и національнымъ королевствомъ Италіей не могло состояться, и отъ времени до времени изъ Ватикана исходилъ только безсильный протестъ противъ утѣсненій «Церкви» со стороны «пи-альпійскаго королевства». Но эти протесты не приводили ни къ какимъ серьезнымъ затрудненіямъ, и правительство устраняло все то, что, въ церковныхъ порядкахъ или учрежденіяхъ, могло вредно отзываться на государствѣ (такъ напр. были упразднены католическіе монастыри): дѣйствовало, вообще говоря, справедливо и гуманно. Въ смыслѣ внѣшнихъ политическихъ отношеній все устраивалось и складывалось очень благополучно: Франція была ослаблена, Австрія—ничуть не страшна, а въ новоучрежденной Германской имперіи являлась для Италіи естественная союзница, которой было выгодно Италію поддерживать.

Остальныя Европейскія государства съ 1870 г.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ государствахъ европейскихъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ по значенію, которыя, подобно *скандинавской группѣ* государствъ или *Голландіи*, стоятъ внѣ области внутреннихъ европейскихъ комбинацій и соотношеній великихъ державъ, или же, какъ *Бельгія* и *Швеція*, пользуются обезпеченнымъ и признаннымъ державами нейтральнымъ положеніемъ. Нельзя не замѣтить, что во время войны между Германіей и Франціей, симпатіи всѣхъ этихъ державъ были на сторонѣ Франціи, въ особенности въ группѣ государствъ *Скандинавскихъ* и *Даніи*, въ которыхъ продолжало держаться въ нѣкоторомъ родѣ чувство скандинавскаго общенія, впрочемъ, ограничившееся за это пятилѣтіе только учрежденіемъ общаго почтоваго союза между Швеціей, Даніей и Норвегіей. Еще опредѣленнѣе симпатіи къ Франціи высказывались въ Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи, хотя и Бельгія, и Швейцарія, во всѣхъ многообразныхъ случайностяхъ войны, самымъ добросовѣстнымъ образомъ сохранили свой нейтралитетъ. Всѣ

эти три государства были глубоко возмущены тѣмъ новымъ догматомъ «о папской непогрѣшимости», который провозглашенъ былъ изъ Ватикана во время франко-прусской войны; и въ той борьбѣ, которая была вызвана новымъ догматомъ, эти три государства играли немаловажную роль. Въ Голландіи меньшинство населенія, около $^2/_5$, принадлежитъ къ католическому вѣроисповѣданію; можетъ быть именно потому они и надѣлали такъ много шуму изъ-за ватиканской новинки, тѣмъ болѣе, что 80-е годы нынѣшняго столѣтія совпадали съ воспоминаніями о славныхъ дняхъ освобожденія отъ испанскаго ига—взятіи Бріелля, осадѣ Лейдена и учрежденіи его университета—и эти воспоминанія праздновались и протестантскою, и свободомыслящею частью католическаго населенія. Подъ именемъ *Гезовъ* (которое съ понятною національною гордостью произносится въ Голландіи) въ *Бельгіи* партійная ненависть разумѣетъ «либераловъ», и здѣсь-то борьба обѣихъ партій, клерикальной и либеральной, приняла весьма широкіе размѣры, при чемъ клерикальная партія опирается, главнымъ образомъ, на фламандскую часть населенія. При этой борьбѣ, между прочимъ, проявилась удивительная наивность невѣжества въ этой части населенія, которая оказалась способною вѣрить въ разныя, сочиненныя католическимъ духовенствомъ сказки о «плѣненіи папы», объ утѣсненіяхъ, которымъ онъ подвергается и т. д., и выказала при этомъ уровень религіознаго развитія, не на много опередившій средніе вѣка. Не то было въ *Швейцаріи*, гдѣ высокомѣріе духовной іерархіи было въ значительной степени ограничено демократическимъ самосознаніемъ и высоко-развитою автономіею кантоновъ и общинъ. Ватиканскіе догматы встрѣтили здѣсь, среди милліона швейцарскихъ католиковъ, сильнѣйшій отпоръ, и центромъ этого отпора въ нѣмецкой Швейцаріи явился *Золотурнъ*, а во французской—*Женева*. Часть принадлежавшихъ къ Базельскому епископству католиковъ въ кантонахъ Золотурнъ, Люцернъ, Бернъ, Аргау, Тургау, Базель и Цугъ—отказалась отъ подчиненія епископу Ляша и вошла въ составъ старо-католическаго церковнаго союза, которому конгрессъ въ Ольтенѣ (августъ 1873 г.) придалъ болѣе прочную организацію. Во Французской Швейцаріи дѣло дошло даже и до полнаго разрыва съ папою изъ-за того, что пасторъ Мермильо былъ имъ назначенъ викаріемъ, по единоличной его волѣ, безъ всякаго сношенія съ правительствомъ кантона и союзнымъ совѣтомъ. Въ окружномъ посланіи папы Пія IX (отъ 21 ноября 1873 г.) были преданы посмѣянію германскіе старо-католическіе епископы, при чемъ въ очень ѣдкихъ выраженіяхъ упоминалось и о церковныхъ событіяхъ въ «гельветійскомъ союзѣ» и нѣкоторыхъ его кантонахъ. Союзный совѣтъ отвѣтилъ на это посланіе тѣмъ, что обратился къ папскому нунцію и въ самой вѣжливой формѣ просилъ его назначить день его отъѣзда изъ Швейцаріи. Въ связи съ этими оживленными церковными смутами, которыя привели, въ 1876 г., къ выбору старо-католическаго епископа, стоялъ и пересмотръ союзной конституціи, который былъ законченъ въ 1874 г. Предложенныя союзнымъ совѣтомъ перемѣны были приняты большинствомъ 340,000 голосовъ противъ 198,000 въ швейцарскомъ народѣ. Перемѣны, внесенныя въ конституцію, касались установленія болѣе тѣсной связи между канто-

нами въ отношеніи къ единенію въ смыслѣ военномъ, правовомъ и торговомъ. Достойно вниманія то, что въ числѣ отрицающихъ новыя дополненія конституціи явились главнымъ образомъ всѣ кантоны прежняго отдѣльнаго союза и большое количество католиковъ, обладавшихъ правомъ голоса.

Мирный характеръ періода, послѣдовавшаго за 1870 г., ознаменовался двумя важными событіями, одинаково проявившимися на почвѣ нейтральной Швейцаріи. Одно изъ нихъ было учрежденіе *Всемірнаго почтоваго союза.* Вопросъ о немъ на конгрессѣ въ Бернѣ былъ поднятъ генералъ-почтмейстеромъ Германской имперіи, фонъ-Стефеномъ; при совѣщаніяхъ о немъ присутствовали уполномоченные отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, равно и отъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и вице-короля египетскаго; здѣсь были выработаны общія законоположенія этого союза (май 1875 г.), и всѣ обмѣнялись между собою ратификаціями общаго трактата. Здѣсь же было рѣшено привести въ исполненіе, по общему соглашенію между Италіей, Швейцаріей и сопредѣльными государствами, грандіозный проэктъ прорытія *С.-Готардскаго туннеля;* проведеніе его обошлось дороже, нежели можно было первоначально предполагать, но было приведено къ желанному окончанію въ іюнѣ 1877 г.



Генералъ-почтмейстеръ фонъ-Стефенъ.
По фотографіи Лешера и Печа въ Берлинѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Восточный вопросъ, Русско-турецкая война и Берлинскій конгрессъ.

Восточный вопросъ. Возстаніе въ Босніи.

Общее мирное положеніе, установившееся въ Европѣ послѣ Франкфуртскаго мира, было нарушено лѣтомъ 1875 г., возстаніемъ въ ю. з. части турецкаго эйялета Босніи, называемаго *Герцеговиной*—возстаніемъ, собственно говоря, незначительнымъ, но которое потому именно возбуждало нѣкоторое опасеніе, что оно грозило вновь поднять «восточный вопросъ» и сдѣлать его однимъ изъ жгучихъ вопросовъ дня, тѣмъ болѣе, что разрѣшенія важной задачи приходилось искать не столько въ отношеніяхъ европейскихъ державъ къ Турціи, сколько во взаимныхъ соотношеніяхъ самихъ европейскихъ державъ. Лѣтомъ 1875 г. собираніе податей въ Герцеговинѣ вызвало то возстаніе *райи* (т. е., христіанскаго населенія), которое вскорѣ нашло себѣ отголосокъ въ Сербіи и Черногоріи, и привлекло оттуда вооруженную помощь. Державы—за исключеніемъ Англіи—предложили Портѣ свое посредничество, которое она вынуждена была принять, тѣмъ болѣе, что ей не удалось подавить возстаніе оружіемъ. 31 января 1876 г. эти державы (къ нимъ присоединилась теперь и Англія) обратились къ Портѣ съ нотою, составленною австрійскимъ рейхсканцлеромъ графомъ Андраши, въ которой предлагали Портѣ ввести въ ея владѣніяхъ подробно-перечисленныя и точно-опредѣленныя реформы. Турецкое правительство не замедлило эту ноту принять: оно знало, что въ текущемъ столѣтіи уже цѣлыя горы бумагъ были исписаны всякими проэктами реформъ и указами о реформахъ. Однакоже вожди возмутившихся не сложили оружія, ссылаясь совершенно справедливо на то, что имъ не представляется никакого ручательства въ томъ, что обѣщанія, данныя Портою, будутъ исполнены. Это опасное возстаніе вскорѣ уже и не ограничилось своими первоначальными предѣлами. Съ началомъ весны борьба возобновилась; мятежники стали осаждать крѣпость Никшичъ на черногорской границѣ, получая вооруженную помощь и изъ Черногоріи, и изъ Сербіи, и въ то же время разразилось (въ маѣ) возстаніе въ Болгаріи, гдѣ тайное народное правленіе возвѣстило, что настало время освобожденія отъ турецкаго ига.

Въ Болгаріи.

Общее возбужденіе стало всюду возрастать. Въ Салоникахъ были убиты германскій и французскій консулы, въ то время, какъ они вздумали вырвать изъ рукъ фанатизованной толпы мусульманъ ту христіанскую дѣвушку-болгарку, которая, какъ утверждали, перешла въ исламъ. 13-го мая канцлеры трехъ имперій—Горчаковъ, Андраши и

Бисмаркъ—собрались на съѣздъ въ Берлинѣ и составили новый актъ, *Берлинскій меморандумъ*, по которому державы, принимая сторону возставшихъ противъ Порты ея подданныхъ, требовали гарантій въ томъ, что обѣщанныя Портою реформы будутъ приведены въ исполненіе. По этому акту Портѣ предстояло подчиниться извѣстной опекѣ державъ, и это побудило Англію вновь отдѣлиться отъ остальныхъ державъ и отправить свой флотъ въ Безикскую бухту. Завязалась борьба между русскимъ и англійскимъ вліяніемъ на Востокѣ, и дѣло, запутываясь, начинало уже принимать весьма грозный характеръ.

События въ Константинополѣ. Война Турціи съ Сербіей и Черногоріей.

Вскорѣ послѣ того въ Константинополѣ произведена была попытка разрубить гибельный Гордіевъ узелъ по восточному обычаю. Султанъ Абдулъ-Азисъ, расточитель и деспотъ, напуганный весьма энергичною демонстраціей софтовъ (или студентовъ) въ Костантинополѣ, призвалъ въ составъ своего совѣта Мидхада-пашу, человѣка разумнаго и вліятельнаго, и назначилъ новаго шейхъ-уль-ислама (высшаго истолкователя Корана). Однакоже этимъ не могъ отклонить своей гибели. Съ одобренія шейхъ-уль-ислама совершилась дворцовая революція. Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ съ престола, а на мѣсто его возведенъ Мурадъ V, сынъ его предшественника (30 мая), а вскорѣ стало извѣстно, что сверженный съ трона султанъ «наложилъ на себя руки»—проще говоря: его задушили. Возстаніе въ Болгаріи стали подавлять самымъ варварскимъ образомъ; но тутъ ужъ Сербія и Черногорія объявили открытую войну Турціи. Князь Николай Черногорскій былъ провозглашенъ вождемъ герцеговинскихъ повстанцевъ, а князь Сербскій, Миланъ, боснійскихъ.

Тогда сильнѣйшее одушевленіе овладѣло Русскимъ народомъ. Во всѣхъ слояхъ общества проявилось желаніе жертвовать и жизнью, и денежными средствами за угнетаемыхъ Турціею единовѣрцевъ. Обильныя пожертвованія стали пересылать изъ Россіи въ Сербію и Черногорію, и тысячи людей, готовыхъ пролить кровь въ борьбѣ съ Турками, по «доброй волѣ» двинулись въ Сербію на помощь сербской арміи. Начальство надъ этою арміей, пополняемой русскими *добровольцами*, принялъ даже, съ разрѣшенія импе-



Генералъ Черняевъ.

ратора Александра II, извѣстный русскій генералъ Черняевъ, уже находившійся въ отставкѣ.

Борьба Славянъ съ Турціей шла неравномѣрно. Между тѣмъ какъ воинственные Черногорцы наносили Туркамъ пораженіе за пораженіемъ, малочисленная и плохо-обученная сербская армія едва выдерживала натискъ турецкихъ силъ. Въ концѣ августа, около Алексинаца, произошла рѣшительная битва; и какъ упорно ни бились Сербы съ Турками въ теченіе 9-ти-дневнаго боя (съ 19—27 августа), однакоже для всѣхъ было ясно, что Турки должны ихъ одолѣть, если Сербы будутъ предоставлены на произволъ судьбы. Между тѣмъ, въ эти же именно дни въ Турціи произошла новая перемѣна правленія: Мурадъ, объявленный душевно-больнымъ, былъ сведенъ съ престола, и на его мѣсто возведенъ его братъ, *Абдулъ-Гамидъ* (31 авг.). Къ нему-то и обратились теперь державы съ требованіемъ, чтобы онъ далъ Сербамъ перемиріе. Онъ уступилъ этому требованію, хотя около этого времени военное положеніе Турокъ подъ Алексинацемъ стало настолько для нихъ благопріятнымъ, что Сербія не могла бы имъ долѣе противиться.

Переговоры о мирѣ. Турецкая конституція.

Во время этого перемирія, въ декабрѣ, еще разъ происходили въ Константинополѣ конференціи о мирѣ. Введеніемъ къ нимъ послужили еще предварительныя конференціи, на которыхъ державы уговорились относительно тѣхъ требованій, какія слѣдовало предъявить Портѣ. Это было вовсе не трудно: державы требовали религіознаго и политическаго равенства христіанъ съ магометанами въ тѣхъ трехъ провинціяхъ, о которыхъ шла рѣчь, т. е., въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, и въ видѣ гарантіи выполненія этой реформы предполагали допустить въ данныхъ мѣстностяхъ европейскую наблюдательную комиссію. Предполагалось даже, ради той же цѣли, занять эти провинціи бельгійскими войсками или смѣшаннымъ обще-европейскимъ легіономъ. Эти заключенія предварительныхъ конференцій и были предъявлены Портѣ. Но Порта одурачила европейскихъ дипломатовъ мастерскою уловкою: — «зачѣмъ дѣлать исключеніе для этихъ провинцій, тогда какъ имъ, наравнѣ со всѣми остальными частями Отоманской имперіи, предстоитъ воспользоваться благами *конституціи*, которую имѣется въ виду ввести въ ближайшемъ будущемъ?» И дѣйствительно, комедія эта была разыграна:—23 декабря, въ самый день открытія конференцій въ Константинополѣ, при громѣ пушечной пальбы, была торжественно провозглашена конституція, и въ нее включены всѣ тонкости либеральнѣйшихъ западныхъ конституцій, до тайной подачи голосовъ и ежегоднаго обнародованія бюджета—включительно. Прикрываясь этимъ, ловко-вымышленнымъ щитомъ, Порта отнеслась къ представленіямъ державъ очень высокомѣрно; она отклонила ихъ даже и тогда, когда они были ей предъявлены, какъ ультиматумъ. И вотъ, 20 января 1877 г., всѣ европейскія державы отозвали своихъ пословъ изъ Константинополя.

Россія. Война.

Уже нѣсколько недѣль спустя, послѣ того, какъ эта конституція была обнародована, стало для всѣхъ ясно, въ какой степени можно было ей довѣрять: 5 февраля, главный творецъ и измыслитель этой конституціи, Мидхадъ-Паша, безъ всякаго суда, былъ посаженъ на корабль и высланъ

изъ Турціи. Это не помѣшало однакоже тому, чтобы 19 марта открылись въ своемъ родѣ публичныя засѣданія Турецкаго парламента. Положеніе не улучшилось отъ того, что 28 февраля того-же года былъ съ Сербіей заключенъ миръ на основаніи status quo ante bellum. Теперь уже приходилось имѣть дѣло съ Россіей. Съ начала декабря 1876 г. одинъ изъ братьевъ государя, Николай Николаевичъ Старшій, принялъ на себя начальство надъ мобилизованными шестью корпусами русской арміи на югѣ, между тѣмъ какъ начальство надъ арміей на азіатскомъ театрѣ войны было вручено Великому Князю Михаилу Николаевичу. 14 апрѣля 1877 г., Абдулъ-Керимъ отправился къ турецкой арміи, которая поручена была его командованію на Дунаѣ. Противниковъ раздѣляла еще полоса румынской земли; но уже (съ 16 апрѣля) существовала съ Румыніей конвенція, которая дозволяла Русскимъ переходъ черезъ Румынскую землю, подъ ручательствомъ полной ея неприкосновенности. 13 мая, Румынія, которая, конечно, не могла упустить такого удобнаго случая, объявила Портѣ войну, а 21-го провозгласила свою независимость отъ Порты. Манифестъ императора Александра объявилъ цѣлью войны—улучшеніе участи угнетаемаго Турками христіанскаго населенія Порты; а 29-го послѣдовало уже и формальное объявленіе войны.



Вел. князь Николай Николаевичъ.
По фотографіи.

Европейскій театръ войны.

Война не приняла сразу того быстраго и ровнаго хода, какой мы видимъ въ началѣ франко-германской войны. Отчасти этому способствовало то, что самый театръ войны представлялъ собою здѣсь гораздо болѣе затрудненій и препятствій для поступательнаго движенія арміи, отчасти же и то, что съ русской стороны было сдѣлано нѣсколько очень важныхъ ошибокъ, которыми подорвано было значеніе весьма крупныхъ успѣховъ, одержанныхъ русской арміей. Благодаря этому, война Россіи съ Турціей затянулась на 9 мѣсяцевъ, тогда какъ она могла быть окончена гораздо ранѣе. На одномъ изъ двухъ театровъ войны, открытыхъ для Россіи,—на *азіатскомъ*, гдѣ дѣло шло о завоеваніи Арменіи и крѣпостей Ардагана, Карса и Эрзерума, война велась съ перемѣннымъ счастьемъ, хотя во главѣ русской арміи и стоялъ такой выдающійся по таланту военачальникъ, какъ генералъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ; только уже 15 октября воспослѣдовало здѣсь, при *Авліарѣ*, полное пораженіе арміи Мухтара-паши, который до того времени сражался съ русскими довольно



М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

успѣшно, такъ какъ на его сторонѣ было значительное численное превосходство. 18 ноября былъ взятъ штурмомъ Карсъ, почитавшійся неприступнымъ. На *европейскомъ* театрѣ войны Русскіе начали дѣло съ крупныхъ успѣховъ. Они довольно легко и безъ большихъ потерь перешли Дунай, несмотря на то, что у Турокъ на Дунаѣ была флотилія, которая могла бы препятствовать переправѣ Русскихъ, несмотря на тѣ преимущества, которыя представлялъ Туркамъ для обороны правый берегъ Дуная, занимаемый ими. Вся русская армія переправилась за Дунай, и уже 6 іюля Русскіе заняли Тырново, столицу Болгаріи. Авангардъ ихъ достигъ Балкана и одинъ изъ необычайно-смѣлыхъ русскихъ военачальниковъ, генералъ Гурко, проникъ черезъ важнѣйшій изъ Балканскихъ проходовъ, черезъ *Шипкинскій*, за Балканы, до самой Эни-Загры. Но Русскіе ужъ слишкомъ понадѣялись на ослабленное положеніе Турецкаго государственнаго строя, и потому рѣшились зайти слишкомъ далеко, не образовавъ достаточно-твердой операціонной базы и не обладая достаточными силами для быстраго веденія войны. Этою опрометчивостью Русскихъ воспользовался одинъ изъ лучшихъ турецкихъ военачальниковъ, Виддинскій паша, Османъ, и, неожиданно приблизившись къ правому крылу Русской арміи, съ 28,000 отрядомъ, занялъ превосходную позицію въ *Плевнѣ*, окопался здѣсь, и отсюда сталъ угрожать тылу рус-



Александръ II, императоръ Всероссійскій.
(Въ послѣдніе годы жизни).



ской арміи. Попытки выбить его изъ этой позиціи (бой 19 іюля и слѣдующихъ дней; а также 30 и 31 того же мѣсяца) окончились полнѣйшей неудачей и привели къ громаднымъ потерямъ; а въ то же время и тѣ передовыя части войскъ, которыя уже проникли за Балканы, были оттѣснены Сулейманомъ-пашею, отозваннымъ изъ Черногоріи. Русская главная квартира была очень спѣшно переведена изъ Тырнова въ Систово, и вся русская гвардія тотчасъ же получила приказаніе немедленно двинуться на театръ войны. Турки однакоже не успѣли и не съумѣли воспользоваться выгодами своего положенія; вмѣсто того, чтобы обойти Шипкинскій проходъ, занятый горстью русскихъ, Сулейманъ-паша, слѣдуя приказу, данному изъ Константинополя, задумалъ идти на проломъ и потерялъ драгоцѣнное время въ безполезныхъ попыткахъ выбить Русскихъ изъ ихъ позиціи, которую тѣ защищали геройски, подъ командою генераловъ Драгомирова, Радецкаго и Петрушевскаго. Семь дней сряду, съ 21-го по 28-е августа, Турки штурмовали Шипку съ остервенѣніемъ и усѣяли всѣ скаты Балканъ около этого мѣста грудами своихъ тѣлъ: въ 7 дней уронъ ихъ исчисляютъ въ 7,000 человѣкъ.

Но точно также тщетны были и русскія попытки овладѣть Плевною. Между тѣмъ какъ султанъ призвалъ на защиту своего царства всѣхъ способныхъ носить оружіе, отъ 15-ти-лѣтняго до 40-ка-лѣтняго возраста, и Русскіе, временно, увидѣли себя вынужденными прибѣгнуть къ помощи войскъ князя Карла Румынскаго, которыя явились подъ Плевну въ ко-



Генералъ Гурко.



Генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, † 14 января 1890 г.

личествѣ 30,000 чел. и оказали нѣкоторыя услуги при обложеніи ея до прибытія русской гвардіи на мѣсто дѣйствія. Но все-же и дальнѣйшіе штурмы Плевны (съ 7 до 19 сентября), приводившіе къ громаднымъ потерямъ, доказали полную невозможность взять Плевну открытой силой. Тогда на военномъ совѣтѣ въ русской главной квартирѣ рѣшено было ограничиться тѣснымъ обложеніемъ Плевны и пресѣченіемъ всякаго сношенія арміи Османа-паши съ остальными турецкими силами. Обложеніе Плевны было поручено знаменитому защитнику Севастополя, генералу Тотлебену. И вотъ въ то время, когда всюду кругомъ Турки терпѣли пораженіе — и Никшичъ, послѣ долгой осады, достался Черногорцамъ, и Карсъ въ Азіи палъ, и уже въ пополненіи войскъ свѣжими силами чувствовался всюду сильный недостатокъ—Османъ-паша, благодаря своему умѣнью и выносливости Турокъ, держался въ Плевнѣ, даже и отрѣзанный отъ всѣхъ сообщеній, еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ на 143 день осады, долженъ былъ и онъ рѣшиться на послѣднее, отчаянное усиліе:—онъ попытался пробиться и въ теченіе 5 часовъ боролся со своимъ 40,000 корпусомъ противъ


КАРТА ТЕАТРА ВОЙНЫ
РОССІИ съ ТУРЦІЕЮ
въ 1877-78 г.г.
Масштабъ.
0 20 40 60 80
КАРТА УСТЬЕВЪ ДУНАЯ.
БУХАРЕСТЪ
ТЫРНОВЪ
ФИЛИППОПОЛЬ
АДРІАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
СОФІЯ
Черное море
Средиземное море

вдвое сильнѣйшаго русскаго войска; и только уже убѣдившись въ томъ, что онъ пробиться не можетъ, онъ рѣшился положить оружіе (10 декабря 1877 года).

Россія и Англія. Миръ въ С.-Стефано.

Дальнѣйшее изложеніе военныхъ дѣйствій для нашей цѣли не имѣетъ значенія: въ тотъ самый день, въ который Сербія снова объявила войну султану, 14 декабря, русская армія, уже освободившаяся отъ Османа и значительно увеличенная подкрѣпленіями, получила полную возможность продолжать наступленіе и немедленно двинулась за Балканы, несмотря на то, что зима уже наступила. Этотъ зимній переходъ русской арміи черезъ Балканскія горы, безпримѣрный въ Исторіи, изумилъ всю Европу и окончательно озадачилъ Турокъ. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, въ которыхъ выдающуюся роль игралъ прославившійся въ эту кампанію еще молодой генералъ, *М. Д. Скобелевъ*, Русская армія 21 января 1878 г.—уже вступила въ Адріанополь. Порта, въ данную минуту доведенная до крайности, уже 17-го января ныталась вступить въ переговоры; между тѣмъ



Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.



Генералъ Тотлебенъ.

Русскіе стали ближе и ближе подступать къ конечной цѣли своей—къ Константинополю, и въ Западной Европѣ уже стали ожидать со дня на день грозной вѣсти о занятіи турецкой столицы русскими войсками. Тѣмъ временемъ въ Англіи воинственное настроеніе получило рѣшительный перевѣсъ въ парламентѣ; огромнымъ большинствомъ голосовъ (328 противъ 124), призванъ былъ въ премьеры лордъ *Биконсфильдъ* (Дизраэли), глава партіи торіевъ, въ распоряженіе его предоставлены были необходимыя денежныя суммы, и 13 февраля флотъ англійскій вступилъ въ Дарданеллы. Впрочемъ, русско-англійская война временно была устранена при посредствѣ нѣкоторыхъ соглашеній, хотя военныя приготовленія въ Англіи и продолжались. 3 марта, въ С.-Стефано (на нѣсколько миль южнѣе Константинополя), гдѣ теперь находилась русская главная квартира, былъ заключенъ миръ, по которому Румынія, Сербія, Черногорія были объявлены независимыми владѣніями и увеличены въ объемѣ, и образовано новое, хотя повидимому и зависимое отъ Турціи и обязанное ей уплачивать дань, вассальное государство Болгарія, поставленное подъ покровительство Россіи, размѣромъ въ 3,000 кв. миль. По тому же договору военныя издержки Россіи, исчисленныя въ 1,400 милліоновъ рублей, должны были покрыться въ размѣрѣ 1,100 милліоновъ земельными пріобрѣтеніями Россіи: въ Европѣ—Добруджей, а въ Азіи — Арда-



М. Д. Скобелевъ.



Бенджаминъ Дизраэли, лордъ Биконсфильдъ.
По фотографіи.

ганомъ, Карсомъ, Батумомъ, Баязетомъ и территоріей до Саганлугскихъ горъ.

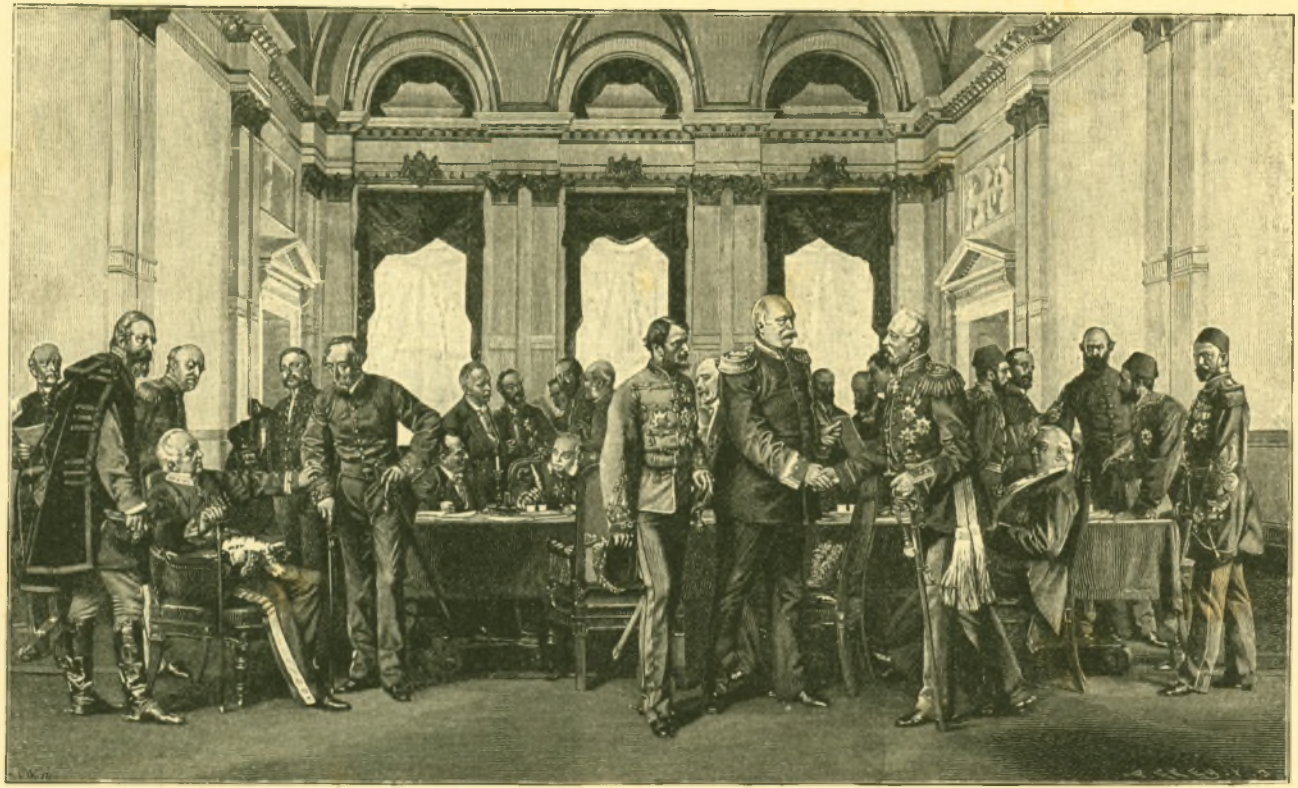
Берлинскій конгрессъ. 1878 г.

Но эти условія мира вызвали отовсюду возраженія, опасенія и страхи: и Англія, и Австрія захотѣли, во что бы то ни стало, получить свою долю въ начавшемся дѣлежѣ владѣній султана. И та, и другая страна выказывали себя очень воинственными, разсчитывая, главнымъ образомъ, на миролюбіе и уступчивость императора Александра II, который не захотѣлъ бы подвергать Россію, послѣ вынесенной ею тяжкой войны, новымъ случайностямъ и тягостямъ войны общеевропейской. Въ этихъ, именно, видахъ, императоръ Россійскій согласился подвергнуть заключенный имъ договоръ обсужденію европейскихъ державъ, и вотъ, 13 іюня, уполномоченные державъ собрались на конгрессъ въ *Берлинѣ*, подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка, и здѣсь, 13 іюля, былъ заключенъ окончательный миръ между Россіей и Турціей.

Берлинскій миръ.

Этотъ *Берлинскій миръ*, главнѣйшимъ образомъ, видоизмѣнилъ тотъ параграфъ С.-Стефанскаго мирнаго договора, который касался Болгаріи. Изъ отмежеванныхъ ей 3,000 кв. миль для новаго государства, *Болгаріи*, отведено было только 1,000 кв. м., при чемъ постановлено, что управлять ею долженъ избранный страною князь, и страна должна платить султану дань; остальная часть области, заселенной Болгарами, на югъ отъ Балканъ, *Восточная Румелія* съ г. Филиппополемъ, должна остаться Прусской провинціей, и управленіе ею должно быть предоставлено губернатору, назначаемому Портой съ общаго согласія съ державами. Черногорія, Сербія и Румынія объявлены независимыми отъ Турціи; первая изъ нихъ съ 78 кв. миль увеличена до 170, и ей данъ даже морской портъ, Антивари, на Адріатическомъ морѣ; къ Сербіи присоединена Старо-Сербія, 150 кв. миль; Добруджа присуждена Румыніи, 280 кв. миль съ 200 тысячъ жителей, но она должна была поступиться въ пользу Россіи тою частью Бессарабіи, которая нѣкогда отрѣзана была отъ Россіи, по Парижскому миру (154 кв. мили, 140,000 жителей). Пріобрѣтенія Россіи въ Азіи, кромѣ Баязета, оставлены были въ томъ видѣ, какъ были указаны въ С.-Стефанскомъ договорѣ; сверхъ того, Батумъ на Черномъ морѣ долженъ былъ быть объявленъ порто-франко.

При этомъ первомъ раздѣлѣ Турціи, два лакомыхъ куска выпали и на долю симпатизировавшихъ Турціи державъ: Австріи и Англіи. Въ 25 параграфѣ Берлинскаго трактата было заявлено довольно темно о томъ, что «двѣ провинціи Турецкой имперіи, *Боснія* и *Герцеговина*, должны быть заняты Австро-Венгріей и управляемы ею впредь до ихъ полнаго умиротворенія», и подъ видомъ оборонительнаго союзнаго договора между Великобританіей и Турціей, 4 іюня 1878 г., уступленъ былъ Англичанамъ островъ *Кипръ*, «на все то время, пока Батумъ, Ардаганъ или Карсъ будутъ оставаться во власти Россіи». Два дня спустя, по заключеніи Берлинскаго мира, англійскій флагъ былъ водруженъ на островѣ. За то Англія гарантировала Портѣ цѣлость ея азіятскихъ владѣній и обѣщала свою помощь по отношенію къ введенію необходимыхъ тамъ реформъ.



Графъ Каролн. Лордъ Биконсфильдъ. Графъ С.-Валлье. Князь Бисмаркъ. Саадулла-бей. Лордъ Салисбюри.
Баронъ Геймерле. Графъ Лонэ. Вадднигтонъ. Князь Гогенлоэ. Дэпрэ. Графъ Андраши. Графъ Шуваловъ. Лордъ Одо-Руссель. Каратеодори-паша.
Князь Горчаковъ. Графъ Корти. Лотаръ Бухеръ. Графъ Герб. Бисмаркъ. Мехмедъ-Али-паша.
Графъ Муи. Фонъ-Гольстейнъ. Фонъ-Бюловъ.
Фонъ-Радовицъ. Баронъ Убри. Д-ръ Бушъ.

Берлинскій конгрессъ 1878 года.

Писано А. фонъ-Вернеромъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзоръ событій отъ Берлинскаго мира и до 1889 года.

Краткій обзоръ царствованія Императора Александра III († 1894 г.).

Послѣдствія: восточный вопросъ.

Наше изложеніе могло бы здѣсь уже окончиться, и на этотъ Берлинскій миръ можно было бы взглянуть, какъ на грань, за которою уже начинается область текущей политики—т. е., та еще не вполнѣ выясненная и не вполнѣ обработанная область исторіи, въ которой еще мудрено опредѣлить относительное значеніе лицъ и событій, а слѣдовательно еще и нельзя дѣлать вѣрныхъ выводовъ относительно ихъ всемірно-историческаго значенія. Однакоже мы присоединимъ еще къ нашему разсказу бѣглый обзоръ историческихъ событій въ Европѣ отъ Берлинскаго мира 1878 г. до кончины перваго Германскаго императора въ 1888 г., отчасти для того, чтобы напомнить настоящему поколѣнію факты ближайшей политической дѣйствительности, среди которыхъ оно живетъ, отчасти же, чтобы указать на тѣсную связь настоящаго съ отдаленнымъ прошлымъ, изученіе котораго такъ необходимо для пониманія многихъ задачъ современности.

Начавшееся расчлененіе Турціи или разложеніе ея, разгадка важнаго восточнаго вопроса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія—не подвинулась и въ это послѣднее десятилѣтіе къ разрѣшенію, и не устранилась съ политическаго горизонта, а, напротивъ того, въ значительной степени повліяла на взаимныя отношенія европейскихъ державъ.

Австро-Венгрія.

Австро-Венгріи не даромъ досталась предоставленная ей Берлинскимъ трактатомъ доля въ военной добычѣ Россіи—провинціи *Боснія* и *Герцеговина*. Сначала пришлось побороть то сопротивленіе, которымъ въ обѣихъ половинахъ Австрійской имперіи было встрѣчено это новое пріобрѣтеніе: такъ или иначе съ нимъ пришлось примириться. 19 августа 1878 г. столица Босніи, *Сараево*, была отбита австрійскими войсками у мѣстнаго населенія, несогласившагося подчиниться австрійскому владычеству, а въ то же время занята войсками и весьма важная ю.-з. часть, санджакъ *Новобазарскій*—полоса земли между Сербіей и Черногоріей. Въ 1882 г. возстаніе въ этихъ провинціяхъ повторилось и подавить его удалось только при помощи весьма значительной военной силы, такъ какъ оно грозило распространиться и на южную Далмацію. Со времени усмиренія этого возстанія, Боснія и Герцеговина затихли и, повидимому, начинаютъ нѣсколько примиряться и уживаться съ австрійскими порядками.

Черногорія.

Приведеніе въ исполненіе условій Берлинскаго мира встрѣтило кое-какія затрудненія и въ другихъ освобожденныхъ отъ турецкой зависи-

мости странахъ—Черногоріи, Сербіи и Румыніи. *Черногоріи* были присуждены нѣкоторыя мѣстности, заселенныя Албанцами, но Албанцы объ этомъ и слышать не хотѣли, такъ что и Порта, и князь Николай, по обоюдному соглашенію, порѣшили замѣнить уступку этихъ мѣстностей присоединеніемъ къ Черногоріи приморскаго городка Дульциньо. Но Албанцы тотчасъ же заняли и этотъ городъ: Портѣ было съ ними не легко справиться, да врядъ-ли она особенно и добивалась этого. Для понужденія Турціи къ выполненію этого условія, въ Адріатикѣ явилась смѣшанная эскадра изъ англійскихъ, французскихъ, германскихъ, итальянскихъ и австрійскихъ судовъ. Но такъ какъ только англійскій адмиралъ былъ уполномоченъ къ принятію понудительныхъ мѣръ, то демонстрація оказалась совершенно безполезною. Только уже германскому и французскому послу, въ Константинополѣ, удалось истолковать султану, что Европа рѣшилась во что бы то ни стало добиться выполненія своей воли: они даже пригрозили ему, что, въ случаѣ неисполненія условій трактата, Англія, въ которой теперь главную роль игралъ Гладстонъ, не слишкомъ мирволившій Турціи, въ видѣ залога, наложитъ руку на Смирну или на иной какой-нибудь столь же важный городъ Турціи... И такъ, этимъ путемъ удалось добиться того, что въ ноябрѣ 1880 г. Дульциньо былъ переданъ Черногорцамъ и *этотъ* споръ порѣшенъ окончательно.

Сербія. Румынія.

Связи Сербіи и Румыніи съ Портою были порваны легко и просто. Обѣ эти страны только завершили въ данное время тотъ путь, по которому онѣ уже издавна слѣдовали,—и Румынія прежде (въ маѣ 1881 г.), а Сербія нѣсколько позже (въ мартѣ 1882 г.), провозгласили своихъ князей *королями*, а самыя княжества—*королевствами*. Это еще болѣе подняло чувство сознанія собственнаго достоинства въ населеніи этихъ областей, и безъ того уже нѣсколько преувеличенное, но, впрочемъ, до извѣстной степени, оправдываемое усиленнымъ стремленіемъ и той, и другой къ подражанію Западной Европѣ и сближенію съ ней во всѣхъ областяхъ своей культуры. Въ Румыніи, подъ вліяніемъ ея короля, связаннаго родственными связями съ домомъ Гогенцоллерновъ, конечно, преобладаютъ симпатіи къ Германіи; въ Сербіи, благодаря ея политическому положенію, борются постоянно двѣ партіи:—одна, тяготѣющая къ Австріи, и другая, тяготѣющая къ Россіи.

Болгарія. Румелія.

Этому новому королевству, Сербіи, въ 1885 г., пришлось даже вынести довольно нелегкую борьбу съ сосѣдственнымъ ему княжествомъ *Болгарскимъ*, которое, по Берлинскому миру, въ интересахъ Турціи, но противно естественному порядку вещей, подраздѣлено было на двѣ части: полусамостоятельное *княжество* Болгарское, на сѣверъ, и турецкую *провинцію*, управляемую губернаторомъ-христіаниномъ, на югъ отъ Балканъ (такъ называемую *Восточную Румелію*). Новый губернаторъ послѣдней части, Александръ Богоридесъ, въ маѣ 1879 г., торжественно совершилъ свой въѣздъ въ Филиппополь, столицу Восточной Румеліи; въ Болгаріи же (въ апрѣлѣ 1879 г.), отчасти подъ вліяніемъ Россіи, былъ посаженъ княземъ избранный Болгарами въ князья, офицеръ германской арміи, *Александръ, принцъ Баттенбергскій*, состоявшій въ отдаленномъ родствѣ съ Россійскимъ императорскимъ домомъ, по Гессенской линіи. Карьера



Францъ-Іосифъ, императоръ Австрійскій.
(По фотографіи 1889 года).

этого молодого человѣка была не особенно продолжительна, но очень богата и смѣлыми попытками, и событіями, не лишенными нѣкотораго интереса и значенія. Одаренный большимъ самолюбіемъ и самоувѣренностью, онъ съумѣлъ себѣ составить партію въ народѣ и задумалъ выбиться изъ-подъ той русской опеки, которая связывала ему руки и ограничивала кругъ его дѣйствій. Въ 1881 г. онъ поставилъ вопросъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ Россіи—ребромъ, обнадеженный поддержкою западно-европейскихъ державъ. Тогда посаженные въ княжествѣ русскіе министры подали въ отставку и удалились изъ княжества (1883 г.). Два года спустя, въ сентябрѣ 1885 г., въ Филиппополѣ (въ Восточной Румеліи), конечно, съ вѣдома и поощренія европейскихъ державъ (но никакъ не Россіи), разыгралась довольно странная комедія:—нѣчто въ родѣ маленькой революціи, путемъ которой мѣстный губернаторъ былъ устраненъ, а князь Александръ торжественно провозглашенъ «*княземъ соединенной Болгаріи*». Такое произвольное усиленіе Болгаріи показалось *Сербіи* опаснымъ, и она объявила войну «соединенной Болгаріи» (18-го ноября). Сербскія войска четырьмя колоннами вступили на болгарскую территорію, но подъ *Сливницею* имъ пришлось выдержать трехдневный бой съ болгарскимъ войскомъ, воспитаннымъ въ суровой школѣ русской арміи, и Сербы были разбиты на голову. Князь Александръ собирался отвѣчать на сербское вторженіе въ Болгарію такимъ же вторженіемъ въ Сербію, но былъ остановленъ ультиматумомъ Австріи, которая, возстановляя Болгарскаго князя противъ Россіи, не желала, однакоже, дать ему слишкомъ много воли. Съ другой стороны, и недовольство Россіи выказалось совершенно ясно въ томъ, что князь Александръ, по указу императора Александра III, былъ исключенъ изъ списковъ русской арміи. Такимъ образомъ всякія сношенія Россіи съ Болгаріей были порваны, и этимъ въ самомъ народѣ Болгарскомъ возбуждено недовольство противъ князя Александра, которое и выразилось въ военномъ возмущеніи противъ него (21 августа 1885 г.), чуть не вынудившемъ его къ отреченію отъ престола и удаленію изъ Болгаріи. Тщетно пытался онъ, послѣ этого, поправить свои отношенія къ Россіи; тщетно старался и удержаться на престолѣ, не опираясь на русскую партію... Не имѣя твердой почвы подъ ногами, онъ вскорѣ увидѣлъ себя до такой степени запутаннымъ въ сѣти различныхъ политическихъ интригъ, что потерялъ прежнюю увѣренность въ себѣ и отрекся отъ престола. Регентство, установленное имъ еще въ бытность въ Болгаріи, озаботилось пріисканіемъ новаго князя и, послѣ долгихъ хлопотъ и исканій, нашло для Болгаріи новаго правителя въ лицѣ принца Фердинанда Кобургъ-Когарійскаго, со стороны матери состоявшаго въ родствѣ съ Орлеанами. 14 августа 1884 г. онъ прибылъ въ Тырново и съ того времени правитъ тамъ, хотя и не признанъ ни Россіею, ни какою-либо изъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ.

Греція.

Въ самый послѣдній періодъ русско-турецкой войны, когда уже начинались даже переговоры о перемиріи, и *Греція* ввязалась въ войну съ Турціей: ея войска вступили въ Ѳессалію и тотчасъ же отступили, какъ только турецкій флотъ явился передъ Пиреемъ. На Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ Греція нашла себѣ особенно усердныхъ защитниковъ во

Французахъ, и ей тоже было обѣщано нѣкоторое «*уравненіе границъ*», какъ теперь вообще привыкли на дипломатическомъ языкѣ называть всякіе захваты и невольныя уступки земель. Послѣ долгихъ и обоюдно безплодныхъ переговоровъ, въ апрѣлѣ 1881 г., обѣ стороны, наконецъ, пришли къ нѣкоторому соглашенію. Грецiя получила Оессалію и южную часть Эпира; но Янина осталась за Портой.

Франція. Тунисъ.

Взгляда на Порту достаточно, чтобы убѣдиться, какъ испорчено въ данное время могущество Османовъ въ Европѣ: оно неизбѣжно должно рухнуть при ближайшемъ столкновеніи, и въ данномъ случаѣ едва-ли могутъ что-либо измѣнить слабыя попытки реформъ, приводимыхъ въ исполненіе извѣстнымъ числомъ иноземныхъ (нѣмецкихъ или англійскихъ) чиновниковъ, въ области финансовъ, судоустройства и внутренняго управленія, и нѣсколькими европейскими офицерами—въ арміи; притомъ же, въ данное время, Порта связана уплатою возложенныхъ на нее военныхъ издержекъ Россіи, и всюду можетъ держаться только политики слабаго и безпомощнаго, т. е. хитрости, увертокъ, обѣщаній и полнаго бездѣйствія. Но ея утраты не ограничиваются предѣлами ея европейскихъ владѣній: въ послѣдніе годы ее постарались почти совершенно избавить отъ тягости правленія и въ Африкѣ. Франція воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы завладѣть *Тунисомъ*, который стоялъ въ довольно слабой вассальной зависимости отъ Порты. Торговое соревнованіе между Французами и Итальянцами въ Тунисѣ ускорило рѣшеніе Французовъ и предлогъ къ предположенному захвату нашелся очень легко: словно по заказу, одно изъ племенъ, о которомъ и не слыхивали въ Европѣ, а именно Крумиры, подданные бея Туниссkаго, произвели набѣгъ на алжирскія владѣнія французовъ. Остальное не трудно себѣ представить: французскія войска перешли черезъ границу и командовавшій ими генералъ, посѣтивъ бея въ его резиденціи, замкѣ Бардо, понудилъ его къ подписанію трактата (май 1881 г.), по которому онъ предоставилъ въ распоряженіе Французовъ внѣшнюю политику и финансы Туниса, т. е., другими словами, дѣлалъ ихъ полновластными хозяевами страны. Несмотря на этотъ трактатъ, имъ пришлось еще, однакоже, преодолѣть физическое сопротивленіе мѣстнаго населенія, и пріобрѣтеніе Туниса можно было считать вполнѣ законченнымъ только тогда, когда они овладѣли на югѣ городомъ Кагируаномъ. Протестъ Порты не удостоенъ былъ французскимъ правительствомъ никакого вниманія; но за то Италія была чрезвычайно озлоблена этимъ смѣлымъ захватомъ Французовъ, и это въ значительной степени способствовало наступившему между Италіей и Франціей охлажденію, да, вѣроятно, и въ будущемъ поведетъ къ нѣкоторымъ осложненіямъ между обѣими романскими странами.

Англія. Египетъ.

Съ точки зрѣнія различныхъ высшихъ соображеній, можетъ быть, слѣдуетъ и радоваться тому, что страны сѣвернаго берега Африки, въ VII—VIII вв. отнятыя исламомъ у христіанско-европейской культуры, теперь постепенно вновь отнимаются у ислама, который всюду выказываетъ себя косным и враждебнымъ всякой культурѣ. Важнѣйшею изъ странъ на сѣверномъ берегу Африки является *Египетъ*, съ которымъ со времени проведенія Суэзскаго канала связывается еще особый интересъ. Съ 1879

года, когда вице-король египетскій, Измаилъ-бей, былъ смѣщенъ Портой, Египетъ находился подъ спеціальной опекой Европы: одинъ англійскій и одинъ французскій генералъ-контролеры управляли его финансами и такимъ образомъ ограничивали правленіе новаго вице-короля Тевфика. Когда это европейское управленіе приступило къ сокращенію египетской арміи, одинъ изъ египетскихъ полковниковъ, Араби-бей, сталъ во главѣ недовольныхъ и, нѣкоторымъ образомъ, во главѣ національной партіи: лозунгъ этой партіи, по которому «Египетъ только для Египтянъ», угрожалъ серьезными осложненіями въ ближайшемъ будущемъ, и дѣйствительно въ іюнѣ 1882 года чернь въ Александріи возстала и перебила нѣсколькихъ европейцевъ. Порта и ея комиссары были застигнуты врасплохъ: конференція пословъ въ Константинополѣ потребовала отъ Порты рѣшительныхъ мѣръ, но ея требованія были встрѣчены обычной системой медлительности и безсилія. Тогда англійская и французская эскадра явились передъ Александріей. Французское правительство еще не рѣшалось дѣйствовать, какъ Англичане уже перешли къ дѣлу: 11-го іюля англійская эскадра открыла очень энергическую канонаду и стала бомбардировать Александрію, которую Араби началъ было укрѣплять; затѣмъ, послѣ побѣды, одержанной англійскимъ генераломъ Уольслеемъ надъ Араби при *Тель-эль-Кебирѣ*, 13-го августа 1882 г., вся страна оказалась во власти Англичанъ. Власть ихъ должна была вскорѣ распространиться далеко на Югъ: въ Суданѣ явился новый пророкъ, Махди, который освободилъ эту страну отъ египетскаго владычества и нанесъ египетскимъ войскамъ, подъ начальствомъ англичанъ, нѣсколько послѣдовательныхъ пораженій. Англійскій генералъ Гордонъ палъ тамъ, защищая Хартумъ отъ махдистовъ, прежде чѣмъ подоспѣла англійская помощь (янв. 1885). Англійская оккупація Египта, вслѣдствіе этихъ событій, продолжается и до сихъ поръ, и продолжится неопредѣленное время, «пока обстоятельства не окажутся настолько благопріятны, что можно будетъ отозвать англійскія войска изъ Египта...». Но едва-ли когда-нибудь наступитъ для нихъ время такъ сложиться.

Восточная Азія. Англія, Россія, Франція.

Всѣ эти частности входятъ въ связь всемірно-историческихъ событій, путемъ которыхъ европейское вліяніе распространяется на другія части Свѣта, за исключеніемъ, однакоже, *Америки*. По отношенію къ весьма многообразнымъ другимъ событіямъ, мы вынуждены ограничиться лишь краткимъ перечнемъ ихъ, въ видѣ напоминанія: войны — удачныя и неудачныя—Англичанъ въ Афганистанѣ, въ особенности послѣдняя изъ нихъ близъ Кандагара въ сентябрѣ 1880 г., поступательное движеніе Русскихъ съ Сѣвера на Югъ, занятіе ими Мерва въ февралѣ 1884 г. и столкновеніе обѣихъ соперничающихъ сторонъ въ мартѣ 1885 г., причемъ Англичанамъ пришлось спасаться бѣгствомъ; присоединеніе царства Бирманскаго къ англійскимъ остъ-индскимъ владѣніямъ; война Французовъ въ Восточной Азіи, гдѣ они стремились распространить свои владѣнія въ Кохинхинѣ, присоединивъ къ нимъ сѣверо-восточную часть царствъ Аннамскаго — *Тонкинъ*, и испѣлить язвы войны 1870 г. пріобрѣтеніемъ большого индійскаго царства. Царь или король Аннамскій есть вассалъ китайскихъ богдыхановъ: не обращая на это вниманія, французы,

послѣ того, какъ овладѣли столицею Аннама, заключили съ правителемъ Аннама договоръ, подобный заключенному съ Туниссскимъ беемъ. Изъ-за этого, однакоже, французамъ пришлось вести долгую и весьма упорную войну, сначала съ пиратами Красной рѣки, которымъ Китай оказывалъ поддержку, а потомъ съ самими китайцами.

Африка.

Африка, въ послѣдніе годы, изо всѣхъ частей свѣта, болѣе другихъ заставила о себѣ говорить и какъ-то вдругъ выдвинулась на первый планъ, привлекая къ себѣ общее вниманіе. Возобновленіе войнъ между Англичанами и Кафрами, въ 1879 г., стоило жизни лицу, нелишенному нѣкотораго историческаго значенія, по крайней мѣрѣ, по имени, которое онъ носилъ: сынъ Наполеона III, принцъ Людовикъ-Наполеонъ, предводившій одною изъ рекогносцировочныхъ партій, былъ застигнутъ врасплохъ и убитъ варварами. Гораздо серьезнѣе была борьба Англичанъ съ населеніемъ нидерландской Трансваальской мужицкой республики, которая въ 1877 г. была присоединена къ Англіи; въ декабрѣ 1880 и въ началѣ 1881 г. храбрые боэры нанесли англійскимъ войскамъ нѣсколько тяжкихъ пораженій, и англійское правительство, несмотря на это, нашло возможнымъ съ ними вступить въ переговоры и заключить миръ (въ августѣ 1881 г.). Между тѣмъ, какъ научныя изслѣдованія постепенно начинаютъ освѣщать мракъ, покрывающій внутреннія страны этого «чернаго материка»—его окраины болѣе и болѣе начинаютъ покрываться европейскими торговыми пунктами. Въ 80-хъ годахъ и Германія вступила въ число народовъ, колонизующихъ Африку, хотя,—надо сказать правду,—и не выказала большого умѣнья въ колонизаціонномъ смыслѣ; ранѣе уже основавшіеся въ Африкѣ Европейцы, — Англичане, Французы и Португальцы, — стремятся всѣми силами къ удержанію и распространенію своихъ африканскихъ владѣній, предвидя ту важную роль, какую имъ, въ качествѣ колонизаціонной базы, придется играть въ будущемъ; въ послѣднее же время, среди этихъ старыхъ колоній, явилось и нѣчто совершенно новое: государство *Конго*, основанное на Западномъ берегу международнымъ торговымъ обществомъ, по рѣшенію конференціи европейскихъ державъ, созванной въ Берлинѣ въ концѣ 1884 г.,—главою этого новаго государства, въ апрѣлѣ 1885 г., признанъ былъ король *Леопольдъ Бельгійскій*.

Европейскія государства.

Въ какой степени колонизація Африки возможна—какъ далеко могутъ въ ней заходить поселенія европейцевъ и въ какой степени будутъ вознаграждаться труды новыхъ поселенцевъ на почвѣ Африки, при ея климатическихъ условіяхъ,—все это еще покажетъ будущее, путемъ опытовъ, которые, конечно, обойдутся не дешево. Одно важное условіе, впрочемъ, уже достигнуто: при оживленныхъ и правильныхъ сношеніяхъ, установившихся между всѣми, даже и отдаленнѣйшими пунктами земного шара, ощущеніе отдаленности удивительно сократилось и распространеніе европейской цивилизаціи на всю поверхность земли происходитъ очень быстро. Центральною и важнѣйшею частью Свѣта (несмотря на возрастающее значеніе Сѣверной Америки) осталась все же *Европа*. На ней и придется намъ закончить нашъ разсказъ, который, по мѣрѣ приближенія къ концу, все болѣе и болѣе принимаетъ значеніе исторической программы, конспекта, бѣглаго очерка.

Германія въ 1878 г. Внѣшняя политика.

Германская Имперія, возстановленіе или обновленіе которой должно, конечно, оказать весьма существенное вліяніе на жизнь всѣхъ среднеевропейскихъ государствъ, въ послѣднее десятилѣтіе успѣла упрочиться и окрѣпнуть; этому въ значительной степени способствовали не столько различныя мѣры, придуманныя и приведенныя въ исполненіе человѣческою мудростью, сколько независящее отъ нея и весьма важное обстоятельство, а именно: долговѣчность маститаго императора Вильгельма—*перваго Германскаго Императора*—которому удалось достигнуть глубокой и почтенной старости; онъ скончался 9-го марта 1888 года, на 92-мъ году отъ рожденія. Жизнь его и царствованіе составляютъ несомнѣнно эпоху многознаменательную въ исторіи Германіи. Созданная оружіемъ Германская Имперія старалась, однакоже, по возможности, заботиться о сохраненіи мира въ Европѣ. Въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ вооруженія Имперіи, правда, не прекращались, требовали громадныхъ матеріальныхъ жертвъ на свое усовершенствованіе и дополненіе, и, можетъ быть, потому именно, способствовали до нѣкоторой степени къ соблюденію мира со всѣми. Внѣшней политики Германской Имперіи нимало не касалось разрѣшеніе великой и мудреной задачи «Восточнаго вопроса»: «Восточный вопросъ», — такъ выразился о немъ руководитель Германской политики, князь Бисмаркъ, — «начинается для Германской политики тамъ, гдѣ онъ затрогиваетъ жизненные интересы Австріи». Важную роль во внѣшней политикѣ Германіи играютъ ея отношенія къ Россіи и къ Франціи, съ которыми соприкасаются ея границы: всѣ сознаютъ возможность союза между Россіей и Франціей, направленнаго противъ Германіи, и даже то, что послѣ Берлинскаго конгресса, неудовлетворившаго справедливыхъ желаній Россіи, возможность совмѣстнаго нападенія Франціи и Россіи на Германію стала весьма вѣроятною въ будущемъ. Наибольшею опасностью въ этомъ



Князь Бисмаркъ.
По фотографіи Лёпера и Пена, въ Берлинѣ, въ 1885 г.

смыслѣ угрожали отношенія къ Франціи, въ 1887 году, но, благодаря благоразумію какъ французскаго, такъ и германскаго правительствъ опасность эта была устранена. Въ 1879 г. опасность столкновенія съ Россіей была также очень близка, но и она миновала прежде даже, нежели о ней успѣли узнать въ журнальныхъ и газетныхъ кружкахъ. Въ октябрѣ того же года Бисмаркъ лично отправился въ Вѣну и, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, былъ заключенъ сначала *двойственный оборонительный союзъ* между Австро-Венгріей и Германіей, который вскорѣ обратился въ *тройственный* союзъ, когда къ нему приступила и Италія. Трактатъ, касающійся этого союза, былъ подписанъ 7-го октября 1879 года и всѣми своими параграфами направленъ противъ Россіи: участвующія въ немъ стороны обязуются, въ случаѣ нападенія со стороны Россіи, всѣми силами помогать другъ другу противъ общаго врага; въ случаѣ нападенія какой-либо державы на одну изъ участвующихъ въ трактатѣ сторонъ, другая обязуется сохранять доброжелательный нейтралитетъ; въ случаѣ же какой-либо поддержки, оказываемой нападающей державѣ Россіею, участвующія въ трактатѣ стороны обязуются заодно дѣйствовать всѣми силами противъ Россіи. Въ какой степени этотъ тройственный союзъ можетъ служить обезпеченіемъ европейскаго мира—покажетъ будущее. Что же касается отношеній Германіи къ другимъ державамъ европейскимъ, то они не внушаютъ и не могутъ внушать никакихъ опасеній, тѣмъ болѣе, что и возникающія недоразумѣнія или споры могутъ быть разрѣшаемы путемъ третейскаго суда, какъ былъ, наприм., разрѣшенъ споръ Италіи и Германіи изъ-за Каролинскихъ острововъ, разбирательство котораго, по предложенію Бисмарка, было предоставлено рѣшенію Папы (24-го декабря 1885 г.).

Во внутренней жизни новообразованной большой федераціи Германской послѣднее десятилѣтіе прошло также довольно успѣшно и примирительно. Въ особенности же отношенія Имперіи къ отдѣльнымъ государствамъ германскимъ и элемента централизующаго къ федеральному могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными; въ этомъ отношеніи, конечно, многое было достигнуто личнымъ вліяніемъ императора Вильгельма I и осторожной политикой его канцлера. Новая Имперія становится популярною и начинаетъ замѣтно привлекать къ себѣ общія симпатіи. Въ томъ же примирительномъ и объединяющемъ направленіи большія упованія возлагались и на ближайшаго наслѣдника престарѣлаго императора, на кронпринца Фридриха-Вильгельма, который пользовался общею любовью и уваженіемъ послѣ того, какъ выказалъ себя столь мужественнымъ воиномъ во время франко-германской войны. Его прекрасныя нравственныя качества, въ связи съ его образованностью и просвѣщеннымъ міросозерцаніемъ, при веселомъ и открытомъ характерѣ — дѣлали его общимъ любимцемъ націи. На торжествѣ завершенія постройки Кёльнскаго собора (15-го октября 1880 г.), на открытіи національнаго памятника, на Нидервальдѣ, 28-го сентября 1883 г., на Лютеровскомъ праздествѣ того же года, на юбилеѣ Гейдельбергскаго университета 1886 г.,— кронпринцъ привлекалъ къ себѣ всѣ взоры толпы и никому въ голову не приходило еще, что скоро онъ осужденъ пасть жертвою снѣдавшаго его недуга.

Важнѣйшими событіями послѣдняго столѣтія въ томъ же объединительномъ направленіи слѣдуетъ за послѣднее десятилѣтіе отмѣтить, прежде всего, привлеченіе Гамбурга въ составъ таможеннаго союза, 21 января 1882 г., утвержденное рейхстагомъ; затѣмъ перемѣну правленія въ Брауншвейгѣ, гдѣ (18-го октября 1884 г.) умеръ бездѣтный герцогъ Вильгельмъ, и такъ какъ Вельфъ, ближайшій по своимъ правамъ на Брауншвейгскій престолъ, не могъ наслѣдовать покойному герцогу *), то и учреждено регентство и въ регенты избранъ прусскій принцъ Альбрехтъ (21 октября 1885 г.); печальный исходъ болѣзни психически-разстроеннаго короля Лудвига Баварскаго (13-го іюня 1886 года) вызвалъ также необходимость регентства, при чемъ, однакоже, назначенный регентомъ принцъ Люитпольдъ нимало не измѣнилъ ни системы внутренняго управленія, ни отношеній этого важнаго союзнаго государства къ Имперіи. Нѣкоторое улучшеніе въ управленіи присоединенными къ Имперіи Рейнскими провинціями произошло съ 1885 г., когда скончался поставленный въ намѣстники (съ октября 1879 г.) Эдвинъ-фонъ-Мантейфель и былъ замѣщенъ княземъ фонъ-Гогенлоэ, болѣе проницательнымъ и способнымъ въ значительной степени улучшить неправильно-поставленную систему управленія новоприобрѣтенными провинціями Имперіи.

Сознаніе единства, присущее тому или другому племени, почерпаетъ свою крѣпость изъ многоразличныхъ источниковъ: изъ пользованія совмѣстными владѣніями, изъ участія въ общихъ опасностяхъ, изъ подчиненія общему законодательству и изъ многаго иного. Въ этомъ смыслѣ три явленія въ особенности обращаютъ на себя вниманіе за послѣднее десятилѣтіе: перемѣны и новыя стремленія въ области торговой и таможенной политики, распространеніе соціалъ-демократіи и противупоставленное ей законоположеніе, и затѣмъ: церковныя распри. Все это именно такія явленія, которыя представляютъ собою обще-германскіе интересы, хотя они отчасти (въ особенности религіозныя распри) происходили и не повсемѣстно, а ограничивались отдѣльными государствами: Пруссіей, Гессеномъ, Баденомъ. *Поворотъ* съ пути свободной торговли къ *покровительственнымъ пошлинамъ*, вступленіемъ къ которому послужило письменное обращеніе государственнаго канцлера къ тарифной комиссіи союзнаго совѣта (отъ



Альбертъ, король Саксонскій.
По фотографіи.

*) Такимъ ближайшимъ Вельфомъ былъ Георгій V, с. герцога Кумберлендскаго; онъ не рѣшился отказаться отъ своихъ правъ на престолъ Ганноверскій и призналъ законность новаго порядка вещей,—и потому не былъ допущенъ на престолъ Брауншвейга.

13-го декабря 1879 года), не можетъ здѣсь привлечь наше вниманіе своими техническими сторонами и значеніемъ. Политическая идея, которую при этомъ Бисмаркъ проводилъ, заключалась въ слѣдующемъ: онъ хотѣлъ при посредствѣ доставляемой пошлинами прибыли поставить имперію въ такое положеніе, чтобы она не только не нуждалась въ матрикулярныхъ доплатахъ со стороны отдѣльныхъ государствъ, а напротивъ того — имъ же самимъ доставить этимъ путемъ извѣстнаго рода прибыль и оказать существенную услугу. Само собою разумѣется, что эту плодотворную мысль не легко было провести и по поводу ея Бисмарку привелось выдержать весьма тягостную парламентскую борьбу. Другая подобная же мѣра, не менѣе важная и смѣлая по замыслу, а именно: пріобрѣтеніе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность имперіи, не могла быть проведена вполнѣ и до конца: однакоже осуществилась въ пріобрѣтеніи государствомъ всѣхъ прусскихъ дорогъ въ собственность казны. Важнѣйшею же, хотя ни новою, ни существенно-германскою задачею новѣйшаго времени явилось «*соціалистическое движеніе*»—исконная задача задолженной и незадолженной бѣдноты. Нельзя не признать того, что основаніе въ Средней Европѣ Германской имперіи, съ одной стороны, и самостоятельнаго Итальянскаго государства, съ другой стороны, должно было произвести въ общемъ строѣ Европы весьма сильный переворотъ; а что въ средѣ силъ, содѣйствовавшихъ этому перевороту,—созданіе государствъ съ народнымъ представительствомъ, на основѣ общаго права подачи голосовъ—должны были (и не изъ послѣднихъ) дѣйствовать и весьма радикальныя, это само собою понятно. Два покушенія на жизнь Германскаго императора, произведенныя въ Берлинѣ, 11-го мая и 2-го іюня 1878 года, одно за другимъ, пробудили во всѣхъ сознаніе угрожающей опасности и обязанности противъ нея защититься. Въ этихъ видахъ былъ изданъ и нѣсколько лѣтъ сряду на одинъ годъ продолженъ въ своемъ примѣненіи (послѣдній разъ въ 1886 году) исключительный законъ, имѣвшій цѣлью обузданіе партіи, которая присвоила себѣ право—вести все общество къ ниспроверженію



Люитпольдъ, принцъ-регентъ Баварскій.
По фотографіи.



Фридрихъ-Вильгельмъ, кронпринцъ Германской имперіи и Пруссіи.
По фотографіи конца 70-хъ годовъ.



Вильгельмъ II, императоръ Германскій, король Прусскій.

По оригинальному снимку королевскаго придворнаго фотографа Шаарвехтера въ Берлинѣ.

существующаго правоваго порядка, совершенно спокойно употребляя въ дѣло средства, этимъ правовымъ порядкомъ допускаемыя: — выборы, собранія, печать и публичныя рѣчи,—и при этомъ дерзала безповоротно опредѣлять, когда именно надлежало пускать въ ходъ насильственныя мѣры (въ родѣ динамитныхъ взрывовъ) или пріостанавливать работы, насильственно препятствуя работать тѣмъ, кто не желалъ участвовать въ стачкѣ. Это была по истинѣ спасительная идея — бороться противъ этого врага свободы не только грубою силою и суровыми мѣрами, а напротивъ того — мѣрами цѣлительными, которыя должны были удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ партіи. 17-го ноября 1881 г., императоръ Вильгельмъ, своимъ обращеніемъ къ рейхстагу положилъ начало весьма важному соціальному законодательству, которое прежде всего создало законъ о кассахъ для вспомоществованія больнымъ рабочимъ и законъ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ; и правительство неослабно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы это законодательство продолжало создавать и проводить въ жизнь подобные же, важные для общей пользы законы.

Другимъ немаловажнымъ явленіемъ, волновавшимъ умы за послѣднее десятилѣтіе (впрочемъ, не въ одной только Германіи) была та усобица, которая въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ — Пруссіи, Баденѣ, Гессенѣ—происходила между государственною властью и римско-католическою Церковью, по поводу ея усиленныхъ притязаній. Эта борьба со стороны руководителей и представителей римско-католической Церкви, велась гораздо настойчивѣе, ловчѣе и тверже, нежели со стороны правительства: въ 1886 году, наконецъ, въ Пруссіи, былъ проведенъ такого рода законопроэктъ, который вынудилъ папу поуспокоиться, и у той политической партіи, которая пользуется религіей только какъ маской, для прикрытія своихъ политическихъ цѣлей, отнялъ всѣ поводы къ продолженію борьбы.

Австро-Венгрія.

Несмотря на все вышеупомянутое, можно однакоже сказать, что противуположныя теченія въ Германіи нигдѣ въ такой степени рѣзко не проявляются, чтобы препятствовать развитію идеи національнаго единства, въ одинаковой степени присущей всѣмъ партіямъ, кромѣ соціалистической. Это всего лучше доказывается тѣмъ, какъ спокойно и ровно, безъ всякаго настроенія, пережитъ былъ юною имперіею тяжкій кризисъ кончины двухъ императоровъ — отца и сына — въ одинъ и тотъ же годъ (9-го марта и 15-го іюня 1888 г.). Что же касается тѣхъ противуположеній, отъ которыхъ послѣ событій 1843, 1863 и 1866 гг. можно было бы ожидать болѣе всего и помѣхъ и препреканій, т. е. противуположеній имперіи по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ, единенію и разрозненности, то оно, конечно, не утратило своего значенія, но значенія полезнаго: это противуположеніе поддерживаетъ постоянное соревнованіе между всѣми и между всѣми-же распредѣляетъ общую отвѣтственность. Въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе удачно сложились тѣ же бытовыя условія въ *Австро-Венгріи*. Главное основаніе новѣйшаго государственнаго строя, дуализмъ Австро-Венгерскій, не только существуетъ въ полной силѣ, но весьма недавно былъ даже еще и вновь подтвержденъ.

Связующимъ звеномъ между двумя половинами государства являются делегаціи и общіе министры, но болѣе всего общее войско, на которое не жалѣютъ ни затратъ, ни заботъ, въ виду опасностей, которыя постоянно мерещатся двойственной имперіи на Востокѣ; но въ остальномъ обѣ половины имперіи разрѣшаютъ свои, въ сущности, однородныя задачи, съ неодинаковой удачей и по одинаковой системѣ. Венгріей руководитъ талантливый и энергическій государственный дѣятель Тисса, и Венгерцы стараются настойчиво отстоять свое государство и свое преобладающее національное значеніе противъ другихъ, болѣе мелкихъ народностей — напр., южныхъ Славянъ въ Краоціи, Нѣмцевъ въ Трансильваніи и т. д. Отдѣльныя движенія или даже взрывы недовольства (напр., въ Аграмѣ, въ 1883 г.) прорываются изрѣдка, но не имѣютъ особаго значенія. Даже и католическое духовенство здѣсь вынуждено подчиниться идеѣ единства и является мадьярскимъ по преимуществу. Въ Цислейталіи же централистическая идея, австрійскій элементъ и его носители, нѣмцы, въ послѣднее десятилѣтіе все болѣе и болѣе теряютъ почву. Министерство графа Таафе — министромъ-президентомъ онъ съ августа 1879 г. — носитъ на себѣ исключительно федералистическій характеръ и съумѣло даже навязать его палатѣ господъ въ рейхсратѣ (на сторонѣ партіи единенія тамъ было большинство) назначеніемъ въ нее новыхъ девяти перовъ. Въ палатѣ депутатовъ большинство было на сторонѣ федералистовъ, съ тѣхъ поръ какъ въ 1879 г. чешскіе депутаты отъ Богеміи вступили въ рейхсратъ. Такое признаніе австрійской конституціи упорнѣйшими ея противниками было, въ сущности, скорѣе ущербомъ, нежели прибылью для австрійской государственной идеи. Въ тронной рѣчи было сказано о нихъ, что «они сдѣлали этотъ шагъ, не измѣнивъ своимъ правовымъ убѣжденіямъ»,—и это дало имъ возможность, въ союзѣ со всякими центробѣжными силами, съ Поляками, Словаками и другими, не-нѣмецкими элементами*), вымогать у правительства одну уступку за другою. Только



Папа Левъ XIII.
По фотографіи А. Брауна и К°. въ Дорнахѣ

*) Къ нимъ слѣдуетъ причислить и Тирольцевъ, и почти всѣ клерикальные элементы, по отношенію къ наиболѣе существеннымъ, жизненнымъ для Австріи вопросамъ.

что въ 1882 г. Пражскій университетъ былъ расчлененъ на-двое — на чешскій и на нѣмецкій университеты, въ маѣ 1883 г. сокращена продолжительность обязательнаго школьнаго обученія; въ 1884 г., при помощи министровъ, отвергнуто исходившее отъ нѣмцевъ предложеніе— опредѣлить извѣстнаго рода законоположеніями употребленіе мѣстныхъ языковъ, удерживая однакоже всюду нѣмецкій языкъ, въ качествѣ языка государственнаго. Вообще говоря, нѣмецкое вліяніе всюду въ Цислейтаніи отступаетъ на задній планъ и пессимизмъ среди нѣмецкаго населенія высказывается довольно ясно. Даже и объединительная сила католическаго вѣроисповѣданія, въ теченіе столь долгаго времени служившая связующимъ средствомъ для этой имперіи, теперь какъ бы ослабла, такъ какъ католическое духовенство только среди славянскаго населенія вступало въ тѣсный союзъ съ національнымъ принципомъ, а съ нѣмецкими элементами живетъ въ постоянныхъ неладахъ и какъ бы не желаетъ его признавать, и постоянно, на всѣхъ собраніяхъ, подаетъ голосъ съ автономистами, т. е. не съ нѣмцами. Трудно предрѣшить, гдѣ именно и на чемъ остановится это стремленіе къ разложенію, это постоянное отклоненіе всѣхъ мѣръ къ болѣе тѣсному внутреннему сближенію различныхъ народностей, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи; едва ли можетъ быть полезно это разъединеніе въ смыслѣ культурномъ, такъ какъ оно постепенно начинаетъ угрожать и главнымъ опорамъ государства—его военному быту и его путямъ сообщенія. Временно, союзъ съ Германіей и Италіей, а также и преобладающее значеніе венгерской половины имперіи, доставляютъ нѣкоторую опору идеѣ единства имперіи. Этотъ союзъ, несомнѣнно, направленъ, главнымъ образомъ, противъ Россіи, между тѣмъ какъ всѣ славянскіе элементы, за исключеніемъ Поляковъ, либо открыто, либо тайно питаютъ сочувствіе къ Россіи.

Италія съ 1878 г.

Въ Италіи замѣчается какъ разъ противуположное стремленіе — сильное сплочиваніе націи въ одно тѣло. Національной монархіи здѣсь приходится бороться только съ безумными приверженцами республиканства и радикализма, а никакъ не съ сторонниками того порядка вещей, который былъ устраненъ въ 1860 и 1870 гг. Въ началѣ 1878 г. умеръ Викторъ Эммануилъ; мѣсяцъ спустя скончался и Пій IX. Между преемниками ихъ, королемъ Гумбертомъ и Львомъ XIII, отношенія не измѣнились: папа не отступается отъ своего права, которое для него обратилось уже въ догматъ отъ требованія возвращенія ему Церковной области— и постоянно настаиваетъ на этомъ правѣ въ заграничныхъ миссіяхъ; итальянское правительство и итальянская нація, въ свою очередь, отрицаютъ всякое существованіе, въ данное время, какого бы то ни было римскаго вопроса; и само собою разумѣется, что они совершенно правы, такъ какъ никогда никакое правительство не вступится въ разбирательство этого вопроса. Притомъ же, новый строй итальянскаго государства не вызываетъ противъ себя никакихъ существенно-важныхъ укоровъ: перемѣна министровъ, распущеніе палатъ и возобновленіе ихъ состава — все это совершается въ самой спокойной, совершенно конституціонной формѣ; на мѣсто дѣятелей, упраздненныхъ смертью, Гарибальди, Депретиса, Мингетти и т. д выступаютъ люди, руководимые въ своей дѣятельно-

сти тою же идеей національнаго единства. Даже весьма печальные финансы Италіи, хотя и временно, удалось поправить настолько, что 1-го марта 1883 года дефицитъ исчезъ въ государственной росписи и принудительный курсъ бумажныхъ денегъ сравнялся (на время) съ курсомъ металлической валюты. Въ своей внѣшней политикѣ юное государство выказываетъ себя миролюбивымъ, хоть и существуетъ въ немъ небольшая партія, которая мечтаетъ о возвращеніи Тріеста съ его областью; объ утратѣ Савойи и Ниццы Итальянцы не горюютъ, потому что, все-же, питаютъ нѣкоторое сочувствіе къ Франціи, способствовавшей освобожденію Италіи, хотя въ послѣднее время и наступило нѣкоторое охлажденіе между Французскимъ и Итальянскимъ кабинетомъ, по поводу занятія Французами Туниса. Въ 1885 году и Италія также заняла въ Африкѣ пунктъ для колонизаціи — *Массову* (на восточномъ берегу Краснаго моря). Въ смыслѣ обще-европейской политики, въ правительствѣ итальянскомъ высказывается тяготѣніе къ Германіи, чѣмъ и объясняется участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ.



Гумбертъ, король Итальянскій.
По фотографіи.

Франція. Исторія Франціи, въ смыслѣ правительственномъ и обще-государственномъ, за послѣднее десятилѣтіе, представляетъ мало утѣшительнаго. Республика, правда, крѣпнетъ постепенно все болѣе и болѣе; все менѣе и менѣе становятся возможными неожиданные перевороты въ пользу какой-либо иной формы правленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывается большая бѣдность въ дѣятеляхъ государственныхъ, и чрезвычайная шаткость въ правительствѣ, которое мѣняется довольно часто и вынуждено постоянно лавировать между сильно-развитыми политическими партіями всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Съ 1879 г. республиканцы и въ Сенатѣ имѣли за себя большинство, и 30 января этого года маршалу Мак-Магону пришлось сложить съ себя полномочія президента республики. На мѣсто его былъ избранъ пламенный республиканецъ, *Жюль Греви*, человѣкъ далеко не выдающихся способностей, но обладавшій завиднымъ умѣньемъ ладить со всѣми партіями. 28 декабря 1885 г. онъ даже былъ перезбранъ на слѣдующее семилѣтіе, но уже два года спустя долженъ былъ покинуть свой высокій постъ, вслѣдствіе вскрывшихся весьма крупныхъ злоупотребленій, по различнымъ отраслямъ управленія, въ которыхъ обвиняли его зятя. На мѣсто Греви избранъ былъ человѣкъ весьма талантливый и высоко-нравственный — *Карно*, потомокъ славнаго дѣятеля вре-

менъ первой революціи. Сильно развитая борьба партій, доставляющая очень много хлопотъ и заботъ президенту и побуждающая его къ частымъ перемѣнамъ въ составѣ кабинета, служитъ, конечно, не малымъ препятствіемъ къ прогрессивному развитію высоко-талантливой націи, которое однакоже не останавливается и идетъ впередъ, тщательно залѣчивая язвы прошлаго и не жалѣя ни затратъ, ни усилій на возстановленіе временно поколебленнаго своего политическаго положенія въ Европѣ. Въ концѣ истекшаго десятилѣтія, Франція, выдержавшая внутри весьма упорную борьбу съ клерикальными началами и весьма тяжкіе кризисы финансовъ, явилась вновь державою, могучею внутри и готовою извнѣ ко всѣмъ случайностямъ внѣшней политики, которыя бы могли касаться чести націи.

Испанія.

Со всемірно-исторической точки зрѣнія, Испанія такъ мало принимала въ послѣднее время участія въ политической жизни и событіяхъ историческихъ, что о ней можно удовольствоваться упоминаніемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Политическая жизнь внутри ея, за послѣднія 18 лѣтъ протекла довольно мирно, безъ особенно-важныхъ возстаній или обычныхъ въ Испаніи военныхъ бунтовъ. 25 ноября 1885 г. страна понесла тяжкую утрату въ лицѣ молодого еще короля Альфонса XII, и новый наслѣдникъ престола родился уже послѣ его смерти; однакоже, страна благополучно пережила этотъ кризисъ междуцарствія подъ регентствомъ королевы Христины, австрійской эрцгерцогини, бывшей въ замужествѣ за Альфонсомъ съ ноября 1879 г.

Англія.

Послѣ того, какъ лордъ Биконсфильдъ вернулся съ Берлинскаго конгресса, на которомъ онъ такъ ловко съумѣлъ отстоять выгоды Англіи, можно было предположить, что консервативное министерство довольно долго удержится во власти. Однакоже, послѣдовавшее въ апрѣлѣ 1880 г. распущеніе Парламента и новые выборы дали вигамъ значительное большинство, и во главѣ правленія вновь оказался Гладстонъ. На передній планъ былъ вновь выдвинутъ неразрѣшимый ирландскій вопросъ; политическая работа сосредоточилась въ ближайшіе годы на выработкѣ самоуправленія Ирландіи въ ея внутреннихъ дѣлахъ (Home-rule). Партія *гомрулеровъ*, предводимая англичаниномъ-протестантомъ Парнеллемъ, въ составѣ своемъ насчитывала не менѣе 63 членовъ въ новой Нижней Палатѣ. Въ 1881 г. былъ принятъ очень либеральный билль, предназначенный къ удовлетворенію давнихъ и справедливыхъ жалобъ Ирландцевъ—билль, вполнѣ обезпечивавшій арендаторовъ отъ произвола землевладѣльцевъ; однакоже, онъ не много принесъ пользы. Ирландская земельная лига имъ не удовлетворилась, и когда, послѣ установленія надлежащаго соглашенія между Гладстономъ и Парнеллемъ, можно было уже надѣяться на нѣкоторое умиротвореніе долгой внутренней распри, — новоназначенный министръ и его младшій секретарь были среди бѣла-дня убиты въ Дублинѣ, въ паркѣ (въ 1882 г.). Это событіе, однакоже, не остановило Гладстона въ проведеніи его дальнѣйшихъ плановъ и мѣръ къ умиротворенію Ирландіи: въ 1885 г. ему удалось провести реформу въ избирательномъ законѣ, но въ іюнѣ того же года онъ палъ изъ-за несогласія, возникшаго по поводу одного изъ вопросовъ бюджета; однакоже, въ январѣ 1886 г. онъ уже снова замѣстилъ Салисбюри у кормила

правленія, и снова выступилъ съ новымъ и весьма положительнымъ проэктомъ законоположеній для Ирландіи. Онъ предлагалъ учредить особый Ирландскій парламентъ, особое Ирландское министерство, особую Ирландскую полицію: въ то же время—настаивая на необходимости участія Ирландскихъ сочленовъ въ англійскомъ парламентѣ. Оставшись въ меньшинствѣ, при проведеніи этого смѣлаго плана, онъ распустилъ парламентъ, въ іюнѣ 1886 г. Однакоже, часть либераловъ, не желавшая подвергать государственное единство такому радикальному эксперименту, отдѣлилась отъ Гладстона, и результатъ выборовъ въ іюнѣ былъ слѣдующій: 317 консервативныхъ и 76 либеральныхъ уніонистовъ, 191 — приверженцевъ Гладстона и 86—ирландской партіи: такимъ образомъ, 20-го іюня правленіе вновь перешло въ руки Салисбюри. Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ подобные перевороты и событія парламентской дѣятельности въ Англіи, гораздо менѣе, чѣмъ когда-либо прежде, возбуждали къ себѣ интересъ въ Европѣ; точно такъ и интересъ къ событіямъ въ Европѣ значительно ослабѣлъ за послѣдніе годы въ Англіи. Поставленная по отношенію къ государствамъ европейскимъ въ исключительно счастливое положеніе, Англія можетъ не тратить, подобно имъ, милліоновъ на свое вооруженіе и ея армія остается въ прежнемъ весьма ограниченномъ составѣ и довольно небрежномъ состояніи. За то и правительство, и общественное мнѣніе Англіи, попрежнему, ревниво слѣдятъ за своимъ преобладаніемъ на моряхъ и за сохраненіемъ первенствующаго положенія по отношенію къ громаднымъ своимъ колоніальнымъ владѣніямъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, и зиждется неисчерпаемое богатство англійской торговли и ея міровое значеніе.

Меньшія государства.

О менѣе значительныхъ государствахъ или о тѣхъ, которыя, подобно Швеціи и Норвегіи, лежатъ внѣ круга государствъ Средней Европы, намъ не придется сообщить ничего важнаго или имѣющаго существенный всемірно-историческій интересъ. Болѣе другихъ, однакоже, обращаетъ на себя вниманіе *Бельгія*, которая именно въ теченіе этого послѣдняго десятилѣтія служила ареной ожесточенной борьбы между либералами и клерикалами. Въ 1879 г. можно было предполагать, что либералы одержали окончательную побѣду и надолго останутся во главѣ правленія: имъ даже удалось провести такой школьный законъ, который, если бы удержался на болѣе продолжительное время, то въ значительной степени способствовалъ бы подрыву вліянія духовенства. Поэтому именно имъ и была вызвана сильнѣйшая агитація, которая нашла себѣ твердую опору и поддержку въ Римѣ. И вотъ, на выборахъ 1884 г., въ іюнѣ, обозначилось рѣшительное преобладаніе клерикальнаго элемента: во главѣ правленія явилось клерикальное министерство, которое поспѣшило отмѣнить ненавистный школьный законъ и замѣнить его новымъ, составленнымъ въ клерикальномъ духѣ.

Россія.

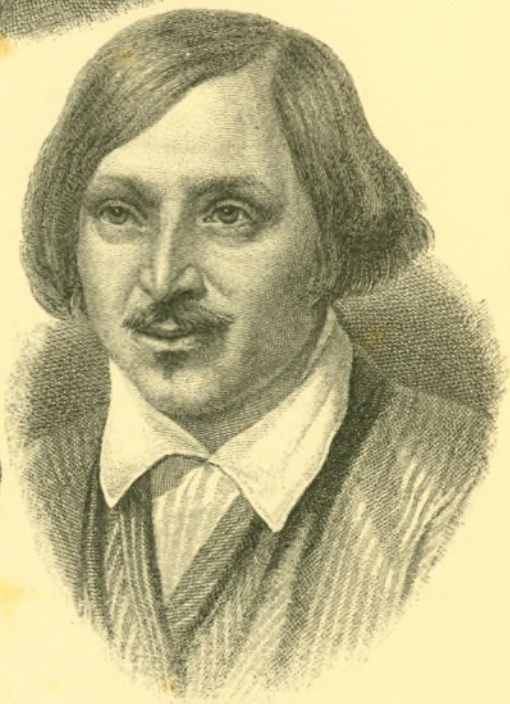
Берлинскій конгрессъ, не оправдавшій надеждъ Россіи, не удовлетворившій ея справедливыхъ желаній и требованій, поселилъ надолго холодность и натянутость въ отношеніяхъ между Россіею и Германіею, и Россіею и Австріей, а впослѣдствіи и ко всѣмъ державамъ европейскимъ, вошедшимъ въ составъ «тройственнаго союза». Императоръ Александръ II



А. С. Пушкинъ.



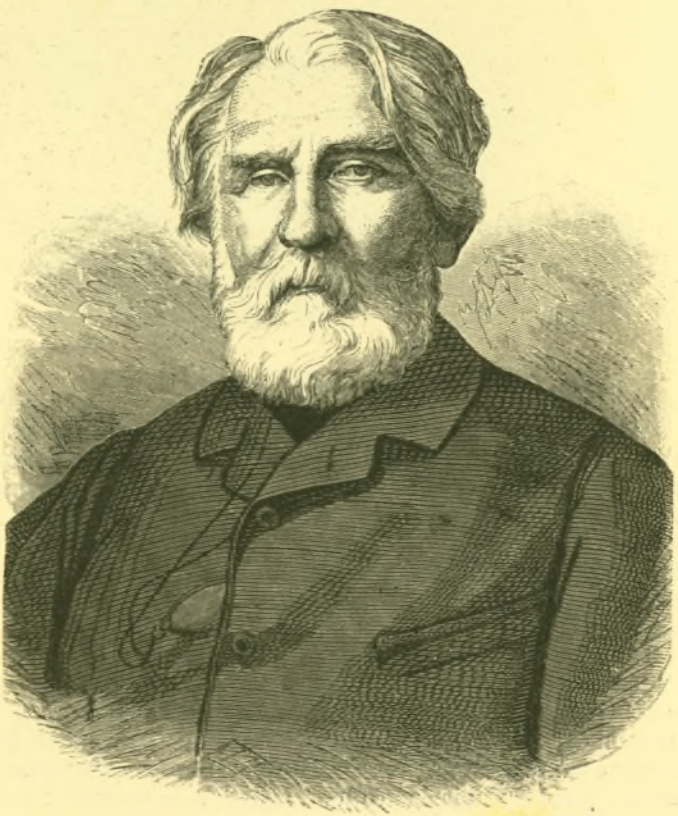
М. Ю. Лермонтовъ.



Н. В. Гоголь.

вновь сосредоточился исключительно на заботахъ о внутреннихъ потребностяхъ Россіи, для которой уже столь многое было имъ сдѣлано. Кромѣ того, что уже было нами прежде упомянуто, отмѣтимъ теперь еще его заботы о распространеніи просвѣщенія и о развитіи торговли и промышленности, которыя такъ много способствовали быстрому возрастанію могущества Россіи. Заботы о просвѣщеніи выразились учрежденіемъ двухъ новыхъ *университетовъ:* «*Новороссійскаго*» (въ Одессѣ) и *Варшавскаго*, и двухъ *филологическихъ* институтовъ—въ С.-Петербургѣ и въ Нѣжинѣ. Одновременно было обращено вниманіе на необходимость улучшить женское образованіе, для чего и были открыты по всей имперіи *женскія гимназіи* и *прогимназіи*. А такъ какъ и потребности народнаго образованія продолжали все возрастать и расширяться, то для приготовленія учителей въ городскія училища и народныя школы учреждены были особыя *учительскія семинаріи* и *учительскіе институты*.

Важныя реформы императора Александра II и вся его гуманная и просвѣтительная дѣятельность, а равно и тѣ облегченія цензурныя, которыя были имъ допущены, не могли не отозваться весьма сильнымъ литературнымъ движеніемъ, которое выразилось въ большомъ оживленіи литературы и журналистики, а также и въ цѣломъ рядѣ дѣятелей на поприщѣ литературы и науки, которые значительно способствовали распространенію въ Европѣ уваженія къ Россіи и любознательнаго желанія изучать ея языкъ и внутреннюю жизнь.



И. С. Тургеневъ.



Ѳ. М. Достоевскій.

Не имѣя возможности подробно вдаваться въ обзоръ этой эпохи, не менѣе богатой литературными талантами, чѣмъ предшествовавшее ей царствованіе Николая I, прославленное громкими именами такихъ поэтовъ, какъ *Пушкинъ* и *Лермонтовъ*, и такого писателя-юмориста, какъ *Гоголь*, мы имѣемъ возможность упомянуть здѣсь только имена такихъ писателей, какъ *Тургеневъ* и *Достоевскій*, извѣстныя въ настоящее время всей Европѣ, такъ какъ ихъ сочиненія давно уже переведены на всѣ европейскіе языки.

Не менѣе важное вліяніе оказали реформы императора Александра II и на подъемъ внутренней торговли и промышленности Россіи, которому много способствовало повсемѣстное проложеніе новыхъ и болѣе удобныхъ внутреннихъ путей сообщенія. По волѣ Александра II Россія покрылась во всѣхъ направленіяхъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя соединили важнѣйшіе города Имперіи со столицами и морскими портами и сблизили отдаленнѣйшіе углы Россіи съ важнѣйшими торговыми центрами Европы. Чтобы понять, какъ много было сдѣлано въ этомъ отношеніи въ царство-

ваніе императора Александра II, слѣдуетъ упомянуть, что, до его вступленія на престолъ, въ Россіи было не болѣе 650 верстъ желѣзныхъ дорогъ; а въ одно его царствованіе построено болѣе 20,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Особенно много пользы Россіи принесъ, въ этомъ отношеніи, генералъ-адъютантъ Чевкинъ, въ бытность свою министромъ путей сообщенія. Одновременно съ быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ, улучшились и способы сообщенія по обширнымъ воднымъ путямъ Россіи: на Волгѣ, Камѣ и Каспійскомъ морѣ завелись и стали дѣйствовать сильныя и богатыя пароходныя общества; на Черномъ морѣ, при помощи правительства, образовалось «Русское Общество Пароходства и Торговли», которое открыло постоянныя сообщенія между черноморскими портами и отдаленнѣйшими портами Европы и Азіи; позднѣе, съ тою же цѣлью, учрежденъ былъ такъ-называемый «Добровольный флотъ».



Генералъ-адъютантъ К. В. Чевкинъ.

Однакоже, всѣ заботы императора Александра II о Россіи и все, что онъ для нея сдѣлалъ, не избавило этого государя отъ вражды и тайныхъ козней тѣхъ, которые были недовольны его дѣятельностью и стремились произвести въ Россіи государственный переворотъ. Эти недовольные, еще въ половинѣ 60-хъ годовъ, сплотились въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ тайныя общества, которыя вошли въ сношенія съ заграничными кружками революціонеровъ и анархистовъ. Начиная съ 1866 г. на жизнь императора Александра II произведено было нѣсколько послѣдовательныхъ покушеній, и одно изъ нихъ (1-го марта 1881 года) имѣло гибельныя послѣдствія. Императоръ былъ смертельно раненъ разрывнымъ снарядомъ, брошеннымъ на его пути злодѣями, и скончался въ тотъ же день, оплакиваемый всею Россіею.

Среди общаго горя и ужаса, вызваннаго этимъ роковымъ событіемъ, на престолъ вступилъ Императоръ *Александръ III Александровичъ*, второй сынъ Александра II *).

*) Старшій сынъ, Цесаревичъ Николай, умеръ въ ранней юности.

Нашъ разсказъ долженъ былъ бы, собственно говоря, окончиться вступленіемъ на престолъ императора Александра III, такъ какъ послѣднія 14 лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, хотя и принадлежатъ уже исторіи, хотя и отошли уже въ прошлое, однакоже еще не отдалились отъ насъ настолько, чтобы мы могли отнестись къ нимъ съ тѣмъ спокойствіемъ и справедливостью, которыхъ требуетъ отъ автора историческая критика. Но скорбныя событія минувшаго октября мѣсяца, когда не только вся Россія, но и вся Европа, до отдаленнѣйшихъ концовъ ея, горько оплакивали безвременно почившаго Императора Александра III,— налагаютъ на насъ тяжелую обязанность закончить послѣдній томъ издаваемой нами «Всеобщей Исторіи» хотя бы краткимъ очеркомъ только что завершившагося царствованія, продолжавшагося недолго, но оставившаго по себѣ глубокій и знаменательный слѣдъ въ исторіи Европы.



Александръ III, Императоръ Всероссійскій.
(При вступленіи на престолъ).

Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ не въ первой юности: онъ уже давно былъ отцомъ семейства, когда неожиданная кончина его отца, Императора Александра II, призвала его къ кормилу правленія. Уже опытный въ дѣлахъ, такъ какъ и въ бытность свою Наслѣдникомъ Престола онъ принималъ, по волѣ своего родителя, дѣятельное участіе во многихъ дѣлахъ государственныхъ, Императоръ Александръ, въ тѣхъ тягостныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ, съ которыхъ началось его царствованіе, выказалъ много твердости, спокойствія и самообладанія. Вполнѣ ясно и сознательно понимая значеніе предшествующаго царствованія — этого вѣка великихъ начинаній и коренныхъ

реформъ — Императоръ Александръ III, по отношенію къ внутреннему управленію своимъ обширнымъ государствомъ, принялъ на себя тяжелый трудъ постепеннаго и настойчиваго упроченія и завершенія тѣхъ преобразованій, которыя были внесены въ народную жизнь покойнымъ Императоромъ, но не вполнѣ еще ею усвоены. Глубоко-религіозный и строгій въ исполненіи своихъ обязанностей, Императоръ Александръ III обратилъ особенное вниманіе на положеніе Церкви и ея отношеніе къ народному образованію, которому вполнѣ справедливо пожелалъ дать основу религіозную, что и выразилось въ учрежденіи *церковно-приходскихъ школъ*. Заботясь о нуждахъ народа и доставленіи ему средствъ къ образованію, Государь пожелалъ внести болѣе порядка въ волостные суды и болѣе благоустройства въ гражданскій и семейный бытъ народа, — чѣмъ и было вызвано учрежденіе новой власти, близко поставленной къ народу, а именно *земскихъ начальниковъ*, въ рукахъ которыхъ власть административная являлась тѣсно связанною съ властью судебною и обязанностью постояннаго наблюденія за внутреннею жизнью крестьянской общины. Въ то же время, въ видахъ поддержанія сословнаго и экономическаго положенія дворянъ, сильно поколебленнаго благодѣтельною необходимостью крестьянской реформы предшествующаго царствованія, Императоръ Александръ III постарался доставить дворянамъ всевозможныя матеріальныя облегченія и льготы путемъ учрежденія *дворянскаго земельнаго* банка, предназначеннаго способствовать поддержанію дворянскаго землевладѣнія и улучшенію дворянскихъ хозяйствъ путемъ доставленія имъ дешеваго кредита. Исходя изъ этихъ частныхъ вопросовъ народной жизни къ вопросамъ общегосударственной важности, Императоръ Александръ III обратилъ самое серьезное вниманіе на улучшеніе положенія русскихъ финансовъ, сильно поколебленныхъ въ особенности послѣднею войною Россіи съ Турціею, и, въ связи съ вопросомъ о финансахъ, цѣлымъ рядомъ мѣропріятій, способствовалъ возвышенію русской промышленности и торговли, и подъ конецъ царствованія учредилъ даже особое «министерство земледѣлія», призванное заботиться объ улучшеніи главныхъ основъ народнаго хозяйства. Признавая важность путей, какъ рельсовыхъ, такъ и водяныхъ, для облегченія и развитія внѣшней и внутренней торговли Россіи, императоръ Александръ III озаботился о постройкѣ весьма многихъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., Средне-Азіатская и Сибирская желѣзныя дороги, должны имѣть значеніе не только для Россіи, но и для общаго мірового движенія торговли.

Еще до вступленія на престолъ, государь, командуя отдѣльною частью русской арміи во время послѣдней войны съ Турціей, успѣлъ близко ознакомиться на дѣлѣ со всѣми тревогами и ужасами такого бѣдствія, какъ война. Это обстоятельство въ значительной степени повліяло и на все царствованіе Императора Александра, по вступленіи его на престолъ. Прекрасно понимая то правило (si vis pacem, para bellum), которымъ въ послѣднее 20-ти-лѣтіе усиленныхъ вооруженій злоупотребляли нѣкоторыя европейскія державы, и въ то же время высоко цѣня достоинство Россіи, Императоръ приложилъ самыя энергическія заботы къ усиленію военнаго положенія Россіи; съ одной стороны, онъ прикрылъ западную границу нашу



Дворецъ въ Гатчинѣ, любимой резиденціи Александра III.

цѣлымъ рядомъ новыхъ крѣпостей и построилъ тамъ же нѣсколько стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, съ другой—сблизилъ всѣ мѣста стоянки русской арміи съ тою же западной границей, со стороны которой всегда могла угрожать Россіи наибольшая опасность. Въ выполненіи этого грандіознаго военнаго плана, который дѣлалъ Россію почти неуязвимою извнѣ, въ значительной степени способствовалъ императору избранный имъ въ военные министры генералъ-адъютантъ *П. С. Ванновскій*. Одновременно съ заботами объ усиленіи военнаго положенія Россіи на сушѣ, Императоръ Александръ III не переставалъ въ теченіе всего своего царствованія заботиться и объ увеличеніи русскаго флота, не жалѣя никакихъ средствъ на постройку новыхъ судовъ, и, съ одной стороны, почти удвоилъ силы Балтійскаго флота, съ другой — способствовалъ возрожденію грозной морской силы на Черномъ морѣ.

Укрѣпляя границы Россійскаго государства, Александръ III не забывалъ и о томъ мудромъ правилѣ національной политики, которое постоянно видитъ лучшій оплотъ всякаго государства въ тѣсной связи всѣхъ его гражданъ съ мощною государственною властью. Въ этихъ видахъ, въ царствованіе Императора Александра III, былъ предпринятъ цѣлый рядъ весьма разумныхъ мѣръ къ обрусенію польскихъ, нѣмецкихъ и финскихъ окраинъ Россіи, при чемъ, безъ всякаго насилія, придано было подобающее значеніе русскому государственному языку, государственнымъ законамъ и русскому народному элементу, какъ преобладающему и господствующему въ государствѣ.

Такъ твердо и прочно сплотивъ и собравъ во-едино всѣ силы и средства мощной Россіи, Императоръ Александръ III, подобно всѣмъ государ-



Александръ III, императоръ Всероссійскій.
(Въ послѣдній годъ жизни).



Императрица Марія Ѳеодоровна, Супруга Александра III,
императора Всероссійскаго.

рямъ сознающимъ свою силу — никогда, нигдѣ и никому не угрожалъ ею и ни разу ею не воспользовался въ ущербъ чьихъ-бы то ни было интересовъ, не удостоивая даже и вниманіемъ своимъ разныя задорныя выходки европейской политики, и ни съ кѣмъ изъ европейскихъ государей не вступилъ ни въ какой союзъ. Держась политики невмѣшательства въ европейскія дѣла и постоянно имѣя въ виду только интересы и достоинство Россіи, Александръ III велъ свою политику открыто, не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ, держась въ отношеніи къ другимъ державамъ безукоризненной прямоты и неуклонной справедливости. Спокойно отвернувшись отъ Болгаріи, поддавшейся вліянію Австріи и позабывшей о своемъ долгѣ признательности по отношенію къ Россіи, Императоръ Александръ III, въ самый разгаръ торжествъ, сопровождавшихъ возобновленіе тройственнаго союза, протянулъ руку Франціи, и тѣмъ самымъ выказалъ передъ всей Европой, что онъ не допуститъ никакой европейской войны, не дозволитъ



Генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, военный министръ.
По фотографіи.



Министръ иностранныхъ дѣлъ К. Г. Гирсъ.

никакой коалиціи державъ обрушиться на Францію. Этотъ послѣдній, глубоко обдуманный и великодушно-выполненный шагъ Императора Александра III, который въ данномъ случаѣ выказалъ себя охранителемъ мира въ Европѣ, произвелъ на всѣ европейскія государства потрясающее впечатлѣніе. Впервые еще, со временъ начала исторіи человѣчества, между двумя могущественнѣйшими государствами европейскими заключенъ былъ не писанный и скрѣпленный дипломатами договоръ о союзѣ оборонительномъ или наступательномъ, а настоящій актъ братанья двухъ народовъ, во имя общаго мира и спокойствія. Долгъ справедливости вынуждаетъ насъ замѣтить, что миролюбивый Императоръ Александръ III, во внѣшней политикѣ своей, нашелъ себѣ вѣрнаго исполнителя своихъ предначертаній въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ *К. Г. Гирса.*

Въ то самое время, когда многолѣтніе и усиленные труды и заботы государственныя начинали уже приносить свои плоды, и Россія, возведенная Императоромъ Александромъ III на высокую степень могущества, получила рѣшающій голосъ въ дѣлахъ европейскихъ и азіатскихъ, самъ Императоръ сталъ изнемогать отъ недуга, которому долгое время не придавалъ надлежащаго значенія, и послѣ кратковременной, но мучительной болѣзни, скончался 20-го октября 1894 г. въ Ливадіи (на южномъ берегу Крыма), не покидая своихъ государственныхъ дѣлъ и заботъ до послѣдней минуты.



Малый дворецъ въ Ливадіи, гдѣ скончался Александръ III.



Николай II, императоръ Всероссійскій.



Императрица Александра Ѳеодоровна, Супруга Николая II,
Императора Всероссійскаго.

Когда вѣсть о кончинѣ государя разнеслась по Европѣ, случилось нѣчто невиданное и неслыханное въ исторіи. Всѣ европейскія государства и всѣ народы единодушно приняли участіе въ общемъ и глубокомъ горѣ Россіи, и всѣ ознаменовали скорбные дни траура сочувственными манифестаціями самаго искренняго свойства. Въ одинъ голосъ, какъ бы исполняя чью-то высшую, всѣми одинаково признаваемую волю—пресса всей Европы принесла дань признательности и уваженія на гробъ Государя, котораго не одинъ русскій народъ, а всѣ народы Европы почтили прекраснымъ именемъ *Миротворца;* а печальное и глубокотрогательное преданіе землѣ останковъ Русскаго Царя обратилось въ торжество мира и человѣколюбія, которое должно было служить величайшимъ утѣшеніемъ для Супруги почившаго Императора, для всей его Семьи и для вновь вступившаго на престолъ старшаго сына его, Императора *Николая II.*

Въ заключеніе нашего разсказа напомнимъ читателямъ, что въ область всемірной исторіи входятъ только тѣ явленія общей жизни человѣчества, въ которыхъ оно представляется намъ какъ нравственное цѣлое, руководимое этическими цѣлями и стремящееся къ разумѣнію этическихъ задачъ; сознаніе этой идеѣ, и осуществленіе ея, есть даже высшая цѣль, къ какой человѣчество способно стремиться. Величайшая и вѣчная заслуга христіанской Церкви, которая въ этомъ смыслѣ справедливо именуется *каѳолическою* (т. е. всеобщею), заключается именно въ томъ, что она придала этой идеи опредѣленную и легкую форму и полную законченность. Съ теченіемъ времени измѣнились понятія человѣчества о внѣшней формѣ Церкви, измѣнились отношенія къ ея обрядовой и догматической сторонѣ, но внесенная Церковью идея о самомъ единствѣ человѣчества, и тѣ нравственныя требованія, какія въ ней заключаются,—остались тѣ же, и новѣйшимъ понятіямъ должны представляться болѣе ясными, чѣмъ какому-либо изъ предшествующихъ. Намъ представляется даже, что требованія, истекающія изъ этого понятія о человѣчествѣ, въ данное время болѣе, чѣмъ когда-либо, исполнимы: отчасти потому, что за послѣдніе вѣка исчезла масса предразсудковъ и предубѣжденій и постоянно продолжаетъ исчезать; отчасти же и потому, что день-ото-дня все болѣе и болѣе научаемся мы преодолѣвать препятствія, представляемыя взаимнымъ сношеніямъ народовъ пространствомъ и временемъ, а черезъ это и самое понятіе о *человѣчествѣ* день-ото-дня представляется каждому мыслящему человѣку, какъ нѣчто весьма осязательное, все яснѣе и яснѣе.

Несмотря на все это, однакоже, было бы большимъ заблужденіемъ, если бы мы (увлекаясь вслѣдъ за многими мечтателями) стали считать постоянный прогрессъ на пути осуществленія идеальнаго понятія о человѣчествѣ—безусловно обезпеченнымъ. Увѣренность въ томъ, что добрыя начала, въ концѣ концовъ, одержатъ верхъ надъ зломъ,— можно назвать скорѣе вѣрованіемъ или упованіемъ, но никакъ не убѣжденіемъ. Нельзя, конечно, отрицать того, что, въ общемъ, человѣчество далеко ушло по

пути прогресса, что оно и теперь еще непрестанно слѣдуетъ ему: но личный эгоизмъ, но страсти человѣчества—остались тѣми, что и за 6 и за 10,000 лѣтъ до нашего времени. Будемъ же желать, въ интересахъ общаго блага въ будущемъ, чтобы каждый изъ насъ поучался горькимъ опытомъ историческаго прошлаго, старался всѣми силами ограничить свой эгоизмъ и направить свою личную волю на исполненіе своего святого долга по отношенію къ человѣчеству, которое для выполненія высшихъ задачъ постояннаго и безконечно-развивающагося прогресса требуетъ отъ насъ самоотверженія и самопожертвованія, составляющихъ главную основу человѣческаго достоинства.

КОНЕЦЪ.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna BIBLIOTEKA CZYTELNIA w Kielcach

Указатель къ четвертому тому.

Аргау, 390, 634.
Аахенъ, 156, 337, 347, 390.
Абдалла-паша Сирійскій, 431.
Абдулъ-Азисъ, 571, 637.
Абдулъ-Гамидъ, 638.
Абдулъ-Керимъ, 639.
Абдулъ-Меджидъ, 432.
Абдъ-эль-Кадеръ, 409. 437, 438; портретъ, 437.
Абель, 396, 424.
Абенсбергъ, 206.
Абердинъ, 304.
Абиссинія, 571.
Абіатограссо, 513.
Абрантесъ, 189, 193.
Абукиръ, 122, 125, 134.
Августа-Амалія, жена Евгенія Богарнэ, 168.
Авеллино, 359.
Авиньонъ, 48, 63, 111, 265.
Авліаръ, 639.
Австрія, Австрійцы, 40—42, 47, 51, 55, 64, 94, 95, 98—100, 107, 108, 110—114, 123, 124, 126, 128, 129, 133, 142, 143, 153, 157, 158, 160, 163, 164, 167, 172, 173, 177, 184, 202—205, 210, 214, 217, 223, 228, 254, 265, 272—278, 288, 289, 291, 304, 309, 315, 316, 323, 324, 333, 334, 341, 342, 347—349, 365, 390, 391, 393, 397, 406, 422, 428, 432, 447, 449, 453, 455, 458, 459, 462, 463, 465—467, 471, 475, 477, 478, 480—484, 489, 492, 503, 505—510, 512—514, 520, 524, 530—534, 539—542, 544, 545, 546, 548—552, 555, 557, 558, 561—563, 576, 577, 615, 625, 626, 628.
Австро-Венгрія, 657—659.
Аграмъ, 533, 658.
Адда, 110,
Аддингтонъ, 146.
Адріанополь, 368, 644.
Адріатическое море, 646.
Азеліо Массимо, 502.
Азовское море, 490.
Азорскіе о-ва, 372.
Айгупъ, 526.
Акенъ, 290.
Акка, 431.
Алабама, 573.
Аландскіе о-ва, 202, 203.
Албазинъ, 526.
Албанія, 357.
Албанцы, 648.
Алгамбра, 189.
Александрія (въ Египтѣ), 120, 134, 147, 369, 433, 651.
Александръ I Благословенный, 146, 153, 158, 166, 176. 184, 185, 187, 202, 223, 226, 227, 232, 236, 238, 247, 256, 257, 260, 269, 270, 294, 298, 307—309, 324, 348, 358, 359, 361—363, 396, 397.
Александръ II Николаевичъ, 490, 492, 498, 527, 528, 531; портр., 525, 570, 646, 662, 663—665.
Александръ III Александровичъ, 649, 665—671; 666 (портретъ).
Александръ Гессенскій, 558.
Александръ Куза, 524, 567, 630, 638, 639; портретъ, 629.
Алексинацъ, 638.
Алемтехо, 407.
Алессандрія, крѣп., 110, 142, 349.
Алжиръ, 409, 437.
Аликанте, 355.
Аликсъ, 290.
Али-паша, 495.
Али-паша Янинскій, 357, 359.
Алле, 184.
Альбертъ Амедей Сицилійскій, 477.
Альбертъ Саксенъ-Кобургскій, 433.
Альбрехтъ Саксонскій, 593, 650.
Альбрехтъ Австрійскій, 557, 562.
Альбрехтъ, пр. Прусскій, 655.
Альвенслебенъ, 592.
Альвинци, 111.
Альденговенъ, 65.
Альзензундъ, 548.
Альзенъ, 546.
Альма, 485.
Альпы, 65, 111, 132, 133, 304.
Альтенштейнъ, 230.
Альтона, 209.
Альфонсъ XII Испанскій, 661.
Амбергъ, 108.
Америка, 11, 152, 571, 651.
Аміенъ, 148, 607.
Амстердамъ, 107, 216.
Амурскій край, 525.
Амуръ, 526.
Анапа, 369.
Англія, 11, 39, 40, 63, 64, 84, 93, 94, 101, 107, 112, 119, 127, 128, 134, 143, 146—148, 150—152, 157—159, 163, 175, 184,

185, 187—189, 202, 203, 214, 217, 264, 276, 309, 315, 316, 323—325, 328, 330, 332, 348, 354, 356, 359, 365, 366, 371, 372, 375, 388, 397, 400—403, 405, 407, 408, 422, 428, 430—433, 435—438, 446, 466, 471, 483, 484, 488, 492, 499, 504, 512, 513, 519, 520, 522, 528, 530, 553, 554, 570, 571, 574, 575, 586, 601, 630—632, 634, 637.
Андалузія, 228.
Андраши, 626, 636; портр., 627.
Анжеръ, 82.
Анкона, 406, 513.
Аннамъ, 652.
Анріо, 87.
Анспахъ, 160, 165, 175.
Антверпенъ, 387.
Антивари, 646.
Антонелли, 501, 517.
Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, 511.
Антонъ Саксонскій, 391.
Аппенинскій полуостр., 217.
Аппенины, 406.
Апулія, 132.
Араби-бей, 651.
Арабы, 121.
Араго, 444, 468, 606.
Аракчеевъ, 362.
Аральское море, 567.
Аранжуэцъ, 190, 193.
Аргосъ, 360.
Ардаганъ, 639, 645, 646.
Арененбергъ, 410.
Аркадія, 358.
Арменія, 368, 639.
Арндтъ Эрнстъ-Морицъ, 256, 277, 304; портретъ, 257.
Арно, 189.
Арнольди, 421.
Аррагонія, 192.
Арсисъ на Обѣ, 84, 310.
Артуа, см. Карлъ X.
Артъ, 119.
Асперномъ, 207.
Аспре, 480.
Аспромонте, 521.
Астурія, 192.
Аугсбургъ, 562.
Ауэрсвальдъ, депутатъ, 256, 452; портретъ, 453.
Ауэрсвальдъ, министръ, 537.
Ауэршпергъ, 164—Адольфъ, 628.
Ауэрштедтъ, 178.
Аустерлицъ, 166.
Афганистанъ, 430, 436, 651.
Африка, 650, 651, 652.
Ахайскій заливъ, 358.
Ахенъ, см. Аахенъ.
Ахметъ Джеццаръ, 134.
Ахметъ-Февзи, 432.
Ашаффенбургъ, 562.
Аяччіо, 104.
Аѳины, 358, 459, 481, 525.
Ваальсдорфъ, 296.
Бабефъ Граккъ, 78, 117; портретъ, 116.
Баварія, Баварцы, 51, 108, 114, 124, 133, 143—145, 160, 167, 175, 183, 195, 202, 207, 214, 216, 291, 316, 326, 334, 338, 339, 341, 342, 392, 393, 396, 424, 461, 505, 506, 520, 535, 541, 542, 558, 561, 563, 565, 589, 608, 617.
Багратіонъ, 133, 164, 185, 202, 238 242; портретъ, 237.
Бадахосъ, 228.
Баденъ, 64, 144, 145, 160, 167, 197, 334, 339, 392, 394, 448, 449, 452, 460, 466, 506, 534, 563, 565, 608, 657.
Баденъ-Баденъ, 522, 534.
Бадъ-Гаштейнъ, 542.
Базель, 63, 95, 100, 101, 390, 634.
Базенъ, 576, 591—594, 598, 604—606, 625; портретъ, 591.
Базъ, 473.
Байленъ, 193.
Байонна, 65, 191, 203.
Байронъ, 364; портретъ, 365.
Балаклава, 486, 488.
Балканы, 368, 640, 641, 644.
Балтійское море, 484.
Балье, 110.
Бальзамо, 12.
Бальи, 20, 21, 25, 80.
Бамбергъ, 178, 506.
Баномъ, 608.
Бантри, 112.
Барантэнъ, 17.
Барбару, 44, 58, 71, 80.
Барбаци, 129.
Барбесъ, 414.
Бардо, зам. въ Тунисѣ, 650.
Бареръ Бертранъ, 58, 70, 73—75 86, 90, 91, 93, 104, 141.
Барклай-де-Толли, 202, 236, 239, 269, 270, 282, 296; портретъ, 236.
Барнавъ, 31, 37.
Баррасъ, 107, 117, 119, 136.
Барро Одилонъ, 384, 442, 472.
Барселона, 355.
Бартелеми, 117.
Бартенштейнъ, 184.
Баръ на Обѣ, 307, 309.
Баратинскій А. И., 527; портретъ, 527.
Басенжъ, 12.
Бассано, 111.
Батава, 107, 132, 148, 157.
Баттенбергскій, князь Александръ, 648, 649.
Батумъ, 646.
Бау, 452.
Бауценъ, 269, 289.
Бахъ Александръ, 507, 532.
Баччіоки Феликсъ, 157.
Баязетъ, 646.
Безикъ, 637.
Бейеръ, 558.
Бейстъ, 460, 506, 541.
Бейстъ Карлъ Фердинандъ, 546, 577, 578, 586, 591, 625, 626, 628; портретъ, 577.
Бельгія, 41, 48, 51, 56, 63, 65, 94, 217, 309, 324, 325, 386—388, 405, 446, 496, 522, 566, 567, 615, 633, 654, 662.
Белькреди, 550, 576.
Бельфоръ, 587, 610.
Бемеръ, 12.
Бемъ, 462.
Беневентскій герцогъ, см. Талейранъ.
Бенедекъ, 514, 559, 561, 562; портретъ, 560.
Бенедета, 495.
Бенедетти, 562, 580. 585; портретъ, 585.
Беннигсенъ, Л. Л., 182, 184, 185, 289, 296, 298; портретъ, 267.
Беннигсенъ Рудольфъ, 533.
Беранже, 375.
Бергъ, 169, 176, 191, 216.
Березина, 250, 251.

Бересфордъ, 310, 345.
Берке, 75.
Берлинъ, 51, 175, 179, 188, 210, 230, 256, 263, 279, 300, 390, 418, 424, 447, 448, 456, 458, 465, 563—565, 586, 614, 637, 646, 652, 656.
Бернадотъ Карлъ-Іоаннъ (Жанъ-Баптистъ), 124, 160, 164, 169, 175 179, 212, 217, 271, 278, 279, 290, 291, 293, 295, 296.
Бернсторфъ, 537, 511.
Бернутъ, 537.
Бернъ, 118, 119, 390, 446. 634, 635.
Беррійская, герцог., 411, 412; портретъ, 411.
Бертранъ, 290, 293, 295, 298.
Бертье, 25, 118, 169, 219.
Верхтесгаденъ, 145, 167, 214.
Бессарабія, 492, 646.
Биберахъ, 142.
Бидассоа, 306.
Билло-Вареннъ, 90, 91.
Бингенъ, 588.
Бирмингамъ, 329.
Бисетръ, 54.
Бисмаркъ-Шенгаузенъ Оттонъ, 508, 538, 539, 542, 544, 545, 548—552, 555, 557, 558, 562, 564, 580, 581, 588, 598, 602, 603, 606, 609, 610, 617, 620, 629, 637; портретъ, 538; рис. съ Наполеономъ послѣ битвы при Седанѣ, 599; во время войны, 613, 646; портр., 653—656.
Бистрицъ, 561.
Биттенфельдъ Герварть, 548, 560, 561.
Бишофсвердеръ, 51.
Біаррицъ, 539.
Блуменау, 562.
Блументаль, 595; портретъ, 594.
Блумъ Робертъ, 424, 456.
Блэй, 412.
Блюхеръ, 179, 210, 266, 269, 270, 278, 281—283, 289, 290, 295, 296, 298, 299, 303, 305, 307—310, 318, 322.
Богарне Евгеній, 157, 168.
Богемія, 144, 161, 167, 206, 214, 290, 454, 533, 560, 578, 625, 658.
Богуславскій, 246.
Бодельшвингъ, 420.
Боденское оз., 129, 465.
Бозе, 589.
Бойенъ, 200, 266, 339.
Болгарія, 570, 636, 637, 638, 640, 645, 646, 648.
Болонья, 111, 406, 428, 478, 513, 517.
Бомбей, 500.
Бомонтъ, 595.
Бональдъ, 374.
Бонъ-ла-Роландъ, 607.
Бонапартъ-Іеронимъ (Жеромъ), 154, 183, 197, 216, 290.
Бонапартъ-Іосифъ, 118, 143, 157, 168, 191, 203, 219, 227, 228, 306, 310.
Бонапартъ-Луціанъ, 136, 137, 138, 154.
Бонапартъ-Карлъ, 104.
Бонапартъ-Людовикъ, 168.
Бонинъ, 511.
Боннъ, 94, 336.
Боннье, 129.
Боншанъ, 74.
Бордо, 80, 310, 609, 612, 621.
Боровскъ, 249.
Бородино, 239, 242; памятникъ, рис.: 243.
Боррисъ, 535.
Боснія, 524, 570, 636, 638, 646, 647.
Босфоръ, 431, 433.
Ботсарисъ-Марко, 360.
Бразилія, 189.
Бранденбургъ, 144, 458.
Бранденбургъ, графъ, 457, 465, 617.
Брауншвейгъ, 145, 187, 213, 303, 390, 394, 424, 505.
Брегенцъ, 207, 213, 465.
Брезе, 21.
Брейтель, 23,
Брейтенфельдъ, 296.
Бременъ, 216, 291, 326, 342.
Бреннеръ, 213.
Бресгау, 167.
Бреславль, 183, 258, 303, 390.
Брестъ, 119, 159.
Бретань, 93, 101, 102, 112.
Бри, 607.
Бригитенау, 456.
Бриксенъ, 111, 167.
Бриссо, 44, 47, 51, 71, 80.
Бриссонъ, 205.
Бріеннъ-Ломени, 13.
Бріеннъ, 104, 307.
Бройзгау, 113.
Брольи, 23, 413, 415, 623, 625.
Бронау, 173.
Бронзель, 466.
Броугэмъ Генри, 401.
Брукъ гор., 111.
Брукъ-фонъ, 505, 507.
Бруновъ, 495.
Брусса, 431.
Брюнъ, 164, 166, 175,
Брюссель, 56, 386—388.
Брюэ, 120, 122.
Буасси д'Англасъ, 103.
Бубнъ, 213, 275, 349.
Бугъ, 98, 398.
Будапештъ, 532.
Буксгевденъ, 164, 167.
Булонь, 159, 438.
Булье, 36.
Бунзенъ, 466.
Буоль-Шауенштейнъ, 495, 504, 507; портретъ, 503.
Буонкомпаньи, 517.
Бурбаки, 610, 612; портретъ, 610.
Буркеней, 495.
Буркерсдорфъ, 560.
Буркъ Эдмонтъ, 40.
Бурмонъ, 355, 378.
Бутельштедтъ, 178.
Буттъ, 631.
Бухара, 567, 568.
Бухарестъ, 231, 524.
Бухгольцъ, 97.
Буэносъ-Айресъ, 372.
Бѣлградъ, 570.
Бѣлостокъ, 187.
Бэйрдъ, 203.
Бюжо, 438, 442.
Бюловъ, В., 268, 279, 280, 288, 290, 299, 308, 309, 318, 320; портретъ, 280.
Бюффе, 625.
Ваадъ (Во), 118, 390.
Ваврэ, 318.
Ваграмъ, 212.
Вадбольскій, 216.
Валазе, 57.
Валансей, 191.
Валансьенъ, 66, 94.
Валахія, 202, 357, 358, 365, 482, 524.

Валгалла, 341; рис.: 341.
Валевскій, 495.
Валенсія, 132, 192.
Валлисъ, англ., 403.
Валлисъ, швейц. кантонъ, 390, 426.
Валлійская респ., 216.
Валлонъ, 624.
Вальдекъ, 542, 544.
Вальдштетское озеро, 119, 133.
Вальми, 55, 56.
Вальмоденъ, 151, 291.
Вальхернъ, 213.
Вальштадтъ, см. Блюхеръ.
Вангенгеймъ, 338.
Вандамиъ, 183, 234, 264, 272, 285—288.
Вандея, 46, 67, 71, 74, 82, 90, 101, 102, 112, 411, 638.
Ванновскій, П. С., 668, 669 (портретъ).
Варенне, 36.
Варна, 368, 484, 485.
Вартбургъ, 337.
Вартенбергъ, 290.
Вартенслебенъ, 108.
Варшава, 97—99, 187, 211, 214, 217, 226, 232, 234, 254, 275, 276, 324, 363, 397—399, 465.
Василиса, старостиха, 246.
Ватерлоо, 320.
Вахау, 293, 294, 295.
Вашингтонъ, 574.
Везель, 209, 264,
Везеръ, 175, 213, 217, 264, 291.
Веймаръ, 178, 179, 202, 303, 334.
Вейратеръ, 166.
Вейсенфельсъ, 267, 303.
Вейссенбергъ, 275.
Вейссенбургъ, 579.
Великобританія, см. Англія.
Веллингтонъ, Артуръ, 135, 193, 203, 227, 228, 306, 318, 320, 332, 365, 402, 403, 433; портретъ, 319.
Велькеръ, Карлъ-Теодоръ, 392.
Вельнеръ, 123.
Вельнопольскій, 529.
Вельфы, 655.
Венгрія, 111, 167, 207, 212, 393, 422, 447, 453, 455, 459, 462, 482, 504, 507, 531—533, 550, 576, 577, 627.
Венессенъ, 48, 63, 111.
Венеція, 64, 110, 113, 167, 324, 326, 347, 349, 477, 478, 480, 501, 516, 518, 533, 552, 555, 562, 563.
Венлоо, 388.
Венсенъ, 152.
Вербахъ, 562.
Верденъ, 53, 55, 592, 607.
Вердеръ, 603, 610; пор.: 612.
Веревкинъ, 568.
Веркевилль, 593.
Верньо (Верніо), 44, 52, 60, 62, 71, 80.
Верона, 110, 130, 354, 360, 513.
Версаль, 14, 17, 24, 25, 29, 54, 605, 609, 621.
Вертъ, 589.
Верхняя Гвинея, 631.
Вестерманъ, 75.
Вестфалія, 178, 187, 197, 202, 208, 325, 395.
Вестъ-Индія, 93, 152.
Ветераy, 108.
Вецларъ, 108, 113, 588.
Викторія Англійская, 403, 404.
Викторъ, 234, 298.
Викторъ Амедей III, Сард., 39.
Викторъ-Эммануилъ I, Сардинскій, 314, 346, 522.
Викторъ-Эммануилъ, Итал., 480, 511—513, 517—520; рис.: Свиданіе съ Радецкимъ, 479; портретъ, 520, 557, 562, 632, 659.
Вилакомъ, 462, 480.
Виландъ, 40, 202, 221.
Виларе-Жойёзъ, 94.
Вилламаринъ, 495.
Виллафранкъ, 516.
Виллель Жозефъ, 354, 372, 375, 376.
Виллизенъ, 463.
Вильгельмсгее, 598.
Вильгельмъ IV Англійскій, 400, 403; портретъ, 401.
Вильгельмъ I, императоръ Германскій, 510, 511, 535, 542; портретъ, 536, 549, 559, 561, 564, 595, 586, 588, 593, 599, 608; рис.: со штабомъ подъ стѣнами Парижа, 602, 657.
Вильгельмъ Брауншвейгскій, 390, 655.
Вильгельмъ Вюртембергскій, 334, 339, 460, 534.
Вильгельмъ IV Ганноверскій, 391, 392.
Вильгельмъ II Гессенскій, 391.
Вильгельмъ Датскій, см. Георгъ I.
Вильгельмъ I Нидерланд., 386, 388, 446.
Вильгельмъ II Нидерланд., 446.
Вильгельмъ III Нидерланд., 446.
Вильгельмъ, братъ Фридриха-Вильгельма III, 198, 202.
Вильковишки, 234.
Вильмаръ, 506.
Вильна, 98, 99, 236, 255.
Вильневъ, 123, 159, 162.
Вильтау, 205
Вимпфенъ, 514, 595, 596.
Виндгорстъ, Лудвигъ, 618; портретъ, 618.
Виндишгрецъ, 454, 456, 462; портретъ 455.
Винезъ, 350.
Винке, 520.
Винтербергъ, 590.
Винда, 609.
Винцентъ, 202.
Винцингероде, 266, 308, 310.
Винявскій, 98.
Висла, 98, 180, 182, 270, 398.
Вислиценусъ, 421.
Витгенштейнъ II. Х., 236. 261—263, 267; портр., 267.
Витебскъ, 237.
Витри, 310.
Витроль, 381.
Виттенбергъ, 180, 303.
Витторія, 191, 203, 306.
Виченца, 476.
Виолеемъ, 483.
Вогезы, 504.
Волынь, 400.
Вольтеръ, 9, 10.
Воля, 399.
Вормсъ, 56.
Врангель, 452, 456, 545; портретъ, 546.
Вреде, 150, 205, 207, 303.
Вурмзеръ, 65, 107, 108, 110, 111.
Вѣна, 111, 124, 131, 132, 158, 163, 164, 182, 207, 214, 253, 314, 325, 392,

447, 454,—456, 475, 484, 532, 562.
Вюртембергъ, 144, 145, 160, 167, 183, 196, 202, 210, 316, 326, 334, 338, 339, 342, 394, 461, 505, 506, 534, 541, 542, 563, 565, 608.
Вюрцбургъ, 108, 160, 167, 303.
Вязьма, 250.
Гаага, 94.
Габленцъ, 545, 550.
Гагельсбергъ, 280.
Гагернъ Генрихъ, 449, 458, 459, 460.
Гадебушъ, 281.
Гадэ, 71.
Гайнау, 270, 507.
Гайсбергъ, 589.
Галиція, 214, 226, 345, 422, 504, 533, 578, 626.
Галле, 179, 201, 213, 268, 298.
Галль 544.
Галлю, 608.
Гальберштадтъ, 213.
Гамбахъ, 391.
Гамбетта Леонъ, 581, 604, 606, 610, 612, 623; портретъ, 604.
Гамбургъ, 655.
Гамильтонъ, лэди, 125.
Гамъ, 438.
Ганау, 216, 303.
Ганноверъ, 64, 151, 158, 164, 175, 177, 178, 187, 216, 276, 303, 326, 334, 339, 342, 391—394, 447, 461, 463, 505, 535, 541, 542, 544, 558, 563.
Гарденбергъ, 100, 158, 164, 184, 185, 230, 258, 260, 316, 336.
Гардское оз., 476.
Гаренна, 596.
Гарибальди Джузеппе (Іосифъ), 477, 480, 503, 512, 518—521; портретъ, 518, 578, 612, 659.
Гарильяно, 217.
Гарнье-Паже, 444, 468.
Гаронна, 80.
Гартманъ, 589.
Гаспингеръ, 213.
Гассенпфлугъ, 465, 463, 505.
Гатцфельдъ, 180, 258.
Гатчина, 127, 133, 668.
Гаугвицъ, 158, 164, 166, 174—176, 180.
Гауде, 80.
Гаусманъ, 497.
Гаусрукфиртель, 214.
Гафизъ-паша, 432.
Гаштейнъ, 550.
Гаэта, 478, 519.
Гвадалквивиръ, 192.
Гвасталла, 157, 169.
Гверацци, 478.
Гвинея, 324.
Гёбенъ, 562, 608.
Геберъ Ж. Р., 45, 70, 84, 85; портретъ, 70.
Геводанъ, 46.
Гегель Георгъ-Фридрихъ-Вильгельмъ, 198, 340; портретъ, 340.
Гейльсбергъ на Алле, 184.
Гекеръ Фридрихъ, 448, 461.
Геліополисъ, 147.
Гельветійская респ., 118.
Гельголандъ, 189, 222.
Генегау, 56.
Генрихъ V, Франц., см. Шамборъ.
Генрихъ V Бордосскій, 383, 384.
Генріо, 70, 71, 88.
Генуя, 64, 110, 132, 142, 157, 512, 518.
Генцъ Фридрихъ, 159, 164.
Геокъ-Тепе, 568.
Георгія, 572.
Георгъ III Англ., 39, 141, 151, 177, 328, 329.
Георгъ IV, Англ., 329.
Георгъ V, Ганноверскій, 505, 535, 557 (портретъ).
Георгъ I, Греч., 524, 525, 570.
Гератъ, 430.
Гервегъ Георгъ, 448.
Гергей, 462, 480.
Герлитцъ, 559.
Германія, 64, 100, 108, 113, 114, 123, 129, 130, 142—146, 151, 153, 159, 166, 173, 174, 176—178, 194, 197, 198, 257, 260, 264, 270, 276, 290, 291, 302, 304, 324—326, 333, 337, 339, 340, 390—393, 418, 422, 426, 445—450, 452, 457—461, 463, 467, 471, 504, 506, 508, 513, 533—535, 540, 542, 548, 549, 552, 555, 562—564, 578, 580, 584, 586, 588, 600, 608, 614—617, 620, 622, 629, 630, 631,
Германнъ, 85.
Германъ, греч. архіеп., 358.
Гермесъ Георгъ, 340, 394.
Гернонъ Ранвиль, 412.
Гернсхеймъ, 562.
Геро-Сешель, 85.
Гертрингенъ Хиллеръ, 561.
Герцбергъ Эвальдъ Фридрихъ, 41, 42; портретъ, 41.
Герцеговина, 636, 638, 647.
Герцъ, 167, 214.
Гессенъ, 160, 177, 187, 326, 334, 338, 391, 447, 465, 466, 482, 505, 506, 535, 537, 541, 563, 608, 657.
Гессенъ-Гомбургъ, 563.
Гессенъ-Дармштадтъ, 145, 342, 542.
Гессенъ-Кассель, 64, 144, 145.
Гессъ, 513.
Гете, 40, 56, 195, 198, 202, 221, 277.
Гетценъ, 183.
Гибралтаръ, 162, 324.
Гидеръ-Али, 134.
Гидра, 358.
Гизо, 383, 413, 415, 437, 438, 439, 442; портретъ, 439.
Гиллеръ, 207.
Гильотенъ, 53.
Гирсъ, К. Г., 669 (портр.), 670.
Гисликонъ, 426.
Гитчинъ, 560, 561.
Гіулай Францъ, 293, 296, 512, 513.
ГладстонъЭдуардъ, 433, 571, 586, 631; портретъ, 631; 648, 661, 662.
Гларіса, 133.
Гларусъ, 119.
Глацъ, 183.
Глогау, 183, 198, 303.
Гнейзенау Нейдгардъ, 184, 185, 200, 270, 282, 305, 310, 320; портретъ, 282.
Гнѣзно, 98.
Гобель, 81.
Говэ, 136.
Гогенбергъ, 145, 167.
Гогенвартъ, 625, 626.
Гогенлинденъ, 143, 153.
Гогенлоэ, фонъ-, 179, 655.
Гогенцоллерны, 394, 648.
Гогенцоллернъ-Гезингенъ, 509.

Гогенцоллернъ - Зигмарингенъ, 509.
Гоголь, Н. В., 664.
Годерихъ, 401.
Годои Эммануилъ, 112, 189, 190.
Гойто, 475, 476.
Голландія, 63, 65, 94, 113, 129, 132, 148, 166, 168, 187, 216, 217, 304, 309, 325, 386—388, 446, 522, 566, 615, 633, 634.
Голуховскій, 532.
Голштинія, 64, 325, 425, 426, 452, 466, 482, 510, 543, 544, 546, 548, 552, 563.
Голыминъ, 182.
Гольцгаузенъ, 293, 296.
Гольцъ, 95, 592.
Гомпешъ, 120.
Гомъ, 431.
Гонъ-Конгъ, 436.
Гордонъ, 651.
Гортензія, 410.
Горчаковъ Михаилъ Д., 491; портретъ, 492.
Горчаковъ А. Д., 513, 530, 629, 636; портретъ, 628.
Госса, 294, 295.
Гота, 508, 620.
Готенбургъ, 193.
Готце, 129.
Гоферъ Андреасъ, 205, 207, 213, 215; портретъ, 215.
Гошъ Лазарь, 101, 122, 113; портретъ, 102.
Гравелоттъ, 592. 593.
Гравертъ, 232.
Граммонъ, 582, 584, 586, 687, 591; портретъ, 585.
Гранвелль, 141.
Гранвиль, 75.
Гранпрэ, 55.
Грантъ Улисъ; портр., 574.
Граубюнденъ, 129, 382.
Грауденцъ, 184, 185, 263.
Грацъ, 348, 412.
Гревель, 460.
Греви Жюль, 625, 660.
Грегуаръ, аббатъ, 34, 57, 353.
Грей Чарльзъ, 401, 403; портретъ, 402
Гренобль, 216, 317.
Греція, Греки, 357 — 362, 365, 366, 368, 369, 430, 431, 484, 524, 570, 615, 649, 650.
Григорій XVI, 406, 427.
Гриммъ, 293.
Гродна, 96, 97.
Грольманъ, 200.
Гроссберенъ, 279.
Гроссъ-Видеричъ, 295.
Гроссъ-Гершенъ, 267, 268.
Гроховъ, 398.
Грузія, 527.
Груши, 318.
Гуаде, 44, 70.
Гумбертъ, кор. 659, 660 (портретъ).
Гумбольдтъ Вильгельмъ, 230, 254, 275, 339; портретъ, 231.
Гунибъ, 528.
Гурко, 640, 642.
Гуссейнъ-паша, 431.
Густавъ III, Швед., 39, 153.
Густавъ IV, Швед., 158, 202, 217.
Гэвлокъ Генри, 500.
Гюбнеръ, 495.
Гюго Викторъ, 494, 601.
Гюленъ, 153.
Гюльхане, 433.
Гюнингенъ, 108.
Давы, 167, 178, 179, 212, 219, 234, 252, 264, 266, 272, 291.
Давыдовичъ, 111.
Давыдовъ Денисъ, 246; портретъ, 246.
Дагестанъ, 527, 528.
Далмація, 113, 167, 578, 647.
Дальбергъ Карлъ-Теодоръ, 144, 173, 216.
Дальвикъ, 506.
Дальраймпль, 193.
Дамаскъ, 431.
Данія, 146, 188, 189, 217, 265, 271, 272, 325, 327, 425, 446, 452, 463, 543, 545, 546, 566, 633.
Данневиркъ, 545, 546.
Дантонъ Жоржъ-Жанъ, 45, 52—54, 57, 63, 68—70, 73, 83—85; порт., 46.
Данцигъ, 97, 184, 187, 270, 276, 302, 549.
Дарданеллы, 432, 433, 484, 645.
Дармштадтъ, 64, 303, 339.
Дарю, 582.
Деакъ, Францъ, 393, 532, 628.
Дебрю, 129.
Дего, 110.
Дезенъ. 296.
Дезэ, 123, 134, 142.
Деказъ, 352, 353.
Дели, 500.
Деллингеръ Игнатій, 579, 617; портретъ, 618.
Делицъ, 296.
Демидовъ, 98.
Денневицъ, см. Бюловъ.
Депретисъ, 633, 659.
Дерби, 499, 501.
Дерпбергъ, 208.
Деруа, 160.
Дессау, 208.
Дессоль, 353.
Джіоберти Винченцо, 427.
Джемстоунская бухта, 322.
Джонсонъ Андру, 574.
Джэксонъ Франсисъ, 188.
Дибичъ, 255, 256, 368, 369, 398.
Дижонъ 142, 612.
Дизрасли Бенжаменъ, 499, 631, 645.
Доброй Надежды мысъ, 148.
Добруджа, 485, 645, 646.
Довіатъ, 421.
Домбровскій, 265.
Дона, 255, 256.
Донаувертъ, 160, 206.
Доншери, 596, 598.
Донъ (членъ конвента), 103.
Донъ Карлосъ V, 632.
Дора-Балтеа, 142.
Дороховъ И. С., 246 порт.: 284.
Достоевскій, 664 (портр.).
Дохтуровъ Д. С., 238, 248; портретъ: 238.
Драва, 111.
Драгачанъ, 358.
Драгомировъ, 641; портр. 644.
Дрезденъ, 234, 266, 275, 283, 285, 286, 288, 289, 302, 460, 466, 560.
Дросте Клеменсъ-Августъ, 394, 395.
Друзы, 524.
Друмондъ, Томасъ, 404.
Друэ, 36.
Дублинъ, 661.
Дубсъ, 610.
Дульциньо, 648.
Дунай, 129. 160, 161, 163, 205, 207, 211, 393, 488. 562, 640.

Дурандо, 475, 476.
Дуэ, 118.
Дуэ Абель, 589.
Дэвисъ Джефферсонъ, 573.
Дэньи, 595.
Дюбенъ на Мульдѣ, 291.
Дюгомье, 74.
Дюко, 80.
Дюкрэ, 223, 607.
Дюмуленъ Камиллъ, 23, 85; портретъ, 23.
Дюмурье, 47, 49, 55, 56, 65, 66, 69; портретъ, 66.
Дюнкирхенъ, 66.
Дюпенъ, 472.
Дюпла, 546.
Дюппель, 246.
Дюпонъ де Л'Эръ, 193, 383, 444.
Дюрокъ, 164, 270.
Дюрюттъ, 299.
Дюссельдорфъ, 107.
Дюфо, 118.
Дюфоръ, 625.
Дюфуръ, 426.
Евгеній Вюртембергскій, 286, 287.
Евгенія (Монтихо), жена Наполеона III, 494; пор.: 497, 601.
Евдокимовъ, 528.
Евпаторія, 485.
Евфратъ, 432.
Египетъ, Египтяне, 119—121, 128, 129, 134, 143, 146—148, 431—433, 570, 650, 651.
Екатерина II, Великая, 39—41, 96—98, 100, 112, 127.
Елачичъ, 455, 456.
Елена Мекленбургъ-Шверинская, 416.
Елиза Патерсонъ, 197.
Еникале, 490.
Епидаврость, 359.
Ербуа Колло, 90, 91.
Ермоловъ А. П., 527; портретъ: 287.
Ефремовъ, 246.
Жансонне, 80.
Жемаппъ, 56, 63.
Женева, 63, 118, 634.
Жераръ, 280, 388, 415.
Живонна, 595, 596.
Жирарденъ Эмиль, 442.
Жиронда, 412.
Жозефина, жена Наполеона I, 217.
Жуберъ, 111, 132.
Журданъ, 107, 108, 129.
Жювизи, 312.
Жюно, 248.
Жюно (д'Абрантесъ), 189, 193.
Заальфельдъ, 178.
Заалъ, 178.
Закавказье, 527.
Зальцбургъ, 114, 124, 145, 167, 214, 324, 581.
Замосцье, 270, 302.
Зандъ, м-ко, 207.
Зандъ Карлъ, 337.
Застровъ, 592.
Зеа Бермудезъ, 370.
Зейцъ, 290.
Зельцъ, 128.
Зигъ, 108.
Зига, 107.
Золотурнъ, 390, 534.
Зондербургъ, 546, 548.
Зондербундъ, 426.
Зорилья, 632.
Зундевиттъ, 546.
Зундъ, 546.
Ибель, 337.
Ибрагимъ-бей, 121, 122, 123.
Ибрагимъ, паша Морен, 360, 361, 366, 431, 432.
Игельстромъ, 97, 98.
Иглау, 175.
Идштетъ, 463.
Изабелла Испанская, 371, 407, 408, 438, 521, 583, 632.
Изабелла, сестра Іоанна VI Португ., 371.
Изаръ Нижній, 206.
Изель, 207.
Измаилъ-бей, 651.
Измаилъ-паша, 570.
Изонцо, 111.
Иллеръ, 160, 161.
Илли, 595, 596.
Иллирія, 217, 275.
Иль-де-Леонъ, 345.
Иль-де-Франсъ, 324.
Инаръ, 44, 70.
Ингерслебенъ, 180.
Ингольштадтъ, 108.
Индія, 119, 134, 146, 191, 227, 324, 436.
Инкерманъ, 488.
Иннъ, 143, 160, 161, 163, 205—207.
Инспрукъ, 163, 205, 207, 213, 214, 454.
Инталъ, 205.
Инфантенъ, 415.
Инфиртель, 214.
Ипсиланти Александръ, 357, 358.
Ипсиланти Дмитрій, 359.
Ирландія, 64, 112, 324, 330, 404, 435, 522, 571, 631.
Исла-де-Леонъ, 359.
Исли, 438.
Испагань, 430.
Испанія, Испанцы, 63, 64, 95, 101, 147, 148, 189—191, 193, 203, 204, 214, 217, 222, 227, 228, 265, 276, 304, 306, 325, 344, 350, 354, 355, 370, 407, 408, 480, 520, 521, 575, 583, 584, 586, 632.
Истоминъ, 488; портретъ, 488.
Истрія, 167.
Италія, 64, 95, 108, 110, 111, 113, 119, 130—132, 141, 143, 158, 194, 211, 214, 217, 304, 325, 326, 346, 347, 349, 405, 406, 424, 426, 428, 445, 447, 453, 459, 462, 471, 475, 477, 481, 501—504, 511—513, 516, 517, 520—522, 552, 534—57, 563, 578, 580, 586, 600, 628, 632, 633.
Итцехо, 552.
Ицштейнъ, 392.
Іена, 178, 337.
Іергъ, 587.
Іерусалимъ, 483.
Іоаннъ VI Португальскій, 189, 345, 355, 371.
Іоаннъ Саксонскій, 424.
Іоаннъ, эрцг. Австр., 143, 158, 163, 164, 204, 211, 212, 449, 463; портретъ, 451.
Іоахимъ I Неаполитанскій, см. Мюратъ.
Іонические о-ва, 113, 128, 148, 324, 325, 570.
Іорданъ, 134.
Іоркъ фонъ-Вартенбургъ, 232, 255, 256, 263, 282, 283, 290, 295, 298, 307, 309; портретъ, 254.
Іосифъ II, Австр., 40, 41.
Кабрера, 408.
Кабулъ, 430.

Кавеньякъ Евгеній, 468, 469, 473; портретъ, 469.
Кавказъ, 121, 429, 527, 528.
Кавуръ Камильо-Бензо, 495, 502, 504, 512, 516, 517, 519, 521; портретъ, 502.
Кагируанъ, 650.
Кагоръ, 169.
Кадиксъ, 162, 163, 192, 228, 344, 345, 355.
Кадудаль Жоржъ, 101, 149, 152, 153.
Каиръ, 121, 122, 123, 134, 147.
Кайзерлаутернъ, 65, 94.
Кайэнна, 117.
Калишъ, 98, 275, 303.
Каліостро, см. Бальзамо.
Калонпъ Карлъ-Александръ, 11, 12, 13, 42, 63.
Калуга, 250, 528.
Кальвадосъ, 46, 71, 73.
Кальдьеро, 163.
Калькрейтъ, 180, 184.
Камбасересъ, 140, 154.
Камбонъ, 87.
Камбрэ, 94.
Каменскій, 202.
Камека, 590.
Кампосъ Мартинецъ, 632.
Кампо-Формію, 113, 114.
Камчатка, 526.
Канино, 478.
Кандагаръ, 651.
Каницъ, 255.
Каннингъ Джоржъ, 141, 330, 331, 354, 365, 371, 372; портретъ, 331.
Каннъ, 317.
Канроберъ, 491.
Кантонъ, 435, 499.
Кантъ, 40, 198.
Капитолій, 118.
Капландія, 324.
Каподистрія Августъ, 430.
Каподистрія Іоаннъ, 367, 369, 370, 430; портр., 366.
Капрера о-въ, 520.
Капрера, кардиналъ, 172.
Капсалисъ, 364.
Капуя, 126, 348, 519.
Кара-Али, 359, 360.
Караскола, 348.
Карачіоли, 131.
Каринтія, 214.
Кариньянъ, 525.
Карлсбадъ, 338.
Карлсруэ, 303, 390, 461.
Карлъ Баварскій, 558.
Карлъ IV, Испанскій, 189, 190, 191.
Карлъ XIII, Швед., 217, 328.
Карлъ XIV, Швед., см. Бернадотъ.
Карлъ (д'Артуа) X Франц., 11, 26, 42, 101, 102, 312, 352, 372, 373, 376, 377, 383, 412; портретъ, 373.
Карлъ Румынскій, 570, 641.
Карлъ XV, Швед., 566.
Карлъ-Альбертъ Кариньянскій, 349, 406, 427, 475—478, 480.
Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій, 51, 65; портретъ, 177.
Карлъ-Фердинандъ Беррійскій, 353; портр., 353.
Карлъ-Фридрихъ-Августъ Брауншвейгскій, 390.
Карлъ-Фридрихъ Баденскій, 197.
Карлъ-Эммануилъ Сардинскій, 126.
Карлъ, эрцгерц. Австрійскій, 108, 111, 129, 132, 142, 143, 158, 163, 164, 204, 212; портр., 206.
Карло-Феличе Неаполитанскій, 349.
Карлосъ, братъ Фердинанда VII, Исп., 370, 407, 408; портретъ, 407.
Каролина Неаполитанская, 168.
Каролина, сестра Наполеона I, 169, 219.
Карно, Лазарь-Николай, 83, 86, 90, 92, 114, 117, 141, 153; портр., 93.
Карно, президентъ франц. респ., 660.
Каролинскіе о-ва, 654.
Карріеръ, 90, 131.
Карсъ, 368, 492, 639, 640, 642, 646.
Картагена, 355, 634.
Карто, 74.
Кассель, 187, 197, 290, 303, 390, 535, 558.
Кастаньосъ, 193.
Кастельре, 304, 330, 347.
Кастельфидардо, 519.
Кастелляръ, 632.
Кастилія, 193, 228.
Кастильонъ, 110.
Каталонія, 192, 351.
Каткартъ, 189.
Кауницъ, 47.
Кауфманъ К. П., 568; портретъ, 568.
Кацбахъ, 283.
Кая, 267.
Кваркенъ, 202.
Кверетаро, 576.
Квибероиъ, 101.
Квириналъ, 215.
Квозданович, 110.
Кейтъ, 147.
Келерсбергъ, 512.
Кель, 142.
Кельнъ, 94, 156, 340, 424, 450, 617.
Кенигретцъ, 561.
Кенигсбергъ, 180, 182, 256, 418.
Кепигштейнъ, 286, 460.
Кернеръ Теодоръ, 263, 272, 277, 281; портретъ, 262.
Керчъ, 490.
Кессантъ, 93.
Кетенъ Ангальтъ, 342.
Кетлеръ, 612.
Киберійское ущелье, 436.
Киликія, 431, 432.
Киль, 188, 452, 549, 550.
Кинцигъ, 303.
Кипръ, 647.
Кирхбахъ, 579.
Киссингенъ, 561.
Китай, 435, 499, 526, 652.
Китценъ, 272.
Кіарамонти, см. Пій VII.
Кіеза, 514.
Клавьеръ, 49.
Клагенфуртъ, 111.
Клапка, 562.
Кларендонъ, 495.
Клаузевицъ, 200, 255.
Клеберъ, 74, 135, 146; портретъ, 147.
Клевъ, 169, 175.
Клейнъ-Видеричъ, 295.
Клейнъ-Гершенъ, 267.
Клейстъ, 180, 268, 287, 288, 309.
Клерфайтъ, 94.
Клерфэ, 55.
Клерфетъ, 107.
Клеръ, 332.
Клефты, 358.

Клоотсъ Анахарсисъ (фонъ-Клотцъ), 34, 78, 80, 85.
Клопштокъ, 40.
Клотильда Савойская, 512.
Кобленцъ, 42, 51, 94, 113, 307, 588.
Кобденъ Ричардъ, 405, 435.
Кобенцель, 143, 203.
Кобургъ-Гота, 542.
Кобургъ-Когорійскій князь Фердинандъ, 649.
Кодрингтонъ, 367, 369.
Козель, 183.
Коканъ, 367, 568.
Коленкуръ, 305, 308, 310.
Колло д'Эрбуа, 57, 90, 91.
Колокотронисъ Ѳеодоръ, 358.
Коламбэ-Пуйльи, 592.
Коломбъ, 290.
Колонтай, 95, 97.
Колумбія, 372.
Кольбергъ, 183, 185, 263.
Коморнъ, 211.
Компьенъ, 191.
Конго, 652.
Кондорсе, 80.
Кондэ, крѣп., 66, 94.
Конія, 431.
Конневицъ, 296, 297.
Коновницынъ, П. П., 238; портретъ, 238.
Консальви, 346.
Константинополь, 359, 369, 483, 637, 638, 641, 645, 648.
Константинъ Николаевичъ, 529; портретъ, 529.
Константинъ Павловичъ, 363, 397, 398.
Констанцъ, 167.
Консьержери, 54.
Копенгагенъ, 188, 189, 450, 544.
Копты, 121.
Кордай Шарлота, 71; рис.: портретъ, 71; на пути къ эшафоту, 73.
Корниловъ, 488, 490; портретъ, 486.
Коронини, 484.
Корсаковъ, 132, 133.
Корсика, 93, 104, 105.
Корунья, 193, 203.
Косцюшко Тадеушъ, 97, 98, 99, 128, 182; портретъ, 99.
Коулей, 495.
Кохинхина, 651.
Кохрэнъ, 366.
Коцебу, 337.
Кошутъ Людвигъ, 393, 453, 462; портретъ, 454.
Край, 130, 143.
Крайна, 167, 214, 626
Краковъ, 98, 99, 133, 214, 422, 438.
Крансе Дюбуа, 64.
Краонъ 309.
Красная р., 652.
Красное море, 660.
Красный, 250.
Крема, 110.
Кремзиръ, 453, 462.
Кремье Адольфъ, 444, 604.
Кремсъ, 562.
Критъ, 360.
Кроаты, 455.
Кроація, 532, 577, 578, 627, 658.
Кромвель, 84.
Круа-о-буа, 55.
Крумиры, 650.
Крупчицы на Бугѣ, 98.
Крымъ, 485, 488, 489, 670.
Кудашевъ, 246.
Куирога, 345.
Куксгавенъ, 158.
Кулевчъ, 368.
Кульмье, 606.
Кульмъ, 286, 287, 288, 289.
Кургафенъ, 151.
Кургессенъ, 334, 339, 342, 391, 394.
Куринъ Герасимъ, 246.
Курляндія, 255.
Курсалія, 110.
Кустоцца, 477. 557.
Кутонъ, 71, 87, 88.
Кутузовъ (М. И. Голенищевъ-Смоленскій), 163, 164, 166, 238, 239, 242, 246—250, 266, 267; пор.: 239.
Кутшиттель, 182.
Кэзенъ, 303.
Кэль, 108.
Кэмпбель Колинъ, 500.
Кэстльри, см. Кастельри.
Кюстинъ, 56, 78.
Кюстринъ, 180, 198, 270, 303.
Лагарпъ, 146.
Ла-Ге-Сэнтъ, 320.
Ла-Грана, 408.
Лагранжъ, 442, 473.
Лайбахъ, 348.
Ландритъ, 205.
Лалли-Толендаль, 33.
Ламаншъ, 159.
Ламармора, 557.
Ламартинъ, 444, 467, 468.
Ламбардъ, 166, 174, 176.
Ламенэ, 375.
Ламеттъ, 31.
Ламехо, 356.
Ла-Монсель, 595.
Ламорисьеръ, 438, 473, 519.
Ламорменъ, 542.
Ламоттъ, 12.
Лангензальцъ, 558.
Лангрэ, 307.
Ландау, 324.
Ландреси, 94.
Ландсфельдъ, см. Лола Монтесъ.
Ландсгутъ, 206.
Ландсдоунъ, 401.
Ланжеронъ, 283, 284, 295, 296.
Ланжюинэ, 62, 70, 71.
Ланнъ, 164, 178, 179, 207.
Ланцъ, 480.
Ланъ, 107, 108.
Лаонъ, 309.
Ларевельеръ-Лепо, 107, 117, 141.
Ла-Романа де-Годой, 189, 193.
Ла-Ротьеръ, 307.
Лассаль Фердинандъ, 619.
Ларошжакеленъ, 75.
Латуръ, 455.
Лауеръ, 143.
Лаузицъ, 285.
Лауенбургъ, 151, 264, 325, 425, 544, 548, 550.
Лафайетъ, 25, 26, 30, 32, 36, 37, 47, 49—52, 353, 382—384, 412, 414.
Лафиттъ, 382, 384, 415.
Лафорсъ, 54.
Ла-Феръ, 607.
Леба, 87, 88.
Лебренъ, 140, 216.
Ле-Бурьне, 604.
Лебцельтернъ, 274.
Левенбергъ, 283.
Левенъ, 386.
Левъ XII, 406;—XIII, 658.
Ледрю-Роленъ, 444, 468, 472, 519.
Лежандръ, 58, 85, 88, 106.
Лезницъ, 297.
Лейбницъ, 119.
Лейнингенъ, 449.
Лейпцигъ, 188, 213, 267,

268, 292, 293, 296, 298, 299, 300, 422.
Лекенуа, 94.
Лекъ, 133.
Лелевель, 397, 398.
Ле-Мансъ, 75, 119, 608.
Лена, 526.
Лендэ Робертъ, 58.
Леньяно, 513.
Ленэ, 306.
Леобенъ, 112.
Леопольдъ II Австр., 41, 42, 47.
Леопольдъ I Бельгійскій, 388, 392; портретъ, 389—II Бельгійскій, 566, 652.
Леопольдъ Кобургскій, 369, 388.
Леопольдъ Гогенцоллернъ, 584, 585.
Лепелетье, 104.
Лермонтовъ, М. Ю., 664.
Лербахъ, 129.
Леруа, см. Сентъ-Арно.
Лессепсъ Фердинандъ, 570.
Лестокъ, 182.
Летурнеръ, 107.
Лефевръ, 136, 184, 207, 213, 214,
Лефевръ-Дэнуетъ, 290.
Лехъ, 158, 161.
Либертвольквицъ, 292, 293, 294.
Ливанъ, 524.
Ливадія, 670; дворецъ въ ней—670.
Ливерпуль, 328.
Ливорно, 478, 480.
Лигницъ, 270.
Ли (Робертъ-Эдмундъ), 574.
Лидерсъ, 462.
Лидсъ 329.
Лизенъ, 610.
Лимбургъ, 388.
Линденау, 293, 295.
Линденъ, 534.
Линкольнъ Авраамъ, 572, 573, 574; портретъ, 572.
Линьи, 318, 595.
Лисса, 562.
Лиссабонъ, 190, 193, 345, 356, 371, 372, 407.
Листаль, 390.
Литва, 96, 98, 232, 397, 400.
Лихновскій, 452; портретъ, 453.
Лихтенштейнъ, 167.
Ліанкуръ, 25.
Ліонъ, 71. 73, 74. 81—83. 101, 107, 150, 317, 414.
Лобау, 207, 320.
Лоди, 110.
Лозанна, 142.
Лола Монтесъ, 424.
Ломбардія, 113, 123, 157, 324, 326, 475, 476, 478, 513, 516.
Ломъ-де-Курбьеръ, 184.
Лонато, 110.
Лонгви, 53, 55.
Лондонъ, 275, 366, 387, 401, 432, 437, 494, 501, 546.
Лонэ, 25.
Лорисъ-Меликовъ М. Т., 639; портретъ, 640.
Лористонъ, 247, 270, 295, 298.
Лотарингія, 42, 143, 304, 376, 602, 613, 617.
Луара, 74, 75, 606.
Лувель, 353.
Лудвигсбургъ, 334.
Лудвигъ I Баварскій, 341, 366, 430; портретъ, 343;—II, 607, 608, 655.
Лудвигъ-ФердинандъПрусскій, 166, 178.
Луи-Бланъ, 444, 467, 468.
Луиза, жена Фридриха-Вильгельма III, 166, 185, 230, 263, 416; портретъ, 229.
Луиза, дочь Луи-Филиппа Орлеанскаго, 389.
Луизіана, 152, 573.
Луи-Наполеонъ Бонапартъ, см. Наполеонъ III.
Луисъ Португальскій, 521.
Луи-Филиппъ Орлеанскій, 66, 382—384, 405, 406, 408—410, 415, 432, 437—440, 442; рис.: портретъ, 382; принесеніе присяги, 385.
Лукаду, 184.
Лукайскіе о-ва, 324.
Лукезини, 166, 174, 180.
Лукка, 157, 346.
Лукновъ, 500.
Лурдъ, 623.
Львовъ, 349.
Лэндэ Роберъ, 88.
Любекъ, 179, 216, 264, 326.
Любецкій, 396.
Людовикъ XVI, франц., 3, 5, 8, 30, 35, 36, 47, 48, 58, 59, 60, 62, 63; рис.: портретъ, 4, автографъ, 59; прощаніе его съ семьей, 61.
Людовикъ XVII (Луи Капетъ), франц., 67, 74, 88; рис.: автографъ, 91; портретъ, 91.
Людовикъ XVIII, франц., 11, 101, 118, 128, 141, 314, 322, 350, 372, 373; портретъ, 351.
Людовикъ-Антонъ-Генрихъ де-Бурбонъ, герцогъ Ангіенскій, Конде, 152, 153; портретъ, 153.
Людовикъ Голландскій, 216.
Люзиньи, 309.
Люитпольдъ, пр.-регентъ Баварскій, 655, 656 (портретъ).
Люкнеръ, 47.
Люксембургъ, 95, 382, 388, 424, 505, 580.
Люнебургъ, 264.
Люневиль, 143.
Люттихъ, 41.
Люценъ, 267.
Люцернъ, 390, 426, 634.
Люцовъ, 263, 272.
Ляша, 634.
Ляаненъ, 387.
Маасъ, 107, 108, 112, 595.
Маврокордато Александръ, 359, 360.
Мавромихалисъ Петро, 358.
Магдала, 571.
Магдебургъ, 180, 280, 421.
Магницкій, 363.
Мадалинскій, 98.
Маджента, 512, 513.
Мадзини Джузеппе, 427, 475, 480, 516, 519.
Мадрасъ, 500.
Мадридъ, 39, 160, 191, 203, 227, 228, 314, 345, 359, 355, 408, 632.
Майнау, 167.
Майнутъ, 435.
Майнцъ, 55, 56, 63, 65, 74, 95, 124, 144, 156, 266, 338, 580, 588.
Майнъ, 107, 160, 303, 358, 563.
Макдональдъ, 94, 131, 232, 234, 255, 256, 283, 289, 298.
Македонія, 357.
Максау, 588.
Максимиліанъ Мексикан-

скій, 575. 576; портретъ, 575.
Максъ-Іосифъ Баварскій, 160, 196, 341.
Максъ-Эммануэль Баварскій, 133.
Макъ Карлъ, 126, 158, 160, 161, 162.
Макъ-Магонъ, 513, 589 (портретъ), 591, 594, 595, 624, 660.
Малаховскій Станиславъ, 95.
Малмезонъ, 217.
Мало-Ярославецъ, 248, 249.
Мальбоскэ, 74.
Мальзербъ, 59; автографъ, 59.
Мальмесбюри, 127.
Мальмъ, 452.
Мальта, 120, 128, 146, 148, 151, 329.
Малэ, 252.
Мамелюки, 121.
Маммонъ, 131.
Мангеймъ, 107, 307, 390, 588.
Мандатъ, 52.
Манинъ Даніель, 475, 503.
Мантейфель Оттонъ, 457, 466, 495, 509, 539.
Мантейфель Эдвинъ, 546, 550, 552, 547, 562, 5 2, 606, 607, 608, 610; портретъ, 551, 655.
Мантуя, 110, 111, 215, 513.
Манчестеръ, 329, 405.
Маньяно, 130.
Манюель, 353, 355.
Маратъ Жанъ-Поль, 29, 45, 57, 69, 71, 72; портретъ, 72.
Маренго, 142.
Мари, 444, 468.
Маріенбургъ, 324.
Марія-Антуанета, 3, 11, 36, 39; рис.: портретъ и автографъ, 5, 79.
Марія-Каролина Неаполитанская, 111, 125.
Марія-Луиза, жена Наполеона I, 218, 306, 346, 405; портретъ, 218.
Марія-Луиза, жена Карла IV Испан., 190.
Марія Ѳеодоровна, жена Павла I, 127.
Марія де-Глоріа, 371, 372, 407.
Маркграфеннейзидель, 212.
Марклебергъ, 293, 295, 296.
Мармонъ, 160, 223, 228, 293, 295, 298, 309, 310, 380, 381.
Марна, 307.
Марокко, 437, 438, 521.
Марониты, 524.
Марото, 408.
Марсала, 518.
Марсель, 16, 52, 73.
Марсо, 75.
Марсъ-ля-Питръ, 592.
Мартинецъ де-ла-Роза, 354.
Мартиньякъ, 376, 377.
Мархіи, 519.
Мархфельдъ, 207, 210, 212.
Марэ, 276.
Массауа, 571.
Массена, 118, 129, 133, 142, 163, 168, 207, 212, 219, 227, 228.
Массова, 660.
Мастаи, см. Пій IX.
Мастрихтъ, 94, 388.
Мати, 449.
Матью Геобальдъ, 404.
Махди, 651.
Махмудъ II, 357, 366, 431, 432.
Махмудъ, Драмскій паша, 360,
Мацціони, 478.
Мацѣіовицы, 99.
Мезонъ, 369, 384.
Мезьеръ, 595, 598.
Мекернъ, 293, 295.
Мекленбургъ, 64, 179, 281, 334.
Мекленбургъ-Шверинъ, 505.
Мексика, 372, 571, 575, 576.
Меласъ, 132, 141, 142.
Мелендорфъ, 94, 97.
Мельбурнъ, лордъ, 401, 403.
Мелькау, 297.
Мемель, 182, 183, 184.
Мемминген, 142, 160, 161.
Ментанъ, 578.
Мену (Абдалла), 91, 104, 134, 147.
Меньшиковъ, 483, 488; пор.: 483.
Мервельдтъ, 163, 293, 295, 296.
Мервъ, 568, 651.
Мергентгеймъ, 207.
Мерзебургъ, 298.
Мери, 308.
Мерлинъ, 118.
Мермильо, 634.
Мессина, 477, 518, 519.
Меттернихъ Клеменсъ-Лотаръ-Венцеславъ, 228, 254, 273, 275, 276, 304, 308, 310, 315, 317, 327, 334, 337, 338, 342, 347—349, 356, 359, 361, 370, 391—393, 396, 405, 420, 428, 429, 437, 447; пор.: 335.
Мехмедъ-Али Египетскій (Магометъ), 360, 369, 431, 432, 433; портретъ: 361.
Мехмедъ-Джемиль-бей, 495.
Мецъ, кр., 587, 591, 592, 593, 598, 603, 613.
Мецъ, генералъ, 545.
Мигуель, сынъ Іоанна II, Португ., 356, 371, 372, 407, 408.
Мидхадъ-паша, 637, 638.
Миланъ, 110, 131, 142, 157. 347, 428, 475, 477, 480, 501, 513, 570, 637.
Милезимо, 110.
Миллеръ Іоганнъ, 197, 221.
Милошъ Обреновичъ, 358.
Милютинъ Н. А., 531.
Милютинъ, Д. А., 630; портретъ, 630.
Мина, 355, 408.
Мингетти, 633, 659.
Минденъ, 396.
Минорка, 148.
Минчіо, 110, 143, 475, 513, 514, 516, 557.
Мирабо (Рикетти Габріэль Опорэ), 16, 20, 21, 28—31, 33—35, 45; портретъ: 16.
Миратъ, 500.
Мирославскій, 477.
Миссисипи, штатъ, 572.
Миссолонги, 360, 361, 364, 368.
Миссунда, 546.
Михаилъ Николаевичъ, 528; портретъ: 528, 639.
Михаилъ Сербскій, 570.
Михельсбергъ, 161.
Могилевъ, 237.
Модена, 110, 113, 326, 346, 405, 477, 513, 516, 517.
Модлинъ, 270, 302, 398.
Модона, 361.
Можайскъ, 248, 250.

Мозель, 592, 604, 605.
Молдавія, 202, 231, 365, 482, 524.
Моле, 415, 442.
Мольтке Гельмутъ, 545, 558, 578, 593, 496; портретъ, 559.
Монгомри, 573.
Монбланъ (департам.), 63.
Мондего, 371.
Мондови, 110.
Монжелъ, 196.
Монмартръ, 310, 621.
Монмеди, 36, 594, 595.
Монрадъ, 545.
Монро (Джемсъ), 576.
Монроэ, 152.
Монсъ, 48.
Монталивэ, 265, 415.
Монтанелли, 478.
Монтебелло, 512.
Монтенотъ, 110.
Монтескіу, 56.
Монтескьё, 9.
Монтмирайль, 307.
Монтро, 308.
Монъ-Валеріанъ, 608, 609
Моравія, 164, 167, 349, 626.
Моранъ, 264.
Морелли, 347.
Морея, 360.
Морни, 474.
Моро, 65, 94, 108, 112, 131, 142, 143, 152, 153.
Мортемаръ, 381—383.
Москва, 234, 244, 246, 247, 248.
Москирхъ, 142.
Мосъ, 342.
Мортье, 151, 164, 286, 287, 310, 415.
Мотружъ, 604.
Мулэнъ, 136.
Мункаче, 358.
Мунье, 33.
Муотта, 133.
Муравьевъ-Амурскій, 525, 526; портретъ, 526.
Муравьевъ М. Н., 530; портретъ, 530.
Мурадъ V, 637, 638.
Мурадъ-бей, 121, 123, 134.
Муръ, 203.
Мухтаръ-паша, 639.
Мэзонъ, 270.
Мюльгаузенъ, 118.
Мюльгравъ, 74.
Мюнстеръ, 260.
Мюнхенгрецъ, 392.
Мюнхенъ, 143, 160, 341, 579. 587, 588.
Мюратъ Іоахимъ, 138, 164, 169, 179, 185, 190, 191, 219, 234, 248, 292, 294, 306, 317; портр.: 168.
Мюфлингъ, 369.
Наварінъ, 368.
Навплія, 369, 430.
Нанкинъ, 435.
Нанси, 33, 307.
Нантъ, 74, 90, 107.
Наполеонъ I Бонапартъ, 74, 104—106, 108—111, 113, 117, 119—121, 123, 128, 133—136, 138—140, 142, 143, 146—153, 155—180, 182, 184, 185, 187—193, 195, 197, 198, 202—208, 210—221, 223, 226—228, 230—232, 234, 236—238, 242, 244, 246—254, 258, 259, 264, 271, 273, 275—279, 283, 285, 286, 289—299, 302—305, 307—310, 312, 314—318, 320, 322, 325, 353; рис.: портреты—консуломъ, 137; императоромъ, 171; съ сыномъ, 219; незадолго до вступленія въ Москву, 249; въѣздъ въ Берлинъ, 181; прощаніе съ гвардіей, 313.
Наполеонъ II, 322, 409, 410; рис.: въ гробу, 410.
Наполеонъ III, 410, 438, 469, 472—474, 480, 492, 494, 498, 503, 504, 511—513, 516, 517, 522, 523; 554, 555, 562, 563, 575, 576, 580—582, 585, 587, 596, 598, 600, 622; рис.: факсимиле его письма, 598; портреты — президентомъ республики, 471; императоромъ, 496; смотритъ на битву при Сольферино, 515; съ Бисмаркомъ послѣ битвы при Седанѣ, 599.
Наполеонъ-Людовикъ, сынъ Наполеона III, 652.
Наполеонъ - Жозефъ-Шарль Бонапартъ, 516.
Нарбоннъ, 275.
Нарваэцъ, 583.
Наревъ, 398.
Нассау, 145, 198, 334, 394 505, 535, 541, 542, 563.
Наумбургъ, 303.
Нахимовъ, партизанъ, 246.
Нахимовъ, адмиралъ, 488, 490; портретъ, 486.
Находъ, 560.
Неаполь, 64, 110, 124—126, 128, 131, 146, 151, 166, 168, 187, 191, 217, 346, 348, 349, 406, 428, 475, 476, 480, 501, 518—520.
Невшатель, см. Бертье.
Невшато, 118.
Невѣровскій, 237.
Ней, маршалъ, 160, 161, 163, 179, 180, 182, 234, 269, 288, 295, 298, 318, 320, 352.
Ней, полковникъ, 472.
Нейбрейзахъ, 607.
Нейвидъ, 108, 112.
Нейенбургъ, 390, 446.
Нейсса, 283, 559.
Нейссе, 183.
Некеръ, Яковъ, 10, 11, 14, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 29, 35; портретъ, 14.
Нельи, 439.
Нельсонъ, 122, 125, 131, 159, 162, 163; портретъ, 162.
Непиръ, 484; Робертъ, 571.
Нервиденъ, 65.
Нердлингъ, 161.
Нессельроде, 260.
Неттельбокъ Іоахимъ. 184; портретъ, 183.
Нибургъ, 193.
Нидервальдъ, 654.
Нидерланды, 51, 94, 113, 128, 324, 325, 386, 387.
Низибъ, 432.
Николай I Павловичъ, 363, 364, 368, 370, 392, 393, 396—399, 429, 431, 462, 465, 482, 490; портретъ, 364.
Николай II, русск. импер., 671.
Николай Николаевичъ Старшій, 639; портретъ, 639.
Николай Черногорскій, 637.
Никольсбургъ, 562.
Никшичъ, 636, 642.
Нилъ, 121, 134.
Ницца, 63, 110, 324, 517, 660.

Ніель, 489, 514.
Ноаль, 27.
Новара, 349, 478.
Новая Зеландія, 435.
Новобазарскій санджакъ, 617.
Новь, 132.
Нола, 347.
Нолендорфъ, 286, 287.
Норвегія, 232, 325, 327, 446, 566, 633, 662.
Нордлингенъ, 160.
Нормандія, 606, 607.
Норманби, 404.
Норманъ, 297, 359.
Нуазвиль, 599.
Нусбахъ, 212.
Нѣжинъ, 663.
Нѣманъ, 185, 234.
Нюрнбергъ, 173.
Оба, 307.
Оверзее, 452, 546.
Оверзельнъ, 456.
Одеръ, 263, 270, 276, 545.
Одесса, 663.
Одилонъ Барро, см. Барро.
Ожеро, 116, 256, 298.
Окенъ, 424.
О'Коннель Даніэль, 330, 332, 404, 435; порт., 332.
О'Конноръ Фиргюсъ, 404.
Оксенстіернъ, 302.
Оливье Эмиль, 554, 581, 582, 584, 585, 586, 591, портретъ, 581.
Олоцага, 584.
Ольденбургъ, 342, 394, 505.
Ольмюцъ, 52, 166, 455, 466, 510, 562.
Омеръ-паша, 484, 489.
Опорто, 345, 407.
Оравайсъ, 202.
Орбанъ, 566.
Орель де-Паладинъ, 606, 607.
Оренбургъ, 146.
Орлеанъ, 604, 606, 607, 649.
Орловъ, 495.
Орсини, 498, 501.
Оскаръ I, Швед., 566.
Османъ-паша, 640, 642, 644.
Остерманъ, 237, 286, 287.
Остзейскій край, 234.
Остроленка, 398.
Остъ-Индія, см. Индія.
Отаити, 437.
Отензенъ, 209.
Отто, 275.
Оттоманская Порта, см. Турція.
Оттонъ I, Греческій, 430, 524, 570 .
Офенъ, 455, 462, 577.
Павелъ I, Петровичъ, 127, 128, 130, 133, 146, 148, 352, 363.
Павія, 632.
Павловскъ, 127.
Падуя, 42.
Пазевалькъ, 179.
Пакка, 216.
Паладинъ Орель, 606, 608.
Палафоксъ, 192, 193.
Палермо, 428, 477, 518, 519, 521.
Палестро, 512.
Паликао, 591, 594, 600.
Пальмерстонъ, 401, 428, 433, 435, 480, 489, 499, 501, 513, 522; портретъ, 436, 553, 576.
Пальмъ Іоганнъ, 173; портретъ, 174.
Пампелуна, 306.
Пантенъ, 310.
Паппенгеймъ, 314.
Парижъ, 14, 22, 23, 25, 29, 31, 33, 36, 49, 50, 52—54, 57, 60, 66, 68, 75, 84, 87, 88, 90, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 119, 135, 136, 143, 144, 150, 152, 173, 182, 202, 218, 220, 228, 251—253, 275, 312, 314, 322, 380, 383, 384, 414, 437, 468, 492, 586, 591, 594, 600, 601, 603, 604, 606, 608, 613, 620, 621.
Парма, 110, 157, 326, 346, 405, 475, 477, 501, 513, 516, 517.
Парнелль, 661.
Парта, 293, 296.
Парѳенопейская респ., 126, 131.
Пасванъ-Оглу, 121.
Паскевичъ, 398, 399, 462, 484.
Пассарге, 182.
Пассейская долина, 207.
Патовъ, 511, 537.
Патрась, 368.
Паунсдорфъ, 297.
Пацца Михаилъ, 131.
Пашъ, 69.
Педро I, 345, 371, 372, 407, 408.
Педро II, 407.
Пейронне, 374, 378, 384, 412.
Пелисье, 491; портр., 490.
Пелопоннесъ, 358, 359, 361, 368, 369.
Пенджабъ, 436.
Пепе Гуіельмо, 347, 348, 476.
Персано, 562.
Персиньи, см. Сентъ-Арно.
Персія, 227, 368, 430, 499, 527.
Пертсъ, 220.
Перье Казиміръ, 380, 382, 383, 406, 412, 414, 415; портретъ, 412.
Пескіера, 476, 513.
Песницъ, 295.
Пестель, 588.
Петербургъ, 100, 133, 144, 234, 539.
Пето, 360.
Петрушевскій, 641.
Петьонъ, 44, 50, 52, 71, 80.
Пи-и-Маргалъ, 632.
Пикаръ, 606.
Пиллау, 185.
Пиллерсдорфъ, 457.
Пильница, 42.
Пиль Робертъ, 330, 332, 403, 433, 434, 435; портретъ, 434.
Пирей, 431, 484.
Пирей, 649.
Пиринеи, 65, 190, 304, 623.
Пиринейскій полуостр., 222, 446.
Пирмазенъ, 65.
Пирна, 285, 286.
Питтъ Вильямъ (младшій), 40, 64, 93, 141, 146, 157, 176, 330.
Пишегрю, 94, 107, 108, 117, 152, 153.
Піава, 111.
Піаде, 359.
Піаченца, 157, 513.
Пій VI, 110, 111, 132.
Пій VII, 132, 149, 155, 215, 265, 346.
Пій VIII, 395, 406.
Пій IX, 427, 428, 476, 478, 480, 517; портретъ, 427, 572, 634, 658.
Піомбино, 157, 169.
Плансенуа, 320.
Плассакъ, 411.
Платовъ, М. И., 185, 279.
Плауенъ, 266.

Плевна, 640, 641, 642.
Плейсса, 293, 295, 296.
Пломбіеръ, 504.
По, 110, 143, 476.
Подолія, 397, 400.
Подолъ, 560.
Познань, 98, 180, 182, 422, 456, 466.
Пойшвицъ, 270.
Полина, сестра Наполеона I, 169.
Полиньякъ, семья, 26.
Полиньякъ Жюль, 377, 378, 381, 384, 412; портретъ, 377.
Полоцкъ, 400.
Польша, Поляки, 40, 56, 64, 95—98, 174, 182, 187, 226, 236, 276, 299, 315, 361, 362, 396—399, 405, 422, 429, 524, 529, 530, 553, 578, 658.
Помарэ, 437.
Померанія, 64, 183, 232, 325, 617.
Понтекорво, см. Бернадоттъ.
Понтьевръ, 101.
Понятовскій Іосифъ, 97, 211, 234, 298, 299.
Порта, см. Турція.
Порто-дель-Пополо, 118.
Портсмутъ, 102.
Португалія, 64, 147, 189, 193, 203, 214, 227, 228, 325, 345, 355, 371, 372, 407, 521.
Поти, 369.
Потоцкій Игнатій, 95, 97, 625.
Потсдамъ, 166, 258.
Прага, 99, 266, 276, 277, 454, 562.
Працъ, 166, 167.
Прегель, 182.
Прейсишъ-Эйлау, 182.
Прейсъ, 40.
Прейтицъ, 269.
Пренцлау, 179.
Пресбургъ, 164, 167, 211, 455, 532.
Преси, 73, 74.
Примъ, 561, 584.
Прирейнская обл., 325.
Притчардъ, 437.
Пробстъ, 561.
Пробстгейдъ, 296, 297.
Провансъ, 16, 317.
Пруссія, 40, 42, 47, 48, 51, 55, 56, 64, 94, 96—100, 107, 108, 114, 123, 124, 128, 145, 146, 153, 158, 160, 164, 166, 174—177, 182, 185, 187, 188, 197, 198, 202, 204, 210, 217, 228, 230, 231, 255, 256, 258, 263, 264, 266, 268, 270, 271, 275—278, 288, 289, 309, 315, 316, 323—325, 336, 340—342, 348, 359, 391, 393, 405, 416, 418, 428, 432, 447—449, 452, 456—458, 460, 463, 465, 466, 482—484, 489, 504, 506, 508—514, 520, 533—535, 539—542, 545, 546, 548—552, 555—559, 561—564, 580—582, 587, 589, 614, 617.
Прутъ, 231.
Псара, 358.
Пултускъ, 182.
Пустерталь, 205.
Путлицъ, 280.
Пуэбла, 575.
Пфальцъ, 56, 101, 460, 461.
Пфафендорфъ, 108.
Пфортенъ, 506.
Пфулендорфъ, 142.
Пьемонтъ, 142, 349, 406, 475, 477, 480, 502, 503, 512, 516, 517.
Пюто, 284.
Раабъ, 211
Рабенгорстъ, 450.
Равка, 98.
Раглань, 485, 491.
Радецкій Іосифъ, 294, 475—478, 480; портр., 476.
Радовицъ, 465.
Раевскій, 238.
Райи, 484.
Раманьэ, 121.
Рамбулье, 383.
Рана, 267.
Ранвиль, 384.
Раппересвиль, 119.
Раппъ, 302.
Ратацци, 516, 521.
Раткау, 179.
Рафль, 215.
Раштадтъ, 113, 118, 123, 128, 129, 461.
Ревбелль, 107, 117.
Ревиго, 252.
Регенсбургъ, 144, 172, 206, 266.
Редереръ, 52.
Реджидъ-Мехмедъ-паша, 361, 431.
Режэръ, 621.
Резонвиль, 593.
Рейль, 566.
Реймсъ, 310, 374.
Рейнкенъ, Іос. Губертъ, 617.
Рейнскія провинціи (Пруссія), 665.
Рейнъ, 56, 65, 94, 95, 100, 107, 108, 112—114, 124, 129, 130, 142—145, 161, 303, 304, 307.
Рейсъ, 133.
Рейхенбахъ, 42, 276.
Рейхсгафенъ, 590.
Рендсбургъ, 549, 550.
Ренье, 94, 234, 298.
Рибо, 135.
Риволи, 111.
Ривьеръ, 131.
Рига, 232.
Риго Рауль, 621.
Ридлингенъ, 167.
Ридъ, 291.
Рикасоли, 521, 555, 557, 562.
Риккетти Габріель Онорэ, см. Мирабо.
Римъ, 118, 126, 215, 475, 476, 478, 480, 517, 519, 523, 578, 579, 662.
Ричмондъ, 574.
Ришелье, 353.
Ріего, 345, 354, 355.
Ріо-де-Жанейро, 190, 345.
Ріо-Секко, 193.
Ріети, 348.
Робержо, 129.
Робеспьеръ Максимиліанъ, 44—46, 53, 54, 57, 58, 60, 69, 73, 80, 83—88; рис.: портр., 45; арестованіе, 89.
Робеспьеръ младшій, 87, 88.
Ровередо, 111.
Роганъ, 12.
Роггенбахъ, 534.
Рожеръ-Дюко, 136, 138.
Розенбергъ, 133.
Ройэ-Коллярь, 355, 374, 376; портретъ: 374.
Роланъ, мужъ, 47, 49, 68.
Роланъ, жена, 47; пор.: 47.
Романья, 111, 406, 478, 517.
Ромбергъ, 179.
Ромеръ Фридрихъ, 461.

Ромэнвиль, 310.
Ронге Іоганнъ, 421.
Ронженъ, 85.
Роонъ, 537; портретъ: 537, 549.
Рослау, 290.
Россбруннъ, 562.
Россель Джонъ, 401, 402, 435, 499, 513, 554.
Россиньоль, 54, 75.
Росси Пеллегрино, 478.
Россія, русскіе, 40, 56, 64, 95—100, 112, 127, 128, 132, 134, 141, 145, 146, 148, 158, 163, 166, 167, 177, 180, 182, 184—187, 202, 203, 214, 217, 223, 226—228, 230—232, 234, 242, 244, 247, 250, 251, 253—256, 258, 260, 263, 264, 266, 268—270, 275—278, 288—290, 299, 309, 310, 315, 316, 323, 324, 348, 357—359, 361—364, 366, 368, 391, 393, 396—399, 405, 428—432, 462, 463, 466, 471, 482—484, 489, 492, 498, 503, 509, 511—513, 520, 524—530, 553, 567, 568, 586, 628—630, 637, 639, 640.
Ротентурмъ, 119.
Роттекъ, 392.
Рошамбо, 47, 152.
Рошфоръ, 322, 581, 601, 604.
Руанъ, 80, 607.
Рудныя горы, 284.
Румынія, 524, 639, 645, 646, 648.
Румыны, 358, 455.
Руссо Жанъ-Жакъ, 9.
Руффо, 131.
Руэ Еженъ, 524; портретъ: 523, 554, 579, 582, 583.
Рюкертъ Фридрихъ, 277.
Рюхель, 178.
Саарбрюкенъ, 588.
Саарлуи, 324.
Савари, 184, 191.
Савойя, 56, 63, 110, 324, 517, 660.
Савона, 216.
Саганлугскія горы, 646.
Сагаста, 632.
Садова, 561.
Саецъ, 355.
Саксенъ-Альтенбургъ, 542.
Саксонія, 108, 144, 180, 187, 209, 214, 266, 268, 315, 316, 325, 326, 334, 339, 342, 391, 394, 447, 461, 505, 535, 544, 560, 617.
Саламанка, 228.
Салегіэ, 122.
Салисбюри, 662.
Салисъ-Согліо, 426.
Салоники, 636.
Салулау, 167.
Сальмеронъ, 632.
Сальпетріери, 54.
Самаркандъ, 568.
Самбра, 65, 107, 108, 112.
Самсонъ, 62.
Санта Лучія, 475.
Сантеръ, 50.
Санъ-Мигуэль, 354.
Санъ-Себастіано, 306.
Санъ-Суси, 457, 535.
Сарагосса, 192, 193, 203.
Сардинія, 39, 51, 64, 126, 325, 346, 481, 501, 503, 519.
Сачиле, 211.
Свеаборгъ, 202.
Св. Елены о-въ, 322.
Себастіани, 405.
Сева, 110.
Севастополь, 485, 486, 488, 490, 491; рис.: видъ бухты, 489.
Севилья, 192, 355.
Седанъ, 595.
Сеймуръ Гамильтонъ, 483.
Селерсгаузенъ, 297.
Селимъ III, 121, 366.
Семичевъ, 246.
Семтеръ, 573.
Сенонвилль, 382.
Сена, 75.
Сенси, 633.
Сентъ Арно, 474, 485, 491; портретъ, 485.
Сентъ-Антуанъ, 52, 91, 105.
Сентъ-Ильдефонсо, 112.
Сентъ-Онорэ, 105.
Сентъ-Эньянъ, 304.
Сентъ-Юрюгъ, 50.
Сенъ-Бернаръ, 142.
Сенъ-Галленъ, 390.
Сенъ-Готардъ, 133.
Сенъ-Дизье, 310.
Сенъ-Доминго, 93, 152.
Сенъ-Жанъ, 318.
Сенъ-Жанъ-Лакръ, 134.
Сенъ-Жюстъ, 58, 60, 83, 86, 87, 88.
Сенъ-Кантенъ, 608.
Сенъ-Клу, 36, 136, 194 380—382.
Сенъ-Манжъ, 595, 596.
Сенъ-Мари-о-Шэнъ, 593.
Сенъ-Марсо, 52, 91, 105.
Сенъ-Мену, 36.
Сенъ-При, 296, 310.
Сенъ-Приво, 592, 593.
Сенъ-Симонъ, 414, 415.
Сенъ-Сиръ Гувіонъ, 243, 285, 286, 287, 302.
Сенъ Сиръ-де-Карра, 264.
Сео-де-Ургель, 354.
Сепульведъ, 345.
Серадзь, 98.
Сераево, 647.
Сербія, 524, 570, 636—639, 645, 646, 647, 648, 649.
Сербы, 358, 455.
Серванъ, 49.
Серрано, 584, 633.
Сеславинъ, 246, 248.
Сеттимо Руджіеро, 428.
Сечени Стефанъ, 393.
Сибирь, 525, 526.
Сиверсъ, 96, 97.
Силезія, 164, 183, 263, 278, 555, 617, 624.
Силистрія, 368, 484.
Симонъ, 88; автографъ, 88, 604.
Симсонъ Эдуардъ, 459, 608.
Синопъ, 484.
Сирія, 128, 129, 134, 431, 432, 524.
Систово, 42, 641.
Сицилія, 126, 168, 325, 346, 347, 428, 477, 518.
Сіе(э)йсъ, 15, 20, 27, 60, 62, 103, 107, 114, 135, 136, 138—140; портретъ, 15.
Сіудадъ-Родриго, 228.
Скалицъ, 560.
Скобелевъ, М. Д., 568, 644, портр., 645.
Скобѣевъ Іоаннъ, 246.
Скшинецкій, 398.
Славонія, 532.
Славяне, 455.
Сливница, 649.
Словаки, 658.
Смитъ Сидней, 134, 147.
Смоленскъ, 237, 238, 250.
Соединенные Штаты, 152.
Сокольницы, 166.
Сольферино, 514.
Сомбреффъ, 318
Сомюръ, 75.
Соора, 560.

Софья-правительница, 526.
Спецція, 358.
Спонекъ, 525.
Стадіонъ, Филиппъ, 203, 275, 276.
Стадіонъ, сынъ, 512.
Сталь, 220.
Станиславъ-Августъ (Понятовскій) польскій, 96, 99, 100.
Станлэ (Стэнли), 571.
Старо-Сербія, 646.
С.-Стефано, 645.
Стефенъ, 635.
Стефенсъ, 404.
Стокгольмъ, 39, 328.
Стофелэ (Стофле), 68, 112.
Страсбургъ, 78, 112, 152, 410, 449.
Струве Густавъ, 452.
Стэнли, 433.
Стюартъ Чарльзъ, 296.
Суамъ, 94.
Суассонъ, 607.
Суворовъ-Рымникскій А. В. 127, 130, 133; портретъ, 130.
Суданъ, 651.
Сулейманъ-паша, 641.
Сультъ, 203, 227, 228, 265, 306, 415, 437.
Суэзскій каналъ, 570, 650.
Сьюардъ, 574.
Сэзэ, 59; автографъ, 59.
Сюрлэ-де-Шокье, 388.
Таафе, 658.
Табаго, 324.
Таганрогъ, 361.
Таксисъ, 314.
Талаверъ-де-ля-Рейнъ, 227.
Талейранъ Отенскій, 31, 34.
Талейранъ-Перигоръ, 135, 169, 173, 204, 310, 312, 315, 383, 406; портретъ, 315.
Таліаменто, 111.
Талліенъ, 87, 88.
Тампль см. Тэмпль.
Танжеръ, 438.
Таннъ, 589, 604, 606, 607.
Тарговицы, 96.
Тарентъ, 158.
Тарже, 59.
Тарутино, 246.
Таубербишофсгеймъ, 562.
Тауенціенъ, 280, 290.
Таунъ, 206.
Таурогенъ, 256.
Тахо, 189, 356.
Ташкентъ, 558.
Тевфикъ, 651.
Тегетгоффъ, 562.
Тейнингъ, 108.
Тейнеръ, Мартинъ, 205.
Текинцы, 568.
Тель-эль-Кебиръ, 651.
Тельницъ, 166.
Теплицъ, 286, 287, 289, 391, 392.
Теріе-де-Монсіель, 50.
Терцейра, 372, 407.
Тессино, 478.
Тессинъ, 512, 513.
Теттенборнъ, 263, 264, 272, 291.
Тильзитъ, 185.
Тильманъ, 266, 290.
Тіонвилль, 587, 593, 607, 613.
Типпо-Саибъ, 134.
Тироль, Тирольцы, 111, 143, 158, 161, 163, 167, 204, 205, 207, 213, 214, 291, 324, 533, 626, 658.
Тиршъ, 196.
Тисса Коломанъ, 627; портретъ, 628, 658.
Тичино, 110, 131.
Тонкинъ, 651.
Торгау, 266, 269, 302.
Тормасовъ, 98.
Торнъ, 97, 211.
Торресъ-Ведрасъ, 193, 227.
Тортона, 132, 142.
Тоскана, 64, 110, 118, 326, 346, 478, 480, 501, 516, 517.
Тотлебенъ, 488, 642 (портретъ), 644
Тразимена, 215.
Трансваальская респ., 652.
Трансильванія, 533, 658.
Траунъ, 206.
Траутенау, 560.
Трафальгаръ, 162.
Трахенбергъ, 278.
Трезенъ, 366.
Требія, 131.
Тринидадъ, 148.
Триполисъ, 359.
Триръ, 94.
Тріентъ, 167.
Тріестъ, 214, 276, 666.
Тролонгъ, 499.
Троншэ, 59; автографъ: 59.
Троппау, 348.
Тротинабахъ, 561.
Трохтельфингенъ, 161.
Трошю, 594, 601, 603, 606, 609.
Труа, 13, 310.
Тугутъ, 94, 111, 123, 129, 132, 141.
Тулонъ, 74, 104, 120.
Туль, 604.
Тунисъ, 650, 660.
Тунъ Леонъ, 507.
Турбиго, 513.
Тургау, 390, 634.
Тургеневъ, И. С., 663 (портретъ), 664.
Туринъ, 39, 131, 314, 349, 428, 477, 512, 519, 556.
Туркестанъ, 568.
Туркманчай, 368.
Туркуэнъ, 94.
Турнау, 560.
Турнъ, 314.
Турнэ, 48, 94.
Турція, Турки, 40—42, 96, 120, 121, 128, 148, 177, 185, 187, 217, 226, 227, 230, 231, 236, 323, 350, 357—362, 365, 366, 368, 369, 431—433, 482—484, 489, 492, 524, 527, 528, 554, 570, 639—640.
Туръ, 37, 609.
Туссенъ-Лувертюръ, 93, 152.
Тьеръ Адольфъ, 305, 380, 415, 432, 437, 442, 469, 473, 524, 533, 554, 556, 582, 586, 594, 600, 601, 606, 612, 622; портретъ. 623.
Тэмпль, 52, 54.
Тэнъ, 68.
Тюльери, 30, 36, 50, 52, 70, 105, 151, 154, 156, 381, 442, 474, 504, 601.
Тюрго, 10, 13.
Тюрингенъ, 178.
Тырново, 640, 649.
Удино, 212, 234, 269, 272, 279, 280, 471.
Укермаркъ, 179.
Уландъ Лудвигъ, 277, 334.
Улихъ, 421.
Ульмъ, 142, 160, 161.
Умбрія, 519.
Унтервальденъ, 119, 390, 426.
Уольслей, 651.
Уорнклифъ, 433.
Урбанъ, 513.
Ури, 119, 390, 426.

Урихъ, 603.
Уссурійскій край, 527.
Уэльсъ, 433.
Фавръ Жюль, 581, 600, 602, 603, 604, 606, 609, 612; портретъ, 601.
Файльи, 578, 595.
Фалькенштейнъ Фогель, 558.
Фалькъ, 618 (портретъ), 619.
Фанти, 519.
Фарини, 517. 521.
Федербъ, 607, 608.
Фейле, 546.
Фейербахъ, 193.
Фельдкирхъ, 129.
Фергара, 408.
Фердинандъ V Австрійскій, 393, 456.
Фердинандъ VII Испанскій, 190, 191, 192, 314, 344, 345, 350, 370, 406, 428.
Фердинандъ IV Неаполитанскій и I Сицилійскій, 124—126, 346, 347.
Фердинандъ II Неаполитано-Сицилійскій, 406, 477, 518.
Фердинандъ III Тосканскій, 346.
Фердинандъ Кобургск., 408.
Фердинандъ-Филиппъ Орлеанскій, 416, 439.
Фердинандъ, эрцг. Австр., 158, 161, 211.
Фердинандъ-Амедей Исп., 632.
Ферзенъ, 98.
Феррара, 111, 406, 428, 513.
Ферри, 606.
Ферроль, 159.
Ферьеръ, 603.
Феръ-Шампенуазъ, 310.
Фешъ, 173.
Фиглевъ, 246.
Фигнеръ А. С., 246; портретъ, 246.
Филанджіери, 477.
Фили, 242.
Филиппвиль, 324.
Филиппо, 134.
Филиппъ (Эгалите) Орлеанскій, 62, 66.
Финке Георгъ, 420.
Финляндія, 202, 203.
Фихте, Іоганнъ-Готлибъ, 40, 198, 201.
Фіаленъ, 474.
Фіонія, 193.
Фіэско, 413.
Фленсбургъ, 546.
Флессель, 25.
Флерюсъ, 94.
Флиссъ, 558.
Флоингъ, 596.
Флоренція, 475, 478, 480, 517, 556.
Флорида, 572.
Фоксъ Карлъ, 40, 176.
Фонтенебло, 25, 190, 265, 307, 312.
Фонъ-Визинъ, 246.
Форарльбергъ, 158, 167, 213, 214.
Фордъ, 131.
Форе, 512.
Форстеръ Георгъ, 65.
Форэ, 575.
Фошанъ, 307.
Фра-Дьяволо, см. Пацца.
Франклинъ Веніаминъ, 11.
Франконія, 101, 108, 210.
Франкфуртъ на М., 56, 101, 173, 214, 216, 303, 304, 326, 333, 342, 391, 394, 447, 452, 460, 463, 465, 466, 535, 542, 545, 562, 563, 565, 613.
Франсека, 593.
Франсуа, 118.
Францискъ д'Ассизъ, 438.
Франція, Французы, 5, 7—9, 11, 20—22, 26, 29, 31—34, 37, 39—42, 44, 45, 48, 51—57, 63—68, 71, 76, 78, 82, 84, 86, 88, 92—95, 100, 101, 104, 105, 107, 108, 110—114, 117—120, 123, 124, 126—138, 141—143, 145—148, 151, 155—158, 163, 164, 167, 172, 173, 175, 177—180, 182, 185, 187, 189—195, 198, 207, 213, 214, 216, 217, 220—223, 225—228, 230—232, 238, 242, 244, 247, 257, 258, 263, 265, 266, 268, 271, 272, 291, 297, 304—306, 309, 314—317, 323, 324, 327, 328, 348, 350, 353—356, 359, 366, 369, 372, 376—378, 388, 399, 407, 408, 422, 428, 429, 431, 433, 437, 438, 442, 444, 445, 463, 466—469, 471, 474, 477, 480, 483, 484, 488, 492, 494, 498, 499, 513, 514, 518—520, 522, 524, 530, 541, 554—556, 567, 575, 576, 578—581, 584, 586, 587, 589, 600—604, 615, 620—625, 632, 633.
Францъ II Герм. и I Австр., 47, 111, 123, 141, 143, 167, 173, 212, 213, 254, 273, 275, 309, 316, 324, 334, 342, 347, 349, 370, 393; портретъ, 274.
Францъ-Іосифъ, императ. Австр., 456, 465, 480, 501, 512, 513, 516, 532, 533, 542.
Францъ II Неаполит., 518, 519.
Францъ-Карлъ Австрійскій, 456.
Францъ IV Моденскій, 346.
Францъ Баденскій, 405.
Францъ-Іосифъ Австрійск., 559, 562, 577, 626 (портретъ).
Фраскати, 605.
Фребель Юліусъ, 456.
Фрежюсъ, 133, 135.
Фрейбургъ, 108, 390, 426.
Френуа, 596.
Фрешвейлеръ, 589.
Фридериція, 546.
Фреронъ, 88.
Фридландъ, 184.
Фридрихсгамъ, 203.
Фридрихъ Баденскій, 534; портретъ, 615.
Фридрихъ Великій, 40.
Фридрихъ-Вильгельмъ II, Прусскій, 42, 51, 95, 123; портретъ, 43.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, Прусскій, 124, 174, 182, 185, 210, 257, 269, 294, 336, 339, 396; портретъ, 125.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, Прусскій, 394, 416, 418, 420, 424, 450, 456, 459—463, 505, 508, 509, 510, 514, 535; рис.: портретъ, 717; его присяганіе, 464.
Фридрихъ VI, Датскій, 328.
Фридрихъ VII, Датскій, 425, 450, 510. 543.
Фридрихъ VIII, Шлезв.-Голшт. (Августенбургъ), 544.

Фридрихъ - Вильгельмъ-Брауншвейгъ-Оле, 209; портретъ, 210.
Фридрихъ I, Вюртембергскій, 160, 196, 266, 303, 334.
Фридрихъ-Вильгельмъ Гессенскій, 303, 534, 558.
Фридрихъ-Августъ I, Саксонскій, 42, 187, 269, 300.
Фридрихъ-Августъ II, Саксонскій, 391.
Фридрихъ - Вильгельмъ I, 559, 561, 588; портретъ, 590.
Фридрихъ-Карлъ Прусскій, 545, 546, 559, 561, 588, 592, 593, 599, 605, 506, 608; портретъ, 605.
Фридрихъ-Францъ Мекленбургъ-Шверинскій, 606, портретъ.
Фримонъ, 348.
Фришемонъ, 320.
Фріуль, 167, 214.
Фроссаръ, 588, 590.
Фрошдорфъ, 624.
Фукье Тэнвилль, 90; автографъ, 90.
Фулонъ, 23, 25.
Фульда, 216, 303.
Фурье Карлъ, 415.
Фуше Іосифъ, 86, 116, 204.
Фюрстенвальдъ, 287.
Хакке, 544.
Хагенау, 589, 590.
Хаммеръ, 549.
Хартумъ, 651.
Хейдъ, 537.
Хельмштадтъ, 563.
Хива, 567, 568.
Хіосъ, 359.
Хлопицкій, 398.
Хове, 93.
Храповицкій, 246.
Хржановскій, 478.
Христина, австр. эрцг., 661.
Христина, жена Фердинанда VII, Исп., 371, 407.
Христіанъ VII, Датскій, 425.
Христіанъ VIII, Датскій, 450.
Христіанъ IX, Датскій, 543, 545.
Христіанъ - Августъ - Гольштейнъ - Аугустенбургскій, 217.
Христофоръ, 152.
Хрулевъ, 491; портр., 494.
Хуарецъ Бенито, 575.
Хускиссонъ Робинзонъ, 330.
Хуэртадель-Реи, 408.
Хюнервассеръ, 560.
Царское-Село, 127.
Цастровъ, 180, 184.
Цахъ, 142.
Цвейнау, 297.
Цвифальтенъ, 145.
Цейлонъ, 148.
Целесирія, 431.
Цизальпійская респ., 113, 142, 150.
Циллеръ, 396.
Цислейтанія, 550, 577, 578, 625, 626, 658, 659.
Цнаймъ, 212.
Цугъ, 119, 426, 634.
Цукельгаузенъ, 296, 297.
Цумалакарегуи Томасо, 408.
Цюрихъ, 133, 390, 516.
Чайслгерстъ, 622.
Чарльстонъ, 573.
Чарнова, 182.
Чарторійскій Адамъ, 397.
Чевкинъ, 665 (портретъ).
Черкасскій, 531; портретъ, 531.
Черная, 491.
Черногорія, 524, 570, 636, 638, 641, 645, 647, 648.
Черное море, 484, 488, 492, 629.
Черняевъ, М. Г., 568 538, 639; портретъ.
Чернышевъ, 263, 290.
Черчъ, 366.
Чечня, 527.
Чивита-Веккія, 471, 480, 578, 579.
Чіальдини, 512, 519.
Чортовъ мостъ, 133.
Чава 371.
Шалонъ на-Марнѣ, 36, 307, 591, 594.
Шалье, 71.
Шамборъ, 623, 624; портретъ, 623.
Шамиль, 429, 527, 528, портретъ, 430.
Шампаньи, 56.
Шампиньи, 607.
Шампіонне, 126.
Шампоберъ, 307.
Шангарнье, 473.
Шанзи, 608.
Шантелозе, 384, 412.
Шареттъ, 101, 102, 112.
Шарлеруа, 318.
Шарлотта, дочь Фридриха-Вильгельма III (жена Николая I), 393.
Шарлотта, жена Іоанна VI Португ., 356.
Шарлоттенбургъ, 180.
Шарнгорстъ Герардъ - Давидъ, 200, 258, 260—262, 277, 281, 282; портретъ, 278.
Шассе, 387, 388.
Шастелеръ, 205, 207.
Шателино, 68, 74.
Шателэ, 54.
Шатильонъ, 308.
Шатобріанъ, 153, 375.
Шато-Тьерри, 307.
Шауенбургъ, 119.
Шаумбургъ-Липпе, 394.
Шафгаузенъ, 132, 197, 390.
Швабія, 108, 129, 160, 167.
Шварцвальдъ, 108.
Шварценбергъ Карлъ-Филиппъ, 232, 254, 275, 278, 284, 285, 293, 295, 298, 306—308, 310; портретъ, 284.
Шварценбергъ, Феликсъ, 456, 467, 480, 484, 489, 507; портретъ, 457, 576.
Швейншедель, 560.
Швейдницъ, 183, 278.
Швейцарія, 63, 66, 118, 129, 132, 158, 166, 217, 325, 326, 390, 426, 446, 477, 510, 522, 566, 615, 633, 634, 635.
Шверинъ, 511, 537.
Швехатъ, 456.
Швеція, Шведы, 96, 146, 158, 184, 188, 193, 202, 203, 217, 231, 232, 264, 277, 278, 325, 327, 446, 466, 566, 633, 662.
Швицъ, 119, 390, 426
Шеллингъ, 198.
Шельда, 213, 388.
Шенбруннъ, 164, 168, 175, 207, 213—215.
Шенкендорфъ Максъ, 277.
Шенфельдъ, 296, 297.
Шенъ, 256.
Шереръ, 130, 131.
Шериданъ, 102.
Шиллеръ, 40, 195, 198; портретъ, 196.

Шилль Фердинандъ, 184, 208, 209; портретъ, 208.
Шиммельпфенингъ, 157.
Шипка, 640, 641.
Шлезвигъ, 325, 425, 426, 452, 466, 482, 510, 543, 544, 545, 546, 548, 550, 563.
Шлейермахеръ Даніилъ-Фридрихъ, 201; портретъ, 201.
Шлейермахеръ, Фридрихъ-Эрнстъ-Даніилъ, 340.
Шлейя, 546.
Шлейштадтъ, 607.
Шмерлингъ Антонъ, 449, 458, 532, 540, 550, 576.
Шнейдеръ, 213.
Шолье, 74.
Шометтъ Анаксагоръ, 78, 85.
Шомонъ, 309.
Шоненъ, 384.
Шпандау, 179.
Шпейеръ, 56.
Шпекбахеръ Іосифъ, 205, 213.
Шпингель фонъ-Дезенбергъ, Іосифъ-Антонъ, 340, 394.
Шпильбергъ, 349.
Шпихернъ, 588, 590.
Шпрее, 269.
Штаде, 264.
Штапсъ Фридрихъ, 214.
Штаргардъ, 210.
Штейбъ Іосифъ, 205.
Штейермаркъ, 167.
Штейнмецъ, 588.
Штейнъ Карлъ, 176, 179, 189, 198, 200, 202, 210, 221, 256—258, 260, 266, 304, 336; портретъ, 199.
Штейнъ, м., 164.
Штерцингеръ, 205.
Штетинъ, 179, 198, 270, 302, 588.
Штеттерицъ, 296.
Штирингъ, 590.
Штирія, 112, 143.
Штокахъ, 129, 142.
Штральзундъ, 208.
Штраусъ-Давидъ-Фридрихъ, 420.
Штутгартъ, 339, 460, 588.
Штюнцъ, 297.
Шуаны, 101, 102, 112.
Шубинъ, 244.
Шуленбургъ-Кенертъ, 179.
Шумла, 368.
Эбердинъ, 433, 484, 489, 499.
Эбро, 190, 193.
Эвора, 407.
Эгейскій архипелагъ, 358.
Эгеръ, 161.
Эгильонъ, 27
Эгмюль, 206.
Эдинбургъ, 101.
Эйдеръ, 450.
Эйзенахъ, 337, 533.
Эйнзидель, 119.
Эйхгорнъ, 420; портретъ, 421.
Эйхштадтъ, 145.
Экернфіордъ, 463.
Эккенфердъ, 550.
Эксъ, 16.
Элиза, сестра Наполеона I, 157, 169.
Эллада, Эллины, см. Греція, Грекп.
Элленборо, 433.
Эль-Аришъ, 134, 147.
Эльба, 175, 189, 217, 264, 266, 268, 278, 285, 289—291, 312, 317, 466, 560, 561.
Эльберфельдъ, 390.
Эльвангенъ, 145.
Эльзасъ, 42, 48, 65, 80, 304, 376, 602, 613, 617.
Эльзасхаузенъ, 589.
Эльстеръ, 293, 296, 298.
Эльсфлетъ, 213.
Эльхингенъ, 161.
Эмбабея, 121.
Эмилія, 517.
Эмсъ, 101, 217, 585.
Эна, 36, 309.
Энгельгардъ, 244.
Энгенъ, 142.
Эни-Загра, 640.
Эниръ, 650.
Эренбрейтштейнъ, 129.
Эрнстъ-Августъ Ганноверскій, 392, 393, 461, 505.
Эрнстъ Кобургскій, 506, 534.
Эрзерумъ, 639.
Эрфуртъ, 179, 202, 303, 463.
Эслингъ, 207.
Эспартеро Бальдомеро, 408; портретъ, 409, 583.
Эспинасъ, 498.
Этожъ, 307.
Этрурія, 189.
Эттенгеймъ, 152.
Эхингенъ, 167.
Эчъ, 143, 513.
Южная Каролина, 572, 573.
Ютландія, 452, 546, 548.
Ягелъ, 546.
Якоби, 196.
Якобсъ, 196.
Янина, 650.
Японское море, 527.
Яссы 96, 358, 524.
Яффа, 134.
Яворъ, 134.
Ѳеодоръ Абиссинскій, 571.
Ѳертотъ, 128.
Ѳессалія, 650.
Ѳессалоники, 357.
Ѳивы, 358.
Ѳоминское, 248.

615 1/4 900.-

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
89237
H-0

